

ПОЛЬША

В XX
ВЕКЕ

ОЧЕРКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ПОЛЬША В XX ВЕКЕ

ОЧЕРКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Москва «ИНДРИК» 2012

Издание осуществлено
при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 12-01-16015д)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Г.Ф. Матвеев, А.Ф. Носкова (отв. ред.), Л.С. Лыкошина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
доктор исторических наук Е.Ю. Гуськова
доктор исторических наук Л.Н. Шишелина

Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ответственный редактор
А.Ф. Носкова. — М.: Издательство «Индрик», 2012. — 952 с.

ISBN 978-5-91674-213-8

Фундаментальная монография на актуальную научную тему написана историками ряда институтов РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и Пермского государственного университета на базе современной отечественной и зарубежной литературы и документов, в том числе новых, из архивов России и Польши. В книге исследуется политическое развитие страны с конца XIX и до начала XXI в. Показаны процесс рождения польских политических движений и партий в борьбе за независимое государство, оформление и эволюция партийно-политической системы от парламентской демократии к режиму «санации» в межвоенное время; представлены политически многоликое движение Сопротивления 1939–1945 гг., противостояние сил в определении границ и облика послевоенной Польши. Значительное внимание уделено роли СССР в решении польского вопроса, включению Польши в сферу его интересов; участию в подавлении подполья, содействию властной гегемонии коммунистов и созданию системы народной демократии. Рассмотрены монополизация власти коммунистами и особенности режима советского типа, попытки его демократизации, причины и итоги кризиса 1956 г., переход ПОРП к авторитарным методам управления, специфика курса партии в 60–70-е гг.; показаны рождение движения «Солидарность», его внутренняя эволюция, особенности продвижение Польши от государственного социализма к демократии западного образца в конце XX в.

ISBN 978-5-91674-213-8

© Коллектив авторов, текст, 2012
© Оформление. Издательство «Индрик», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям XXI века	12–14
-----------------------------------	--------------

Раздел I **ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ НЕВОЛИ**

Очерк I. Поиск новых путей к независимости	17–43
---	--------------

I.1. Польские земли на рубеже веков	17–20
I.2. Формирование новой политической сцены	20–29
I.3. Революция 1905–1907 гг.	29–43

Очерк II. Канун великой войны.

Россия и польский вопрос	44–68
---------------------------------------	--------------

II. 1. Борьба за язык и умы в Царстве Польском	44–52
II.2. Борьба за язык и землю в Германии	52–57
II.3. Политическая жизнь на польских землях Австро-Венгрии (Галиция)	57–68

Очерк III. Великая война и

судьбы польского вопроса	69–94
---------------------------------------	--------------

III.1. Довоенные концепции решения польского вопроса: проверка практикой	69–79
III.2. Поворот в истории польского вопроса (ноябрь 1916 – март 1917 г.)	79–84
III.3. На пути к окончательному решению польского вопроса	84–94

Примечания	95–104
-------------------------	---------------

Раздел II **ВТОРАЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ** **(1918–1939)**

Очерк I. Конституирование

Польской республики 1918–1923 гг.	107–138
---	----------------

I.1. Становление институтов государственной власти: правительство, начальник государства, парламент, армия	107–116
I.2. Политическая система периода учредительного сейма	116–119
I.3. Борьба за международно-правовое признание Польши и ее границ	119–134

СОДЕРЖАНИЕ

И.4. Конфликт между Ю. Пилсудским и парламентом по вопросам внешней и военной политики. Конституция 1921 г.	134–138
Очерк II. Польская демократия образца 1921 г. в действии	139–163
II.1. Первый кризис режима парламентской демократии	139–145
II.2. Начальный этап становления «польского большинства» в сейме	145–156
II.3. От правительства национального единства к государственному перевороту 1926 г.	156–163
Очерк III. На пути к квазипрезидентской республике	164–197
III.1. Легитимизация режима «санации» и корректировка политической системы	164–172
III.2. Борьба за овладение парламентом.....	172–182
III.3. Начальный этап консолидации оппозиции.....	182–197
Очерк IV. Политическая система режима «санации»	198–219
IV.1. Подчинение парламента и плоды триумфа «санации»	198–209
IV.2. Решение конституционного вопроса.....	209–214
IV.3. Внешнеполитический маневр Пилсудского.....	214–219
Очерк V. Польша после Пилсудского	220–243
V.1. Общественное фиаско «санации». Перегруппировка политических сил	220–234
V.2. Зигзаги внешней политики	234–243
Примечания	244–258
 Р а з д е л I I I ВОЕННЫЕ ГОДЫ: ОТ СЕНТЯБРЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ К ОСВОБОЖДЕНИЮ И ВОЗРОЖДЕНИЮ СТРАНЫ (1939–1945)	
Очерк I. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г.: Военно-политическое поражение «санации». Правительство в эмиграции. Организация сопротивления	261–314

I.1. Накануне нападения Германии	261–273
I.2. Сентябрьская катастрофа: политические последствия и территориальные потери	273–285
I.3. Польские земли под властью гитлеровцев: оккупационный режим, германизация, депортации, террор	285–293
I.4. Правительство в эмиграции: политический облик, организация сопротивления, международное взаимодействие	294–304
I.5. Западная Украина и Западная Белороссия: советизация, деполонизация власти, репрессии	304–314

Очерк II. Июль 1941–1943 г. Советско-польские отношения.

Консолидация левых сил. Размежевание в подполье.

Конференция в Тегеране	315–367
-------------------------------------	----------------

II.1. Советско-польские отношения: декларации, противоречия, интересы	315–327
II.2. Правительственные подпольные структуры. Армия Крайова и переход к боевым действиям	328–340
II.3. Консолидация левых организаций. ППР и попытка объединения подполья	340–351
II.4. Разрыв отношений Москвы с правительством Польши. Перемены в подполье. Польский вопрос на конференции в Тегеране	352–367

Очерк III. СССР и оформление `левой альтернативы.

Противостояние в борьбе за власть и границы

(1943 – январь 1945 г.)	368–420
--------------------------------------	----------------

III.1. Польская эмиграция в СССР: общественно-политические и военные организации	368–380
III.2. Весна 1944 г.: тактика «лондонского» правительства и шаги Москвы	380–391
III.3. Решающее лето: КРН в Москве, встречи в Лондоне, создание ПКНО	391–399
III.4. Варшавское восстание: обреченность замысла, героизм повстанцев. Советско-англо-польские переговоры	399–413
III.5. Положение на освобожденных землях. От ПКНО к Временному правительству	413–420

Очерк IV. От Временного правительства

к правительству национального единства и

международному признанию (январь–август 1945 г.)	421–465
---	----------------

IV.1. Освобождение; ситуация в стране. Польские проблемы на конференции в Ялте	421–438
---	---------

IV.2. Реализация Ялтинских договоренностей. Польский аспект конференции в Потсдаме	439–465
Примечания	466–479
 Раздел IV ОТ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ К СТАЛИНИЗМУ. КРИЗИС 1956 Г. И ПОПЫТКИ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ (1945–1959)	
Очерк I. Режим народной демократии: замыслы и реальность (лето 1945 – 1947 гг.)	483–540
I.1. Новая политическая «сцена»: правящая коалиция и оппозиция	483–502
I.2. Проба сил: избирательный блок и референдум	502–513
I.3. ППР–ППС: политические противоречия. Выборы в сейм	514–527
I.4. «Закат» ПСЛ. «Польский путь к социализму»	527–540
Очерк II. От политической гегемонии ППР к монопольной власти ПОРП (1947–1948 гг.)	541–562
II.1. Начало холодной войны. Создание Коминформбюро и перемены в курсе ППР	541–549
II.2. На пути к объединению ППР и ППС. Отставка В. Гомулки и создание ПОРП	549–562
Очерк III. Сталинизм в польском варианте (1949–1953 гг.)	563–622
III.1. Властная монополия ПОРП. Формирование правящего слоя. Конституция 1952 г.	563–579
III.2. Политические репрессии: инструмент устрашения общества и большевизации ПОРП	580–600
III.3. Государство и Польская римско-католическая церковь: от содействия возрождению к конфронтации и присяге на верность власти	600–622
Очерк IV. Общественно-политический кризис 1956 г. и попытки десталинизации (1953–1959 гг.)	623–668
IV.1. Предкризисная ситуация: «брожение умов»	623–630

IV.2. XX съезд КПСС. Начало перемен. Беспорядки в Познани. VII пленум ЦК ПОРП	630–638
IV.3. Политический перелом: VIII пленум ЦК ПОРП и встреча в Бельведере	638–647
IV.4. После кризиса: попытки десталинизации. Выборы в сейм	647–660
IV.5. Рост недовольства. Перемены в церковной политике государства. Советско-польские переговоры	660–668
Примечания	669–682
 Раздел V	
СОЦИАЛИЗМ ЭПОХИ ВЛАДИСЛАВА ГОМУЛКИ И ЭДВАРДА ГЕРЕКА (1960–1970-е)	
Очерк I. Политическая ситуация в стране в 1959–1967 гг.	685–700
I.1. Ужесточение политики ПОРП на рубеже 1950–1960-х годов. Наращение оппозиционных настроений среди творческой интеллигенции	685–690
I.2. Политика Гомулки по отношению к католической церкви	690–694
I.3. Группировки в руководстве ПОРП	694–698
I.4. Экономическая политика и социальные проблемы	698–700
Очерк II. Кризис 1968 г.: студенческий бунт, репрессии, «кадровая революция»	701–722
II.1. Мартовские события 1968 г. и их последствия	701–712
II.2. Гомулка и «пражская весна»	712–714
II.3. Советско-польские отношения	714–722
Очерк III. Конец эпохи В. Гомулки	723–741
III.1. Подспудная борьба за власть в 1969–1970 гг.	723–727
III.2. Механизмы осуществления власти	727–730
III.3. Декабрьские события 1970 г.	730–741
Очерк IV. На волне морально-политического подъема (1971–1976 гг.)	742–769
IV.1. Новый политический стиль Э. Герек.	742–745
IV.2. Новая концепция развития Польши. Формирование «команды»	745–748

IV.3. По пути успехов	749–752
IV.4. Появление первых трудностей	753–759
IV.5. Отношения Герека с католической церковью	759–761
IV.6. Настроения оппозиционной интеллигенции	761–765
IV.7. Советско-польские отношения	765–769
Очерк V. Трудное пятилетие (1976–1980 гг.)	770–796
V.1. Драматические события июня 1976 г.	770–775
V.2. Нарастание трудностей	775–780
V.3. Зарождение внесистемной оппозиции	780–785
V.4. Накануне нового взрыва	785–796
Примечания	796–804

Р а з д е л V I

НА ПУТИ ОТ СОЦИАЛИЗМА

К ДЕМОКРАТИИ

(80-е годы XX –

начало XXI в.)

Очерк I. «Солидарность»:	
легенда 80-х и реальность	
(1980–1989 гг.)	807–855
I.1. Становление «Солидарности».	
Противостояние власти и профсоюза	807–817
I.2. ПОРП: попытки сохранить позиции	817–819
I.3. Первый съезд «Солидарности»:	
выработка программы действий	820–824
I.4. Введение военного положения.	
«Солидарность» в подполье: поиски новой тактики борьбы	825–832
I.5. Трудное сближение власти и оппозиции	833–839
I.6. Польская «революция», или «круглый стол»	839–855
Очерк II. Движение «политического маятника»	
(90-е годы XX в. – начало XXI в.)	856–904

II.1. Взрыв многопартийности. Несолитарная «Солидарность».	
Выборы 1990 г.	856–859
II.2. Формирование партийной системы и	
парламентские выборы 1991 г.	860–865
II.3. Горькие плоды политического плюрализма.	
Парламент в 1991–1993 гг.	865–868
II.4. «Новые левые» в новой Польше	869–875

II.5. Движение политического маятника вправо. Парламентские выборы 1997 г.	875–878
II.6. Левица вновь во власти	878–884
II.7. Правый поворот. «Гражданская платформа» — партия прагматиков	884–890
II.8. Партия «Право и справедливость» и «польско-польская война»	890–894
II.9. Левица в оппозиции	894–896
II.10. Популизм в политической жизни Польши	896–901
II.11. Президентские выборы 2010 г.	901–904
Очерк III. Геополитические приоритеты	
Республики Польша	905–923
III.1. Российско-польские отношения на рубеже веков	905–915
III.2. Польша на пути в ЕС и НАТО	915–920
III.3. Польша в региональном сотрудничестве	920–923
Примечания	924–929
Именной указатель	931–950

Россия и Польша. Польша и Россия. Две славянских страны и два народа веками жили рядом. Мы были и остаемся соседними государствами на карте Европы, хотя сегодня общая граница между нами сократилась с многих тысяч до нескольких сотен километров. У нас богатая общая история. Были времена мирного сосуществования и жестоких междоусобных войн, времена соперничества национально-государственных и геополитических проектов, борьбы за влияние и переделов лежащих между нами территорий. История знала и польские походы на Москву, и участие царской России в разделе Польши в XVIII в., а в XX в. — признание польской государственности революционной Россией, соучастие двух стран в разделе Германии после Второй мировой войны. Мы создали близкие, но, по сути, разные культуры, у каждого народа — особый национальный менталитет. Мы во многом очень похожи друг на друга, что облегчает нашу дружбу на индивидуальном уровне, и в тоже время резко различаемся социальной психологией, видением места и роли своих стран в Европе и мире. Выявление этого сходства и одновременно глубинной непохожести друг на друга — одна из главных задач, которую пытались решить участники авторского коллектива.

Мы исходили из данности, что на любом хронологическом отрезке общественные настроения в России и Польше непрерывно испытывают воздействие менее или более важных событий в стране и мире. Представляя симбиоз рационального и иррационального, эти настроения динамичны, переменчивы, постепенно могут превращаться в осознанные и устойчивые позиции, порой же больше похожи на общественные вкусы или предпочтения. Но при любой историко-политической «погоде» неизменным оставался и остается взаимный интерес друг к другу, к образу жизни, культуре, истории, прошлому и будущему развитию. Этот интерес к Польше и полякам в России и, насколько мы чувствуем, к России и русским в Польше — факт нашей действительности. Он порождает в наших обществах многочисленные вопросы, дискуссии, претензии и споры, как о прошлом, так и о причинах столь непростых сегодня российско-польских отношений. Именно для того, чтобы дать отечественному читателю объективную и корректную информацию и тем удовлетворить существующий общественный запрос на знания о Польше, собрался наш авторский коллектив.

Не стремясь объять необъятное, мы сделали выбор в пользу политической истории польского народа и государства. Основные вопросы, споры и суждения, нередко острые, вызывает в первую очередь XX век. И это понятно: живы поколения бывших советских, ныне российских, граждан, прошедших этот век вместе со своей страной. На личностном и коллективном уровнях сформировались и продолжают уточняться образы событий, в особенности таких переломных, затронувших и судьбы поляков, как революции 1905 и 1917 гг., распад Российской империи и приход ей на смену Советского Союза, Великая Отечественная война, неоднозначно воспринимаемые итоги Второй мировой войны, послевоенные десятилетия в СССР и странах Восточной Европы, крах социалистической системы, мирный «развод» советских союзных республик, привыкание к жизни в иных социально-экономических условиях и новых государственных

границах. В исторической памяти народов современной России, определяемой этой чередой событий, грандиознейших по своим масштабам и последствиям, есть сегмент, занимаемый польской историей, представления о которой далеко неоднозначны.

Казалось бы, «архивная революция» в России, расширив доступ к ранее совершенно секретным и тщательно оберегаемым от дотошных исследователей документальным материалам по истории советского общества и взаимоотношений СССР и Польши, должна была снять многие вопросы. Но оказалось, что многочисленные публикации документов «инстанций» и «служб», давая ответы на одни вопросы, одновременно порождая новые. Сегодня в российской историографии и в особенности в околонаучной и псевдонаучной публицистике не только муссируются старые, порой несколько отретушированные мифологемы, но и создаются новые. В историческом багаже общества бытуют различные, нередко прямо противоположные оценки важнейших событий польской истории и политики нашего государства в отношении Польши в разные периоды ушедшего века. Много сказано правды, но не меньше наговорено и написано неправды или полуправды. Чтобы дать материал к размышлению тем читателям, кому безразлично прошлое, мы решили написать книгу, обращенную к широкой читательской аудитории, ко всем интересующимся не только польской, но и теснейшим образом связанной с ней отечественной историей.

В книге освещены основные вехи истории Польши в XX в.: польские земли в начале столетия и период Первой мировой войны, восстановление Польского государства, межвоенное время, когда страна называлась II Республикой (II Речью Посполитой), годы Второй мировой войны и оккупации, освобождение и переход к мирной жизни, Польская Народная Республика, III Республика и начало XXI в. Авторы старались показать как позитивное содержание советско-польских и российско-польских отношений, так и раскрыть, объяснить многие сложности в межгосударственных контактах.

Сосредоточив основное внимание на изучении политической области, мы, по мере необходимости, касались сюжетов экономической истории и социальной жизни, культуры, особенностей массового сознания.

В состав авторского коллектива, решившегося на реализацию этого непростого замысла, вошли историки-полонисты из институтов Российской академии наук, МГУ имени М.В. Ломоносова и Пермского государственного университета. Мы вовсе не преследовали цель «закрыть» все лакуны и дать категоричные ответы на постоянно возникающие вопросы польской истории XX в. Отдав многие годы профессиональному изучению истории страны, ставшей нам близкой, мы стремились, приводя накопленный конкретно-исторический материал, прояснить смысл тех событий, которые вызывают сегодня порой острые дискуссии, влияющие на отношения наших стран. Выступая как коллектив научных единомышленников по принципиальным вопросам истории Польши, мы высказываем собственные суждения и оценки развития исторического процесса в текстах «своих» разделов и очерков.

Авторский коллектив считал возможным обойтись без анализа и представления историографической ситуации, как в Польше и за ее пределами, так и в России, полагая, что это не столь необходимо для широкой читательской аудитории, а для специалистов может быть предметом отдельного научного исследования. Еще одно важное замечание: отдавая отчет в той существенной роли, какую играла польская политическая эмиграция на отдельных этапах исторического процесса, в ее влиянии на настроения в

Польше XX в., мы тем не менее раскрывали эту проблему лишь тогда, когда эмигрантские круги и политические структуры признавались на международной арене представителями польского народа или государства.

В монографии шесть разделов, охватывающих главные исторические этапы политического развития Польши. Они в свою очередь состоят из проблемно-хронологических очерков, которые имеют свою внутреннюю структуру. Авторами I раздела являются: к.и.н М.А. Крисань (очерк I), д.и.н. М.А. Булахтин (очерк II) и д.и.н. Г.Ф. Матвеев (очерки I, III). Раздел II полностью написан Г.Ф. Матвеевым. Раздел III подготовили д.и.н. В.С. Парсаданова (очерки I–III) и д.и.н. А.Ф. Носкова (очерк IV). Раздел IV написан А.Ф. Носковой (очерки I–III) и к.и.н. А.М. Ореховым (очерк IV). Автором раздела V является к.и.н. Н.И. Бухарин. Авторство раздела VI принадлежит д.и.н. Л.С. Лыкошиной. Указатель имен подготовили м.н.с. А.С. Гладышева и к.и.н. Е.Б. Лопатина. Научно-техническая работа выполнена н.с. М.И. Леньшиной.

Настоящая работа завершает серию книг по истории славянских стран в XX в., подготовленных при участии научных сотрудников Института славяноведения РАН. К настоящему времени вышли из печати «Болгария в XX веке. Очерки политической истории» (М., 2003), «История Чехии и Словакии» (М., 2005) и «Югославия в XX веке. Очерки политической истории» (М., 2011).

Раздел I

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ НЕВОЛИ

I.1. ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Политическая история польского народа в XX в. уходит корнями в период конца XIX столетия, когда на карте мира Польша отсутствовала как суверенное государство. И даже названия областей, среди жителей которых поляки составляли большинство, не указывали на их польский характер. От некогда существовавшего Польского королевства (Короны) остались лишь австрийская Галиция, прусская Познанщина и русский Привислинский край. На неофициальном уровне, чтобы облегчить государственную идентификацию, их называли польскими землями Австро-Венгрии, Германии и России соответственно. В России Привислинский край в конце XIX в. мог обозначаться в прессе и публицистике как Царство Польское, Царство, Королевство, Конгрессовка, Конгрессовая Польша, русская Польша, иногда и просто Польша.

Понятие «польские земли» использовалось и самими поляками, но смысл в него они как правило вкладывали иной, нежели австрийцы, русские, немцы и др. иноземцы. Для поляков ими были этнически польские области Речи Посполитой, оказавшиеся в составе Австрии, Пруссии и России, которые в последней трети XVIII в. разделили между собой это многонациональное государство. В польской же общественно-политической мысли XIX — начала XX в. и в обыденном сознании поляков польскими были вообще все земли, которыми владела I (шляхетская) Речь Посполитая Обоих Народов на момент ее первого раздела в 1772 г.¹

В состав I Речи Посполитой помимо Польского королевства (Короны) входило Великое княжество Литовское, включившее в XIII–XIV вв. в свои границы значительную часть территории Киевской Руси. Ссылаясь на это, Россия, считавшая себя единственной полноправной наследницей Древнерусского государства, в ходе трех разделов своей западной соседки (в 1772, 1793 и 1795 гг.) присоединила области с восточнославянским населением, среди которого проживали и поляки — правда, за исключением отдельных анклавов, в явном меньшинстве. Эти области были превращены в губернии Российской империи, называемые вначале «бывшими польскими землями» или «польскими губерниями», а впоследствии объединенными в Западный край. Он состоял из 9 губерний, 3 из которых относились к Юго-Западному краю, а 6 — к Северо-Западному. Эти земли носили также название «кресы», т. е. окраины. После разделов поляки стали называть их «забранными», т. е. отобранными Россией².

Согласно территориальным постановлениям Венского конгресса 1815 г., Россия, сохранив более ранние приобретения, получила на правах личной унии большую часть Короны, с Варшавой включительно. Так в ее составе появилось автономное Царство Польское, которому Александр I в 1816 г. даровал конституцию. Привилегированное положение Царства Польского сохранялось недолго. В 1830 г. там вспыхнуло восстание (Ноябрьское), в январе

* Подготовка материала М.А. Крисань была осуществлена при поддержке фонда Muzeum Historii Polski (Польша).

1831 г. польский сейм низложил российского императора Николая I с польского престола, а польская армия вторглась в «забранные» земли с целью их возвращения и восстановления Польского государства. Начавшаяся польско-русская война за территории была Варшавой проиграна. Русское правительство, исходя из того, что теперь оно владеет Царством Польским не по международному договору, а по «праву меча», ускорило начавшийся еще до восстания процесс свертывания автономии. Окончательно он был завершен после польского восстания 1863–1864 гг. (Январского). И на этот раз повстанцы, не обращая внимания на этнический состав населения Западного и Юго-Западного краев Российской империи, попытались овладеть «забранными» территориями. После подавления этого восстания Царство Польское утратило последние польские автономные органы управления, хотя и не было еще окончательно уравнено в статусе с другими национальными районами европейской части России (кроме автономной Финляндии), его администрация подчинялась не министерству внутренних дел в Петербурге, а варшавскому генерал-губернатору. Вскоре в официальных документах русскую Польшу стали называть Привислинским краем. Но и после 1863 г. в сознании поляков Привислинского края сохранилось стойкое убеждение в их историческом праве на земли, на которые помимо России начинали претендовать зарождавшиеся литовское, белорусское и украинское национальные движения. Последовательно утверждалась идея об исторической связи Великого княжества Литовского и Короны в составе Речи Посполитой Обоих Народов. И даже сегодня пример той Речи Посполитой рассматривается некоторыми как некий прообраз Европейского союза³.

У Пруссии после Венского конгресса оказались западные (Познанское княжество) и северные (Восточное Поморье, Вармия, Мазуры) районы Короны. Если Петербург проводил в Царстве Польском политику государственной интеграции и не пытался менять этнический характер населения с помощью русской колонизации, то Берлин на рубеже XIX и XX вв. последовательно проводил курс на увеличение в своих польских провинциях немецкого элемента. И не только в городах, но и в сельской местности, планируя со временем придать восточным областям рейха преимущественно немецкий характер. Правда, в годы канцлерства Л. Каприви в начале 90-х годов XIX в. наблюдалось некоторое смягчение жесткого курса на германизацию, но оно было продиктовано не какими-то принципиальными соображениями, а отсутствием у правительства устойчивого большинства в рейхстаге, вследствие чего существенно возросла роль 16 польских депутатов. Взамен за поддержку правительства польской фракцией (коло) полякам были сделаны некоторые второстепенные уступки в церковной и образовательной сферах⁴.

В 1894 г. правительство Каприви пало, новый кабинет чувствовал себя уверенно и без поддержки польской фракции. На это же время приходится заметная активизация немецкого националистического движения, духовным лидером которого был Бисмарк. В 1894 г. был создан шовинистический Общегерманский союз, с достаточно сильной антипольской направленностью. В Познани возникло «Общество для поддержки немцев в восточных провинциях», более известное как Гаката (по заглавным буквам фамилий его основателей — Ганземана, Кенемана и Тидемана). Полякам не разрешали проводить манифестации по случаю памятных дат их истории, конфисковывали произведения польских писателей и художников, организовывали бойкот польских товаров и магазинов. Одновременно всячески поддерживалось и поощрялось переселение на восточные земли немцев. В результате уже в 1900 г. в Познани, самом крупном городе Великой Польши, поляки составляли только 55% населения⁵.

Австрии достались польская историческая провинция Малая Польша и Восточная Галиция со смешанным украинско-польско-еврейским населением. В экономическом отношении это были наиболее отсталые области Короны, но зато здесь работали два старинных университета: в Кракове (Ягеллонский) и Львове (Яна Казимира). В эпоху трансформации империи Габсбургов в дуалистическую монархию в 1860-е годы Галиция (так называли земли бывшего Польского королевства в Австрии) вошла в состав Цислейтании на правах автономии. Во Львове заседал краевой сейм и находилась резиденция наместников, которых вплоть до 1915 г. назначали только из поляков. В Галиции поляки доминировали в экономическом, политическом и культурном отношениях. Здесь раньше, чем в других частях разделенной Польши начали возникать политические партии и появились польские коло в краевом сейме и венском рейхсрате. Представители польской аристократии беспрепятственно делали карьеру в армии, при дворе и в государственном аппарате двуединой монархии. Положение поляков в Австрии было предметом зависти их соплеменников в Германии и России, но «польским Пьемонтом» Галиция не стала, подлинным центром польской национальной жизни являлось Царство Польское.

Польские земли вступили в эпоху промышленной революции одновременно с владевшими ими империями, Царство Польское — даже несколько раньше. В 40–60-е годы XIX в. в них были проведены аграрные реформы, открывшие путь рыночным отношениям в сельском хозяйстве и созданию массового потребителя индустриальной продукции⁶. Бурно шел процесс урбанизации, оставивший свой след в облике польских городов: целые кварталы в них застроены зданиями в модном в те годы стиле сецессион. В прусских землях заметно менялся также облик сел: в них все больше жилых и хозяйственных построек возводилось из характерного красного кирпича и крылось красной черепицей. К началу XX в. успешнее в экономическом отношении развивались польские земли в составе Германии и России.

Существенные изменения произошли в социальной структуре польского общества: между 1870 и 1890 гг. появился пролетариат, пополнявшийся главным образом выходцами из деревни. Основная масса крестьян влилась в ряды промышленного пролетариата около 1890 г., что явилось следствием стремительной индустриализации и урбанизации. Лишь в нескольких старых промышленных центрах, например в Варшаве, сложились настоящие рабочие династии, история которых прослеживалась до третьего поколения⁷. По словам А. Жарновской, миграция сельского населения в промышленные центры стала «одним из основных явлений, сопутствующих индустриализации, определяющих современную урбанизацию и создание рынка труда в Царстве Польском»⁸. Крестьяне шли на заработки в близлежащие промышленные центры. Так, рабочие Домбровского бассейна были в основном из крестьян Келецкой губернии, лодзинская промышленность притягивала жителей Калишской и Петроковской губерний, а в Варшаву стремились на заработки крестьяне восточных районов и западной части Мазовии⁹. Сельское население, направлявшееся в старые города со сложившейся городской культурой (Варшава, Калиш), быстрее адаптировалось и растворялось в местных сообществах. В недавно возникших городах, чье развитие шло вместе с расширением производства (Лодзь, Заверце), или промышленных поселках (Жирандов, Сосновец) мигранты сохраняли тесные связи с деревней и в любой момент могли туда вернуться¹⁰. Согласно данным за 1904 г., мелкие предприятия (до 50 работников), которых в

Царстве Польском насчитывалось около 3 тыс., обеспечивали занятость 15% всех рабочих, а 115 крупных фабрик (с числом работающих более 500 человек) — 55% всего промышленного пролетариата. Его основная часть — более 70% — была трудоустроена в Лодзинском (30,5%), Домбровско-Ченстоховском (21,5%) и Варшавском (18,5%) промышленных округах¹¹. Из этого следует, что более 50% рабочих крупных предприятий сохраняли тесные связи с деревней.

Сходные процессы оттока рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность наблюдались также в польских землях Германии, прежде всего в Верхней Силезии. Часть избыточного населения, особенно в Галиции, Великой Польше и Поморье находила для себя занятие в крупных поместьях в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих. Повсеместным явлением были миграция в другие области империй или эмиграция в Западную Европу и за океан — в США, Канаду, Латинскую Америку, Австралию. В России трудно было найти губернский город без прочно обосновавшейся польской колонии.

Успехи в области индустриального развития потребовали увеличения числа лиц интеллигентских профессий для работы на предприятиях, в государственном аппарате, учебных заведениях и т. д. Ряды образованного сословия пополняли не только представители шляхты, но и разночинцы, а также евреи, порывавшие с традиционными замкнутыми общинами (кагалами), в которых жила эта этническая группа. По численности евреи были второй на польских землях национальной группой после поляков, а среди жителей ряда местечек Царства Польского и Галиции составляли абсолютное большинство.

I.2. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНЫ

Новые веяния наметились в общественно-политической жизни. Шляхетский революционаризм, ставивший целью возрождение Речи Посполитой главным образом путем вооруженного восстания, после поражения 1864 г. постепенно терял свою прежнюю привлекательность. Пришедший ему на смену позитивизм, предлагавший программу органического труда, накопления богатства, лояльности иноземной государственной власти, быстро исчерпал свой изначально небольшой мобилизационный потенциал. В середине 1880-х годов вопросом о дальнейших путях развития польского народа задалось новое поколение интеллигенции, не отягощенное памятью поражения Январского восстания и разочаровавшееся в позитивизме¹².

Именно это поколение, главным образом студенческая молодежь и молодые интеллигенты, обратило внимание на выходившие на политическую сцену новые общественные силы — пролетариат, буржуазию и пореформенное крестьянство. К этому времени польское рабочее движение прошло определенную школу борьбы за свои экономические права. Первая крупная стачка под экономическими лозунгами прошла в Варшаве весной 1871 г. В том же году бастовали еще несколько заводов Варшавы и других городов Царства Польского, а также силезского Хожува. С этого времени стачки стали привычным оружием в борьбе рабочих с работодателями за улучшение условий труда и повышение его оплаты.

К началу XX в. на польских землях произошло оформление политических партий нового типа. История их создания в Царстве Польском укладывается в схему, предложенную Т. Шаниным для России¹³. Движения начинались с небольших групп, организовывавших кружки для обсуждения политических вопросов и пытавшихся распространять разделявшиеся ими идеи. В случае, если членам этих кружков удавалось на ранней стадии их существования избежать ареста и ссылки, они устанавливали контакты с единомышленниками, расширяя тем самым сферу своей деятельности. Следующим этапом становилось создание партии. Главным при этом было учреждение собственного печатного органа, представлявшего альтернативную официальной картину действительности, выдвижение лидеров, интеграция разрозненных групп. Завершался процесс созывом съезда, на котором определялись состав руководящего центра, нормы внутрипартийных отношений и идеологическая платформа.

В начальный период формирования социалистического, национально-демократического (эндецкого) и крестьянского (людовского) движений между ними существовала достаточно зыбкая граница, не мешавшая перетеканию идей, некоторой кооперации усилий, переходу их участников из одного лагеря в другой. Основным вопросом для всех движений было определение, во-первых, своей позиции по вопросу о путях, средствах и методах обретения Польшей независимости, во-вторых, отношения к другим политическим лагерям и национальным движениям.

Первые польские революционные кружки появились в 1870-е годы, первоначально в Петербурге и Киеве. Входившие в них студенты испытали сильное влияние радикальных народнических организаций России. Со второй половины декады начался длившийся около 20 лет этап поиска польским социалистическим движением идейной идентичности и создания устойчивых организационных форм. Решать эти задачи в Царстве Польском пришлось в нелегальных условиях, в атмосфере правительственного террора, непрерывных арестов, вынужденной эмиграции. На этом пути важными вехами стало основание в 1882 г. Людвиком Варыньским первой на польских землях рабочей партии, получившей название Всемирной революционной партии «Пролетариат» (известна в литературе как I (Великий) «Пролетариат»). В ее программе подчеркивался антагонистический и международный характер классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, наметился отход от анархистских идей, характерных для народовольческого движения, в качестве конечной цели называлось создание социалистического государства. В программе-минимум говорилось о борьбе за демократические свободы, равноправие женщин, обязательное всеобщее школьное образование, отделение церкви от государства. Осуждался национальный гнет, однако о создании польского независимого государства напрямую не говорилось. Партии удалось организовать собственную тайную типографию и наладить издание газеты «Пролетариат», листовок и воззваний. В сентябре 1883 г. Варыньский был арестован. Сменивший его С. Куницкий, связанный с «Народной Волей», пропагандировал тактику индивидуального террора. Летом 1884 г. аресту подверглось порядка 200 человек, 29 из них ждал военный трибунал. В 1885 г. на «процессе 29» Варыньского приговорили к 16 годам каторги, он умер в 1889 г. в Шлиссельбургской крепости, Куницкого расстреляли в январе 1886 г. В том же году арестовали последних членов партии, возглавлявшейся М. Бохушевич.

Несмотря на репрессии, разрозненные социалистические кружки продолжали действовать, главным образом в Варшаве и Вильно, а также среди польских студентов высших учебных заведений империи. Необходимой литературой их обеспечивали эмигранты, группировавшиеся вокруг журналов «Пшесвит» и «Валька кляс», издаваемых С. Мендельсоном.

В 1888 г. Л. Кульчицким и М. Каспшаком была создана Польская социалистическая рабочая партия (II «Пролетариат»), придерживавшаяся тактики индивидуального террора. После ее раскола в 1891 г. возник Рабочий союз под руководством Э. Абрамовского. Эти организации декларировали приверженность традициям I «Пролетариата», в качестве основной цели выдвигали достижение независимости Польши и осуществление социалистической революции.

Летом 1889 г. в Варшаве Юлиан Мархлевский и Людвик Кшивицкий учредили Союз польских рабочих. Эта организация во главу угла ставила экономические требования, решение же политических проблем предлагала отложить на будущее, полагая, что таким образом удастся избежать преследований и получить возможность беспрепятственно работать в пролетарской среде.

В Галиции условия для деятельности социалистических групп были более благоприятными, но и здесь власти чинили всевозможные препятствия движению, ставившему конечной целью построение общества социальной справедливости. В Германии становление польского социалистического движения сдерживалось законами против социалистов, действовавшими с 1878 по 1890 г.

В 1880-е годы на польской политической сцене появился будущий главный антагонист социалистического движения — националистическое течение. Оно ориентировалось на работу не с одним каким-то классом, а со всем польским обществом. В октябре 1886 г. варшавский еженедельник «Глос», на страницах которого публиковались такие известные польские литераторы, как Я. Каспрович, М. Конопницкая, Б. Лесьмян, Э. Ожешко, С. Пишибышевский, Л. Стафф, с тревогой констатировал: «Наше общество после стольких тяжких испытаний переживает период ослабления и апатии, в этой ситуации крайне необходимо пробуждение новых духовных сил».

Своеобразным ответом на призыв стало создание в следующем году З. Балицким в Привислинском крае молодежной организации — Союза польской молодежи (Зет), а в Швейцарии группой эмигрантов во главе с популярным в то время писателем З. Милковским (псевдоним Томаш Еж) — Польской лиги. Огромное влияние на патристическую польскую молодежь оказала брошюра-манифест Милковского «Об активной обороне и национальной казне» (1887), ставшая своего рода «призывом к возрождению польского патриотизма».

В 1888 г. Зет подчинился Польской лиге. Тогда же в варшавской организации Зет появился студент Варшавского университета Роман Дмовский, обративший на себя внимание «экспансивностью натуры, живостью ума, чувством юмора, а также определенной решительностью, смелыми взглядами и умением решать споры»¹⁴. Спустя год Дмовский был уже членом Польской лиги. Лига, планировавшая действовать как на польских землях, так и за границей, в качестве своей основной цели выдвигала «воссоздание Польши в границах, существовавших до разделов, на федеративной основе с учетом национальных отличий»¹⁵. Через год формулировка была изменена — Лига заявляла уже об оказании поддержки самостоятельному развитию народов, прожи-

вавших в границах I Речи Посполитой. Зету, в свою очередь, надлежало стать «школой организационной и политической подготовки и одновременно первым этапом в непрерывном служении обществу в тайных организациях»¹⁶. Основу Польской лиги составляли редакторы и читатели ставшего ее печатным органом уже упомянутого журнала «Глос», а также львовского ежемесячника «Пшеглэнд сполэчны», который одновременно уделял внимание развитию и крестьянского (людовского) движения в Галиции. Свидетельством незавершенности процесса польской политической дифференциации можно считать то, что наряду с будущими национальными демократами, откровенно правой партией, с «Глосом» сотрудничали и сторонники социалистических идей, такие как Л. Кшивицкий или В. Налковский.

Прорывным периодом в развитии польской политической сцены стали 1890-е годы. Стихийно вспыхнувшая весной 1892 г. забастовка в Лодзи («Лодзинский бунт») носила преимущественно экономический характер, ее участники требовали увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения условий жизни и т. д. Кроме того «Лодзинский бунт» сопровождался еврейским погромом. События в Лодзи получили широкую огласку¹⁷. Под их влиянием усилилась тенденция к созданию единой массовой социалистической партии для организации борьбы за смену политического строя и создание независимого польского государства. В ноябре 1892 г. съезд представителей польских социалистических организаций в Париже решил создать Зарубежный союз польских социалистов (ЗСПС) и подготовить проект программы Польской социалистической партии (ППС).

В проекте программы вина за упадок Польши и проигранные национальные восстания возлагалась на аристократию и шляхту, а будущее страны связывалось с «рабочей Польшей», с деятельностью нелегальной массовой партии, способной решать общенациональные задачи, т. е. ППС. В качестве цели партии определялось завоевание пролетариатом власти в независимой демократической Польше, граждане которой будут равны между собой независимо от пола, национальной и религиозной принадлежности. Польская социалистическая партия должна была бороться за завоевание широких демократических свобод, приведение социального законодательства в соответствие с нормами передовых стран Запада. Добиться этих целей планировалось с помощью забастовок и манифестаций. Террор рассматривался в качестве крайней меры. Допускалась возможность сотрудничества только с социалистическими партиями. Поскольку своей деятельностью ППС намеревалась охватить все земли бывшей Речи Посполитой, то первыми ее партнерами должны были стать литовские и украинские социалисты. Важным для партии авторы проекта программы ППС считали ее признание международным социалистическим движением и особенно — выдвижение в качестве первоочередной задачи борьбу за национальную независимость.

Сформулированные в проекте программы политические задачи формально и фактически еще не существовавшей Польской социалистической партии не нашли однозначной поддержки даже в среде польских социалистов. Против включения борьбы за национальную независимость в круг целей социалистов выступила цюрихская группа. Ее лидер Роза Люксембург считала, что, во-первых, это неизбежно приведет к ослаблению борьбы польского пролетариата за социальное освобождение, а во-вторых, сама постановка задачи завоевания независимости в современных условиях утопична, поскольку польские земли уже «органическим образом инкорпорированы» в Австрию,

Германию и Россию. Люксембург также выступала за тесное взаимодействие польских социалистов с единомышленниками в этих государствах. Под давлением данной группы проект программы ППС не был принят.

Но ЗСПС не отказался от создания ППС, особенно в России, где отсутствовали легальные возможности для деятельности организаций социалистического толка. Это удалось сделать в 1893 г. С. Мендельсону в ходе совещаний, проведенных в Варшаве, Вильно, Риге и Петербурге с членами польских социалистических кружков. Именно тогда с Мендельсоном встретился и решил примкнуть к социалистическому движению 25-летний Юзеф Пилсудский, незадолго до этого вернувшийся из сибирской ссылки и мечтавший о будущей независимой Польше. В скором времени он стал одним из лидеров ППС¹⁸.

В рядах Польской социалистической партии с самого начала не было согласия относительно путей достижения независимости Польши. Одни связывали решение польского вопроса с очередным восстанием, которое могло начаться в случае общеевропейского вооруженного конфликта, другие — с общеевропейской социальной революцией¹⁹, а кто-то с либерализацией отношений в разделивших Польшу империях. На начальном этапе организационного и идеологического становления ППС в Царстве Польском ее лидеры допускали возможность сотрудничества с другими демократическими организациями, прежде всего с Национальной лигой и Зет²⁰.

Но постепенно в Польской социалистической партии крепло убеждение, что ее деятельность должна строиться строго на принципах классовой борьбы, в связи с чем компромиссы с другими классами и партиями недопустимы, а члены ППС не могут состоять в других организациях политического характера. Контакты ППС и ЗСПС с Национальной лигой были объявлены наносящими вред интересам партии. Это решение во многом способствовало противопоставлению двух движений. По мере развития организационной структуры ППС все чаще стала позиционировать себя в качестве единственной социалистической партии, имеющей право действовать на землях бывшей Речи Посполитой. Правда, она проявляла готовность к сотрудничеству с литовскими социал-демократами, но отказывалась от взаимодействия со связанным с российскими социал-демократами Всеобщим еврейским рабочим союзом (Бундом), конституировавшимся в 1897 г. Бунд выступал за культурную и национальную автономию еврейского населения в Литве, Польше и России. ППС считала, что деятельность союза мешает борьбе за освобождение Польши и Литвы, а посему вредит интересам польского, литовского и еврейского пролетариата.

II «Пролетариат» и Союз польских рабочих отказались сотрудничать с ЗСПС, назвав программу ППС националистической, поскольку она своей первоочередной задачей считала завоевание независимости Польши, а не социалистическую революцию. В июле 1893 г. Ю. Мархлевский и Р. Люксембург на базе этих двух организаций учредили Социал-демократическую партию (СДП). СДП с самого начала деятельности противопоставила себя ППС, заявив, что рассматривает «программу возрождения Польши как отказ в нынешних условиях от эффективной политической борьбы и отход от целей пролетариата, как долгосрочных, так и ближайших». Политическую линию партии определил I съезд весной 1894 г.: достижение социализма в рамках всемирной революции пролетариата. Тогда же было принято новое название партии — Социал-демократическая партия Королевства Польского (СДКП). Это означало ограничение деятельности Привислинским краем. Важным моментом было выражение солидарно-

сти с рабочим движением России и социал-демократическими партиями других стран. Результаты работы съезда получили высокую оценку Р. Люксембург, особенно за то, что принятая программа была лишена «патриотического налета».

После волны арестов в 1893–1894 гг. деятельность СДКП практически прекратилась. Только в декабре 1899 г. удалось созвать съезд, который принял решение о возобновлении партии и ее переименовании в Социал-демократию Королевства Польского и Литвы (СДКПил). Это означало, что свою деятельность она распространяла и на западные губернии Российской империи. СДКПил сохранила приверженность линии, определенной Р. Люксембург для польского социалистического движения, была против выдвижения лозунгов борьбы за независимость и считала, что польские рабочие в борьбе за свое социальное освобождение должны теснейшим образом взаимодействовать с пролетариатом других стран. Только успешная социалистическая революция, полагали вожди СДКПил, могла решить все проблемы, волновавшие рабочий класс.

Социалистические идеи находили отклик и в других польских землях. В начале 1892 г. во Львове прошел I съезд галицийских социал-демократов, объявивший о создании легальной Социал-демократической партии Галиции, позднее преобразованной в Польскую социал-демократическую партию Галиции и Тешинской Силезии (ППСД). Организационная структура партии начала формироваться после ее II съезда в 1893 г. Одним из ее основателей был Игнаций Дашиньский. В 1897 г. он и второй представитель соцпартии Я. Козакевич были избраны в австрийский парламент, что свидетельствовало о возросшем влиянии социалистических идей в Галиции. Программа-минимум ППСД включала борьбу за улучшение положения рабочего класса, расширение гражданских прав, демократизацию парламентской системы, улучшение условий жизни и труда рабочих. Партия была сторонницей объединения и независимости польских земель.

Осенью 1893 г. в Берлине на I съезде польских социалистов Германии была образована Польская социалистическая партия Пруссии, малочисленная и слабая, до 1913 г. связанная с Социал-демократической партией Германии в вопросах как финансирования своей деятельности, так и участия в парламентских выборах.

Организационную и идейную трансформацию в последней декаде XIX в. переживал и национально-демократический лагерь. В 1893 г. Р. Дмовский с единомышленниками произвел переворот в Польской лиге, преобразовав ее в Национальную лигу. Программа новой организации была разработана Дмовским и в 1895 г. опубликована в виде брошюры под названием «Наш патриотизм». Ее суть сводилась к следующему: «Национальная политика... должна быть общепольской... Каждый поступок поляка независимо от того, где он совершается и против кого направлен, должен осуществляться с мыслью об интересах всего народа». В программе осуждались не только самодержавие, но и те поляки, которые вступили на путь соглашения («угоды») с разделившими Речь Посполитую государствами. Дмовский ратовал за проведение «революционной политики», которая включала бы организацию торжественных шествий по случаю памятных дат и стачек, отказ от уплаты налогов, уничтожение внешних символов русификации, порчу казенного имущества, наказание наиболее рьяных представителей российских властей и предателей национальной идеи, причем применять ту или иную меру следовало в зависимости от ситуации. Главное внимание он предлагал сосредоточить на борьбе с «угодниками».

Из инициатив Национальной лиги наиболее широкую огласку получила манифестация в апреле 1894 г. в связи со 100-летней годовщиной восстания жителей Варшавы под руководством Я. Килинского. Последовавшие вслед за этим аресты ослабили, но не положили конец деятельности Зет и Национальной лиги. Эмигрировавшие в Галицию руководители национальной демократии активно продолжили начатое в Царстве Польском дело, подчеркивая его общепольский характер. Во Львове в 1895 г. стал издаваться печатный орган эндеков — «Пшеглэнд вшехпольский», давший лагерю еще одно название — «вшехполяки». Национал-демократы очень быстро оценили важность работы не только с интеллигенцией и учащейся молодежью, но и с крестьянами и рабочими. С 1896 г. этой массовой аудитории они адресовали журнал «Поляк». В 1899 г. по инициативе Национальной лиги развернуло деятельность нелегальное Общество народного просвещения, затем лагерь пополнился Союзом им. Я. Килинского, действовавшим среди рабочих и ремесленников.

Не оставили эндеки без внимания и польские земли в составе Пруссии, используя для распространения своего влияния недовольство местного польского населения активной политикой германизации. К началу XX в. национальные демократы стали здесь весьма влиятельной политической силой, потеснив консерваторов.

В 1890-е годы на польских землях появилось еще одно политическое течение, ориентировавшееся на работу с массовой социальной базой, — крестьянское (людовское) движение. Его зачинателями и первыми идеологами были интеллигенты. Колыбелью людовского движения стала австрийская Галиция, где крестьяне имели право голоса и на выборах 1899 г. провели в провинциальный сейм пять своих депутатов.

Идею создания в Галиции самостоятельного крестьянского движения сформулировали на страницах уже упоминавшегося «Пшеглэнда сполэчного» супруги Б. и М. Вислоухи. Ими двигало убеждение, что крестьянство, как самое многочисленное сословие польского общества, может и должно сыграть ведущую роль в восстановлении независимости Польши. Но для этого его нужно просветить и обеспечить достойные условия существования. В 1899 г. Б. Вислоух стал издавать во Львове газету «Пшиячель люду». В 1894 г. вместе с единомышленниками К. Леваковским, Х. Реваковым, Я. Стапиньским он основал Польское демократическое общество, которое в том же году во время Галицийской хозяйственной выставки провело съезд более 2 тыс. крестьян. Этот форум показал, что назрел момент для создания крестьянской политической партии.

В июле 1895 г. на съезде крестьянских делегатов избирательных комитетов в Жешуве было провозглашено создание Стронництва людового (Крестьянской партии). С 1903 г. оно станет называться Польское стронництво людовое (ПСЛ). Партию возглавил юрист, публицист, прекрасный оратор и известный галицийский политический деятель К. Леваковский. Ее руководящее ядро составили священник С. Стояловский, Я. Бойко и Я. Стапиньский, последний в скором времени превратился в наиболее авторитетного лидера партии. Роль печатного органа выполнял популярная у крестьян газета «Пшиячель люду».

В программе, с которой партия в том же 1895 г. пошла на выборы в галицийский сейм, содержались требования как политического (уравнение крестьян в правах с другими сословиями, отказ от куриальной избирательной системы), так и социально-экономического (справедливое налогообложение, административное объединение

крестьянской гмины с поместьем, поддержка добровольной парцелляции помещичьих имений как необходимого условия создания крупных крестьянских хозяйств, развитие промышленности, дорожно-транспортной инфраструктуры, увеличение числа начальных школ) характера. В целом их можно свести к триаде: «Земля крестьянам, просвещение крестьянам, власть крестьянам», которая станет кредо людовского движения на многие десятилетия.

Еще одним политическим течением нового типа следует считать христианских демократов (хадеков). Идеологической основой их движения явилось социальное учение католической церкви, главные постулаты которого папа Лев XIII сформулировал в энцикликах *Rerum Novarum* (1891) и *Graves de communi* (1901). Эта доктрина имела антисоциалистическую направленность, что предопределило выбор христианами демократами объектом своей деятельности рабочей и мелкобуржуазной городской среды, особенно в польских землях Германии. С движением активно взаимодействовал католический клир. В каждой епархии были созданы комиссии по социальным вопросам, своей деятельностью готовившие необходимую почву для укоренения нового учения.

Проживавшие на польских землях евреи и немцы также создавали свои партии различной социальной направленности, от левых до правых и консервативных. В еврейской среде существенным было влияние сионистов, отстаивавших идею переселения на историческую родину и создания в Палестине национального государства евреев. В Восточной Галиции набирали силу украинские, а также русинские партии.

Помимо этих политических лагерей в польских землях продолжали действовать традиционные консервативные организации, клиентелой которых были крупные землевладельцы, промышленники и предприниматели, церковные иерархи, т. е. социальные группы, более других интегрированные в политическую и хозяйственную жизнь Австро-Венгрии, Германии и России. Консерваторы проводили политику «угоды» с правительствами, приносившую определенные выгоды не только им, но и всему польскому обществу. Особенно сильны позиции консерваторов были в Галиции. В начале века они отчетливо делились на два крыла. Краковские консерваторы, из среды которых вышли все наместники провинции, придерживались более либеральных позиций, старались налаживать сотрудничество с основными политическими силами, в том числе и украинскими партиями. Консерваторы Восточной Галиции, так называемые «подоляки», видели в украинских партиях своего основного политического противника, что сближало их с национальными демократами²¹.

Таким образом, в конце XIX в. ситуация на политической сцене всех трех частей Польши мало чем отличалась от существовавшей в странах Западной Европы или США, с той только разницей, что не все ее акторы могли с одинаковой степенью свободы формулировать и пропагандировать разделявшиеся ими ценности. В самом благоприятном положении находились консерваторы. Их деятельность нигде не наталкивалась на противодействие правительств. Достаточно благоприятные условия для развития польской политической жизни существовали в Галиции и Германии. И только в Привислинском крае все современные политические партии вели свою работу в нелегальных условиях. О современном характере главных участников политической сцены свидетельствовало взятие ими на вооружение универсальных идеологических концепций — социализма, национализма, зарождавшегося аграризма и социального католицизма, а также ориентация на завоевание массовой социальной базы. Причем если в Австро-Венгрии и

Германии массовую поддержку искали для успеха на выборах, то в России — для завоевания независимости путем революции или очередного восстания.

Нелегальные условия существования политических партий в Царстве Польском предопределили формирование в них узких руководящих групп, члены которых вели свою деятельность на профессиональной основе в подполье или эмиграции. Невозможность текущей проверки практикой правильности программ и тактики компенсировалась ожесточенными теоретическими дискуссиями, вела к непрерывному делению на фракции, течения и крылья, к организационным расколам, а иногда и резким сменам выдвигаемых лозунгов.

Все эти особенности хорошо видны на примере двух наиболее влиятельных в начале XX в. политических сил Царства Польского — Польской социалистической партии и национальных демократов. Новое столетие ППС встретила с программой восстановления независимости Польши с помощью осуществляемой пролетариатом революции, чтобы затем, уже в независимой демократической Польской республике, продолжить движение к социализму путем реформ, а не революции. Партия действовала в это время как в России, так и в эмиграции. По своему составу она была интернациональной. В 1900 г. Заграничный союз польских социалистов был преобразован в зарубежное отделение ППС. Среди его членов были эмигранты из России Игнаций Мосьцицкий, В. Йодко-Наркевич, Л. Василевский, Б. Миклашевский. Они действовали в основном в Англии, в Лондон было перенесено также издание журналов «Пролетариат» и «Валька кляс».

В силу ограниченности в это время организационных возможностей деятельности, ППС делала основной упор на пропаганду. Политическая литература издавалась за рубежом, а затем нелегально переправлялась на территорию Российской империи. Особо важную роль в формировании идеологического облика ППС играли журналы «Пшесдзит» и «Свято», а также печатавшаяся в подпольной типографии сначала в Вильно, а затем в Лодзи газета «Роботник». Провал типографии «Роботника» в феврале 1900 г. и арест печатавшего эту газету Ю. Пилсудского нанесли серьезный удар по деятельности ППС. Затем последовали аресты других членов партии. Ослаблению ППС способствовал и выход из ее рядов в 1900 г. группы сторонников идеи диктатуры пролетариата во главе с Л. Кульчицким. Они создали Польскую социалистическую партию «Пролетариат», так называемый III «Пролетариат», просуществовавшую до 1907 г. Новая партия резко критиковала ППС за «националистическую и патриотическую» позицию.

ППС оправилась от удара лишь в 1902 г., но это была уже не та партия, которой безраздельно руководили Пилсудский и его соратники. В ее ряды и руководство пришли новые люди — «молодые», которые далеко не во всем соглашались со «старыми». И в этом крылся зародыш будущего конфликта, завершившегося расколом ППС.

Национальная демократия в начале XX в. также претерпела существенные идеологические изменения. В 1897 г. Национальная лига объявила о создании Демократическо-национальной партии как общепольской политической организации. Но при этом в каждой из польских земель создавались самостоятельные организационные структуры. Такое нетрадиционное для польской политической жизни решение стало возможным потому, что у всего национально-демократического движения существовал единый руководящий центр — Национальная лига. Важный вклад в разработку идеологии Национальной лиги внесли З. Балицкий и Р. Дмовский своими трудами соответствен-

то «Национальный эгоизм и этика» (1902) и «Мысли современного поляка» (1903). Ведущие идеологи эндеков призывали к трезвой и реалистичной оценке ситуации, в которой находились поляки. Восстановление польского государства не рассматривалось ими в качестве первоочередной задачи, больше внимания было уделено требованию автономии Царства Польского, культивированию национальной идентичности с помощью культурной и образовательной деятельности. Эти положения откровенно перекликались с еще недавно отрицавшимися эндеками принципами «органического труда». Понятие патриотизма они связывали с «национальным эгоизмом», т. е. поддерживали борьбу поляков за свое государство, без оглядки на интересы других народов и государств. Произошел отказ от антиклерикальной позиции, теперь эндеки стремились к поиску совместного поля деятельности с католической церковью, «цементирующей нацию».

Переход на открыто националистические позиции привел к тому, что национально-демократическое движение стало менее терпимо к своим политическим оппонентам, прежде всего к ППС, а также национальным движениям на бывших землях Речи Посполитой — еврейскому и украинскому, взяло на вооружение антисемитизм. В 1902 г. Демократическо-национальная партия стала легально действовать в Галиции, широко используя постоянно нараставший польско-украинский конфликт для привлечения сторонников. В Восточной Галиции эндеки активно взаимодействовали с консерваторами-«подоляками», отстаивавшими интересы крупного польского землевладения. Своими «внутренними врагами» ДНП считала людовцев и социалистов.

Следует констатировать, что Дмовский и его соратники очень чутко уловили распространенные среди поляков во всех трех империях настроения клерикализма, национализма, ксенофобии и сумели выразить их в конкретных идеологических конструкциях и политических лозунгах. В результате к началу революции 1905 г. эндеки были самой влиятельной польской политической силой в России, Австро-Венгрии и Пруссии.

I.3. Революция 1905–1907 гг.

Русско-японская война 1904–1905 гг. изначально не пользовалась популярностью даже в Великороссии: слишком непонятны подданным Романовых были ее цели. Не вызвала она позитивного отклика и в Царстве Польском, тем более что призывников из этой провинции очень часто направляли для прохождения военной службы за Урал. Важную роль в развитии событий 1904 г. сыграл так называемый кризис надежд, охвативший главным образом рабочую среду²². На протяжении 1890-х годов происходило постепенное улучшение положения рабочих, на смену которому в связи с общеевропейской депрессией 1900–1903 гг. пришло резкое снижение зарплат. Наметившееся во второй половине 1903 г. оживление экономической конъюнктуры породило надежды на изменения к лучшему, которые, однако, перечеркнула война. Промышленность Царства Польского, не успев оправиться от последствий общеевропейского кризиса, оказалась втянута в кризис общероссийский. К примеру, зависимые от российского и дальневосточного рынков текстильные фабрики Лодзи и Ченстохова только из-за перегруженности железных дорог военными перевозками сократили экспорт в первые пять месяцев войны на 20 и 55% соответственно²³.

В полицейском донесении от июля 1904 г. сообщалось, что в результате сужения рынков сбыта владельцы фабрик были вынуждены прибегнуть к увольнению большого числа рабочих в Лодзинском, Сосновецком и Варшавском уездах. Всего работу потеряло около 100 тыс. из 250 тыс. наемных рабочих, сокращение зарплат в связи со спадом производства коснулось примерно 125 тыс. человек²⁴. Результатом массовых увольнений стала череда забастовок экономического характера, главным образом в Варшаве и Лодзи. Немало уволенных рабочих в весенне-летний период нашло заработок в деревне, не ощутившей еще на себе последствий кризиса. Однако к осени, когда кризис в промышленности привел к значительному росту инфляции, а возможность стороннего заработка завершилась вместе с уборкой урожая, многие из них оказались без средств к существованию.

В отличие от города, деревня в 1904 г. сохраняла спокойствие, и не только вследствие устойчивого спроса на сельскохозяйственную продукцию, но и из-за деятельности клира и национальных демократов, сумевших к тому времени завоевать существенное влияние среди крестьян.

Наиболее политизированной частью населения Царства Польского в начале века было студенчество. Еще в 1890-х годы ответом молодежи на политику русификации стало создание нелегальных кружков самообразования, многие из которых были связаны с национально-демократическим или социалистическим движением. При кружках действовали библиотеки нелегальной литературы, иногда число книг в них достигало нескольких тысяч. К 1904 г. подобные кружки различной политической направленности существовали практически во всех средних и высших учебных заведениях Царства Польского, а студенческие волнения стали носить более организованный и политизированный характер. Среди молодежи действовал не только близкий эндекам Зет, но и созданный в 1903 г. Союз социалистической молодежи.

В 1904 г. возникла благоприятная обстановка для деятельности оппозиционных сил, которые выступали против войны и винили во всех несчастьях правительство и самодержавие. Первая антивоенная демонстрация была проведена по инициативе ППС и Бунда 21 февраля 1904 г., вскоре после начала мобилизации резервистов. СДКПиЛ, ППС и Бунд по отдельности организовали первомайские демонстрации, в том числе под лозунгом освобождения М. Каспшака, арестованного в апреле за организацию типографии СДКПиЛ и убийство при задержании четырех жандармов. Лето не принесло успокоения. В 1904 г. только ППС провела 44 демонстрации в 13 городах.

Протестные выступления, хотя и не отличались массовостью, дестабилизировали политическую ситуацию, повышали градус социальной напряженности. Количество участников таких акций в среднем не превышало 500 человек. Манифестации могли быть как организованными, так и спонтанными. Первые были непродолжительными и проходили по сходному сценарию: организаторы смешивались с выходившими из церкви после службы прихожанами, начинали скандировать антиправительственные лозунги и увлекали толпу за собой на улицу. В случае спонтанных выступлений заводилами были матери и жены призывников, нападавшие на военные конвои²⁵. Число антивоенных выступлений заметно возросло после объявления в октябре призыва в армию.

Тогда же прошло первое более массовое антиправительственное выступление в Царстве Польском. Им стала демонстрация на Гжибовской площади в Варшаве в

воскресенье 13 ноября 1904 г. с участием более тысячи человек. Одни из них пришли на воскресную службу, другие — для участия в объявленной ППС политической манифестации против мобилизации и войны с Японией. Демонстрация готовилась явно: организаторы заранее распространили воззвания, обращенные к рабочим, студентам, горожанам. Ни прихожане, ни готовившаяся к разгону толпы полиция, ни большинство самих участников демонстрации не подозревали, что, согласно замыслу Ю. Пилсудского, должно произойти вооруженное столкновение, чтобы «расшевелить» общество. Боевикам ППС в момент разгона демонстрации следовало открыть огонь по казакам и полиции. В полдень, после окончания богослужения, около 60 боевиков, развернув красное знамя и транспаранты с антивоенными и антиправительственными лозунгами, под пение «Варшавянки» направились в толпе прихожан в сторону одной из улиц. В ответ на попытки полиции отобрать знамя прозвучали выстрелы. Демонстрация была достаточно быстро разогнана, но в разных частях города периодически возникали стычки, так что силам правопорядка лишь к вечеру удалось восстановить спокойствие в Варшаве. В результате несколько человек было убито, около 30 ранено, более 600 арестовано²⁶. С подобным сопротивлением власти не сталкивались в Царстве Польском со времени Январского восстания 1863–1864 гг. В тот же день протестные выступления под лозунгами «Да здравствует свободная Польша!», «Долой мобилизацию!» были организованы в ряде других городов Царства Польского²⁷.

Антивоенные демонстрации в Царстве Польском не прекращались ни в декабре 1904 г., ни в начале января 1905 г. Широкий резонанс вызвало убийство 24 декабря 1904 г. в Варшаве в ходе манифестации восемнадцатилетнего рабочего В. Цимериса, его похороны переросли в очередное антиправительственное выступление. География протестных акций была достаточно широкой: Варшава, Лодзь, Седльце, Люблин. Это во многом объясняет быстроту реакции на весть о «Кровавом воскресенье» в Петербурге 9 (22) января 1905 г. На следующий день СДКПил распространила обращение к рабочим «Всеобщая стачка и революция в Петербурге»; солидарность с жертвами расстрела выразила ППС.

Уже 27 января в Варшаве стачку начали рабочие завода металлических изделий Герлаха, на следующий день прекратили работу все предприятия Варшавы. В течение первых дней число бастовавших в столице достигло 110 тыс., в разных районах города происходили столкновения с полицией и армией. 28 января забастовала Лодзь, 1 февраля Домбровский бассейн. На рубеже января–февраля остановились все предприятия Царства Польского. Не ходил транспорт, со зданий срывались государственные гербы и уничтожались вывески на русском языке, громились водочные магазины, начались грабежи, не прекращавшиеся весь январь и февраль. Полиция и армия применили оружие, официально сообщалось о 90 погибших. 30 января было введено военное положение.

Забастовочное движение в Царстве Польском по своему размаху не уступало общероссийскому, а в отдельные периоды даже существенно его превосходило. В стачечном движении января–февраля 1905 г. приняло участие около 400 тыс. человек. Как правило требования рабочих носили экономический характер, лишь в Варшаве забастовка с самого начала проходила под политическими лозунгами — сказалась деятельность социалистических партий. В Варшаве по призыву социалистических партий забастовки завершились 1 февраля. В Лодзи стачки продолжались почти до середины февраля. В ходе переговоров забастовщиков с фабрикантами в ряде случаев удалось добиться

сокращения рабочего дня до 9–10 часов, некоторого повышения заработной платы, открытия больничных касс, обеспечения бесплатной медицинской помощью, а иногда и оплачиваемого недельного отпуска²⁸.

Преимущественно экономический характер забастовок объяснялся несколькими причинами. Во-первых, социалистические партии были крайне немногочисленными и глубоко законспирированными, не имели опыта работы с массами. Как правило партийные активисты пытались придать стихийно возникавшим стачкам организованный характер, но зачастую их усилия ограничивались участием в подготовке списка требований забастовщиков²⁹.

Во-вторых, сказывалось социальное происхождение пролетариата. Безграмотные или малограмотные крестьяне оказались в городе с багажом представлений о мире, характерных для традиционной сельской среды. Многие из них искренне верили в справедливого царя. К примеру, в марте 1905 г. рабочие собирали деньги для отправки делегации к Николаю II, чтобы рассказать ему о своем тяжелом положении³⁰. И активисты социалистических партий вынуждены были с этим считаться. В листовках зачастую использовались библейские образы, а социализм представлялся в качестве «нового евангелия». Во время демонстраций и митингов они пели вместе с рабочими религиозные песни, новые члены рабочих партий присягали на распятии³¹.

Активизация массовых выступлений наблюдалась в связи с подготовкой и проведением дня солидарности трудящихся 1 мая (кстати, в этот день в России официально отмечался Народный праздник). Все рабочие партии обратились с призывами выйти в этот день на демонстрации. Но единой демонстрации не было, ППС ограничилась проведением манифестаций в отдельных районах Варшавы. Демонстрация в Варшаве, организованная СДКПиЛ, была разогнана войсками, погибло 37 человек, несколько десятков было ранено. Первомайские шествия проходили также в Лодзи, Люблине, Ченстохове, Заверце, Домбровском бассейне.

Следующему всплеску революционных выступлений в Царстве Польском положили начало события в Лодзи. Еще с первых дней мая здесь множилось число экономических забастовок, чаще всего стихийных, т. к. влияние рабочих партий было небольшим. В город стягивались войска, казалось, что забастовки уже идут на спад, как неожиданно 18 июня несколько тысяч рабочих, возвращавшихся с митинга под Лодзью, были атакованы казаками и пехотой. Пятеро рабочих было убито. Спустя два дня их похороны превратились в огромную манифестацию с участием около 20 тыс. человек. Затем распространился слух, что убиты еще двое рабочих еврейского происхождения, хотя их тел не удалось найти. Вздурораженные этим слухом горожане вышли на улицы, по официальным данным их было около 70 тыс. человек. На их разгон власти бросили солдат. В ходе столкновений погибло 25 человек, позднее от ран скончалось еще шестеро. В ночь с 22 на 23 июня рабочие начали строить баррикады, к утру 23 июня забастовали все фабрики Лодзи. Против восставших было направлено более 11 тыс. человек пехоты и кавалерии. По официальным данным, с 18 по 25 июня погиб 151 человек: 55 поляков, 79 евреев, 17 немцев. СДКПиЛ сообщала о более чем 200 убитых и более 800 раненных. Фабрики возобновили работу лишь 26 июня.

Следующие демонстрации в Варшаве, Лодзи, Люблине прошли вслед за манифестом 17 (30) октября 1905 г. 10 ноября 1905 г. по просьбе варшавского генерал-губернатора Г.А. Скалона в Царстве Польском было введено военное положение³².

Вотчет в Варшаве и Лодзи 10–11 ноября прошли демонстрации с требованиями его **отмены**, введения конституции и установления республики. Начавшаяся тогда же забастовка продлилась до 15–16 ноября, в некоторых местах до 20-го. В конце ноября 1905 г. прошли новые забастовки — на этот раз приняли участие в общероссийской забастовке работники почты и телеграфа. Спад революционной активности наметился после поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Стачки случались и в 1906 г., особенно в Лодзи, в Варшаве их количество сокращалось³³.

Для подавления массовых волнений власти широко использовали войска. В Варшаве был расквартирован 50-тысячный гарнизон, а всего в Царстве Польском находилось 250–300 тыс. солдат. Войска стали использовать для разгона демонстраций уже в 1904 г., причем в ряде случаев применялось огнестрельное оружие, в результате чего на улицах городов не раз происходили кровавые побоища. Например, 3 февраля 1905 г. в Радоме армия без предупреждения применила оружие против мирной демонстрации. В том же месяце в Скаржиске при разгоне демонстрации погибло 24 человека, 40 было ранено. На литейном заводе «Катажина» около Сосновца в столкновениях с войсками погибло 37 человек. Зачастую инициаторами подавления манифестаций выступали фабриканты, искавшие защиты у царских властей и просившие прислать войска для охраны их собственности.

Даже те, кто считал происходившие массовые волнения следствием социалистической пропаганды, были шокированы жестокостью расправы властей с населением. На допросах арестованных били резиновыми дубинками, нагайками, прикладами, вырывали волосы на голове, использовали моральное давление и пытки бессонницей. Известны случаи, когда военные патрули без всяких на то причин открывали стрельбу по прохожим, в результате чего были жертвы, в том числе и среди детей³⁴. Тюремь были переполнены. Репрессии в Царстве Польском вызвали возмущение, в том числе у российских юристов и даже некоторых сотрудников судебных органов, которые старались помогать подсудимым, протестовали против расстрелов без суда и введения военно-полевых судов в августе 1906 г.

Помощь заключенным оказывала созданная в 1903 г. М. Пашковской Касса помощи политическим заключенным, которая в ноябре 1905 г. была преобразована в Союз помощи политическим жертвам. В его работе участвовали многие варшавские адвокаты. В 1908 г. возникло Общество опеки над освобожденными из тюрем, так называемый «Патронат»³⁵.

Широко распространенной формой репрессий предпринимателей в отношении забастовщиков были локауты. Одним из наиболее массовых оказался лодзинский локаут, длившийся с конца декабря 1906 г. по апрель 1907 г. и охвативший по одним данным 24 тыс., по другим 38 тыс. текстильщиков из примерно 70 тыс. рабочих Лодзи. Фабриканты стремились ликвидировать рабочие комитеты, уволить наиболее опасных работников и вернуться к условиям оплаты труда, существовавшим до революции³⁶.

Несмотря на введение чрезвычайного и военного положения ситуация в центрах забастовочного движения была близка к анархии. В охваченные волнениями Варшаву и Лодзь уже в первые дни революции устремились преступные элементы и безработные. Способствовали хаосу и отсутствие легальных профсоюзов, лишение рабочих средств к существованию вследствие локаутов. Полиция и армия не справлялись с поддержанием

порядка. Рабочие пытались делать это сами, но часто это вело лишь к ухудшению ситуации. Начались кровавые расправы населения с ворами, спекулянтами, ростовщиками. Впервые это случилось в Варшаве 24 мая 1905 г., когда несколько сот рабочих напало на сутенеров, на следующий день борьба с преступными элементами была продолжена: рабочие громили публичные дома, воровские «малины», гостиницы, кафе. В ход шли дубинки и ножи. Это движение распространилось на Лодзь, Сосновец и другие города. Создавались группы самообороны, при этом наибольшую активность проявляли члены ППС, СДКПил и Бунда. Частым явлением стали самосуды. Масла в огонь подливала и деятельность боевых дружин, организуемых на партийной основе³⁷.

Изначально они создавались, чтобы защитить проводимые мероприятия и партийных лидеров. Но в конечном счете деятельность боевых организаций стала тяжелым испытанием для жителей Варшавы, Лодзи, Сосновца и других городов.

Официально левые партии в 90-е годы XIX в. осудили терроризм. Однако ППС под давлением своих радикальных членов допускала использование террористических методов (например, убийство провокаторов) и официально признавалась в существовании группы боевиков, хотя четкого представления об их задачах у руководителей партии не было. Между «старыми» и «молодыми» в ППС с начала века шли споры о концепции боевого движения³⁸. В апреле 1904 г. ППС перешла к тактике системы индивидуального террора. Сначала в Варшаве, а затем в других городах Валерием Славеким и Александром Прыстором, близкими соратниками Ю. Пилсудского, стали создавать боевые группы³⁹.

Руководство СДКПил, отрицавшее террор как форму политической борьбы, закрывало глаза на подобную деятельность «низов» партии, давшую о себе знать с середины 1905 г. Боевые организации с 1906 г. имели ППС-Левика и созданный по инициативе национальных демократов Национальный рабочий союз. Наряду с польскими, существовали боевые группы Литовской социал-демократической партии, еврейских Бунда, Поалей Циона и социалистов-сионистов, которые, как и СДКПил, ППС, РСДРП действовали в Северо-Западных губерниях империи и Царстве Польском. Боевые группы самообороны создавались фабрикантами. У украинского, белорусского и немецкого меньшинств своих боевых организаций не было⁴⁰.

Большая часть членов боевых организаций рекрутировалась из рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и интеллигенции. ППС и партии, возникшие после ее раскола, в 1904–1911 гг. располагали 7600 боевиками, остальные партий — более чем 3700⁴¹.

Наиболее распространенными формами их борьбы были саботаж, диверсии, покушения на высокопоставленных государственных служащих и блюстителей порядка, так называемые «эксы», т. е. нападения на гминные (волостные), сберегательные и заводские кассы, почтовые фургоны и почтовые вагоны с целью изъятия денег на текущие нужды партии, закупку оружия, помощь семьям погибших и арестованных товарищей и т. д.⁴²

В общей сложности в 1906 г. в Царстве Польском было осуществлено около 680 покушений, число убитых представителей власти (военных, жандармов, полицейских, начальников тюрем и т. п.) в 1905–1906 гг. составило 790, ранено было более 860. Объектом террористов становился все более широкий круг лиц. С 1906 г. теракты были направлены против фабрикантов, штрейкбрехеров и всех, кого считали предателями. К штрейкбрехерам причисляли владельцев магазинов, кафе, ресторанов, не прекра-

привозивших работу, извозчиков и их пассажиров, крестьян, привозивших в город продукты или приезжавших на заработки и подменявших бастовавших рабочих.

Террор был направлен и против политических противников. Температура межпартийных споров возросла после объявления Октябрьского манифеста. Одни выступали за то, чтобы воспользоваться обещанными царем свободами, другие же разделяли позицию социалистов и социал-демократов, считавших манифест обманом. Споры на этой почве нередко перерастали в драки. Кульминацией споров стали трагические события в Лодзи. 14 октября 1906 г. в городе началась стихийная стачка против полевых судов. Социалисты поддерживали стачку, национальные группировки выступили против нее. Это привело к тому, что социалисты начали изгонять с фабрик эндеков, а те в свою очередь социалистов, в результате были жертвы. Мариавиты конфликтовали с социалистами, среди бела дня вооруженные люди открывали стрельбу по витринам магазинов и ресторанов, преследовали подозреваемых в доносах и сторонников других партий. Только в Лодзи с конца 1905 по 1907 г. в результате террористических акций погибло около 400 человек и порядка 500 получили ранения. Впрочем, Лодзь выделялась по масштабам братоубийственной войны. Примечательно, что в этот период в городе не было еврейских погромов⁴³.

Первые смелые акции Боевой организации ППС вписывались в воображении поляков в романтическую традицию национальных восстаний. Наибольшую известность получили такие события, как «кровавая среда» 15 августа 1906 г., когда боевики ППС уничтожили 72 полицейских и жандарма; покушение на варшавского генерал-губернатора Г.А. Скалона 18 августа 1906 г., которое совершила 19-летняя В. Крахельская; ограбление кассы в Опатове Ю. Монтвил-Мирецким, а затем его побег из больницы в октябре 1906 г.

Ответная реакция властей на террористические акции была незамедлительной — тюрьмы Царства Польского были переполнены. Выносились и приводились в исполнение смертные приговоры: 21 июля 1905 г. был расстрелян С. Окшея, член ППС, совершивший покушение на обер-полицмейстера Варшавы К.С. Нолькена, 8 сентября — М. Каспшак, 9 мая 1907 г. — Х. Барон, исполнитель очередного неудачного покушения на Скалона; 9 октября 1908 г. — Ю. Монтвил-Мирецкий, организатор нападений на почтовые отделения и почтовые вагоны в Опатове, Рогове, Лапах и Старожребцах. Все они вписаны в пантеон польских национальных героев⁴⁴.

Однако со временем становилось все труднее проводить границу между революционной борьбой и обычной преступностью или выходками разбушевавшейся толпы. Акции, носившие прежде революционный характер — нападения на магазины, публичные дома, похищение государственных денег, — стали все чаще обращаться в чисто уголовные⁴⁵.

Революционные события 1905–1907 гг. в Царстве Польском, как и по всей России, не оставили равнодушными ни один из слоев населения. Общим для всего общества стало требование возвращения польского языка в учебные заведения, гминное правление и суды. Вслед за общероссийской забастовкой рабочих началась школьная забастовка. Вначале она носила стихийный характер, однако достаточно быстро была создана сеть ученических, родительских и учительских комитетов. К забастовке присоединились студенты Варшавского университета и Политехнического института, активизировал свою деятельность Зет. Участники стачки требовали обязательного

бесплатного начального образования, введения польского языка, отказа от русификации, свободы преподавания и организации учебных заведений, отмены ограничений по национальному и религиозному признаку при приеме в образовательные учреждения, самоуправления учащихся гимназий и высших учебных заведений, а также права на объединения.

19 февраля 1905 г. было объявлено о бессрочном бойкоте русских учебных заведений, в ответ власти 20 февраля на месяц закрыли средние школы. Делегация, отправившаяся в Петербург с подписанной 30 тыс. человек петицией с просьбой восстановить в учебных заведениях преподавание на польском языке, вернулась в марте 1905 г. ни с чем. Правда, 17 (30) апреля Комитет министров принял решение о преподавании в государственных школах польского языка и Закона Божьего на польском языке, а также его использовании в частных школах⁴⁶, но о нем объявили лишь в середине июня, когда в Царстве Польском вспыхнули новые забастовки. В октябре 1905 г. правительство согласилось на открытие средних учебных заведений с польским языком преподавания (за исключением истории и географии России, а также с обязательным изучением русского языка). Часть молодежи ответила на это многолетним бойкотом государственных учебных заведений, другие продолжили учебу в частных учебных заведениях или за границей, особенно в Кракове и Львове. В Варшавском университете и Политехническом институте не было занятий до осени 1908 г.

Школьная забастовка разделила поляков. Часть из них, опасаясь негативных последствий перерыва в учебе для интеллектуального потенциала польского общества, отдавала предпочтение легальным инструментам давления на власть. Против забастовки и бойкота выступали варшавский архиепископ В. Хосчяк-Попель, Л. Кшивицкий, А. Свентоховский, Р. Дмовский. Эндеки предлагали придать школьному движению форму управляемых политических акций. С этой целью они в марте 1905 г. создали Союз за придание школам национального характера. СДКПиЛ и ППС поддержали забастовку⁴⁷.

Школьная забастовка, как и революционная ситуация в целом, оказала огромное влияние на женщин. Активистка женского движения Р. Пахуцкая вспоминала, как ее школьные подруги, «которые без мам не выходили на улицу, а когда шли в женскую гимназию, то за ними служанка несла портфель, теперь же, раскрепощенные, превращались в самостоятельных девушек, в общественных деятельниц, в революционерок. Они были полны отваги, веры в себя, в новую жизнь. Перед ними открылся весь мир, надо было лишь завоевать его трудом и борьбой»⁴⁸. Но когда жизнь после революции стала возвращаться в привычную колею, женщинам, осознавшим свое равноправие с мужчинами, особенно тем, кто участвовал в революционной борьбе, пришлось нелегко. Примером тому может служить трагическая судьба М. Куликовской, автора поэтических и прозаических произведений, вдохновленных революционными событиями, учительницы женской гимназии в Кракове. Чувствовавшая себя чужой в консервативном краковском обществе, гонимая за атеистические взгляды, она покончила с собой в 1910 г.⁴⁹

Не осталась на обочине событий и польская деревня. Беспорядки в ней начались в конце февраля 1905 г., когда прошли первые забастовки сельскохозяйственных рабочих, требовавших повышения оплаты труда, сокращения рабочего дня в сезон до 13–15 часов. Основная часть выступлений в 1905 г. пришлась на Варшавскую, Люблинскую и Седлецкую губернии. В большинстве случаев в них участвовали работники хозяйств,

расположенных вблизи крупных промышленных центров. Последние сельскохозяйственные забастовки прошли летом 1906 г.⁵⁰

В Радомской, Петроковской, Келецкой, Люблинской и Седлецкой губерниях крестьяне начали самовольный выпас скота и вырубку леса, прибегнув тем самым к характерной для пореформенного периода форме борьбы за сервитуты, т. е. помещичьи угодья, которыми они имели право пользоваться по праву «старины», обычая, отказываясь платить недоимки. В связи с этим в 1906 г. в села высылались карательные отряды. Включились крестьяне и в борьбу за введение польского языка в начальных школах и гминном правлении, особенно в Варшавской и Плоцкой губерниях. Не без их давления власти в июне 1905 г. разрешили использовать польский язык в гминном правлении⁵¹.

Волнения в деревне в революционный период 1905–1907 гг. отражали всю многоплановость конфликта крестьянства с помещиками, с местными и церковными властями. Эти события дали импульс к более широкому развитию в деревне таких форм социальной организации, как гминное и кооперативное движения, создание добровольных пожарных дружин, оркестров и т. д. На процесс социализации крестьян существенное воздействие оказывали общественные, политические и церковные организации. В расширении влияния на деревню были заинтересованы все политические партии. Эндеки стремились направить недовольство крестьян в русло борьбы за введение польского языка в учебных заведениях и учреждениях, отстаивали необходимость солидарности польских помещиков и польских крестьян. Свое влияние на деревню они обеспечивали с помощью таких изданий, как «Газета свѣтчна», «Поляк», а также Общества народного просвещения и Центрального сельскохозяйственного общества. В декабре 1905 г. в Варшаве национальные демократы организовали съезд 1,5 тыс. крестьянских делегатов, одоббивший их программу.

ППС выступала за демократизацию аграрных отношений, в связи с чем создала в марте 1905 г. специальный крестьянский отдел в Центральном исполнительном комитете во главе с А. Стругом, известным писателем, редактором изданий для крестьян «Газета людова» и «Роботник вейски». Для проведения митингов и забастовок направляли в деревню своих агитаторов ППС и СДКПиЛ, хотя они не имели специальной программы для крестьян и свою целевую группу видели в сельском пролетариате и полупролетариате.

В годы революции в Царстве Польском появились зачатки людовского движения. Осенью 1904 г. возник нелегальный Польский крестьянский союз (Польский звѣздек людовый — ПЗЛ), в конце следующего года, воспользовавшись предоставленными Октябрьским манифестом свободами, он стал действовать открыто. Его возглавили В. Крушевский и С. Бжезинский. ПЗЛ испытывал сильное влияние идей кооперативного социализма, пропагандировавшихся в Польше Э. Абрамовским, а также программы ППС. Организация позиционировала себя в качестве выразительницы исторических интересов крестьянства, выступала за всеобщий доступ к образованию, принудительное отчуждение крупной земельной собственности, свободу организации всех типов кооперативов, надеясь с их помощью превратить Царство Польское в независимую от властей «кооперативную республику». В политической области ПЗЛ требовал конституционных свобод и автономии Царства Польского, ликвидации контроля над религиозными организациями и учебными заведениями, введения польского языка в

государственных учреждениях. На протяжении 1905–1907 гг. им издавались неподцензурные периодические издания «Глос громадзки» под редакцией Бжезиньского, преобразованный затем в «Жиче громадзке», а также «Весь польска», «Сноп» и «Загон». Все эти издания закрывались властями уже после выхода нескольких номеров. С изданиями для крестьян сотрудничали известные писатели и общественные деятели С. Жеромский, М. Конопницкая, Л. Кшивицкий, Э. Абрамовский. В связи с арестами, в том числе Бжезиньского в 1907 г., деятельность ПЗЛ была прекращена. Эту структуру трудно назвать крестьянской партией в точном смысле этого слова, скорее это была организация интеллигенции, поставившая перед собой цель разбудить деревню и волевать крестьян в общественную жизнь.

Близкое ПЗЛ по целям движение оформилось в 1906 г. вокруг еженедельника «Севба», органа Союза молодой народной Польши. В редакцию издания входили и интеллигенты, близкие к прогрессивным демократам, и крестьяне. В 1906 г. союз основал Общество сельскохозяйственных кружков им. С. Стащица, способствовал развитию кооперативного движения. В мае 1908 г. еженедельник и союз были закрыты.

Дело гражданского просвещения крестьянства продолжил М. Малиновский, издававший с 1907 по 1915 г. еженедельник «Заране». Вокруг этого радикально-демократического и антиклерикального по духу печатного органа сформировалось так называемое зараньское движение⁵². «Заране» поддерживал кооперативное движение, деятельность Общества сельскохозяйственных кружков им. С. Стащица.

Работа перечисленных выше организаций и движений в крестьянской среде дала практический результат только в декабре 1915 г., когда в оставленном русской армией Царстве Польском при активном участии ППС и пилсудчиков было образовано Польское стронництво людове (с 1918 г. ПСЛ–«Вызволение»).

С марта 1905 г. наметился рост политической активности приходского духовенства: проводились встречи, собрания, съезды священнослужителей, на которых обсуждались волновавшие прихожан и клир животрепещущие общественно-политические проблемы. Однако высшие католические иерархи заняли лояльную властям позицию. Еще в феврале 1905 г. архиепископ В. Хосчяк-Попель информировал губернатора Петроковской губернии, что рекомендовал духовенству призвать прихожан отказаться от политических выступлений. Подобное поведение соответствовало общей политике Ватикана: в декабре 1905 г. папа Пий X обратился с «Пастырским посланием к архиепископам и епископам Польши под российским скипетром», в котором призывал паству к миру и спокойствию, а также полному послушанию властям⁵³.

Царский указ от 17 (30) апреля 1905 г. о веротерпимости католическое духовенство восприняло с удовлетворением — впервые после сорокалетнего периода гонений появилась возможность для свободной деятельности в различных областях. Католическая церковь должна была сдать экзамен на знание общества, его национальных, социальных и политических чаяний, а также понимание его религиозных нужд⁵⁴. Духовные власти стремились к проведению реформ сверху и выступали против любых идущих снизу инициатив. И это несмотря на то, что уже в конце XIX столетия в польской церкви дал о себе знать кризис, выражавшийся главным образом в финансовых злоупотреблениях приходских священников и нарушении ими норм морали⁵⁵. Одним из проявлений недовольства положением в церкви можно считать популярность маиавитского движения.

Это движение стало распространяться в 1890-е годы главным образом среди крестьян, а также рабочих в первом поколении⁵⁶. В начале XX в. к нему примкнуло около 7,5 тыс. человек⁵⁷. Особых успехов мариавиты добились в Плоцкой, Люблинской и Варшавской губерниях, прежде всего в тех местах, где верующие ранее выражали недовольство качеством духовной опеки, завышенными ценами за церковные требы и т. п. На этом фоне мариавитские священники были образцом служения Богу и людям. Католическая церковь отказывалась признавать подрывавшее ее монополию на окормление прихожан учение, в центре которого стоял культ Богородицы, чинила ему исключительные препятствия⁵⁸. Между сторонниками и противниками мариавитов доходило до стычек, борьбы за церковные здания, кладбища. Наиболее сильными волнения были в 1906 г.⁵⁹ Они кончились только после официального признания российскими властями церковной организации мариавитов 11 декабря 1906 г.

Иерархи католической церкви организовывали гонения не только на мариавитов, но и священнослужителей, тяготевших к эндекам. Их недовольство вызвало, например, прошедшее по инициативе национальных демократов в Варшаве 12 декабря 1905 г. собрание около полутысячи католических священников. В декабре 1906 г. на первой конференции епископата Царства Польского было признано, что любые собрания и деятельность духовенства без разрешения епископов отвлекают священников от их пастырских обязанностей и являются свидетельством пренебрежения церковной дисциплиной. Не находили понимания у иерархов и такие инициативы, как создание Общества рабочих-христиан, членами которого могли стать и не католики⁶⁰.

Церковь последовательно воплощала в жизнь социальную доктрину католицизма. В декабре 1905 г. в Варшаве по инициативе сверху был создан Польский католический союз, печатным органом которого стало отличавшееся консерватизмом и антисемитизмом издание «Роля». Настойчиво велась работа по созданию Христианско-демократической партии, хотя идея не сразу нашла отклик у прихожан⁶¹.

Важным инструментом влияния на паству были пастырские послания, зачитывавшиеся с амвонов, а затем публиковавшиеся в газете «Пшеглэнд католицкий»⁶². Особенно резко епископы критиковали социалистическое движение, обвиняя его вождей в атеизме и антипольской деятельности.

Католическая церковь в лице прежде всего архиепископа В. Попеля выступила против бойкота государственных учебных заведений, считая, что он вредит молодежи и закрывает путь к образованию детям из бедных семей, что соответствовало истине. Кроме того часть католического духовенства не поддерживала частную школу, видя в ней угрозу для христианских ценностей⁶³.

Революция способствовала решению еще одного наболевшего вопроса из области религиозной жизни. В соответствии с указом от 30 апреля 1905 г. разрешался, в частности, переход из православия в другие христианские исповедания и вероучения. Следствием этого явился массовый приток в католическую церковь бывших униатов, насильно «возвращенных» после Январского восстания в лоно православия. Большая часть переходов «упорствующих в латинстве» произошла в 1905 г.⁶⁴ В 1905–1912 гг. правом смены конфессии в империи воспользовалось в общей сложности более 240 тыс. человек. Больше всего подобных случаев (70%) приходилось на Царство Польское, в том числе 42% на Седлецкую губернию⁶⁵. Кроме того, переход был отмечен в Люблинской, Варшавской и Сувалкской губерниях.

События 1905–1907 гг. в значительной степени активизировали польскую политическую сцену, вывели на нее множество партий и политических группировок левого, правого и центристского толка, как правило, существовавших недолго и результатов не достигших. В этот период наблюдался пересмотр политических программ и лозунгов «старых» польских политических организаций, возникших на рубеже веков, корректировка ими тактики применительно к новой общественно-политической реальности. Левые и правые окончательно разделились на непримиримые лагеря, и это несмотря на наличие общей для многих из них идеи солидарности всего польского народа в условиях отсутствия государственной независимости.

В годы революции особенно возросло влияние на польскую часть населения Царства Польского национальных демократов. Эндеки негативно отнеслись к январско-февральской стачке 1905 г., считали забастовочное движение вредным для общества, следствием работы «непольских агитаторов», главным образом евреев и немцев⁶⁶. Одним из основных аргументов против революции у них был так называемый политический реализм. Национальные демократы не верили, что поражение России в войне с Японией или революция принесут Польше независимость, по их мнению, очередное восстание только спровоцировало бы репрессии и привело к огромным бессмысленным потерям. Вместо этого следовало извлечь пользу для польского дела из ослабления самодержавия, взамен за лояльность получить от российского правительства важные для развития польской национальной жизни уступки, в том числе широкую автономию Царства Польского. Поэтому они были решительными противниками организуемых социал-демократами и социалистами антиправительственных манифестаций и забастовок, считали стачки вредными для всего народа, в том числе и для пролетариата. Эндеки отвергали классовые лозунги, подчеркивая, что «в первую очередь мы — поляки, а уже потом — рабочие».

В начале 1905 г. в Царстве Польском начала легальную деятельность Демократическо-национальная партия во главе с Р. Дмовским и З. Балицким, нацеленная на работу со всеми основными категориями населения. Так, в феврале 1905 г. для землевладельцев был создан Союз национального труда во главе с В. Грабским, в мае — Национальный рабочий союз (НРС), действовавший в основных промышленных центрах: Лодзи, Домбровском бассейне и Варшаве. НРС стал сильнейшей структурой эндеков. В начале 1906 г. он насчитывал около 6 тыс. членов, а спустя несколько месяцев — 23 тыс., только в Лодзинском промышленном округе в нем состояло 8 тыс. человек. Деятельность НРС с самого начала приобрела праворадикальный характер, ее боевики развернули непримиримую борьбу с революционным движением. Очень скоро кровавые стычки между боевыми отрядами НРС и ППС, особенно в Лодзи, стали обыденным явлением⁶⁷.

Эндеки распространили свое влияние и на Центральное сельскохозяйственное общество, возглавляемое одним из их видных деятелей С. Хелховским. В 1906 г. в Царстве Польском они создали гимнастическое общество «Сокол», образцом для которого послужили аналогичные организации в Галиции и Великой Польше⁶⁸. В результате интенсивной деятельности эндеки в течение нескольких месяцев утвердили свое влияние среди всех слоев населения как в городе, так и в деревне.

У национальных демократов появились политические союзники. По инициативе Э. Пильца и газеты «Край» в октябре 1905 г. была создана Партия реальной политики.

В программе «реалистов» постулировалась интегральная целостность Российской империи, а в качестве конечной цели деятельности объявлялось достижение автономии Царства Польского. Известный публицист А. Свентоховский, в свое время один из виднейших популяризаторов концепции «органического труда», опираясь на либералов, связанных с варшавской «Правдой», основал Прогрессивно-демократический союз.

Существенно усилилась и левая составляющая польского политического спектра. Еще в 1904 г. ППС, СДКПил, Бунд, другие еврейские партии социалистического толка представляли собой малочисленные нелегальные организации. После январско-февральской стачки в их ряды потянулись рабочие. В конце ноября 1905 г. СДКПил созвала в Варшаве партийную конференцию, посвященную текущим организационным вопросам. Было решено развивать сеть партийных ячеек не только в городе, но и в деревне среди сельскохозяйственных рабочих. Делегаты конференции пришли к выводу, что гарантией политических и национальных свобод в Царстве Польском должно стать введение широких политических свобод в самой России. Подобную позицию занимала и ППС. К середине 1906 г. количество членов СДКПил составило около 30 тыс. человек. В июне 1906 г. прошел V съезд партии, на котором решался вопрос о том, кто — пролетариат или буржуазия — является гегемоном революции в России. Партия по своим программным требованиям и формам борьбы была близка большевикам.

Еще более бурными темпами росла Польская социалистическая партия. К началу 1906 г. она насчитывала уже около 55 тыс. членов, в том числе в Варшаве 8 тыс.⁶⁹ Революция привела к поляризации взглядов в рядах партии — все сильнее чувствовалось деление на «молодых» и «старых» во главе с Пилсудским. Динамика развития революции требовала корректировки программных установок. «Молодые» были убеждены в скором падении царизма под напором революционного движения, выступали за сотрудничество со всеми российскими социалистическими организациями. «Старые» критически отнеслись к этим установкам, допускали возможность взаимодействия только с эсерами.

На VII съезде ППС в начале марта 1905 г. обсуждались два принципиальных вопроса: 1) как относиться к революции и участвовать ли в ней ППС; 2) за какую Польшу бороться — автономную или независимую. Прения выявили разногласия по обоим вопросам, но итоговое решение носило компромиссный характер: приоритетом должна стать совместная с российскими революционерами борьба за демократическое преобразование империи Романовых, на первый план выдвигалась задача достижения автономии Царства Польского, и только в отдаленном будущем — независимости.

В июне 1905 г. «молодые» окончательно признали постулат, что польское социалистическое движение может быть только частью российского революционного лагеря и нет никаких шансов на создание «независимой Польской республики»: после победы над самодержавием Царству Польскому будет предоставлена самостоятельность в рамках Российского государства. Этот постулат в корне противоречил парижской программе ППС. Для «старых» идея сохранения польских земель в составе России, пусть даже на федеративной основе, была неприемлема. «Старые» во главе с Пилсудским оказались в меньшинстве и вышли из состава Центрального рабочего комитета, в котором теперь доминировали «молодые». На VI съезде ППС в Вене в ноябре 1906 г. партия раскололась на ППС — революционную фракцию, возглавленную Пилсудским и его единомышленниками, и ППС-левицу, готовую к сотрудничеству с российским

революционным движением и к отказу от требований независимости. Раскол ослабил партию, а начавшийся откат революции повлек за собой быстрое сокращение ее рядов. После эмиграции большинства «старых», в том числе руководителей и активистов Боевой организации, в Галицию ППС — революционная фракция почти полностью утратила в Царстве Польском свои позиции. В общей сложности в ней осталось не-сколько сот членов. Сходная судьба постигла также ППС-левицу и СДКПиЛ.

1905 год привел к огромным переменам в развитии общественных, научных и профессиональных организаций. Провозглашенные Октябрьским манифестом и реализовавшиеся в ходе революционного подъема явочным порядком гражданские свободы, указ от 4 (17) марта 1906 г. «Об обществах и союзах» дали возможность учреждения легальных профессиональных и общественных объединений. До 1907 г. было зарегистрировано более 500 польских организаций. И хотя с усилением реакции деятельность значительной их части была запрещена, раз запущенный процесс формирования гражданского общества было уже не остановить.

Осенью 1905 г. в Варшаве начал работу открытый лекторий Общества научных курсов. В числе его основателей были Г. Сенкевич, Т. Корзон, И. Хшановский и другие видные деятели науки и культуры. Курсы превратились в независимое от властей фактически высшее учебное заведение, лекции в котором до 1914 г. прослушало несколько тысяч человек. Члены Краковской академии знаний основали Варшавское научное общество (1907–1952), возобновив тем самым традицию существовавшего до восстания 1830 г. Общества друзей науки. Общество, возглавляемое В. Яблоновским, проделало большую работу по организации научной жизни Царства Польского, включая создание исследовательских центров и учреждение научных журналов. В 1906 г. по инициативе А. Свентоховского и К. Натансона родилось Общество польской культуры, просуществовавшее до 1913 г. Большой популярностью пользовался действовавший с декабря 1905 г. нелегально, а с октября 1906 г. по ноябрь 1908 г. легально Всеобщий университет под председательством Л. Кшивицкого.

В 1906 г. в Царстве Польском открыто функционировали десятки просветительских, научных, экономических, кооперативных организаций, в том числе Общество курсов ликвидации неграмотности, Общество любителей истории, Польский союз учителей, Польское общество психологов, Общество польских врачей, Общество польских юристов, Союз инженеров и техников, Центральное сельскохозяйственное общество, Польское краеведческое общество и др.

Огромное значение имела легализация в июне 1906 г. Польской матицы школьной, занимавшейся в первую очередь начальным образованием. В июле 1907 г. общество насчитывало 20 тыс. активных членов. Тогда же получило легальный статус кооперативное движение, инициаторами которого были Э. Абрамовский, Станислав Войцеховский и Р. Мельчарский, исходившие в своей деятельности из того, что кооперация должна стать школой формирования нового человека. Общество издавало журнал «Сполэм». По инициативе социалистических партий создавались профсоюзы железнодорожников, металлистов, шахтеров, текстильщиков. Одновременно национальные демократы, Национальный рабочий союз и христианские демократы при поддержке католического клира учреждали так называемые польские профсоюзы и общества христианских рабочих, куда не допускались евреи. Женщины получили возможность объединиться в рядах созданного в декабре 1905 г. Польского союза равноправных женщин. Изменения в

положении поляков произошли и в западных губерниях Российской империи. В Вильно впервые после 1893 г. стала издаваться польская пресса, открылись польские культурные и общественные организации, в том числе Виленское общество друзей науки (1906)⁷⁰.

В ноябре 1905 г. в России отменили предварительную цензуру, что дало толчок к развитию польской прессы, в 1906 г. насчитывалось уже 208 периодических изданий (против 88 в 1904 г.). Легально печатало свои газеты и социалистическое движение. Лишь некоторые издания продолжали выходить на нелегальной основе, например орган ППС «Роботник», редактируемый Я. Стржецким. В декабре 1905 г. ППС назвала своим официальным органом варшавскую газету «Курьер цодзенны», в скором времени закрытую властями. Подобной была судьба и издававшейся легально СДКПил «Трибуны люду». Однако уже с середины 1906 г. начались ограничения свободы слова, 21 марта 1907 г. возобновил работу Варшавский цензурный комитет⁷¹.

Таким образом, революционные события 1904–1907 гг. в Царстве Польском стали квинтэссенцией польской политической истории начала XX столетия. Произошел естественный отбор идей и политических организаций, выражавших интересы и чаяния отдельных социальных и национальных групп. На историческую арену вышли новые классы и партии, которые будут определять ход польской истории в ближайшие полвека. Революция выявила и обострила конфликты в позициях и идеях, подчеркнула различия между главными политическими силами, в том числе и в вопросе о путях решения главного на тот момент для поляков вопроса — национального.

Революция 1905 г. в России отозвалась эхом и в других польских землях. В Германии осенью 1906 г. началась забастовка польских учеников народных школ, требовавших включения польского языка в учебную программу и преподавания на нем Закона Божьего. Последовали репрессии со стороны властей (штрафы и аресты родителей), и спустя несколько месяцев забастовка прекратилась. В Галиции революционные события в Царстве Польском привели к радикализации политической жизни: в Кракове, Львове и других городах провинции прошел ряд забастовок и демонстраций⁷². Во многом под влиянием событий в России в Австро-Венгрии было введено всеобщее избирательное право, создававшее еще более благоприятные условия для деятельности политических партий.

II.1. БОРЬБА ЗА ЯЗЫК И УМЫ в ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ

Политическая жизнь в Царстве Польском в начале 1906 г. проходила под знаком подготовки к выборам в I Государственную думу. Царству Польскому в ней было выделено 37 из 478 мест. Национальные демократы, Партия реальной политики, Прогрессивно-демократический союз восприняли создание парламента в России как одну из важных уступок царизма и решили участвовать в выборах, в то время как ППС, ПЗЛ и СДКПиЛ объявили бойкот выборов, заявив, что сам факт присутствия польских депутатов в Петербурге послужит спасению царского правительства от банкротства.

Идеолог и лидер национальных демократов Р. Дмовский призывал польских политиков к поиску компромисса с Россией. Он полагал, что союз с русским народом необходим для совместного противодействия немецкой экспансии. Признавая необходимость сохранения государственного единства Российской империи, Дмовский добивался от центральных властей уважения национальных прав польского народа. В ходе предвыборной кампании эндеки и «реалисты» обещали развернуть в Думе борьбу за автономию Царства Польского и учреждение собственного сейма.

Выборы проводились по 4 куриям: крестьянской, средних и крупных землевладельцев, городской и рабочей. В выборах приняло участие 1 905 тыс. человек из 2 128 тыс. имевших право голоса жителей Царства Польского. Эндекам было отдано около 1 713 тыс. голосов, что позволило им получить 34 места в думе (два мандата завоевали литовские партии, действовавшие в Сувалкской губернии, один — православный епископ из Холма)⁷³. Призыв левых бойкотировать выборы реального отклика у избирателей не нашел. Среди депутатов от национальных демократов были, в частности, Владислав Грабский, А. Парчевский, Ю. Свежиньский, В. Тышкевич, С. Хелховский, В. Яроньский. Лидеры партии в выборах не участвовали. В Думе польские депутаты создали собственную фракцию — польское коло, возглавляемое Я. Харусевичем. Депутаты-поляки из западных губерний к польскому коло не присоединились и образовали отдельное парламентское представительство — Территориальное коло⁷⁴.

В повестку дня работы думских депутатов были поставлены вопросы о земле, подотчетности правительства Думе и всеобщей амнистии. Ответом на эти требования стало решение царя о роспуске I Государственной думы уже в июле 1906 г., через 73 дня после ее первого заседания.

1907 год начался в атмосфере подготовки к назначенным на февраль выборам во II Государственную думу. В Царстве Польском сформировалось два конкурирующих блока: Национальная концентрация (Национально-демократическая партия, Партия реальной политики, Польская партия прогрессистов, отделившаяся от Прогрессивно-демократического союза) и Прогрессивное объединение (Прогрессивно-демократический союз и Еврейский избирательный комитет). На этот раз в выборах приняла участие и СДКПиЛ, выступившая единым блоком с Бундом. ППС — револю-

ционная фракция, руководство которой практически в полном составе эмигрировало в Австро-Венгрию, была мало заметна в политической жизни Царства Польского. Осенью 1907 г. комитет Сената внес поправки в закон о выборах, заметно уменьшив число избирателей в городской курии. В ней могли голосовать только те горожане, чьи жилища, в частности, имели отдельный выход на улицу и отдельную кухню.

Национальная концентрация пошла на выборы с программой эндеков об автономии Царства Польского, в политической риторике ею широко использовались антисемитские лозунги. На этот раз в выборах принял участие Р. Дмовский. Успех был на стороне Национальной концентрации: эндеки получили 29 мандатов, 3 пришлось на долю Польской прогрессивной партии, 2 — Партии реальной политики, остальные места распределились так же, как на выборах 1906 г. СДКПил не получила ни одного места. Таким образом, была заложена традиция, продолженная и в межвоенный период, когда на свободных выборах большинство голосов польских избирателей получали эндеки.

Польское коло, руководимое Р. Дмовским, в апреле 1907 г. представило в Думе законопроект об автономии Царства Польского, копировавший систему галицийской автономии. Им предусматривалось предоставление русской Польше права иметь собственный законодательный сейм, бюджет, польского министра в российском правительстве — статс-секретаря по делам Царства Польского, польскую гражданскую администрацию, судопроизводство, а также введение польского языка в государственных школах⁷⁵. Все эти новшества должны были способствовать установлению согласия между польским и русским народами. В пояснении к законопроекту отмечалось, что российские «правительственные учреждения и чиновничьи канцелярии в Польше служат образцовой школой всех отрицательных сторон бюрократии», низкое моральное качество которой является причиной оппозиционности и недовольства действующей властью, распространенных в польском обществе⁷⁶. Посредством децентрализации власти авторы проекта планировали уменьшить произвол чиновничества в Царстве Польском. Национальные демократы были убеждены в готовности российских либералов поддержать требования поляков об автономии.

По свидетельству польских консерваторов, этот законопроект был воспринят негативно в правящих кругах империи, он звучал как ультиматум в сложный для самодержавия момент⁷⁷. Дмовскому не удалось добиться поддержки польской инициативы ни одной из думских партий. А уже 3 (16) июня 1907 г. II Государственная дума была распущена.

Немаловажную роль в определении позиции Петербурга в польском вопросе играла Германия. По свидетельству члена Государственного совета И. Корвина-Милевского, кайзер Вильгельм II через своего посла в России передал Николаю II, что предоставление полякам автономии будет недружественным актом по отношению к его стране⁷⁸. В последующем министр иностранных дел России С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях признавал, что «наша польская политика обуславливалась... в значительной мере берлинскими влияниями, которые проявлялись под видом бескорыстных родственных советов и предостережений, каждый раз, как германское правительство обнаруживало в Петербурге малейший уклон в сторону примирения с Польшей»⁷⁹.

Сотрудничество затрудняло и общее недоверие российских властей к полякам, которых считали «неблагодарными» и «коварными». Само слово «автономия» раз-

дражало власть предрержащих. Правительство не без оснований опасалось, что автономия может стать первым шагом на пути к отделению Польши от России. Самолюбие русской стороны задевали и надменные высказывания Р. Дмовского. Так, он заявил, что искреннее соглашение между русским и польским народами затруднено тем, что «мы поляки — европейцы, а русские — азиаты». По свидетельству современников, П.А. Столыпин якобы заметил: «Если это так, то я быстро покажу господину Дмовскому, откуда эта Азия начинается!»⁸⁰.

Самодержавная власть не хотела, чтобы депутаты от национальных меньшинств влияли на характер принимаемых Думой решений. В июньском манифесте 1907 г. о роспуске II Государственной думы прямо говорилось: «Созданная для укрепления Российского государства Государственная дума должна быть русской также по духу, а другие народности, входящие в состав нашей родины, должны иметь в Думе представительство своих нужд, но они не должны и не будут пребывать в числе, позволяющем им решать чисто русские вопросы»⁸¹. Согласно измененному правительством по приказу царя положению о выборах в III Государственную думу, Царству Польскому выделялось только 14 мандатов, в том числе один для литовских и два для русских избирателей. В результате поляки уже не могли играть в российском парламенте скольконибудь заметной роли.

На выборах 1908 г. в III Государственную думу эндеки в очередной раз праздновали победу, получив все 11 польских мест. Руководимое Дмовским Польское коло сотрудничало с шестью членами Польско-литовско-белорусской группы. СДКПиЛ, Бунд и ППС-левица получили менее 0,5% голосов и остались без мандатов. Влияние польской фракции в Думе было минимальным, представители Царства Польского использовали ее главным образом как трибуну для пропаганды идеи решения польского вопроса. Так, при обсуждении в Думе текста приветственного адреса императору в декабре 1907 г. Дмовский предложил включить в него просьбу об удовлетворении обоснованных требований народов России. А тремя днями позже, при обсуждении программной декларации П.А. Столыпина, он заявил, что польский народ никогда не согласится с положением граждан «второго разряда». На это председатель Совета министров заметил: «Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права»⁸².

Дмовский пытался добиться благожелательного отношения российской общественности к польскому вопросу на Всеславянском съезде в Праге в июле 1908 г. Но эффект от этой акции был незначительным⁸³. Тогда же он опубликовал во Львове работу «Германия, Россия и польский вопрос», ставшую своеобразным манифестом национальных демократов и их союзников на период до Февральской революции 1917 г. Ее главной задачей было убедить польское общество в том, что ключ к решению польского вопроса находится в руках России. У России, в отличие от Германии, нет никакого плана ассимиляции поляков, а установленный ими в Царстве Польском режим по сути является военной оккупацией. Зато у поляков и России есть общая цель — борьба с германским *Дранг нах Остен*, и на этой основе возможно их взаимодействие. Дмовский не давал никаких конкретных рекомендаций к действию, но всякому внимательному читателю было ясно, что он предлагал России союз, надеясь взамен добиться от нее

практических шагов по решению польского вопроса применительно ко всем польским территориям, а не только Царству Польскому. О международном резонансе этого труда свидетельствует его незамедлительный перевод на русский и французский языки.

Столь радикальный поворот в политике Дмовского, на тот момент непререкаемого авторитета эмиграции, привел к внутреннему кризису этого политического лагеря. В 1908–1911 гг. его ряды покинули Союз польской молодежи, Национальный рабочий союз, а также несколько мелких групп. Их не устраивали не только теоретические конструкции Дмовского, но и его практические действия — участие в движении сторонников славянского единства (неославистов), призывы к прекращению бойкота российских образовательных учреждений, соглашательская тактика в Думе⁸⁴.

Но правительство не торопилось идти навстречу польским постулатам, реализация которых, по его убеждению, грозила ослаблением России. С целью пресечения угрозы сепаратизма в Царстве Польском оно приступило к ликвидации общественных организаций, прививавших польское национальное самосознание широким массам. В декабре 1907 г. была запрещена деятельность Польской матицы школьной — крупнейшей общественной организации, занимавшейся организацией польских начальных школ, детских садов, читален, библиотек, курсов ликвидации неграмотности. Одной из причин этой меры было названо то, что «своей главной целью она считает не столько просвещение народных масс, заслуживающее поддержки правительства, сколько преступное пробуждение в народе духа узко-национального отличия»⁸⁵.

Особое значение правящие круги России придавали ограничению польского влияния в северо-западных и юго-западных губерниях империи. В этих регионах была запрещена деятельность ряда польских просветительских обществ, во внутреннем делопроизводстве допускалось использование только русского языка. С 1910 г. в Северо-Западном крае началась ликвидация польских школ, из начальных школ увольнялись польские и литовские учителя. В некоторых губерниях местные власти запрещали вывешивать двуязычные польско-русские вывески, делать польские надписи на товарах в магазинах и афишах польских представлений.

На укрепление «русских» позиций в Западном крае был направлен закон 1911 г. о введении земства. Несомненно, его авторам было хорошо известно, что доля польского населения в крае не превышала 3,4% от общего числа жителей, но польские помещики владели большей частью земель, что поддерживало доминировавшее в польском обществе убеждение в историческом праве Польши на восточные территории шляхетской Речи Посполитой. П.А. Столыпин защищал этот законопроект в Государственной думе самым решительным образом. Премьер указывал на то, что после крестьянской реформы и реформы губернского управления этот вопрос имеет первостепенное значение. Обосновывая необходимость принятия законопроекта, П.А. Столыпин отмечал, что в 1905 г. в результате политики «послабления» полякам, «польскому населению представилась возможность идти вместе... рука об руку с русскими по культурному пути, по спокойному государственному руслу... Как же воспользовалась польская интеллигенция этой возможностью? — спрашивал премьер. — Да так же, как и в первые два раза (польские восстания в XIX в. — М.Б.): сильным поднятием враждебного настроения по отношению ко всему русскому»⁸⁶.

П.А. Столыпин осуждал попытки колонизации Западного края, обращал внимание на «полное игнорирование всего русского», не одобрял высказываний о превосходстве

польской культуры над русской⁸⁷. Доказывая необходимость введения национальных курий на выборах в земства, он отмечал, что в Западном крае верхний, влиятельный слой населения является преимущественно польским⁸⁸. В будущих избирательных собраниях, если они не будут разделены на национальные отделения, поляки получат преобладающее влияние. «Силой своего влияния — союзов, избирательных блоков, экономического если не давления, то авторитета — поляки, конечно, будут иметь возможность провести в земские гласные лиц им желательных», — замечал премьер⁸⁹. Он был убежден, что Западный край должен быть огражден от доминирования в экономической жизни «польского элемента»⁹⁰. «В законе [о западном земстве] проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения...», — констатировал Столыпин⁹¹. Без национальных курий на выборах в земства русский элемент «будет оттеснен, будет отброшен». Поэтому законопроект призван защитить «властным и решительным словом русские государственные начала..., запечатлев открыто и нелицемерно, что Западный край есть и будет край русский навсегда, навеки»⁹².

В законе вводилась фиксация количества гласных, вдвое сокращавшая представительство поляков по сравнению с тем, которое они должны были иметь по Положению о земстве 1890 г. Закреплялось также преобладание неполяков в управах и в составе земских служащих.

Противники Столыпина стремились использовать вопрос о введении национальных курий как повод для ослабления политических позиций премьера. Законопроект о западном земстве не получил поддержки Государственного совета. Лидер правой группы Совета П.Н. Дурново подал царю записку, в которой назвал введение национальных курий опасной мерой, способной оттолкнуть от правительства весь класс польских землевладельцев в Западном крае, лояльно настроенных к России, и усилить антирусские настроения в регионе⁹³.

Несмотря на интриги, закон о земской реформе был принят — с использованием ст. 87 Основных законов и роспуском на три дня обеих палат парламента. Однако обстоятельства, связанные с его принятием, негативно сказались на моральном состоянии П.А. Столыпина. «Что-то в нем оборвалось, — вспоминал В.Н. Коковцов, — была уверенность в себе куда-то ушла, и сам он, видимо, чувствовал, что всё кругом него молчаливо или открыто, но настроено враждебно»⁹⁴.

П.А. Столыпин выступал также за административное выделение из состава Царства Польского территорий с преобладанием восточнославянского населения⁹⁵. Еще в 1865 г. в правящих кругах обсуждалась идея образования особой губернии из юго-восточной части уже существовавшей тогда Люблинской губернии путем выделения «русского» (украинского) меньшинства в особую административную единицу. Комитет по делам Царства Польского подчеркивал важность этой меры, поскольку нужно было восстановить «подавленную» в данном регионе «русскую» народность. Однако из-за дороговизны содержания государственных учреждений новой губернии проект был отклонен.

Вопрос об образовании Холмской губернии с целью «спасения» Холмской Руси от «окатоличивания» и «ополячивания» вновь был поднят в 1895 г. генерал-губернатором П.А. Шуваловым. Русские националисты поддерживали эту идею и настаивали на том, что Холмщина должна стать составной частью русской национальной территории.

Актуальность Холмского вопроса усилилась после массового перехода в 1905 г. бывших униатов из православной в католическую церковь. Это подтолкнуло православное духовенство Холмщины во главе с епископом Евлогием (членом II и III Государственных дум) усиленно добиваться создания новой губернии. На вопрос о цели выделения Холмской Руси епископ заявлял: «...это необходимо для спасения погибающей там русской народности. Особенно трагичным является тот факт, что процесс денационализации продолжается и тогда, когда Холмщина перешла под русское владычество, и с особой интенсивностью развивался в XIX в. Только государственным мероприятием можно положить конец этому процессу исчезновения русской народности»⁹⁶.

Имелись также и другие мотивы для осуществления этого плана. Как вспоминал С.Е. Крыжановский, «по официальной, никогда не высказанной мысли, мера эта имела целью установление национально-государственной границы между Россией и Польшей, на случай дарования Царству Польскому автономии»⁹⁷.

Во время обсуждения Холмского проекта польские политики заявляли, что он является посягательством, «на какое до сих пор не решались даже самые отъявленные русификаторы». Депутат Л. Дымша отмечал, что принятие закона приведет к серьезному обострению польско-русских отношений, будет нанесением национальной обиды полякам и преумножит конфликты между двумя народами⁹⁸. Против выделения Холмщины выступали кадеты, прогрессисты, социал-демократы. Однако большинством голосов думцев закон об образовании Холмской губернии был принят в 1912 г. Новая губерния подчинялась не варшавскому генерал-губернатору, а министру внутренних дел. В судебном отношении Холмщина была присоединена к округу Киевской судебной палаты, учебные заведения подчинены попечителю Киевского учебного округа.

Еще одним шагом правительства, который в польском общественном мнении также воспринимался негативно, был выкуп государством Варшавско-Венской железной дороги. Польские депутаты утверждали, что правительство осуществляло эту меру исключительно в целях борьбы с польскими интересами, желая удалить всех польских служащих с этого предприятия. Перечисляли они и случаи ущемления национальных прав поляков на Привислинской железной дороге, где были уволены все служащие и инженеры-поляки, даже вокзальные врачи и носильщики. Премьер-министр В.Н. Коковцов отрицал политические мотивы этого мероприятия. «...Всему делу [был] придан чисто деловой, финансовый и технический характер, а неприкосновенности служащим, готовым служить на правительственной службе так же, как они служили частному обществу, мной [были] даны от имени правительства все гарантии справедливости», — вспоминал Коковцов⁹⁹.

Последние предвоенные выборы в Думу в 1912 г. проходили на основании в очередной раз скорректированного закона о выборах, существенно изменявшего состав избирателей и выборщиков в Царстве Польском. В результате голосования эндеки потеряли мандаты в Варшаве и Лодзи, двух крупнейших городах провинции. В Варшаве, в частности, не прошел Р. Дмовский. Но в целом провинция вновь поддержала национальных демократов.

Польские депутаты упрекали российские власти и в том, что они систематически препятствуют полякам в продвижении по карьерной лестнице в судебных учреждениях

Царства Польского. Министр юстиции И.Г. Щегловитов на эти упреки ответил, что он и не думает «засорять» русское судопроизводство примесью «польского элемента»¹⁰⁰.

Не получали поддержки правящих кругов империи и такие требования польской стороны, как проведение в Царстве Польском школьной реформы, учреждение земского и городского* самоуправления. Ко всему, что могло бы даже косвенно повысить политическую активность польского населения, власти относились крайне настороженно. Отсутствие городского самоуправления в провинции привело в конечном итоге к отставанию в развитии социальной сферы польских городов, процветанию в их магистратах злоупотреблений и финансовых махинаций. Городские власти мало заботились о состоянии здоровья и гигиены населения подопечных территорий. Грязь была повсюду — в магазинах, ресторанах, постоянных дворах, станционных зданиях¹⁰¹. В плане чистоты наблюдался разительный контраст с польскими городами Германии.

Не самым лучшим образом складывалась ситуация в системе образования. По численности неграмотного населения Царство Польское являлось одним из самых отсталых регионов Европы. По этому показателю оно начинало уступать и внутренним губерниям России, в которых благодаря деятельности земств и правительственных учреждений быстро росло количество учащихся. Хотя власти дали согласие на создание частных школ с польским языком обучения, однако их выпускники не имели права поступать в государственные вузы, так как не получали аттестатов зрелости государственного образца.

Не прекращались преследования за домашнее обучение детей на польском языке. Согласно постановлению 1908 г., лица польского происхождения не могли преподавать историю и географию. Согласно закону об образовании, подписанному царем в 1912 г., учителями в государственных школах могли быть только православные, в то время как на момент издания этого постановления 85% учителей в Царстве Польском являлись католиками.

Польское общество затронули также репрессии, связанные с усилением борьбы с подрывными действиями и бандитизмом. «Достаточно сказать, — отмечалось в одной из публицистических работ, — что количество смертных приговоров в одной только Варшаве, и это только в течение двух лет умиротворения 1907–1908 гг., на полсотни превосходит число казней в повстанческом четырехлетии 1861–1865 гг. во всем Царстве, а с известным палачом Литвы, Муравьевым, по количеству подписанных смертных приговоров сравнился генерал-губернатор одной только Лодзи, единственного в современной Европе города, в котором есть постоянная виселица»¹⁰².

И все же, несмотря на чинимые правительственными органами препятствия развитию национальной жизни польского народа, в послереволюционное время в Царстве Польском наблюдалось всеобщее оживление в культурно-образовательной сфере. Продолжали работать объединения художников, музыкантов, актеров, юристов, врачей, экономистов. Росло количество периодических изданий на польском языке. Действовали польские издательства, театры с национальным репертуаром, названия улиц и вывески на магазинах были двуязычными.

* Закон о городском самоуправлении в Царстве Польском был принят лишь в начале 1915 г.

Активное развитие получило женское движение. К началу Первой мировой войны было зарегистрировано 26 женских организаций¹⁰³. Среди них были объединения, многое сделавшие в области просвещения. Так, например, под патронатом Общества объединенных помещиц организовывались кружки для крестьянок, сельскохозяйственные школы для девушек, издавались журналы для жительниц села. В целом значительная часть польских частных школ были женскими.

Если власти закрывали одни просветительские учреждения, то поляки создавали новые. Действовали нигде не зарегистрированные школы, занятия проводились в группах на частных квартирах, преподавались польский язык, история и география Польши, создавались библиотеки, организовывались курсы для сельских учителей, издавалась учебная литература для крестьян, из-за границы ввозились учебные материалы для школ и богослужебные книги. При гимназиях и профессиональных школах создавались тайные кружки самообразования. Школьники выпускали нелегальные журналы. «Образовательное подполье» функционировало в том числе и благодаря взяткам полицейским, чиновникам от образования, школьным инспекторам. Не случайно Р. Дмовский отмечал, что русификаторская политика (в отличие от германизации) не представляла для польского общества серьезной угрозы из-за низкого культурного уровня русской бюрократии, ее организационной неумелости и коррумпированности.

Интересным явлением в жизни польского общества были общественные гражданские суды: товарищеские, примирительные, чести¹⁰⁴. За растрату общественных средств или доносительство такой суд мог приговорить обвиняемого к исключению из общества навсегда либо на определенный срок, запрету занимать выборные должности в общественных организациях, возвращению растраченных средств. В рабочей среде суды рассматривали дела о кражах, пьянстве, долгах, посредничали в урегулировании семейных споров.

Несмотря на то, что в польском общественном сознании, литературе, а затем и в исторических трудах утвердилось мнение о полной русификации государственного аппарата в Царстве Польском, на самом деле русские доминировали только на высших должностях, количество которых было относительно невелико. Поляки продолжали сохранять численное преобладание в администрации, полиции и судебных учреждениях. Хорошей репутацией у поляков пользовались русские судьи и прокуроры, отличавшиеся образованностью, компетентностью, независимостью и неподкупностью¹⁰⁵. Среди русских чиновников были не только «миссионеры-русификаторы», но и те, кто выполнял свои обязанности без большого рвения, а некоторые даже были дружественно настроены к польскому народу. Многие поляки делали карьеру в русской армии, занимали ответственные посты в российских министерствах, лоббируя интересы польских предпринимателей в различных уголках империи. Существенно меньшими возможностями обладало еврейское население Царства Польского, для которого был закрыт доступ ко многим сферам деятельности и в провинции, и в других регионах России.

Некоторые высшие сановники понимали важное значение польского вопроса для судеб страны. Одним из таких людей был министр иностранных дел России С.Д. Сазонов. В ноябре 1913 г. он писал Николаю II, что «крайне желательно избегать... новых поводов к недовольству, толкающему поляков в объятия наших зарубежных врагов»¹⁰⁶. В записке на имя императора в начале 1914 г. министр подчеркивал, что «ре-

шение вопроса заключается... в создании реального интереса, который бы связал поляков с русской государственностью»¹⁰⁷. Во имя «великодержавных интересов» России он считал целесообразным пойти навстречу «разумным желаниям польского общества в области самоуправления, языка, школы и церкви». Однако в последующем российский политик был вынужден признать, что ему так и не удалось склонить высшую власть к более «доверчивым отношениям с поляками». «Я ожидал от моего назначения министром иностранных дел возможности с большим успехом отстаивать и проводить мои взгляды в вопросах нашей польской политики, — вспоминал С.Д. Сазонов. — Однако я должен был вскоре убедиться, насколько трудно бюрократическому государству поправить с укоренившимися долгой практикой мнениями и привычками»¹⁰⁸.

Но в целом следует признать, что к началу Первой мировой войны политическая ситуация в Царстве Польском была достаточно стабильной. Левые партии в условиях спада революционного движения растеряли большинство своих членов и вновь превратились в небольшие нелегальные организации профессиональных революционеров. Пилсудский и его соратники, весьма заметные на политической сцене в годы революции, находились в эмиграции в соседней Галиции и лишь периодически направляли в Россию своих эмиссаров, главным образом для сбора средств и информации разведывательного характера, которую затем передавали австрийской военной разведке. А первую скрипку на политической сцене играли национальные демократы и их союзники, связывавшие первый этап решения польского вопроса — объединение всех польских земель в единое целое — с победой России и ее союзников в будущей войне с германским блоком.

II.2. БОРЬБА ЗА ЯЗЫК И ЗЕМЛЮ В ГЕРМАНИИ

В Германии начала XX в. сложились весьма сложные условия для польской национальной жизни. Власти не оставляли бисмарковской политики германизации польского населения и усиления немецкого присутствия в восточных провинциях империи. Все также активно действовала Колонизационная комиссия, выкупавшая оказывавшуюся на местном рынке землю и затем продававшая ее на выгодных условиях немецким колонистам из внутренних районов Германии. Бюджет этой организации постоянно рос: если в 1902 г. он составлял 350 млн марок, то в 1913 г. — около 1 млрд марок¹⁰⁹. В задачи комиссии также входило создание крупных немецких поселений в регионах с преобладающим польским населением, сдерживание процесса реполонизации городов в восточных провинциях Пруссии, экономическое ослабление польской землевладельческой знати, формирование условий для культурной ассимиляции поляков.

Осуществлению этой стратегии было призвано служить специальное законодательство. Так, в 1904 г. был принят закон, запрещающий строительство жилых домов и хозяйственных построек на новоприобретенных участках земли. Согласно тайным распоряжениям, чиновникам предписывалось отказывать в таком строительстве поданным Германии польского происхождения.

Другой закон, принятый в 1908 г., предусматривал принудительное отчуждение польских земельных владений в тех местностях, где «их немецкий характер нельзя

обеспечить иначе как укреплением и увеличением немецких владений путем создания поселений»¹¹⁰. Это постановление вызвало возмущение в Европе, где право собственности считалось основой общественной морали и порядка.

В 1907 г. в германский рейхстаг был внесен законопроект о «союзах и собраниях», гласивший, что прения на публичных собраниях должны вестись только на немецком языке. Под давлением немецких либералов правительство было вынуждено пойти на уступки и согласиться с тем, что «в тех частях страны, где ко времени вступления в силу настоящего закона существуют коренные части населения не немецкого природного языка, если только они по данным последней переписи превосходят 60% всего населения, допускается в течение первых двадцати лет по вступлении в силу данного закона употребление не немецкого языка, при условии, что организатор публичного собрания по меньшей мере за трое суток до его начала известит полицейские власти, что заседание будет вестись не по-немецки и на каком именно языке»¹¹¹. Тем не менее, несмотря на эту поправку, поляки называли этот закон «намордником», поскольку он лишал права на публичное использование родного языка 45% польского населения Пруссии, проживавшего в районах с преобладанием инонационального населения.

Власти увольняли поляков с государственной службы, вытесняли из органов местного самоуправления, стремились полностью устранить польский язык из школьного образования. Польские учителя переводились в центральные и западные районы Германии, на их место приглашались немецкие педагоги, получавшие дополнительные денежные выплаты («восточная надбавка»). Учителя приносили присягу в том, что будут учить и воспитывать молодежь в духе верности немецким идеалам, Германии и кайзеру.

Немцы пользовались преференциями на выборах в органы местного самоуправления. Администрация поддерживала немецкий капитал, предоставляла субвенции для немецких предпринимателей. Полякам трудно было устроиться на работу в государственные и муниципальные предприятия, которыми руководили немцы.

Националистически настроенные чиновники, полицейские использовали любую возможность для дискриминации поляков. Владельцев магазинов штрафовали за вывески, написанные по-польски, редакции польских газет наказывали за публикации, якобы оскорблявшие государство и императора.

Процесс германизации отражался даже на польских фамилиях. Они переводились на немецкий язык, польская фонетика записывалась в соответствии с принципами немецкой орфографии и с изменением элемента фамилии (например, суффикса). Онемечивались не только имена и фамилии, но и географические названия. На почте не принимались письма и посылки, адресованные по-польски. Даже таблички на надгробных памятниках заставляли писать по-немецки.

Продолжала свою антипольскую деятельность «Гаката». Ее активисты убеждали немцев в необходимости выкупать недвижимость у поляков, переселяться в восточные провинции, укреплять немецкий средний класс в восточных городах страны, организовывали патриотические собрания, поддерживали немецкую школу.

Многие государственные деятели Германии были настроены антипольски. О. Бисмарк называл поляков «врагами империи». Канцлер Б. Бюлов постоянно говорил о «социалистической и польской опасности для Пруссии и империи», считая

положение в восточных районах страны одной из самых важных проблем внутренней политики, от разрешения которой зависит будущее Германии. В беседе с французским журналистом Бюлов сравнил поляков с кроликами, «размножение» которых следует остановить¹¹². Антипольские выступления поддерживал и кайзер Вильгельм II.

Р. Дмовский не без оснований считал, что сохранение польских земель в составе рейха было жизненно важным вопросом для его руководства¹¹³. Благодаря польским землям владения Пруссии были объединены в единое территориальное целое. Их наличие во многом обеспечивало мощь Пруссии и ее доминирующее положение в объединенной Германии. Растворение поляков в немецком море, их этническая ассимиляция являлись гарантией сохранения этих земель в составе империи. Со своей стороны Дмовский не представлял польского народа и будущей независимой Польши без польского населения восточных провинций Германии. Главной угрозой для поляков он называл империю Гогенцоллернов. «Германия наш непримиримый враг, — писал Дмовский. — Мы стоим у них на пути таким образом, что между нами нет компромисса»¹¹⁴. Следует сказать, что его отношение к судьбе поляков в Пруссии коренным образом отличалось от позиции Ю. Пилсудского, вообще не затрагивавшего этот вопрос в своих публикациях и выступлениях.

Реакцией на германизаторскую политику конца XIX — начала XX в. стал подъем польского национального движения, которое нередко называют «польским национальным Возрождением». Угроза германизации отодвигала на второй план социальные противоречия, заставляла поляков консолидироваться с целью противодействия враждебной политике властей. Даже в прессе Польской социалистической партии Пруссии большое место занимала католическая тематика, частым было обращение к традициям польской национальной культуры и государственности.

Значительные усилия польского общества были направлены на сохранение национальных позиций в экономической сфере. В процессе сопротивления германизации поляки организовали по сути дела собственную национальную экономику. Создавались многочисленные кооперативные объединения и экономические товарищества, ссудно-сберегательные общества. В борьбе за «сохранение родной земли» парцелляционные организации и сельскохозяйственные кружки старались не допустить их выкупа Колонизационной комиссией. Земля стала не только важной материальной ценностью, но и духовной святыней. Те, кто продавал ее немцам, подвергались осуждению соотечественников.

С помощью национальных кредитных обществ, парцелляционных банков поляки все более активно выкупали землю у самих немцев. Посредством кооперации было налажено снабжение польских крестьян машинами, инвентарем, удобрениями, оказывалась помощь в сбыте аграрной продукции, проводились сельскохозяйственные выставки. В результате польское землевладение в Познаньской провинции и Гданьском Поморье за период 1885–1913 гг. увеличилось с 1631 тыс. га до 1731 тыс. га¹¹⁵.

Польские банки обеспечивали соотечественникам независимость от немецких кредитных учреждений, создавали выгодные условия возврата займов¹¹⁶. Заботясь о повышении уровня экономической культуры польского населения, промышленные и ремесленные объединения организовывали курсы повышения квалификации, торговые школы и выставки выпускаемой продукции. Польские финансовые организации поддерживали инициативы, направленные на сбор средств для обучения детей тем

иным профессиям. В польской публицистике звучали призывы бойкотировать немцев и их товары, покупать только польское — «свой к своему за своим», «покупайте у своих, кто грошем делает богатыми польских врагов, тот обкрадывает свою родину и братьев»¹¹⁷. Польские интеллектуалы превозносили такие качества, как хозяйственность, бережливость, деловая этика, скромность, пунктуальность, осуждали расточительность.

В целом, благодаря трудолюбию, кооперации и предприимчивости, правовой культуре, в жесткой конкурентной борьбе за выживание поляки демонстрировали успешное сопротивление политике властей. Хотя в Поморье, Вармии и Мазурах, где молодые поколения поляков подвергались ассимиляционным процессам, ситуация с национальной точки зрения оставалась тревожной, в Великой Польше и отдельных районах Верхней Силезии немцам не удалось добиться экономического и демографического перелома в свою пользу. Как отмечал Р. Дмовский, польское общество противопоставило немцам «собственную культуру, активную и способную к конкуренции»¹¹⁸. Борьбу с более развитым противником он считал тяжелой, но хорошей школой для поляков.

Особое значение польские деятели придавали национально-просветительской и культурной работе. «Полонизационными» мероприятиями занимались многочисленные культурно-просветительские общества. В ответ на германизацию школ была создана сеть библиотек и читален, призванных поддерживать знание польского языка, прививать вкус к чтению польской литературы, укреплять национальное самосознание у широких слоев населения. Развивалась лекционная работа, издавались польские буквари, национальная литература, поэзия, песенники, исторические труды, пресса, создавались польские региональные музеи, хоровые и оркестровые коллективы, гимнастические союзы и общества трезвости, отмечались памятные даты, открывались книжные магазины, собирались подписи под различного рода петициями, проводились митинги протеста, для молодежи организовывались поездки в Краков и Львов. Многочисленные делегации из прусской Польши приняли участие в имевших антинемецкую направленность торжествах по случаю 500-летия победы под Грюнвальдом, которые проходили в Кракове в июле 1910 г. и собрали 150 тыс. человек со всех польских земель.

Борьба польского народа за свои права привлекала внимание международного общественного мнения. Одним из событий, имевших широкий резонанс в Европе, стали забастовки польских школьников. Они были спровоцированы стремлением властей перевести преподавание Закона Божьего с польского на немецкий язык. Символом борьбы за родной язык стал отказ школьников в селе Вжесня в 1901 г. подчиниться указанным нововведениям, за что они подверглись телесным наказаниям, а против вставших на их защиту родителей было возбуждено судебное разбирательство. Ситуация повторилась в 1906 г., когда в знак протеста против очередной попытки властей ввести немецкий язык на уроках религии в забастовках приняло участие уже более 70 тыс. детей в Познанской провинции и более 20 тыс. в Западной Пруссии. В защиту пострадавших выступили видные деятели культуры, среди них был и лауреат Нобелевской премии по литературе Г. Сенкевич. В своем открытом письме императору Вильгельму он писал: «Школа, а в ней учитель, в Прусском королевстве не являются наставником, который просвещает и ведет ребенка к Богу. Напротив, это какой-то беспощадный садовник, в должностные обязанности которого входит насильственная

прививка здоровой польской поросли на пусть даже кривой, но немецкий карликовый дичок. С каждым годом в этих школах все больше слез, свиста розг, издевательств... Сегодня самая большая проблема — это война всего государства, всей прусской мощи с детьми»¹¹⁹. Сенкевич упрекал кайзера в том, что миллионы поляков в период его правления несчастливы «как никогда до этого».

Другим символом борьбы с германизацией стал польский крестьянин М. Джимала, который в 1904–1909 гг. вел тяжбу с прусской администрацией. Получив отказ на возведение жилого дома на только что приобретенной земле, Джимала поставил на участке цирковой фургон и стал в нем жить. Так он обошел дискриминационный закон 1904 г., поскольку фургон (с точки зрения права) был не домом, а средством передвижения.

Действия М. Джималы вызвали недовольство властей, которые всеми доступными им правовыми средствами стремились ликвидировать его «дом». Сначала Джимале было велено убрать из фургона печку, так как ее наличие в средстве передвижения противоречило нормативным предписаниям. За невыполнение этого требования Джимала провел неделю под арестом. Затем упрямого польского крестьянина обязали вынести из овина мебель и постель, так как он там «незаконно» устроил спальню. В конце концов, власти убрали фургон, и Джимала был вынужден продать свою землю. Судебно-административная тяжба, длившаяся несколько лет, принесла польскому крестьянину широкую известность, в том числе за рубежом. За него заступались Г. Сенкевич, Л.Н. Толстой.

При активном участии Г. Сенкевича поляки организовали международное общественное мнение против закона, допускавшего возможность принудительной экспроприации польских землевладений. В защиту польского народа высказались многие известные интеллектуалы Европы. «Государством бандитов» назвал Германию Л.Н. Толстой¹²⁰. По предложению польского кола в рейхсрате в 1908 г. австрийский парламент осудил закон об экспроприации. Предпринятые усилия принесли нужный эффект: введение закона в действие было приостановлено на несколько лет.

Долгое время в парламентских учреждениях Германии польские интересы представляли консерваторы, выступавшие в защиту права поляков на свободное отправление культа, языковую самобытность, против колонизационной политики, принудительного отчуждения польской земли. Однако в целом консерваторы проводили умеренную и лояльную властям политику, искали согласия, компромисса с государством. Их позиции пошатнулись в начале XX в., когда на польских землях Германии стали усиливаться национальные демократы, выступавшие за более решительные действия в защиту прав польского народа. Польские земли, захваченные Пруссией в период разделов Речи Посполитой в XVIII в., рассматривались эндеками как колыбель польской государственности и неотъемлемая часть будущей независимой Польши.

Эндеки стали действовать в прусской Польше как нелегальная группа с 1898 г. Их руководителем был Б. Хжановский — первый эндек, избранный в 1901 г. в немецкий рейхстаг. Национальные демократы создавали многочисленные польские организации, пропагандировавшие гражданскую и патриотическую активность, призывавшие отмечать национальные праздники и памятные даты, исполнять патриотические песни. По их инициативе был учрежден общественный форум — Национальный совет — координировавший польские мероприятия в различных регионах Германии. Национальные демократы заметно укрепили свои позиции в представительных учреж-

дениях страны. По итогам выборов 1907 г. из 20 депутатов польского коло рейхстага 7 были связаны с эндецией. С 1909 г. национальные демократы действовали в прусской части как Польское демократическое общество.

Одним из наиболее ярких польских деятелей рассматриваемого времени в прусской Польше являлся Войцех Корфанты. В своей публицистике он соединял социальные интересы простого народа с национальными лозунгами, пропагандировал идею единства польской нации от «Одера до Двины и Днепра»¹²¹, призывал соотечественников к «борьбе за язык, веру, обычаи, права, унаследованные от предков», убеждал избирать не немецких, а польских депутатов («поляка только поляк защитит»), добивался возвращения польского языка в школу, администрацию и судопроизводство¹²². Определенное время Корфанты являлся приверженцем национально-демократической партии, однако с 1910 г., не порывая контактов с эндецией, связал свою деятельность с христианской демократией. В заключенном с хадеками соглашении о партнерстве отмечалось, что «основой существования нашего народа с точки зрения национальной социальной и экономической является позитивный труд... борьба с социал-демократами, гакатистами и германизаторскими силами»¹²³.

II.3. Политическая жизнь на польских землях Австро-Венгрии (Галиция)

Революционные события в России 1905–1907 гг. придали либеральным и левым силам дополнительный импульс в борьбе за демократизацию Габсбургской монархии. Важным шагом на этом пути было принятие в 1907 г. нового закона о выборах в рейхсрат, согласно которому избирательные права предоставлялись всем мужчинам, достигшим 24-летнего возраста. Первые выборы, состоявшиеся на основе этого закона в мае того же года, принесли успех массовым политическим партиям. В Галиции Польские социалисты получили 4, либералы — 11, национальные демократы — 16, а людовцы 17 депутатских мандатов, став самой сильной польской фракцией в австрийском парламенте. Укрепилось и парламентское представительство украинских партий.

Весьма болезненное поражение потерпели на выборах польские консерваторы. До 1907 г. в состав польского коло входило 35 консервативных помещиков (из 65 членов коло), в том числе 9 «краковских консерваторов» и 21 «подоляк»¹²⁴. В новый австрийский парламент прошло всего 11 консерваторов. Особенно тяжелым было поражение «краковских консерваторов», получивших лишь 4 мандата. В польском коло лидирующие позиции захватили эндеки и польские либералы. Оппозиционные консерваторам силы добивались принятия более демократичного закона о выборах и в краевой сейм Галиции. Подобная перспектива вызывала серьезное беспокойство консервативных сил, опасавшихся утраты политического влияния не только на общегосударственном уровне, но и в Галиции, где они занимали доминирующее положение.

Наиболее активная часть польской правящей элиты — «краковские консерваторы» (станьчики) — стремились избежать реализации такого сценария, полагая, что вытеснение традиционной элиты с политической сцены будет иметь самые негативные послед-

ствия для края и для польской политики в Австрии. Исходя из этого, они прилагали усилия к сохранению влияния консерватизма если не в качестве доминирующей силы (что в новых условиях представлялось маловероятным), то, по меньшей мере, как политического фактора, выполняющего важную роль в регулировании общественных процессов.

В новых условиях было уже недостаточно связей при венском дворе и в администрации края для сохранения политического влияния. Для этого требовалась поддержка широких слоев населения. Решить данную задачу позволяла модернизация консервативной партии, освоение новых приемов политической борьбы. Обновление должно было обеспечить не только выживание, но и успешное функционирование консерватизма в современную эпоху.

И «станьчики» продемонстрировали способность провести необходимую модернизацию. Из неформального политического объединения их партия была преобразована в официально оформленную политическую организацию — Правичу народову. Строительство партии современного типа было призвано усилить политическое влияние консерваторов в широких слоях населения, обеспечить более эффективное воздействие на общественное мнение, повысить конкурентоспособность консерваторов в политической борьбе с другими партиями.

«Станьчики» осваивали новые приемы завоевания симпатий избирателей. Демократизация политической жизни заставляла их более тщательно подходить к организации предвыборных кампаний, использовать широкий спектр политических средств. Наряду с привлечением финансовых, информационных и организационных ресурсов государственных органов власти «станьчики» начали более активно налаживать личный контакт с избирателями.

Желая добиться поддержки широких слоев населения, «краковские консерваторы» в публичной сфере позиционировали себя как общенациональная партия, ориентированная на защиту интересов различных слоев населения¹²⁵. Они подчеркивали реформистский характер Правичи народной, готовность к преобразованиям при сохранении традиций и польского национального наследия¹²⁶. Достоинством консерватизма как идейно-политического направления называлась осторожная и ответственная политика.

В процессе освоения современных политических технологий порой возникали курьезные ситуации. Так, по свидетельству современников, один консерватор после предвыборного собрания настолько увлекся пожатием рук, что, «бросившись в толпу, обнял и какого-то уголовника, а потом лакея..., который предпочел бы получить гульден, чем пожатие руки»¹²⁷. Видный представитель «краковских консерваторов» М. Хылиньский в переписке с председателем Правичи З. Тарновским причины неудачного проведения им агитационной работы объяснял следующим образом: «У меня был самый плохой опыт во время последних выборов в парламент*. Я привлек нескольких студентов, которые должны были вести агитацию... Они израсходовали очень много [средств], а, в конце концов, только ели и пили с крестьянами, и не только не принесли пользы, но часто своим вызывающим поведением лишь вредили кандидату»¹²⁸.

Стремясь привлечь симпатии населения, консерваторы извинялись перед обществом за допущенные в прошлом ошибки. Главной из них они называли пренебреже-

* Имеются в виду выборы в австрийский парламент в 1911 г.

ние мнением широких слоев населения, прежде всего крестьянства. «[Консерваторы] слишком мало сближались с народом..., поступали так, как будто бы думали: „У нас власть в крае, потому что у нас есть разум, опыт и добрая воля. Мы делаем для вас, крестьяне, все то, что считаем хорошим и полезным..., но спрашивать ваше мнение у нас нет необходимости, потому что вы сами своего блага еще не понимаете“, — писали публицисты консервативного издания «Роля»¹²⁹. Негативным следствием этой «плохой» и «немудрой» политики был проигрыш консерваторов на выборах 1907 г. «Однако поляк задним умом крепок, — отмечала «Роля». — Наученные собственным поражением и ущербом для края, консерваторы убедились, что недостаточно делать крестьянам хорошо. Нужно, чтобы крестьяне знали о том, что им делают хорошо, следовательно, нужно их просвещать, нужно с ними разговаривать, нужно слушать их мнение и с этим мнением считаться. И консерваторы начинают меняться, начинают освобождаться от своей исключительности и неприступности, начинают притягивать к себе людей, начинают организовываться»¹³⁰.

В рассматриваемый период «краковские консерваторы» отстаивали принципы, традиционные для консервативной идеологии: осуждали классовую борьбу, высказывались за установление социального и национального мира в Галиции и солидарность польских партий, осуждали антисемитизм, выступали за конструктивный подход к украинскому вопросу, проповедовали лояльность Габсбургам¹³¹. С проавстрийским курсом они связывали сохранение особого статуса и национальных завоеваний поляков в империи, получение помощи государства для решения региональных проблем Галиции. Являясь последовательными государственниками, «краковские консерваторы» осуждали действия политиков, подрывавших стабильность монархии и целостности страны. К числу антиавстрийских сил в самой Галиции они причисляли прежде всего «москвофилов».

Отступление от курса по искоренению в регионе пророссийского движения имело место лишь в политике наместника Галиции, «краковского консерватора» А. Потоцкого. По итогам выборов в австрийский рейхсрат в 1907 г. украинские националисты увеличили свое представительство в центральном парламенте до 20 мест. Желая освободиться от обвинений в излишних уступках украинским националистам, якобы поощрявших их к еще более радикальному поведению, Потоцкий во время выборов в краевой сейм в 1908 г. оказал поддержку более умеренной «старорусской» партии. В результате выборов «старорусины» получили 10 мандатов. Это вызвало возмущение украинских националистов. Получив лишь 12 мандатов, они сочли, что сеймовое представительство «старорусинов» не соответствовало их реальному влиянию среди украинцев*. Вину за успех пророссийских сил на выборах в сейм в 1908 г. представители Украинской национально-демократической партии (УНДП) возложили на наместника и развернули против него агрессивную пропагандистскую кампанию. Ее итогом стало убийство А. Потоцкого в апреле 1908 г. украинским студентом М. Сичиньским. Новым главой края был назначен другой «краковский консерватор», известный историк Михал Бобжиньский. Он придерживался курса на взаимодействие с УНДП, которая отстаивала идею самобытности украинского народа и враждебно относилась к России.

* По итогам выборов в австрийский парламент в 1907 г. украинские национальные демократы получили 20 мандатов, в то время как «москвофилы» лишь 5.

Заметным явлением в политической жизни Галиции стало налаживание сотрудничества между «краковскими консерваторами» и партиями, имевшими поддержку в широких слоях населения. Главным объектом усилий на этом направлении стал их вчерашний противник — Польское стронництво людоевое. Союз с ПСЛ давал «станьчикам» возможность укрепить свои позиции в региональной и общеавстрийской политике, эффективнее вести предвыборную кампанию, противодействовать политическим оппонентам. ПСЛ была нужна консерваторам как для достижения равновесия сил в польском коло¹³², так и для укрепления позиций коло в австрийском парламенте. «Станьчики» рассматривали людовцев в качестве своих возможных союзников и при формировании коалиции большинства в краевом сейме Галиции¹³³. Особый интерес к этому движению был продиктован также желанием смягчать антипомещичьи и антиклерикальные настроения в крестьянской среде.

Соглашение с «краковскими консерваторами» помогло людовцам добиться успеха на выборах в краевой сейм в 1908 г. Если в предыдущем сейме они располагали только 4 мандатами, то теперь — 19. На выборах в австрийский парламент в 1911 г. ПСЛ также увеличило свое представительство (с 17 до 24 депутатских мест).

Благодаря поддержке «станьчиков» крестьянские деятели интегрировались в чиновничье-бюрократический аппарат Галиции, получали финансовую и политическую помощь центральных и краевых властей, различные экономические преференции. При их поддержке лидеру ПСЛ Я. Стапиньскому удалось создать страховое общество «Висла», смягчить последствия банкротства подконтрольного ему Парцелляционного банка*. Ярким примером такой финансовой помощи было предоставление в декабре 1912 г. лидеру ПСЛ кредита в размере 80 тыс. крон для покупки газеты «Иллюстрированный курьер цодзенный». Газета нужна была Стапиньскому для ведения агитационно-пропагандистской деятельности. Средства для покупки были выделены центральным правительством. Со своей стороны крестьянский лидер дал письменные обязательства поддерживать политику венского правительства, наместника Бобжиньского и Правитцы народовой¹³⁴. Данное соглашение, естественно, не афишировалось.

Курс на сотрудничество с консерваторами вызвал в среде людовцев оппозиционные настроения. Уже в 1908 г. на встрече с доверенными лицами и членами высшего совета ПСЛ Стапиньский оправдывался и заявлял, что он «вовсе не проданся станьчикам, однако там, где нельзя победить открыто, необходимо действовать хитростью, следовательно, он направился по этому пути для блага партии»¹³⁵.

На съезде ПСЛ в июне 1910 г. один из лидеров оппозиции, Я. Домбский, обвинил руководство партии в отказе от борьбы с консерваторами, свержение власти которых он считал важнейшим условием строительства будущей Польши¹³⁶. Признав наруше-

* Парцелляционный банк, правление которого состояло из людовцев, летом 1909 г. оказался близок к банкротству, поскольку не имел наличных средств для осуществления текущих выплат. На счетах банка находилось около миллиона крон крестьянских вкладов. Возникшая ситуация была чревата серьезной компрометацией руководства ПСЛ. Спасти положение помог М. Бобжиньский, который обратился за помощью к министру финансов Австрии Л. Билиньскому. Благодаря предоставленной ссуде крестьянские сбережения были спасены (Łazuga W. Michał Bobrzyński. Myśl historyczna a działalność polityczna. Warszawa, 1982. S. 142–143).

ние 20-летней традиции ПСЛ неустанной борьбы с консерваторами, Стапиньский тем не менее заявил, что, вступая в польское коло, руководство партии стремилось подорвать влияние консерваторов и с этой задачей справилось¹³⁷. Кроме того, утверждал он, партия ведет успешную борьбу и против эндеции, самого опасного врага людовцев.

Стапиньский категорически отрицал наличие договоров или его личных обязательств по поводу поддержки каких-либо политических сил. «Я искал лишь помощи в борьбе, — утверждал лидер ПСЛ, — а для этого использовал тех, кого удавалось... Я знаю только один интерес: крестьянин. Если этот интерес потребует, то я разорву и растопчу любые союзы — об этом хорошо знает наместник и маршал [сейма]... Если я считаю, что этого требует интерес крестьянина, то отстраню Бобжиньского и Бадени*. Но сегодня я не надеюсь, что смогу найти лучших, чем они, любой другой будет хуже, поэтому отдаю предпочтение этим. Я считаю их нашими противниками. Другими они для нас никогда не будут, потому что они с рождения являются станьчиками. Но я оставляю их, потому что против них я сильный, и все, что захочу, они выполнят, я все смогу из них выжать»¹³⁸.

В том же ключе высказывались и другие влиятельные деятели ПСЛ. В частности, М. Ольшевский назвал действующую власть Галиции не идеальной, но лучшей, чем прежняя, потому что с ней, по меньшей мере, не приходится вести борьбу¹³⁹. В этих условиях людовцы должны стараться выторговать все, что возможно у «станьчиков». Отвечая на упреки оппонентов, депутат заметил, что власть легко поменять только в академической дискуссии, в реальности же для этого следует провести серьезную подготовительную работу.

Из 1300 делегатов съезда ПСЛ в поддержку курса Стапиньского проголосовало подавляющее большинство, против высказалось лишь 15 делегатов. Однако, по мнению представителя властей, оппозиция составляла около 100 человек. «На такой неблагоприятный для фронды результат голосования, — отмечалось в его донесении, — повлияли тактические соображения, а именно желание получить протекцию по концессиям в трактирном деле**»¹⁴⁰.

Тем не менее противники лидера ПСЛ Б. Вислоух и Я. Домбский в 1912 г. создали отдельную партию под названием ПСЛ-Объединение независимых людовцев. После раскола ПСЛ в конце 1913 г., эта партия объединилась с другой оппозиционной Стапиньскому группой в ПСЛ-«Пяст». Несмотря на то что образование новой крестьянской партии официально шло под лозунгом возвращения к традициям ПСЛ, к числу которых относилась и борьба с консерваторами, в своих политических комбинациях «станьчики» сделали ставку именно на взаимодействие с ПСЛ-«Пяст» и отказались от сотрудничества с Я. Стапиньским, все еще популярным в крестьянской среде, но грубо скомпрометировавшим себя.

«Краковские консерваторы» стремились привлечь на свою сторону и либеральную Польскую демократическую партию. Еще в период оформления Правicy народной в

* С. Бадени — маршал сейма, «краковский консерватор».

** По утверждению видного национального демократа С. Гломбиньского, «Стапиньский на собрании в Тарнове хвастался публично, что получил от Бобжиньского 1,5 тыс. концессий для раздачи (а точнее сказать, для распродажи)» (*Głabiński S. Wspomnienia. Pelplin, 1939. S. 110*).

1907 г. ее председатель З. Тарновский рассматривал либералов как потенциальных союзников. В 1911 г. обе партии сблизились для проведения выборов в парламент. По их итогам либералы укрепили свои позиции, получив в австрийском рейхсрате 13 депутатских мест. Для самой Правлицы парламентские выборы 1911 г. тоже прошли удачно. «Станьчики» получили 10 депутатских мест, столько же «подольские консерваторы».

Хотя партнерские отношения консерваторов и польских демократов развивались непросто, тем не менее лидеры Правлицы трактовали либералов как союзническую партию. Партнеров объединяла общность подходов к решению национального вопроса, сближение позиций в отношении национальных демократов, главного противника «станьчиков».

Интересную метаморфозу в рассматриваемый период претерпела политика социалистов. Противники «станьчиков» (прежде всего эндеки) замечали, что социалисты не выступали против Бобжиньского, из чего делался вывод о наличии негласного соглашения между ними. Действительно, социалисты не только воздерживались от борьбы с наместником, но и относились к нему доброжелательно¹⁴¹. М. Бобжиньский был первым наместником Галиции, с которым социалисты не вели борьбы¹⁴². Объяснение этому факту можно найти в том, что после русской революции 1905–1907 гг. в Галиции нашли пристанище наиболее активные деятели ППС — революционной фракции и члены Боевой организации ППС. При их участии стали формироваться военные организации антирусской направленности, лояльные Австрии. К таковым относились созданные на легальных основаниях в 1910 г. Стрелковый союз во Львове и «Стрелок» в Кракове. Руководила организациями конспиративная структура — отдел Союза активной борьбы*, возглавляемая Ю. Пилсудским. Формальным главой стрелковых организаций он стал в 1912 г. Именно во время пребывания в эмиграции в Австро-Венгрии Пилсудский разработал новый план решения польского вопроса в отошедшей к России части шляхетской Речи Посполитой. Он заключался в том, чтобы до начала войны между Центральными державами и Антантой подготовить с помощью военизированных стрелковых организаций офицерские и унтер-офицерские кадры для будущей польской армии. Ее создание он связывал с очередным восстанием, которое, по его убеждению, должно было вспыхнуть сразу же после начала европейской войны¹⁴³.

Начиная с 1906 г. Пилсудский стремился к сотрудничеству с австрийской военной разведкой, рассчитывая получить поддержку своей военной деятельности на территории Галиции. Такое содействие было оказано взамен на предоставление организацией Пилсудского разведывательных услуг. Предложение Пилсудского о сотрудничестве пришлось очень кстати для австрийской разведки, имевшей в 1906 г. на территории России лишь двух (!) тайных агентов. Следует также отметить, что организация Пилсудского накануне Первой мировой войны поставляла информацию военного характера о России не только австрийцам, но и спецслужбам Германии и Японии¹⁴⁴. Австрийцы широко использовали возможности Пилсудского для борьбы с русской агентурой в Австро-Венгрии. Большинство русских разведчиков в Галиции были разоблачены при самом активном участии людей Пилсудского¹⁴⁵.

* Союз активной борьбы был создан в конце 1908 г. во Львове К. Соснковским на основе объединения небольших организаций, таких как Союз непримиримых и Союз возрождения.

Соглашение между австрийской разведкой и Пилсудским было одобрено Генеральным штабом в Вене, однако лишь в декабре 1912 г. военное министерство в письме министерству внутренних дел и премьер-министру решилось раскрыть факт существования контактов с польскими военизированными структурами¹⁴⁶. Наместник Галиции М. Бобжиньский был проинформирован о подобном сотрудничестве еще в декабре 1909 г.¹⁴⁷ На встрече с представителем Правлицы М. Хылиньским, интересовавшимся мнением наместника о том, какую позицию следует занять в отношении стрелковых организаций, Бобжиньский заявил, что «не следует выступать против этих организаций и прямо бороться с ними, но в то же время не следует их поддерживать ни материально, ни другим образом, и по мере возможности не терять влияния на эти организации и действовать смягчающе»¹⁴⁸.

Польская социал-демократическая партия оказывала содействие этим структурам. Российская дипломатия сообщала в австрийское Министерство иностранных дел о том, что польские военные организации окружены опекой депутатов венского парламента И. Дашиньского и Г. Диаманда, которые сумели убедить руководство галицийской полиции в «безвредном характере» их деятельности¹⁴⁹.

Таким образом, тактика социалистов объяснялась нежеланием создавать напряженность в отношениях с властями Галиции. Правда, есть свидетельство архиепископа Бильчевского о том, что Бобжиньский потребовал от мэра Кракова Ю. Лео не допустить избрания Дашиньского в парламент. Однако, судя по результатам парламентских выборов 1911 г., правящие круги не чинили препятствий кандидатам-социалистам. В самом Кракове они получили 60% голосов избирателей и 3 мандата (из 5)¹⁵⁰. Дашиньский был избран депутатом рейхсрата. Всего деятели ПСДП получили 8 мест в парламенте, увеличив в два раза свое представительство по сравнению с предыдущим составом.

После выборов «краковский консерватор» В.Л. Яворский по просьбе Дашиньского ходатайствовал перед наместником за одного эмигранта из Царства Польского, обвиненного в «анархизме»: просил не выдавать его российским властям. Яворский отмечал, что лидер социалистов не будет выступать в парламенте против консерваторов по важному для них вопросу. «Дашиньский сказал также, — сообщал Яворский, — что не в их [социалистов] интересах ослабление наместника Бобжиньского. Они убеждены в его самых лучших намерениях и верят, что он желал легальности на выборах*»¹⁵¹. Современник событий, известный польский публицист В. Фельдман отмечал, что критика наместника по поводу парламентских выборов 1911 г. была весьма мягкой «даже со стороны социалистов»¹⁵². Примечательно, что во имя национально-освободительных идей Дашиньский был готов отказаться от пропаганды классовой борьбы и выступить с программой национальной солидарности¹⁵³.

Все более влиятельной силой на политической сцене Галиции становились польские национальные демократы. По итогам парламентских выборов 1907 г. эндеция оказалась самой крупной фракцией в польском коло рейхсрата. Воодушевленные успехом, ее руководители выступили с лозунгом «замены мозгов» на различных уровнях власти, заявив тем самым о своих претензиях на лидерство в общественно-политической жизни края.

* Речь шла о выборах в австрийский парламент в 1911 г., проведение которых вызвало недовольство эндеции, «подольских консерваторов» и клерикальных сил, обвинявших краевую администрацию в злоупотреблениях в период выборов.

Другой причиной конфронтации между краевой властью, возглавляемой М. Бобжиньским, и национальными демократами были расхождения по украинскому вопросу. Бобжиньский был убежден, что пропаганда идей крайнего национализма, ненависти и борьбы с украинцами разрушает национальный мир в крае и сводит на нет все конструктивное, что создавалось в сфере межнациональных отношений на протяжении веков многими поколениями поляков. Национальные демократы, со своей стороны, считали, что наместник идет на неоправданные уступки украинцам, ущемляя интересы польского населения в восточной части края. В итоге съезд национальной демократии 22 мая 1910 г. принял резолюцию, в которой призвал «центральный комитет, депутатов и прессу партии к решительной оппозиции краевому правительству, которое для сохранения видимости спокойствия жертвует самыми насущными национальными интересами в пользу враждебной нам украинской партии и одновременно, опираясь на элементы, которым доступны соблазны сословных или личных выгод, деморализует общественную жизнь народа»¹⁵⁴.

От позиции национальных демократов зависело стабильное функционирование центральных органов власти. Недовольство эндеков вызывало сближение правительства Р. Бинерта-Шмерлинга с украинцами и сионистами, благодаря поддержке которых в 1909 г. оно избежало отставки. Радикальное крыло эндеев призывало партию перейти в оппозицию действующему кабинету¹⁵⁵. На встрече с премьером один из лидеров галицийских эндеков С. Гломбиньский заявил, что не может гарантировать участия всех своих соратников в голосовании по бюджету. Император Франц Иосиф был хорошо осведомлен о возникших затруднениях и на встрече с польскими консерваторами выказал недовольство таким развитием событий¹⁵⁶. В конечном итоге премьер принял решение распустить парламент и назначить новые выборы.

Конфронтационная политика эндеев привела к тому, что на парламентских выборах 1911 г. она получила лишь 9 мандатов, в то время как в предыдущем рейхсрате имела 16 депутатских мест. Комментируя отношение Бобжиньского к эндекам, газета краковских консерваторов «Час» писала, что на выборах «наместник не поддержал национальную демократию, так как она добивалась власти; Бобжиньский же хотел, чтобы она присоединилась к совместной, органической работе в крае»¹⁵⁷. Газета приводила также высказывания главы края о том, что в 1910 г. эндеев заявила о борьбе с ним «не на жизнь, а на смерть», не пошла на компромисс с другими партиями и тем самым породила против себя коалицию¹⁵⁸.

Эндеев развернула пропагандистскую кампанию по дискредитации политики краевых властей в отношении украинцев. Так, видный деятель галицийских эндеков Я.Г. Павликовский отмечал, что в «определенных политических кругах» возникла концепция, согласно которой следует «угождать» украинцам, чтобы в случае войны с Россией Австрия могла на них опереться¹⁵⁹. Однако, по его мнению, сепаратистское украинское течение не имеет широкой поддержки у населения Восточной Галиции. Я.Г. Павликовский упрекал польского наместника в том, что он не указал на «фиктивность» подобной концепции и что на украинцев, как «элемент политически незрелый и анархичный», никто опереться не может. Государственные интересы Австрии, отмечал он, должны, как и прежде, руководствоваться польским интересом.

Я.Г. Павликовский также высказывал обеспокоенность тем, что постоянные уступки украинцам могут привести к утрате поляками главенствующей роли в Галиции, а

ослабление здесь польского влияния в свою очередь затруднит распространение «польскости» на другие земли бывшей Речи Посполитой. Он обвинял участников правящего блока в игнорировании интересов польской нации, преследовании узкопартийных целей, неразборчивости в средствах ради достижения собственных выгод. Эндеция же представлялась поборницей морального оздоровления общественной жизни, готовой бороться со злом «до победного конца».

И. Дашинский вспоминал, что после парламентских выборов 1911 г. ведущий деятель эндеции Станислав Грабский наносил «дикие оскорбления» наместнику М. Бобжиньскому в «Слове польском», доходя даже до сравнения его с Муравьевым-Вешателем¹⁶⁰. В.Л. Яворский отмечал в своем дневнике, что «Ст. Грабский в свое время представил Теодоровичу (армянскому архиепископу. — М. Б.) документы, что я, Бобжиньский... являемся масонами из шотландской ложи. Вот такие вот средства борьбы»¹⁶¹.

В пропагандистской деятельности национальных демократов Бобжиньский видел серьезную угрозу польским интересам. Он считал, что с помощью «национально-освободительного, антиавстрийского патриотизма, а скорее польского шовинизма» эндеция стремится привлечь на свою сторону «толпу»¹⁶². По словам наместника, национальные демократы создавали антитезу между «польскостью» и австрийским государством. «Они делают это, — писал Бобжиньский, — в минуту наивысшего гнета в Пруссии и России, происходящего в Холме*. Они хотят строить Польшу в антагонизме к Австрии. Это более чем безумие, потому что является увязыванием польского вопроса с интересом партии»¹⁶³. Наместник же считал, что Польшу нужно строить не вопреки Австрии, а с ее помощью.

С целью ослабления позиций наместника и поддерживавшей его партии «краковских консерваторов» национальные демократы стремились распространить свое влияние на помещиков в центральных и западных областях края, пытались посеять раздоры в рядах самой Правлицы народной, сблизиться с «подоляками», пользуясь тем, что последних не устраивала политика М. Бобжиньского по целому ряду вопросов. Свои интересы «подоляки» усматривали в том, чтобы препятствовать процессу демократизации политической системы Галиции, не допустить укрепления политических позиций массовых партий, помешать расширению украинского национального представительства в краевых органах власти. Руководство же Правлицы народной исходило прежде всего из того, что процесс демократизации остановить невозможно и реформы в сфере политических отношений неотвратимы. Поэтому необходимо участвовать в этом процессе и добиваться выработки и принятия выгодных для консерваторов решений.

Позиции «станьчиков» были близки определенной части «подольских консерваторов», например, Д. Абрахамовичу, В. Залескому, В. Чайковскому. Тем не менее последовательный курс «станьчиков» на компромисс с другими политическими силами, конструктивная политика в отношении украинских национальных требований привели к кризису в консервативном лагере и размежеванию с большей частью «подоляков». Особенно ярко данная тенденция проявилась в образовании в январе 1912 г. крайне консервативной сеймовой фракции Центр. К числу наиболее известных деятелей этой группы принадлежали В. Козловский, С. Стажиньский, Т. Ценьский, В. Чарторынский.

* Речь идет о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского.

Весной 1913 г. «подольские консерваторы» участвовали в срыве проекта реформы краевого избирательного законодательства. Он был подготовлен под руководством лидера «краковских консерваторов» наместника М. Бобжиньского и являлся результатом далеко идущего компромисса между польскими и украинскими политиками. «Станьчики» были вынуждены поддержать этот проект ради достижения общего согласия по реформе. Однако им удалось отстоять куриальную избирательную систему, сохранить численный состав курии крупных собственников и обеспечить незначительное преобладание в сейме депутатов от цензовых курий и лиц, входивших в состав представительного органа по должности (архиепископы и епископы, ректоры университетов).

Дополнительный голос на выборах получали избиратели сельской курии, платившие прямые налоги. Важным достижением было обеспечение польского населения гарантированным количеством мандатов в тех регионах Восточной Галиции, где преобладали украинцы. Так, в сельских районах, где доля поляков составляла как минимум 35% общего числа жителей, предполагалось создать двухмандатные избирательные округа с пропорциональным распределением мандатов, гарантировавшим один мандат польскому кандидату. Там же, где польское меньшинство являлось незначительным, планировалось организовать одномандатные округа исключительно для польских избирателей.

Со своей стороны консерваторы были вынуждены пойти на значительные уступки оппонентам. В частности, они согласились на создание городской курии «всеобщего избирательного права», одобрили процедуру всеобщих, прямых и тайных выборов в сельской курии, пошли на значительное увеличение количества мандатов в городской цензовой и сельской куриях, согласились с увеличением количества украинских мандатов до 27% общего числа мест в краевом сейме, а также с правом украинских депутатов избирать из своего числа без участия поляков членов краевого отдела галицийского сейма* и сеймовых комиссий. «Станьчики» приняли систему так называемого «национального кадастра» для избрания украинских депутатов, на чем решительно настаивали последние. Данная система предполагала формирование специальных одномандатных округов, в которых украинские избиратели голосовали бы исключительно за своих национальных кандидатов. По поводу уступок украинцам в публицистике «станьчиков» отмечалось: «Краковские консерваторы делали все, что могли, чтобы добиться для поляков как можно большего, а русинам дать то, без чего они не пошли бы на примирение. Жертвы доставляли беспокойство членам Стронництва правицы народовой, так как любая жертва, приносимая в силу необходимости, приятной быть не может. Но они шли на нее во имя успокоения в крае, во имя примирения с братским русинским народом»¹⁶⁴.

«Подольские консерваторы» считали предложенный проект слишком демократичным и чрезмерно проукраинским. Их позицию поддержало польское духовенство Галиции. Епископы были убеждены, что новая избирательная система приведет к увеличению числа радикальных польских депутатов-людовцев, а также украинских

* Краевой отдел осуществлял контроль над деятельностью органов территориального самоуправления — гминных и поветовых советов. Состоял из 6 человек, которые избирались сеймом сроком на шесть лет. Председателем сейма и краевого отдела являлся маршал, назначавшийся императором.

националистов, социалистов и евреев¹⁶⁵. Высказывалось опасение, что если эти силы составят большинство депутатского корпуса, то может возникнуть угроза позициям церкви и религии в Галиции, законодательного и политического преследования духовенства со стороны враждебного церкви большинства сейма. На выборах в городских округах победят еврейские кандидаты. Предоставление украинцам возможности самостоятельно (без участия поляков) избирать своих представителей в краевой отдел и сеймовые комиссии епископы считали началом раздела Галиции на западную (польскую) и восточную (украинскую) части.

О демонстративном осуждении епископатом предложенного проекта очень резко отозвался император Франц Иосиф во время встречи с польским министром в центральном правительстве В. Залеским¹⁶⁶. Он заявил, что епископат вторгся в сферу политических споров, практически не затрагивающих его интересы, что церковь не сможет задержать растущую демократизацию общества, а должна к этим процессам приспособиться и решать свои задачи в новых условиях. Кроме того император с раздражением отметил, что по вопросу избирательной реформы католический епископат резко выступил против другой народности (т. е. украинцев и евреев) и вместо того, чтобы смягчать межнациональные отношения, способствует их обострению. По мнению императора, ответственность за крушение достигнутого компромисса падет на епископат, и его отношения с народом будут значительно осложнены.

Следствием выступления польских епископов против проекта реформы стало заявление М. Бобжинского об отставке с поста наместника Галиции. Она была принята центральным правительством, по признанию премьера К. Штюргка, с «тяжелым сердцем»¹⁶⁷. Рушился польско-украинский компромисс, который был так нужен Вене. Навстречу представителем Польской демократической партии Л. Германом император сказал: «Никогда не забуду этого епископам..., это было вероломством с их стороны»¹⁶⁸. На реплику Германа, что среди епископов был «армянин» (т. е. Ю. Теодорович), император ответил: «Я знаю об этом, он даже был предводителем».

Действительно, армянско-католический архиепископ Ю. Теодорович проявлял особую активность в противодействии избирательной реформе. Он упрекал краевую власть в том, что она выступает в «союзе с масонством, еврейством, радикализмом»¹⁶⁹. Недовольство Теодоровича вызывало также потворствование краевой администрации «коррупционному индивидууму» Я. Стапиньскому, который, по его словам, вел «религиозную войну», подрывал здоровые начала в общественном организме¹⁷⁰.

Сорвав принятие избирательной реформы весной 1913 г., ее противники в конечном итоге все же не смогли предложить альтернативы, которая устроила бы большинство политических сил в Галиции. К преодолению крупномасштабного политического кризиса в регионе была вынуждена подключиться Вена. Центральные власти проявляли заинтересованность в скорейшем решении польско-украинского спора, рассчитывая, что это поможет стабилизации парламентской системы Австрии и укрепит внешнеполитические позиции империи: в связи с усилением угрозы военного столкновения с Россией украинский вопрос приобретал геополитическое значение для монархии Габсбургов. Подходы правящих кругов Вены и «краковских консерваторов» к урегулированию польско-украинских отношений во многом совпадали. Не случайно австрийский премьер К. Штюргк заявил новому наместнику Галиции В. Корытовскому, что для него польская политика является политикой «краковских консерваторов»¹⁷¹.

В феврале 1914 г. краевой сейм принял новый избирательный закон, лишь незначительно отличавшийся от проекта, разработанного под руководством М. Бобжиньского. Это событие «краковские консерваторы» расценили как первый шаг к соглашению между польским и украинским народами¹⁷². Однако наметившаяся тенденция к большему взаимопониманию двух основных национальных общин Галиции была прервана войной.

В целом же накануне мировой войны в политической жизни просматривались три главных течения, различавшиеся в вопросе о путях решения польского вопроса. «Краковские консерваторы» связывали будущее польского вопроса с Австро-Венгрией, надеясь, что после победы Центральных держав она присоединит Царство Польское и трансформируется из дуалистической в триалистическую монархию. Национальные демократы, как и их единомышленники в Царстве Польском, выступали за объединение всех польских земель, поэтому их не устраивала австрофильская ориентация.

Пилсудский, группировавшиеся вокруг него эмигранты из Царства Польского и тесно сотрудничавшие с ним галицийские социалисты делали ставку на всеобщее вооруженное восстание в русской Польше, которое помогло бы им создать самостоятельную польскую армию на стороне Центральных держав и склонить Вену и Берлин в случае победы к созданию самостоятельного польского государства из Конгрессовки и «забранных» земель. Все другие польские партии Галиции в большей или меньшей степени солидаризировались с одним из этих направлений.

III.1. ДОВОЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ
РЕШЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ВОПРОСА:
ПРОВЕРКА ПРАКТИКОЙ

«Война народов», о пришествии которой как Спасителя Польши молил в свое время А. Мицкевич, обрушилась на польские земли буквально с первых же часов боевых действий в августе 1914 г. И больше года терзала их разрывами бомб и снарядов, опоясывала линиями окопов, освещала зловещим заревом пожаров, усеивала могилами одетых в солдатские шинели выходцев из разных краев многонациональных империй Габсбургов, Романовых и Гогенцоллернов. Наиболее активные боевые действия на польских землях велись в августе–ноябре 1914 г. В это время русские войска овладели австрийской Восточной Галицией, но уступили немцам западные районы Царства Польского и Петраковскую губернию. Затем ситуация стабилизировалась до мая 1915 г., когда австро-германские войска прорвали фронт в Карпатах, отвоевали Галицию и продолжили наступление в направлении Люблина, заставив русскую армию покинуть Царство Польское. 5 августа немцы вошли в Варшаву, в середине сентября они были уже в Вильно, австрийцы оккупировали юго-восточные области Конгрессовки.

Население Царства Польского и значительной части Галиции познало тяготы и самой войны, и проживания вблизи театра военных действий. В то время стороны конфликта еще более или менее соблюдали законы и обычаи войны, поэтому крупные польские города от артиллерийских обстрелов пострадали незначительно. Некоторое исключение составляли Лодзь и особенно Калиш. С 3 по 22 августа этот губернский город, оставленный русскими уже 2 августа, немцы неоднократно обстреливали из орудий, жгли дома, убивали мирных жителей. От их рук погибло не менее 250 горожан, сгорело около 450 домов. Из почти 70 тыс. жителей к концу августа в городе осталось примерно 5 тыс., остальные были вынуждены покинуть его. Случаи немотивированных расстрелов гражданских лиц были и в других оккупированных немцами городах Царства Польского: например в Ченстохове в том же августе 1914 г. были расстреляны 18 человек. Немцы и австрийцы накладывали на занятые города контрибуции, брали заложников.

Далеко не всегда корректным было поведение русских в оккупированной ими части Галиции: здесь сразу же приступили к русификации. Вглубь России были депортированы многие видные польские и украинские политические и общественные деятели, не придерживавшиеся прорусской ориентации, в частности львовский униатский митрополит А. Шептицкий.

Существенными были демографические изменения. В условиях обязательной во всех трех империях воинской повинности в противоборствующие армии было мобилизовано до 2 млн жителей их польских провинций, в том числе около 600 тыс. в Царстве Польском. Людские потери на территориях, вошедших к 1921 г. в состав Польши,

составили за годы войны порядка 385 тыс. человек. Существенный урон понесла польская экономика. Было разрушено 41% мостов (длиной более 20 метров), 63% железнодорожных вокзалов, около 18% строений, в основном в сельской местности¹⁷³.

Русские войска при отступлении из Царства Польского в 1915 г. применяли тактику выжженной земли, эвакуировали во внутренние районы империи более 700 тыс. гражданских лиц, в подавляющем большинстве крестьян, включая немцев-колонистов, вывозили промышленные предприятия вместе с работниками, служащих государственных учреждений и органов местного самоуправления, архивы, запасы сырья и продовольствия, рабочий и домашний скот, подвижной состав, культурные ценности. С учетом мобилизованных в армию в 1915 г. из Привислинского края на восток было перемещено более 1,3 млн жителей русской Польши. Их репатриация на родину затянулась до 1924 г.¹⁷⁴

На долю русских властей приходится наименьший ущерб, нанесенный в годы войны польской промышленности, — 18%. Было эвакуировано оборудование, главным образом шерстяных, металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий Варшавского и Белостокского промышленных округов. Металлургические, текстильные и др. заводы Домбровского бассейна и Лодзинского округа остались на месте, так как эти районы немцы оккупировали уже в 1914 г.¹⁷⁵ К тому же для русских Царство Польское было всего лишь одной из провинций России, совершенно лояльной, поэтому они вели себя вплоть до отступления вполне корректно.

Совершенно по-иному смотрели на Царство Польское политики и военные Центральных держав. Для них это была временно оккупированная территория, полной инкорпорации которой в состав своих государств после войны они не планировали. И превратили Конгрессовую Польшу в объект нещадной эксплуатации, о чем свидетельствует доля Германии и Австро-Венгрии в нанесенном ущербе промышленности русской Польши, — 52% и 22% соответственно. При этом лишь 4% ущерба были следствием военных действий¹⁷⁶. Оккупанты не только вывозили из страны запасы готовых изделий, сырье, продовольствие, станки и оборудование, но и всячески поощряли выезд поляков на работы в Германию, испытывавшую вследствие массовой мобилизации нехватку рабочей силы в сельском хозяйстве и промышленности, не позволили вернуться домой почти 300 тыс. захваченных врасплох началом войны сезонных рабочих из Царства Польского. Оккупационные власти своими действиями не только решали текущие вопросы снабжения собственной армии и населения Германии продовольствием и сырьем, но и стремились максимально ослабить конкурентоспособность промышленности Царства Польского, а также подчинить себе его рынок. В результате после ухода русских из Царства Польского население испытывало двойные чувства. С одной стороны, больше не грозила мобилизация в армию, но с другой — жизнь с каждым днем становилась все тяжелее, росла безработица, а продовольствием, производство которого неуклонно сокращалось, приходилось делиться и с оккупационными войсками, и с населением Центральных держав, особенно Германии.

На польских землях в составе Германии и Австрии правительства в целом проводили ту же политику, что и в чисто немецких областях. Здесь во многих отраслях наблюдался спад производства в связи с убылью рабочей силы, нехваткой сырья, минеральных удобрений и др. обстоятельствами военного времени, в том числе порожденными русской оккупацией Галиции и экономической блокадой, в которой оказались страны

Центрального блока. Конечно, эти и другие трудности повседневной жизни дали о себе знать не сразу, на какое-то время хватило запаса благополучия, который был накоплен в условиях хорошей хозяйственной конъюнктуры в предвоенные годы.

Среди поляков всех трех частей Польши достаточно долго не было настроений отчаяния, пессимизма, недовольства властями и войной. Напротив, во всех землях наблюдался всплеск настроений государственного патриотизма. Особенно заметным это было в первые недели войны в Царстве Польском. Далеко не единичны были случаи, когда на призывные пункты русской армии приходили резервисты из районов, уже занятых на тот момент австрийскими и немецкими войсками, хотя немцы за это расстреливали¹⁷⁷. Стихийно возникали партизанские отряды, снабжавшие русские войска разведывательными данными и нападавшие на мелкие немецкие подразделения. Ковенский помещик В. Горчинский выступил с инициативой создания польских добровольческих формирований на стороне России, которая была поддержана и военным командованием, и эндеками. В итоге началось формирование Пулавского и Люблинского легионов, затем преобразованных в Новоалександрийскую и Люблинскую дружины и 2 конные сотни ополчения, из которых в 1915 г. организовали польскую стрелковую бригаду численностью около 2,5 тыс. человек¹⁷⁸.

Подобным образом повели себя и польские депутаты Государственной думы. 9 августа депутат В. Яроньский от имени польского коло заверил в полной преданности поляков Царства Польского России и славянству в их борьбе с германизмом и высказал пожелание, чтобы война завершилась воссоединением всех частей разорванной Польши в единое целое¹⁷⁹.

Но, несомненно, наиболее яркий пример лояльности — реакция жителей Келецкой губернии на появление 6 августа 1914 г. сформированной Пилсудским для вторжения в Царство Польское так называемой первой кадровой роты стрелков. Несмотря на сугубо польский состав, оригинальную форму и знаки различия пришедшего из Кракова отряда, надеявшегося одним своим появлением вызвать всеобщее вооруженное восстание в русской Польше, население смотрело на стрелков как на австрийских наемников, врагов Польши и славянства. Вот как вспоминал один из легионеров момент, когда его подразделение проходило маршем через местечко Скала: «На рынке толпа любопытных наблюдает за прохождением „чужого“ войска. „Наши“ ушли. Этих „чужих“ никто не приветствует, никто не поздравляет. Толпа любопытных — смотрят и молчат. Никто не вынесет стакана воды, не подаст краюхи хлеба. Это уже не Краковщина, не польская Галиция, это Россия, заселенная племенем, говорящим по-польски, но чувствующим по-русски... Под влиянием такого приема у нас рождались мысли, которые затем нашли свое выражение в гимне первой бригады»¹⁸⁰. Конечно, среди жителей русской Польши были и желавшие поражения России, но на общем фоне подобные настроения оставались малозаметными. Польское общество находилось под влиянием национальных демократов или было нейтральным.

Сходным образом вели себя австрийские и германские подданные польской национальности. Их депутаты в парламентах голосовали за военные расходы и желали победы своим правительствам и императорам, в Галиции консервативные политики, сторонники австрофильского решения польского вопроса, создали 16 августа 1914 г. политическое представительство — Главный национальный комитет (ГНК), в который первоначально входили все польские политические партии. В польских землях

Пруссии демонстративных проявлений государственного патриотизма, как в Царстве Польском и Галиции, не было, но лояльность поляков по отношению к кайзеру Вильгельму была полная, к этому их призвал и местный архиепископ Э. Ликовский. Чтобы не раздражать своих польских подданных правительство прекратило деятельность таких символов и инструментов германизации, как Колонизационная комиссия и «Гаката».

Польские земли на начальном этапе войны оказались главной ареной военного противостояния на востоке, поэтому противники были весьма заинтересованы в привлечении симпатий поляков на свою сторону. В результате уже в первой половине августа появилось три воззвания. 9 августа 1914 г. к жителям занятых австрийскими войсками районов Царства Польского обратилось австрийское военное командование, пообещав им «справедливое и человеческое отношение»¹⁸¹. Одновременно немцы, без согласования с австрийцами¹⁸², распространили обращение от имени главных командований немецкой и австро-венгерской восточных армий, в котором призывали поляков Конгрессовки к восстанию и пообещали в случае победы создать из этой провинции самостоятельное государство¹⁸³. Спустя пять дней появилось воззвание русского Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича¹⁸⁴.

Несмотря на внешнее сходство этих воззваний (напоминание о славном боевом содружестве в прошлом, подчеркивание высоких моральных и военных качеств поляков) между ними существовали принципиальные различия. Немцы и австрийцы обращались к полякам только Царства Польского, призывали их к восстанию и обещали обеспечить независимость. «Своих» поляков они не вспоминали и никаких обещаний им не давали. Манифест же русского Верховного главнокомандующего от 1 (14) августа 1914 г. формально был адресован всем полякам (хотя на самом деле полякам Германии и Австро-Венгрии¹⁸⁵). Это им дядя Николай II сулил освобождение от австрийского и германского гнета и объединение на правах автономии с соплеменниками в России под скипетром русского царя. Характерно, что практически в то же самое время Николай Николаевич обратился отдельными воззваниями к чехам и словакам Австро-Венгрии, не упоминая при этом австрийских поляков. Именно потому, что все три документа были адресованы гражданам противоборствующей стороны, ни одно из них не обещало немедленных действий по выполнению обещаний.

Немецкое и австрийское воззвания ожидаемого результата не дали, поляки сохранили лояльность России и своей кровью успех армиям Центральных держав не облегчили. А обращение Николая Николаевича имело определенные последствия. Одним из кратковременных можно считать всплеск надежд и энтузиазма в обществе Царства Польского на скорое обретение автономии. Легальные польские политические партии и организации Царства Польского, а также польское коло в Государственной думе высказались в его поддержку, призывали поляков встать на сторону России и ее западных союзников в борьбе с Центральными державами. Одновременно они потребовали от Главного национального комитета в Галиции прекратить свою деятельность, наносящую вред польскому делу¹⁸⁶. Кроме того ориентированная на сотрудничество с Россией часть польской элиты укрепилась в правильности избранной стратегии движения к независимости. Более долговременным последствием можно считать то, что воззвание, даже не подписанное императором, стало рассматриваться официальным Петербургом как изложение русской позиции по польскому вопросу¹⁸⁷. Правительство

уже не могло игнорировать польский вопрос и должно было периодически к нему **возвращаться**. Допустимые пределы автономии дискутировались им в ноябре 1914 и **марте 1915 г.** В марте 1915 г. Николай II подписал закон о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского, что свидетельствовало о серьезности намерений русской стороны в отношении предоставления Царству Польскому автономии. Несомненно, правительство понимало, что этот шаг вызовет недовольство поляков, и все же пошло на него. В начале июля 1915 г. была создана русско-польская смешанная комиссия для выработки мер по реализации обещаний великого князя в обращении к полякам¹⁸⁸. 1 августа 1915 г. председатель Совета министров И.Л. Горемыкин заявил на заседании Государственной думы о поручении императора подготовить законодательную базу для дарования Царству Польскому после войны права «на свободное устройство своей национальной, культурной и хозяйственной жизни» на принципах автономии, под скипетром российской монархии и с сохранением единой государственности¹⁸⁹.

Показательно, что Горемыкин не вспомнил об обещании объединить все польские земли в единое целое. Это можно было истолковывать и как нежелание российской стороны создавать непреодолимое препятствие возможному сепаратному миру с Германией, и как ее приверженность международному праву, и как неуверенность в возможной реакции союзников.

Наконец, воззвание накладывало на русское правительство определенные моральные обязательства, и оно не могло их в будущем проигнорировать, не потеряв лица в глазах мировой общественности.

Определенные моральные обязательства брали на себя и западные союзники России, которые позитивно прореагировали на манифест¹⁹⁰. Правда, до поры до времени Англия и Франция, много говорившие о милитаризме Центральных держав и необходимости освобождения малых народов (имея в виду Бельгию, а с 1915 г. и Сербию), официально не ставили вопрос о будущем Царства Польского, считая его внутренним делом союзной России. Точно так же в Париже и Лондоне серьезно не обсуждали судьбу польских земель Австро-Венгрии и Германии, хотя и не отказывались выслушивать российских политиков и дипломатов, когда те заговаривали со своими коллегами о передаче России Галиции и создании автономной Польши под скипетром Романовых. Например, так было во время встречи министра иностранных дел С.Д. Сазонова с послами Франции и Великобритании 13 сентября 1914 г., когда он представил им видение русской стороной послевоенного переустройства в Центрально-Восточной Европе¹⁹¹. США до 1916 г., прикрываясь доктриной Монро, также не определялись со своей позицией по польскому вопросу. Но линию своего поведения при его решении продумывали.

Неясная ситуация вокруг польского вопроса в начальный период войны не способствовала преодолению раскола польского политического класса. Более того, в новых условиях и Дмовский, и Пилсудский без труда находили аргументы в пользу правильности именно своего курса. В польском общественном сознании и историографии применительно ко времени Первой мировой войны особое место занимает деятельность Пилсудского. Именно тогда рождался и вплетался в ткань национальной исторической традиции миф о Пилсудском и его легионах* как о главных творцах польской

* Польские историки и публицисты всегда пишут именно так — легионы, хотя на стороне Центральных держав действовал лишь один польский легион, изначально на-

независимости. Провал надежды на всеобщее вооруженное восстание Пилсудский пережил болезненно¹⁹², однако воспрял духом после того, как главный национальный комитет получил разрешение австрийцев на формирование двух добровольческих легионов со статусом ополчения. Р. Дмовский совершенно справедливо указывал, что это решение положило конец мечтаниям о самостоятельной польской армии. Просто армия Габсбургов должна была пополниться двумя польскими добровольческими частями, и не более¹⁹³.

Австрийцы даже в условиях временной потери Восточной Галиции в 1914–1915 гг. не пожелали вступать с Пилсудским в политические переговоры и делать какие-либо заявления относительно будущего Царства Польского. Об этом свидетельствует хотя бы ход обсуждения вопроса об издании манифеста императора Франца Иосифа I к населению Царства Польского на совещании у министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Л. Берхтольда 20 августа 1914 г. с участием ведущих австрийских и венгерских государственных деятелей, а также польских политиков. На нем венгерский премьер-министр Ш. Тиса высказался против всяких обещаний полякам, которые император «не смог бы выполнить без ведения войны *a outrance* и обречения своего государства на весьма серьезные опасности». Россия, утверждал он, если не произойдет ее полного разгрома, вряд ли откажется от Польши, поэтому «императорский манифест, провозглашающий включение Польши в состав монархии, чрезмерно затруднил бы установление лучших отношений с Россией».

Кроме того назывались и другие причины, по которым не следовало торопиться с принятием обязывающего решения по вопросу о Царстве Польском, в том числе высказывалось опасение, что это может спровоцировать польский сепаратизм в Галиции. Поэтому участники совещания постановили, что объединение Царства Польского с «Галицией в рамках монархии, с австро-венгерской точки зрения, желательно только при условии, что прочность и единство монархии в результате этого не ослабнут, и мы будем уверены в том, что государственно-созидательные элементы в Царстве Польском будут работать в этом направлении и противодействовать развитию центробежных стремлений»¹⁹⁴. Решения совещания показывали несостоятельность не только австрофильской концепции «краковских консерваторов» в решении польского вопроса, но и нежелание Вены и Будапешта способствовать реализации предвоенного проекта Пилсудского.

Поскольку обещанного Пилсудским восстания в тылу русской армии не случилось, то он остался для Вены малозначимой фигурой. Более перспективным австрийцы считали сотрудничество с ГНК, гарантировавшим им спокойствие в прифронтовой полосе и лояльность галицийских поляков трону. Таким образом, план Пилсудского, реализации которого он посвятил долгих 6 лет, сорвался. Самым простым для него решением

зывавшийся Западным, которым к тому же командовал не Пилсудский, а отставные генералы-поляки австрийской службы. Формирование Восточного легиона было начато, но затем он, под воздействием национальных демократов, был в конце сентября 1914 г. расформирован. Главным мотивом этого называли несогласие с тем, что легионеры должны были присягать на верность только Габсбургам. Тогда же эндеки и консерваторы-«подоляки» вышли из Главного национального комитета, лишив его тем самым характера общепольского представительства в Галиции.

было бы ограничиться чисто военной деятельностью в надежде на благоприятный для Центральных держав исход войны и благодарный жест победителей в виде отторжения земель бывшей Речи Посполитой от России и устройства на них союзного им самостоятельного польского государства. Именно по такому пути пошел, например, один из активных деятелей стрелкового движения В. Сикорский, возглавивший военный департамент Главного национального комитета.

Но Пилсудский по складу характера был политиком, а не военным. Он только тогда связал бы свою карьеру с легионом и австрийцами неразрывно, если бы его сделали командиром этого формирования. Вплоть до осени 1916 г. он будет безуспешно добиваться занятия этой должности. Но австрийцы и ГНК не желали превращения легиона в политический инструмент в руках Пилсудского. Достаточно хлопот им доставлял 1-й полк (с декабря 1914 г. 1-я бригада), который под его командованием превратился в своеобразный политический клуб¹⁹⁵.

Видя, что Вена не считается с его политическими амбициями, Пилсудский уже в первые недели войны вернулся к хорошо освоенной в бытность социалистом подпольной деятельности, но с прежней ориентацией на Австро-Венгрию не порывал. Впрочем, и австрийцы не желали расставаться с этим своенравным уроженцем Виленщины. Об этом свидетельствовали присвоение Пилсудскому 15 ноября 1914 г. звания бригадира (что-то среднее между полковником и генералом, сам Пилсудский считал себя полковником¹⁹⁶), его аудиенция у императора Франца Иосифа и, наконец, награждение в 1915 г. высоким австрийским орденом Железной короны.

Первым политическим детищем Пилсудского стала Польская национальная организация (ПНО), предназначавшаяся им для поддержания политических контактов с немцами, а также ведения разведывательной деятельности в тылах русской армии. ПНО, а затем и Пилсудский лично в октябре 1914 г. вели переговоры с представителями наступавшей на Варшаву немецкой армии. Ему очень хотелось первым войти в освобожденную от русских столицу во главе своего полка. Но австрийцы своего согласия на это не дали. Берлину Пилсудский и его люди нужны были только как поставщики разведывательной информации и пушечное мясо, никаких политических соглашений немцы заключать не намеревались, более того, потребовали от ПНО прекратить деятельность на оккупированной территории. Пилсудский попытался переубедить немцев, но в этот момент их наступление на Варшаву захлебнулось. Вскоре Пилсудский утратил интерес к ПНО, и в ноябре 1914 г. она прекратила существование.

В октябре 1914 г. Пилсудский инициировал образование нелегальной Польской военной организации (ПОВ)* в контролируемой русскими властями части Царства Польского. Ее основу должны были составить действовавшие в Варшаве небольшие группы членов Союза активной борьбы и стрелковых дружин, объединившиеся после начала войны. Новая организация позиционировала себя как независимое, сугубо аполитичное объединение людей различных убеждений, которое подчинится только будущему Национальному правительству¹⁹⁷. Главными задачами ПОВ были вербовка добровольцев в легион, пропаганда идей независимости в «дезориентированном, пассивном и в большинстве москалофильском обществе»¹⁹⁸. Постепенно ячейки ПОВ возникли в других городах русской Польши, и даже в Петрограде и Киеве. Наряду с

* В российской историографии она более известна как Польская организация войскова.

организационной и пропагандистской работой существенное внимание уделялось разведке, саботажу и диверсиям, в том числе и на железнодорожном транспорте, вербовке добровольцев для службы в легионе, прежде всего в полку и бригаде Пилсудского.

После оккупации войсками Центральных держав Царства Польского летом 1915 г., когда, казалось бы, ничто не могло помешать Вене и Берлину решить польский вопрос устраивавшим его образом, Пилсудский вступил в затяжной конфликт с ГНК, который якобы недостаточно настойчиво и решительно добивался от Вены практических шагов в этом направлении. И даже запретил ПОВ вербовку волонтеров в легион, хотя для этого наконец-то наступили благоприятные времена.

Таким образом, внешне сохраняя приверженность своей предвоенной концепции обретения независимости русскими провинциями бывшей Речи Посполитой, Пилсудский на самом деле мало верил в возможности Вены и готовил для себя некий запасной вариант действий на не очень ясное будущее.

Второго центрального актора польской политической сцены, Р. Дмовского, война застала за границей. Он приехал в Петербург 12 августа 1914 г. и даже успел еще до оглашения познакомиться с манифестом Николая Николаевича. Содержание вполне его удовлетворило. Национальные демократы и их союзники из партии реальной политики всячески старались склонить Петербург к идее расширения национальных прав и свобод поляков вплоть до автономии и обещанию после победы собрать все польские земли воедино. В ноябре они учредили в Варшаве Польский национальный комитет в составе 27 человек (14 эндеков, 6 реалистов и 7 беспартийных), в который вошел и будущий польский президент С. Войцеховский, в конце XIX в. бывший одним из основателей ППС. Возглавил первый ПНК реалист граф З. Велёпольский; Р. Дмовский вынужден был согласиться на пост председателя исполнительного комитета. Создатели комитета намеревались превратить его в политического партнера русского правительства. К главным направлениям деятельности варшавского Польского национального комитета (ПНК) относились пропаганда позиции эндеков по национальному вопросу, противодействие сторонникам Пилсудского, а также установление контроля над процессом формирования Пулавского и Люблинского легионов. Р. Дмовский объяснял заинтересованность ПНК в формировании польских добровольческих частей на стороне России желанием сгладить негативное впечатление в Петербурге, Париже и Лондоне, вызванное появлением на фронте польского легиона на стороне Австро-Венгрии¹⁹⁹.

Однако намерение эндеков превратить эти формирования в зародыш польской армии не нашло, как и в Австрии, поддержки у русских военных и гражданских властей. И не только потому, что существование польского легиона на стороне австрийцев порождало у них сомнение в полной преданности населения Царства Польского династии. Предоставление эндекам права на политический патронат над добровольческими частями было равнозначно признанию их политическим партнером правительства. А этого самодержавие делать не собиралось. Чтобы исключить все попытки такого рода, русское военное командование, ссылаясь на необходимость обеспечить легионерам права комбатантов, придало легионам статус ополчения со всеми вытекающими из этого последствиями. По тому же пути пошли и австрийские военные применительно к своему польскому легиону, в котором к тому же было немало поляков с российским подданством.

Активная антинемецкая пропаганда эндеков и реалистов, убеждение ими общества в правильности ориентации только на Россию и Антанту в немалой степени обеспечи-

ли вполне корректное отношение гражданской администрации и военных к местному населению вплоть до августа 1915 г. Хорошо известно, что когда русские покидали Царство Польское, их не провожали ни проклятиями, ни злыми словами, никто не издевался над отступавшими, не совершал «актов возмездия». Многие жители Царства Польского выражали симпатию «своим», т. е. русской администрации и войскам²⁰⁰.

Особую позицию занимало революционное течение в рабочем движении. Руководящие деятели СДКПиЛ и ППС-левицы уже 4 августа 1914 г. приняли резолюцию, в которой осудили войну как империалистическую с обеих сторон, подчеркнули, что хотя она и ведется на польских землях, но не является войной за Польшу, призывали польский пролетариат готовиться к будущей социальной революции²⁰¹. Все надежды на справедливое, отвечающее интересам польских трудящихся решение польского вопроса они связывали с мировой революцией, наступление которой в конце войны считали неизбежным²⁰². Упование на мировую революцию отвлекало внимание революционных партий от подготовки к будущей борьбе за власть в масштабе не континента, а отдельной страны. Поэтому у них не было ни военной организации, ни программы, которая была бы привлекательной не только для радикально настроенных рабочих. К тому же деятельность революционных партий затруднял их нелегальный статус в России, а в оккупированном Царстве Польском — преследования активистов немецкими и австрийскими властями за антивоенную пропаганду, вплоть до арестов и заключения в тюрьмы, пребывание ряда видных деятелей в эмиграции.

Отношение Центральных держав к вопросу о судьбе Царства Польского оставалось сдержанным достаточно долго. Это объяснялось рядом веских причин. Во-первых, любые изменения статуса этой провинции России немедленно похоронили бы возможность сепаратного соглашения с ней, на что Берлин и Вена делали определенный расчет, зная, что в окружении Николая II немало сторонников выхода России из войны. Во-вторых, это было бы следующее после оккупации нейтральной Бельгии грубое нарушение норм и обычаев войны, запрещавших любые изменения государственных границ кроме как на мирной конференции. Антантовская пропаганда и так активно формировала образ Германии как страны, грубо попирающей нормы международного права. В-третьих, созданное на территории Царства Польского самостоятельное польское государство, даже тесно связанное с Центральными империями, все равно было бы своего рода польским Пьемонтом, подпитывало бы сепаратизм в их собственных польских провинциях.

От своей сдержанной позиции Берлин и Вена отказались лишь в середине 1915 г. В августе этой теме было уделено серьезное внимание на переговорах австро-венгерского министра иностранных дел С. Буриана с канцлером Германии Т. Бетман-Гольвегом в Берлине. Как отметил венский министр, «о том, чтобы сделать Царство Польское самостоятельным государством пока что не было речи из-за опасения, чтобы она [Польша], еще недостаточно окрепшая, не стала объектом разнообразных влияний или же рассадником ирриденции, грозящей внутренней безопасности Австрии и Пруссии»²⁰³. Вместе с тем участники переговоров сошлись во мнении, что русская Польша не может трактоваться просто как временно оккупированная территория, и к вопросу о судьбе этой провинции надлежит вернуться еще в ходе войны. С этого момента можно говорить о начале перехода Берлина и Вены к политике

изменения статуса Царства Польского уже в ходе войны. А это означало не что иное, как реанимацию предвоенного проекта Пилсудского.

О том, что Царство Польское ждет иная судьба, чем другие оккупированные Центральными державами территории, свидетельствовал характер устанавливаемой здесь оккупационной администрации. Царство Польское было разделено на три области с особым статусом. Сувалкская губерния и часть Подляшья стали обычными оккупированными территориями. Наряду с занятыми немцами литовскими и белорусскими районами они подчинялись этапному командованию Главного командования армий на Востоке (Обер-Ост). Исследователи считают, что Берлин намеревался оставить эти территории после победы под собственным управлением. В австрийской зоне оккупации было создано военное генерал-губернаторство с центром в Люблине, которое подчинялось Главному командованию австро-венгерской армии. Необычным в данном случае был сам факт организации генеральной губернии (в оккупированных австрийцами Сербии и Черногории подобных институтов власти не учреждалось). Остальные районы Царства Польского, в которых проживало почти 2/3 его населения и находились главные промышленные центры, немцы отдали под управление военного генерал-губернатора, расположившего свою резиденцию в Варшаве. В отличие от австрийского коллеги он подчинялся непосредственно канцлеру Германии, а не Главному командованию армий на Востоке²⁰⁴. Таким образом, Люблинское и Варшавское генерал-губернаторства имели иной статус, чем просто оккупированная войсками территория вражеского государства. Но до ноября 1916 г. эта особенность реального значения не имела. Варшавским генерал-губернатором от начала до конца оккупации был Г. фон Безелер, командовавший немецкими войсками под Антверпеном и Модлином (Новогеоргиевском). В Люблине сменилось несколько генерал-губернаторов — Э. фон Диллер, К. фон Кук, Станислав Шептицкий (брат львовского униатского архиепископа А. Шептицкого).

Проводя политику экономической эксплуатации оккупированного Царства Польского (это не возбраняется международным правом, нормами и обычаями ведения войны), немцы и австрийцы позволили польским политическим партиям легально действовать, издавать прессу, если только она не имела враждебного им характера, разрешили образование всех уровней на польском языке. В 1915 г. в Варшаве с согласия немцев начали работать польские Политехнический институт и университет взамен русских вузов, эвакуированных соответственно в Нижний Новгород и Ростов-на-Дону. Было позволено создать польские органы местного самоуправления — советы и магистраты в городах, сеймики в поветах. Правда, и это легко объясняется статусом Царства Польского как «военной карты», их первый состав был назначен оккупационной администрацией, но уже в 1916 г. были проведены выборы. Самоуправление было предоставлено и еврейским религиозным общинам. Но административную и судебную системы оккупанты оставили за собой, чтобы не выпустить из рук нити управления генеральными губерниями.

Эта политика оккупационных властей дала ожидаемые результаты, усилив влияние «активистов», т. е. сторонников взаимодействия с Центральными державами в интересах польского дела. На «активистских» позициях стояли ППС — революционная фракция, консервативные группировки, значительная часть столичной интеллигенции. «Активисты» вошли в органы местного самоуправления и образования,

основали влиятельную филантропическую организацию — Главный опекунский совет. Они выступили энтузиастами вербовки добровольцев в польский легион на стороне Австрии.

Правда, результат их усилий был меньше, чем им хотелось бы. Причины, по которым общество без особого энтузиазма включалось в сотрудничество с оккупационными властями, крылись и в обыкновенной осторожности жителей Царства Польского, веривших в возвращение русских²⁰⁵, и в сильном антинемецком синдроме, сформировавшемся в довоенные годы, и в противодействии «пассивистов». В этот лагерь входили национальные демократы, реалисты и некоторые другие небольшие политические группы. Политическим представительством «пассивистов» стало Межпартийное политическое коло.

Таким образом, на первом этапе войны, до 1916 г., польский вопрос не утратил своего прежнего характера, оставаясь внутренним делом разделивших Польшу империй, а предпринимавшиеся пилсудчиками и эндеками попытки сдвинуть его с мертвой точки в рамках своих довоенных концепций не дали реальных результатов. Власти благосклонно воспринимали их вернопопданнические декларации и действия, но практических встречных шагов не делали.

Но у всякого события планетарного масштаба — а мировая война имела именно такой характер — своя логика развития, которую невозможно точно спрогнозировать. Если бы зачинщики войны знали, куда она приведет Европу, вряд ли они решились бы ее начинать.

III.2. Поворот в истории польского вопроса (ноябрь 1916 — март 1917 г.)

Одним из непредвиденных последствий войны, давшем о себе знать уже в ее ходе, стало превращение польского вопроса из внутренней проблемы владевших польскими землями империй в открытый международный вопрос, в решении которого получили право участвовать также страны Антанты и США.

До конца 1916 г. союзники Петрограда продолжали считать судьбу Царства Польского внутренним делом России, но это не значило, что они не думали о будущем Польши. Французское и британское правительства тревожили слухи о намерении Центральных держав провести в Царстве Польском мобилизацию в армию. На них оказывали давление инспирируемые польскими эмигрантами собственные левые силы, требовавшие от государственных лидеров более решительной позиции по вопросу независимости Царства Польского. Поэтому например нельзя считать случайностью обсуждение будущего государственного статуса Польши в ходе переговоров в январе-феврале 1916 г. британских политиков с полковником Хаузом, доверенным лицом президента США В. Вильсона²⁰⁶.

Существенно дальше Антанты в польском вопросе применительно к Царству Польскому пошли Центральные державы, хотя и они не сразу после оккупации этой провинции решились на радикальные шаги. Как писал в своих мемуарах германский канцлер Т. Бетман-Гольвег, «польский вопрос оставался без движения так долго, как долго взаимоотношения трех империй не изменялись коренным образом...

Теоретически всего лучше было бы оставить эту проблему без решения на всем протяжении войны. Однако после того, как война не была прервана в одной из начальных фаз, не позже первых месяцев 1915 г., не могло быть и речи о *partie remise*²⁰⁷.

Решительная перемена в позиции Центральных держав произошла в 1916 г., когда баланс сил в этом блоке окончательно изменился в пользу Германии. В начале апреля 1916 г. Бетман-Гольвег заявил в рейхстаге, что польский вопрос, который Центральные державы не хотели прежде ставить, «был открыт на полях сражений» и что «история не знает *status quo* после столь выдающихся событий»²⁰⁸. Это заявление было полной неожиданностью для Вены, надеявшейся получить согласие Германии на присоединение Царства Польского к Австрии. Во время визита Буриана в Берлин 4–5 апреля 1916 г. он узнал от Бетман-Гольвега о намерении Германии создать в Царстве Польском марионеточное буферное государство*. В ходе напряженных переговоров 11–12 августа 1916 г. в Вене стороны принципиально договорились о создании на территории Царства Польского самостоятельного Польского королевства, полностью от них зависящего в экономическом, политическом и военном отношениях²⁰⁹. Австрийцам удалось только настоять на временном оставлении за ними оккупационной зоны. Но точная дата провозглашения этого государства не была установлена.

По утверждению С. Буриана, Германию на столь смелый шаг в польском вопросе подтолкнули два обстоятельства: распространившийся слух о том, что Россия собирается пообещать полякам объединение и независимость всех их земель, а также желание сформировать польское войско, чего нельзя было сделать, пока Царство Польское не получило статуса государства²¹⁰. Т. Бетман-Гольвег причинами решения, помимо давления немецких военных, надеявшихся сформировать здесь союзную им польскую армию²¹¹, называет также: исчезновение надежд на сепаратный мир с Россией; нежелание отдавать все Царство Польское Австрии, в том числе и из опасения, что последняя может попасть под польский контроль; понимание невозможности как восстановления довоенного *status quo*, так и очередного раздела Польши.

В ряду причин августовского решения исследователи называют также стремление немцев воплотить в жизнь давно вынашивавшуюся ими идею Срединной Европы. Польское королевство должно было стать первым самостоятельным государством на западных окраинах Российской империи, призванным сыграть роль буфера между Великороссией и Германией. Затем аналогичные государства-сателлиты были бы созданы в Прибалтике, Финляндии и на Украине. Это освободило бы Германию от опасного соседства на востоке и облегчило ведение колониальной политики. Поэтому Берлин и пошел на поддержку и поощрение сепаратизма угнетенных народов. Что же касается Вены, то для нее согласие с Берлином означало отказ от идеи польско-австрийского решения судьбы Царства Польского. Но у Австро-Венгрии, более слабого союзника, не было иного выбора, как согласиться с Германией.

* Подтверждением того, что у немцев такое намерение было, можно считать разрешение на празднование годовщины конституции 3 мая 1791 г. в 1916 г., а также проведение в июле того же года в Варшавском генерал-губернаторстве выборов в органы местного самоуправления. Примененная при этом куриальная система обеспечила победу «активистов».

Решение о создании Польского королевства было откровенным нарушением международного права, разрешающего проводить территориальные изменения только на мирных конференциях. Не меньшим нарушением было бы и введение в этом эфемерном государстве всеобщей воинской повинности, т. е. прямое принуждение подданных России польской национальности к государственной измене со всеми вытекающими для них последствиями. Поэтому принятие проекта Польского королевства могло свидетельствовать только о том, что Центральные державы полностью разуверились в возможности сепаратного мира с Россией и решили пойти в польском вопросе ва-банк.

Окончательно позиции Австро-Венгрии и Германии по вопросу о будущем Царства Польского были согласованы на совещании с участием ведущих государственных и военных руководителей 18 октября 1916 г. Было решено создать полноценное польское государство после окончания войны, а до этого момента сохранить генерал-губернаторства, хотя немецкие военные настаивали на их слиянии, чтобы облегчить вербовку в будущий Польский вермахт²¹². Зато следовало немедленно приступить к формированию добровольческой польской армии под германским командованием и с участием австро-венгерских и немецких офицеров и унтер-офицеров²¹³.

О своем решении явочным порядком создать Польское королевство центральные державы объявили 5 ноября 1916 г. в манифесте, изданном от имени императоров Вильгельма II и Франца Иосифа генерал-губернаторами Безелером и Куком. Манифест был оглашен в Колонном зале Королевского замка в Варшаве, затем состоялись торжественное заседание Варшавского городского совета, прошли благодарственные демонстрации варшавян и студенческие митинги.

В манифесте провозглашалось создание самостоятельного, но не независимого Польского королевства на польских землях, которые Центральные державы силой своего оружия вырвали из-под русского господства. Это должно было быть государство с наследственной монархией и конституционным строем, тесно связанное с Германией и Австро-Венгрией. Весьма интригующе звучала фраза, что «в собственной армии будут продолжаться славные традиции польских войск прошлых времен и память героических польских товарищей по оружию в нынешней великой войне. Вопросы ее организации, обучения и руководства будут урегулированы в совместном соглашении»²¹⁴. Решение вопроса о будущем монархе и границах откладывалось на будущее. Что же касается судеб прусской и австрийской частей Польши, то в манифесте не было ни малейшего намека на возможность их объединения после победы с Польским королевством. Единственно, император Франц Иосиф пообещал в будущем расширить автономию Галиции, выделив ее в особую единицу в составе монархии²¹⁵. И на этот раз австрийцы проигнорировали польских политиков Галиции, уговаривавших их присоединить Царство Польское и преобразовать двуединую монархию в триалистическую. Вена уже не могла поступать вопреки воле немцев, серьезно опасавшихся превращения Дунайской монархии в славянскую империю в Центральной и Юго-Восточной Европе²¹⁶. С этого момента начался постепенный отход проавстрийских польских сил Галиции от ориентации на Вену.

Что же касается Германии, то она даже не намеревалась делать каких-либо жестов в отношении своих польских провинций, более того, Вильгельм II обещал военным по стратегическим соображениям включить в будущем в состав Германии некоторые западные районы Царства Польского. О марионеточном характере создаваемого

государства свидетельствовало и сделанное 9 ноября генерал-губернаторами заявление, что они временно оставляют за собой всю полноту власти, но зато соглашаются на создание добровольческих Польских вооруженных сил (Польского вермахта).

По своему характеру и содержанию акт 5 ноября определенно перекликался с манифестом вел. кн. Николая Николаевича. Он также был издан не самими монархами, а государственными чиновниками от их имени, не содержал четкого определения будущих границ, не оставлял будущему государству свободы выбора союзников. Главное отличие состояло в том, что создание Польского королевства начиналось немедленно, не дожидаясь окончания войны и мирной конференции. Именно это обстоятельство оказало определенное пропагандистское воздействие как на поляков, так и на другие народы России, особенно прибалтийские, среди которых также были сильны сепаратистские настроения. Можно полностью согласиться с Бурианом, что «акт (5 ноября) не исполнил всех желаний и не разрешил еще всех трудностей. Но он дал свершившийся факт, который нельзя было отбросить. Возвращение Польши России стало так же невозможным, как и аннексия в пользу Центральных государств, да и Антанта, гордящаяся борьбой за свободу народов, должна была это событие принять в расчет, хотя и с не самыми любезными комментариями»²¹⁷.

Сколько бы ни говорили о том, что этот шаг Центральных держав не имел серьезного значения, что он был сугубо конъюнктурным, продиктованным единственно желанием заполучить польских солдат, нельзя отрицать того, что этим нарушением норм международного права Берлин и Вена открыли путь к тому, что проблема Царства Польского приобрела открытый международный характер.

Российская сторона не могла оставить без комментария столь вопиющее покушение на ее суверенитет, хотя бы для того, чтобы сохранить лояльность своих подданных-поляков и предотвратить опасность их массового дезертирства на фронте. 15 ноября русское правительство осудило очередное попрание Центральными державами норм международного права, «которое запрещает принуждение жителей занятой территории поднимать оружие на их собственную родину», и назвало создание Польского королевства незаконным актом²¹⁸. Вслед за Россией это сделали и союзники. Но одного осуждения было недостаточно для нейтрализации выпада Центральных держав. Николаю II не оставалось ничего другого, как сформулировать позицию России по польскому вопросу. И он сделал это в рождественском приказе по армии и флоту от 25 декабря 1916 г. В числе главных целей войны для России была названа аннексия польских земель Австро-Венгрии и Германии с их последующим объединением с Царством Польским на правах широкой автономии в составе империи Романовых²¹⁹.

Публичное, откровенное провозглашение аннексионистских намерений России союзники восприняли со смешанными чувствами. Сами по себе планы России в польском вопросе не были для них секретом. Но они не спешили придавать им характер обязывающей договоренности, пока шла война. Помимо опасения, что это мобилизует немецкое общество и поколеблет доверие мирового сообщества к их пропаганде, построенной на тезисе, что ведется война демократий с агрессивным империализмом Центральных держав, были и другие соображения концептуального характера, главным образом у Лондона. Франция была сторонницей максимального ослабления Германии, вплоть до ее расчленения на отдельные государства. Поэтому на прошедших накануне Февральской революции 1917 г. англо-русско-французских переговорах

в Петрограде Россия и Франция подписали соглашение, по которому Россия, взамен за согласие Франции на переход к ней польских провинций Австрии и Германии, признала ее право на Эльзас и Лотарингию. Великобритании же была нужна побежденная, но сильная Германия как противовес влиянию Франции на континенте и фактор сдерживания экспансии России в Азии. Но этой своей позиции она не озвучивала, дабы не спровоцировать Россию на сепаратный мир. Что касается США, то В. Вильсон в январе 1917 г. выразил свое удовлетворение тем, что государственные мужи Европы высказались за возрождение польского государства²²⁰.

Таким образом, в два последних месяца 1916 г. в судьбе польского вопроса произошла кардинальная перемена, парадокс которой заключался в том, что и Пилсудский, и Дмовский с равным основанием могли считать, что наступило время практической реализации их довоенных концепций. Причем у Пилсудского была теоретическая возможность сделать это немедленно, а Дмовскому нужно было подождать окончания войны, а пока что заняться подготовительными мероприятиями.

Нет ничего удивительного в том, что Пилсудский и все согласные ограничить решение польского вопроса одними российскими владениями бывшей Речи Посполитой²²¹ с энтузиазмом восприняли ноябрьский манифест как акт, предоставлявший независимость русской Польше. Сходные чувства испытывали поляки Галиции, причем основную заслугу в этом «историческом свершении» они приписывали Пилсудскому²²². Не менее восторженно манифест 5 ноября был принят сторонниками Пилсудского за рубежом²²³.

Казалось, наступил звездный час бригадира. Тем более что к моменту оглашения манифеста 5 ноября он превратился в политика, которому в очередной раз нужно было начинать все сначала. Не добившись интригами согласия австрийцев на передачу легиона под его командование, Пилсудский 29 июля 1916 г. подал рапорт о демобилизации из легиона. Расчет на то, что с помощью шантажа ему удастся достичь заветной мечты, не оправдался. В конце сентября 1916 г. рапорт был удовлетворен.

Не исключено, что к моменту отставки Пилсудский знал о намерении Берлина радикально изменить статус Царства Польского, если уже в августе 1916 г. парижские газеты писали о скором провозглашении акта о создании Польского королевства²²⁴. Он конечно же видел, что поляки этой провинции не очень доверяют немцам и австрийцам, хотя те и шли им навстречу в ряде вопросов. А без такого доверия не могло быть и речи о привлечении добровольцев в Польский вермахт, что было главной целью плана Берлина и Вены в отношении Царства Польского. Пилсудский, к этому времени ставший, пожалуй, наиболее заметной фигурой на политической сцене в Царстве Польском и Галиции, надеялся заключить с Центральными державами сделку: за помощь в формировании армии Польского королевства получить пост ее командующего.

Но бригадир и на этот раз переоценил свои возможности. Берлин и Вена с самого начала решили, что командовать Польским вермахтом будет генерал Г. Безелер, и не собирались менять своего решения. С большим трудом сторонникам Пилсудского удалось 8 декабря 1916 г. получить от Безелера согласие на приезд бригадира из Кракова в Варшаву (для проезда из одной зоны оккупации в другую нужен был пропуск). Генерал-губернатор также ввел его в состав конституировавшегося 14 января 1917 г. Временного государственного совета (ВГС) в качестве референта (руководителя) военной комиссии. На создание военного департамента немцы не согласились, поскольку Польский вермахт не подчинялся ВГС.

Обнародованная Николаем II в ответ на манифест 5 ноября позиция по польскому вопросу была воспринята Р. Дмовским и его единомышленниками как подтверждение правильности их проекта движения поляков к независимости. Теперь, в случае победы Антанты, им удалось бы реализовать первую часть своей концепции — объединить все польские земли на началах автономии в пределах одного государства. После этого можно было идти дальше, от автономии — к независимости и суверенитету (следует отметить, что XX в. знает не один случай успешной реализации подобных сценариев).

Что же касается СДКПил и ППС-левицы, то национальный вопрос их интересовал только как одно из средств ослабления царизма. Хотя манифест от 5 ноября они осудили как нарушение прав польского народа²²⁵, но своего плана создания польского государства не предлагали. Они по-прежнему уповали на «мировую революцию», никакой практической подготовки к взятию власти и после акта о создании Польского королевства не вели.

III.3. На пути к окончательному решению польского вопроса

В феврале 1917 г. в России неожиданно для многих, с пугающей быстротой и абсолютно бескровно произошла революция. На политическую авансцену вышли люди, в большинстве своем не имевшие опыта государственного управления и не очень четко понимавшие государственные интересы России. Зато многие искренне верили в долгожданное наступление эры братства народов, свободы и справедливости.

Первоначально власть оказалась в руках умеренных политиков, составивших Временное правительство. Социальные радикалы разных мастей группировались вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов. Именно их творением был приказ Петроградского Совета № 1 от 1 (14) марта о демократизации армии, в равной степени заслуживающий называться и глупостью, и предательством, поскольку он, вводя выборность командиров и всевластие солдатских комитетов, стимулировал развал русской армии. Причем инициаторами его были вовсе не большевики, якобы купленные за германское золото.

Сходным по духу было и воззвание Петроградского совета от 27 марта 1917 г. «Поляки», признававшее право польского народа на полную государственную самостоятельность. Решение столь непростого дела, как выход какой-то территории из состава государства, не оговоренный какими-либо условиями, не мог не привести к недоразумениям, спорам и конфликтам в момент его практической реализации. Несомненно, что одним из наиболее конфликтогенных был вопрос о границах новой Польши. Вожди Петросовета, пришедшие в политику еще до войны, не могли не знать, что польские лидеры и общество видели независимую Польшу не в этнографических, а в исторических границах Речи Посполитой 1772 г. Поскольку российские политические партии, исключая большевиков, не собирались признавать за украинцами, белорусами и литовцами права на самоопределение вплоть до отделения, российско-польский территориальный конфликт становился в будущем неизбежным.

Сформулировало свое отношение к польскому вопросу и Временное правительство. 29 марта появилось его обращение «Народу польскому». Авторы этого документа также признали право поляков на независимость, но на определенных условиях. Во-первых, восточная граница будущей Польши определялась бы по этнографическому, а не историческому принципу*, во-вторых, ей надлежало заключить «свободный военный союз» с бывшей метрополией, чтобы исключить возможность перехода на враждебные России позиции. Все практические вопросы выхода Царства Польского из состава России Временное правительство оставляло на усмотрение Учредительного собрания, единственно уполномоченного принимать решения по вопросу границ. И, конечно же, само собой разумеющимся был республиканский характер будущего польского государства. Позиция Временного правительства по польскому вопросу получила полную поддержку союзников²²⁶.

Временное правительство согласилось на создание Польской ликвидационной комиссии во главе с известным московским адвокатом А. Ледницким. В ее состав входили представители как российской колонии, так и правительства в ранге вице-министров. Комиссия должна была заниматься подготовительными работами к разъединению Царства Польского с Россией, вести учет польских культурных и материальных ценностей, незаконно вывезенных в Россию после разделов Речи Посполитой, а также эвакуированных в первый год Великой войны, оказанием помощи польским беженцам и т. д.

Правительство также разрешило создать в России польскую армию. Сформированная в 1915 г. на базе Пулавского легиона бригада в начале 1917 г. была преобразована в дивизию, а в июле того же года А.Ф. Керенский дал согласие на формирование одного корпуса. 1-й польский корпус под командованием генерала Ю. Довбор-Мусницкого был дислоцирован в Белоруссии. Он очень скоро достиг численности порядка 23 тыс. солдат и офицеров, но уже к ноябрю его ряды сократилась до 15 тыс. человек²²⁷. Два других корпуса формировались на Украине.

Несомненно, создание Ликвидационной комиссии и польской армии в России свидетельствовало о серьезности намерений новой России решить польский вопрос в соответствии с позицией, сформулированной в обращении Временного правительства. Это означало, что процесс превращения этого вопроса из внутреннего дела Австро-Венгрии, Германии и России в открытый международный вопрос завершен²²⁸. Теперь в его решении могли участвовать все державы, заинтересованные в будущем устройстве Центральной Европы, причем не только европейские, но и США, вступившие в войну в начале апреля 1917 г. Первыми этой возможностью воспользовались французы. В июне 1917 г. они, с ведома российского посольства в Париже, приступили к созданию «польской автономной армии» из поляков, служивших в русских и канадских частях на Западном фронте, добровольцев из США и из числа военнопленных. Дмовский и его сторонники к этому решению отношения не имели, но не преминули им воспользоваться.

Дмовский, который после выезда в конце 1915 г. на Запад занимался пропагандой своей концепции решения польского вопроса среди государственных мужей и политиков Лондона, Парижа и Рима, быстро оценил открывшиеся перед поляками новые воз-

* Эту позицию в последующем разделяли и Белая Россия, и Антанта, а в августе 1920 г. и большевики.

возможности обретения независимости. Отказавшись от прорусской линии, он приступил к подготовке почвы для создания независимого, суверенного, объединенного польского государства с опорой на западные державы. Организационным центром, занявшимся этим делом, стал созданный в августе 1917 г. в швейцарском городе Лозанна второй Польский национальный комитет (ПНК), вскоре перенесший свою штаб-квартиру в Париж. В состав парижского ПНК вошли национальные демократы и реалисты, возглавил его Р. Дмовский. Были созданы представительства комитета в Англии, США, Италии и Швейцарии. В сентябре–октябре того же года ПНК был признан правительствами Франции, Великобритании и Италии в качестве представителя интересов польского народа, что создавало легитимную основу для его деятельности и позволяло вступить в регулярные отношения с державами Антанты и США. Весьма значимым событием стала передача в феврале 1918 г. под политическое руководство ПНК польской армии во Франции²²⁹. Несомненно, это были успехи не только Дмовского и его сторонников, но и польского народа, они существенно облегчали ему движение к объединению и обретению суверенитета.

А вот надежды Пилсудского на то, что сотрудничество с немцами будет развиваться успешнее, чем с австрийцами, не оправдались. Войдя в состав первого верховного органа государственной власти Польского королевства, он в течение полугода добивался переподчинения Польского вермахта Временному государственному совету, настаивал на скорейшем создании полноценного правительства и решении вопроса о монархе, безуспешно пытался добиться поддержки своих требований коллегами по ВГС.

Свою значимость Пилсудский пытался доказать демонстрацией влияния Польской военной организации, насчитывавшей в марте 1917 г. около 15 тыс. членов, в то время как в армии Безелера в начале 1917 г. было около 3 тыс. человек. Для обеспечения возможностей явной деятельности ПОВ 11 января 1917 г. он формально подчинил ее Временному государственному совету. Тем самым получалось, что ПОВ признала ВГС польским национальным правительством. Члены ПОВ принимали участие в различных массовых общественных и религиозных мероприятиях и торжествах. Были организованы офицерские курсы, регулярно проводились учения волонтеров. На имидж ПОВ работали также военно-спортивное общество «Пехур», различные общественные организации, пресса. Но усилия Пилсудского оказались тщетными, он так и не получил под свое командование Польский вермахт.

Не найдя поддержки своих планов у Германии, Пилсудский в очередной раз вынужден был определяться с дальнейшими планами. Он потерял должность в легионе, но не получил армию Польского королевства и теперь мог рассчитывать только на Польскую военную организацию, которой он и так безраздельно командовал с момента ее создания. Круг замкнулся. По приказу Пилсудского ПОВ вновь перешла на нелегальное положение, прекратила вербовку в легион. В дополнение к ПОВ были созданы и другие конспиративные структуры — Военный союз, в который вошли надежные и проверенные члены ПОВ и близкие бригадиру политики²³⁰, а также Конвент, который должен был заменить его в случае ареста немцами. Бригадир даже вел переговоры о возвращении на австрийскую службу, но получил отказ, раздумывал о переходе через линию фронта на русскую сторону, где пользовался авторитетом у польских военных. Все эти разнонаправленные действия могли свидетельствовать о том, что Пилсудский растерялся, не очень хорошо представлял себе вектор дальнейших действий. Нередко встречающиеся в

литературе утверждения, что к этому моменту он был уверен в победе Антанты и поэтому хотел эффектно порвать с немцами, не очень убедительны. Скорее, это всего лишь еще один из мифов, сопровождавших его политическую биографию. Вряд ли кто-нибудь в первой половине 1917 г. мог с уверенностью предсказать исход войны.

Неожиданным выходом из очередной кризисной ситуации стал для Пилсудского его арест немцами в июле 1917 г. Поскольку по времени он следовал после так называемого кризиса с присягой, то обычно их связывают друг с другом. Суть этого кризиса заключалась в следующем. В апреле 1917 г. австрийцы передали польский легион в состав Польского вермахта, в связи с чем возникла необходимость новой присяги легионеров. Сам Пилсудский и его ближайшие соратники, к этому времени уже покинувшие легион, повели среди своих товарищей по оружию негласную пропаганду против принесения новой присяги, хотя это и грозило серьезными дисциплинарными последствиями. Пилсудский был против ее текста, представлявшего собой клятву верности Польскому королевству и будущему польскому королю, а также братству по оружию с германской и австро-венгерской армиями. В знак протеста против утверждения ВГС текста присяги бригадир 2 июля оставил пост референта военной комиссии ВГС. Тем самым он признал крах своих планов, связанных с Германией.

9 июля 1917 г. большая часть легионеров из 1-й и 3-й бригад, а также артиллерийского полка присягать отказались. За это около 3,3 тыс. легионеров из числа российских подданных были разоружены и изолированы в лагерях в Щиперно (рядовые) и Беньяминово (офицеры). Примерно 3,5 тыс. австрийских граждан были включены в австро-венгерскую армию и отправлены на Итальянский фронт. Около 7,5 тыс. легионеров, в том числе 2-я бригада под командованием полковника Юзефа Галлера, присягнули. Они были возвращены под австрийское командование и направлены в составе Польского вспомогательного корпуса на Восточный фронт, в район Буковины. Более 1 тыс. легионеров были оставлены в Польском королевстве для ведения вербовки в Польский вермахт.

Нередко в литературе отказ легионеров от принесения присяги трактуется как акт глубокого патриотизма. Но ведь эти же люди, в том числе и Пилсудский, в свое время присягнули австрийскому престолу (а вот большая часть Восточного легиона в 1914 г. этого не сделала), и это не считалось и не считается непатриотическим поступком. Совершенно очевидно, что отказ от присяги нужен был Пилсудскому, чтобы продемонстрировать главнокомандующему Польского вермахта Безелеру и Берлину силу своего влияния. Эту демонстрацию вряд ли можно считать успешной, большинство легионеров не пошло за бригадиром. После этого теста немцы совершенно спокойно могли устранить доставлявшего им некоторые неудобства Пилсудского из Варшавы и из активной политической жизни. 22 июля 1917 г. он был арестован, вывезен в Германию и спустя месяц интернирован в Магдебургской крепости на правах военнопленного высокого ранга. Здесь он в полной изоляции пребывал до начала ноября 1918 г.

Тот факт, что Пилсудский был лишен возможности заниматься политической деятельностью, как это ни странно, обернулся в конечном счете его политическим выигрышем. Он не был связан с властными институтами Польского королевства и Польским вермахтом, а тем самым и с оккупационным режимом. По мере компрометации всех этих структур рос политический капитал Пилсудского. На его имидж активно работали и оставшиеся на свободе сторонники. Начиная с 1915 г. их усилиями стала оформляться традиция празднования дня его именин 19 марта как важнейшего обще-

ственного события. Такие торжества были организованы и в марте 1918 г.²³¹ Наконец, на миф Пилсудского работал сам арест, преподносимый его адептами обществу как жертва, которую их кумир принес на алтарь свободы польского народа.

Но лагерь «активистов» был представлен не одним Пилсудским, его неудача не привела к уходу с политической сцены деятелей, видевших в Польском королевстве перспективный проект. Они не собирались ограничиваться теми небольшими уступками в области государственного управления и образования, на которые согласились Берлин и Вена в отношении Временного госсвета. Успешно заложив основы национальной администрации, судопроизводства, образования и армии, ВГС в конце августа 1917 г. подал в отставку.

12 сентября 1917 г. варшавский и люблинский генерал-губернаторы обнародовали патенты своих императоров, определявшие систему высших органов государственной власти Польского королевства. До момента призвания на польский трон короля или регента верховная власть передавались регентскому совету. В него вошли архиепископ Варшавский А. Каковский, князь З. Любомирский и помещик Ю. Островский. Были также созданы государственный совет, выполнявший функции парламента, и правительство. Первым премьер-министром стал историк Я. Кухажевский. Характерно, что среди членов высших органов власти Польского королевства были не только «активисты», но и реалисты, после свержения самодержавия начавшие склоняться к участию в строительстве Польского королевства. Поддерживавшие Пилсудского партии левой ориентации своих представителей в формирующиеся институты власти не направили, но заняли по отношению к ним позицию доброжелательного нейтралитета. Краковский Главный национальный комитет в связи с началом конституирования Польского королевства без опоры на Австро-Венгрию счел свое дальнейшее существование лишенным смысла и прекратил деятельность.

Таким образом, осенью 1917 г. польский вопрос решался по двум, параллельно развивавшимся, направлениям. При этом все понимали, что теперь, каков бы ни был исход войны, ситуация не могла вернуться к состоянию *status quo ante*. В худшем случае появилось бы марионеточное польское государство на территории бывшего Царства Польского, скорее всего утратившее ряд земель на западе, севере и востоке в пользу Германии. Но все равно в политическом плане это было бы больше того, что поляки имели до 1914 г.

Приход к власти в России большевиков в октябре 1917 г. внес новые моменты в развитие польского вопроса. Они были связаны не столько с оглашением «Декрета о мире» и «Декларации прав народов России»²³², сколько с начавшимися по инициативе украинской Директории и Совета народных комиссаров РСФСР мирными переговорами в Брест-Литовске. Их результатом стали передача Холмщины Украинской народной республике, а также обязательство советской стороны аннулировать все соглашения о разделах Речи Посполитой, заключенные в XVIII в. с Пруссией и Австрией. Эти решения делали неизбежными будущие споры между Польшей, с одной стороны и Россией, Литвой, Белоруссией и Украиной, с другой, за «забранные земли», или восточные кресы, т. е. многонациональные восточные территории, входившие в состав шляхетской Речи Посполитой до ее разделов. Передача Центральными державами Холмщины Украине нанесла мощнейший удар по «активистам». Если даже у кого-то из них до 9 февраля 1918 г. еще теплилась надежда, что Берлин и Вена в случае победы

присоединят к Польскому королевству бывшие восточные кресы Речи Посполитой, то после Брестского мира с УНР она умерла. Авторитет «активистов» в обществе, большинство членов которого оставалось в оковах мышления категориями Польши в границах до 1772 г. или несколько модифицированными, был непоправимо подорван. Только национальные демократы предлагали проведение восточной границы Польши западнее, по линии второго раздела шляхетской Речи Посполитой в 1793 г.²³³ Конечно, были и другие причины, по которым властные институты Польского королевства взяли курс на ослабление связи с Центральными державами. Какую-то роль несомненно сыграло вступление в боевые действия американской армии, а также отсутствие успехов Четверного союза на фронтах.

13 февраля 1918 г. регентский совет в обращении к польскому народу осудил Брестский мир с Украиной как новый раздел Польши, так же поступили польские колы в рейхстрате и рейхстаге, «краковские консерваторы» отослали императору свои награды. В знак протеста против уступки Холмщины Украине подали в отставку правительство Кухажевского (польского премьера, несмотря на все его старания в Берлине и Вене, не пригласили на конференцию в Брест) и генерал С. Шептицкий, незадолго до этого назначенный на пост люблинского генерал-губернатора. Бывшая 2-я бригада легиона отказалась подчиняться австрийцам²³⁴. Полторы тысячи из 7 тыс. бойцов этой бригады вместе с ее командиром Ю. Галлером перешли на русскую сторону и были включены в состав 2-го польского корпуса в России. Остальных австрийцы интернировали и осудили как дезертиров. 11 мая под Каневом на Украине 2-й польский корпус был разгромлен немцами, многие бывшие бойцы 2-й бригады попали в плен. Галлер этой участи избежал, выехал в июне через Мурманск во Францию и был назначен командующим польской армии, называемой по цвету мундиров, выданных им французами из стратегических запасов, «голубой». Вскоре перестал существовать и 1-й польский корпус в России.

Вначале Довбор-Мусницкий заключил с немцами соглашение о совместной борьбе с Красной армией, а 21 мая — о разоружении корпуса и разрешении его бойцам вернуться домой. Таким образом, к июню 1918 г. прекратили существование все те польские воинские формирования на стороне Центральных держав и России, которые вели свое начало из 1914 г.

Несмотря на демонстративный протест против беззастенчивого распоряжения Центральных держав территориями, которые поляки считали своими, государственные деятели Польского королевства не прекращали сотрудничать с Берлином и Веной. В апреле 1918 г. было сформировано новое правительство во главе с Я. Стечковским, попытавшееся добиться согласия Берлина и Вены на передачу ему всей полноты административной власти в Польском королевстве. Его активно поддерживал приступивший в июне к работе Государственный совет, состоявший из 110 членов (половина была назначена регентским советом, другая — избрана в многоступенчатых выборах), задачей которого было принятие законопроектов, подготовленных правительством и им самим. Однако их усилия оказались безрезультатными. Административная власть по-прежнему оставалась в руках немецкого гражданского комиссара при регентском совете графа Г. Лерхенфельд-Кёферинга и главы гражданского управления О. Штейнмейстера, военная — Г. Безелера²³⁵. Центральные державы не хотели выпустить из-под своего контроля Польское королевство, в том числе и опасаясь затрудне-

ния транспортного сообщения с Обер-Ост. В связи с этим в конце августа правительство Стечковского ушло в отставку.

Приход к власти в России большевиков был с энтузиазмом встречен польскими революционерами. Тысячи поляков приняли участие в свержении Временного правительства и строительстве советского государства. Наиболее влиятельными среди них были Ф. Дзержинский, Ю. Уншлихт, Я. Ганецкий, Ю. Лещиньский-Леньский, К. Радек, занимавшие высокие государственные и военные посты в Советской России. В 1918 г. начала формироваться польская Западная дивизия. Но в самих польских землях до окончания мировой войны благоприятных условий для подъема революционной волны не было.

После прорыва войсками Антанты Салоникского фронта на Балканах в сентябре 1918 г. в скором поражении Четверного союза перестали сомневаться даже высшие немецкие офицеры. В атмосфере стремительно приближавшегося окончания Великой войны возникли благоприятные условия для преодоления раскола польского политического лагеря, который обозначился в начале XX в. по вопросу о путях восстановления независимости Польши. Сохраняла смысл только проантантовская ориентация, и на этом направлении Р. Дмовскому и Польскому национальному комитету удалось добиться существенных успехов. Президент США В. Вильсон в своей январской 1918 г. «Программе мира» («14 пунктов») и руководители держав Антанты на встрече в июне 1918 г. признали право поляков на возрождение независимого государства с доступом к морю, но в этнографических границах. Конечно, пока что это были лишь своего рода декларации о намерениях, предстояло еще завершить войну и решить не одну задачу, связанную с конституированием государства, 123 года отсутствовавшего на политической карте Европы. Но лидеры держав Антанты 3 июня 1918 г. выступили в Версале с совместной декларацией, в которой публично оповестили мировую общественность о том, что «создание объединенной и независимой Польши с доступом к морю является одним из условий справедливого и прочного мира и восстановления права в Европе. Союзные государства с удовлетворением приняли заявление государственного секретаря Лансинга, что Соединенные Штаты присоединяются к этой мысли»²³⁶. Отказаться от своего слова на будущей мирной конференции вряд ли было возможно. К конкретизации своей позиции по польскому вопросу их подталкивали и соображения более существенного свойства. Заключив мирные договоры в Бресте с Украиной и РСФСР, Центральные державы практически вывели Россию из числа великих держав, обеспечили себе возможность создать на востоке буферную зону из зависимых от них государств-лимитрофов. Польское королевство в этих немецких планах играло ключевую роль, поэтому державам Антанты важно было привлечь его на свою сторону²³⁷.

Свидетельством происходившей консолидации правой части польского политического класса можно считать публикацию воззвания «К польскому народу» регентского совета от 7 октября 1918 г. В нем были повторены основные постулаты западных союзников по польскому вопросу: создание из всех польских земель и с доступом к морю независимого в политическом и хозяйственном отношении государства, существование которого будет гарантировано международными договорами. Авторы воззвания объявили также о намерении распустить Государственный совет, исполнявший роль сейма, создать правительство с представительством всех партий, подготовить закон о выборах и созвать сейм, которому будет передана власть²³⁸. Но и после этой декларации бразды правления продолжали оставаться в руках немцев, лишь 9 ноября Безелер пообещал передать власть регентскому совету 1 декабря 1919 г.²³⁹

Принятие регентским советом 12 октября решений о взятии под свое командование Польского вермахта и изменении текста присяги было следующим шагом в консолидации политического класса. Тем самым блокировалось использование в интересах Германии и во вред польскому делу этого воинского формирования, насчитывавшего в октябре 1918 г. 352 офицера, 1037 унтер-офицеров и 3424 солдата²⁴⁰. 23 октября было сформировано последнее правительство Польского королевства во главе с национальным демократом Ю. Свежиньским, объявлено о ликвидации границы между австрийской и немецкой оккупационными зонами, утрате пограничной стражи и таможенных постов. 30 октября в Люблин был назначен правительственный комиссар, который должен был установить гражданское управление в австрийском генерал-губернаторстве с помощью существовавшей там администрации.

«Пассивисты» и «активисты» как политические направления перестали существовать, правое крыло политического спектра сомкнулось. К нему тянулись и центристы, лидер ПСЛ-Пяст Винценты Витос к этому времени уже вступил в Национальную лигу. Что же касается левых партий во главе с ППС, то они в состав Госсовета и правительства по причине однозначно правого облика последних не вошли и консолидироваться с правыми и центристскими партиями не торопились.

Вторая половина октября 1918 г. стала временем освобождения польских земель из-под власти австрийцев. Предпринятая 16 октября 1918 г. императором Карлом попытка сохранить государство Габсбургов путем его перестройки на федеративной основе успеха не имела. В различных частях империи набирали силу сепаратистские движения, воодушевленные туманными обещаниями западных лидеров перестроить Европу с учетом воли населяющих ее народов²⁴¹. 10 октября польские политики из Галиции заявили о выходе этой провинции из состава Австро-Венгрии, еще дальше пошли их коллеги из Тешинской Силезии. Созданный ими 19 октября Национальный совет Тешинского княжества взял эту территорию со смешанным польско-чешско-немецко-еврейским населением под свое управление.

Но практический переход власти к польским органам начался лишь 28 октября, когда стало известно о просьбе Вены остановить военные действия на фронте. В Кракове была образована Польская ликвидационная комиссия (ПЛК), ее исполнительный комитет возглавил В. Витос. Выдвижение на первый план этого крестьянского политика, депутата рейхсрата и одновременно войта (старосты) села Вежхославицы в Тарнувском повете, было знамением времени. Многоопытные галицийские политики понимали, что война и связанные с ней напрасные жертвы (Австрия войну проиграла), разрушения, тяготы повседневной жизни привели к серьезной радикализации масс*.

* Отражением полевения масс стало создание локальных республик, например Тарнобжегской, в которых провозглашались самые радикальные преобразования. Правда, жизнь показала, что в условиях доминирования в польских землях национальных, а не социальных устремлений опасность распространения влияния радикалов за пределы этих республик была небольшой. Но для осознания этого нужно было время. Первой же реакцией умеренных политиков было желание выбить у радикалов почву из-под ног, в том числе и предложив обществу умеренно-радикальные программы будущих преобразований.

Следовало не допустить стихийных, неконтролируемых выбросов разрушительной энергии, «оседлать» настроения масс и привлечь их к строительству Польского государства. И успешнее всего это мог сделать выходец из народа, лучше других знавший желания и стремления простых людей. Не случайно, что в этот момент уходят в тень «краковские консерваторы», многие десятилетия бессменно управлявшие Галицией. Остальные польские левые, центристские и правые политические партии этой австрийской коронной земли единодушно подписали выдержанную в социалистическом духе программу, составленную от имени Польского национального собрания Галиции и Силезии. В ней они пообещали создать демократическое государство, изъять землю у церкви и крупных собственников за вознаграждение и передать ее «под контролем народа» крестьянам, национализировать крупные лесные массивы, недра, транспорт, промышленные, кредитные и торговые предприятия общенационального значения, секуляризовать школу и сделать образование бесплатным, создать систему социальной защиты, установить 8-часовой рабочий день, ввести всеобщее и равное избирательное право. Левизну ПЛК должен был также подчеркнуть демонстративный отказ от признания варшавских органов власти, созданных оккупантами.

Деморализованная поражением на фронте многонациональная австрийская гражданская и военная администрация Кракова не оказала ни малейшего сопротивления эмиссарам ликвидационной комиссии, впрочем, как и в других населенных пунктах провинции. Военнослужащие, особенно непольской национальности, торопились поскорее разъехаться по домам и не испытывали ни малейшего желания противодействовать новоявленным претендентам на власть. Тем не менее, отдавшие себя в распоряжение ПЛК польские легионеры и члены ПОВ, которые так и не дождались сигнала к общенациональному восстанию, демонстративно производили разоружение гарнизонов, брали под охрану военные объекты*. Впоследствии эта вполне безопасная акция обросла легендой о разоружении страшных оккупантов (правда, из числа своих вчерашних сограждан) чуть ли не младшими школьниками²⁴².

В бывшем Царстве Польском ситуация развивалась не так стремительно и заметно сложнее. Во-первых, немцы, в отличие от австрийцев, не проявляли до 6 ноября признаков деморализации. Во-вторых, что важнее, местные политические партии не демонстрировали склонности к взаимодействию, поэтому даже на территории австрийской зоны оккупации в бывшей русской Польше возрастание целенаправленной политической активности наблюдалось лишь в начале ноября, уже после капитуляции Австро-Венгрии. Причем эта активность развивалась в двух направлениях. Действовавшие в рабочей среде ППС, ППС-Левица, СДКПил, Национальный рабочий союз, Бунд, Поале Цион приступили к созданию Советов рабочих депутатов. Первый Совет возник в Люблине 5 ноября, затем аналогичные представительные органы городских лиц наемного труда стали формироваться в других промышленных центрах Привислинского края. Но за пределы Царства Польского этот процесс не вышел, настроения национального солидаризма были сильнее чувства социального антагониз-

* Аналогичным образом созданный 18 октября 1918 г. Украинский национальный совет овладел в ночь с 31 октября на 1 ноября Львовом и другими городами Восточной Галиции. В польской историографии до сих пор говорится о некоем антипольскомговоре украинцев с австрийцами, обеспечившем этот успех, хотя и кратковременный.

ма. Да и в Конгрессовой Польше Советы рабочих депутатов не стали альтернативными органами власти, хотя такие поползновения, особенно в Домбровском бассейне, были. Дело в том, что доминировавшая в целом в Советах Польская социалистическая партия одновременно была главной силой во властных центрах, создававшихся с претензией на роль общепольского правительства.

7 ноября 1918 г. в Люблине по инициативе ППС было образовано Временное народное правительство во главе с лидером Польской социал-демократической партии Галиции и Тешинской Силезии И. Дашиньским. Оно опиралось на левые партии и организации, связанные в предшествующий период с Пилсудским. Левый облик правительства отчетливо проявился в его манифесте, более радикальном по содержанию, чем программа Польского национального комитета Галиции и Силезии. Главное отличие заключалось в том, что авторы манифеста планировали безвозмездное изъятие земли не только у крупных, но и средних владельцев и передачу ее «под контролем государства» трудящимся, а также участие работников в управлении частными предприятиями до момента их перехода в собственность государства. Кроме того в манифесте выражалась готовность к мирному сосуществованию с братскими литовским, белорусским, украинским, чешским и словацким народами, одобрялось восстановление бывшего Литовского государства в его исторических границах. Регентскому совету как органу, созданному в интересах оккупантов, а не польского народа, отказывалось в праве на дальнейшее существование²⁴³.

Активность польских политиков наблюдалась в литовско-белорусских землях, особенно в Вильно, этом крупнейшем центре польской общественной и культурной жизни на востоке бывшей Речи Посполитой. Как и в Царстве Польском, здесь не было единства в польском обществе, активистам национальной идеи противостояли сторонники социальных преобразований в советском духе. Однако ни у тех, ни у других не было возможностей для практической реализации своих проектов, пока власть в этих землях находилась в руках немецкого военного командования.

В условиях поражения Германии и начавшейся революции польские политические партии в польских землях Пруссии также демонстрировали стремление к созданию национальных органов власти. Их ситуацию осложняло то, что по условиям Компьенского перемирия Германия должна была «очистить» только оккупированные ею территории, т. е. вернуться к границам 1914 г. 11 ноября 1918 г. тайный Центральный гражданский комитет, существовавший в Познани, легализовался как Народный совет, который спустя 3 дня был преобразован в Главный народный совет (ГНС). Этот орган находился под нераздельным влиянием национальной демократии, антинемецкий курс которой обеспечил ей в Великой Польше, Силезии и Поморье доминирование в польском политическом лагере.

ГНС, в силу объективных обстоятельств, не проявил стремления к превращению в общепольское правительство, а главное внимание сосредоточил на основательной подготовке к борьбе за объединение провинции с остальными частями Польши. 3–5 декабря 1918 г. в Познани состоялось заседание польского сейма провинции, избравшего новый Главный народный комитет из представителей всех местных польских народных советов польских земель Пруссии, в том числе и гданьского, поскольку именно этот портовый город должен был стать морскими воротами Польши.

Таким образом, на всех территориях, которые поборники польской государственности считали частью будущей независимой Польши, возникли самостоятельные, не признающие друг друга центры власти, что не приближало, а лишь затрудняло консолидацию усилий польского народа в эпохальном для него деле возрождения родины. Конечно, это была временная трудность, способная лишь несколько осложнить, но не остановить начавшийся в годы войны процесс конституирования Польского государства. Возрождение Польши стало возможным прежде всего потому, что впервые за последние десятилетия сложилась благоприятная международная ситуация для решения польского вопроса. Германия и Австрия потерпели поражение и сами находились в ожидании вердикта победителей, которые должны были определить их новые границы и статус. Россия погрузилась в состояние хаоса и сохраняла лишь право, но не возможность влиять на то, какой и в каких границах будет воссоздана Польша. Собственные усилия поляков также сыграли определенную роль в возрождении их государства, причем усилия политические, а не военные. Самостоятельное польское присутствие на всех фронтах Первой мировой войны носило скорее символический характер и нормировалось великими державами соответственно их собственным потребностям.

Определенного ответа на вопрос, какая из главных политических сил — национальные демократы или пилсудчики — имела право на лавры триумфатора, не существует и до сих пор в польской исторической науке и обществе ведется спор: кого — Пилсудского или Дмовского — следует считать отцом-основателем независимой Польской республики.

В начале ноября 1918 г. польские политики оказались перед лицом ответственной-шего решения — кто из них в этот судьбоносный для нации момент возьмет бразды правления в свои руки и сумеет консолидировать разобщенный политический лагерь. И таким политиком стал Ю. Пилсудский.

У Пилсудского на руках был козырь, которого не имел Дмовский, — его легенда. Можно процитировать в связи с этим фрагмент из опубликованной ранее ноября 1918 г. брошюры некоего Е. Закшевского «Польская политика и заключение в тюрьму Пилсудского»: «Каждый государственный муж может и должен ошибаться. Государственный деятель — это также вождь, который ведет народ на борьбу за развитие, за лучшее, за благосостояние, за национальные, политические или социальные права... Пилсудский ведет политику польского народа, определяет направление его действий и в своих действиях пользуется поддержкой подавляющего большинства народа, хотя у него нет политического аппарата, которым располагает каждый обыкновенный политик. Его имя на устах у всех. Каждое новое начинание, каждая новая гипотеза, каждое новое предложение, относящееся к нашим судьбам, сопровождается вопросом народа: а что говорит Пилсудский?... Все, и те, кто его сегодня любит, и те, кто с ним сегодня борется, чувствуют, что через 10 лет не будет ни одного более или менее крупного города в Польше, в котором бы ему не поставили памятник. В этот момент он выразитель безотносительного польского интереса, борется за полноту требований и прав нации. Не избранный формально, без официального мандата — он является представителем всей Польши»²⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Między Polską etniczną a historyczną. Polska myśl polityczna XIX i XX wieku. T. VI. Wrocław, 1988.
- 2 Подробнее см.: *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
- 3 *Czapiewski E.* Białoruś między Polską a Rosją Radziecką — Litbel (1919–1920) // Polska i Białoruś w XX wieku. Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej. Wrocław, 2009. S. 37.
- 4 Подробнее об этом см.: *Матвеева А.Г.* Канцлер Каприви и поляки: «Новый курс» в политике Германии в 1890–1894. М., 2008.
- 5 *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia Polski 1864–1945. T. I. Paryż, 1953. S. 87.
- 6 *Костюшко И.И.* Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму: Сравнительный очерк. М., 1994.
- 7 *Kaczyńska E.* Tłum a władza. Anatomia masowych ruchów społecznych w Królestwie Polskim na przełomie XIX i XX wieku // Przemoc zbiorowa — ruch masowy — rewolucja. Warszawa, 1990. S. 71; *Tych F.* Rok 1905. Warszawa, 1990. S. 9.
- 8 *Żarnowska A.* Wychodźcy ze wsi w mieście przemysłowym (Królestwo Polskie na przełomie XIX i XX w.) // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica. 46. 1992. S. 133.
- 9 *Mędrzecki W.* Młodzież wiejska na ziemiach Polski centralnej 1864–1939. Procesy socjalizacji. Warszawa, 2002. S. 111.
- 10 *Żarnowska A.* Wychodźcy ze wsi... S. 135–136.
- 11 *Tych F.* Rok 1905. S. 8–9.
- 12 *Micińska M.* Inteligencja na rozdrożach 1864–1918. Warszawa, 2008. S. 116.
- 13 *Шанин Т.* Революция как момент истины. 1905–1907 гг. — 1917–1922. М., 1997. С. 44–45.
- 14 Цит. по: *Krzywiec G.* Szowinizm po polsku. Przypadek Romana Dmowskiego (1886–1905). Warszawa, 2009. S. 50.
- 15 Ustawa Ligi Polskiej z 1887 roku.
- 16 ZET w walce o niepodległość i budowę państwa. Szkice i wspomnienia. Warszawa, 1996. S. 33–34.
- 17 *Kaczyńska E.* Tłum a władza... S. 70–77.
- 18 *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М., 2008. С. 36–37.
- 19 В 1897 г. Пилсудский говорил, что «после периода отказа нужно приучить людей к идее независимости, а как эта идея будет реализована, мы не знаем. Может война, может революция». — Цит. по: *Pajewski J.* Odbudowa państwa Polskiego 1914–1918. Poznań, 2005. S. 22.
- 20 *Wasilewski St.* Pięćdziesiąt lat zwątpienia, nadziei i walki 1864–1914. Warszawa, 2005. S. 142.
- 21 Подробнее см.: *Булахтин М.А.* Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX в. Пермь, 2006.
- 22 Понятие «кризис надежд» при описании событий 1904 г. ввел Р. Льюис. (*Lewis R.D.* The Labor Movement in Russian Poland in the Revolution of 1905–1907. Ph.D. diss. Berkeley, 1971. P. 75.) — Цит. по: *Blobaum R.E.* Rewolucja: Russian Poland, 1904–1907. Ithaca; London, 1995. P. 57.
- 23 *Blobaum R.E.* Rewolucja: Russian Poland... P. 52.

- 24 Narastanie rewolucji w Królestwie Polskim w latach 1900–1904. Warszawa, 1960. S. 584; *Tych F. Rok 1905*. S. 8–9.
- 25 О характере демонстраций см.: *Kaczyńska E. Partie polityczne a masowy ruch robotniczy w Królestwie Polskim na przełomie XIX i XX wieku. Badania historyczne – ich krytyka i propozycje // Przegląd Historyczny*. T. LXXXI. 1990. Z. 1–2. S. 132; *Tych F. Rok 1905*. S. 14.
- 26 Подробное описание демонстрации на Гжибовской площади дается в: *Blobaum R.E. Rewolucja: Russian Poland...* P. 41–44; *Tych F. Rok 1905*. S. 13; *Матвеев Г.Ф. Пилсудский*. С. 90–92.
- 27 Оценки событий на Гжибовской площади были и остаются неоднозначными. Так, по мнению руководства СДКПиЛ, вооруженное сопротивление было не чем иным, как политической авантюрой. — *Tych F. Rok 1905*. S. 13. В данном случае успех боевиков был обеспечен тем, что нараставшее в рабочей среде возмущение экономическими условиями жизни аккумулировалось в антивоенных настроениях. — *Kaczyńska E. Partie polityczne...* S. 131.
- 28 *Tych F. Rok 1905*. S. 19–20; *Шанин Т. Революция как момент истины...* С. 75.
- 29 *Kaczyńska E. Partie polityczne a masowy ruch robotniczy...* S. 133.
- 30 *Tych F. Rok 1905*. S. 20–21.
- 31 *Chwalba A. Socjaliści polscy wobec kultu religijnego (do roku 1914)*. Kraków, 1989; *Idem. Sacrum i rewolucja. Socjaliści polscy wobec praktyki i symboli religijnych (1870–1918)*. Kraków, 1992.
- 32 Polska w latach ruchu niepodległościowego 1904–1918 w świetle źródeł przedstawił J. Dąbrowski. Kraków, 1925. S. 3.
- 33 *Tych F. Rok 1905*. S. 27–30, 35, 46.
- 34 *Kaczyńska E. Tłum a władza...* S. 86–87; *Tych F. Rok 1905*. S. 19, 44.
- 35 *Zdrada J. Historia Polski 1795–1914*. Warszawa, 2007. S. 777.
- 36 *Kaczyńska E. Tłum a władza...* S. 87.
- 37 *Kaczyńska E. Tłum a władza...* S. 82; *Tych F. Rok 1905*. S. 27.
- 38 *Pająk J. Organizacje bojowe partii socjalistycznych w Królestwie Polskim 1904–1911*. Warszawa, 1985. S. 8.
- 39 Подробнее о создании боевой организации ППС см.: *Матвеев Г.Ф. Пилсудский*. С. 86–87.
- 40 *Pająk J. Organizacji bojowe partii socjalistycznych...* S. 5–6; *Kaczyńska E. Tłum i margines społeczny w wydarzeniach rewolucyjnych (Królestwo Polskie 1904–1907) // Dzieje Najnowsze*. R. XV. 1983. Z. 1–2. S. 225–226.
- 41 *Pająk J. Organizacji bojowe partii socjalistycznych...* S. 8, 207.
- 42 *Kaczyńska E. Tłum a władza...* S. 81; *Pająk J. Organizacji bojowe partii socjalistycznych...* S. 9.
- 43 *Kaczyńska E. Tłum a władza...* S. 83–86.
- 44 *Micińska M. Inteligencja na rozdrożach...* S. 144.
- 45 *Kaczyńska E. Tłum i margines społeczny...* S. 226; *Micińska M. Inteligencja na rozdrożach...* S. 145.
- 46 Polska w latach ruchu niepodległościowego 1904–1918... S. 1–2.
- 47 *Zdrada J. Historia Polski...* S. 771.
- 48 *Pachucka R. Pamiętniki z lat 1886–1914*. Wrocław, 1958. S. 59.
- 49 *Micińska M. Inteligencja na rozdrożach...* S. 148.
- 50 *Tych F. Rok 1905*. S. 50; *Zdrada J. Historia Polski...* S. 770.
- 51 *Tych F. Rok 1905*. S. 24–25, 46.

- 52 Подробнее о заранярском движении см.: *Piątkowski W. Dzieje ruchu zaraniarskiego. Warszawa, 1956.*
- 53 *Tych F. Rok 1905. S. 21–22, 42.*
- 54 *Lewalski K. Kościół katolicki wobec społeczno-politycznej rzeczywistości lat 1905–1907 // Rewolucja 1905–1907 w Królestwie Polskim i w Rosji. Kielce, 2005. S. 83–84.*
- 55 См., например: *Blobaum R.E. Rewolucja: Russian Poland... P. 234–259.*
- 56 *Górecki A. Początki mariatyzmu // Przegląd Powszechny. 2002. N 4. S. 66.*
- 57 *Lewalski K. Kościół katolicki... S. 90*
- 58 Подробнее о мариавитском движении см.: *Krisań M. Chłopi wobec zmian cywilizacyjnych w Królestwie Polskim w drugiej połowie XIX — początku XX wieku. Warszawa, 2008. S. 91–96.*
- 59 Подробнее о трениях между крестьянами и католическими священниками см.: *Krucianь М.А. Отношение к католической церкви в крестьянской среде в Царстве Польском в конце XIX — начале XX в. // Профессор МГУ И.М. Белявская. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ И.М. Белявской. М., 2005. С. 78–98.*
- 60 *Lewalski K. Kościół katolicki... S. 85, 87, 93.*
- 61 *Ibid. S. 94–95; Tych F. Rok 1905. S. 56.*
- 62 *Olszewski D. Biskupi w Królestwie Polskim wobec socjalistów w latach 1905–1907 // Rewolucja 1905–1907 w Królestwie Polskim i w Rosji. Kielce, 2005. S. 115.*
- 63 *Lewalski K. Kościół katolicki... S. 99–105.*
- 64 По данным Левальского можно говорить о 90% переходов в 1905 г., согласно Верту — примерно о 74%. — См.: *Lewalski K. Kościół katolicki... S. 88–89; Верт П. Трудный путь к католицизму. Совесть, вероисповеданная принадлежность и гражданское состояние после 1905 г. // Доклад для ежегодника Литовской католической академии наук. Рукопись. Вильнюс, 2005. С. 9.*
- 65 *Верт П. Трудный путь к католицизму... С. 8.*
- 66 *Zdrada J. Historia Polski... S. 768.*
- 67 *Kaczyńska E. Tłum a władza... S. 92; Micińska M. Inteligencja na rozdrożach... S. 144; Tych F. Rok 1905. S. 21, 40.*
- 68 *Zdrada J. Historia Polski... S. 769.*
- 69 *Ibid. S. 767.*
- 70 *Micińska M. Inteligencja na rozdrożach... S. 142; Tych F. Rok 1905. S. 50, 53–54; Zdrada J. Historia Polski... S. 773–774.*
- 71 *Tych F. Rok 1905. S. 39, 53; Zdrada J. Historia Polski... S. 778.*
- 72 *Micińska M. Inteligencja na rozdrożach... S. 149.*
- 73 *Siedlik T.A. Historia Polski 1900–1939. Warszawa, 1993. S. 66, 83.*
- 74 *Zdrada J. Historia Polski... S. 782.*
- 75 Проект основных положений автономного устройства Царства Польского // *Погодин А. Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907. С. 645–652.*
- 76 Объяснительная записка к проекту основных положений автономного устройства Царства Польского // *Погодин А. Главные течения... С. 661.*
- 77 *Korwin-Milewski H. Siedemdziesiąt lat wspomnień. Warszawa, 1993. S. 192.*
- 78 *Ibidem.*
- 79 *Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 374.*

- 80 *Korwin-Milewski H.* Siedemdziesiąt lat wspomnień... S. 196.
- 81 Polska w latach ruchu niepodległościowego 1904–1918 w świetle źródeł przedstawił J. Dąbrowski. Kraków, 1925. S. 5.
- 82 Цит. по: *Ahmatowicz A.* Polityka Rosji w kwestii polskiej w pierwszym roku Wielkiej Wojny 1914–1915. Warszawa, 2003. S. 18.
- 83 Ibid. S. 20.
- 84 *Pajewski J.* Odbudowa państwa Polskiego 1914–1918. Poznań, 2005. S. 38.
- 85 Polska w latach ruchu niepodległościowego... S. 6.
- 86 Речь по поводу законопроекта о распространении Земского положения 1890 г. на девять губерний Западного края, произнесенная в Государственной думе 7 мая 1910 года // *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991. С. 279.
- 87 Там же. С. 280–281.
- 88 Речь по вопросу о национальных отделениях, произнесенная в Государственном совете 4 марта 1911 года // Там же. С. 339.
- 89 Там же.
- 90 Речь по поводу законопроекта о распространении Земского положения 1890 года на девять губерний Западного края // Там же. С. 281.
- 91 Последняя публичная речь П.А. Столыпина, произнесенная 27 апреля 1911 года в ответ на запрос Государственной думы // Там же. С. 362–363.
- 92 Речь по поводу законопроекта о распространении Земского положения 1890 года на девять губерний Западного края // Там же. С. 282.
- 93 *Кокцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 388.
- 94 Там же. С. 397.
- 95 Письмо Н.А. Хомякову, октябрь 1908 г. // *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 279–280.
- 96 Государственная дума. Третий созыв. Стенограф. отчеты. Сессия 5. Ч. I. СПб., 1912. Стб. 2582–2584.
- 97 *Позняк С.В.* «Польский вопрос» во властных структурах императорской России накануне и в годы Первой мировой войны // Российские и славянские исследования. Минск, 2004. Вып. 1. С. 159–160.
- 98 Государственная дума. Третий созыв. Стенограф. отчеты. Сессия 5. Ч. I. Стб. 2573–2582.
- 99 *Кокцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 76–77.
- 100 *Korwin-Milewski H.* Siedemdziesiąt lat wspomnień... S. 214.
- 101 *Chwalba A.* Historia Polski 1795–1918. Kraków, 2000. S. 32–33.
- 102 Цит. по: *Łepkowski T., Nałęcz T., Samsonowicz H., Tazbir J.* Polska. Losy Państwa i Narodu. Warszawa, 1992. S. 437.
- 103 *Матвеева В.С.* Женское движение в Царстве Польском в конце XIX — начале XX в. // Индустриализация и общество. Социальные последствия индустриализации в Европе в XIX–XX веках. М., 2004. С. 64.
- 104 *Chwalba A.* Historia Polski... S. 362.
- 105 Ibid. S. 347.
- 106 *Бахтурина А.Ю.* Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 22.

- 107 Там же. С. 23.
- 108 Сазонов С.Д. Воспоминания... С. 373.
- 109 Łepkowski T., Nałęcz T., Samsonowicz H., Tazbir J. Polska. Losy Państwa i Narodu... S. 439.
- 110 Polska w latach ruchu niepodległościowego... S. 7.
- 111 Германский общеимперский закон 19 апреля 1908 г. о союзах и собраниях // Вестник министерства юстиции. 1909. № 4. С. 252.
- 112 Płygawko D. «Prusy i Polska». Ankieta Henryka Sienkiewicza. Poznań, 1994. S. 87.
- 113 Dmowski R. Niemcy, Rosja i kwestia polska // http://wsercupolska.org/przeczytaj/Niemcy,_Rosja_i_kwestia_polska.pdf/
- 114 Dmowski R. Upadek myśli konserwatywnej w Polsce. Warszawa, 1914. S. 219.
- 115 Łepkowski T., Nałęcz T., Samsonowicz H., Tazbir J. Polska. Losy Państwa i Narodu... S. 439.
- 116 Dybowska A., Żaryn J., Żaryn M. Polskie dzieje od czasów najdawniejszych do współczesności. Warszawa, 1994. S. 199.
- 117 Chwalba A. Historia Polski... S. 464.
- 118 Dmowski R. Niemcy, Rosja i kwestia polska...
- 119 Sienkiewicz H. List otwarty do J.C. Mości Wilhelma II, króla pruskiego // <http://www.sienkiewicz.ovh.org/16/239.html/>
- 120 Płygawko D. «Prusy i Polska»... S. 91.
- 121 Зашкільняк Л., Крикун М. Історія Польщі. Львів, 2002. С. 414.
- 122 Bloch T. Wojciech Korfanty — Polak z urodzenia i z wyboru // http://www.npw.pl/ARCHIWUM_NPW/2001_07_08/TMS-Bloch-Wojciech-Korfanty.html/
- 123 Ibidem.
- 124 Buszko J. Polacy w parlamencie wiedeńskim. Kraków, 1996. S. 276.
- 125 Archiwum Państwowe w Krakowie (dalej APK). Archiwum Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 649. Statut Stowarzyszenia «Stronnictwo Prawicy Narodowej». 1907; Jedn. 650. Drugie Walne Zgromadzenie Stronnictwa Prawicy Narodowej odbyte w dniu 26 kwietnia 1909 r. w Krakowie (broшура). 1909.
- 126 Ibid. Jedn. 657. Конспект выступления З. Тарновского в Кракове 24.05.1908 г.; Po wyborach // Czas. 1911. 5 września; Zgromadzenie wyborców ziemi krakowskiej. Poseł Wł.L. Jaworski // Czas. 1912. 5 stycznia; Idea konserwatywna // Czas. 1913. 7 sierpnia.
- 127 Biblioteka Jagiellońska. Korespondencja Michała Bobrzyńskiego. Sygn. 8090 III. List Jana Hupki do Michała Bobrzyńskiego z 2.07.1908. K. 321–321(ob).
- 128 APK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 652. List Michała Chylńskiego do Zdzisława Tarnowskiego z 21.05.1913. K. 495–496.
- 129 Przemiana Stronnictw // Rola. 1907. N 13.
- 130 Ibidem.
- 131 Opinia rządem // Czas. 1907. 18 lipca; Potrzeba organizacji // Czas. 1907. 23 lipca; Stronnictwo Prawicy Narodowej // Czas. 1907. 4 września.
- 132 Zgromadzenie wyborców. Mowa J.E. Bobrzyńskiego // Czas. 1908. 6 marca.
- 133 APK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 651. Текст речи З. Тарновского (1907?).
- 134 Jaskólski M. Między normatywizmem a uniwersalizmem. Myśl prawno-polityczna Władysława L. Jaworskiego. Wrocław, 1988. S. 16.
- 135 Центральний державний історичний архів України у м. Львові. Ф. 146 (Галицьке намісництво). Оп. 8. Од. зб. 851. Zjazd mężów zaufania i członków Rady Naczelnej PSL w Krakowie 12.12.1908. Л. 148.

- 136 Там же. Оп. 8. Од. зб. 113. Obrady stronnictwa ludowego w Tarnowie (14.06.1910). Starostwo w Tarnowie do Prezydium Namiestnictwa we Lwowie. Л. 6.
- 137 Там же. Л. 5.
- 138 Там же. Л. 5–7.
- 139 Там же. Л. 6.
- 140 Там же. Л. 9.
- 141 *Lazuga W.* Michał Bobrzyński. Myśl historyczna a działalność polityczna. Warszawa, 1982. S. 154–155.
- 142 *Buszko J.* Polityka Michała Bobrzyńskiego w kwestii ukraińskiej (1906–1913) // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. Kraków, 1993. Z. 103. S. 68.
- 143 Подробнее об этом плане и его реализации см.: *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. С. 127–169.
- 144 *Świątek R.* Lodowa ściana: Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego 1904–1918. Kraków, 1998. S. 375–377, 857.
- 145 *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. С. 151, 159.
- 146 Rozmowy z wywiadem austriackim przed pierwszą wojną światową // Sprawy Międzynarodowe. 1960. R. 13. № 3. S. 67, 70.
- 147 Działalność polskich organizacji w Galicji w świetle rosyjsko-austriackiej korespondencji dyplomatycznej z okresu 1906–1912 // Sprawy Międzynarodowe. 1960. R. 13. N 10. S. 55.
- 148 APK. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa. Jedn. 652. List Michała Chylńskiego do Zdzisława Tarnowskiego z 18.02.1913. K. 449.
- 149 Działalność polskich organizacji w Galicji w świetle rosyjsko-austriackiej korespondencji dyplomatycznej z okresu 1906–1912... S. 63–64.
- 150 *Buszko J.* Działalność Polaków w parlamencie austriackim doby konstytucyjnej // Polacy w austriackim parlamencie. W 130 rocznicę Koła Polskiego. Lublin; Wiedeń, 1997. S. 34.
- 151 Biblioteka Jagiellonska. Korespondencja Michała Bobrzyńskiego. Sygn. 8095 III. List Władysława Leopolda Jaworskiego do Michała Bobrzyńskiego z 22.07.1911. K. 167.
- 152 *Feldman W.* Ewolucje partyjne w Galicji // Krytyka. 1912. T. 33. S. 208.
- 153 *Garlicki A.* U źródeł obozu belwederskiego. Warszawa, 1983. S. 219.
- 154 Wiadomości polityczne // Rzeczpospolita. 1910. 28 maja. S. 129.
- 155 *Höbelt L.* Parteien und Fraktionen im cisleithanischen Reichsrat // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Wien, 2000. Bd. 7. T. 1. S. 984–985.
- 156 Biblioteka Jagiellonska. Korespondencja Michała Bobrzyńskiego. Sygn. 8095 III. List Wacława Zaleskiego do Michała Bobrzyńskiego z 20.03.1911. K. 86–86(ob).
- 157 «Diło» o PN // Czas. 1911. 24 listopada.
- 158 Namiestnik w Kole sejmowym. Przemówienie namiestnika Dra Bobrzyńskiego na posiedzeniu dn. 16 b. m // Czas. 1912. 19 stycznia.
- 159 Archiwum PAN w Krakowie. Korespondencja Jana Gwalberta Pawlikowskiego. Sygn. 7817. Zjazd Stronnictwa Demokratyczno-Narodowego // Słowo Polskie. 1912. 26 marca. K. 20–21.
- 160 *Daszyński J.* Pamiętniki. T. 2. Warszawa, 1957. S. 92.
- 161 Archiwum PAN w Warszawie. Materiały Władysława Leopolda Jaworskiego. Sygn. III–84. Jedn. 21. Dziennik. K. 484.
- 162 Ibid. Jedn. 39. List Michała Bobrzyńskiego do Władysława Leopolda Jaworskiego z 2.12.1911. K. 51.
- 163 Ibidem.
- 164 Z ruchu wyborczego // Rola. 1913. N 24.

- 165 Archiwum, Biblioteka i Muzeum Metropolii Lwowskiej obrządku łacińskiego w Krakowie. Dzienniczek Arcybiskupa Józefa Bilczewskiego. K. 54.
- 166 Archiwum Kurii Metropolitarnej w Krakowie. Teki Sapiezyńskie. Teka 4. List Wacława Zaleskiego do Adama Sapiehy. K. 113.
- 167 Biblioteka Jagiellonska. Korespondencja Michała Bobrzynskiego. Sygn. 8097 III. List Karla Stürgkha do Michała Bobrzynskiego z 24.04.1913. K. 133.
- 168 Ibid. List Władysława Leopolda Jaworskiego do Michała Bobrzynskiego z 25.10.1913. K. 277.
- 169 Listy Arcybiskupa Józefa Teodorowicza do Arcybiskupa Józefa Bilczewskiego z lat 1900–1923. Część 2. List 91 // Przegląd Wschodni. 2004. T. 9. Z. 2(34). S. 425.
- 170 Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника НАН України. Ф. 5 (Papiery Zaleskich). Оп. 1. Справа 7096/III. List Józefa Teodorowicza do Wacława Zaleskiego z 18.04.1913. Л. 403–405.
- 171 Biblioteka Jagiellonska. Korespondencja Michała Bobrzynskiego. Sygn. 8097 III. List Władysława Leopolda Jaworskiego do Michała Bobrzynskiego z 1.05.1914. K. 105.
- 172 Archiwum Państwowe w Krakowie oddział w Tarnowie. Zespół № 223. Archiwum rodzinne Konopków z Brnia. Jedn. 84. Записи Я. Конопки, сделанные во время заседания «краковских консерваторов» 14.02.1914. K. 205–206.
- 173 *Kostrowicka J., Landau Z., Tomaszewski J.* Historia gospodarcza Polski XIX i XX wieku. Warszawa, 1975. S. 253, 259.
- 174 Ibid. S. 261.
- 175 Архив внешней политики РФ (далее АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 208. Д. 64. Л. 51.
- 176 *Kieniewicz S.* Historia Polski 1795–1918. Warszawa, 1975. S. 513–514.
- 177 Русские ведомости. 1914. 1 авг.
- 178 *Wrzosek M.* Polski czyn zbrojny podczas pierwszej wojny światowej, 1914–1918. Warszawa, 1990. S. 189.
- 179 *Seyda M.* Polska na przełomie dziejów. Fakty i dokumenty. T. I. Od wybuchu wojny do zbrojnego wystąpienia Stanów Zjednoczonych. Poznań, 1927. S. 534.
- 180 *Starzyński R.* Cztery lata w służbie Komendanta. Warszawa, 1937. S. 50–51.
- 181 *Kumaniecki K.W.* Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1912 – styczeń 1924. Warszawa; Kraków, 1924. S. 25–26.
- 182 *Holzer J., Molenda J.* Polska w pierwszej wojnie światowej. Warszawa, 1963. S. 46.
- 183 Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. Warszawa, 1984. S. 220.
- 184 Ibid. S. 223–224.
- 185 В декабре 1914 г. об этом откровенно написал в циркуляре губернаторам польских воеводств министр внутренних дел России Н.А. Маклаков. — *Filasiewicz S.* La question polonaise pendant la guerre mondiale. Paryż, 1920. S. 14.
- 186 Polska w latach ruchu niepodległościowego... S. 13–14; *Piszczyński T.* Odbudowanie Polski 1914–1921. Historia i polityka. London, 1969. S. 39; *Acmatowicz A.* Polityka Rosji w kwestii polskiej... S. 266–279.
- 187 *Filasiewicz S.* La question polonaise... S. 18.
- 188 *Dmowski R.* Polityka Polska i odbudowanie państwa. T. I. Warszawa, 1988. S. 226.
- 189 *Seyda M.* Polska na przełomie dziejów. Fakty i dokumenty. T. I. S. 545.
- 190 *Acmatowicz A.* Polityka Rosji w kwestii polskiej... S. 295–313.
- 191 *Pajewski J.* Wokół sprawy polskiej. Paryż – Lozanna – Londyn. 1914–1918. Warszawa, 1970. S. 21.

- 192 Об этом в частности свидетельствует его приказ от 5 августа 1915 г. по случаю первой годовщины начала войны. В нем он с сожалением констатировал: «В том, что наша сабля была маленькой, что она не была достойна большого 20-миллионного народа, нет нашей вины. Не встал за нами народ, не отваживавшийся посмотреть великим событиям в глаза и ожидающий в состоянии какого-то пассивного „нейтралитета“ каких-то для себя от кого-то „гарантий“». — *Pilsudski J. Pisma zbiorowe*. T. IV. Warszawa, 1937. S. 39–40.
- 193 *Dmowski R. Polityka Polska i odbudowanie panstwa*. T. I. S. 210.
- 194 *Galicyjska działalność wojskowa Piłsudskiego...* S. 652–656.
- 195 Подробнее см.: *Матвеев Г.Ф. Пилсудский*. С. 184–198.
- 196 *Pilsudski J. Pisma zbiorowe*. T. IV. S. 23.
- 197 *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów...* S. 238–239.
- 198 *Rowiński J. Wkład Polskiej Organizacji Wojskowej w odzyskanie niepodległości // U progu niepodległości Polski. Wrzesień 1918 — marzec 1919*. Londyn, 1990. S. 81.
- 199 *Dmowski R. Polityka Polska i odbudowanie panstwa*. T. I. S. 222–223.
- 200 *Chwalba A. Polacy w służbie moskali*. Kraków, 1999. S. 241.
- 201 *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów...* S. 217–218.
- 202 *Ibid.* S. 252–256.
- 203 *Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny. 1914–1918*. Warszawa, 1925. S. 465.
- 204 *Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski...* T. I. S. 283–284.
- 205 *Jędrzejewicz W. Wspomnienia*. Wrocław, 1993. S. 31.
- 206 *Архив полковника Хауза*. Т. II. М., 1937. С. 99, 138.
- 207 *Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach...* S. 11–12.
- 208 *Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski...* T. I. S. 299.
- 209 *Людendorф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.* Т. 1. М., 1923 С. 316–317.
- 210 *Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach...* S. 474.
- 211 *Ibid.* S. 13–15. Немецкие мемуаристы из числа военных, в частности генерал-фельдмаршал П. Гинденбург, Э. Людendorф, начальник штаба восточного фронта генерал М. Гофман, опровергали утверждение, что армия выступала с инициативой создания польского государства. — См. например: *Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach...* S. 101–103; *Hoffmann M. Wspomnienia (Wojna wśród niewykorzystanych sposobności)*. Warszawa, 1925. S. 123.
- 212 *Piszczkowski T. Odbudowanie Polski...* S. 45–46.
- 213 *Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach...* S. 16–17, 477–481.
- 214 *Polska w latach ruchu niepodległościowego...* S. 22.
- 215 *Ibid.* S. 22–23.
- 216 *Piszczkowski T. Odbudowanie Polski...* S. 84–86.
- 217 *Sokolnicki M. Polska w pamiętnikach...* S. 481.
- 218 *Polska w latach ruchu niepodległościowego...* S. 23.
- 219 *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów...* S. 316–317.
- 220 *Ibid.* S. 137–138.
- 221 Пилсудский в это время вообще не думал о судьбе польских земель в составе Германии. Еще в конце 1916 г. он полагал, что Познань и Гданьск отойдут к Польше не раньше, чем через 20–30 лет. — *Jędrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego 1867–1935*. T. I (1867–1918). Wrocław, 1994. S. 363.

- 222 В качестве образчика такой реакции можно привести отправленное на его имя следующее приветствие: «Собравшиеся 12 ноября т. г. в Новом Тарге на торжественное собрание по случаю провозглашения Польского государства legionеры всех бригад и граждане всех сословий местного общества воздают почести творцу легионов и выражают надежду, что тот, который мощью своего великого духа создал легионы, организует Польскую армию, что приведет к возрождению вольного польского народа». — Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 476 к. Оп. 2. Д. 39. Л. 98.
- 223 РГВА. Ф. 476 к. Оп. 1. Д. 39. Л. 42.
- 224 *Pajewski J.* Wokół sprawy polskiej... S. 42.
- 225 *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów...* S. 305–311.
- 226 *Ibid.* S. 337–338.
- 227 *Wrzosek M.* Polskie formacje wojskowe podczas I wojny światowej. Białystok, 1977. S. 217.
- 228 Польское коло в Галиции 28 мая 1917 г. приняло резолюцию, гласившую, что «единственным стремлением польского народа является восстановление независимой, объединенной Польши с доступом к морю, и солидаризируется с этим решением. Польское коло далее констатирует международный характер этого вопроса и считает его реализацию гарантией прочного мира». Но надежду на реализацию этого права авторы резолюции связывали с «благоклонным к нам императором Австрии». — *Polska w latach ruchu niepodległościowego...* S. 24.
- 229 *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski... T. I. S. 346.
- 230 *Nałęcz T.* Polska Organizacja Wojskowa 1914–1918. Warszawa, 1984. S. 132–133.
- 231 См. об этом: *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. С. 238–239.
- 232 См. об этом: *Матвеев Г.Ф., Липиньская-Наленч Д., Наленч Т.* Начало // Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 21–23.
- 233 *Czapiewski E.* Białoruś między Polską a Rosją Radziecką — Litbel... S. 39.
- 234 Подробнее о протестах см.: *Holzer J., Molenda J.* Polska w pierwszej wojnie S. 273–274.
- 235 *Suchcitz A.* Administracyjna i wojskowa spuścizna po państwach centralnych w listopadzie 1918 roku // *U progu niepodległości Polski. Wrzesień 1918 — marzec 1919.* Londyn, 1990. S. 64.
- 236 *Dąbrowski J.* Polska w latach ruchu niepodległościowego... S. 32.
- 237 *Piszczkowski T.* Odbudowanie Polski... S. 107.
- 238 *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów...* S. 415. Незадолго до этого, 13 июня 1918 г., правительство Стечковского в своем коммюнике не согласилось с этой позицией Антанты. — *Szymiczek Fr.* Walka o Śląsk Cieszyński w latach 1914–1920. Katowice, 1938. S. 34–35.
- 239 *Suchcitz A.* Administracyjna i wojskowa spuścizna... S. 64.
- 240 Демонстративное изменение статуса Польского вермахта хотя и не освободило его от немецкого контроля, тем не менее способствовало резкому увеличению притока в него добровольцев. 2 ноября в нем числилось уже 9232 военнослужащих. Главным образом это были бывшие интернированные legionеры, солдаты I польского корпуса Довбор-Мусницкого и члены ПОВ. — *Suchcitz A.* Administracyjna i wojskowa spuścizna... S. 67–68.
- 241 Один из первых биографов В. Вильсона писал: «В период экзальтации чувств на заключительной стадии войны народы приняли Вильсона как настоящего пророка, а его слова стали живой силой, „стоящей целой армией“ „В глазах миллионов людей, — писал австрийский граф Чернин, — его программа открыла целый мир надежды“. Он поставил дело союзников на новую, моральную основу. Государственные деятели союзных

держав, признавая мощь этой волны идеализма, тут же ухватились за нее как за средство унификации и „деморализации“, а крупные американские газетные агентства помогли ее популяризации и превращению в легенду. Они даже перестарались. Довели мир до того, что он ожидал слишком многого. На союзные народы это действовало как укрепляющее и усиливающее средство, и одновременно служило подрыву единства Центральных держав, что и было сутью дела... Вся надежда была на Америку... Особой надеждой Вильсон был для слабых народов Центральной Европы, так как в нем видели добрую волю Америки». — *Bacer R.S. Woodrow Wilson. Kształtowanie losów świata. Pamiętniki i dokumenty. T. I. Warszawa, 1924. S. 26.*

242 Примером живучести этого мифа может служить следующая работа: *Rowiński J. Wkład Polskiej Organizacji Wojskowej w odzyskanie niepodległości // U progu niepodległości Polski... S. 81–99.*

243 *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów... S. 429–431.*

244 *Zakrzewski J. Polityka Polska, a uwięzienie Piłsudskiego. B.m, b.r. S. 12.*

Раздел II

ВТОРАЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ **(1918–1939)**

I.1. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ПРАВИТЕЛЬСТВО, НАЧАЛЬНИК ГОСУДАРСТВА, ПАРЛАМЕНТ, АРМИЯ

В ноябре 1918 г., в условиях, кардинально отличавшихся от времен I Речи Посполитой до ее разделов, начался новый этап в истории польского народа. Вместо многонациональной сословной шляхетской республики с королем во главе рождалось основанное на принципе разделения властей современное демократическое государство польской нации, с равным доступом всех социальных групп к участию в политической и общественной жизни, с полноценной партийно-политической системой. Предстояло решить ряд сложнейших задач обустройства государственного бытия, многие из которых были порождены длившейся 123 года неволей. Наиболее важной из них было, несомненно, «внедрение» нового отношения поляков к государству — как к условию *sine qua non* существования суверенной нации в XX в. Для чего следовало радикально трансформировать их менталитет, приучить к тому, что это их собственное государство, за существование и развитие которого они несут всю полноту ответственности. Решать эту задачу предстояло политическим партиям и движениям, общественным организациям и властным институтам.

В годы Великой войны определились политические силы, которым предстояло возглавить этот процесс ментальной трансформации польской нации. Это были эндеки и пилсудчики, демонстрировавшие готовность и желание встать во главе возрожденного польского государства, когда для этого, в том числе и их стараниями, сложатся необходимые условия. После признания западными державами ПНК в качестве официального польского представительства и подчинения ему польской армии во Франции шансы национальных демократов представлялись предпочтительными, если бы не то, что у них не было вооруженных формирований ни в одной из частей Польши. Да и их лидер Р. Дмовский не спешил возвращаться в Варшаву, а сосредоточился на подготовке к нелегкой борьбе за будущие границы государства на Парижской мирной конференции. А другого равного ему по авторитету политика у национальных демократов в стране не было.

Пилсудчики поначалу были в худшем, чем эндеки, положении. Их ориентация на Центральные державы оказалась не столько ошибочной, сколько лишенной перспективы. Созданное оккупантами Польское королевство отказалась признавать, несмотря на давление немцев, даже Советская Россия. Задолго до конца войны прекратили существование легион и вспомогательный корпус. С лета 1917 г. они расстались со своим вождем, которого немцы надежно изолировали в крепости г. Магдебурга. Но неожиданно для многих Пилсудский к концу войны получил уникальный шанс. Вполне оправдала себя тактика опоры на нелегальные структуры военно-политического характера — Польскую военную организацию (ПОВ) и Конвент. В самый ответственный момент перемены власти они сумели быстро мобилизовать свои, пусть и не очень многочисленные, ряды и вместе с так и не превратившимся в серьезную военную силу

Польским вермахтом стали реальным аргументом в пользу Пилсудского. Конечно, на магдебургского узника работал и его культ как последовательного борца за освобождение Царства Польского, формированием которого в обществе занимались его горячие поклонники из числа политиков и деятелей культуры. Интернирование Пилсудского способствовало его очищению в глазах многих поляков от обвинений в сотрудничестве с двумя империями, владевшими польскими землями, против третьего поработителя Польши*. Не забывали Пилсудского и варшавские политики из лагеря «активистов». Один из регентов, князь З. Любомирский, обращался к германскому руководству с просьбой освободить Пилсудского и разрешить ему вернуться в Варшаву. В последнем правительстве регентского совета бывшему бригадиру австро-венгерской армии был зарезервирован пост военного министра.

В последние недели войны об узнике вспомнили и в Берлине. Там понимали, что победители не позволят оставить немецкую армию на оккупированных территориях на востоке и ее придется возвращать домой. Сделать это, обходя стороной польские земли, будет очень сложно. А раз так, то нужно, чтобы поляки не чинили препятствий эвакуации по железным дорогам Польского королевства. И лучше других решить проблему мог Пилсудский, никогда не страдавший германофобией. Не исключено, что немцы опасались и того, что власть в возрождающейся Польше возьмут национальные демократы, считавшие Германию главным врагом их родины. 31 октября 1918 г. Пилсудского в Магдебурге посетил посланец германского правительства граф Г. Кесслер, познакомившийся с бригадиром еще в 1916 г. на Волинском фронте. Следующий визит состоялся 6 ноября. Накануне германское правительство решило освободить Пилсудского. Проведенные встречи показали, что тот не изменил своих взглядов и готов помочь немцам, не подписывая при этом никаких деклараций о лояльности Германии. Важность достигнутого взаимопонимания была столь велика, что, несмотря на начинающуюся революцию, была организована экстренная переброска Пилсудского на родину. Сначала его на автомобиле срочно доставили из Магдебурга в Берлин, а 9 ноября 1918 г. из германской столицы в Варшаву отправился литерный поезд, увозя Пилсудского навстречу исполнению предсказания «Царем будешь!», якобы сделанного ему цыганкой в далекой сибирской ссылке.

Сцена его встречи на Венском вокзале Варшавы имеет глубоко символическое значение. Немцы, несомненно, неплохо осведомленные о ситуации в городе, где было немало сторонников их вчерашнего узника, опасались массовых манифестаций. Поэтому о времени приезда Пилсудского ими был извещен лишь З. Любомирский, неформальный лидер регентского совета. Он, в свою очередь, сообщил о предстоящем событии только руководителю ПОВ Адаму Коцу**. Фактически с первых же минут пре-

* Но далеко не ото всех. Об этом ему еще не раз напомнят и политические противники, и западные политики, не особенно вдававшиеся в тонкости реальных или мнимых планов Пилсудского периода войны.

** Остается неясным, почему Коц, точно зная, когда приезжает бригадир, назначил его торжественную массовую встречу на более позднее время. Возможно, таково было желание самого Пилсудского. Вечером того же дня он под предлогом больного горла отказался выступать перед собравшимися у его первого пристанища сторонниками (Kurjer poranny. 11.XI.1918). Но это не помешало ему целый день и ночь вести переговоры с политиками, общественными деятелями, представителями духовенства, руководителями

бывания на варшавском Венском вокзале Пилсудский был поставлен перед выбором своей политической линии. Коц олицетворял левые силы, группировавшиеся вокруг Люблинского правительства Народной Польши, Любомирский — умеренные силы.

Пилсудский первым выслушал рапорт своего подчиненного Коца, а партнером для завтрака и обсуждения ситуации выбрал Любомирского. Тем самым он продемонстрировал, что, оставаясь лидером сил, ведущих свою родословную от левого лагеря, готов сотрудничать с правыми и центристскими кругами.

Выполнил ли Пилсудский свои договоренности с немцами? С одной стороны, как будто бы нет, так как он якобы уже на вокзале приказал Коцу разоружить немецкий гарнизон Варшавы¹. Немцы, в отличие от австрийцев, в ряде случаев оказали вооруженное сопротивление, были жертвы. Но такой ход событий можно объяснить не только опозданием с возвращением Пилсудского или его мнимым приказом Коцу, но и последствиями начавшейся в Германии революции. 10 ноября брожение охватило варшавский гарнизон, и к вечеру командование им перешло к солдатским советам. Во избежание эскалации бессмысленного насилия к Пилсудскому были направлены делегаты с предложением передать польской стороне оружие и военные объекты в обмен на беспрепятственный выезд на родину. Пилсудский предложение принял. 11 ноября власть в бывшем Царстве Польском, как и в австрийской Галиции, без особых усилий полностью перешла к полякам. Со временем эту дату начнут отмечать как день независимости Польши, хотя она имела весьма условный характер. У Польши не было ни признанного международным сообществом правительства (как и единого правительства вообще), ни четких границ. Это были задачи, которые Пилсудскому, в силу обстоятельств оказавшемуся средоточием национальных устремлений, предстояло еще решить. И сделать это следовало по возможности быстро, чтобы опередить конкурентов в борьбе и за власть, и за территории.

В первую очередь нужно было создать необходимые для этого вооруженные силы, ибо имевшихся в наличии военных формирований (Польский вермахт, POV) было явно недостаточно. Задачу облегчало то, что в стране было достаточно много хорошо подготовленных военных кадров из числа военнослужащих-поляков из русской, австро-венгерской и германской армий, причем не только рядовых, но и офицеров, вплоть до офицеров Генерального штаба и генералов. Работа по созданию польской регулярной армии началась еще до возвращения в страну Пилсудского. Уже 27 октября 1918 г. регентский совет издал декрет о формировании национальных вооруженных сил на основании временного закона о всеобщей воинской повинности. С этого момента развернулась практическая работа по созданию командных органов и организационной структуры польской армии (военного министерства, Генерального штаба, генеральных (военных) округов и т. д.).

POB и Польского вермахта. К слову сказать, отношения между регентским советом и пилсудчиками в начале ноября 1918 г. загадочны. С одной стороны, совет в начале ноября передает полковнику Эдварду Рыдз-Смиглову командование всеми польскими частями в австрийской зоне оккупации, тем самым облегчая пилсудчикам создание Люблинского правительства, отказавшего совету в праве на существование. С другой стороны, правительство Дашиньского ничего не сделало для устранения регентского совета с политической сцены. Более того, Пилсудский фактически признал правомочность регентского совета, приняв из его рук военные и гражданские полномочия.

12 ноября 1918 г. регентский совет передал Пилсудскому военную власть и главное командование польскими вооруженными силами, а также поручил сформировать общенациональное правительство². 14 ноября совет самоликвидировался, но предварительно наделил Пилсудского всей полнотой власти в стране. Конечно, формально акты регентского совета как органа власти, созданного оккупантами для одной из частей Польши, не имели обязательной силы для краковской ликвидационной комиссии, познанского ГНС и Люблинского правительства. Но их вполне хватило Пилсудскому, чтобы взять под свой контроль не только ПОВ, но и Польский вермахт, и, опираясь на них, начать процесс консолидации отдельных частей Польши в единое целое.

Краковская ликвидационная комиссия не торопилась подчиняться Варшаве, главным для нее в тот момент была война с Западно-Украинской народной республикой. Зато легко решился вопрос с Люблинским правительством. Оно без колебаний отдало себя в полное распоряжение Пилсудского. Не найдя в центре и на правом фланге политической сцены желающих войти в коалиционный кабинет, Пилсудский 18 ноября назначил прежнее правительство, заменив только его председателя (президента), а себе взял портфель военного министра. Место И. Дашиньского, лидера галицийских социал-демократов, занял другой социалист из Галиции, инженер по образованию, майор польского легиона на стороне Австро-Венгрии Енджей Морачевский. Он, как и Дашиньский, в то время входил в близкое окружение главы нового государства. С одной стороны, кандидатура Морачевского вполне устраивала Пилсудского: можно было не опасаться каких-то несогласованных с ним решений и действий правительства и сосредоточиться на создании армии, что в тот момент он считал своей первоочередной задачей.

Но у назначения Морачевского премьером были и минусы: сохранялась прежняя линия раскола на сторонников и противников Пилсудского, однозначно левый облик кабинета министров порождал у руководителей западных держав подозрение в его большевистском характере, и тем самым затруднялось его признание державами Антанты*. Без признанного Западом правительства Польша не была полноценным субъектом международной жизни: некому было подписывать международные договоры, брать кредиты, закупать оружие**, продовольствие, отстаивать ее интересы на мирной конференции в Париже и т. д.

Пилсудский несомненно это понимал. Не случайно нота от 16 ноября, извещавшая мировое сообщество о существовании Польского государства в составе «всех земель объединенной Польши», была выслана по радио от имени главнокомандующего польской армией, а не правительства. На нее откликнулись только Берлин, приславший в Варшаву в тот же день (такая оперативность заставляет задуматься, а не были ли

* Ситуацию усугубляло признание Парижем в ноябре 1918 г. ПНК в качестве действительного правительства в области внешней политики, политического руководства польской армией во Франции и консульского обслуживания поляков за границей.

** До войны на польских землях в силу их пограничного характера практически не было военной промышленности (см.: Квасов А. С. Экономическая мысль Польши в межвоенный период (1918–1939 гг.). М., 1998. С. 34–35), а оставленного немцами и австрийцами оружия было явно недостаточно для оснащения массовой армии и ведения военных действий против галицийских украинцев, Советской России и других конкурентов в борьбе за территорию.

немцы заранее оповещены о готовящемся обращении) своего полномочного представителя графа Г. Кесслера, а также советское правительство, пытавшееся вырваться из дипломатической изоляции, т. е. правительства, сотрудничество с которыми могло лишь повредить имиджу Польши в глазах Запада.

Создание в Варшаве кабинета, опиравшегося на формировавшуюся армию, а еще больше на авторитет Пилсудского, потребовало такого урегулирования вопроса о высших органах государственной власти, которое закрепляло бы особый статус «коменданта» (так он был назван в протоколе первого заседания правительства). 22 ноября Пилсудский утвердил подготовленный Морачевским проект правительственного декрета о назначении его, в строгом соответствии с декретом регентского совета, временным главой (начальником) государства* до момента созыва учредительного сейма. Как начальнику государства ему было предоставлено право формировать правительства и отправлять их в отставку, утверждать принятые кабинетом законы, включая бюджет, назначать высших государственных служащих, ему же поручалось верховное командование Вооруженными силами Польши. Свои действия в качестве главы государства Пилсудский обязан был согласовывать с соответствующими членами кабинета, наделенными правом контрассигнации (визирования) издаваемых им актов. Таким образом, Пилсудский присвоил себе большие, почти диктаторские полномочия, но на непродолжительный период — только до момента созыва сейма, выборы в который под его сильным давлением правительство назначило на 26 января 1919 г. Декрет также определял, что Польша будет республикой.

Правительство разработало демократическую избирательную процедуру. Выборы депутатов должны были быть всеобщими, равными, прямыми, пропорциональными при тайном голосовании. Право голоса получили женщины, но его не имели военные, находившиеся на действительной службе. Поддержка Пилсудским именно варшавского центра формировавшейся польской государственности и его решение о проведении выборов на всех подконтрольных польским органам власти территориях снимали с повестки дня вопрос о центральном правительстве. До конца декабря независимо от Варшавы действовала краковская ликвидационная комиссия. Представленные в ней правые и центристские партии не торопились посылать своих представителей в варшавское правительство, не вполне соглашаясь с проводимой им внутренней политикой.

Кабинет Морачевского продолжил линию Люблинского правительства. Был издан ряд декретов в социальной области, вводивших в Польшу стандарты, принятые на тот момент в развитых западноевропейских государствах: 8-часовой рабочий день с укороченной (английской) субботой, социальное страхование по болезни и несчастным случаям на производстве, гарантированный минимум оплаты труда в государственном секторе, инспекции и биржи труда, защиту прав квартиросъемщиков и др. Реализовав главные требования польского пролетариата, за которые тот боролся с конца XIX в., правительство оставило на усмотрение будущего сейма более принципиальные вопросы, связанные с отношениями собственности (аграрную реформу, национализацию промышленности, лесов и недр). Тем самым оно

* Идею именно так назвать эту должность подал С. Буковецкий, работавший с Пилсудским во Временном госсвете Польского королевства. Должность начальника государства была известна в польской политической традиции со времен Т. Костюшко.

продемонстрировало, что будет проводить политику в духе западноевропейских социал-демократов, а не большевиков.

Но эти умеренные социальные реформы в интересах лиц наемного труда многим в Польше казались излишне радикальными. Правление левых воспринималось их оппонентами как прелюдия к катастрофе нарождавшейся польской государственности и, что особенно беспокоило Пилсудского, аналогичной была реакция заграницы. Близко знавший начальника государства Л. Василевский вспоминал его сетования в это время: «Ах, как было бы хорошо, если бы большевики организовали на меня покушение, бросили бомбу или что-нибудь наподобие этого... Естественно, покушение бы не удалось, но какой эффект это вызвало бы за границей! Они бы сразу убедились, что все, что говорится о большевизме правительства Морачевского, — глупость»³.

Проблема восприятия Польши западными державами крайне беспокоила Пилсудского в это время. Его ноту от 16 ноября Запад проигнорировал, правительство Морачевского никто кроме Германии не признал. Между тем неумолимо приближалось открытие мирной конференции. Нужно было во что бы то ни стало и в самое короткое время решить проблему международного признания правительства. Понимал это и Дмовский. В начале декабря состоялись переговоры эмиссара главы ПНК С. Грабского с Пилсудским. Стороны договорились по таким вопросам, как создание общенационального правительства, формальное подчинение польской армии верховному главнокомандующему союзных войск маршалу Франции Ф. Фошу, пополнение ПНК и польской делегации на мирной конференции представителями Пилсудского, территориальные требования, высылка из Варшавы немецкого представителя Г. Кесселера. В ответ на критику соратников за компромисс с правыми Пилсудский с раздражением бросил: «Меня ждет борьба с Россией, а не с Дмовским»⁴.

Замена правительства была для Пилсудского не только формально-правовым, но и престижным вопросом. Чтобы избежать обвинений в какой-либо политической пристрастности ему нужен был отчетливый сигнал со стороны общества, что оно не желает больше терпеть кабинет Морачевского. Причем сигнал со стороны не улицы или партии⁵, а серьезных независимых общественных сил.

В связи с этим, видимо, с ведома Пилсудского особо доверенные лица из II отдела польского Генерального штаба, а также некоторые гражданские политики подготовили следующую акцию. В ночь с 4 на 5 января 1919 г. была инсценирована попытка государственного переворота (известного как заговор Сапеги–Янушайтиса) с участием военнослужащих столичного гарнизона с целью устранения правительства, но не начальника государства⁶. Уже к утру с опереточным действием было покончено. После

* Это, как и другие высказывания Пилсудского, свидетельствует о том, что он планировал войну с Россией за бывшие восточные окраины Речи Посполитой еще до издания директивы советского руководства о наступлении Красной Армии в западном направлении.

** Таких сигналов в декабре было несколько. Они исходили от сил, представлявших как революционный, так и правый лагерь и имели форму массовых уличных выступлений в Варшаве, направленных против правительства. Власти даже вынуждены были прибегать к силе для удержания ситуации под контролем. Пилсудский эти выступления проигнорировал, понимая, видимо, что принятие требования манифестантов об отставке правительства создало бы опасный прецедент, давая любой партии основание с помощью толпы требовать создания устраивавшего ее кабинета.

этого правительство, просуществовав еще 10 дней и завершив в основном подготовку **к** выборам, 16 января было отправлено Пилсудским в отставку. Так завершился период **первых** правительств в межвоенной Польше.

Новым президентом Совета министров стал пользовавшийся мировой известностью польский пианист и композитор Игнаций Падеревский. Более приемлемую фигуру трудно было бы придумать. Падеревский устраивал всех главных игроков внутриполитической сцены и западных политиков как человек умеренных взглядов, за которым не стояло никакой партии. С эндеками его сближало лишь участие в ПНК и организованной ими кампании пропаганды польского вопроса в США, а не общность политических взглядов и исповедуемой идеологии национализма с сильным шовинистическим акцентом.

Несмотря на то, что многие министры прежнего правительства сохранили свои портфели, отношение к кабинету Падеревского в стране и за рубежом было кардинально иным. 21 января правительство в Варшаве было признано ПНК, 30 января — США, 24 февраля — Францией, на следующий день Великобританией, 27 февраля — Италией. Таким образом, процесс конституирования Польского государства на международной арене прошел очередной важный этап. Вслед за констатацией в 1917–1918 гг. права польского народа на независимое существование последовало признание польского правительства в стране.

Ю. Пилсудский в конце 1918 г. выступал за построение в Польше демократического государства, понимая, что для всесильного Запада только свободно избранные парламенты могли свидетельствовать о легитимном характере вновь создаваемых государств. Парламентский режим, по его мнению, должен был также помешать радикальным политическим элементам увлечь за собой массы, недовольные тяжелыми условиями жизни. Ко всему прочему Пилсудский рассчитывал, что сейм освободит начальника государства от мелочного контроля над деятельностью правительства и позволит ему сконцентрировать все внимание на армии и проблеме границ. Своим близким соратникам он еще до парламентских выборов заявил: «Меня волнует армия, которой в действительности у меня еще нет... Внутренние вопросы решит сейм, который я для этого и созываю... Все мои усилия должны быть направлены на армию... Когда у меня будет армия, все будет в моих руках... Мне нужны солдаты...»⁵.

Своеобразной демонстрацией отношения политических партий, а также социальных и национальных групп к вопросу независимости стали назначенные на 26 января 1919 г. выборы в учредительный сейм. В них имело возможность беспрепятственно участвовать население бывшего Царства Польского, территория которого полностью контролировалась варшавским правительством. В западных районах бывшего Северо-Западного края Российской империи, где среди жителей преобладали поляки, выборы перенесли на более поздний срок, после ухода немецких оккупационных войск. В бывших австрийских землях избирательные округа были созданы только в Малой Польше (Западной Галиции). В Восточной Галиции, вопрос принадлежности которой Польше решился только в 1923 г., выборы не проводились. Ее в сейме представляли польские депутаты рейхсрата (лишь во Львове позже прошли довыборы). В Тешинской Силезии избирательные округа организовали, но из-за вооруженного чешско-польского конфликта избирательные участки так и не открылись. Эту область в сейме представляли 6 польских кандидатов в депутаты. В бывших прусских польских землях выборы

проводились по мере их передачи Польше. В Великой Польше они состоялись 1 июня 1919 г. (немецкое население их бойкотировало), в Восточном Поморье — 2 мая 1920 г. Польское население этих провинций представляли польские депутаты рейхстага. А Верхнюю Силезию депутаты рейхстага представляли вплоть до истечения срока полномочий учредительного сейма. Не было выборов и на украинских и белорусских территориях, отошедших Польше по Рижскому миру. С марта 1922 г. в варшавском сейме Виленщину представляли депутаты парламента Срединной Литвы.

За мандаты боролось более 20 политических группировок. Ю. Пилсудский в кампании по выборам демонстративно не участвовал, подчеркивая тем самым свой надпартийный статус. Его сторонники баллотировались по избирательным спискам левых и центристских партий. В ходе избирательной кампании в парламент каждая из участвовавших в ней партий старалась убедить избирателей в том, что именно ее видение будущего общественного устройства страны в наибольшей степени соответствует их интересам. Побывавшие уже у власти левые обещали в случае победы продолжить проведение социальных реформ в интересах лиц наемного труда как необходимого условия построения со временем социалистического государства, крестьянские партии — ориентировать государство на решение аграрной проблемы и обеспечение благоприятных условий для развития сельского хозяйства, национальные демократы — сделать Польшу государством для этнических поляков. Конечно, партии выдвигали и другие постулаты, много говорили о частностях, но это не меняло сути дела. В том, что электорату представлялись различные модели будущего общественного устройства Польши, в тот момент не было ничего странного, поскольку польскому государству еще только предстояло конституироваться. Пилсудчики как самостоятельная сила в выборах не участвовали.

Так называемый «черный пиар» использовался ограничено, главным образом против левых, единственных, кто на тот момент побывал у руля государственной власти. Коммунисты призывали рабочих к бойкоту выборов, тем самым они сразу же позиционировали себя как враги складывавшейся буржуазной государственности. Однако их призыв не нашел серьезной поддержки у избирателей, опыт социалистической революции в России поляков не вдохновил. Еврейские партии участвовали в борьбе за мандаты лишь частично.

Явка избирателей была высокой, по отдельным округам от 60 до 94%, что свидетельствовало о завышенных ожиданиях электората в отношении будущего парламента. Всего в выборах участвовало около 5 млн избирателей. 26 января они избрали 296 депутатов. В сейм также были кооптированы 44 бывших польских депутата парламентов Германии и Австро-Венгрии. В конце июня 1919 г. сейм насчитывал уже 394 депутата, в мае 1920 г. — 412, в марте 1922 г. — 432 мандатария.

Итоги выборов показали существенную дифференциацию общества по политическим симпатиям. Первоначально в сейме оформилось 10 фракций, в 1922 г. их уже было 16. Относительное большинство мандатов (116) получил правый Народно-национальный союз. Левый фланг сейма составили депутаты от ПСЛ «Вызволение» (58 мест) и польские социалисты (32 места). В общей сложности за левых проголосовало 27,5% избирателей. Все остальные фракции, часто не имевшие на тот момент до конца определившейся политической физиономии, расположились между этими двумя полюсами. Пилсудчики сумели провести в парламент ряд своих видных представителей по спискам главным образом левых партий.

Левым не помогли их немалые свершения в области социального законодательства, в стране с абсолютным преобладанием частных собственников большинство избирателей отдало предпочтение правым и центристским партиям.

Полученного Народно-национальным союзом относительного большинства не хватало для формирования однородного правительства. Это означало, что до следующих парламентских выборов страна обречена на коалиционные кабинеты из партий, принадлежащих к разным политическим лагерям, с неизбежным торгом за министерские кресла и программы деятельности. Теоретически существовало четыре возможных варианта политического облика кабинетов: 1) право-центристский, 2) лево-центристский, 3) большой коалиции (из представителей главных партий сейма) и 4) внепарламентский (или деловой), составленный из беспартийных менеджеров. Третий вариант использовался лишь в экстремальных для страны условиях (вторжение Красной армии в этническую Польшу в 1920 г., политический, социальный и экономический кризис в октябре 1925 г.). Четвертый фактически также мог осуществляться лишь с согласия основных игроков политической сцены, т. е. был суррогатом большой коалиции, но без прямой ответственности партий за результаты деятельности такого кабинета. Три из четырех возможных вариантов правительства не могли осуществиться без участия или поддержки национальных демократов, а ПСЛ «Пяст» превращалось в партию, без согласия которой нельзя было создать вообще какой-либо кабинет. Таким образом, после парламентских выборов 1919 г. эндеки и пястовцы стали стержнем оформляющейся политической системы, без них нельзя было принять ни одного принципиального решения.

Сильная позиция национальных демократов и В. Витоса, с которыми у Пилсудского были не самые лучшие отношения, не обещала легкого взаимодействия с парламентом. Состав последнего был таков, что сторонники начальника государства даже опасались, утвердит ли его сейм на этот пост. Видимо поэтому Пилсудский сложил свои полномочия не на первом пленарном заседании парламента 10 февраля 1919 г. (так постановляли декреты регентского совета и правительства Морачевского), а 10 днями позже. За это время сторонники Пилсудского сумели убедить других депутатов в необходимости сохранить за ним пост начальника государства. В результате сейм единогласно поручил Пилсудскому исполнять обязанности главы государства до следующих парламентских выборов.

Депутаты также утвердили принципы функционирования верховных органов власти в Польше на период до принятия постоянной конституции, известные как Малая конституция 1919 г. Этим документом сейм объявлял себя суверенной и законодательной властью, а начальника государства — представителем государства и верховным исполнителем решений сейма по гражданским и военным вопросам. Пилсудский получил право назначать правительство по согласованию с парламентом.

Важным было согласие парламента на сохранение за Пилсудским единоличной власти над армией. Сейм постановил, что военный министр не может контролировать стратегические и тактические распоряжения главнокомандующего. Тем самым последний становился неподконтрольным представительной власти. Кроме того начальник государства сохранил за собой право назначать министров военного и внешнеполитического ведомств. По сути Малая конституция устанавливала смешанную парламентско-президентскую политическую систему, которая давала Пилсудскому

огромные полномочия в важнейших областях деятельности государства. Особенно отчетливо это видно на примере восточной политики Польши, которую Пилсудский сделал до лета 1920 г. своей исключительной прерогативой, не допуская никакого вмешательства в нее парламентариев и дипломатов. Даже близкое окружение не всегда знало о предпринимаемых им действиях на восточном направлении⁶.

Так завершился процесс становления высших органов исполнительной и законодательной власти, теперь Польша полностью соответствовала демократическим критериям, которые победы предъявляли вновь создаваемым государствам Центральной и Восточной Европы.

1.2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЕРИОДА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СЕЙМА

Обретение Польшей независимости потребовало от политических партий, возникших в отдельных ее частях начиная с рубежа веков, кардинально изменить программы и цели деятельности, научиться функционировать в новых условиях, подтвердить свою востребованность обществом. Быстрее всего определились новые лидеры политической сцены. Довоенные фавориты были оттеснены на второстепенные позиции, как это случилось например с «краковскими консерваторами», еще в годы Первой мировой войны самой влиятельной силой в Галиции. Лидерство перешло к партиям, ориентировавшимся на потребности и предпочтения массового избирателя и демонстрировавшим приверженность демократическим ценностям. Как показали итоги выборов в 1919 г., потеряло всякое значение деление партий на соглашательские и сепаратистские. Преодоление регионального характера партий оказалось непростым и долговременным процессом. Лишь национальные демократы уже на выборах в учредительный сейм смогли провести избирательную кампанию во всех созданных тогда избирательных округах, умело сочетая известность своего общепризнанного вождя Р. Дмовского и ряда региональных лидеров, в том числе С. Грабского и С. Гломбиньского в Галиции, М. Сейды и В. Тромпчиньского в Великой Польше, В. Грабского и С. Козицкого в бывшем Царстве Польском.

Самой крупной политической силой был лагерь национальной демократии, состоявший из партии и ряда аффилированных организаций. Эндеки действовали только среди поляков, не игнорировали ни одной социальной группы. Особенно сильным их влияние было среди крестьян, мелкой буржуазии, крупных землевладельцев, предпринимателей, интеллигенции (в партийном активе эндеков было немало университетских профессоров), католического клира. Идеология эндеков была основана на признании жизнеспособности только этнически «чистых» государств. Поэтому они выступали за подрыв экономических основ существования более чем трехмиллионной еврейской общины в Польше, пропагандировали эмиграцию евреев в Палестину, бойкот еврейских заведений в сфере торговли, бытового обслуживания, гастрономии, вытеснение евреев-посредников польскими кооперативными организациями, требовали введения процентной нормы для еврейской молодежи в университетах, осуждали поляков, продававших землю иудеям, провоцировали погромы и т. д. В бывшей прусской части Польши, где евреев было немного, эндеки активно насаждали враждебное отношение к

местным немцам. Представителей славянских национальных меньшинств, как не способных построить собственные государства, они намеревались ассимилировать.

В политической сфере национальные демократы выступали за создание польского **большинства** в сейме и чисто польские правительства. Исходя из геополитического **положения** Польши между Россией и Германией («молотом и наковальней»), они не **верили** в возможность обеспечить безопасность собственными силами, поэтому выступали **за тесное** взаимодействие с Францией и ее союзниками в Центральной и Восточной Европе. Видя главную угрозу Польше в Германии, они были не прочь нормализовать **отношения** с Россией. В экономической сфере эндеки придерживались либеральных **взглядов**, считая всякое государственное вмешательство вредным для народного хозяйства.

Национальные демократы были центром притяжения для других правых и **правоцентристских** организаций. С ними взаимодействовали бывшие консерваторы и **прогрессисты** из Царства Польского, а в созданный ими Народно-национальный союз (ННС) первоначально вошли правая Национально-христианская народная партия (**объединяла** главным образом помещиков) и занимавшие центристские позиции **христианские** демократы, действовавшие в рабочей и мелкобуржуазной среде. Особенно **сильными** позиции христианских демократов были в Верхней Силезии, но за них **голосовали** избиратели и в других регионах Польши. Их общепризнанным лидером был **В. Корфанты**, активный борец за возвращение в состав Польши Силезии, утратившей **государственную** связь с ней еще в XIV столетии. В учредительном сейме он возглавил **парламентскую** фракцию ННС. Популярностью пользовались также Ю. Хациньский, **С. Адамский**, В. Битнер.

Однако летом 1919 г. хадеки покинули ряды ННС, создали собственный **парламентский** клуб правоцентристской ориентации, но конструктивного взаимодействия с **национальными** демократами не прекратили. Такую же тактику избрали христианские **националисты**. Таким образом, наметившаяся в 1919 г. на правом фланге тенденция к **консолидации** родственных сил не получила развития.

Место левого центра на польской политической сцене заняла Национальная **рабочая** партия (НРП). Она возникла в 1920 г. в результате объединения Национального союза рабочих, созданного эндеками в годы первой русской революции в Царстве Польском, с действовавшей в прусской Польше идеологически родственной **Национальной** партией рабочих. Новая партия имела собственный профцентр — Польское профессиональное объединение, пользовалась популярностью в Великой Польше, Поморье, Верхней Силезии и Лодзинском округе. Главными конкурентами НРП в борьбе за влияние в рабочей и мелкобуржуазной (мещанской) среде справа были **христианские** демократы, слева — ППС. Соответствующей была и программа партии, **отстаивавшая** наряду с христианскими ценностями идеи социальной справедливости, а также право именно польских рабочих на лучшую долю. Наиболее известными ее **деятелями** были К. Поппель, С. Ваховяк, А. Цишак.

Влиятельной политической силой в стране было крестьянское движение. Наметившаяся было в начале независимости объединительная тенденция быстро **уступила** в нем место дезинтеграционным процессам. На выборах 1919 г. мандаты **завоевали** три польские крестьянские партии: в Галиции — Польская крестьянская партия «Пяст» (Польское сторонничество людовое — ПСЛ «Пяст») и Польская крестьянская

партия-левица (ПСЛ-левица), в бывшей русской Польше — Польская крестьянская партия «Вызволнение» (ПСЛ «Вызволнение»). В общей сложности они получили почти 30% голосов в бывшем Царстве Польском и около 60% в Галиции⁷. ПСЛ «Пяст» достаточно быстро определило свою позицию в центре политической сцены, что, учитывая значительное количество завоеванных депутатских мандатов, делало «Пяст» участником почти всех правительственных коалиций. Две другие крестьянские партии расположились на левых скамьях сейма.

В идеологическом плане крестьянские партии были весьма близки. Правда, в адрес ПСЛ «Пяст» иногда звучали обвинения, что в отличие от ПСЛ-левицы и ПСЛ «Вызволнение» это была партия кулаков, сельской буржуазии. В действительности же по главному для крестьянства вопросу — земельному — принципиальных разногласий между ними не существовало. Все три партии выступали за решение аграрного вопроса за счет не только государственных, но и помещичьих, частновладельческих земель. Наличие общей цели подтолкнуло парламентские представительства «Пяста» и «Вызволнения» к сближению, а в октябре 1919 г. даже объединению в единую фракцию Польского стронництва людowego. Однако на этом процесс консолидации крестьянского движения остановился, в декабре того же года часть депутатов «Вызволнения» покинула объединенную фракцию, а оставшиеся стали членами ПСЛ «Пяст».

В том же 1919 г. возникла единая Польская социалистическая партия (ППС). Вначале был создан объединенный парламентский клуб польских социалистов, а затем проведен объединительный конгресс. Это была социалистическая партия западноевропейского образца, сторонница построения общества социальной справедливости, но не обязательно революционным путем (хотя такую возможность она полностью не отрицала). Большинство ее лидеров считало, что к конечной цели вполне могли привести и парламентская борьба, совершенствование социального законодательства, развитие государственного и кооперативного секторов экономики. ППС была членом II Интернационала, полностью соглашалась с его программой, стратегией и тактикой деятельности. Наиболее видными лидерами партии, которая объединяла около 30 тыс. членов с существенно различавшимися взглядами, были Н. Барлицкий, И. Дашиньский, М. Недзялковский, Ф. Перль. Периодически ряды ППС покидали достаточно известные деятели, переходившие в ряды коммунистов (Е. Чешейко-Сохацкий, Т. Жарский) или же создававшие самостоятельные партии. Несмотря на свою приверженность принципам интернационализма людей труда, ППС не стала единственной социалистической партией в Польше. В рядах пепезовцев кроме поляков были и евреи, но большинство разделявших левые взгляды представителей других национальных меньшинств предпочитали свои социалистические организации.

Самостоятельный сегмент польской политической сцены составляли партии, представлявшие интересы национальных меньшинств: украинские, белорусские, еврейские, немецкие. В идейно-политическом отношении они практически ничем не отличались от охарактеризованных выше польских аналогов, придерживались и правых, и центристских, и левых взглядов. Но была и принципиальная специфика. Лишь немногие из них (главным образом еврейские) рассматривали Польшу как свое собственное государство, укрепление и успешное развитие которого составляло смысл их деятельности. Все другие явно или неявно исповедовали сепаратизм, а еврейские партии сионистского толка — необходимость эмиграции в Палестину.

Особую непримиримость к польскому государству демонстрировали украинские партии Галиции, не желавшие согласиться с тем, что поляки лишили их государственности. Практически все эти партии, за исключением небольшой организации «хлеборобов», призывали к бойкоту переписи населения в 1921 г. и выборов в парламент в ноябре 1922 г., непрерывно поднимали украинский вопрос за границей. В 1920 г. бывшие военнослужащие Украинской галицкой армии создали Украинскую военную организацию с целью подготовки кадров для будущего вооруженного восстания. 25 сентября 1921 г., во время посещения Ю. Пилсудским Львова, на него было совершено вооруженное покушение одним из членов УВО⁸.

Особняком на политической сцене стояла Коммунистическая рабочая партия Польши, образовавшаяся в декабре 1919 г. в результате объединения СДКПиЛ и ППС-левицы. Она изначально формировалась как общепольская интернациональная организация, правда, с автономными по статусу коммунистическими партиями Западной Украины и Западной Белоруссии. Ни немецкое, ни еврейское национальные меньшинства отдельных коммунистических организаций не имели. КРПП была секцией III (Коммунистического) Интернационала, выступала за построение социалистического общества, путь к которому вел через социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. По своему статусу она являлась фактически нелегальной партией, хотя в 1919 г. сейм не поддержал предложения о ее запрете. Тем не менее на практике принадлежность к КРПП и комсомолу преследовалась властями самым суровым образом. Многие польские коммунисты, скрываясь от преследований на родине, тайно выезжали в советские республики, работали в аппарате Коминтерна, советских государственных учреждениях и общественных организациях. В числе наиболее известных деятелей партии были А. Варский (Варшавский), В. Костшева (Кошутская), С. Лещиньский (Леньский), М. Горвиц (Валецкий), Э. Прухняк.

I.3. БОРЬБА ЗА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ПРИЗНАНИЕ Польши и ее границ

По мере успешного оформления властных институтов независимого государства на первый план в действиях руководителей страны выходили две другие задачи: более легкая — завершение процесса международно-правового признания Польши, и более сложная — установление ее государственных границ.

Польша была приглашена к участию в Парижской мирной конференции как вновь созданное, признанное Антантой союзным, государство. Для Варшавы, принимая во внимание намерение США и Великобритании обустроить Центрально-Восточную Европу с учетом национального принципа, наиболее сложным был вопрос удовлетворения своих территориальных претензий. На западе и севере они распространялись на достаточно основательно германизированные территории. Австро-Венгрия развалилась, Австрия была лишена авторитетного голоса в определении судьбы наследия империи Габсбургов. На юге и юго-востоке соперниками Польши за бывшие австрийские владения выступили Чехословакия и Западно-Украинская Народная Республика, причем статус последней был неопределенным, помимо самопровозглашенной УНР ее никто не признавал.

Россия в Париже официально представлена не была, и вопрос о ее западной границе официально на конференции не обсуждался. Относительно ее прохождения державы-победительницы стояли на позиции Временного правительства по польскому вопросу, выраженной им в марте 1917 г. и базировавшейся на этническом принципе. При этом они не признавали самостоятельными этносами украинцев и белорусов, а в соответствии с «правом национальности» считали их частями единой русской нации*. Тем самым они не собирались признавать обоснованными требования восстановить Польшу в границах 1772 г. Ситуация для Варшавы дополнительно осложнялась тем, что в Прибалтике, Литве, Белоруссии, на Украине возникали национальные государства, претендовавшие на те же территории, что и Польша.

Польской делегации было трудно добиваться своего из-за несовпадения интересов великих держав. Поляки сделали ставку на Францию. Только Париж, в связи с неясностью ситуации в России, проявлял заинтересованность в создании большой и сильной Польши, прежде всего за счет Германии. В ней он видел партнера, который вместе с Чехословакией должен был помочь в сдерживании Германии (пока не восстановит свою мощь Россия), а также — важное звено «санитарного кордона», призванного не допустить распространения большевизма на Европу и оказать помощь в борьбе с ним белой России⁹. Определенные надежды польские делегаты возлагали на США, хотя американский президент В. Вильсон был сторонником создания новых государств в регионе на этнической основе и сохранения окраинных областей России (без Польши) в ее составе. Великобритания, традиционно стремившаяся к поддержанию баланса сил на континенте, обоснованно опасалась появления новых областей конфликта типа Эльзаса и Лотарингии в случае удовлетворения всех территориальных притязаний Польши. Из-за этого Лондон рассматривался Варшавой как недоброжелатель Польши.

С учетом этих обстоятельств и вырабатывалась стратегия и тактика создания сильной Польши. В вопросе о границе с Германией следовало добиваться от миротворцев максимального удовлетворения польских территориальных требований, сформулированных Дмовским в специальных меморандумах державам Антанты. Решать эту задачу предполагалось преимущественно дипломатическим путем, на мирной конференции. Однако при этом не исключалось и использование регулярной польской армии, но не открытое, а под прикрытием вооруженных восстаний местного населения. Вопрос о судьбе бывших австрийских владений намеревались решить собственными силами, в том числе и вооруженным путем, что должно было поставить великие державы перед свершившимся фактом. Что же касается восточных рубежей, то Пилсудский, будучи противником пассивного ожидания исхода гражданской войны в России, изначально делал ставку на их силовое установление. Таким образом, на Парижской мирной конференции главными для польской делегации были два вопроса: международно-правовое признание Польши как суверенного субъекта мировой политической сцены, а также установление границы с Германией. Все другие вопросы Варшава намеревалась решить собственными силами.

* Это право, на основании которого в XIX в. произошло создание единых Италии и Германии, было использовано в годы Великой войны при решении польского вопроса, а также при создании на Парижской мирной конференции в 1919 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев и Чехословакии.

Окончательное международно-правовое признание Польши произошло после заключения ею трех договоров в конце июня 1919 г. Во-первых — договора между пятью союзными и соединившимися державами и Польшей от 27 июня 1919 г., по которому Варшава брала на себя ряд обязательств политического, а также экономического характера — свободный транзит через Польшу, интернационализация судоходства по Висле (на практике этого не произошло). Тогда же великие державы заставили премьера и главу польской делегации на конференции в Париже И. Падеревского согласиться с распространением на Польшу создаваемой ими системы международной защиты национальных меньшинств, прежде всего евреев и проживавших на присоединяемых бывших германских землях немцев. Поскольку на себя аналогичных обязательств державы-победительницы не брали и на Германию не возлагали, то в Польше их расценили как свидетельство ее неравноправия в международно-правовом отношении.

Во-вторых — Версальского мирного трактата союзных и соединившихся держав с Германией от 28 июня 1919 г., под которым стоят подписи также И. Падеревского и Р. Дмовского. По этому договору Берлин признавал независимость Польши, переход под ее юрисдикцию Великой Польши, Восточного Поморья с Данцигским (Гданьским) коридором и частью побережья Балтики (это позволяло Польше иметь военный флот). Данциг (Гданьск) объявлялся вольным городом под верховным управлением Лиги наций с предоставлением в нем Польше ряда прав, в том числе на организацию там польской почты, беспроцентное пользование портом и свободный ввоз оружия. Но Берлин оспаривал обоснованность претензий Варшавы на Верхнюю Силезию и пограничные районы Восточной Пруссии на том основании, что большинство их жителей были этническими немцами. Разрешить спор должен был плебисцит, т. е. свободное волеизъявление местных жителей, а также уроженцев этих территорий, в разное время переехавших в другие области Германии.

В-третьих — договора в Сен-Жермен-де-Пре, подписанного одновременно с мирным трактатом с Австрией. По нему Польша и другие государства-лимитрофы обязывалась за свое освобождение внести в фонд контрибуций 1,5 млрд золотых франков, причем его на Польшу приходилось 12% этой суммы. Но на практике этих и других платежей произведено не было.

Уже в ходе подготовки к мирной конференции в Варшаве осознали, что дипломатическим путем удастся получить только часть территорий, на которые она претендовала. Овладеть спорными территориями было невозможно, не прибегнув к силе. В бывших австрийских владениях и Великой Польше в вооруженную борьбу за спорные области полякам пришлось вступить до открытия мирной конференции. В ноябре 1918 г. началась польско-украинская война из-за Восточной Галиции. Обе стороны конфликта использовали сходные аргументы для обоснования своих претензий на эту провинцию: ссылались главным образом на историческое и этническое право. Антанта и США, согласившиеся на создание польского государства и отказавшие в этом украинцам, заняли позицию арбитра, предлагая различные компромиссные варианты, которые не устраивали ни одну из воюющих сторон. Посредническая миссия великих держав стала особенно проблематичной после того, как в июле 1919 г. вся Восточная Галиция оказалась под польским контролем. Тем не менее они продолжали играть эту роль до марта 1923 г., когда Совет послов Антанты окончательно передал эту область Польше.

Но в Тешинской Силезии (Австрийской Силезии) удача отвернулась от Варшавы. Прага отказалась признать соглашение о разграничении провинции, заключенное в момент распада Австро-Венгрии местными польским и чешским национальными советами. Определяющую роль в этом сыграл значительный экономический потенциал спорной области и ее стратегическое положение. Кроме того соглашение подрывало достигнутую летом 1918 г. договоренность Чехословацкого национального совета и французского правительства, что Чехия будет возрождена в границах земель чешской короны.

23 января, за три дня до парламентских выборов в Польше, которые Варшава готовилась провести и в спорной Тешинской Силезии, чтобы на законном основании закрепить ее за собой, чешские войска перешли в наступление, принесшее им успех. В конфликт вмешались державы, под их давлением боевые действия были остановлены, противники согласились решить спор с помощью плебисцита. Однако он так и не состоялся, а в июле 1920 г., в момент стремительного наступления советской Красной армии на Варшаву, по обоюдному согласию Тешинская Силезия была разделена по линии прекращения боевых действий без выяснения воли населения. ЧСР досталось 1200 км² спорной территории провинции из 2 222 км² и 293 тыс. человек населения из 435 тыс. Но в Польше с таким решением примирились не все, пилсудчики и не только расценили его как болезненное поражение. Несправедливым считалось и разграничение в районах Спиш и Орава на границе со Словакией. Окончательно все вопросы, порожденные разделом Тешинской Силезии, были урегулированы договорным путем лишь в 1925 г.

Установление польско-германской границы также заняло несколько лет. Оно началось с Великой Польши (Познанщины). Согласно Компьенскому перемирию, Германия должна была до мирной конференции вернуться к довоенным границам. Тем самым решение вопроса о судьбе немецких территорий, на которые претендовала Польша, откладывалась до мирной конференции. Но 26 декабря 1918 г. в Познани, в ходе манифестации в честь следовавшего в Варшаву из Парижа И. Падеревского, произошли уличные столкновения поляков с немцами, переросшие в восстание. Оно оказалось успешным, поляки к концу января 1919 г. установили контроль над провинцией. Держavam не оставалось ничего иного, как признать сложившееся положение вещей и разрешить создание польских органов власти в Великой Польше, однако без изменения ее статуса как части Германии до момента ратификации Версальского мирного договора 10 января 1920 г.

Когда стало очевидным, что великие державы не намерены безоговорочно передать Польшу Верхнюю Силезию (здесь располагался второй по значимости после Рура промышленный округ Германии), польской стороной в августе 1919 г. была предпринята заранее подготовленная попытка вооруженным путем овладеть этой важной провинцией. Однако сил у участников первого Силезского восстания оказалось недостаточно, и немцы довольно легко с ним справились. Неудачным было и второе восстание, в августе 1920 г., начатое в тяжелое для Варшавы время, когда главной ее заботой являлось отражение советского наступления. Единственным существенным успехом повстанцев стало решение великих держав о преобразовании немецкой полиции в регионе в смешанную немецко-польскую, что давало польской стороне возможность лучше подготовиться к следующему вооруженному выступлению.

В июле 1920 г. состоялся плебисцит в спорных районах Восточной Пруссии (исторические области Вармия и Мазуры). Свой проигрыш — за присоединение к Польше проголосовало чуть более 15 тыс. человек, а против 447 тыс. — поляки объясняли неблагоприятными обстоятельствами, нежеланием его участников демонстрировать свою польскость в момент, когда польское государство доживало, быть может, последние дни, а не преобладанием здесь жителей, считавших себя немцами.

В Верхней Силезии плебисцит был проведен в марте 1921 г., польская сторона его также проиграла. Пожелали остаться в составе Германии 707 605 человек, за присоединение к Польше высказалось 479 359 участников плебисцита, 3882 бюллетеня были признаны недействительными. Поляки победили в 678 гминах (волостях), немцы в 844. Помимо постоянных жителей в плебисците участвовало около 200 тыс. уроженцев провинции, на тот момент живших в других районах Германии. Из них за Польшу голосовало только 10 120 человек.

Великобритания и Италия, чьи войска обеспечивали порядок в Верхней Силезии во время плебисцита, склонялись к признанию его результатов и соответствующему разделу спорной территории. Но против была Франция, стремившаяся максимально ослабить Германию. По секретной договоренности с французским председателем межсоюзнической комиссии по Верхней Силезии генералом А. Лероном в ночь со 2 на 3 мая 1921 г. началось третье по счету Силезское восстание. В нем под видом повстанцев участвовали военнослужащие регулярной польской армии. На этот раз поляки сумели овладеть большей частью спорной области¹⁰.

Не желая и дальше сохранять очаг вооруженной конфронтации в Центральной Европе, Совет Лиги наций 12 октября 1921 г., вопреки результатам плебисцита, предложил Совету послов Антанты передать Польше часть важного для нее верхнесилезского промышленного округа по линии прекращения огня. Польша получила 29% спорной территории (с 46% населения) и основную часть предприятий одного из крупнейших европейских индустриальных районов: 76% угольных шахт, 97% добычи железной руды, 82% цинковых и 71% оловянных рудников, 50% коксохимических предприятий, все производство цинка и олова, около 50% доменных печей. 20 октября 1921 г. державы Антанты утвердили это предложение без изменений. Возникшие в результате раздела Верхней Силезии проблемы правового, хозяйственного и гуманитарного характера между Польшей и Германией были урегулированы конвенцией, заключенной заинтересованными сторонами сроком на 15 лет на конференции по Верхней Силезии, которая состоялась на рубеже 1921–1922 гг. в Женеве. Особый статус образованного в Польше Верхнесилезского воеводства выразился в предоставлении ему права на автономию и созыв собственного Силезского сейма.

Наиболее драматичный и кровавый характер носила борьба за восточную границу Польши. Начиная с 1569 г. польские земли были стержнем созданного Люблинской унией федеративного государства Речь Посполитая, огромной страны, с территорией более 900 тыс. км². В его состав входили не только польские, но и восточнославянские, литовские и латышские этнические территории. После принятия конституции в 1791 г. оно приобрело унитарный характер, но только до второго раздела в 1793 г. Особенностью польского общественного сознания была устойчивая идентификация понятий Польша и Речь Посполитая, в то время как США и Великобритания считали, что независимая Польша должна включить в свои границы только области с

преобладанием польского населения. Большинство поляков не признавали тот очевидный факт, что к началу XX в. украинцы, белорусы, литовцы, латыши осознали свою национальную самобытность и стремились создать собственные национальные государства. Для них Речь Посполитая ассоциировалась со шляхетским землевладением и всевластием поляков (достаточно познакомиться с поэзией Т. Шевченко). Неизбежность сопротивления местных политических элит планам воссоздания Польши в границах I Речи Посполитой предвидели западные политики¹¹. Да и Россия (и белая¹², и красная¹³) не собиралась отказываться от этих территорий, считая их своими по историческому праву (длительное вхождение в состав Российского государства, преемственность с Киевской Русью). То есть все обстоятельства были против возрождения прежней многонациональной Речи Посполитой как эманации Польши.

И все же Пилсудский уже в конце 1918 г. пришел к выводу о необходимости установить восточную границу далеко за пределами бывшего Царства Польского, и для решения этой главной для себя задачи¹⁴ все внимание сосредоточил на создании достаточно сильной польской армии. Накопленный Европой к 1918 г. опыт свидетельствовал, что малые государства не могут вести независимой внешней политики, а свою безопасность могут обеспечивать благодаря покровительству великих держав, расплачиваясь за это частью суверенитета. Объявление США и Антантой этнического принципа как основы переустройства восточной части Центральной Европы и Балкан давало Варшаве право претендовать на территорию, не превышавшую 200 тыс. км², с населением менее 20 млн человек. Такие территориально-демографические параметры (т. е. малого государства) не позволили бы Польше, имея соседями Россию и Германию, самостоятельно обеспечивать свою безопасность¹⁵. Поскольку возможность приращения территории Польши за счет Германии была невелика, создать «стратегическую оборонную область» можно было только на бывших восточных землях Речи Посполитой. К такому решению Пилсудского подталкивало и нежелание руководителей держав Антанты и США решать вопрос о восточной границе в соответствии с претензиями Польши из-за их уверенности в победе антибольшевистских сил в России.

Восточный план Пилсудского предусматривал достижение двух взаимосвязанных целей. Во-первых, имелось в виду включение в состав Польши территорий, достаточных для образования необходимой «стратегической оборонной области», или примерно до линии границы 1921 г. В этом план Пилсудского ничем не отличался от плана Дмовского, известного как «инкорпорационный» и также предусматривавший поглощение Польшей части бывших восточных областей I (шляхетской) Речи Посполитой. А вот дальше начинались расхождения. Пилсудский намеревался воссоздать на остальных землях бывшего Великого княжества Литовского литовско-белорусское государство, которое вступило бы с Польшей в федеративные отношения. Отдельные его части, в зависимости от этнического и конфессионального состава, образовали бы своего рода кантоны: литовский, польско-белорусский — преимущественно католический, белорусский — преимущественно православный. Это позволило бы, соблюдая принцип национальности, сохранить за польским элементом ведущие позиции в экономике и культуре этого государства и в будущем безболезненно интегрировать его в состав Польши. Что же касается украинских земель из состава империи Романовых, расположенных к востоку от «стратегической оборонной области», то там предполагалось помочь созданию союзного Польше и независимого от России украинского националь-

ного государства. В случае успешной реализации этого проекта, считал Пилсудский, удалось бы избежать общей границы с Россией, существенно усилить мощь Польши и чувствовать себя более комфортно на германском направлении. То есть своей восточной политикой он намеревался радикально изменить геополитическое положение Польши. Что касается национальных демократов, то они не верили в чувство признательности как фактор межгосударственных отношений и были против создания литовско-белорусского и украинского государств, полагая, что они станут центрами притяжения для сепаратистских движений литовцев, белорусов и украинцев, принужденных стать гражданами Польши. Оставление этих территорий в составе России, полагал Дмовский, позволило бы Варшаве установить добрососедские отношения с Москвой, а главное внимание сосредоточить на германском направлении.

Таким образом, на пути реализации плана Пилсудского (в литературе его чаще всего называют федералистским) было три главных препятствия: неопределенная позиция великих держав; сопротивление местных национальных политических элит, желавших строить независимые не только от России, но и от Польши собственные государства (Пилсудский надеялся преодолеть это противодействие или военным — Восточная Галиция, Западная Волынь, или дипломатическим — Виленщина — путем); наконец, непризнание как красной, так и белой Россией права Польши на территории, расположенные к востоку от границ бывшего Царства Польского.

История распорядилась так, что на восточном направлении Польше пришлось вести вооруженную борьбу с советскими республиками, УНР, ЗУНР и Литвой, а отношения с белой Россией ограничивались в основном дипломатической сферой. Обычно указывают, что РСФСР по Брестскому мирному договору отказалась от прав на Литву, Западную Белоруссию и Западную Волынь, а в августе 1918 г., выполняя постановления этого договора, Совет Народных Комиссаров РСФСР аннулировал все соглашения Российской империи о разделах Речи Посполитой. Но при этом игнорируется то обстоятельство, что 13 ноября 1918 г. советское правительство денонсировало Брестский мирный договор, а тем самым и вытекающий из него августовский декрет. Поэтому у Москвы, начиная с этой даты, появились законные основания вновь считать Западный край империи своей территорией. Исходя из этого продвижение Красной армии на запад вслед за отходящими немецкими войсками согласно международному праву не было агрессией (наступление Деникина на Украине в 1919 г. также не квалифицировалось как агрессия ни западными державами, ни Польшей).

В историографии, особенно польской, достаточно часто встречается утверждение, что советское руководство планировало военный поход на Запад с целью разжечь там пламя мировой революции. Но одно дело планы, особенно новичков в государственном управлении, каковыми были большевики, а другое дело их реализация. Для начала Красной Армии нужно было победить внутренних врагов и утвердить советскую власть на той части бывшей империи, где достаточно сильными были революционные настроения. Поэтому после того как окончание мировой войны в ноябре 1918 г. не привело к революции в Европе, все свое внимание большевики сосредоточили на внутренних фронтах гражданской войны, а не на экспорте революции. С помощью Красной Армии и местных сторонников они создавали по периметру Великороссии советские национальные государства — прибалтийские, белорусское, украинское, Бакинскую коммуны, Туркестан¹⁶. Свои действия по борьбе с сепаратистскими тенденциями на

окраинах они обосновывали приоритетным значением для трудящихся не национальных, а социальных интересов. Политика удержания окраинных областей бывшей империи под контролем Москвы увеличивала ареал распространения советской власти и заодно помогала конкурировать с поборниками «единой и неделимой» России за влияние на великорусское общество, не желавшее мириться с мыслью о конце великой России. Помнили новые хозяева Кремля и о существенном экономическом и людском потенциале национальных окраин.

Что же касается этнической Польши, то большевики, признав за поляками право на независимость, ни в конце 1918 г., ни в начале 1919 г. не имели конкретного плана вторжения на ее территорию. До второй половины февраля 1919 г. на западном театре военных действий от Финляндии на правом фланге до Белоруссии на левом было сосредоточено несколько достаточно слабых советских армий. Приказ о занятии территорий до линии Поневеж, Вильна, Лида, Барановичи, Пинск советская Западная армия получила 12 декабря 1918 г. Его выполнение не составило большого труда, поскольку красные полки просто следовали за эвакуирующимися немецкими войсками. 3 января 1919 г. части Западной армии заняли г. Вильну (Вильно, Вильня, Вильнюс), который двумя днями ранее оставили немцы и взяли под свой контроль силы местной польской самообороны. К 15 февраля Западная армия достигла заданного рубежа, и начальник штаба ее реввоенсовета Ф.В. Костяев обратился к Г.В. Чичерину с просьбой, весьма неожиданной с точки зрения тех, кто признает наличие у советской стороны конкретного плана советизации Польши. Он писал: «Военная обстановка позволяет дальнейшее продвижение, особенно на Брест-Литовск и Ровно, но политическая обстановка, главным образом со стороны Польши остается неопределенной, посему благоволите указать, до какой линии или до каких пунктов считаете возможным наше продвижение, не нарушая политических соотношений, а также определить восточные границы Польши, которые для военного командования остаются совершенно неизвестными»¹⁷.

В эти же февральские дни 1919 г. советский нарком по иностранным делам настойчиво втолковывал руководителям Литовско-Белорусской советской республики В. Мицкевичу-Капсукасу и С. Пестковскому, что «нам крайне важно устранить опасность войны с Польшей»¹⁸. Но при этом под Польшей советская сторона понимала лишь территорию Царства Польского (Конгрессовки)¹⁹, а районы, входившие в состав Западного края Российской империи, польскими не считала. Право на обладание ими она признавала за советскими Литвой и Белоруссией.

Таким образом, если Пилсудский, определивший для себя цели войны на востоке уже в 1918 г., начинал экспансию, не имея союзников на бывших восточных окраинах I Речи Посполитой, то большевистское правительство таких союзников там имело и считало, что Красная Армия находится на своей, а не чужой территории. И даже после создания 12 февраля 1919 г. единого Западного фронта в данной ему 22 февраля директиве относительно целей наступления ни один населенный пункт в бывшем Царстве Польском не был упомянут²⁰.

А Пилсудский уже 8 февраля с помощью Франции заключил с германским командованием в Белоруссии соглашение о беспрепятственном пропуске через немецкие порядки польских воинских частей, чтобы войти в боевое соприкосновение с Красной армией. 13 февраля 1919 г. в окрестностях Барановичей произошло столкновение польских и советских войск, в плен к полякам попали первые 60 красноармейцев²¹.

Этот день можно считать началом польско-советской необъявленной войны, которая продолжалась 20 месяцев и велась главным образом на землях, которые не были ни польскими, ни русскими, но которые и те, и другие считали своими.

Ход военных действий в 1919–1920 гг. достаточно полно воссоздан усилиями польских и отечественных историков²². В связи с этим есть возможность ограничиться трактовкой отдельных политических моментов войны, важных для понимания непростых в будущем отношений Польши с восточными соседями, а также не совсем «классического» характера этого вооруженного конфликта.

Первым знаковым моментом было занятие польскими войсками Вильно 19 апреля 1919 г. Это был город, на обладание которым претендовали литовцы, белорусы и поляки. У каждого из них были свои аргументы, а у Пилсудского еще и личные мотивы — это был его родной город. Силовое решение вопроса о Вильно имело для плана Пилсудского сугубо негативные последствия. Оно закрыло путь к взаимодействию с литовской национальной элитой, без чего нельзя было создать союзное Польше литовско-белорусское государство, а также подтолкнуло так называемую Ковенскую Литву к сближению с РСФСР, которое завершилось 12 июля 1920 г. подписанием Московского договора, признававшего право Литвы на Вильно. Захват поляками Вильно похоронил также надежды Москвы на мирное урегулирование спорных территориальных проблем с Варшавой²³. В августе 1919 г. польская армия заняла Минск, вышла на линию Березины, т. е. овладела всеми территориями, составлявшими «стратегическую оборонную область» на востоке. Тем самым одна из генеральных целей восточного проекта Пилсудского была достигнута²⁴. Но другой генеральной цели в этом регионе достичь не удалось, литовцы не желали сотрудничать с поляками до тех пор, пока те владели их исторической столицей.

Успешнее реализовался восточный план Пилсудского на украинском направлении. С. Петлюре, которому приходилось вести борьбу и с Красной армией, и с Добровольческой армией А.И. Деникина в отсутствие международного признания УНР как воздух была нужна помощь Польши, главной на тот момент военной силы в регионе. В первой половине 1919 г. произошел плавный переход от вооруженного конфликта к польско-украинским переговорам, которые прошли в августе в Варшаве. Они завершились устным соглашением, по которому УНР уступала Польше Восточную Галицию и Западную Волынь. Взамен польская сторона обязалась помочь УНР в борьбе с УССР. Правда, сделать это можно было не сразу, потому что летом 1919 г. Добровольческая армия двинулась в поход на Москву, и Украина оказалась в полосе ее наступления. У Петлюры не было достаточного количества войск для борьбы с Деникиным, а Польша не могла прийти ей на помощь, поскольку это было бы равнозначно ее конфликту с Антантой.

В момент наибольшей напряженности гражданской войны в России, когда, казалось, что большевиков ждет неминуемое поражение, Пилсудский избрал тактику выжидания. Поддерживая на словах Деникина, направляя в его ставку военные и экономические миссии, он не оказал ему реальной помощи на фронте²⁵. Для полного выполнения восточного проекта Пилсудскому была выгоднее победа красных, а не белых²⁶. И это легко объясняется тем, что при всей нелюбви к большевикам*, он в Белоруссии и

* Сохранилось множество свидетельств уничижительных оценок Пилсудским советского военного и политического руководства, на которые обычно ссылаются как на сви-

на Украине боролся не с большевизмом, а за стратегические границы Польши, ее интересы и безопасность в будущем*.

В сентябре 1919 г. польская армия заметно снизила свою активность в Белоруссии. В рамках проходивших с 11 октября по декабрь 1919 г. на полесской станции Микашевичи переговоров делегаций советского и польского обществ Красного креста, представитель советского правительства Ю. Мархлевский и доверенное лицо Пилсудского И. Бёрнер провели обсуждение политических аспектов двусторонних отношений**. Пилсудский, поставив ряд жестких условий военного и политического характера, дал слово при их выполнении советской стороной не вести активных наступательных действий на Литовско-Белорусском фронте²⁷. Однако полученное через Мархлевского предложение Москвы о заключении мира оставил без ответа, поскольку в этом случае он лишился бы возможности реализовать вторую цель своего восточного плана.

Секретное устное соглашение о перемирии, на которое стороны пошли, хотя руководство РСФСР и не приняло политических требований Пилсудского, было обоюдовыгодным. Зима в том году началась на месяц раньше обычного, и плохо экипированной, испытывавшей трудности со снабжением всем необходимым польской армии нелегко было бы вести активные боевые действия. Следовало дать ей отдых и подготовить к запланированному Пилсудским на весну наступлению на Украине²⁸. Его целью был трансферт Петлюры с помощью польской армии в Киев, чтобы он на территории Правобережной Украины, не отданной Польше, создал независимое от России и дружественное Польше украинское государство. Самостоятельно сделать это Петлюра был не в силах.

В конце 1919 г. советская Россия смогла, наконец, вздохнуть свободнее. Армии Деникина были разбиты, противник очистил Украину, в Киеве в очередной раз была восстановлена советская власть. Теперь реальную опасность для большевиков представляли две силы. Одна из них — остатки Добровольческой армии на юге России. Для ликвидации этого последнего серьезного очага белого движения в европейской части России нужны были значительные силы.

Вторая — польские войска в Белоруссии в непосредственной близости от РСФСР, в состав которой в то время входили Могилевская и Витебская губернии. В советском руководстве ожидали, что в отсутствие мирного договора Польша в любой момент может возобновить наступательные операции на московском направлении²⁹, поэтому в 1920 г. сюда, как и на врангелевский фронт, стали направлять пополнения.

Кремль опасался не только нового стратегического наступления польской армии, но и его координации с действиями белых, тем более что в Польше в середине декабря был сформирован кабинет Леона Скульского, что Москва расценила как свидетель-

детельства его чуть ли не зоологического антисоветизма. Но о людях следует судить не по их словам, а по делам. В определенные моменты Пилсудский предпочитал скорее негласно содействовать большевикам, чем оказывать поддержку белым, к чему его склоняла прежде всего Франция.

* Столь же упорно Пилсудский боролся за стратегические границы своей Родины с буржуазными Чехословакией, ЗУНР, Германией и Литвой.

** Об этих контактах подробно пишет в своей работе о советско-польской войне И.В. Михутина.

ство ослабления позиций Пилсудского и возрастания опасности поворота Польши к политике «уничтожения большевизма, содействия Деникину»³⁰. Нужно было вывести Польшу из игры, склонив ее дипломатическими мерами публичного характера к миру³¹. 22 декабря по радио была передана соответствующая нота правительства РСФСР польскому правительству. Так на польском направлении началось советское «мирное наступление». По времени оно совпало с началом пересмотра Антантой прежнего курса в русских делах. Вместо дальнейшей финансовой и материальной поддержки белого движения великие державы, главным образом Великобритания и Италия, склонялись к идее налаживания торговли с советской Россией ради получения необходимого им продовольствия и сырья. Эта политика должна была также помешать сближению и взаимодействию РСФСР и Германии.

Варшава попала в затруднительное положение, ибо советская нота содержала мотивированное обвинение польского правительства в нежелании заключать мир³². Мировая общественность все настойчивее требовала прекращения военных действий в Восточной Европе, но согласие на переговоры для Пилсудского было бы равнозначно отказу от его восточного проекта, на реализацию которого он потратил уже целый год. Поэтому Варшава затягивала с ответом и одновременно развертывала пропагандистскую кампанию с целью убедить общественность и руководителей стран Антанты в том, что советское руководство готовит нападение на Польшу и военный поход в Европу. Ее руководители, дипломаты и пресса неустанно твердили, что с большевиками нельзя заключать договоры, ибо они их не соблюдают, что они сговариваются с жаждущей реванша Германией и т. д. Лейтмотив всех этих пропагандистских усилий был один: без помощи великих держав деньгами, продовольствием и оружием Польша в этом столкновении не устоит³³.

Конкретизируя советскую мирную инициативу, Совнарком РСФСР 28 января 1920 г. обратился к правительству и народу Польши с изложением основ своей польской политики. Обращение содержало четыре принципиальных положения: РСФСР безоговорочно признает независимость и суверенитет Польши; Красная армия не будет переходить существующей линии фронта в Белоруссии и на Украине; не будут заключаться договоры с Германией и другими странами, прямо или косвенно направленные против Польши; все вопросы двусторонних отношений, включая территориальные и экономические, Москва готова решать мирно, путем переговоров, взаимных уступок и соглашений³⁴. 2 февраля эти предложения СНК были подтверждены сессией ВЦИК Советов. 19 февраля желание начать мирные переговоры на основе предложений СНК РСФСР выразило правительство УССР. Но Варшава эти предложения проигнорировала. Пилсудский ждал весеннего тепла, чтобы продолжить реализацию своего восточного проекта. Непосредственной границы Польши с РСФСР и УССР он ни в коем случае не хотел, поэтому не видел особого смысла начинать переговоры с советской стороной.

8 марта польское правительство наконец обсудило свои требования на будущих мирных переговорах. Сформулированная им программа-максимум предполагала восстановление границ 1772 г., программа-минимум — обеспечение Польше так называемой линии безопасности, проходящей между границей 1772 г. и актуальной линией фронта. Планировалось заключить военный союз с Петлюрой и оказать ему помощь в воссоздании УНР к востоку от линии рек Збруч и Стырь, и даже Горынь. В Варшаве по-

лагали, что восточную границу своего государства украинцы должны будут отвоевать у России самостоятельно. По согласованию с Пилсудским польское правительство отказывалось от создания союзного Польше белорусского государства. Гродненщина и Виленщина должны были войти в состав Польши как ее коренные земли, а на территории Минского округа и «других приобретенных территориях, расположенных восточнее его», планировалось сделать белорусам «уступки в области самоуправления и культуры». Фактически это была бы культурно-административная автономия для территорий, расположенных между инкорпорированными в состав Польши белорусско-литовскими землями и советской Россией³⁵. Таким образом, польское правительство взяло на вооружение восточный проект Пилсудского, скорректированный с учетом провалившегося плана создания союзного Польше литовско-белорусского государства.

Только спустя два месяца после советской инициативы, 27 марта, Варшава дала согласие начать мирные переговоры, причем в прифронтовой полосе, в оккупированном поляками г. Борисове, без прекращения «враждебных действий» на других участках фронта³⁶. Реакция советской стороны на это предложение была однозначно негативной³⁷. Начался безрезультатный диалог о месте и условиях переговоров, так и не закончившийся до начала польского наступления на Украине 25 апреля 1920 г. Предложения о посредничестве, например, эстонского министра иностранных дел А. Бирка, которые делались представителю Польши в Таллинне Б. Боуфалу, отвергались польской стороной с порога под тем предлогом, что «Россия на самом деле не хочет мира»³⁸.

Между тем с марта 1920 г. польское военное командование приступило к непосредственной подготовке к военной операции на Украине, 22 и 24 апреля соответственно были подписаны политический договор и секретная военная конвенция с Петлюрой. О том, сколь огромное значение Первый маршал Польши Пилсудский (именно такое звание было ему присвоено в марте 1920 г.) придавал наступлению на Украине, свидетельствует его решение руководить им лично. До этого главнокомандующий командовал только фронтовой операцией по занятию Вильно в апреле 1919 г.

Было бы неверно считать, что советская сторона все эти месяцы передышки не готовилась к эвентуальному возобновлению военных действий на польском фронте³⁹. Об этом заявляли в публичных выступлениях первые лица советского государства, писали газеты⁴⁰. Успехи в борьбе с белым движением позволили советскому командованию уделить больше внимания укреплению польского фронта⁴¹, но все же он не считался главным и основным. Группировка советских войск на украинском участке польского фронта (12-я и 14-я армии) уступала по численности личного состава примерно в четыре раза противостоявшим ей трем польским армиям и войскам Петлюры, находившимся в оперативном подчинении польскому командованию.

Польское наступление, подготовленное Ю. Пилсудским в обстановке полной секретности (о его дате он до последнего момента не говорил даже своим генералам), оказалось в равной степени успехом и неудачей. Польские и петлюровские войска без труда смяли советские заслоны и за непродолжительное время овладели большей частью Правобережной Украины. 7 мая разведка поляков въехала в центр Киева на трамвае, поскольку Красная Армия оставила город без боя, чтобы не подвергать его разрушению.

Л. Троцкий по горячим следам так объяснял причины неудач на польском фронте: «В течение долгого времени западный фронт оставался на заднем плане; даже после

того как значение его стало возрастать, лучшие силы и средства мы продолжали отправлять на другие фронты. ... фронт был связан как в оперативном, так и в моральном отношении длительным состоянием ожидания мирных переговоров и нашим обязательством не переходить известной черты. Отсюда вполне объяснимо то преимущество, какое получило польское командование, сосредоточив под прикрытием переговоров... значительные силы и ударив ими по линии наименьшего сопротивления — по правобережной Украине»⁴².

Первой реакцией советского руководства на изменившуюся ситуацию стало назначение 29 апреля командующим Западного фронта, прикрывавшего московское направление, М.Н. Тухачевского. Он хорошо зарекомендовал себя на колчаковском фронте и Северном Кавказе и, несмотря на молодость (ему было 27), пользовался полным доверием руководства страны⁴³. Тухачевский решительно взялся за наведение порядка в войсках, пополнил их за счет задержанных дезертиров и призыва местного населения. В итоге Западный фронт стал превращаться в серьезную военную силу, способную вести не только оборонительные, но и наступательные операции.

Кремль, хотя и пережил шок, не возобновил своих мирных предложений. Это означало отказ от переговоров о признании власти Петлюры на Украине и готовность РСФСР и УССР к полномасштабной войне с Польшей. Именно киевский поход Пилсудского спровоцировал польский поход Красной Армии и глубочайший кризис молодой польской государственности, едва не приведший к ее краху.

Успех Пилсудского на Украине оказался эфемерным. Быстрое отступление Красной Армии на Юго-Западном фронте позволило командованию сохранить живую силу. К концу мая он был усилен за счет войск, снятых с врангелевского фронта, в том числе 1-й конной армии С. Буденного. 5 июня Красная Армия прорвала польский фронт на Украине и развернула успешное наступление против польской группировки войск на Украине. После неудачной попытки опрокинуть поляков в Белоруссии в мае, Западный фронт 4 июля перешел в новое, на сей раз успешное наступление. Правда, в ходе этих наступательных операций Красной Армии серьезного урона живой силе противника нанести не удалось, но успех воодушевил сторонников «экспорта революции» в советском руководстве.

16 июля пленум ЦК РКП(б) сформулировал задачу советизации Польши в качестве непосредственной цели войны. Звучавшее накануне пленума предложение советизировать заодно и Литву в его окончательное решение не вошло⁴⁴. Тем самым было решено сохранить в силе подписанный 12 июля 1920 г. в срочном порядке мирный договор с этой республикой. Учитывая начавшиеся тогда же переговоры об установлении торговых отношений с некоторыми западными странами, в первую очередь с Великобританией, советское руководство сочло нецелесообразной прямую советизацию Польши с помощью только Красной Армии. Вместо этого было решено навязать Варшаве «мир победителя»: заставить ее разоружиться, сократить вооруженные силы до 50 тыс. человек и согласиться на создание рабочей милиции из коммунистов и левых социалистов. Созданный 30 июля в Белостоке Временный Польский революционный комитет должен был организовать собственную Красную армию, которая совместно с рабочей милицией установила бы в Польше советскую власть. Таким образом надеялись избежать обвинений в «экспорте революции». Москва даже пыталась заручиться поддержкой своих условий мира с Польшей со стороны Лондона, для чего туда в

августе была направлена советская делегация во главе с Л. Каменевым, но британский премьер Д. Ллойд Джордж идею рабочей милиции отверг.

Успехи Красной Армии оказались столь же непрочными, как и польские несколькими месяцами ранее. Но понимание этого появилось довольно поздно. Так, 13 августа 1920 г., т. е. в момент, когда решалась судьба польской кампании, Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о выводе из состава Юго-Западного фронта наиболее боеспособных частей для укрепления создававшегося Южного фронта против Врангеля⁴⁵.

Переход Красной Армией линии Керзона имел двойные последствия. С одной стороны, созданный в конце июля чрезвычайный орган власти в Польше — Совет обороны государства — лишил Пилсудского монополии на ведение восточной политики и принял решение приступить к мирным переговорам с РСФСР. Местом для их проведения был избран Минск. После ряда проволок 17 августа мирная конференция приступила к работе.

С другой стороны, в Польше наблюдался рост патриотической активности, сопровождавшийся притоком добровольцев, из которых была сформирована отдельная армия. По мере приближения Красной армии к польской столице возрастало сопротивление ее защитников. Перелом в Варшавском сражении наметился в середине августа 1920 г., когда советские войска были остановлены и потеснены в сражении под Радзымином и на севере. 16 августа ударная группировка под командованием Пилсудского, обойдя по флангу советскую Мозырскую группу, вышла в тыл Красной Армии. Вслед за этим началось наступление на других участках фронта. Польша была спасена от казалось бы неминуемого поражения. Произошло то, что с легкой руки близкого эндекама публициста С. Строньского получило название «чуда над Вислой» (этот недоброжелатель Пилсудского в одной из своих статей тогда написал, что Польшу от большевистского нашествия может спасти только «чудо над Вислой», и когда в августе 1920 г. военное счастье улыбнулось полякам, этот откровенный выпад в адрес Пилсудского не только не был забыт, но стал общепринятым определением победы под Варшавой).

В ходе дискуссии о причинах поражения Красной Армии, которая ведется с той поры до сегодняшнего дня, выявляются и обнаружуются все новые данные. Например, в 1990-е гг. выяснилось, что поляки сумели раскрыть шифр, использовавшийся штаб Западного фронта, и знали все директивы Тухачевского армиям, которыми он командовал, находясь в Минске, в сотнях километров от фронта. Это проливает новый свет на истинные заслуги Пилсудского в разработке Варшавской наступательно-оборонительной операции.

Варшавское сражение, при всем трагизме судеб его участников по обе стороны фронта, сыграло роль холодного душа, остудившего излишне горячие головы. Поляки, несмотря на успехи на поле брани, не отказались от продолжения мирных переговоров. Теоретически они могли продолжить боевые действия до холодов, попытаться, как и годом ранее, переждать зиму на завоеванных позициях, а весной возобновить наступление, правда, с результатом, который никто не мог с уверенностью предсказать. Ведь маятник удачи вполне мог качнуться в обратном направлении.

У советской стороны в условиях поражения на польском фронте и сохранения врангелевской угрозы не оставалось другого приемлемого выхода, как отказаться от «мира победителя» в пользу «мира соглашения». Во-первых, чтобы до начала зимы

справиться с Врангелем и покончить с этим последним очагом гражданской войны в европейской части страны следовало перебросить войска с польского фронта. Во-вторых, без мира с Польшей нельзя было наладить экономического сотрудничества с Западом, по крайней мере, с Великобританией и Италией.

21 сентября 1920 г. в Риге начался второй раунд переговоров о перемирии и preliminary условиях мира, 18 октября боевые действия были остановлены. В ноябре стороны приступили к согласованию окончательных условий мирного договора. После непростых длительных переговоров был достигнут взаимоприемлемый компромисс. Первым, 24 февраля 1921 г., стороны заключили соглашение о репатриации заложников, гражданских пленных, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов, и уже в марте приступили к его реализации. В общей сложности из советских республик в Польшу и в обратном направлении на основании этого соглашения только за 1921–1922 гг. было перемещено около 800 тыс. человек⁴⁶. Из около 157 тыс. оставшихся в польском плену красноармейцев домой вернулись только 75 699 человек. Примерно 25–28 тыс. умерли в плену от болезней, холода и голода, другие перешли в антисоветские формирования Б. Савинкова, С. Петлюры, С. Булак-Балаховича и др., бежали из лагерей, были освобождены в ходе наступления Красной армии летом 1920 г., остались в Польше и т. д.⁴⁷ Максимальная численность польских пленных в советских республиках оценивается примерно в 42 тыс., из них по репатриации возвратилось домой около 35 тыс. человек⁴⁸.

18 марта 1921 г. делегации РСФСР (выступала и от имени БССР) и УССР, с одной стороны, и Польши, с другой, урегулировав основные спорные вопросы, подписали мирный договор. По нему Польша получила то, что могла иметь уже в конце 1919–начале 1920 г.: непосредственную границу формально с БССР и УССР, а фактически с Россией. План Пилсудского по созданию буфера между Польшей и Россией не был реализован не только на литовско-белорусском, но и на украинском направлении. Правда, польской стороне удалось не допустить общей границы России с Литвой, что облегчало бы советско-германское сотрудничество, но это было слабое утешение для маршала.

Державы Антанты, закрепившие в Версальском договоре право признания восточной границы Польши за собой, сделали это лишь в марте 1923 г. Именно тогда завершился начавшийся в ноябре 1918 г. процесс оформления государственной территории Польской республики. Но при этом они не ссылались на Рижский мир, демонстрируя тем самым свое нежелание однозначно встать на сторону Варшавы в этом территориальном споре.

Итак, понадобилось почти три с половиной года и более 50 тыс. жизней военнослужащих, чтобы Польша смогла найти для себя более или менее устраивавшее ее геополитическое место на карте Европы. Вековая борьба поляков за независимость успешно завершилась, они решили главную национальную задачу, обретя суверенность и государство. II Речь Посполитая, на этот раз Польская, была относительно крупным государством площадью 388,6 тыс. км² и, согласно переписи 1921 г., с населением 27 177 тыс. человек. Доля лиц польской национальности по официальным данным составляла в нем лишь 69,2%, что делало Польшу однозначно многонациональной страной. «Высекание польских границ мечом» привело к тому, что из соседних стран ее союзниками стали только Румыния и в какой-то мере Латвия.

Все другие соседи, включая Германию и Россию, не испытывали чувств симпатии к Польше, более того, имели к ней серьезные претензии территориального и этнического характера.

1.4. Конфликт между Ю. Пилсудским и парламентом по вопросам внешней и военной политики. Конституция 1921 г.

Неподконтрольность действий Пилсудского на восточном направлении сейму не вызывала серьезных протестов политических партий до тех пор, пока польской армии сопутствовал успех. Критика главнокомандующего в это время была более чем умеренной, а после удачного начала кампании на Украине в 1920 г. его чествовали как национального героя. Возвратившегося 18 мая 1920 г. в столицу с фронта Пилсудского приветствовала вся Варшава. После торжественного богослужения в костеле св. Александра на площади Трех крестов молодежь выпрягла лошадей из экипажа и сама отвезла триумфатора в Бельведер. Вечером того же дня в парламенте ему был устроен горячий прием, депутаты сейма единогласно приняли благодарственный адрес «победителю большевиков». Одним словом, весь политический бомонд Польши слился в едином порыве с начальником государства и главнокомандующим. Но когда спустя некоторое время польская армия стала поспешно отступать, сначала на Украине (июнь), а затем и в Белоруссии (июль), на вчерашнего кумира обрушился поток жесточайшей критики. Пилсудского даже называли большевистским агентом, поддерживавшим связь с Лениным по секретной телефонной линии.

Для Пилсудского неудача на восточном фронте имела серьезнейшие последствия. Сейм, трезво оценив масштабы грозящей Польше катастрофы, наконец-то решился вернуть начальника государства в конституционные рамки, лишив монополии на проведение восточной и военной политики. 1 июля 1920 г. парламентом был создан Совет обороны государства (СОГ), коллегиальный орган, предназначенный для решения всех вопросов войны и мира. В СОГ вошли Пилсудский (председатель), премьер (вначале В. Грабский, затем В. Витос) и важнейшие члены кабинета министров, представители парламентских клубов, начальник Генерального штаба. Члены СОГ занимались не только кабинетной работой, но и выезжали на фронт, поднимая боевой дух солдат. На заседании совета 19 июля Р. Дмовский даже поставил вопрос о замене Пилсудского на посту главнокомандующего. Предложение не прошло, но маршал подал В. Витосу заявление об отставке с открытой датой⁴⁹, вручив тем самым судьбу своей военной карьеры в руки главы сформированного сеймом первого кабинета большой коалиции, известного как правительство национального спасения.

По решению СОГ В. Грабский в начале июля обратился к Верховному Совету Антанты, заседавшему в бельгийском Спа, с просьбой помочь Польше, в том числе и с заключением мира с советскими республиками. Сторонники Пилсудского практически были лишены реального влияния на ход мирных переговоров в Минске, а затем в Риге в августе 1920 — марте 1921 г. Их использовали главным образом только как экспертов, основные политические, хозяйственные, гуманитарные и территориальные вопросы решал руководитель польской делегации пястовец, вице-министр иностранных дел

1. Домбский и представители сейма. Единственной самостоятельной внешнеполитической акцией Пилсудского на заключительном этапе польско-советской войны было инспирирование «бунта» Литовско-белорусского корпуса под командованием генерала Л. Желиговского 8 октября 1920 г. с целью захвата Вильно, переданного советской стороной литовцам в соответствии с июльским 1920 г. мирным договором. А вот предпринятая им после подписания прелиминарного мирного договора попытка создать совместно с Петлюрой польско-украинские части для вторжения на советскую Украину была разоблачена. Ее резко раскритиковали эндеки, в том числе в сейме. В результате Пилсудский вынужден был приказать В. Славеку, своему самому, пожалуй, доверенному сотруднику, отвечавшему за этот проект, отозвать польских волонтеров⁵⁰.

Опасения правых и центристов перед чрезмерными властными амбициями и непредсказуемостью шагов Пилсудского повлияли на содержание Конституции страны, принятой сеймом 17 марта 1921 г. Она должна была вступить в действие после парламентских выборов, теперь уже на всех территориях, которые удалось включить в состав Польши. В ее основу была положена французская конституция 1875 г. Польский Основной закон, один из наиболее демократичных на тот момент в мире, практически не содержал положений, хотя бы в малейшей степени ограничивавших демократические принципы, создавал достаточные условия для формирования в стране гражданского общества. Фиксация в нем обязательств в области охраны прав национальных меньшинств, навязанных Польше в Париже в июне 1919 г., была равнозначна признанию ее многонационального характера. Иногда как на изъясн Основного закона указывают подчеркивание в нем особого места религии большинства граждан Польши — католицизма. Но при отсутствии каких-либо ограничений для других вероисповеданий это положение не имело серьезных негативных последствий для их адептов. Все зарегистрированные церкви получали государственные дотации.

В экономической сфере констатировалась свобода предпринимательства и неприкосновенность частной собственности. За государством признавалось право отступать от этой нормы лишь в случаях, обусловленных высшими общественными интересами, но за соответствующую компенсацию. Это было весьма важной оговоркой, принимая во внимание остроту аграрного вопроса и ограниченные возможности его решения за счет государственного земельного фонда. Открывался путь к поиску приемлемого для крестьян и крупных земельных собственников решения о способах перераспределения сельскохозяйственных угодий, обойдя принцип безвозмездной конфискации земель, противоречащий нормам правового государства.

Конституция, ставшая важной вехой в процессе становления польской государственности, устанавливала полномочия отдельных институтов власти. В соответствии с принципами демократии власть делилась на три независимые ветви: законодательную, исполнительную и судебную. В Польше вводился двухпалатный парламент в составе сейма (нижняя палата, 444 депутата) и сената (верхняя палата, 111 депутатов). Срок его полномочий составлял 5 лет. Парламент не отражал многонационального характера государства, обе его палаты формировались в ходе всеобщих выборов, различался только возрастной ценз избирателей и избираемых (21 и 25 лет в сейм, 25 и 40 лет в сенат). Каждая из палат имела собственные руководящие органы во главе с соответствующим маршалом (председателем) и работала независимо от другой. Главной палатой был сейм, именно он окончательно принимал законы, утверждал и отзывал

правительство и отдельных министров, ратифицировал международные договоры, имел право досрочно прекращать полномочия парламента.

Сенат мог лишь предлагать поправки в проекты законов, принятые нижней палатой (которая имела право их отклонить), не обладал правом вето и не участвовал в формировании кабинетов министров. Как равноценный сейму институт власти сенат выступал лишь на совместном заседании обеих палат парламента во время выборов президента страны. Ему также было гарантировано право совместно с президентом принимать решение о роспуске верховного законодательного органа.

Высшими органами исполнительной власти были президент и Совет министров. Глава государства по статусу стоял ниже парламента, поскольку избирался в ходе не прямых, а двухступенчатых выборов (вначале избирались члены парламента, являвшиеся одновременно выборщиками президента, а затем уже они решали, кто будет главой государства). Эту важную функцию депутаты сохраняли на весь срок полномочий парламента. К полномочиям президента относились: формально предлагать сейму кандидатуру премьер-министра, определяемую в ходе межфракционных консультаций; подписывать принятые сеймом законопроекты перед их публикацией в вестнике законов «Монитор польски», после чего они приобретали силу закона; роспускать парламент при согласии на это необходимого квалифицированного большинства в сенате; представлять государство на международной арене; миловать осужденных; принимать верительные грамоты. В мирное время президент был Верховным главнокомандующим Вооруженными силами Польши.

Ограниченность полномочий президента стала следствием небезосновательного опасения правых и центристов, что на этот пост будущий парламент, состав которого в марте 1921 г. трудно было предсказать, изберет Ю. Пилсудского. Их взаимная неприязнь, усугубленная киевской авантюрой Пилсудского, чуть ли не стоившей Польше независимости, вполне может рассматриваться как важная причина слабости польской демократии образца 1921 г.

Несомненно, с оглядкой на Пилсудского законодатели сознательно усложнили процедуру изменения Основного закона. Согласно статье 125, это мог сделать парламент первого созыва большинством в 2/3 в присутствии не менее половины членов сейма и сената, или же сейм второго созыва, большинством в 3/5, при том же количестве участников голосования.

Завершая характеристику польской Конституции 1921 г., следует подчеркнуть, что она наделяла сейм не только законодательной и контрольной функциями, полностью подчиняла ему исполнительную власть, но, что очень важно, практически исключила возможность досрочного роспуска парламента. То, что президент имел весьма ограниченные prerogatives, соответствовало духу французского эталона польского Основного закона. Но во Франции конституция была результатом длительного процесса демократизации общества, в большей степени соответствовала реальной расстановке социальных и политических сил, позволяла поддерживать между ними необходимое равновесие. Польская же конституция была документом «на вырост». Предложенная в 1921 г. Польше модель демократии не имела под собой прочного фундамента, обществу еще только предстояло научиться жить в условиях непрерывного поиска консенсуса между устремлениями отдельных социальных и национальных групп населения. Без этого власть становилась инструментом реализации интересов не общества в целом, а

отдельных партий, лидеры которых буквально культивировали групповые ценности и собственное честолюбие, а не заботу о всеобщем благе.

Парадокс заключался еще и в том, что партии, пойдя на компромисс при создании политической системы, не отказались от своего общественного идеала не только в теории, но и в повседневной деятельности. Национальные демократы по-прежнему стремились создать государство только для этнических поляков, хотя конституция закрепляла его многонациональный характер; социалисты все свои усилия направляли на перевод Польши на рельсы социализма; в рядах крестьянского движения, особенно в его молодежном крыле, начиналась разработка идеи государства для крестьян (аграризм). Украинцы, немцы и белорусы в принятии конституции не участвовали и не считали Польшу своим государством, хотели покинуть его вместе с территорией своего проживания и объединиться с соплеменниками в сопредельных странах. Сионистские партии также не считали Польшу своей родиной, призывали евреев к эмиграции в Палестину. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после введения конституции в действие выяснилось, что закрепленная в ней политическая система оказалась в буквальном смысле «сиротой при живых родителях».

Понимал ли это Пилсудский? Скорее всего, да, но его возможности изменить ситуацию были пока незначительными. Принятые с оглядкой на него постановления конституции о прерогативах главы государства лишали в его глазах пост президента всякой привлекательности. Если учесть честолюбие и убежденность маршала в том, что именно его усилиями была восстановлена польская государственность, то следует признать, что у Пилсудского не было лучшего выхода, как на время уйти с политической сцены в тень и дожидаться того момента, когда общество осознает всю опасность поведения политических партий. Поэтому его отказ от выдвижения собственной кандидатуры на пост президента в ноябре 1922 г. был вполне предсказуемым и объяснимым.

Особую тревогу вызывало у Пилсудского будущее армии. Несомненно, что и после окончания военных действий на востоке и в Верхней Силезии маршал не считал будущее Польши надежно обеспеченным. Самую прочную гарантию безопасности страны он видел в армии. Пилсудский не мог и не хотел согласиться с тем, что авторы конституции, вводя в нее принцип ответственности всех без исключения членов правительства, в том числе и военного министра, перед парламентом, автоматически делали эту должность политической, зависимой от партий, с их борьбой, компромиссами, конъюнктурностью и т. д. Маршал был убежден, что, являясь политической фигурой, военный министр с неизбежностью будет вносить политику в армию, в то время как она должна оставаться аполитичной. И хотел этому помешать. Именно выведение армии за рамки текущей политической борьбы оказалось главной заботой маршала в период с января 1921 г. до установления диктатуры в 1926 г.

7 января 1921 г. Пилсудский издал декрет об организации верховного военного командования, определявший полномочия двух органов — Полного и Узкого военных советов. Первый из них, наделенный правами совещательного органа по важным военным вопросам, возглавлялся главой государства. Его заместителями были военный министр и генерал, предназначенный занять пост главнокомандующего во время войны. Второй совет, во главе с этим генералом, руководил работой, связанной с общей подготовкой к войне, разработкой оперативных планов и вопросами обороны. Решения

Узкого совета были обязательны для военного министра и начальника Генерального штаба, которые руководили текущей работой в армии в мирное время. В обязанности этого органа входила также оценка компетентности высшего командного состава (начиная с уровня командиров полков). Ни для кого не было секретом, что на посту главнокомандующего Вооруженными силами во время войны Пилсудский видел только себя (старший по званию, наличие соответствующего опыта, авторитет в армии и т. д.). С помощью декрета он сохранял за собой полную власть над армией в мирное время и был в своей деятельности абсолютно свободным, в том числе и от всякого контроля со стороны парламента.

Выбор Пилсудским армии в качестве главной сферы своей деятельности не означал, что после принятия конституции политика перестала его интересовать. Маршал был государственным человеком, и интересы государства, так как он их понимал (независимость, сплоченность общества, сила, авторитет) были для него приоритетными. Свидетельством того, что начальник государства не собирался без борьбы уступать политическое поле своим противникам, можно считать вызванный им летом 1922 г. правительственный кризис. Пилсудский не согласился с решением сейма о создании правительства во главе с лидером христианских демократов В. Корфанты и, используя недостаточно конкретное положение Малой конституции, что «начальник государства назначает правительство в полном составе по согласованию с сеймом», отказался подписать соответствующий документ. Более того, без консультаций с сеймом поручил формирование нового кабинета министров своему давнему стороннику А. Сливиньскому. Этим своим шагом начальник государства проигнорировал одну из главных прерогатив парламента и фактически поступил как глава президентской республики. Решение Пилсудского, как и следовало ожидать, не нашло поддержки у большинства депутатов сейма. Поскольку никто из участников конфликта не желал идти на уступки, возникла патовая ситуация.

Лишь в июле 1922 г. удалось найти устраивавшее оппонентов решение. Очередное внепарламентское правительство было поручено сформировать Юлиану Новаку, профессору-микробиологу, ректору Ягеллонского университета в Кракове, человеку, абсолютно неизвестному в политических кругах Варшавы. Именно на его долю выпало проведение выборов в новый, на этот раз двухпалатный парламента. Как оказалось, такое решение не помешало правым и центристам сохранить и даже укрепить свои позиции в парламенте. Их лозунги типа «Поляк — значит католик» и проекты «государства для поляков» оказались более востребованными избирателями-поляками, чем обещания построить многонациональное государство социальной справедливости.

II.1. ПЕРВЫЙ КРИЗИС РЕЖИМА ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

28 июля 1922 г. учредительный сейм, главной задачей которого была выработка конституции, наконец-то решился на прекращение своих полномочий, назначив выборы в нижнюю и верхнюю палаты на 5 и 12 ноября 1922 г. соответственно. Выборы 1922 г. существенно отличались от предыдущих. Теперь избиратели могли судить о партиях и политиках не только по предвыборным обещаниям, но и по конкретным делам. Парламент показал себя влиятельным органом власти, а конституция еще больше укрепляла его ведущую роль в государстве. Должность депутата была не только престижной, но и материально выгодной. Поэтому в желающих попасть в партийные списки кандидатов в депутаты недостатка не было.

Закон о выборах в парламент предусматривал избрание в многомандатных избирательных округах 372 из 444 депутатов сейма и 93 из 111 сенаторов; остальные места предназначались для так называемых государственных списков и делились пропорционально между партиями, сумевшими провести своих кандидатов не менее чем в 6 избирательных округах.

Число борющихся за мандаты партий и организаций в 1922 г. достигло 25, что было существенно больше, чем в 1919 г. Участвовать в выборах на этот раз решились и коммунисты. Загнанные в подполье, они нуждались в парламентской трибуне и депутатской неприкосновенности, чтобы беспрепятственно пропагандировать идеи революции. Для легального участия в избирательной кампании им удалось зарегистрироваться под названием Союз пролетариата городов и сел. И тем не менее в ряде округов их списки были признаны недействительными, а кандидаты в депутаты арестованы.

Новый крупный отряд избирателей составили белорусы, украинцы, немцы, евреи, русские. Своей главной политической задачей национальные меньшинства считали создание условий для свободного развития собственного языка и культуры, равного доступа к образованию всех уровней и в органы местной администрации. Общность целей позволила их лидерам договориться о создании единого блока и выдвижении единых избирательных списков. Вне блока остались сионисты и бундовцы, а украинские партии Восточной Галиции призвали к бойкоту выборов в регионе как неправомочных. Лишь небольшая проправительственная партия «хлеборобов» решилась на участие в выборах. Отмечались также случаи принуждения польскими помещиками батраков-украинцев под угрозой увольнения к голосованию за эндеков⁵¹.

Решили попробовать свои силы и пилсудчики. Ими были созданы умеренно консервативные Национально-государственная уния и Государственное объединение на окраинах, отстаивавшие верховенство государственных ценностей над всеми иными. Однако часть адептов маршала избрали более надежный путь к мандатам, баллотируясь по спискам ПСЛ «Пяст», ПСЛ «Вызvolение» и ППС.

Главной партией на левом фланге польской политической сцены была ППС. Своих избирателей она мобилизовала обещанием бороться за создание «независимой социалистической республики» и установление «народного правления», а также за обеспечение действительного равенства национальных меньшинств, развитие просвещения, повышение роли самоуправления.

Крестьянские партии, после неудачного опыта объединения их парламентских фракций в учредительном сейме, не спешили блокироваться, хотя и понимали, что борьба за землю еще не завершена, ибо с момента вступления в силу конституции закон 1920 г. об аграрной реформе войдет с ней в противоречие и перестанет действовать. На совместное участие в избирательной кампании пошли лишь «Вызволнение» и часть ПСЛ-левицы, другая ее часть, во главе с самыми известным лидером партии Я. Стапиньским, от взаимодействия отказалась. Помимо них за крестьянские голоса левого сельского электората боролась небольшая Радикальная крестьянская партия, возглавлявшаяся священником Э. Оконеком. Второй ее видный деятель, Т. Домбаль, депутат учредительного сейма, выйдя на свободу после ареста за революционную пропаганду, эмигрировал в советскую Россию и работал в Коминтерне над созданием Крестьянского Интернационала.

За центристский электорат боролись обладавшие развитыми организационными структурами и многочисленным активом ПСЛ «Пяст» и Национальная рабочая партия, а также достаточно эфемерные Польский центр, Мещанский центр, Мещанское объединение, Национальное народное объединение. Для их программ было характерно сочетание требований проведения государством ряда мероприятий в пользу трудящихся и умеренно националистических положений.

Национальные демократы, чтобы не потерять голоса сторонников, и на этот раз убедили другие идеологически близкие им партии выступить единым блоком. Образованный 16 августа 1922 г. блок в составе правых Народно-национального союза, Национально-христианской народной партии и центристской Христианской демократии получил название Христианское национальное единство (Chrześcijańska Jedność Narodowa — Chjena (Хъена)). Получилась аббревиатура, по звучанию похожая на «гиену» (hiena), что тут же было использовано в пропагандистских целях соперниками национальных демократов. Основной огонь своей критики блок сосредоточил на левых партиях, защищаемом ими «непосильном» для предпринимателей социальном законодательстве, чрезмерных политических правах и свободах, до которых массы «не созрели», а также на партиях национальных меньшинств, намеревавшихся лишить польскую государственность «национального характера».

Предвыборная кампания показала, что и после принятия конституции, определившей политическую систему страны, партии борются не только за мандаты и право участвовать в законотворчестве и формировании органов исполнительной власти, но и за возможность реализовать собственное видение оптимального для польских условий государства. То есть борьба за характер государственного устройства как и прежде рассматривалась партиями в качестве все еще актуальной задачи.

Результаты выборов в сейм и сенат свидетельствовали о достаточно большом интересе электората к этой демократической процедуре (явка составила 67,78%, при бойкоте украинцами и частично белорусами) и вновь подтвердили, что среди польских избирателей доминируют правые предпочтения. Блок Хъена получил 28,8% голосов и 169 из 444

мандатов. Но если учитывать распределение мандатов лишь между польскими партиями, то правым отдали предпочтение порядка 47% поляков. Вторым среди польских партий по числу сторонников и завоеванных мандатов было ПСЛ «Пяст» – 12,9% (70 мандатов). НПП поддержало 5,36% избирателей (18 мандатов). Среди левых лидировало ПСЛ «Вызволение» – 10,9% голосов (49 мандатов). За ППС свои голоса отдало 10,1% избирателей (41 мандат), т. е. популярность левых по сравнению с 1919 г. снизилась на 6%. Провели своих кандидатов в сейм ПСЛ-левица и Радикальная крестьянская партия. Блок национальных меньшинств получил поддержку 15,1% избирателей (66 мандатов), сионисты – 2,9% (17 мандатов), «хлеборобы» – 1% (5 мандатов), коммунисты – 1,38% (2 мандата).

Избиратели проигнорировали партии, созданные пилсудчиками. В сейм прошли только те сторонники маршала, которые баллотировались по спискам других партий. Распределение мандатов в сенате в доленом отношении было примерно таким же, как и в сейме. В результате выборов в нижней палате оформилось 14 фракций. Правые обладали 125 местами (христианские демократы создали собственную фракцию и позиционировали себя как центристы), центристы – 132, левые – 98, национальные меньшинства – 89 мандатами. В целом выборы 1922 г. не скорректировали главной негативной особенности предыдущего сейма: и на этот раз ни одна политическая опция не имела абсолютного большинства мест. Это означало, что прежние четыре возможные правительственные конфигурации сохранят свою актуальность в течение следующих 5 лет, пока будет заседать парламент первого созыва.

К поиску компромисса пришлось приступить практически безотлагательно, уже при выборе маршалов верхней и нижней палат парламента. Быстрее всего о взаимодействии договорились эндеки и пястовцы. Их голосами маршалом сейма был избран член руководства ПСЛ «Пяст» Мацей Ратай, а маршалом сената – эндек В. Тромпчиньский, бывший спикер учредительного сейма. Но взаимодействия крупнейших польских фракций в парламенте при выборах президента не получилось. Несомненно, наибольшие шансы занять этот пост были у начальника государства маршала Ю. Пилсудского.

Он единственный из политиков и государственных деятелей имел соответствующий опыт, да и его авторитет в обществе был достаточно высоким. Однако Пилсудский категорически отверг сделанное ему левыми фракциями предложение баллотироваться в президенты. Свой отказ он мотивировал недостаточностью полномочий у главы государства и его зависимостью от сейма и правительства. В конечном счете в бюллетенях для голосования оказались фамилии второстепенных политиков и государственных деятелей: «Вызволение» предложило кандидатуру профессора Габриэля Нарutowича, занимавшего различные правительственные посты, в том числе министра иностранных дел в правительстве Ю. Новака, «Пяст» – С. Войцеховского, бывшего социалиста, в конце XIX в. печатавшего вместе с Пилсудским газету «Роботник», а затем деятеля кооперативного движения, министра внутренних дел в правительствах Падеревского и Скульского (эту кандидатуру поддержал Пилсудский), ППС – И. Дашиньского, правые – крупного землевладельца князя М. Замойского, финансировавшего во время мировой войны деятельность Польского национального комитета, блок национальных меньшинств – Я. Бодуэна де Куртене, профессора, известного польского и русско-го лингвиста, либерала по убеждениям.

В пятый, последний тур голосования вышли Г. Нарutowич и М. Замойский, кандидаты диаметрально противоположных политических лагерей. За Нарutowича

готовы были голосовать «Вызволнение», ППС, НПР и национальные меньшинства, за Замойского — партии Хьены. Окончательный выбор зависел от «Пяста». Несмотря на то, что ПСЛ «Пяст» еще со времен мировой войны предпочитало взаимодействовать с национальными демократами, на этот раз оно нарушило эту традицию: депутаты этой крестьянской партии не могли без потери лица поддержать латифундиста. 9 декабря 1922 г. Польша обрела своего первого демократически избранного президента. Им стал кандидат от левой крестьянской партии Г. Нарutowич, получивший 289 голосов против 227 у соперника при 29 недействительных.

Имея за собой поддержку более половины избирателей-поляков, правые и правый центр не собирались соглашаться с тем, что главные государственные посты (президента, маршала сейма и с очень большой долей вероятности — премьер-министра) будут в руках левых и левоцентристов, поддерживаемых партиями национальных меньшинств. Кроме того для правых не было секретом, что и ПСЛ «Пяст», и НРП, как и они сами, считают, что Польшей должны управлять польские партии. Поэтому национальные демократы и их союзники развернули мощнейшую пропагандистскую кампанию, формально направленную против президента, а фактически — на раскол коалиции и привлечение на свою сторону центристов. Они представили избрание Нарutowича как пощечину избирателям-полякам. Особенный акцент делался на то, что чашу весов в его пользу перевесили голоса депутатов от национальных меньшинств. Национальные меньшинства, таким образом, объявлялись враждебной полякам силой, не имеющей права участвовать в принятии судьбоносных для страны решений. В прессе правых партий, на организуемых ими митингах и собраниях президента представляли как «креатуру евреев», препону на пути к «подлинно национальному польскому государству», «безбожника», чья клятва на Библии не будет иметь силы. Организованное правыми давление на центр было столь сильным, что во фракции ПСЛ «Пяст» появились сомнения в правильности занятой ею позиции. На ее заседании была сформирована делегация для переговоров с Нарutowичем с заданием склонить его к отказу от поста главы государства. Но избранный президент, которого с трудом уговорили выставить свою кандидатуру на выборах, проявил твердость и решил не отступать.

Особенно бурные акции протеста в Варшаве прошли в день приведения Нарutowича к присяге 11 декабря 1922 г. Правые депутаты бойкотировали этот торжественный и символический для независимой Польши акт, главные события разыгрывались на улицах. Центр столицы стал свидетелем массовых демонстраций противников Нарutowича. Открытый экипаж, в котором президент направлялся в здание парламента, забрасывали комьями грязного снега, один из которых угодил ему в лицо. Несколько демонстрантов с дубинками в руках вскочили на подножку президентского экипажа. Собравшаяся на площади Трех крестов толпа пыталась помешать проходу депутатов и сенаторов на торжественную церемонию, чтобы не было кворума. Поскольку полиция не проявляла ни малейшего интереса к происходящему, пепезовцы призвали на помощь свою партийную милицию. На подступах к улице Вейской, где находился парламент, начались потасовки, в ход были пущены револьверы. В результате перестрелки один дружинник погиб, были раненные. И все же правым не удалось сорвать процедуру присяги нового президента страны.

Следует сказать, что демонстрации не были стихийными, руководство ими осуществлялось из офиса правления Общества развития хозяйственной жизни в Польше «Розвуй», известного своим антисемитизмом и тесными связями с национальными

ми демократами. Наибольшую активность проявляли депутаты сейма от Народно-национального союза Р. Ильский и Т. Дымовский. У современников событий, а затем и у историков сложилось убеждение, что массовые выступления недоброжелателей Нарutowича были делом национальных демократов. В действительности же была еще одна сила, заинтересованная в дестабилизации обстановки, — пилсудчики. Уличные беспорядки, в организации которых явное участие принимали правые, препятствовали дрейфу центристов в направлении национальных демократов, способствовали дальнейшему сохранению и упрочению пропрезидентской коалиции. В пользу такого предположения говорит то, что Т. Дымовский был агентом находившегося под безраздельным контролем пилсудчиков II отдела польского Генерального штаба (эта спецслужба ведала вопросами разведки и контрразведки). Он и в прежние годы был замечен в авантюрах сомнительного свойства: в январе 1919 г. — в заговоре Сапеги—Янушайтиса, в начале августа 1920 г. — в якобы планировавшемся покушении на Пилсудского. Эти акции только на первый взгляд были выгодны правым, на самом же деле они служили интересам Пилсудского. Ни в январе 1919 г., ни во время наступления Красной армии на Варшаву, ни в декабре 1922 г. лидеры ННС не планировали силового захвата власти. Они были сторонниками удовлетворения своих властных амбиций исключительно легальными методами. Что же касается бездействия варшавской полиции, то это можно объяснить наличием среди ее высокопоставленных чинов немалого числа агентов «двойки».

Несомненно, события 11 декабря создали дополнительные препятствия морального свойства для тех депутатов-центристов, которые не прочь были сотрудничать с правыми в предстоявшем деле формирования правительства. Что касается левых депутатов, то они после церемонии присяги президента постарались еще больше углубить раскол в парламенте. Вся вина за беспорядки возлагалась ими на правых, а ЦИК ППС призвал рабочих к забастовке протеста. События имели продолжение вечером того же дня. На конфиденциальном заседании кабинета министров с участием маршала сейма М. Ратая Пилсудский заявил, что в ситуации, когда нарушается порядок, президент подвергается оскорблениям, а правительство не реагирует, он просит «дать ему власть», чтобы «успокоить улицу». Участники заседания отказали Пилсудскому, понимая, что согласие было бы равнозначно не просто продлению полномочий начальника государства, но и создавало бы сложную правовую ситуацию в верхних эшелонах власти.

14 декабря в Бельведере состоялась процедура передачи полномочий главы государства Нарutowичу. Она прошла в крайне нервной обстановке, Пилсудский не захотел сдерживать переполнявших его негативных эмоций, выплеснув их на высших должностных лиц государства, присутствовавших на торжественной церемонии⁵².

Спустя два дня произошло трагическое событие, которое потрясло Польшу и попало на первые страницы мировой прессы. При осмотре художественной выставки в выставочном зале «Захента» президент Нарutowич был смертельно ранен тремя выстрелами в спину. Он умер в тот же день, не приходя в сознание. Убийцей был Э. Невядомский, несостоявшийся художник, искусствовед, служивший в Министерстве культуры. В молодости он был членом Национальной лиги. Знавшие убийцу люди считали его психически неуравновешенным, легко внушаемым человеком. Следствием в качестве основной и единственной была изначально выбрана версия, что никакого заговора не было, Невядомский действовал по собственной инициативе. Причем, по его словам, вначале

он намеревался убить Пилсудского. Но после президентских выборов решил, что теперь главным злом для Польши стал Нарutowич — атеист, ставленник национальных меньшинств, прежде всего евреев.

Левые, не дожидаясь итогов следствия, возложили моральную ответственность за смерть президента на национальных демократов, актуализировав тем самым начавший было затухать общественный конфликт. Особую активность проявило окружение Пилсудского. Как только стало известно о трагическом происшествии в «Захенте», в здании Генерального штаба состоялось совещание с участием видных пилсудчиков. По их решению под контроль армии были немедленно взяты Министерство внутренних дел и городская комендатура полиции, среди высокопоставленных чинов которых было немало людей, связанных с пилсудчиками и «двойкой». Одновременно эта группа вместе с руководителем варшавской организации ППС, известным пилсудчиком Р. Яворовским постановила провести «карательную операцию» против правых и в течение 24 часов физически уничтожить их лидеров. А затем в Варшаву вошли бы войска под командованием маршала и восстановили спокойствие и порядок.

Фактически пилсудчиками буквально «на ходу» был составлен план, который в случае его реализации должен был позволить их вождю не только разделаться с непримиримыми политическими противниками, прямо в этом не участвуя, но еще раз сыграть роль спасителя родины, на этот раз от разгула уличной стихии. Участники совещания в Генеральном штабе намеревались воспользоваться проходившими в тот же день похоронами убитого 11 декабря дружинника ППС. По решению варшавского комитета партии к участию в траурной церемонии были привлечены тысячи сторонников ППС, за порядком в ее ходе следила партийная милиция ППС. Спровоцировать людей на акцию возмездия не представляло особого труда. Однако это не удалось. Один из наиболее авторитетных лидеров ППС И. Дашиньский, случайно узнавший о намерении физически уничтожить лидеров и активистов эндеков и христианских демократов, этот план не только не одобрил, но и пригрозил дисциплинарными мерами тем членам партии, которые нарушат его запрет. И пилсудчики, не имея в тот момент достаточных сил для возвращения своего кумира во власть, вынуждены были отказаться от приведения плана в действие до лучших времен. Как показали дальнейшие события, идея возвращения Пилсудского на Олимп власти с помощью неконституционных действий, прикрываемых массовыми выступлениями введенных в заблуждение людей, с этого момента была взята на вооружение окружением маршала. Таким образом, лагерь оппонентов политической системы, установленной Мартовской конституцией, пополнился еще одной политической группировкой, выделявшейся среди прочих наличием харизматического лидера, как тогда говорили — вождя.

Свой замысел пилсудчикам 16 декабря трудно было реализовать еще и потому, что, в отличие от 11 декабря, власти не бездействовали. Уже в день убийства Нарutowича было сформировано правительство во главе с генералом Владиславом Сикорским, до этого занимавшим пост начальника Генерального штаба*. Он же взял себе порт-

* Пилсудский был с ним в конфликте со времен мировой войны, когда Сикорский возглавлял военный департамент Главного национального комитета, но до назначения Сикорского премьером их отношения внешне были вполне корректными.

фель министра внутренних дел. Военное министерство было поручено ближайшему сподвижнику Пилсудского со времен создания стрелковой организации генералу Казимежу Соснковскому. Сложив полномочия начальника государства, Пилсудский возглавил Генеральный штаб. Новое правительство опиралось на парламентское большинство, возникшее при выборах Нарutowича. В. Сикорский показал себя волевым премьером. По его предложению исполнявший обязанности президента М. Ратай ввел в Польшу военное положение. В первом же своем выступлении глава кабинета пригрозил в случае возникновения беспорядков использовать для их подавления армию, не разбирая, кто прав, а кто виноват. Это было серьезное предупреждение прежде всего в адрес пилсудчиков, поскольку правые, как и в предыдущих форс-мажорных обстоятельствах, в подготовке переворота замечены не были.

20 декабря 1922 г. национальное собрание вновь занялось выборами президента. Было выставлено всего две кандидатуры. На этот раз правые отказались от провоцирования ПСЛ «Пяст» и выставили нейтральную кандидатуру К. Моравского, историка культуры и литературы, профессора Ягеллонского университета. Но «Пяст» и НРП этого примирительного жеста правых не приняли. Все то же парламентское большинство из центристов, левых и национальных меньшинств избрало главой государства С. Войцеховского. Правые восприняли этот вердикт депутатов и сенаторов спокойно. Немаловажную роль в этом, несомненно, сыграл пережитый ими 14 декабря шок, но не следует сбрасывать со счетов и того, что Войцеховский был кандидатом ПСЛ «Пяст», без союза с которым у правых не было шансов создать правительство.

Декабрьский политический кризис 1922 г. в Польше завершился, политикам удалось удержать развитие событий в правовом поле. Но не была решена главная проблема, из-за которой, собственно, и начался кризис, — какие политические партии будут управлять Польшей. Правые и частично центристские партии на деле продемонстрировали, что они против участия национальных меньшинств в принятии решений по ключевым для польской государственности вопросам. Расширился лагерь противников польской демократии образца 1921 г. за счет группы, готовой произвести ее замену на авторитарный режим силой, а не политическими методами, как того хотели традиционные партии.

II.2. Начальный этап становления «ПОЛЬСКОГО БОЛЬШИНСТВА» В СЕЙМЕ

Парламентская коалиция, на которую опиралось правительство В. Сикорского, возникла по сугубо тактическим соображениям. Составившие ее партии расходились по ряду принципиальных вопросов. ППС намеревалась превратить Польшу в социалистическое государство, а центристы разделяли ценности буржуазной демократии. Левые исповедовали идеи классовой или сословной борьбы, а центристы были за взаимодействие различных классов и равный учет их интересов. ПСЛ «Пяст» и НРП выступали за унитарное польское государство, а левые готовы были предоставить национальным меньшинствам больше прав, вплоть до автономии Восточной Галиции. И этим перечнем межпартийные расхождения далеко не ограничивались.

Масштаб проблем, с которыми столкнулось правительство, явно превышал его возможности. Во-первых, на смену наблюдавшемуся в первые годы мира оживлению экономики пришел кризис, все ошутимее давала о себе знать инфляция. За пять месяцев существования правительства Сикорского курс доллара вырос почти в три раза — с 18 тыс. до 52 тыс. польских марок. Министром финансов В. Грабским был разработан проект оздоровления финансов страны путем серьезной реформы фискальной системы, сокращения государственных расходов и достижения бюджетного равновесия. Но план Грабского затрагивал интересы всех групп налогоплательщиков, в связи с чем он натолкнулся на явное и скрытое сопротивление, в том числе и со стороны партий правительственной коалиции. По этой причине проект не был представлен на рассмотрение сейма. Во-вторых, нужно было решать аграрную проблему, поскольку закон 1920 г. с введением в действие конституции утратил свою силу. Однако и по этому вопросу в правительстве единства не было.

Сложной оставалась внутривластная обстановка в стране. Помимо социалистов, с момента независимости явочным путем легализовавших свое силовое плечо — рабочую милицию, а также коммунистов с их боевыми группами, и другие политические силы обладали разнообразными тайными организациями, предназначенными для борьбы с политическими противниками и возможными революционными выступлениями. Сторонниками правых были созданы организации «Готовность польских патриотов» и «Общественная самопомощь». Под эгидой В. Сикорского в армии действовала организация «Честь и достоинство». Нельзя сказать, что власти и общество не знали о существовании этих тайных обществ, но скандал вокруг них в прессе всех направлений был поднят только в первой половине 1923 г. Цель его инициаторов была более чем очевидной — опорочить политических противников в глазах общественности.

Нагнетанию общественного психоза послужила серия таинственных взрывов в Кракове и Варшаве в апреле–мае 1923 г. Власти пытались представить их делом рук коммунистов, но оказалось, что в организации взрывов был замешан полицейский провокатор, внедренный в ряды КРПП.

Несомненно, наиболее влиятельной неформальной силой были сторонники Пилсудского. Они присутствовали везде: в армии, государственном аппарате, парламенте, системе просвещения, церкви, среди лиц свободных профессий и творческой интеллигенции, рабочих и крестьян, помещиков и аристократов. Чтобы оказаться в лагере пилсудчиков не нужно было вступать в тайное общество и приносить клятву, достаточно было верить в гений маршала. В 1922 г. началась консолидация этого лагеря. Стали издаваться еженедельник «Глос» и ежемесячный теоретический журнал «Дрога», бывшими членами Польской военной организации (*Polska Organizacja Wojskowa*) была создана Польская организация свободы (*Polska Organizacja Wolności*) (аббревиатура названий обеих организаций одинакова — ПОВ). В августе того же года в Кракове с участием Пилсудского прошел I съезд легионеров, принявший решение о создании Союза обществ легионеров и его объединении с Польской организацией свободы.

Реальным успехом, которым могло похвастаться правительство Сикорского, было признание Советом послан Антанты 15 марта 1923 г. восточной границы Польши с Литвой, Латвией и Советским Союзом, причем без ссылки на Рижский договор. Однако этого успеха было недостаточно для сплочения коалиции и отказа центристов от намерения начать сотрудничество с партиями Хъены.

Переговоры правых (ННС, ХНП) и центристов (ППХД, НРП, «Пяст») о создании в сейме польского большинства начались весной 1923 г. Они были неспешными, поскольку пяти партиям следовало согласовать не один сложный вопрос, включая персональный состав будущего правительства и распределение портфелей. Только 17 мая 1923 г. представители ННС, ППХД и ПСЛ «Пяст» наконец-то подписали в Варшаве Ланцкоронское (по названию поместья сенатора от ПСЛ «Пяст» Л. Хаммерлинга, в котором проходил один из этапов переговоров) соглашение о сотрудничестве польских партий в сейме. Подписанты объявили целью сотрудничества обеспечение национального характера государственного устройства и самоуправления, в связи с чем декларировали, что «основой парламентского большинства должно быть польское большинство: формировать правительство будут только поляки»⁵³. Другие участники переговоров пообещали коалиции свою поддержку. В сейме возник блок, получивший название «Хъена»–«Пяст». Он имел поддержку большинства депутатов сейма. 26 мая «польское большинство» под предлогом нарушений в использовании средств фонда премьера отправило правительство Сикорского в отставку, а спустя два дня президент С. Войцеховский назначил новый кабинет во главе с лидером «Пяста» В. Витосом.

Помимо Витоса в правительство вошли и другие видные политики: С. Гломбиньский, М. Сейда, В. Кухарский (ННС), В. Керник («Пяст»), В. Корфанты (ППХД). На посту министра финансов оставался В. Грабский. Однако он, убедившись, что кабинет не намерен реализовать его план оздоровления финансовой сферы, в начале июля подал в отставку.

Судьба правительства оказалась нелегкой. Оно сразу же стало объектом жесткой критики Пилсудского, левых и партий национальных меньшинств. На следующий же день после назначения правительства Витоса Пилсудский подал в отставку с поста начальника Генерального штаба, а 2 июля сложил с себя полномочия председателя Узкого военного совета. Выступая 3 июля 1923 г. на устроенном в его честь прощальном банкете в Малиновом зале ресторана гостиницы «Бристоль», маршал прямо обвинил национальных демократов в причастности к убийству Г. Нарutowича и заявил, что он, будучи солдатом, не может защищать этих господ. Поэтому решил уйти из армии и с государственной службы.

На следующий день речь Пилсудского была напечатана в газетах. Для всех сторонников маршала стало ясно, что национальные демократы — главный враг той Польши, которую он хочет построить, государства, в основе которого будут лежать этика, приверженность высоким моральным ценностям, а не ненависть, эгоизм, пренебрежение общественными интересами. Не имея возможности победить соперника в борьбе за власть на политическом поприще, маршал перенес тяжесть борьбы в плоскость морали и этики. Поскольку Пилсудский уходил из текущей политики, снимал с себя ответственность за государственные дела, его позиции в этой сфере становились предпочтительными. Теперь он мог стать центром притяжения для всех недовольных правительством и сеймом. А таких людей в условиях непрерывно углублявшегося экономического кризиса и утраты иллюзий относительно всемогущества парламентской демократии становилось все больше.

Пястовцы, тяготевшие к взаимодействию с левыми, а также прошедшие в сейм по спискам ПСЛ «Пяст» пилсудчики, осуществили раскол в партии Витоса. 17 депутатов и сенаторов во главе с Я. Домбским основали парламентскую фракцию ПСЛ

«Народное единство». В середине сентября 1923 г. в результате объединения этой группы с фракцией ПСЛ «Вызволениє» в сейме возник Союз польских крестьянских партий «Вызволениє» и «Народное единство». Раскол в «Пясте» ощутимо ослабил позиции правоцентристской коалиции, но она все еще обладала большинством в сейме и пыталась удержаться у власти.

Так и не решившись воспользоваться планом В. Грабского, правительство прибегло к покрытию бюджетного дефицита с помощью печатного станка. Курс доллара за время нахождения у власти кабинета В. Витоса, отказавшегося от валютного регулирования, увеличился с 52 тыс. до 10 млн польских марок. Стремительно росли розничные цены на товары массового спроса. На инфляции до определенного момента наживались экспортеры, а также валютные спекулянты, но для огромного большинства населения наступили тяжелые времена. Крестьяне теряли накопления, сделанные в предшествующее десятилетие и предназначенные главным образом на покупку земли. Непрерывно уменьшались реальные доходы бюджетников и лиц, занятых в частном секторе. Не имея возможности пополнять государственную казну за счет иностранных кредитов, правительство начало искать другие источники ее пополнения. В частности, оно попыталось увеличить доходы с помощью промышленного налога в размере 2,5% от оборота предприятия, налога на имущество на сумму 1 млрд золотых швейцарских франков (до 1926 г. крупные землевладельцы должны были заплатить 500 млн, промышленники — 375 млн, остальные отрасли — 125 млн), исчисления налогов в золотом эквиваленте, сокращения государственных служащих.

Однако крайняя политическая нестабильность мешала проведению этих мер в жизнь. Особенно активно критиковали правительство социалисты, поднимая и так довольно высокий градус недовольства трудящихся своим положением. Результатом было нарастание стачечной активности, в ряде случаев забастовщики выдвигали политические требования, добивались отставки кабинета. Правительство в свою очередь обвиняло левых и забастовщиков в пособничестве подрывной деятельности коммунистов. Антисоциалистическая истерия достигла в Польше своего пика после взрыва порохового склада в варшавской цитадели 13 октября 1923 г. Ответственность за эту трагедию (25 убитых и 40 раненых) власти, не дожидаясь результатов следствия, возложили на компартию, хотя позже выяснилось, что причиной трагедии стало нарушение требований безопасности одним из рабочих арсенала. Быстро нашли виновников — офицеров-коммунистов А. Багиньского и А. Вечоркевича и вынесли им смертный приговор*. Несмотря на все потуги правительства его авторитет у городского населения, больше всего страдавшего от кризиса, оставался низким, напряженность в стране продолжала неуклонно нарастать.

Апогеем противостояния правительства и общества стали события в Кракове в начале ноября 1923 г., известные как Краковское восстание. В октябре 1923 г. к забастовщикам на частных предприятиях присоединились работники государственного сектора. Особенно болезненно власти отреагировали на начавшуюся в конце месяца забастовку транспортников, парализовавшую движение на пяти отделениях железной

* В 1925 г. советскому полпредству удалось договориться о выезде осужденных в СССР в рамках обмена политзаключенными, но по дороге они были убиты сопровождавшим их жандармом.

дороги, в том числе на двух приграничных — Львовском и Познанском. При слабом развитии других видов транспорта забастовка наносила не только экономический ущерб, но и грозила безопасности страны. В связи с этим правительство пошло на крайнюю меру — объявило о переводе железнодорожного транспорта на военное положение. Это означало, что все железнодорожники приравнивались к военным служащим действительной службы со всеми вытекающими из этого последствиями. Поскольку решение правительства забастовщики Краковского отделения проигнорировали, командующий Краковским военным округом 1 ноября ввел полевые суды. В ответ на это ЦИК ППС 3 ноября объявил о начале с 5 ноября бессрочной всеобщей забастовки членов находившегося под его контролем профцентра — Центральной комиссии профессиональных союзов.

Особенно драматично развивались события в Кракове и Бориславе 6 ноября и спустя два дня в Тарнуве. Здесь власти бросили против демонстрантов войска и полицию, в ход было пущено огнестрельное оружие. В Кракове имело место «братание» роты резервистов с рабочими, в руки последних перешло большое количество винтовок и боеприпасов. Они не преминули их использовать для отражения атаки кавалерийского эскадрона. В ходе боя погибло 3 офицера и 11 рядовых, ранения получили 101 военнослужащий, 38 полицейских и несколько десятков гражданских лиц. Демонстранты, среди которых было немало пилсудчиков, фактически контролировали город. В Бориславе были убиты 3 рабочих, 10 получили ранения. 5 человек погибло в Тарнуве, были и раненые. Правительство оказалось на грани войны с частью общества. Конфликт пытались использовать в своих целях как пилсудчики, так и коммунисты. Если первые надеялись на его волне вернуть к власти своего вождя, то вторые увидели в нем начало пролетарской революции в Польше.

Трагедия, которой не ожидали ни правительство, ни ППС, быстро отрезвила стороны конфликта и заставила их заняться поиском выхода из кризиса, пока события не приобрели неуправляемого характера. 6 ноября руководство ППС приступило к переговорам с правительством, и уже на следующий день ЦИК партии и лидеры профцентра приняли решение о прекращении забастовки. Правительство, в свою очередь, сняло с должности командующего военным округом, отменило распоряжение о полевых судах, а затем и решение о введении военного положения на железных дорогах.

Но правительство не оставило попыток выйти из кризиса путем свертывания социального законодательства, а это мешало нормализации его отношений с левыми партиями. Политической напряженности способствовал подготовленный на основании Ланцкоронского пакта проект закона об аграрной реформе, существенно ограничивавший государственное вмешательство в эту сферу в пользу рынка. Проект резко критиковали оппозиционные крестьянские партии, не пользовался он всеобщим одобрением и в парламентской фракции ПСЛ «Пяст». Стабильность правящей коалиции подрывали и чрезмерные амбиции некоторых политиков, так 14 декабря 1923 г. из «Пяста» вышли 14 депутатов во главе с Я. Брылем и А. Плютой. Они основали сеймовую фракцию Польский союз людовцев. Коалиция «польского большинства» оказалась в сейме меньшинством, и правительство подало в отставку. Заявление об отставке написал и маршал сейма М. Ратай, однако нижняя палата парламента его не удовлетворила.

Опыт существования двух кабинетов, опирающихся на парламентское большинство, показал, что в стране сохраняется чрезвычайно острое противостояние правого

и левого политического лагерей, в которое были вовлечены и центристы. Оказалось, что введение в действие модели парламентской демократии, основанной на конституции 1921 г., не привело политический класс к пониманию того, что государство — это институт согласования классовых и групповых интересов в интересах всего общества. Польские политические партии по-прежнему толковали государство как некое средство осуществления их собственных программ, возводимых в абсолют. Раскол общества на антагонистические лагеря, наблюдавшийся со времен революции 1905–1907 гг., в первые пять лет существования независимой Польши не только не был преодолен, но и существенно углубился, приобрел устойчивый характер. Не было ни малейших признаков того, что польские партии попытаются перейти от конфронтации к сотрудничеству ради блага общества как целого, а не его отдельных сегментов. Дополнительным фактором раскола общества была государственная маргинализация национальных меньшинств, партии которых, независимо от их политической ориентации (левой, центристской, правой), не рассматривались их польскими аналогами в качестве возможных партнеров при формировании правительств. Даже в левоцентристском правительстве В. Сикорского не было представителей этих партий.

Вполне естественно, что при отсутствии у польских партий понимания того, что государство — это совместное достояние всех граждан страны независимо от их национальности и идеологических симпатий, родилась идея образования «польского большинства». В силу того, что его платформой должны были стать националистические идеи, оно могло быть только правоцентристским. Первая попытка создания такого правительства не удалась. Но это вовсе не значило, что правые и центристы расстанутся с этим пунктом своих программ, который наряду с другими обеспечивал им симпатии большинства избирателей-поляков, и при благоприятных условиях вновь не попытаются возродить коалицию.

Оптимальным выходом из тупика был бы роспуск парламента. Однако депутаты этого не хотели, а президент такого права не имел. Оставалось согласиться на внепарламентское (деловое) правительство, что произошло уже 19 декабря. Его возглавил В. Грабский, к этому времени отошедший от национальной демократии. До этого он дважды, будучи в составе левоцентристского и правоцентристского правительств, пытался осуществить свой план хозяйственной стабилизации как первоочередного условия достижения внутреннего мира в стране. Именно об этом он говорил в своей программной речи в сейме. В. Грабский был первым польским премьером, попытавшимся проводить политику в интересах всего общества. Поэтому тяготы реформы, задуманной в качестве первого шага стабилизации финансовой системы, он предполагал возложить в равной степени на все группы общества.

Его программа реформирования финансовой системы, разработанная в 1923 г., была рассчитана на три года. Некоторые из необходимых для этого законов сейм к тому времени уже принял, другие Грабский намеревался провести через парламент в кратчайшее время, к чему у него были определенные основания. При голосовании в сейме вотума доверия правительству 5 января 1924 г. его поддерживали правые и центристы, ППС и левые крестьянские партии воздержались, против были лишь коммунисты и депутаты от национальных меньшинств.

Кабинет В. Грабского стал, пожалуй, наиболее эффективным за весь межвоенный период. К тому же он просуществовал дольше всех других кабинетов эпохи польского

парламентаризма — почти два года, до 13 ноября 1925 г. Характерно, что изменения в составе правительства касались министерств политического (военного, иностранных дел), а не экономического блока. Сам Грабский помимо поста премьера все это время ведал финансами. Несомненно, главным достижением внепарламентского правительства была замена польской марки золотым, исключительное право эмиссии которого было представлено специально созданному с этой целью акционерному Польскому банку с уставным капиталом в 100 млн злотых. Злотый равнялся золотому швейцарскому франку, что делало его одной из наиболее дорогих валют Европы. 1 июля 1924 г. польская марка была изъята из обращения. Обмен марок на злотые производился по твердому курсу — 1,8 млн марок за 1 злотый. Вторым важным достижением было создание Банка краевого хозяйства как главного кредитного учреждения страны.

Необходимые средства для проведения этих и других мероприятий давали промышленный и имущественный налоги, повышение таможенных пошлин, ограничение бюджетных расходов, внутренний заем и, конечно же, косвенные налоги. Правительство приступило к проведению реформы, не дожидаясь иностранных займов. Основные средства в первое время получали за счет крупных налогоплательщиков. Решительные действия кабинета быстро привели к положительным результатам: уже в мае—июне 1924 г. удалось стабилизировать валюту, снизить цены, сократить безработицу.

Однако сделать этот положительный тренд устойчивым не удалось. С середины 1924 г. правительство, опасаясь нового неконтролируемого обострения социального конфликта, стало корректировать свой план. Не имея гарантированной поддержки в сейме, оно вынужденно лавировало между правыми, левыми, пилсудчиками. Правые настаивали, что имущие классы не могут до бесконечности оставаться главными донорами реформы, т. к. экономика должна развиваться. Поэтому правительство шло навстречу требованиям предпринимателей о предоставлении им налоговых льгот, увеличении рабочего дня и сокращении зарплаты работникам. В итоге далеко не все предприниматели и крупные землевладельцы заплатили в 1924 г. имущественный налог в полном объеме, что ограничивало доходы бюджета.

Социалисты и коммунисты, обвиняя правительство в перекладывании тягот реформ на плечи трудящихся, организовывали забастовки. Некоторые из них были весьма продолжительными и охватывали целые отрасли. Например, всеобщая стачка металлургов Верхней Силезии летом 1924 г. длилась месяц. В ответ предприниматели проводили увольнения, не останавливаясь даже перед локаутами. Для смягчения остроты проблемы правительство в июле 1924 г. ввело разовые выплаты лицам, потерявшим работу. А в августе сейм принял закон, согласно которому работники предприятий с числом занятых более пяти человек в случае увольнения получали в течение 13 недель пособие по безработице (30–50% их прежнего заработка, но не более 2,5 злотых в день). Все это увеличивало расходы государства в условиях сокращения бюджетных поступлений.

Еще одной непредвиденной статьей бюджетных расходов стала борьба с партизанским движением в белорусских и украинских землях, активно поддерживаемым руководством сопредельных советских республик⁵⁴. Для борьбы с ним в мае 1924 г. был создан Корпус пограничной охраны, началось соответствующее обустройство границы, что потребовало больших финансовых и материальных затрат.

Хотя решительные действия правительства в борьбе с партизанским движением на восточных окраинах и постановление ЦК ВКП(б) о прекращении поддержки

повстанческого движения в Польше позволили взять ситуацию под контроль, но межнациональные отношения в регионе оставались непростыми. Новым раздражителем стал принятый в июле 1924 г. закон о принципах организации школьного дела в Польше, вводивший двуязычные государственные школы в районах проживания украинского, белорусского и литовского населения. Критерии сохранения учебных заведений с одним национальным языком преподавания были, с точки зрения защитников прав национальных меньшинств, несправедливыми: для этого требовалось желание родителей не менее чем 40 учеников, в то время как для превращения школы в двуязычную достаточно было 20 заявлений. Закон привел к резкому сокращению численности национальных школ и росту недовольства украинцев, белорусов и литовцев допущенной в их адрес дискриминацией.

1924 год был тяжелым для польской экономики. В сельском хозяйстве случился большой неурожай, многие районы страны пострадали от наводнения. Польша вместо экспорта вынуждена была импортировать зерно. Существенно понизились цены на традиционные товары польского вывоза: древесину, сахар, уголь.

Серьезные проблемы в экономике показали своевременность проведенной реформы финансовой сферы. Правительство, лишенное возможности по собственному усмотрению увеличивать денежную массу, для уменьшения бюджетного дефицита вынуждено было обращаться к внешним заимствованиям. В течение 1924–1925 гг. Польшей были получены зарубежные кредиты на сумму 71,5 млн долларов (350 млн злотых), некоторые на крайне невыгодных условиях, до 23% годовых. Но зато удалось избежать нового всплеска инфляции и сохранить благоприятные условия для модернизации и реструктуризации польской экономики.

В 1925 г. страна столкнулась с новыми вызовами. Закончился срок действия ст. 264 Версальского договора, а также Женевской конвенции 1922 г. о Верхней Силезии, согласно которым Польше в одностороннем порядке предоставлялся режим наибольшего благоприятствования в торговле с Веймарской республикой и право беспощинного ввоза в Германию некоторых товаров из Верхней Силезии, главным образом угля. Возникавшие в связи с этим трудности усугублялись стремлением Берлина добиться от Варшавы привилегий для немецкого меньшинства. Все это вместе взятое привело к польско-германской таможенной войне, длившейся до 1934 г. В краткосрочной перспективе ее последствия были скорее негативными, стоимость польского экспорта сократилась почти на 27%. Но в долгосрочном плане ускорилась переориентация промышленности Верхней Силезии на удовлетворение внутреннего спроса, ее интеграция в единый народно-хозяйственный комплекс страны.

Вторым серьезным вызовом, посеявшим настоящую панику в польском политическом классе и обществе, стали Локарнские соглашения октября 1925 г.⁵⁵ Их суть сводилась к тому, что Франция, получив международные гарантии неприкосновенности своей границы с Германией, скорректировала свои союзнические обязательства перед Польшей и Чехословакией. Эти действия в Польше восприняли как измену Францией данному ей в 1921 г. слову придти немедленно на помощь в случае неспровоцированной агрессии со стороны Германии. Договоренности в Локарно существенно меняли статус польского государства на внешнеполитической арене. Из субъекта региональных международных отношений Польша становилась объектом в политике европейских держав, ее безопасность теперь обеспечивалась не договором прямого действия с

Францией, а сложной процедурой, предусмотренной Уставом Лиги наций. Фактически Локарно завершило период французской гегемонии на континенте, расчеты на прочность которой лежали в основе польской внешней политики.

Заметными внешнеполитическими шагами правительства были урегулирование в 1925 г. с Чехословакией вопросов, связанных с двусторонними отношениями, в особенности с разделом Тешинской Силезии, а также заключение в том же году конкордата с Ватиканом*.

13 ноября 1925 г. правительство В. Грабского подало в отставку. Непосредственным поводом для этого послужил отказ Польского банка в валютной интервенции для поддержания курса злотого, мотивированный отсутствием средств.

Неучастие политических партий в правительстве вовсе не означало, что они согласны на консервирование подобной ситуации до следующих парламентских выборов. Важность будущих выборов помимо прочего определялась и тем, что сейм второго созыва имел право пересматривать конституцию. Наиболее активно проблему желательных изменений в конституции обсуждали национальные демократы. Начиная примерно с 1921 г. в лагере национальной демократии наметились две тенденции, принявшие достаточно определенные формы в 1924 г. Первую представляли лидеры Народно-национального союза, в частности С. Гломбиньский, С. Грабский и др. Будучи приверженцами парламентских методов достижения политических целей, они по-прежнему делали ставку на создание коалиции «польского большинства» с участием центристских партий, включая Национальную рабочую партию.

С такой коалицией они связывали решение как ближайших, так и перспективных задач. Отсутствие у правых и центристов квалифицированного большинства в парламенте лишало их возможности изменить конституцию. Но зато они, обладая простым перевесом голосов, могли скорректировать закон о выборах. О намерении сделать это партии коалиции заявили еще в Ланцкоронском пакте.

На протяжении 1924–1925 гг. в ходе оживленной дискуссии национальные демократы пришли к выводу о необходимости отказаться от принципа пропорционального распределения мандатов на выборах, ввести избирательный порог, чтобы не дробить польские голоса, изменить нарезку избирательных округов в районах со смешанным населением. Эти меры позволили бы правым и центристам увеличить свое представит-

* Согласно договору, административное деление Польской римско-католической церкви устанавливалось в полном соответствии с государственными границами, а центры диоцезов (епархий), местонахождения епископов, могли располагаться исключительно в пределах государства. Это положение являлось для Польши, границы которой были только что установлены и признаны, особенно значимым. Конкордатом определялись принципы взаимоотношений светской власти и церкви, в том числе: невмешательство государства во внутреннюю жизнь церкви и ее отношения со Святым престолом; право церкви на участие в образовательной, воспитательной и социальной сферах жизни общества; неприкосновенность церковной собственности; содержание священнослужителей за счет бюджета. За Ватиканом закреплялось право рукоположения иерархов католической церкви после предварительных консультаций с правительством, в том числе и на предмет политической благонадежности кандидатов. Такого привилегированного места и роли в обществе не получил ни один другой вероисповедный институт в Польше.

тельство по сравнению с 1922 г. как минимум на 10 мандатов, которых им не хватало, чтобы на законных основаниях произвести ревизию конституции.

В числе будущих изменений в конституции чаще всего назывались усиление исполнительной вертикали, уравнивание в правах сейма и сената. Но каких-то конкретных решений руководство ННС в тот момент не принимало, поскольку полномочия сейма первого созыва заканчивались лишь в ноябре 1927 г.

Другое течение формировалось вокруг Р. Дмовского, духовного и идейного лидера лагеря национальной демократии. Дмовский крайне скептически воспринял создание ННС, не был его членом, отказался вступить в его фракцию в учредительном сейме. Анализ происходивших в Европе и мире политических процессов привел его к выводу, что парламентская демократия и либерализм себя изжили и им на смену идут режимы сильной власти, опирающиеся на массовую общественную базу. Особой симпатией Дмовского пользовался итальянский фашизм, он считал его образцом для подражания⁵⁶. Весной 1926 г. Дмовский посетил Италию, встречался с идеологами итальянского национализма Э. Коррадини и Ф. Копполой, которых считал предтечами Б. Муссолини. В 1925 г. польским послом в Риме был назначен его единомышленник С. Козицкий, до этого часто выступавший с хвалебными статьями о фашистской Италии.

Дмовский утверждал, что старшее поколение национальных демократов не способно перестроиться применительно к новым временам и веяниям, поэтому сделал ставку на членов организации Всепольская молодежь. Особенно эффективным был обращенный к молодым эндекам его призыв «Не будьте талмудистами!». Свою главную задачу он видел в объединении всех «здоровых» общественных сил, которым дорога Польша как национальное государство поляков и для поляков⁵⁷. С 1924 г. Дмовский и его сторонники вели активную пропаганду этих идей, но к их практической реализации они приступили лишь в конце 1926 г.

Таким образом, национальные демократы, главная сила польской политической сцены, в 1924–1925 гг. демонстрировали полное разочарование в существовавшей политической системе и желание заменить ее другой.

Центристы в своих взглядах на характер власти в Польше проходили эволюцию, схожую с лидерами ННС. В краткосрочной перспективе это вселяло в последних уверенность в возможности создания более прочной правоцентристской коалиции, поскольку «Пяст» очистился от ненадежных элементов и сплотился вокруг В. Витоса.

Непримиримыми противниками существовавшей политической системы были коммунисты, требовавшие установления власти рабочих и крестьян. Их парламентская фракция в 1924 г. увеличилась до 6 человек за счет депутатов от Украинской социал-демократической партии. Они тесно взаимодействовали с Независимой крестьянской партией (создана в 1924 г. вышедшими из «Вызволениа» депутатами) и набиравшей силу Белорусской крестьянско-рабочей громадой (Громада).

Левые партии оказались в двойственном положении. С одной стороны, они по-прежнему собирались созидать в Польше общество социальной справедливости. О необходимости строительства социалистической Польши говорилось в решениях XX конгресса ППС, работавшего на рубеже 1925–1926 гг. ПСЛ «Вызволение» в принятой в марте 1925 г. программе подчеркнуло, что право на власть имеют только трудящиеся, а буржуазия и помещики должны быть лишены их доминирующих позиций в государстве. При этом вызволенцы, так же как правые и центристы, ратовали за изме-

ление конституции. Они были сторонниками ликвидации сената и увеличения властных полномочий президента, избрания его путем всенародного голосования, чтобы сделать главу государства реальным противовесом сейму. Сходные идеи высказывались лидерами и других левых партий, лагерь которых в начале 1926 г. пополнился Крестьянской партией, созданной выходцами из рядов других левых партий.

Важно отметить, что все левые политики говорили о своей приверженности демократии, но при этом отказывали правым и центристам в праве на создание правительства, даже если это произойдет в полном соответствии с конституцией. Тем самым они готовили общественное мнение к тому, что новый кабинет «Хьены» — «Пяста» будет неправомерным. От этой констатации был только один шаг к поддержке антиправительственных выступлений пилсудчиков, в том числе и военного путча.

Существуют свидетельства, правда, не подкрепленные архивными материалами, что в 1924 г. оформилась некая конспиративная группа политических и хозяйственных деятелей второго плана с целью подготовить военный переворот. Все они были масонами. Первоначально у них не было единого мнения относительно того, кто будет диктатором, — В. Сикорский или Ю. Пилсудский. В конечном счете остановились на маршале как более влиятельном в армейской среде. Постепенно были установлены контакты с близким окружением Пилсудского⁵⁸.

В 1925 г. Ю. Пилсудский стал вести себя заметно активнее. Свою государственную пенсию он отдавал на благотворительные цели, а жил за счет публикации статей на исторические и военные темы, высокооплачиваемых интервью, а также публичных лекций. Маршал долго воздерживался от открытого вмешательства в политическую жизнь, отслеживал только судьбу закона о военном командовании. Он сумел явочным путем принудить правительство согласовывать с ним свои проекты такого закона. В 1923 г. Пилсудским был торпедирован проект К. Соснковского, спустя год — В. Сикорского. В момент отставки правительства В. Грабского он начал, пользуясь его терминологией периода Первой мировой войны, «игру на повышение ставок». 14 ноября 1925 г. маршал лично предостерег С. Войцеховского от игнорирования «моральных интересов армии» при формировании нового кабинета и возможного назначения военным министром генералов С. Шептицкого (брат львовского униатского митрополита А. Шептицкого) или В. Сикорского. Более того, потребовал от президента письменного подтверждения факта получения декларации, что Войцеховский и сделал. Тем самым Пилсудский практически узаконил себя в качестве субъекта политической сцены, равного партиям. Демонстрацией этого статуса стало празднование седьмой годовщины его возвращения из магдебургского заключения, устроенное верными ему военными, правда, не 10, а 15 ноября 1925 г. В состоявшейся по этому поводу манифестации перед виллой «отшельника из Сулеювека» участвовало, по разным данным, от 400 до 2 тыс. военных, в том числе большая группа генералов. От имени участников торжества выступил генерал Г. Орлич-Дрешер, призвавший Пилсудского не оставаться в стороне от переживаемого страной кризиса, «делая сиротами не только нас, твоих верных солдат, но и Польшу». Он также заверил маршала, что «мы вручаем тебе кроме наших благородных сердец и надежные, отточенные в победах сабли». Все эти демонстративные шаги маршала и его сторонников в армии служили одной цели — демонстрации политическому истеблишменту и обществу силы Пилсудского. И, как показали дальнейшие события, эта цель была достигнута.

В марте 1925 г. лагерь Пилсудского пополнился собственной политической организацией в парламенте, занявшей место на левом фланге политической сцены. Это был Клуб труда — группа из 6 депутатов сейма и 4 сенаторов. Ее создали главным образом выходцы из парламентской фракции ПСЛ «Вызvolение» и Крестьянское единство, принадлежавшие к уже упоминавшейся конспиративной группе гражданских лиц. Формально свой шаг они объясняли несогласием с принятым съездом «Вызvolения» требованием о безвозмездной конфискации помещичьей земли.

II.3. ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПЕРЕВОРОТУ 1926 г.

Правые и центристские партии, наученные горьким опытом 1923 г., в ноябре 1925 г. не торопились с созданием кабинета польского большинства. Ведь для преодоления кризиса нужны были жесткие меры, которые негативно сказались бы на их популярности и повысили авторитет левых и пилсудчиков. После ряда консультаций лидеров партий с президентом, в ходе которых рассматривалась даже возможность отставки президента и роспуска парламента, была достигнута договоренность о создании большой коалиции в составе национальных и христианских демократов, ПСЛ «Пяст», НРП и ППС. Существовала надежда, что подобный состав облегчит получение зарубежных кредитов, переговоры о которых начало еще предыдущее правительство. Образованный 20 ноября кабинет во главе с графом Александром Скшиньским известен как правительство национального единства. ПСЛ «Вызvolение» и Клуб труда от участия в коалиции отказались.

Новое правительство не могло быть прочным из-за принципиального расхождения целей его участников и стоявших за ними сил. Если левые намеревались преодолеть кризис за счет имущих классов, то правые предлагали меры, которые в первую очередь затрагивали интересы лиц наемного труда.

Единственным положительным результатом создания коалиции можно считать принятие 28 декабря 1925 г. долго ожидавшегося крестьянами закона об аграрной реформе, проект которого был подготовлен еще правительством «Хъены»–«Пяста». Законодатель устанавливал размер ежегодной парцелляции — не менее 400 тыс. моргов (200 тыс. га) частновладельческих, государственных и части церковных земель, продаваемых по рыночным ценам всем категориям крестьян. Предусматривалось принудительное изъятие земли у крупных собственников в случае, если в какой-то год предложение по парцелляции будет ниже установленной квоты. Размер земельного максимума колебался в зависимости от месторасположения поместья (300 га в восточных районах и 180 га в прочих) и производственного характера (до 700 га в поместьях, владельцы которого имеют промышленные предприятия). Средства на покупку земли обеспечивались из личных накоплений крестьян и кредитов Государственного аграрного банка. Покупка пахотной земли на непроизводственные цели запрещалась. Фактически сейм узаконил сложившуюся к тому времени практику стихийного перераспределения помещичьей земли в пользу мелких собственников и исключил возможность ее безвозмездной экспроприации или покупки ниже рыночной стоимости, чего добивались левые крестьянские партии. Всего по этому закону к крестьянам мог-

до перейти 2,5 млн га, что конечно же не решало земельную проблему. Если бы вся эта земля досталась малоземельным, то площадь их хозяйств увеличились бы только на 15%. А ведь были еще безземельные и зажиточные, вступающая во взрослую жизнь молодежь, и все они также хотели приобрести землю.

С начала 1926 г. появились первые симптомы улучшения хозяйственной конъюнктуры, прежде всего рост экспорта. Этому способствовали и усилия правительства, и позитивные тренды в мировом хозяйстве. Но эти положительные сдвиги не сразу были замечены обществом и политиками, тем более что безработица продолжала расти. Если в конце 1925 г. было 185 тыс. зарегистрированных безработных, то в феврале 1926 г. уже 362 тыс., а в мае около 500 тыс. Широко практиковалась неполная рабочая неделя. Поэтому министр финансов Е. Здзеховский (национальный демократ) продолжал настаивать на сокращении расходов государственного бюджета и повышении косвенных налогов. Ответом трудящихся были забастовки, а также демонстрации безработных. Опасаясь выхода ситуации из-под контроля, власти решительно пресекали проявления недовольства, в ряде мест не останавливаясь перед применением оружия.

Не дремал и Пилсудский. Он навязал президенту и премьеру своего кандидата на пост военного министра. Новый министр генерал Л. Желиговский без промедления отменил приказы Сикорского о наказании военных, участвовавших в чествовании Пилсудского в Сулеювке в ноябре 1925 г., провел ряд кадровых перестановок на ключевых постах в армии в пользу людей, преданных или лояльных маршалу.

Имелли Пилсудский в конце 1925 г. план государственного переворота? Однозначно на этот вопрос ответить невозможно, сам «отшельник из Сулеювека» об этом предпочел публично не высказываться. Правда, есть важное свидетельство К. Свитальского, входившего в ближайшее окружение маршала. 15 декабря 1925 г. он записал в дневнике: «План Коменданта: следующий правительственный кризис стараться преодолеть без сейма. Попасть в армию. Выступить, скорее всего в роли министра военных дел, резко и брутально против сейма. Сейм не распускать, но реже его собирать. Заседаю в кабинете (министров. — Г.М.), присматриваться к его членам для ориентации, с кем можно идти, а с кем нет. К власти эвентуально прийти осенью 1926 года. Тогда можно пойти на избирательную кампанию»⁵⁹.

Конечно, это не план государственного переворота в точном смысле этого слова, а скорее некий итог размышлений Пилсудского на тему, как оздоровить политическую систему образца 1921 г., не разрушая ее. Маршал считал необходимым вернуться в реальную политику, ограничить контрольно-распорядительные функции сейма, сформировать правительство из доверенных людей, а затем провести парламентские выборы. Он явно видел себя в роли независимого от сейма центра силы, способного оздоровить политическую систему.

Пилсудский действительно имел возможность влиять на курс правительства Сквинынского. Помимо Л. Желиговского, его сторонниками были также министры от ППС Е. Морачевский и Б. Земенцкий. 7 января 1926 г. на заседании Совета министров Морачевский в соответствии с инструкцией маршала поставил вопрос о возможности возвращения Пилсудского к активной политической деятельности. Правительство решило просить маршала сейма ускорить работу над законом о высшем военном командовании. И тут же раздался голос Пилсудского, подвергнувшего разгромной критике соответствующий проект, подготовленный еще Сикорским, как позорный и вредный

для вооруженных сил и государства и лишивший его возможности вернуться в армию «даже в момент наивысшей опасности для существования нашего государства»⁶⁰.

В начале февраля Морачевский предложил руководству ППС выйти из коалиции, но не встретил поддержки. Не помогла его собственная отставка, вместо него партия делегировала в состав кабинета Н. Барлицкого, не относившегося к числу записных почитателей маршала. Затем о желании освободить министерское кресло заявил Желиговский, но премьер отставки не принял. Все эти демонстративные шаги людей Пилсудского вносили нервозность в деятельность правительства и не способствовали стабилизации и без того непростой политической обстановки в стране.

Поддерживавшая пилсудчиков пресса задавала тон в нагнетании напряженности в обществе. Она много писала о якобы готовившемся правыми государственным перевороте с целью установления «фашистской диктатуры», запугивала угрозой со стороны Германии и СССР. Особенно популярными стали темы коррупции депутатов и государственных служащих, их некомпетентности, низкого профессионального уровня армейских генералов, не связанных с Пилсудским.

Всей этой грязи, непорядочности, моральному разложению властных институтов в прессе противопоставлялся образ маршала: скромный, ездит в вагонах второго класса, отказался от маршальского жалования, одевается в серый мундир легионера, думает только о судьбе страны и общем благе, хочет оздоровить («санировать») государственную жизнь.

19 марта по всей стране необычайно торжественно, почти как главный государственный праздник, отметили именины Пилсудского. Его восхваляли и славил, внушая полякам мысль, что Польша должна жить не по конституции, которая плоха, а по разумению «дедушки» (так пилсудчики стали называть своего кумира) — единственного человека, знающего, что нужно делать⁶¹. В обществе активно пропагандировалась легенда о демократизме маршала. Весной 1926 г. представители лагеря пилсудчиков вступили в переговоры с ППС, КПП и другими рабочими партиями, зондируя почву относительно возможного взаимодействия в случае углубления политического кризиса⁶².

Как и рассчитывал Пилсудский, разразился новый, уже четвертый за три с половиной года существования сейма правительственный кризис, и поводом к нему стали не происки пилсудчиков, а предложенный Е. Здзеховским 14 апреля план ликвидации бюджетного дефицита. Он предусматривал ряд экстренных мер: временное 10-процентное повышение всех налогов, кроме имущественного и таможенных пошлин; введение налога на помол зерна и осветительные электроприборы; снижение заработной платы госслужащим, пенсий и пособий инвалидам; увольнение из армии части офицеров и сокращение 18 тыс. железнодорожников⁶³.

Социалисты отвергли план Здзеховского и предложили свой: увеличить поступления от налога на имущество; уменьшить расходы на армию; сократить продолжительность срочной службы в два раза; расширить масштабы общественных работ для безработных. В отличие от стремившегося к укреплению национальной валюты Здзеховского, социалисты в целом придерживались инфляционной стратегии в борьбе с кризисом. Поскольку правые и центристы не поддерживали социалистов, ППС 20 апреля вышла из коалиции и правительства. С этого момента коалиция утратила большинство.

Подал прошение об отставке и Скушинский, но президент ее не принял, попросив «правительство-обрубок» исполнять обязанности, пока не будет сформирован

новый кабинет. В течение полумесяца после этого президент и партийные лидеры искали формулу нового кабинета. Были озвучены все варианты. Теоретически весьма хорошие шансы были у внепарламентского правительства. Однако на предложение С. Войцеховского еще раз поручить его формирование В. Грабскому последовала резко отрицательная реакция и правых, и маршала⁶⁴. Делались такие предложения и Пилсудскому, последний раз — социалистами 8 мая. И каждый раз он в характерной для него грубой форме отказывался и от премьерства, и от кресла военного министра, явно не желая способствовать стабилизации политической ситуации. Видимо, к этому времени он уже отказался от своего прежнего намерения войти в правительство и заняться подбором членов будущей команды⁶⁵, полагая, что далеко зашедшая дестабилизация политической ситуации предоставляет ему уникальную возможность полностью, без торга и неизбежных компромиссов с ненавистными ему партиями, вернуться во власть. Поэтому он даже не проявил интереса к внесенному 4 мая Желиговским в сейм новому проекту закона о высшем военном командовании, учитывавшему часть его пожеланий.

9 мая в прессе появилось интервью В. Витоса с призывом к Пилсудскому «выйти из укрытия» и вместе со всеми «творческими силами», которым дорого благо Польши, создать правительство. Часть интервью не была напечатана, а в ней Витос прямо сказал: если за Пилсудским стоит армия, то пусть он возьмет власть силой — лично он сделал бы это, не колеблясь. Если же маршал этого не сделает, то это будет означать, что армия его не поддерживает⁶⁷.

В истории затянувшегося правительственного кризиса, казалось, наметилась позитивная перспектива, правые и центристы наконец-то договорились о создании коалиции, позволявшей им сформировать правительство во главе с В. Витосом. В него вошли национальные и христианские демократы, «Пяст» и Национальная рабочая партия. Имевшегося у коалиции большинства мандатов было достаточно для принятия всех обычных законов, в том числе и изменения закона о выборах. Учитывая позитивные тенденции в экономике, и особенно шанс резко увеличить экспорт угля, подаренный Польше английскими шахтерами, начавшими 5 мая генеральную забастовку, кабинет Витоса мог вполне рассчитывать на долгое существование. Многие дипломатические представители в Варшаве, внимательно наблюдавшие за развитием кризиса, пришли к выводу, что с этого момента обстановка в Польше начнет стабилизироваться. Так, итальянский посол Д. Майони 10 мая писал Б. Муссолини: «Правительство... хотя и не располагает сильным большинством, но считается, что необычайная парламентская ловкость премьера обеспечит ему жизнь»⁶⁷.

Левые отреагировали на новое правительство незамедлительно, назвав его вызовом польской демократии со стороны реакции, кабинетом эксплуатации трудящихся, поражений во внешней политике, краха обороноспособности государства, не способным восстановить экономику страны. В связи с этим они объявляли правительству «непримиримую борьбу и самую решительную оппозицию»⁶⁸. Это была достаточно традиционная и, видимо, ожидаемая правоцентристами риторика, которой вполне можно было не придавать особого значения.

Но в этот момент активизировался Пилсудский. В интервью от 10 мая он заявил, что создание кабинета вовсе не означает окончания правительственного кризиса, поскольку Витос игнорирует моральные интересы государства. Маршал уверял читателей,

что это будет правительство коррупции и злоупотребления властью, созданное ради партийной и личной корысти, что особенно сильно пострадают вооруженные силы и обороноспособность страны, что его вновь лишают возможности вернуться в армию. Поэтому он объявляет войну надругательству утративших чувство меры партий над Польшей, забвению ценностей высшего порядка ради материальных выгод. Был намек и на то, что правительство Витоса готовит на него покушение⁶⁹.

Это интервью было обращено к офицерам, многие из которых чувствовали себя неуверенно в связи с намерением Эдзеховского сократить офицерский корпус, а также к интеллигенции, чуткой к моральным аргументам. С политической точки зрения оно являлось открытым вызовом конституции, в полном соответствии с которой было сформировано правительственное большинство. Таким образом, проводя с конца 1925 г. политику «повышения ставок в игре», маршал достиг Рубикона. В конце первой декады мая 1926 г. у него оставалось только два пути – навязать свою волю парламенту и правительству или проиграть, и на этот раз, скорее всего, окончательно.

Правительство приняло вызов маршала, конфисковав 11 ноября тираж «Курьера поранного» и двух еврейских газет, поместивших текст его интервью. Но немалая часть тиража все же дошла до варшавских читателей и спровоцировала бурную реакцию. Особую активность проявили пилсудчики. Весь вечер они группами переходили из одного кафе в другое, провозглашали здравицы в честь маршала, демонстративно заказывали музыкантам свой неформальный гимн «Первая бригада», заставляя посетителей слушать его стоя, требовали отставки правительства.

В тот же день новый военный министр Ю. Мальчевский освободил от должности близкого маршалу полковника Б. Перацкого, управлявшего делами военного министра, ограничил свободу передвижений генерала Г. Орлича-Дрешера. Он также отменил отданный Желиговским 18 апреля приказ о проведении в окрестностях Варшавы военных учений под командованием Пилсудского. Инициатором маневров был полковник Б. Венява-Длугошовский, многолетний адъютант маршала. Стараниями выполнявших приказ пилсудчиков на учения оказались привлеченными только верные их кумиру воинские части. В условиях, когда Пилсудский не имел за собой безоговорочной поддержки войск Варшавского гарнизона⁷⁰, только таким образом он мог получить необходимый ему весомый аргумент в конфликте с правительством. Не случайно, что большинство командиров задействованных в учениях частей проигнорировали приказ Мальчевского о возвращении к местам дислокации и остались со своими подразделениями в непосредственной близости от столицы.

Поведение этих офицеров было своеобразной демонстрацией правительству того, что маршал не блефует, а действительно пользуется поддержкой армии, и поэтому с его мнением следует считаться. По сути дела Пилсудский добивался согласия президента и лидеров политических партий на корректировку существующей политической системы путем признания за ним особого, не предусмотренного конституцией, статуса гаранта безопасности страны и единственного выразителя интересов вооруженных сил. Самое интересное, что правительство и президент (как, впрочем, и советские дипломаты⁷¹), были уверены, что Пилсудский и на этот раз не пойдет на решительные действия и ограничится лишь громкими заявлениями в прессе. Поэтому никаких упреждающих действий правительство 11 мая не предприняло.

Между тем 12 мая утренние газеты ошеломили читателей известием, что ночью неизвестные люди обстреляли виллу маршала в Сулеювке. А поскольку конфликт между Пилсудским и правительственным лагерем имел публичный характер, то ответ на вопрос о вероятном организаторе покушения напрашивался сам собой. Это была провокация, оправдывавшая запланированную акцию устрашения президента и правительства. Лишь самые доверенные люди из окружения «отшельника из Сулеювека» знали о том, что в ночь с 11 на 12 мая он отдал приказ командирам верных ему частей двигаться к Варшаве. Руководство военной акцией маршал поручил генералу Г. Орличу-Дрешеру, в помощь ему были направлены генерал С. Бурхард-Букацкий, полковники А. Коц и Ю. Ульрих, подполковники Юзеф Бек, А. Минковский и др. Утром 12 мая Пилсудский отправился в Бельведер, чтобы потребовать от президента отставки правительства Витоса. Но ничего не подозревавший глава государства Войцеховский незадолго до этого уехал в загородную резиденцию. Возникла странная ситуация: долго вынашивавшийся план мог сорваться только из-за того, что некому было изложить свои требования. И Пилсудский решил идти ва-банк. Орлич-Дрешер получил приказ овладеть мостами через Вислу, чтобы военная группировка путчиков могла войти в левобережную часть города, где находились все правительственные здания. Сам маршал во главе военной колонны выступил из Рембертува в направлении Варшавы, на помощь подтягивались и другие части, дислоцированные в окрестностях столицы.

Левые партии незамедлительно поддержали Пилсудского и потребовали отставки правительства Витоса. Более того, социалисты приступили к формированию рабочего батальона, чтобы помочь путчику.

Какими соображениями руководствовались левые политики, выступившие как защитники демократии от фашизировавшихся правых сил? Во-первых, пониманием того, что правоцентристская коалиция приходит к власти всерьез и надолго, что она произведет такие изменения в законе о выборах, которые окончательно и бесповоротно закроют им легальный путь к власти. Во-вторых, надеждой, что Пилсудский разгонит ненавистный парламент с правоцентристским большинством, а новые выборы принесут успех левым. В-третьих, в рядах левых партий действовало немало преданных Пилсудскому людей, лично заинтересованных в том, чтобы их кумир вернулся к власти.

Поддержали переворот и коммунисты, правда, с оговоркой, что их «цели идут дальше». В перевороте они увидели возможность подтолкнуть революционный процесс в стране. Идеологи КПП еще раньше пришли к заключению, что Пилсудский является представителем мелкой буржуазии, своего рода польским А. Керенским. Придя к власти, маршал не сможет долго ее удерживать без взаимодействия со своими вчерашними противниками — крупной буржуазией и помещиками. И как только он пойдет на соглашение с ним, массы от него отшатнутся и обратятся к подлинным врагам старого порядка — коммунистам, которые поведут их на пролетарскую революцию.

Пришел в движение и правительственный лагерь. Военный министр Мальчевский вызвал в Варшаву верные правительству войска и организовал штаб обороны во главе с генералом Т. Розвадовским. Президент, узнав о передвижении войск, немедленно приехал в Варшаву и включился в работу кабинета министров. Правительство и глава государства потребовали от бунтовщиков подчиниться властям, призвали армию

сохранять верность законной власти⁷². В Варшаве, Варшавском и части Люблинского воеводства вводился режим чрезвычайного положения.

Но правительство не исключало и возможности мирного завершения конфликта. Президент выступил с инициативой личной встречи с предводителем бунтовщиков. Пилсудский приглашение принял, надеясь склонить Войцеховского к отставке правительства. Его не тревожило, что президент, отстраняя правительство таким путем, нарушал бы конституцию и явочным порядком изменял существовавшую политическую систему.

В 17 часов на мосту через Вислу состоялась встреча двух бывших соратников. Она окончилась безрезультатно. Президент призвал маршала подчиниться и представить свои требования легальным путем. Пилсудский это требование отверг. И не потому, что боялся лично за себя, хотя, конечно, его политическая и военная карьера на этом бы завершилась. Но за ним пошли офицеры, и им противозаконное участие в бунте вряд бы простили⁷³. С этого момента демонстрация кончилась, спор сторон теперь должно было решить военное столкновение.

Путчисты изначально имели в Варшаве почти двукратное превосходство в живой силе. К ним также присоединились около 800 членов Стрелкового союза, сведенных в 11 рот. Сформированному социалистами рабочему батальону Пилсудский оружия не выдал из опасения его бесконтрольного использования. На его стороне были также симпатии многих варшавян, особенно простых людей, наивно веривших, что он объявил войну правительству ради их интересов.

Пилсудский от непосредственного командования своей группировкой устранился, перепоручив это Орличу-Дрешеру и Беку. Войска маршала с боем овладели мостами через Вислу, и левобережная часть столицы на три дня превратилась в арену военных действий. Уже в первый день ими были взяты под контроль здания президиума правительства, Генерального штаба, городской комендатуры, министерства связи, окружной дирекции железных дорог, центральной телефонной станции, а также все железнодорожные вокзалы. Правительство осталось практически без телефонно-телеграфной связи со страной.

Сам же Пилсудский занялся политическим обеспечением переворота. Через маршала сейма М. Ратая он предложил президенту прекратить ненужное кровопролитие, поскольку перевес был явно на его стороне. Но Войцеховский остался непреклонным, надеясь на скорое прибытие подкреплений, в первую очередь из Познанского и Поморского военных округов. В тот же вечер Пилсудский обсудил с руководителем пепезовского профсоюза железнодорожников А. Курыловичем возможность организации забастовки на транспорте, чтобы помешать переброске в Варшаву верных присяге войск. Уже глубокой ночью состоялась импровизированная пресс-конференция Пилсудского, на которой он, в частности, сказал: «Я всю жизнь боролся за то, что называется *imponderabilia* — то есть честь, достоинство, мужество и вообще внутренние силы человека, а не за выгоды собственные или ближайшего окружения. Не может быть в государстве слишком много несправедливости по отношению к тем, кто трудится для других, не может быть в государстве — если оно не хочет погибнуть — слишком много беззакония»⁷⁴. Тем самым маршал, мотивируя свои противоправные действия не политическими, а моральными и социальными побуждениями, шел навстречу общественным ожиданиям. Это заявление обеспечивало ему поддержку и симпатии

большинства граждан страны независимо от национальности. Большинство членов руководства ППС решило оказать перевороту полную поддержку и проголосовало за всеобщую стачку.

13 мая получившие подкрепление правительственные части сумели несколько улучшить свои позиции, но на следующий день военное счастье вновь улыбнулось путчистам. Им на помощь прибыли части из виленского гарнизона, а войска из Великой Польши с трудом продвигались к столице, поскольку железнодорожное сообщение на западном направлении было парализовано объявленной ППС забастовкой. А вскоре мятежники заняли расположенный в черте города аэродром. На последнем заседании кабинета с участием президента и военных по предложению Витоса было решено прекратить сопротивление. Премьер последнего конституционного правительства опасался возникновения широкомасштабной гражданской войны, а также возможного вмешательства Германии и СССР*, только что, в апреле 1926 г., заключивших между собой политический договор, который в Варшаве считали направленным против Польши. Министры согласились со своим председателем, после чего Войцеховский заявил, что слагает с себя полномочия главы государства. Согласно конституции, исполнение его обязанностей до выборов нового президента перешло к маршалу сейма. Затем аналогичное решение приняло правительство.

Хотя бои в столице длились целых три дня, провинция в целом, за исключением пожалуй Познани, отнеслась к происходящему выжидательно. В какой-то мере это можно объяснить результатом партийной пропаганды, направленной против модели парламентаризма образца 1921 г. Парадокс заключался в том, что в дни переворота существовавшую политическую систему защищали только правые и центристы, которые сформировали коалицию именно для того, чтобы в будущем ее радикально трансформировать.

Победа путчистов завершила демократический этап в межвоенной истории Польши. Оформленная конституцией 1921 г. политическая система показалась польскому обществу, охваченному настроениями социально-политического нетерпения, недостаточно эффективной, ибо не были обеспечены быстрое решение задач в области экономики и внутренней политики, безопасность страны от внешних угроз. В условиях, когда ни одна из влиятельных польских политических сил не считала эту систему заслуживающей безусловного сохранения⁷⁵, у нее не было серьезных шансов на выживание и последующее эволюционное развитие.

* Этот аргумент до сих пор используется в научной литературе без особых на то оснований. Польские границы были гарантированы Лигой наций, и вряд ли слабые в военном отношении Германия и СССР решились бы на открытую агрессию против своей соседки.

III.1. ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ РЕЖИМА «САНАЦИИ» И КОРРЕКТИРОВКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

14 мая казалось, что победу одержали левые политические силы, ведь именно с ними в сознании многих поляков ассоциировалась личность Пилсудского. Однако маршал немедленно развеял эту иллюзию. Без консультаций с исполнявшим обязанности президента М. Ратаем и руководителями политических партий 15 мая Пилсудский поручил формирование правительства профессору Львовского политехнического института Казимежу Бартелю, одному из лидеров Партии труда и члену группы гражданских конспираторов. За собой он оставил пост военного министра. Маршал будет занимать его до смерти, так же как и реально руководить внешней политикой Польши. Все министры были людьми новыми в коридорах исполнительной власти. Полностью меняя правительственную команду, Пилсудский показал, что не чувствует себя обязанным победой каким-либо партиям. Он явочным порядком присвоил себе право назначать правительство без консультаций с парламентом. И политические партии с этим согласились. Таким образом, на следующее утро после переворота, стоившего стране 379 погибших и 920 раненых⁷⁶, Польша проснулась с новой политической системой, вскоре получившей анемичное название режима «санации» (оздоровления).

Кабинет К. Бартеля был немедленно утвержден М. Ратаем. В первую очередь правительство занялось преодолением раскола в армии. 15 мая Ратай декретом запретил дальнейшие военные действия⁷⁷. 16 мая представители противостоявших войск подписали соглашение о прекращении боевых действий и подчинении приказам военного министра. 22 мая Пилсудский издал приказ по армии, в котором интерпретировал майскую трагедию как братскую ссору. Он выразил пожелание, чтобы пролитая в столице кровь стала «новым посевом братства» и поставил задачу заняться «работой по укреплению и возрождению нашей земли»⁷⁸.

Маршал публично пообещал не преследовать вчерашних противников, но своего слова не сдержал. Командовавшие в дни переворота верными правительству войсками генералы Ю. Мальчевский, Т. Розадовский, Б. Язьвинский и В. Загурский были арестованы и заключены в военную тюрьму в Вильно, а затем уволены со службы. Судьба Загурского после выхода из военной тюрьмы сложилась особенно трагично: он без вести пропал. Широко было распространено мнение, что к его гибели имел отношение Пилсудский. Всего к 1927 г. из армии уволили 37 генералов⁷⁹, в том числе прославившихся во время польско-советской войны С. Галлера, Ю. Галлера, М. Кукеля, С. Маевского, С. Шептицкого. Некоторые офицеры ушли в отставку по собственному желанию. Но большинство защитников законного правительства продолжили службу в Войске польском, а некоторые из них, например, В. Андерс, Г. Пашкевич, С. Гжмот-Скотницкий дослужились до генеральских лампасов.

Не забывал Пилсудский и о политической сфере. Многие ожидали, что он провозгласит себя диктатором и разгонит парламент. Но этого не случилось. Маршал не нуждался в сейме, сформированном по итогам новых выборов, тем более что он не был уверен в их результатах. На период укрепления режима его больше устраивал парламент униженный, не пользующийся авторитетом в обществе⁸⁰. Такой «ход» Пилсудского показал иллюзорность расчетов лидеров левых партий на приход к власти с его помощью.

Следующим шагом Пилсудского было заполнение вакантной должности президента. За две недели, которые отделяли завершение переворота от выборов президента, он ни разу не сказал, что не собирается сам баллотироваться на этот пост. Зато в ряде интервью достаточно откровенно излагал свое видение оптимального государственного устройства Польши: сильная власть, но не личная диктатура, как в Италии, а американская модель, приспособленная к польским условиям таким образом, чтобы президент представлял не какую-то партию, а всю нацию. В ряду необходимых изменений он называл наделение президента правом самостоятельно принимать решения по важнейшим вопросам государственной жизни и формировать правительство, ослабление роли парламента в пользу кабинета министров, упрощение законодательства⁸¹.

Одновременно маршал психологически давил на парламентариев, запугивая правых и центристов тем, что если они не выберут «достойного» президента, то он, Пилсудский, не будет защищать их от возмущенной «улицы», и тогда поневоле придется править «с помощью кнута». Надежды левых были развеяны заявлением, что он совершил «нечто вроде революции без всяких революционных последствий»⁸².

31 мая 1926 г., в третий раз после 1922 г., было созвано национальное собрание. ППС предложила на пост президента Ю. Пилсудского, национальные демократы и Национально-христианская партия — познанского воеводу графа А. Бниньского, не признававшего кабинет К. Бартеля. Это означало, что правые не собирались без сопротивления мириться с новой политической реальностью. Независимая крестьянская партия назвала своим кандидатом А. Фидеркевича, а коммунисты решили демонстративно голосовать за находившегося в заключении С. Ланьцуцкого.

В зале заседаний присутствовали 546 депутатов и сенаторов, одним из 9 отсутствовавших был В. Витос*. Результаты тайного голосования были следующими: Пилсудский получил 292 голоса, Бниньский — 193, а 61 бюллетень оказался незаполненным. Пилсудского поддержали левые, национальные меньшинства и значительная часть центра. Воздержались от голосования главным образом коммунисты, фракция Независимой крестьянской партии, часть белорусских и украинских депутатов.

Известие об избрании президентом вчерашнего путчиста молниеносно облетело всю страну. Повсеместно его почитатели организовывали митинги и шествия**. Однако

* Воспитанный в австрийских традициях законности, свергнутый премьер не хотел участвовать в акте легализации переворота. Обычно сдержанный, он предложил позволившему ему по поручению Пилсудского Бартелю поцеловать его в одно место. К тому же он знал, что большинство депутатов из его фракции собираются голосовать за Пилсудского

** В Варшаве генерал Р. Гурецкий с группой офицеров из военного министерства прошеествовал по центру города к Саксонской площади и, встав по стойке смирно перед памятником наполеоновскому маршалу князю Ю. Понятовскому, доложил, что Первый маршал Польши Ю. Пилсудский избран президентом Речи Посполитой. Как по-

Пилсудский в тот же день направил Ратаю письмо, в котором благодарил за происшедшую легализацию переворота и отказывался от поста президента. Свое решение он мотивировал тем, что не хочет становиться главой государства по воле сейма, к которому не питает доверия, что слишком хорошо помнит трагическую судьбу Г. Нарutowича, кроме того потрясен жестоким нападением на своих детей (имелся в виду мифический обстрел его виллы в Сулеювке в ночь с 11 на 12 мая 1926 г.). К тому же он любит конкретную работу, а конституция его от такой работы «отстраняет и отдаляет»: ему пришлось бы «мучиться и ломать себя», чего ему его характер не позволяет⁸³.

Логика поведения Пилсудского понятна. Согласившись стать президентом, он потерял бы непосредственный контроль над армией, которую считал своим любимым детищем, гарантом безопасности Польши и главной опорой создаваемого режима. Строго говоря, пост конституционного главы государства был ему не нужен. Имея в своем распоряжении тот самый «кнут» в виде армии и доказав политикам, что в любой момент может пустить его в дело, Пилсудский де-факто уже обеспечил себе место своеобразного «суперглавы» государства. Его больше устраивала роль «серого кардинала», остававшегося в тени, но при этом единолично принимавшего основные политические решения.

Вместо себя он предложил избрать президентом И. Мосьцицкого, в тот момент профессора химии Варшавского университета, соратника по социалистическому прошлому, человека, который давно расстался с политикой и сделал успешную научную и деловую карьеру⁸⁴. 1 июня кандидатура Мосьцицкого на пост президента была предложена национальному собранию К. Бартелем и М. Ратаем. Перед депутатами, отдавшими накануне свои голоса за Пилсудского, возникла дилемма: подчиниться прихоти маршала или голосовать против. Из партий, поддержавших автора переворота, только социалисты решились выставить собственного кандидата. В итоге национальному собранию были предложены три кандидатуры: Мосьцицкого, З. Марека и А. Бниньского. После первого тура, который кандидат социалистов безнадежно проиграл (56 голосов), ППС приняла решение голосовать за Мосьцицкого, лишь на 4 голоса опередившего кандидата от эндеков. Во втором туре 281 голосами против 200, отданных за Бниньского, президентом избрали креатуру диктатора⁸⁵. Своим выбором парламент не только «отпустил грехи» путчисту, но и продемонстрировал высокую степень сервильности. Особенно неприглядно выглядели центристы, входившие в состав свергнутой правительственной коалиции. Лишь эндеки, украинские и белорусские депутаты, а также коммунисты и их союзники из Независимой крестьянской партии «сохранили лицо», хотя и руководствовались при этом разными мотивами.

4 июня президент был приведен к присяге. После того, как 8 июня глава государства утвердил представленный К. Бартелем новый состав правительства, завершился второй после замирения армии этап в становлении режима «санации». Парламент был деморализован, правые изолированы от своих потенциальных союзников из центра, левые и центристы признали право Пилсудского определять дальнейшее развитие страны.

том шутили в Варшаве, Понятовский остался безучастным, зато заржал конь другого памятника, императору Марку Аврелию, который стоял за спиной начальника корпуса контролеров польской армии.

Новая политическая реальность в Польше была воспринята как должное и за границей. Так, итальянский МИД указывал послу в Варшаве, почему следует без оговорок принять новую реальность в Польше: «Анализ развития событий показывает, что они [поляки] не выходят за конституционные рамки, не ведут к изменению режима, поэтому уполномочиваю Вашу Светлость установить нормальные отношения с этим правительством, избегая при этом какого-либо особого акта признания»⁸⁶. Пилсудский, после переворота сразу же взявший в свои руки внешнюю политику Польши, настойчиво убеждал аккредитованных в Варшаве дипломатов в своей приверженности миру и добрососедству. Он говорил в тот момент своим соратникам, что в ближайшие пять лет Польше не грозят какие-либо вызовы, требующие от нее радикальных действий. Для технического проведения своего внешнеполитического курса Пилсудский избрал А. Залеского, выпускника Лондонской школы экономических и политических наук, в годы Великой войны пропагандировавшего в странах Антанты пилсудчиковскую концепцию борьбы за независимость, в 1922–1926 гг. посланника в Риме. Залеский был известен как сторонник конструктивного взаимодействия с Лигой наций⁸⁷.

Итоги президентских выборов свидетельствовали о поражении сторонников концепции «польского большинства». Еще 20 дней тому назад они, казалось, имели шансы реализовать ее. Ценой отказа от парламентской политической системы Польша избежала участи стать, как того хотели национальные демократы и их союзники, государством только для поляков, в котором национальным меньшинствам была бы уготована роль граждан второго сорта.

Уже ближайшие дни и месяцы показали направление дальнейшей трансформации политической системы. Первым делом был решен вопрос отношений военного министра с президентом, правительством и сеймом. Пилсудский сам определил, как они должны выглядеть, а затем свое решение сообщил Бартелю в форме условий, на которых он готов занять во втором его кабинете кресло военного министра. Это лишь на первый взгляд странное поведение Пилсудского (ведь именно он решил, кто будет премьером и президентом) свидетельствовало, что маршал постарается внешне «соблюдать приличия», дабы укреплять авторитет высших должностных лиц в вертикали исполнительной власти. Таким способом он «приучал» общество и политический класс к тому, что главными институтами являются президент и премьер-министр, а не парламент. На своем первом заседании 9 июня кабинет министров принял все условия Пилсудского, в том числе восстановил действие декрета от 7 января 1921 г., противоречившего конституции, — об организации высшего военного командования.

Тогда же Пилсудский был утвержден председателем Узкого военного совета и провел через правительство решение о том, что все вопросы компетенции верховного командования, не отнесенные конституцией к прерогативам сейма, в дальнейшем будут регулироваться декретами президента, согласованными с военным министром. Таким образом, произошло правовое закрепление его исключительной позиции в армии.

Еще одним важным решением, принятым кабинетом 9 июня, было признание за президентом права прямого вмешательства в текущую деятельность правительства.

Одновременно готовились поправки к конституции. Свои проекты разработали правительство, а также правые и центристы, предлагавшие увеличить полномочия исполнительной власти, усилить роль сената и изменить закон о выборах в ущерб национальным меньшинствам. Столь солидарное желание разных политических сил

ревизовать конституцию сулило успех правительственной инициативе. 5 июля сейм приступил к обсуждению проектов, и уже 2 августа 246 голосами против 95 принял закон о внесении 8 поправок в 6 статей конституции (так называемая «августовская новелла»). Против новеллы голосовали фракции ППС, КПП, НКП и значительная часть депутатов от национальных меньшинств.

Новый закон наделил президента правом распускать парламент по мотивированному представлению Совета министров (ранее для этого нужно было согласие сената), одновременно лишил сейм возможности самороспуска*. За главой государства сохранялось право созывать, открывать, переносить и закрывать заседания парламента. Важным было разрешение президенту издавать распоряжения, имеющие силу закона с момента их оглашения, то есть декреты, если они не направлены на изменение конституции. Декреты утрачивали силу, не будучи представленными на рассмотрение законодателей в течение 14 дней с момента открытия сессии или же не получив их одобрения. Главной задачей депутатов на созываемой раз в год (не позже 1 октября) очередной сессии парламента становилось определение квоты призыва в армию и принятие государственного бюджета. Но если они не успевали сделать это до начала бюджетного года, президент утверждал бюджет в правительственном варианте. Таким образом, правительству было гарантировано своевременное бюджетное финансирование. Откликом на антикоррупционные заявления Пилсудского стало ужесточение ответственности депутатов за использование мандатов в корыстных целях⁸⁸.

В тот же день был принят закон о полномочиях президента, определивший области государственной жизни, которые глава государства мог до 31 декабря 1927 г. регулировать своими декретами. Согласно ему, из ведения сейма исключались: приведение действовавшего законодательства в соответствие с конституцией и исполнение ее положений, предусматривавших принятие особых законов; реорганизация и упрощение работы органов государственной администрации; совершенствование правопорядка; судопроизводство и социальное обеспечение, а также меры по обеспечению бюджетного равновесия, стабилизации валюты и развитию экономики, особенно промышленности и сельского хозяйства. Одновременно законодатель запрещал президенту издавать распоряжения, касавшиеся полномочий местного самоуправления, бюджета, численности армии и очередного призыва, контроля над государственным долгом, амнистировать министров, привлекаемых парламентом к ответственности перед Государственным трибуналом, а также заключать без согласия сейма союзные, торговые, таможенные, кредитные договоры, менять правовой статус граждан страны или государственные границы.

Глава государства не имел права вводить новые налоги и сборы, повышать налоговые ставки и пошлины сверх предусмотренных законом норм, вводить новые монополии, произвольно увеличивать эмиссию разменной монеты, распоряжаться государственной недвижимостью, менять избирательное законодательство в парламент и органы местного самоуправления, изменять границы воеводств, языковые и школьные законы, антиалкогольный закон и семейное право⁸⁹.

* С этой поправкой случился казус. Сейм, рассматривая поправки сената, по инерции проголосовал против права самороспуска, тем самым полностью отдав свою судьбу в руки исполнительной власти.

Пилсудский придавал огромное значение управлению с помощью декретов, что позволяло режиму беспрепятственно решать актуальные проблемы текущей политики и наращивать в интересах режима законодательную базу. Принятие новой конституции откладывалось до полного овладения всеми институтами государственной власти⁹⁰. Таким образом, одобренные сеймом поправки и законы продолжили процесс изменения польской политической системы. Существенно возросла роль президента, теперь он мог контролировать деятельность и правительства, и парламента. Сейм утратил свою неуязвимость и исключительную позицию, а исполнительная власть получила возможность вводить в действие подготавливаемые правительством законы, минуя парламент.

Пилсудский продолжал усиливать позиции режима и в армии. 5 августа 1926 г. было существенно увеличено жалование кадрового состава вооруженных сил. 6 августа президент подписал подготовленный Пилсудским проект декрета об организации верховного командования Вооруженных сил. Формально декрет предоставлял президенту как верховному главнокомандующему больше прав, чем прежде. Теперь он не руководил, а командовал вооруженными силами через военного министра, которому поручалось руководство армией в мирный период. Во время войны во главе вооруженных сил становился генеральный инспектор. Отношения между этими двумя должностными лицами были прописаны в самом общем виде. Необычным было то, что генеральный инспектор имел больше полномочий, чем военный министр, формально его прямой начальник. При жизни диктатора это не имело значения, поскольку он занимал обе эти должности одновременно. Генеральный инспектор был также референтом Комитета государственной обороны, созданного в октябре 1926 г. Без его согласия этот высший коллегиальный орган, отвечавший за все вопросы обороны государства, не мог принять ни одного решения.

Позиция генерального инспектора в Польше кардинально отличалась от статуса аналогичных ему должностных лиц в других странах, прежде всего — неподконтрольностью конституционным органам государственной власти. Несомненно, абсолютная свобода действий генерального инспектора, освобожденного от занятия текущими делами в военном министерстве, позволяла ему полностью сосредоточиться на боевой подготовке вооруженных сил. Но на практике этого не произошло, поскольку Пилсудский вплоть до своей кончины совмещал обе должности. В результате ему приходилось вплотную заниматься вопросами не только развития армии и оборонной промышленности, но и повседневной жизни вооруженных сил, военного бюджета, кадров и т. д. В числе последствий этого совмещения наиболее значимыми были, пожалуй, закрепление за армией статуса главной опоры режима «санации», а также возрастание роли военных в государственном аппарате и политической жизни⁹¹.

Итак, за относительно небольшой срок, с 15 мая до 6 августа 1926 г. в Польше была создана и законодательно закреплена исходная модель режима «санации». Она представляла собой политическую систему, в которой наряду с личной диктатурой пользующегося симпатиями части общества Пилсудского, который контролировал армию и исполнительную власть, сохранялись существенные остатки парламентаризма в виде легально действующих политических партий и представительных органов. Последние, утратив ряд своих прерогатив в пользу исполнительной власти, все же имели возможность оказывать сопротивление диктатуре.

Несомненно, политической инициативой на этом этапе полностью владел Пилсудский. Он легко получил от парламента признание законности новых принципов государственного управления. Сейм добровольно* отказывался от своей центральной позиции в государстве в пользу президента и правительства; теперь уже не он контролировал исполнительную власть, а глава государства и кабинет министров определяли порядок и содержание работы парламента. Пилсудский, хорошо знавший менталитет своих соплеменников, считал бесперспективным правление только с помощью силы⁹². Сохранение в Польше атрибутов парламентаризма (конституции, партий, оппозиции) было не прихотью диктатора или свидетельством слабости режима, а осознанным решением с целью избежать отчуждения власти от общества. Пилсудский хотел править при общественной поддержке, но без участия политических партий, эту поддержку вербализовавших.

Новая политическая система, совмещавшая институты диктатуры с остатками традиционного парламентаризма, очень быстро показала, что присущая ей двойственная природа не сулит легкой жизни ни режиму, ни партиям. Пилсудский явно просчитался в оценке степени деморализации политических партий. Оказалось, что они обладают значительным потенциалом адаптации к обстановке, способны менять тактику и даже стратегию своей деятельности. Установление режима усилило процессы дифференциации в их рядах, впрочем, никогда не прекращавшиеся и прежде. Но теперь от каждого лидера и члена партии жизнь потребовала определиться по отношению не к достаточно абстрактной идее оптимального общественного строя, а к вполне реальному режиму «санации», наглухо перекрывшему традиционным политическим силам доступ к власти, а тем самым и к реализации их программ. Но точно с таким же выбором столкнулись и все граждане Польши. И хотя для них выбор имел другой, личностный характер, но от него зависела ситуация на политической сцене.

Главными противниками режима вплоть до выборов в парламент второго созыва в марте 1928 г. Пилсудский считал национальных демократов. Эндеки сумели избежать раскола, что вовсе не означало, что они остались монолитом. Активизировались правые радикалы, недовольные руководством Народно-национального союза. Вскоре после переворота их лидер Р. Дмовский приступил к созданию Лагерея великой Польши (*Obóz Wielkiej Polski* — ОВП). Эта новая организация должна была сплотить все руководствовавшиеся национальными категориями партии и организации от «Пяста» до праворадикального студенческого союза Всепольская молодежь, а также отдельных граждан. Фактически речь шла о создании общенационального движения польских националистов. Помимо легальной работы, предусматривалась и конспиративная деятельность ОВП. Образцом для членов организации должны были стать Б. Муссолини и его фашистская партия.

* Указание на это обстоятельство неслучайно. Никто не принуждал парламентариев голосовать в интересах режима ни при избрании президента, ни при внесении поправок в конституцию или принятии правительственных законопроектов, менявших политическую систему. Чем же тогда они руководствовались? Одни — убеждением в необходимости и полезности для страны таких решений, другие — слепой верой в гений маршала, третьи — нежеланием терять выгоды, связанные с депутатским мандатом. Лишь коммунисты и представители славянских нацменьшинств голосовали против всех предложений режима, но делали они это вовсе не из приверженности ликвидируемой политической системе.

Датой официального рождения ОВП стало 4 декабря 1926 г. Однако расчет Дмовского не оправдался, традиционные партии не пошли под крыло ОВП, свою организационную и идеологическую самостоятельность сохранил и ННС. Лагерь великой Польши со временем приобретал все более праворадикальную окраску, организовывал антисемитские акции и манифестации, добивался введения процентной нормы для евреев в университетах, пропагандировал необходимость ассимиляции славянских нацменьшинств, возвращения Польше захваченных у нее немцами в прошлом территорий. Образование ОВП не ослабило, а даже усилило лагерь национальной демократии, особенно за счет привлечения учащейся, рабочей и крестьянской молодежи, разделявшей националистические постулаты Дмовского и желавшей возрождения величия Польши. Численность ОВП приближалась к 300 тыс. членов, но с самого начала своей деятельности он стал подвергаться преследованиям со стороны властей.

А вот ближайшие союзники Народно-национального союза дрогнули, вступили в стадию метаний и расколов. Большая часть членов правой Христианско-национальной партии вошла в состав новообразованной Христианско-аграрной партии, поддерживавшей правительство. Колеблущуюся позицию занимали христианские демократы, находившиеся под сильным влиянием католического клира. 31 мая их парламентская фракция голосовала за Пилсудского. Но ориентация на режим не стала в партии общепризнанной, сильным было стремление к сохранению союзнических отношений с идеологически близким ННС. В целом у христианских демократов просматривались три позиции — сотрудничества с режимом, борьбы с ним и нейтралитета. Наиболее оппозиционной режиму была силезская организация во главе с В. Корфантами.

На почве отношения к «санации» произошел раскол в Национальной рабочей партии, на базе лодзинской и части великопольской организаций была создана Национальная рабочая партия-левица, безоговорочно поддерживавшая Пилсудского. В «Пясте» многие не разделяли решительно антисанационной позиции своего лидера В. Витоса. В условиях, когда Витос после переворота временно отошел от непосредственного руководства партий, тон в ней стали задавать сторонники нахождения *модус вивенди* с «санацией» — М. Ратай, Я. Бойко и др. Но все же их влияния было недостаточным, чтобы радикально обрушить авторитет «войта из Вежхославиц» в партийных рядах.

Сложную эволюцию переживала ППС. Сначала социалисты безоговорочно поддержали переворот и даже предложили 31 мая кандидатуру Пилсудского в президенты. Партия довольно быстро, к концу 1926 г., перешла в оппозицию правительству, но одновременно воздерживалась от критики Пилсудского, искала возможности соглашения с ним на платформе борьбы с «буржуазной реакцией», т. е. бывшими партиями «Хъены»–«Пяста». Эту двойственную политику она будет проводить до выхода из ее рядов сторонников Пилсудского и создания ими в 1928 г. конкурирующей партии — ППС–бывшая революционная фракция. Недостаточно решительная оппозиция руководства ППС режиму спровоцирует еще один раскол и основание радикально настроенными социалистами ППС-левицы, тяготеющей к КПП.

По сходному сценарию развивались процессы в ПСЛ «Вызволнение» и Крестьянской партии, где также сильны были позиции пилсудчиков. В их руководстве настроения разочарования и недовольства отношением к ним маршала (пренебрег их доверием, не приглашал в правительство и не торопился выполнять их социальные постулаты)

стали проявляться после 31 мая 1926 г. В решительную оппозицию они встали лишь в 1928 г., пережив ряд расколов и разуверившись в своем недавнем кумире.

Раньше других, при определяющем участии исполкома Коммунистического Интернационала и руководства ВКП(б), перешли в оппозицию коммунисты. Еще 31 мая они готовы были отдать свои голоса Пилсудскому, если бы возникла угроза, что его не выберут президентом. Но уже в первой половине июня коммунисты объявили режим фашистским и призвали трудящихся к решительной борьбе с ним. Тем не менее даже кратковременная поддержка переворота имела для КПП далеко идущие последствия. В ее руководстве началась бесплодная дискуссия о виновниках допущенной ошибки, приведшая к образованию в партии двух непримиримых групп — «большинства» и «меньшинства», междоусобная борьба которых ослабляла и так не слишком большое влияние коммунистов в среде польского пролетариата.

Сходную эволюцию переживали ближайшие союзники КПП по революционному движению — Независимая крестьянская партия и Белорусская крестьянско-рабочая громада, что неудивительно, если принять во внимание их связь через коммунистов с Коминтерном и ВКП(б). 10 октября 1926 г. революционный лагерь пополнился Украинским крестьянско-рабочим социалистическим объединением, более известным как Сель-Роб, который был образован двумя левыми украинскими организациями, тесно связанными с Коммунистической партией Западной Украины.

Одноименно шел процесс формирования собственного политического лагеря «санации», который первоначально был представлен небольшим Клубом труда, с ноября 1926 г. приступившим к созданию Партии труда, а также Союзом напавы (исправления) Речи Посполитой, возникшим в конце мая 1926 г. в результате объединения Стрелкового союза, Центрального союза осадников* и Союза силезских повстанцев. В лагере «санации» обе эти организации позиционировали себя как либеральные группировки и располагались на левом фланге. Кроме того Пилсудский мог полностью положиться на Союз легионеров. Но в целом исходная политическая база режима была незначительной. Основная работа по ее созданию была впереди.

III.2. БОРЬБА ЗА ОВЛАДЕНИЕ ПАРЛАМЕНТОМ

Установление режима «санации» произошло в условиях улучшения экономической ситуации. Уже в начале 1926 г. в ряде отраслей экономики наметилось оживление конъюнктуры, успешно велись переговоры о внешних заимствованиях (в октябре 1927 г. международный консорциум банков предоставил Польше стабилизационный кредит сроком на 20 лет на сумму почти в 72 млн долларов под 7% годовых). Снижение курса национальной валюты способствовало увеличению экспорта сельскохозяйственной (особенно зерна) и промышленной продукции, тем самым и росту

* Так называли бывших военнослужащих, получивших землю в восточных областях Польши по закону 1920 г. Их задачей было укрепление «польскости» на украинских и белорусских землях.

валютных резервов. В 1926–1927 гг. курс злотого к доллару держался вблизи отметки 9:1, около половины находившихся в обращении денег имели золотое обеспечение. Увеличение доходов села позволяло крестьянам покупать больше земли. Создание новых хозяйств сопровождалось ростом спроса на сельскохозяйственные машины и инвентарь, стимулируя тем самым промышленность и импорт. Стачка английских горняков повысила спрос на польский уголь в Западной Европе, что позволило компенсировать потерю немецкого рынка. Если в 1925 г. Польша экспортировала 8 млн тонн угля, то в 1926 г. почти 14 млн т. Правительство Бартеля практически продолжило экономический курс прежних правительств, признало необходимость государственной поддержки сельского хозяйства и промышленности, но без использования инструментов государственного регулирования, обещало сохранить главные социальные завоевания трудящихся.

Возросла деловая активность. После подписания нового соглашения с франко-польским консорциумом в октябре 1926 г. увеличились инвестиции в строительство польского порта в Гдыне и соответствующей инфраструктуры, в том числе транспортной. В финансовой области был продолжен намеченный Е. Здзеховским курс на противодействие инфляции, последовательно сокращались государственные капиталовложения, что давало возможность более активно действовать частным инвесторам, в том числе и зарубежным. Такая политика в краткосрочной перспективе себя оправдывала*. При правительстве работали консультативные комитеты по вопросам промышленности, сельского хозяйства и труда, в состав которых вошли авторитетные специалисты, представители деловых кругов и профсоюзов. Это обеспечивало ему нормальные отношения и с имущими классами, и с трудящимися.

Зато в политике, в отличие от экономики, появились симптомы надвигающейся бури. Когда в сентябре 1926 г. парламент собрался на сессию, часть депутатов попыталась отвоевать потерянные позиции. Бюджетная комиссия сейма существенно урезала государственные расходы на последний квартал 1926 г., особенно статьи военного министерства. Правительство безрезультатно убеждало депутатов не делать этого. 24 сентября законодатели по предложению христианских демократов выразили вотум недоверия министру внутренних дел генералу К. Млодзяновскому и министру по делам культов и народного образования А. Суйковскому. И уменьшение бюджета военного министерства, и требование отставки откровенных креатур Пилсудского были, несомненно, прямым вызовом диктатору.

Его ответ, ошеломивший парламентариев своей бесцеремонностью, последовал без промедления. Правительство Бартеля подало в отставку, а 27 сентября Мосьцицкий назначил кабинет в прежнем составе. С формальной точки зрения такое решение не противоречило конституции**, но фактически это было открытое издевательство над законодателями. Ответным их ходом стало утверждение 30 сентября урезанного на

* Но в долгосрочной перспективе, учитывая слабость национального капитала, она тормозила хозяйственное развитие страны. От нее отказались в 1936 г., в связи с началом создания Центрального промышленного округа.

** Некоторые исследователи считают, что была нарушена 58 ст. Основного закона, гласившая, что «...Совет министров и каждый министр в отдельности подают в отставку по требованию сейма».

40 млн злотых бюджета на последний квартал года. Депутаты не остановились перед таким шагом, хотя их негласно уведомили, что правительство приняло решение о досрочном роспуске парламента и президент готов подписать соответствующий декрет. И вновь получили неожиданный ответ власти.

К. Бартель подал президенту прошение об отставке кабинета, что лишило сейм возможности поставить вопрос о доверии правительству. Мосьцицкий заявление удовлетворил и 2 октября назначил правительство во главе с Пилсудским. Одновременно он закрыл сессию парламента, лишив депутатов возможности выразить свое отношение к случившемуся. Впервые в борьбе с сеймом режим использовал возможности, предоставленные ему законодателями в августовской новелле и законе о президентской власти. Формально не нарушив конституции, «санация» фактически проигнорировала волю депутатов и парламентские обычаи.

Одновременно «санация» показала оппозиционерам, что не намерена с ними особенно церемониться. В ночь на 1 октября группой офицеров в своей квартире был избит депутат сейма от ННС Е. Здзеховский, один из самых активных поборников сокращения государственных расходов, в том числе на армию. Возбужденное по этому поводу уголовное дело результатов не дало. М. Ратаю, затронувшему в разговоре с маршалом этот сюжет, тот ответил: пусть пострадавший сам ищет своих обидчиков, а он ради какого-то «мерзавца» не разрешит запятнать подозрением всех офицеров. Случаи избияния офицерами критиковавших режим журналистов и политиков (А. Новачиньский, С. Строньский, Я. Домбский и др.) будут иметь место и в будущем, и ни разу следствие не найдет виновных.

Пилсудский вышел на «линию огня» не только из-за активизации оппозиции, но и с мыслью о том, что через год истекают полномочия сейма первого созыва. Сохранив парламент, реальную многопартийность и прежний закон о выборах, он тем самым обрек свой режим на испытание выборами. Конечно, для политической партии с традициями столь длительная подготовка к выборам была бы излишней, но у Пилсудского не было своей партии. «Санации» вряд ли можно было рассчитывать на то, что одной харизмы Пилсудского будет достаточно для победы. Режиму следовало серьезно готовиться к будущей схватке за мандаты, причем по правилам и тем оружием, которые выбирал не он один. Его соперники имели необходимые организационные структуры и накопили опыт работы с избирателями. Поэтому выход на политическую авансцену Пилсудского, с его огромным авторитетом у многих поляков, был сильным ходом, ставившим левые и центристские партии перед необходимостью определиться в отношении лично маршала, что они предпочитали не делать.

Совершенно очевидно, что решение Пилсудского возглавить правительство преследовало сугубо политические цели. В пользу этого свидетельствует в частности то обстоятельство, что премьер вовсе не собирался утруждать себя решением текущих вопросов. Это за него делал К. Бартель, получивший портфель вице-премьера.

По сравнению с кабинетами Бартеля в правительстве Пилсудского оказалось много новых людей, в том числе давно с ним связанных⁹³. Кресла вице-министров и начальников департаментов заняло еще больше пилсудчиков, что облегчало диктатору контроль над работой ведомств. Сходный процесс имел место и в аппарате президента. Одновременно шла замена прежних воевод и старост на сторонников режима. Столь

активное наполнение органов исполнительной власти своими людьми означало помимо прочего и то, что диктатор всерьез занялся превращением государственного аппарата во вторую после армии опору режима.

Одновременно перегруженный обязанностями, не очень здоровый* диктатор продолжил формирование своего нового политического штаба. Так он действовал во все поворотные моменты своей жизни. На этот раз в его «ближний круг» вошли как соратники времен боевой организации ППС В. Славек и А. Пристор, так и служившие под его началом в легионе, Польской военной организации и Войске польском в 1919–1921 гг. Б. Венява-Длугошовский, Ю. Бек, К. Свистальский, Б. Медзильский, Б. Перацкий, И. Матушевский, Я. Енджеевич, главный интерпретатор конституции в нужном режиме направили С. Цар. Все они считали, что обязаны своей карьерой только Пилсудскому, безгранично верили в его политический гений.

Пилсудский одним из своих главных политических приоритетов определил обеспечение поддержки правительства со стороны различных социальных групп. Среди таких групп были крупные землевладельцы, прежде поддерживавшие эндеков, но из-за закона об аграрной реформе 1925 г. охладевшие к ним. Неожиданно для всех Пилсудский привлек в состав правительства двух виленских консерваторов, представлявших интересы крупных землевладельцев восточных областей Польши («кресовых зубров»). Особенно скандальным выглядело назначение министром юстиции А. Мейштовича, активного участника торжественного открытия в 1904 г. в Вильно памятника Екатерине II, что в польском обществе расценили как глубоко непатриотичный шаг. Но это не остановило Пилсудского. Назначением Мейштовича он сигнализировал польским аристократам о своей готовности к сотрудничеству. Этой же цели служило посещение Пилсудским 25 октября 1926 г. Несвижского замка в Западной Белоруссии, родового гнезда одной из линий князей Радзивиллов**. Такими шагами Пилсудский возвращал на политическую арену консерваторов, которые в период парламентского правления в Польше были оттеснены на задний план партиями, пользовавшимися массовой поддержкой. С другой стороны, включение в состав правительства социалиста Е. Морачевского и вызволенца Б. Медзильского должно было усилить симпатии к правительству рабочих и крестьян.

Как и прежде, Пилсудский не упускал из вида важную цель — дискредитировать, унижить, оскорбить нелюбимый им парламент, не выходя при этом за рамки конституции. Так, ссылаясь на то, что конституция определяет крайние сроки созыва сессий парламента, но ничего не говорит о том, как должны начинаться заседания, он узаконил практику произвольного определения правительством даты первого после каникул заседания сейма. Кабинет министров, получивший в соответствии с августовской новеллой право предлагать президенту дату закрытия сессии, теперь обеспечил себе возможность определять и срок начала работы законодательного органа. Так, регулярная сессия сейма в 1926 г. была созвана только 31 октября, за полчаса

* В 1927 г. врачи предписали ему сократить активность наполовину.

** Официальным поводом визита было возложение золотого креста ордена Виртути Милитари на саркофаг адъютанта Пилсудского ротмистра князя С. Радзивилла. Он погиб во время киевского похода 27 апреля 1920 г. на Волыни, под Малином.

до истечения предусмотренного конституцией крайнего срока. Но первое заседание было назначено на 13 ноября*.

Еще одним направлением борьбы с оппозицией стало ограничение свободы слова. 4 ноября 1926 г. было опубликовано подготовленное А. Мейштовичем распоряжение президента о прессе. Декрет предусматривал штраф от 100 до 10 тыс. злотых или тюремное заключение от 10 дней до 3 месяцев за распространение «ложных» или «искаженных» сведений, могущих нанести вред интересам государства или возбудить общественное беспокойство, а также обязанность раскрывать фамилии авторов, даже если они писали анонимно или под псевдонимом. Наказанию за нарушение декрета подлежали автор, ответственный редактор и руководитель соответствующего отдела редакции. Кроме того, вводилась солидарная имущественная ответственность издателя и владельца газеты, руководителя, собственника или арендатора типографии. Поскольку подлежавшие наказанию действия были определены в самом общем виде, у властей появлялись практически неограниченные возможности преследования оппозиционной печати**. В декабре 1926 г. сейм отклонил декрет о прессе, но в мае следующего года президент вновь ввел в действие практически идентичное распоряжение, лишь несколько ограничив максимальный размер штрафа.

Готовясь к выборам, режим обрушился на Белорусскую крестьянско-рабочую «Громаду» и Независимую крестьянскую партию. Обе эти организации имели фракции в сейме и, действуя в рамках закона, играли роль радикальных критиков текущей правительственной политики. Майский переворот стал важным рубежом в их организационном развитии, особенно «Громады», численность которой за полгода возросла с 569 человек до 100 тысяч. Независимая крестьянская партия развивалась не так бурно, но и в ее рядах к марту 1927 г. было более 11 тысяч членов. Правительство решило устранить этих противников с политической сцены чисто административными методами***. В середине января 1927 г. в нарушение конституционного положения о неприкосновенности парламентариев были арестованы 5 депутатов от этих организаций, произведены обыски в офисах Общества белорусской школы, закрыт Белорусский кооперативный банк. В общей сложности было арестовано около 800 человек. Но на этом гонения на революционные организации не прекратились. После неудачной попытки властей дискредитировать одного из лидеров Независимой крестьянской партии С. Воевудского, 21 марта она была запрещена. Спустя шесть дней была запрещена и «Громада». Сейм по предложению Ратая дал согласие на лишение депутатов от этих

* Нервозность обстановки подогревалась так называемым делом «стоя или сидя». Диктатор настаивал, чтобы распоряжение президента о начале работы очередной сессии сейма депутаты заслушали стоя. Сейм воспротивился этому, как выразился М. Ратай, «византизму», но Пилсудский все же не отступил. Открытие состоялось в одном из залов Королевского замка, из которого предварительно были вынесены стулья. Большинство депутатов бойкотировали церемонию.

** С этого времени была введена предварительная цензура. Цензоры безжалостно вычеркивали из представляемых на их утверждение макетов газет слова, фразы, абзацы и целые статьи. В результате газеты пестрели белыми пятнами. Вычеркнутые материалы редакторы не заменяли другими, в том числе из-за чисто технических сложностей.

*** В качестве предлога называлось получение их лидерами денег от советской стороны, что, видимо, имело определенные основания.

партий неприкосновенности. Пилсудский имел возможность еще раз убедиться в том, что сейм труслив и не готов решительно ему противодействовать.

Маршал то усиливал, то ослаблял давление на парламент. После некоторого затишья, 11 февраля 1927 г. К. Бартель выступил в сейме с необычайно жесткой речью, дав понять, что партии могут быть запрещены, а вместо них появятся политические организации, менее склонные к «партийной эксклюзивности». Тремя днями позже, когда в сейме проходило голосование по бюджету, в зал заседания неожиданно для всех вошел Пилсудский в сопровождении военных и гражданских лиц. В руках он держал свернутый в рулон лист бумаги, перевязанный яркой ленточкой. Через некоторое время Пилсудский покинул зал. Судя по всему, диктатор давал понять, что пришел с декретом президента о досрочном роспуске парламента, если депутаты забаллотировуют проект бюджета. Самое пикантное заключалось даже не в самом отсутствии у него такого декрета, а в том, что к моменту появления Пилсудского в сейме закон о бюджете был уже принят. Инцидент получил широкую огласку, а часть общества, не посвященная в нюансы произошедшего, расценила его как свидетельство того, что законодатели руководствуются не государственными интересами, а эгоистическим желанием не потерять свои «теплые местечки».

Хотя зимняя сессия парламента была сокращена на две недели, бюджет был принят в срок, и 25 марта сейм отправился на каникулы. Но Пилсудский пообещал Ратаю созвать 20 июня чрезвычайную сессию для завершения обсуждения уже поднятых вопросов, в том числе о возвращении сейму права самороспуска, законов о собраниях и самоуправлении. В мае к этому добавился новый президентский декрет о прессе. Но прежде чем сейм сумел определить свое отношение к декрету, 13 июля президент закрыл внеочередную сессию, что было открытым вызовом парламенту.

В конце августа было собрано необходимое число подписей депутатов под требованием созыва второй чрезвычайной сессии сейма. Президент постановил собрать ее 13 сентября, но заседать депутатам позволили лишь с 18 сентября. Депутаты, приобретшие уже некоторый опыт отношений с правительством, в тот же день отменили действие декрета о прессе*. На следующий день, до принятия сеймом повестки дня, Бартель огласил распоряжение президента о переносе заседаний парламента на месяц. Накануне истечения этого срока президент распорядился закрыть сессию. Спустя еще два дня президент в полном соответствии с конституцией назначил очередную сессию на 31 октября. В день ее открытия она была отложена до 28 ноября, и сейм первого созыва больше уже не собирался. В связи с окончанием в этот день полномочий парламента президент распустил обе палаты. 5 декабря были определены сроки новых выборов: 4 марта в сейм, неделей позже — в сенат.

Следует сказать, что все более очевидная дискредитация парламента не встречала сколько-нибудь массового общественного протеста, в том числе и со стороны демократической интеллигенции, так горячо реагировавшей накануне переворота на все мнимые нарушения демократических свобод. Режим достаточно успешно укреплял свое

* Этот акт не вступил в силу, поскольку правительство отказалось опубликовать его в «Дзеннике устав». Несомненно, это было сделано и для того, чтобы не позволить оппозиции на полную мощь использовать прессу в будущей избирательной кампании в парламент.

влияние в различных слоях общества. Этому хорошо служили благоприятная экономическая конъюнктура, положительный внешнеторговый баланс, превышение государственных доходов над расходами, резкое сокращение безработицы. После переворота, правда, сменилось три правительства, но эти смены имели скорее формальный характер. Никаких поворотов в политике не происходило, инспиратором и верховным контролером деятельности кабинетов оставался Пилсудский. Росту популярности режима в обществе служила проводившаяся правительством в атмосфере гласности борьба со злоупотреблениями людей, связанных с парламентским режимом.

Наконец, пилсудчики неплохо овладели приемами политехнологий, умело использовали чувства патриотизма, гордости за осуществленную мечту не одного поколения поляков — возрождение Польши и победу в военном противоборстве с Россией в 1920 г. Контролировавшие режим печать и радио, военизированные и общественные организации активно прививали своим членам глубокое почитание деяний легионеров и их коменданта, насаждали культ вождя и отца нации. Чуть ли не главным государственным праздником стал день именин маршала 19 марта*.

В предыдущие годы люди устали от нестабильности, бесконечных разоблачений политических противников, обвинений их в подготовке революции или установления диктатуры. А пилсудчиковская пропаганда предлагала им позитивный образ государственного руководителя, культивировала идеологию «радостного творчества» на благо всех граждан Польши и государства. Был создан настолько устойчивый миф и культ маршала, что он живет в сознании многих поляков даже сейчас⁹⁴.

Ко времени окончания полномочий парламента первого созыва режим должен был иметь программу дальнейших действий. Избранная в мае 1926 г. тактика имитации сохранения в Польше парламентаризма требовала от него создания собственной партии. Конечно, режим начал готовиться к выборам не с ноября 1927 г. Свою политическую базу он стал формировать сразу же после прихода к власти. Но за прошедшее после переворота время поддерживавшие его партии так и остались малочисленными, с их помощью нельзя было победить. Ситуации не меняло появление так называемой «четвертой бригады»**, т. е. «группы поддержки» в лице карьеристов, конформистов и просто деятельных людей, стремившихся найти применение своим способностям.

* Сам Пилсудский обычно в центральных мероприятиях не участвовал, уезжая с семьей в Вильно. Коллективы государственных учреждений и школ, воинские части слали ему в этот день благодарственные послания и пожелания здоровья, счастья и новых свершений во благо родины. В ноябре 1928 г. Варшавский городской совет принял решение о переименовании Саксонской площади в площадь Пилсудского. Затем в общественных учреждениях стали устанавливать его бюсты. Вначале у него еще спрашивали согласия, но, услышав в ответ: «Ставьте, что хотите!», перестали это делать. Города поочередно присваивали ему почетное гражданство, дети присылали фотоальбомы о своей счастливой жизни. В начале 1934 г. юридический факультет Ягеллонского университета в Кракове выдвинул кандидатуру Пилсудского на Нобелевскую премию мира. А в июле того же года городской совет Кракова принял решение насыпать в честь Пилсудского курган на возвышенности Совинец. Одним словом, полностью подтвердился прогноз Закшевского в 1918 г., упоминавшийся выше.

** В польском легионе на стороне Австро-Венгрии было три бригады.

У режима были серьезные трудности с «человеческим материалом» для создания мощной политической партии. Расколы 1926–1927 гг. в оппозиционных партиях и создание сторонниками маршала параллельных прорежимных организаций показали низкую эффективность этого пути обеспечения «санации» надежной политической базы. Выходом мог быть только блок поддерживавших режим партий и организаций, сплотившихся вокруг государственной идеи. По свидетельству Казимежа Свیتالьского, Пилсудский возвращался к своей концепции периода Первой мировой войны, предусматривавшей создание организаций «А» и «Б», в рамках которых были бы объединены влиятельные представители соответственно левых и правых партий, готовые ставить общегосударственные интересы выше узкопартийных⁹⁵.

По мнению маршала, в рамках блока могли взаимодействовать консерваторы, либералы, социалисты и крестьянские партии, поляки и национальные меньшинства, одним словом, все граждане Польши, считавшие, что хорошее правительство должно выражать всеобщие интересы и бесконфликтно разрешать неизбежно возникавшие противоречия. Решая эту стратегическую задачу, Пилсудский и его эмиссары в 1926–1927 гг. вели переговоры и налаживали сотрудничество с различными политическими, общественными и представительными организациями, а также с авторитетными деятелями, представлявшими различные группы польского общества⁹⁶.

Пилсудский поручил проведение избирательной кампании правительственного лагеря своим, пожалуй, наиболее доверенным и наделенным хорошими организаторскими способностями приближенным — В. Славеку (должен был работать с общественными и политическими организациями), министру внутренних дел генералу Фелициану Славой-Складковскому и директору политического департамента МВД К. Свیتالьскому, ответственному за использование в избирательной кампании государственной администрации. В основу PR-стратегии «санации» был положен, как казалось ее разработчикам, беспроигрышный ход: избирателю предлагалось сделать выбор между новой реальностью, возникшей с приходом к власти Пилсудского, и порядками, существовавшими в стране до мая 1926 г. В условиях наиболее благоприятной за все годы существования Польской республики экономической конъюнктуры тема пренебрежительного отношения режима к парламенту не очень интересовала простых избирателей. К тому же все помнили, что сами законодатели оказали режиму немалую помощь в сломе прежней политической системы.

Многომесечная подготовительная работа по созданию Беспартийного блока сотрудничества с правительством маршала Пилсудского в октябре 1927 г. подошла к концу*. Активная работа с кандидатами в его состав завершилась подписанием 19 января 1928 г. декларации Беспартийного блока (ББ). Под документом стояли подписи 373 деятелей местных комитетов блока, уже созданных к тому времени по инициативе и при участии, главным образом, локальных и воеводских органов государственной власти. Центральная идея декларации сводилась к тому, чтобы избрать в сейм людей, способных к конструктивному сотрудничеству с правительством во имя хозяйственного

* В состав блока вошли партия труда, Союз направи РП, партия национальной правды, Христианско-аграрная партия, Объединение среднего сословия, Католическо-народная партия, а также выходцы из рядов ППС и различных крестьянских партий, деятели профсоюзов и организаций служащих, учителей, ветеранов, представители промышленных кругов, часть Союза помещиков. Председателем блока стал В. Славак.

развития страны и создания конституционных основ сильной исполнительной власти, а не «распоясавшихся политиканов», деятельность которых не приносит Польше ничего, кроме вреда⁹⁷.

Помимо традиционных митингов, собраний и публикаций в печати, для привлечения избирателей активно использовались давление, шантаж, репрессии против коммунистов и членов левых партий⁹⁸. Избирательная кампания 1928 г. стала первой в истории польского парламентаризма, когда агитация и пропаганда велись также по радио. Это сделал ББ.

Главными своими противниками на выборах 1928 г. режим определил национальных демократов. Пилсудский не мог забыть ту жесточайшую критику, которой эндеки подвергали его в бытность начальником государства⁹⁹. Теперь эндеков не только критиковали, но и постарались лишить финансовых спонсоров. И это Пилсудскому в полной мере удалось. Представительные организации предпринимателей, банкиров, торговцев и помещиков в декабре 1927 г. практически отказались от финансовой поддержки правых¹⁰⁰. Беспартийный блок, в отличие от других партий, вообще не имел проблем со средствами. Пилсудский приказал выделить из государственной казны на его избирательную кампанию 8 млн злотых, что было по тем временам огромной суммой.

Избирательная кампания показала, что ни одна из традиционных политических партий не сумела до конца понять, что политическая система Польши после мая 1926 г. претерпела кардинальные изменения и линия водораздела проходит не между революционными, левыми, центристскими и правыми партиями, а между всеми ними вместе взятыми и режимом «санации». Следует сказать, что это прекрасно понимал диктатор, не случайно он стремился придать выборам характер плебисцита, ставя избирателей перед выбором: за или против Пилсудского. А Славек и Свитальский одну из своих главных задач во время избирательной кампании видели в том, чтобы не допустить блокирования даже близких по духу партий. И в целом им это удалось¹⁰¹. Предвыборное взаимодействие было налажено только между ПСЛ «Пяст» и христианскими демократами, а также значительной частью партий и организаций национальных меньшинств.

Пилсудский в избирательную кампанию открыто не вмешивался, но позволил ББ использовать свое имя, что было не так уж мало. Если же принять во внимание, что маршал начал работать на выборы 1928 г. сразу же после переворота, то его вклад был огромен. Пилсудский сумел убедить имущие классы в том, что будет защищать их интересы лучше, чем национальные демократы. Последовательно выполняя и перевыполняя в условиях хорошей экономической конъюнктуры положения закона об аграрной реформе 1925 г., дав крестьянам возможность получать на приемлемых условиях государственные ссуды на покупку земли и развитие производства, он усилил¹⁰² в сельской среде позиции своих сторонников. И это произошло несмотря на то, что клир чаще всего агитировал за национальных демократов. Быть может, не столь заметными были его успехи в рабочей среде. Однако благоприятная ситуация в экономике и снижение уровня безработицы успокаивающе действовали на лиц наемного труда. Наконец, Пилсудский как премьер не мешал руководителям избирательной кампании ББ использовать административный ресурс.

Итоги мартовских выборов 1928 г. не поддаются однозначной интерпретации. В них участвовали 34 политических организации. По результатам выборов в сейме оформилась 21 фракция. Беспартийный блок, поддержанный почти 2,4 млн избирате-

лей, получил в сейме 122 места (80 процентов мандатов было завоевано на восточных окраинах, где административный ресурс был задействован в полную силу). Всего проправительственные партии имели в сейме 130 мандатов. Адепты Пилсудского стали самой большой парламентской фракцией. В сенате ББ, завоевав 46 мест, существенно опередил все другие партии, но не добился абсолютного большинства. По сравнению с выборами 1922 г. это был колоссальный успех лагеря Пилсудского.

Своим несомненным успехом режим мог считать сокрушительное поражение национальных демократов, которых активно поддерживал католический клир (37 мандатов вместо 100)*, и центристов — 54 места, причем партия В. Витоса завоевала всего 21 мандат (вместо 50 в сейме первого созыва), христианские демократы — 19 (в 1922 г. — 44). Зато увеличили свое сеймовое представительство левые партии: ППС — 63 мандата, «Вызволнение» — 40, Крестьянская партия — 26. Это стало для правительства неприятным сюрпризом. У левых в целом было 137 мест, т. е. больше, чем у проправительственного лагеря. Представители национальных меньшинств, завоевав 86 мандатов, стали третьей по численности группой в сейме. Коммунисты получили 7 мест, кроме того под их влиянием находилось по разным оценкам от 15 до 20 депутатов из других фракций¹⁰³.

Таким образом, расклад сил в новом парламенте выглядел так, что главными противоборствующими сторонами теперь были партии, поддерживающие режим, и левые. Результаты выборов вряд ли удовлетворили Пилсудского, хотя, по его словам, они превзошли его ожидания, и он был бы доволен, даже если Беспартийный блок завоевал бы только 60 мест. На самом деле, с точки зрения текущих задач и перспективных целей режима «санации», можно говорить о неудаче ББ. Ему не удалось превратить сейм в еще один послушный воле диктатора институт власти, до абсолютного большинства пилсудчикам не хватало 93 мандата.

В целом выборы подкорректировали, но кардинально не изменили соотношения сил режима, с одной стороны, и парламентской оппозиции, с другой. Пилсудский это осознавал. На встрече с наиболее авторитетными депутатами и сенаторами ББ на квартире у В. Славека 13 марта 1928 г. он изложил план действий в новых условиях, более благоприятных, чем в предшествующие два года, но далеко не таких, которые ему хотелось иметь. В качестве перспективной цели для фракции ББ он назвал ревизию конституции, а ближайшими задачами — обеспечение правительству первенства во взаимоотношениях с парламентом, изменение процедуры принятия бюджета, передачу кабинету министров ряда прерогатив сейма в области правового регулирования внешнеторговой деятельности и т. д.¹⁰⁴

Расчеты Пилсудского на то, что ББ, завоевавший относительное большинство мест в сейме, сможет оказывать определяющее воздействие на работу законодательного органа, не оправдались. 27 марта 1928 г. он убедился, что будет иметь дело с сеймом, который вовсе не собирается работать под его диктовку. На этот день были назначены официальное открытие парламента, процедура приведения депутатов к присяге, а также избрание маршалов палат и их заместителей. Маршалом сената был избран представитель ББ Ю. Шиманьский, профессор Виленского университета, окулист

* Это вовсе не означало, что голосовавшие прежде за эндеков избиратели освободились от своих националистических симпатий.

с мировым именем. А вот с выбором маршала сейма произошла осечка. Пилсудский планировал, что им станет К. Бартель, которого в политических кругах считали умеренным пилсудчиком. Этот пост Пилсудский считал весьма значимым, связывал с деятельностью спикера «возможность выстраивать рациональное взаимодействие между правительством и сеймом»¹⁰⁵. Однако его план провалился, маршалом нижней палаты избрали социалиста И. Дашиньского, который не был непримиримым противником Пилсудского, выступал за сотрудничество с правительством, но при условии, что оно будет больше считаться с мнением парламента.

Ошеломленные неожиданным поражением депутаты от Беспартийного блока и члены правительства покинули зал заседаний*. В их отсутствие был избран президиум сейма, где не оказалось ни одного представителя самой крупной фракции. В политических кругах ожидали резкой реакции Пилсудского, многие предсказывали роспуск парламента. Однако это было бы не лучшее решение. Вряд ли результаты следующих выборов могли оказаться для правительственного лагеря более благоприятными. Да и сейм явно не хотел дальнейшего обострения отношений с исполнительной властью, и, вопреки парламентским обычаям, не потребовал отставки правительства меньшинства. Поэтому Пилсудский рекомендовал ББ активно включиться в работу сейма. Таким образом, в Польше сохранилась сложившаяся после государственного переворота политическая система, с ее уже проявившимися изъянами.

Итак, первая попытка «санации» завоевать большинство в палатах парламента и превратить его в еще один властный инструмент режима провалилась. Несмотря на то что польская экономика переживала свои лучшие времена за всю межвоенную историю, 75% пришедших к урнам избирателей отдали голоса не ББ, а другим партиям. Новый сейм, получивший мандат доверия от общества, чувствовал себя в отношениях с режимом увереннее, чем предшествовавший. Что и не преминул продемонстрировать на своем первом заседании.

III.3. Начальный этап консолидации оппозиции

Весна 1928 г. преподнесла режиму «санации» еще одну неприятность. В ночь с 17 на 18 апреля Пилсудский перенес легкий инсульт. Лечение в целом было успешным, но подвижность правой руки полностью восстановить не удалось. Приближенные маршала осознали, что в любой момент они могут остаться без вождя, который принимал решения за весь лагерь, отводя им роль технических исполнителей.

Сам Пилсудский оценил свою болезнь как сигнал тревоги**. 5 мая он провел совещание с инспекторами армий и офицерами группы «Восток», созданной для управления вой-

* Впоследствии Пилсудский не раз скажет, что эта обструкция была непростительной ошибкой Беспартийного блока.

** О том, что Пилсудский стал задумываться о смерти, свидетельствует его выступление на съезде легионеров в Вильно в 1928 г. Предвосхищая будущее завешание, он попросил похоронить его сердце в Вильно, на кладбище Росса, рядом с легионерами, погибшими при штурме города в 1919 г.

сками в случае войны с СССР. Перед ними были поставлены конкретные задачи на случай военного конфликта. В политической сфере маршал решил более активно приучать своих подчиненных к управлению государством¹⁰⁶. Он лучше других знал, что у «санации» нет подготовленных кандидатов на пост премьера помимо него самого и Бартеля.

Неудача с овладением сеймом заставила «санацию» пересмотреть концепцию Беспартийного блока. Поскольку режиму предстояла борьба с сильной оппозицией, было решено превратить ББ из предвыборного, свободного объединения политических и хозяйственных организаций и авторитетных общественных деятелей в политическую партию, с четкой организационной структурой, построенной по территориальному принципу. Главным отличием новой партии от «старых» традиционных партий было то, что она должна была отстаивать интересы не класса, сословия или польской нации, а государства, этого общего достояния всех граждан Польши. Трансформация ББ означала также, что реальность и на этот раз оказалась сильнее умозрительных концепций переустройства политической системы. Половинчатость решений, принятых Пилсудским после майского переворота, заставляла теперь «санацию» действовать с оглядкой на парламентские нормы и обычаи.

В течение весны и лета 1928 г. велось организационное строительство партии на базе ББ, были созданы руководящие структуры на центральном, воеводском и поветовом уровнях, подобраны представители на местах. Но до конца довести дело не удавалось, поскольку Партия труда, Союз напавы и консерваторы стремились сохранить организационную обособленность, не порывая с Беспартийным блоком¹⁰⁷.

После конфликта 27 марта работа парламента вернулась в спокойное русло. Были приняты законы о чрезвычайных инвестициях, объявлена амнистия по случаю 10-й годовщины независимости Польши. Некоторые проекты законов, касавшиеся налогообложения, были сеймом отвергнуты. Депутаты от Беспартийного блока и партий, искавших возможности конструктивно взаимодействовать с правительством, 22 июня 1928 г., на пять недель раньше установленного срока, утвердили государственный бюджет. Социалисты и эндеки отказались участвовать в голосовании и покинули зал заседаний, но эта демонстрация последствий не имела. В тот же день президент закрыл сессию парламента. Особой политической напряженности в стране не чувствовалось, и у правительства, казалось, не было поводов для беспокойства.

Спокойствие нарушил Пилсудский. 25 июня он подал главе государства прошение об отставке кабинета. Самое пикантное заключалось в том, что никто из министров не был оповещен об этом его решении заранее. В своей речи на заседании правительства причинами собственной отставки Пилсудский назвал состояние здоровья, недостаточные полномочия президента, из-за чего основная тяжесть государственных дел падает на премьера, а также неприемлимые для него отношения с сеймом. Тем самым он констатировал, что новый сейм, как и прежний, демонстрирует стремление к столь ненавистному ему «сеймовластию». Кроме того маршал предложил президенту создать кадровый резерв из трех-четырёх «ответственных и хорошо взаимодействовавших» людей, которые поочередно возглавляли бы правительство. Это, по его мнению, позволило бы не только обеспечить преемственность государственной политики, но и дало возможность этим людям нормально отдыхать. В его выступлении, по форме очень нервном, иногда переходившем в крик, сквозило отчаяние от мысли, что поляки не меняются к лучшему так быстро, как ему бы этого хотелось¹⁰⁸.

27 июня было объявлено о назначении нового кабинета, и на этот раз во главе с К. Бартелем. А 1 июля взорвалась настоящая политическая бомба. В «Глосе правды» появилось интервью, в котором Пилсудский объяснял причины своей отставки. Оно взбудоражило весь политический бомонд, так как диктатор публично, не стесняясь в выражениях, охарактеризовал польских парламентариев чуть ли не как врагов государства. Учредительный сейм он назвал сеймом «продажных девок», выразил сожаление, что в свое время не «разогнал и не растоптал» сейм, как тот того заслуживал, чтобы избежать майских событий. Законодательное собрание первого созыва получило клеймо сейма коррупции, а депутаты — «публичных тряпок». Маршал добавил, что если бы он не сдерживал себя, то «ничего другого не делал бы, как только пинал господ депутатов без остановки». Новый сейм Пилсудский обвинил в следовании по пути предшественников, что де поставило его перед дилеммой: отказаться от всякого взаимодействия с парламентом и «октроировать новое законодательство в Польше, или подать в отставку с поста шефа польского кабинета, который вынужден с сеймом сотрудничать». Он выбрал второе. Состояние своего здоровья как одну из причин отставки маршал отверг¹⁰⁹.

Интервью Пилсудского возмутило оппозиционные партии, увидевшие в его словах покушение на конституцию, соблюдать которую он только что обещал, присягая в качестве министра в правительстве Бартеля. Бурная реакция оппозиции объяснялась, как представляется, несколькими причинами. Во-первых, диктатор своим выступлением показал сугубо декоративный характер демократических институтов, оставшихся в Польше после переворота, прямо заявил, «кто в доме хозяин». Интервью затрудняло левым поиск платформы взаимодействия с режимом, лидер которого ни во что не ставил ни парламент, ни конституцию. Во-вторых, агрессивный тон выступления Пилсудского усиливал влияние в рядах оппозиции поборников решительных методов борьбы с режимом.

Тенденция к ужесточению отношения к «санации» проявилась раньше всего в ПСЛ «Вызволение» и Крестьянской партии. В конце апреля и конце мая 1928 г. соответственно их руководящие органы приняли решения о переходе в оппозицию правительству Пилсудского. Более того, главный совет Крестьянской партии поручил своей парламентской фракции установить постоянный контакт с ПСЛ «Вызволение», а также, по возможности, с ПСЛ «Пяст» и крестьянскими фракциями национальных меньшинств¹¹⁰.

Осудила интервью и ППС, в рядах которой велась острая борьба между противниками и сторонниками «санации». Ее отзвуки доносились до общественности по крайней мере с марта 1928 г. Ответом адептов Пилсудского стал раскол в партии и создание 18 октября 1928 г. собственной организации — ППС-бывшая революционная фракция. В нее перешли 10 социалистических депутатов сейма, что существенно ослабило представительство ППС в нижней палате парламента. Правда, и после этого некоторые иллюзии относительно сотрудничества с Пилсудским в ППС все еще сохранялись, в том числе и у отдельных лидеров, например у Дашиньского*.

* Рассуждая в парламентских категориях, он полагал, что ББ, не имея большинства в сейме, вынужден будет блокироваться с левыми. Реальность же была иной, режим вполне справлялся с задачами управления, полностью контролируя исполнительную власть.

ПСЛ «Пяст» также постепенно отходило от своей двойственной позиции. Эта партия считала себя оппозиционной, но при этом ее парламентская фракция голосовала за предлагаемые правительством проекты бюджета. Пястовцы называли это «государственной позицией». Интервью Пилсудского вынудило руководство «Пяста» более четко определиться и заявить о готовности сотрудничать с традиционными партиями во имя защиты парламентаризма.

У национальных демократов интервью Пилсудского не вызвало столь бурной реакции, как у левых и пястовцев. Эндеки давно уже говорили о необходимости изменения конституции и политической системы, считали режим «санации» недостаточно эффективным, мешавшим национальному возрождению Польши. Кроме того, эндеки в этот момент были заняты внутренними проблемами. В их рядах росло недовольство излишним, по мнению многих, либерализмом Народно-национального союза. Эти настроения подогревались Р. Дмовским и его сторонниками из Лагерь великой Польши. В октябре 1928 г. произошло преобразование ННС в Национальную партию (Stronnictwo Narodowe, СН), задачей которой была борьба за организованное на принципах иерархии католическое государство польской нации. Поэтому национальные демократы не проявляли готовности к сближению с левой оппозицией, считали ее не меньшим своим врагом, чем «санацию».

С формальными протестами выступили депутатские фракции Национальной рабочей партии, христианских демократов, коммунистов.

Таким образом, к началу бюджетной сессии 1928–1929 гг. на политической сцене произошли заметные изменения, знаковым моментом которых стало нарастание оппозиции и режиму, и Пилсудскому, как на левом, так и правом флангах в парламенте. Радикализация трех основных левых партий в 1928 г. способствовала поиску взаимодействия в борьбе с «санацией», в защиту демократии. Ради этого они все больше склонялись к отказу от межпартийных споров и личных амбиций лидеров. Для сближения нужен был стимул извне. И он не заставил себя ждать.

Зревший с марта 1928 г. конфликт оппозиции с «санацией» разразился на осенней сессии сейма. Фракция ББ внесла предложение приступить к подготовке новой конституции*. Правда, готового проекта она на тот момент еще не имела. Начало работы парламента активизировало левую оппозицию. ППС, ПСЛ «Вызволнение» и Крестьянская партия в рамках празднования 10-летия независимости совместно отметили юбилей Люблинского правительства 1918 г., в том числе и многотысячной манифестацией в Люблине под лозунгами «Долой диктатуру и фашизм!», «Землю крестьянам!» и т. д.¹¹¹ А 14 ноября ими была создана Согласительная комиссия левых партий в защиту республики и демократии**. Единство действий признавалось обязательным только

* В самом предложении ничего из ряда вон выходящего не было. Согласно конституции 1921 г. парламент второго созыва наделялся правом облегченного, большинством всего в 3/5 членов национального собрания, изменения Основного закона. И Беспартийный блок, и многие другие партии еще в предвыборных программах ставили, хотя и по-разному, вопрос о ревизии конституции.

** Этот фундаментальный политический конфликт развивался на фоне громкого скандала, разразившегося 6 ноября. Депутат З. Марек, выступая по проекту бюджета от имени фракции ППС, коснулся июльского интервью Пилсудского и заявил, что оно наносит ущерб достоинству и интересам государства. Он выразил надежду, что отсутствие не-

в вопросах укрепления и защиты республиканского строя, демократии и свобод в пределах полномочий деятельности парламента. Во всех других вопросах партии-подписанты сохраняли полную самостоятельность действий*. Конечно, платформа взаимодействия была весьма ограниченной, поскольку режим открыто не покушался ни на республиканский строй, ни на парламент и политические свободы. Тем не менее, это было важное событие в польской политической жизни — в сеймовой оппозиции восторжествовала тенденция к консолидации. Правда, пока она охватывала не всех оппонентов «санации», а только идейно близкие левые партии, чьи позиции и прежде по отдельным вопросам совпадали. Но важен был первый шаг к взаимодействию и то, что партии поставили своей главной задачей восстановление политической системы, которая существовала в Польше до 1926 г., а не борьбу за достижение собственных программных целей.

Проект конституционных изменений Беспартийного блока был внесен на рассмотрение сейма в феврале 1929 г. К его подготовке не привлекались ни члены фракции (они познакомились с ним за час до начала заседания), ни премьер Бартель, имевший собственное видение того, как должна выглядеть конституция, особенно в области полномочий премьера. В проекте в полной мере проявились планы режима в конституционной области. Они сводились к ликвидации принципа равенства ветвей власти. Верховным носителем власти становился президент, избираемый на 7 лет всеобщим голосованием из двух кандидатов (один предлагался действующим президентом, второй — национальным собранием). Его планировалось наделить значительными полномочиями в области внешней и внутренней политики, правом решать все вопросы формирования, функционирования и отставки правительства. Предполагалось существенно ограничить контрольные функции сейма в отношении исполнительной власти и предпринять меры по ускорению процедуры принятия им законов и постановлений. Авторы проекта надеялись таким путем повысить эффективность работы высших органов государственной власти.

Проект ББ был встречен в штыки всеми оппозиционными фракциями сейма, что делало проблематичным его принятие парламентом. Даже депутаты ППС—бывшей ре-

гативной реакции на слова диктатора со стороны кабинета Бартеля станет «лебединой песней правительства». В ответ Славек назвал слова о лебединой песне «беспардонной гнусностью», что было явным нарушением парламентской этики. Возник скандал. Бартель заявил об отказе сотрудничать со Славекком, что в обществе восприняли как свидетельство серьезных разногласий в лагере «санации». Зато фракция ББ в специальном заявлении поддержала своего председателя, спровоцировав депутатов от ППС на решение отнести Славека к числу противников, не заслуживающих уважения. Оскорбленный полковник через секундантов вызвал на дуэль лидера социалистической фракции М. Недзялковского. Тот от поединка отказался, предложив встретиться в суде. Секунданты Славека составили протокол, что лидер ББ отстоял свою честь. Скандал можно было бы отнести к разряду опереточных, если бы З. Марека, тяжело переживавшего оскорбление, 15 ноября не разбил паралич.

* В качестве примера можно назвать голосование по вотуму недоверия министру юстиции С. Цару в январе 1929 г., когда ППС и «Вызволнение» воздержались, а Крестьянская партия вотум поддержала. По бюджету в марте 1929 г. Крестьянская партия голосовала против, ППС воздержалась, а ПСЛ «Вызволнение» поддержало.

волюционной фракции отреагировали на него отрицательно. Но руководители проправительственного крыла сейма были настроены достаточно оптимистически, надеясь договориться с левыми. Иного мнения придерживался Пилсудский. На одном из совещаний со своими приближенными он высказал убеждение, что в парламенте предстоят серьезные трудности, и неожиданно для всех упрекнул Славека в том, что ББ запоздал с внесением проекта в сейм¹¹².

Не лучшая судьба ожидала конституционный проект Согласительной комиссии левых партий от 4 марта 1929 г. Правых и центристов не устраивали содержащиеся в нем предложения увеличить полномочия сейма, ликвидировать сенат, отделить церковь от государства, предоставить компактно проживавшим национальным меньшинствам территориальную автономию. Проект левых показал неготовность оппозиционных партий в целом к взаимодействию в вопросах будущего устройства Польши. Но он не служил препятствием к совместной борьбе с «санацией», по крайней мере, левых и центристских партий.

В 1929 г. консолидационные настроения сильнее всего проявлялись среди членов крестьянских партий. Партийные лидеры не могли их игнорировать, несмотря на наличие между ними принципиальных разногласий в отношении аграрной реформы без выкупа, церкви, сената. Сказывались и личные амбиции, застарелые претензии друг к другу, опасения оказаться в тени более сильных политиков в случае объединения партий. Поэтому процесс сближения партийных позиций был неспешным, но, тем не менее, он шел. Угроза позициям крестьянских партий, исходившая от режима, превышала существовавшие между ними разногласия.

17 апреля 1929 г. главное правление ПСЛ «Пяст» призвало к прекращению межпартийной борьбы, особенно в крестьянском движении, конфронтации с организациями и социальными группами, выступавшими за соблюдение законности, сохранение парламентского устройства государства и внутреннего спокойствия, а также к объединению всех усилий для предотвращения грозящих Польше опасностей. Значение прозвучавшего призыва трудно переоценить: партия, силой отстраненная от власти в мае 1926 г., призывала всю оппозицию, в том числе тех, кто тогда поддержал путчистов, объединиться для борьбы с диктатурой. В июне 1929 г. конгресс «Вызволения» заявил о необходимости консолидации крестьянского движения, правда, пока что на условиях этой партии. Вскоре за объединение высказался конгресс «Пяста». Для ведения переговоров с Крестьянской партией и «Вызволением» была сформирована комиссия из поборников этой линии. В июле идею объединения поддержал и конгресс Крестьянской партии. Таким образом, сама по себе идея объединения крестьянских партий нашла в их рядах поддержку, хотя оставались серьезные разногласия относительно платформы сближения. Летом 1929 г. конкретных решений достичь не удалось, но между Крестьянской партией, «Вызволением» и «Пястом» возросла степень взаимного понимания и доверия.

Наметившийся поворот Национальной рабочей партии и христианских демократов к взаимодействию с левыми мешал их блокированию с национальными демократами, которые в сейме второго созыва были малопривлекательным партнером по причине своей немногочисленности. Таким образом, давшая о себе знать в 1928 г. среди левых тенденция к консолидации на антисанационной основе сохранилась и в 1929 г., и даже распространилась на центристов. Более того, временами вместе с ними выступали и эндеки.

КПП и ее союзники продолжали критиковать и «санацию» как фашистский режим, с помощью которого буржуазия пыталась остановить нараставший революционный подъем трудящихся, и легальную оппозицию как «левое крыло фашизма» (социал-фашизм, аграро-фашизм), отвлекавшее трудящихся от революционных действий. Теоретически такая позиция вредила борьбе с «санацией», раскалывала, а тем самым ослабляла единый фронт ее противников. На практике же ущерб от раскольнической деятельности революционных сил был невелик, поскольку их влияние в целом было не настолько ощутимым, как его лидеры представляли в публицистике и отчетах в Коминтерн. Правда, ради справедливости следует сказать, что и легальная оппозиция, также все чаще называвшая режим фашистским (в то время этот термин применялся коммунистами и социалистами практически ко всем диктатурам в Европе), не проявляла желания сотрудничать с коммунистами и их союзниками. Во-первых, из-за их связей с Коминтерном, следовательно с Москвой, во-вторых, из-за требования предоставить славянским меньшинствам II Речи Посполитой право на самоопределение вплоть до отделения.

Не включались в общий фронт борьбы с «санацией» и партии национальных меньшинств. Они не видели особой разницы в национальной политике парламентских и «санационных» правительств. Еврейские, а также немецкие партии бывшей прусской Польши главной задачей считали отстаивание прав, предоставленных им договором о защите национальных меньшинств 1919 г. и последующими решениями Совета Лиги наций. Галицко-украинские партии боролись за выполнение Польшей обещаний дать их провинции автономию и открыть во Львове украинский университет. Все большим влиянием, особенно среди молодежи, пользовались националисты, сторонники радикальных методов борьбы за независимость. Одновременно в Восточной Галиции сокращалось влияние коммунистов, особенно в связи с начавшимся в УССР свертыванием политики «украинизации», среди проводников которой было немало галичан. Пока еще сильные позиции коммунисты и их союзники сохраняли среди украинцев Волыни и белорусов, но и здесь их теснили националистические и пропольски ориентированные организации.

В 1929 г. в центре внимания польского общества и политического класса оказалось так называемое «дело Чеховича». Оно возникло в ноябре 1928 г., когда правые обвинили правительство Пилсудского в превышении без соответствующего решения сейма расходов государственного бюджета в 1927 г. на 562 млн злотых. Следует сказать, что правительство превышало бюджетные расходы и ранее, но каждый раз с разрешения сейма. Но на этот раз 8 млн злотых из суммы перерасхода по личному распоряжению премьера были потрачены на избирательную кампанию Беспартийного блока. У правительства была возможность своевременно заручиться согласием сейма на расходование этих средств, полученных из дополнительных поступлений в государственную казну, но Пилсудский, видимо, не желая объясняться с ненавистным ему сеймом, не только этого не сделал, но и запретил министрам ходить в сейм. Депутаты вполне резонно расценили игнорирование правительством их прерогатив как вызов парламенту и решили привлечь к ответственности министра финансов Г. Чеховича.

11 февраля 1929 г. бюджетная комиссия сейма, по мнению Пилсудского мстя ему, отказалась выделить средства министру внутренних дел, а также урезала на 2 млн злотых фонд военного министерства, которым распоряжался Пилсудский. Это был

ощутимый удар, так как из средств фонда финансировались, в частности, военные атташе, разведка и контрразведка. 20 марта сейм постановил передать дело Г. Чеховича в Государственный трибунал. Пилсудский взял Чеховича под свою защиту, заявив, что он сам принимал решение о превышении бюджета. Скандал получился громким. Оппозиция сумела в какой-то степени взять реванш за бесконечные обвинения в свой адрес в злоупотреблениях и разбазаривании государственных средств в домайский период, показала обществу, что все утверждения лидеров «санации» о том, что они пришли к власти ради морального возрождения общества, обычная демагогия. Затем последовали другие громкие разоблачения: растрата Б. Медзильским в бытность министром почт и телеграфа государственных средств на личные нужды, поездка премьера К. Свистальского в отпуск в Италию на служебном автомобиле. Как обычно бывает в таких случаях, в обществе с интересом обсуждали коррупционные скандалы, но идти из-за этого на баррикады никто не собирался.

Следует признать, что «дело Чеховича», при всем его резонансе и усилиях оппозиции, надеявшейся с его помощью даже устранить режим, каких-либо более серьезных последствий для устойчивости «санации» не имело. Но оно лично затрагивало Пилсудского, в 1927–1928 гг. возглавлявшего правительство. Его недовольство было вызвано не боязнью ответственности (он знал, что к суду его никто привлечь не решится), а нежеланием выступать в качестве свидетеля перед органом, который он считал рудиментом эпохи «сеймовластия». В начале апреля 1929 г. диктатор заявил, что вступает с действующим парламентом в такую же борьбу, как и с предыдущим.

Осуществлять свою угрозу Пилсудский начал традиционным для себя образом — с грубой словесной атаки. В начале апреля 1929 г. в ведущей газете санации «Глос правды» появилась статья, поражавшая даже привыкших к непарламентским выражениям диктатора площадной бранью и оскорблениями в адрес депутатского корпуса в целом, а также отдельных парламентариев, наиболее активных участников расследования «дела Чеховича». Все ждали незамедлительного роспуска парламента.

Но Пилсудский, не скрывавший от окружения своего желания досрочно прекратить полномочия депутатов¹¹³, пока что такой шаг считал преждевременным. Повод был недостаточно значимым для столь радикальной меры. Разгон парламента на начальной стадии расследования могли расценить как стремление замать скандал. Да и выборы 1928 г. показали, что режим не может надеяться на убедительную победу на досрочных выборах. Ко всему прочему, кончилась благоприятная экономическая конъюнктура, польская экономика испытывала все большие трудности*.

Диктатор сделал шаг, который многие в оппозиции посчитали последней попыткой режима удержаться на плаву. Он решил сменить кабинет, заодно выведя на авансцену своих наиболее доверенных людей, главным образом из бывших легионеров. 14 апреля 1929 г. был сформирован кабинет во главе с К. Свистальским. Новый премьер имел до-

* Оппозиция попыталась использовать разворачивавшийся кризис в своей борьбе с режимом. 20 марта пять левых и центристских партий потребовали от правительства объяснений, как оно намеревается бороться с кризисом. Заявление Бартеля в бюджетной комиссии, что трудности носят временный характер, депутатов не убедило. Но полноценной дискуссии не получилось, поскольку декретом президента сессия сейма вскоре была закрыта.

статочный опыт государственной деятельности. Он последовательно занимал посты заместителя начальника гражданской канцелярии президента, директора политического департамента Министерства внутренних дел, одного из руководителей избирательной кампании Беспартийного блока, министра по делам религиозных культов и народного образования. Весьма показательной была манера назначения Пилсудским не только министров, но и глав кабинетов. Свительский вспоминал: «В начале апреля Мосьцицкий организовал как бы абсолютно частную встречу, в ходе которой извещил меня, что собирается после прошения Бартеля об отставке предложить мне миссию создания кабинета. При этом он не ссылаясь на соответствующую договоренность с Пилсудским. Но я был уверен, что Мосьцицкий не делает этого без предварительного согласия Пилсудского. Поэтому я, хотя и был серьезно застигнут врасплох этим предложением, заявил, что попытаюсь выполнить это задание...»¹¹⁴.

Новый кабинет получил у противников название «правительства полковников», так как 6 из 14 его министров были старшими офицерами*, и трактовался как приход к власти сторонников жесткого курса.

Реакция на кабинет была двоякой. Среди левых, особенно в ППС, и после раскола оставались влиятельные политики, верившие в возможность взаимодействия с правительственным лагерем во имя интересов Польши. Теряясь в догадках относительно будущих шагов «санации», руководители ППС попытались установить доверительные контакты с премьером и даже с Пилсудским. В первой половине мая с просьбой о неофициальной встрече к Свительскому обратились видные деятели ППС Т. Арцишевский и М. Недзьялковский. 24 июня состоялась встреча Пилсудского с И. Дашиньским, который в данном случае позиционировал себя как одного из лидеров ППС, а не маршала сейма. Их беседа еще раз убедила Пилсудского, что новый сейм «не утратил амбиций правления»¹¹⁵. Дашиньский предложил сформировать устойчивое парламентское

* В историографии до сих пор существует неоправданная демонизация «правительств полковников», а также роли «полковников» в лагере «санации» вообще. Эта традиция ведет свое начало с переворота 1926 г., когда большинство польских политиков и партий совершенно необоснованно делали различие между Пилсудским и правительствами, приписывали последним чуть ли не полную свободу в определении курса внутренней политики и ее реализации. В реальности все кабинеты были лишь инструментами в руках диктатора, обычными марионетками. Ни одно из них, включая правительства Бартеля, даже не пыталось освободиться от кураторства Пилсудского. Они действовали строго по его указаниям, выходили на политическую арену и уходили по единоличному решению диктатора. Выведение «полковников» на авансцену было всего лишь еще одним шагом Пилсудского в процессе обучения членов его политического штаба искусству государственного управления. Практиковавшееся им привлечение людей «со стороны» было шагом вынужденным, связанным с отсутствием собственных подготовленных кадров, а также с решением задачи создания социальной опоры режима. После организации ББ, сгруппировавшего в некую управляемую структуру все социальные и политические силы, готовые поддерживать Пилсудского, можно было считать решенной вторую задачу. К этому моменту подросли собственные кадры. Не случайно в последнем правительстве Бартеля остались практически все «полковники» из предшествующего кабинета, из военных ушел только Славой-Складковский, а оно трактуется как либеральное.

большинство в составе Беспартийного блока, ППС и одной из крестьянских партий, явно не понимая, что в стране только поддерживается видимость парламентаризма и диктатор не собирается идти ни на какие коалиционные соглашения, связанные с торгом, уступками, компромиссами и т. д. В ответ Пилсудский издевательски порекомендовал собеседнику обратиться с этим предложением к Свитальскому и Славеку¹¹⁶.

Отказ «санации» договариваться с ППС способствовал переходу социалистов к более решительной оппозиции. К тому же А. Пристор, заняв кресло министра труда и социального обеспечения в правительстве Свитальского, стал последовательно устранять сторонников ППС из местных правлений больничных касс и органов социальной поддержки, где они доминировали. В конце августа ППС присоединилась к другим оппозиционным партиям, требовавшим созыва 2 сентября внеочередной сессии сейма.

Депутаты ожидали скорого роспуска сейма, особенно после начала слушания «дела Чеховича» в Государственном трибунале 26 июня 1929 г.* Действительно, вопрос о досрочном роспуске парламента в это время обсуждался в окружении Пилсудского. Но сам он считал, что время для такого шага еще не наступило, нужна серьезная подготовительная работа¹¹⁷. Для разгона законодательного органа следовало иметь основательный повод. И его мог дать только скандал по конституционному вопросу, который спровоцируют Беспартийный блок и правительство на бюджетной сессии парламента. С этой целью был разработан хитроумный план, чтобы вину за разгон парламента возложить на оппозицию¹¹⁸. 4 сентября 1929 г. Свитальский с подачи Пилсудского предложил Дашиньскому созвать совещание по бюджету. Это был своеобразный тест на выявление, кто помимо ББ готов поддержать правительство. Но инициатива привела к последствиям, которых Пилсудский никак не ожидал.

14 сентября руководители шести центристских и левых фракций сейма решили не участвовать в предлагаемом совещании и обязали Дашиньского известить правительство о необходимости ускорить созыв парламента, чтобы обсудить с ним все детали совершенствования работы законодательной и исполнительной власти над бюджетом. Было также подчеркнуто, что после ухода депутатов на каникулы единственным органом, имеющим право представлять палату, является ее президиум во главе с маршалом. Это заявление было первым совместным документом ППС, «Вызволения», Крестьянской партии, «Пяста», Национальной рабочей партии и христианских демократов. Так на политическую авансцену вышло левоцентристское соглашение, обладавшее 40 процентами мест в сейме (183 из 444). Оно вошло в историю под именем Центролев. В момент своего возникновения Центролев был свободным соглашением партий о совместных действиях в парламенте, координация которых осуществлялась согласительной комиссией, состоявшей из их лидеров¹¹⁹. В связи с этим у режима сохранялась надежда, что оппозицию можно будет разобщить и даже перессорить.

* Пилсудский, которому трибунал позволил выступить на заседании с заявлением, потребовал оправдать Чеховича, который лишь выполнил его распоряжение, и взял всю вину на себя. Судьи, оказавшись в крайне щекотливой ситуации, отказались выносить приговор, а поручили сейму разобраться в правомерности расходов правительством дополнительных сумм. По сути это было решение в пользу оппозиции, поскольку Чехович оправдан не был.

Испытание Центролева на прочность началось практически сразу же после его возникновения. 20 сентября Славек от имени ББ предложил провести совещание по вопросам ревизии конституции. Но оппозиционные партии его приглашение к дискуссии проигнорировали, в совещании согласились участвовать только парламентские клубы ППС–бывшей революционной фракции и немецкого нацменьшинства. 22 сентября Центролев попытался расколоть Пилсудский. Он огласил в печати содержание своих июньских переговоров с Дашиньским. Удар был ощутимым. Среди партнеров по Центролеву даже зародилось недоверие к ППС. Дашиньский публично оправдывался тем, что действовал от собственного имени, а не по поручению партии. И на это раз, вопреки расчетам маршала, оппозиционный блок устоял.

Следующую психическую атаку на сейм режим провел в день открытия сессии парламента 31 октября 1929 г. Пилсудский уже 12 октября обсудил со Свитальским тактику поведения. Для себя он избрал роль жесткого политика, премьер должен был демонстрировать готовность к поиску взаимопонимания¹²⁰. Целью акции было, видимо, устрашение оппозиционных депутатов*.

Результаты инцидента при открытии сессии сейма оппозиция расценила как свой успех, свидетельство того, что согласованными действиями она может заставить режим считаться с ней как силой, опирающейся на поддержку более чем 70% участников последних парламентских выборов. Логика развития событий принуждала партии Центролева к трансформации из свободного парламентского соглашения в политический блок, без чего трудно было продемонстрировать масштабы поддержки обществом. У оппозиции были немалые возможности для мобилизации сторонников: собственные организационные структуры, влияние в различных общественных организациях и профессиональных союзах, сеть доверенных лиц, многочисленная пресса, право проведения массовых мероприятий и т. д. Первым серьезным смотром сил Центролева должна была стать общепольская кампания митингов 1 декабря 1929 г. под лозунгами защиты конституции и борьбы с «фашистской диктатурой Пилсудского». Однако ее

* Уже задолго до открытия сессии перед зданием парламента, а также в общедоступном вестибюле сейма, где находилось почтовое отделение, стали собираться офицеры, некоторые с саблями. Они пришли сюда, якобы узнав, что распоряжение президента об открытии сессии вместо заболевшего Свитальского будет зачитывать Пилсудский, и решили его поприветствовать. Когда Пилсудский в сопровождении Ф. Славой-Складковского и Ю. Бека вошел в вестибюль, офицеры образовали живой коридор и приветствовали своего кумира. После этого они не покинули вестибюль под предлогом, что в здании находился военный министр и субординация не позволяла им этого сделать. Дашиньский, решив, видимо, что сейму грозит опасность, отказался открывать сессию, пока офицеры не покинут здание. Об этом он написал в письме президенту. Пилсудский, прождав открытия сессии около часа, отправился в кабинет спикера. Состоявшийся между ними весьма резкий разговор результата не дал. Маршал сейма твердо стоял на своем: «Под угрозой штыков, револьверов и сабель [сессию] не открою!». Ничего не добившись, Пилсудский покинул кабинет Дашиньского. Проходя через приемную, он громко бросил «Ну и дурак!». Поскольку офицеры и после отъезда Пилсудского не покинули здание сейма, Дашиньский перенес церемонию открытия на 5 ноября. Но в назначенный срок сейм к работе не приступил, так как президент отложил заседание на 30 дней.

результаты вряд ли можно назвать удовлетворительными. Даже по данным организаторов, ни на одном из митингов количество участников не превысило 5 тыс. человек¹²¹. Общество в целом безразлично отнеслось к очередному конфликту между парламентом и правительством.

Консолидация оппозиции подтолкнула Пилсудского к корректировке стратегии «санации». Понимая, что в условиях экономического кризиса популярность оппозиции, отстраненной от участия в управлении государством, будет расти, а авторитет режима падать, маршал наконец-то определился со своим отношением к сейму. На встрече с К. Свитальским и В. Славеком 28 ноября 1929 г. Пилсудский заявил, что следует провести бюджет, а потом «можно с этим сеймом делать все, что угодно. Принципиально следует исходить из того, что эта бюджетная сессия последняя для этого сейма». Он также проинструктировал подчиненных, как следует действовать правительству и ББ, чтобы обеспечить принятие закона о бюджете, и пообещал лично подключиться к борьбе с парламентом в марте 1930 г.¹²²

Спустя неделю случилось событие, которое, казалось, перечеркнуло планы маршала. 5 декабря, в день начала работы сейма, партии Центролева внесли согласованное еще 30 ноября предложение о вотуме недоверия кабинету Свитальского, на следующий день принятое абсолютным большинством голосов. Впервые после майского переворота сейм выразил недоверие не отдельному министру, а всему правительству. Президент отставку принял. Но, добившись успеха, оппозиционеры не попытались создать собственный кабинет, а лишь представили главе государства условия, на которых готовы были поддержать правительство. Речь шла о соблюдении конституции, независимости судебной системы от исполнительной власти и государственной администрации, а армии от партий и политических лагерей; о свободе оппозиционной прессы, прекращении политических репрессий и использования государственных средств на нужды партийной и избирательной пропаганды; об уважении прав органов самоуправления и др. Они не исключали для себя возможности заняться формированием правительства, если президент даст такое поручение. Тем самым оппозиция еще раз совершенно добровольно признала абсолютное право президента, а фактически Пилсудского, определять состав правительства. Добившись отставки кабинета Свитальского, она посчитала свою задачу выполненной, полагая, что теперь слово за правительственным лагерем.

Пилсудский не торопился с ответом. Августовская новелла 1926 г. ограничивала время работы парламента над бюджетом пятью месяцами, и если сейм не успевал утвердить его, то тогда это делал президент своим декретом. В любом случае правительство не осталось бы без бюджета. Но парламентарии не могли проигнорировать единственное имевшееся у них реальное властное полномочие, чтобы не быть обвиненными в нежелании исполнять свои конституционные обязанности. Сессия длилась уже два месяца, причем один прошел впустую, и вновь возникала пауза. Дело в том, что согласно парламентскому обычаю на время правительственного кризиса работа законодательного органа приостанавливалась. Поэтому чем продолжительнее была пауза, тем меньше парламентариям оставалось времени для работы с проектом государственных расходов. В результате оказалось, что спровоцированный Центролевым правительственный кризис не принес ему политической пользы.

Реальный кандидат в премьеры был назван лишь 21 декабря, в преддверии Рождественских праздников. Им был все тот же К. Бартель. Его кабинет был приведен к присяге 29 декабря 1929 г. Радикальных изменений в составе правительства не произошло. Назначение премьером Бартеля, среди пилсудчиков считавшегося либералом, было воспринято оппозицией с удовлетворением, как подтверждение ее влияния. Партии Центролева, решив еще раз продемонстрировать «добрую волю» и готовность к сотрудничеству с правительством на форуме парламента, решили голосовать за доработанный проект бюджета. Свою позицию они объясняли тем, что бюджет дается государству, а не правительству. В результате в первой половине февраля 1930 г. проект бюджета, претерпевший незначительные изменения по сравнению с правительственным вариантом, был передан в сенат.

Теперь до начала следующей бюджетной сессии сейма, т. е. до 31 октября 1930 г. Пилсудский мог распускать парламент в любой подходящий для него момент. В неизбежности такого шага маршала убедил новый выпад оппозиции. 8 марта фракция ППС внесла предложение о вотуме недоверия министру труда и социального обеспечения А. Прыстору, последовательно вытеснявшему социалистов из руководящих органов страховых касс социальной защиты. Одновременно национальные демократы потребовали отставки министра по делам религий и народного образования С. Червиньского. Партнеры ППС по Центролеву вначале не собирались поддерживать ее предложение, поскольку Бартель предупредил законодателей, что если они примут такое решение, то его правительство в полном составе подаст в отставку, и тогда к власти вновь пришли бы «полковники». Но 12 марта премьер неожиданно для всех выступил в сенате с резким осуждением парламентаризма за его непригодность к решению современных проблем. В качестве оптимальной он назвал президентскую систему правления. Возмущенная оппозиция (кроме Крестьянской партии) 14 марта проголосовала за вотум недоверия Прыстору, в тот же день кабинет Бартеля сложил свои полномочия.

Отставка Бартеля не стала для Пилсудского трагедией. Процедура принятия бюджета близилась к завершению, эвентуальные поправки сената вряд ли могли что-то кардинально изменить. Бюджет утвердил бы и президент без участия нижней палаты. Более того, отставка могла быть для него выгодной. Дело в том, что в повестке работы сейма значились два неприятных для него вопроса. Во-первых, возвращенное Государственным трибуналом в сейм «дело Чеховича». Во-вторых, утверждение выводов специальной комиссии сейма по расследованию инцидента в сейме 31 октября 1929 г. Отставка правительства позволяла затянуть возникавшую в работе парламента очередную паузу до конца марта, когда истекал срок работы бюджетной сессии, предусмотренный августовской новеллой..

17 марта президент принял отставку кабинета и начался неспешный поиск кандидатуры нового премьера. Кресло премьера последовательно предлагалось Пилсудскому, маршалу сената Ю. Шиманьскому, брату диктатора Я. Пилсудскому. В такой ситуации Дашиньский, понимавший, что для работы сейма остается все меньше времени, решил нарушить обычай и созвать сессию сейма 29 марта 1930 г. Противостояние сейма и режима достигло точки невозврата. Пилсудский понимал, что если сейм доведет «дело Чеховича» до конца, то режим уже не сможет сохранить видимость пребывания в правовом поле, а это стало бы, пожалуй, его наиболее бо-

лезненным поражением. Хуже всего было то, что роспуск парламента позволял оппозиции утверждать, что режим пытается замять «дело Чеховича». Пилсудский выбрал проверенный метод психологического давления на сейм. В бой были брошены депутаты Беспартийного блока. Чтобы не допустить неблагоприятных для режима решений, они мешали работе бюджетной комиссии, грозили, что придут на заседание, вооружившись револьверами и резиновыми дубинками, и избьют Дашиньского, когда он попытается открыть заседание. И маршал сейма сдался. Доклад о бюджетных нарушениях был снят с повестки дня. Последнее, что успел сделать сейм на заседании 29 марта, — одобрить бюджет.

В тот же день Я. Пилсудский отказался от миссии формирования кабинета, новым премьером без всяких консультаций был назначен В. Славек. Он в тот же день представил на утверждение состав кабинета, почти идентичный предыдущему. На том президент закрыл сессию сейма. Пилсудский, окончательно решившийся на роспуск парламента, имел надежного помощника в лице второго правительства «полковников».

К этому времени и многие оппозиционеры пришли к выводу о необходимости досрочного роспуска парламента и проведения выборов. Уже в апреле 1930 г. противники режима начали закамуфлированную избирательную кампанию, надеясь, что выступление единым фронтом обеспечит им большинство мест в сейме. Главным оружием считалась пропаганда в печати, на собраниях и митингах принятой Центролемом 5 апреля 1930 г. декларации «Пусть решает народ в борьбе между маршалом Пилсудским и сеймом». В ней оппозиция негативно оценила результаты четырехлетнего правления «савации», потребовала покончить с диктатурой и восстановить демократию¹²³. Спустя 10 дней «Вызволнение», Крестьянская партия и «Пяст» достигли соглашения о тесном взаимодействии и сформировали программную, политическую и организационную комиссии для ведения текущей агитации и пропаганды в крестьянской среде, подготовки к выборам (они рассчитывали завоевать 150–180 мандатов в сейме) и разработки программы будущей единой крестьянской партии¹²⁴.

Совместное требование партий Центролева восстановить парламентское правление означало, что каждая из них согласилась по крайней мере до момента устранения диктатуры не форсировать собственных проектов переустройства польской государственности. Наконец-то парламентаризм образца 1921 г. обрел опору в лице представлявших значительную часть польского электората левых и центристских партий. Что касается национальных демократов и партий национальных меньшинств, то они остались вне блока, что можно расценить как свидетельство негативного отношения к существовавшей до мая 1926 г. политической системе. Но так как для большинства из них диктатура Пилсудского также была неприемлемой, то они готовы были бороться с ней вместе с партиями Центролева. Таким образом, авторитарный режим впервые после прихода к власти столкнулся с широчайшим фронтом противников, искренно желавших его падения. И Пилсудский оценил этот опасный вызов своему детищу быстро и адекватно.

Оппозиция, выступая единым фронтом, стремилась получить публичную трибуну для ознакомления общества со своими претензиями к режиму и завершения «дела Чеховича». Без особого труда она провела решение о созыве чрезвычайной сессии сейма для разрешения «дела Чеховича», вынесения вотума недоверия правительству Славека и поиска средств выведения страны из кризиса. Но режим не позволил воспользоваться

этим форумом. Созванная 23 мая сессия сейма была тут же отложена на 30 дней. Партии Центролева осудили политику президента и правительства, выразили протест и заявили, что будут продолжать борьбу за устранение диктатуры и восстановление действия конституции и права в полном объеме до полной победы «организованной демократии».

К этому времени Пилсудский твердо решил в самое ближайшее время распустить парламент и провести новые выборы. Он явно хотел, чтобы следующий бюджет утверждал новый, послушный его воле парламент. 26 мая замминистра военных дел генерал Славой-Складковский, вызванный в Бельведер, узнал о грядущем роспуске законодательного органа. Пилсудский приказал ему занять должность министра внутренних дел и «сделать» вместе со Славекком и Свитальским новые выборы в течение шести недель. Ф. Славой попросил на это три месяца, маршал согласился¹²⁵.

20 июня 1930 г. депутаты и сенаторы Центролева предупредили общество, что дальнейшее сохранение диктатуры неминуемо приведет Польшу к катастрофе, возложили ответственность за положение дел на президента и диктатора. Было выдвинуто требование отставки «правительства диктатуры Юзефа Пилсудского» и создания пользующегося доверием общества кабинета, который вместе с парламентом начал бы борьбу с хозяйственной катастрофой и нищетой трудящихся масс города и деревни¹²⁶. На следующий день, что было вполне предсказуемо, президент закрыл сессию, так и не позволив депутатам приступить к работе.

После провала с созывом внеочередной сессии сейма оппозиция фактически перешла к открытой избирательной кампании, обратившись к массовым внепарламентским формам агитации. На 29 июня 1930 г. Центролев назначил в Кракове конгресс в защиту законности и воли народа. Его организацию поручили временному исполнительному комитету Центролева. Конгресс был легальным, сопровождался оживленной организационной и пропагандистской работой. Помимо полутора тысяч делегатов с мест, депутатов и сенаторов от партий Центролева, в Кракове собралось от 25 до 50 тыс. их сторонников. Итоговая резолюция конгресса была выдержана в достаточно жестких тонах. Режим предостерегал от попыток осуществить государственный переворот и подавить движение за восстановление демократии с помощью террора, обещали самое решительное сопротивление, вплоть до физического¹²⁷. Объектом критики в очередной раз стал президент. Таким образом, оппозиция отказывала в праве на моральный авторитет всем столпам режима — Пилсудскому, правительству и президенту. После завершения конгресса состоялся массовый, с участием около 30 тыс. человек, митинг и была принята аналогичная резолюция. Затем его участники направились к памятнику А. Мицкевичу, по пути выкрикивая лозунги «Долой диктатуру!», «Пилсудского на виселицу!», «Долой лакея Мосьцицкого!» и др. Успех Краковского конгресса объединенная оппозиция расценила как готовность общества, большая часть которого уже почувствовала на себе негативные последствия мирового экономического кризиса, поддержать ее в борьбе с режимом «санации».

Но этот конгресс стал последней успешной массовой антиправительственной акцией Центролева. 11 августа Пилсудский, вернувшись после полуторамесячного отпуска в Варшаву, поручил Славой-Складковскому составить досье на всех депутатов Центролева. Одновременно был доработан общий план действий режима, предусматривавший не только роспуск парламента, но и деморализацию противника. О том, что разгону парламента придавалось стратегическое значение, свиде-

тельствует и то, что Пилсудский взял руководство операцией на себя. Обсуждались также меры противодействия «саботажу» украинских националистов в Восточной Галиции.

Оппозиция, в отличие от Пилсудского, продолжала действовать в правовом поле. 21 августа шесть партий Центролева постановили провести 14 сентября в 21 местности массовые митинги с требованием немедленного созыва сейма, устранения диктатуры, борьбы с экономическим кризисом и протестом против посягательств на целостность границ Польши. По предложению ППС было также решено в случае роспуска сейма без определения даты следующих выборов объявить всеобщую забастовку, но если срок выборов будет определен, то принять в них участие единым блоком.

22 августа Пилсудский предупредил Славой-Складковского, что акция против парламента начнется в ближайшее время. 23 августа Славек подал в отставку. 25 августа кабинет вновь возглавил Пилсудский. Своим заместителем по текущей деятельности кабинета он назначил полковника Ю. Бека. 27 августа в интервью «Газете польской» диктатор подверг резкой критике сейм и депутатов («депутат создан для того, чтобы глупо спрашивать и глупо говорить»), назвал Центролев «системой анархии» и «сильнейшей современной болезнью». Главными целями своего кабинета он определил изменение конституции и реформу работы парламента. Весьма провокационно прозвучало его заявление, что депутатов нужно выставлять за дверь из всех учреждений, а если им при этом еще и накомылят — то вреда не будет¹²⁸. Первым результатом этого призыва можно считать избиение «неустановленными лицами» вице-маршала сейма Я. Домбского.

29 августа 1930 г. Пилсудский предложил кабинету рассмотреть вопрос о досрочном роспуске парламента¹²⁹. На следующий день президент распустил палаты парламента и назначил новые выборы на ноябрь 1930 г. В отношениях режима и оппозиции наступал «момент истины».

IV.1. ПОДЧИНЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА И ПЛОДЫ ТРИУМФА «САНАЦИИ»

Все действия и выступления Пилсудского, предшествовавшие роспуску сейма, свидетельствовали о его решимости осуществить еще одну «революцию без революционных последствий» — ликвидировать остатки парламентаризма, но сохранить парламент как институт, присущий представительной форме правления. Опыт функционирования других европейских диктатур и деятельности Беспартийного блока показал, что вполне можно управлять с помощью партии власти, послушно выполняющей команды диктатора. Главное — обеспечить ББ большинство, и сейм из оппонента превратится в послушный воле режима орган, в его составную часть. Слабая оппозиция в парламенте будет безопасным и безвредным критиком режима, демонстрирующим видимость демократического правления.

Партии Центролева не только не осудили роспуск парламента, но и приняли его с определенным удовлетворением: наконец-то ситуация прояснилась и появилась возможность вынести спор с режимом на суд избирателей. Оппозиция считала, что «санация» и на этот раз будет играть в меру честно. Вечером 9 сентября пять партий Центролева создали избирательный блок под названием Союз защиты закона и свободы народа. Что касается христианских демократов, то они днем ранее, из-за нежелания партнеров по Центролеву учесть их конфессиональные постулаты, а также по требованию их лидера В. Корфанты, решили остаться вне избирательного блока, но как его союзники. Оппозиция обратилась к обществу с воззванием, обвиняя диктатуру во всех несчастьях трудового народа: в нежелании продолжать реформы, начатые до мая 1926 г.; служении интересам буржуазии и помещиков; в предательстве славных традиций борьбы за независимость Польши («союз Юзефа Пилсудского с представителями бывших соглашателей с государствами-захватчиками нанес удар в самое сердце легенде легионов»); непродуманной национальной политике. Был использован также аргумент из арсенала Пилсудского и его окружения: «Над всей польской жизнью повис груз невыносимых моральных отношений»¹³⁰.

Этот документ, явно ориентированный на трудящиеся слои общества, грешил демагогией (самым глубоким экономический кризис был в демократических Соединенных Штатах Америки и Веймарской Германии) и туманно рисовал пути оздоровления экономики страны. Оппозиция не четко представляла, чего она хочет помимо ухода режима с политической сцены и восстановления демократии образца 1921 г. Существует традиция обвинять польскую оппозицию в том, что она не решилась прибегнуть к внепарламентским массовым формам борьбы трудящихся. Но в 1930 г. в Польше не было ни малейших признаков того, что массы были к этому готовы. Тем более, оппозиции, стремившейся действовать в правовом поле, не пристало звать на баррикады. Это могли делать только загнанные в подполье революционные партии и Организация украинских националистов.

Зато режим четко следовал плану, намеченному Пилсудским. 1 сентября маршал **отметил** в представленном ему списке наиболее опасных, с его точки зрения, оппозиционеров. В ночь с 9 на 10 сентября 1930 г. полицией и военной жандармерией были **арестованы** 18 бывших депутатов, в том числе трехкратный премьер-министр В. Витос. **Аресты** были проведены не по судебному ордеру, а по приказу министра внутренних дел. Социалист Х. Либерман был арестован, несмотря на то, что, даже перестав быть депутатом сейма, пользовался неприкосновенностью как член Государственного трибунала. Все, кроме одного бывшего депутата от ББ, обвиненного в коррупции, были членами оппозиционных партий и из-за резких выступлений против диктатора в прес-се и сейме считались чуть ли не личными врагами Пилсудского. 26 сентября, после **ропуска** Силезского сейма, аресту подвергся лидер христианских демократов, руководитель восстаний в Верхней Силезии в 1919–1921 гг. В. Корфранты. Местом содержания **арестованных** стала военная тюрьма в Брестской крепости, что было еще одним **на-рушением** права. Арестованных начали избивать уже по пути в тюрьму, физическое и психологическое насилие над ними продолжалось и в крепости, комендантом которой **на** это время был назначен известный своими садистскими наклонностями полковник В. Костка-Бернацкий. В помощь ему были приданы офицеры с такой же репутацией. **Узников** полностью изолировали от внешнего мира, о жестоком обращении с ними стало широко известно только после парламентских выборов.

Но репрессии этими арестами не ограничились. 10 сентября состоялось заседание кабинета, где Пилсудский потребовал, вопреки праву, не восстанавливать на прежней работе бывших государственных служащих, которые были депутатами от оппозиции. Пилсудский твердо решил покончить с остатками парламентаризма, изменить конституцию и «исправить вредные политические и парламентские обычаи». С этой целью он **требовал** широко использовать меры устрашения, включая аресты, обыски, судебное преследование. Власти сделали все, чтобы максимально ограничить масштаб запланированных оппозицией на 14 сентября митингов и демонстраций. И это им удалось, в том числе и с помощью силы. Были запрещены митинги на открытом воздухе, а владельцам больших залов настойчиво рекомендовали не сдавать их в аренду оппозиции. Участники организуемых Центролем мероприятий и активисты избивались боевиками.

Пилсудский решил воспользоваться практически введенным в стране чрезвычайным положением — парламент распущен при почти полном безразличии общества, готовится арест наиболее ненавистных критиков режима, — чтобы силой подавить разворачивавшееся в Восточной Галиции национально-освободительное движение украинцев. 1 сентября он приказал через 15 дней приступить к «умиротворению» этой провинции. Непосредственным поводом для этого послужила начатая в июле 1930 г. Украинской военной организацией (УВО) борьба с полонизацией провинции, которую они считали украинской национальной территорией¹³¹. Поскольку протесты украинцев в парламенте, на митингах и в печати не помогали, УВО решила на крайние меры. Начались нападения на недавно прибывших сюда колонистов из Центральной и Западной Польши и польских учителей, поджоги их домов и хозяйственных построек, убийства наиболее ненавистных полонизаторов, уничтожались железнодорожные пути и оборудование, подрывались мосты и т. д.

Карательную операцию проводили полиция и армейские подразделения. Она длилась до 30 октября и охватила 450 сел в 16 поветах Львовского, Тернопольского

и Станиславского воеводств. Итогом акции стали разгром украинских культурных и хозяйственных организаций, закрытие трех украинских гимназий, аресты бывших депутатов и сенаторов, обыски, сопровождаемые порчей имущества и инвентаря, наложение контрибуций продуктами и деньгами в пользу расквартированных в неспокойных населенных пунктах воинских подразделений, порка активистов украинского национального движения и т. д. Всего аресту подверглось 1739 украинцев, 1143 из них обвинили в террористической и антигосударственной деятельности, было изъято около 2,5 тыс. единиц огнестрельного оружия. Фактически это был второй, после вооруженного столкновения в 1918–1919 гг., этап польско-украинской войны в Галиции. Мир увидел, что идея украинской государственности жива среди местного населения.

Однако вместо умиротворения края произошло углубление антагонизма между польским государством и украинским сообществом, хуже того, между проживавшими здесь поляками и украинцами. Украинские националистические круги Восточной Галиции показали, что не видят разницы в действиях польской администрации как до, так и после мая 1926 г. и не отказываются от идеи самостоятельного украинского государства, «Пьемонтом» которого должна была стать их провинция. Действия властей дали украинцам повод обратиться в Совет Лиги наций с жалобой на невыполнение Польшей своих обязательств по защите прав национальных меньшинств. И хотя международный орган не усмотрел в действиях Варшавы нарушения взятых ею обязательств, конфликт негативно сказался на имидже Польши. Кроме того «акция умиротворения» и безразличие к ней мирового сообщества укрепили у радикальной части галицко-украинского политического класса убеждение в невозможности компромисса с польской администрацией, в необходимости искать помощи и поддержки у врагов Польши. Поскольку СССР, где также подавлялись проявления украинского национализма, таким союзником быть не мог, за поддержкой обращались к Чехословакии, но главным образом к Германии, где в это время разместилась штаб-квартира Организации украинских националистов (ОУН)*.

Помимо руководителей оппозиционных партий и украинцев в предвыборный период в Польше были арестованы по политическим мотивам 84 бывших депутата и сенатора, около 5 тыс. местных деятелей, проведены обыски на квартирах многих активистов оппозиции, понижены в должности государственные служащие, подозревавшиеся в нелояльности правительству. Шок вызвал арест за выступления на предвыборных митингах и осуждение на различные сроки И. Космовской из «Вызволнения» и социалиста Я. Квапиньского, в свое время достаточно тесно сотрудничавших с Пилсудским. Так власти с известными политиками из легальных партий еще не поступали.

* Умеренная часть украинских политиков, и до 1930 г. проявлявшая готовность сотрудничать с властями с целью создания благоприятных условий для развития социальной и культурной жизни украинцев в Польше, после карательной операции укрепились в этой своей позиции. Раньше всего это проявилось на Волини, где воеводой с 1928 г. был Х. Юзевский, пилсудчик, руководитель Польской военной организации на Правобережной Украине, вице-министр в правительстве Петлюры в 1920 г. Он всеми силами пытался противодействовать распространению среди польского и украинского населения воеводства националистических идей, всемерно поддерживал сторонников тесного украинско-польского взаимодействия.

Были также предприняты попытки расколоть крестьянские партии, используя для этого существовавшее в их рядах негативное отношение к сотрудничеству с ППС как классовой партией. И хотя «санации» не удалось добиться своего, но определенный урон своим противникам она все же нанесла. Так, раскольники в Крестьянской партии овладели помещением ее правления и редакцией центрального органа «Газета хлопска», что в условиях избирательной кампании было болезненной потерей. В 11 избирательных округах, где партии Центролева пользовались сильным влиянием, списки их кандидатов были признаны недействительными. Оставшиеся на свободе партийные активисты, опасаясь за свою безопасность, действовали с оглядкой, достаточно пассивно¹³².

Выяснилось, что легальная оппозиция, привыкшая действовать в правовом поле, пусть и деформированном, была абсолютно не готова к навязанной ей борьбе, правила которой устанавливал сам режим. Лишь социалисты пытались организовывать уличные демонстрации, но полиция решительно это пресекала. Активность же крестьянства была минимальной. В целом оппозиция даже не думала о выполнении своего же решения ответить на попытку нового государственного переворота всеми средствами. Она твердо держалась позиции, что конфликт не должен выходить за правовые рамки. Пилсудский же не останавливался перед использованием самых непарламентских методов выдавливания оппозиции с политической сцены, ибо считал непослушные его воле политические партии вредными и опасными для Польши.

Партии, поддерживавшие режим, не испытывали недостатка в средствах. С помощью государственной администрации они сумели организовать мощную избирательную кампанию, по числу мероприятий и их участников многократно превосходившую кампанию оппозиции¹³³. В отличие от 1928 г. в нее активно включился сам Пилсудский, на сей раз решивший на полную мощь использовать свой по-прежнему немалый авторитет в обществе. Он согласился, чтобы его имя было поставлено на первое место в общегосударственном избирательном списке Беспартийного блока в сейм и сенат, хотя, естественно, заседать ни в одной из палат не собирался. Следом за ним шли фамилии политиков из его ближайшего окружения, преимущественно из группы «полковников». Он же задал тон агитационно-пропагандистской деятельности всего лагеря своими семью интервью «Газете польской» с резкой критикой польского парламентаризма образца 1921 г. и зависимости правительства от сейма.

Эти же мотивы составляли стержень пропагандистской кампании Беспартийного блока, отказавшегося от формулирования избирательной программы. «Санация» вновь придала выборам характер плебисцита, а не соревнования программ разрешения текущих и перспективных проблем общества и государства. При этом режим не жалел черной краски для характеристики противников. Творцы Центролева назывались убийцами, делались намеки на их связи с иностранными государствами, для сплочения общества вокруг правительства был пущен в ход жупел внешней угрозы, главным образом стремление руководителей Германии к ревизии границы с Польшей (что допускалось Версальским договором 1919 г.).

Организаторы избирательной кампании ББ активно использовали тот факт, что несколько арестованных полицией членов милиции ППС были обвинены в подготовке покушения на жизнь Пилсудского¹³⁴. На определенный эффект было рассчитано и принятое в 1930 г. сеймовой фракцией Беспартийного блока решение об отказе ее

членов от депутатского иммунитета в случае предъявления им уголовных обвинений. Одновременно превозносились достоинства того государственного устройства, которое намеревался создать Пилсудский вопреки сопротивлению своих врагов. С этой целью популяризировались основные постулаты конституционного проекта Беспартийного блока: сильное правительство, избираемый на всеобщих выборах президент, конструктивно действующий парламент, хозяйственное самоуправление, учреждение палаты наемного труда, чтобы непосредственные производители могли влиять на решение кардинальных хозяйственных проблем.

Победу режима на выборах обеспечили не только репрессии против оппозиции, эффективность его пропаганды и средства, потраченные из госбюджета. Не меньшую роль сыграли безразличное отношение значительной части избирателей к борьбе между «санацией» и Центролевым, сути которой они не понимали и к своей индивидуальной судьбе не примеряли¹³⁵, трудности повседневной жизни в условиях углублявшегося кризиса, а также уважительное отношение многих поляков к Пилсудскому. Его давно созданный образ как национального героя поддерживался и «обогащался» средствами массовой информации: нестигаемый борец за независимость, подвижник сильной, свободной, пользующейся международным авторитетом Польши, мудрый вождь, прекрасный семьянин, лучший друг польских детей, женщин, тружеников, стариков и т. д. и т. п. Как и в 1928 г., был задействован административный ресурс.

16 ноября 1930 г. прошли выборы в сейм, позже получившие название «брестских». В них участвовало около 75% избирателей. Почти полмиллиона бюллетеней, главным образом в воеводствах с преобладанием польского населения, были признаны недействительными. Широко практиковалась фальсификация результатов выборов, получившая, по аналогии с победой в Варшавском сражении в 1920 г., ироническое название «чудо над урной». Беспартийный блок и взаимодействовавшие с ним небольшие партии получили 55,6% мест в сейме (249 из 444). Избирательный блок Союз Центролева завоевал только 80 мандатов, больше всего мандатов потеряла ППС (24 вместо 63 в сейме второго созыва). Зато более чем в полтора раза увеличили свое представительство (62 мандата) национальные демократы, не привлекавшие после поражения 1928 г. повышенного внимания «санации». Сократилось представительство национальных меньшинств, особенно славянских, при одновременном увеличении числа немецких депутатов. Коммунисты вместо 8 мандатов завоевали только 5. Состоявшиеся недель позже выборы в сенат принесли Беспартийному блоку сотрудничества с правительством еще более убедительный успех — 76 из 111 мест.

«Брестские выборы» приблизили Пилсудского к озвученной после переворота цели — установлению сильной власти¹³⁶. Наконец-то были созданы условия для «тесного взаимодействия» правительства и сейма по мысли диктатора. В ближайшие пять лет он мог не думать о том, как управляться с непокорными законодателями. О чем не преминул заявить 18 ноября 1930 г. на совещании у президента с участием Свитальского, Славека и Бека. Обратившись к вопросам функционирования исполнительной власти в новых условиях, он заявил об уходе с поста премьера, назначил главой кабинета В. Славека, затем перечислил необходимые кадровые изменения в правительстве, дал директиву во внешней политике Польши сосредоточить основное внимание на восточном направлении, т. е. на Советском Союзе, и в связи с этим провести необходимые кадровые изменения в аппарате МИД¹³⁷. Учитывая, что на должность

руководителя восточного отдела МИД был рекомендован бывший начальник II отдела Главного штаба польской армии полковник Т. Шетцель, переориентация внимания на СССР означала также усиление на этом направлении подрывной деятельности в рамках так называемой политики прометеизма¹³⁸.

Тогда же было решено сделать маршалом сейма Свитальского. Его, как и Славека, Пилсудский обстоятельно проинструктировал относительно будущей деятельности: с самого начала «нагло использовать численный перевес», изменить регламент работы сейма, по вопросу о нарушениях на выборах и об условиях содержания узников режима в Брестской крепости сохранять полное спокойствие, отвести на обсуждение этих проблем один день и не оправдываться. Все должны понять, что ББ не хочет отвлекаться от подлинно государственной работы.

Получили сотрудники маршала указания и относительно того, как следует решать конституционный вопрос, а также по более частным вопросам. Соратников обязали сконцентрироваться на борьбе с национальными демократами, вновь объявленными главными противниками, и т. д.¹³⁹

24 ноября, на следующий день после выборов в сенат, на свободу до суда под денежный залог вышли первые узники Брестской крепости, накануне доставленные из Бреста в Варшаву. Последний из этой группы арестантов был освобожден только в конце декабря 1930 г. Обществу стала известна правда о пережитом ими за эти месяцы. С разных сторон раздались возмущенные голоса, протесты, требования наказать виновных. Национальные демократы внесли предложение о парламентском расследовании «Брестского дела». С запросом к правительству обратились партии Центролева, подробно описавшие отношение тюремщиков к арестованным. Насилие над узниками Бреста активно осуждали университетские профессора, люди творческих профессий, врачи и адвокаты, профсоюзы и общественные организации. В очередной раз жизнь опровергала официальную мифологию о режиме как образце высокой морали.

Пилсудский не придавал особого значения этим проявлениям возмущения. Главное было сделано: после выборов у режима наконец-то появилась третья надежная опора. Конструкция обрела необходимую устойчивость, чтобы не рухнуть и после его ухода из политики. Он абсолютно исключал возможность негативных последствий скандала вокруг узников Бреста. Поэтому 15 декабря спокойно уехал в более чем трехмесячный отпуск на португальский остров Мадейру, откуда не было «горячей линии» связи с Варшавой. Такого же мнения был и Славек, о чем заявил на совещании в президиуме Совета министров 18 декабря 1930 г., а затем и на заседании сейма.

Перед отъездом Пилсудский сделал важные назначения. Ю. Бек стал вице-министром иностранных дел, что исключало возможность неконтролируемых действий главы ведомства А. Залеского. К его деятельности «полковники» давно имели претензии, но Пилсудский к ним пока не прислушивался. В Генеральном инспекторате его подменил К. Соснковский, которому Пилсудский, несмотря на охлаждение отношений, по-прежнему полностью доверял.

К моменту возвращения диктатора в Польшу 29 марта 1931 г. в политической жизни стали заметны существенные подвижки. На первый взгляд могло показаться, что противники режима повергнуты окончательно и поднимутся не скоро: Центролев в новом сейме прекратил свое существование, не достигнув цели, ради которой создавался; режим не только устоял, но и, нанеся мощный удар по оппонентам, упрочил

свои позиции. Но поражение Центролева не означало провала идеи консолидации противников «санации» на платформе защиты демократии. Более того, взаимодействие в рамках Центролева положительно сказалось на межпартийных отношениях, повысилась степень доверия партий друг к другу, они четче осознали, что главный противник — это «санация».

Погром оппозиционных сил в 1930 г. положил конец господствовавшей на протяжении всех 1920-х годов дезинтеграционной тенденции в крестьянском движении. В марте 1931 г. Крестьянская партия, «Вызволение» и «Пяст», преодолевая сопротивление сторонников сохранения статус-кво в политическом облике польской деревни, объединились в единое Стронництво людоевое (Крестьянскую партию).

Сложные процессы приспособления к работе в новых условиях переживала ППС. Репрессии властей в отношении политических противников сказались на ее численности. Ряды членов ППС сократились с 51 тыс. в 1921 г. до 31 тыс. в 1931 г. Несколько ее руководителей — Н. Барлицкий, С. Либерман, С. Дюбуа — находились под следствием, И. Дашиньский по состоянию здоровья отошел от политики, Х. Диаманд скончался. В ППС заметно усилилось левое течение, что стало заметным, в частности, на ее XXII конгрессе в мае 1931 г., когда представители левых настаивали на переходе к тактике революционной борьбы с властью.

В Национальной рабочей партии и среди христианских демократов, ощутило терявших позиции в рабочей среде, росло понимание необходимости тесного взаимодействия друг с другом, а не с национальными демократами, в рядах которых все громче заявляли о себе откровенные враги демократии и парламентаризма.

В КПП в 1929 г., после длительной дискуссии об ответственных за «майскую ошибку» 1926 г., сменилось руководство. Во главе партии встали представители так называемого «меньшинства» во главе с Ю. Лещиньским-Леньским, полностью разделявшие курс Коминтерна на форсирование революционного процесса и создание единого пролетарского фронта снизу, без соглашения с руководителями ППС и социалистических партий национальных меньшинств. В результате наиболее активная в политическом отношении часть трудящихся оказывалась в стороне от борьбы за восстановление демократической политической системы, которую вели левые и центристы.

Ситуация в народном хозяйстве не внушала оптимизма. Польская экономика с конца 1929 г. вместе с другими капиталистическими государствами погружалась в небывало тяжелый и продолжительный кризис. Промышленность стала выходить из него в 1933 г., а сельское хозяйство лишь в 1935 г. Между тем аграрный сектор оставался основным в польской экономике, в нем было занято более 60% населения и производилась львиная доля валового национального продукта (в 1929 г. 71%).

Кризис имел не только экономическое, но и политическое измерение. Режим больше не мог приписывать себе успехи в экономике, как он это делал ранее, в 1926–1928 гг. Правительства, возглавляемые «чистыми» политиками, которые за время существования диктатуры приобрели богатый опыт борьбы с оппозицией, были бессильны перед обрушившимся на страну кризисом. Мешала принятию радикальных мер по стабилизации положения и зависимость Польши от иностранных капиталов. Например, до конца 1930 г. Польша не могла вводить валютных ограничений, поскольку по условиям стабилизационного займа она обязывалась не менее трех лет обеспечивать свободный обмен золотых на золото или на валюты с золотым обеспечением и их свободный вывоз

за границу. Относительно характера возникших в польской экономике трудностей среди членов кабинета и правительственных экспертов не было единства. Долгое время они рассматривались как временные, легко преодолимые*, а призывы оппонентов и оппозиции выработать антикризисную программу игнорировались. Официально наличие кризиса было признано лишь в 1931 г., а комплексная программа борьбы с ним появилась годом позже и стала вводиться в жизнь только в 1933 г.

Пилсудский, отсутствовавший в стране более 100 дней, не сразу почувствовал изменение ситуации. Он был вполне доволен политическими действиями премьер-министра Славека. Тот достаточно легко провел через сейм бюджет и, добившись от парламентариев подтверждения законности превышения государственного бюджета 1927–1928 гг., закрыл неприятное для маршала «дело Чеховича». Правительство активно использовало полицию для взимания недоимок по налогам, в борьбе с выступлениями безработных, в преследовании радикальных левых партий. В конце 1930 г. были задержаны руководители Сель-Роб-левицы, в феврале 1931 г. арестованы делегаты II съезда ППС-левицы, а партия запрещена. В мае 1931 г. был арестован депутат сейма от Объединения крестьянской левицы «Самопомощь» Ф. Ткачев, а сама эта организация, возникшая после запрета Независимой крестьянской партии в 1927 г., поставлена вне закона. Диктатор мог констатировать, что его соратники вполне справляются с оперативным управлением страной. Наступало время для создания предпосылок успешного функционирования режима после того, как он уйдет из политики. 29 апреля 1931 г. на совещании в Бельведере с участием Мосьцицкого, Славека, Свитальского, Прыстора и Бека Пилсудский заявил, что за прошедшие после переворота годы он существенно изменил внутренние отношения в стране. Главное теперь, по мнению диктатора, конституционный вопрос, но его следует решать в рамках закона, для чего и были проведены досрочные выборы в парламент. В случае, если и теперь не получится, то он не остановится перед применением силы, но доведет дело до конца¹⁴⁰.

Окончательное решение этого вопроса Пилсудский поручил Славеку, освободив его с этой целью 26 мая 1931 г. от должности главы кабинета министров. Премьером стал А. Прыстор. Произошли изменения и в правительстве. Наиболее неожиданным стало назначение министром финансов Я. Пилсудского, не имевшего опыта государственного управления. На посту министра внутренних дел генерала Славой-Складковского заменил 36-летний полковник Бронислав Перацкий. В правительстве появились и другие новые люди, все без исключения из окружения маршала. Он явно считал, что подготовил достаточный собственный кадровый резерв государственного уровня, чтобы не прибегать к помощи людей со стороны.

На долю Прыстора выпало завершение «Брестского дела», доставлявшего режиму определенные неудобства. С этим нужно было спешить, пока общество, озабоченное выживанием в условиях кризиса, мало интересовалось политикой. В октябре 1931 г. в варшавском окружном суде начался процесс над 11 узниками Брестской крепости, обвиненными в намерении силой устранить законное правительство. Им запретили говорить об условиях содержания в Брестской крепости. Но обвиняемые, ободренные широкой общественной поддержкой, сразу же превратились в обвинителей режима за

* Популярным был анекдот: Пилсудский в бытность его премьером в ответ на сообщение о том, что в Польше кризис, отдал по-военному четкий приказ: «Арестовать кризис!».

нарушения им конституции и законодательства. Процесс был проведен весьма оперативно, 55 заседаний завершились в январе 1932 г. Все обвиняемые, кроме одного, были признаны виновными и осуждены на различные сроки заключения. Окончательно разбирательство в судах разных инстанций завершилось лишь в октябре 1933 г. утверждением первоначального приговора¹⁴¹. Процесс показал, что режим подмял под себя и судебную систему. Пятеро из осужденных, в том числе В. Витос, не желая отбывать несправедливый приговор, эмигрировали.

В 1931 г. вновь дало о себе знать украинское националистическое движение в Восточной Галиции. 29 августа на курорте в Трускавце боевиками ОУН был убит Т. Голувко, один из идеологов «санации» и творцов Беспартийного блока, его вице-председатель, депутат сейма, эксперт по украинскому вопросу. Это политическое убийство свидетельствовало о переходе непримиримого крыла украинского национально-освободительного движения к физическому террору против представителей режима и полном провале акции «умиротворения» осени 1930 г. Символично, что жертвой террористов стал пилсудчик, настойчивее других искавший пути государственной интеграции украинцев в Польшу.

На долю правительства Прыстора пришлось разработка и принятие ряда законопроектов, а также президентских распоряжений в социальной области с целью упрочить позиции исполнительной власти и уменьшить социальные обязательства государства. «Санация», пользуясь полученным большинством в сейме, как бы наверстывала упущенные возможности законотворчества в то время, когда существовала гибридная форма политической системы. Перечень законов и декретов был весьма пространен. В августе 1931 г. ввели новый тюремный устав, лишавший политических заключенных особых прав, а в сентябре декретом президента — ускоренную процедуру судопроизводства. В течение двух лет было приведено в исполнение 116 смертных приговоров, 40 человек были помилованы. В 1932 г. начали действовать закон о собраниях (властям предоставили право контролировать собрания и закрывать их по своему усмотрению), а также об обществах, затруднявший процедуру их регистрации. В том же году лишились независимости суды, министр юстиции получил право переводить судей с места на место, а также освобождать от должности председателей судов и их заместителей. Произошло подчинение адвокатских коллегий административным органам. Начал действовать новый уголовный кодекс, сохранявший смертную казнь. Реформы 1932–1933 гг. в области школьного и университетского образования затруднили получение высшего образования детям из крестьянских и рабочих семей, а также отменили вузовскую автономию. Изменения в системе социального страхования ущемляли интересы трудящихся. Увеличилась продолжительность рабочей недели до 48 часов, сократились в два раза оплаты за сверхурочную работу. Отсутствовал лишь прогресс в конституционном вопросе, хотя Пилсудский регулярно напоминал своим сотрудникам о необходимости его скорейшего решения¹⁴².

Главной задачей было создание системы, делавшей своеобразным «Пилсудским» всякого, кто возглавил властную пирамиду, и исключавшей любую возможность легального прихода к власти оппозиции. Сам маршал конституционным вопросом глубоко не занимался. Лично для него звучание конкретных статей, разработанных в соответствии с отданной директивой, не имело особого значения. Чего нельзя сказать о соратниках диктатора: их будущее напрямую зависело от того, каким будет новый

Основной закон. Они могли обеспечить правовые гарантии власти «санации» только при жизни Пилсудского, используя его имя. Наблюдая быстрое физическое дряхление маршала, члены его политического штаба понимали, что времени на это у них не так уж и много.

Наконец, в феврале 1931 г. Беспартийный блок внес в сейм проект Основного закона. После обсуждения на пленарном заседании 3 марта проект был передан в конституционную комиссию, которая провела его правовую экспертизу. В конце августа 1931 г. Пилсудский вновь напомнил Славеку, Свیتالському и Прыстору о важности вопроса и порекомендовал уделить больше внимания пропаганде в обществе основных положений новой конституции.

В 1931–1933 гг. обсуждение проекта конституционной комиссией продолжалось во время очередных сессий парламента. Летом 1932 г. было проведено совещание, посвященное будущей конституции. Различные совещания и обсуждения, в том числе и в СМИ, имели место и в дальнейшем.

Богатым на политические события оказался 1933 г. Особенно заметным на политической сцене стало крестьянское движение. Начало протестной активизации крестьянства, прежде всего в Малой Польше, относится ко второй половине 1931 г. Заметно возрос приток новых членов в Стронництво людвое, причем в ряде случаев запись в партию проходила прилюдно, на глазах у полицейских, как демонстрация недовольства властью. Новым для крестьянства стало заимствование форм борьбы, свойственных скорее рабочему движению. Одной из них были забастовки, начавшиеся в первые месяцы 1932 г. в Малой Польше, во время которых прекращался подвоз продовольствия в города. Вначале крестьяне требовали только снижения рыночных сборов, и чаще всего добивались своего. К концу года в перечень их требований вошли отмена картельных цен и повышение цен на сельскохозяйственную продукцию, прекращение конфискации имущества за долги и т. д. Забастовки сопровождались жестокими, со смертельными жертвами, столкновениями с полицией и повальными арестами активистов. Успех массовых акций с отчетливой политической окраской подталкивал руководство СЛ к проведению общепольской крестьянской забастовки. В декабре 1932 г. главный совет партии одобрил забастовочную тактику борьбы с властью.

Первая половина 1933 г. прошла в атмосфере обострения политической обстановки в стране. В апреле–мае по разным поводам в ряде регионов произошли крестьянские выступления, выливавшиеся в стычки с полицией¹⁴³. В них погибло 30 крестьян, несколько десятков были ранены. Жертвы были и среди полицейских. В атмосфере нараставшего протестного движения руководство СЛ приняло в мае решение провести всеобщую крестьянскую стачку*. Со второй половины года крестьянская активность пошла на спад. Тем не менее, впервые после 1926 г. «санация» столкнулась с сопротивлением не только со стороны партийных лидеров и депутатов сейма, но и широких слоев крестьянства, выступавшего под политическими лозунгами.

* За решением не последовала организационная подготовка. В руководстве крестьянского движения было немало противников обострения борьбы с режимом, опасавшихся, что ситуация может выйти из-под контроля. В результате стачки имели локальный характер.

Еще один вопрос, оказавшийся в 1933 г. в центре внимания окружения диктатора, касался кандидатуры в кресло президента, т. е. на место реального приемника Пилсудского. Срок полномочий И. Мосьцицкого истекал в начале июня 1933 г. По договоренности с президентом премьер Прыстор назначил заседание национального собрания на 1 июня, но 25 апреля маршал неожиданно для всех заявил президенту, что выборы нужно провести на месяц раньше, умолчав, останется ли Мосьцицкий во главе государства. Соратники диктатора оказались в полной растерянности, ибо летом 1932 г. Пилсудский говорил, что хотел бы видеть президентом В. Славека. Спустя несколько дней он назвал кандидатом действующего президента. Депутаты от оппозиции и национальных меньшинств бойкотировали заседание национального собрания, а коммунисты демонстративно предложили кандидатуру своего лидера Ю. Лещиньского-Леньского, но нужного количества подписей для его формального выдвижения собрать не смогли. 8 мая 332 из 343 участников национального собрания послушно проштамповали решение маршала.

В 1933 г. случилось шокировавшее политический штаб Пилсудского событие. 2 мая 1933 г. на совещании со Славеком и Свитальским маршал неожиданно для них негативно оценил деятельность Прыстора как премьер-министра. Сопоставив достижения и недостатки двухлетнего пребывания во главе кабинета своего друга со времен боевой организации ППС и верного соратника, он констатировал, что негатива больше, поэтому Прыстор должен уйти в отставку под предлогом переизбрания президента. Диктатор подчеркнул, что если премьер не прислушается к совету, то он займет по отношению к нему позицию «недоброжелательного нейтралитета»¹⁴⁴.

В связи с отставкой Прыстора возник вопрос о новом премьере. У Пилсудского было два выхода: назначить главой кабинета кого-то из полковников, прежних премьеров, или найти нового человека. Президент представил список кандидатов в составе Ю. Бека, В. Славека и Я. Енджеевича. Маршал указал на последнего, как обычно не согласовывая заранее с кандидатом вопрос о назначении.

В решающую стадию конституционный вопрос вступил осенью 1933 г., когда лидер Беспартийного блока В. Славак поручил С. Цару и Б. Подоскому (юрист, член ПОВ, депутат сейма от ББ) изложить главные принципы будущего Основного закона в виде конституционных тезисов. В декабре 1933 г. парламентская фракция ББ рассмотрела 63 тезиса и передала их в конституционную комиссию сейма. Оппозиция заседания комиссии бойкотировала, понимая, что у нее нет ни малейшего шанса повлиять на содержание документа. 11 января 1934 г. без особых проволочек тезисы были одобрены комиссией. 26 января 1934 г. они стали предметом обсуждения на пленарном заседании нижней палаты парламента.

Депутаты оппозиции, заявив о несогласии с изменением конституции, покинули заседание. Эта непродуманная демонстрация позволила «санации» совершить «трюк», о возможности которого говорили еще в 1931 г. Его суть заключалась в принятии сеймом ускоренной процедуры рассмотрения проекта. Регламент работы сейма не оговаривал, что эта процедура не распространяется на Основной закон. В отсутствии оппозиции такая лазейка давала возможность легко получить голоса квалифицированного большинства участников заседания. При участии оппозиции в заседании «трюк» бы не удался. Правда, и в случае успеха не обошлось бы без нарушений, главным образом процедурного характера, поэтому можно было сделать вид, что право соблюдено полностью.

Для придания «трюку» видимости законности В. Славек, К. Свитальский, С. Цар, Б. Подоский решили принимать не текст конституции, а конституционные тезисы. Чтобы продемонстрировать оппозиции свое желание играть по правилам, они даже приказали служащим аппарата парламента предупредить социалиста М. Недзялковского, который в тот момент якобы должен был находиться в здании сейма, о том, что после обеда будет приниматься важное решение. Но оппозиция в зале заседаний сейма так и не появилась, за исключением представителя национальной демократии С. Строньского,

«Трюк» с принятием конституции прошел гладко, депутаты от Беспартийного блока единогласно проголосовали и за ускоренную процедуру, и за конституционные тезисы в качестве проекта конституционного закона. Свитальский закрыл заседание, а депутаты от партии власти пропели «Первую бригаду». Началась длившаяся более года процедура придания конституционным тезисам законченной формы¹⁴⁵.

IV.2. РЕШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ВОПРОСА

В Польше мало кто сомневался, что в ближайшее время «санация» завершит начатое в мае 1926 г. реформирование политической системы и конституция будет принята. В общественно-политической жизни создавалась качественно новая ситуация. Теперь оппозиция уже не могла, борясь с режимом, апеллировать к демократическим положениям Основного закона 1921 г., обличать нелегитимный характер действий «санации».

Усилия «санаторов» по продвижению проекта конституции пришлось на время колоссального успеха реакционных сил в Европе. В Германии к власти пришла национал-социалистическая партия, известная требованиями пересмотра Версальского мира и беспощадной борьбой с политическими оппонентами, якобы желавшими законсервировать униженное положение великой европейской нации.

Для возникшей после января 1934 г. качественно новой ситуации в политической жизни Польши были характерны два момента. Первым из них было возрождение прерванной в 1930 г. тенденции к консолидации левого крыла противников режима, причем она захватила и Коммунистическую партию Польши. В КПП появились признаки пересмотра прежде непримиримого отношения к левой и центристской демократической оппозиции и перехода к восприятию ее как главного союзника в борьбе с «фашистской диктатурой Пилсудского». Столь радикальный поворот с неизбежностью вел к признанию демократического характера политической системы, существовавшей до мая 1926 г.

В научной литературе обращение КПП к новой тактике датируется апрелем 1934 г., когда коммунисты предложили ППС, Бунду и немецким социал-демократам провести совместную стачку протеста против наступления «санации» на социальные права рабочих. Но вряд ли с этим можно безоговорочно согласиться, если учесть, что компартия пока не отказалась ни от одной из предшествующих установок, разве что сбавила обличительный пафос критики партнеров по рабочему движению.

Более решительное обращение к новой тактике относится к первой половине 1935 г. В мае КПП в открытом письме руководству и членам ППС, Бунда и социалистического профцентра призвала их к совместной борьбе с ограничением гражданских прав и свобод, а также с «фашистской» конституцией. Со временем произошло расширение круга предполагаемых союзников в борьбе с режимом за счет Стронництва людового, украинских и немецких социалистов, Союза сельской молодежи «Вици» и социалистической Организации молодежи товарищества рабочих университетов. КПП все активнее выступала в защиту демократических прав и свобод, но при этом не скрывала, что стратегической целью считает свержение капиталистического строя и построение «рабоче-крестьянской советской власти, Польской республики рабочих, крестьянских и солдатских Советов». Такая формулировка стратегической цели КПП затрудняла ее потенциальным союзникам из числа легальных партий вступление с ней в договорные отношения, а ее противникам облегчала критику коммунистов как «агентуры Москвы» и врагов польской независимости. И тем не менее отказ компартии от прежних нападок на партнеров по рабочему движению и СЛ способствовал сотрудничеству на низовом уровне, особенно в молодежной среде, свободной от пережитков сектантства и догматизма, не отягощенной грузом взаимных обид и предубеждений.

Процесс полевления продолжался в ППС, в рядах которой в 1934 г. осталось только 12 тыс. членов. По этому показателю социалисты лишь в два раза превосходили нелегальную КПП, насчитывавшую порядка 5–7 тыс. членов. На XXIII конгрессе ППС в феврале 1934 г. достаточно громко заявила о себе группа делегатов, сторонников сотрудничества с компартией в борьбе с «санацией». Среди них наиболее активными были В. Василевская, писательница и публицист, дочь близкого соратника Пилсудского и первого министра иностранных дел независимой Польши Л. Василевского, А. Прухник, историк, автор классической работы «Первое пятнадцатилетие независимой Польши», Б. Дробнер и др. Под влиянием левых настроений, подогреваемых широко распространенными ожиданиями столкновения общества с режимом, в принятые конгрессом тезисы партийной программы был включен лозунг диктатуры пролетариата. Но на сотрудничество с КПП съезд согласия не дал.

В Стронництве людовом и связанном с ним молодежном движении велся активный поиск новой идеологической платформы движения, шло усвоение аграристских идей о социальной значимости крестьянства и их переработка применительно к польским условиям. СЛ все устойчивее закреплялось на левом центре, в нем практически не осталось убежденных сторонников тесного сотрудничества с национальными демократами.

Второй новый момент давал о себе знать в правом сегменте политической сцены. В 1931–1934 гг. власти последовательно запрещали деятельность отдельных региональных организаций Лагерь великой Польши, пока эта организация полностью не прекратила своей деятельности. В связи с этим часть актива ОВП создала Союз молодых националистов (СМН), поставивший задачу достичь соглашения с «санацией» как силой, успешно борющейся с революционными и либеральными партиями. В результате должен был произойти симбиоз националистов и «государственников» и разработана соответствующая «национально-государственная» идеология. Лидеры СМН планировали организовать встречу и примирение Р. Дмовского и Ю. Пилсудского, но проект не был осуществлен из-за болезни маршала. Наиболее сильным влияние СМН было в западных районах Польши, где отчетливее осознавалась угроза, исходившая от гитлеровского режима.

Другой организацией правых сил стал созданный в апреле 1934 г. Национально-радикальный лагерь (НРЛ), избравший образцом для подражания итальянский фашизм. В июне власти запретили деятельность НРЛ по подозрению в причастности к покушению на Б. Перацкого, а ряд его руководителей были направлены «на перековку» в лагерь в Березе Картуской. После их освобождения осенью того же года организация распалась на две новые формации, получившие по титулам своих печатных органов название Национально-радикальный лагерь «Фаланга» и Национально-радикальный лагерь «АБЦ». И те, и другие были глашатаями «национально-радикальной революции», противниками коммунизма, социализма и либерализма, боролись за введение «процентной нормы» и отдельных скамей для еврейских студентов в университетах, громили еврейские лавочки и т. д. Но в рядах НРЛ «Фаланга», лидером которого был Б. Пясецкий, постепенно нарастало стремление к сближению с «санацией». Таким образом, в молодежном крыле националистической демократии наметился поворот к взаимодействию с праворадикальными элементами в лагере «санации», т. е. такая же консолидационная тенденция, как и на левой стороне политической сцены.

Что касается правящей группировки, то в ее верхушке шла активная подготовка к правлению без вождя. В мае 1934 г. Пилсудский произвел свою последнюю самостоятельную перестановку на посту премьер-министра. Вместо подавшего в отставку Я. Енджеевича главой кабинета стал Леон Козловский*. Появление нового человека в ближнем окружении диктатора означало, что он все еще занимался расширением кадрового резерва. Именно с кабинетом Козловского связано создание в Польше концлагеря для политических противников режима.

15 июня 1934 г. в центре Варшавы боевиком ОУН был смертельно ранен министр внутренних дел Б. Перацкий, с которым Пилсудский связывал определенные политические планы. Поскольку террорист с места преступления скрылся, следовательно первоначально полагали, что покушение было совершено по заказу руководства Национально-радикального лагеря, в связи с чем были арестованы его руководители. Но затем от этой версии отказались. Началась разработка оуновского следа.

Непосредственной реакцией на покушение стал декрет президента от 17 июня 1934 г. «О лицах, угрожающих безопасности, спокойствию и общественному порядку». Он предусматривал заключение в специальные лагеря не по суду, а в административном порядке людей, не совершивших преступления, но негодных режиму. Срок изоляции составлял до трех месяцев, но ничто не мешало властям продлять его снова и снова. В конечном счете было создано только одно такое заведение, в окрестностях известного своим не самым здоровым климатом местечка Береза Картуская в белорусском Полесье, на полпути между Брестом и Барановичами. За время существования лагеря до сентября 1939 г. его узниками побывали украинские националисты, коммунисты, члены Национально-радикального лагеря, представители других левых и

* Козловский служил в польском легионе, после Первой мировой войны стал профессором Львовского университета им. Яна Казимира по специальности археология, но с политикой не расставался. Был депутатом сейма от Беспартийного блока и членом нескольких кабинетов министров. С 1939 г. находился в заключении в СССР. После освобождения из тюрьмы в 1941 г. перешел через линию фронта на немецкую сторону. О дальнейшей его судьбе почти ничего не известно.

правых организаций и партий. Специально подобранный персонал достаточно широко применял к заключенным меры психологического и физического воздействия.

Об этом декрете и созданном на его основании концентрационном лагере Пилсудский знал от Козловского, который обговаривал с ним эту идею в день покушения. По утверждению адъютанта маршала М. Лепецкого, тот якобы согласился на чрезвычайную меру лишь на один год и доверил ее реализацию премьеру¹⁴⁶.

Назначение премьер-министром Козловского вызвало недовольство членов политического штаба Пилсудского, опасавшихся, что он постарается ослабить их позиции. Свитальский не скрывал своего несогласия с политикой львовского профессора, что подтверждало знание ближайшими сотрудниками Пилсудского истинного физического состояния своего патрона, хотя это была строго секретная информация. Они серьезно задумывались о будущем созданного Пилсудским режима. Как свидетельствует В. Енджеевич, в марте 1935 г. Мосьцицкий, Славек, Пристор и др. обсуждали вопрос о премьере. Подобные совещания они проводили и раньше. Новым было то, что теперь они решили добиться от маршала замены Козловского Славек¹⁴⁷. Так больной Пилсудский становился инструментом в руках своих близких соратников. Политическая кончина диктатора наступила раньше его физической смерти, хотя ему могло казаться, что все решения по-прежнему принимаются им самостоятельно. Скорее всего в отставке Козловского маршала убедил президент 22 марта 1935 г. Тогда же было получено согласие на назначение премьером Славек. Но для непосвященных в интригу все было представлено как решение Пилсудского.

Установки Пилсудского относительно темпов завершения работы над конституцией предопределили их неспешный характер. Принятый сеймом проект был передан в сенат лишь в конце бюджетной сессии 1933–1934 гг. В верхней палате «санация» обладала необходимым большинством в 2/3 голосов, что позволило ей внести в конституционные тезисы все нужные режиму поправки. Сенат завершил свою часть работы в январе 1935 г., после чего документ вернулся в конституционную комиссию сейма, а та, обсудив его дважды и не внося изменений, передала на рассмотрение сейма уже как обычный закон, для утверждения которого было достаточно простого большинства в 11/20 голосов. Сейм проголосовал за поправки сената 23 марта 1935 г. После этого конституцию должны были завизировать все члены правительства и президент. Возникла задержка, поскольку никак не могли договориться, когда Пилсудским сможет поставить свою подпись как военный министр. Лишь 12 апреля это удалось организовать Ю. Беку. Затем конституцию завизировали другие члены кабинета, 23 апреля 1935 г. текст конституции подписал президент. На следующий день она была опубликована в «Дневнике законов Польской Республики» и вступила в действие.

Апрельская конституция 1935 г. принципиально отличалась от Основного закона 1921 г. На первый план в ней вместо народа ставилось государство, ведущее и руководящее место в котором признавалось за президентом, соединявшем в своих руках «единую и неделимую государственную власть». Все избиратели делились на две категории: обычных и «лучших сынов», последние обладали более широкими правами.

Конституция практически вводила в Польшу гибрид президентской формы правления с диктатурой группы людей, связанных общим прошлым (Боевая организация ППС, легион, польско-советская война 1919–1920 гг.) и общей задачей удержать власть в настоящем и будущем. Президент, на которого возлагалась ответственность «перед

богом и историей за судьбы государства», мог избираться путем всеобщих выборов, либо собранием выборщиков в количестве 80 человек. Оно формировалось по достаточно сложной схеме: 50 членов избирались сеймом, 25 — сенатом, 5 входили по должности (маршалы сейма и сената, премьер, генеральный инспектор и председатель Верховного суда). Число возможных претендентов на пост главы государства ограничивалось двумя кандидатами. Одного из них предлагало собрание выборщиков, второго — уходящий президент. В этом случае назначались всеобщие выборы, которые должны были определить, кто из них возглавит государство. Если президент в установленных конституцией сроки не назначал своего кандидата и не объявлял всеобщих выборов, его приемником автоматически, без голосования становился кандидат собрания выборщиков. В случае войны полномочия президента продлевались на срок до истечения трех месяцев после заключения мира, кроме того он получал право назначить приемника на случай, если не сможет выполнять свои обязанности.

Президент наделялся огромными полномочиями: утверждал состав правительства; созывал и распускал парламент, открывал, закрывал и приостанавливал его сессии; был Верховным главнокомандующим; решал вопросы войны и мира, заключал и ратифицировал международные договоры; назначал и отзывал премьер-министра, руководителей Верховного суда и Верховной контрольной палаты, главнокомандующего, генерального инспектора Вооруженных сил, судей Государственного трибунала и т. д. Он по-прежнему сохранял право издавать распоряжения, имеющие силу закона. Никто и никогда не мог привлечь его к ответственности за действия, связанные с исполнением должности, а за другие нарушения права — до истечения срока полномочий.

Роль двухпалатного парламента была ограничена некоторыми контрольными и совещательными функциями, ему и правительству принадлежала законодательная инициатива. Усложнялась процедура вынесения вотума недоверия премьеру и отдельным министрам, президент в случае принятия парламентом такого решения мог его распустить. Менялось законодательство о выборах в сейм, вместо 64 многомандатных округов вводились 104 двухмандатных. Таким образом, количество депутатов сокращалось с 444 до 208 человек. Отменялся принцип пропорционального распределения мандатов. Число сенаторов было уменьшено со 111 до 96 человек, 32 из них назначались президентом из числа «лучших сынов» Отечества, остальные избирались в 64 одномандатных округах. Повышался возрастной ценз для избирателей и кандидатов в депутаты и сенаторы¹⁴⁸. Партии не имели права выдвигать кандидатов в депутаты, им наделили избирательные собрания, определяющее влияние на состав которых имел режим. Эти собрания выдвигали двух кандидатов на одно место. Тем самым выборы и президента, и депутатов сейма практически были превращены в плебисцит по кандидатурам «санации», а оппозиция лишалась влияния на исход выборов и состав депутатского корпуса.

С введением в действие апрельской конституции 1935 г. завершился переход от ранней модели режима «санации» к его зрелой форме. Если гибридная модель могла функционировать лишь благодаря Пилсудскому с его легендой, авторитетом и умением воздействовать на общество и оппозицию, то зрелый режим, по мысли диктатора, должен был чувствовать себя достаточно комфортно и в отсутствие этого благоприятного для «санации» фактора. Но только при условии, что удастся сохранить прежнюю расстановку сил внутри самого правящего лагеря. А как раз это и было наиболее

сложной задачей после смерти Пилсудского. Но по крайней мере при жизни он был уверен, что задача закрепления власти за его сторонниками решена успешно и новое всевластие сейма, с которым он боролся большую часть своей жизни в независимой Польше, ей не грозит.

IV.3. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ МАНЕВР Пилсудского

Если решение вопроса о конституции Пилсудский поручил своим соратникам, то другие вопросы, имевшие первостепенное значение не только для режима, но и судеб страны в целом, он оставил в собственном исключительном ведении. Речь идет в первую очередь об укреплении безопасности Польши в условиях быстро осложнявшейся международной обстановки и все более заметной утраты Лигой наций роли инструмента поддержания мира в Европе. Мировой экономической кризис рубежа 1920–1930-х гг. помимо существенных хозяйственных и социальных трудностей породил тревожные для Польши перемены в расстановке сил в Европе. Франция, одна из главных опор версальской системы и гарант безопасности своих союзников в Восточной Европе, все хуже справлялась с ролью контролера поведения Берлина. В связи с этим Париж стал рассматривать возможность сближения с Москвой, превращавшейся в новый центр силы на востоке континента. А это обрушивало прежнюю, в равной степени антигерманскую и антисоветскую внешнеполитическую стратегию Польши, строившуюся с учетом гегемонии Франции в Европе и устойчивости версальской системы. Пилсудский еще в первой половине 1931 г. считал международное положение своей страны стабильным, а деятельность А. Залеского на посту министра иностранных дел удовлетворительной. Но со второй половины года маршал приступил к корректировке внешней политики так, чтобы освободиться от патроната Франции и превратить Польшу в ведущую силу в восточноевропейском регионе.

Первым его шагом на этом пути стало подписание пакта о ненападении с Советским Союзом. Переговоры о договоре велись с первой половины 1920-х гг., но очень вяло, с длительными перерывами, без особого желания сторон достичь успеха. Теперь Варшава и Москва, которая демонстрировала намерение вернуться на европейскую арену как конструктивная сила, наконец-то нашли компромиссное решение. В июле 1932 г. документ был подписан. Пакт минимизировал возможные негативные последствия для Польши советско-германского договора 1926 г.¹⁴⁹ Однако Варшава не прекратила своей поддержки действовавших против СССР эмигрантских организаций, т. н. «прометейского» движения, лишь еще больше ее засекретив. Впрочем, как и Советский Союз, продолжавший и после 1932 г. поддерживать КПП и связанное с ней национально-освободительное движение украинцев и белорусов.

Одновременно Пилсудский пошел на открытую демонстрацию силы в отношении Берлина, добивавшегося пересмотра территориальных постановлений Версальского договора. В июне 1932 г., в нарушение норм международного права, польский эскадренный миноносец «Вихрь» вторгся в территориальные воды вольного города Данцига. Пикантность ситуации заключалась в том, что Пилсудский даже не считал нужным

поставить в известность о готовившемся бряцании оружием А. Залеского, находившегося в тот момент на конференции по разоружению в Женеве.

Угрожающим вызовом для Варшавы стала сформулированная в октябре 1932 г. Б. Муссолини концепция директората четырех держав — Италии, Франции, Великобритании и Германии, которые взяли бы на себя всю полноту ответственности за поддержание мира на континенте, в том числе и путем ненасильственного изменения границ. Известно, что Версальский договор допускал такую возможность, но с согласия всех членов ассамблеи Лиги наций, включая Польшу. Муссолини же предлагал передать этот вопрос на усмотрение великих держав. Пилсудский не без основания увидел в этом угрозу польско-германской границе, базировавшейся на постановлениях Версальского договора и Лиги наций. Лига наций, опыт сотрудничества с которой у Польши был далеко не самый лучший, еще больше утратила для него значение гаранта европейского статус-кво. Кроме того маршала задевало игнорирование Западом польских претензий на статус великой державы*, игравших немаловажную роль в повышении авторитета режима внутри страны.

Для практического воплощения в жизнь новой внешней политики нужен был другой человек. В ноябре 1932 г. А. Залеский был отправлен в отставку, а МИД возглавил Ю. Бек, для французов фигура достаточно одиозная. Как и другие члены близкого круга маршала, Бек прошел легион, имел опыт работы на различных должностях в армии, дипломатии и правительстве. После назначения Бека в 1930 г. вице-министром иностранных дел, при его участии в этом ведомстве была проведена серьезная кадровая чистка, открывшая путь к дипломатической карьере немалому числу пилсудчиков. Назначая Бека руководителем внешнеполитического ведомства, Пилсудский передавал соратникам техническое руководство важнейшей сферой государственного управления. Вплоть до смерти он не разочаровался в своем избрании, считал Бека идеальным министром иностранных дел.

Приход к власти в Германии известных своим ревизионизмом национал-социалистов, до этого еще не входивших в правительства, Пилсудский счел необходимым отметить несколькими упреждающими жестами. Весной 1933 г. он провел ряд демонстративных акций, призванных показать Гитлеру решимость Польши отстаивать неприкосновенность своих границ всеми средствами. В марте были усилены военный гарнизон на Вестерплатте в окрестностях Данцига и переброшены дополнительные войска в Восточное Поморье. Власти не чинили препятствий (а может даже инспирировали) проведение в апреле якобы стихийных антинемецких манифестаций. До сих пор историки спорят, была ли это подготовка Польши к превентивной войне с Германией или только акция подталкивания более слабой стороны (в это время польские вооруженные силы превосходили немецкие примерно в 2,5 раза) к установлению добрососедских отношений. Более обоснованной представляется вторая позиция: не случайно Бек в феврале 1933 г. заявил в сейме, что Польша будет действовать в зависимости от готовности Гитлера уважать интересы Польши. В мае эта позиция была доведена до сведения Гитлера польским послом в Берлине.

* В качестве примера можно назвать протест Польши в связи с тем, что ее не пригласили к участию в политических переговорах об эвакуации оккупационных войск из Рейнской области в 1929 г.

Вместе с тем Пилсудский, слово которого в вопросах внешней политики было окончательным, полагал, что австриец в ближайшие 4–5 лет будет занят решением внутренних задач, и его внешняя политика будет далека от реализации «Дранг нах Остен». И действительно, внешнеполитические шаги Гитлера в 1933 г. на первый взгляд подтверждали эти расчеты. Германия пошла на решительное свертывание прежде достаточно тесного сотрудничества с СССР, покинула конференцию по разоружению, а затем и Лигу наций. То есть Гитлер однозначно отказывался строить свою дипломатию на основе Локарнских соглашений и советско-германского договора 1926 г., которые в Варшаве воспринимались как антипольские. Пилсудский решил, что у Польши появилась возможность гарантировать безопасность не с помощью ненадежного французского союзника, а самостоятельно, взяв на вооружение политику равного удаления от Германии и СССР, чтобы исключить возможность их сближения на антипольской основе.

Необходимые условия для примирения с Германией, по признанию самого Пилсудского, возникли после ее выхода 19 октября 1933 г. из Лиги наций и последовавшей за этим некоторой международной изоляции Берлина. Пилсудский считал, что судьба подарила уникальный шанс для преодоления напряженности в двусторонних отношениях. 15 ноября 1933 г. Гитлеру было передано устное послание Пилсудского. Маршал напомнил о своем взвешенном отношении к приходу национал-социалистов к власти, полном доверии Гитлеру и его политике, высказал удовлетворение тем, что благодаря канцлеру отношения между двумя соседними государствами заметно улучшились. Пилсудский заявил о желании сохранить добрососедский характер этих отношений и в дальнейшем, однако его озабоченность вызвал выход Германии из Лиги наций, членство в которой он назвал одной из основ безопасности Польши наряду с хорошими двусторонними отношениями с другими странами. Поэтому прежде чем принимать дополнительные меры по укреплению безопасности Польши он решил обратиться к Гитлеру с вопросом, не видит ли тот возможности «компенсации в прямых польско-германских отношениях ущерба, нанесенного этому элементу безопасности»¹⁵⁰.

Гитлер позитивно отреагировал на послание Пилсудского, а в коммюнике, опубликованном по результатам встречи польского посланника в Берлине с рейхсканцлером, говорилось об отказе обоих правительств от применения силы и готовности решать все интересующие стороны вопросы путем переговоров. Пилсудский, обсуждая итоги своей инициативы с Ю. Беком и его заместителем, подчеркнул, что главное не результат, а момент, когда этот шаг был сделан, — после выхода Германии из Лиги наций. Спустя 12 дней Гитлер передал Пилсудскому проект декларации о ненападении. 9 января свой проект представили поляки, а 26 января декларация была подписана польским посланником в Берлине и немецким министром иностранных дел¹⁵¹. Стороны обязались в течение 10 лет решать все возникавшие между ними проблемы путем переговоров.

Следует признать, что, подписав декларацию, Польша, как тогда казалось, получила определенные выгоды. Главным было убеждение, что Германия, отказываясь от польского вектора экспансии, переориентирует ее на другие направления, затрагивавшие жизненные интересы Запада, в результате чего в Париже и Лондоне возрастет значение Польши как субъекта международных отношений. То есть Варшава надеялась заставить Англию и Францию признать за Польшей статус великой державы, к которому так настойчиво стремился режим «санации». Этой же цели служило и по-

вышение ранга польского полпредства в Берлине до уровня посольства. Помимо этой иллюзорной, были и реальные выгоды: завершилась длившаяся с 1925 г. таможенная война, улучшились отношения с вольным городом Данцигом и положение польского меньшинства в Германии¹⁵².

С подписанием декларации следует связывать отказ Польши в сентябре 1934 г. от выполнения своих обязательств по защите прав национальных меньшинств под предлогом, что не все члены Лиги наций взяли на себя аналогичные обязательства. После ухода из Лиги наций Германии и Японии это, несомненно, было очередным ударом по Версальской системе международной безопасности.

Но наиболее важным последствием польского успеха на германском направлении можно считать корректировку Варшавой своей политики в отношении Праги, которой Пилсудский не мог простить занятия в январе 1919 г. спорной части Тешинской Силезии. До подписания польско-германской декларации 1934 г. отношения Польши с ЧСР были достаточно корректными, в 1933 г. Варшава даже предлагала Праге заключить договор о военном сотрудничестве. Однако по мере снижения напряженности в отношениях с Германией Чехословакия стала рассматриваться в польских военных и дипломатических инстанциях как государство искусственно созданное и не имеющее перспектив длительного существования. В 1934 г. II отдел польского Главного штаба и консульский отдел МИД приступили к подготовке диверсионных групп, задачей которых были подрывные действия в чешской части Тешинской Силезии (Заользье) с целью ее последующего отторжения. Для этого в Польше были созданы тренировочные лагеря для террористов, через границу на чешскую сторону перебрасывались взрывчатка и оружие, радиостанция в Катовице вела активную античешскую пропаганду на польское население Заользья. Подготовленные в Польше диверсанты участвовали в дестабилизации ситуации на чешской стороне во время президентских выборов 1935 г. Видимо, в связи со смертью Пилсудского подрывная деятельность была на время заморожена и возобновилась вновь спустя три года, вслед за аншлюсом Австрии¹⁵³.

И все же нормализация польско-германских отношений в долгосрочной перспективе в большей степени отвечала планам Гитлера, позволяя ему без оглядки на Польшу решать спорные вопросы с Францией и Великобританией. Если же учесть разницу экономических потенциалов сторон и курс Гитлера на быстрое восстановление военного могущества Германии, то в будущем должна была произойти смена ролей подписантов январской декларации. И Польша из сильного, равного Германии партнера с неизбежностью должна была превратиться в слабую сторону, у которой, учитывая глобальные проекты Гитлера, выбор ограничился бы двумя возможностями: подчиниться его воле или быть разгромленной.

Понимал ли это Пилсудский? Если да, то только частично. Об этом свидетельствует совещание с участием действующего и бывших «санационных» премьеров 7 марта 1934 г. Маршал ознакомил собравшихся с причинами изменения внешнеполитического курса страны и достигнутыми успехами. Он не отказал себе в удовольствии констатировать, что благодаря нормализации отношений с СССР и Германией удалось обеспечить Польше такой уровень безопасности, которого она до этого никогда не имела.

Пилсудский, резюмируя свои размышления о польской внешней политике, сформулировал три основных принципа, руководствуясь которыми, он дипломатическими методами обеспечивал в последние годы безопасность Польши: 1) реализм в

определении целей; 2) абсолютная самостоятельность; 3) концентрация внимания только на восточном направлении, где можно добиться серьезного влияния, неучастие в западноевропейских отношениях¹⁵⁴.

Из откровений Пилсудского видно, что он явно недооценивал угрозу, порожденную приходом к власти Гитлера, предоставив к тому же канцлеру возможность использовать Польшу для демонстрации миролюбия Германии в момент выхода из Лиги наций. И одновременно маршал не отреагировал адекватно на перемены во внешней политике СССР, предпринявшего как раз в это время по инициативе М. Литвинова и с согласия Сталина попытку конструктивного взаимодействия с Западом для сохранения статус-кво в Европе. Отнюдь не случайно, что весной 1934 г. маршал оставил без комментария экспертную оценку польских высокопоставленных военных и дипломатов, согласно которой «Россия могла бы быть опасной раньше, а Германия будет опасной раньше»¹⁵⁵. Он был убежден, что война обязательно будет, но начнется она не на польско-германской границе. Следует напомнить, что выступление Пилсудского на совещании «санационных» премьеров имело директивный характер, определяло основные направления польской внешней политики на многие годы вперед. И в этом можно усматривать одну из существенных причин последующих внешнеполитических провалов Ю. Бека, так и не решившегося отказаться от курса, намеченного его кумиром.

Уверенность Пилсудского в своем внешнеполитическом успехе очень скоро была подвергнута серьезному испытанию. В мае 1934 г. Франция выдвинула проект Восточного пакта, с помощью которого Париж и Москва надеялись существенно повысить уровень безопасности в восточноевропейском регионе. Однако в случае его реализации Варшава утратила бы ту самостоятельность на международной арене, которой, по мнению Пилсудского, ей удалось добиться в январе 1934 г. Бек в начале июля 1934 г. так представил позицию маршала: «Вся эта комбинация [Восточный пакт] не устраивает Польшу, так как это вновь создание большого концерна, в данном случае русско-французского, для того, чтобы опустить Польшу. Но проблему не удастся решить без нас, так как Россия, не соседствующая с Германией, только при нашем участии может давать какую-то гарантию французским границам»¹⁵⁶.

Руководствуясь этими соображениями, маршал решил бойкотировать предложение Парижа. Желая того или нет, но Польша второй раз «подставляла плечо» Германии, увидевшей в этом проекте угрозу для своих экспансионистских устремлений. Такое поведение Варшавы, явно недооценивавшей исходившую от Германии опасность, служило дополнительным аргументом в пользу существовавшего среди дипломатов и политиков ряда стран, особенно Советского Союза, убеждения, что в январе 1934 г. помимо декларации о ненападении было заключено секретное соглашение антисоветского характера. Не ускользали от внимания советского руководства и частые визиты гитлеровских высокопоставленных сановников, особенно Геринга, полюбившего ездить на охоту в Беловежскую пушу. И мало кому было известно, что Пилсудский более чем сдержанно относился к слегка завуалированным предложениям его германских собеседников принять участие в антисоветских планах Гитлера¹⁵⁷.

В целом же выгоды Польши от осуществленного Пилсудским в 1933–1934 гг. внешнеполитического маневра оказались кратковременными. Несомненно, больше всего от польско-германского сближения выиграл Гитлер. Но при жизни маршала сохранялась

видимость того, что Польша, благодаря его гению, обеспечила себе статус великой державы и твердые гарантии безопасности. Конечно, Пилсудский, реальный руководитель польской внешней политики, понимал, что успех не вечен, поэтому не скрывал от близкого окружения своей тревоги по поводу более отдаленного будущего страны. Однако пропагандистский аппарат «санации» о его тревогах молчал, занимаясь бесконечным восхвалением небывалых успехов польской дипломатии.

С проблемой обеспечения внешнеполитической безопасности страны теснейшим образом был связан еще один вопрос, который маршал сделал своей исключительной прерогативой. Речь идет об армии, его любимом детище и предмете особой заботы. Он и в первой половине 1930-х гг. ни с кем не делился влиянием в вооруженных силах, формировал их в соответствии со своими представлениями о наиболее вероятном театре военных действий и задачах польской армии. Поскольку будущим ТВД он считал территорию СССР, то и армию готовил к действиям в условиях слабо развитой дорожной сети и больших равнинных пространств. В этом одна из причин его любви к кавалерии и пехоте и весьма амбивалентного отношения к моторизации армии. Конечно, не нужно забывать и о весьма ограниченных возможностях польской оборонной промышленности, недостатке средств на закупку вооружений¹⁵⁸. Ради справедливости следует сказать, что Пилсудского не совсем удовлетворяло состояние вооруженных сил, особенно качество генералитета, о чем он неоднократно говорил своим близким сотрудникам. В середине января 1934 г. он жаловался Ю. Беку, что некому оставить армию. На совещании с членами политического штаба 31 января 1934 г. маршал посвятил этому вопросу три часа¹⁵⁹. О положении дел в армии Пилсудский говорил и на совещании 7 марта 1934 г. с «санационными» премьерами¹⁶⁰.

Однако Пилсудский так и не поделился своей властью и ответственностью в армии с более молодыми и компетентными военными, так же как не сделал этого во внутренней и внешней политике. Поэтому вся ответственность за принятые с мая 1926 г. по май 1935 г. стратегические для судеб Польши решения полностью лежит на нем. Опыт единоличного 9-летнего правления Пилсудского в Польше служит еще одним подтверждением того, что даже те диктатуры, которые устанавливаются не для удовлетворения властных амбиций, а по высоким национально-государственным и общественным соображениям, в конечном счете приносят, вопреки намерениям их творцов, больше вреда, чем пользы народам их стран. В том числе нарушают процесс естественного отбора в состав властных элит независимо мыслящих, талантливых, авторитетных политиков и управленцев. В итоге после ухода из жизни диктаторов власть остается в руках людей из их близкого окружения, не приученных самостоятельно думать и принимать ответственные решения. В этом отношении Польша не стала исключением.

V.1. ОБЩЕСТВЕННОЕ ФИАСКО «САНАЦИИ». ПЕРЕГРУППИРОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

Последние годы жизни Пилсудский тяжело болел, тем не менее, номинально сохранял в своих руках бразды правления. От общественности факт болезни Пилсудского тщательно скрывался. Развязка наступила вскоре после введения в действие Апрельской конституции. Диктатор скончался от рака 12 мая 1935 г., в 20.45. В тот же день были произведены назначения на ставшие вакантными должности. Президент назначил генерала Э. Рыдз-Смиглого генеральным инспектором Вооруженных сил. Министерство военных дел возглавил генерал Т. Каспицкий, в 1934–1935 гг. первый заместитель военного министра. Правительство объявило шестинедельный траур и приняло обращение к народу.

Информационные агентства немедленно разнесли по миру весть о кончине Пилсудского. Официозы и независимая пресса всех стран откликнулись пространными статьями, подчеркивая важнейшую роль, которую Пилсудский сыграл в возрождении Польши и ее становлении как независимого государства. Не стал исключением и Советский Союз. В органе ВЦИК СССР газете «Известия» 14 мая была напечатана редакционная статья, в которой Пилсудский был назван «организатором независимости польского государства», «горячим польским патриотом», «вождем польского государства», творцом польских границ и т. д. Никто не сомневался, что ее текст был согласован с И.В. Сталиным. Советский нарком иностранных дел М.М. Литвинов (в царские времена, как и Пилсудский, участвовавший вместе со Сталиным в «эксах» на партийные цели), открывая сессию Лиги наций, высоко оценил заслуги Пилсудского как государственного деятеля.

Известно, что во всех государствах с недемократическими формами правления смерть диктатора становится судьбоносным событием. Так было и в Польше, где до сих пор историю «санационной» эпохи делят на два периода: при Пилсудском и после Пилсудского. 12 мая 1935 г. в истории польского народа начался новый этап, не менее сложный и, несомненно, более трагический, чем предшествующий. Пилсудский ушел из жизни, оставив у власти политический лагерь, состоявший из ряда групп, объединенных своей приверженностью маршалу, а не основополагающей идеей. Несомненно, при жизни диктатора наиболее значимой группой являлись его соратники по легиону и военизированным организациям периода Великой войны. После 1926 г. они были направлены служить в органы исполнительной и законодательной власти, составили его близкое политическое окружение. С этими людьми волей маршала, ясно выраженной в 1926 и 1933 гг., но не общим прошлым был связан президент Мосцицкий. Формально именно эта группа претендовала на то, чтобы заменить Пилсудского в политике и после смерти патрона оставаться наверху «санационной» пирамиды власти.

Вторую сплоченную группу составляли кадровые военные, главным образом из числа легионеров, дослужившиеся при Пилсудском до генеральских звезд. При его

жизни никто из них, за исключением, пожалуй, Ф. Славой-Складковского, не участвовал систематически в политической жизни. Но после смерти Пилсудского они получили под контроль Вооруженные силы, по-прежнему главную опору режима. Уже в силу этого генералы не могли не заняться политикой и рано или поздно не заявить о претензиях на власть.

Третью, достаточно разрозненную группу, составляли участники Беспартийного блока, так и не ставшего подлинной политической партией. Различные по своим идеологическим, политическим и социальным предпочтениям партии, организации и политики-одиночки были готовы к взаимодействию лишь при жизни Пилсудского, олицетворявшего для них Польшу и ее коренные интересы. В их среде равным ему авторитетом не пользовались политики ни первой, ни второй группы. Возможность удовлетворить свои властные амбиции в парламенте и органах государственной администрации, предоставленная ББ, не гарантировала, что они и в дальнейшем будут ориентироваться на политиков-«санаторов», а вовсе не на военных-«санаторов».

1935 г. стал для «санации» важным рубежом еще и потому, что впервые предстояло испытание парламентскими выборами в отсутствие Пилсудского, т. е. предстояло сдать своего рода тест на реальное влияние в обществе. Парадокс избирательной кампании 1935 г. заключался в том, что закон о выборах, принятый 8 июля 1935 г., практически полностью лишал оппозицию возможности выдвигать своих кандидатов в депутаты и сенаторы. Выборы переставали быть пропорциональными и фактически становились двухступенчатыми. Отбор кандидатов в депутаты производили особые избирательные собрания во главе с комиссарами, назначенными министром внутренних дел. Собрания формировались из представителей органов территориального, хозяйственного и профессионального самоуправления, профсоюзов, женских организаций и высших учебных заведений, если таковые в данном округе имелись. Право выдвижения делегатов получали и группы граждан, численностью не менее 500 человек, чьи подписи следовало заверять нотариально. Из предлагаемых кандидатов в депутаты формировался список, место в котором определялось числом полученных голосов членов совещания. В каждом округе должно было выставляться не менее 4 кандидатов в депутаты, из них в сейм проходили только 2, получивших больше голосов на выборах. Провести оппозиционного кандидата в состав списка при такой процедуре было крайне сложно. Поэтому у оппозиции не оставалось иного выхода, как бойкотировать выборы. В такой ситуации реальное влияние режима и оппозиции определялось не по числу полученных мандатов, а по количеству пришедших к урнам избирателей.

Второй раз в межвоенной истории Польши коммунисты призвали своих избирателей бойкотировать выборы. Они продолжали попытки добиться соглашения о единстве действий с социалистами и людовцами, но единственным их успехом была достигнутая в конце июля 1935 г. договоренность с социалистами об отказе от взаимных нападок и взаимодействии в защите демократических свобод и классовых профсоюзов, получившая название «договора о ненападении». На официальном уровне ни ППС, ни СЛ на договорное сотрудничество с компартией не шли. Успешнее развивались контакты и взаимодействие между Коммунистическим союзом польской молодежи, социалистической Организацией молодежи товарищества рабочих университетов и людовским Союзом сельской молодежи «Вици».

30 июня 1935 г. ППС приняла решение не участвовать в избирательном фарсе. Свое отношение к выборам очень сложно определяло Стронництво людское, в рядах которого уже в 1934 г. стала формироваться группа сторонников более конструктивного взаимодействия с «санацией», активно поддерживаемая режимом. Самый тяжелый кризис партия пережила в 1935 г. В июне в связи с разногласиями по вопросу об отношении к выборам ее покинул ряд деятелей, возродивших Крестьянскую партию (Стронництво хлопское). А спустя месяц, когда внеочередной конгресс партии почти единогласно поддержал тактику бойкота парламентских выборов, 18 бывших депутатов и сенаторов возродили ПСЛ «Вызволнение». Стронництво людское оказалось на грани распада, но устояло, во многом благодаря поддержке низовых организаций и Союза сельской молодежи «Вици», делегировавшего в партийное руководство ряд авторитетных деятелей.

Бойкот выборов поддержали Национальная рабочая партия, христианские демократы, а также Национальная партия, не согласная с новым законом о выборах.

Прошедшие 8 сентября выборы в сейм и спустя неделю — в сенат показали, что режим имеет поддержку меньшей части общества. По официальным данным, к урнам пришли только 45,6% избирателей (почти 7,6 млн человек). Эти результаты изначально ставились под сомнение оппозицией, по мнению В. Витоса за ББ голосовало 10–20% избирателей. Действительными были признаны 35,5% голосов. Особенно много из 500 тыс. недействительных бюллетеней оказалось в Центральной Польше. В Варшаве свой гражданский долг выполнило немногим более 29% избирателей, в Познани около 40%. Самая высокая явка была зарегистрирована в Верхней Силезии, где набирал силу межнациональный польско-немецкий конфликт, а также в Восточной Галиции. В общей сложности Беспартийный блок получил 180 мест из 208 в сейме и 60 из 96 в сенате. Кроме пилсудчиков в парламенте были представлены национальные меньшинства, в основном галицийские украинцы. Во многом это объяснялось соглашением, заключенным в 1935 г. между режимом и Украинским национально-демократическим объединением, которое на время ослабило украинско-польское противостояние в трех юго-восточных воеводствах Польши. На Волыни свою роль сыграло взаимодействие воеводы Х. Юзевского с Украинским волынским объединением, созданным в 1931 г. и вошедшим в состав ББ. По одному мандату получили представители белорусского, русского и чешского меньшинств, три места досталось еврейским депутатам, немцы в сейм не прошли. Ни одного представителя оппозиционных партий в парламенте не было.

Казалось бы, исполнилась мечта Пилсудского: в распоряжении режима был полностью послушный сейм. Но в действительности случилось полное фиаско группы «полковников», отвечавшей за выборы. Значительная часть общества отождествляла эту группу с реакцией и даже фашизмом. Принимая во внимание динамику избирательной активности граждан в 1928, 1930 и 1935 гг., можно утверждать, что призыв оппозиции к бойкоту выборов поддержало не менее 4 млн человек.

Представители группы «полковников», действуя во многом еще по инерции, взяли работу парламента под свой контроль. В октябре 1935 г. маршалом сейма был избран один из авторов Апрельской конституции С. Цар, а маршалом сената А. Прыстор. Но в системе власти теперь главными были не эти посты, а кресло президента. Еще в 1933 г. Пилсудский дал понять Мосьцицкому, что тот останется президентом лишь до принятия новой конституции. В соответствии с кулуарно выраженной волей маршала это

место должен был занять В. Славек. Но в момент введения в действие нового Основного закона Пилсудский был уже смертельно болен и не успел (или не захотел) провести замену главы государства. Затем был траур и опасения, что после смерти маршала возможны беспорядки и даже бунт. Поэтому уход Мосьцицкого в таких условиях был нежелательным. Решение вопроса о главе государства отложили до парламентских выборов. Однако Мосьцицкий уже до выборов публично дал понять, что не собирается уходить в отставку. Оказалось, что президент, девять лет находившийся в тени диктатора, обладал властными амбициями и считал, что может послужить интересам Польши не хуже Славика. Группе «полковников» не оставалось ничего иного, как признать здесь свое поражение. Смещение Мосьцицкого силой было бы окончательной компрометацией лагеря «санации» после уловки с принятием конституции и морального поражения на выборах.

Президент, почувствовав себя увереннее, пошел на провоцирование правительственного кризиса. Он предложил В. Славеку ввести в состав кабинета в качестве министра экономики своего любимца Э. Квятковского — бывшего legionера, экономиста, профессора Варшавского политехнического института, успешного менеджера, политика. Это было явное нарушение конституции, не дававшей президенту права предлагать кандидатуры министров. Славек, возмущенный таким нарушением священной для него воли Пилсудского и бесцеремонным вмешательством в его полномочия как премьера, 12 октября подал в отставку, а его соратники из группы «полковников» солидарно отказывались возглавить правительство. Однако президент преодолел возникший в лагере «санации» кризис, предложив стать премьером не входившему в состав узкого политического штаба Пилсудского М. Зындрам-Косьцялковскому. Новый глава кабинета принадлежал к молодому поколению пилсудчиков. Он прошел легион и Польскую военную организацию, служил в армии. В межвоенные годы активно участвовал в политической жизни, занимал высокие посты в органах исполнительной власти, в том числе был министром внутренних дел в последнем правительстве Славека. Его единственным условием было предоставление в составленном по усмотрению президента кабинете поста министра иностранных дел соратнику Славека Ю. Беку. Колебания Бека были преодолены президентом и, как это ни парадоксально, Славеком, считавшим, что Бек сохранит в чистоте политическую линию Пилсудского хотя бы в сфере дипломатии¹⁶¹.

Конфликт президента с группой Славека означал, что в лагере «санации» начался естественный для такого рода широких коалиций процесс перегруппировки сил. Как только не стало Пилсудского, фактически единственной скрепы всего лагеря, сразу же дали о себе знать изначально существовавшие в нем разногласия идеологического, политического, тактического и личностного характера, соперничество за лидерство в структуре власти. В научной литературе этот процесс получил название «декомпозиции» правящего лагеря. Первыми ее жертвами стали ближайшие сподвижники Пилсудского, вместе с которыми он за девять лет создал новую политическую систему, гарантировавшую «санации» обладание всеми командными рычагами независимо от текущих политических настроений в обществе. Это однозначно подтвердили парламентские выборы 1935 г.

Вместе с тем выборы показали, что если «санация» и далее хочет оставаться у власти, нужно убрать с авансцены скомпрометированный штаб Пилсудского. После

потери реального института власти — правительства, 30 октября 1935 г. Славек распустил Беспартийный блок сотрудничества с правительством. Таким образом, «коллективный Пилсудский» в политике, как это было задумано авторами конституции 1935 г., не получился*. Но авторитарный режим, утвердившийся в Польше, не мог существовать без персонифицированного вождя. После поражения Славека на эту роль претендовали два человека: президент и генеральный инспектор Вооруженных сил.

Первым был И. Мосьцицкий, уже при жизни Пилсудского центр притяжения для представителей деловых кругов, ученых-экономистов и крупных управленцев. Они получили название «замковой группы». Конституция предоставляла президенту всю полноту государственной власти, но достаточной политической опорой он не располагал, ибо между ним и группой Славека разверзлась пропасть. Президент, выиграв партию у «полковников», оказался не в состоянии стать единоличным диктатором, контролировавшим все области государственной жизни. Для этого ему не хватало ни способностей, ни энергии, ни реального авторитета.

Вторым стал генерал Э. Рыдз-Смиглы, получивший полный контроль над армией, главной опорой режима. Парадокс ситуации заключался в том, что президент и генеральный инспектор не могли обходиться друг без друга и, по крайней мере, до истечения срока полномочий главы государства должны были поддерживать взаимно необходимый компромисс. Представляется, что Мосьцицкий и Рыдз-Смиглы поняли это достаточно быстро. Генерал, которого Пилсудский еще в 1918 г. отдалил от политики, был назначен генеральным инспектором указом президента и, согласно конституции, мог быть в любой момент снят им с этой должности. Первоначально Смиглы не проявлял политических амбиций, но вскоре, видя, что Мосьцицкий не может заменить Пилсудского в политике, начал работать на укрепление собственной позиции в системе власти.

В 1936–1937 гг. в Польше наблюдалось последовательное усиление влияния армии в политической жизни, что было свидетельством возрастающей роли Рыдз-Смиглого. В декабре 1936 г. Мосьцицкий лично встречался с Рыдзом с целью заручиться его поддержкой в борьбе с группой Славека, все еще пытавшейся отыгаться. Платой за это стали уступки Мосьцицкого. 9 мая 1936 г. президент увеличил полномочия генерального инспектора за счет собственных прерогатив. Теперь генеральный инспектор отвечал не только за подготовку вооруженных сил и государства к войне, но мог представлять правительству свои требования по повышению обороноспособности страны. Кроме того декретом президента не определялся срок полномочий генерального инспектора, что трактовалось как признание их бессрочными.

* Правительство при Пилсудском играло важную политическую роль (недаром диктатор дважды возглавлял его), но по новой конституции становилось техническим органом по обслуживанию интересов обеих влиятельных групп в лагере «санации». Начиная с Косыцялковского, премьерами будут второстепенные «санаторы», не претендовавшие на роль третьего полюса силы. Влияние самой сильной при жизни маршала группы «полковников» непрерывно уменьшалось, а В. Славек в 1936 г. вынужден был ограничиться местом депутата сейма, а также руководителя Института новейшей истории Юзефа Пилсудского. Институт сыграл немаловажную роль в разворачивании исследований по современной истории Польши и сборе источников по истории национальной освободительной борьбы. Было организовано издание трудов Пилсудского, за образ взято выходившее в СССР собрание сочинений В.И. Ленина.

В мае 1936 г. правительство Косыцкавского, не справившееся с нарастанием волн выступлений трудящихся, вызванных, главным образом, высокой безработицей, было отправлено в отставку. Формирование кабинета по инициативе генерального инспектора было поручено генералу Ф. Славой-Складковскому. Состав его был определен, с одной стороны, президентом (экономический блок, образование), с другой — генеральным инспектором (силовой блок). Сам премьер считал себя человеком Рыдза. Ему была уготована судьба дольше других в межвоенной Польше (до 30 сентября 1939 г.) находиться во главе правительства. Обстоятельства назначения генерала свидетельствовали, что и президент, и генеральный инспектор мало считались с конституцией: кандидатура премьера была выдвинута не Мосьцицким, а Рыдз-Смиглым, они же, а не Славой-Складковский определили состав кабинета. Единственное, что позволили премьеру по его просьбе, так это стать еще и министром внутренних дел¹⁶².

Возвышению Смиглы способствовала смена на посту коменданта Союза легионеров, которым при жизни Пилсудского был В. Славек. Это произошло в мае 1936 г., на XII съезде союза в Варшаве, где генерал Рыдз-Смиглы выступил с программной речью. В ней он, в частности, заверил, что будет последовательно выполнять заветы маршала по укреплению обороноспособности страны. Новым комендантом стал представитель «военной» группы А. Коц. В том же месяце генерал появился на первом заседании правительства Славой-Складковского (что было очередным нарушением конституции) и призвал министров к сплочению вокруг лозунга обороны государства, т. е. вокруг армии и ее главнокомандующего.

Это был прямой вызов президенту, по конституции олицетворявшему собой государство и все его институты. Мосьцицкий решил дать отпор претензиям Рыдз-Смиглы на право считаться единоличным хранителем заветов первого маршала. Но во время выступления на заседании правительства в июне 1936 г., посвященном правам и обязанностям министров и их исключительной ответственности перед президентом, пережил длившуюся несколько минут амнезию. Это был серьезный удар по авторитету 69-летнего политика в глазах министров, ставших свидетелями этого конфуза. Сторонники Рыдза расценили случившееся как сигнал к дальнейшему укреплению позиций генерального инспектора. Славой-Складковский имел беседу с Мосьцицким, убеждая его, что лучшим кандидатом в приемники Мосьцицкого на посту главы государства в 1940 г. будет Рыдз-Смиглы. И президент, опасавшийся, что военная группа начнет добиваться его досрочной отставки, принял это открытое предложение сделки на условиях армии. Тем самым он оставил намерение объявить генеральному инспектору непримиримую войну за влияние. Но вряд ли можно утверждать, что он попал в полную зависимость от военных.

15 июля премьер-министр направил в органы государственной власти циркулярное письмо, предписывавшее в соответствии с пожеланием президента трактовать генерального инспектора как первое после него государственное лицо и выражать ему все надлежащие знаки уважения и послушания. Это было очередным нарушением Апрельской конституции, согласно которой вторым лицом в государстве был маршал сената. Наконец, 10 ноября 1936 г. по случаю 18-й годовщины независимости президент присвоил генеральному инспектору маршальское звание, чем вызвал недовольство многих бывших легионеров и членов ПОВ, считавших, что в Польше этого звания был достоин лишь Пилсудский. Более того, при вручении маршальского жезла

Мосьцицкий заявил, что Рыдз-Смиглы будет «вместе с президентом Речи Посполитой, уважая его конституционные обязанности, вести Польшу к величию».

Наиболее знаковым свидетельством возрастания политических претензий генерального инспектора следует считать начатую с середины 1936 г. по его поручению подготовку к созданию новой политической организации «санации». Это задание было поручено А. Коцу, имевшему традиционную для пилсудчиков биографию, — Союз вооруженной борьбы, стрелковые дружины, легион, армия (дослужился до полковника и командира добровольческой дивизии в 1920 г.), парламент, журналистика, государственная служба, финансы. Идейно-политическая декларация Лагеря национального объединения (ЛНО; *Obóz zjednoczenia narodowego* — «Озон»), как была названа новая организация, была оглашена Коцом по радио 21 февраля 1937 г. Целью лагеря была «организация человеческой воли» во имя повышения обороноспособности государства. Своей задачей «Озон» считал проведение в жизнь положений апрельской конституции, а также формирование в обществе культа маршала Рыдз-Смиглого как прямого наследника «творца современной Польши» Ю. Пилсудского и вождя нации, хотя для этого не было ни малейших предпосылок¹⁶³.

Существенным отличием основополагающего документа «Озона» от декларации Беспартийного блока были несколько завуалированные националистические мотивы. Подчеркивалось, что хозяином государства является польская нация, а главной религией — католицизм; допускалось культивирование национальными меньшинствами своей самобытности, но только до момента, пока это не вредит интересам государства; порицались антисемитские выступления, как «порочащие достоинство и авторитет великой нации», но при этом признавалась обоснованность «инстинкта культурной самозащиты и естественный характер стремления польской нации к экономической самостоятельности»¹⁶⁴. Тем самым группировавшаяся вокруг генерального инспектора часть «санации» демонстрировала свое несогласие с непропорционально большим, по сравнению с численностью в составе населения, присутствием евреев в экономике страны. Такие постулаты «Озона» перекликались с эндековскими лозунгами «Польша для поляков!» и «Поляк — католик!». Налицо был дрейф части «санации» от идеологии «государства граждан Польши» к идеологии «государства польской нации», что должно было сделать новую организацию «санации» привлекательной для правых политических сил¹⁶⁵.

Не случайно на сотрудничество с Лагерем национального объединения достаточно охотно пошли «Фаланга» и Союз молодых националистов. Но Национальная партия не приняла протянутую ей режимом руку и заняла по отношению к «Озону» непримиримую позицию, считая его недостаточно националистическим. Аналогичным образом повели себя и другие оппозиционные партии, считая, правда, «Озон» *излишне* националистическим. Лагерь национального объединения, в идеологии которого прослеживались элементы тоталитаризма, все же остался организацией, на практике придерживавшейся принципов авторитаризма. В немалой степени его сползанию на откровенно тоталитарные позиции препятствовали такие влиятельные члены, как Э. Квятковский, президент Варшавы С. Стажиньский, силезский воевода М. Гражиньский, пытавшиеся поддерживать контакты с оппозиционными партиями и их лидерами. В этом направлении действовал и глава государства.

«Озон» строился по военному образцу. Во главе стоял шеф, до января 1938 г. им был полковник Коц, затем его заменил новичок в политике генерал С. Скварчиньский, брат видного идеолога «санации» А. Скварчиньского. Была создана строго иерархическая структура управления, шеф ЛНО назначался Рыдз-Смиглым, все другие руководители — соответственно вышестоящими начальниками. Членами организации могли быть только поляки, не состоявшие в других партиях или тайных обществах. Предусматривались как индивидуальный прием, так и аффилирование организаций неполитического характера, но их участники не становились членами «Озона» автоматически. О своем присоединении к Лагерю национального объединения заявило большинство польских общественных организаций и союзов. Среди них были и крупные, такие, как насчитывавшие до 100 тыс. человек проправительственные Объединение польских профессиональных союзов и Федерация польских союзов защитников родины, и мелкие, например, Союз портных им. Килиньского. Если бы каждого из объединенных в этих организациях людей считать индивидуальным членом «Озона», то их число превысило бы численность населения страны. По имеющимся данным, к концу 1937 г. в ЛНО на индивидуальной основе вступило от 40 до 50 тыс. человек, в феврале 1938 г. таковых было уже около 100 тыс.¹⁶⁶

На рубеже 1937–1938 гг. лагерь «санации» стали покидать почитатели Пилсудского, разделявшие левые взгляды, главным образом представители интеллигенции. Их не устраивало усиление в правящем лагере националистических и антидемократических тенденций. Формой их объединения стали демократические клубы, на базе которых в 1939 г. возникла Демократическая партия.

Перегруппировка сил в правящем лагере, как это ни парадоксально звучит, положительно сказалась на положении в сфере экономики. Утеря власти «полковниками», сторонниками дефляционной политики, позволила передать экономический блок в правительстве поборникам политики стимулирования хозяйственной конъюнктуры. В немалой степени это была заслуга президента Мосьцицкого, видимо, в душе остававшегося в большей степени менеджером и ученым, нежели политиком.

Правительства Косыцялковского и Славой-Складковского много внимания уделяли решению экономических проблем. Были предприняты меры по сбалансированию государственного бюджета, проведена реформа налоговой системы, увеличены инвестиции в оборонную промышленность, созданы условия для увеличения экспорта. Особое внимание было обращено на замену в польском сельскохозяйственном экспорте зерна на более доходные продукты животноводства, продолжалась государственная политика уменьшения задолженности села и снижения цен на продукцию монополизированной промышленности. Оздоровлению экономики способствовали и отказ от прежней политики свободного вывоза капиталов и товаров из Польши иностранными акционерами, и более широкое использование покровительственных импортных таможенных пошлин на промышленные изделия.

Накануне войны в капиталистическом мире, только что пережившем тяжелейший за всю его историю кризис, большие надежды возлагали на внедрение плановых начал в производство и рост государственного участия в экономике. В июне 1936 г. внеочередная сессия сейма утвердила рассчитанную на четыре года правительственную инвестиционную программу, предусматривавшую капиталовложения на сумму 1,6–1,8 млрд злотых. Благоприятные условия для привлечения в страну иностранных

капиталовложений на фоне общего улучшения хозяйственной конъюнктуры в мире позволили в 1937 г. увеличить размер инвестиций до 2,4 млрд злотых. Первоначальный вариант плана был реализован уже в 1938 г., на год ранее установленного срока.

Одновременно разрабатывался шестилетний план перевооружения армии путем закупок вооружения за границей и развития собственной оборонной промышленности. В феврале 1937 г. началось строительство Центрального промышленного округа в так называемом треугольнике безопасности, расположенном в междуречье Вислы и Сана. Здесь, вдали от государственных границ, предусматривалось возведение промышленных предприятий, выпускающих современные виды оружия — как по лицензиям, так и собственной конструкции. К началу войны некоторые из них начали работать.

В 1938 г. Э. Квятковский, инициатор предшествующих проектов, предложил перейти к разработке 15-летнего перспективного плана развития страны, разделенного на трехлетние этапы. Выполнение скорректированного четырехлетнего плана капиталовложений позволило в марте 1939 г. приступить к осуществлению заданий первого трехлетия, на что предназначалось 2 млрд злотых. Немаловажным стимулом к увеличению капиталовложений в польскую экономику была и вызывавшая тревогу реализация программ перевооружения в Германии и СССР. В 1936–1938 гг. более половины расходной части бюджета (4186 млн из 8323 млн злотых) было направлено на военные нужды. Правда, более 60% из них было потрачено на содержание большой армии, предназначенной для обеспечения безопасности протяженных границ Польши¹⁶⁷.

1936–1938 годы были временем первого настоящего экономического бума в истории межвоенной Польши, связанного не столько с восстановлением довоенного потенциала, сколько с масштабной модернизацией промышленности. Заметно, на 151 тыс., увеличилось количество рабочих мест в средней и тяжелой промышленности. Если принять уровень промышленного производства 1928 г. за 100 и учесть его падение до 54 в 1932 г., то в 1938 г. он вырос до 119*. Несомненно, итоги модернизации могли быть более впечатляющими. Однако до 1935 г. для этого не хватало понимания ее значения в правительственных кругах, а после 1935 г. — времени и средств.

Позитивные тенденции в промышленности и предпринимавшиеся правительством меры по поддержанию крестьянских хозяйств уменьшали угрозу потери трудящимися источников средств существования. Одним из последствий этого был рост их социальных ожиданий. Об этом свидетельствовала динамика забастовочного движения. В 1934 г. было 946 стачек и 369 тыс. участников, в 1935 г. — 1165 и 450 тыс., в 1936 г. — 2040 и 662 тыс. соответственно. Настроения бастующих становились все радикальней, росло число оккупационных стачек, нередко возникали стычки с полицией, пытавшейся удалить забастовщиков с предприятий. На акты насилия со стороны сил пра-

* Правда, исследователи нередко отмечают, что до конца межвоенного периода промышленность вошедших в состав Польши земель так и не достигла уровня валового производства 1913 г. Это справедливое, но по-своему лукавое утверждение. Нельзя забывать, что после потери российского, германского и австро-венгерского рынков Польша была вынуждена произвести реструктуризацию промышленности с учетом внутренних потребностей и ограниченных экспортных возможностей. Стагнация тогда была характерна и для развитых экономик мира, в том числе из-за глобальных последствий Великой войны. Но если пересчитать достигнутые Польшей показатели на душу населения, то получается даже небольшой рост.

вопорядка рабочие отвечали забастовками протеста и уличными манифестациями, в отдельных случаях (Краков 23 марта, Львов 14 апреля 1936 г.) сопровождавшимися гибелью участников от пуль полиции. В 1936 г. в ряде городов прошли многолюдные первомайские демонстрации, организованные рабочими партиями.

В 1936 г. наблюдался рост активность крестьян. Они в массовом порядке участвовали в организуемых Стронництвом людowym антиправительственных акциях и помимо экономических выдвигали политические требования: прекратить преследования В. Витоса, покончить с властью «санации»; передать бразды правления правительству народного доверия. В 1936 г. к участию в них удалось привлечь около 2 млн человек. Нередко такие манифестации заканчивались стычками с полицией. В сентябре того же года в столкновениях в Люблинском воеводстве погибло пять крестьян, аресту подверглось более 800 человек, были распущены действовавшие в регионе левые организации. В августе 1937 г. по инициативе руководства СЛ состоялась всеобщая крестьянская забастовка. Вновь наибольшую активность показали крестьяне Малой Польши. В ряде мест дошло до столкновений с силами правопорядка, погибли около 40 человек, почти 5 тыс. участников подверглись аресту.

Однако реальной угрозы для режима выступления трудящихся не представляли. Это были проявления радикализма, вызванные как завышенными ожиданиями, так и тяготами повседневной жизни, но их участники вовсе не считали, что в них повинен именно режим, с которым надо решительно покончить. Крестьян больше всего волновали проблемы земли, цен, кредитов, долгов. В промышленности забастовки чаще всего случались на частных предприятиях из-за конфликтов между рабочими и работодателями на почве заработной платы, а не между трудящимися и режимом. От внимания рабочих, особенно занятых в государственном секторе, не ускользали конструктивные действия проводников новой экономической политики в правительстве.

Проявившиеся после смерти Пилсудского новые тенденции в политике и экономике затрагивали и оппозицию. С принятием Апрельской конституции и нового закона о выборах она оказалась в непривычной для себя, непонятной роли. Общеизвестно, что политические партии создаются с целью обеспечить группе единомышленников возможность участия в управлении государством. Избирательный закон 1935 г. лишил оппозиционные партии такой возможности, в связи с чем пропадал смысл их существования. Им оставалось только приспособиться к изменившимся условиям, скорректировать организационную структуру, тактику и идеологию и добиваться отмены закона о выборах.

Наиболее глубокую трансформацию прошли христианские демократы и Национальная рабочая партия, имевшие достаточно долгую историю существования. Их трансформации предшествовало достижение в 1936 г. оппозиционными политиками, в том числе пребывавшими в эмиграции (В. Витос, В. Сикорский, Ю. Галлер, И. Падеревский, В. Корфанты) договоренности о совместных действиях против режима «санации». Так возник Фронт «Морж» (по названию виллы И. Падеревского в Швейцарии). Своей целью его участники определили борьбу за устранение «санационной» системы правления, изменение конституции и закона о выборах, роспуск сейма, восстановление свободы слова и печати, возвращение «брестских» изгнанников, отказ от прогерманской политики, ликвидацию картелей, повышение заработной платы рабочих и низших служащих, справедливую аграрную реформу и т. д.¹⁶⁸

Но превратить это свободное соглашение оппозиционных сил в единую партию не удалось, против этого было Стронництво людское. Не хотел себя ограничивать партийными рамками и Падеревский. В конечном счете в состав созданной 10 октября 1937 г. центристской партии труда вошли христианские демократы, чья деятельность ограничивалась главным образом Верхней Силезией, крайне ослабленная НРП, утратившая некогда доминировавшие позиции в Польском профессиональном объединении, а также Союз галлерчиков, имевший влияние лишь в Великой Польше и Поморье. Председателем партии стал находившийся в эмиграции В. Корфанты, а его заместителем и действующим председателем в стране К. Попель, до этого возглавлявший Национальную рабочую партию¹⁶⁹.

Социалисты и людовцы, сохранив прежние организационные структуры, сделали упор на идеологическое перевооружение. В ППС достаточно давно не было единства в вопросе о дальнейшем направлении деятельности партии. Поражение «полковников» и изменения в руководстве страны усилили у части элиты ППС надежду на демократизацию режима. Эти настроения поддерживались негласными контактами доверенных людей из окружения президента и генерального инспектора с деятелями оппозиции в стране и даже в эмиграции. Другая часть социалистических лидеров делала ставку на сотрудничество с СЛ и родственными партиями национальных меньшинств («Бундом», Поале Ционом, украинскими и немецкими социал-демократами и др.), как и ППС состоявшими в Социалистическом Интернационале. Продолжала свою деятельность и левая группа, выступавшая за более тесное взаимодействие с КПП. Следует признать, что невысокая политическая активность пролетариата не способствовала росту влияния в ППС сторонников народного фронта. Да и представители других течений в партии всячески препятствовали усилению ее позиций. В марте 1936 г. руководство ППС приняло решение о прекращении деятельности Организации молодежи Товарищества рабочих университетов, наладившей достаточно тесное взаимодействие с коммунистическим молодежным союзом. В 1936 г. главный совет ППС рекомендовал ограничить контакты с КПП, ЦИК партии не утвердил вновь избранные Лодзинский и Львовский окружные комитеты, в которых большинство получили сторонники народного фронта, исключил из партии ряд активистов, выступавших за более тесное взаимодействие с коммунистами, в частности Б. Дробнера.

Тем не менее сотрудничество социалистов с коммунистами продолжалось до начала 1937 г. и выражалось в том числе в акциях протеста в связи с расстрелами манифестантов в Кракове и Львове, демонстрациях солидарности с республиканской Испанией, проведении в мае 1936 г. в Львове съезда деятелей культуры в защиту мира, а также совместном издании с октября 1936 г. по 3 марта 1937 г. «Дзенника популярного» и «Двухтыгодника иллюстрированного». В марте 1936 г. по инициативе польского комсомола была оглашена «Декларация прав молодого поколения Польши», поддержанная многими молодыми социалистами и людовцами. В ней содержались требования снизить возрастной избирательный ценз до 21 года, обеспечить молодежи право на труд, бесплатное образование всех уровней, широкий доступ к культуре, провести радикальную аграрную реформу и т. д.

В конечном счете противникам народного фронта в ППС удалось навязать свое видение перспектив борьбы. Это показал XXIV конгресс ППС, работавший на рубеже февраля–марта 1937 г. в Радоме. На нем завершился процесс принятия новой програм-

мы партии, начавшийся в 1932 г. Главной целью партия объявила свержение капитализма, борьбу с фронтальным наступлением фашизма, создание Польской социалистической республики и рабоче-крестьянского правительства. Была признана допустимой временная диктатура на период утверждения нового общественного строя, постулировалось проведение глубоких социально-экономических преобразований, включая национализацию крупной промышленности и помещичьей земли. ППС обещала в случае прихода к власти решить национальный вопрос, дав возможность жителям спорных территорий со смешанным составом населения свободно высказать свою волю. Судя по тексту программы, главным носителем фашистских тенденций в Польше считалась национальная демократия, а «санация» как серьезный противник явно недооценивалась. Считалось, что с ней можно будет покончить, убедив большинство общества в правильности социалистического выбора. Такой подход к решению вопроса о власти оставлял приоткрытой дверь для сотрудничества с левыми элементами «санации» с целью «размывания» режима и восстановления демократии. Особый акцент делался на возвращение к демократической процедуре выборов.

Съезд решительно отверг возможность сотрудничества с КПП как раскольнической организацией в рабочем движении и высказался против концепции широкого народного антифашистского фронта как не предусматривавшей свержения капиталистического строя. Ей была противопоставлена концепция демократического фронта, в состав которого планировалось привлечь социалистические организации национальных меньшинств, Стронництво людовое и центристские партии. Никто из сторонников народного фронта не был избран в ЦИК ППС, из более видных представителей этой группы в главный совет партии вошли только А. Прухник, Н. Барлицкий и Х. Вахович. Таким образом, XXIV конгресс ППС завершился победой тех сил в партии, которые, враждебно относясь к режиму, надеялись устранить его, оставаясь в конституционном поле. В конечном счете это было на руку «санации», чувствовавшей себя с Апрельской конституцией достаточно уверенно. ППС, руководствуясь новой, но анемичной программой, вряд ли могла серьезно усилить свое влияние в обществе, хотя именно такую цель партия поставила перед собой.

В процессе поиска адекватного ответа на вызовы, порожденные переменами в лагере «санации», пребывавало в 1935–1938 гг. и ослабленное расколами Стронництво людовое. Введенные в состав руководства молодые деятели, прошедшие школу молодежных организаций, в целом были настроены радикально, но их влияние было не достаточным, чтобы убедить старших в необходимости решительного поворота влево. Об этом свидетельствовали решение главного исполнительного комитета СЛ от 28 августа 1935 г. об отказе от взаимодействия с коммунистами, а также одобренные в декабре того же года директивы к новой программе партии (до начала войны программа так и не была принята). Документ допускал возможность сотрудничества с «организованным рабочим классом» в борьбе с «санацией», но не за рабоче-крестьянское, а демократическое правительство. СЛ не ставило своей задачей коренное изменение характера польской государственности, а лишь настаивало на модернизации капиталистического строя в интересах мелких сельских товаропроизводителей и городских трудящихся слоев. Партия выступала за ликвидацию монополистических объединений и безвозмездное изъятие помещичьей земли с последующей передачей ее крестьянам. ППС не называлась главным, а тем более единственным союзником крестьянского движения.

Вопрос об эвентуальном сотрудничестве с КПП вообще не обсуждался¹⁷⁰. Конгресс показал, что СЛ закрепились на левоцентристских позициях. Видимо, это должно было обеспечить ему роль стержня легальной оппозиции, вокруг которого спланивались бы левые и центристские силы.

Таким образом, ППС и Стронництво людвое, две главные партии демократической оппозиции, пережили в новых условиях идейную эволюцию, но недостаточно радикальную, чтобы серьезно насторожить режим. Как и в предшествующие годы, их оппозиционность была ограничена опасением излишне сотрясти основы государственности. Кроме того каждая из этих партий ревниво относилась к вопросу о лидерстве в «антисанационном» фронте, в результате чего тесное межпартийное взаимодействие у них не получалось, да и будущее виделось им по-разному. ППС боролась за социалистическую республику с доминированием интересов рабочих, СЛ — за крестьянскую республику, в которой интересы рабочих были бы подчинены интересам крестьянства.

Наиболее радикальную эволюцию прошел, пожалуй, лишь Союз сельской молодежи «Вици», что показали результаты съезда в конце октября 1935 г. Принятые социально-экономическая декларация и ряд резолюций представляли собой программу полной ликвидации имущих классов и постепенной замены частной собственности общественной. Осуществить свои намерения молодые людовцы планировали путем налаживания тесного равноправного взаимодействия крестьянства и рабочего класса. Можно утверждать, что ССМ «Вици» первым в Польше сформулировал замысел общественного переустройства, близкий по своим главным положениям тому, что революционные силы взяли на вооружение в годы Второй мировой войны. Но молодежный крестьянский союз, стремившийся объединить в своих рядах максимально широкие круги молодого поколения села, всячески подчеркивал свой неполитический характер, оставался формально в стороне от политической борьбы.

Роспуск Организации молодежи Товарищества рабочего университета, а затем и Коммунистического союза молодежи Польши в 1936–1937 гг. привел к тому, что Союз сельской молодежи до начала войны оставался единственной влиятельной организацией в левом молодежном движении. Это в немалой степени способствовало быстрому и успешному развитию крестьянского направления в польском движении Сопротивления в годы немецкой оккупации.

Исчезла из политической жизни Коммунистическая партия Польши, продолжательница революционных традиций СДКПиЛ и ППС-левицы. Ее история имела трагический финал. Действуя на протяжении практически всего своего существования в подполье, партия накопила немалый опыт работы, особенно среди лиц наемного труда. Ее члены постоянно подвергались полицейским преследованиям, а сотрудничавшие с ними общественные организации запрещались. Многие коммунисты из-за невозможности оставаться в стране по соображениям безопасности эмигрировали, в том числе и в Советский Союз. Они работали в Коминтерне и связанных с ним международных организациях, трудились в советских учреждениях и ведомствах, вступали в ВКП(б), под другими фамилиями вновь выезжали в Польшу на нелегальную работу. «Большой террор» в Советском Союзе не обошел их стороной. Первые аресты польских коммунистов в СССР, особенно пришедших в КПП в 1920-е гг. из других партий (например С. Воевудского из Независимой крестьянской партии, Т. Жарского и Е. Чешейко-Сохацкого из ППС и др.), относятся к началу 1930-х годов.

Советские спецслужбы обвиняли их как правило в принадлежности к Польской военной организации и внедрении в ряды КПП с провокаторскими и разведывательными целями. Массовый характер аресты польских коммунистов в СССР приобрели в 1936–1937 гг. Сначала их жертвами стали представители бывшего «большинства», отстраненные от руководства партией в 1929 г., затем такая же судьба постигла и их победителей из группы «меньшинства», включая Ю. Лещиньского-Леньского, работавшего в свое время в Наркомате по делам национальных меньшинств под началом И.В. Сталина и считавшегося его человеком в КПП.

В 1937 г. исполком Коминтерна (ИККИ) повел линию на прекращение деятельности КПП, мотивируя это тем, что ее руководство и ряды засорены провокаторами, пилсудчиками и агентами II отдела Главного штаба польской армии. После ареста большинства членов руководства и видных деятелей КПП, находившихся в СССР и вызванных в Москву из Польши и других стран (все они были расстреляны в разное время), в первой половине 1938 г. эмиссары Коминтерна довели до сведения низовых парторганизаций КПП решение ИККИ о прекращении деятельности партии. 16 августа 1938 г. президиум исполкома Коминтерна своим решением лишь закрепил фактически произведенный роспуск польской компартии. Прекратили свою деятельность и входившие в ее состав компартии Западной Украины и Западной Белоруссии, польский комсомол, красные профсоюзы и т. д. Одновременно из коммунистов, никогда не состоявших в руководящих органах партии, была создана инициативная группа, которая должна была заняться восстановлением компартии, не используя при этом прежние организационные структуры. Но до 1942 г. революционная партия в Польше так и не была возрождена¹⁷¹.

Нерешительное противостояние оппозиции и позитивная в целом динамика хозяйственной конъюнктуры, исключавшая угрозу социального взрыва, благоприятствовали намерению Мосьцицкого и Рыдз-Смиглого окончательно устранить с политической арены группу «полковников», заметно ослабленную, но все еще сохранявшую сильные позиции в сейме. В июне 1938 г. умер маршал сейма С. Цар, и новым спикером нижней палаты парламента большинством голосов был избран В. Славек, победивший кандидата от Лагеря национального объединения. Мосьцицкий и Рыдз-Смиглы расценили этот выбор как демонстрацию силы их противников в лагере «санации». Во избежание неконтролируемого развития событий Мосьцицкий 13 сентября 1938 г. воспользовался своим правом досрочного роспуска парламента. Новые выборы в нижнюю и верхнюю палаты были назначены на 6 и 13 ноября 1938 г. соответственно. Оппозиция увидела в выборах возможность, как и в 1935 г., продемонстрировать «санации» свою силу и призвала общество их бойкотировать. Однако, как оказалось, ее представления о собственном влиянии не соответствовали реальному положению дел. 6 ноября к урнам пришло 67,1% избирателей. Самой низкой избирательная активность была в Краковском воеводстве (48%), самой высокой — в Тернопольском и уже традиционно в Силезском воеводствах (83%). Лагерь национального объединения завоевал 164 мандата, украинцы 14, евреи 5, остальные места достались независимым депутатам из числа пилсудчиков, критически относившимся к «Озону». В. Славек остался без мандата (после чего покончил жизнь самоубийством*). В выборах в сенат участвовало около 70% избирателей.

* Это произошло 2 апреля 1939 г. в 20.45, время смерти Пилсудского. Он скончался утром следующего дня, после неудачных попыток врачей спасти его жизнь.

Результаты голосования показали, что «санация» сумела, по крайней мере, на тот момент, обеспечить себе достаточно сильное влияние в обществе. Ее аргументы оказались созвучными настроениям поляков. Обычно в качестве основной причины этого называют нарастающую тревогу в связи с усилением военного потенциала Германии. Доля истины в этом утверждении, несомненно, есть, но следует помнить, что официальные лица и проправительственная пропаганда о немецкой угрозе вообще не говорили, это делала только оппозиция. Немаловажную роль сыграли другие моменты. Во-первых, положительные результаты экономической политики правительства. Во-вторых, поворот «санации» к национализму был с удовлетворением воспринят ксенофобски настроенными слоями польского общества. Наконец, в начале октября 1938 г. Варшава, поиграв мускулами и прибегнув к методам государственного терроризма, добилась вынужденного согласия Праги, преданной в Мюнхене своими гарантами и союзникам, на передачу ей спорной части Тешинской Силезии. Эта пиррова победа «санации» была воспринята большинством поляков как доказательство вхождения Польши в клуб великих держав. По словам современного польского исследователя, «...польское общество охватили националистические настроения. Самая большая, как оказалось, ошибка Бека получила решительную поддержку народа. Бек никогда не был столь популярным, как накануне своего проигрыша»¹⁷².

Выборы свидетельствовали, что изменения в оппозиционном лагере были недостаточными, чтобы подтвердить претензии на выражение интересов и настроений большей части общества. Левым и центристским партиям вновь предстояло делать выбор все из тех же возможностей, что и после парламентских выборов 1935 г. Но на это уже не было времени, поскольку вскоре начался последний акт в межвоенной истории Польши. Зато поворот части «санации» к национализму благоприятствовал росту влияния национальных демократов. В 1939 г. Стронництво народове насчитывало более 200 тыс. членов, существенно превосходя по численности другие крупные оппозиционные партии (СЛ — 100–150 тыс., ППС — 21 тыс.).

V.2. Зигзаги ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Кончина Пилсудского имела серьезные последствия не только для внутренней, но и для внешней политики Польши. При разделе властных полномочий диктатора его внешнеполитические прерогативы достались Ю. Беку. Предшествующие три года он являлся по существу техническим исполнителем указаний маршала и наиболее ценным им сотрудником. Пилсудский дольше других принимал этого члена группы «полковников», именно Беку удалось заполучить подпись патрона под текстом конституции. В связи с этим он считался в лагере «санации» лучше всего подготовленным к реализации генеральных установлений маршала в дипломатической сфере.

Бек оказался единственным из «полковников» в кабинете Косьцялковского, хотя в октябре 1935 г. серьезно подумывал об уходе с поста министра иностранных дел. Им двигали не только честолюбие и властные амбиции, но и убеждение, что лишь он может реализовать внешнеполитическую линию своего кумира без искажений¹⁷³. Видимо, в этом крылась одна из существенных причин последовательности и настой-

чивости Бека в реализации внешнеполитических директив Пилсудского, отданных в 1934 г.

Говоря о внешней политике Польши в 1935–1939 гг., следует иметь в виду важнейшее обстоятельство: после кончины Пилсудского у «санации» не осталось никого, кто разбирался в ее хитросплетениях и мог бы своим авторитетом заставлять Бека вносить в нее необходимые коррективы в ответ на новые вызовы. Мосьцицкий, Рыдз-Смиглы и Славой-Складковский при жизни Пилсудского не допускались к этой области государственной жизни, после мая 1935 г. положение изменилось незначительно. Президент по-прежнему оставался дилетантом в дипломатии, генеральный инспектор интересовался только теми вопросами внешней политики, которые напрямую были связаны с модернизацией армии и обеспечением обороноспособности страны, а премьер занимался внутренними делами. Вытесненная из парламента оппозиция утратила возможность влиять на политику МИД.

Завещанная Пилсудским внешнеполитическая линия Польши предусматривала поддержание неконфликтных отношений с СССР и Германией при сохранении военных союзов с Францией и Румынией. Такая конфигурация вполне гарантировала безопасность Польши от угрозы извне, но только при условии военной слабости и невысокой активности на международной арене ее великих соседей. Однако такая ситуация не могла сохраняться бесконечно долго. Выйдя из экономического кризиса, Германия при Гитлере быстрыми темпами восстанавливала свой хозяйственный и военный потенциал. В марте 1936 г. она почувствовала себя достаточно сильной, чтобы ввести войска в демилитаризованную Рейнскую область, до этого контролировавшуюся Францией. Это был неприкрытый удар по Версальской системе, на которой держался весь послевоенный европейский порядок.

Быстро возростала мощь СССР, в 1933 г. приступившего к выполнению второй пятилетки, в ходе которой наряду с развитием гражданских отраслей индустрии бурными темпами росла оборонная промышленность.

Что касается Польши, то она медленно и мучительно выходила из глубочайшего в ее новейшей истории экономического кризиса и не могла на равных тягаться со своими соседями в перевооружении армии. Бек выбрал тактику двойной игры. Когда 7 марта 1936 г. Гитлер ввел войска в демилитаризованную Рейнскую область, Бек через французского посла известил Париж о готовности Варшавы выполнить союзнические обязательства. Но публично выразил понимание действий Берлина¹⁷⁴. Столь же двойственным было его поведение при обсуждении проблемы Рейнского кризиса на заседании Совета Лиги наций в Лондоне 18 марта 1936 г. Таким образом, Бек попытался продолжать начатую Пилсудским политику «одновременного сидения на двух стульях» – продемонстрировал приверженность польско-французскому союзному договору 1921 г. и сделал все, чтобы не ухудшить отношений с Германией. Польским дипломатам в тот момент даже казалось, что Беку удалось невозможное: превратить невыгодное (между Россией и Германией) геополитическое положение Польши в достоинство, став буфером между двумя европейскими колоссами¹⁷⁵.

Таким образом, Бек, в условиях радикально меняющейся международной ситуации в Европе и отсутствия у Польши достаточного потенциала для ведения сильной, самостоятельной внешней политики, решил на продолжение линии Пилсудского исключительно с помощью тактических приемов. Именно таким, умелым тактиком, и воспринимали его иностранные дипломаты во второй половине 1930-х годов.

Рыдз-Смиглы, встав во главе армии, очень быстро осознал ее слабость, а также неспособность Польши соревноваться с великими соседями в гонке вооружений. По его приказу в 1936 г. было проведено сравнение военных потенциалов Польши, Германии, Франции и СССР. Выяснилась удручающая ситуация с оснащением польских Вооруженных сил танками, авиацией, артиллерией, техническими, противотанковыми и зенитными средствами. Попытка изменить ситуацию к лучшему с помощью Фонда национальной обороны, формировавшегося из отчислений различных ведомств и пожертвований населения, оказалась малоэффективной. Нужны были зарубежные заимствования на перевооружение армии и развитие оборонной промышленности. Рыдз-Смиглы в целом разделял взгляды Бека на внешнюю политику, разве что больше опасался Германии. В Варшаве понимали, что средства на военные цели можно получить только у Франции. В связи с этим Бек и генеральный инспектор активно занялись оживлением сотрудничества с Парижем. В контактах с французами они высказывали сожаление, что Париж не прибег к силе во время Рейнского кризиса и использовали для преодоления его сдержанной реакции на их усилия даже угрозы ограничиться только своими «эгоистическими» целями.

В конце августа — начале сентября 1936 г. состоялся визит Рыдз-Смиглого в Париж. В ходе переговоров он добивался, чтобы основой польско-французского союза оставался договор 1921 г., а не 1925 г., по которому Франция не обещала прямой помощи Польше. Рыдз-Смиглому показалось, что он сумел убедить французов в своей правоте. Но главным итогом его визита стало заключение 6 сентября соглашения о французском займе на военные цели в размере 2,6 млрд франков (около 550 млн злотых) сроком на 6 лет. Из этой суммы 1 млрд предназначался на закупку военных материалов во Франции, оставшаяся часть — на развитие польской оборонной промышленности. Значительную долю средств (47%) предполагалось потратить на сухопутные войска, но не на увеличение их численности, а на довооружение до 1/2 уровня армий соседних государств*.

Характерно, что визиту Рыдз-Смиглого во Францию предшествовало посещение Берлина вице-министром иностранных дел Я. Шембеком, который старался убедить своих собеседников, недовольных активностью поляков на французском направлении, что Польша заинтересована в сохранении двусторонних отношений с Германией на прежнем уровне.

Что же касается СССР, то Бек по-прежнему был против проекта Восточного пакта, который М. Литвинов пытался возродить в начале 1936 г. на фоне Рейнского кризиса. Варшава всячески затрудняла диалог Москвы с Румынией и Чехословакией. Но при этом Бек не поддавался на предложения германских политиков о совместном фронте против Советского Союза.

В условиях все большего отставания Польши от СССР и Германии в военной области, грозившего ее безопасности, существенно возрастала инструментальная роль ди-

* Поскольку 6-летний план развития армии выполнялся с отставанием (к началу войны заем был реализован на 53%), его продлили до 1946 г. Таким образом, даже в случае реализации программы перевооружения отставание польской армии от вероятных противников сохранялось и на обозримую перспективу, хотя было бы не столь удручающим, как в середине 1930-х годов.

пломатии. Ее главной задачей становилось проведение такой внешней политики, которая позволила бы Польше чувствовать себя в большей безопасности в условиях, когда форсированное наращивание военной мощи невозможно. В связи с этим у Бека в 1936–1937 гг. родилась идея создания под эгидой Польши блока государств Центральной и Юго-Восточной Европы, известного как «третья Европа», «междуморье», «интермариум». Как полагал Бек, этот блок «малых» стран, расположенных между Балтийским, Черным и Адриатическим морями, в основном по периметру советских границ, мог бы проводить согласованную внешнюю политику, независимую от Германии и СССР. Бек не исключал привлечения к проекту и Италии. Стержнем блока должен был стать треугольник Варшава — Бухарест — Будапешт¹⁷⁶. Создание блока «интермариум», в роли дирижера которого Бек видел Польшу, должно было обеспечить ей свободу действий на международной арене, что в тех условиях могли себе позволить только великие державы. Именно это обстоятельство лучше других показывает утопичность проекта, изначально обреченного на противодействие Германии, Великобритании, Франции, Советского Союза и Италии. К разочарованию Бека, его идея не нашла также горячей поддержки ни у одного из потенциальных участников блока.

Проект, основанный на благих намерениях, вызывал опасения за судьбы мира в регионе. В нем отсутствовало достойное место для Чехословакии, не уступавшей Польше в военном отношении и существенно превосходившей ее по экономическому потенциалу. Вряд ли в Праге не знали, что начиная с 1934 г. Польша вынашивала планы дестабилизации ситуации в этой стране, самом верном союзнике Франции в регионе, члене Малой Антанты, заинтересованной в сохранении Версальской системы. Но пилсудчики, да и сам Пилсудский, не могли забыть «коварства» чехов, в 1919 г. силой отобравших у Польши спорную часть Тешинской Силезии, затруднявших доставку оружия из Австрии в ходе советского контрнаступления летом 1920 г. Варшава тщательно фиксировала все недоброжелательные, по ее мнению, высказывания Т.Г. Масарика и Э. Бенеша в польский адрес и лишь ждала подходящего момента для реванша¹⁷⁷.

«Момент истины» для европейского сообщества, в том числе и для Польши, наступил в 1938 г., с полным основанием заслуживающем названия года великих иллюзий, предательства и подлости. Консолидировав немецкий народ вокруг программы восстановления величия Германии и завоевания «Lebensraum», создав значительный для мирного времени военный потенциал, Гитлер приступил к реализации своего внешнеполитического проекта. Первым объектом экспансии Германии стала Австрия. Еще в ноябре 1918 г. она официально изъявила желание объединиться с демократической Германией в одно государство. Однако великие державы на мирной конференции в Париже запретили делать это без согласия Совета Лиги наций. Прикрываясь ограничено реализованным после Великой войны «правом национальностей» (в 1917–1918 гг. им позволили воспользоваться только полякам и чехам), Гитлер 12 марта 1938 г., при полном попустительстве западных держав, осуществил аншлюс Австрии. Версальская система европейской безопасности не просто пошатнулась, как это было при демилитаризации Рейнской области, а вступила в стадию агонии. Германия существенно продвинулась в юго-восточном направлении, оказалась соседкой ряда государств, которые Бек планировал привлечь к участию в блоке «междуморье». Именно Германия стала полноправной державой в том регионе, который хотела сплотить вокруг себя

Польша*. Несмотря на публичные заверения Гитлера, что его экспансионистские планы исчерпаны, даже неискушенным в политике людям было понятно, что следующие территориальные претензии он предъявит ЧСР, с ее тремя миллионами компактно проживающих богемских немцев. В случае же успеха в Чехословакии очередным объектом немецких притязаний с неизбежностью становилась бы Польша с ее немалым немецким меньшинством и Данцигским коридором, отрезающим Восточную Пруссию от остальной части Германии.

Казалось бы, аншлюс Австрии должен был встревожить Варшаву, заставить ее отказаться от формулы безопасности Пилсудского, ставшей на тот момент явным анахронизмом. Однако все предшествовавшее развитие международных отношений в Европе, по мнению руководства Польши, не оставило места для приемлемой альтернативы. СССР решительно не рассматривался польскими лидерами в качестве возможного союзника, максимум допустимого сделал в 1932 г. Пилсудский, заключив пакт о ненападении и несколько улучшив двусторонние отношения. Позиции Франции становились все более слабыми, что, собственно говоря, показало согласие Парижа на аншлюс Австрии. Для Великобритании Польша представляла ограниченный интерес. Оставалось одно, полагали в Варшаве: как можно дольше поддерживать отношения с Германией на прежнем уровне и стараться получить от этого максимальные выгоды.

Польша не выразила беспокойства по поводу аншлюса Австрии. Вице-министр иностранных дел Я. Шембек (Бек находился в отпуске) заявил германскому послу в Варшаве, что «наблюдение за развитием событий в Австрии осуществляется с полным спокойствием. Здесь были к ним готовы и рассматривают их последующее развитие как внутреннюю проблему Австрии. Польша имеет там исключительно хозяйственные интересы...»¹⁷⁸. Успокоив Берлин, Варшава, воспользовавшись замешательством на международной арене и использовав в качестве предлога гибель своего военнослужащего на польско-литовской границе, 17 марта предъявила ультиматум Литве, требуя установить нормальные дипломатические отношения. Это было равнозначно принуждению Каунаса к признанию окончательного характера включения Вильно и прилегающей области в состав Польши. Литовское правительство вынуждено было принять ультиматум.

Одновременно началась подготовка к «решению» вопроса о спорной территории в Тешинской Силезии. О стремлении обеспечить польскому меньшинству в ЧСР автономию Бек заявил в интервью английскому корреспонденту уже 21 марта 1938 г. Он не случайно обращался к британской аудитории: многие в Лондоне считали справедливым стремление Германии объединить всех немцев в одном государстве. К этому моменту Бек уже имел достоверную информацию, что следующим объектом претензий Германии станет Чехословакия. Его высказывания можно было бы считать не очень важными, если бы одновременно с этим Варшава не возобновила приостановленную в 1935 г. подрывную операцию II отдела Главного штаба польской армии против ЧСР с целью вызвать восстание поляков в Заользье и отторгнуть эту область. Об операции знало высшее военное и государственное руководство, включая президента и генерального инспектора Вооруженных сил, ее

* Даже Венгрия, которую Польша считала самым надежным партнером в регионе и с которой стремилась обрести общую границу в Закарпатье, после аншлюса не желала идти на какие-либо действия, способные вызвать недовольство Германии

финансирование осуществлялось через министерство иностранных дел. В 1938 г. были также проведены военно-политические переговоры с венграми на предмет совместных диверсионных действий в Подкарпатской Руси и достигнуто соответствующее соглашение. Таким образом, аншлюс Австрии дал старт ряду действий польской стороны, направленных на уничтожение совместно с фашистской Германией суверенной Чехословакии.

Польское руководство без колебаний воспользовалось тяжелым политическим положением ЧСР в связи с непрерывно нагнетавшейся Гитлером истерией по поводу судьбы судетских немцев. В сентябре 1938 г., когда судетский кризис неумолимо двигался к своему разрешению, позорному для западных союзников Праги, Варшава поставила вопрос о передаче ей спорной территории Тешинской Силезии. Ультимативное требование она подкрепила демонстрацией силы и решимости добиться своего, если даже для этого придется прибегнуть к оружию.

Давление на Прагу оказывалось по нескольким направлениям. Во-первых, формировался добровольческий легион «Заользье», в который вступали волонтеры не только из Силезии, но и других районов Польши. Таким образом Варшава демонстрировала миру, насколько близко к сердцу воспринимают поляки судьбу угнетаемых чехами соплеменников. Во-вторых, военное руководство страны открыто создало отдельную оперативную группу «Шлёнск» («Силезия») численностью около 36 тыс. солдат под командованием бригадного генерала В. Бортновского. Эта серьезная военная сила предназначалась для вторжения на территорию суверенного государства в случае его отказа добровольно уступить давлению Варшавы.

Помимо этих двух явных «аргументов» использовался и третий, сохранявшийся в глубокой тайне. Им были польские диверсионные группы, перед которыми 19 сентября 1938 г. было поставлено две задачи. Во-первых, проникнуть на сопредельную территорию и развернуть там террористическую деятельность — подрывать мосты и железнодорожные пути, нападать на жандармские посты и патрули, дестабилизировать ситуацию и т. д. Во-вторых, спровоцировать местное польское население на восстание и тем самым показать (как это сделала судето-немецкая партия), что поляки не желают жить с чехами в одном государстве. Если с первой задачей боевики справились более или менее успешно, то вторую им решить не удалось. Поэтому у польского руководства остался только военно-дипломатический путь решения проблемы спорной части Тешинской Силезии.

1 октября 1938 г., уже после завершения Мюнхенской конференции, Варшава добилась своего. Прага, преданная западными союзниками, согласилась на польский ультиматум от 1 октября, уступив Польше Заользье. 2 октября польские войска заняли этот район, генеральный инспектор Рыдз-Смиглы на месте торжественно провозгласил воссоединение этой земли с матерью-Родиной*. А. Фришке признает, что «требования возврата Заользья, выдвинутые в момент наивысшей угрозы для этой страны [ЧСР] со стороны рейха, были катастрофической ошибкой. Они облегчали

* После эйфории первых дней местное польское население стало выражать недовольство тем, что был установлен завышенный курс золотого к чешской кроне, в результате чего польские военные и приезжие из Польши за бесценок массово скупали в местных магазинах продовольствие и промышленные товары.

западным державам мюнхенские решения и влияли на ослабление воли к сопротивлению Чехословакии»¹⁷⁹.

На этом польская активность в отношении ЧСР не прекратилась, уже в октябре Варшава приступила к выполнению своих обязательств перед Венгрией по дестабилизации положения в Подкарпатской Руси (эта операция получила весьма выразительное название «Лом»). Вплоть до передачи Венгрии южных районов Закарпатья в ноябре 1938 г. в эту область ЧСР забрасывались польские диверсионные группы, нападавшие на чешских жандармов и чиновников, разрушавшие транспортную инфраструктуру и т. д.¹⁸⁰

Соучастие в разрушении Чехословакии было, пожалуй, последней международной акцией, в которой Польша действовала заодно с Германией. Нет ни малейшего преувеличения в том, что мировое общественное мнение трактовало Польшу как соучастника раздела Чехословакии. Зато подавляющей частью поляков присоединение Заользья было воспринято как великая победа, триумф завещанной Пилсудским внешней политики, справедливое наказание чехов за все их действительные и мнимые преступления перед Польшей. «Санация» приобрела в глазах общества еще одно подтверждение великодержавного статуса Польши. В этом заключалась одна из главных причин ее успеха на досрочных парламентских выборах и одновременно неудачи оппозиции, призывавшей общество к их бойкоту.

Участие Варшавы в развале суверенной Чехословакии под предлогом справедливого решения национального вопроса повлияло на ее политику в отношении собственного украинского населения Волыни и Подляшья. В 1938 г. произошел полный разрыв с прежней линией, направленной на нахождение со здешними украинцами *модус-вивенди* при условии признания ими принадлежности этих земель Польше. В 1938 г. поборник этого курса волынский воевода Х. Юзевский был переведен в Лодзь. Началась так называемая акция «ревиндикации», т. е. «возвращения» в католицизм коренного украинского населения, исповедовавшего православие. Украинцам, возмущенным открытым попранием их конституционных прав, власти объясняли свои действия тем, что восстанавливается историческая справедливость. Их предки якобы были польскими колонистами-католиками («мазурами»), а царизм насильственно обратил их в православие. Акция осуществлялась пограничниками с ведома и согласия высшего военного командования армией¹⁸¹. Следует сказать, что эта оскорбительная для украинцев кампания стала одной из причин так называемой «волынской резни» поляков и украинцев Волыни в годы Второй мировой войны.

Последующее развитие событий в Восточной Европе показало, что Гитлер, используя польский и венгерский ревизионизм для внедрения в европейскую политическую практику смертельного для многонациональных государств права наций на самоопределение, больше в услугах Польши не нуждался. Первые слабые, но понятные искушенным дипломатам намеки на возврат к антипольской линии во внешней политике Гитлер сделал сразу же после аншлюса. Прямых текстом претензии Германии были озвучены германским министром иностранных дел И. фон Риббентропом уже 24 октября 1938 г. на встрече с польским послом в Берлине Ю. Липским в виде плана «упорядочения всех существующих между Германией и Польшей спорных моментов как завершение начатого маршалом Пилсудским и фюрером дела соглашения».

Немцы хотели получить согласие Варшавы на ликвидацию статуса вольного города Данцига и включение его в состав Германии, а также на строительство через «коридор» экстерриториальной автостреды и железной дороги. Взамен Риббентроп предложил Польшу присоединение к Антикоминтерновскому пакту, аналогичные транспортные артерии на территории Данцига, а также гарантии и продление декларации о ненападении 1934 г. на 25 лет. Вопрос о Гданьске и путях сообщения не был для Польши жизненно важным. Вольный город все еще находился под управлением Лиги наций, а у поляков был собственный порт в Гдыне. Для Варшавы отказ от прав в Данциге был главным образом делом престижа. Приглашение же в Антикоминтерновский пакт было равнозначно заявлению, что Гитлера больше не устраивает польская политика равновесия между Германией и СССР.

Как и предвидел Пилсудский, его внешнеполитического курса действительно хватило лишь на четыре года. Самое неприятное для Польши заключалось в том, что ее положение в конце 1938 г. было существенно хуже, чем до января 1934 г.: блок «междуморье» создать не удалось, Версальская система была практически уничтожена, в том числе и с участием самой Варшавы. Франция и Великобритания, проводившие политику умиротворения Германии, стали еще менее надежными союзниками, отношения с Советским Союзом так и остались прохладными. Поскольку требования Германии сохранялись в полной тайне, внешне двусторонние отношения все еще выглядели такими же спокойными, как и прежде. Бек не спешил с ответом, а немецкая сторона его не торопила.

В октябре 1938 г. наметилось некоторое улучшение атмосферы в отношениях Польши с СССР. Советское руководство, рассматривавшее Мюнхен как попытку изолировать СССР от Европы, встревоженное откровенным игнорированием его мнения при решении судетского кризиса, не прочь было повысить градус отношений с Варшавой. В октябре 1938 г. состоялись достаточно конструктивные переговоры польского посла в Москве В. Гжибовского с заместителем М.М. Литвинова В.П. Потемкиным, а затем и с самим наркомом. По их итогам 26 октября было оглашено совместное коммюнике, в котором основой взаимных отношений определялись уже существующие между странами договоры, включая и пакт о ненападении, продленный в 1934 г. на 10 лет. Говорилось о намерении увеличить торговый оборот и решить ряд иных накопившихся проблем. Итогом взаимного проявления доброй воли стало заключение в феврале 1939 г. торгового договора, предусмотренного еще Рижским миром 1921 г.

Однако нет смысла переоценивать значение очередной демонстрации готовности сторон к конструктивному сотрудничеству. Варшава вовсе не собиралась строить свою безопасность на союзе с СССР, так же как и Москва не считала Польшу серьезным партнером, с помощью которого можно было пресечь неблагоприятную тенденцию в политике Запада. В Москве понимали, что козыри в начинающейся большой игре были в руках западных держав и Германии, а вовсе не Польши.

Флирт Польши с СССР не привел к отказу Германии от своего предложения. Бесконечно откладывать ответ Варшава тоже не могла, ей нужна была ясность, чтобы решать, в каком направлении разворачивать свою внешнюю политику. В начале января 1939 г. в резиденции президента состоялось совещание с участием Мосьцицкого, Рыдз-Смиглого, Славой-Складковского, Квятковского и Бека, на котором было решено ответить отрицательно на все предложения Германии, даже если это будет грозить

Польше войной*. В конце января Бек довел до сведения Гитлера и Риббентропа ответ польского руководства. Начался длившийся более двух месяцев торг, Германия проявляла готовность не форсировать вопрос о Данциге, который, по словам Бека, был для польского общества вопросом чести, но не собиралась отказываться от настоячивого приглашения Польши в антикоминтерновский пакт. Поле для маневра польской дипломатии было сведено к нулю. Варшаве предстояло или согласиться на роль вассала Германии, или стать ее врагом и готовиться к войне. Гитлер же, замышлявший кампанию на Западе, не мог себе позволить оставить в тылу враждебную ему Польшу. Несомненно, понимание серьезности момента в Варшаве существовало. Не случайно, 4 марта генеральный инспектор Вооруженных сил приказал Главному штабу польской армии приступить к разработке плана военной кампании против Германии (план войны против России был разработан еще при Пилсудском) и готовить армию к войне.

Важным рубежом в развитии польско-германских отношений стали события 15 марта 1939 г. в соседней Чехо-Словакии (так страна стала называться после Мюнхена, когда Словакия получила реальную автономию). В этот день по настоянию Гитлера Словакия объявила о независимости, Венгрия приступила к оккупации провозглашенной в Подкарпатской Руси независимой Закарпатской Украины, а Чехия без сопротивления была включена в состав третьего рейха под названием Протекторат Богемия и Моравия¹⁸². Процесс утверждения в Восточной Европе позиции Германии как великой державы близился к завершению. Поскольку Венгрия, Румыния и Словакия согласились со статусом сателлитов Германии, Польша рассталась с последними надеждами сделать их своими союзниками.

Расправа Гитлера с Чехословакией заставила Великобританию отказаться от политики умиротворения. Но и к войне с Германией она не стремилась, понимая, что у нее нет шансов на победу. Чемберлен стремился лишь отвести угрозу войны от Англии, что можно было сделать в том числе и направив агрессию Германии против кого-то из ее восточных соседей¹⁸³. Несомненно, в этом была одна из важных причин поворота Лондона лицом к Варшаве, к чему поляки стремились после 1926 г. 30 марта 1939 г. британский премьер О. Чемберлен предложил Польше односторонние гарантии и получил согласие Варшавы. Выступая на следующий день в палате общин, он заявил, что если Польша решится на противодействие военными силами возникшей угрозе ее независимости, то Великобритания окажет ей помощь всеми имеющимися у нее средствами.

4–6 апреля Бек вел в Лондоне переговоры, результатом которых стало соглашение, конкретизировавшее английские гарантии на случай нападения Германии на Польшу или ее попытки силой овладеть Гданьском. Британские обязательства на деле не могли иметь в тот момент реального значения для Польши. Англия не располагала мощной сухопутной армией для вторжения в Германию, а ее кредит Польше на закупку вооружения требовал времени для реализации**.

* Бек явно недооценивал военную мощь Германии. Можно с большой долей уверенности предположить, что подобного мнения придерживались и другие высшие руководители Польши. А это значит, что из рук вон плохо работали военные атташе и польская разведка в целом.

** Гарантии будут иметь существенно большее значение уже в годы войны, когда Великобритания станет центром сосредоточения польской военной и политической эмиграции.

В Берлине поняли, что Польша не намерена играть роль сателлита Германии, а потому ее следует уничтожить во избежание удара в спину во время войны с Западом, вопрос о начале которой уже был решен Гитлером. 3 апреля канцлер Германии издал директиву о разработке плана военной кампании против Польши, которая должна была начаться не позднее 1 сентября 1939 г. Из этого следует, что ранней весной 1939 г. канцлер не намеревался немедленно нападать на Польшу, как это давал понять на основании слухов Чемберлен, выступая в палате общин с обоснованием необходимости предоставить гарантии Варшаве. Бек же, приняв гарантии, склонил Гитлера к решению начать войну с польской кампанией*. Правда, до конца апреля Гитлер еще не исключал, что ему удастся склонить Варшаву к покорности.

Бек, видимо, не до конца осознал, что после принятия британских гарантий Польша оказалась в абсолютно новой ситуации: активно сблизившись с Англией, Бек не проявлял желаний сблизиться с СССР. Он мотивировал свою позицию приверженностью политике равного удаления, которая уже полностью себя исчерпала. На апрельских переговорах в Лондоне польский министр заявил, что не питает доверия к внешней политике СССР в силу ее «империалистического», антипольского характера, и дал понять, что Варшава не будет участвовать в военных соглашениях западных держав с Москвой. И даже, продолжал он, если Польша к такому договору подключится, то без расширения обязательств в отношении Советского Союза. Бек полагал, что идеологические расхождения между Германией и СССР исключают их соглашение за счет Польши, поэтому у Варшавы есть возможность урегулировать конфликт с Германией без существенных уступок со своей стороны.

Еще в середине апреля Бек через посредников пытался убедить Гитлера, в том, что существование Польши отвечает жизненным интересам Германии, что в случае ее гибели исчезнет буфер между Германией и СССР и широко откроется дверь для натиска России на Европу. Что же касается соглашения с Великобританией, то это всего лишь дополнение к союзному договору с Францией, против существования которого Гитлер в 1934 г. не возражал. Но Гитлер объяснений Бека не принял, назвав самой большой ошибкой Польши сближение с Англией, создавшее, как он уверял, угрозу окружения Германии.

Окончательно жирный крест на надеждах Бека урегулировать отношения с западным соседом поставило выступление германского канцлера в рейхстаге 28 апреля 1939 г., в котором он заявил о денонсации польско-германской декларации 1934 г. о неприменении силы в двусторонних отношениях, а также морского соглашения 1935 г. с Великобританией. Тем самым были похоронены последние надежды Бека на возможность и дальше проводить внешнеполитический курс Польши в соответствии с формулой безопасности Ю. Пилсудского. Теперь избежать войны с Германией можно было или приняв все ее требования, или конструктивно включившись в начатый 17 апреля 1939 г. Советским Союзом диалог с Францией и Великобританией о заключении договора о взаимопомощи на случай агрессии в Европе против одного из договаривающихся государств.

* Великобритания предлагала в 1939 г. гарантии и Югославии, с 1938 г. соседствовавшей с Германией, но Белград их не принял.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Этому противоречит замечание Г. Кесслера, сопровождавшего Пилсудского из Берлина в Варшаву: «К сожалению, Пилсудский прибыл в Варшаву слишком поздно, чтобы помешать театральному и ненужному разоружению немецких войск гимназистами и студентами, выросшими до масштабов героев». — Цит. по: *Świątek R. Lodowa ściana...* Kraków, 1998. S. 854.
- 2 В этот же день солдаты переправили переодетого в гражданское платье генерал-губернатора Г. Безелера из Варшавы в окрестности Торна (Торуня). — *Szymczak D. Ostatni satrapa na Zamku Królewskim? Gen. Hans Hartwig von Beseler jako generalny gubernator warszawski 1915–1918 // Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka». Wrocław, 2009. N 2–3. S. 427.*
- 3 *Wasilewski L. Józef Piłsudski jakim go znałem. Warszawa, 1935. S. 158–159.*
- 4 Подробнее см.: *Матвеев Г.Ф. Кто стоял за кулисами январского заговора 1919 г. и декабрьских событий 1922 г. в Варшаве? // Профессор И.М. Белявская. М., 2005.*
- 5 *Baranowski W. Rozmowy z Piłsudskim 1916–1931. Warszawa, 1938. S. 105–107.*
- 6 Один из ближайших сотрудников Пилсудского К. Свитальский так характеризовал его манеру работы: «Самые важные дела он не поручал ведомствам, а выбирал одного человека, обязывал его хранить тайну и поручал ему предварительное или окончательное решение проблемы. Например, переговоры с Россией в 1919–1920 годах (Бёрнер — Мархлевский) были бы вообще неизвестны, если случайно Бёрнер не оставил заметки. Литовские проблемы решало не министерство иностранных дел, а выбранные маршалом самые разные люди. Это же относится и ко всей внутренней политике. Чем активнее был маршал, тем меньше у него было времени, и он решал все вопросы путем переговоров, а не переписки». — РГВА. Ф. 276к. Оп. 1. Д. 10. Л. 141–142. Следует сказать, что относительно переговоров Бёрнера с Мархлевским Свитальский заблуждался, о них в советских газетах еще в августе 1920 г. достаточно откровенно написал К. Радек. — *Радек К. Могилищик белой Польши // Известия. № 171 (1018). 1920. 4 авг.*
- 7 *Leczyk M. Druga Rzeczpospolita 1918–1939. Społeczeństwo, gospodarka, kultura, polityka. Warszawa, 2006. S. 161.*
- 8 *Матвеев Г.Ф. Четыре выстрела Дракона. Покушение на Пилсудского // Родина. 1999. № 8. С. 116–118.*
- 9 *Kutrzeba S. Polska Odrodzona 1914–1939. Warszawa, 1988. S. 99–101.*
- 10 Скрытая сторона восстания хорошо представлена в воспоминаниях В. Домбровского, секретаря руководителя восстания В. Корфанты. — *Dąbrowski W. Trzecie powstanie śląskie. Rok 1921. Londyn, 1973. См. также: Zarzycka Z. Polskie działania specjalne na Górnym Śląsku 1919–1921. Warszawa, 1989.*
- 11 Американские эксперты, конкретизировавшие в октябре 1918 г. программу мира В. Вильсона, решительно отказывали Польше в праве претендовать на земли с преобладанием литовцев и украинцев, обращали внимание на противоречия между поляками и белорусами, поляками и украинцами, в основе которых лежали отношения между помещиками и крестьянами. В связи с этим ими высказывалось опасение, что после ухода немецких оккупационных войск здесь может начаться классовая война, которая, «весьма вероятно, выльется также в форму конфликта между народностями». — Архив полковника Хауза. Т. IV. М., 1944. С. 156–157. О том, что «Восточная Галиция, согласно

- всем сведениям, которые у него есть, не стремится принадлежать Польше», говорил на заседании Верховного военного совета Антанты 22 января 1919 г. британский министр иностранных дел А. Бальфур. — *Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały*. Т. I. Warszawa, 1965. S. 41.
- 12 В 1919 г. ни Колчак, ни Деникин не соглашались признавать Польшу вне ее этнографических границ. — См.: *Зубачевский В.А.* Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917–1923 гг.): геополитический аспект. Омск, 2005. С. 70–72.
- 13 В апреле 1920 г. Полевой штаб РВС РСФСР подготовил историческую справку «Ввиду предстоящих мирных переговоров РСФСР с Польшей». В ней излагались исторические и этнографические аргументы, опровергавшие право поляков на восстановление границ 1772 г. Вывод звучал более чем категорично: «...кратковременная история вхождения территорий в пределах границ 1772 года, резко подчеркнувшая разноплеменность населения, определенно доказывает, что Польша не имеет никаких прав на русские области в пределах границ 1772 г.». — Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 122. Оп. 3. П. 5. Д. 14а. Л. 2. Поэтому согласие советского руководства на уступку Польше «русских областей» было продиктовано желанием ликвидировать доставлявший ей много проблем Западный фронт.
- 14 *Piłsudski J.* Rok 1920. Warszawa, 1924. S. 203–204.
- 15 Это прекрасно понимали польские военные. В 1919 г. полковник М. Жегота-Янушайтис так сформулировал свое видение проблемы: «...отношения на востоке Европы еще долго будут слишком неопределенными и мало соответствовать идеалам союза наций. Поэтому Польша, веря в торжество высоких вильсоновских помыслов, должна все же стремиться к установлению таких границ (особенно на востоке), которые бы и в военном отношении гарантировали ей мир и преобладание на случай войны с варварским восточным соседом». Для этого следовало создать «стратегическую оборонную область», в силу природных условий абсолютно или в значительной степени непреодолимую для «оперативных масс». Ее восточная граница должна была бы проходить от Риги на севере, вдоль Березины и Днепра до впадения в него Припяти, далее на юг вдоль рек Случ и Смотрич до Каменец-Подольска, а затем по довоенной русско-австрийской границе, т. е. в целом соответствовать границе 1921 г. — *Żegota-Januszajtis M.* Strategiczne granice Polski na wschodzie // *Bellona*. R. II. 1919. Z. III (marzec). S. 174–175.
- В мае того же года был составлен меморандум генерала Т. Розвадовского, виднейшего военачальника первых двух лет независимости Польши. Он был убежден в необходимости проведения восточной границы с учетом главным образом географических и военных потребностей. Из намеченных в меморандуме трех возможных линий ее прохождения максимальная почти соответствовала рубежам Речи Посполитой до 1772 г., минимальная более или менее совпадала с границей, установленной в 1921 г. в Риге. — См.: *Rozwadowski A.* Generał Rozwadowski. Kraków, 1929. S. 68–72.
- 16 Сохранилось довольно много свидетельств того, что советская дипломатия придавала огромное значение соблюдению «политеса» в данном вопросе. Так, 30 ноября 1920 г. Г.В. Чичерин писал в ЦК РКП(б): «Принцип независимости советской Украины сыграл громадную роль в нашей дипломатии и пресек буферизм Пилсудского». — Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 30.
- 17 АВП РФ. Ф. 122. Оп. 1а. П. 1а. Д. 7. Л. 8.

- 18 Там же. Оп. 2. П. 3. Д. 14. Л. 2, 6.
- 19 Там же. Л. 19.
- 20 Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 361–362.
- 21 O niepodległą i granice. T. I. Komunikaty Oddziału III Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego. 1919–1921. Warszawa; Pułtusk, 1999. S. 58.
- 22 Из последних работ российских авторов отметим следующие: *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994; *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001; *Яжборовская И.С., Парсаданова В.С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005.
- 23 Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее ДМИСПО). Т. II. Ноябрь 1918 г. — апрель 1919 г. М., 1964. С. 221.
- 24 В уже упоминавшейся работе «1920 год» Пилсудский написал, что в 1919 г. свершил задачу «...как можно дальше от мест, где проклевывалась и ковалась новая жизнь, сделать невозможными любые попытки и поползновения еще раз навязать чуждую жизнь, жизнь, не устроенную нами самими». — *Piłsudski J.* Rok 1920. S. 203–204.
- 25 Польша располагала значительной армией. К осени 1919 г. под ружье было поставлено более 500 тыс. человек. И столько же она могла призвать в армию, если бы Запад предоставил необходимое вооружение, амуницию и продовольствие для организации похода на Москву. Польский премьер И. Падеревский даже сделал великим державам такое предложение, но оно не нашло у них поддержки, в частности из опасения, что это приведет к превращению гражданской войны в Отечественную. — См.: *Михутина И.В.* Польско-советская война... С. 78–80.
- 26 На это в декабре 1919 г. обратил внимание Ю. Мархлевский. В докладе в ЦК РКП(б) он характеризовал Пилсудского как представителя того течения в «польской буржуазии», которое не желает вести войну с целью уничтожения советской власти и поддержки контрреволюции, ибо победа последней означала бы угрозу самостоятельности Польши. Но из-за опасения влияния коммунистов на Польшу он хочет оградить ее от Советской России «буферными» Литвой и Белоруссией. — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 203. Д. 52406. Л. 24.
- 27 Пилсудский до 25 апреля 1920 г. в целом соблюдал данное обещание. За это время польская армия провела всего две наступательные операции ограниченного характера — Динабургскую и Мозырскую. Однако бои местного значения не прекращались, обе стороны несли потери убитыми, ранеными и пленными. — O niepodległą i granice. T. I. S. 340–486. Сообщения об этих боях регулярно печатались в центральной советской прессе.
- 28 В польской историографии преобладает мнение, что наступательная операция на Украине весной 1920 г. имела превентивный характер с целью упредить наступление Красной армии. — См., например: *Przewrót majowy 1926 roku w oczach Kremla.* Warszawa, 2009. S. 12. Оно опровергается сыном генерала Розвадовского, его первым биографом. В 1929 г. он писал: «Начальник государства зимой 1920 г. готовил большую наступательную операцию в юго-восточном направлении и поручил генералу Розвадовскому, как руководителю польской военной миссии в Париже, убедить руководящие круги союзников в необходимости этого наступления. Маршал Фош, вначале возражая, признал аргументы генерала и благодаря своему решающему влиянию добился согласия союзников на киевский поход». — *Rozwadowski A.* Generał Rozwadowski. S. 76.

- 29 Например, Л. Троцкий 28 января 1920 г. телеграфировал Г. Зиновьеву, что «все последние данные говорят о близкой возможности наступления поляков по всему фронту». — Польско-советская война 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. I. М., 1994. С. 43.
- 30 ДМИСПО. Т. II. С. 450.
- 31 Публичный характер обращения должен был, во-первых, активизировать борьбу левых сил в Польше за прекращение войны, что и произошло. — См., например: *O niepodległą i granice*. T. 2. Raporty i komunikaty władz wojskowych o sytuacji wewnętrznej Polski 1910–1920. Warszawa; Pułtusk, 2000. S. 296, 299, 312–314. Во-вторых, «затруднить действия сторонников активной политики против нас и соглашения с Деникиным». — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 10. Л. 33; ДМИСПО. Т. II. С. 486–487.
- 32 ДМИСПО. Т. II. С. 446.
- 33 См. например: ДМИСПО. Т. II. С. 481–486, 488–491. Жалобы Пилсудского американскому посланнику в Варшаве Х. Гибсону по поводу настолько ужасного состояния польской армии, что «операции крупного масштаба вызвали бы крах и завоевание страны большевиками», никак не согласуются с его заявлениями своим сторонникам, что он может бить большевиков, где захочет и когда захочет.
- 34 ДМИСПО. Т. II. С. 508–509.
- 35 Там же. С. 569–571.
- 36 Там же. С. 615. В тот же день была закончена разработка французским генералом П. Анрисом планов военной операции польской армии на востоке.
- 37 К. Радек, ведущий обозреватель «Известий», публично так объяснил негативную реакцию Кремля на польское предложение: «Если мы можем не считаться с вопросами престижа, ибо победителем является не тот, кто думает, что он победитель, а тот, кто фактически победит, — то мы не можем никоим образом жертвовать стратегическими интересами обороны, которые не допускают разделения нашего фронта, как бы это было необходимо, если бы мы пошли на ведение переговоров в Борисове». — *Радек К. Польская игра* // Известия. 1920. № 75 (922). 1920. 6 апр.
- 38 АВП РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 5. Д. 14а. Л. 24.
- 39 М. Литвинов объяснял причину содержания советской Россией большой армии несправедливыми требованиями Польшей границ 1772 г., в которых были и чисто русские области. — ДМИСПО. Т. II. С. 636.
- 40 См., например: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 67, 181–182, 196; *Радек К.* Польская игра // Известия. 1920. № 75 (922). 1920. 6 апр.; *Стеклов Ю.* Кто и как будет драться // Там же. № 76 (923). 1920. 7 апр. и др.
- 41 Но людской материал для этого был недостаточно качественным. 17 апреля 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «В виду того, что на Западный фронт направлено и направляется значительное количество сырых подкреплений, состоящих в значительной части из уклонившихся в свое время от мобилизации крестьян, представляется безусловно необходимым для обеспечения успеха направлять на Западный фронт значительное число рабочих-коммунистов». — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 70. Как видно из этого документа, в середине апреля советское руководство в ближайшее время на Западном фронте наступления не планировало.
- 42 Польский фронт (Беседа с тов. Троцким) // Известия. № 96 (943). 1920. 6 мая.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 74. П. 11.

- 44 Польско-советская война 1919–1920... Ч. I. С. 142–143.
- 45 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 103. П. 1; *Михутина И.В.* Польско-советская война... С. 187. Правда, выполнять его не торопились, но не отменили и после проигрыша Варшавского сражения.
- 46 Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. М., 2004. С. 770; Подробнее о выполнении соглашения см.: *Райский Н.С.* Польско-советская война 1919–1920 гг. и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М., 1999.
- 47 Подробнее о судьбе пленных красноармейцев в Польше см.: *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С.* Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.
- 48 Подробнее см.: Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг. Документы и материалы. М., 2004; *Polscy jeńcy wojenni w niewoli sowieckiej w latach 1919–1922. Materiały archiwalne.* Warszawa, 2009.
- 49 Текст письма см.: *Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku. Lata 1918–1939. Polska niepodległa.* Т. III. Wybór tekstów źródłowych. Pułtusk, 2005. S. 90–92.
- 50 Подробнее см.: *Матвеев Г.Ф.* Последняя попытка польско-украинского военного взаимодействия // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996.
- 51 Державний архів Львівської області. Ф. 1. Оп. 58. Од. зб. 660. Л. 95.
- 52 Свидетельство об этом оставил М. Ратай, непосредственный участник церемонии. — См.: *Rataj M.* Pamiętnik 1918–1927. Warszawa, 1965. S. 128. См. также: *Матвеев Г.* Пилсудский. С. 304–305.
- 53 Текст соглашения см.: *Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku...* Т. III. S. 181–192.
- 54 Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997.
- 55 Интересная с точки зрения восприятия и реальных последствий для Польши этих соглашений западноевропейских держав с Германией оценка содержится в работе: *Бабенко О.В.* Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству. М., 2007. С. 95–146.
- 56 *Borejsza J.W.* Mussolini był pierwszy... Warszawa, 1989. S. 176–181, 185–189.
- 57 См. подробнее: *Матвеев Г.Ф.* Зарождение фашистских тенденций в лагере польской национальной демократии (1919–1926) // Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. М., 1984.
- 58 Подробнее см.: *Garlicki A.* Józef Piłsudski... S. 291, 321.
- 59 *Świtalski K.* Dziennik 1919–1935. Warszawa, 1992. S. 152.
- 60 *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. Т. VIII. Warszawa, 1937. S. 251.
- 61 Пропаганда давала ожидаемые результаты, что видно из писем в адрес Пилсудского. Так, 25 апреля некто Вокульский из Ловичского повета писал: «Любимый пан Комендант. Ради Господа Бога войди в правительство председателем кабинета, разгони эту банду и правь нами жестоко, по-божески, чтобы и волки были сыты, и козы целы. Народ будет тебе за это благодарен...». — РГВА. Ф. 476к. Оп. 2. Д. 4. Л. 7об.
- 62 *Tymieniecka A.* Polityka Polskiej Partii Socjalistycznej w latach 1924–1928. Warszawa, 1969. S. 123–124; *Kolebacz B.* Komunistyczna Partia Polski. Problemy ideologiczne. 1923–1929. Warszawa, 1984. S. 128.

- 63 Archiwum akt nowych. Posiedzenie Rady Ministrów. Pos. 22. T. 33. R. 81–83.
- 64 *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. T. VIII. S. 332. Советский полпред в Варшаве П. Л. Войков писал в Москву 10 мая 1926 г.: «...Пилсудский убил всякую возможность для Владислава Грабского образовать внепарламентский кабинет по типу прежнего кабинета Грабского. Пилсудский заявил, что военный министр, которого можно было бы предложить, не сможет работать с Грабским». — АВП РФ. Ф. 09. Оп. 1. П. 8. Д. 81. Л. 8.
- 65 5 мая 1926 г. вновь назначенный посол Франции в Варшаве Ж. Ларош нанес визит Пилсудскому. После беседы у него сложилось такое впечатление: «Он [Пилсудский] кажется убежденным, что парламентаризм почти везде переживает кризис, единственным средством против которого является внепарламентское правительство. То, которое он желает... было бы не разновидностью фашизма, а диктатурой левых сил; он точно имеет намного больше общего с Гарибальди, чем с Муссолини... В Польше в данный момент существует проблема Пилсудского. Маршал с каждым днем все ближе к власти. Если его противники захотят помешать ему излишне брутальным образом, он, видимо, попытается обеспечить ее себе силой». — Цит. по: *Borejsza J.W.* Mussolini był pierwszy... S. 150.
- 66 *Rataj M.* Pamiętniki... S. 365.
- 67 Цит. по: *Borejsza J.W.* Mussolini był pierwszy... S. 133.
- 68 *Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku...* T. III. S. 241–242.
- 69 *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. T. VIII. S. 333–336.
- 70 АВП РФ. Ф. 09. Оп. 1. П. 8. Д. 81. Л. 13–14.
- 71 Для советского полпреда Войкова, внимательно отслеживавшего развитие политического кризиса в Польше, переворот оказался, по его собственному признанию, неожиданностью. В своем отчете в НКВД он даже высказал мысль, что Пилсудский «выступил под влиянием подстрекательства окружения». — АВП РФ. Ф. 09. Оп. 1. П. 8. Д. 81. Л. 15–16, 34–37.
- 72 *Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku...* T. III. S. 239–240.
- 73 Маршал был весьма щепетилен в отношении людей, которые связывали с ним свою судьбу. Например, осенью 1921 г. он чуть было не спровоцировал разрыв дипломатических отношений с советскими республиками из-за нежелания дать согласие на высылку из Польши Б. Савинкова, С. Петлюры и др. его союзников по польско-советской войне, что Варшава обязалась сделать по Рижскому миру. — См. подробнее: *Матвеев Г.Ф.* «Деньги в обмен на высылку». Из истории советско-польского дипломатического конфликта в 1921 году // Славянство, растворенное в крови... М., 2010.
- 74 *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. T. IX. S. 9.
- 75 Сотрудник советского прессбюро в Берлине С. Раевский 16 апреля 1926 г. следующим образом оценивал отношение политических партий Польше к парламентской демократии образца 1921 г.: «В сейме можно найти все разновидности сторонников сильной власти: от монархистов (группа Стронского–Дубановича) через сторонников правой диктатуры (НД, ХД, Пяст), опирающейся на «работоспособный сейм», избранный на основании нового избирательного закона, до сторонников левой диктатуры Пилсудского (левые крестьянские группы и Национальная рабочая партия) бонапартистского типа. Меньше всего можно найти сторонников нынешней конституции. Кроме ППС вряд ли найдется какая-либо группа в сейме, не исключая национальных меньшинств, которая считала бы себя удовлетворенной нынешней формой правления». — АВП РФ. Ф. 566. Оп. 9. П. 115. Д. 39. Л. 76–77.

- 76 *Garlicki A. Przewrót majowy. Warszawa, 1979. S. 269.*
- 77 Ю. Пилсудский еще 17 мая не исключал возможности продолжения борьбы в западных районах Польши. — *Borejsza J.W. Mussolini był pierwszy... S. 137.*
- 78 *Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. IX. S. 10–11.*
- 79 *Halbersztadt J. Józef Piłsudski a mechanizm podejmowania decyzji wojskowych w latach 1926–1935 // Przegląd Historyczny. T. LXXIV. Z. 4. S. 685.*
- 80 К. Свитальский зафиксировал следующее высказывание Пилсудского: «В данный момент он не идет на выборы. Сейм настолько непопулярен, что при помощи президента его можно бить по морде. Кроме того, могут обмануть существующие надежды на большой избирательный успех» — *Świtalski K. Dziennik... S. 195.*
- 81 *Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. IX. 20–22.*
- 82 *Ibid. S. 11–13, 18, 31–32.*
- 83 *Ibid. S. 33–34.*
- 84 О перипетиях появления этой неожиданной для всех кандидатуры см.: *Nowinowski S.M. Prezydent Ignacy Mościcki. Warszawa, 1994. S. 44–46.*
- 85 М. Ратай, пообщавшись с Мосъцицким после выборов, дал ему следующую характеристику: «...Мосъцицкий растворялся в Пилсудском, расплывался в каком-то религиозном поклонении..., нет речи о том, чтобы он мог быть для него критическим голосом, я уже не говорю о том, чтобы в случае необходимости ему воспротивиться». — *Rataj M. Pamiętniki... S. 407.*
- 86 Цит. по: *Borejsza J.W. Mussolini był pierwszy... S. 138.*
- 87 *Kamiński M.K., Zacharias M.J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. Warszawa, 1998. S. 91–93.*
- 88 *Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku... T. III. S. 244–247.*
- 89 *Ibid. S. 247–248.*
- 90 *Świtalski K. Dziennik... S. 198.*
- 91 Установлению полного контроля Пилсудского над армией служила проведенная реорганизация института инспекторов армии (во время войны они должны были стать командующими армиями). Со временем их количество возросло с 6 до 14. Был также введен институт генералов для работы при генеральном инспекторе вооруженных сил, будущих командующих оперативными группами. Эта реформа позволила маршалу отстранить с первых ролей не вызывавших у него доверия генералов и приступить к формированию собственной военной элиты, в которой все большую роль играли выходцы из польского легиона, особенно из первой бригады. Так, с 1928 по 1932 г. количество бывших легионеров среди генералов возросло с 44 человек (54% общего числа генералов) до 54 (74%), инспекторов армии — с 3 (44,4%) до 7 (70%), командующих военными округами — с 5 (50%) до 8 (80%). — *Zarys dziejów wojskowości polskiej (1864–1939). Warszawa, 1990. S. 527.*
- 92 *Świtalski K. Dziennik... S. 339–340.*
- 93 Генерал Ф. Славой-Складковский, министр внутренних дел в этом правительстве, оставил интересное свидетельство о том, как происходило его назначение. Пилсудский вызвал его в Бельведер и без всяких предисловий заявил, что назначает министром внутренних дел. На робкое замечание генерала, что он политикой никогда не занимался, маршал рассмеялся и сказал, что здесь не нужна никакая политика, «все кричат, что вы администратор, поэтому будете министром. Отправляйтесь

- к Бартелю. Ну, до свидания!» — *Sławoj Składkowski F. Strzepy meldunków. Warszawa, 1936. S. 61–62.*
- 94 Согласно проведенному осенью 2004 г. опросу на тему, кем гордятся поляки, Пилсудский занял вторую позицию (23%), пропустив вперед Иоанна Павла II (43%) и обойдя Л. Валенсу, Т. Костюшко и Н. Коперника. — *Gazeta Wyborcza. 2004. 17 paźd.*
- 95 *Świtalski K. Dziariusz... S. 208.*
- 96 Совершенно прав А. Гарлицкий, проводя параллель между проектом пилсудчиков и Лагерем великой Польши Р. Дмовского. — *Garlicki A. Józef Piłsudski... S. 500.* Следует только отметить, что концепция пилсудчиков была более конструктивной, поскольку не делила граждан Польши по национальному признаку.
- 97 *Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku... T. III. S. 277–279.*
- 98 См. об этом, например: *Гошко Ю.Г.* Громадський побут робітників Західної України (1920–1939 рр.). Київ, 1967. С. 185–186. В общей сложности в суды было подано 183 жалобы, в 7 округах проводились повторные выборы. — *Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski 1864–1945. T. II. Londyn, 1967. S. 702.*
- 99 *Świtalski K. Dziariusz... S. 209.*
- 100 *Ibid. S. 209–210.*
- 101 Подробнее см.: *Lato S. Ruch ludowy a Centrolew. Warszawa, 1965. S. 157–160.*
- 102 В 1926–1928 гг. было парцелировано около 700 тыс. га земли и создано почти 40 тыс. новых середняцких крестьянских хозяйств площадью в среднем 8 га. Остальная земля пошла на увеличение уже существовавших хозяйств. Неудивительно, что за ББ свои голоса отдали более 23% тех, кто в сельских избирательных округах голосовал за польские списки. — *Borkowski J. Chłopi polscy w dobie kapitalizmu. Warszawa, 1981. S. 274.*
- 103 *Garlicki A. Józef Piłsudski... S. 503–504.* Эти результаты можно считать неудачей режима, поскольку Пилсудский видел одну из задач «санации» на выборах в уменьшении числа депутатов от национальных меньшинств и коммунистов. — *Świtalski K. Dziariusz... S. 199.*
- 104 *Świtalski K. Dziariusz... S. 341–344.*
- 105 *Ibid. S. 343–349.*
- 106 Судя по всему, маршал уже задумывался о будущем режима. На совещании с ближайшими соратниками В. Славеком, А. Прыстором, Ю. Беком, Б. Венявой-Длugoшовским и К. Свитальским 14 июля 1928 г. он сообщил об ухудшении здоровья и возможной скорой смерти, что заставило его задуматься о том, как не допустить слишком резкого падения в этом случае Польши с той высоты, на которую он ее поднял. В связи с нехваткой в его окружении людей, способных к серьезной государственной работе, он еще раз призвал присутствовавших выявлять достойных внимания кандидатов и информировать его о них. Пилсудский также дал характеристики ближайшим соратникам — Б. Медзильскому, Ф. Славой-Складковскому, В. Славеку, К. Свитальскому, А. Прыстору, Ю. Беку, Б. Веняве-Длugoшовскому, перечислил государственные и военные посты, на которых он планировал их использовать. Затронул он и вопрос о необходимых изменениях в конституции, предупредив, правда, что делать это можно лишь после проведения широкой пропаганды. Он назвал, в частности, изменение порядка работы парламента, чтобы он не мешал работе правительства, затруднение созыва его внеочередных сессий и выражения вотума недоверия правительству, усиление влияния президента на внешнюю и военную политику, предоставление ему права издания декретов. — *Ibid. S. 353–356.*

- 107 Подробнее об идейном и организационном развитии ББ см.: *Garlicki J. Józef Piłsudski...* S. 511–516.
- 108 *Sławoj Składkowski F. Strzepy meldunków.* S. 86–88.
- 109 *Piłsudski J. Pisma zbiorowe.* T. IX. S. 110–119.
- 110 *Gazeta Chłopska.* 1928. N 24.
- 111 *Lato S. Ruch ludowy a Centrolew.* S. 178–79.
- 112 Славек после совещания пожаловался Свитальскому, что в затяжке виноват не он, а Пилсудский, который сам «закопался» с одобрением общей концепции изменений. Но таков был стиль работы Пилсудского, привыкшего все свои промахи списывать на окружающих, в том числе и на самых близких и преданных соратников, которых он сам приучил действовать с постоянной оглядкой на него. Для понимания сущности созданной Пилсудским модели управления полезны следующие наблюдения А. Гарлицкого: «Пилсудский даже ближайшим и наиболее доверенным соратникам не привык раскрывать свои планы. Это всегда таило угрозу, что предпринятые ими шаги будут дезавуированы. Практически нельзя было узнать его мнение даже по принципиальным вопросам... Пилсудский отличался крайним непостоянством настроения, и шедшие на встречу с ним люди не могли предвидеть, как она будет проходить, а иногда и ее содержания. Его инструкции временами были по-военному четкими, но временами использовался эзопов язык и многозначные метафоры. Пилсудский никогда не вступал в дискуссию. Иногда у него уже было готовое решение, иногда он выслушивал собеседника или мнение участников собрания, и только после этого формулировал свое мнение. Но о дискуссии, в которой сталкиваются взгляды и которая предусматривает возможность изменения мнения, когда у каждого участника есть шанс убедить остальных, не могло быть и речи. В дискуссии он всегда был арбитром и никогда участником».— *Garlicki J. Józef Piłsudski...* S. 533.
- 113 *Świtalski K. Diariusz...* S. 365.
- 114 *Ibid.* S. 367.
- 115 *Ibid.* S. 357.
- 116 *Piłsudski J. Pisma zbiorowe.* T. IX. S. 186.
- 117 Свитальский зафиксировал его позицию: «Комендант считает, что, несмотря на глупое польское общество, которое хотело бы или немедленного роспуска сейма, или октроирования конституции, проводимая комендантом политика в отношении сейма, заключающаяся в том, что сейм как будто есть, а как будто нет, что конституционные принципы не нарушаются, дает Польше большие плюсы в международных отношениях». — *Świtalski K. Diariusz...* S. 453.
- 118 1 июля на совещании в узком кругу Пилсудский сказал, что в центр борьбы с оппозицией нужно поставить конституционный вопрос. Славеку было поручено пригласить руководителей сеймовых партий на совещание по этому вопросу, и когда окажется, что они не готовы к соглашению, заявить в сейме, что ББ не позволит больше откладывать конституционный вопрос. В этот момент можно будет пойти на роспуск сейма. — *Ibid.* S. 477.
- 119 *Lato S. Ruch ludowy a Centrolew.* S. 193.
- 120 *Świtalski K. Diariusz...* S. 511–512.
- 121 *Lato S. Ruch ludowy a Centrolew.* S. 201–202.
- 122 *Świtalski K. Diariusz...* S. 519–520.

123 Текст декларации см.: *Lato S. Ruch ludowy a Centrolew. S. 250–252.*

124 Один из лидеров национальных демократов, Р. Рыбарский, назвал консолидацию крестьянских партий «практическим результатом идиотской политики санаторов и правительства господина премьера Славика, которое имеет ту единственную добрую сторону, что примиряет недавних врагов и даже консолидирует общество, создавая одновременно, поневоле, большой, сильный антиправительственный фронт». — Цит. по: *Lato S. Ruch ludowy a Centrolew. S. 212.* Эту оценку с полным основанием можно распространить на всю левоцентристскую часть политической сцены.

125 *Sławoj Składkowski F. Strzepy meldunków. S. 193.*

126 Текст декларации см.: *Lato S. Ruch ludowy a Centrolew. S. 253–256.*

127 Текст декларации см.: *Ibid. S. 259–260.*

128 *Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. IX. S. 217–224.*

129 Сохранилось свидетельство, оставленное Ф. Славой-Складковским: «Когда мы сели за стол совещаний, господин маршал заговорил глубоким, взволнованным голосом: „Я собрал Вас, чтобы внести предложение на Ваше одобрение. Это предложение о роспуске сейма... Эта глупая конституция. Эта глупая конституция... Господа, я приступаю к мотивировке. Я давно установил, что я могу, а чего не могу делать. Первое, что меня склоняет к роспуску сейма, это нежелание копать в большой грязи. Я никогда этого не мог переносить — я родился в поместье и меня называли паничем, и я не могу копать в грязи, и тогда я предпочитаю убить человека. А в сейме я постоянно вынужден был копать в грязи. — Во-вторых, господа депутаты овладели мастерством различным образом и непрерывно преступать закон. Как я могу зависеть от каникулярного времени какого-то мерзавца... Я должен бы был отвечать на это свинство постоянным насилием, хамски пресекая попытки анархизации государства. (Передразнивая)... Именем сейма!! Сейм существует только тогда, когда идет заседание! В противном случае это банда, которую я не могу уважать!!! Поэтому я должен отвечать постоянным насилием на небольшое свинство депутатов. Это продолжалось бы очень долго и ставило правительство в унижительное положение. Я человек Войны, я могу прибегнуть к насилию, но не могу высечь «такого господина» на улице за стрельбу в полицию... Какой-то иммунитет!!! Это второй повод, может самый страшный. — Третий, наконец, мотив — это необходимость постоянно создавать новые ситуации с сеймом. Я должен бы был совершать насилие за насилием, но тогда мне бы жизнь обрыдла“. В этом месте комендант прервался, барабанил пальцами по столу и глядя в даль. Один из министров спросил, когда будут выборы. Комендант бросил на него быстрый взгляд и с жаром ответил: „Извините, я сейчас добавлю. Конституция позволяет распустить сейм, но все вопросы, связанные со сроками, находятся в ведении президента, и я не могу обсуждать это с Вами. Скажу Вам только, что сейчас у меня передышка, потому что эти скоты отдыхают... Я не собираюсь уважать даже депутатский иммунитет. Они должны быть наказаны, а Вы сразу о сроках выборов. Выборы наверняка будут назначены, потому что я правлю конституционно. Я Вам не буду чистить сортиры «октроированием»! Я даже могу согласиться на бюджетную сессию, но это противно... Иначе диктатором будет комиссар полиции, назначенный господином Складковским, который будет постоянно бить по морде, так что зубы полетят“». — *Sławoj Składkowski F. Strzepy meldunków. S. 217–221.*

130 Текст декларации см.: *Lato S. Ruch ludowy a Centrolew. S. 260–264.*

- 131 Гарлицкий разделяет мнение А. Хойновского, что одной из причин выступлений УВО стал распространившийся весной 1930 г. слух о возможности польско-украинского компромисса. Но он обращает внимание и на их связь с небывалым успехом немецких националистических организаций на выборах в силезский сейм в мае 1930 г., а также активизацией враждебной Польше пропаганды в Германии, в которой украинские националисты видели главного союзника в борьбе с II Речью Посполитой. — *Garlicki J. Józef Piłsudski...* S. 590–591.
- 132 *Czubiński A.* Centrolew. Kształtowanie się i rozwój demokratycznej opozycji antysanacyjnej w Polsce w latach 1926–1930. Poznań, 1963. S. 235.
- 133 По имеющимся достаточно достоверным сведениям, в период с 12 октября по 15 ноября 1930 г. ББ провел 9271 открытое собрание с участием почти 2 млн человек и более 4 тыс. закрытых собраний, а партии Центролева соответственно 965 (около 107 тыс. участников) и 376. — *Garlicki A. Józef Piłsudski...* S. 596.
- 134 Подробнее см.: *Ibid.* S. 588–589.
- 135 В. Витос так оценил позицию крестьянства: «Крестьянин, исходя из того, что сегодня есть... видимо, чувствует себя хорошо, поэтому излишней становится политическая работа и он этой работы не требует». — Цит. по: *Borkowski J.* Nastroje na wsi i aktywność polityczna chłopów w latach 1931–1935 // 70 lat ruchu ludowego. Materiały z sesji naukowej zorganizowanej przez ZHRL przy NK ZSL dn. 22 — 24.XI.1965. Warszawa, 1967. S. 126.
- 136 *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. T. IX. S. 11–12.
- 137 На апрельском совещании 1931 г. эта мысль была выражена еще определеннее: «...Во внешней политике комендант всегда считает, что наше поле деятельности на востоке — там мы можем быть сильными, и комендант всегда считает бессмысленным слишком поспешное втягивание Польши в западные международные отношения, потому что там нас ждет только одно — оказаться у Запада в заднице. Зато на востоке Запад будет абсолютным нулем, потому что у нас есть штыки». — *Świtalski K.* Diariusz... S. 608.
 На это высказывание следует обратить внимание не для того, чтобы подтвердить агрессивные замыслы Пилсудского против СССР. Оно важно как показатель не совсем адекватной оценки Пилсудским истинной силы соседей, хотя соратники пытались обратить его внимание на происходившие изменения. Так, он оставил без внимания слова Свیتالського, что общественное мнение опасается усиления СССР в случае успешного выполнения первой пятилетки, но зато живо отреагировал на второстепенный аспект отношений с Германией. — *Ibid.* S. 593.
- 138 Подробнее об этой политике см.: *Mikulicz S.* Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1971; *Мамвеев Г.* Российско-польский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
- 139 *Świtalski K.* Diariusz... S. 524–529.
- 140 *Ibid.* S. 604–609.
- 141 Материалы процесса см.: *Sprawa brzeska. Dokumenty i materiały.* Warszawa, 1987.
- 142 Основная трудность заключалась в том, что у «санации» не было квалифицированного большинства в 2/3 депутатов сейма, чтобы легально провести новую конституцию через сейм. Режим мог добиться своего либо путем октроирования нового Основного закона, либо с помощью «трюка». Например, внести какие-то поправки в текст действующей конституции, хотя бы переставить запятые, и передать этот документ в се-

нат, где у «санации» было необходимое большинство. Сенат под видом поправок мог полностью переписать конституцию и возвратить ее как проект обычного закона, для принятия которого достаточно было простого большинства. Но оппозиция знала о таком «трюке» и готова была ему противодействовать. — *Świtalski K. Diariusz...* S. 624–625. «Санацией» была избрана тактика выжидания благоприятного момента и поиска лазейки в законодательстве, чтобы создать видимость законности новой конституции.

143 По наблюдению Я. Борковского, «это были несоординированные, стихийные беспорядки, движущей силой которых были настроения крестьян, по рожденные нищетой и санационным правлением. Их разбудили оппозиционные партии, особенно Стронництво людское, а искрой, которая их воспламенила, стало поведение местной администрации». — *Borkowski J. Nastroje na wsi i aktywność polityczna chłopów...* S. 140.

144 *Świtalski K. Diariusz...* S. 648. Оценка Пилсудским Прыстора была воспринята Свитальским и Славекком как приговор. Пожалуй, впервые они попытались переубедить патрона, но безуспешно. Показателен вывод Свитальского: «Комендант отшельник, отгораживается от людей и обречен на мнения или даже замечания своих случайных собеседников, которые коменданту искажают реальную картину внутренних отношений». — *Ibid.* S. 649.

145 Окрыленные успехом авторы «трюка» тут же позвонили Пилсудскому, надеясь, что он немедленно захочет их увидеть, чтобы похвалить за решение вопроса. Но реакция была холодной, он согласился их принять через пять дней. Вот как Свитальский описывает эту встречу: «Я формально доложил коменданту о случившемся 26 января. Отношение коменданта к этому факту в принципе не было негативным, но он сразу согласился со мной, что принятие конституционного закона с помощью шутки и трюка нельзя считать здоровым... этот трюк следует прикрыть и нейтрализовать путем детального обсуждения и изменения в сенате... Затем поправки следовало бы принять в сейме... Комендант добавил, что единственным оправданием нашего трюка является то, что вообще конституции в истории никогда не принимались в точном соответствии с формальными требованиями... Что касается сути конституции, то комендант признался, что конституционных тезисов не читал... Комендант молча выслушал мое принципиальное замечание, что нужно конструировать такое устройство, в котором бы и президент, и правительство имели максимальную свободу рук, а не создавать орган, который мог бы доставлять трудности и хлопоты исполнительной власти». — *Ibid.* S. 653–655.

Реакция Пилсудского становится понятной, если принять во внимание, что он все же стремился соблюдать видимость конституционности большей части своих действий. Но он понимал и безвыходность положения своих приближенных, для них принятие новой конституции во что бы то ни стало было вопросом не только выполнения приказа «коменданта», но и собственного политического будущего. Предложенная им тактика закрепления результатов «шутки и трюка» должна была показать, что режим не торопится с введением в действие новой конституции, а также ослабить остроту восприятия произошедшего обществом

146 *Ibid.* S. 662–663, 666.

147 *Jędrzejewicz W., Cisek J. Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego 1867–1935. T. III. 1926–1935. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1994. S. 335.*

148 Текст Апрельской конституции см.: *Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku...* T. III. S. 334–352.

- 149 Подробнее см.: *Кен О.* Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб., 2003.
- 150 Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku... T. III. S. 322.
- 151 Текст декларации см.: *Ibid.* S. 326–327.
- 152 *Kamiński M.K., Zacharias M.J.* Polityka zagraniczna... S. 138.
- 153 Польские документы о подготовке т.н. «восстания» в чешской Тешинской Силезии см.: *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa, 1998. См. также: *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004.
- 154 Монолог Пилсудского на этом совещании дает богатый материал для понимания его взглядов на польскую внешнюю политику и своей роли в ней. Декларацию о непризнании силы с Германией он считал значимой не только с точки зрения межгосударственных отношений, но и в плане воздействия на внутригерманские процессы, ибо «благодаря позиции Гитлера меняется психология немецкого народа в отношении Польши. Поэтому даже в том случае, если бы к власти пришли пруссаки, самое плохое, что для нас может быть, то это психологическое изменение в немецком народе будет для них препятствием в возвращении к прежней антипольской политике». При этом Пилсудский призывал не обольщаться прочностью декларации о ненападении, считал, что хорошие польско-германские отношения сохранятся не более четырех лет. И вот потом, если его не станет, Польшу ждут трудные времена, эту систему будет очень тяжело сохранить, поскольку лишь он один обладает умением при необходимости отсрочить решение вопроса или поставить его иначе. «Такой у меня изощренный ум», — пошутил маршал.
 Не обошел диктатор вниманием и вопрос о вкладе режима в обеспечение безопасности Польши. Его он видел в том, что после 1926 г. никто не может использовать внутренние отношения в Польше для влияния на ее внешнюю политику (имелось в виду через отдельные партии. — *Г.М.*), тогда как Польша такой возможностью применительно к другим странам обладает. — *Świtalski K.* Diariusz... S. 659–661.
- 155 *Jędrzejewicz W., Cisek J.* Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego... T. III. S. 312.
- 156 *Świtalski K.* Diariusz... S. 663–664. Это важное признание. Оно отражает ту настойчивость, с которой СССР добивался в августе 1939 г. согласия Польши на проход Красной армии через свою территорию.
- 157 *Garlicki A.* Józef Piłsudski... S. 691–692.
- 158 Весьма эмоционально, но со знанием дела развитие польской армии при Пилсудском описано мемуаристом М. Ромейко. — *Romejko M.* Przed i po maju. Wyd. III. Warszawa, 1983.
- 159 К. Свительский записал: «Комендант высказывался о персоналиях армии очень плохо, причем — что характерно — считал легионеров не очень хорошими из-за их несобранности и неумения быть точными. Критические замечания, порой очень неприятные, высказывал комендант о высших генералах с легионерской родословной... Я был несколько поражен, что комендант так при нас, „гражданских“, обкладывает военных, лишая нас уверенности в том, что кто-то из офицеров мог бы заменить коменданта в работе». Характеристики Пилсудским генералов-легионеров были столь жесткими, что Свительский даже не решился зафиксировать их, чтобы они не «попали когда-нибудь в неподходящие руки». — *Świtalski K.* Diariusz... S. 655.

- 160 Он заявил, что намерен оставить пост военного министра после решения кадрового вопроса в армии. Свое намерение маршал мотивировал упадком сил и невозможностью одновременно заниматься внешней политикой, Генеральным инспекторатом и военным министерством. Он посетовал, что и так уже запустил дела государственной обороны, и единственное, что его утешает, так это то, что «хорошей внешней политикой он работает на дело обороны». — Ibid. S. 661–662.
- 161 О перипетиях борьбы за президентское кресло и обстоятельствах отставки Славека см. подробнее: *Nowinowski S.M.* Prezydent Ignacy Mościcki... S. 82–86.
- 162 *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna... T. III. S. 594–595.
- 163 См. подробнее: *Waszkiewicz Z.* W cieniu Józefa Piłsudskiego. Rozważania o kulcie Edwarda Śmigłego-Rydza // *Polska bez Marszałka. Dylematy piłsudczyków po 1935 roku.* Toruń, 2008.
- 164 Текст декларации см.: *Źródła do dziejów Polski w XIX i XX wieku...* T. III. S. 360–366.
- 165 Эти и другие аспекты идеологии ЛНО подробно проанализированы краковским историком Я. Майхровским: *Majchrowski J.* Silni, zwarczi, gotowi. Myśl polityczna Obozu Zjednoczenia Narodowego. Warszawa, 1985.
- 166 Ibid. S. 28–29.
- 167 О состоянии польской армии см. подробнее: *Kołodziejczyk A.* «Nie oddamy nawet guzika!». Szanse Polski w starciu z niemieckim agresorem // *Wrzesień 1939 roku. Mazowsze w wojnie obronnej Polski.* Warszawa, 2007. S.259–263.
- 168 Подробнее об обстоятельствах возникновения Фронта «Морж» и его целях см.: *Krzywobłocka B.* Chądcejca 1918–1937. Warszawa, 1974. S. 336–387.
- 169 *Orzechowski M.* Wojciech Korfanty. Biografia polityczna. Wrocław; Warszawa, etc., 1975. S. 402–405.
- 170 Подробный разбор аксиологических и теоретических основ этого документа см.: *Матвеев Г.Ф.* «Третий путь»? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1992. С. 217–220.
- 171 Подробнее см.: *Tragedia Komunistycznej Partii Polski.* Warszawa, 1989. Следует вполне согласиться с научным редактором этой коллективной монографии и автором предисловия Я. Мацишевским, что «данная публикация не объясняет полностью и окончательно всех обстоятельств, механизмов и фактов, относящихся к трагедии КПП». Представляется, что ее истоки следует искать и в плоскости внешней политики СССР, в 1937 г. не потерявшего надежду создать систему коллективной безопасности в Европе. Несомненно, существование КПП, деятельность которой не только политически, но и материально поддерживалась Коминтерном, совершенно обоснованно отождествлявшимся с Кремлем, мешало подлинной нормализации отношений Варшавы с Москвой. Роспуск КПП мог эту проблему снять. В пользу такой позиции можно напомнить о настойчивой борьбе с чрезмерным вмешательством Коминтерна в вопросы внешней политики Советской России третьего советского наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина.
- 172 *Friszke A.* Polska, Niemcy i kraje zachodnie w latach 1919–1939 // *W obliczu wojny. Z prasy polskiej 1939 roku.* Kraków, 1984. S. 24.
- 173 Подробнее см.: *Kornat M.* Niedoszłe dymisje ministra Józefa Beka — pogłoski, dokumenty, interpretacje // *Polska bez Marszałka...* S. 320–327.
- 174 *Kamiński M.K., Zacharias M.J.* Polityka zagraniczna... S. 186–187.

- 175 *Kornat M.* Niedoszłe dymisje ministra... S. 334.
- 176 *Чарковски Р.* «Интермариум»: польские интеграционные проекты и попытки их реализации в 1935–1938 годах. М., 2011; *Корнат М.* Польская концепция «Междуморья» в 1937–1938 гг.: политический миф и историческая реальность // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009; *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения...
- 177 Представляется, что наиболее точно и емко отношение руководителя польской внешней политики к Чехословакии охарактеризовал 7 сентября 1939 г. французский посол в Варшаве Л. Ноэль, назвав его «безумным, бессмысленным желанием распада Чехословакии». — *Parzymies S.* Polska i Polacy w archiwach Quai d'Orsay dotyczących II wojny światowej // *Polski Przegląd Dyplomatyczny.* 2009. N 4–5. S. 160.
- 178 Цит. по: *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения... С. 368.
- 179 *Friskie A.* Polska, Niemcy i kraje zachodnie... S. 24.
- 180 Документацию о двух секретных операциях польских спецслужб против Чехословакии см.: *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu...; *Samuś P., Matwiejew G., Badziak K.* Operacja «Łom». Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa, 1998. В литературе эти сюжеты подробно проанализированы С.В. Морозовым: *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения... С. 419–423, 470–471.
- 181 Подробнее об этой акции см.: *Matwiejew G.* Akcja «rewindykacji» na Wołyniu w końcu lat 30-ch XX wieku // *Przegląd Wschodni.* 1999. T. V. Z. 4. S. 679–700.
- 182 В материалах II отдела польского Главного штаба хранится датированное 24 марта 1939 г. машинописное коммюнике для прессы, согласно которому ликвидация Чехии Гитлером была делом рук генерала Сыровы и чешского правительства, надеявшихся воспользоваться плодами будущей победы Германии над Россией, а также отомстить Франции и Великобритании за их согласие на отторжение Судетской области. — РГВА. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 146. Л. 1–4.
- 183 Об этом интересно пишет, например, известный польский довоенный журналист, публицист и политик С. Цат-Мацкевич: *Мацкевич С.* Политика Бека. М., 2010. С. 194–197.

Раздел III

ВОЕННЫЕ ГОДЫ: ОТ СЕНТЯБРЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ К ОСВОБОЖДЕНИЮ И ВОЗРОЖДЕНИЮ СТРАНЫ (1939–1945)

I.1. НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ

К концу апреля 1939 г. произошли опасные перемены в ситуации на европейском континенте. Четко определились цели основных внешнеполитических «игроков». Западные державы совершали переход от «политики умиротворения» Германии к «политике гарантий» ряду малых государств, которые могли оказаться или уже оказывались перед угрозой извне. Премьер Великобритании Н. Чемберлен тем временем обозначил приоритетный интерес своей страны — главной союзницы Польши: «Генеральная линия нашей политики в отношении Германии определяется не защитой отдельных стран, которые могли бы оказаться под германской угрозой, а стремлением предотвратить установление над континентом германского господства, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей безопасности. Господство Германии над Польшей и Румынией усилило бы ее военную мощь, и именно поэтому мы предоставили гарантии этим странам»¹. Польша приняла англо-французские гарантии на условиях взаимности, хотя ей в английской политике вводилось далеко не первое место.

В Берлине истолковали смысл английских гарантий так: договор, который поляки заключили с Великобританией, направлен исключительно против Германии; Польша намеревается принять активное участие в войне, что означает разрыв пакта о ненападении от 1934 г. и позволяет его денонсировать. Полагая, что война против СССР «остается последней и решающей задачей германской политики»², в Берлине во многом определились с ответом на вопрос — куда, на Восток или на Запад, двинуть части вермахта*. Польша, со своей стороны, следовала фундаментальному принципу внешней политики: не вступать в союз с одним из великих соседей, направленный против другого соседа.

Между тем обострение ситуации на континенте подталкивало западные державы к пониманию, что остановить угрозу без участия СССР не удастся. В Лондоне и Париже, не теряя из вида возможность переговоров и компромиссов с Германией, озаботились привлечением Москвы к «политике гарантий». Последовало англо-французское предложение о сотрудничестве в противодействии германскому давлению на Польшу и Румынию и, возможно, на другие малые государства. 17 апреля СССР выразил готовность заключить договор о взаимопомощи, а также военную конвенцию, гарантиро-

* Влиятельный польский публицист и современник событий С. Мацкевич адекватно понял реакцию Берлина на принятие Польшей англо-французских гарантий: «Трудно сказать точнее: мы [Германия] надеялись на войну с Англией, не с вами. Но вот вы пообещали помочь Англии. Ввиду этого мы считаем наш взаимный пакт о ненападении перечеркнутым и имеем в отношении вас полную свободу действий» (*Мацкевич С. Политика Бека* / Пер. с пол. М., 2010. С. 204).

вавшую безопасность Польши и других его соседей. Открывалась перспектива англо-франко-советских переговоров. Советское правительство настаивало на взаимности обязательств, рассчитывало стать равноправным участником совместных решений, которые будут касаться ситуации в Восточной Европе и конкретно Польши; Москва была заинтересована в улучшении двусторонних отношений с Варшавой*. Тогда же, в начале апреля 1939 г., в советской внешнеполитической концепции появилась идея «платы» партнеров за оказанную им советскую помощь. Идею сформулировал М.М. Литвинов: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся, тем дороже нам заплатят»³.

Западные державы не проявляли готовности учесть советскую позицию и заключить военно-политический союз с Москвой. Они полагали, что длительными переговорами смогут, с одной стороны, «удержать Германию от войны в 1939 г. и затруднить возможное советско-германское сближение», а с другой — подвести дело к тому, «чтобы СССР принял на себя тяжелейшие обязательства без всякой взаимности и гарантий». Речь шла о том, чтобы добиться от СССР одностороннего обязательства помогать Польше и Румынии по их первому требованию, в тех формах, которые они укажут, и без обязательств Англии, Франции, Польши и Румынии в отношении СССР. В случае военных действий он автоматически оказывался бы в состоянии войны с Германией и без надежных союзников⁴.

В советском руководстве серьезно сомневались, что Англия и Франция действительно окажут реальную военную помощь «в определенных обстоятельствах». К маю 1939 г. созрело убеждение в необходимости перемен во внешнеполитическом курсе. Был сделан выбор в пользу политики лавирования между противостоящими группами государств Европы и достижения соглашений и союзов с теми, кто будет предлагать условия, выгодные с точки зрения национально-государственных интересов СССР. Олицетворением перемен в советском курсе стало освобождение М.М. Литвинова с поста наркома иностранных дел СССР. 3 мая пост занял В.М. Молотов, который, как и Сталин, не был сторонником сближения с западными державами**.

В это время прошел уже месяц, как Гитлер подписал «План Вайс». Разворачивалась подготовка к вторжению в Польшу и молниеносному, за 8–14 дней, разгрому польских

* Длительное время в штабных разработках командования и СССР, и Польши стороны выступали как главные военные противники. Но в начале 1935 г. представления советского командования на случай войны изменились: на первый план выдвинулась Германия. Но и Польша не упускалась из виду как возможный союзник нацистов. Основанием для таких оценок восточного соседа служили разведанные о резкой активизации польской разведки в западных районах СССР к середине 30-х гг. В Москве это считали признаком возможного вооруженного нападения (см.: *Зданович А.А. Органы госбезопасности и польская армия в СССР (1941–1942 гг.)* // Военно-исторический журнал. 2010. № 9).

** Через многие годы Молотов признавал, что действия в «литвиновском» духе становились прикрытием принятого курса на урегулирование экономических, а вскоре и политических отношений с Германией, что «все было в кулаке сжато у Сталина, у меня», «послы были только исполнителями определенных указаний», что Сталин проводил имперскую политику, а он, Молотов, видел свою роль в том, чтобы последовательно выполнять «очень твердый курс», как можно более «расширяя пределы отечества» (*Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 98–99*).

войск, овладению стратегически важными экономическими районами. К использованию менявшейся расстановки сил на международной арене готовились и в дипломатическом ведомстве Германии, где были зафиксированы трудности в отношениях между западными державами и СССР. Эти трудности, как считали германские дипломаты, подсказывали, что позиция Москвы может сыграть важнейшую роль в развитии ситуации в Европе вообще и вокруг Польши в частности, что, договорившись с СССР, Германия сможет избежать войны на два фронта при нападении на Польшу. Российские ученые считают, что «просоветский маневр» в германской политике, поворот к советско-германскому сближению наметился в середине апреля 1939 г. Имел место «осторожный обоюдный зондаж улучшения отношений между Москвой и Берлином... [который] вписывался в политику СССР и Германии»⁵. Кадровые перемены в Москве были замечены и квалифицированы как подтверждение перемен советского курса именно на германском направлении.

Польский историк С. Дембский полагает, что немецкие дипломаты с помощью обмана и подлога убедили Гитлера в необходимости сближения с СССР, а Сталина — «в готовности Третьего рейха возобновить политическое сотрудничество с СССР». В доказательство он приводит документ «Новая ориентация России», подготовленный между 4 и 10 мая 1939 г. в МИД Германии. Сотрудники этого ведомства, рассуждая о позиции руководства СССР и исходя из его понимания интересов страны, проанализировали действия Москвы в первые месяцы 1939 г. Был сделан вывод: переступив через идеологические барьеры и пообещав Москве восточные и юго-восточные воеводства Польши, Германия обретет гораздо более выгодную ситуацию, чем западные державы. В другом аналитическом документе, от 27 июня 1939 г. эта идея повторялась: «Если уж дело идет к войне, войне за внешнеполитические интересы, вне всяких идеологических вопросов, почему это должна быть именно война [СССР] за Польшу против Германии, неуместная для них война, не дающая выигрыша от военных действий, в то время как обратная война — Германии против Польши, была бы [для СССР] значительно менее рискованной, и могла бы вернуть утраченные старые белорусские и украинские земли»⁶. Таким образом, идея «платы» обозначилась на немецкой стороне уже в начале мая 1939 г.

В эти дни польское руководство решало судьбу страны. 5 мая 1939 г. Польша дала ответ на немецкий ультиматум от 28 апреля 1939 г. Ю. Бек, выступая в сейме, убеждал Берлин, что принятые английские гарантии не направлены против Германии, что Польша намерена поддерживать равновесные отношения с Берлином и другими странами*. Берлину были предложены переговоры о предоставлении совместной польско-германской гарантии Свободному городу Данцигу (Гданьску) и обязательства обеспечивать свободный транзит через Поморье⁷. Одновременно Бек твердо заявил, что Польша не откажется от суверенитета над упомянутой территорией**. Это

* Характеризуя выступление Бека, которое «прозвучало очень серьезно» и было встречено «всеобщими рукоплесканиями», Мацкевич констатировал: «Из надгробия своей политики он [Бек] устроил себе пьедестал» (Мацкевич С. Политика Бека. М., 2010. С. 204).

** Польская печать, выражая преобладавшие общественные настроения, с энтузиазмом приветствовала речь Бека: «Много писали о достоинстве, силе польской армии, великом прошлом Польши и воле народа, который не позволит оттолкнуть его от Балтики».

выступление было расценено Берлином 6 мая «как малозначительное высказывание слабого правительства»⁸.

10 мая 1939 г. советская сторона, заинтересованная в укреплении способности польского государства сопротивляться германскому давлению, предложила Варшаве помощь, «если бы она того пожелала». Это было не первое подобное советское предложение. Еще 4 апреля 1939 г., во время визита Бека в Лондон, нарком Литвинов пытался убедить В. Гжибовского, посла Польши в Москве, что равновесие в Европе, которое стремится сохранить Польша, рухнуло, что в новых условиях польскому руководству необходимо тщательно продумать позицию страны, определиться с союзниками. Литвинов прибавил, что когда ведутся политические переговоры СССР с Великобританией и Францией, когда Польша как будто меняет свою прежнюю политику баланса* и соглашается заключить пакт о взаимной помощи с Англией, необходимо внести ясность в отношения Польши с СССР. В апреле 1939 г. польские дипломаты не исключали возможности «обратиться за помощью к СССР», но оговаривались, что это может произойти только, «когда нужно будет» Польше.

С ответом на вопрос «когда» у польского руководства ясности не было, оно надеялось на помощь Англии и Франции. Между тем во время пребывания Бека в Лондоне в начале мая проходили англо-французские военно-штабные переговоры. Стороны констатировали военное преимущество Германии на суше и в воздухе и, исходя из этого факта, избрали стратегию наращивания своей военной мощи, предусмотрели и вариант отступления союзных армий в начальный период длительной, экономически изнуряющей войны против рейха. Помощь Польше в приоритетах не значилась. Более того, 4 мая было решено: «Судьба Польши будет зависеть от окончательного итога войны. Он, в свою очередь, будет зависеть от нашей способности добиться возможного поражения Германии, а не от нашей способности уменьшить нажим на Польшу в начале войны»⁹.

Между тем на границах Польши уже концентрировались германские войска. На совещании в узком кругу (президент И. Мосьцицкий, маршал Э. Рыдз-Смиглы, Ю. Бек) было признано, что германские требования в отношении Данцига (Гданьска) — это повод к войне, но конкретных выводов не последовало. Судя по выступлениям и декларациям Ю. Бека, правительство продолжало считать возможным, удерживая «равновесие» между Германией и СССР, сохранить нейтралитет. В Варшаве забывали, что после заключения пакта с Германией в 1934 г. Берлином была сделана категорическая ого-

и предпочтет скорее смерть, чем судьбу невольника. Нападали и высмеивали Гитлера и его советников». Не уступала в агрессивности и немецкая пресса. Она использовала и нагнетала межнациональные разногласия и конфликты на территориях со смешанным польско-немецким и польско-украинским населением. Разгоралась война нервов, которая непрерывно нарастала летом 1939 г. (*Raina P. Stosunki polsko-niemieckie 1937–1939. Prawdziwy charakter polityki zagranicznej Józefa Becka*. Warszawa, 1999. S. 66–72).

* В марте 1939 г., вскоре после подписания советско-польского торгового соглашения, Литвинов считал, что советско-польские отношения «стали менее враждебными, но отнюдь не более дружескими; между тем как польско-германские отношения стали менее дружественными и более враждебными. Бек по-прежнему продолжает лавировать между СССР и Германией, уменьшая несколько свой крен в сторону последней» (цит. по: «Завтра может быть уже поздно...». Вестник МГИМО — Университет. М., 2009. С. 33).

ворка: соглашение с Польшей никоим образом не включает в себя признание Германией существующих межгосударственных границ. Варшава твердо следовала принципу: не заключать никаких соглашений ни с Германией против СССР, ни тем более с СССР против Германии. Официальный ответ Гжибовского на советское предложение от 10 мая последовал 11 мая. Опасаясь, что «сотрудничество с Советами может вызвать резкое решение Германии», посол в очередной раз сообщил наркому, что Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР*, отказывается содействовать англо-франко-советским переговорам, не дает согласия на упоминание Польши в договоренностях трех держав.

Прибывший в Варшаву советский посол Н.И. Шаронов во время первого же визита к Беку 25 мая 1939 г. заявил о готовности СССР помочь Польше, «но чтобы помочь завтра, надо быть готовым сегодня, то есть заранее знать о необходимости помогать», иначе Польшу может постигнуть судьба Австрии. Бек ответил, что его задача — обеспечить Польше мир, он готов на уступки, «не угрожающие ее независимости, сможет принять только почетные предложения со стороны Германии», и судьбы Австрии для своей страны не допустит. 9 июня 1939 г., реагируя на проект англо-франко-советского военного соглашения, Бек подтвердил неизменность польской позиции: «Мы не можем согласиться на упоминание Польши в договоре, заключенном между западными державами и СССР». Он отвергал любую дискуссию по вопросам, которые касались Польши, кроме двусторонних переговоров «между государством, подвергшимся нападению, и СССР». Свою окончательную позицию Польша ставила в зависимость от результатов англо-франко-советских переговоров. Молотов в связи с этим заметил: решение может последовать, «когда уже будет слишком поздно»¹⁰.

Тем временем давление Германии на Польшу непрерывно нарастало. 23 мая 1939 г. Гитлер приоткрыл свою стратегию узкому кругу высших чинов рейха: «Дело не в Данциге. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства и обеспечении снабжения. Польский вопрос обойти невозможно. Остается одно решение — при первой возможности напасть на Польшу. Задача в том, чтобы изолировать Польшу. Ее изоляция имеет решающее значение»¹¹.

Советские дипломаты еще в начале 1939 г. были убеждены, что нападения Германии на Польшу предотвратить нельзя, так как «ни один из спорных вопросов между Польшей и Германией не может быть разрешен мирным путем и... столкновение Польши и Германии неизбежно». С переходом Германии к прямым актам агрессии Москва пересмотрела территориальные вопросы в отношениях с Польшей. Польша также умерила аппетиты на украинские земли. В результате в июне 1939 г. обе страны констатировали отсутствие взаимных территориальных претензий, продолжали поиски путей урегулирования отношений¹².

Но основные надежды Польша связывала с Францией, сторонником ориентации на которую был маршал Э. Рыдз-Смиглы. Париж обещал помощь сухопутными войсками,

* Весной 1939 г. Москва четырежды за два месяца предлагала Польше помощь в отражении грядущей агрессии, сообщила о предполагаемых направлениях германских атак; в пятый раз это произошло на трехсторонних переговорах военных миссий в Москве; в шестой раз о готовности выступить на защиту Польши советское правительство заявило 21 августа 1939 г.

но только через две недели после начала войны и в зависимости от политического соглашения, которое заключать не спешил. Польский же Генеральный штаб рассчитывал именно на безотлагательную помощь. Англия соглашалась помочь действиями авиации, но с одобрения Франции и также не сразу.

Предоставив гарантии Польше и Румынии, Лондон занялся укреплением собственной обороны. Великобритания и Франция, согласившись на переговоры с советским правительством, ориентировались на максимальное их затягивание с тем чтобы не допустить вероятного сближения СССР и Германии. Они не торопились направлять свои военные делегации в Москву. Делегации были составлены из второстепенных лиц, добирались они долго и, как выяснилось в Москве, не обладали мандатами на подписание документов.

Советская сторона не строила больших планов в отношении этих переговоров*. Глава делегации К.Е. Ворошилов 7 августа получил директивы руководства: выяснить полномочия партнеров на подписание военного соглашения, предлагать его варианты, переговоры «свести к дискуссии... главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию» как обязательном условии заключения трехстороннего военного соглашения. Выполнение этого условия было невозможным для западных партнеров, осведомленных о сугубо отрицательной позиции Польши. Это и подтвердилось в ходе переговоров, которые начались 12 августа. В течение 10 дней обсуждался вопрос о возможности прямой помощи Польше со стороны СССР. Уже 14 августа 1939 г. советское правительство заявило о готовности выставить на защиту Польши силы, превышавшие германские, стоявшие под ружьем на ее границах. Но СССР твердо настаивал на проходе своих войск через Виленский и Галицийский «коридоры» для соприкосновения с германскими войсками. Такая операция для защиты от агрессора предусматривалась Статутом Лиги наций. Польша не давала на нее своего разрешения. Понятно, что «военные переговоры были обречены на провал и использовались сторонами для давления на Германию»¹³.

Западные делегации тянули время: осенью, в распутицу, вермахт-де войну не начнет, хотя знали о намеченной Гитлером дате начала военных действий — 26 августа. Французское правительство прилагало немалые усилия, чтобы убедить Варшаву «принять русскую помощь» во имя «эффективности нашего общего сопротивления агрессивным планам держав оси». Польша ответила 19 августа категорическим отказом, мотивируя его тем, что «завещанная Пилсудским догма, основанная на соображениях исторического и географического порядка, запрещает даже рассматривать вопрос о вступлении иностранных войск на польскую территорию. Только во время военных действий это правило может быть смягчено». 20 августа Бек сообщил в Париж о недопустимости обсуждать вопрос военного использования Советским Союзом территории Польши: «Польшу с СССР не связывают никакие военные договоры, и польское прави-

* Еще в мае 1939 г. У. Черчилль, обращаясь к Н. Чемберлену, спрашивал: «Готовы ли вы быть союзником России во время войны?» и пояснял: «Ясно, что Россия не собирается заключать соглашения, если с ней не обращаться, как с равной, она должна не только ощущать равенство, но и быть уверенной в том, что методы союзников — на мировом фронте — наилучшим образом ведут к успеху» (цит. по: Кантор Ю., Волос М. Треугольник Москва — Варшава — Берлин. М., 2011. С. 156–157).

тельство такие договоры заключать не намерено». В тот же день посол Великобритании в Польше Г. Кеннард передал в Лондон отрицательный ответ Бека: «Принцип польской политики всегда заключался в том, чтобы не допускать присутствия иностранных войск на польской территории, и польское правительство возражает против прохода русских войск через польскую территорию так же, как и германских. Он считает, что маршал Ворошилов пытается сейчас добиться мирным путем того, чего он хотел добиться силой оружия в 1920 г.»¹⁴ Переговоры зашли в тупик.

Советские протоколы заседаний военных миссий СССР, Великобритании, Франции в Москве и интенсивная информационная переписка членов западных делегаций с Лондоном, Парижем и Варшавой о ходе заседаний свидетельствуют, что принятие решения о советской помощи в случае нападения Германии на Польшу каждый раз блокировалось польской стороной. Французские участники переговоров признавали, что советские представители «проявляют решимость не оставаться в стороне, а, наоборот, принять на себя всю полноту обязательств», они «очень жестко ограничивают зоны вступления [советских войск] и определяют их, исходя из соображений исключительно стратегического характера». 20 августа Москва распространила заявление ТАСС, где предала гласности факт разногласий на трехсторонних переговорах, отметив взаимное недоверие между Великобританией и СССР¹⁵.

21 августа глава советской делегации Ворошилов в который раз подтвердил готовность СССР оказать помощь Польше и Западу. Польское руководство выдерживало французский нажим и упорно уклонялось от ясного ответа о возможности сотрудничества с СССР*. По мнению военного министерства Франции, поляки «проявили в этом отношении непримиримую враждебность, соглашаясь только на то, чтобы с целью не доводить дело до разрыва московских переговоров наша военная миссия могла маневрировать так, как если бы ни одного вопроса не было поставлено перед поляками». 22 августа глава французской миссии генерал Ж. Думенк, зная, что в Москву «кто-то (Риббентроп. — В. П.) должен приехать», сообщил Ворошилову, что получил полномочия подписать военную конвенцию фактически без согласия поляков. Отсутствовало согласие на это и английской стороны. Но такой вариант подписания конвенции не устраивал Москву. Советская делегация прервала переговоры¹⁶. В эти дни Сталин и Молотов уже завершали выбор в пользу сотрудничества с Германией.

В самый последний момент, 23 августа, Франция предприняла еще одну попытку убедить Польшу «дать хотя бы молчаливое обещание впустить русские войска в случае, если Россия поддержит Польшу против гитлеровской агрессии», и снять свои возражения против «пакта трех». Бек решил пойти только на то, чтобы Англия и Франция заключили «тихое соглашение» с СССР с такой формулировкой: «Французский и английский штабы уверены, что, в случае общей акции против агрессоров, сотрудничество между СССР и Польшей не исключено на условиях, которые надлежит установить. Вследствие этого штабы считают необходимым проведение обсуждения с советским

* Сотрудничество не исключалось «в случае общих действий против немецкой агрессии... на технических условиях, подлежащих согласованию». В связи с этим посол Франции в СССР П.Э. Наджар отметил, что «уступка происходит слишком поздно... она недостаточна, поскольку она не позволяет сослаться на решение самого польского правительства» (Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. II. С. 316–317).

штабом всех возможностей»¹⁷. Расплывчатый и неопределенный ответ Бека был послан в Париж, оттуда в Лондон, где его и задержали. В Москву он дошел, когда уже высохли чернила подписей под советско-германским пактом. Согласия польского (румынского) правительств на проход советских войск не последовало.

Итак, первая попытка создать коалицию Великобритании, Франции, СССР и Польши для совместного отпора Германии в августе 1939 г. не состоялась в силу разных причин, в том числе вследствие позиции польского правительства, которое было уверено, что Сталину не удастся договориться с Гитлером. Объективная необходимость в объединении сил для пресечения гитлеровской агрессии тогда не была осознана будущими союзниками*.

В условиях надвигавшейся угрозы войны польское общество демонстрировало готовность к сопротивлению. Об этом еще 18 июня 1939 г. говорил в Брюсселе на заседании II Интернационала один из лидеров ППС М. Недзьялковский: «Польша будет сопротивляться, если Франция и Англия не сдрейфят в последний момент..., [но] все же одна Польша, без союзников не может воевать против Германии». Э. Рыдз-Смиглы, главнокомандующий Войска Польского не собирался капитулировать. В Берлине знали, что он будет воевать, хотя было известно и то, что польский Генштаб многие годы разрабатывал планы военных действий против Советского Союза. Планы «Запад» начали готовить только с марта 1939 г.¹⁸

Так почему же СССР пришел к соглашению с Германией? Поздней весной — летом 1939 г. ситуация на европейской арене виделась из Москвы весьма неустойчивой. Это давало советскому руководству основания активизировать контакты, в том числе и на германском направлении. 17 мая советник посольства СССР в Берлине Г.А. Астахов в МИД Германии «подробно говорил о развитии германо-советских отношений», подчеркнув, «что в вопросах международной политики у Германии и Советской России нет противоречий» и причин для трений. 22 мая Риббентроп конкретизировал: польскому государству «предстоит рано или поздно исчезнуть, разделенному между Германией и Россией»¹⁹.

Но наметившееся было весной сближение Берлина и Москвы развивалось крайне осторожно и с перерывами. Долго готовившиеся и затем вяло протекавшие англо-

* В настоящее время активно обсуждается вопрос ответственности лидеров ряда стран за эту войну. Высказываются разные мнения, в том числе и то, что главным ее виновником был не Гитлер, а Сталин и его имперская политика. Польский историк С. Дембский отмечает нюансы в их намерениях: «ответственность за развязывание войны в 1939 г. ни в коем случае нельзя делить поровну между участниками пакта Риббентроп–Молотов. Гитлер хотел этой войны и к ней стремился. Сталин не намеревался спасти мир в Европе. Здесь есть определенная разница. Польша не могла уступить требованиям Гитлера. А западные державы — спасти европейский мир. Было уже слишком поздно». Не менее обоснованными выглядят суждения ряда российских историков, которые соотносят действия Сталина с текущими интересами обеспечения безопасности СССР. Они видят в этих действиях тактический выигрыш при стратегическом просчете курса на сотрудничество с Германией, что создавало благоприятные условия для развязывания Гитлером масштабной войны. Главным ее поджигателем признается Гитлер, что бесспорно, как и то, что политикой «умиротворения» западные державы поощряли ликвидацию Версальской системы («Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО — Университет. М., 2009. С. 65, 42–44).

франко-советские переговоры вызывали беспокойство Гитлера. После каждой их «осечки» Германия предлагала СССР какое-либо «общее», например, торгово-кредитное, соглашение*.

Итак, летом 1939 г. в Европе имели место «тайные» контакты и переговоры в различном формате: англо-франко-советские (военные), англо-германские (политические) и советско-германские (в основном экономические). От их исхода зависела судьба мира: возможность или невозможность предотвращения большой войны, к которой стремился Гитлер для установления «нового порядка» в мире. Каждая сторона решала свои тактические задачи. Германия была озабочена созданием благоприятных условий для захвата Польши: изолировать, избежать выступления в ее защиту Советского Союза и тем выполнить предостережение канцлера О. Бисмарка не воевать на два фронта; не допустить создания англо-франко-советской коалиции, что могло бы перечеркнуть дальнейшие планы нацистов. Англия и Франция намеревались, направив германскую агрессию на восток, предотвратить нападение на собственные рубежи. Они были не прочь поучаствовать в походе на СССР, хотя бы за кавказской нефтью, не исключали второй «Мюнхен» ценой Польши. СССР стремился избежать вовлечения в войну, сохранить тогда польское государство** (иначе Германия вплотную подойдет к советским границам), отвести угрозу, направив германскую агрессию на Запад.

Несмотря на «тайну» англо-франко-советских переговоров, разведка обеспечивала все заинтересованные стороны сведениями об их успехах и неудачах. Успехи были на руку Москве, неудачи вдохновляли Берлин и увеличивали недоверие советского руководства к западным партнерам. Со второй половины июля 1939 г. контакты СССР с Германией не только активизировались, но и активно политизировались по инициативе немецкой стороны. Состоялись неоднократные беседы крупных чиновников МИД Германии с советскими дипломатами. Последних убеждали в том, что «между СССР и Германией не имеется политических противоречий», что нет их и в отношении «всего пространства от Черного моря до Балтийского». 10 августа Берлин, выясняя отношение Москвы «к польской проблеме» и конкретно к вопросу о Данциге, предупредил, что если «польские провокации будут продолжаться, то, возможно, начнется война»²⁰.

Москва реагировала на этот зондаж позитивно. Вместе с тем Сталин все еще продолжал оставлять открытыми «обе двери» (с западными державами и с Германией). А между тем на востоке, в степях Монголии уже четыре месяца шла война с Японией. Надежных союзников в Европе Москва по сути не имела. Напомним, что Франция не выполнила

* С Германией активно торговали многие страны Европы. Советское правительство было заинтересовано в развитии внешнеэкономических связей для выполнения пятилетних планов и укрепления обороноспособности Красной Армии. По состоянию на январь 1940 г. СССР занимал последнее место в германском импорте из европейских стран. По соглашениям 1940 и 1941 гг. СССР экспортировал сырье, а Германия поставляла промышленное оборудование и вооружение. Доля СССР в германском импорте поднялась с 4,7 до 10%. Торговые соглашения СССР с Германией вызвали «экономическую войну» Франции и Англии против СССР до мая–августа 1940 г. и «моральное эмбарго» США, снятое только 22 января 1941 г. В целом Германия экономически и политически «переиграла» СССР. Расчеты Сталина на то, что экономическое сотрудничество удержит Гитлера от нападения на СССР, провалились.

** Уже в начале сентября 1939 г. Сталин изменил позицию по этому вопросу.

обязательств по франко-чешско-советским договоренностям относительно Чехословакии, где у СССР были размещены военные заказы. Все вместе взятое усложняло положение СССР: война могла угрожать и на восточных, и на западных границах страны.

В этих условиях Москва, вероятно, к середине августа, сделала окончательный выбор в пользу Германии, предлагавшей урегулирование отношений. 11 августа, т. е. накануне первой трехсторонней встречи в Москве, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин». В середине августа состоялось несколько встреч Молотова с германским послом в Москве Ф. фон Шуленбургом. Обсуждались состояние экономических отношений, вопрос о заключении политического пакта и идея приезда Риббентропа в Москву. Стороны пришли к согласованию позиций. Советский представитель высказал 18 августа пожелания: завершить подготовку торгово-кредитного соглашения (подписано 19 августа) и заключить пакт о ненападении или подтвердить старый, 1926 г., пакт о нейтралитете с «одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон... с тем, чтобы последний представлял органическую часть пакта». Дальнейшая хроника событий такова. 19 августа состоялся обмен проектами пакта о ненападении. 20 августа Берлин принял советский проект пакта вместе с дополнительным протоколом к нему. 21 августа Сталин согласился на предложение Гитлера принять Риббентропа в Москве не позднее 23 августа 1939 г. В ночь на 22 августа Н. Чемберлен направил Гитлеру послание, предлагая «новый Мюнхен» за счет Польши. Гитлер ответил согласием на визит Геринга в Лондон. В Москве об этом стало известно через несколько часов. 22 августа ТАСС опубликовал информацию о приезде Риббентропа «для соответствующих переговоров». В тот же день Гитлер уполномочил Риббентропа подписать пакт. Надобность визита Геринга в Великобританию отпала, и он был немедленно отменен. Получив директиву Гитлера: обещать Сталину все, что угодно, соглашаться на любые требования, имея в виду, что Советы завтра, как и сегодня, останутся для Германии врагами, Риббентроп вылетел в Москву. 23 августа (фактически ночью 24 августа) пакт о ненападении с Германией и секретный протокол о разделе сфер влияния в Европе были подписаны*. Документы, заключенные сроком на 10 лет, вступали в силу немедленно²¹.

* В декабре 1989 г. Съезд народных депутатов СССР дал политическую оценку действиям советского руководства: пакт с Германией заключался в критической международной ситуации, имел одну из целей отвести от СССР угрозу войны, которая так и не была достигнута. Съезд признал, что содержание пакта не расходилось с нормами международного права и договорной практикой, принятой тогда для подобного рода урегулирований. Принципиально иную оценку получил секретный протокол, который не представлялся на ратификацию Верховным Советом, был скрыт от советского правительства. Съезд подчеркнул, что этот и последовавшие в 1939–1941 гг. советско-германские секретные документы и действия «находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран». Был сделан вывод, что протокол к пакту являлся актом личной власти по существу и по форме, не отражал воли советского народа, который не несет ответственности за этот сговор. Съезд определил оба документа юридически несостоятельными и недействительными с момента подписания. Добавим, что Молотов, не получив полномочий на подписание пакта от 23 августа, явил миру «изначально противоправный документ, представивший собой сговор, выражающий намерения подписавших его физических лиц»

Цели сторон подписавших пакт о ненападении, отражал секретный дополнительный протокол. Пунктом 1 этого документа, где обозначалась линия, разделявшая сферы влияния сторон в прибалтийских государствах и Финляндии, была признана «заинтересованность Литвы в районе Вильно». Пункт 2 касался «территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, [где] сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан*». Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон

(Правда. 1989. 24 дек.). В отечественной науке есть разные оценки пакта с Германией (см.: Международный кризис 1939 года в трактовке российских и польских историков. М., 2009). Немало историков разделяют оценки, принятые на Съезде народных депутатов. Но есть и другие аргументации. Так, доктор исторических наук М.И. Мельтюхов полагает, что «получив в Мюнхене очередной наглядный урок, обозначивший место СССР в Европе, советское руководство было крайне заинтересовано в срыве тенденции европейской консолидации без учета советских интересов. В этом смысле продолжение германской экспансии отвечало интересам Москвы, так как резко повышало заинтересованность европейских внешнеполитических группировок в соглашении с СССР... советское руководство могло выбирать, с кем и на каких условиях оно будет договариваться с учетом своих интересов». И далее, рассуждает автор: «Кремлю удалось использовать европейский кризис в своих интересах, поэтому советско-германский договор о ненападении можно расценивать как **значительный успех** советской дипломатии, которая смогла переиграть британскую дипломатию и достичь своей основной цели — остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе.... [и] при этом свалить вину за срыв англо-франко-советских переговоров на Лондон и Париж» (Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939–1941 гг. М., 2008. С. 65–66, 370).

Академик А.О. Чубарьян, анализируя мотивы столь резкого изменения внешнеполитического курса Москвы, не склонен к однозначным оценкам пакта с Гитлером и категорическим выводам. Он пишет: «...как казалось в Кремле, такое решение давало существенные гарантии обеспечения безопасности страны. Советский Союз мог в полной мере использовать ожидаемое столкновение между Германией и англо-французским блоком, оставаясь как бы в стороне от военного противостояния двух империалистических группировок». И далее: «...на определенном отрезке времени казалось, что Советский Союз выходит из международного кризиса с явными дивидендами договором о ненападении с Германией и с неожиданной перспективой утвердиться в восточноевропейском регионе. При этом мало брались в расчет моральные и правовые факторы, связанные с тем, что... предстояло решать судьбы других суверенных стран, вопреки их собственным интересам и желаниям» (Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. С. 30–31).

- * В феврале 1943 г. Сталин доказывал польскому послу Т. Ромеру, что целью советского договора с Германией был вопрос о ненападении, а не вопрос о границах. Между тем известно, что в 1939 г. шла дипломатическая борьба Берлина и Москвы за принадлежность украинских нефтеносных районов, за подступы к Прибалтике как будущему плацдарму советской обороны Ленинграда или германского наступления на город, за государственную принадлежность Львова Украине, Вильнюса (Вильно) Литве. Правда, при обмене Холмщины на Литву, Москве пришлось платить до февраля 1941 г. золотом (31 млн марок, или 7,5 млн золотых долларов). Сталин не раз менял первоначальную линию раздела сфер влияния.

сохранение независимости польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий»²². Таким образом, Гитлер пошел навстречу пожеланиям Сталина: приближение западной советской границы к «линии Керзона» взамен «свободы рук» в Польше*. Поскольку «Советы» все равно у него «вкармане», считал канцлер, пусть попользуются приобретениями несколько месяцев. В ноябре 1940 г., когда отношения Москвы и Берлина уже разладились, Гитлер высказал Молотову крайнее недовольство территориальными приобретениями СССР.

Напомним, что первоначальной датой нападения на Польшу было 26 августа. Но Италия — главный союзник Гитлера — заявила о неготовности к большой войне. Кроме того за отменой визита Геринга в Лондон срочно последовал англо-польский договор о взаимопомощи, заключенный 25 августа 1939 г. В соответствии со статьей 1-й договора в случае вооруженной агрессии против одной из договаривавшихся сторон другая обязывалась немедленно оказать «любую помощь и поддержку, которая будет в ее силах». В будущем допускалась возможность соглашений с третьими странами о взаимодействии в борьбе против агрессии. В условиях войны стороны обязывались без согласования не заключать ни перемирия, ни мирного договора. В секретном протоколе к договору уточнялось, что под гипотетическим агрессором понималась гитлеровская Германия, и Англия обязывалась помочь Польше в случае только германского нападения на Польшу. С наступлением действий, предусмотренных статьями 1 и 2, со стороны другой европейской державы, договаривавшиеся стороны условились консультироваться о принятии общих мер²³. Учитывая скрытую и явную демонстрацию Великобританией готовности к соглашению с Германией, заключение этого англо-польского договора вдогонку пакту Германии с СССР не отменило, а лишь отложило день нападения Германии на Польшу. К этому времени Гитлер убедился, что Великобритания и Франция, несмотря на наличие союзных договоров с Польшей, не собирались выполнять свои обязательства.

Стремительно менявшаяся расстановка сил на международной арене, ухудшение геополитического положения Польши, приближение войны воздействовали на политическую атмосферу внутри страны. Был выдвинут лозунг создания правительства национального спасения. Идею поддерживали все легальные партии и течения. Оппозиционная режиму «санации» часть политических партий и ориентировавшиеся на них общественные силы не исключали варианта взаимодействия с СССР. Их пресса писала летом 1939 г. о возможности принять советскую помощь для отпора Германии. Причем публицисты отмечали трудности лавирования Москвы между интересами

* У. Черчилль в речи по радио 1.X.1939 г. одобрил советские действия: создан «восточный фронт». В Тегеране в декабре 1943 г. он заявил: «Я также очень хорошо понимал положение России в начале войны и, принимая во внимание нашу слабость в начале войны, мюнхенскую политику и тот факт, что Франция изменила данным ею гарантиям Чехословакии, я понимал, что Советское правительство не могло в этих условиях рисковать своей жизнью» (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. док. М., 1984. С. 147).

государства и догмами Коминтерна. Газета «АБЦ» считала, что «если Россия должна возвратиться в Европу, то пусть возвращается. Но без Коминтерна»²⁴.

Советско-германский пакт о ненападении перечеркивал возможность улучшения советско-польских отношений. Польская печать заговорила о приближавшемся четвертом разделе Польши. Генерал же В. Сикорский, который спустя месяц возглавил правительство в эмиграции, 27 августа 1939 г. в газете «Курьер Варшавский» писал о непрочности пакта и назвал его «двусторонним политическим обманом, имеющим конъюнктурное значение и рассчитанным только на внешний эффект». В последнем утверждении генерал ошибался. 22 августа Гитлер дал директивы высшему военному командованию: «Уничтожение Польши является нашей первой задачей. Целью является не достижение какой-либо определенной линии, а уничтожение живой силы. Даже если разразится война на Западе, уничтожение Польши должно быть нашей первой задачей. Решение должно быть немедленным, исходя из времени года. Я дам для пропаганды какую-нибудь причину начала войны, не имеет значения, будет ли она правдивой или нет. Победителя никто не спросит, сказал он правду или нет. В вопросах, связанных с началом и ведением войны, решает не право, а победа. Не будьте милосердными, будьте жестокими»²⁵.

I.2. СЕНТЯБРЬСКАЯ КАТАСТРОФА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПОТЕРИ

Трагедия Польши стала реальностью на рубеже лета–осени 1939 г. С целью обострить немецко-польские отношения, пробудить в немецком обществе ненависть к Польше гитлеровцами был разработан план провокационно-террористических акций. Для подрывной работы использовались организации немецкого национального меньшинства в Польше. Еще в 1934 г. Гитлер называл немцев, проживавших за границами Германии, форпостом германской нации в будущей войне. Под различными предлогами «польские» немцы направлялись в Германию, где проходили обучение диверсиям и шпионажу. Так, летом 1939 г. через польскую границу в Германию тайно перешли до 70 тыс. военнообязанных немцев. Сосредоточенные в приграничной зоне, они сводились в «добровольческие корпуса», «боевые ударные группы» и ждали сигнала выступить против государства, гражданами которого являлись. «Польские» немцы, ставшие приверженцами Гитлера и проводниками нацистской идеологии, создавали в Польше различные нелегальные или формально легальные организации, которые подчинялись заграничной организации Немецкой национал-социалистической рабочей партии (НСДАП). Для них была составлена «Памятка» с объяснением, как способствовать продвижению германских войск и наносить удары по польским частям. Тайно, в том числе при содействии дипломатов, в Польшу переправлялись оружие и взрывчатка. Контрразведке страны было известно, что германские спецслужбы собрали обширную информацию о боеготовности польских войск. Польские власти пытались ликвидировать немецкие диверсионные центры, были раскрыты тайные военные организации в Верхней Силезии, Лодзи, их руководители арестованы. Это вызывало в пропаганде Германии лишь усиление «разоблачений» преследования немцев в Польше.

Происходили новые провокации в Речи Посполитой, хотя в бедах и неприятностях рядовых немцев в Польше, и в особенности в Гданьске, были виновны в первую очередь спецслужбы рейха. Поджоги помещений немецких организаций, культурных объектов и частных домов шли по линии имперских ведомств СС и СД*.

Фактически боевые действия Германии против Польши начались 25–26 августа. В горах, на перевалах уже сосредотачивались группы немецких диверсантов (от 30 до 100 человек каждая). Группы коммандос нападали на польские поселения, на железнодорожные станции, вокзалы и таможенные посты. Они обстреливали поезда, стремились овладеть Яблунковским перевалом и тоннелем, который открывал путь к Катовицам, Сосновцу, Бытому и другим городам Силезии и Домбровского бассейна, к металлургическим и угледобывающим центрам. Несколько групп сотрудников германской контрразведки и коммандос под видом горняков и металлургов перешли границу и попытались с помощью местного немецкого населения овладеть важнейшими экономическими объектами в западной и центральной Польше²⁶. 25 августа в Гданьск с миссией якобы «доброй воли» пришел линкор «Шлезвиг-Гольштейн». 1 сентября 1939 г. в 4 часа утра этот линкор обстрелял польскую военную базу Вестерплатте, а самолеты люфтваффе начали бомбить города и аэродромы. Польскую границу перешли основные силы вермахта.

Но главную провокацию, которой гитлеровцы придали широкий международный резонанс, германские спецслужбы совершили накануне 1 сентября в г. Глейвице (Гливицы), где организовали инсценировку нападения «поляков» на немецкую радиостанцию с выстрелами и расстрелом немецких «сотрудников» станции. Эта провокация и «преследование» в Польше немецкого меньшинства послужили для Берлина предлогом объявления войны, атаки на полуостров Вестерплатте и вторжения вермахта на рассвете 1 сентября 1939 г. на территорию Польши.

Руководствуясь задачами безопасности государства и под влиянием антигерманских настроений большинства польского общества, польские власти принимали меры к подавлению немецкой «пятой колонны». Были подготовлены и отчасти реализованы превентивные аресты и депортации вглубь страны, прежде всего политически активной части немцев**. Изоляция по спискам, составленным еще до войны, началась 31 августа — 1 сентября. Колонны интернированных отправлялись на восток в известный

* В 1950 г. в Берлине был обнаружен документ, где указывались 220 немецких объектов в западной Польше и Данциге, которые летом 1939 г. планировалось подвергнуть нападению диверсантов. В документе подчеркивалось, что акции надо проводить, выдавая их за действия поляков. Большая часть программы была выполнена.

** В 1934 г. сейм Польши принял постановление об интернировании немцев — граждан Польши в случае войны с Германией, и коммунистов любой национальности — в случае войны с СССР. Печатались специальные повестки, цвет которых определял очередность явки на сборные пункты в зависимости от антипольской деятельности адресата. Депортации лиц, этнически родственных нападающей стороне, были распространенным явлением как в странах фашистского блока, так и антигитлеровской коалиции. Англичане депортировали немцев с юга во внутренние районы острова. Американцы переселяли японцев с западного на восточное побережье, где заключали в концлагеря. Массовыми были депортации ряда народов в пределах СССР в 30–40-е годы. Переселяли немцев — граждан СССР в Германию.

концлагерь в Берёзе Картуской. 1 сентября и в ночь на 2 сентября 1939 г. польские власти вручили повестки представителям немецкого и украинского меньшинств*, проживавшим на польском пограничье. В Поморье, Великой Польше и Силезии в связи с быстрым продвижением вермахта по польской территории выявились различные трудности проведения депортации. Воевода Силезии отказался депортировать немцев и распустил их по домам.

Нападение Германии и начавшиеся боевые действия сопровождалось действиями диверсантов — «добровольцев», которые забрасывались на польскую территорию в тылы польской армии и в районы, куда не дошли еще части вермахта. От 500 до 1000 человек десантировались под Торунью, Радомом, Варшавой и Лодзью, а также вблизи рек Висла, Сан и в Беловежской пуще. Парашютисты, прибывавшие из рейха, и местные немцы усиливали панику среди гражданского населения. Толпы беженцев, двигавшиеся на восток, заторы на дорогах, острый недостаток транспорта, налеты немецкой авиации, бомбежки — все это срывало осуществление депортации немцев из приграничных районов. Но несколько колонн интернированных было сформировано**.

В первые дни сентября 1939 г. пролилась кровь мирных граждан — немцев и поляков. За неделю до нападения немецкие организации в Поморье получили приказ сконцентрировать силы в окрестностях г. Быдгощ***. Польское население, в руках которого появилось оружие, создавало отряды самообороны. В воскресенье 3 сентября части Войска Польского, отступавшие через город, были обстреляны немцами. Стреляли из многих десятков точек, даже из помещения немецкой евангелической церкви. Комендант польского гарнизона приказал подавить огонь диверсантов. Около 260 немцев, захваченных с оружием в руках, было расстреляно (захоронений на кладбище оказалось 150), 700 человек поляки арестовали. Всего в Быдгощи 3 сентября погибло до 300 немцев****. На этом трагедия в городе не закончилась. 5 сентября начался

* Очагом межнациональных конфликтов были те воеводства юго-востока страны, где компактно жило коренное украинское население. Предполагалось депортировать 7 тыс. украинцев. Сведения о численности немцев, подлежащих депортации, не сохранились.

** Известно, что одну из колонн удалось составить в районе г. Быдгощи (Бромберг). 2 сентября 4500 человек пешком направились в сторону Варшавы. 9 сентября близ г. Ловича колонну нагнал вермахт. Немцы недосчитались 1700 человек. Польских конвоиров обвинили в массовых расстрелах, убийствах больных и отстававших, в жестоком обращении с интернированными. В польской историографии сведения об этом событии скудны. Причины и обстоятельства гибели людей достоверно не выяснены, как и виновники их гибели (поляки? немцы? налеты авиации?). Мнения польских ученых по поводу «марша на Лович» противоречивы.

*** В 1939 г. в Быдгощи жили 131 295 поляков и от 9200 до 11 тыс. немцев. Накануне войны администрация состояла из антинемецки настроенных эндеков и галлерчиков.

**** В историографии ПНР «быдгощское кровавое воскресенье» считалось изученным фактом. К.М. Поспешальский, Э. Османчик, Р.В. Станевич, Ч. Мадайчик, В. Ястжембовский и др. объясняли истребление поляками немцев — граждан Польши и жителей этого города общей атмосферой кануна и первых дней войны, когда в стране действовала немецкая «пятая колонна» (см., например: *Jastzębowski W. Dywersja czy masakra? Cywilna obrona Bydgoszczy we wrześniu 1939 r.* Bydgoszcz, 1988). В 1988 г. в ФРГ была издана рабо-

ее второй акт. Захватив Быдгощ, вермахт и вступившие вслед за ним специальные подразделения гестапо в наказание за события 3 сентября провели массовые расстрелы молодых мужчин — поляков не только в Быдгощи, но и в Гданьске, по всему Поморью. За сентябрь 1939 г. были расстреляны свыше 11 тыс. поляков²⁷. События в Быдгощи пропаганда нацистов сознательно фальсифицировала: к февралю 1940 г. число жертв местных немцев «возросло» до 58 тыс. человек*.

К нападению на Польшу Германия выставила 1 млн 850 тыс. солдат, около 2,8 тыс. танков и 10 тыс. орудий, более 2 тыс. самолетов, два броненосца, 14 подводных лодок и другую боевую технику. Польша располагала в это время 1 млн солдат, 4,3 тыс. орудий, 880 танков, около 400 боевых самолетов и незаконченным оперативным планом обороны западных рубежей страны. Она рассчитывала удерживать театр военных действий до выступления армий западных союзников²⁸. Заходя с севера и юга, части вермахта ворвались в Мазовию, Поморье, Силезию и Подгалье, намереваясь рассечь территорию страны и польские войска, окружить и уничтожить отдельные польские армии. Германская армия стремительно продвигалась вглубь страны. В первую неделю боев был захвачен «польский коридор», Познанское воеводство, Силезия. 7 сентября капитулировали героические защитники Вестерплатте. 8 сентября танковые части вермахта находились под Варшавой, окружали город**.

та Г. Шуберта «Кровавое воскресенье. Конец легенды», переведенная затем на польский язык. Она знаменовала поворот в германской историографии и подтверждала выводы большинства польских историков о том, что эта трагедия была провокацией службы Гимmlера. Поддержал выводы Г. Шуберта и Я. Пекалькевич, поляк, проживавший в ФРГ, книга которого издана в современной Польше (*Piekalkiewicz J. Polski Wrzesień. Hitler i Stalin rozdzierają Rzeczpospolitą 1.IX.1939 — 17.IX.1939. Warszawa, s.a.*). В настоящее время историки считают цели акции недостаточно выявленными, колеблются в ответе на вопрос, была ли это только гитлеровская провокация или не выдержали нервы поляков и немцев и кто-то выстрелил первым (см.: *Jastrzębowski W. Mniejszość niemiecka w Polsce we wrześniu 1939 g. Wrocław, 2010. S. 97–101, 116–119, 153–167, 198–200*)

* Польские ученые убеждены, что манипулирование все «возраставшим числом жертв польского террора» совершалось гитлеровцами сознательно и имело пропагандистские цели. До начала 1940 г. назывались погибшими и пропавшими без вести в сентябре 1939 г. 5,5 тыс. местных немцев (фольксдойче). Затем была запущена другая ложная информация: поляками убито 58 тыс. немцев — граждан Польши, из них «опознанных» трупов — 12 587. Она использовалась как «обоснование» массовых репрессий в Польше в период оккупации. В историографии ФРГ в основном считались достоверными только данные об идентифицированных трупах, но некоторые историки не соглашались и с этим, полагая, что в сентябре 1939 г. могло погибнуть 4850 «польских» немцев. На основе документальных материалов, собранных после войны Комиссией по расследованию гитлеровских преступлений в Польше, К.М. Поспешальский пришел к выводу, что в 1939 г. жертвами стали около 2 тыс. представителей немецкого меньшинства в Польше (*Pospieszalski K.M. Sprawa 58 000 «Volksdeutschow» Documenta Occupationis. T. VII. Poznań, 1959; Wojskowy Przegląd Historyczny. 1962. N 4*).

** Советский посол в Лондоне И.М. Майский 7 сентября записал в своем дневнике: «Немцы имеют в Польше бешеные успехи. Коридор занят, Краков пал, Лодзь под обстрелом, моторизованные части германцев подошли уже к Варшаве. Польское правительство

Польские войска с 1 по 6 сентября в упорных боевых действиях на главной линии обороны понесли большие потери. Крупная польская группировка (200–300 тыс. человек) смогла отойти вглубь страны, но создать новую линию обороны по р. Нареву, Висле и Сану не удалось. Наступление вермахта продолжалось с нарастающей интенсивностью. К 16 сентября основные польские силы были разбиты или окружены. К 17 сентября гитлеровцы замкнули кольцо окружения польских войск на Буге, расчленили и уничтожили большинство польских частей над Бзурой и на Люблинщине. Отдельные группы войск продолжали сопротивление и тогда, когда немецкие войска вышли к Бресту, Львову и Замостью.

Еще 5–6 сентября польское правительство и маршал Э. Рыдз-Смиглы покинули Варшаву. 7 сентября ставку перенесли в г. Брест*. Связь с действующими войсками не была налажена. С 12 сентября общее управление военными действиями практически отсутствовало. В Бресте командование надолго не задержалось. Под усиленными бомбежками люфтваффе оно двинулось к югу, 17 сентября главная квартира армии находилось в Коломые. Еще с 9 сентября правительство Польши вело переговоры с властями Бухареста о переходе в Румынию. Правительство, золотой запас страны, дипломатический корпус и военное командование следовали к румынской границе. В 16 часов 17 сентября командование пришло к выводу, что положение польской армии безнадежно и полное поражение неизбежно. Переход польско-румынской границы руководством страны во главе с президентом начался 17 сентября вечером. По требованию Германии польское правительство было интернировано румынскими властями. Командование армии в ночь на 18 сентября перешло в Румынию, где тоже было интернировано.

Но тот факт, что правительство и военное командование покинули страну, не означал прекращения борьбы с гитлеровцами присягавших на верность Родине и долгу солдат, офицеров и генералов Войска Польского. С 17 сентября по 5 октября окруженные группировки польских войск оказывали отчаянное сопротивление, главным образом на Люблинщине, в Варшаве, Модлине, на полуострове Хель. Капитулировали они только тогда, когда оказывались исчерпанными все возможности борьбы. Отошедшие на Люблинщину соединения польской армии 16–17 сентября вновь были взяты

эвакуировалось и перебрасовалось в Люблин. И все это на протяжении одной недели! Слабость поляков поразительна. Они везде отступают. Нигде не могут задержаться дольше, чем несколько часов, самое большое 1–2 дня. Крупных сражений нет. Правда, немцы давят их моторизацией и авиацией, но все-таки... Нет, дело, видно, не в одной моторизации. Похоже на то, что, польское государство гнило насквозь. Настолько гнило, что его армия не в силах оказать сколь-нибудь серьезного сопротивления врагу даже под лозунгом защиты национальной независимости» (Научное наследие. Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. Кн. 2. Ч. 1. М., 2009. С. 10–11).

- * Главнокомандующий маршал Э. Рыдз-Смиглы понимал обреченность Польши в войне с Германией. В декабре 1939 г. он сказал: «Начиная войну, я хорошо понимал, что она неизбежно будет проиграна на польском фронте, который считал одним из участков великого антинемецкого фронта. Начиная борьбу в небывалых условиях, чувствовал себя командиром участка, который должен быть принесен в жертву, чтоб дать другим время и возможность организовать и подготовиться» (цит. по: Парсаданова В.С. Эдвард Рыдз-Смиглы // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 19).

гитлеровцами «в клещи». Вырваться смог только конный корпус генерала В. Андерса. После упорных боев окруженные части капитулировали 23–25 сентября. 28 сентября прекратила сопротивление Варшава, 29-го — Модлин, 2 октября — Хель. Последний бой частям вермахта 5 октября 1939 г. дала Отдельная оперативная группировка «Полесье» под командованием генерала Ф. Клееберга. Некоторые немногочисленные части, укрывшись в лесах, не сложили оружия, перешли к партизанским действиям в Келецком (отряд майора «Хубали»), Белостокском и Люблинском воеводствах. Продолжались они до падения Франции в июле 1940 г., когда поступил приказ правительства распустить отряды.

В ходе полутора тысяч проведенных сражений и боестолкновений, длившихся 35 дней, польская армия оказала отчаянное сопротивление немецким захватчикам при Вестерплатте, Млаве, в крупнейшем сражении над Бзурой, при обороне Варшавы, Модлина, полуострова Хель и польской почты в Данциге. На защиту страны встали организованные ППС рабочие бригады в Варшаве, Домбровском бассейне и Силезии. Победа Германии в войне с Польшей была практически предрешена, но вермахт понес значительные людские и материальные потери. Экономически Германия была сильнее Польши. Она обладала численным перевесом войск, превосходством в боевой технике (включая захваченную в 1939 г. в Чехословакии). На направлениях главных ударов вермахта его преобладание было подавляющим. Прорывая слабую линию обороны польских войск, рассредоточенных по протяженной линии границ, германские механизированные части, не останавливаясь и выбрасывая парашютные десанты, рвались вперед. «Добровольческие корпуса» и «боевые группы» фольксдойче «зачищали» территорию по флангам немецких войск. В ходе военных действий гитлеровцы уничтожили десятки тысяч гражданских лиц, произвели 394 массовые экзекуции. Значительную часть расстрелов мирных граждан и военнопленных совершили части вермахта.

Польская армия, модернизацию которой намеревались завершить к 1942 г. (из-за недостатка средств намеченную программу выполнили только на 35%), технически оставалась оснащенной в основном на уровне Первой мировой войны, она шла в бой буквально конницей*. Однако потери, которые понес вермахт, были больше, чем допускало гитлеровское командование по плану «Вайс». В этом была одна из важных причин того, что нападение на Францию было отложено гитлеровским руководством до восстановления утраченного потенциала вермахта.

Союзники Польши — правительства Франции и Англии — обманули польское руководство, предали страну и ее народ. Объявив войну Германии 3 сентября, они не собирались начинать активных боевых действий и не позволили Рыдз-Смиглому, ради сохранения человеческих жизней, в первые дни войны отдать приказ о капитуляции. 4 сентября командования французской и британской армий подтвердили решения своих правительств (май 1939 г.) не оказывать помощь Польше. Генерал М. Гамелен, начальник Генштаба Франции, 5 сентября заявил об отсутствии у Польши шансов продолжать сопротивление, что, считал он, «является основанием для сохранения наших

* Многие военные историки считают, что здесь сказалось то головокружение от победы в 1920 г., которое было характерной чертой массовых общественных настроений в межвоенной Польше.

сил», поэтому «не следует обращать внимания на всеобщее возмущение (европейского общественного мнения. — В. П.)» и начинать военные действия против Германии. Высший военный совет в Париже 8 сентября постановил не посылать в Польшу ни одного самолета и не бомбить объекты в Германии. 9 сентября была подтверждена стратегия многолетней войны, по завершении которой и будет решаться судьба Польши. На заседании премьер-министров двух стран 12 сентября на севере Франции, в городке Абвиле, Деладье и Чемберлен пришли к выводу: Польша войну проиграла и помогать ей уже бесполезно. Союзники избрали позицию наблюдателя и тем самым «Польшу оставили без помощи, а Сталина приглашали к вторжению»²⁹. Таким образом, западные союзники, заинтересованные в том, чтобы вермахт углубился по польской территории как можно дальше на восток, не выполнили своего обязательства — через две недели после нападения открыть военные действия против Германии.

В Москве внимательно наблюдали за развитием событий в Польше и за действиями Великобритании и Франции. Сразу после нападения гитлеровской Германии на Польшу Москва заявила о нейтралитете СССР. Это не устраивало Берлин, и 4 сентября послу Германии в СССР было дано указание обсудить с Молотовым вопрос, «не считает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию». На следующий день последовал ответ Москвы: «...в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило»³⁰.

5 сентября от имени Секретариата Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г.М. Димитров обратился к Сталину за разъяснением, какова в условиях заключенного пакта с Германией и начавшейся войны должна быть тактическая линия Коминтерна. Ответ последовал 7 сентября: «Уничтожение этого [польского] государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили бы социалистическую систему на новые территории и население». 9 сентября 1939 г. ИККИ утвердил директиву, где, ссылаясь на отказ Польши от советской помощи, отрицал необходимость защиты страны, угнетавшей другие народы.

Тем временем Берлин упорно понуждал Москву начать военные действия против Польши. Москва затягивала с положительным ответом. К 10 сентября в советском руководстве пришли к выводу, что Польша войну проиграла, но ответили послу Германии: требуется еще две-три недели «для приготовлений». По словам Молотова, СССР «должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым „угрожает“ Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором». Вечером 14 сентября Молотов неожиданно уведомил Шуленбурга о том, что «Красная Армия достигла состояния готовности». Отсрочка, объяснял Молотов, была необходима для подготовки советского общественного мнения³¹.

Советская позиция затягивания своих активных действий в Польше вызывала крайнее недовольство Риббентропа (и Гитлера), но была объяснима. Германия намеревалась на возможность создания в советской «сфере интересов» нового государства, украинского или белорусского, хотя была известна отрицательная позиция СССР на этот счет. Берлин не определился, сохранять ли остаточное польское государство,

против чего был Сталин. Лишь после подписания 15 сентября перемирия с Японией и, возможно, после получения сведений об англо-французском намерении не открывать боевых действий против Германии, Москва приняла решение. Вечером 16 сентября Молотов проинформировал Ф. Шуленбурга о выдвижении частей Красной Армии на польскую территорию и выразил пожелание: наступление вермахта на восток должно быть приостановлено.

В ночь с 16 на 17 сентября в НКВД был приглашен В. Гжибовский, которому была зачитана советская нота. Посол отказался ее принять, и документ с нарочным был переправлен в посольство³². В советской ноте говорилось: «Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР». Учитывая это, Советское правительство не может больше нейтрально относиться «к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными»*.

Содержавшееся в документе утверждение о том, что польское государство перестало существовать, противоречило нормам международного права. Согласно этим нормам, временная оккупация территории любого государства или части его, если оно является участником коалиции государств и его войска продолжают сражаться, не прекращает его существования в качестве субъекта международного права. Таким образом, советская сторона нарушила установленные нормы права и совершила акт агрессии против сопредельного государства. Советское правительство отдало распоряжение командованию Красной Армии (465 тыс. штыков) перейти 17 сентября 1939 г. в шесть часов утра** советско-польскую границу «на всем ее протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска» и взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии, а также «вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями». Особо предписывалось избегать столкновений с немцами, не провоцировать войны с Германией³³. Отдельные стычки с немцами все же произошли в районе Львова и на Люблинщине. Советские войска должны были дойти до «линии Керзона». Согласно схеме, принятой сторонами 23 сентября 1939 г., разграничительная линия между действующими германскими войсками и Красной Армией устанавливалась по рекам Нареву, Висле и Сану. Но часть советских войск форсировала Буг и вступила на Холмщину, т. е. достигла границы, установленной договором, заключенным в 1918 г. гетманом Скоропадским с державами Четверного союза.

* В конце марта 1939 г. сотрудники НКВД подготовили первую справку о национальных меньшинствах в Польше. Они анализировали национальное и экономическое положение «непольских народностей», констатировали их неравенство и угнетение. Затем был создан еще ряд подобных документов, что свидетельствовало о пристальном внимании Москвы к данной проблеме. 14 сентября 1939 г. в «Правде» была опубликована редакционная статья, в которой ее автор, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, доказывал, что внутренние причины, а именно социальные и национальные противоречия, угнетение украинцев и белорусов привели Польшу к поражению в войне.

** Гжибовский возвратился из НКВД СССР в посольство в час ночи 17 сентября и направил телеграмму правительству, которая пришла в Куты-Коломыю до советского вступления в Польшу. Рано утром на спешном заседании было решено послать из Москвы не отзываться.

В Красной Армии действовал приказ не применять оружия против польских формирований, не ведущих военных действий, не обстреливать и не бомбить населенные пункты. Командование Войска Польского отдало приказ по армии избегать столкновений с советскими частями и отступать в направлении Румынии и Венгрии. Вступление Красной Армии в Польшу поддерживалось большой агитационно-пропагандистской работой. В приказах-листовках писалось о стремлении Красной Армии вызволить украинцев и белорусов из национального и социального порабощения. Командованию Белорусского и Украинского фронтов предписывалось захватить важные военные объекты в глубине польской территории путем концентрированных рассекающих ударов, не допустить выхода польской армии на территорию сопредельных стран, подавлять сопротивление и обеспечить пленение польских военнослужащих. Испытывая давление Франции, принимая во внимание характер действий Красной Армии, польское руководство признало, что состояние войны с СССР отсутствует. Рыдз-Смиглы, еще находясь на территории Польши, издал приказ: «С Советами не воюем». Одновременно последовало его указание приступить к созданию подпольных военных организаций. Будущий командующий всеми вооруженными силами Польши, включая подпольные в стране, а до 1939 г. неоднократно военный министр генерал К. Соснковский утверждал в 1942 г., что Рыдз «допускал возможность вооруженного выступления Советов против Польши. Однако только тогда, когда под влиянием неблагоприятного оборота дел, российское правительство пришло бы к убеждению, что поляки безусловно проиграли кампанию»³⁴. Это и произошло.

Отдельные польские воинские подразделения, главным образом пограничные патрули, оказывали сопротивление Красной Армии. Было около 40 случаев боевых столкновений с красноармейцами под Вильно, Гродно, Кобрином, Оранами, под Кожевцами, Шацком, в районе Хелма, под Белостоком и Самбором, где воевала кавалерийская бригада генерала В. Андерса. В основном это происходило до получения вышеупомянутого приказа Рыдз-Смиглого. Часть польской армии сложила оружие. В ряде случаев поляки предпочитали русский плен немецкому. Так, гарнизон Львова защищался от гитлеровцев, осаждавших город, до подхода частей Красной Армии, когда выслал парламентеров для переговоров о сдаче города. Командующий генерал В. Лянгнер объяснил: «Вы — славяне». Однако советская сторона, в нарушение условий подписанного акта капитуляции, не предоставила полякам возможности уйти в Румынию.

Велики были человеческие жертвы на польской земле, понесенные в ходе первых боевых операций Второй мировой войны в сентябре 1939 г. Немецкие потери составили от 10,6 до 14 тыс. убитых и 3,4 тыс. пропавших без вести, 27,6 тыс. раненых. Вермахт лишился 33% бронетехники и самолетов (674 танков и 319 бронемашин), 11 тыс. автомобилей. Потери польской стороны были значительно серьезней. По разным данным, погибли от 66,3 до 95–97 тыс. польских военнослужащих, в том числе около 2 тыс. офицеров. Было ранено 130–140 тыс. человек, попали в немецкий плен от 587 тыс. до 694 тыс. человек, из них в лагерях было размещено 420 тыс. человек, в том числе 11,5 тыс. офицеров*. В боях против Красной Армии погибли, по разным

* Судьбы попавших в плен польских военнослужащих складывались по-разному. Значительная часть, в основном солдат, после проверки освобождалась, направлялась на принудительные работы (в Германии), распускалась по домам (в СССР). Производился

сведениям, от нескольких тысяч до 17–19 тыс. человек. В Румынии и Венгрии было интернировано около 70 тыс. солдат и офицеров польской армии, в Литву пробились до 18 тыс. человек³⁵.

Официальные цифры потерь Красной Армии Молотов сообщил 31 октября 1939 г.: 739 убитых, 1862 раненых. По позднейшим подсчетам (1993 г.) Красная Армия потеряла 3379 бойцов, в том числе 996 убитыми. В польской научной литературе утверждается, что было убито и пропало без вести 2–2,5 тыс. красноармейцев и 6–7 тыс. ранено, потеряно 150 броневых автомобилей и 20 самолетов. Польские потери составили 6–7 тыс. человек³⁶.

Точное число поляков, взятых в советский плен и размещавшихся в различных лагерях, вряд ли можно назвать по ряду причин, начиная от приписок штабистов, желавших преувеличить свои успехи, до неоднократных упоминаний одних и тех же имен в приказах командования по разным поводам. Полного учета проведено не было. Судьба пленных иногда зависела от «классового» и «революционного» сознания командира части, его задержавшей: могли и расстрелять, и отпустить домой.

По имеющимся данным, в советский плен было взято 240–250 тыс. человек, из них 11 554 офицеров разного звания. Эту же цифру («примерно 250 тыс.») огласил Молотов 31 октября 1939 г. на V сессии Верховного Совета СССР. Через пункты приема военнопленных и пересыльные лагеря, вероятно, прошло 210–230 тыс. человек. После окончания польской кампании органами НКВД была проведена регистрация и учет задержанных солдат и офицеров польской армии и прочих граждан Польши. Затем офицеры, унтер-офицеры, полицейские, пограничники, таможенники и часть солдат были признаны военнопленными. Они были переданы в распоряжение Управления НКВД по делам военнопленных и интернированных, созданного 19 сентября 1939 г.

По сводному документу НКВД от 19 ноября 1939 г., в лагерях НКВД числилось 125 тыс. человек. Из них было отправлено в Западную Украину и Западную Белоруссию 42 400 человек, передано германским властям 43 000. Таким образом, на это время в лагерях содержалось 39 600 человек, из них офицерский состав — 8500, полицейские и жандармы — 6500. Остальные 24 600 человек составляли рядовые и младшие офицеры, из них 10 400 были заняты на работах в черной металлургии. Согласно справке НКВД СССР от 2 ноября 1945 г., в период с осени 1939 по июнь 1941 г. в лагерях для военнопленных и интернированных военнослужащих польской армии пребывало 130 242 человек, подтверждалось, что в октябре–ноябре 1939 г. было передано немцам 42 492 военнопленных, освобождено и отправлено в западные области УССР и БССР 42 400 солдат и младших офицеров. 25 тыс. человек были задержаны на строительстве дорог на Украине и 11 тыс. человек работали на предприятиях черной металлургии³⁷. Чины полиции и жандармерии содержались в Осташковском лагере, офицеров сосредоточили в лагерях Старобельском-2 и Козельском-2. Офицеры Львовского гарнизона были заключены в лагерь в г. Старобельске*.

обмен пленными, взятыми на территории Польши, по национальному признаку и по ряду других причин. Поэтому число военнопленных в лагерях непрерывно менялось.

* Первоначально в лагеря помещали военнопленных без разделения на командный и рядовой состав. Это были лагеря под № 1. Затем в Козельском и Старобельском лагерях сосредоточили только офицеров. Так возникли Козельск-2 и Старобельск-2. Они вновь стали лагерями для рядовых и офицеров летом 1940 г., где содержались интернирован-

В лагерях, спецпоселках, ссылке, а также под арестом НКВД оказались представители польского аппарата управления и администрации различного уровня, сотрудники судебной и пенитенциарной системы (судьи, прокуроры, тюремная служба и охрана). Среди задержанных были капиталисты, помещики, осадники* и лесники. Так, из вышеприведенной справки известно, что в спецпоселках числилось 243 106 осадников, лесничих и других лиц, под арестом и в ссылке находилось 120 962 человека³⁸.

28 сентября 1939 г. был подписан договор между СССР и Германией о дружбе и границе по рекам Сан и Западный Буг. Этнические польские земли остались под оккупацией Германии, украинские и белорусские отходили к СССР. Вильнюс, взятый Красной Армией 19 сентября, несколько дней спустя был передан Литве. Это соответствовало договорам, заключенным Москвой еще в годы Гражданской войны с правительством Литовско-Белорусской республики, затем с правительством буржуазной Литовской республики. К договору от 28 сентября прилагались три протокола, по которым стороны обязывались: провести репатриацию в Германию немецкого населения, проживавшего в советской сфере интересов; не допускать на подконтрольной им территории польской агитации, направленной против другой стороны; принимать меры для ликвидации подобной агитации в зародыше и обмениваться информацией о «целесообразных» мероприятиях. Договаривавшиеся стороны наделили себя правом произвести «необходимое государственное переустройство» на приобретенных территориях³⁹. Таким образом, после «распада бывшего Польского государства» его территория была расчленена в соответствии с представлениями советского и немецкого руководства о геополитических целях и государственных интересах той и другой страны^{**}.

ные в Прибалтике. Появился и Козельск-3. О судьбах польских военнопленных речь пойдет ниже.

- * Осадники — это отличившиеся участники советско-польской войны 1919–1920 гг., которые почти бесплатно получив землю на восточных окраинах Польши, стали колонистами.
- ** В российской историографии этот договор как правило расценивается как ошибочный, нанеший долгосрочный политический ущерб СССР (см. работы Н.С. Лебедевой). Но, например, М.И. Мельтюхов доказывает, что в сентябре 1939 г. не было 4-го раздела Польши. Хотя с юридической точки зрения произошел раздел территории польского государства, однако, в отличие от разделов XVIII в., СССР практически не получил ни одной территории, где поляки составляли подавляющее большинство, и перенесение границы было лишь восстановлением исторической справедливости. Ответ на вопрос, вступил ли СССР во Вторую мировую войну, зависит от того, какие события считать ее началом. Если под этим подразумевать войну между Англией, Францией и Польшей, с одной стороны, и Германией, с другой, то в эту войну СССР не вступил. Мельтюхов предлагает другое толкование развития событий в сентябре 1939 г.: «Германское руководство стремилось вовлечь СССР в войну с Польшей, чтобы продемонстрировать германо-советский „союз“, но Москва успешно избежала этой опасности. В основу советской пропаганды с объяснением причин вмешательства в германо-польскую войну были положены идеи обеспечения государственных интересов СССР и защиты украинского и белорусского народов в условиях распада Польши. Советскому руководству удалось совместить эту антигерманскую, по сути, пропаганду и сотрудничество с Германией в разделе Польши... удалось полностью обеспечить свои интересы в Прибалтике и, учитывая настроения на Западе, избавиться от решения судьбы подавляющего

Польское правительство во главе с генералом В. Сикорским, созданное во Франции 30 сентября 1939 г., войны СССР не объявило, но квалифицировало происшедшее как четвертый раздел Польши и в ноте протеста заявило: «...Польша никогда не признает этого акта насилия, поскольку сила закона на нашей стороне, мы никогда не откажемся от начатой борьбы, которую мы закончим тогда, когда наша страна будет освобождена от агрессоров, а наши справедливые права будут полностью восстановлены». Однако Лондон и Париж, признав это правительство, заняли осторожную позицию. Они «советовали» Польше не обострять отношений с СССР. Выступая 1 октября по радио, У. Черчилль говорил о том, что присутствие Красной Армии в Польше справедливо и необходимо для обеспечения безопасности СССР от Германии. 12 октября 1939 г. Великобритания сообщила польскому министру иностранных дел А. Залескому, что цель, к которой стремятся союзники, — это победа над Германией. Она же должна быть ближайшей целью поляков, и Польше не следует допускать каких-либо действий, направленных против Советской России, которая еще не перешла в лагерь Германии, и существует надежда на сохранение советского нейтралитета. Залескому заявили, что поляки должны стоять в шеренге вровень с союзниками и «не выбегать» из этой шеренги. Английский министр иностранных дел Э. Галифакс убеждал Палату лордов, что «надо проводить различие между действиями Германии и СССР в Польше». Госсекретарь США К. Хэлл констатировал, что президент Рузвельт и он не хотели бы рассматривать Россию как государство, «воюющее в равной мере как Германия, ибо, поступая так, мы толкнули бы Россию еще дальше в объятия Гитлера». В США надеялись, что эти две страны «полностью не станут союзниками», поскольку «Гитлер не оставит своих претензий к России». Далее Хэлл говорил: «21 сентября я передал президенту известие... из официальных китайских источников в Москве, что советское наступление на Польшу не означало советского участия в европейской войне, а имело целью только обеспечение границы и охрану русского меньшинства в Восточной Польше». Причина такой позиции союзников состояла в том, что после сентября 1939 г. борьба за расстановку сил в начавшейся мировой войне вовсе не закончилась. Сикорский принял предложенную союзниками позицию. Учитывался и тайный протокол к польско-британскому договору, который не действовал в случае вторжения Советской России в Польшу⁴⁰.

Мнение Рузвельта, Хэлла, Черчилля, который 5 июля 1940 г. стал премьер-министром Великобритании, разделяли наиболее дальновидные немецкие генералы. В конце сентября 1939 г. генерал Ф. фон Бок, предвидя мировую коалицию держав

большинства польского народа, переданного в сферу интересов Германии». «Но, — продолжает этот автор, — если рассматривать Вторую мировую войну как процесс смены систем международных отношений, включающих в себя совокупность войн великих держав между собой и другими странами за расширение своего влияния и пересмотр границ, сложившихся в 1919–1922 гг., то в этом случае Советский Союз, конечно же, вступил во Вторую мировую войну, но не на стороне Германии, как полагают некоторые исследователи, а в качестве третьей силы, действующей в собственных интересах» (Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 408; Он же. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939–1941 гг. М., 2008. С. 98). Как видно, эти выводы соотносятся с заявлениями Молотова в сентябре–октябре 1939 г. и Сталина в апреле 1945 г.

и войну Германии на два фронта, писал в «Памятной записке» для военных кругов: «Как можно было предвидеть, полный разгром Польши Германией вызвал активное выступление на арене войны новой державы — России. О ее дальнейших действиях пока еще нельзя ничего сказать. Но уже сейчас Россия обрекает с Востока свободу стратегических действий Германии, не исключено, что в лице России Германия в последующем ходе войны встретит серьезную, а при определенных условиях смертельную опасность»⁴¹.

Итак, Польша стала первой жертвой войны, но и первым государством в Европе, народ которого поднялся на защиту своего национального существования, повел справедливую войну против фашизма и тем положил конец «мирным» завоеваниям нацистской Германии. Однако остается также историческим фактом, что в критический момент, в августе 1939 г., санационный режим, союзник западных держав, сопротивлялся созданию системы коллективного отпора гитлеризму с участием СССР. Тем самым объективно усиливалось недоверие Москвы Западу и вызрело решение о сотрудничестве с Германией. Впоследствии начальник штаба Верховного главнокомандующего Германии генерал-фельдмаршал В. Кейтель и министр иностранных дел Великобритании А. Иден оказывались солидарны в том, что, если бы в августе 1939 г. было заключено англо-франко-советское военное соглашение, Гитлер не решился бы начать войну⁴². Вывод, однако, нуждается в соотнесении с гитлеровскими стратегическими замыслами захвата «жизненного пространства» на востоке Европы и с внешнеполитической линией СССР на использование противоречий в «империалистическом лагере».

1.3. ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ ГИТЛЕРОВЦЕВ: ОКУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ, ГЕРМАНИЗАЦИЯ, ДЕПОРТАЦИИ, ТЕРРОР

По декрету Гитлера от 8 октября 1939 г., занятые Германией этнические польские территории были расчленены. Силезия, Тешинская область, Великая Польша, Поморье, часть Келецкого, Краковского, Лодзинского и Варшавского воеводств (после июня 1941 г. также Белосток с округой) были объявлены частью Германии. Под предлогом возвращения земель, до 1914 г. входивших в состав Германской империи, Третий рейх «приобрел» территории почти вдвое больше того, чем в свое время располагала здесь кайзеровская Германия. Германская граница стала проходить в нескольких десятках километров от Варшавы. Между этими польскими землями и территорией собственно рейха сохранялась паспортная и военная граница. Краковский, Варшавский, Люблинский и Радомский дистрикты (округа), а после начала Великой Отечественной войны Львовщина (дистрикт «Галиция») получили название «генерал-губернаторства для оккупированных польских земель». От присоединенных к Германии территорий генерал-губернаторство, в свою очередь, отделялось таможенной, валютной и полицейской границей, что ставило под немецкий контроль любые контакты между отдельными регионами Польши. Население генерал-губернаторства насчитывало в 1940 г. около 12 млн человек: 9792 тыс. поляков, 1457 тыс. евреев, 536 тыс. украинцев. 65 тыс.

немцев, 23 тыс. человек иных национальностей. На присоединенных к Германии польских землях проживали 10,1 млн человек, из них 8,9 млн поляков, 600 тыс., или 5,9% немцев, 603 тыс. евреев, 11 тыс. украинцев и 21 тыс. представителей иных национальностей. Столицей генерал-губернаторства был объявлен Краков. Во главе генерал-губернаторства и его «правительства» стоял облеченный неограниченной властью губернатор — генерал Г. Франк*. Вступая в должность, он заявил: «Отныне политическая роль польского народа закончена. Он объявляется рабочей силой, больше ничем... Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки самое понятие Польша. Никогда уже не возродится Речь Посполитая или какое-либо иное польское государство»⁴³.

На присоединенных к Германии землях, административно разделенных на ряд провинций, были отменены почти все законы польского государства и введено германское нацистское право. Государственный аппарат стал полностью немецким. С юридической точки зрения генерал-губернаторство не было государственным образованием и считалось территорией, находящейся под иноземным (германским) управлением. На картах, издаваемых тогда в СССР, оно значилось как «Область государственных интересов Германии». Население генерал-губернаторства не имело статуса граждан и политических прав. Были запрещены все польские политические партии, профессиональные союзы, культурные, научные и общественные организации. Поляков считали бесправной массой «туземцев», «недочеловеков». Ниже стояли только евреи и цыгане. Из всех правовых норм на практике сохранилось лишь польское семейное право для «подданных». Все высшие и средние звенья управления территорией перешли к немцам. Согласно декрету Гитлера, из действовавших до тех пор законов должны были остаться в силе те, которые «не противоречат факту принятия Германской империей управления» оккупированными польскими землями⁴⁴.

Допускалось существование лишь низовых польских структур опеки и некоторых элементов системы управления. Посты бургомистров в городах, войтов и солтысов в гминах и деревнях были оставлены за поляками. Польская «синяя» полиция переподчинялась немецкой уголовной полиции («крипо»), находившейся в составе гитлеровской службы безопасности. Была частично оставлена и польская тюремная администрация. Оккупанты сохранили также ряд экономических институтов довоенной Польши, например торгово-промышленные палаты, потребительско-сбытовую кооперацию в деревне. Генерал-губернатор получил право изменять положение в управлении губернаторством. Через безвластные польские звенья управления нацисты осуществляли контроль над производством и торговлей, а также за настроениями польского населения. Для повсеместной замены польского аппарата низового звена гитлеровцам не хватало кадров. Кроме того, по прогнозам гитлеровских «стратегов», не пришло еще время для полной германизации территории генерал-губернаторства, и с фактом существования здесь поляков приходилось пока «мириться».

Руководствуясь геополитическими целями создания «немецкого жизненного пространства», гитлеровцы разрабатывали планы установления «нового порядка» на континенте. Некоторые народы Западной Европы они намеревались германизировать.

* Г. Франк — юрист, член нацистской партии с 1927 г., министр с 1934 г.; в 1945 г. арестован за преступления, совершенные в Польше, Международным военным трибуналом в Нюрнберге признан военным преступником, повешен в октябре 1946 г.

славян же ожидало обращение в рабство и физическое уничтожение. Представители этой «неполноценной расы» подлежали «вытеснению» с территории — до Волги и Урала, во всяком случае. О немецкой колонизации польских территорий говорилось уже в инструкциях и разработках 1940 г. Но интенсивная работа над Генеральным планом «Ост» началась незадолго до нападения на СССР⁴⁵. Польша стала первым полигоном внедрения расовых догм в наиболее циничной и открытой форме. Поляки как нация должны были со временем исчезнуть.

В основу политики на присоединенных землях и оккупационного режима в губернаторстве при всех различиях, которые определялись намеченными сроками завершения германизации и немецкой колонизации, были положены общие принципы. Речь шла о ликвидации национального облика захваченных территорий и уничтожении национального самосознания поляков; физическом истреблении, в первую очередь интеллигенции и активных политических деятелей. Предстояла ассимиляция «пригодной для германизации» части местного населения, начиная с присоединенных к рейху территорий; физическое истребление «непригодных к германизации». Уже в годы войны польская экономика превращалась в аграрный придаток германской «империи», беспощадно, вплоть до физической гибели, эксплуатировалось трудоспособное население, существовали полуголодные продовольственные нормы — все в конечном счете было направлено на исчезновение польского народа.

Начало организованному истреблению поляков было положено уже в сентябре 1939 г., когда гитлеровские войска уничтожали не только части польской армии, но и гражданское население. Еще до начала военных действий были разработаны планы ликвидации польского «руководящего элемента», политических и общественных деятелей, что считалось необходимым условием деградации польского общества, а также блокирования национально-освободительной борьбы народа. В октябре 1939 г. была запланирована акция «выдворения» с присоединенных земель в генерал-губернаторство «враждебно настроенных элементов среди польского населения». «Политическое очищение почвы» на присоединенных землях осуществлялось по проскрипционным спискам, составленным еще до войны, и при содействии отрядов местной немецкой самообороны. В ходе «акции» особое внимание обращалось на политически активных поляков, особенно левых взглядов, участников Силезских и Познанского восстаний, деятелей культуры и лиц, занятых умственным трудом. Всего за годы войны с территории включенных в рейх польских земель были выселены в губернаторство — более 460 тыс. человек, в Германию для германизации — 40 тыс. человек, на трудовые работы во Францию — 25 тыс. человек. Проводились депортации и в генерал-губернаторстве — в концлагеря или на принудительные работы в Германию. Историки считают, что за время войны изгнанию из родных мест в Польшу были подвергнуты до 2,5 млн поляков. На место выселенных и депортированных поляков прибывали немцы, репатриированные из СССР (около 580 тыс. человек). Размещали их преимущественно в административном округе, созданном из Познаньского и частично Лодзинского и Поморского воеводств под названием «Край Варта» (85%), а также в Силезии, Поморье и Восточной Пруссии. Гауляйтер округа считал, что пришедшие немцы быстро германизируют эту территорию⁴⁶.

В октябре 1939 г. Гитлер дал указание Гиммлеру и Франку: «не допустить того, чтобы польская интеллигенция стала в генерал-губернаторстве руководящей прослойкой,

и сделать невозможным создание ячеек национальной жизни». На этой территории уничтожение «руководящего элемента» происходило уже осенью 1939 г., но массовый и целенаправленный характер приобрело с весны 1940 г., когда в ходе «чрезвычайной пацификационной акции» (акция А-Б) было расстреляно несколько тысяч представителей польской интеллигенции. Волна расправ с «руководящими элементами» в губернаторстве прошла в связи с нападением Германии на СССР. Заклучению подлежали строптивые католические ксендзы, «враждебные поляки» и коммунисты. Арестовано было несколько сотен коммунистов, членов воссоздававшихся в подполье левых рабоче-крестьянских организаций, социалистов и радикальных деятелей крестьянского движения. В таких специальных экзекуциях погибли 52 тыс. человек⁴⁷.

Одновременно нацистами проводилось насильственное онемечивание поляков. «Акция» началась на присоединенных территориях в октябре 1939 г. по распоряжению А. Грейзера*, гауляйтера «Края Варта». С этой целью производилась запись в немецкие национальные списки (фолькслисты) местных немцев по национальности (фольксдойче). Постепенно запись «в немцы» распространилась на некоторые группы поляков на всех включенных в рейх польских территориях. Создавались специальные списки, которые подразделялись на четыре категории (I–IV), внесенные в них лица получали, соответственно, разные объемы привилегий или ограничений в правах. «Немцами» могли быть признаны не только лица действительно немецкого происхождения, но и поляки, состоявшие с ними в браке, имевшие одного из предков немца, а также поляки — автохтоны (силезцы, кашубы и мазуры). Система фолькслистов имела целью онемечивание части польских граждан, превращение «на законных основаниях» польской собственности в немецкую, а также создание кадрового резерва для призыва в гитлеровскую армию. Планировалось «сделать немцами» половину населения присоединенных земель.

Первоначально гитлеровцы рассчитывали на добровольную запись, но вскоре пришлось поставить население перед выбором: или «в немцы» или в концлагерь. Были среди поляков те, кто выбирал концлагерь. В итоге в фолькслистах оказались 2,7–3 млн человек, из которых в привилегированные списки (I–II) зачислили лишь 959 тыс. В генерал-губернаторстве, где такая запись не давала германского гражданства, записавшихся было около 100 тыс. человек. Они переселялись в Германию. Фольксдойче, по сравнению с остальным населением, кроме ряда бытовых льгот (продовольствие, жилье, налоги) получали более высокую оплату труда. Их не могли схватить на улице и отправить в лагерь или на принудительные работы в Германию. Хотя на практике бывало иначе. Например, «немцев» Поморья из III и IV списков депортировали в губернаторство. Новообращенные «немцы», а порой и поляки призывались в вермахт. В результате свыше 200 тыс. фольксдойче и поляков оказалось в вермахте. Часть их воевала на Восточном фронте, и летом 1945 г. 46 856 человек находились в советских лагерях для военнопленных⁴⁸.

Таким образом, действуя по принципу «разделяй и властвуй», оккупанты стремились расчленить население Польши на обособленные национальные группы. Они про-

* В 1934–1939 гг. Грейзер был президентом сената вольного города Данцига (Гданьска). Осенью 1939 г. назначен гауляйтером, обладал высшей партийной и государственной властью в регионе, в 1946 г. польским судом признан военным преступником, публично повешен в Познани.

тивопоставляли полякам не только немцев, но использовали национальные разногласия и сепаратистские настроения, существовавшие среди некоторых этнических групп населения многонациональной довоенной Польши. Так, всячески выделяли украин-ских сепаратистов, которых использовали как полицейских и агентов в польской среде, назначали низшими чинами в администрации, в охрану на предприятиях или над-зирателями над поляками в тюрьмах и лагерях. Там, где жили украинцы, действовала украинская администрация и украинская полиция. Генерал-губернатор неоднократно обещал украинскому населению создать все условия для национального и культурного развития. Если в 1939 г. на территории губернаторства было 2510 украинских школ, то в 1942/43 учебном г. — 4173⁴⁹.

В обеих «германских» частях польских земель проводилась жесткая политика подавления национального самосознания и культуры поляков. Преследовалась цель низвести население Польши до положения бесправных рабов, лишенных националь-ных традиций и общественных запросов, привить полякам ощущение обреченности на моральное и физическое уничтожение: «Для населения немецкого востока, — утверж-дал Гиммлер, — могут существовать школы не выше четырехклассных. Задача такой народной школы исключительно проста: научить считать до 500, написать имя и вну-шить, что божьим повелением является послушание немцам, учтивость, быстрота, по-корность. Научить читать не считаю необходимым». По словам М. Бормана, заместите-ля Гитлера по партии, «славяне должны работать и умереть, когда станут ненужными немцам. Здравоохранение, следовательно, излишне. Просвещение — необязательно. Достаточно, чтобы славянин мог сосчитать до ста»⁵⁰.

Были ликвидированы польские научные учреждения, закрыты театры, музеи, уни-верситеты, разрушена система просвещения, допускалось существование лишь ограни-ченного числа начальных школ без преподавания истории, географии, литературы, т. е. предметов, которые воспитывают и поддерживают чувства национальной принадлеж-ности. Полякам запрещалось посещать кино и театры, парки, рестораны «только для немцев». Им отводились отдельные места в трамваях, поездах. В Познани они были обя-заны снимать шапку перед немцем. На польских землях, включенных в состав Германии, государственным языком стал немецкий, были закрыты все польские школы, говорить по-польски на улицах, в учреждениях и на предприятиях как правило запрещалось, в некоторых округах допускалось общение через переводчика. В генерал-губернаторстве сохранялись польские начальные и немногочисленные профессиональные школы.

Гитлеровские преследования повсеместно и в массовом порядке коснулись хра-нительницы польского национального духа — римско-католической церкви, кото-рая рассматривалась оккупантами как оплот «польскости», как важнейший фактор национально-политической жизни общества. Запрещены были набор в духовные се-минарии, религиозные шествия, молитвы с упоминанием названия страны — Польша. Нацисты контролировали пастырские проповеди, ограничивали число богослужений, отменили национальные и некоторые церковные праздники. Церковный амвон актив-но использовался оккупационными властями в своих интересах для различных при-зывов и объявлений. Закрытие костелов и репрессии священнослужителей были по-всеместными, но особенно массовыми — на присоединенных землях. Польский язык был изгнан из богослужения, прежде всего из проповедей. Исповедоваться по-польски было опасно. Ксендзов отправляли в концлагеря. Верующим «обезглавленных»

приходов было запрещено ходить в соседние костелы. Всего в Польше за годы войны погибли несколько епископов римско-католической церкви и почти три тысячи ксендзов, монахов и монахинь. Репрессии коснулись и других конфессий. Была запрещена Евангелическо-Аугсбургская церковь как «продавшаяся» полякам, ее глава епископ Бурше погиб в концлагере. Беспощадно уничтожались синагоги, священнослужители погибали вместе со своими прихожанами в газовых камерах «лагерей смерти». Преследовались и патриотически-настроенные прихожане Польской православной церкви, хотя часть ее иерархов находилась в контакте с властями. Православные украинцы и, прежде всего, Украинская греко-католическая церковь сотрудничали с оккупантами, рассчитывая на поддержку в борьбе за независимую соборную Украину⁵¹.

Годы гитлеровской оккупации были наиболее трагическим временем жизни польского народа в XX в. Они отмечены нацистским массовым террором, когда людей казнили на улицах городов, расстреливали и вешали за неблагонадежность, за патриотические настроения, за нежелание работать на оккупантов, за невыполнение распоряжений властей, за неуплату налогов и невыполнение сельскохозяйственных поставок, за «неарийскую» национальную принадлежность. Приказы генерал-губернатора грозили полякам смертью за помощь согражданам-евреям, за спасение еврейских детей, за укрывательство раненых и бежавших военнопленных и узников тюремных застенков, партизан («бандитов») и т. д.

Геноцид народов, организованный нацистами, начался с истребления цыган и евреев уже в 1939 г. За годы войны были уничтожены 30 тыс. польских цыган. Используя широко распространенные антисемитские настроения в довоенном польском обществе*, гитлеровцы избрали польскую землю для «окончательного решения еврейского

* Подтверждением тому являлись убийства евреев, в том числе сторонников советской власти, обычными поляками, акты самосуда и зверского уничтожения еврейского населения летом 1941 г. в Белостокском воеводстве после нападения Германии на СССР. Так, в небольших городах Радзивилове и Едвабне 7 и 10 июля 1941 г. соседи-поляки при попустительстве немцев безжалостно издевались и заживо сожгли еврейское население. В Едвабне сгорели более 1000 человек. В преступлении участвовали несколько десятков поляков. В 1949 г. в Польше состоялся суд над 20 участниками расправы, один человек был приговорен к казни, 11 — к заключению на срок от 8 до 15 лет, 10 человек оправданы. На рубеже XX и XXI вв. проводилось новое расследование этих событий. Прокуратура пришла к выводу, что поляки сыграли «решающую роль в реализации преступного плана», совершенного при попустительстве и заинтересованности гитлеровцев. Жертвами стали несколько сотен евреев. Тем не менее, в польской науке и обществе отсутствует единство в оценках этого события. Одни, как например А. Новак, считает вредным «национальное самобичевание» и определяет происходящее в стране обсуждение как «столкновение истории национальной славы с историей национального позора и скорее агрессивное наступление второго на первое». Полемизирует с таким «упрощенным способом» восстановления национальной истории П. Махцевич. Он считает, что «отворачиваться или преуменьшать то, что в нашем прошлом не приносит чувства гордости, ни к чему не приведет. Раздражающие проблемы раньше или позже напомнят о себе... Единственно разумной позицией может быть поиск полной правды о прошлом. Она ничем не отягощает поляков, живущих сегодня» (Wokół Edwabnego. T. 1–2. Warszawa, 2002. T. 1. S. 16–17, 32–56, 468–469). О дискуссии по поводу Едвабна и о проблеме антисемитизма в Польше см. также: Яновский М. Едвабне, 10 июля 1941 года: дискуссия о событиях страшного дня // Pro et contra. 2011. Т. 15. С. 144–164.)

вопроса» на территории всей подчиненной Европы. С 1939 г. в генерал-губернаторстве, куда депортировались евреи с территорий, включенных в рейх, началось создание специальных резерваций для евреев — гетто. «Заселение» этих мест строгой изоляции евреями и лицами еврейского происхождения до третьего колена производилось насильственно. Самые большие гетто были организованы в Варшаве, Лодзи, Кракове, Белостоке. Польские евреи были лишены права владеть каким-либо недвижимым имуществом. В 1942 г. планомерное физическое уничтожение евреев от мала до велика превратилось в государственную политику гитлеровской Германии. В концлагерях Штуттгофа, Освенцима, Трешлинка, Собибура, Белжеца и др. были уничтожены миллионы евреев — граждан разных стран. Из 2,7 млн евреев, проживавших в довоенной Польше, 1,7 млн человек погибли в печах крематориев в концлагерях, в «трудовых» лагерях и гетто. Пережили оккупацию несколько десятков тысяч и те представители этого народа, кто осенью 1939 г. бежал в Советский Союз.

Особую роль в гитлеровской системе истребления людей играли лагеря разного назначения. Начиная с осени 1939 г. они создавались на польской земле, где их было около 5000, в том числе 18 концентрационных, почти 2000 трудовых, сотни пересыльных, строительных и т. п. За годы оккупации через лагеря и тюрьмы прошли 5 млн польских граждан, выжили около 900 тыс. человек⁵².

Задолго до начала войны гитлеровцы изучали возможности использования польской экономики и трудовых ресурсов Польши в интересах Германии. 2357,2 тыс. жителей генерал-губернаторства и отторгнутых земель, или 55% всех иностранных рабочих, принудительно депортированных в рейх, работали в германской промышленности и сельском хозяйстве. На включенных в рейх польских землях оккупанты произвели конфискацию собственности, принадлежавшей польскому государству, акционерным обществам, полякам и евреям*. Первоначально гитлеровцы планировали полностью уничтожить экономику генерал-губернаторства, но интересы войны вынуждали переориентировать ее потенциал на обслуживание потребностей армии. Реорганизация промышленности в генерал-губернаторстве осуществлялась постепенно, но тоже через прямое изъятие собственности в пользу германского государства, крупных монополий и различных ведомств. Всего гитлеровцы захватили более половины фабрик и заводов и около трети сельскохозяйственных имений. Часть крупных предприятий и помещичьих имений находилась под принудительным управлением оккупационных властей, поэтому в генерал-губернаторстве польский капитал и крупные землевладельцы до некоторой степени сохранили свои позиции⁵³.

В связи с размещением немецких военных заказов увеличивалось количество действовавших предприятий и занятость рабочих. Но с 1943 г. ситуация стала меняться, и к июлю 1944 г. на польских землях действовало лишь 20% военного производства. Росла безработица, ширилось нелегальное производство и торговля на черном рынке, который внес свою лепту в дезорганизацию оккупационной экономической системы, но дал возможность многим полякам выжить⁵⁴.

* Они лишили евреев права на владение собственностью. Напомним, что среди 300-тысячной польской буржуазии евреи по национальности составляли примерно 40%. Это служило питательной почвой для распространения антисемитизма и поддержания националистических настроений в польском обществе.

Общенациональные задачи, вставшие перед поляками, консолидировали нацию вокруг идеи борьбы за независимость и тем самым оттесняли социальные противоречия на второй план. Тем не менее, всю тяжесть оккупации и национально-политического бесправия несли на своих плечах люди, никогда не имевшие собственности, в первую очередь рабочие и разночинная интеллигенция. За годы войны их облик претерпел существенные изменения. Рабочий класс люмпенизировался, пополнялся за счет крестьянской бедноты, мелких городских слоев, лишившейся профессионального заработка интеллигенции. Расширился разброс его политических интересов и ориентаций. Жестокая эксплуатация, рабочий день, доходивший до 10–12 часов, мизерная зарплата, ничтожное карточное обеспечение (515–824 калории при норме 2400–3100 ккал на человека в сутки) — все это вело к падению производства, снижению производительности, к саботажу, росту выпуска бракованной, в том числе военной, продукции и протестам. В годы оккупации, когда за любой проступок грозила смертная казнь, были тем не менее отмечены десятки стачек экономического характера. Подавляемые с жестокостью, они, за исключением двух случаев в Варшаве, оканчивались поражением рабочих. Поэтому обычной формой протеста были саботаж разного рода (порча сырья и полуфабрикатов, отправка вагонов не по адресу и т. д.). После нападения Германии на СССР саботаж на военном производстве принял широкие масштабы. Оккупантам не удавалось приручить ни социальную, ни национально-политическую сознательность рабочих, изолировать их от других социальных групп и слоев. Непрерывно увеличивавшаяся потребность Германии в сельскохозяйственной продукции («блицкриг» провалился, война затягивалась, армия росла) оборачивалась ростом поборов с польских крестьян. В деревне ширились антигитлеровские настроения, крестьянство подтверждало свою патриотическую позицию. Политические ориентации крестьянства определялись как национальным противостоянием (оккупанты vs польский народ), так и сохранявшимися социальными и сословными противоречиями (помещики vs крестьянство).

Бывшие имущие слои города и деревни были поставлены оккупантами в такие национально-политические условия, которые полностью исключали или оставляли самые незначительные возможности сотрудничества. Как и вся нация, те, кто утратил собственность и власть, оказались перед перспективой физического уничтожения и в абсолютном большинстве заняли патриотические позиции. Антигитлеровские и антисоветские настроения определили активное участие и руководящие позиции в массовом движении Сопротивления представителей социальных групп, формировавших довоенный политический класс Польши. Эти же факторы обусловили устойчивое доверие большинства поляков к правительству в эмиграции и его внешнеполитической ориентации на союзные Польше западные державы⁵⁵.

Таким образом, политика нацистов, направленная против всех слоев общества, создала реальные предпосылки для национального объединения в борьбе за восстановление независимой Польши. Здесь не возникло сколь-нибудь значительного течения, выступавшего за политическое сотрудничество с гитлеровцами, как было, например, в Норвегии, Хорватии, Сербии, протекторате Богемия и Моравия, во Франции. Следует учитывать, что гитлеровское руководство демонстрировало отсутствие потребно-

сти в использовании польских политических коллаборационистов разного уровня. **Надо** отметить и другое обстоятельство: территория Польши была тылом будущего Восточного фронта, и на путях к действующей армии гитлеровцам не нужны были дополнительные, ненадежные звенья в системе управления территорией, экономикой, транспортом*.

Польша не явила миру «своего» Квислинга, хотя претенденты на этот «пост» были (например, известный германофил В. Студницкий). Тем не менее задача физического и национального выживания в оккупационной действительности вынуждала большинство поляков вступать в контакты с иноземной властью. Часть поляков вольно или невольно становилась посредником между населением и оккупационной администрацией, пойдя на службу в низовые структуры местного управления, органы опеки, польскую полицию, издавая подконтрольные гитлеровцам польские газеты. Имели место и факты прямого предательства тех, кто становился гитлеровским агентом под давлением или по убеждению.

Итак, в годы гитлеровской оккупации перед польским народом был выбор: подчиниться, быть покорным (что не гарантировало выживания) или бороться и отстаивать свое право на жизнь и государственность. Но если бороться, то кто станет лидером освободительного движения? Единые патриотические позиции вовсе не отменяли различий во взглядах представителей почти всех социальных групп и политических партий на формы, методы, средства борьбы и ее конечные цели. Не совпадали позиции по принципиально важной проблеме союзников внутри и вне страны. И главное: по-разному звучал ответ на вопрос, какую Польшу надо строить после войны. Ближайшее будущее показало, что в борьбе за освобождение вопрос о союзниках все больше становился основным и решающим.

* «Коллаборационизм» характеризуется российскими учеными как сложное явление. Его проявления зависят от того, в какой сфере осуществлялось сотрудничество с противником. Исследователи выделяют разные его формы: бытовой, административный, экономический и военно-политический коллаборационизм. Считается, что далеко не все указанные действия могут расцениваться как предательство. Только военно-политический коллаборационизм считается изменой Родине. Некоторые авторы и здесь различают пассивную деятельность и активное участие в боевых действиях с оружием в руках на стороне III рейха. Применительно к социальной истории коллаборационизм трактуется как различные способы физически выжить в условиях оккупации (*Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 11; *Кринько Е.Ф.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2000. № 11; *Fódrówitz M.* Der Mythos der Reinheit. Die Polnische Kolaboration werend des Zweiten Weltkriegs // www.veb archivserver.de/pin.archiv01/1301ob25htm; *Strzembosz T.* Przemilczana kolaboracja // Rzeczpospolita. 2001. 27 stycz.; *Kochanowski J.* Wyrwy szeregu. Polacy do Wehrmachtu czyli pomysły do kolaborację // Polityka. N 7. 2001. 17 lut.).

1.4. Правительство в эмиграции: политический облик, организация сопротивления, международное взаимодействие

Генерал В. Сикорский, возглавив правительство национального согласия, находившееся до середины 1940 г. во Франции, затем в Великобритании, принял отставку Э. Рыдз-Смиглого и стал Верховным главнокомандующим. В правительство вошли политики и генералы, оказавшиеся на Западе. Фактически они, на словах осуждая «санацию», представляли союз довоенной оппозиции («Фронт Морж») с частью санационного лагеря. Была объявлена преемственность государственности и легитимность правительства, созданного на основе действовавшей Конституции 1935 г. Правительство, сформированное Сикорским, являлось коалицией четырех наиболее влиятельных политических партий и движений. Вскоре правительственная структура расширилась. Она почти дублировала предвоенный вариант, несколько тяжеловесный для работы в условиях эмиграции: девять министерств (внутренних дел, юстиции, финансов, промышленности, торговли и судоходства, просвещения и школьных проблем), ряд бюро, комитетов и комиссий⁵⁶. Средства на их работу обеспечивали английские займы под 5% годовых.

При правительстве были созданы новые структуры: Комиссия по делам сентября 1939 г. и Комитет по делам края (страны). В состав Комитета входили два министра и два члена от Рады народной (Национального совета) Польской Республики — совещательного органа при президенте, созданного в декабре 1939 г. на период войны. Структура, не предусмотренная Конституцией, просуществовала до 21 марта 1945 г. в составе сначала 20 человек*. Рада не располагала существенными правами, которые позволяли бы влиять на решения правительства и президента. Она могла по собственной инициативе разрабатывать проекты будущего устройства страны. Периодически глава правительства знакомил Раду с результатами международной деятельности: обсуждались отношения Польши и «большой тройки», намерения Кремля, место Польши в политике США и Британии, будущее Польши, успехи правительства и его ошибки. Особых «неприятностей» от Рады правительство иметь не могло — большинство ее членов были сторонниками В. Сикорского и его заместителя, лидера СЛ в эмиграции С. Миколайчика.

В правительственной структуре были учреждены новые должности: уполномоченные правительства, или делегаты — делегат по контактам с Францией, по польским делам на Ближнем Востоке и делегат по связям со страной. Со временем последний стал в подполье весьма значительной фигурой, в 1944 г. получил ранг вице-премьера.

* Летом 1941 г. ее состав увеличился до 40 человек за счет поляков, представлявших эмиграцию в СССР; украинское и белорусское население довоенной Польши своих представителей здесь не имело. Сикорский объяснял это тем, что среди этих народов не было найдено лиц, признающих польскую государственность. Известный санационный историк В. Побуг-Малиновский злословил: правительство уже отказалось от восточных кресов (*Duraczyński E., Turkowski R. O Polsce na uchodźstwie. Rada Narodowa Rzeczypospolitej Polskiej. 1939–1945. Warszawa, 1997. S. 207–208, 240–242*).

Ему подчинялись четыре представителя политических партий правительственной коалиции в ранге министров. При формировании коалиционного кабинета ряд постов заняли политики прежнего режима. Так, за министром иностранных дел в правительстве Пилсудского А. Залеским этот портфель был сохранен. К. Соснковский, профессиональный военный, извечный соперник Пилсудского и Сикорского, неоднократно военный министр, по устному завещанию Пилсудского* один из трех польских генералов, которые могут командовать польской армией (два других — Рыдз-Смиглы и Сикорский), возглавил Комитет по делам страны и тем самым стал командующим подпольной военной организации на территории Польши. Решение о создании такой организации было принято правительством в январе 1940 г. Одновременно Соснковский являлся «наследником» главы государства — президента В. Рачкевича, сторонника Пилсудского, в 1930–1935 гг. маршалка сената, неоднократно министра внутренних дел. Таким образом, пилсудчикам принадлежали в правительстве Сикорского важные посты, что позволило им иметь ведущие позиции в военном подполье.

Оппозиции было возвращено право представительства в правительстве, которое заявило о привлечении к ответственности виновников сентябрьского поражения. Декретами президента объявлялись незаконными на территории польского государства любые распоряжения как германских, так и советских властей. В декабре 1939 г. была принята правительственная программа послевоенного устройства Польши⁵⁷. Заявленные в ней положения свидетельствовали, что правительство высказывалось за восстановление той системы буржуазно-демократического парламентаризма, которая существовала до переворота Пилсудского в 1926 г. В социально-экономической области провозглашались принцип социальной справедливости и всеобщее право на труд «с особым учетом требований трудящихся масс на землю и работу». В области внешней политики выдвигалась идея создания конфедерации государств Центральной и Восточной Европы.

Первейшей своей обязанностью правительство объявляло активное участие Польши и ее армии в войне во имя восстановления довоенной территории Речи Посполитой. Оно настаивало на законности границы с СССР, существовавшей до 17 сентября 1939 г. Было выдвинуто требование непосредственного и широкого доступа Польши к морю и установления таких рубежей, которые гарантировали бы ее прочную безопасность. Подтверждался союз с Францией и Великобританией, основанный на принципах полного равноправия партнеров, тесного сотрудничества как в ведении войны, так и определении ее целей (в годы войны ничего подобного польское правительство от западных союзников так и не добилося). В устных выступлениях Сикорский намекал на реализацию аграрной реформы после войны. Главные усилия нового руководства планировалось направить на подготовку его возвращения к власти, стране в момент ее освобождения англо-французскими войсками, в чем тогда была полная уверенность. Правительство Сикорского получило международное признание, что означало право выступать от имени польского государства. Сохранились дипломатические связи и посольства. Правительство обладало правом подписывать договоры и соглашения Польши с другими государствами. Были

* Имеется в виду составленный Пилсудским документ, где давались характеристики всем польским генералам; опубликован в подпольной печати социалистов.

достигнуты соглашения о создании польской армии во Франции (9 сентября 1939 г. и 4 января 1940 г.), а затем в Великобритании (польско-английское соглашение о взаимном сотрудничестве в политической и военной областях от 18 июля 1940 г.). Тем самым создавались условия для объединения сил поляков, находившихся за границей, на борьбу против Германии.

Основными направлениями деятельности правительства в начальный период оккупации Польши стали политическая активность на международной арене, военное участие в войне с Германией и организация военно-политического подполья в стране. От участия в решении этих задач, считал Сикорский, будут зависеть возвращение правительства к власти в Варшаве после войны, престиж Польши и ее голос на будущей мирной конференции. Во имя борьбы с Германией началось создание во Франции, а также на Ближнем Востоке польских дивизий и бригад. Они формировались и рекрутировались из многочисленной польской трудовой эмиграции во Франции (450 тыс. человек) и Бельгии (30 тыс. человек), а также солдат и офицеров Войска Польского, бежавших из Польши в сентябре 1939 г. в Румынию и Венгрию, затем осевших во Франции. После нападения Германии на Францию в мае 1940 г. в боях участвовали две польские дивизии, польские летчики и моторизованная бригада, общей численностью 50 тыс. человек; погибло 1,4 тыс. и около 4,5 тыс. человек получили ранения. Кроме того, во французских владениях на Ближнем Востоке была сформирована отдельная бригада Карпатских стрелков (4 тыс. человек), которая после падения Франции перешла в «английскую» Палестину. В период немецко-итальянского наступления на Египет (апрель 1941 г.) она участвовала в обороне Тобрука и последующих боях в Ливии.

На разгром Франции у вермахта ушло меньше времени, чем на разгром Польши. В войне за Францию Сикорский потерял фактически 80-тысячную армию; часть была взята в плен, часть интернирована в Швейцарии (13 тыс.), часть покинула ее ряды. Ранее считалось, что польскому командованию удалось переправить в Англию 23–25 тыс. человек. Согласно новым исследованиям, были эвакуированы 17 205 солдат сухопутных войск. Потеря армии вынудила Сикорского скорректировать дальнейшие планы участия Польши в войне. По соглашению с Англией от 5 августа 1940 г. правительство начало формирование 1-го корпуса и авиационных дивизионов, в состав которых был зачислен 151 польский летчик. Они принимали участие в «битве за Англию». Три польских эсминца и две подводные лодки, ушедшие в сентябре 1939 г. в Англию, а также арендованные у Великобритании корабли несли вместе с британским флотом службу на морях. Всего в польской эскадре значились крейсер, 6 эсминцев, 3 подводные лодки, 5 катеров, 4 тыс. членов экипажей. Они участвовали в эвакуации британских войск из Дюнкерка и боях у Нарвика, ходили в конвоях в Мурманск и Архангельск. В 1940–1945 гг. в составе польского военного флота числилось 26 кораблей. Морской транспорт союзников пополнился за счет 36 польских торговых судов водоизмещением около 117 тыс. т, которые осенью 1939 г. оказались за пределами польских территориальных вод. Формировалась и танковая часть. Однако резервы для пополнения польских частей в Англии почти отсутствовали⁵⁸.

Организация подпольной деятельности в оккупированной Польше была не менее, а может быть более важной задачей, чем участие поляков в боевых операциях в составе армий союзников. Основные структуры управления подпольем всех направлений располагались в Варшаве. Г. Франк, резиденция которого находилась в Кракове, утверж-

дал, что если бы не Варшава, то у него не было бы $\frac{3}{4}$ всех забот на «подведомственной» территории. Подпольные структуры рождались постепенно, в ходе военных действий польской армии и первых партизанских отрядов, оказывавших сопротивление гитлеровцам. Осенью 1939 г. кадровыми польскими офицерами по приказу Сикорского был создан СВБ — Союз вооруженной борьбы (Звѣнзек вальки збройней), преемник довоенной армии в условиях оккупации. Структурно, включая новые советские территории, СВБ состоял из 6 округов. Все участники СВБ считались действующими военнослужащими. Постепенно Союз превращался в многочисленную патриотическую организацию. На территории, оккупированной гитлеровцами, командовал Союзом полковник, вскоре генерал С. Ровецкий («Грот»). Генерал М. Карашевич-Токажевский был назначен командующим СВБ на «восточных» землях. Из Парижа и затем Лондона командование осуществлял генерал К. Соснковский, поскольку СВБ официально подчинялся правительству. В июне 1940 г. командующим СВБ на всей бывшей территории страны стал С. Ровецкий. Распоряжение военными структурами полностью сосредоточилось в Варшаве⁵⁹.

В правительстве считали, что СВБ должен быть не союзом отдельных военных структур, а монолитной, общенациональной организацией, внепартийной, надклассовой и единственной на территории всей страны, верной католическим идеалам и объединявшей для борьбы с оккупантами всех участников без учета их политических взглядов и социального происхождения. Такой национально-патриотический подход был понятен многим полякам и придавал Союзу авторитет и популярность в народе. Основная задача СВБ определялась как соби́рание сил, накопление оружия, обучение и подготовка к всеобщему восстанию, установлению польской власти в момент краха оккупации и освобождения страны англо-французскими, а затем, как надеялись в СВБ, англо-американскими войсками. Активные вооруженные действия допускались лишь в случае необходимой самообороны. Следовало стоять «с ружьем к ноге», «беречь кровь», ожидая конца войны и уничтожения «последнего большевика». Такую тактику безоговорочно приняло правительство в эмиграции. В конце 1990-х гг. один из участников военного подполья Е. Щляский так писал об этой тактике: «...правда, что вооруженная борьба не была главной задачей Подпольного Государства. Его важнейшей целью выступала защита польской биологической, культурной и экономической субстанции...»⁶⁰.

Опорой правительства являлась учрежденная осенью 1940 г. Делегатура (представительство) правительства и делегаты, олицетворявшие собой исполнительную высшую государственную и политическую власть в оккупированной стране. В итоге ряда согласований с правительством в декабре 1940 г. были назначены два делегата: для губернаторства — христианский демократ К. Ратайский (этот пост со временем станет единственным), для включенных в рейх территорий — сенатор А. Бниньский. Вакантным было место делегата для «восточных» земель. Тогда же были определены и структуры этой власти — департаменты внутренних дел, казначейства, юстиции, труда, здравоохранения, образования, промышленности, сельского хозяйства, транспорта и др., воспроизводившие систему государственного аппарата довоенной Польши. В прерогативы делегата входило принятие по согласованию с партиями политических решений и директив и взаимодействие с СВБ. В феврале 1940 г. оформился совещательный орган первоначально при СВБ, затем при Делегатуре — Политический согласительный

комитет (ПСК), который состоял из представителей партий, входивших в состав кабинета. Социалистов в нем представлял К. Пужак, людовцев — С. Корбоньский, эндеков — А. Дембский, хадецию — Ф. Квецинский. На учредительном заседании присутствовали С. Ровецкий и М. Карашевич-Токажевский. Со временем ПСК превратится в независимый от военных сил политический институт и станет чем-то вроде парламента в подполье⁶¹.

Таким образом, в конце 1940 г. сложилась трехзвенная система подпольных военных (СВБ), политических (ПСК) и государственных (Делегатура) структур, которая опиралась на различные общественные организации. Они, как считают польские историки, обеспечивали контакт между властью и обществом в его повседневной жизни. Окончательное оформление этой системы пришлось на последующий период. На рубеже 1943–1944 гг. она получила наименование «подпольное государство».

Политическая база правительства и подполья в стране была достаточно пестрой в социальном и политическом отношениях. Поэтому не все действия и намерения правительства полностью поддерживались и принимались активной частью общества. Поражение в сентябре 1939 г. усилило разногласия в Стронництве народоном. Часть Лагеря Великой Польши, сторонники «санаций», националистически настроенные клерикальные группы находились в правой оппозиции правительству Сикорского. Другая, в основном молодая, часть лагеря эндеции, а именно «Конфедерация народа», поддерживала отношения с правительством, видела свою цель в войне за Польшу «от моря до моря», считала, что создание великодержавной Польши разрешит социальные противоречия, будет содействовать развитию промышленности, ликвидации безработицы и перенаселения деревни. Ее идеологи полагали, что польская колонизация украинских и белорусских земель даст возможность провести аграрную реформу и создать крупные польские крестьянские хозяйства (20–30 га). Аксиомой считалась неприкосновенность крупной земельной собственности в самой Польше, а мечтой был день, когда можно будет «взять обратно во владение свою собственность» и получить от союзников границы, «выровненные» за счет восточных и северо-восточных германских провинций.

Раскол в СН на «старых» и «молодых» не снизил претензии эндеции на гегемонию в подпольном движении и единоличную власть в освобожденной стране. Программные установки СН мало отличались от заявлений Лагеря Великой Польши. Негативное отношение этой партии к Союзу вооруженной борьбы и решение ее руководства приступить к созданию собственной военной организации были во многом следствием постоянного соперничества эндеков с «санацией» в борьбе за власть. Для эндеков и Сикорский, близкий к клерикальной партии Стронництво працы, был левым политиком, поэтому с большим трудом СН пошло на сотрудничество с ППС и людовцами в Политическом согласительном комитете⁶².

Иными были идеолого-политические представления других партий правительственного лагеря, временами объединявшихся в своеобразный центр-левый блок. Массовой политической силой, антагонистом Стронництва народоного, являлось демократическое Стронництво людове (СЛ), имевшее широкую и традиционную опору в крестьянстве. Созданное в подполье Центральное руководство людовского движения (ЦРЛД) во главе с М. Ратаем (после его гибели — Ю. Нечко) приступило к деятельности в начале 1940 г. и уточнило название партии. Добавив аббревиатуру РОХ

(Рух опору хлопув — Движение сопротивления крестьян), партия стала именоваться СЛ-РОХ. ЦРЛД не видело возможности военного взаимодействия с эндецией и СВБ и приняло решение о формировании собственной военной организации — Батальонов хлопских. Они же были нужны для защиты деревни и крестьян от террора оккупантов и поддержания порядка в стране после их изгнания. В июле 1941 г. людовцы опубликовали подпольную программу «О форме и сути будущей Польши», где наметили общие контуры преобразований в духе демократического аграризма и констатировали, что возрождение государства должно состояться на основе Конституции 1921 г. Они отвергали политику гитлеровцев, которая разрушала сложившуюся структуру экономики и угрожала существованию польского народа. Крестьянские идеологи считали, что после войны и оккупации необходимо не латать разрушенное, а заняться кардинальным реформированием общественного устройства. Надо отметить, что людовцы не принимали как гитлеровские «преобразования» экономики, так и большевистские методы хозяйствования. Официальная и единственная программа СЛ-РОХ была принята в декабре 1943 г.⁶³

К этому времени ситуация на главном фронте войны принципиально изменилась в пользу Красной Армии. В оккупированной Польше обозначилась радикализация настроений, и центр тяжести намерений людовцев сместился в социальную плоскость. На первый план были выдвинуты требования неотложного проведения аграрной реформы, устранения мелкой чересполосицы земли (комасации), ликвидации крестьянской задолженности, установление паритета цен для промышленной и сельскохозяйственной продукции, введение доступного кредита. Была признана необходимой финансовая и организационная помощь государства крестьянину при переселении на северные и западные (бывшие германские) земли. Людовское движение решительно выдвинуло требование безвозмездного изъятия земли у помещиков, в чем принципиально расходилось с СН. Предложенная ЦРЛД аграрная реформа была неприемлема для националистического лагеря. Но по некоторым пунктам она соотносилась с заявлениями премьер-министра Сикорского и особенно вице-премьера Миколайчика. Поддержка крестьянством программы СЛ привела к тому, что несколько позже большинство партий и движений, прежде всего коммунисты и социалисты, приняли ее основные постулаты к исполнению. Между тем, по мере роста политического влияния людовцев и радикализации настроений в стране, крестьянские деятели все чаще заявляли о своем стремлении к единоличной крестьянской власти в государстве.

Осенью 1939 г. к перестройке своих рядов приступили и социалисты. Довоенное руководство ППС объявило о роспуске партии и вскоре, сохранив аббревиатуру ППС, партия возродилась как Организация трудящихся города и деревни «Вольность, Рувность, Неподлежность» (ВРН). В 1940 г. руководство ППС-ВРН (К. Пужак, Т. Арцишевский, З. Заремба, Ю. Циранкевич) предложило людовцам и командованию СВБ создать блок для будущего проведения реформ согласно совместно выработанной программе. Такой документ — «Программа Народной Польши» существовал уже в 1941 г. Но политика заигрывания с «санацией», проводимая правым крылом социалистов, не устраивала лидеров крестьянского движения, руководство людовцев постепенно отходило от укрепления связей с ППС-ВРН и отказалось от подписания совместного документа. Это свидетельствовало о нарастании разногласий между основными представителями интересов большинства населения страны — людовцами и правыми социалистами⁶⁴.

Лидеры ППС-ВРН сделали еще один шаг в сторону от консолидации подполья. В знак протеста против подписания Сикорским в июле 1941 г. польско-советского Соглашения об урегулировании отношений и взаимодействии в войне против Германии правые социалисты покинули ПСК. Они создали свои значительные военные силы — Гвардию Людову (не путать с отрядами Польской рабочей партии), предоставив их в распоряжение СВБ и затем будущей Армии Крайовой⁶⁵.

Четвертая партия, входившая в Политический согласительный комитет, — Стронництво працы (СП), образованная в 1937 г. в результате объединения части христианских демократов с Народовой партией работников. Основу СП составляли группы либеральной (с клерикальным оттенком) средней и мелкой буржуазии, интеллигенции, ремесленников и некоторых слоев рабочих. Руководство партии (К. Попель, генерал Ю. Галлер, З. Фельчак) утверждало, что СП является «политическим лагерем мира труда», «стоит на почве христианства, национальности, демократии, закона, социальной справедливости... частной собственности»⁶⁶. Позиции СП были устойчиво антигерманскими и антигитлеровскими. Значительным влиянием в стране малочисленная партия не обладала, хотя к ней был близок премьер-министр В. Сикорский*. Понятно, что руководство СП поддерживало его правительство и не создавало своих военных отрядов. В этом качестве партия в подпольной борьбе не участвовала. Военными отрядами располагала лишь небольшая, родственная ей организация «Уния».

Что касается Польской римско-католической церкви, то со времени германской агрессии епископат и рядовое духовенство занимали последовательно патриотические антигерманские и антисоветские позиции, признавали правительство в эмиграции и поддерживали польский народ в его стремлении к восстановлению независимости. Руководствуясь интересами сохранения церкви, духовенства и защиты верующих, епископат вынужден был установить контакты с оккупационной администрацией. Исполнение столь нелегкой роли в условиях, когда примас Польши кардинал А. Хлонд находился в эмиграции, принял на себя архиепископ А. Сапега, митрополит Краковский.

Католическое духовенство прямо или косвенно поддерживало подполье, ориентированное на правительство, было связано с его военно-политическими структурами как на оккупированной гитлеровцами территории довоенной Польши, так и на землях, отошедших в 1939 г. к СССР⁶⁷. Многие рядовые ксендзы нередко являлись духовниками в подпольных организациях и партизанских отрядах, в том числе и в созданных коммунистами Гвардии Людовой и затем Армии Людовой. Они выступали против гитлеровских угнетателей, что повлекло за собой многочисленные жертвы среди иерархов церкви и клира. Соответствие позиций церкви массовым настроениям польского населения, содействие борьбе за восстановление государственности в довоенных границах подтвердили роль именно этой церкви как символа единения высших национальных и религиозных ценностей⁶⁸.

Постепенно в подполье в распоряжении делегата правительства появились организационные опоры, воссоздавались органы довоенной польской власти: административ-

* Согласно политической традиции Польши, он, будучи человеком военным, не имел права состоять в какой-либо партии. Членом партии мог быть только военный министр.

ный аппарат, судебные, полицейские, финансовые структуры, печать, информационно-пропагандистские бюро и типографии и пр. Успешно пошло дело с организацией системы тайного народного обучения от начальной школы до университетов. Активно устраивалось военное подполье. Оно располагало значительными материальными средствами, которые поступали на эти цели из Лондона, как от правительства, так и английских спецслужб. Руководство СВБ претендовало на подчинение себе гражданских властей и, в частности, Политического согласительного комитета. Борьба была упорной, и только вмешательство правительства позднее «развело» гражданские и военные власти подполья.

1939–1941 годы были временем попыток левых сил оформиться организационно. Левое и леворадикальное направления представляли отдельные деятели из среды социалистов, людовцев и коммунистов, которые не сразу были готовы прервать связь со своими «родными» партиями и движениями. Весной 1940 г. в Варшаве вокруг газеты «Баррикада вольности» сформировалась группа социалистов, некогда сторонников единого народного фронта. В нее входили известные деятели социалистического движения Н. Барлицкий, С. Дюбуа, А. Курылович. Группа не была идейно единой и вскоре от «баррикадовцев» отделились те (А. Прухник, С. Худоба), кто тяготел к коммунистам. Левые социалисты считали, что идущая мировая война — это война империалистическая и завершится она социалистической революцией. Но центром революционных событий будет Западная Европа, где возникнут социалистические Соединенные Штаты Европы, в состав которых войдет и Польша. Отношение к СССР в этой среде было разным. Одни считали, что после 1917 г. в России произошла не революция, а контрреволюция и победил государственный капитализм. Другие (А. Прухник), не отказавшиеся от идеи единого рабочего фронта, искали сближения с коммунистами. Группа левых социалистов была небольшой и недостаточно влиятельной. Сказывались повальные аресты гестапо и гибель популярных лидеров Барлицкого и Дюбуа. Социалисты, не согласные с политикой руководства ППС-ВРН, сближавшегося с правыми силами, оформились как отдельная организация — Польские социалисты. После выхода ППС-ВРН из ПСК они временно заняли ее место.

Инициатива и организационная деятельность коммунистов, немалая часть которых, 2–3 тыс. функционеров КПП, осенью 1939 г. и в первой половине 1940 г. перебралась на территорию СССР, главным образом во Львов и Белосток⁶⁹, в значительной степени была скована решениями Исполкома Коминтерна о роспуске компартии Польши (1938 г.). Существовал запрет членам партии заниматься политической деятельностью до указаний Москвы о возможностях восстановления партии, что могло произойти только с разрешения Коминтерна и по его мандату. Тем не менее оставшиеся в стране, в основном рядовые члены партии и комсомольцы, создали ряд подпольных коммунистических групп: «Общество друзей СССР», «Союз рабоче-крестьянских Советов» или «Серп и Молот» (по названию газеты), «Спартак», «Знамя свободы», «Пролетарий», «Рабоче-крестьянская боевая организация» и др. В 1941 г. большинство их постепенно объединилось в «Союз освободительной борьбы» («Звёздек вальки вызволенчей»), который организовал двухнедельное издание «Победим» («Звыченжимы»). Коммунисты видели цели борьбы не только в завоевании независимости, но и в установлении власти рабочего класса и его союзников. В отличие от всех других партий и политических группировок, ориентированных на западные державы, для них союзником в борьбе за

национальную независимость и социальное переустройство был Советский Союз. При обсуждении идеологических и организационных вопросов, несмотря на отдельные попытки примеривать опыт Народного фронта середины 30-х гг. к ситуации в стране, преобладали сектантство, леворадикальные догмы и штампы сталинской доктрины. Повторялись лозунги о Польше как 17-й республике СССР, о неизбежности диктатуры пролетариата и обострении классовой борьбы, абсолютизировалась советская форма власти⁷⁰. В условиях, когда действия СССР в сентябре 1939 г. единодушно расценивались поляками как агрессия, когда разные политические силы Польши объединялись стремлением возвратить отторгнутые территории, коммунисты не могли иметь серьезной поддержки в польском обществе. Их левый радикализм и ориентация на СССР грозили абсолютной политической изоляцией.

Отдельные группы левых, в том числе коммунисты, вышедшие из тюрем в сентябре 1939 г., приняли участие в сопротивлении гитлеровскому нашествию, например, в обороне Варшавы. Они выдвинули лозунг партизанской борьбы и приступили к его осуществлению. В лесах Люблинского воеводства начал действовать отряд Казика Дембяка (Ладислава Бучиньского) из Союза освободительной борьбы. Там же в районе Влодавы появился отряд бежавшего из плена советского офицера Федора Ковалева («Альбрехта») и польского коммуниста Я. Холода. В целом существовавшие в подполье группы коммунистов и левых социалистов длительное время оказывались неспособными принять такие программы и занять такие политические позиции, которые открыли бы для них шанс стать частью общенационального подполья и борьбы за восстановление польского государства. В 1939–1941 гг. опасность конкуренции левых сил для правительственного подполья не существовала.

С падением Франции, одной из главных союзниц Польши, в польском правительстве остро встали вопросы целей войны и выбора такой внешней политики, которая обеспечила бы безопасность Польши в послевоенном мире⁷¹.

В правительственной программе, принятой летом 1940 г., неизменным приоритетом выступали восстановление суверенитета государства, а главным условием его безопасности — граница 1921 г. на востоке*. Предусматривалось включение всей Восточной Пруссии, балтийского побережья, включая Гданьск, и Силезии в границы Польши⁷². Летом 1940 г. Сикорский серьезно рассматривал идею создания конфедерации государств «со славянским акцентом». Соответствующее соглашение с Чехословакией, как полагали в правительстве, могло гарантировать безопасность южных рубежей страны. Польша рассчитывала на укрепление своего влияния и отношений с государствами Прибалтики, главным образом на антисоветской, но и антигитлеровской основе. Однако пока это выражалось в установлении связей с теми национальными политиче-

* Граница 1921 г., установленная в результате военного поражения Советской России, превратилась в символ преодоления поляками многовекового российского господства и угрозы большевизма, что в межвоенное время сформировало стержень их массового национального сознания. Поэтому постулат о незыблемости этой границы стал той национальной идеей, которая объединяла вокруг правительства подавляющую часть поляков. Столь бескомпромиссная позиция блокировала геополитический маневр Польши на международной арене с середины 1941 г., в первую очередь в отношениях с СССР. Проблема границы являлась трудно преодолимым политическим «порогом» не только для двух правительств, но и народов соседних стран.

скими кругами, которые выступали против усиления позиций СССР в регионе и угрозы **вхождения** Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР. Налаживались контакты с теми, **кто** собирал разведанные об СССР на территории Прибалтики и восточных кресов довоенной Польши и передавал их английским и японским дипломатам в Москве.

Внешнеполитические интересы польского правительства распространялись на союзников Германии — Венгрию, Румынию, Балканские страны*. Считалось возможным привлечь их к участию в будущей конфедерации ряда стран региона. Лидером такого «барьера» против большевизма виделась территориально выросшая Польша. Чтобы оказывать содействие и не терять контактов с соотечественниками во Франции, не упускались из вида контакты и с коллаборационным правительством в Виши. Сикорский особенно стремился активизировать и укрепить отношения с Соединенными Штатами, где побывал с визитом и встречался с президентом Ф.Д. Рузвельтом. В отношениях с Великобританией все было ясно: сохранялся военно-политический союз до окончательной победы над Гитлером. Великобритания же имела на польском направлении свой интерес: ей нужны были надежные, но недостаточно сильные и посему зависимые внешнеполитические партнеры и польские солдаты для ведения боевых действий там, где было выгодно Лондону.

Что касается отношения к СССР и с СССР, то здесь все было гораздо сложнее. Сикорский считал необходимым для ускорения прихода в Польшу союзных войск иметь на момент окончания войны три «точки польской силы»: на Западе, на Балканах и на Востоке. По его мнению, польское «присутствие» было необходимо на восточно-европейском направлении, на самом прямом и наиболее коротком пути возвращения в Польшу. Учитывалось, что только в СССР существовали людские резервы для пополнения личного состава польской армии: попытки получить рекрутов за счет этнических поляков в США, Канаде и Британской империи полностью провалились. С идеей создания польской армии в СССР и во имя ее реализации Сикорский выступил весной–летом 1940 г. за улучшение отношений с Москвой, что по времени почти совпало с эвакуацией личного состава польской армии в Великобританию. В Лондоне, который вел переговоры со Сталиным, генерал предложил английскому правительству 3 и 19 июня 1940 г. два меморандума. Меморандум от 19 июня касался возможного налаживания взаимодействия с Москвой. История подготовки документа известна исследователям. По поручению Сикорского его готовили Ю. Ретингер, человек, близкий к Миколайчику, и журналист С. Литауэр, замеченный в контактах с левыми кругами**. После редактирования текста послом Польши в Великобритании Э. Рачиньским документ претерпел существенные изменения: сохранились только предложения о польском представителе при английском посольстве в Москве и о создании польской армии на территории СССР. Тем не менее его появление вызвало протест сторонников «санации» и кризис в правительстве, что заставило Сикорского отозвать и этот, «урезанный» вариант меморандума⁷³. Но

* В годы Второй мировой войны Польша официально находилась в состоянии войны только с Германией.

** Консультантом выступал представитель ТАСС в Лондоне Э. Ротштейн, сын личного секретаря М.М. Литвинова, недавнего наркома иностранных дел СССР. Эти люди станут посредниками начала официальных советско-польских переговоров в июле 1941 г.

замысел генерала сформировать польскую армию в СССР, что было невозможно без нормализации отношений, вовсе не был забыт.

С лета 1940 г. медленно, с большими трудностями проблема советско-польских отношений начала сдвигаться с мертвой точки, выяснялись возможности и границы компромисса, появились симптомы перемен в позициях сторон. На Сикорского в ходе переговоров о польско-чехословацкой конфедерации оказывал влияние президент Чехословакии Э. Бенеш, который не представлял себе конфедеративные проекты без опоры на СССР. Сикорский не отрицал вероятность соглашения с Москвой, но считал, что к нему надо подойти, имея на руках сильные козыри. Бенеш советовал Сикорскому во имя будущего и реализации идеи союза государств Центральной и Восточной Европы отказаться от возвращения Польше восточных кресов и восстанавливать Польшу в этнических границах*. Сикорский настаивал на довоенной границе с СССР, но не отрицал возможность переговоров по этому вопросу. Он разделял позицию Бенеша: ни Чехословакия, ни Польша не выиграют войны против Германии без участия в ней СССР⁷⁴.

Задачи участия Польши в войне с Германией, создания польской армии из призывников, которых могло дать только польское население в Советском Союзе, настоятельно подталкивали к установлению пока негласных контактов с советской стороной. Они имели место уже в конце 1939 г. Весной 1940 г. Сикорский получил важную информацию, что в Москве намереваются сформировать польский легион. Источником было весьма компетентное лицо: министр иностранных дел Польши А. Залеский. По его сведениям, в марте 1940 г. с советской стороны, вероятно, от правительства, пришли данные, что Сикорский и его правительство — именно та группа польских политиков, с которой Советский Союз мог бы обсуждать вопрос создания в СССР польских воинских частей. Эти данные отразил Рачинский в служебном дневнике. В ходе беседы с польским послом С. Котом в Москве 14 ноября 1941 г. Сталин фактически признавался в выдвижении идеи возрождения Польши тогда, когда еще действовал пакт о ненападении с Германией. Правда, он не уточнил, когда решил изменить вектор политики СССР на польском направлении. Документы, опубликованные в России в связи с изучением истории расстрела польских военнопленных весной 1940 г., свидетельствуют, что летом–осенью 1940 г., действительно, предпринимались шаги к созданию польской воинской части на территории СССР⁷⁵.

1.5. Западная Украина и Западная Белоруссия: советизация, деполонизация власти, репрессии

Вступление Красной Армии на территорию Польши в сентябре 1939 г. в Москве считали освободительным походом, воссоединением разделенных границей украинского и белорусского народов и исправлением исторической несправедливости, произошедшей в 1921 г. Выступая на юбилейной сессии Верховного Совета УССР, В.М. Молотов в 1948 г. был откровеннее: Советский Союз окреп и получил возможность предъявлять свои права⁷⁶.

* Информацию о ходе переговоров двух правительств советский посол в Великобритании И.М. Майский получал от президента Э. Бенеша и давал ему некоторые консультации.

Польское правительство в эмиграции, ссылаясь на IV Гагскую конвенцию*, считало эти земли оккупированными Советским Союзом. Оно не признало решений Народных собраний Западной Украины и Западной Белоруссии от 1 и 2 ноября 1939 г. о вхождении этих земель в состав СССР и воссоединении с УССР и БССР, а также об установлении здесь советской власти и законов. Не признавался законным и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г., на основе которого все бывшие граждане Польши, находившиеся 1–2 ноября 1939 г. на новых советских территориях, становились гражданами СССР. Новое гражданство получали и те лица, которые прибывали в СССР по Соглашению об обмене населением между СССР и Германией от 16 ноября 1939 г. Такая процедура применялась также и к тем, кто приезжал из Виленского края довоенной Польши, переданного в 1939 г. Литве⁷⁷.

Приход Красной Армии был встречен различными национальными и социальными группами населения польских кресов противоречиво — от радости до враждебности и вооруженного сопротивления. Современники событий тех лет единодушно отмечали, что местное украинское, белорусское и особенно еврейское население встречало красноармейцев как родных людей и освободителей. На улицах происходили сцены подлинного братания**. Советское руководство немедленно привело в действие политику, основанную на классовых принципах и использовании острых национальных противоречий между ранее титульной нацией — поляками и прочими «меньшинствами». Посол Франции Л. Нозль, оказавшийся вместе с польским правительством в районе Залешик, на границе с Румынией, политически точно описывал ситуацию: «Местное население ждало скорого прибытия советских войск. Ходили слухи о заключении Берлином и Москвой соглашения, касающегося раздела Польши. Назывались даже некоторые географические детали прохождения новой границы. Многочисленное еврейское население ожидало Красную Армию с нескрываемым нетерпением. Одни украинцы возлагали надежды на Гитлера, другие — на Сталина. Почти все рассчитывали на быстрый и полный переворот, который избавит их от польской жандармерии, сборщиков налогов, помещиков. Было совершенно ясно, что везде работали советские агенты, которые обещали населению неизбежное исчезновение польского государства»⁷⁸.

Уже осенью 1939 г. на новых советских территориях было прекращено действие польских законов, власть изымалась из «польских рук», поляки становились по статусу национальным меньшинством. Власть переходила к представителям многонационального большинства, в основном украинского, белорусского и еврейского. По советской модели создавались новые органы центральной и местной власти, проводилась жесткая украинизация и белорусизация кадров государственного аппарата. Это показали прошедшие осенью выборы в новые органы власти — Народные собрания. Если принять, что в выборах участвовали в первую очередь те, кто одобрял приход Красной Армии, то некоторое представление о настроениях новых граждан СССР дают их официальные итоги. Так, в выборах на Западной Украине участвовали 4433 тыс. человек, или

* Советская сторона полагала, что данная конвенция, касавшаяся установления режима оккупации, в данном случае неприменима к действиям Красной Армии.

** Неслучайно до сих пор советские ветераны сохранили ощущение того, что красноармейцы в Польше в 1939 г. не воевали (Ростокинская панорама. 2009. № 10 (100). Октябрь).

92,83% избирателей*, высказались «за» более 90,97%. Не приняли участия в голосовании или голосовали «против» более 700 тыс. человек. В Народное собрание Западной Белоруссии были избраны 157 поляков, Западной Украины — 44. Из 33 депутатов, избранных в 1940 г. от этих земель в Верховный Совет СССР, трое были поляками. Активисты КПП разного уровня принимали участие в организации выборов и затем в работе Народных собраний, представляя в них интересы польского населения⁷⁹.

Жестокими мерами осуществлялась унификация социально-экономического устройства новых областей. Народными собраниями были приняты законы о национализации крупной промышленности и банков. На практике же наблюдались изъятия даже мелких ремесленных мастерских и частных домов. Национализировались коммунальные, культурные, учебные, просветительные и лечебные учреждения. Осуществлялся перевод экономики под контроль государства и на плановые основы. Проведение ускоренными методами социально-экономических преобразований, деполонизация власти всех уровней, форсирование политических мероприятий (на что в самом СССР ушло 20 лет) — все это было спрессовано в полтора года организованной сверху «социалистической революции». Она проводилась на основе классовых принципов и сопровождалась арестами, расстрелами, депортациями. В итоге были дезорганизованы хозяйственные связи, сократился объем производства и упал жизненный уровень населения, изменились отношения между общественными и национальными группами.

Преобладавшие здесь польские, как правило, крупные, помещичьи угодья изымались без выкупа и сопровождалась высылками или арестами немалого числа их владельцев. Конфискованная земля передавалась крестьянам (от 5 до 15 га), совхозам и МТС. Реформа существенно повлияла на настроения в новом советском регионе. Как отмечало командование Союза вооруженной борьбы, перестройка сельского хозяйства весьма изменила позиции деревенской и местечковой бедноты в пользу советской власти⁸⁰.

Социально-экономические реформы, ликвидация помещичьего землевладения и национализация промышленности, решение, хотя и с попранием международных норм, украинского и белорусского национальных вопросов склоняли на сторону советской власти довольно значительные слои населения, в основном неимущего и малоимущего. То, что новая власть приобретала поддержку и социальную базу, что осенью 1939 г. происходило изменение политических настроений на бывших польских территориях, признал командующий СВБ генерал С. Ровецкий: «Советы имеют большую помощь местного элемента (украинцев, белорусов, еврейской бедноты, много сторонников среди молодежи, которая получила работу)... Перенеся борьбу на социальную почву, они смогли завоевать некоторую часть польского общества, в основном пролетарскую молодежь и часть сломленной морально интеллигенции». Ровецкий отмечал полное безразличие белорусов и украинцев к польской государственности (но указал на враждебность части их к большевикам по экономическим мотивам) и определенную удовлетворенность решением белорусского и украинского национальных вопро-

* Иностранные корреспонденты отмечали действительно массовое участие населения в выборах. Однако агентство «Рейтер» сообщило иные данные: участвовали в выборах 50% горожан и 25% сельчан.

сов даже в советской форме. Большую роль в завоевании масс на сторону советских коммунистов Ровецкий отвел «их» школе, учреждениям, союзам, театрам, печатному слову и пришел к выводу, что «широкая работа против большевиков невозможна»⁸¹.

К декабрю 1939 г., т. е. одновременно с оформлением центра польского сопротивления гитлеровским оккупантам в Варшаве, появились его ответвления в кресах. Здесь для подготовки к вооруженной борьбе создавались два округа СВБ — Львовский и Белостокский, активность которых была достаточно заметной до лета 1940 г. Как и в генерал-губернаторстве, при военном командовании СВБ существовали подпольные Политические консультативные комитеты из представителей СН, СЛ и ППС. Социалисты вскоре отошли от деятельности Союза, начав сотрудничество с советскими властями, но отдельные члены партии продолжали состоять в рядах СВБ⁸².

Польские власти в эмиграции осознавали всю трудность работы Львовского и Белостокского округов СВБ. Тем не менее от правительства во Франции поступали требования совершать акты террора и диверсий на транспорте, линиях связи, уничтожать склады с топливом, вести работу по подрыву авторитета советских властей, дезорганизации и деморализации административных органов и «этим путем [достигать] ослабления советского режима». Одной из задач участников подполья было воздействие на молодежь, вывоз ее в Румынию и Венгрию, создание препятствий для мобилизации призывников в Красную Армию. С этими целями подполью в кресах пересылались радиопередатчики и финансовые средства. Так, к маю 1940 г. было доставлено 2,5 млн злотых и 15,6 тыс. долл. К концу марта во Львов поступило 500 тыс. руб., 4 кг золота, 700 долл. в золоте. За это Запад требовал от поляков предоставлять данные о дислокации советских частей, их передвижениях и моральном состоянии личного состава. СВБ было разрешено сотрудничать с иностранными дипломатами, и английские дипломаты в обмен на сведения, собранные подпольщиками, соглашались содействовать доставке информации нужным адресатам за пределами СССР. Имелись контакты и с японскими представителями⁸³.

С первых дней пребывания на новых землях органы НКВД-НКГБ СССР, имея надежную агентуру, проводили массовые аресты «классово чуждых» элементов и членов польских и украинских подпольных групп. С сентября 1939 г. по июнь 1941 г. было арестовано 107 140 человек (52% от всех арестованных в стране за этот период). 40% составляли поляки, 23% украинцы, 22% евреи, 8% белорусы; из них осуждено 39 тыс. человек, в том числе приговорено к расстрелу — 8,5 тыс. человек. Непрерывное подавление польского подполья охватило прежде всего Западную Украину, где операцию под названием «Паутина» курировал майор НКВД СССР Г.С. Жуков. Уже в конце октября 1939 г. был арестован командующий Львовским округом СВБ генерал М. Янушайтис, весной 1940 г. последовали аресты его преемников — генералов М. Карашевича-Токажевского и М. Борута-Спеховича. В ходе облав и арестов в руки советских органов госбезопасности попали списочный состав членов польского кабинета, подлинные инструкции и предписания Союзу, многие курьеры и денежные пересылки. Достаточно быстро выявили около 2,5 тыс. участников СВБ, обнаружили основные каналы связи с базами в Бухаресте и Будапеште, а также с Парижем, Лондоном и Варшавой. Стало известно, что после событий лета 1940 г. в Прибалтике польские политики стремились «установить наилучшие отношения с теми политическими группами Эстонии, Литвы, Латвии, которые не признают своей принадлежности к Советскому Союзу и не опираются на Германию».

Весной–летом 1940 г. усилиями советских спецслужб были подавлены попытки организовать на новых советских территориях польские военно-политические структуры как часть формировавшего в это время подполья в генерал-губернаторстве. Конспиративные структуры СВБ на территории СССР фактически прекратили свою деятельность. Прибывший во Львов в ноябре 1940 г. для выправления положения дел полковник Л. Окулицкий был арестован в январе 1941 г.

Основной удар по польскому подполью был нанесен в 1940 г. По данным НКВД от 26 декабря 1940 г., в западных областях Украины и Белоруссии было ликвидировано, начиная с октября 1939 г., 495 организаций и арестовано 14 011 их участников*. По сведениям 3-го Управления НКГБ СССР, советскими спецслужбами за осень 1939 г. — 1-й квартал 1941 г., включая территорию Литвы, было раскрыто 568 организаций и групп и арестовано 16 758 членов «польских националистических формирований»⁸⁴. Это парализовало национально-политическую подпольную деятельность поляков на советской территории.

Аресты польского национально-политического актива, репрессирование отдельных социальных групп населения — крупных собственников, служащих бывшего польского госаппарата, органов суда, прокуратуры, полиции, армии — по мере свертывания польской системы власти и управления сопровождалось несколькими потоками массовых депортаций. Это был превентивный способ одновременно политического преследования, уголовного или административного наказания «элементов», признанных опасными для советской власти**.

Инициатором четырех «волн» депортаций выступил Н.С. Хрущев, первый секретарь ЦК КП(б)У. Они осуществлялись ведомством Л.П. Берии согласно постановлениям Совнаркома СССР от 5 декабря 1939 г. («О выселении осадников из западных областей УССР и БССР») и 2 марта 1940 г. («Об охране госграницы в западных областях УССР и БССР»). Первой стала высылка польских осадников и лесников 10–15 февраля 1940 г., в тяжелых для людей зимних условиях. Вторая депортация (13 апреля 1940 г.) была «многоплановой». Имело место отселение жителей 800-метровой пограничной полосы и их расселение в пределах Западной Украины и Западной Белоруссии с возмещением материальных потерь и предоставлением хозяйства. Одновременно производилась депортация из родных мест в Казахстан сроком на 10 лет 22–25 тысяч семей польских военнопленных, содержавшихся в лагерях. Депортация коснулась прежде всего семей офицеров и должна была замаскировать предстоящую преступную акцию расстрела самих офицеров. К высылаемым польским семьям присоединили участников повстанческих организаций и некоторых лиц, содержавшихся в тюрьмах западных областей, а также две тысячи молодых женщин, которых власти посчитали проститутками. Третья депортация осуществлялась по директиве НКВД СССР, направленной 10 июня в Киев (И.А. Серову) и в Минск (Л.Ф. Цанаве). Депортация производилась «в соответствии с ранее данными указаниями и опытом проведенных Вами операций по выселении».

* В источнике при сложении данных по Украине и Белоруссии допущена ошибка и названа цифра 114 011.

** В мае 1940 г. руководство УССР считало, что 25% кадров в экономике, кооперативах, учительстве — «чуждые для нас люди, [которые] не думают перестраиваться» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3074. Л. 157).

осадников, семей репрессированных и проституток». Вглубь СССР депортировали тех беженцев из Польши, которых не приняла Германия. В основном это были лица еврейской национальности (на 78 тыс. беженцев приходилось 64,5 тыс. евреев). По данным на август 1940 г., было принудительно выселено 292 513 человек, из них 139 299 — осадников и лесников, 60 351 членов семей репрессированных и 92 863 беженца. Хотя в числе высланных были представители многих национальностей, но преобладали все же поляки, что объяснялось высокой их долей в аппарате управления, армии, спецслужбах и среди собственников в довоенное время. Этот процент значительно превышал «польскую» долю в общей численности населения новых советских районов. Так, было выслано до 85,5% польских осадников. Поляки составляли 57,3% и среди арестованных лиц⁸⁵.

Четвертая депортация носила скорее антиукраинскую направленность. Она началась в июне 1941 г., накануне нападения гитлеровцев на СССР, но не была завершена: уже сформированные эшелоны не дошли до мест назначения. После нормализации отношений Москвы с польским правительством депортированные польские граждане 12 августа 1941 г. были объявлены амнистированными.

Акции советских органов по «очищению городов и сел от враждебных элементов» не имели правовых оснований, проводились без учета позиций и действий конкретных людей, путем распространения «мероприятий» на все категории подозреваемого национального или социального слоя или круга лиц, включая членов их семей. Все они, по признанию авторов составленного для командования СВВ «Рапорта по вопросу о поляках, высланных в СССР», «разделили судьбу миллионных масс арестованных, заполняющих тысячи лагерей СССР». Выселенцев увозили на 10–20 лет на Север, в Коми АССР, на Ямал, в Сибирь, Алтай, Казахстан, в непривычный климат, на лесоповал и лесосплав, на строительство энергетических комплексов, на предприятия черной и цветной металлургии, на тяжелые и почти даровые работы. Они трудились во вновь создаваемых вдали от будущего фронта экономических районах. Людей косили плохие условия переезда и жизни на новом месте, изматывающий труд, эпидемии и голод зимой 1941–1942 гг. Берия доносил «наверх», что во время депортаций погибли 16 тыс. человек. По подсчетам польского Института национальной памяти, всего за годы войны и по разным причинам — от расстрелов до непосильного труда — по вине советской власти погибли около 150 тыс. польских граждан⁸⁶.

Видимо, посчитав «зачистку» территорий достаточной, через две недели после третьей депортации и волны массовых арестов Сталин направил 5 июля 1940 г. такую шифровку в Львовский обком КП(б)У (копии — в Киев, в ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву и М.Д. Бурмистренко): «До ЦК ВКП(б) дошли сведения, что органы власти во Львове допускают перегибы в отношении польского населения, не оказывают помощи польским беженцам, стесняют польский язык, не принимают поляков на работу, ввиду чего поляки вынуждены выдавать себя за украинцев и тому подобное. Особенно неправильно ведут себя органы милиции. ЦК ВКП(б) предлагает вам за вашей личной ответственностью незамедлительно ликвидировать эти и подобные им перегибы и принять меры к установлению братских отношений между украинскими и польскими трудящимися. Советую вам созвать небольшое совещание из лучших польских людей, узнать у них о

* Подобной советской статистикой за весь период войны мы не располагаем.

жалобах на перегибы, записать эти жалобы и потом учесть их при выработке мер улучшения отношений с поляками»⁸⁷.

Появление этой шифровки объяснялось принципиальным изменением соотношения сил на международной арене летом 1940 г. Потерпела сокрушительное поражение союзница Польши — Франция, вслед ней были оккупированы Бельгия и Голландия, предстояла «битва за Англию» (8 августа — 31 октября 1940 г.), резко усилилась союзница Германии — Венгрия, получившая в 1940 г. по Второму Венскому арбитражу румынскую часть Трансильвании. Все эти события не могли не вызывать в Москве опасений в отношении дальнейших действий Гитлера, беспокойства за безопасность страны.

Тревожны для власти были и негативные политические настроения на новых, в значительной своей части — приграничных территориях как среди украинского (где нарастало влияние националистов), так и, особенно, польского населения. В Москве, несомненно, понимали, что репрессии усилили недовольство поляков вплоть до враждебности к советской власти, и стремились «исправить» положение дел. С лета — осени 1940 г. можно говорить о заметных переменах во внутреннем направлении польской политики советского руководства*. Прекращались депортации, исправлялись «перегибы» и «ошибки» в советизации, украинизации, белорусизации и коллективизации, налицо было демонстративное содействие развитию польской культуры. Вокруг известной польской писательницы Ванды Василевской — депутата Верховного Совета СССР, дочери Л. Василевского, социалиста и первого министра иностранных дел возрожденной Польши, группировались польские интеллектуалы, представители различных кругов, прежде всего демократической части местной польской интеллигенции. Журнал «Нове виднокренги» («Новые горизонты»), активную роль в учреждении и издании которого играла Василевская, стал центром для той группы поляков, которая выступала за сотрудничество с советской властью. Эта же группа почти в полном составе весной 1943 г. будет инициатором создания Союза польских патриотов в СССР.

Советское руководство предприняло определенные меры для успокоения польского населения и создания собственного имиджа хранителя и защитника польской культуры и языка. Открылись польские школы, правда, в меньшем количестве, чем их было в 1939 г. Работали университеты, где преподавание велось на родном для студентов, в том числе и польском, языке. Было реальным равноправие языков для общения жителей с представителями органов власти и администрации многонационального региона. Действовали польские театры, филармонии, музеи. В Москве, Львове, Минске, а затем и в Вильнюсе на польском языке миллионными тиражами издавались книги, выходили 17 польских газет и два журнала. Символом

* Польский историк Г. Хрычук полагает, что до весны 1940 г. советская политика в отношении поляков в СССР была следствием убеждения в относительно продолжительном сотрудничестве с Германией. С лета 1940 г. эта политика оставалась производной от советско-германских отношений, но так как перспектива столкновения с Германией виделась все более близкой и реальной, то «очень гибкий и прагматичный Сталин осознавал необходимость если не привлечения на свою сторону, то нейтрализации польского населения на случай советско-германской войны» (*Hryciuk G. Polityka radziecka wobec polaków w latach 1939–1941 // Studia Slavica et Balkanica Petropolitana. 2009. № 1/2. S. 13*).

новой польской политики советских властей явилась подготовка и проведение во всесоюзном масштабе осенью 1940 г. юбилея национальной гордости и славы поляков — поэта Адама Мицкевича.

Несколько затормозился слом прежних норм общежития, социальных порядков и национальных традиций. Умерили пыл те, кто жаждал скорой и стопроцентной коллективизации. Раскулачивание стало расцениваться порой как самоуправство, как «действия, которые могут быть, — по мнению Политбюро ЦК КП(б) У, — использованы враждебными советской власти элементами с провокационной целью». Были разрешены достаточно высокие нормы личного землевладения. Пленум ЦК КП(б)У в постановлении «О работе Львовского и Ровенского обкомов компартии Украины» (ноябрь 1940 г.) счел недостаточным привлечение к управлению представителей местного актива, признал, что в ряде городов и районов совершены грубые нарушения советских законов и рекомендовал эти «недостатки» исправить. Изменилось отношение к польским коммунистам, прибывшим из Польши в 1939 г. Их в индивидуальном порядке и с предварительной проверкой стали принимать в ВКП(б). Члены бывшей КПП и польского комсомола, арестованные в 30-е гг. и находившиеся в советских тюрьмах и ссылке, амнистированию не подлежали. Некоторые члены ППС привлекались к сотрудничеству с советскими организациями. Устанавливались контакты советской стороны с рядом значимых политических персон, находившихся на территории СССР, в частности из людовцев и социалистов, на предмет создания в СССР польского правительства или иного органа, который мог бы в будущем взять на себя ответственность за судьбу Польши. Сталин согласился на приезд в Москву бывшего премьер-министра К. Бартеля. Об этом же говорил замнаркома внутренних дел СССР И.А. Серов («генерал Иванов») с находившимся в советском госпитале генералом В. Андерсом.

Советское руководство предпринимало конкретные действия по созданию польских воинских формирований в СССР. К началу ноября 1940 г. в лагерях для военнопленных оставалось немногим более 18 тыс. военнослужащих польской армии, их них более 13 тыс. — рядовые, 4 тыс. — младший комсостав и менее 1000 офицеров (2 генерала, 39 полковников и подполковников, 222 — майора и капитана, 691 — поручик и подпоручик). Еще летом этого года для оперативной работы с польскими военнослужащими были созданы особые отделения из сотрудников НКВД СССР. В лагеря выезжали специальные группы офицеров советской разведки и контрразведки. На месте изучались настроения и степень готовности поляков к сотрудничеству, подбирались кандидатуры на вербовку, с некоторыми польскими офицерами, в первую очередь с теми, кто считал неизбежным нападение Германии на СССР и был склонен воевать на советской стороне, устанавливались доверительные отношения. Сталин в личной беседе с Василевской просил подобрать польских офицеров для командного состава будущих польских воинских частей. Он считал их создание необходимым для того, чтобы «Польша встала на ноги». Осенью 1940 г. Берии было поручено проработать вопрос о создании из пленных поляков и чехов национальных частей в составе Красной Армии⁸⁸.

В октябре 1940 г. небольшая группа офицеров из лагерей Козельск-3 и Грязовец была доставлена в Москву и размещена на «спецдаче № 20» в подмосковной Малаховке. В ее

составе находился подполковник З. Берлинг*. Предположительно, НКВД намеревалось создать диверсионно-разведывательные подразделения. Но польские офицеры предлагали (что выяснилось в ходе бесед с ними Л.П. Берии и замнаркома В.Н. Меркулова) сформировать в СССР дивизию. Офицерам поручили разработать принципы и структуру такой дивизии. Берия 2 ноября 1940 г. направил докладную записку Сталину с сообщением о проведенных беседах с 24-мя предварительно отобранными польскими генералами и офицерами и предложением создать на территории СССР польскую воинскую часть. Причем нарком считал возможным поручить практическую работу по организации дивизии (конспиративные беседы в лагерях, отбор кадров) не генералам, а старшим офицерам Войска Польского. Реакция Сталина на предложение Берии пока не известна исследователям. Вероятно, были какие-то сомнения, затягивалось согласование вопроса с различными ведомствами, работа продвигалась медленно. Часть польских офицеров сомневалась, не противоречат ли их действия данной воинской присяге и верности польскому правительству. Советское руководство, со своей стороны, не было уверено в надежности личного состава будущей дивизии. В начале 1941 г. состоялась встреча трех польских офицеров (в их числе был и Берлинг) с Берией и Меркуловым, речь шла о формировании дивизии «из лиц польской национальности». Только 4 июня 1941 г. Совнарком СССР на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) постановил к 1 июля «укомплектовать [стрелковую дивизию] личным составом польской национальности и знающим польский язык» по штату в 10 298 человек. Предполагалось не фиксировать в документах факт появления нового соединения, а провести его как переформирование 238-й советской дивизии, дислоцированной в Средней Азии. Так, по предложению Берии, создание польского национального формирования было засекречено. В Москве все еще хотели избежать осложнений в советско-германских отношениях, поскольку появление польской части было бы прямым нарушением пакта о ненападении от 23 августа, договора о дружбе от 28 сентября 1939 г. и секретных протоколов к ним⁸⁹.

Во второй половине 1940 г. генерал К. Соснковский отдал приказ о прекращении активных действий польского подполья против гитлеровцев. Был взят курс на «экономию польской крови», моральный и физический террор в отношении отдельных немцев, разведку и экономический саботаж. Такая ориентировка не касалась деятельности СВБ на советской территории, где, как и ранее, следовало продолжать диверсии, саботаж, акты террора, вести антисоветскую пропаганду. Как доносил Соснковский премьер-министру Сикорскому, за первые пять месяцев 1940 г. здесь было взорвано три железнодорожных моста, уничтожено более 10 железнодорожных составов, несколько складов оружия, боеприпасов и продовольствия, в том числе большое хранилище во Львове. Материалы компартии Украины подтверждают многие указанные им факты и содержат иные примеры.

Между тем деятели СВБ в западных регионах Украины и Белоруссии исходили из собственных оценок ситуации на месте и все больше склонялись к пересмотру позиции

* Берлинг Сигизмунд (Зыгмунд) — подполковник Войска Польского, незадолго до начала войны отстранен от службы, жил в г. Вильно (Вильнюс), в 1939 г. был интернирован литовцами; после присоединения Литвы к СССР находился в лагерях НКВД для военнопленных, выражал твердую готовность сражаться против Германии и в той или иной форме взаимодействовать с представителями советской власти.

Союза. К этому их подталкивали массовые аресты членов СВБ, изучение настроений в обществе в связи с переменами в советской политике, а также содержание бесед советских руководителей достаточно высокого ранга с арестованными деятелями подполья на территории СССР. Полякам предлагали прекратить антисоветскую деятельность и создать центр по руководству антигитлеровским сопротивлением. Пересмотрел свою позицию и полковник Генштаба Войска Польского, командующий СВБ Львовского округа Л. Окулицкий. Он находился, как и многие другие арестованные офицеры округа, в тюрьме на Лубянке. Весной 1941 г. он пришел к принципиально новым политическим выводам и 4 мая 1941 г. изложил их в личных показаниях о деятельности СВБ «на оккупированных Германией и СССР территориях», предлагал взаимодействие польского подполья с советской стороной в борьбе против общего врага.

Во-первых, писал полковник, «судьба Польши зависит не от результата войны между Германией и Англией, а от результата решающего сражения между Германией и СССР». Между двумя последними Польше и предстоит сделать выбор. Рассчитывать, утверждал Окулицкий, что оба они выдохнутся, «а посередине..., при помощи Англии, возникает Польша — детская фантазия», поэтому «польский народ должен встать на сторону СССР». Он сделал главное заключение: «В убеждении, что победа СССР даст польскому народу возможность жизни и национального, культурного, хозяйственного и политического развития, я написал свои показания и заявляю о желании дальнейшей работы. Будет Польша красной, хорошо, пусть будет, лишь бы только была. Впрочем, это хорошо на нее повлияет, освободит и раскроет новые, невиданные до сих пор силы народа».

Далее Окулицкий излагал условия сотрудничества СВБ с советским руководством. На первом этапе «СВБ прекращает деятельность в зоне советской оккупации* и убирает нежелательных для [советских] властей, либо необходимых на той стороне людей», предоставляет разведанные о вермахте и «готовится к действиям в период войны»; советская сторона «освобождает из заключения людей... с одновременной переброской их на другую [немецкую] сторону», помогает и частично возвращает депортированных, что изменит «настроения польского населения по другую сторону», «создаст кадровую и материальную базу для развертывания работы» с началом боевых действий. На втором этапе поляки поставляют сведения об общем противнике, осуществляют саботаж и диверсии и готовят «общее вооруженное выступление»; СССР декларирует независимость Польши, создание правительства и вооружает армию⁹⁰.

Советский ответ на данную программу исследователям неизвестен, скорее всего, его не последовало: через полтора месяца Германия напала на СССР. Но известен отклик генерала К. Соснковского на настроения в польском подполье в 1941 г.: «Всякие попытки создания красных польских правительств или красных польских отрядов должны встретиться с безусловным противодействием... Изменение отношения к Советам не является актуальным». Соснковский признавал: не исключено, что Россия будет рядом с Англией в качестве ее союзника в борьбе с Германией; тогда, возможно, и произойдет ревизия польской позиции в отношении СССР в том смысле, что «сведение счетов с оккупантами будет отодвинуто на задний план». Нормальные отношения с СССР представлялись возможными лишь на условиях статус-кво, существовавшего до 17 сентября 1939 г. В случае марша Красной Армии

* Имеются в виду территории, включенные в состав СССР в сентябре 1939 г.

на запад, утверждал генерал, «необходимо быть готовыми к борьбе в форме партизанских действий и массового саботажа»⁹¹.

Между тем СВБ на советской территории уже вряд ли располагал возможностями для проведения активной антисоветской деятельности. Кроме того, нападение Германии на СССР в июне 1941 г. повлекло за собой принципиальные изменения в отношениях двух стран, и военное взаимодействие в войне против Германии стало общим государственным делом советского и польского руководства.

II.1. Советско-польские отношения: ДЕКЛАРАЦИИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ИНТЕРЕСЫ

В июле 1940 г., сразу после покорения Франции, Гитлер дал распоряжение готовиться к агрессии против СССР, намеченной на 15 мая 1941 г. В декабре он подписал «План Барбаросса», который предусматривал разгром Красной Армии в течение пяти месяцев. С февраля 1941 г. началась переброска подразделений вермахта к советской границе, но неудачи Италии в боевых действиях на Балканах и военное участие в них Германии отсрочили нападение. Тем не менее, концентрация сил вблизи границ СССР продолжалась, о чем разведка Союза вооруженной борьбы собрала и передала обширные данные в Лондон. Уведомление об этом получил и советский посол, что было для Москвы одним из многих источников подобной информации. С 5 по 7 мая 1941 г. Гитлер посетил присоединенные польские земли и генерал-губернаторство, inspectируя готовность флота и вермахта к войне. Он побывал в Кракове, демонстративно посетил могилу Пилсудского, произнес речь о глубоком к нему уважении и идейном родстве с польским лидером*.

Свидетельством подготовки Германии к войне с СССР служила и «модификация» оккупационного режима в генерал-губернаторстве. Резко уменьшился вывоз поляков на принудительные работы в Германию (к середине 1940 г. — 990 тыс., к середине 1941 — 50 тыс. человек). Гитлеровцы отказались от массовых публичных экзекуций на улицах городов. Их перенесли в концлагерь в Освенциме близ Кракова, который действовал с июня 1940 г. В нацистской пропаганде проскальзывали «идеи» о европейском единстве немцев и поляков в борьбе против русских варваров и азиатов и даже о том, что гитлеровцы-де единственные защитники католицизма⁹².

Весной 1941 г. Европа ждала начала войны между СССР и Германией. Обсуждали этот вопрос и на заседаниях польского правительства. В. Сикорский не был уверен в близкой войне, но на всякий случай принял решение, что Польша объявит нейтралитет. Прибывший в июне 1941 г. из Москвы в Лондон британский посол С. Криппс убеждал Сикорского, что вот-вот начнется война, которая упростит и изменит советско-польские отношения, поскольку возникнет общий враг — Германия. В это время англо-саксонские лидеры согласовали позиции. 27 июля 1941 г. Криппс уверял Молотова, что именно он побудил Черчилля за неделю до войны переговорить с президентом Рузвельтом об отношении Великобритании и США к приближавшейся войне. Черчилль, Криппс и американский посол в Лондоне Д. Вайнант составили известную речь о поддержке СССР, которую Черчилль произнес по радио в день нападения Германии на СССР⁹³.

* Ю. Пилсудский терпеть не мог Гитлера, не доверял ему и не ошибся даже в сроках начала войны, утверждая, что, несмотря на пакт о ненападении с Германией, Польша получит «неприятности» от Гитлера.

22 июня 1941 г. в 4 часа утра против СССР было брошено 170 дивизий вермахта. Германский посол Ф. Шуленбург лишь в 5 час. 30 мин. официально уведомил НКВД об объявлении войны*. В речи, произнесенной 22 июня 1941 г., Гитлер объявил поводом для нападения несоблюдение Советским Союзом пакта о ненападении, а именно сосредоточение частей Красной Армии у восточных границ сферы германских интересов. Известно, что поначалу военные действия на советско-германском фронте сложились крайне неудачно для Красной Армии. Но слова Молотова, произнесенные по радио 22 июня 1941 г.: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами!», общенациональная идея защиты отечества, выраженная в гимне этой войны: «Идет война народная, священная война!» сплотили в борьбе против агрессоров все слои советского общества. Созданный 30 июня Государственный комитет обороны (ГКО), который возглавил Сталин, получил всю полноту власти в государстве. В речи 3 июля 1941 г. Сталин назвал целью всенародной борьбы не только уничтожение опасности, нависшей над страной, но и «помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»⁹⁴.

Вступление Советского Союза в войну прояснило расстановку международных сил и размежевание двух военных группировок. В противостоянии гитлеровской Германии совпали национально-государственные интересы как демократических Великобритании и США, так и тоталитарного СССР. Сложились предпосылки для объединения в единый антигитлеровский блок государств с разным общественно-политическим устройством. Уже 12 июля 1941 г. было заключено советско-английское соглашение о совместных действиях в войне, прежде всего против Германии. 18 июля 1941 г. СССР подписал аналогичное соглашение с чехословацким правительством в эмиграции. Закладывался фундамент антигитлеровской коалиции. Следующий шаг к ее оформлению был сделан вступлением США в войну после нападения Японии 7 декабря 1941 г. на американскую морскую базу Пёрл-Харбор. Подписанием Договора между правительствами СССР и Великобритании 26 мая 1942 г. и Соглашения между СССР и США 11 июня 1942 г. о сотрудничестве и взаимопомощи в войне против агрессии завершилось создание коалиции, возглавлявшейся СССР, США и Великобританией. Так возникла «большая тройка», лидеры которой взяли на себя ответственность за исход войны и судьбы народов и стран, в нее вовлеченных**.

Заявления Черчилля и Рузвельта в поддержку СССР, сделанные в первые дни после нападения гитлеровской Германии, оказали влияние на изменение позиции польского правительства в эмиграции. Если 22 июня 1941 г. речь шла о том, что правительство Польши не будет сотрудничать с СССР, то 23 июня, выступая по радио, Сикорский (под давлением Черчилля) заявил о возможности возвращения к положению, которое существовало до 1 сентября 1939 г., т. е. о восстановлении дипломатических отношений

* Вслед за Германией войну СССР объявили ее союзники и сателлиты — Венгрия, Италия, Словакия, Румыния, Финляндия. Кроме того на советско-германском фронте воювали фашистские добровольческие отряды из Хорватии, Франции, Бельгии, Дании, Норвегии, испанская «Синяя дивизия», а также часть призванных в вермахт поляков.

** 1 января 1942 г. была принята Декларация Объединенных наций (Вашингтонская декларация) о военном сотрудничестве в борьбе против фашистского блока, подписи которой поставили 26 стран, в том числе СССР и Польша.

с СССР. Советское руководство ответило согласием, заявив, что, если Сикорский **пожелает**, то Москва не возражает против подписания документа, аналогичного **англо-советскому** соглашению. 3 июля 1941 г. НКВД определил условия сотрудничества двух **стран** на военный и послевоенный период. Москва предлагала Польше помощь в **создании** национальных вооруженных сил на территории СССР под патронатом польского Национального комитета, признавала суверенитет и национальную независимость **Польши** и право поляков определять характер внутреннего устройства страны.

Посол в Лондоне И.М. Майский от имени Москвы заявил о готовности возобновить **отношения** двух стран, подписать соглашение о взаимодействии в борьбе с Германией, **но** при этом использовал тезис о консолидации всего польского народа в «границах **национальной** Польши», включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР. Иными словами, речь шла о межгосударственном разграничении по этническому принципу. В ходе советско-польских переговоров при участии А. Идена, но, в первую очередь, параллельных встреч в Москве английского посла С. Кrippса со Сталиным и Молотовым определялись принципы отношений двух стран*. Тогда же Сталин объявил о возможности амнистировать польских граждан, уточнял принципы отношений Красной Армии с будущей польской армией. Выяснилось, что стороны готовы согласовать позиции по текущим вопросам, касавшимся практической организации военного сотрудничества и создания армии в СССР. Но обнаружились и разногласия. Сикорский решительно возражал против создания некоего национального комитета. Далее, он заявил, что в советский плен в 1939 г. было взято 300 тыс. польских военнослужащих. Советская сторона возражала: такого количества военнопленных не было, и в настоящий момент в лагерях находится 20 тыс. человек. В ходе переговоров подтвердилась невозможность договориться о послевоенной советско-польской границе. Тем не менее, 30 июля 1941 г. компромисс состоялся: было подписано Соглашение о восстановлении дипломатических отношений и взаимодействии в войне⁹⁵.

Суть компромисса состояла в том, что решение вопроса о границе откладывалось до «лучших времен». Об этом свидетельствовала статья 1, где речь шла о признании правительством СССР утратившими силу советско-германские договоры 1939 г. «касательно территориальных перемен в Польше». Как показало будущее, стороны толковали ее текст каждая по-своему. Сталин не усматривал в нем признания Советским Союзом границы, существовавшей на 1 сентября 1939 г. Сикорский формулировку «договоры... утратили силу» трактовал как отказ Москвы от территориальных приобретений осени 1939 г. Тем не менее, зафиксированная в Соглашении «формула» на тот период, несомненно, устраивала обе стороны. Москва, понимая, что послевоенная советско-польская граница будет зависеть от исхода войны, уходила от заблаговременного ее определения, ничем не рискуя, и облегчала отношения с великими державами, союзниками Польши. Кроме того при взаимном желании партнеров вопрос о границе не мог служить препятствием для двустороннего сотрудничества, что было особенно

* Польский историк Я. Тебинка полагает, что текст документа полностью согласовывался не с поляками, а с Москвой и Лондоном, что из Вашингтона поступали сигналы не потакать требованиям «малых» союзников о подтверждении их довоенных границ (Te-binka J. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939–1945. Warszawa, 1998. S. 153–155, 157).

важно для польского правительства, представители которого получали доступ на советскую территорию и возможности контакта со своими соотечественниками, организации помощи им. По советским данным от 2 ноября 1945 г., численность бывших польских граждан, находившихся в лагерях, спецпоселениях, ссылке и под арестом, в 1939–1941 гг. составляла 494 310 тыс. человек⁹⁶.

Частью Соглашения был протокол об амнистии «всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях, со времени восстановления дипломатических отношений». Существовал и секретный протокол о том, что «различного рода претензии частного и общественного характера будут рассматриваться в порядке последующих переговоров между обоими правительствами».

Подписание Соглашения с СССР изменило расстановку сил в польском правительстве. «Географически» за Сикорского выступали представители западной части Польши, включенной в состав Германии (Великая Польша), и земель, до войны входивших в состав Германии (Нижняя Силезия). По политическим соображениям усилия Сикорского наладить отношения с СССР поддерживали на всех территориях оккупированной Польши представители СП, СЛ и ППС, кроме правых социалистов. Против действий генерала были сторонники «санации», пилсудчики и СН. Кризис в правительстве, возникший в связи с подписанием Соглашения с Москвой, окончился победой Сикорского, который сохранил свой пост. Представители «санации» и эндеции покинули кабинет⁹⁷.

Важнейшим пунктом Соглашения, развитым и закрепленным совместным Военным соглашением от 16 августа 1941 г., было обязательство сторон создать на территории СССР Польскую армию. По рекомендации советской контрразведки командующим был назначен генерал Войска Польского В. Андерс*. В будущей армии были заинтересованы оба правительства, хотя мотивация сторон далеко не во всем совпадала. В. Сикорский видел здесь путь к обретению реальной военно-политической силы на Востоке, что придало Польше вес на международной арене и усилило позиции правительства в отношениях с союзниками по коалиции. Несомненно, не упускалось из виду и то принципиально важное обстоятельство, что вступление польской армии на территорию Польши явилось бы важнейшей гарантией возвращения польского правительства из эмиграции. 8 марта 1942 г. в тайной и личной инструкции С. Ровецкому Сикорский писал, что, если возникнет перспектива прихода Красной Армии в Польшу, он приложит все старания, чтобы польская армия, сформированная в России, одновременно вступила в Польшу. Поэтому, полагал премьер-министр, надо сохранять формально дружественные отношения с Москвой⁹⁸.

Советская сторона на этапе позитивных изменений в отношениях с Польшей подходила к вопросу создания армии как к выполнению своих обязательств перед новым союзником. Это был политический аспект проблемы. Была и потребность, особен-

* Выпускник царского Пажеского корпуса (поляков туда не принимали!), Андерс происходил из прибалтийских баронов; служил в русской царской, германской и польской армиях; в конце сентября 1939 г. взят в советский плен, находился в госпитале, затем арестован; известно, что до освобождения 4 августа 1941 г. с ним беседовали Л.П. Берия, его заместитель по НКВД В.Н. Меркулов и генералы советской контрразведки.

но острая в 1941 г. — начале 1942 г., в получении дополнительных воинских частей для участия в боях на советско-германском фронте, что специально оговаривалось в Соглашении: «Польские армейские части будут двинуты на фронт по достижении полной боевой готовности. Они будут выступать, как правило, соединениями не менее дивизии и будут использованы в соответствии с оперативными планами Верховного командования СССР». Существовали двусторонние договоренности о первоначальной численности армии (30 тыс. человек), ее национальном облике и суверенитете, обеспечении в меру возможности вооружением советской стороной, а также польским правительством. Последнее располагало обещанием США от 19 июня 1941 г. поставлять вооружение по ленд-лизу Польше как активно воюющей стране. Поскольку стороны намеревались формировать польские части из лиц, уже прошедших военную подготовку, достижение боевой готовности армии планировалось к 1 октября 1941 г. Советское руководство поручило обеспечивать контакты польского командования с советским командованием майору госбезопасности Г.С. Жукову*, который считался специалистом по польским делам⁹⁹.

Отметим, что сразу же возникли разногласия и острые проблемы. Обнаружились трудности с офицерским корпусом (19 августа Андерс получил список на 1658 офицеров¹⁰⁰) и с вооружением польской армии. Недостаток по офицерскому штатному расписанию был заполнен офицерами, прибывшими из Англии, и подготовкой собственных кадров. Польская сторона не была удовлетворена выполнением Москвой Указа от 12 августа об амнистии польских граждан. Она настаивала на продолжении освобождения военнопленных из лагерей и тюрем^{**}. Специально созданная польская Комиссия во главе с известным художником графом Ю. Чапским приступила к выяснению, сколько офицеров было взято в плен, кто и в каких лагерях находился или находится в данное время. Она сверяла добытые сведения с официально опубликованным списком польских офицеров, который предоставила советская сторона. Кроме того, по каналам подполья в оккупированной гитлеровцами Польше был проведен учет офицеров, находившихся в гитлеровских лагерях. Все данные сопоставили: первый список на 3 тыс. офицеров, не обнаруженных в советских лагерях, был готов к декабрю 1941 г.

Возникли большие трудности с вооружением польских частей. Когда летом подписывались документы о сотрудничестве, непросто было предположить развитие ситуации на советско-германском фронте. 8 сентября 1941 г. Сталин уведомил польского посла, что полностью выполнить обязательства по Соглашению возможности нет: СССР может оснастить только одну польскую дивизию. Вскоре, правда, удалось вооружить и вторую дивизию. Были предоставлены оружие и боеприпасы для обучения польских солдат. Тем не менее, 14 и 22 октября В. Андерс просил Сталина о создании новых польских дивизий, сверх предусмотренных в Соглашении. На 25 октября 1941 г. в польской армии числились уже не 30 тыс., а 41,5 тыс. военнослужащих.

* В это время Жуков — начальник 4-го (польского) отдела 2 Управления НКВД СССР; уполномоченный Генштаба Красной Армии по формированию польской армии в СССР.

** К 1 октября 1941 г. из тюрем и лагерей было освобождено 50 295 человек, из лагерей для военнопленных — 22 297 человек, на комплектование армии направлено 25 115 человек (Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 186).

Сталин удовлетворил просьбу, оговорившись, что препятствием может стать нехватка вооружения*. Отметим, что западные союзники, согласившись вооружать поляков, тем не менее в течение года не направили в СССР ни одного транспорта с вооружением для Польской армии. Так, вопрос о вооружении из организационной проблемы все больше превращался в предмет политических разногласий. Он был использован польской стороной для обоснования решения о выводе армии в Иран, поддержанного представителем президента США по ленд-лизу А. Гарриманом.

Трудности с вооружением Польской армии танками, противотанковыми и зенитными орудиями не были единственной причиной осложнений во взаимодействии сторон¹⁰¹. Оставались проблемы с пополнением кадрового состава армии. Возможным резервом могли быть депортированные вглубь СССР бывшие польские граждане, а также бойцы Красной Армии — этнические поляки, украинцы, белорусы, евреи, призванные из западных регионов страны в 1940–1941 гг. Наркомат обороны согласился было передавать их в польскую армию, но поскольку они как граждане СССР «уже приняли присягу», Молотов наложил на это запрет. Встал вопрос, кого можно считать польским гражданином, обязанным вступить в Польскую армию по мобилизации и призываться или через смешанные советско-польские пункты призыва, или через призывные комиссии, созданные при советских военкоматах. Польское правительство считало Указ Президиума Верховного Совета СССР 1939 г. о наделении советским гражданством всех жителей Западной Украины и Западной Белоруссии внеправовым актом, который к тому же ограничивал возможную численность призывного контингента. Остроту проблемы сняло сделанное в декабре 1941 г. советским правительством изъятие из-под действия Указа о гражданстве всех поляков по национальности, жителей некогда польских крестьян, что позволило зачислять их в Польскую армию. Это была существенная уступка советской стороны. Возможно, сыграло свою роль полученное в конце октября 1941 г. от Сикорского известие о намерении вывести формируемую армию в Иран. Такое развитие ситуации тогда, когда советское командование считало каждого солдата на фронте, шло вразрез с расчетами Сталина, и он, вероятно, хотел, заинтересовав поляков расширением призыва в армию, если не исключить, то отложить ее вывод из СССР. Это временно удалось сделать в ходе переговоров с В. Сикорским, посетившим Москву.

Премьер-министр Польши 3 декабря 1941 г. был принят Сталиным, который считал, что наступил переломный момент в отношениях СССР и Польши и его надо закрепить, решив все назревшие вопросы. Сикорский, со своей стороны, намеревался максимально сузить тему переговоров. Беседа лидеров, временами острая по форме (Сикорский пытался демонстрировать равенство «веса» двух стран**), сконцентрировалась

* За июнь–декабрь 1941 г. Красная Армия потеряла более 3 млн бойцов, 6 млн единиц стрелкового оружия, 20 тыс. танков и САУ, 10 тыс. самолетов. Положение Красной Армии было критическим. 3 сентября Сталин просил Черчилля прислать на советский фронт 25–30 английских дивизий, танки и самолеты. Черчилль отказал, соглашаясь ввести английские войска на Кавказ, где боев не было. К концу осени положение на фронте несколько улучшилось. Наступление германских войск стало выдыхаться. Появились разведданные, что Япония отказалась от нападения на СССР. Но пока вооружений для действующей армии остро не хватало (Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. М., 2000. С. 178).

** Накануне визита Сикорского посол С. Кот уверял Сталина, что польский премьер

налась по инициативе польской стороны на обсуждении положения поляков в СССР и вывода Польской армии из СССР. Несмотря на тяжелейшую военную и экономическую ситуацию (контрнаступление под Москвой начнется только через день, а пока вермахт стоит на расстоянии 30–40 км от советской столицы), Сталин выражал непоколебимую веру в победу над Германией: «Русские были в Берлине два раза, будут там и в третий раз». Он подчеркивал, что собственно военное участие польской стороны не имеет большого значения: «Мы не можем заставить поляков драться», если поляки «не хотят, то мы обойдемся и своими дивизиями», «В Иран, так в Иран! Пожалуйста». Это относилось и к будущему освобождению Польши от гитлеровцев: «Мы возьмем Польшу и передадим Вам через полгода. У нас войска хватит, без вас обойдемся. Но что скажут тогда люди, которые узнают об этом. А польским войскам, которые будут находиться в Иране, придется бороться там, где этого пожелают англичане».

Сикорский и Андерс, к этому времени уже выступавший не за участие в боях вместе с Красной Армией, а за вывод войск, были вынуждены снять с обсуждения этот вопрос, ведь только в СССР имелись национальные резервы для пополнения армии. Сталин, со своей стороны, согласился улучшить положение польского гражданского населения, предоставив на эти цели беспроцентный заем в 100 млн руб. В ходе переговоров он сделал ряд принципиальных замечаний: после войны польская граница на западе может пройти по р. Одер; Польская армия завоеует право первой войти в освобождаемую Варшаву; «ему, Сталину, безразлично, каким будет внутреннее устройство Польши, лишь бы было дружественное СССР правительство». Советский лидер тогда объявил: «У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим поработанным народам Европы, жаждущим от нас помощи... Никакого вмешательства во внутренние дела других народов [не будет]!». По мнению Сталина, совместное участие советских и польских войск в сражениях на советско-германском фронте важно в основном не с военной, а с политической точки зрения, как подтверждение улучшения непростых отношений двух стран.

Сикорский, вопреки обещанию, данному У. Черчиллю, согласился оставить армию в СССР, получив согласие Москвы на вывод из СССР 25 тыс. солдат и всех моряков и летчиков для пополнения польских частей в Великобритании. Это предусматривалось военным соглашением от 14 августа 1941 г. Советская сторона согласилась на дальнейшее расширение польской армии до 96 тыс. человек и предоставление на ее нужды беспроцентного займа в 300 млн руб. Премьер снял с обсуждения вопрос о границе, хотя обещал к нему вернуться. Сталин, со своей стороны, говорил о возможности изменения линии общей границы и возвращении Львова Польше. Касаясь борьбы народа в самой Польше, Сикорский информировал Сталина, что в подходящий момент в Польше произойдет восстание¹⁰².

Советское руководство уже тогда имело в виду вариант конкретных территориальных предложений Польше. Он был изложен в материалах, врученных А. Идену во время его визита в Москву 15–22 декабря 1941 г. СССР, заинтересованный в «установлении

министр «войдет в состав группы, состоящей из Сталина, Черчилля и Рузвельта, которая определит послевоенную организацию мира». Сталин в ходе беседы с Котом говорил, что его, Сталина, мечта — «принять активное участие в возрождении Польши» (Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. М., 2000. С. 420 и сл.).

взаимного согласия... при решении послевоенных вопросов» между СССР и главной союзницей Польши — Великобританией, допускал возможность обсудить дополнительно «вопрос о Польше и ее государственных границах с СССР, с учетом установившихся дружественных союзных отношений между СССР и Польской Республикой, а также с учетом национальных особенностей населения». Советская сторона связывала решение вопроса о советско-польской границе с одновременным расширением территории Польши за счет Германии: «Восстановление Польши в границах 1939 г., с оставлением в пользу СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, за исключением районов с преобладающим польским населением (оставить в составе Польши город Львов, при условии передачи СССР Белостока и Вильно или, наоборот, передать Польше Вильно и Белосток, с оставлением Львова в СССР), а также — расширение территории Польши за счет западной части Восточной Пруссии»¹⁰³. Это означало, что в конце 1941 г. Москва была готова на существенную корректировку советско-польской границы 1941 г. во имя ее закрепления в официальных советско-английских документах. Кроме того, она вводила в большую политику идею компенсации польских «потерь» на востоке территориальными приращениями на западе за счет Германии*. Предлагалось обсуждать пограничные вопросы на сепаратных советско-польских переговорах без вмешательства третьих стран. Наиболее подходящим моментом для этого считалось вступление польских частей в бой против гитлеровцев на советско-германском фронте, что стало бы залогом общей доброй воли.

Сикорский тоже был заинтересован решить все проблемы в ходе двусторонних переговоров, но еще до того, как Красная Армия дойдет до границ Польши. Польский премьер-министр покидал СССР, поздравив Сталина с разгромом гитлеровской армии и успешным советским контрнаступлением под Москвой. Это убеждало его, что надо заключить долгосрочный союз с Россией на антигерманской основе, навсегда покончить с довоенной политикой лавирования между двумя врагами и с авантюрами в отношении СССР вроде похода 1920 г. на Киев, «прокладывать дорогу в будущее, сглаживая отношения между нами». Однако генерал, докладывая на заседании правительства о поездке в Москву, утверждал, что не следует допускать СССР в Европу: «Польско-русская граница должна остаться тем, чем она была на протяжении веков, а имен-

* Во время пребывания А. Идена в Москве при обсуждении проблемы послевоенного устройства мира выяснилось, что английская позиция по главному для СССР вопросу о советско-польской границе была неустойчивой. Иден, как и Черчилль, который раньше считал границу 1941 г. правильной, теперь от этого признания уклонялся. Упорные, но безрезультатные дискуссии состоялись в мае 1942 г. при посещении В.М. Молотовым Лондона. Добиваясь закрепления советско-польской границы 1941 г. в тексте советско-английского договора о союзе в войне и послевоенном сотрудничестве, нарком неоднократно заявлял о готовности советского правительства «полюбовно договориться с польским правительством... на основе взаимности», но условием «является восстановление границ СССР, нарушенных Гитлером... Мы не можем уступить в этом вопросе». «Польшу, — считал нарком, — можно было бы удовлетворить... за счет Германии, а не за счет СССР». Сикорский со своей стороны активно противостоял закреплению в советско-английском договоре границы 1941 г. (Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи, беседы, дискуссии. Документы и комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 105, 109–111).

по границей западно-христианской цивилизации». Одновременно он был уверен, что сможет нейтрализовать расчеты польских коммунистов на приход к власти и освобождение с Востока: «слабенькая группка Ванды Василевской» не имеет поддержки польской эмиграции в СССР, коммунистический строй «совершенно не устраивает поляков», и Польша сможет дать отпор Сталину, если тот как победитель перейдет к «захватническому империализму». Премьер чрезвычайно высоко оценивал итоги своего визита, подчеркивая, что «Сталин в первый раз отказался от универсального коммунизма и признал принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств». Сикорский предпринял попытку развить этот успех, став четвертым участником переговоров о создании «большой тройки», но получил решительное «нет» от А. Идена¹⁰⁴.

Во время визита Сикорского в Москве была достигнута договоренность о сотрудничестве советской стороны с разведкой СВБ (с февраля 1942 г. — Армия Крайова, или АК) в глубоком тылу гитлеровских войск. Для передачи советскому Генштабу полученных разведданных была организована радиосвязь между Москвой и Варшавой*. По границе 1939 г. устанавливалась разграничительная линия действий партизанских отрядов, было дано обещание оказать содействие командованию Польской армии в налаживании эстафетной связи с Польшей. Вместе с тем Сикорский выступал за минимизацию советских контактов с польским подпольем. Комендант СВБ имел приказ энергично, вплоть до смертной казни, бороться с теми, кто сотрудничал с НКВД. Высадки советских парашютистов в тылу немецких войск на территории Польши рассматривались Сикорским и Ровецким как нарушение советско-польских соглашений и суверенности польского правительства. Все военное сотрудничество должно было идти только через главнокомандующего, т. е. Сикорского¹⁰⁵.

По итогам визита Сикорского в Москву и переговоров со Сталиным 4 декабря 1941 г. была подписана Декларация о дружбе и взаимной помощи. Лидеры двух стран заявляли, что совместно с другими союзниками «будут вести войну до полной победы и окончательного уничтожения немецких захватчиков», окажут «друг другу во время войны полную военную помощь, а войска Польской Республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками. В мирное время основой их взаимоотношений будут доброе соседское сотрудничество, дружба и обоюдное честное выполнение принятых на себя обязательств»¹⁰⁶.

Однако 3 декабря 1941 г. под взаимные отношения двух правительств была заложена «бомба»: Сикорский и Андерс, выступавший в роли переводчика, передали Сталину поименный список на 3,5 тыс. офицеров, не обнаруженных польским командованием в СССР. В феврале 1942 г. Андерс в присутствии уже лично знакомого Сталину

* Генерал Андерс получил инструкцию Сикорского проводить «организационную работу в разведке... с таким расчетом, чтобы не только обслужить потребности этой войны и будущего восстания в Польше, но и создать постоянные условия для нашей разведки на Востоке и в послевоенное время». Предлагалось законспирировать работу, «чтобы исключить возможность расконспирации разведки и возможного проникновения НКВД через эту сеть в организацию СВБ в Польше» (Секреты польской политики. Архив СВР. Сб. док. М., 2009. С. 318).

начальника штаба польской армии полковника Л. Окулицкого предоставил список на 8 тыс. фамилий. Так начиналась теперь широко известная история трагической гибели польских офицеров, или «Катынское дело». Первая итоговая Справка НКВД о судьбах 132 тыс. военнопленных составлялась к визиту Сикорского и датирована 3 декабря 1941 г. В ней утверждалось, что офицеры из лагерей Козельск-2, Старобельск-2, а также лагеря в Осташкове переданы в распоряжение Управлений НКВД соответствующих областей (о расстрелах в тюрьмах в этом и последующих документах не упоминалось). Сталин разыграл сцену телефонного запроса «в компетентные органы» о судьбе офицеров и сказал полякам: «Говорят, что все освобождены» и «бежали в Манчжурию». Явная абсурдность ответа усугублялась тем, что уже с конца 1940 г. польскому правительству была известна подлинная судьба узников Козельского лагеря. Тогда правительства Великобритании и США «советовали» Сикорскому не поднимать вопроса об этом военном преступлении. Польское правительство не могло, однако, знать всего объема трагедии. Германское же руководство после оккупации Смоленской области имело информацию о Катыни от польского подполья. Но в 1941–1942 гг., когда вермахт одерживал победы в России, эта проблема не была политически нужна Гитлеру и Геббельсу¹⁰⁷. Она ждала своего часа.

Вернемся к итогам московских переговоров. В соответствии с договоренностью между Сикорским и Сталиным, на территории СССР и при содействии советских властей посольство Польши (переехавшее вместе со всем дипкорпусом из Москвы в Куйбышев) назначило 389 доверенных лиц для организации помощи польскому населению. По разным сведениям, было создано от 589 до 807 благотворительных учреждений (столовых, детских садов, школ, детских домов, домов инвалидов и т.п.). Средства и продовольствие, поступавшие из-за границы в помощь польским гражданам, ввозились без таможенных пошлин и транспортировались по льготным тарифам. Оказывалась помощь в создании продовольственных складов и распределительных пунктов. С сентября 1941 г. по апрель 1943 г. помощь деньгами и «натурой» получили более 270 тыс. человек. Есть сведения, что на благотворительные цели органы опеки израсходовали 114 млн руб.¹⁰⁸

Однако взаимодействие местных органов советской власти и представительств посольства протекало не гладко. Сказывались политические трудности, которые нарастали в отношениях правительств из-за отказа поляков участвовать в боях на советско-германском фронте. Были проблемы с проведением амнистии, транспортные неурядицы в ходе переселения поляков с «северов» в более южные районы*, разногласия по вопросам гражданства, и деятельности уполномоченных польского посольства на местах, которые кроме благотворительности присваивали себе prerogatives консульств и дипломатов. Все это не устраивало НКВД, а сбор польской стороной сведений о советской жизни в состоянии экономики в военное время расценивался органами НКВД как шпионаж.

* Сталин объяснял Сикорскому, что транспортные проблемы с переселением поляков возникли не по злой воле, а из-за перегруженности негустой сети железных дорог на востоке СССР, куда продолжала идти массовая эвакуация людей (7,14 млн чел.) ■ 2539 промышленных предприятий из западных и центральных районов (Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. С. 91–92).

Командование Польской армии, ссылаясь на недостаток вооружения и на неготовность боевых частей, отказывалось выступать на фронт. Андерс направил советской стороне просьбу о выводе всей Польской армии на Ближний Восток. Находясь в Лондоне, Молотов встречался с Сикорским 10 июня 1942 г. и пытался убедить его оставить армию на советско-германском фронте. Сикорский отговаривался тем, что «польская армия не может вступить в бой, не будучи вооруженной», заявил Молотову о желательности новой встречи со Сталиным, на что последовало принципиальное согласие¹⁰⁹.

12 июня 1942 г. Андерс получил предписание правительства: исходя из высших государственных интересов и целей в войне, армия должна остаться в СССР. Но давление Черчилля на Сикорского и на Сталина усиливалось, поскольку в Египте успешно наступали германо-итальянские части генерала Э. Роммеля, и войска союзников оказались в затруднительном положении. Черчилль намекал и на то, что от наличия мощного «кулака» на Ближнем Востоке зависит позиция Турции в отношении СССР. Сикорский уступил английскому премьеру. Советское правительство во имя единства действий союзников также дало согласие на эвакуацию армии Андерса в Иран и на Ближний Восток.

В августе 1942 г. эвакуировались около 44 тыс. польских солдат и офицеров и более 30 тыс. членов их семей. В результате в 1942 г. из СССР выехали, по данным НКВД на сентябрь 1943 г., 113 247 польских граждан (75 491 военнослужащий и 37 756 членов их семей)*; по данным НКВД на ноябрь 1945 г., — 119 865 человек (76 110 солдат и офицеров и 43 755 гражданских лиц). Андерс расписался под протоколом, где констатировалось, что «польское правительство вопреки соглашению между СССР и Польшей не считает возможным использовать на советско-германском фронте польские войска, сформированные в СССР»¹¹⁰.

Советско-польское Военное соглашение от 16 августа 1941 г. о совместной борьбе против гитлеровцев фактически прекратило действовать. Произошло то, чего удалось избежать в июле 1941 г., когда СССР и Польша установили прямые межправительственные контакты. Вывод армии свидетельствовал о заинтересованности Великобритании** в блокировании этого соглашения, в устранении польских частей с территории СССР, а значит — и перспектив урегулирования спорных проблем путем советско-польского

* Из них весной 1942 г. выехали в Иран, по разным данным, от 42 до 44 тыс. военнослужащих и гражданских лиц. Причем 12 тыс. моряков, летчиков, танкистов и некоторых других военнослужащих направились не в Англию, как предусматривалось, а в Ирак.

** На Ближнем Востоке, где польская армия охраняла нефтяные разработки, она была реорганизована во 2-й Польский корпус (2978 офицеров и 43 021 рядовых). Тогда из армии были удалены и репрессированы те офицеры, которые вместе с З. Берлингом осенью 1940 г. разрабатывали планы создания польских частей в СССР, в частности, капитан К. Завадский, поручик Р. Имах и др. В польских тюрьмах на территории Палестины в январе 1944 г. находилось около 700 офицеров и солдат, осужденных за «про-советские симпатии» на сроки от 10 лет до пожизненного заключения. Берлинг и несколько его единомышленников остались в СССР, за что были объявлены дезертирами и заочно осуждены (Русский архив. Великая Отечественная. 14. 3 (1). СССР и Польша. 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 100–103). 2-й Корпус, в состав которого волилась бригада Карпатских стрелков, дислоцированная в Африке, стал частью войск союзников, высадившихся в Италии в феврале 1944 г. Этот корпус участвовал во взятии монастыря Монте Кассино (май 1944 г.). Анконы (июль 1944 г.) и Болонья (апрель 1945 г.).

диалога. Незадолго до вывода Польской армии из СССР, а именно во время визита в Лондон в мае 1942 г., Молотов говорил о возможных советских уступках Польше, безуспешно убеждал англичан в пользе прямых, без посредников, советско-польских переговоров о границе, намекая на поиски Сикорским покровительства за океаном.

Оценивая факт вывода Польской армии из СССР, следует признать его, пожалуй, самой крупной политической ошибкой польского правительства в эмиграции: оно лишилось важного военно-политического инструмента, обеспечивавшего постоянное присутствие и участие Польши в сотрудничестве как с СССР, так и с Великобританией. Сразу после Сталинградской битвы последовало предложение Сталину вернуть Польскую армию в СССР и наладить взаимодействие подпольной Армии Крайовой (АК) с Красной Армией, но оно не было принято советской стороной¹¹¹.

Масштаб допущенной ошибки стал ясен уже в начале в 1943 г., когда обострились противоречия по вопросам советско-польской границы, гражданства и амнистии. В январе СССР восстановил действие Указа Верховного Совета 1939 г., по которому советскими гражданами считались все жители бывших польских кресов, без каких-либо изъятий по национальному признаку. Была свернута и система представительств польского посольства на советской территории. Все вместе взятое привело двусторонние отношения к состоянию, близкому к кризису. В прессе, как в польской подпольной, так и польской лондонской, «разнузданной», как ее называл Сталин, ширилась антисоветская кампания. Она шокировала даже вице-премьера польского правительства С. Миколайчика. Сведения о советско-польских противоречиях впервые появились и в советской печати. Газета «Правда» опубликовала 21 февраля 1943 г. острую статью А.Е. Корнейчука, в которой доказывалась безосновательность польских претензий на украинские и белорусские земли.

Напряженные советско-польские отношения и перспектива их развития по негативному сценарию вызывали беспокойство западных союзников, осознававших вполне вероятно усиление военно-политической роли СССР к концу войны. Еще в начале 1942 г. А. Иден представил английскому кабинету меморандум, в котором писал: «Принимая, что Германия потерпит поражение, а немецкая военная мощь будет уничтожена... Позиция России на европейском континенте будет непоколебима. Российский престиж окажется столь великим, что установление коммунистических правительств в большинстве европейских стран будет весьма облегчено, а советское правительство, очевидно, приложит к этому старания». В 1942 г., советско-германский фронт для западных союзников становился, по мнению Ф.Д. Рузвельта, выраженному в письме к У. Черчиллю в октябре 1942 г., «нашей самой большой опорой» в противостоянии гитлеровской Германии. В конце декабря 1942 г., когда происходило решающее сражение под Сталинградом, А. Иден убеждал правительство Великобритании в необходимости укреплять сотрудничество трех великих держав. «При отсутствии этого, — писал он, — мы окажемся перед перспективой мира, находящегося в состоянии колеблющегося равновесия, с великими державами, каждая со своим кругом клиентов, соперничающих между собой, что неизбежно создаст со временем состояние враждебности». Его заместитель А. Кадоган, сдерживая проявления антисоветской активности польских эмигрантов, стремился их образумить: «Судьба всех нас связана с военными успехами Советов»¹¹².

Советско-польские территориальные проблемы, не решаемые на двустороннем уровне, все отчетливей становились частью формировавшихся представлений глав «большой

тройки» о конфигурации границ будущей Европы. Это понимали в «польском» Лондоне и стремились прояснить позицию западных союзников, воздействуя на нее в своих интересах. Между тем во время визита Сикорского в США, состоявшегося в конце марта 1942 г., Рузвельт пояснил собеседнику, что решения вопроса о границах можно ожидать лишь после окончания войны. В ходе очередного пребывания польского премьер-министра в США (4 декабря 1942 г. — 10 января 1943 г.) госдепартаменту был передан меморандум польского правительства, где доказывалась необходимость сохранить восточную довинную границу Польши не только по экономическим, историческим и стратегическим, но и идеологическим причинам: «Должна быть линия, отделяющая коммунистическую концепцию мира, которую представляет Советский Союз, от идеалов западных демократий, опирающихся на права индивидуума. Эта демаркационная линия должна идти вдоль линии, установленной в Риге». Сикорский убеждал госсекретаря США С. Уоллеса, что если ангlosаксы ничего не предпримут относительно нерушимости этой границы, то у Сталина не останется сомнений, что они, Запад, не будут препятствовать реализации его намерений обрести доминирующие позиции в Восточной и Южной Европе. Сикорский не был понят президентом США, который убеждал его в необходимости урегулировать отношения с СССР и гарантировал в этом свою помощь Польше. Рузвельт не соглашался и на тот масштаб территориальных требований к Германии, которые выдвигала Польша. Госсекретарь прямо заявил, что вопрос о границах Польши надо согласовать не только с Западом, но и с Советским Союзом¹¹³.

По возвращении в Лондон Сикорский переиначил и подверг переоценке содержание бесед и рекомендации Рузвельта, утверждая, что Польша может, «несомненно, рассчитывать на поддержку Рузвельта и его правительства не только в отношении России, но и в отношении Великобритании, поддающейся советскому давлению». Позиция Сикорского вызвала решительную критику в «польском» Лондоне. Посол в Москве Т. Ромер, обращаясь к правительству, доказывал, что имеется слишком мало аргументов («козырей») для организации международного обсуждения нерушимости границы на востоке и получения компенсации на Западе за счет Германии. После состоявшегося обсуждения итогов поездки в США в правительстве и с президентом Радкевичем, после отчета Раде Народовой Сикорский выразил готовность при условии полной поддержки союзников нанести визит в Москву для налаживания отношений с СССР. Генерал получил совет президента В. Рачкевича написать личное письмо Сталину¹¹⁴.

Между тем после убедительной победы Красной Армии под Сталинградом, после успешного завершения в мае 1943 г. военных действий союзников в Северной Африке* основной вопрос войны состоял не в том, какой военно-политический блок победит, а как быстро будет достигнута победа.

* Военные действия союзников в Северной Африке против итало-германских войск начиная с июня 1940 г. шли с переменным успехом. Осенью 1942 г. в Алжире и Марокко высадился 150-тысячный англо-американский десант, который разбил корпус гитлеровского генерала Э. Роммеля в мае 1943 г. Символом успешных сражений в Африке считается египетский город Эль-Аламейн в 80 км от Александрии, где осенью 1942 г. союзниками были остановлены итало-германские 12 дивизий и 1 бригада. Началась подготовка к высадке в Сицилии (10 июля 1943 г.). За время боев в Африке союзники взяли в плен 225 тыс. итальянцев и немцев. Таким образом, ближневосточной нефти гитлеровцы не завоевали, путь союзникам в Индию не перекрыли.

II.2. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПОДПОЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ. Армия Крайова и переход к боевым действиям

Подписание советско-польского Соглашения в июле 1941 г., продвижение гитлеровцев по значительной части европейской территории СССР и включение территории советской Западной Украины как «дистрикта Галиция» в состав генерал-губернаторства активизировали деятельность польского подполья. С осени 1941 г. сеть его военных и гражданских структур распространилась почти на всю довоенную территорию, но, как и прежде, они были сосредоточены главным образом в генерал-губернаторстве, конкретно — в Варшаве. Политика гитлеровцев на присоединенных к Германии землях, за исключением рабочих районов Лодзи, Силезии и отчасти Познани, почти не оставляла возможностей для существования подполья.

Вслед за переменами в составе правительства Польши летом 1941 г. и под их воздействием происходили изменения в подполье. Постепенно уточнялась роль делегата. Из фигуры, фактически связывавшей подполье с правительством, он вместе с двумя заместителями (до возвращения президента в страну) все больше становился главой подпольной администрации в стране, действуя по указаниям правительства и по согласованию с командованием СВБ. 1 сентября 1942 г. полномочия делегата были закреплены декретом президента В. Радкевича. При делегате существовал совещательный орган — Политический согласительный комитет (ПСК), позднее Рада Едности Народовой (РЕН). Тем самым структура «подпольного государства» фактически оформилась.

Партии, состоявшие в ПСК, по-разному отреагировали на заключение Сикорским Соглашения с СССР. Против нормализации отношений с «советами» яростно выступала ППС-ВРН. Возможно, социалисты опасались усиления левых настроений, всегда присутствовавших в этом движении. Результатом стало удаление из ПСК представителя этой партии. Место ППС-ВРН заняли левые социалисты, оформившиеся в сентябре 1941 г. в отдельную демократическую партию (РППС), лидером которой до смерти весной 1942 г. был А. Прухник, человек весьма известный среди людей левой ориентации. В итоге в ПСК произошло ослабление влияния правых и националистических сил. СН не одобряло перемены в составе кабинета, но само соглашение с Москвой не оспаривало. Как и в Лондоне, премьер-министра твердо поддерживали людовцы и Стронництво працы. 27 августа 1941 г. делегатом стал людовец, профессор Я. Пекалькевич. Это усилило политическую роль СЛ-РОХ в соглашении четырех партий, выросла и поддержка Сикорского в стране. Пекалькевич уведомил Лондон о единогласном решении ПСК: «Соглашение с Советами — шаг к окончательному урегулированию отношений между Польшей и Россией. Политический согласительный комитет оценивает его как позитивный акт, с оговоркой пункта, касающегося восточных и северных границ». От своего имени Пекалькевич выразил «всеобщее мнение», что польско-советское соглашение «не должно стать орудием персональных или партийных интриг», что «страна резко осудила позицию оппозиционеров», что «два министра, которые проявили так мало политического разума, не должны возвращаться в правительство»¹¹⁵.

Перемены в правительственном подполье не вызвали прямого протеста командующего СВБ генерала С. Ровецкого («Грота»). Тем не менее, он потребовал от Сикорского восстановить Комитет по вопросам страны с подчинением главнокомандующему

К. Соснковскому, что означало бы укрепление и упрощение прямых армейских контактов по линии «подполье–правительство». Однако Сикорский ограничился лишь напоминанием о соблюдении принципов армейской субординации и тем несколько «погасил» претензии военных на доминирующее влияние и главенство над политическим крылом подполья. «Спор» военных и гражданских властей велся за приоритеты не только в руководстве подпольем, но и в будущем управлении страной. Он был разрешен к концу 1942 г.: декретом президента страны компетенции тех и других были разграничены.

С первой победой Красной Армии под Москвой обозначилась возможная перспектива освобождения Польши советскими войсками. Это вызывало стремление правительства активизировать не только свою деятельность на международной арене, но и борьбу подполья против гитлеровцев. Предстояло, по возможности отложив на будущее внутривластные разногласия, сплотить ряды во имя сохранения преемственности власти в послевоенной Польше. Сикорский прилагал особые усилия к тому, чтобы объединить подчиненные правительству военные структуры в стране. В феврале 1942 г. приказом Сикорского СВБ был переименован в Армию Крайову (АК), которая становилась частью всех вооруженных сил Польши наряду с армией на Западе и дивизиями, создававшимися на территории СССР. Речь шла не просто о переименовании СВБ. Командование АК* взяло курс на объединение подпольных военных организаций, прежде всего партийных, а их имела практически каждая из партий ПСК. АК выстраивалась в соответствии с несколько модернизированной организацией довоенного Войска Польского, которая без серьезных изменений просуществовала до конца оккупации. Создававшиеся с середины 1943 г. различные по численности партизанские отряды получали наименование воинских частей, квартировавших в данной местности до поражения 1939 г. Так появились «дивизии», «полки», «бригады» АК, которая росла в основном за счет поглощения мелких групп и партийных воинских формирований. Вряд ли было только совпадением, что приказ Сикорского о создании АК, повышении ее ранга, зачислении вступающих в АК солдатами действительной военной службы с жалованием и вооружением появился вслед за возникновением коммунистического подполья в Варшаве: в начале 1942 г. Польская рабочая партия (ППР) заявила о своем существовании.

Процесс создания АК как широкой военной организации оказался непростым, затягивался по причине менявшихся расстановки сил в правительстве и отношений внутри подполья, что объяснялось многими политическими и персональными факторами. 15 августа 1942 г. Сикорский издал еще один приказ, касавшийся АК: «1. Все военные организации, существующие на территории страны, целью которых является

* В высшее командование (штаб) АК в разное время входили кадровые генералы и старшие офицеры довоенной армии: М. Карашевич-Токажевский, С. Ровецкий, Т. Коморовский, Л. Окулицкий, Я. Альбрехт, Т. Пелчинский, Я. Бокшанин, Р. Кживицкий и др. Руководство крупными структурами в штабе осуществляли офицеры А. Санойца, Я. Гораздовский, Ф. Герман, К. Иранек-Осмецкий, Т. Яхимек, С. Татар, Е. Кирхмайер, Ф. Непокульчицкий, А. Куровский, Л. Биттнер, А. Свительский, К. Плюта-Чаховский, Я. Жепецкий и др. (см.: *Ney-Krwawicz M. Komenda Główna Armii Krajowej. 1939–1945. Warszawa, 1990*).

соучастие в борьбе с неприятелем или во вспомогательной военной службе, подчиняются АК — Армии Крайовой... 5. Все военные организации, уклоняющиеся от подчинения командующему АК, не будут признаны польскими властями»¹¹⁶. Последнее означало, что «уклонисты» не получают ни финансирования, ни поддержки оружием.

Оформление антигитлеровской коалиции с участием СССР настоятельно требовало от польского правительства консолидации подведомственного подполья, прежде всего, военного. Между тем лишь руководство ППС-ВРН еще в январе 1940 г. согласилось на объединение своей Гвардии Людовой с СВБ, но на принципах автономии, без реорганизации, с сохранением командования и идеологического контроля над отрядами ГЛ в СВБ¹¹⁷. Объединив десятки мелких военных групп, АК с трудом решала проблемы подчинения крупнейших формирований СЛ-РОХ — Батальонов хлопских (БХ, 50 тыс. человек) и СН — Народовой организации войсковой (НОВ). Как демократы-людовцы, так и националисты-эндеки имели собственные политические традиции, по своему представляли себе послевоенную Польшу и с недоверием относились к АК и политической линии довоенных кадров в ее командовании. Они стремились сохранить свои отряды для грядущих политических батальи и расходились с АК по концепции борьбы с оккупантами. Так, людовцы считали, что их БХ созданы в первую очередь для самообороны крестьян и должны действовать в соответствии с идейными демократическими принципами людовского движения. Поэтому Ю. Нечко и Ф. Каминьский, их политический руководитель и командующий, делали упор на развитие территориальных отрядов, предназначенных для защиты сельского населения от оккупантов. Только во вторую очередь их заботили тактические отряды, предназначенные для участия в будущем восстании. Под давлением правительства и специального приказа Сикорского в августе 1942 г. о подчинении БХ Армии Крайовой людовцы пошли на включение тактических отрядов (45 тыс. человек) в АК на условиях автономии. Однако полностью переподчинить БХ командованию АК так и не удалось¹¹⁸.

Стремление АК поглотить войско эндеков привело к расколу НОВ прежде, чем стороны окончательно договорились. В подчинение АК поступило около 70 тыс. солдат НОВ. Остальные образовали крайне правые, националистические Народовы силы збройне (НСЗ, комендант И.Ч. Озевич, затем полковник Ч. Курцьюш), которые в борьбе с гитлеровцами почти не участвовали. В 1944 г. часть отрядов НСЗ вошла в состав АК, что вызвало недовольство командования и негативный резонанс в обществе.

В целом АК стала самой крупной военной организацией подполья. Изменился ее характер интеллигентско-мелкобуржуазной, городской в основе организации. Она получила опору как в городе, так и в деревне*. Командование АК продолжило начатую еще СВБ разработку идейной концепции, целей и методов борьбы с оккупантами. Общенациональные задачи формулировались ясно и понятно каждому поляку: борьба за независимость, за восточные довоенные и новые западные послевоенные границы, за возвращение законного правительства в страну. Был определен и путь их достижения, не единожды использовавшийся и ставший элементом менталитета поляков в

* Гитлеровцы, правда, и в 1944 г. оценивали облик АК по-иному: «АК включает в себя, главным образом, национальную молодежь высшего круга» (Русский Архив. Великая Отечественная. 14. 3(1). СССР и Польша. 1941–1945. К истории военного союза. М., 1994. С. 433. Донесение разведотдела 9 армии вермахта).

годы их долгой борьбы за национальное освобождение, — вооруженное восстание. В одном из документов АК (1942 г.) так виделось главное дело: «короткое, внезапное, всеобщее и одновременное восстание, когда, поставив все на карту, это необыкновенно смелое действие должно привести к разрешению [всех проблем] в течение немногих часов повстанческой ночи»¹¹⁹.

Подготовка будущего восстания, которое должно было продемонстрировать «людю в миру» готовность и способность поляков самостоятельно освободиться от гитлеровской оккупации, обеспечить приход на польскую территорию только союзных правительству армий и не допустить появления нежеланных «освободителей», считалась военным руководством подполья его первостепенной практической работой и прямой обязанностью. Для обеспечения этой общенациональной акции учреждались новые виды служб, вырабатывались различные варианты оперативных планов, создавались необходимые территориальные структуры.

Осенью 1942 г. приоритет получил тот вариант плана, который был основан на опыте восстановления независимости в 1918 г. и исходил из факта капитуляции Германии перед англо-саксонскими державами при удержании вермахтом восточного фронта в глубине территории СССР. Директивы Сикорского к этому плану предусматривали противодействие украинским националистам в Галиции и на Волыни и сохранение порядка в стране, а «когда позволят общее положение и собственные силы, перейти к вооруженной экспансии на суверенные земли Речи Посполитой... [и] на территории, занятия которых необходимо для будущей сильной Польши». Восстание планировалось поднять в Центральной Польше (генерал-губернаторство), но с военной демонстрацией поляков во Львове и Вильно. Врагами объявлялись немцы, украинцы и литовцы. Виделась опасность и со стороны СССР, но, чтобы «не затенять образа восстания», ставка делалась на борьбу с Германией. Сикорский и Ровецкий, наблюдая тяжелые бои 1942 г. на Восточном фронте, сомневались в боевых качествах Красной Армии. Оба полагали «необходимым продемонстрировать антинемецкой вооруженной борьбой польские права на Восточные кресы», но при этом избежать военного конфликта с советской стороной. Ровецкий исходил из того, что Красная Армия не будет способна к мощному наступлению на континенте, и был за большую вооруженную акцию, в которую окажутся втянутыми военные десанты западных союзников. Тем самым будет придано «большое измерение эвентуальному, скорее ожидаемому польско-советскому конфликту», т. е. разгорится война Запада с СССР. Сикорский, в отличие от Ровецкого, не исключал появления советских войск на польской территории, считал безумием вооруженное сопротивление «Советам», полагал, что легализация сильной АК воспрепятствует тому, чтобы «возобладало коммунистическое влияние» и рассчитывал на благоприятный для Польши расклад сил в конце войны¹²⁰.

Рассматривая планы командования АК по организации восстания, приходится констатировать, что в 1942 г. их создатели, кадровые польские генералы и офицеры, выходцы по большей части из легионов Пилсудского, не учитывали в полной мере, или все еще не хотели учитывать объективно изменявшуюся роль Красной Армии в противостоянии вермахту и политическое место СССР в антигитлеровской коалиции. Они не соотносили геополитические последствия того, что совершалось на советско-германском фронте, со своими представлениями об оптимальном для Польши политическом варианте выхода из войны, о будущем «весе» Польши в послевоенной Европе.

Ближе всех других представителей польской элиты к пониманию и объективной оценке происходивших перемен в расстановке сил в коалиции подходил В. Сикорский. Это подтверждается самим фактом и содержанием беседы посла Польши в Москве Т. Ромера с И.В. Сталиным, состоявшейся в конце февраля 1943 г. по настоятельной просьбе Сикорского, о чем речь пойдет ниже.

Тем не менее сама жизнь требовала от командования АК обновления своих представлений о текущих и стратегических задачах страны. Концепция восстания как способа противостояния оккупантам и национального освобождения отходила на второй план. Реальная действительность в оккупированной стране, определяемая жесточайшим террором и эксплуатацией, диктовала другие насущные задачи. Причем Ровецкий, находясь в стране и ощущая изменения общественных настроений, выступал за включение в разрабатываемые послевоенные планы радикальных социально-экономических реформ в интересах широких кругов населения. И, главное, считал он, их не просто надо провозгласить, но начать процесс реализации, издав соответствующие юридические акты¹²¹.

Особое внимание командования АК, находившегося в Варшаве, было сосредоточено в 1942–1943 гг. на расширении рядов, выработке структуры, начиная с Главного штаба Верховного командования в Лондоне и до низовых групп и отрядов АК, организации штабов, командования, налаживания разведки и контрразведки, системы связи, организации боевой подготовки членов АК (аковцев), концентрации оружия, разработке планов боевых действий на конкретных территориях. Во многом сохранилось принятое в СВБ территориальное деление страны на шесть округов: Варшава, Белосток, Львов, Краков, Познань, Торунь, которые, в свою очередь, делились на районы и т. д. Эта структура почти соответствовала довоенным воеводствам, повятам и т. д. Во главе округов и районов стояли коменданты (командующие) со своими штабами. Они подчинялись непосредственно Главному коменданту — Ровецкому и его Главному штабу. В Главном штабе АК имелись крупные отделы и бюро, например — национальной обороны, душпастерства (капелланов), военной юстиции, разведки, связи, Бюро финансов, Бюро информации и пропаганды и другие. Из подразделений своего штаба Ровецкий непосредственно контролировал два названных Бюро, причем последнему уделял особое внимание. Возглавлял Бюро информации и пропаганды кадровый офицер польской армии полковник Я. Жепецкий. Через нелегальные газеты, коих АК издавала более десяти разовым тиражом в 1943/1944 гг. около 250 тыс. экземпляров в месяц, осуществлялось непосредственное общение с населением. Например, «Информационный бюллетень» выходил два раза в неделю без перерыва с 5 ноября 1939 г. по октябрь 1944 г., печатался в одной из 12 типографий АК на тонкой и прочной бумаге*. Работали 34 подпольные радиостанции, которые обеспечивали связь командования АК с нижестоящими подразделениями и Лондоном. Не менее важно была деятельность оперативного отдела, который возглавлял генерал С. Татар, тогдашний кадровый офицер, с осени 1943 г. генерал. Под его руководством были разработаны два плана всеобщего восстания в момент отступления вермахта и вступления в Польшу англо-французских, затем англо-американских войск и план саботажа и диверсионно-

* На такой бумаге некогда печаталась ленинская «Искра». Ровецкий высоко оценивал советскую пропаганду 30-х годов, использовал ее формы и методы.

деятельности «Бужа» («Буря»), который позднее вылился в активные партизанские действия, особенно в западных районах СССР*.

Столь разветвленная сеть АК была нацелена на организацию различных форм конспиративной деятельности и уже в силу этого не могла оставаться чисто военной организацией. По политической линии командование АК подчинялось делегату правительства и одновременно правительству через Верховное командование в Лондоне. Польские историки подчеркивают его роль при определении облика будущего государства, проведении необходимых политических и экономических преобразований. Они констатируют, что «часто импульс» к решениям политических вопросов в стране исходил от командования АК, «которая в специфических условиях подпольной борьбы, представляя гражданскую, добровольческую армию, выражающую нередко тенденции, имевшиеся во всем гражданском обществе той эпохи, многократно в силу реальных обстоятельств превышала функции вооруженных сил...»¹²².

Хотя АК задумывалась как кадровая подпольная армия, но в ее ряды вскоре был открыт путь всем, кто хотел, так или иначе, бороться с оккупантами. Со временем она превратилась в массовую организацию, где объединялись люди с различными политическими целями и интересами. Командование АК «распределяло» их по трем категориям возможного использования в военных целях. К первой категории относились военные формирования (партизанские отряды и боевые группы), выполнявшие конкретные задания. До весны-лета 1944 г. эта активно действовавшая служба составляла незначительный процент сил АК. Во вторую категорию зачислялись резервы или члены различных военных и общественно-политических организаций, офицеры младшего и среднего звена, т. е. «кадры, нужные в момент восстания». К ним относились политико-пропагандистские, юридические, сыскные службы типа полицейских, нацеленные на использование в будущем, а также Военный корпус службы безопасности, предназначенный для использования во время оккупации Германии (Польша претендовала после войны на оккупацию «своей» части Германии). К третьей, самой многочисленной, категории были отнесены народные ополченцы или члены общества, «склонные к участию в национально-освободительной борьбе АК», присягнувшие на верность АК и согласные в час «икс» влиться в ряды вооруженных отрядов для выполнения боевых задач командования¹²³. Такую трехступенчатую организационную структуру АК приобрела к концу 1943 г.

В научной литературе приводятся различные сведения о численности аковцев, от 250 до 350 тыс. человек**. В последнее время историки склоняются к признанию, что в АК участвовало 200 тыс. человек, что говорит о массовой ориентации поляков на эту военную организацию. Расходятся данные и об офицерском корпусе АК, состоявшем из довоенных кадров и находившихся в запасе офицеров, унтер-офицеров и курсантов,

* Перед самой капитуляцией Варшавского восстания, идя навстречу настоятельным просьбам польского правительства в Лондоне, английское правительство 29 августа 1944 г. признало АК воюющей стороной, а аковцев соратниками (комбатантами) в борьбе с вермахтом (*Salmonowicz S., Ney-Krwawicz M., Górski G. Polskie Państwo Podziemne. Warszawa, 1999. S. 34, 72*).

** Генерал Соснковский и генерал Татар в годы войны придерживались цифры в 150 тыс. человек (*Sosnkowski K. Cieniom września. Warszawa, 1988. S. 158*).

а также тех, кто получал звание от командования АК. В 1944 г. в офицерском корпусе числились до 9500–10 тыс. человек. Летом 1944 г. командный состав АК насчитывал около 4800 человек. В Главном штабе АК числилось 1731 (24,5%) человек, всего в штабах и командных структурах состояли 7053 человек. Основные силы (58%) и командные кадры (более 67%) были сосредоточены в генерал-губернаторстве¹²⁴.

Еще со времен СВВ командование АК было связано с организацией СОЕ*, нацеленной на руководство и использование в своих интересах подпольного движения в Европе. После июня 1941 г., когда Лондон встал на сторону Москвы, тактика англичан изменилась и они ограничили снабжение поляков оружием. Отказали и американцы. АК была вынуждена все больше обходиться своими «источниками»: покупали оружие у немецких, венгерских и итальянских солдат, собирали довоенное польское, добывали в столкновениях с оккупантами во время диверсий и «акций». Объемы сбрасываемых с воздуха англичанами вооружений, которые по решению Комитета начальников штабов СОЕ предназначались только для саботажа, диверсионных и разведывательных акций, были невелики и не удовлетворяли оперативные потребности командования АК. Кроме того, во время сбросов утрачивалось более 40% контейнеров и ящиков. Впервые англичане сбросили оружие в феврале 1941 г. От собственного правительства и англичан АК получала как оружие, так и финансы**. Кроме того СОЕ направила 2,5 тыс. инструкторов по партизанским и диверсионным действиям и 344 специалиста в командные кадры АК. Государственно-политические структуры польского подполья также получали немалые, выражавшиеся в миллионах, суммы, но они не шли ни в какое сравнение с финансированием АК.

Постепенно нарастало стремление рядовых поляков к сопротивлению нацистам, в стране заметно множились диверсии, саботаж на предприятиях и невыполнение распоряжений немецких властей. С целью придать этим настроениям организованный характер, направлять их и контролировать осенью 1942 г. командованием АК был создан специальный центр «Руководство гражданской борьбой» и при нем «Кеды» — руководство диверсиями, подчинявшееся непосредственно Ровецкому. Возглавил «Кеды» полковник Э.-А. Фельдорф («Нил»), заместителем, затем главой, был полковник Я. Мазуркевич («Радослав»). Его состав формировался преимущественно из «Шарых шерегов» («Серых шеренг»), молодежной организации, возникшей на базе польского харцерства. «Акции» (диверсии, саботаж, террор в отношении немцев, фольксдейче и предателей из поляков) обычно выполняли гарнизонные группы в 1–5 человек, но разрешалось для выполнения заданий формировать «лесные» отряды из людей, рас-

* SOE—Special Operations Executive — Служба английской разведки по проведению спецопераций.

** Треть вооружения АК получала благодаря сбросам с воздуха. Всего состоялось 853 полета, 483 самолета достигли цели. АК получила от англичан 4733 контейнера, 2991 ящиков и 58 посылок. Было налажено собственное производство оружия, гранат и взрывчатки и произведено около 450 тыс. гранат, 320 огнеметов, 65–70 т взрывчатки и другое ручное оружие. С Запада поступило 27 млн, а также в золоте 350 тыс. долл., 2 тыс. фунтов стерлингов, 44 тыс. немецких марок, 4 млн немецких марок, 90 млн оккупационных злотых. Кроме того, были поступления в валютах других стран (Polskie Siły Zbrojne. Armia Krajowa. T. III. Londyn, 1950. S. 346; Bór-Komorowski. Armia podziemna. Londyn, 1952. S. 76, 78).

крытых оккупантами. В начале деятельности в подразделении значились 250 человек, к 1944 г. «Кедыв» вырос до 2 тыс. человек, которые действовали в основном в Варшаве и Люблинском воеводстве¹²⁵.

Диверсионная деятельность АК была разнообразна. Предпринимались крупные операции, главным образом на транспорте. Так, специальное подразделение «Вахляж» («Веер»), созданное еще в СВБ, предназначалось для работы на территории СССР восточнее довоенной польской границы. На заключительном этапе войны «Вахляж» должен был обеспечить охрану восстания в Польше от удара немецких войск, находившихся на Восточном фронте. Осенью 1942 г. подразделение влилось в «Кедыв». Отряды «Вахляж», до тысячи человек, действовали на линии Псков, Могилев, Курск, Киев, Харьков и провели около 200 операций, в том числе нападение на тюрьму в г. Пинске 18 января 1943 г. Население этих областей и советские партизаны не приняли «Вахляж». В результате гитлеровцы разгромили эти отряды. Уцелевшие боевики были отозваны в Польшу¹²⁶.

Под давлением Англии на правительство и командование АК («вы-де бездействуете в борьбе против вермахта») в октябре 1942 г. была организована другая крупная диверсионная акция — «Венец» на Варшавском железнодорожном узле. В ответ на эту акцию гитлеровцы публично повесили 50 подпольщиков (39 из них являлись членами ППР). В ноябре–декабре были проведены подобные диверсии на путях Радом–Тересполь и Седльце–Черемха. Оккупанты, не решившись на очередные публичные казни, взыскали с Варшавы контрибуцию в миллион злотых.

Диверсионная деятельность АК активизировалась в 1943 г. В феврале–декабре 1943 г. были пущены под откос 100 составов, сожжены 450 транспортов, повреждены 2515 паровозов, 9997 вагонов, спровоцированы сотни перерывов в связи и на транспорте, уничтожены 173 самолета, 84 военных объекта и др. В научной литературе указываются различные итоги диверсионной деятельности СВБ/АК в годы войны. Согласно справочному изданию 1991 г., по донесениям АК за январь 1941 г. — июнь 1944 г., было уничтожено 6930 паровозов, отправлено под откос 732 и сожжено 433 транспорта, повреждено 19 058 вагонов и 38 железнодорожных мостов, уничтожено 1167 цистерн с бензином, совершено 25 145 актов саботажа и 5733 покушений на гитлеровцев. Это была большая и самоотверженная работа. К февралю 1944 г. АК потеряла 34 тыс. человек убитыми, ранеными, вывезенными в Германию. 80% потерь пришлось на март 1942 — февраль 1944. Около 45% потерь АК понесла на включенных землях, 38,3% — в генерал-губернаторстве и 17,3%. — на довоенных восточных кресах. Гибли и офицеры ее командного состава — 1766 человек¹²⁷.

Важно отметить, что взрывались составы, идущие с Восточного фронта, груженные фактически металлломом, вооружением на ремонт, пассажирские составы с ранеными немцами и отпускниками. Эшелоны с боевой техникой и воинскими подкреплениями, следовавшие на советско-германский фронт, командование АК взрывать запрещало.

Известия о поражении вермахта под Сталинградом на рубеже 1942–1943 гг. способствовали тому, что идеи вооруженной борьбы стали поддерживаться в низовых структурах АК, раздавалась критика командования АК за «санационность», враждебность идеям демократии и сдерживание борьбы против гитлеровцев. Длительное время правительственное подполье отрицало возможность вооруженной борьбы и объявляло призывы к активной борьбе с оккупантами преждевременными. Так, 11 декабря

1941 г. орган Делегатуры «Республика Польша», откликаясь на возникновение отряда Казика Дембяка, опубликовал «Предостережение»: «Поскольку партизанские акции и диверсии являются военными действиями, они возможны только по приказу Главнокомандующего. Он определяет, когда, где и какими силами должны проводиться эти действия. Следовательно, призывы подпольных газет к партизанским действиям и диверсиям являются самозванными и как таковые не соответствуют интересам народа и польского государства». В июне 1942 г. «Бюлетын інформаційный» объявил партизанские действия в Польше «советской диверсией», а партизан именовал «обыкновенными бандитами». В. Сикорский, реагируя на появление первых партизан и парашютистов, прибывших с советской стороны, заявлял протесты лично В.М. Молотову. Генерал разрешил АК вести против польских коммунистов и их отрядов не только политическую кампанию: если пропаганда не даст результатов, «уничтожать их беспощадно и всеми средствами»¹²⁸. Несмотря на существование советско-польского Соглашения о взаимопомощи в войне, политические группировки в «польском» Лондоне считали оказание какой-либо помощи СССР национальным предательством. Сторонники теории «двух врагов» и «стояния с ружьем к ноге» утверждали, что развертывание национально-освободительной борьбы в самой Польше отвлекло бы немецко-фашистские дивизии с Восточного фронта на борьбу в тылу. «Все это составило бы серьезное облегчение для Красной Армии, ожидающей вот-вот начала нового немецкого наступления», — писал 11 июня 1942 г. «Бюлетын інформаційный». 20 ноября 1942 г. газета призывала поляков к дисциплине и терпению: «Когда придет момент действовать, мы дадим вам знак. До того, как это наступит, не теряйте терпения и воздерживайтесь от эксцессов». В номере от 5 декабря 1942 г. этого официоза делегат доказывал, что поляки должны вести не вооруженную, а гражданскую борьбу, имея в виду саботаж, диверсии, пропаганду, тайное обучение* и т. п.

Тем не менее, командование АК было вынуждено учитывать новые настроения в рядах АК и в стране, стремилось не упустить руководство общественными процессами и направить возросшую активность поляков в контролируемое русло. Это привело С. Ровецкого к решению несколько изменить тактику действий военных организаций и создать партизанские отряды. Магистральное направление действий переводилось с саботажно-диверсионных на диверсионно-партизанскую, но «ограниченную» борьбу. Результаты сказались быстро. В конце 1942 г. действовало около 20 партизанских групп АК, на рубеже 1943–1944 гг. примерно 60 общей численностью 4,5 тыс. человек. Отряды самообороны насчитывали 6–7 тыс. человек¹²⁹.

Усиливали борьбу военные организации, созданные политическими партиями и движениями, имевшими массовую социальную базу. В этом отношении огромную

* В ответ на ликвидацию оккупантами почти всей системы народного образования в стране развернулась широкая патриотическая акция общенационального сопротивления — «тайное обучение». Возникло движение учительства за сохранение национального духа, традиций, менталитета народа. Уже в 1939–1940 гг. в Варшаве и ряде регионов центральной Польши учителя приступили к нелегальным занятиям с детьми. В 1940–1941 гг. обучением на уровне средней школы было охвачено 40% учеников довоенного времени и 20% учеников старших классов. Изучали родной язык, историю и литературу. Тогда же начала работать и высшая школа. Руководили этой акцией «Тайная организация учителей» и Департамент просвещения и культуры Делегатуры.

роль сыграл разгром вермахта Красной Армией под Сталинградом, воспринятый большинством польского общества как символ будущей победы над Германией. В надежде приблизить день освобождения, связав борьбу против оккупантов с борьбой за крестьянскую власть и Народную Польшу, построенную на принципах демократического аграризма, активизировались людовцы. Батальоны хлопске формировались, главным образом из крестьянских детей, членов молодежной организации — Союз «Вици» («Ветви»), традиционно придерживавшихся более радикальных взглядов и программ, чем руководство СЛ. За 1941–1943 гг. численность БХ стремительно возросла (конец 1941 г. — 14 тыс. человек; октябрь 1942 г. — до 40 тыс. и через год — 135 тыс. бойцов). Расширилась территория, где действовали отряды БХ: Варшава — город и воеводство, Кельцы, Люблин, Лодзь, Краков, Белосток, Волынь, Львов, Познань. Однако в польском движении Сопротивления БХ оставались организацией, наименее обеспеченной вооружением и офицерскими кадрами. Так, в Краковском округе в БХ числились 98 офицеров, 3269 унтер-офицеров и 16 269 рядовых. Только 10% бойцов имели вооружение. Возможно, это обстоятельство влияло на решение руководства СЛ-РОХ передать часть своих сил АК¹³⁰.

Вооруженную борьбу и защиту сельского населения от террора со стороны оккупантов вели специальные территориальных отряды БХ. Их бойцы собирались накануне акции и, выполнив задание, расходились по домам. Именно такие отряды первоначально действовали в районе Замостья, где нацисты проводили массовое выселение крестьян и освобождение территории для немецких колонистов. Многие из отрядов, что участвовали в защите Замостья, переходили на постоянную основу пребывания бойцов в партизанском отряде. В 1943 г. действовали уже 50 таких отрядов общей численностью 2 тыс. человек. Их возникновению способствовал переход части сил БХ в состав АК, после чего положение с вооружением несколько улучшилось. Приняв тактику командования АК, территориальные отряды БХ защищали свои деревни от насилия и ограбления оккупантами. В 1941 г. таких акций насчитывалось 57, затем последовал бурный рост: 1942 г. — 229, 1943 г. — 1100. Бойцы батальонов отбивали у немцев транспорты с зерном, уничтожали посты полиции и жандармерии, склады с продовольствием, сжигали деревни, где поселились немецкие колонисты, освобождали заключенных тюрем и лагерей, осуществляли акты возмездия над чинами нацистской администрации, секли провинившихся польских войтов и солтысов. Сбор сельскохозяйственных поставок превращался для гитлеровцев в боевые операции. БХ вели бои с карательными отрядами, которые устраивали облавы и усмирения деревень. Документально подтверждаются тысячи акций, проведенных отрядами БХ за 1940–1945 гг.; 90% их приходилось на территорию генерал-губернаторства¹³¹.

Еще осенью 1939 г. ППС при переходе в подполье решила многие вопросы организации борьбы с оккупантами. Военную организацию — Гвардию Людову социалисты определили как опору нелегальной партии. Солдатом ГЛ мог быть только член партии или довоенных классовых профсоюзов, поэтому 74% гвардейцев составляли рабочие. Именно ГЛ, как считали социалисты, должна определить не только место и вес ППС-ВРН в политической системе подполья, но и гарантировать, что в результате восстания возникнет государство по модели европейской социал-демократии. Возглавляло ГЛ-ВРН Главное командование («тройка») в составе: главный комендант К. Пужак, который одновременно входил в состав руководящей «тройки» ППС-ВРН, оргвопросами

ведаль Ю. Дженгилевский, за систему обучения гвардейцев отвечал К. Домославский. В отличие от АК, Гвардия не имела штабной структуры, каждый батальон подчинялся непосредственно коменданту и его «тройке». Не было чинов и званий, командные должности являлись выборными. Первоначальную численность ГЛ партия определила в 3–4 тыс. человек, однако уже в декабре 1943 г. насчитывалось около 42 тыс. гвардейцев. Процесс объединения с АК продолжался до лета 1943 г. Весной 1944 г. командующий АК сообщил в Лондон: «Гвардия людова ППС передала в АК около 150 взводов, которые стали организационной основой для развертывания подпольной борьбы в Силезии. В иных округах достижения несравнимо меньшие или вообще отсутствуют». Кроме многих тысяч актов саботажа в промышленности и на транспорте, с февраля 1940 г. по 30 июня 1944 г. ГЛ-ВРН провела 816 боев и столкновений. Весной 1943 г. командование Гвардии создало 10 партизанских отрядов, общей численностью около 500 человек¹³². Руководство ППС-ВРН, поддерживая замысел командования АК о подготовке всеобщего восстания, видело его как выступление рабочих и крестьян, в ходе которого повстанческие комитеты создадут новую власть в стране — народные советы и беспартийные вооруженные силы страны — Армию Людову. Вкладом ППС в эту армию будут пять рабочих пехотных дивизий, созданных в Домбровском бассейне и Силезии, Радоме, Кельцах и Варшаве, а также в Закарпатье. Такая программа завоевания власти была изложена в брошюре «Цели и пути подпольного рабочего движения в Польше в 1939–1942 гг.», изданной в Лондоне в 1943 г.

Для обеспечения безопасности членов партии руководство ППС-ВРН помимо Гвардии Людовой имело вооруженные отряды Рабочей милиции под командованием А. Пайдака. С их помощью на предприятиях создавались фабричные комитеты (более 900). Им по мере освобождения страны предстояло национализировать или обобществлять промышленные предприятия. С середины 1943 г. формировалась промышленная стража — социалистические отряды безопасности. Через год они действовали на 420 предприятиях, насчитывая в своих рядах 14 тыс. участников, 5110 милиционеров и других активистов.

Террор гестапо, выселения и переселения поляков, осуществлявшиеся оккупационной администрацией, не позволяли вести подпольную работу во всех традиционных районах влияния ППС. Организации ППС-ВРН пережили три крупных волны арестов руководящих деятелей партии. Вместе с гвардейцами, милицией и членами политических организаций в подпольной ППС-ВРН состояли более 68 тыс. человек, из которых в годы оккупации погибли 8412 социалистов¹³³.

Конспиративные военные организации на правом «крыле» подполья учреждались в основном националистическими силами*. Самой крупной из них была уже упоми-

* На крайне правом фланге существовали разные организации, среди них одиозная и довольно многочисленная «Меч и плуг». На рубеже 1939–1940 гг. она была создана кадровыми офицерами довоенной польской контрразведки, специалистами по борьбе с коммунистами. Командование организации (А. Словиковский и З. Град) в 1940 г. предложило свои услуги Гитлеру. В Берлине сочли их влияние в обществе достаточным для сотрудничества с гестапо. В эту организацию в середине 1942 г. был внедрен советский разведчик, польский коммунист Б. Грынкевич, который действовал в контакте с разведкой ППР. 18 сентября 1943 г. за секретные контакты с немцами Словиковский и Град были уничтожены спецгруппой «Меча и плуга». В настоящее время

нававшаяся Народова организация войскова (НОВ), созданная партией СН. Одной из основных своих задач организация считала проведение антигитлеровской военно-политической и военно-экономической разведки и контрразведки против иных польских конспиративных организаций, прежде всего, левого толка. НОВ намеревалась обеспечить воссоздание «национального и католического буржуазного государства» и любым путем, вплоть до гражданской войны, противостоять силам, которые попытаются этому воспрепятствовать¹³⁴.

Отделившиеся от НОВ осенью 1942 г. НСЗ претендовали на создание некоего центра силы, конкурентного Армии Крайовой. Отряды НСЗ усилили агентурную работу против демократических и левых сил, особенно коммунистов, которых они считали немецкими и советскими шпионами. НСЗ вели наблюдение за общественными настроениями, в частности, за радикальными требованиями деревни, затем приступили к открытой борьбе против соотечественников, к попыткам уже в условиях оккупации развязать гражданскую войну. Так, в августе 1943 г. были уничтожены партизаны Гвардии Людовой ППР под Боровом. В 1944 г. часть отрядов НСЗ, занятая подавлением деятельности польских коммунистов, перешла к сотрудничеству с гитлеровцами, установив контакты с немецкой полицией и гестапо. Такие действия в условиях гитлеровского террора воспринимались широкими кругами польского общества как антинациональные.

Проанализировав ход событий на Восточном фронте, затягивание открытия второго фронта в Европе, руководители НСЗ пришли к выводу, что на польские земли придет Красная Армия. Поэтому они решительно выступили против организации антинемецкого восстания в Польше как фактора, выгодного только главному внешнему врагу — Советскому Союзу. НСЗ намеревались с приходом советских войск продолжить подпольную борьбу или с оружием податься на Запад. Внутренним врагом номер один для НСЗ была Польская рабочая партия.

Наращение стремлений поляков к различным формам и способам сопротивления гитлеровцам и изменения в тактике командования АК, а именно усиление диверсионных акций и переход к ограниченной вооруженной борьбе, немедленно были зафиксированы гитлеровской администрацией. Если в 1942 г. оккупанты регистрировали в месяц в среднем 1333 акции, проведенные разными подпольными структурами, в 1943 г. — 4458, то в 1944 г. — 6963 акции и боевые операции. Росли и потери гитлеровцев в живой силе: 31, 190, 1018 человек. Понятно, что их военное превосходство приводило к большим потерям среди поляков: соответственно — 1134, 1416, 1553 убитых и 261, 2460, 4588 арестованных подпольщиков. Но с каждым годом на одного убитого гитлеровца приходилось в среднем все меньше погибших поляков: 1942 г. — 9 человек, 1943 г. — 7,5, 1943 г. — 1,5 человек. Рост умения подпольщиков защищаться был налицо¹³⁵.

польские историки не исключают, что эти контакты мог в какой-то мере инспирировать Грынкевич. Он же мог быть причастным к убийству, которое вызвало постепенный распад антикоммунистической организации (*Spatek R. Z dziejów komunistycznego wywiadu. Casus Bogusława Hrynkiewicza i Mariana Sychalskiego. 1940–1944 // Pamięć i Sprawiedliwość. 2008. N 1(12). S. 205–206*). По другим сведениям, осенью 1943 г. боевики АК ликвидировали трех ее руководителей (*Polski czyn zbrojny. Polski ruch oporu. T. III. Warszawa, 1988. S. 289*).

В 1943 г. гитлеровцы почувствовали качественное изменение в движении Сопротивления. Наряду с восставшей Югославией и Польша была объявлена страной, охваченной партизанской войной. В связи с этим и на фоне поражения под Сталинградом они предприняли попытки изменить курс в отношении поляков. 15 февраля 1943 г. появился циркуляр Геббельса, вероятно, для внутреннего пользования, где речь шла о более осторожной политике применительно к народам Европы за пределами Рейха и ослаблении национальной дискриминации. При обсуждении в «верхах» конкретных действий и мероприятий по воплощению циркуляра Геббельса, генерал-губернатор Г. Франк проявил готовность применять документ в отношении поляков, признал, что политика револьверов, пуль и концлагерей не приводит к цели, высказался за определенные уступки в области культуры. Позиция Франка, однако, не была поддержана в Имперской канцелярии. Против высказались шеф канцелярии Ламмерс, заместитель Гитлера по партии Борман и главный палач Гиммлер. Вето на предложения о послаблениях в губернаторстве наложил Гитлер, мотивируя это тем, что поляки их используют не для борьбы с Россией, а для освобождения Польши от немецкого присутствия. Тем не менее, Франк пытался маневрировать. В мае 1943 г. Ровецкий с удивлением сообщил в Лондон: они в нас не стреляют, хотя мы усилили борьбу с оккупантами, участились нападения польских подпольщиков на представителей оккупационной администрации и солдат вермахта. Но это были лишь временные «нюансы» в оккупационном режиме. Жесточайшим образом гитлеровцы подавили весной 1943 г. вспыхнувшее в Варшавском гетто восстание обреченных на гибель многих тысяч евреев. Территория гетто обезлюдела и была разрушена полностью¹³⁶.

II.3. Консолидация левых организаций.

ППР и попытка объединения подполья

После победы Красной Армии под Москвой на территорию Польши в декабре 1941 г. по мандату Исполкома Коминтерна и по его каналам была переброшена первая часть инициативной группы польских коммунистов в составе 15 человек. В Варшаву прибыла и руководящая «тройка» (М. Новотко, П. Финдер, Б. Молойец), которая имела задание учредить центр новой партии*. 5 января 1942 г. там же состоялось организационное заседание с участием представителей ряда подпольных коммунистических групп: Союза освободительной борьбы, Союза рабоче-крестьянских советов, Общества друзей СССР, «Пролетария». П. Финдер представил план создания Польской Рабочей партии (ППР). Был утвержден проект воззвания, выработанный в Москве при участии Г. Димитрова и отредактированный Сталиным, которому принадлежала идея названия партии польских коммунистов. Проект был весьма близок программе Союза освободительной борьбы, опубликованной в декабре 1941 г. газетой «Победим». Первым

* Еще в июле 1941 г. Г. Димитров сообщил группе польских коммунистов, что им предстоит переправиться в оккупированную Польшу «для создания и руководства новой организацией» (Канарская А.Н. Поляки-коммунисты в СССР: судьбы людей и партии (20–40-е гг. XX в.) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. М., 2011. С. 196).

секретарем ППР стал руководитель Инициативной группы М. Новотко*. Партия воссоздавалась на кадровой базе действовавших в подполье левых рабоче-крестьянских и коммунистических групп. Помимо уже названных, в ППР вошли члены «Народной Польши», «Фронта борьбы за вашу и нашу свободу», «Рабоче-крестьянского действия» и других. Поскольку решение Коминтерна о роспуске КПП сохранялось, ППР не являлась его членом.

10 января 1942 г. было опубликовано программное обращение «К рабочим, крестьянам, интеллигенции, ко всем польским патриотам!», где ППР заявила себя как самостоятельная национальная рабочая партия и часть мирового коммунистического движения. Она провозгласила своей целью «полное национальное освобождение», возможное только вместе с социальным освобождением. Предполагалось, что национально-освободительная борьба за послевоенную Польшу будет поэтапной: на нынешнем этапе надо «повести за собой трудящиеся массы», затем развернуть борьбу за «новую Польшу», где «народ сам будет решать свою судьбу». Как и Коминтерн, партия отказалась от классового принципа завоевания власти в пользу консолидации усилий всего народа в противостоянии фашизму и гитлеровским оккупантам, выступала за объединение «снизу» и «сверху» всех антифашистских сил, за участие всех поляков в национальном фронте, исключая «предателей и капитулянтов». ППР призывала использовать любые формы борьбы вплоть до партизанского движения¹³⁷.

1 мая 1942 г. ППР выступила со специальным заявлением «Наше отношение к правительству ген. Сикорского». Сразу оговорив признание советско-польской границы, она заявила о своей поддержке правительства и возможности соглашения с ним и с подчиненным ему подпольем при определенных условиях. Партия признала целесообразным существование в условиях войны и оккупации правительства в эмиграции для обеспечения отношений с союзными государствами и создания польских вооруженных сил за пределами страны. В то же время ППР констатировала, что состав правительства не отражает настроений всего общества, отвергала тактику «стоять с ружьем к ноге», осуждала великодержавные претензии «санации» и эндеков. Представления коммунистов о будущей Польше М. Новотко изложил в статье «Новая Польша должна быть сильной». Сильная Польша объединит «под общей крышей весь польский народ», будет опираться на «мощные союзы братских народов», признавать права наций на самоопределение (подразумевались украинцы и белорусы), иметь новую конфигурацию границ на западе. Место Польши в послевоенном мире, полагал лидер партии, во многом определяют усилия польского народа в общем деле разгрома фашизма. ППР в своей подпольной печати апеллировала к опыту польских освободительных движений и партий (кроме КПП!), к традициям польских восстаний и призывала «самоотверженно трудиться над подготовкой национально-освободительного восстания Польши против гитлеровского ига»¹³⁸.

При десантировании членов Инициативной группы в декабре 1941 г. была утеряна рация, и только после прибытия в мае 1942 г. остальных членов группы стало возмож-

* Новотко Марцин — слесарь по профессии, деятель СДКПиЛ и КПП, организатор ревкома в Лапах в 1920 г., там же председатель исполкома Совета депутатов в 1939 г., в период «санации» узник тюрьмы в Равиче и других. Вышел на свободу в сентябре 1939 г. (см. подробнее: Marcelli Nowotko («Marian»). «Stary». (1893–1942) // Artykuły biograficzne. Wspomnienia. Dokumenty. Warszawa, 1974).

ным установить радиосвязь с Москвой. Новотко информировал ИККИ, что все живы, что партия насчитывает 4 тыс. членов. В начале 1943 г. из Варшавы сообщили, что ее численность достигла 8 тыс. человек.

Идеи, изложенные в воззвании ППР, восприняли не все бывшие члены компартии Польши, многие были не согласны с решением о роспуске КПП и его мотивацией. В Познани группа коммунистов, вопреки указанию ИККИ, приняла наименование «Компартия Польши». Она была не единственной, так себя назвавшей. И все же в течение первой половины 1942 г. существовавшие в стране группы коммунистов установили контакты с ЦК ППР, вступали в ряды партии. К весне 1942 г. сформировалась ее территориальная структура, состоявшая из четырех округов: Варшавского, Люблинского, Келецко-Радомского и Краковского. Затем были созданы Силезский и Лодзинский округа. Существовал и Львовский округ ППР, в июле 1943 г. переданный при содействии советских партизан в распоряжение ЦК компартии Украины, партизанские отряды ППР стали здесь Гвардией имени Ивана Франко.

Необходимо отметить, что влияние и поддержка коммунистов поляками были незначительны, ППР и другие левые организации оставались малочисленными по сравнению, например с ППС-ВРН или СЛ-РОХ. Они представляли в стране общественно-политическую периферию, но являлись частью того общего антифашистского движения Сопротивления, которое развертывали компартии Франции, Италии и ряда других стран Европы. Это создавало одну из предпосылок изменения политической роли польских коммунистов в будущем. Не случайно правительственный лагерь встретил образование ППР враждебно. Появление ее расценивалось, причем, не только сугубо правыми силами, как провокация Коминтерна, акция НКВД и советская диверсия. Против ППР выступили даже левые «Польские социалисты». Выдвинутые ППР в начале 1942 г. идеи польско-советского союза в борьбе с гитлеровцами и вооруженной борьбы против оккупантов не отвечали политическим целям проправительственного подполья. В его печати полились потоки клеветы на партию, раздавались призывы к изоляции и открытой борьбе с «жидокоммуной»*.

В столь неблагоприятных политических условиях ППР была вынуждена действовать в «двойной конспирации». На платформе антикоммунизма и антисоветизма совпадали интересы польских правых и цели гитлеровских оккупантов. Появление ППР вызвало стремление последних уничтожить партию «на корню». Только за одну ночь с 27 на 28 апреля 1942 г. в генерал-губернаторстве были арестованы более 900 членов ППР, к концу года — более 2 тыс. человек. В борьбе против ППР гитлеровцы, очевидно, использовали картотеки польской довоенной полиции, содержавшие сведения о членах КПП. Кроме того, арестованный гестапо секретарь варшавского комитета ППР Ф. Вавжиняк выдал людей и явки. На рубеже сентября–октября 1942 г. были вновь проведены массовые аресты коммунистов и ликвидирован практически весь актив партии среднего уровня. Для устрашения оставшихся на свободе коммунистов гитлеровцы публично провели вышеупомянутую массовую казнь в Варшаве

* Немало наветов на польских коммунистов и тенденциозная интерпретация событий «встроены» в историческую канву 70 лет существования КПП–ППР–ПОРП и представлены польским историком П. Гонтарчиком в книге: *Gontarczyk P. Polska partia robotnicza. Droga do władzy. 1941–1944. Warszawa, 2003.*

15 октября 1942 г. В руководстве ППР складывалась кризисная ситуация, возникали взаимные подозрения.

28 ноября 1942 г на варшавской улице был убит М. Новотко. Созданная ЦК ППР комиссия во главе с адвокатом Т. Дурачем пришла к выводу, что инициатором убийства был Б. Молойец*, который претендовал на то, чтобы стать главой партии «в исторический момент» и поручил своему брату З. Молойцу («Антону») ликвидировать «provokatora»¹³⁹. По приговору партийного суда оба брата были убиты**.

Следующим руководителем ППР стал член Инициативной группы П. Финдер***. Вскоре после избрания секретарем ЦК он столкнулся с угрозой раскола не только руководства ППР, но и всей партии. Инициатором стал Леон Липский («Лукаш») — единственный член центрального руководства КПП, руководитель ее всепольского секретариата, который остался в живых во время массового уничтожения польских коммунистов в ходе «большого террора» в СССР. Липский продолжал протестовать против разгрома КПП, призывал не подчиняться решениям Коминтерна, ибо, как он считал, Коминтерн обслуживает в первую очередь государственные интересы СССР, а не международного коммунистического движения. Поэтому Липский не был принят в ППР, предпринял издание собственной газеты и меры по восстановлению КПП, которая, как он полагал, после войны создаст свое правительство. В ППР сочли действия Липского фашистской провокацией. 21 июня 1943 г. он был убит****, о чем сообщили в

- * Молойец Болеслав — бывший секретарь ЦК польского комсомола; командир Интернациональной бригады имени Домбровского в годы Гражданской войны в Испании; в 1939 г., когда ИККИ сделал первую попытку восстановления коммунистической организации в Польше, возглавлял Инициативную группу в Париже; в феврале 1940 г. группа возвратилась в Москву и была распущена; летом 1941 г. в первом составе Инициативной группы Молойец был заменен тогда менее влиятельным Новотко, но остался членом руководящей «тройки», т. е. будущего ЦК ППР. Личные отношения между Новотко и Молойцем в 1942 г. были напряженными.
- ** Историю и причины гибели трех коммунистических руководителей долго замалчивали в историографии ПНР. Начиная с 80-х гг. XX в. этот факт использовался в острой борьбе оппозиции за отстранение ПОРП от власти и используется до настоящего времени для дискредитации левых сил в польском обществе. Полемика 80–90-х гг. не завершилась объективной реконструкцией этого сюжета, что при недостаточном количестве документов того времени (основные показания комиссии Т. Дурача давали П. Финдер и М. Форнальская, которые вскоре погибли) порождает различные версии и предположения. Есть подозрения, что обвинения против «Антон» выдвинуты «пост-фактум», чтобы «объяснить» убийство Б. Молойца. Не опровергнута пока и версия, что Новотко погиб по приговору АК. Выдвигаются суждения, что гибель Новотко — дело рук гитлеровцев. Некоторые современные польские историки пытаются отыскать здесь советский «след». Нет полной ясности и в отношении гибели братьев Молойцев (*Gontarczyk P. Polska partia robotnicza. Droga do władzy. 1941–1944. Warszawa. 2003. S. 162–169*).
- *** Финдер Павел (Пинкус) — из купеческой семьи, инженер-химик, образование получил в Австрии и Франции; член компартии Австрии, активно работал в ФКП, в годы пребывания во Франции якобы был научным ассистентом Ф. Жолио-Кюри; в Польше — член всепольского секретариата КПП; многолетний узник тюрьмы в Равиче.
- **** Будущий лидер партии В. Гомулка описал в своих воспоминаниях историю этого убийства словами П. Финдера: «Я приказал ликвидировать Лукаша... Не потому, что после ро-

Москву. 7 июля 1943 г. Г. Димитров доложил информацию Сталину. Дело решили не предавать огласке¹⁴⁰.

П. Финдер руководил партией до 14 ноября 1943 г., когда он и член ЦК ППР М. Форнальская были арестованы гестапо в Варшаве. Арест, как считали в ППР, произошел из-за нарушения ими правил конспирации¹⁴¹. После жестких допросов Финдера и Форнальскую расстреляли 26 июля 1944 г., в день, когда представители новой польской власти подписывали первые межгосударственные соглашения с СССР. С арестом Финдера и Форнальской прервалась связь ППР с Москвой, ибо только они знали шифры переписки. Без согласования и консультаций с Г. Димитровым и ЦК ВКП(б) секретарем ЦК ППР в ноябре 1943 г. был избран Владислав Гомулка («Веслав»)*. В Москве узнали об этом через советскую разведку только в январе 1944 г., поначалу к новому лидеру ППР и всему руководству партии там отнеслись с недоверием**.

Между тем к этому времени ППР показала себя организацией, имеющей собственное политическое лицо, точно реагирующей на изменения ситуации в стране и расстановки политических сил в подполье. Это являлось наглядным доказательством того, что компартии стали самостоятельными, руководить ими из Москвы в условиях оккупации невозможно и политически нецелесообразно, что организационная форма Коминтерна изжила себя. Пресловутая «рука Москвы» являлась помехой в укреплении

спуска КПП он предпринял диверсионную акцию против решения Коминтерна... а за то, что ныне готовил диверсионную акцию против ППР, намереваясь подорвать единство нашей партии, посеять хаос в ее рядах... Об этом деле я сообщил Франку (Ф. Юзвяку, начальнику штаба Гвардии Людовой. — В. П.), который организовал выполнение приговора». Имя «Лукаша» не упоминали до 1963 г., когда Центральная комиссия партийного контроля ПОРП возвратила Липскому доброе имя и честь члена партии (*Gomułka W. Pamiętniki*. Т. II. Warszawa, 1994. S. 293–302).

* Гомулка Владислав — по специальности слесарь, профессиональный революционер, в 20–30-е гг. в профсоюзном движении; в конце 1926 г. принят в КПП (КПЗУ); осенью 1928 г. по поручению партии вступил в ППС-левицу; в декабре 1931 г. участвовал в сессии Профинтерна в Москве; за политическую деятельность неоднократно подвергался арестам, в 1933 г. осужден на 4 года заключения, в марте 1934 г. временно освобожден по состоянию здоровья; в июне нелегально выехал в Москву, был слушателем Международной ленинской школы; осенью 1935 г. возвратился в Польшу, вновь арестован в 1936 г., осужден на 7 лет, из тюрьмы в Серадзе освобожден в ночь с 1 на 2 сентября 1939 г.; участвовал в обороне Варшавы, затем во Львове; в 1941 г. возвратился на родину; с 1942 г. в ППР, секретарь Варшавского комитета и член ЦК ППР; соавтор (вместе с П. Финдером) декларации «За что мы боремся», инициатор создания подпольных органов власти, альтернативных «подпольному государству». Впоследствии занимал высшие должности в партии и правительстве Польши, пережил взлеты и падения. Стал выдающимся деятелем не только польского, но и международного рабочего движения (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 431. Л. 49–51; *Werblan A. Władysław Gomułka. Sekretarz Generalny PPR*. Warszawa, 1988. S. 20–80).

** Советской стороной была предпринята попытка «исправить» ситуацию, послав в Польшу кандидата в секретари ЦК ППР, но эмиссар, польский коммунист Б. Цукер (В. Колыский), погиб при приземлении (*Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego*. Т. III. Warszawa, 1992. S. 238–239).

нии влияния национальных компартий. Все компартии, включая ППР, одобрили роспуск Коминтерна постановлением ИККИ в мае 1943 г.

Освобождение компартий от контроля Коминтерна позволяло вывести компартии с периферии общественно-политической жизни и превратить их в будущем в претендента на участие в оформлении послевоенного устройства мира в интересах широких слоев общества. Претензия на такую роль уже получила отражение в документах ППР, которая уделяла особое внимание популяризации выработанной программы борьбы за национальное освобождение и создание государства трудящихся. В октябре 1942 г. в статье «О массовой агитации и пропаганде» говорилось: «чтобы самая верная программа не стала простым клочком бумаги, необходимо хорошенько поработать над ее реализацией». Особо подчеркивалась важность пропагандистской работы, приравнивавшейся к боевым действиям¹⁴². Как и другие политические силы подполья, ППР с этой целью использовала свою печать, которая насчитывала 165 наименований, в том числе более 50 «военных» изданий. Центральный политический орган партии «Трибуна вольности» и военный «Гвардиста», а затем «Армия Людова» обеспечивали связь подпольной партии с частью польского общества. Например, только в Люблинское воеводство из «центра» доставлялось в месяц 10 тыс. экз. газет. В 1943 г. по мере возможности члены ППР вели устную пропаганду и агитацию в жилых домах, на фабриках и заводах, в костелах. Использовались и такие формы агитации, как встречи и митинги, которые проводились с учетом особенностей военного и политического положения в отдельных районах страны. Ежегодно усилением боевой активности партизан, диверсиями и саботажем в промышленности и на транспорте отмечался день 1 мая. В 1943–1944 гг. ППР и Союз борьбы молодых, молодежная организация ППР, созданная в 1943 г., проводили в Варшаве «летучие» митинги на заводах, в школах и прямо на улицах¹⁴³.

Важнейшим направлением борьбы ППР с оккупантами были боевые действия партизанских отрядов Гвардии Людовой, созданной по решению ЦК партии от 6 января 1942 г. ППР однозначно высказывалась за военно-политический союз с СССР и совместную с ним борьбу против фашизма. В отличие от партий «лондонского» лагеря и командования АК, которые летом–осенью 1942 г. исходили из уверенности в победе западных союзников и неспособности Красной Армии дойти до Польши, коммунисты считали, и это одобряло в своих шифрограммах руководство Коминтерна, что нужно начинать вооруженную борьбу с гитлеровцами уже теперь. Формирование Гвардии Людовой курировал от ЦК ППР Б. Молойец. Оно началось в марте 1942 г. в трудных условиях, почти без подготовленных в военном отношении кадров: лишь 37% ее бойцов имели солдатскую военную подготовку. Дипломированных офицерских кадров ГЛ не имела. Не было денег и не было оружия. Оружия, брошенного на полях сражений сентября 1939 г., ей не досталось. Гвардейцы были вынуждены или покупать его у оккупантов, или добывать в бою. Тем не менее, уже в мае 1942 г. из Варшавы «в поле» вышел первый плохо вооруженный отряд под командованием студента Варшавской политехники Ф. Зубжицкого. Существовал он недолго и был разбит гитлеровцами уже в августе 1942 г. Уцелевшие бойцы вернулись в Варшаву.

Руководство ППР пришло к выводу, что организация и отправка «на места» небольших, плохо вооруженных партизанских отрядов, не имевших поддержки местного населения, которое опасалось ответных репрессий оккупантов, себя не оправдывают.

Усилия были переориентированы на предварительное создание инфраструктуры для деятельности отрядов, их тылов, установление контактов с населением, нацеленность на его помощь и поддержку. Отряды стали «вырастать» на месте. Результаты проявились в конце 1942 г. при защите от выселения жителей г. Замостье и крестьян. В борьбу с гитлеровцами включились Батальоны Хлопске, отряды АК и ГЛ. Встретив вооруженное сопротивление, гитлеровцы к весне 1943 г. отказались от массовых выселений поляков. Этот успех партизан, совпавший с победой на советско-германском фронте под Сталинградом, оказал воздействие на настроения в правительственном подполье. Газета Польских социалистов «Роботник» 15 февраля 1943 г. пришла к выводу: «Нет необходимости оглядываться на Лондон. Они там могут ждать, [у них] есть время... Только после уничтожения двух миллионов евреев в Польше организовали голословную акцию протеста». В другой статье той же газеты утверждалось: «Англия может себе позволить длительную войну. Для польского народа английская стратегия смертельна... Советы демонстрируют стратегию решимости в борьбе, стратегию не затягивания, а быстрого окончания войны».

Создание ППР и ГЛ свидетельствовало, что в Польше возникало новое, правда, немногочисленное, направление в антигитлеровском сопротивлении. Гвардия Людова была формированием партийным. Функции главного командования осуществлял ЦК ППР, конкретно — один из членов руководящей «тройки», который курировал деятельность Главного штаба ГЛ, М. Спыхальский («Марек»)*, а также Ф. Юзьвяк («Франек», «Витольд»)**. Главный штаб насчитывал не более 20 офицеров, имел три отдела: оперативный, информации и обеспечения, затем появились организационный, пропаганды, печати, санитарный. В округах и районах были отделы пропаганды или офицеры пропаганды при штабах. В отрядах вели работу заместители командиров по политической части. Первоначально их именовали комиссарами, потом более привычным стало офицер просвещения. С июня 1943 г. они действовали по инструкции «Задачи политического комиссара и секретаря ППР в оперативной группе и партизанском отряде». Вместе с новыми отделами или управлениями в штаб ГЛ приходили новые люди. В итоге центральный аппарат Гвардии в разные периоды насчитывал от 50 до 100 человек. Структура ГЛ повторяла структуру ППР, на местах они чаще всего совпадали. Главному штабу подчинялись отряды всех шести округов партии. Членам Гвардии были в основном крестьяне (46%) и рабочие (29%), люди молодые (80%), профессии не имели почти 22%, из интеллигентской среды происходили лишь 4%. Важно отметить невысокий образовательный уровень гвардейцев. В будущем многие из них пришли к управлению страной, где в 1931 г. 23% взрослых было неграмотными. В ГЛ

* Спыхальский Мариан — по образованию архитектор, с 30-х годов связан с КПП, работал преимущественно в нелегальных общественно-политических организациях. После сентября 1939 г. находился во Львове, затем в Варшаве; один из основателей Союза освободительной борьбы, организатор военных отрядов Союза и ППР, в командовании ГЛ ведал вопросами разведки и контрразведки; в 1944 г. назначен начальником Генштаба после освобождения пригорода столицы — Праги стал президентом г. Варшавы.

** Юзьвяк Франтишек — разнорабочий, легионер, капрал Войска Польского, член КПП. В 1928–1929 гг. в Москве в школе Коминтерна, десять лет провел в польских тюрьмах за революционную деятельность, будущий генерал, после войны член ЦК ППР, начальник Гражданской милиции.

имели законченное или незаконченное начальное образование 85% бойцов, 5% были неграмотными, 3% имели среднее и единицы высшее образование. Стать гвардейцем мог представитель любого класса, любой партии и организации. Но первоначально ГЛ создавалась из членов ППР. Постепенно численность беспартийных росла. В 1943–1944 г. их стало большинство.

Главными направлениями деятельности Гвардии тогда были диверсии на железных дорогах (359), борьба с террором оккупантов (175) и нападения на учреждения немецкой администрации (959). Были убиты 1750 и ранены почти 1 тыс. гитлеровцев, освобождались заключенные. По некоторым данным, Гвардия несла большие потери: 4100 убитых, тяжело раненых и арестованных¹⁴⁴.

В партизанских отрядах ГЛ заметным было участие советских военнослужащих, оказавшихся на польской территории. Г. Димитров специально ориентировал М. Новото на привлечение попавших в плен и бежавших из концлагерей солдат и офицеров Красной Армии в партизанские отряды Гвардии. Они командовали 15% отрядов ГЛ. Считается, что всего в польском движении Сопротивления участвовали 7–8 тысяч советских людей. Подавляющая часть воевала в ГЛ ППР. Среди партизан БХ и АК их было около 1 тыс. человек.

Гвардейцы ППР испытывали большие трудности с вооружением, что лимитировало численность и деятельность отрядов. Из Москвы от ИККИ поступали шифрограммы с рекомендациями, а вот запрашиваемого оружия не присылали «по независящим причинам». Причины отказа советской стороны в материальной поддержке ППР и ее Гвардии в оружии вплоть до весны 1944 г. пока не исследованы. Вероятно, Сталин хотел избежать трений с союзниками, в том числе с польским правительством, по польскому «вопросу». В небольшом количестве оружие стало доставляться лишь осенью 1943 г. украинскими советскими партизанами соединения А. Федорова. Поставки от СССР начались весной–летом 1944 г. Равным образом ППР не получала из Москвы и финансов, не считая небольших сумм, которые привозили с собой «скочки» — группы и отдельные парашютисты, забрасываемые с территории СССР. Так, например, весной 1942 г. вновь прибывшие члены Инициативной группы привезли 10 тыс. долл. ППР получала деньги от выпуска облигаций среди населения. Есть сведения, что сбор народных пожертвований («Дар народов») дал ППР 2 млн злотых, но проверить это невозможно. Основные средства ППР добывала в ходе экспроприаций. Наиболее крупной была отбитая у гитлеровцев контрибуция в 1 млн злотых, выплаченная варшавянами в качестве «наказания».

Сколько партизанских отрядов сформировало командование ГЛ? Есть сведения, что с мая по декабрь 1942 г. было создано 52 отряда¹⁴⁵. К концу года число их умень-

* В условиях оккупации все подпольные организации вели не полный и не всегда достоверный учет своих кадров, находившихся в постоянном «движении». Они не имели возможности надежно сохранять свои архивы, которые попадали в руки гестапо. Политические партии стремились зафиксировать в документах и печати свои успехи, нередко «заимствуя» их друг у друга. Ненадежным источником является и документация оккупационной администрации. Сегодня нельзя проверить данные, поступавшие «с мест» как руководству ППР и ГЛ, так и командованию АК. Поэтому имеющиеся в научной литературе, как правило, несовпадающие сведения могут более-менее надежно отражать основные формы и тенденции нарастания сопротивления.

шилось до 43 или 39 и даже 27. Р. Назаревич считал, что в конце 1942 г. ГЛ с резервами насчитывала 3 тыс. человек. Через год ситуация изменилась: в Гвардии числилось более 14 тыс. бойцов, действовали 64 отряда и 2450 партизан, было проведено 237 боев, взорвано 127 эшелонов, 13 мостов, уничтожен 51 пост полиции и вермахта, убито 1335 жандармов и полицейских, погибло 2,5 тыс. партизан*. П. Гонтарчик оспаривает эти цифры, серьезно их снижая. Однако в IV отделе РСХА (гестапо) считали по иному: «из опыта наших операций, коммунизм в Польше являет собой постоянный, не уменьшающийся источник опасности»¹⁴⁶.

ППР не отказывалась от идеи восстания, но понимала его не так, как командование АК (внезапный кратковременный бой в определенный момент), а как заключительный акт нарастающей волны диверсионно-партизанской борьбы. ППР считала целесообразным восстание народа, организованное во взаимодействии с Красной Армией. Коммунисты полагали, что подготовить восстание — это создать общий фронт народа, в десятки и сотни раз увеличить число диверсионно-партизанских групп, обеспечить их оружием, уничтожать систему связи и коммуникации врага, материальное обеспечение тылов и тем ускорить освобождение страны.

ППР и ее Гвардия Людова были объявлены агентурой «враждебной державы». Но, вопреки указаниям «Лондона», уже с 1942 г. случалось взаимодействие отдельных отрядов БХ и АК с ГЛ, примерами чего были не только защита Замостья, но и помощь восставшему в апреле 1943 г. населению Варшавского гетто. Все это способствовало изменению политико-психологического климата в Польше, в том числе и в отношении ППР. Генерал Ровецкий пришел к выводу, что «губительный немецкий террор возбудил в обществе жажду активной самообороны, подтверждая тем самым в его [общества] мнении правильность лозунга ППР о вооруженной самообороне против оккупантов», что «растущая жажда самообороны привела к быстрому наплыву [людей] в Гвардию Людову. Приближение Красной Армии консолидирует ряды секты Коминтерна и поднимает значение ППР в стране». Генерала особенно беспокоило влияние ППР на крестьянство: в деревне «замечено появление крайне радикальных, прокоммунистических настроений: хотят крестьянской власти, аграрной реформы без выкупа и т. д. В связи с усиливавшейся акцией советских парашютистов... и развитием коммунистической деятельности в стране, эти настроения в некоторых сельских центрах могут привести в будущем к грозным последствиям». Несколько месяцев спустя разведка АК доносила о «высокой степени опасных настроений, господствующих в „низах“». Они при теперешней политической конъюнктуре могут привести к утрате контроля над „низами“, которые, следуя обоснованным призывам ППР к борьбе, перестанут быть солдатами, готовыми подчиняться»¹⁴⁷.

* К сожалению, подпольная статистика, как часть истории польского движения Сопротивления, активно использовалась и используется в политической борьбе. Историки Института национальной памяти, которые получили в распоряжение архивы ПНР, в том числе ее спецслужб, опровергают данные, которыми оперировали историки ПНР. До недавнего времени это выражалось в исследовательской и политической «дуэли» бывшего партизана ГЛ и АЛ, члена ППР-ПОРП, крупного специалиста по истории подполья профессора Р. Назаревича и молодого специалиста, сотрудника ИНП П. Гонтарчика, работы которых упоминаются в данном труде.

Переход Красной Армии весной 1943 г. в наступление обозначил перспективу приближения ее к границам Польши. Командование ГЛ стремилось не только усилить боевую деятельность своих отрядов, но и придать им характер настоящей военной структуры. Совершенствовалась деятельность Главного штаба и местных штабов. Была проведена их реорганизация, подготовлены инструкция «Организация Гвардии Людовой», «Устав ГЛ», «Устав полевой службы партизанских отрядов ГЛ». Были введены офицерские и сержантские звания, принятые в польской армии, учрежден знак отличия «Крест Грюнвальда». В итоге в течение 1943 г. ГЛ превращалась в сплоченную вооруженную силу. Хотя по численности и общественной поддержке, по техническому и материальному обеспечению Гвардия коммунистов весьма уступала АК, она стала заметным фактором антигитлеровского сопротивления в Польше.

Весной 1943 г. ЦК ППР посчитал своевременным поставить вопрос о характере власти и будущем устройстве Польши, 1 марта 1943 г. была опубликована программная декларация ЦК ППР «За что мы боремся?». Во имя успешной борьбы народа с оккупантами и будущих преобразований коммунисты выступили за отмену всех мандатов «подпольного государства», за создание временных органов власти — рад народных (национальных советов) всех уровней, от гминных и городских до правительства включительно. Они предлагали по антифашистским мотивам конфисковать все виды бывшей польской государственной, еврейской и крупной, в основном, иностранной собственности, захваченной оккупантами, обобществить банки и крупные предприятия с введением на них рабочего контроля, возратить мелкую и среднюю собственность ее бывшим владельцам. Такая программа была направлена против восстановления права на собственность наиболее богатой части общества, а значит и на ее власть. Она не угрожала среднему и мелкому собственнику города, быть представителем интересов которого претендовало Стронництво пращи (СП). Фактически ППР предлагала союз Сикорскому. Коммунисты ввели в программу традиционное требование людовцев о разделе крупной (свыше 50 га) земельной собственности между крестьянами, но скорректировали его в пользу сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян, за что выступали и социалисты.

Таким образом, социально-экономическая программа ППР сближала политические позиции коммунистов с СЛ-РОХ и ППС-ВРН. Не расходились позиции ППР, ППС-ВРН, СЛ-РОХ и по общей формуле власти, которая должна принадлежать рабочему классу, и, по терминологии коммунистов, его союзникам — крестьянству и интеллигенции. Однако программе ППР явно недоставало акцента на общедемократические принципы организации общества и интересы среднего крестьянства, в чем проступали следы классового подхода, свойственного левым радикалам. Это вызвало критическую оценку документа Г. Димитровым в Москве, где уже ставился вопрос о применении опыта сотрудничества СССР с западными демократиями к послевоенной Европе, в частности к Польше.

Во внешнеполитической части программы ППР выступала за неукоснительное выполнение правительством польско-советского соглашения 1941 г. Партия считала, что союз между Польшей и СССР соответствует государственным интересам страны, полагала необходимым «проводить внешнюю политику, опираясь на союз с Советским Союзом», сохраняя при этом добрососедские и союзные отношения с народами стран антигитлеровской коалиции. ППР настаивала на включении в состав Польши «всех

польских земель — на спорных территориях действует воля народа». По сути дела, это означало признание права народов, и конкретно «польских» украинцев и белорусов на самоопределение. ППР предлагала полякам сделать шаг к признанию изменений восточных границ страны, происшедших в сентябре 1939 г.¹⁴⁸ Итак, коммунисты принципиально расходились с политическими силами правительственного подполья по вопросам внешнеполитической ориентации страны. И позитивное отношение ППР к восточной границе 1941 г. было наиболее трудно преодолимым препятствием на пути к массовой поддержке и доверию большинства общества.

Декларация ППР вырабатывалась в феврале 1943 г., когда готовились и происходили переговоры представителей ППР и Делегатуры. Инициатива переговоров принадлежала ППР и долгое время не находила отклика в руководстве Делегатуры и командовании АК. В 1942 г. обращение ППР просто проигнорировали. В 1943 г. на Открытое письмо Делегатуре последовало согласие. Три встречи, 18, 22, и 26 февраля 1943 г. состоялись на фоне победного завершения Сталинградской битвы. Они имели санкции В. Сикорского, С. Ровецкого и делегата правительства людовца Я. Пекалькевича. В ходе переговоров выяснилось, что стороны ставили перед собой разные задачи. ППР, придавая встречам серьезное политическое значение, делегировала на них представителей высокого партийного и военного ранга: секретаря ЦК ППР В. Гомулку и члена командования ГЛ, командира спецгрупп в Варшаве Я. Стжешевского*. Они были наделены полномочиями действовать от имени партии и ГЛ. Делегатуру и АК представляли люди далеко не первого политического эшелона: начальник канцелярии делегата С. Павловский (СЛ-РОХ) и сотрудник Отдела информации (разведка) ГК АК Е. Чарковский (СД). Представители «лондонского» подполья утверждали, что не имея полномочий для политических соглашений, хотели бы выслушать предложения другой стороны. Гомулка предлагал обсудить две проблемы: политические позиции сторон и военное сотрудничество. ППР предлагала АК активизировать вооруженные действия, соглашаясь в таком случае на вхождение ГЛ в ее состав на принципах автономии и организационной самостоятельности при одновременном включении представителей Гвардии в штабы АК всех уровней. Кроме того Гомулка потребовал от Делегатуры осудить и пресечь попытки развязать в подполье гражданскую войну, прекратить действия военной разведки Делегатуры, направленные на выявление членов ППР, составление списков для передачи их гестапо.

ППР была за объединение военного подполья, но выставила политические условия: признание за ППР прав, равных правам других партий, создание правительства в стране при участии в нем некоторых деятелей эмигрантского правительства, в частности, генерала Сикорского. Представители ППР заявили о необходимости внешнеполитической переориентации страны на союз с СССР при сохранении добрососедских, союзных отношений со всеми демократическими странами Запада. Было высказано мнение ППР по вопросу границ 1921 и 1939 гг.

Ровецкий счел предложение ППР о встрече не более чем уловкой коммунистов с целью проникнуть в ряды АК, рассчитывал на переговорах «прижать ППР к стене»

* Стжешевский Ян — из помещичьей семьи, член ПОВ, в 1919–1920 г. офицер Войска Польского; с 1926 г. связан с КПП, арестован в 1931 г., осужден на 5 лет тюрьмы, исключен из корпуса офицеров резерва; с 1942 г. в ППР.

потребовать ясного объяснения» ее намерений. Поэтому его представители фактически перекрывали возможность соглашения, требуя, чтобы ППР без каких-либо условий признала эмигрантское правительство единственным представителем Польши, созданным в соответствии с Конституцией, подчинилась Делегатуре, объявила о признании границ, установленных Рижским договором, решительно отмежевалась от Коминтерна и выступила против любого агрессора, вторгшегося на польскую землю. Понятно, что от ППР требовали политической капитуляции, и при таком подходе переговоры не могли принести результатов. Представители Делегатуры обещали дать ответ на предложения ППР в письменном виде. Он последовал 28 апреля 1943 г., т. е. уже после разрыва польско-советских отношений, и был отрицательным.

Делегатура резко отклонила предложение ППР по восточной послевоенной границе, которое ставило ее «вне польского общества в столь существенных вопросах, как независимость и целостность Польского государства», поэтому «дальнейшие переговоры с ППР невозможны и по вине ППР нецелесообразны». Лидер ППР Гомулка на переговорах осуждал позицию Делегатуры и АК. Он продолжал считать, что «соглашение было бы очень выгодно с точки зрения интересов Польши, а также правильно понятых интересов как ППР, так и ее политических противников из лондонского лагеря. Это должно было оказать воздействие на ход последующих событий»¹⁴⁹. Шанс на антигитлеровское национальное согласие, как это произошло во Франции и Чехословакии, в Польше был утрачен. Безрезультатность переговоров подтолкнула ППР к созданию своего центра власти и своего «подпольного государства».

В ход переговоров, и, возможно, в исход их вмешалась «третья сила». Документы к переговорам готовились в штабе АК, в подразделении, занимавшемся слежкой за ППР и ситуацией в рабочем движении. Многие годы спустя выяснилось, что в это подразделение был внедрен германский шпион «ЯР» — Йозек Митценмахер, он же Ян Альфред Регула. Информация о переговорах позволила гестапо уже 19 февраля 1943 г. арестовать Пекалькевича, который ориентировал своих коллег на договоренности с ППР, считал возможным достичь политического объединения, но сомневался насчет военного. Далее последовали аресты, убийства на улицах и в тюрьмах почти всех лиц, имевших отношение к переговорам. 30 июня 1943 г. был арестован Ровецкий, 4 июля в авиакатастрофе погиб Сикорский, о причинах гибели которого высказываются разные предположения. В живых остались Гомулка и Чарковский, который во время успел уехать... в Германию.

Отказавшись от соглашений с ППР, лондонский лагерь был вынужден принять тактику вооруженной борьбы, применявшуюся ППР и требуемую «низами». В апреле 1943 г. командование АК перешло к «ограниченной» вооруженной борьбе с гитлеровцами, указав причину: чтобы не было впечатления, что лишь ППР ведет такую борьбу. Прекращение переговоров с ППР повлекло за собой крупные перестановки в правительственном лагере: место левых социалистов в ПСК вновь заняла ППС-ВРН, центрально-левый блок в Делегатуре и ПСК перестал существовать. Делегатом правительства стал член СП Я.С. Янковский, человек правых взглядов. Вскоре командование АК перешло к графу Т. Коморовскому («Буру»). В первые месяцы оккупации ему, командиру полка, присвоили чин генерала. Другого генерала в АК не нашли... В Делегатуре и ПСК всю весну и лето 1943 г. шли персональные перестановки. В момент, когда в стране активизировалась национально-освободительная борьба и радикализировались настроения общества, руководство гражданским и военным подпольем переходило к правым силам.

II.4. РАЗРЫВ ОТНОШЕНИЙ МОСКВЫ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ПОЛЬШИ. ПЕРЕМЕНИ В ПОДПОЛЬЕ. ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС НА КОНФЕРЕНЦИИ В ТЕГЕРАНЕ

Вывод Польской армии из СССР не только снял с повестки дня боевое сотрудничество двух стран, но и повлек за собой изменение политики советского руководства в отношении польского населения. Напомним, что были ликвидированы структуры и организации, созданные посольством для помощи полякам. Обострились разногласия по вопросам гражданства, судеб детей-сирот, выезда из СССР отставших от армии военнослужащих и членов их семей. Польское правительство в Лондоне и его посольство в Куйбышеве настаивали на дальнейшем призыве в польскую армию 49 тыс. человек и вывозе рекрутов на Ближний Восток, что вызвало решительный протест советских властей. Службы НКВД вернулись к поиску шпионов среди поляков и польских евреев.

Развитие событий под Сталинградом не могло не заставить Сикорского, профессионального военного, задуматься над вопросом, как должна реагировать АК на вероятное вступление Красной Армии в Польшу. Премьер-министр Польши, он же Главнокомандующий Польскими вооруженными силами на Западе, запретил командованию АК передавать СССР добытые разведданные и взаимодействовать с советскими разведорганами. При этом Сикорский все отчетливее понимал, что противостоять советским войскам — безумие, и отдал приказ АК выходить из подполья при вступлении «Советов», демонстрировать позитивное отношение Польши к СССР, твердо заявлять о суверенитете страны. 6 февраля 1943 г. он приказал командующему АК в том случае, если до появления русских в Польшу не придут союзники, поднять восстание, прежде всего во Львове и Вильно. С этим соглашался Ровецкий. Вопрос о суверенитете сводился эмигрантскими кругами и подпольным ПСК к требованию восстановить границу 1921 г.: тогда «мы всё простим СССР»¹⁵⁰.

Понимая, что отношения ухудшаются, Сикорский 9 февраля 1943 г. обратился к Сталину с личным письмом. Он сожалел, что подчиняющиеся ему войска участвуют в борьбе против фашистского блока «на отдаленных фронтах, а не плечом к плечу с Вашими войсками на Восточном фронте Европы», выражал тревогу по поводу трудностей в польско-советских отношениях. Сикорский писал о своем стремлении к сближению и сотрудничеству Польши и СССР в тот момент, когда война вступает в решающую фазу, о желании обеспечить добрососедские отношения после войны. Премьер просил Сталина принять посла Польши Т. Ромера и обсудить с ним возможные шаги в этом направлении.

Сталин принял Ромера 26 февраля. Беседовали долго, обсуждали множество проблем. Посол предлагал помощь АК советским войскам и, в частности, организацию одновременного подрыва всех железнодорожных путей в немецком тылу*. Подобную акцию Сталин считал целесообразной лишь в момент прихода Красной Армии в Польшу и лишь по согласованию срока с советской стороной, в другой ситуации, считал са-

* В эмигрантском издании документов эта часть беседы опущена без комментариев (см. Documents on Polish-Soviet relations. 1939–1941–1943. Londyn, 1961. Vol. I. P. 489–501).

етский лидер, она вызовет жестокие репрессии оккупантов. На вопрос Ромера, когда Красная Армия вступит в Польшу, Сталин произнес фразу, которую лондонскому руководству стоило бы вспомнить в августе 1944 г.: «В войне не все зависит от нас, многое зависит и от противника. Трудно указать сроки»¹⁵¹.

Беседа шла в духе поиска взаимопонимания. Сталин говорил о возможности сотрудничества поляков с советскими партизанами и готовности в таком случае материально помогать АК сбросами вооружения с воздуха, предлагал прекратить «драки» АК с советскими партизанами. Коснувшись вопроса о будущем власти в Польше, Сталин демонстрировал стремление СССР к соглашению с польским правительством, говорил о его праве на власть в освобожденной стране: «советские войска... дойдут до Польши, освободят Польшу от немцев и отдадут ее польскому правительству». От такой схеме передачи власти Сталин упомянул в последний раз. Границы компромисса он определил ясно: предложение о возвращении армии Андерса в СССР неприемлемо и, главное, граница 1939–1941 гг. останется неизменной. Ромер ответил «тем же»: «...нет и не будет такого польского правительства, которое согласилось бы на изменение границ с СССР, предлагаемое советским правительством»¹⁵².

Явно стремясь к продолжению диалога с поляками, Сталин поддержал обсуждение поставленного Ромером вопроса о воинском наборе поляков на территории СССР, но допускал создание польских частей из добровольцев в составе Красной Армии. Была обещана возможность индивидуального подхода к вопросу гражданства и учет пожелания каждого отдельного лица. В очередной раз глава СССР заявил, что хочет и будет содействовать восстановлению сильной, суверенной Польши и предлагал обсудить, в частности, вопросы пропаганды, гражданства и границы. Посол ограничился двумя первыми вопросами. Обмен мнениями между правительствами двух стран решено было продолжить, не касаясь пограничного вопроса, на уровне посольства. Советская сторона назначила представителя для ведения переговоров. Дело было за получением из Лондона полномочий и инструкций польскому послу. Таким образом, в территориальном вопросе стороны показали себя непримиримыми противниками. Состоялся обмен «залпами» в печати. На Заявление польского правительства от 25 февраля 1943 г. последовало Заявление ТАСС от 2 марта, где советская сторона впервые публично назвала «линию Керзона» будущей границей с Польшей.

Напряжение в советско-польских отношениях резко возросло весной 1943 г. Военно-политическая ситуация на Восточном фронте менялась в пользу СССР, в оккупированной Европе ширилось движение Сопротивления, в нем росло влияние левых сил. Этот процесс шел и в Польше, через которую пролегал самый короткий путь в Германию, о чем стали задумываться в руководстве III рейха. Пришла пора, как отметил Геббельс в своем дневнике, не только вести войну, но и заниматься политикой, а именно «техничнее» разрабатывать подрыв коалиции СССР и западных держав¹⁵³. Гитлеровцы нанесли удар по ее слабому звену — отношениям между СССР и польским эмигрантским правительством. Они объявили об обнаружении захоронений польских офицеров, расстрелянных НКВД.

Допустимо предположить, что гитлеровцы намеревались использовать факт гибели польских военнослужащих и как завесу мероприятий по «окончательному решению еврейского вопроса» в Европе. Вряд ли было случайным, что уничтожение Варшавского гетто и его обитателей началось 19 апреля 1943 г., когда польское правительство

сделало недальновидный шаг, обратившись в Международный Красный Крест с жалобой на СССР. Скорее всего, ликвидация гетто должна была углубить «трещину» в коалиции, используя антисемитские настроения в польском обществе. На это указывали заявления гитлеровцев о том, что польские офицеры убиты коммунистами-евреями, назывался ряд еврейских имен, якобы сотрудников НКВД. Но как раз в этой части замысла гитлеровцы не достигли цели. События в Варшавском гетто, где было поднято восстание, открыли полякам всю глубину трагедии еврейского народа и показали общность их судеб в условиях гитлеровской оккупации*. Сопротивлявшиеся нацистам евреи и поляки, пришедшие им на помощь, вписали общую героическую страницу в историю Сопротивления в Польше.

В связи с трагедией еврейского населения польское правительство хранило молчание. Член Рады Народовой, глава еврейской национальной партии Бунд, один из организаторов гражданской защиты Варшавы в сентябре 1939 г. Ш. Зильбербойм 12 мая 1943 г. в знак протеста покончил жизнь самоубийством в приемной А. Идена. Зильбербойм оставил предсмертное письмо, датированное 11 мая. Он обращался к президенту Польши В. Рачкевичу и главе кабинета В. Сикорскому, а через них к польскому обществу, правительствам и союзным народам, к совести всего мира и просил прекратить равнодушно взирать на преступления гитлеровцев и начать борьбу против них, спасти еврейский народ от гибели, наказать его палачей. Зильбербойм писал от имени еще живых 300 тыс. из 3,5 млн польских и 700 тыс. депортированных на территорию Польши евреев: «Жизнь моя принадлежит еврейскому народу Польши, следовательно, я ее отдаю, чтобы та горстка, которая еще сохранилась от многомиллионного польского еврейства, дожила вместе с польскими массами до освобождения, чтобы за все свои нечеловеческие муки и терпение могла дышать в стране и мире свободы и справедливости социализма. А я верю, что именно такая Польша возникнет и именно такой мир наступит»¹⁵⁴.

* Первое восстание евреев произошло летом 1942 г., когда оккупанты, приступив к ликвидации Варшавского гетто, встретили упорное сопротивление вооруженных людей. Еврейская боевая организация смогла оттянуть окончательное уничтожение гетто. Когда в апреле 1943 г. нацисты вновь начали его ликвидацию, произошло второе восстание, подготовленное этой организацией, насчитывавшей 500–700 бойцов, вооруженных ручным оружием. Против них использовалась артиллерия, танки, авиация. Повстанцы сражались до июля 1943 г. на улицах, в подвалах, на развалинах гетто. Помощь восставшим людям, изолированным от внешнего мира глухой стеной, оказывали отряды ГЛ и АК. Несколько боевых групп удалось вывести из гетто. Есть сведения, что через проломы в стене вырвалось 17 тыс. жителей. В боях погибли около 7 тыс. человек, почти столько же — в горящих домах и взорванных бункерах. Более 56 тыс. евреев гитлеровцы вывезли в лагеря смерти, где они разделили судьбу сотен тысяч соплеменников. Многие спасшиеся евреи, особенно дети, нашли приют в польских семьях, взрослые скрывались в лесах, в отрядах ГЛ, некоторые участвовали в Варшавском восстании в 1944 г. Восстание в гетто стало первым взрывом непокорности народа, прежде обреченно принимавшего свою судьбу. Евреи восстали в лагерях смерти в Собибуре (14 октября 1943 г.) и Треблинке (2 августа 1943 г.), оказали вооруженное сопротивление в гетто Белостока 16–20 августа 1943 г. (Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней. М., 1993. С. 339).

Отметим, что в ночь с 12 на 13 мая 1943 г. советская авиация, как и в августе 1942 г. во время первого восстания в гетто, совершила налет на военные объекты Варшавы и транспорты, подвозившие гитлеровцам подкрепления. Бомбили несколькими волнами в течение 1,5 часов. Налет проходил явно по просьбе польской стороны. Летчики имели точные данные о противовоздушной обороне города, об объектах бомбардировок. Дополнительно с земли действовала световая сигнализация.

Вернемся к событиям в Катынском лесу под Смоленском, где еще 29 марта 1943 г. гитлеровцы приступили к вскрытию могил с останками польских офицеров, в сентябре 1939 г. сдавшихся в советский плен. Они использовали припасенный к «нужному» времени шанс и организовали кампанию с привлечением кино, радио и печати, с доставкой на место многочисленных «экскурсий» из Польши, из лагерей для военнопленных польских, английских, американских, французских солдат. Первая польская группа была доставлена еще до 13 апреля, когда министр пропаганды Г. Геббельс сообщил по радио об обнаружении в Катыни 10 тыс. тел расстрелянных поляков. В Катынский лес возили журналистов из «нейтральных» стран, рабочих из Польши, жителей Смоленска. 17 апреля Геббельс записал в своем дневнике: «Катынское дело становится колоссальной политической бомбой, которая в определенных условиях вызовет не одну „взрывную волну“. И мы используем его по всем правилам искусства». Но мир настолько «привык» к сообщениям о зверствах нацистов, что не сразу поверил в злодеяние НКВД. Требовалось абсолютно неопровержимое доказательство. Обеспечить его оказалось не так легко.

Международный Красный Крест отказал в рассмотрении «дела». Организация немцами собственной международной комиссии из судебных медиков и криминалистов — граждан зависимых от Германии стран натолкнулась на трудности: эксперты, за исключением Милославича из Загреба, отказывались участвовать в эксгумации, «заболевали». После обращения властей генерал-губернаторства в Польский Красный Крест (ПКК), одну из немногих сохранившихся довоенных организаций, была создана Польская техническая комиссия. После ее консультаций с руководством подполья в состав комиссии вошли 5 человек во главе с членом Главного правления ПКК К. Скаржиньским. Они намеревались контролировать эксгумацию и получать информацию из первых рук. Под неослабным надзором немцев комиссия провела большую часть работы. Чтобы не быть обвиненной в сотрудничестве с оккупантами, поляки дистанцировались от гитлеровских участников эксгумации.

Основным результатом эксгумационных работ стала немецкая публикация — «Официальные материалы о массовых убийствах в Катыни», вскоре переизданная почти на всех европейских языках и во всех странах, оккупированных, либо союзных Германии. Заканчивалась она словами, что Европа не смеет забыть о Катыни и о ней не забудет¹⁵⁵. Выводы экспертов польской комиссии, противоречившие многим немецким утверждениям (например, что в лесу захоронены не 10–12 тыс., а 4113 человек), в эту публикацию не вошли. Кроме того поляки отказались сформулировать вывод, что палачами в Катыни были русские.

В самой Польше катынские разоблачения не получили того отклика, на который рассчитывал Берлин. Правда, в печати правого толка увеличились антисоветские высказывания. Но не более. Демократические силы Польши были уверены в политических целях «акции»: своим заявлением о Катыни «немцы хотят собрать урожай.

Натравить поляков на русских». Людовцы настаивали: «Самым грозным, ближайшим и непосредственным врагом в этот момент является Германия. С ней мы находимся в бескомпромиссной борьбе до победы. Таково наше решение, мы его не отменяем». ППР приняла советскую версию событий (поляки расстреляны немцами осенью 1941 г.), а также предложение П. Финдери (шифrogramма из Москвы от 28 апреля) осудить действия эмигрантского правительства и одновременно выступить за укрепление дружбы между польским и русским народами в борьбе против немецких захватчиков и их «польских пособников». В. Гомулка, многие годы спустя, в своих мемуарах подтвердил правильность в тот момент таких действий во имя сохранения политического и военного единства антигитлеровской коалиции.

Командование АК и Делегатура без колебаний расценили информацию из Берлина как достоверную, хотя для них была ясна ее политическая подоплека: нацистская пропаганда стремится настроить поляков «против Советов, союзников и польского правительства». Сообщение о Катыни, считали лидеры подполья, не должно заставить поляков забыть о терроре гитлеровцев: «Оно одновременно указывает на аналогичные немецкие убийства [в Польше]». В последовавшем «Заявлении» делегата полякам был дан политический ориентир: «большинство народа считает врагом № 1 гитлеровскую Германию, врагом самым грозным, самым близким и непосредственным», и именно с ним поляки должны остаться «в состоянии бескомпромиссной борьбы вплоть до победы». Геббельсу пришлось признать отсутствие желаемого антисоветского резонанса в Польше: «Очевидно, что наша пропаганда там провалилась, так как польскому движению Сопротивления, в конце концов, удалось ее использовать против нас»¹⁵⁶.

Тем не менее кампания, развернутая гитлеровцами в европейском масштабе, повлекла за собой ряд негативных долгосрочных последствий. Исчезла перспектива договоренности Делегатуры и ППР. Стали невозможными те двусторонние встречи, о которых договаривались Сталин и Ромер в конце февраля 1943 г. Катынская «история» снизила влияние ППР в Варшаве, хотя, как отмечали в АК, «менее информированная провинция» не прореагировала, там рост рядов ППР и ГЛ продолжался. К концу лета, после разгрома вермахта под Курском, некоторый кризис в поддержке ППР был преодолен. Командование АК из событий вокруг Катыни сделало свои выводы. Ровецкий писал 29 апреля в Лондон о том, что он, «используя наш теперешний конфликт с Россией, ограничил боевые операции против вермахта, особенно, на коммуникациях, ведущих на восток, усилил террористические акции против гестапо, полиции и немецкой администрации, а они, — замечал командующий, — не реагируют»¹⁵⁷.

Основная политическая и дипломатическая борьба вокруг «Катыни» разгорелась за пределами Польши. Польское правительство поступило так, как рассчитывали гитлеровские власти. Коммюнике-декларацию опубликовал 16 апреля министр обороны М. Кукель. Было опубликовано также заявление от имени правительства с обращением к Международному Красному Кресту (МКК) и просьбой выслать на место комиссии для расследования. Последовало указание польскому представителю в Женеве князю С. Радзивиллу обратиться в МКК. Узнав о польских намерениях, правительство Германии в тот же день 16 апреля, опередив на 30 минут поляков, направило в МКК аналогичную заявку. Все происходившее выглядело как совместный демарш.

17 апреля на заседании польского правительства выяснилось, что не все министры согласны с совершенными действиями, и некоторые считают обращение в МКК

■ декларацию Кукеля «серьезными ошибками». Еще большую критику предпринятые акции встретили в Раде Народовой, где считали, что следовало обратиться к СССР, а не в МКК. Сикорский признал: произошла ошибка, и взял ответственность на себя. Генерал оправдывался, что дал разрешение на действия Кукеля и министра информации С. Кота из опасений бунта в армии.

Сталин оценил «совместные демарши» Польши с противником как явление странное для участников одного воюющего блока. Последовал вывод: польское правительство скатилось на путь сговора с гитлеровцами и на деле прекратило союзные отношения с СССР. Черчиллю и Рузвельту была ясна политическая подоплека геббельсовской акции: расколоть коалицию и тем облегчить судьбу Германии, перед которой маячила угроза военной катастрофы. Для западных лидеров, которые знали правду о трагедии в Катыни, единство союзников являлось тогда ценностью высшего порядка: речь шла о разгроме вермахта и победе в войне, главным образом — ценой советских усилий. Это определило позиции глав великих держав. Политическая целесообразность и военная потребность были поставлены выше признания истины¹⁵⁸.

Для Сталина «Катынское дело» было крайне неприятной неожиданностью. Сохранить в тайне ликвидацию кадров польской армии не удалось. В 1940 г., казалось, все возможное для этого было сделано. Не предусмотрели только оккупации Смоленска вермахтом. Это и было немедленно использовано для запуска контринформации: расстреляли поляков немцы осенью 1941 г. Черчилль бросился исправлять ситуацию. На встрече с Сикорским при участии Идена был согласован проект заявления польского правительства, принятый 17 апреля 1943 г. В нем утверждалось, что правительство Польши «отрицает за Германией право извлекать из преступлений, в которых она обвиняет другие страны, аргументы для собственной выгоды и претендовать на защиту христианства и европейской культуры тогда, когда в Польше террором истребляет поляков». Приводились факты уничтожения 1,5 млн человек в концлагерях, в том числе 80 тыс. польских офицеров и солдат призывного возраста в Майданеке и Трешлине, расстрелы в рейхе в лагерях для военнопленных за политические преступления, якобы совершенные до войны, массовые облавы на польских офицеров. Только в Кракове в 1942 г. 6 тыс. военнослужащих было заключено в концлагеря, что обрекало их на смерть. Констатировались факты призыва поляков в вермахт и расстрела семей тех, кому удалось скрыться.

Черчилль, направляя Сталину послания, убеждал, что англичане выступают против любого расследования в Катыни. Сталин высказывал Рузвельту надежду, что Черчилль сумеет «образумить польское правительство и помочь ему действовать впредь в духе здравого смысла». Он полагал, «что одна из наших обязанностей как союзников состоит в том, чтобы помешать тому или иному союзнику выступать враждебно против любого другого союзника на радость и в угоду общему врагу». По настоянию Черчилля польское заявление в МКК было отозвано. Сам Международный Красный Крест, сославшись на Устав, отказался рассматривать «Катынское дело», ибо не было согласия всех сторон на его расследование¹⁵⁹.

Но советское руководство, после консультации с польскими деятелями в Москве и информации ППР о невозможности получить согласие Делегатуры и АК на сотрудничество, заявило 25 апреля о перерыве отношений с эмигрантским правительством.

Понимая, что позиция правительства Польши в антигитлеровской коалиции резко ослабла, Черчилль пытался уговорить Сталина отозвать свое решение. Советский лидер был непреклонен и 4 мая 1943 г. жестко заявил, что нынешнее польское правительство не имеет шансов «вернуться в Польшу и стать у власти»¹⁶⁰. Позднее союзникам оставалось лишь добиваться реорганизации польского кабинета.

Таким образом, используя реальный, к сожалению, факт убийства органами НКВД нескольких тысяч польских военнопленных, гитлеровцы все-таки осложнили ситуацию в коалиции. Полгода спустя Берия на встрече с группой З. Берлинга оговорился, имея ввиду «Катынь»: была совершена ошибка. И это об одном из тягчайших преступлений в отношении лиц, охраняемых международными законами!

В заявлении ТАСС от 14 апреля 1990 г. факт расстрела польских военнопленных был признан одним из тяжких преступлений сталинизма, ответственность за содеянное возложена на НКВД, Берия, Меркулова и др. По версии, выработанной группой российских историков и криминалистов в конце 80-х гг. XX в., всего были расстреляны 21 857 поляков. В апреле 2010 г. на траурных мероприятиях в Катыни руководители России подтвердили эти выводы, назвали имя главного виновника гибели польских граждан — Сталин, но одновременно признали, что трагедия нуждается в дальнейшем изучении*.

Возвратимся в 1943 год. Москва сообщила в ЦК ППР содержание ноты от 25 апреля и мотивы своих действий. Руководство партии ответило, что СССР прерывает отношения не с польским народом, а с правительством, которое не выражает его интересов, что только «братский военный союз с СССР ведет к созданию сильной, свободной, и независимой Польши». ППР поставила вопрос о создании правительства, опираю-

* В настоящее время ряд российских исследователей и политических деятелей, не отвергая вины советской стороны в расстреле поляков, полагают, что остаются невыясненными существенные вопросы и детали трагедии. Это позволяет им сомневаться в научной обоснованной версии Катынских событий, принятой политическим руководством РФ. Оппоненты не имеют единой позиции. Раздаются порой призывы принять выводы комиссии Н.Н. Бурденко, которая в начале 1944 г. установила, что офицеры были расстреляны гитлеровцами осенью 1941 г. Преобладает мнение, что виноваты в гибели поляков как НКВД, так и гитлеровцы. Сомневающиеся продолжают поиск новых документов, проводят независимые дополнительные экспертизы, находят «лакуны» в обосновании принятой версии. Высказываются сомнения в количестве расстрелянных НКВД польских граждан. 10 апреля 2010 г. в Государственной Думе РФ состоялся «круглый стол» на тему: «Катынская трагедия: правовые и политические аспекты». 16 выступавших выразили сомнения в подлинности документов, которые доказывают исключительно советскую вину за расстрел польских офицеров: новыми экспертизами и привлечением дополнительных архивных данных выявлено 57 источниковедческих признаков подделки катынских документов, хранившихся в ЦК КПСС в «Особом пакете № 1» (см. подробнее: Тайны Катынской трагедии. Материалы «Круглого стола» по теме: «Катынская трагедия: правовые и политические аспекты». М., 2010). Дискуссии продолжаются (см. например: Комсомольская правда. 2011. 29 марта и 7 июня). Остающиеся вопросы свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования Катынской трагедии учеными разного профиля и на основании исчерпывающего объема документов. Тогда исчезнут сомнения и станут невозможными политические спекуляции вокруг Катынской и многих других человеческих трагедий времени сталинизма.

щегося на широкий антифашистский национальный фронт и готового к сотрудничеству и союзу с СССР. 1 мая позиция ППР была обнародована в воззвании к народу: «Правительство Сикорского не имеет никакого права выступать от имени народа. Не народ его выбрал, а назначила санационно-озоновская клика..., не хотим видеть у кормилы власти в Польше досентябрьских людей и их теперешних союзников — правительство Сикорского»¹⁶¹.

В мае 1943 г., отвечая на вопросы корреспондента английской газеты «Таймс» Р. Паркера, Сталин заявил, что разрыв связей с эмигрантами не повлияет на отношение СССР к польскому народу. Он еще раз повторил, что Советский Союз желает видеть Польшу сильной и независимой, строить с ней отношения на основе добрососедских связей и взаимного уважения или, если этого пожелает польский народ, на основе союза и взаимопомощи против немецких захватчиков. Сикорский вынужден был признать, что отношение СССР к польскому народу не изменилось после декабря 1941 г., когда он был в Москве¹⁶².

Стремительное наступление советских войск, их приближение к территории Польши влияли на политическую обстановку в стране. «Губительный немецкий террор, — считали в АК, — возбудил в обществе жажду активной самообороны, формировал мнение в пользу лозунга ППР, призывавшего к вооруженной борьбе против оккупантов... Расширяющаяся в обществе жажда самообороны привела к быстрому наплыву [поляков] в Гвардию Людову... Приближение Красной Армии консолидирует ряды секции Коминтерна и поднимает значение ППР в стране». Комендант АК констатировал, что «импонирующая мощь Красной Армии быстро затмила успехи союзников, живо вошла в душу общества своей... непосредственной связью с судьбой страны. Появление таких настроений оказалось благоприятным для „к“ [коммунистов]... как в смысле отношения общества (особенно его определенных сфер и слоев) к ППР, так и во внутренних отношениях в партии». Следствием признания роста влияния ППР и ГЛ стало решение командования АК активизировать создание партизанских отрядов. В «Специальном отчете по вопросу „К“ № 198 за 16.3.–17.05.1943 г.» командование АК констатировало, что поддержка коммунистами позиции СССР по вопросу о Катыни ослабила «до сих пор вызывавшее опасение развитие ППР в генерал-губернаторстве», но признавало, что «позиции коммунистов усиливаются в Поморье, Познани, Силезии, Тешине, на Западных Украине и Белоруссии». Аналитиков АК тревожило другое явление: «кроме элементов явно коммунистических, в некоторых сферах радикальной интеллигенции, преклоняющейся перед революционными преобразованиями, оживились просоветские симпатии в предвидении решающей роли России в политическом преобразовании Европы после войны»¹⁶³.

Дальновидный и прагматичный политик, генерал Сикорский понимал разрушительные последствия разрыва отношений с СССР как внутри страны, так и на международной арене. Он полагал, что Польша неминуемо войдет в сферу операций советских войск, и выражал надежду, что отсутствие дипломатических отношений не продлится долго. В некоторых действиях и заявлениях премьера уже в 1943 г. содержались «сигналы» к восстановлению взаимодействия с Москвой. Находясь с инспекционной поездкой в польских войсках в Северной Африке, и, возможно, реагируя на слова Сталина в мае 1943 г., генерал публично заявил, что следующим будет его визит в СССР. По словам польского журналиста К. Прушиньского, 2 июля в Каире Сикорский признавал

необходимость смириться с изменением восточных границ Польши и совершить конструктивный поворот в двусторонних отношениях. Но 4 июля 1943 г. генерал погиб в авиационной катастрофе над Гибралтаром. Следует признать, писала 9 июля 1943 г. в некрологе на гибель Сикорского газета «Известия», что в польском правительстве не было столь авторитетного политика, который умел смягчать нагромождавшиеся двусторонние противоречия*.

Смерть генерала стала в истории польского правительства в эмиграции знаковым событием. Хотя пост премьер-министра занял политик-демократ, лидер СЛ-РОХ в эмиграции С. Миколайчик, влияние правых заметно укрепилось. Главнокомандующим всеми польскими вооруженными силами на Западе и АК в стране стал генерал К. Соснковский, пост министра обороны сохранил генерал М. Кукель, оба кадровые военные, пилсудчики, вовсе не склонные уступать или вести диалог с советской стороной. В правительственном подполье командование АК находилось в руках генералов и офицеров, сторонников противодействия Красной Армии в случае ее вступления в Польшу. Так, 19 июня 1943 г. генерал Ровецкий предполагал организовать «задержку возможного марша российских войск путем уничтожения коммуникаций вплоть до линии Вислы и Сана», сопротивляться «Советам» там, где для этого будут хотя бы минимальные шансы, а там, где шансов не будет, «оставить в подполье вооруженные силы, готовые в соответствующий момент по приказу главнокомандующего к выступлению против России». Кроме того, ставилась задача в будущем «обеспечивать самое лучшее прикрытие для приземляющихся в Польше отрядов из эмиграции или англосаксонских оккупационных [войск]». Ровецкий понимал, что такая политика приведет лишь к усилению польско-советских трений, но не видел в этом большой беды: «все равно в Крае Россию никогда не оценивали иначе, как врага № 2». Принявший командование АК после ареста С. Ровецкого генерал Коморовский («Бур») взывал к польскому «Лондону»: в критический момент, и как можно быстрее, ввести в страну польскую армию, находящуюся на Западе, и несколько крупных англо-саксонских военных соединений**. «Бур» полностью принял предлагавшуюся Ровецким тактику восстания там, где оно «не может не удалиться» (в этнической Польше). Но уже в октябре 1943 г. заговорил об особом военно-политическом значении восстания в Варшаве¹⁶⁴.

Вопрос о реагировании АК на возможное вступление советских войск в Польшу обсуждался 25 октября 1943 г. на совещании у президента В. Рачкевича с участием премьер-министра С. Миколайчика, главнокомандующего генерала К. Соснковского, ми-

* До сих пор в Лондоне засекречены материалы проведенных расследований гибели генерала. Причины и «авторы» трагедии не выяснены. Есть версии, что Сикорский был убит до катастрофы, а падение самолета явилось лишь маскировкой. Высказываются предположения о «руке Москвы», но ни в английских, ни в российских архивах не обнаружено свидетельств на этот счет. Есть мнение об английском и немецком интересе в устранении Сикорского, равным образом и некоторых польских кругов. Хотя в СССР сдержанно относились к генералу и одобряли далеко не все его действия, вряд ли там были заинтересованы в его физическом устранении.

** Возможно, узнав об этих планах, советская сторона во время Варшавского восстания возражала против приземления самолетов союзников за линией советско-германского фронта, опасаясь, что вместо продовольствия будут переброшены министры польского правительства.

министра национальной обороны М. Кукеля, министра иностранных дел Э. Рачиньского. Наиболее категорично был настроен Соснковский, который считал возможным «допустить» вступление Красной Армии в Польшу только при условии признания Советским Союзом польско-советской границы 1921 г. и роспуска всех просоветских польских организаций в СССР. Прагматичный премьер заявил, что не представляет себе одновременной борьбы Польши и против Германии, и против СССР. Миколайчик справедливо заметил, что условия Соснковского нереальны и необходимо возобновить отношения с Москвой. Главную выгоду он видел в том, что «Советы», признав польское правительство, уже не будут пытаться создавать другое правительство Польши. Дипломат Рачиньский занял срединную позицию. Он был за борьбу только с немцами и против бесполезных жертв в ходе военных демонстраций силы. Министр считал, что захват власти, хотя бы на «краешке» освобожденной территории, будет демонстрацией суверенитета Польши, выступал за безусловное восстановление отношений с СССР, настаивал, что это в интересах не только АК, но и польского государства и обеспечит ему после войны протяженное балтийское побережье и новые границы на Западе.

Соснковский оставался непримиримым. Он требовал захвата Варшавы и установления там польской власти, допускал как возможность и, более того, необходимость, вооруженные партизанские действия в тылу Красной Армии в качестве самообороны против советских репрессий. В итоге первые лица правительства в Лондоне согласовали инструкцию, содержащую три варианта организации восстания, но в любом случае — с использованием помощи союзников и их представителей в Польше. Первый вариант — при возможном польско-советском соглашении; второй — в отсутствии такого соглашения; тогда планировалась апелляция к Западу, а в случае репрессий «Советов» следовал ответ «самообороной». Не исключался и третий, неблагоприятный, вариант — на случай возможного советско-германского соглашения. Инструкция правительства не удовлетворила «Бура». 26 ноября 1943 г. в послании Соснковскому он заявил свое несогласие. Командующий АК считал невозможным в условиях советской оккупации сохранить в подполье разветвленную военную организацию, полагал необходимым небольшой части аковцев выйти из подполья, остальным объявить формальный роспуск, фактически же приступить к созданию новой тайной организации. В итоге правительство согласилось с предложением Бур-Коморовского¹⁶⁵.

Таким образом, предусмотренные руководством страны тактические установки на случай вступления Красной Армии в Польшу не свидетельствовали о масштабном мышлении и преобладании реализма в расчетах польских политиков высшего ранга. Это отразилось на месте Польши в системе международных отношений. После гибели Сикорского польское правительство из действующего субъекта международного сообщества все больше превращалось в объект, судьбу которого решали главы союзных держав. Это отчетливо проявилось на встрече министров иностранных дел осенью 1943 г. в Москве и на конференции глав великих держав 28 ноября — 1 декабря 1943 г. в Тегеране, где обозначились долгосрочные интересы и позиции сторон, в том числе по польскому вопросу.

Советская позиция в главном вопросе (послевоенная безопасность страны), по сути дела, оставалась неизменной в течение всей войны. Ее точно определил А. Иден, вспоминая свои переговоры в Москве в декабре 1941 г.: «Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменилась в последующие три года и

заклучалась в том, чтобы обеспечить максимально границы будущей безопасности России». Решением этой задачи руководствовался Сталин уже на первой встрече с У. Черчиллем и Ф.Д. Рузвельтом. Задача лидеров западных держав, в первую очередь Великобритании, заключалась в том, чтобы выправить ситуацию своей верной союзницы — Польши, добившись от Сталина согласия на восстановление отношений с ее правительством в Лондоне. За это согласие Лондон готов был платить большую цену. Так, А. Иден рекомендовал британскому кабинету признать советско-польскую границу 1941 г., компенсировать за счет Германии территориальные потери Польши на востоке, ограничить поставки оружия «польскому подпольному сопротивлению», как того требовала Москва, ибо, по словам Молотова, «в ненадежных руках оно едва ли принесет пользу». Черчилль все это принимал и продемонстрировал в Тегеране английскую позицию: передвинуть советские, польские и германские границы на Запад. Сталин, соглашаясь, подчеркнул, что «украинские земли должны отойти Украине, а белорусские — к Белоруссии». Москва приняла и другое предложение Черчилля: «...очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер». Не вызвал разногласий и вопрос о переселении немцев с предполагаемых для передачи Польше немецких территорий в пределы послевоенной Германии*.

По проблеме отношений с польским правительством Сталин заявил, что СССР не менее, а более других держав заинтересован в хороших отношениях с Польшей, которая является соседом России: «Мы за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне». Поэтому он занял осторожную позицию: Москва готова начать переговоры о восстановлении отношений, но только в случае изменения состава кабинета и гарантии, «что агенты польского правительства не будут убивать партизан», эмигрантское правительство «будет действительно призывать к борьбе против немцев, а не заниматься устройством каких-либо махинаций». Сталин намекал на приказ об уничтожении «бандитских отрядов», к которым командование АК относил и партизан ППР. Подтверждающий документ, доставленный из Польши, был предъявлен союзникам¹⁶⁶.

Черчилль и Рузвельт шли навстречу условиям Сталина и фактически не пытались получить от него согласие на восстановление восточной довоенной границы Польши. Союзники уже видели в Красной Армии ту силу, которая способна самостоятель-

* В этой последней части своей программы Черчилль действовал в соответствии с намерениями польского кабинета. За четыре года до встречи в Тегеране, 17 октября 1939 г., полпред СССР в Лондоне И.М. Майский записал в дневнике следующие слова замминистра иностранных дел Великобритании Р.О. Батлера: «...брит[анское] пра[вительство] не мыслит себе будущей восстановленной Польши в ее старых границах. Все, о чем бритпра мечтает, — это этнографическая Польша (вроде «герцогства Варшавского» времен Наполеона) под гарантией СССР, Германии, Англии и Франции. Никто в Англии не помышляет о возврате Польше Западных Украины и Белоруссии. Залеский, недавно бывший в Лондоне, тоже не претендовал на территории, занятые СССР, но зато — о, неисправимые шляхтичи! — требовал Вост[очную] Пруссию, обосновывая это стратегическими соображениями. Залеский, впрочем, предусматривал выселение немцев из этой части Германии и колонизацию ее поляками» (Научное наследие. Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. Кн. 2. Ч. 1. М., 2009. С. 40).

но разгромить Германию и прийти в Европу через Польшу. Заметим, что Черчилль, дав премьер-министру С. Миколайчику обещание не обсуждать в Тегеране польские «дела» в отсутствии представителя страны, его не сдержал и две недели скрывал от главы польского кабинета содержание договоренностей со Сталиным.

К осени 1943 г. ППР все настойчивее подчеркивала несоответствие позиции эмигрантского правительства и Делегатуры настроениям многих поляков. Проанализировав обстановку в стране и мире, партия пришла к выводу: необходимо изменить политическую линию, отказавшись от дальнейших попыток прийти к соглашению с «лондонским» лагерем, искать решения не на основе политических договоренностей, а в открытом противостоянии руководству «лондонцев». В Декларации ППР «За что мы боремся» (ноябрь 1943 г.) была заявлена концепция создания Национального демократического фронта, или широкого политического союза подавляющей части рабочих, крестьян, интеллигенции. Польские коммунисты не ставили социалистических задач, хотя не скрывали, что они являются конечной целью партии. В конкретно-исторических условиях, определяемых силой Красной Армии, влиянием и авторитетом СССР, ППР предлагала, соединив национальные и партийные задачи, а именно, участие ППР во власти, развернуть партизанскую борьбу за освобождение страны от гитлеровской оккупации. Партия призывала расширять борьбу до масштабов общенародного восстания, создавать вертикаль органов Национального демократического фронта, распространяя их деятельность на всю страну. ППР полагала, что с приходом Красной Армией она станет политической властью, возглавит Временное правительство Фронта, которое немедленно приступит к проведению общедемократических преобразований — аграрной реформы, национализации крупной промышленности и банков, установит демократические принципы общественной и государственной жизни. Коммунисты вновь заявили, что они отказывают эмигрантскому правительству и его Делегатуре в праве на власть.

Предвидя перспективу острой политической борьбы в стране, когда каждая группировка и партия заявит о своей приверженности демократии, ППР поставила ряд вопросов, ответы на которые, по ее мнению, отделяли сторонников демократии от реакции: судьба эмигрантского правительства и Делегатуры; отношение к гражданской войне как способу решить вопрос о власти; отношение к национализации крупной промышленности и банков; к аграрной реформе и экспроприации помещичьей земли. К «тесту» на верность демократическим принципам коммунисты отнесли и вопрос о восточной границе. Они подтверждали ранее ими признанное право украинского и белорусского народов на самоопределение и выдвигали требование возвращения Польше земель на Западе и Балтике. Партия, в соответствии с классовыми основами ее идеологии, рассматривала СССР как союзника польского народа, противопоставляла Национальный демократический фронт «лондонскому» лагерю и его эмигрантскому правительству. При заметном сохранении риторики и лексики времен Коминтерна, программа ППР была принципиально новой по выдвинутым задачам: объединить поляков в совместной с СССР борьбе за освобождение от гитлеровцев, за создание государства в новых, геополитически безопасных границах, за установление общественного устройства в соответствии с коренными социальными интересами большинства общества¹⁶⁷.

Акцент, сделанный в Декларации ЦК ППР на вопрос об органах власти, был своеобразным ответом коммунистов на полученную информацию: Делегатура и партии ПСК

намереваются учредить нечто вроде подпольного парламента — Совет национального единства (Раду едности народовой, РЕН). Создание РЕН было предусмотрено в декрете президента «О временной организации власти на польских землях» от 1 сентября 1942 г. Но тогда речь шла о консультативном органе из 9–15 человек при делегате правительства, рекомендованных ПСК. Открытые заседания РЕН должны были начинаться после выхода Делегатуры из подполья и взятия ею власти в свои руки. С приближением Красной Армии к довоенным границам Польши и при отсутствии отношений между Москвой и польским правительством этот замысел становился маловероятным и чреватым конфликтом с СССР. Развитие ситуации в «лондонском» лагере подталкивало коммунистов к тому, чтобы ускорить организационный процесс, сформировать свой собственный подпольный парламент до создания РЕН, которое между тем затягивалось¹⁶⁸.

Не имея перспективы договориться с руководством правительственного подполья, коммунисты располагали некоторыми шансами объединить вокруг ППР небольшие группы и партии левой ориентации в людовском и социалистическом подполье и тем увеличить скромную меру своей поддержки в обществе. Они учитывали то обстоятельство, что, когда «борьба за власть вступила в острую форму», в этом подполье происходила политическая консолидация при укреплении позиций правых политиков¹⁶⁹.

Летом 1943 г. Политическому согласительному комитету был придан ранг Политического представительства четырех партий (Крайова репрезентация политyczna — КРП), как они считали, «представляющих главные направления польской политической мысли и огромное большинство политически организованного польского общества». В праздничный День «чуда над Вислой» (15 августа 1920 г.) КРП приняла согласованную ППС-ВРН, СЛ-РОХ, СН и СП Декларацию — программу строительства будущей Польши. Учредители КРП, они же авторы Декларации, обязывались взаимодействовать до оглашения выборов в конституционный законодательный орган, «всеми организационными и пропагандистскими силами» поддерживать АК и «солидарно взаимодействовать» с Делегатурой правительства. Четыре партии объявляли основой польской внешней политики партнерское сотрудничество с западными союзниками и «неустанную бдительность» в отношении «обозначившегося советского влияния на дипломатию союзников», декларировали неизбежность довоенной границы с СССР, выдвигали требование широкого доступа Польши к морю. Во внутренней политике авторы Декларации были осторожны. Они выступали за сохранение республиканского устройства, гражданских свобод, признавали труд человека самой большой общественной ценностью, провозглашали переход немецкой собственности под государственное управление и аграрную реформу¹⁷⁰.

Таким образом, авторы Декларации, стремясь сохранить партийно-правительственную коалицию столь разных политических сил в стремительно изменявшихся внешнеполитических условиях и военно-оперативной обстановке на Восточном фронте, представили образ послевоенной Польши в самой общей форме. Они использовали такие формулировки, под которыми могли подписаться все поляки, вместе и каждый в отдельности. Но по сути дела документ был шагом назад по сравнению с заявлениями правительства 1941 г., не говоря уже о партийных программах ППС-ВРН или СЛ-РОХ. Он свидетельствовал, что решающее слово оказалось за правым крылом правительственного подполья.

Вместо консолидации его рядов Декларация вызвала усиление трений в «низах». Рядовые людовцы и социалисты были недовольны фактическим отказом руководства от принципиальных программных положений. Для людовцев была неприемлемой появившаяся в Декларации норма выкупа помещичьих земель. К осени 1943 г. на фоне общей радикализации социальных настроений в стране стало отмечаться некоторое снижение поддержки лидеров СЛ-РОХ и ППС-ВРН сторонниками этих партий. Расширилось влияние левых в социалистическом и людовском движении. Группа «Польские социалисты» реорганизовалась в Польскую рабочую социалистическую партию (РППС) и располагала диверсионными группами, действовавшими в промышленности и на транспорте. Некоторые из них летом 1943 г. превратились в вооруженные партизанские отряды Народной милиции. Осенью 1943 г. РППС уже формировала собственное представительство — Главный людовый комитет демократических партий (ГЛК). В его состав вошли небольшие демократические организации, в том числе ПЛАН (Польская людовая независимая акция) и Польске стронництво людове. Они создали общие вооруженные силы — Польскую армию людовую (ПАЛ, командующий Х. Боруцкий — «Чарны»), которая насчитывала около 10 тыс. бойцов и действовала главным образом в Варшаве, Лодзинском и Келецком воеводствах.

ППР, приняв решение о создании политического представительства левых сил, обратилась к ЦК РППС с предложением участвовать в его образовании, но получила отказ. В руководстве этой партии те социалисты, которые склонялись к сотрудничеству с коммунистами, составляли меньшинство. За отказом от предложения коммунистов последовало образование в РППС оппозиционной группы, несогласной с решениями III съезда партии (сентябрь 1943 г.). Возглавил группу известный деятель левых социалистов Э. Осубка*. Не удалось переговоры ППР и с руководством людовцев. На соглашение с ППР пошла только оппозиция, которая в феврале 1944 г. оформилась как группа СЛ-Воля Люду (по названию газеты). Возглавили эту оппозицию В. Ковальский и А. Кожицкий, людовцы с многолетним стажем, еще в 20–30-е годы связанные с коммунистическим движением.

Таким образом, ЦК ППР, намереваясь объединить левые силы под своим руководством, вряд ли мог в конце 1943 г. рассчитывать на скорый и внушительный успех. Тем не менее, первый шаг на пути к этому был сделан. От имени 14 небольших организаций и групп, представители которых поставили подписи под опубликованным Манифестом, 15 декабря 1943 г., было объявлено о создании Крайовой Рады Народовой (КРН). Среди тех, кто подписал Манифест КРН, только три организации (ППР, Гвардия Людова и молодежная организация ППР — Союз борьбы молодых — СБМ) представляли небольшие, но реальные силы. Согласно Манифесту, КРН создавалась как политическое

* Осубка Эдвард («Моравский») — из крестьянской семьи; с 1928 г. в социалистическом движении, тяготел к левым кругам в ППС; в сентябре 1941 г. вместе с другими, не принятыми в ППС-ВРН левыми социалистами, вступил в созданную ими организацию «Польские социалисты», позднее преобразованную в партию — РППС, где занимал руководящие посты. Вместе с ППР участвовал в учреждении подпольного парламента левых сил — КРН. В марте 1944 г. выезжал в Москву в составе делегации КРН, участвовал в переговорах со Сталиным; в июле 1944 г. стал председателем ПКНО (*Syzdek E., Syzdek B. Cena władzy zależnej (Szkiecy do portretów znanych i mniej znanych polityków Polski Ludowej)*. Warszawa, 2001. S. 203–211 и др.).

представительство польского народа, подпольный парламент, уполномоченный выступать от его имени, наделялась правом выражать «требования и интересы широких масс народа, государственные интересы Польши» и в соответствующий момент учредить Временное правительство на широкой представительной основе и функционировать до избрания Законодательного собрания. Для продолжения вооруженной борьбы против гитлеровцев КРН обязалась создать Армию Людову.

В Манифесте были сформулированы основные государственные задачи, которые намеревалась решать КРН. В области внешней политики: борьба за независимую и суверенную Польшу; сотрудничество со всеми союзниками; восстановление отношений с СССР; включение всех, некогда польских, земель на западе в состав государства; установление границы на востоке согласно воли населения и на основе дружественных договоренностей с СССР. В социальной сфере: политические и экономические преобразования «в духе широкой демократии», а именно отчуждение помещичьих земель без выкупа; передача их крестьянам и сельскохозяйственным рабочим; национализация крупной промышленности, банков и транспорта при сохранении средней и мелкой собственности. В области культуры народа: широкая программа «свободной, культурной, счастливой жизни трудящихся масс», которые станут властью в освобожденной Польше¹⁷¹.

Организационное заседание создателей КРН состоялось в ночь на 1 января 1944 г. в Варшаве на улице Твардей, 22. В первый состав КРН вошли 19 человек во главе с избранным председателем КРН, членом ЦК ППР Б. Берутом* и его заместителями от оппозиции в РППС Э. Осубка-Моравским и коммунистом с довоенных времен, деятелем крестьянского движения В. Ковальским, представлявшим левых людовцев. КРН приняла первые декреты. Важнейшими были документы о создании на базе ГЛ Армии Людовой (АЛ) под командованием генерала М. Жимерского («Роля»)** и начальника

* Берут Болеслав («Иванюк», «Томаш» и др.) — типографский наборщик, в 1912–1918 гг. состоял в ППС-левице; в КПП вступал дважды — в 1918 и 1921 гг.; в 1925–1926 гг. учился на партийных курсах в СССР; с 1927 по 1930 г. — слушатель Международной ленинской школы в Москве; с 1927 г. член ВКП(б) в порядке перевода из КПП; в 1930–1932 гг. — инструктор в Балканском Лендерсекретариате Исполкома Коминтерна; как сотрудник аппарата ИККИ работал в компартиях Австрии, Чехословакии и Болгарии и секретарем ЦК МОПР (Международная организация помощи борцам революции); сведения о том, что был функционером НКВД, пока не подтверждаются; неоднократно сидел в тюрьмах «санации»; в декабре 1938 г. освобожден из тюрьмы в Равиче; осенью 1939 г., как и большинство коммунистов, перешел на территорию СССР, проживал в Ковеле, под Киевом и в Белостоке; после нападения Германии перебрался в Минск, где работал в продовольственном отделе немецкого Управления; в 1943 г. по инициативе второй жены Берута М. Форнальской, с ведома ЦК ППР отряд ГЛ Я. Красицкого вывез Берута в Варшаву, где в ноябре 1943 г. он вошел в руководящую «тройку» партии (Гомулка, Берут, Юзвяк) (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 431. Л. 46–48; *Syzdek E., Syzdek B. Cena władzy zależnej (Szkice do portretów znanych i mniej znanych polityków Polski Ludowej)*. Warszawa, 2001. S. 35–41).

** Жимерский Михал (М. Лыжвинский, «Роля») — в молодости офицер австрийской армии, сподвижник Ю. Писудского, легионер, после 1918 г. служил в польской армии; обвинен в финансовых растратах, судим, разжалован; в годы оккупации находился в Польше, сотрудничал с ГЛ; противники ППР обвиняли Жимерского в шпионаже в пользу СССР и Германии и контактах с гестапо; в 1944 г. командовал Армией Людовой.

штаба Ф. Юзвьяка, а также об организации подпольных органов власти — воеводских, повятовых, городских и гминных рад народных. Было сформировано восемь воеводских и десятки рад народных на местах, создавались фабричные комитеты в промышленности, фольварочные в деревнях. Правовой основой своей деятельности КРН объявила Конституцию 1921 г. КРН отказала правительству в Лондоне в праве выступать от имени польского народа, уведомила союзные Польше государства о своем обращении, предложив установить официальные отношения. Наконец, Рада заявила о готовности присоединиться к союзному договору между СССР и Чехословакией от 12 декабря 1943 г. (такая возможность для Польши предусматривалось этим договором¹⁷²). Наконец, Рада обратилась к СССР, США и Великобритании с просьбой о помощи Армии Людовой оружием.

Таким образом, объявление польскими коммунистами об учреждении КРН и ее органов на местах свидетельствовало, что на лево-радикальном фланге политического подполья был сделан первый шаг к оформлению системы власти, альтернативной структурам правительственного «подпольного государства». Партия, которая инициировала этот процесс, располагая вооруженными силами в лице АЛ для ведения партизанской войны с оккупантами, сделала заявку на перемещение в центр будущей политической борьбы за облик послевоенной Польши. В момент, когда в правительстве и подчиненном ему подполье одерживали верх сторонники непримиримого курса в отношении Москвы и в еще большей степени — в отношении ППР, это означало, что вместо объединения национальных сил на антигитлеровской основе произошло резкое политическое размежевание. Столкновение двух претендентов на власть, далеко неравноценных по общественной поддержке в стране, расходившихся в понимании национально-государственных интересов Польши и путей их достижения (вместе в Советском Союзе или в противостоянии ему), становилось неизбежным. Исход борьбы в немалой мере зависел от развития ситуации на советско-германском фронте, от политики западных держав в отношении союзного им польского правительства, а также его подполья в стране и от политической поддержки ППР советским руководством.

затем Войском Польским; после войны маршал Польши, награжден советским орденом «Победа».

III.1. Польская эмиграция в СССР: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Весной 1943 г. вновь встал вопрос о формировании на территории СССР польской воинской части. В основу нового плана действий лег старый вариант — тот, который предлагал Берия Сталину осенью 1940 г., прорабатывался в начале 1941 г. (была подобрана группа из 24 офицеров и среди них подполковник С. Берлинг) и утвержден ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР 4 июня 1941 г.* Предложения о создании польских вооруженных сил поступали и «снизу», от тех польских офицеров, которые отказались покинуть СССР в составе армии Андерса и желали совместно с РККА вступить в борьбу против гитлеровской Германии. С такой идеей, в частности, выступил летом 1942 г. некто «Станислав Лиманович» в журнале «Нове виднокренги» («Новые горизонты»), издание которого возобновилось в Куйбышеве в мае 1942 г. Автором статьи был С. Берлинг. Он не подписывался своим именем, поскольку командовал эвакуацией армии Андерса через базу в Красноводске и прослыл в ее рядах просоветски настроенным офицером, хотя таковым вовсе не был¹⁷³.

Отказ польской стороны направить сформированные дивизии армии Андерса в бой вместе с Красной Армией повлиял на настроения политически активной части поляков в СССР: активизировались люди левой и в разной мере просоветской ориентации. Выразителем этих настроений стал журнал «Нове виднокренги». Вокруг журнала, а также польских редакций Всесоюзного и Украинского радио группировались польские коммунисты. Осенью 1942 г. они пришли к убеждению о необходимости создать в СССР патриотическую общественную организацию, которая выражала бы интересы значительной части польского населения на неоккупированной гитлеровцами территории СССР**.

Материальное положение этих людей было незавидным, что следует из обращения одного из редакторов названного журнала А. Лямпе*** к заместителю В.М. Молотова

* 22 июня 1941 г. группа офицеров бывшей польской армии, находившихся в лагерях на территории Коми и «спецдачах» под Москвой, в том числе С. Берлинг, Л. Букоемский, Р. Имах и другие, всего 13 человек, обратилась в НКГБ СССР с просьбой дать им оружие для борьбы против гитлеровской Германии. Они выражали готовность «пожертвовать жизнью за правое дело». Такую возможность им предоставили. Одни вступили в армию Андерса (в частности, Берлинг), другие отправились на разведработу в Польшу (группа М. Арчишевского) (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939–1943. М., 1973. С. 197–202, 206–208).

** По советским данным, на январь 1943 г. здесь проживали 215 081 человек бывших польских граждан, из которых 92 224 были поляками, 102 153 евреями, 14 202 украинцами и 6502 белорусами (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 17).

*** Лямпе Альфред — один из лидеров польского комсомола и КПП, основной автор Идейной декларации Союза польских патриотов. В 1929–1933 гг. член Политбюро ЦК КПП.

С.А. Лозовскому 22 декабря 1942 г. Лямпе писал о дискриминации поляков, которых не призывали в Красную Армию и ограничивали прием на работу на военные заводы. Как считал Лямпе, это воспринимается «нашими противниками» как ограничение в гражданских правах и трактуется «как проявление негативного отношения к полякам вообще, а не только к антисоветски настроенным полякам». Результатом этой инициативы стали два документа: письмо Лозовского Сталину и письмо главного редактора журнала «Нове виднокренги» В. Василевской* и Лямпе Молотову. Оба датированы 4 января 1943 г. и объединены общей идеей: начать организационно-политическую работу по сплочению «всех, действительно, польских левых элементов, всех тех, кто готов вместе с СССР бороться за свободную, независимую и демократическую Польшу», и учредить комитет из левых социалистов, демократов, коммунистов и беспартийных. Назывался ряд имен, в том числе поляков — офицеров Красной Армии. Кроме того, Василевская и Лямпе предлагали создать при ЦК ВКП(б) специальный отдел для руководства всей «польской работой»¹⁷⁴.

Предложения были поддержаны в той части, где речь шла о создании общественно-политической организации под руководством коммунистов, которая и оформилась как Союз польских патриотов (СПП) во главе с В. Василевской. 9 мая 1943 г. в печати появилось сообщение о том, что ГКО СССР поддержал создание в СССР Союза польских патриотов. Была удовлетворена и просьба В. Василевской (апрель 1943 г.) к Сталину о формировании польской пехотной дивизии им. Т. Костюшко в составе Красной Армии, при оперативном ее подчинении советскому командованию. Уполномоченным правительства СССР по иностранным формированиям в СССР, в том числе польским, оставался комиссар госбезопасности III ранга Г.С. Жуков¹⁷⁵.

СПП создавался при финансовой, политической и организационной помощи советских властей «с целью объединения на время войны всех поляков, живущих на советской территории без различия политических, социальных и религиозных убеждений в один патриотический лагерь борьбы с гитлеризмом». СПП ставил перед собой две задачи: содействие удовлетворению различных нужд поляков** и формирование польской воинской части (дивизии) в СССР. Работа среди польского населения — в основном материальная помощь, организация системы польских школ, издание польской прессы, деятельность культурных центров — поддерживалась советским руководством, благодаря чему СПП превратился в многочисленную общественную организацию. В кульминационный период своей деятельности он насчитывал 2944 местные организации и 100 тыс. членов, или 60–70 % взрослых польских

идеолог компартии. Многолетний узник «санации». После сентября 1939 г. в Белостоке, Минске, Москве.

* Василевская Ванда — польская писательница, дочь Л. Василевского, одного из основателей ППС, министра иностранных дел в 1918–1919 гг.; в межвоенной Польше активный деятель ППС, автор социально заостренных литературных произведений; в СССР депутат Верховного Совета СССР и член ВКП(б) (см. подробнее: *Syzdek E. Działalność Wandy Wasilewskiej w latach drugiej wojny światowej*. Warszawa, 1981).

** Согласно докладу Берии Сталину от 15 января 1943 г., на территории СССР было открыто 192 детских дома на 12 814 человек, 168 детских садов на 6102 человек, 51 школа на 2420 мест, 32 дома инвалидов на 1673 мест и ряд других учреждений опеки (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 105. Л. 18).

граждан. В состав Главного правления входили известные польские деятели, придерживавшиеся разных мировоззренческих и политических взглядов*.

Вторая задача решалась путем мобилизации в дивизию поляков, прибывших в свое время как из Польши, так и западных областей СССР, а также переводом тех, кто находился в рядах Красной Армии (считается, что в 1940–1941 гг. из новых советских областей в РККА были мобилизованы около 100 тыс. поляков и евреев). При дефиците офицерских кадров Василевская просила об «откомандировании некоторых командиров Красной Армии, поляков и русских, для помощи польской части». Кроме того, она полагала, что возможен отбор в дивизию «некоторых военнопленных поляков». Эти просьбы СПП Москва удовлетворила.

7 мая 1943 г. был объявлен призыв в дивизию военнообязанных, а также набор добровольцев из бывших польских граждан непольской национальности и поляков — постоянных жителей и граждан СССР. Для облегчения набора советское правительство позднее сделало изъятия из Закона 1939 г. о гражданстве. По постановлению СНК СССР от 22 июня 1944 г. все военнослужащие польской армии, или служившие в ней ранее, или помогавшие ей в борьбе за освобождение Польши и члены их семей получали право на переход в польское гражданство¹⁷⁶.

В формировавшейся польской воинской части сохранялась национальная символика и традиции, звания и знаки отличия, награды, действовали католические священники — капелланы. Командовал дивизией С. Берлинг. Присягу дивизия принимала 15 июля, в день годовщины Грюнвальдской битвы — разгрома славянскими и литовскими полками тевтонских рыцарей в 1410 г. Погрузка солдат и офицеров польской дивизии в эшелоны проходила под Вязьмой на Варшавском шоссе у столба с путевым указателем «Варшава — 843 км». Дивизия выступила на фронт 1 сентября 1943 г. в день, когда началось сопротивление польского народа гитлеровскому агрессору. В августе 1943 г. на ее основе был создан Польский корпус; в марте 1944 г. в нем служили 40 тыс. солдат и офицеров, из них 84,2% поляков, 3,75 — украинцев, 2,72 — белорусов, 2,24 — русских, 4,15% — других национальностей. Социальный состав был в основном представлен рабочими (46%) и крестьянами (40), а также служащими (13,9) и прочими (0,1%)¹⁷⁷. Летом 1944 г. к границам Польши подошла уже стотысячная 1-ая Польская армия.

«Узким» местом при формировании польских воинских частей в СССР являлась нехватка офицерских кадров. Часть офицерского корпуса Войска Польского покинула страну и ушла на Запад в 1939 г., часть находилась в гитлеровских концлагерях, часть была уничтожена в 1940 г. под Смоленском, часть выехала с армией Андерса. На территории СССР к середине 1943 г. оставались около 400 офицеров и немного выпускников офицерских школ и курсов. Понятно, что решить кадровый вопрос можно было, получив согласие советской стороны на откомандирование офицеров-поляков или людей, знающих польский язык, из рядов Красной Армии. По данным польских историков, после обращений Василевской и Берлинга к руководству СССР в дивизию с мая 1943 г. по март 1944 г. были направлены 1465 советских офицеров, в том числе — 6 генералов, 17 полковников, 54 подполковника. На июль 1943 г. из 684 офицеров

* Среди них были В. Василевская, С. Берлинг, Ю. Бристигера, С. Ендриховский, Э. Пшчулковский, Е. Путрамент, ксендз Ф. Купш, С. Сажешевский, К. Виташевский, В. Сокоцкий, А. Витос и др.

1-й пехотной дивизии им. Т. Костюшко советские офицеры составляли 66%. Осенью 1943 г. во 2-й пехотной дивизии имени Я.Г. Домбровского из 745 офицеров советскими гражданами были 568 человек, или 76,2%. Через год их доля в Польской армии составляла 64,4%. На 1 мая 1945 г. в Войске Польском служили 45% офицеров, откомандированных из Красной Армии. Причем в 1943–1944 гг. в польские части, главным образом в артиллерию, пехоту и авиацию направлялись прежде всего младшие офицеры (78%). Доля старших офицеров составляла 22%, генералов — 1%. Последние занимали ключевые командные должности в штабах и строевых частях, а также в системе подготовки офицерских кадров для рождавшейся новой армии Польши. Такая ситуация сохранялась в течение ряда лет. Отметим, что среди откомандированных в польские воинские части советских офицеров от 53,4 до 65% были этническими поляками. Среди генералов, прибывших в 1943–1945 гг., поляками были лишь 9 из 34 человек, или около 25%*: К. Сверчевский, С. Поплавский, В. Корчиц, В. Бевзюк, С. Галицкий, Б. Кеневич, А. Сивицкий, Ю. Бордзиловский, Б. Зарако-Зараковский.

Руководство СПП и советские спецслужбы внимательно наблюдали за настроениями в польских частях, состав которых (бывшие польские граждане, депортированные вглубь СССР, беженцы, военнопленные из состава вермахта, партизаны из отрядов, действовавших в западных областях СССР, группы участников Гражданской войны в Испании) был сложным. Политические взгляды людей, призванных в дивизию, отражали весь спектр общественных настроений польского общества. Среди кадровых польских офицеров небольшую долю составляли эндеки, пилсудчики, христианские демократы. Были и людовцы, члены ППС, коммунисты. Большинство солдат оставались беспартийными, но не лишеными политических предпочтений. Весьма распространенным явлением было доверие к западным демократиям, националистические, антисоветские и антисемитские взгляды, убежденность в справедливости границы 1921 г. Всю эту разнородную массу людей, объединенных стремлением к борьбе против гитлеровской Германии за национальную независимость Польши, «опекали» институт офицеров — политических воспитателей (3,5 тыс. человек) и армейская контрразведка (Управление и отделы информации).

По просьбе польских коммунистов для подготовки политсостава в начале 1944 г. на базе окружных курсов Московского военного округа были организованы постоянные курсы на 150 человек с трехмесячным сроком обучения каждого набора, комплектуемого из воинского состава Польского корпуса. Служба информации формировалась из офицеров советской контрразведки («СМЕРШ» НКО и НКВД), командованию польских воинских частей в период войны она не подчинялась¹⁷⁸. Ключевые позиции в системе как военного командования, так и политического надзора занимали польские и советские коммунисты**. Учили не только «политграмоте». Сотни поляков, подлежа-

* С мая 1943 г. по май 1945 г. через офицерский корпус польской армии, который насчитывал более 51 тыс. человек, прошли 18 258 советских офицеров и 1421 рядовой. Абсолютное большинство в 1945–1947 гг. возвратились в СССР (*Nalepa E.J. Oficerowie armii radzieckiej w Wojsku Polskim. 1943–1968. Warszawa, 1995. S. 1, 20–21*). Подробнее см. раздел IV.

** Так, по постановлению ГКО СССР от 3 апреля 1944 г. в Военный совет Польской армии вошли командующий — поляк, беспартийный С. Берлинг и два его заместителя — поляки, коммунисты К. Сверчевский и А. Завадский (Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. М., 1999. С. 50–51).

ших призыву или призванных в дивизию, были направлены на обучение в советские пехотные, артиллерийские, танковые, авиационные училища, отдельные офицеры — в академии.

Дивизия им. Т. Костюшко провела свой первый бой 12–13 октября 1943 г. под местечком Ленино Могилёвской области БССР. Вооружение и обеспечение дивизии, шедшей в бой, соответствовали поставленной перед ней боевой задаче. Поляки форсировали р. Мерею, прорвали линию глубокой обороны противника и взяли деревни Ползухи и Тригубово. Однако развить успех не удалось: свою часть боевых задач не выполнили соседние 42-я и 290-я советские дивизии. Сказалось и отсутствие боевого опыта у необстрелянной польской дивизии, крайне сложный рельеф местности: поляки шли в наступление в полный рост из низкого болотистого котлована на высокий противоположный берег реки. Польская дивизия и советские войска понесли большие потери, но и гитлеровцы потеряли убитыми в эти дни около 1500 человек и свыше 300 пленными¹⁷⁹. Битва под Ленино имела военное значение и огромный политический резонанс в мире. Она продемонстрировала советско-польское братство по оружию и открыла перед польскими солдатами Восточный фронт борьбы за освобождение страны от гитлеровцев. Героизм и самоотверженность почти 240 солдат и командиров дивизии были отмечены боевыми наградами, троим присвоено звание Героя Советского Союза.

Таким образом, после разрыва отношений Москвы с Польшей произошло принципиальное изменение роли польской эмиграции в СССР: возникли новый участник борьбы с гитлеровцами за освобождение Польши и новый претендент на власть, а также возможный партнер советской стороны по межгосударственным отношениям, причем партнер достаточно широкой социально-политической ориентации.

Возможности воздействия Союза польских патриотов и его военной силы на последующие события в Польше были немедленно оценены за пределами СССР. За развитием событий пристально наблюдали в Лондоне, Вашингтоне, Берлине и в правительственном подполье в Польше. Деятели СПП и командование польских частей стали расценивать на Западе как «потенциальных лидеров новой Польши», считали «политическими инструментами в руках советского правительства в случае вступления Красной Армии на польские земли». Особое внимание уделялось дивизии им. Т. Костюшко. Ее состояние и боевые действия отслеживали внимательнее, чем действия армии Андерса, комментировали даже присвоение офицерам дивизии очередных воинских званий. Отметим, что «лондонская» эмиграция и основные подпольные партии, например, социалисты из ППС-ВРН, признавали: в СССР формируется польская по национальному составу и облику воинская часть. В связи с появлением СПП и дивизии им. Т. Костюшко на Западе распространялось убеждение, что дело идет к учреждению польского правительства в эмиграции в СССР. Правда, Сталин в переписке с Черчиллем убеждал последнего, что это «выдумки». В мае 1943 г., как и позже, он настаивал на необходимости лишь «улучшения состава нынешнего польского правительства с точки зрения единого фронта союзников против Германии». Советский руководитель ссылался также на мнение Рузвельта и его окружения, которые «считают нынешнее польское правительство не имеющим благоприятных перспектив и сомневаются, чтобы оно имело шансы вернуться в Польшу и встать у власти»¹⁸⁰.

Летом–осенью 1943 г. среди польских офицеров дивизии шли дискуссии о будущем Польши, обсуждалась идея создания в СССР некоего Польского национального комитета (ПНК). Наиболее активным ее проводником был Берлинг. Он попытался убедить Василевскую поставить в Кремле два главных вопроса: о советско-польской границе (которая, как считал генерал, должна была в основном соответствовать довоенной) и о создании в Москве нового центра исполнительной польской власти. Берлинг стремился выяснить, какой Москва видит будущую Польшу — «демократической или советской». Василевская, зная позицию советского руководства, долго отказывалась, но в середине сентября переговорила с Молотовым лишь о создании ПНК и получила отрицательный ответ: «сейчас обстановка не подходящая». Берлинг беседовал и с куратором дивизии Г.С. Жуковым, который проинформировал Сталина и, видимо, получив некие указания, передал в Кремль 14 ноября 1943 г. письмо Василевской, где назывались кандидатуры в состав ПНК. Первым в списке значился Берлинг. Идея создания комитета была в середине ноября поддержана Сталиным, и на рубеже 1943–1944 г. состоялись несколько организационных заседаний, готовились учредительные и программные документы. 24 декабря на встрече руководства СПП со Сталиным среди прочих вопросов обсуждался проект организации ПНК. Советская сторона продемонстрировала заинтересованность в расширении его представительности. 26 декабря по вопросу о ПНК Димитров беседовал с Молотовым. 28 декабря заместитель Димитрова по Отделу международной информации ЦК ВКП(б) Д.З. Мануильский обсуждал состав ПНК с одним из влиятельных польских коммунистов-эмигрантов Я. Берманом. В тот же день Димитров обратился в Отдел внешней разведки НКГБ СССР с просьбой «в спешном порядке и через свои каналы в Варшаве» выяснить, кто из левых и социалистов мог бы сотрудничать с СПП и «прибыть в Москву на переговоры по этому вопросу». Упоминались и некоторые коммунисты-подпольщики. Ответ «от ППР» был получен лишь 12 февраля 1944 г. Тем временем В. Василевская со своей стороны и по советским дипломатическим каналам в начале января 1944 г. проинформировала профессора О. Ланге, известного социалиста, экономиста, проживавшего в США, о намерениях создать в Москве альтернативный орган польской власти, пригласив его к участию. Завязалась переписка и затем его визит в Москву¹⁸¹.

Параллельно с подготовительными мероприятиями в Москве в этом же направлении действовали польские коммунисты в Варшаве, учреждая Крайову Раду Народову (о чем речь шла выше). Но связь ЦК ВКП(б) с руководством ППР с середины ноября 1943 и почти до середины февраля 1944 г. отсутствовала*. Москва не имела информации и возможности согласовать позиции в принципиально важный период времени: части Красной Армии 3 января 1944 г. перешли довоенную советско-польскую границу.

Это повлекло за собой всплеск дипломатической активности правительства Польши, которое сделало 3 и 14 января заявления протеста. В роли посредников выступали правительства Англии и США, пытавшиеся склонить «лондонских» поляков к признанию границы на 22 июня 1941 г., а советское руководство — к восстановлению дипломатических отношений с правительством Миколайчика. Последовал активный обмен посланиями.

* Документы подтверждают существование связи с ППР по линии советской внешней разведки в первой половине февраля 1944 г. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 437. Л. 8).

В таких условиях в Москве от самой идеи ПНК, как показывают документы, не отказались, но организацию комитета, который «должен был иметь характер временного польского правительства», сочли необходимым приостановить, чтобы не добавлять политического «пороха» в отношения с союзниками.

Неслучайно в условиях строгой секретности инициативная группа из семи польских коммунистов 10 января 1944 г. направила Молотову письмо с предложением создать Центральное Бюро коммунистов Польши (ЦБКП) в СССР. Мотивировали это «приближающимся разрешением вопроса будущего Польши и ее отношений с СССР», развертыванием польских вооруженных сил на территории СССР и, отметим, созданием Польского национального комитета, замысел которого исходил вовсе не от коммунистов. Настораживал и тот факт, что в ходе двухдневного боя под Ленино несколько солдат дивизии Костюшко перешли на сторону вермахта. Коммунисты высказывали опасения в связи с фактами идеологического разброда в польских частях и, в частности, отнесли к таковым постановку польскими офицерами вопроса о восточных границах Польши 1921 г. Возможно, что реакцией на настроения польских офицеров была инициатива одного из влиятельных советских руководителей. 1 марта 1944 г. на сессии Верховного Совета УССР член Политбюро ЦК ВКП(б) и первый секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрущев выступил с территориальными претензиями к Польше. Под бурные аплодисменты депутатов он заявил: «Украинский народ будет добиваться завершения великого исторического воссоединения своих украинских земель в едином советском украинском государстве. Украинский народ будет добиваться включения в состав украинского советского государства исконных украинских земель, какими являются Холмщина, Замостье, Томашов, Ярослав»¹⁸². Исторически украинские претензии имели под собой почву, ибо на поименованных территориях преобладало украинское население. Последовала реакция органа СПП «Вольна Польска». 1 апреля еженедельник выступил с протестом: «Твердо отстаивая линию Керзона, мы считаем необоснованными требования, выдвинутые украинскими кругами в отношении Хелмщины, Грубешовщины, Ярослава и Томашова Любельского*». На этом «прения» закончились.

Инициаторы учреждения ЦБКП посчитали, что в отсутствие коммунистической организации, руководившей Союзом патриотов и строительством армии, «может возникнуть даже опасность, что они будут использованы силами, враждебными Советскому Союзу. Эта опасность, несомненно, существует уже сейчас. Она возрастет стократно, когда Корпус окажется на территории Западной Белоруссии и Западной Украины и потом Польши, и будет подвержен влиянию действующих там политических сил». Сталин поддержал учреждение коммунистами-эмигрантами своего центра в СССР¹⁸³. Весной 1944 г. его отношение как к коммунистам-эмигрантам, так и к ПП оставалось благоприятным и одновременно гибким, поскольку продолжались поиски оптимального варианта решения вопроса о польском партнере Москвы после вступления Красной Армии на его территорию. Молотов, получив информацию о проекте ЦБКП, обязал Г. Димитрова решить вопрос состава Бюро. Но, сразу же столкнувшись с последствиями репрессий 30-х годов в отношении членов КПП, Димитров доложил: «Проверка наличных кадров польского происхождения показала, что их очень мало».

* По окончании войны состоялись обмен населением между СССР и Польшей, а также репатриации и переселения, в результате этот украинский анклав в Польше исчез.

■ назвал «самых подходящих» — А. Завадского и К. Сверчевского. Бюро, «хотя сравнительно слабое», было утверждено 25 января 1944 г. ЦК ВКП(б) (Сталиным), как и проект положения о ЦБКП. В его задачи входили: помощь ППР в политической работе и развертывании партизанского движения; всемерная помощь людьми, оружием и боеприпасами; содействие определению политической линии СПП, политической работе в армии, идейное руководство еженедельником «Вольна Польска» и радиостанцией «Костюшко». В руководство ЦБКП вошли: А. Завадский* (секретарь), В. Василевская, Я. Берман**, С. Радкевич***, участник Гражданской войны в Испании генерал К. Сверчевский, с июля 1944 г. — Г. Минц и М. Спыхальский. Возник центр идеолого-политического контроля над СПП и польскими воинскими частями, являвшийся отчасти некой альтернативой ЦК ППР¹⁸⁴.

ЦБКП объявило себя высшей инстанцией при решении всех польских вопросов в СССР, что снижало роль Василевской. Но, кроме того, руководство ЦБКП выступило с

- * Завадский Александр — шахтер, участник войны 1919–1920 гг.; с 1922 г. в молодежной организации КПП; в 1924 г. на курсах в Москве; в 1925–1932 в тюрьме в Польше. В 1932–1934 гг. учился под руководством К. Сверчевского в военно-партийной школе Коминтерна в Москве, секретарь военного отдела ЦК КПП; арестован полицией в 1938 г.; в сентябре 1939 г. бежал в СССР; участвовал в работе органов советской власти в Западной Белоруссии, в 1941 г. эвакуирован из Москвы в с. Аксай. В 1943 г. в дивизии им. Т. Костюшко; член президиума правления СПП; в 1944 г. полковник, заместитель начальника политического отдела 1-го Польского корпуса, затем генерал, заместитель командующего 1-й Польской Армии, участник переговоров КРН в Москве весной–летом 1944 г., в июле 1944 г. — заместитель Главнокомандующего Войска Польского, с августа 1944 г. — член Политбюро ЦК ППР (*Syzdek E., Syzdek B. Cena władzy zależnej (Szkice do portretów znanych i mniej znanych polityków Polski Ludowej)*. Warszawa, 2001. S. 289–296).
- ** Берман Якуб — из мещан, окончил Варшавский университет, юрист; участник войны 1920 г.; в 1923–1924 гг. сблизился с коммунистами, с 1928 г. член КПП; задерживался полицией, но к суду не привлекался. В 30-е годы партийный функционер среднего звена, занимался публицистикой и переводами, сотрудничал с легальными левыми изданиями; с осени 1939 г. находился в Белостоке вместе с группой польских коммунистов. Принял советское гражданство, в ВКП(б) не состоял; с весны 1941 г. работал в Минске в польскоязычном органе ЦК КП(б)Б «Штандар вольности»; с июня 1941 г. в Москве, затем в Уфе как сотрудник радиостанции «Костюшко»; преподавал в школе Коминтерна в Кушнаренкове, где руководил подготовкой второго состава Инициативной группы; весной 1943 г. работал в Коминтерне (НИИ-205); с лета 1943 г. в Москве, поддерживал деятельность СПП. Участвовал в организации ПНК и написании его программных документов; с июля по декабрь 1944 г. зам. руководителя Департамента иностранных дел ПКНО (*Sobór-Swiderska A. Jakub Berman. Biografia komunisty*. Warszawa, 2009. S. 22–102).
- *** Радкевич Станислав — из крестьян-батраков, член РКСМ в 1919–1922 гг.; в 1922–1924 гг. обучался в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, в 1924 г. вступил в ВКП(б); с 1924 (1925) г. член КПП, в аппарате ЦК КПП, направлен на работу в КПЗУ; ряд лет провел в заключении в Польше. В 1934–1935 гг. получил высшее партийное образование в Международной ленинской школе Коминтерна; затем на партийной работе в Польше; в 1941 г. как гражданин СССР мобилизован в РККА, с 1942 г. в военно-политической школе в Кушнаренково, в 1943 г. в Польской дивизии им. Т. Костюшко, затем в 1-й Польской Армии; член ПКНО, с августа — член ЦК ППР.

критикой программы ППР и КРН. Деятели Бюро, многие годы оторванные от страны, не понимали всех трудностей работы ППР в подполье, где практически господствовало влияние правых, антикоммунистических и антисоветских политических сил, подчинившихся правительству в эмиграции. Бюро с недоверием относилось к деятельности ППР, оценивало ее курс как сектантский в отношении Крайовой Рады Народовой, обвиняло руководство партии в выпячивании ведущей роли ППР. Были упреки в недооценке участия в Раде других партий и организаций, «могущих создать ложное впечатление, что ППР ведет курс на советизацию Польши, чего на самом деле нет и не должно быть». Такие обвинения вытекали из незнания в ЦБКП документов и политики ППР и, главное, из непонимания настроений в стране. 7 марта 1944 г. в письме Димитрову Гомулка объяснил главную причину отсутствия в Польше широкого антифашистского фронта с участием коммунистов, за создание которого тогда выступала Москва. Он правильно видел ее не в проявлениях левого сектантства в «низах» ППР, а в том, что польские коммунисты фактически признали включение восточных кресов Польши в состав СССР¹⁸⁵.

Претензия ЦБКП на лидерство в польских делах проявилась в деятельности Польского партизанского штаба. Москва, не желая создавать дополнительные трудности в непростых отношениях с правительством Сикорского, не спешила с организацией польских партизанских групп и отрядов в составе советского партизанского движения в качестве противовеса подразделениям АК, которые действовали на оспариваемых Польшей советских территориях. С весны 1943 г. препон дипломатического порядка уже не было, открылась возможность развивать партизанское движение на всей оккупированной территории СССР. Создание польских партизанских отрядов проходило по приказам Украинского и Белорусского штабов партизанского движения начиная с весны—лета 1943 г. 18 января 1944 г. А. Завадский от имени ЦБПК направил советскому правительству письмо, в котором просил разрешения на организацию такого штаба. Штаб, созданный весной 1944 г., возглавил сначала заместитель С. Берлинга по армии А. Завадский, затем С. Притыцкий, один из организаторов партизанского движения в Белоруссии. Польский партизанский штаб дислоцировался в г. Ровно. Инициаторы его создания рассматривали Штаб как руководящий центр вооруженных сил будущего ПНК. Штаб должен был обеспечить расширение партизанского движения в Польше. Советская сторона полностью обеспечивала материально-техническую сторону его деятельности. В распоряжение Штаба поступили польские по национальному составу партизанские отряды численностью в 1800 человек. Всего было создано две бригады, отдельный батальон, восемь отрядов, несколько польских партизанских рот в составе советских бригад и отрядов и ряд других подразделений общей численностью около 7 тыс. человек. Партизаны этих отрядов носили польскую военную форму и знаки различия, принятые в дивизии Т. Костюшко, как граждане Польской Республики присягали ей на верность, а также на укрепление боевого содружества с Красной Армией и советскими партизанами¹⁸⁶.

В подчинение Штаба перешел и специальный батальон, созданный при 1-й Польской Армии, который вскоре стал базовым подразделением органов госбезопасности послевоенной Польши. Советские спецслужбы обеспечивали переброску отрядов через линию фронта, вылеты самолетов к польским партизанам по просьбам Штаба¹⁸⁷.

Однако взаимодействие отрядов, переброшенных Штабом за линию фронта, и отрядов Армии Людовой налаживалось с немалыми трудностями. Только некоторые новые отряды вливались в состав Армии Людовой, контролируемой ППР. Возникли проблемы при обеспечении АЛ оружием из резервов Штаба.

Создание советской стороной польских партизанских отрядов на спорных территориях диктовалось политическими и военными соображениями. В декабре 1941 г. на переговорах с Сикорским была установлена «демаркационная линия» между польским и советским партизанским движением по границе 1921 г. Тогда советских партизан на территории Западной Украины и Западной Белоруссии было немного. Командование АК стремилось утвердить здесь свое военно-политическое присутствие, демонстрируя принадлежность этих земель Польше. В кресах было в 2,5 раза больше партизан АК, чем в Центральной Польше, где насчитывалось до 1 тыс. бойцов. В 1943 г. согласованная с Сикорским «демаркация» уже не устраивала советскую сторону, и советские партизанские соединения после разрыва отношений с польским правительством были выдвинуты в западные районы Украины и Белоруссии. Они осуществляли рейды перед наступающими войсками Красной Армии. Вместе с партизанами продвигались в немецкие тылы подпольные обкомы ВКП(б) и облизполкомы. Выстраивалось советское «подпольное государство» со всеми его атрибутами, включая органы госбезопасности и военные (партизанские) силы. Партизанам предстояло устанавливать контакты и боевое взаимодействие с местными украинскими и белорусскими партизанами и населением.

Отряды АК в Западной Белоруссии по политическому облику были в основном правого толка. Они боролись против «двух врагов», причем количество акций против советских партизан, коммунистов и просто антипольски настроенных белорусов превышало выступления против гитлеровцев. В регионе сильны были националистические и антисемитские настроения. Местные отряды АК и НСЗ бывало заключали с гитлеровцами «пакты о ненападении», налаживали параллельные действия против советских партизан. В ряде случаев оккупанты снабжали эти польские отряды оружием и медикаментами. Подобные факты подтверждаются документально и признаются в современной польской историографии¹⁸⁸. Выступления АК против советских партизан в Белостокском и Новогрудском округах и приказ командования АК о борьбе с «бандитами», в число которых включали и польские отряды ГЛ, явились предметом обсуждения на Тегеранской конференции глав великих держав*. В результате англличане «разбирались» с Миколайчиком. Миколайчик с Соснковским, командование АК с главным виновником инцидентов**.

- * Сталин предъявил тогда Черчиллю и Рузвельту экземпляры распространявшихся листовок и спросил: «Где у нас гарантии в том, что польское эмигрантское правительство не будет и дальше заниматься этим гнусным делом? Мы хотели бы иметь гарантию в том, что агенты польского правительства не будут убивать партизан» (Бережков В. Тегеран 1943. На конференции большой тройки и в кулуарах. М., 1987. С. 103. Автор — переводчик советской делегации).
- ** Имеется в виду Я. Шульц («Шляский»; этот, один из псевдонимов Шульца, стал его фамилией) — командир Новогрудского, затем Радомско-Келецкого округов АК; с его ведома отряды АК дважды (летом 1943 и в январе 1944 г.) заключали с немцами «пакты о ненападении»; вместо наказания и запрета подобной практики он получил повышение.

Перед фронтом наступавшей Красной Армии наиболее сложной была национально-политическая и конфессиональная ситуация на Западной Украине, особенно на Волыни, где с 1940 г. происходила настоящая этническая чистка территории*. В соответствии с советско-германскими договоренностями 1939 г., в 1940 г. были репатриированы в Германию немцы — коренные жители Волыни. Затем последовали советские депортации поляков и украинцев. В регионе, который в межвоенной Польше был базовой территорией для конспиративной деятельности борющихся за «соборную Украину» сепаратистов, советские власти проводили депортации особенно рьяно. В условиях гитлеровской оккупации Организация украинских националистов (ОУН) сначала вышла из подполья, но, когда ее претензии на власть Берлин не признал, а 80% лидеров были заключены в концлагеря или уничтожены, она начала террористическую деятельность фактически «против всех»¹⁸⁹.

Сторонники С. Бандеры, руководителя одной из группировок ОУН, в конце 1942 г. учредили Украинскую повстанческую армию (УПА) для вооруженной борьбы против польских и советских партизан с целью создания самостоятельного государства, враждебного и к СССР, и к Польше. Отряды УПА насчитывали примерно 40 тыс. и резерв до 150 тыс. человек. На Волыни действовали 15–20 тыс. националистов разной ориентации: бандеровцы, мельниковцы, бульбовцы. Отряды под началом А. Мельника, другой группировки ОУН, тесно сотрудничали с гитлеровцами, которые их вооружали и поддерживали в боевых операциях. Весной 1943 г. по решению Берлина и под немецким командованием для исполнения, по сути дела, полицейских функций была создана добровольческая дивизия «СС-Галиция» численностью в 11,5 тыс. человек и резервом в 80 тыс. человек**. Под лозунгом «За Украину, вперед!» мельниковцы, главным образом из Галиции, стремились вытеснить все советские и польские отряды и установить свою власть до Бреста и Пинска. Бандеровцы и бульбовцы не столь явно сотрудничали с гитлеровцами. Оружие они должны были покупать или захватывать у немцев.

Из этнически пестрого населения региона в наихудшем положении оказались поляки. При активной поддержке и подстрекательстве гитлеровцев украинские нацио-

В июле 1944 г. избежал разоружения и ареста НКВД, отступал одновременно с вермахтом под Варшаву, интернирован в июле 1945 г., находился в лагере под Рязанью, после освобождения выехал в Англию (*Szlaski J. Nowogródzczyzna w walce. 1940–1945. Londyn. 1976; Сямашко Я.І. Армія Крайова на Белорусі. Мінск, 1994*).

* Весной 1943 г. глава Украинской греко-католической церкви митрополит А. Шептицкий писал в Ватикан: «Вся Волынь и частично Галиция заполнена бандами, которые имеют совершенно определенный политический характер. Есть банды, которые состоят из поляков, другие из украинцев, третьи — из коммунистов. Наряду с ними есть настоящие бандиты, среди которых люди разных национальностей — немцы, евреи, украинцы, поляки и русские» (цит. по: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008. С. 383*).

** Митрополит Шептицкий, осуждавший террор как политический метод, направил капелланов в дивизию, рассчитывая, что она станет ядром армии независимой Украины. Весной 1944 г. дивизия была выдвинута на Восточный фронт и разбита Красной Армией в первом же бою под Бродами, передислоцирована в Словакию на подавление Словацкого национального восстания, затем в Австрию и Хорватию для поддержки хорватских усташей.

националисты развязали против них кровавый террор. Жертвами оказывались не только отдельные лица и семьи, связанные с польским подпольем. В 1943–1944 гг. уничтожались, особенно на Волыни, целые польские деревни и городки. Польское население поголовно истреблялось. Количество поляков — жертв УПА на Волыни, в Полесье и Галиции составило более 80 тыс. человек. Под страхом смерти поляки бежали с Волыни, спасались в возникавших отрядах самообороны, у советских партизан, в отрядах АК. Но конкретный опыт постепенно приводил польское население к выводу, что советские партизаны — более надежные защитники поляков и евреев, а изоляция от советских партизан* облегчает деятельность украинских националистов.

Между тем положение советских и смешанных советско-польских партизанских отрядов на Волыни и в Полесье на рубеже 1943–1944 гг. было сложным. С одной стороны, они создавали здесь целые партизанские края, куда неохотно совались гитлеровцы, а с другой — находились, и это надо отметить, в основном во враждебном окружении: гитлеровцы, украинско-немецкая полиция, союзные гитлеровцам венгерские отряды, украинские националисты, отряды власовцев, антисоветски настроенная немалая часть местного населения. Контакты с польскими партизанами складывались по-разному. Действовавшие здесь отряды АК стремились отстаивать довоенную польскую территорию и, как правило, не были настроены взаимодействовать с «Советами». На этой территории дислоцировались и отряды ГЛ, пытавшиеся защищать польское население. С ними устанавливалась связь, а через них и с командованием Армии Людовой. Польские отряды местной самообороны нередко превращались в партизанские отряды. Так возник отряд имени Т. Костюшко под командованием Ч. Клим, вошедший в Пинскую партизанскую бригаду. Осенью 1943 г. в соединении генерала А. Федорова была сформирована польская партизанская бригада имени В. Василевской. Соединение Федорова установило контакт с ГЛ и передавало полякам оружие, боеприпасы, рации, направляло минеров. По указанию Москвы советский отряд под командованием Р. Сатановского стал базой формирования польского соединения «Еще Польша не згинела», насчитывавшего около 1 тыс. бойцов и переданного в распоряжение Польского партизанского штаба. Два отряда этого соединения ушли в Польшу.

На рубеже 1943–1944 гг. на базе отряда Ч. Клим была сформирована группа партизан под командованием Л. Касмана, которую в литературе порой называют группой связи ЦК ВКП(б) с ЦК ППР. Бывший функционер Коминтерна, действительно, прибыл из Москвы для выполнения спецзадания Димитрова. Касману поручили прояснить ситуацию в руководстве ППР в Варшаве, восстановить утраченную вместе с гибелью П. Финдера связь с ЦК ППР помимо каналов, которые имела советская разведка на оккупированных территориях, в том числе в Польше. В январе группа Касмана переправилась через Буг и двинулась в Парчевские леса, в расположение Люблинского

* В регионе действовало несколько советских отрядов. Они вели активную разведку по заданиям Генштаба Красной Армии. Разведчики доходили до Кёнигсберга и Берлина, совершали диверсии на железных дорогах, разрушали тылы вермахта, защищали польское население. Разведчик Н. Кузнецов («Пауль Зиберт») из отряда Д. Медведева добыл гитлеровский диверсионный план «Дальний прыжок» против участников конференции в Тегеране.

округа ГЛ (АЛ). Касман немедленно направил в Варшаву своих гонцов. Один из них, К. Вывас, выполнил задание и возвратился с программными документами КРН и письмом В. Гомулки к руководству СПП, датированным 12 января 1944 г. Другой связной остался в Варшаве. В письме ЦК ППР Гомулка излагал просьбу о помощи Армии Людовой подготовленными кадрами, вооружением, военным снаряжением. Наиболее острой была нехватка оружия. Группа Касмана установила связь с командованием ГЛ в округе, ибо ему поручили руководить распределением оружия, которое начало поступать из Москвы. Но на распоряжение поставками оружия претендовал и командир Люблинского округа АЛ М. Мочар, личные отношения которого с Касманом не складывались. Это отрицательно влияло на снабжение оружием отрядов ГЛ (АЛ). Возникшее непонимание разрешилось отзывом Касмана в Москву и переводом Мочара в Келецкий округ АЛ. Для получения поступавшего из СССР вооружения и распределения его среди польских партизан из Москвы прибыл другой партийный функционер, П.И. Луковский («Петров»). После реорганизации Польского партизанского штаба и перехода его в подчинение командованию Войска Польского отношения между отрядами ГЛ (АЛ) в партизанском крае наладились¹⁹⁰.

Весной 1944 г., опережая наступавшие части РККА, с востока начали переходить за Буг советские рейдовые партизанские соединения и отряды*. С апреля 1944 г. в западных областях Украины и юго-восточных районах Польши действовали 10 советских партизанских соединений и 53 отряда общей численностью 9 тыс. бойцов. Они вели активное разрушение тыловых коммуникаций вермахта и разведку в пользу Красной Армии. На польские земли вышли и некоторые польские и польско-украинские партизанские соединения, всего около тысячи человек, часть их влилась в состав Армии Людовой. В марте 1944 г. главное командование АЛ издало приказ об установлении связи и оказании всяческого содействия вступающим в Польшу соединениям Красной Армии и сражавшейся вместе с ней 1-й Польской армии. Усилились совместные действия партизанских отрядов АЛ и АК. Партизаны создавали освобожденные от оккупантов районы, например, на территории Люблинского воеводства.

III.2. Весна 1944 г.:

ТАКТИКА «ЛОНДОНСКОГО» ПРАВИТЕЛЬСТВА И ШАГИ МОСКВЫ

В связи с переходом 3–5 января 1944 г. Красной Армией советско-польской границы 1921 г. в Лондоне состоялось совещание премьер-министра, Главнокомандующего, министров обороны и иностранных дел с участием президента Польши В. Рачкевича. Стало известно, что английская сторона готова содействовать возобновлению контактов польского правительства с СССР. Рачкевич высказал свое негативное к этому отношение, призвав собравшихся не затруднять англичан посредничеством. В качестве контрмеры предлагали повысить ранг делегата до вице-премьера, расширить компетенции будущей Рады Едности Народовой и заявить протест на действия Красной Армии.

* В общей сложности в 1941–1945 гг. на территории Польше и действовало около 90 советских отрядов и групп. Считается, что численность их доходила до 20 тыс. бойцов.

Тем не менее, при согласовании с У. Черчиллем текста заявления правительства Польши, Миколойчику были предложены условия возможных переговоров с СССР на основе решений Тегеранской конференции. Как говорилось выше, в Тегеране, где «будущее Польши обсуждалось без Польши», были достигнуты договоренности глав великих держав по польским границам («линия Керзона» на востоке и приращения на западе за счет Германии). Черчилль настаивал, что поляки должны принять их с энтузиазмом, и предупреждал, что Англия и США не будут воевать за восточные границы Польши. Это сводило к нулю шансы польского правительства реализовать свою концепцию безопасности страны вопреки интересам и позиции СССР. Миколойчик упорствовал: «линию Керзона» он принять не может; допустима ревизия границы 1921 г. при условии признания польской принадлежности Львова и Вильно и установления до мирной конференции не границы, а демаркационной линии, к востоку от которой администрацию осуществляет советская сторона под контролем западных союзников. На неоспариваемых территориях устанавливается администрация польского правительства¹⁹¹.

До прямых советско-польских переговоров дело не дошло. Несколько месяцев продолжался обмен мнениями при посредничестве Черчилля и Рузвельта. Позиция Москвы оставалась неизменной: восстановление отношений возможно при выполнении польской стороной двух условий: реорганизация правительства на широкой основе и признание «линии Керзона» как основы переговоров о границе. Миколойчик стремился вопрос о границе отложить до конца войны и использовать переговоры с СССР с тем, чтобы сохранять присутствие польского правительства «в семье союзников» до благоприятного момента. Западные союзники, понимая, что перед правительством Польши стоит другая главная проблема — возвращение в страну, безуспешно пытались принудить Миколойчика, уступив требованиям СССР, восстановить с ним отношения и стать тем партнером, с которым Москва будет сотрудничать при нахождении Красной Армии на территории Польши.

С. Миколойчик осознавал силу СССР, который благодаря успехам Красной Армии фактически был «хозяином положения». Тем не менее он поддерживал в руководстве «подпольного государства» некую иллюзию, надежду на перемены в пользу Польши в «решающий момент». Это подтверждает его инструкция в Варшаву от 17 марта 1944 г.: «Во всей польско-советской полемике последних недель польскому правительству нужно было так политически разыграть спор [о границе], чтобы ответственность за невозможность его разрешить и даже за его обострение легла не на Польшу, а на Советы. Любой ценой мы должны были исключить изоляцию Польши. Стояли и стоим на том, чтобы по вопросу восточной границы ничего отрицательного не предопределять. Ни на минуту серьезно не думаю, что Советы согласятся на дискуссию по комплексу спорных проблем о характере и принципиальной позиции польского правительства... Мы сознательно воспользовались возвращением к дискуссиям, а не к переговорам. Одновременно категорически отвергали линию Керзона, выдвигали, исходя из развития военных действий, проблему временной военно-административной линии... Наша тактическая цель избежать изоляции Польши, обнажить злую волю Советов, их полную ответственность за конфликт и их далеко идущие империалистические планы, несомненно, достигнута, если иметь в виду преобладающую часть англо-саксонского общественного мнения. Оно убеждено, что речь идет не о той или иной части государственной территории, с которой Польша вступала в войну. Речь идет, скорее всего, о

независимом существовании Польши, а также о проникновении Советов через Польшу вглубь Европы». Инструкция заканчивалась словами: «Должен вас серьезно предупредить, что наши союзники не имеют намерения входить в вооруженную коллизию с Советами, а, наоборот, налицо решительная линия на сотрудничество с ними после войны и учет их потребностей». Эти слова, казалось бы, все расставляли по своим местам. Они свидетельствовали о понимании Миколайчиком бесперспективности действий вопреки позиции восточного соседа¹⁹². Но на практике правительство по сути не оглядывалось на расклад сил в коалиции и принципиальное изменение роли СССР.

Уже в январе 1944 г. из Польши от имени Рады Едности Народовой (РЕН), состав которой еще не был сформирован, в Лондон шли сообщения о том, что Рада проводит акции, направленные против «вражеской агентуры». Так, по инициативе делегата Я. Янковского был создан Общественный антикоммунистический комитет («Антык») для сбора сведений о деятельности ППР, выявлении ее членов и целенаправленной борьбы с коммунистами*. Первое воззвание «Антыка» против ППР и КРН подписали выступавшие единым фронтом 24 организации, начиная от «санации» и групп, близких к крайне правому крылу СН, командованию Армии Крайовой, до правых в ППС-ВРН и руководстве СЛ-РОХ.

Между тем организационно-политическая консолидация структур подполья вокруг РЕН протекала не без трудностей. В марте 1944 г. в Лондон от ее имени неоднократно доносили, что «радикализм масс и натиск Советов увеличивают притягательность левых групп вне РЕН», что «расширение состава РЕН не продвинулось вперед». Первое организационное заседание Рады состоялось 12 марта 1944 г. К партиям ее предшественника — Политического Согласительного комитета (ПСК) прибавились представители католического духовенства и ряд небольших организаций. Пост председателя сохранил социалист К. Пужак. 15 марта 1944 г. РЕН приняла программную декларацию «За что борется польский народ», в которой представила свои позиции по основным вопросам будущего внутреннего устройства и внешней политики страны.

Польша объявлялась «парламентарной демократией» с широким территориальным самоуправлением, равенством всех социальных слоев и граждан всех национальностей перед законом. Подтверждалось право правительства в Лондоне на представление интересов Польши и легитимность созданных им подпольных органов и политических организаций в стране. Целью польских военных усилий называлось восстановление и нерушимость территории государства. РЕН вновь предупреждала поляков об опасности «российско-коммунистического тоталитаризма» и усиливавшегося международного влияния СССР.

В области социально-экономической аккуратно говорилось о национализации крупной промышленности и предприятий общественного назначения. Гарантировалась государственная поддержка средней и мелкой собственности и производства. Поскольку влиятельной силой правительственного подполья являлись люддовцы, РЕН не могла обойти земельный вопрос. Была обещана крестьянская аграрная

* Делегатурой формировался некий «Архив Антыка»; в картотеке значились, по одним данным, 700 имен членов ППР и ГЛ, по другим — около 1000. В феврале 1944 г. этот архив был изъят при участии советского агента Б. Грынкевича и передан М. Спыхальскому (см.: *Pamięć i Sprawiedliwość*. 2002. N 1 (12). S. 215).

реформа после перехода к государству всех владений свыше 50 га. Предусматривались введение контроля государства за развитием экономики на плановых основах, установление социальных льгот для «слабых» слоев общества, ликвидация безработицы и другие позабытые меры.

Во внешнеполитическом разделе программы констатировалась верность Польши своим союзникам и Турции. Декларировалась готовность установить отношения с «Советской Унией» «при условии полного признания ее стороны довоенной территории Речи Посполитой, а также невмешательства во внутренние дела» Польши. Территорию страны ее авторы обозначили границей 1921 г. на востоке и приращениями Гданьска и всей Восточной Пруссии на севере*, где следовало немедленно и навсегда обеспечить интересы страны. Уточнения об интересах Польши на всей Одре и в портах фактически намечали границу по этой реке. Кроме того, РЕН претендовала на участие в оккупации послевоенной Германии вместе с великими державами: «Широкий пояс земель на запад от новых границ Польши [с Германией] должен быть отдан под длительную польскую оккупацию»¹⁹³.

Таким образом, польскому обществу представлялась достаточно демократичная программа внутренних преобразований. Она была компромиссной, создавалась с учетом традиционных требований социалистов и людовцев и рассчитана на принятие большинством разных социальных групп польского общества, прежде всего мелкими и средними собственниками города и деревни. Что касается ее внешнеполитической части, то, несомненно, документ соответствовал широкому настроению, национально-политическим претензиям и «вкусам» преобладавшей части населения. Вместе с тем, он не отражал объективные возможности страны, правительство которой фактически не имело надежных и преданных союзников, разделявших его представления о национально-государственных интересах Польши и готовых их отстаивать. Это означало, что декларация РЕН уводила поляков в сторону от реального положения международных дел и тем способствовала сохранению иллюзий и готовности соотечественников к самопожертвованию в уже безнадежной борьбе.

На поддержку такой перспективы для польского общества был направлен ряд мер, поднимавших значимость подпольных структур. В апреле 1944 г. был повышен до вице-премьера ранг делегата правительства, изменено официальное название Делегатуры на Крайовый Совет министров, предприняты попытки завершить объединение в рядах АК всех вооруженных сил подполья. Но создать монолитное вооруженное подполье не удавалось. Перед вступлением Красной Армии на польские земли оно оставалось расколотым. Политическое руководство «подпольного государства» признавало, что «под влиянием немецкого террора и советских побед в обществе слабеют антисоветские настроения и, напротив, пробуждается позитивное отношение к Советам как освободителям. В этих условиях СССР может стать привлекательным и с точки зрения своего социального строя». Учитывая появление таких настроений, в том числе в многочисленных рядах БХ, и в связи с вступлением советских войск на территорию, которую РЕН считала польской, было сделано специальное заявление. Политические руководители «подпольного государства» призвали поляков подчи-

* В печати «подпольного государства» раздавались протесты против возможной передачи Кёнигсберга СССР. 16 февраля 1944 г. недовольство высказало и правительство.

няться только легальным властям, не признавать никаких самозванных правительств и рад народных, не слушать их призывов, не вступать в армию Берлинга или в Красную Армию. Вместе с тем они стремились, понимая неравенство сил, избежать или, по крайней мере, ограничить, вооруженные столкновения своих партизанских отрядов с регулярной Красной Армией. Полякам напоминали, что, хотя Польша и СССР «не имеют в настоящее время дипломатических отношений и советские войска вступили на территорию Польши без согласования с польским правительством, они сражаются с общим врагом — Германией. Следует сохранять к этим войскам нормальное отношение до тех пор, пока их действия будут соответствовать международному праву»¹⁹⁴.

Но такая ориентировка не давала ответа на вопрос, насущный для каждого участника отрядов АК, который уже в ближайшее время мог оказаться лицом к лицу с советскими войсками сначала на оспариваемых, а затем и этнических польских землях: как быть, если СССР не признает правительственные подпольные структуры законным представителем интересов Польши? Напомним: в конце 1942 г. В. Сикорский ограничивал задачу АК при соприкосновении с Красной Армией выходом из подполья, демонстрацией суверенитета Польши и позитивного отношения к СССР. Но тогда до этого было еще далеко. К осени 1943 г. тактика изменилась. Все больший вес в планах польских политиков и командования АК приобретала ориентация на обеспечение довоенной границы и независимости от Москвы собственными усилиями. По каналам советской внешней разведки 12 октября 1943 г. Москве стало известно, что польский Генеральный штаб «с согласия правительства и президента дал инструкции уполномоченному польского правительства готовиться к оказанию сопротивления Красной Армии... вести беспощадную борьбу с просоветским партизанским движением на Западной Украине и в Западной Белоруссии и готовить всеобщее восстание в этих областях при вступлении туда Красной Армии»¹⁹⁵.

В это же время в страну из «польского» Лондона поступали и иные инструкции: в октябре 1943 г. рекомендовалось «уклоняться от конфликтов с советскими войсками... налаживать сотрудничество... в случае возобновления польско-советских отношений»; однако в январе 1944 г. последовала установка: «советские войска на территории Польши должны считаться враждебными». Это были «отзвуки» готовившегося и в ноябре 1943 г. утвержденного генералом Т. Бур-Коморовским плана «Бужа» (Буря), касавшегося всей довоенной территории страны, но прежде всего восточных кресов. Суть его состояла в том, что по мере продвижения Красной Армии отрядам АК надлежало атаковать арьергарды немецких войск и «за пять минут» до прихода Красной Армии захватить отдельные районы и местности, легализовать органы «подпольного государства» и выступить перед «Советами» в роли хозяев. Таким способом польское руководство рассчитывало принудить советскую сторону к признанию границ довоенной Польши. План «Бужа», по замыслу его создателей, ставил Москву перед выбором: признать «лондонские» органы власти на местах или разогнать их. Последнее усложнило бы ее отношения с западными союзниками и могло дать громкий повод для новой антисоветской кампании. По мнению польского исследователя А. Фришке, план «Бужа» был «крупной попыткой [польского правительства] выиграть спор с СССР за восточные земли и публичной проверкой советских намерений в отношении Польши»¹⁹⁶.

Правительственный лагерь Польши приготовился к встрече Красной Армии. С этой целью на указанных территориях сосредотачивались вооруженные силы АК. Если в

1943 г. на Волыни находилось 9 отрядов АК численностью 1400 человек, то на рубеже 1943–1944 гг. — уже 54 общей численностью 7 тыс. человек. С января 1944 г. здесь шло сосредоточение 27-й Волынской дивизии АК, насчитывавшей около 6 тыс. человек, которая действовала против гитлеровцев и вооруженных отрядов УПА. Возможность ее тактического взаимодействия с советскими войсками рассматривалась командованием АК как крайняя мера. В феврале 1944 г. Варшава предписывала: «В связи с отсутствием отношений между нашим правительством и Советами, не рекомендуется по своей инициативе успешно устанавливать связи с советским командованием. Напротив, следует стремиться к осуществлению плана „Бужа“ самостоятельно, насколько это будет возможно... Если, однако, обстановка принудит к согласованию действий, командир должен представиться командиру советской части и сделать ему следующее заявление: „По приказу правительства Речи Посполитой, являясь командиром, предлагаю согласовать со вступающими на территорию Речи Посполитой вооруженными силами Советов военные действия против общего врага“». Предусматривалась и страховочная мера — прекращение легализации в случае попыток разоружения и арестов участников отрядов АК советскими органами¹⁹⁷.

Авторы этого документа не учитывали принципиального момента: советское командование, как и командование любой другой действующей армии, где бы она ни находилась, не могло допустить присутствия и тем более действия в тылах своих войск неподконтрольных ему вооруженных людей и отрядов без предварительных на то политических договоренностей. Таковых с правительством Польши не было, и советская сторона действовала в соответствии с законами военного времени. 9 марта 1944 г. командующим 1-м Украинским фронтом, который выходил в район Ровно–Луцка, и двумя Белорусскими фронтами, которые приступали к боевым операциям в Белоруссии, была направлена директива И.В. Сталина и начальника Генштаба А.И. Антонова «О принятии решительных мер к ликвидации вражеских банд в тылу наших войск». Согласно директиве, остававшиеся в прифронтовой полосе этих фронтов отряды АК при неподчинении приказам советского командования или отказе от вступления в армию С. Берлинга должны быть разоружены¹⁹⁸.

Таким образом, обязательные для командования АК политические установки польского правительства фактически загоняли отряды подполья в «западню», ставили их под удар советских военных властей, решавших важнейшую для всех стран коалиции военно-стратегическую задачу скорейшего продвижения к границам Германии. Одновременно достигалась геополитическая цель советского руководства — взять под безраздельный контроль территорию соседней Польши. При этом советская сторона не допускала давления на свою политику западных союзников, которые были обеспокоены проблемой легализации отрядов АК в тылах Красной Армии и пытались по дипломатическим каналам «заинтересовать» Москву возможностями боевого сотрудничества с АК. Однако на определенных условиях возможность взаимодействия отрядов АК с Красной Армией существовала*. Так, 23 марта 1944 г. командование 2-го

* Как утверждает известный английский ученый, специалист по истории АК Я. Чехановский, «к концу марта советское командование было склонно воспринимать АК как независимого союзника в борьбе с Германией и заключить с генералом Т. Бур-Коморовским военную конвенцию» на условиях сначала полного оперативного подчинения советскому командованию и затем роспуска всех польских подпольных отрядов на терри-

Белорусского фронта доложило Ставке Верховного Главнокомандующего о том, что 20 марта на Волыни имело место кратковременное взаимодействие 27-й дивизии АК под командованием Я. Киверского с 69-й армией фронта. Перед дивизией командованием АК была поставлена задача, временно войдя в тактическое подчинение советскому командованию, действовать «как бы опережая советские войска», и занять Ковель и Владимир Волынский. Что касается дальнейшего развития событий, то это была прерогатива «высокой политики». В ответе Москвы от 24 марта говорилось, что совместные действия польских партизан с Красной Армией «желательны при условии полного подчинения во всех отношениях только командованию Красной Армии в лице командования Белорусским фронтом». И далее: «Двоевластия в военном деле быть не может. Дивизия может иметь связь с кем угодно..., но в своих действиях она должна подчиняться приказам Красной Армии». При положительном ответе польской стороны Москва предписывала обеспечить дивизию «всем необходимым для боя» и регулярно сообщать о результатах переговоров и о польских партизанах вообще. Дивизия подписала официальное соглашение с советским командованием об оперативном подчинении командованию РККА.

Советская сторона с согласия Ставки 26 марта 1944 г. предложила командованию АК не только локальное соглашение, но и военную конвенцию, причем с сохранением политического, но не военно-оперативного, подчинения АК Лондону. Отряды АК (27-я дивизия) должны были переформировываться из партизанской в «нормальную» войсковую дивизию. Преобразованной в регулярные части АК было бы гарантировано полное советское материальное обеспечение оружием, боеприпасами, артиллерией, тыловым имуществом. Существование партизанских отрядов в тылу действующей армии исключалось. Без переформирования они подлежали роспуску или подавлению. Командование АК (и Лондон) отвергло советское предложение, категорически настаивая, что условием сотрудничества может быть только восстановление советско-польских отношений, и отряды АК в советском тылу должны восприниматься Москвой как части Войска Польского, находящегося на собственной территории. Это означало, что для польского правительства АК служила в первую очередь инструментом принуждения к политическому урегулированию двусторонних отношений, которое «даст возможность согласованного ведения войны с Германией на нашей [польской] территории и Советским Союзом, и Польшей...»¹⁹⁹.

Хотя польская печать в Лондоне, сообщая о событиях на Волыни и явно забегая вперед, утверждала, что достигнута полная договоренность о совместных действиях, сотрудничество 27-й дивизии АК с советскими войсками имело место: аковцы участвовали в боях за Ровно и ряд других населенных пунктов, но попали в немецкое окружение. В ходе боев командир дивизии погиб. Отбываясь от гитлеровцев, часть дивизии вышла на советскую сторону, другая по приказу командования АК перешла за Буг. Часть бойцов влилась в армию Берлинга.

Планом «Бужа» допускалось ограниченное сопротивление советским войскам, но лишь в случае необходимой самообороны, что оставляло много вопросов для коман-

ториях, занятых Красной Армией. Было ясно, полагает историк, что «русские хотели видеть солдат АК в бою, а не в своих тылах» (Ciechanowski J. Powstanie Warszawskie. Pułtusk, 2004. S. 243–248).

дилов тех партизанских отрядов АК, которые сосредотачивались на восточных землях довоенной Польши. Польское правительство, пишет Я. Чехановский, «не имело намерения поддерживать Красную Армию в ее продвижении через Польшу, желало сохранить полный оперативный простор и политический контроль над АК до момента окончательной „схватки“ со Сталиным». На восточных территориях довоенной Польши предполагалось «создать скелет подпольной антисоветской организации», чтобы сохранить кадры АК, особенно в Львове и Вильно²⁰⁰. В целом польское правительство, задумав силой партизанских отрядов (акция «Бужа») обеспечить на советских землях легализацию «подпольного государства» и тем продемонстрировать польскую принадлежность кресов, эту задачу не решило.

Тем временем в Москву поступали различные сведения об отрядах АК. 23 марта 1944 г. начальник Украинского партизанского штаба комиссар госбезопасности Т.А. Строкач докладывал Берии, что отряды АК существуют, но не сражаются с немецкими оккупантами, а готовятся к борьбе с СССР. Подобная информация поступала и по линии внешней разведки. 28 марта нарком госбезопасности Украины С.Р. Савченко доносил Сталину, что на территории Западной Украины и Западной Белоруссии с весны 1943 г. действуют отряды Бур-Коморовского, которые «готовят кадры для войны с СССР за создание „Великой Польши“». Савченко уведомлял Москву о получении из Лондона указания генералу Буру: в освобожденных районах вступать в соглашение с Красной Армией «для совместных действий» или «любыми способами уходить за Буг». Он также сообщал, что АК получила распоряжение К. Соснковского не чинить препятствий продвижению советских войск: «пусть большевики освобождают нам Польшу от немцев, а потом мы с ними расправимся». Для Кремля все это являлось подтверждением враждебных для СССР замыслов. В результате укреплялось негативное отношение Ставки к АК, к навязыванию польской стороной восстановления отношений с «чистого довоенного листа». 20 апреля 1944 г. появилась директива Ставки «О порыве всяких отношений с подпольными отрядами ген. Соснковского». В мае 1944 г., беседа с профессором О. Ланге, Сталин по своей инициативе затронул проблему Армии Крайовой, высказав отрицательное к ней отношение, окрашенное политической неприязнью к польскому руководству в целом.

Итак, весной 1944 г. Сталин допускал взаимодействие АК с советскими войсками только при условии выполнения польской стороной советских требований. Он подходил к вопросу с прагматических позиций — учитывал политическую суть дела, не видел для советской стороны военной целесообразности в таком взаимодействии, расценивал как неприемлемые намерения польского правительства использовать отряды АК для давления на Москву и противодействия ее геополитическим планам в регионе. Польским партизанам (всем, а не только АК) предлагалось поступать в распоряжение командарма 1-й Польской армии «товарища Берлинга». В противном случае их ждало разоружение и интернирование²⁰¹.

Отказываясь признать АК своим военным партнером, Москва весной 1944 г. все еще не исключала возможности восстановления контактов с законным правительством Польши, хотя уже сама определяла политический сценарий и принципы двусторонних отношений. СССР предлагал Польше вместо границы 1921 г. другой вариант обеспечения стабильности в регионе на основе объединения в пределах СССР всех или почти всех земель, населенных преимущественно украинцами, литовцами и белорусами.

Как показывают документы, проблема польского партнера не только в двусторонних отношениях, но и в «треугольнике» великих держав оставалась для Москвы очень важной. Советское руководство пришло к выводу, что политики, представленные в «лондонском» правительстве Польши, не готовы установить нормальные отношения с СССР. Реагируя на «нажим» партнеров по коалиции 27 февраля, Сталин отвечал Рузвельту 3 марта 1944 г.: «Приходится констатировать, что решение о советско-польских отношениях не назрело»²⁰².

«Пустоту», образовавшуюся весной 1943 г. в отношениях двух стран, польское правительство увеличило в начале 1944 г., сознательно упустив возможность переговоров и возможных взаимных уступок. Эту «пустоту» вполне могли заполнить новые партнеры: общественные и военно-политические структуры, которые создавали поляки-эмигранты в СССР, и то «подпольное государство», которое выстраивала ППР. Сталин имел в виду и тех, и других. Он видел в них и альтернативу прямому восстановлению отношений с польским правительством, и инструмент принуждения Миколайчика к уступкам и договоренностям по «формуле Бенеша»*.

Видимо, под воздействием переговоров с Э. Бенешем Москва на рубеже 1943–1944 гг. проявила повышенный интерес к идее Польского национального комитета. Она активизировала установление коммунистами-эмигрантами возможных контактов с представителями польской диаспоры в США на предмет их участия в ПНК (о чем уже шла речь). Параллельно с этим, «внешним», американским, направлением опять же при прямом участии Москвы прорабатывался «внутренний» польский вектор. Внимание к нему, несомненно, выросло после получения в конце января 1944 г. упоминавшегося письма В. Гомулки от 12 января с приложениями к нему Манифеста и программных документов ППР и КРН. Они свидетельствовали, что на оккупированной территории формируются структуры власти, альтернативные польскому правительству и «подпольному государству», близкие по политическому составу к замыслам советского руководства. Встал вопрос об отношении к рождавшимся в Москве и Варшаве политическим центрам, объединении их усилий, недопущении «конкуренции» и выборе оптимального решения.

Лидер ППР оценивал создавшуюся ситуацию как совпадение двух независимых друг от друга инициатив: внутренней (ППР) и внешней (СПП), которые могут друг друга «прекрасно дополнять при выполнении определенных условий», а именно: учредителем правительства должна стать КРН, в Москве может быть создано лишь политическое представительство. Гомулка понимал, что в СССР не могут допустить, чтобы при вступлении советских войск в Польшу «там не было никакой признаваемой польской государственной власти». Но считал неприемлемым следующий вариант: «если ППР не проявит инициативы в деле создания правительства внутренними силами», «инициативу возьмет СПП, действуя по подсказке или просто по поручению советских властей», тогда вместе с польской армией под командованием Берлинга

* В декабре 1943 г. СССР посетил президент Чехословакии Э. Бенеш. В Москве были весьма удовлетворены переговорами, в том числе о послевоенной коалиционной власти с участием сторонников Бенеша, социал-демократов и коммунистов («формула Бенеша»), а также предложением президента о передаче советской стороне населения украинцами (руси́нами) Подкарпатской Руси (см. подробнее: Переговоры Э. Бенеша в Москве / Публ. В.В. Марьиной // Вопросы истории. 2001. № 1).

страну войдет правительство, предварительно созданное в СССР²⁰³. Гомулка принимал в расчет особую чувствительность поляков к вопросу национальной независимости страны от восточного соседа, высокий уровень антисоветских настроений и опасался неизбежной в таких условиях изоляции партии в обществе.

По мере накопления в феврале–марте 1944 г. информации о составе руководства ППР и КРН Москва проявляла все больший интерес к КРН как органу власти, созданному на оккупированной территории. 15 марта 1944 г. заведующий Отделом американских стран НКВД СССР Г.Н. Зарубин вручил советнику посольства США Гамильтону меморандум с информацией о создании КРН. В нем подчеркивалось, что в состав ее «вошли представители влиятельных политических партий и групп, ведущих активную борьбу с немецкими захватчиками»²⁰⁴. Таким образом, Москва представила американскому союзнику потенциального польского партнера, с которым, установив официальный контакт при вступлении Красной Армии на территорию Польши, может быть решена важнейшая для советской стороны проблема – избежать учреждения оккупационного режима в стране.

Есть основания считать, что в это время интерес Сталина к созданию Польского национального комитета отошел на второй план. Затребовав у Василевской его документы, он получил их 25 февраля, но воспользовался лишь месяц спустя. Это произошло после того, как 17 марта (напомним, в этот день Миколайчик передал свою инструкцию в Варшаву) Димитров сообщил Молотову (а значит и Сталину) новость из Варшавы: ЦК ППР направил в Москву делегацию КРН, «которая даст исчерпывающий ответ о ситуации в стране». Делегация состояла из четырех человек: от ЦК ППР — М. Спыхальский; от КРН — ее вице-председатель Э. Осубка-Моравский; от Люблинской воеводской рады народовой — ее председатель К. Сидор; от ЦИК РППС Я.С. Ханеман. Причем Осубка и Спыхальский были лично знакомы с Василевской и Берманом по работе в Польше. Продвижение делегации по тылам вермахта обеспечивали советские партизаны и группы внешней разведки. 29 марта нарком госбезопасности СССР В.Н. Меркулов направил Сталину, Молотову и Берии дополнительные материалы о КРН. В начале апреля был установлен контакт делегации с Москвой²⁰⁵.

13 апреля 1944 г., накануне прибытия делегации КРН в Москву, состоялся пленум Главного правления Союза польских патриотов. Обсуждались итоги его деятельности и программные положения. 15 апреля 1944 г. в Секретариате Сталина зарегистрировали поступление двух новых документов от Василевской — «Декларации Польского Национального Комитета» и обращения «К польскому народу». Сталин ознакомился с ними между 15 и 23 апреля 1944 г., внес свою правку. Что касается декларации ПНК, то в ней была упомянута КРН как верховный орган власти, которому «подчинялись организации поляков за границей, и в первую очередь, Союз Польских Патриотов и созданная им Армия». Важно отметить, что Сталин зачеркнул название «Польский Национальный Комитет», предложив свой вариант — Национальный Комитет Освобождения Польши. В обращении к полякам формулировка была несколько иная: «Национальный Совет Польши, Временный парламент польского народа создал *Польский Комитет Национального Освобождения* как законный временный орган исполнительной власти для руководства освободительной борьбой народа, для завоевания независимости и восстановления польской государственности». Именно это название закрепилось и вошло в историю послевоенной Польши²⁰⁶.

Таким образом, в середине апреля 1944 г. были подготовлены документы, отражавшие намерения Москвы и польских коммунистов создать в Польше представительную и исполнительную власть в форме КРН и ПКНО. Как вспоминала Василевская, сохранялось «убеждение, что следует повременить с созданием правительства, хотя и временного... может быть, еще удастся его расширить на основе некоего соглашения с эмигрантским правительством, не собственно с ним, а с отдельными лицами из него...»²⁰⁷.

Есть фактические свидетельства, что накануне приезда в Москву делегации КРН решение о передаче власти в руки польских коммунистов и их немногочисленных союзников не было окончательно принято. Иначе советский лидер, беседуя 17 мая с О. Ланге по широкому кругу вопросов советско-польских отношений и внутренних польских дел, не уделил бы столько внимания проблеме создания власти на освобожденных польских землях. Сталин уверял: в Москве не намереваются устанавливать советскую администрацию в Польше, проводить коллективизацию и советизацию. Он демонстрировал свою заинтересованность в участии в новой власти в Польше отдельных «выходцев» из польского правительства и из эмиграции и предлагал собеседнику для размышлений различные варианты решения: «Нужно постараться создать единое правительство из поляков, проживающих в Англии, Америке и России»; «Самым лучшим было бы создание в районе Польши некоторого временного правительства вроде национального Комитета, которое заставило бы Англию и Америку признать себя». Последние слова Сталина Ланге поддержал, сказав, что «именно такова и его идея». Сталин продолжал: «Национальный Комитет нам нужен с чисто военной точки зрения... Должен существовать какой-то польский орган власти. Польскую армию мы тоже не хотим обременять обязанностями гражданского управления. Необходим орган власти, который поговорил бы с польским крестьянством, интеллигенцией, рабочими». Но дал понять, что если до того, как Красная Армия займет Польшу, не будет достигнуто соглашения, административное управление будет передано местным (левым) властям.

В ходе разговора Сталин выдвинул идею возобновления советско-польских переговоров: «мы вовсе не против того, чтобы начать переговоры с лондонским правительством». Это было важным политическим заявлением. Сталин убеждал Ланге «заехать в Лондон» и, строго говоря, стать эмиссаром Москвы: «Ланге может заявить полякам в Лондоне, что он, тов. Сталин, сказал ему, что нужно создать новое польское правительство с включением в него людей из польской эмиграции, находящихся в Америке, России и Англии... Но мы хотим разговаривать с живыми поляками, а не с Черчиллем или с Иденом. Ланге может объяснить им, что мы воевать с ними [польскими политиками] не хотим. Мы на известных условиях хотим с ними договориться...»²⁰⁸. Ланге выполнил просьбу Сталина, но не в Лондоне, а в США*.

* Ланге при содействии Государственного департамента встречался с Миколайчиком, который находился в США с 5 по 14 июня. Он изложил суждения Сталина и, вероятно, точку зрения КРН, с делегацией которой виделся в Москве. Ланге передал Миколайчику предложение Сталина о прямых переговорах СССР и польского правительства, говорил о возможных вариантах создания нового правительства (*Buhler P. Polska droga do wolności. 1939–1995. Warszawa, 1999. S. 65*).

Таким образом, имея в Москве делегацию КРН, которая прибыла 16 мая 1944 г. Сталин не упускал из вида и параллельные переговоры с представителями признанного в мировом сообществе (за исключением СССР) польского правительства. Накануне вступления Красной Армии на польские земли Москва решила еще раз выяснить возможности диалога с «лондонскими» поляками*. Причем советскую сторону, по-видимому, устроили бы любые, положительные или отрицательные, итоги диалога.

III.3. Решающее лето:

КРН в Москве, встречи в Лондоне, создание ПКНО

Чем ближе подходила Красная Армия к польским пределам, тем активнее шли дипломатические и политические переговоры относительно создания правительства на территории Польши. Первая встреча делегации КРН в Москве состоялась 17 мая 1944 г. с В. Василевской, А. Завадским, С. Радкевичем и Я. Берманом при участии двух представителей разведуправления Красной Армии и одного — аппарата ЦК ВКП(б). Она носила ознакомительный характер²⁰⁹. Начиная с 19 мая председатель СНК СССР провел восемь встреч с делегацией КРН**. Польская сторона руководствовалась позицией ППР: «в вопросах, касающихся страны, решения могут принимать только компетентные власти, возникшие в стране или страной назначенные». Имелось в виду, что лишь КРН может создать представительство Польши. Поэтому уже на первой встрече гости изложили Сталину пожелания наладить контакты с СПП и ЦБКП, а также договориться о подчинении СПП и 1-й Польской армии Крайовой Раде Народовой. Как ее представители, делегаты хотели установить официальные отношения с СССР, считая его союзником Польши в войне. Обсуждались условия вступления советских войск на польскую территорию, их отношения с польской администрацией. Кроме того делегация КРН официально обратилась к советской стороне за помощью оружием, средствами связи, что позволяло расширить ряды Армии Людовой и активизировать борьбу с оккупантами. Был поставлен вопрос и о недостатке опытных политических кадров в стране²¹⁰.

Советская сторона, заявляя о готовности признать КРН, поскольку польское правительство «в его теперешнем составе никогда не будет признано Советским прави-

* Много лет спустя Гомулка писал, что в начале 1944 г. он не исключал возможности соглашения между правительством Миколайчика и советским правительством. «Моей обязанностью как секретаря ЦК ППР было принимать во внимание все возможности. Я не мог исключить, что это правительство [Миколайчика] начнет руководствоваться политическими реалиями того периода, что может решиться на мышление категориями, охватывающими более широкие политические горизонты, что оно может быть не столь ограниченным и попросту с политической точки зрения не столь глупым, каким оно оказалось. Я не имел привычки, не считал правильным определять политику партии на перспективу в расчете на безграничную политическую глупость противника» (Archiwum rządu robotniczego. T. IV. Warszawa, 1977. S. 248).

** Записи этих бесед не обнаружены в архивах РФ. Возможно, они не велись, и события реконструируются в основном по воспоминаниям членов делегации КРН.

тельством», предупреждала: «могут возникнуть большие трудности со стороны союзников», и придется договариваться с Миколайчиком и всеми людовцами. Возможно, такие оговорки, а также демонстрация О. Ланге готовности Москвы к контактам с польским правительством, просьба встретиться с Миколайчиком были еще одной попыткой вовлечь некоторых членов польского кабинета в переговорный процесс в Москве. В пользу этого свидетельствуют и указания послу В.З. Лебедеву вести переговоры в Лондоне с С. Грабским, главой эмигрантской Рады Народовой, и премьер-министром С. Миколайчиком. Но польское правительство не воспользовалось моментом. Состоявшиеся в конце мая 1944 г. в Лондоне встречи советского посла В.З. Лебедева и Грабского не выявили изменений в позициях сторон.

Между тем «чаша политических весов» при решении вопроса о власти все больше склонялась в пользу сил, возглавляемых ППР, хотя и «разбавленных» московскими эмигрантами, представлявшими социалистов, людовцев и тех, кто придерживался близких коммунистам позиций по коренному вопросу — отношению к СССР. На протекавших параллельно встречам в Лондоне переговорах в Москве с делегацией КРН в мае–июне 1944 г. Сталин давал понять, что при организации администрации в Польше он воспользуется «внутренними» польскими возможностями.

23 июня 1944 г. произошли судьбоносные для страны события. Началась операция «Багратион» — одновременное наступление пяти фронтов Красной Армии, вскоре развернувшееся по всему советско-германскому фронту. В ходе операции планировалось завершить изгнание врага с территории Советского Союза и восстановить государственную границу по состоянию на осень 1939 г., а также приступить к освобождению соседних стран. 1-й Белорусский фронт должен был, очистив Белоруссию от гитлеровских оккупантов, форсировать р. Западный Буг, создать плацдармы на левом берегу Вислы севернее и южнее Варшавы. Конечной целью значилось освобождение правобережной части польской столицы — Праги.

В этот день Миколайчик, встретившись с Лебедевым, проявил некоторую готовность к диалогу, выступил за немедленное установление дипломатических отношений с СССР, поскольку правительство тогда же рассматривало вопрос о своем прибытии в Польшу на фоне проведения акции «Бужа». Но он не принимал основного требования Москвы — границы по «линии Керзона», что ему настоятельно рекомендовал накануне в Вашингтоне Рузвельт*. Польский премьер-министр отказывался добиться отставки президента Рачкевича, генералов Соснковского и Кукеля, министра Кота. Лебедев, со своей стороны, выдвинул заведомо неприемлемые для польского правительства условия: признать советскую версию Катынского преступления и «неверное» поведение польского правительства в апреле 1943 г. Согласие польского правительства с советскими требованиями было бы воспринято в эмиграции и в Польше как капитуляция перед Москвой, на что Миколайчик пойти не мог ни при каких обстоятельствах.

* На этом настаивал и Черчилль. Осенью 1944 г. он объяснял: «Миколайчик знает, что он не получит Львова, и ему не уйти от линии Керзона, но он заявляет, что если он не будет иметь возможности сказать польскому народу о праве Польши защищать свое дело на мирной конференции, то польский народ может не признать его, Миколайчика» (цит. по: Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы и комментарии. М., 2004. С. 469).

Понятно, что переговоры посла с премьер-министром Польши должны были прекратиться. Такой шаг Лебедева означал, что на тот момент в вопросе, кому передать власть в Польше, Сталин уже был близок к решению. В Кремль были приглашены посетившие армию генерала Берлинга делегация КРН и руководство СПП.

24 июня Сталин направил Рузвельту послание, где писал, что не видит изменений в позиции Миколайчика, который не продвигается вперед в деле налаживания советско-польских отношений и «реорганизации эмигрантского правительства», что, по его, Сталина, мнению, «обеспечило бы участие в нем, как польских деятелей в Англии, так и польских деятелей в США и СССР» (далее было сделано важное добавление: «и особенно польских демократических деятелей, находящихся в самой Польше»), а также признание линии Керзона в качестве границы между СССР и Польшей²¹¹. 26 июня 1944 г. советское правительство согласилось, что СПП должен быть подчинен КРН. В эти дни Сталин недвусмысленно определял КРН как претендента на участие во власти в Польше.

Между тем советские войска стремительно приближались к этнографическим границам Польши. 17–20 июля была форсирована пограничная р. Буг, началось освобождение поляков от гитлеровских оккупантов. В этих условиях советская сторона заявила делегации КРН о готовности признать ее и образованное ею (в будущем) правительство и согласилась на политическое переподчинение Польской армии в СССР от СПП к Крайовой Раде Народовой. В ночь с 21 на 22 июля 1944 г. в кабинете Сталина были согласованы персональный состав ПКНО и окончательный текст его Манифеста, в основе которого лежали документы ПНК, просмотренные и одобренные Сталиным еще в апреле 1944 г. ПКНО до 26 июля оставался в Москве. Отпечатанный здесь Манифест «К польскому народу» самолетом доставили в освобожденный польский город Хелм — резиденцию нового «законного, но временного органа исполнительной власти». 22 июля 1944 г. Манифест ПКНО был обнародован и оглашен по московскому радио. Документ был призван стать политической платформой, вокруг которой можно было бы объединить разные социальные слои общества для участия в борьбе за разгром гитлеровской Германии и создание государства в новых границах: «Пробил час расплаты Германии за наши муки и лишения, за сожженные села, за города, обращенные в развалины, за разрушенные костелы и школы, за облавы, лагеря и расстрелы, за Освенцим, Майданек, Трешлинку, за истребление евреев в гетто... Поднимайтесь на борьбу за свободу Польши, за возвращение матери-Родине древнего польского Поморья и Опольской Силезии. За Восточную Пруссию, за широкий выход к морю, за польские пограничные столбы на Одре!».

В Манифесте излагались основные принципы общественного устройства послевоенной Польши. Сообщалось, что до созыва Законодательного сейма и принятия новой Конституции КРН и ПКНО будут руководствоваться основными положениями конституции 1921 г., восстановят демократические права и свободы. Эмигрантское правительство и его Делегатура в Польше объявлялись властью неправомочной. Законодательными правами наделялась КРН (временный парламент), а ПКНО представлял временную исполнительную власть. Особое внимание в документе уделялось улучшению в кратчайшие сроки жизни населения, восстановлению экономики страны, проведению социально-экономических преобразований, в первую очередь аграрной реформы с конфискацией собственности немцев и предателей, а также помещичьих

имений площадью более 50 га с последующей передачей ее крестьянам. Последнее соответствовало программе людовской партии. Предприятия крупной промышленности, банки, транспорт и лесные угодья должны быть переданы во временное государственное управление. Это отступление от программы ППР было сделано по настоянию ЦБКП и советской стороны, избегавшей осложнений с довоенными иностранными владельцами собственности в Польше и лишней трудностей на международной арене. Крестьянам, торговцам, ремесленникам, мелким и средним предпринимателям, учреждениям и церкви гарантировалось возвращение собственности, захваченной немцами. Вся собственность немцев подлежала конфискации. Основой внешней политики страны провозглашались «прочный союз с нашими непосредственными соседями», с СССР и Чехословакией, и союз с Великобританией, Францией и США. В Манифесте признавалась необходимость урегулировать вопрос о советско-польской границе по этническому принципу.

Таким образом, ПКНО представил польскому народу документ, свидетельствовавший о намерениях новой власти обеспечить Польше благоприятный выход из войны, безопасные границы и общедемократические преобразования. Согласие новой власти на утрату восточных кресов было сложным для восприятия большинством польского общества. На долгие годы этот факт закрепился в массовом сознании как крупная национальная потеря, «вина» за которую возлагалась на СССР и польских коммунистов.

В состав ПКНО вошли 15 человек: 10 представителей от СПП и ЦБКП и 5 от КРН; по партийной принадлежности — 5 коммунистов, 4 людовца, 3 социалиста, 1 деятель демократического направления и 2 беспартийных. Председателем Комитета стал социалист Э. Осубка-Моравский, заместителями — В. Василевская и людовец А. Витос, брат лидера СЛ В. Витоса. Документы о создании ПКНО, Манифест, декрет о принятии верховной власти над Польской армией в СССР и слиянии Армии Людовой и Польской армии в СССР в единое Войско Польское впоследствии были внесены в постановления КРН и получили статус закона²¹².

Временным местом пребывания ПКНО был избран Люблин, город, где в ноябре 1918 г. было провозглашено возрождение независимого польского государства. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии 21 июля направила директиву 1-му Белорусскому фронту: не позднее 26–27 июля овладеть Люблином, ибо этого «требует политическая обстановка и интересы независимой, демократической Польши». С 24 июля Люблин стал свободным и до 1 февраля 1945 г. в нем заседал ПКНО.

Отказ от наименования созданного органа власти правительством определялся несколькими факторами. Во-первых, 21 июля 1944 г. делегация не имела необходимых полномочий от КРН. Во-вторых, тем самым не закрывались возможности для переговоров с представителями лондонской эмиграции и демократическими деятелями в самой стране. В-третьих, без сомнения, учитывался авторитет польского правительства среди населения. Избранная формула власти вполне соответствовала намерениям Сталина поддерживать в странах будущей сферы советского влияния коалиционные политические образования. Советский лидер все еще не считал нужным ставить точку в вопросе о власти и тем излишне обострять отношения с руководителями великих держав, войска которых с 6 июня воевали в Европе. 20 июля Черчилль выразил надежду, что «если Миколайчик попросит разрешения приехать» к Сталину, тот согласится на встречу. Предваряя негативную реакцию союзников на появление ПКНО, Сталин

в письмах Черчиллю от 23 июля и Рузвельту от 24 июля известил об установлении контакта между правительством СССР и ПКНО, согласии принять Миколайчика и объяснил, что создается не правительство, а комитет, который в будущем возможно станет ядром демократической власти. Так Москва давала понять, что от союзников не требуется признания ПКНО. 26 июля 1944 г. НКВД сделал заявление «по вопросу отношения СССР к Польше», где в частности говорилось: «Советское правительство... не намерено устанавливать на территории Польши органы своей администрации, считая это делом польского народа... Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части польской территории или изменения в Польше общественного строя, и что военные действия Красной Армии на территории Польши диктуются единственно военной необходимостью и стремлением оказать дружественному польскому народу помощь в освобождении от немецкой оккупации»²¹³.

В двадцатых числах июля 1944 г. в Москве в результате переговоров между Советским правительством и делегацией ПКНО во главе с Э. Осубка-Моравским были определены принципы межгосударственных отношений и согласован вопрос о границе между двумя странами. 26 и 27 июля 1944 г. подписаны официальные государственные акты²¹⁴. 26 июля было опубликовано Соглашение об отношениях между советским Главнокомандующим и польской администрацией*. Согласно документу, после вступления советских войск на территорию Польши верховная власть во всех делах, относящихся к ведению войны в зоне военных действий, сосредоточивалась в руках Главнокомандующего советскими войсками. Тем самым устанавливалось оперативное подчинение командования Войска Польского на территории Польши советскому командованию на период военных действий; польское командование самостоятельно решало организационные вопросы, в его подчинении находился личный состав армии, где действовали польские военные уставы и национальные традиции. Констатировалось, что по мере освобождения территория Польши перестает быть зоной непосредственных военных операций и ПКНО полностью возьмет на себя руководство всеми делами гражданского управления, будет создавать органы местной администрации и формировать части Войска Польского в полном соответствии с законами Польской Республики. Отношения ПКНО с советским командованием будут осуществляться через польскую военную миссию, в зоне непосредственных военных действий — через уполномоченных ПКНО.

27 июля 1944 г. стороны подписали Соглашение о государственной границе, которым устанавливалась конкретная разграничительная линия на востоке и юго-востоке — по «линии Керзона», с некоторыми отступлениями: Польше возвращались Белосток и Белостокское воеводство, Перемышль и ряд районов Львовской области (такой вариант предусматривался в меморандуме, переданном Идену в декабре 1941 г.).

* Соглашение являлось аналогом документа, заключенного с правительством Чехословакии. Это делалось сознательно, чтобы, как позднее писал Э. Осубка-Моравский, «никто не мог нас обвинить, что мы заключили соглашение, которое может затруднить признание западными державами ПКНО в качестве временного правительства» (цит. по: Kowalski W. *Polityka zagraniczna RP. 1944–1947*. Warszawa, 1971. S. 2–3). Однако было и важное отличие: соглашение с Э. Бенешем заключалось от имени всех союзников, с Польшей — только от имени СССР.

Советский Союз принял на себя обязательство при определении государственной границы между Польшей и Германией поддержать ее прохождение по линии р. Одер (Одра) и Нейсе (Ныса), западнее Свинемюнде (Свиноустье) и Штеттина (Щецин). Это также было обещано Сикорскому в Москве в декабре 1941 г. Предусматривалось, что территория Восточной Пруссии будет разделена между СССР (1/3) и Польшей (2/3). На северном отрезке к Польше отходили немецкие города Алленштайн (Ольштын) и Браунсберг (Бранево), Балтийское побережье до Гданьского залива. Соглашение не было обнародовано. Как считали Осубка-Моравский и другие члены делегации, «опираясь на этот договор, Польша выступала на международной арене как полноправный участник великих исторических событий, совершавшихся на Восточном фронте. Заключение договора заполнило в польско-советских отношениях вакуум, существовавший с момента разрыва дипломатических отношений между эмигрантским правительством и правительством СССР»²¹⁵.

Таким образом, уже в 1944 г. в полном соответствии с решениями, принятыми на конференции в Тегеране, было определено, что польские земли отходили Польше, украинские — Украине, белорусские — Белоруссии, литовские — Литве. В сентябре 1944 г. в целях выравнивания этнического облика территории и государственных границ ПКНО подписал с СССР, БССР и Литовской ССР соглашения об обмене населением.

4 августа 1944 г. было заключено Соглашение об условиях пребывания советских войск на территории Польши. Все взаимные расчеты откладывались на послевоенный период. С осени 1944 г. польская армия переходила на самостоятельное денежное и частично продовольственное снабжение. На основе Постановления ГКО был издан приказ Ставки от 1 октября 1944 г., который удовлетворял намерение польской стороны довести численность своей армии до 300 тыс. человек. Управления Наркомата обороны СССР и командующим родами войск вменялось обеспечить развитие Войска Польского. На усиление двух армий Войска Польского было передано несколько артиллерийских, танковых, авиационных соединений и направлено 60 тыс. новобранцев польской национальности из бывших граждан Польши с Западной Украины и из других регионов СССР, а также 1499 советских офицеров высшего и старшего звена. Следует отметить, что один из пунктов приказа Ставки касался создания запасного морского батальона, что положило начало военно-морским силам послевоенной Польши²¹⁶.

1 августа 1944 г. нарком иностранных дел Молотов направил ноту-ответ на извещение председателя ПКНО и руководителя ведомства иностранных дел Э. Осубки-Моравского от 25 июля 1944 г. об образовании ПКНО, где выразил готовность СССР обменяться представительствами. Первым советским представителем при ПКНО был назначен генерал-полковник Н.А. Булганин, польским представителем в СССР стал член президиума Главного правления СПП С. Ендриховский. Тем самым, на освобожденной от гитлеровцев части польской территории было положено начало юридическому оформлению межгосударственных отношений между СССР и послевоенной Польшей.

Между тем ситуация «на местах» не была столь однозначной. Командование АК продолжало проведение акции «Бужа» — как перед Бугом на советских территориях, так и за Бугом на польских землях. Усилия сосредотачивались на установлении власти представителей Делегатуры польского правительства и структур «подпольного государства» перед приходом Красной Армии и польской армии или в момент вступления

регулярных воинских частей в тот или иной населенный пункт. Тем самым, как полагало командование АК, исключалась бы легализация подпольных рад народных там, где они существовали. В итоге в отдельных небольших городах и населенных пунктах накануне или в ходе освобождения возникало двоевластие. На политическую арену выходили представители сразу двух властей: административные органы Делегатуры и рады народов, а там, где последних не было, власть ПКНО представляли оперативные группы Войска Польского. Появление двоевластия было следствием «текущего политического момента», а именно тех переговоров, которые Москва тогда вела и с делегацией КРН в Москве, и с представителями польского правительства в Лондоне. Кроме того, ожидался визит Миколайчика в СССР, согласие на который дал советский лидер. Советские войска готовы были пересечь границу Польши, но в их тылах оставались крупные соединения отрядов АК.

Последние, проиграв борьбу за Волинь весной 1944 г., были готовы к схватке за крупные города, являвшиеся очагами и символами польского присутствия на землях с преобладавшим украинским, белорусским и литовским населением. В соответствии еще с указаниями генерала Сикорского, командование АК назначило главными целями боевых действий в кресах прежде всего Вильно (Вильнюс) и Львов, где были сосредоточены крупные силы. Бои за Вильно отряды АК округов Вильно и Новоградук (5,5–6 тыс. человек) под командованием А. Кжижановского начали ночью 7 июля 1944 г. без согласования с командованием наступавших частей Красной Армии. Подразделения вермахта подавили попытки аковцев взять город. К 16.00 к городу подошла Красная Армия, что спасло остатки отрядов польских партизан. Бои за город продолжались до 10 июля, отдельные очаги сопротивления тлели до 13-го. Эта попытка командования АК реализовать претензии на власть не только потерпела военную неудачу, но и повлекла за собой появление директивы Ставки от 14 июля 1944 г. Командованию всех советских фронтов предписывалось: «Ни в какие отношения и соглашения с этими польскими отрядами не входить. Немедленно... разоружать... В случае сопротивления... применять в отношении их вооруженную силу». Предписывалось направлять «отобранных» солдат и офицеров АК в армию Берлинга, одновременно передавая «представляющий интерес» офицерский состав «НКВД-НКГБ и контрразведке Смерш соответственно». Остальные офицеры подлежали отправке в лагеря НКВД СССР. Выполнение директивы началось в тот же день. За два дня было разоружено 6 тыс., а по другим данным до 9 тыс. человек. К 3 августа 1944 г. в Литве было разоружено около 8 тыс. аковцев, из которых 2,5 тыс. солдат советские власти распустили по домам²¹⁷.

Так же завершилась и попытка отрядов АК в 3 тыс. человек под командованием В. Филипковского принять участие, взаимодействуя с соединениями Красной Армии, в боях за Львов, продолжавшихся четыре дня, начиная с 23 июля. После освобождения города Филипковскому было предложено «разоружить и распустить отряды», что он немедленно и сделал. Порекомендовав в своем последнем приказе, как достойный выход для бойцов АК, вступление в Польскую армию, сам командир отказался признать ПКНО, был интернирован и направлен в лагерь под Рязанью. Разоружались и отряды АЛ, если они не преобразовывались в гражданскую милицию или органы гобезопасности. Разоружена была также британская военная миссия, находившаяся с конца декабря в районе Радома, где располагался штаб АК и где англичане встречалась с генералом Окулицким.

Солдатам и офицерам АК, пожелавшим вступить в Войско Польское, выдавалось новое оружие, сохранялись звания, полученные во время службы в АК.

Таким образом, план «Бужа» закончился в бывших кресах полной неудачей. Оказать сопротивление регулярным советским частям и установить власть Делегатуры, вопреки советскому командованию — это было задачей, невыполнимой для АК, остававшейся сводным объединением партизанских отрядов в инонациональном окружении (только часть украинцев, белорусов, литовцев поддерживала АК по антисоветским мотивам). Разоружению подлежали все отряды, в том числе и советские партизаны, оказавшиеся в тылу Красной Армии*.

Выше говорилось, что на юго-восточных польских землях, в основном Люблинского воеводства, действовали различные партизанские группировки — отряды АЛ, украинских националистов, советских партизан, но самой крупной являлась группировка АК, насчитывавшая около 12 тыс. человек, которая при приближении частей Красной Армии смогла занять несколько уездных городов, легализовать подпольную администрацию Делегатуры. Но Красная Армия и Войско Польское продвигались по территории Польши столь стремительно, что ПКНО использовал ситуацию весьма успешно. В освобожденных от гитлеровцев районах хозяевами становились его представители или оперативные группы Войска Польского. Там, где Делегатуре удалось временно легализовать свои органы власти (Любартов, Томашов, Замостье, Грубешов, Люблин) двоевластие просуществовало до конца первой декады августа 1944 г. В Люблине представитель Делегатуры и его команда были интернированы. На 17 августа 1944 г. в лагерях НКВД для военнопленных содержалось 3415 человек²¹⁸.

Английские и американские власти в ответ на обращение Миколайчика за поддержкой акции «Бужа» отмалчивались или напоминали, что Польша в соответствии с межсоюзническими договоренностями находится в сфере действий советских войск, и потому никакие усилия не могут быть предприняты без координации с Москвой и урегулирования советско-польских отношений. Польский посол в Лондоне Э. Рачиньский записал в дневнике, что 31 мая 1944 г. Черчилль говорил Миколайчику: вы, поляки, «должны выбить у себя из головы антисоветскую политику, и не нужно ждать, что британские и американские солдаты пойдут на смерть ради ваших прекрасных глаз...»²¹⁹.

Советская сторона, зная о настроениях союзников, отреагировала на попытку установить власть Делегатуры в освобождаемых районах Польши специальным постановлением ГКО от 31 июля 1944 г., в котором подтверждалось, что вступление советских войск в Польшу не преследует иных целей, как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника. Одновременно советским военным властям давались политические указания: «в районах, занятых Красной Армией, Советов и иных органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить. Исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костелов, церквей и молитвенных домов не трогать». И далее: «Никаких других органов власти, в том числе и органов

* Освобождение тыла от вооруженных формирований, не входящих в состав действующей армии, — традиционная международная практика. Гаагскими конвенциями о войне оно разрешено и рекомендовано. На Западе американское и английское командование разоружило французские и итальянские силы Сопротивления, более многочисленные, чем АК, а также бельгийские, датские и т. д.

польского эмигрантского правительства в Лондоне, кроме органов Польского комитета национального освобождения не признавать. Принадлежащая польским гражданам частная собственность, а также их личные и имущественные права находятся под охраной советских военных властей и органов ПКНО, а также польской армии». Эти же указания излагались 2 августа в инструкции Н.А. Булганину и позднее в распоряжениях командования военным комендантам на местах: кроме представителей ПКНО «никаких других властей, лиц и организаций, претендующих на власть, не признавать. Ни в какие переговоры с ними не вступать и рассматривать их как самозванцев»²²⁰.

Таким образом, массовые разоружения, аресты и интернирование офицеров и солдат АК, а также прочих подпольных отрядов стали одним из средств решения важнейшей в условиях войны проблемы безопасности тыла Красной Армии, в том числе недопущения гражданской войны в прифронтовой полосе. Такие меры позволяли устранить препятствия на пути реализации геополитических замыслов советского руководства в отношении Польши, переходившей с согласия западных союзников в сферу интересов и контроля СССР. Платой за это, вовсе не бескорыстное, согласие на создание «пояса безопасности» послевоенного СССР стали сотни тысяч жизней красноармейцев, отданных в ожесточенных боях против гитлеровцев на территории Польши и других государств, сопредельных СССР. В таких условиях угасала перспектива на возвращение польского правительства из эмиграции в страну без принятия советских условий. Действия АК, направленные на силовое принуждение Москвы к признанию за Польшей права на независимый от СССР выбор пути развития и внешнеполитических союзников, становились почти безнадежными. Но это «почти» все еще намеревались использовать польское правительство и командование АК.

III.4. ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ: ОБРЕЧЕННОСТЬ ЗАМЫСЛА, ГЕРОИЗМ ПОВСТАНЦЕВ. СОВЕТСКО-АНГЛО-ПОЛЬСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

С середины июля 1944 г. командованием АК обсуждались перспективы восстания в канун вступления в Варшаву советских войск, а также возможность освобождения столицы собственными силами. В Главном штабе АК единодушия не отмечалось. Взвешивались «за» и «против» самого решения, выяснялись сроки начала восстания, его масштабы — поднимать ли восстание только в Варшаве или по всей стране?

22 июля «узким» составом штаба (генерал Т. Пелчиньский (начальник), генерал Л. Окулицкий (заместитель), полковник Ю. Шостак (заместитель по оперативным вопросам), полковник К. Иранек-Осмецкий (начальник оперативного отдела), полковник Я. Жепецкий (начальник разведотдела) и др.) было решено начать борьбу за Варшаву. Под вопросом оставался день и час акции. 23 июля из сообщения московского радио в штабе АК стало известно о появлении ПКНО и Манифеста в Хелме. 22–24 июля командующий АК Бур-Коморовский и делегат правительства Я. Янковский получили согласие Рады Едности Народовой на восстание. «Узкий» штаб оценивал ситуацию как благоприятную: идет наступление Красной Армии, среди немцев в городе началась паника. За ускорение события были Окулицкий и Жепецкий. Бур-Коморовский и Иранек-Осмецкий, хотя и колебались, но отправили в Лондон донесение о готовности к борьбе.

26-го состоялся «большой сбор» командования АК, где «все были единодушны, что борьба за Варшаву диктуется политическими соображениями». День восстания еще не был определен, а состояние вооруженности отрядов АК признано «мизерным»²²¹.

В это время в Берлине, где о замысле поляков знали и следили за ситуацией в городе, приняли решение усилить оборону Варшавы, ибо успех советского наступления угрожал разгромом немецкой группировки в Восточной Пруссии, а значит и близкое поражение Германии. К Варшаве были стянуты 4 танковые дивизии, в том числе отборные «Герман Геринг», дивизия СС «Викинг», две венгерские дивизии пехоты и кавалерии.

В условиях стремительно развивавшихся событий командующий Варшавским округом АК полковник А. Хрущель 27 июля издал приказ подготовиться к борьбе. Янковский получил депешу Миколайчика, отправленную 26 июля: правительство предложило командованию АК полномочия поднять восстание и определить время его начала*. 28 и 29 июля исправно проходила мобилизация солдат и офицеров АК. 29 июля из Лондона поступила информация, что Миколайчик летит в Москву, и уведомление: английский союзник обещал повстанцам незначительную помощь. Командование АК отреагировало на эти документы сдержанно: «ситуация для начала действий не созрела». Аковцев распустили по домам. В эти дни, начиная с 27 июля, на советско-германском фронте под Варшавой шло танковое сражение. Части Красной Армии и подразделения армии генерала Берлинга добились некоторых успехов. 28 июля Ставка отдала приказ командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу К.К. Рокоссовскому занять Прагу между 5 и 8 августа, создать плацдармы на левом берегу Вислы южнее Варшавы. Но 30 июля пятью танковыми дивизиями гитлеровцы перешли в контрнаступление в районе Праги. Они разбили советский танковый авангард, танкисты и пехота отступили на 30–40 км и 1 августа перешли к обороне, понеся огромные потери в людях, технике и боеприпасах. Тем не менее, в 17 час. 31 июля в штабе АК приняли решение о восстании, нарушив при этом воинскую субординацию. Право издать приказ о восстании имел только главнокомандующий генерал К. Соснковский. Он, а также В. Андерс и военный министр М. Кукель выступали против восстания. Но их мнение и оценка военно-оперативной ситуации были проигнорированы. Правительство и командование АК, решаясь на восстание в Варшаве, ставшее апогеем акции «Бужа», преследовало крупные политические цели: «АК, овладев Варшавой, — считает специалист по истории восстания Я. Чехановский, — должна была подготовить почву для генерального и окончательного сражения со Сталиным, которое решит, кто будет управлять послевоенной Польшей — лондонский лагерь или ППР и ее сторонники. Авторы восстания действовали в убеждении, что для Польши наступает переломный момент, что она находится на исторической развилке и вновь решается ее судьба»²²².

* 3. Клишко, руководивший ППР в Варшаве во время восстания, приводит слова, которые Миколайчик услышал тогда от Черчилля: «Недавно я беседовал с вашим генералом Андерсом, и мне, кажется, что он тешит себя надеждой, что после разгрома Германии союзники затем разобьют Россию. Это сумасшествие. Русских разбить невозможно... В Вашем упорстве вы не видите того, чем рискуете... Вы не правительство, а ослепленные люди, которые хотят уничтожить Европу... Если вы хотите завоевать Россию, то действуйте самостоятельно... Вас следует посадить в больницу для умалишенных» (Клишко 3. Варшавское восстание. Статьи, речи, воспоминания, документы. М., 1969. С. 45).

Между тем расчет АК на военный эффект от внезапности восстания для оккупантов не сработал: гитлеровцы знали время начала восстания и попытались его не допустить. Согласно документам, 1 августа в 9 часов утра на частной квартире произошла встреча с представителями польской стороны*. Им рекомендовали не начинать восстания. Но приказ не был отменен, хотя Бур-Коморовский уже получил сведения об успешном немецком контрнаступлении под Варшавой. Английское правительство, которому были известны намерения АК, считало план нецелесообразным. Советского союзника ни поляки, ни англичане не предупредили о подготовке восстания перед его фронтом и в почти миллионном городе. Однако Москва владела собственной информацией о планах польского правительства**.

Окончательное решение о начале восстания принималось не столько под воздействием «благоприятной», но уже ложной информации Хрущева о взятии Красной Армией ряда городов под Варшавой, сколько под влиянием «великолепной новости» о поездке Миколайчика в Москву. Оно становилось нужным для усиления позиции премьер-министра на переговорах со Сталиным. Миколайчик прибыл в Москву 30 июля 1944 г. На аудиенции у Молотова вечером 31 июля 1944 г. он не сказал о восстании в Варшаве как вопросе решенном, сообщил только, что правительство «обдумывало» такой план и хотело бы просить советскую сторону о бомбардировке аэродромов в районе Варшавы. Ходатайствуя о приеме у Сталина, Миколайчик подчеркнул, что в правительстве он представляет силы, желающие сотрудничать с СССР, и «имеет за собой почти все население Польши». Молотов предложил ему урегулировать все вопросы с ПКНО. В тот же день английский посол в Москве убеждал Миколайчика для достижения результатов от визита убрать антисоветски настроенных министров, принять «линию Керзона», отказаться от мысли, что Катынь — дело русских, и, наконец, достичь рабочей договоренности с ПКНО²²³.

Сталин принял Миколайчика дважды, 3 и 9 августа 1944 г.^{***} На первый план Миколайчик выдвигал вопрос о восстановлении отношений между СССР и Польшей и

* Немецкое командование на встрече представлял гауптштурмфюрер СС Шпильтер А. (Niemieckie materiały do historii powstania Warszawskiego. 1939–1945. T. 1. Warszawa, 1957. S. 49; Die Zeit. 29.07.1994).

** В лондонском центре кодов и шифров действовал член «Кембриджской пятерки» Джон Кернкросс. В архивах РФ сохраняется почти полное досье радиоперехватов переговоров отрядов АК на местах с «верхами». Разведка СССР имела агентов в командовании АК, в Делегатуре и в польском правительстве.

*** Вполне вероятно, что, принимая Миколайчика 3 августа, Сталин уже знал о восстании в Варшаве. Информация об этом поступила в советский Генштаб от англичан. Она содержала текст двух телеграмм из Варшавы. Телеграммой № 1 повстанцы уведомили союзников о начале восстания. Телеграмма № 2 состояла из просьбы и уведомления: 1. «Поскольку мы начали открытые бои за Варшаву, мы просим, чтобы русские помогли нам немедленной атакой извне»; 2. «Просьба о доставке в Варшаву боеприпасов и противотанкового оружия направлена властям союзников в Италии для немедленного исполнения, если возможно» (Русский архив. Великая Отечественная. 14. 3(1). СССР и Польша 1941–1945. К истории военного союза. М., 1994. С. 210–211). 3 августа документ из Генштаба передал Молотову, который участвовал в беседе, состоявшейся вечером. Такая информация требовала дополнительной проверки.

польско-советской границе, предлагал обсудить процедуру передачи Красной Армией освобождаемых территорий администрации польского правительства. 3 августа он говорил о восстании как уже победившем и о том, что его правительство будет встречать Красную Армию в столице, для чего ему необходимо вылететь в Варшаву. В этот раз Миколайчик не просил о помощи повстанцам действиями советских войск, отчасти признавал возможность отделения от Польши тех национальных меньшинств, которые «не хотят быть с нами», но настаивал на польской принадлежности Львова и варианте временной демаркационной линии вместо границы между странами.

Сталин, зная истинное положение на фронте, оценил восстание как дело безнадежное, выразил крайнее сомнение в способности АК изгнать немцев из Варшавы, предлагал содействие встрече тех поляков, кто намерен сотрудничать с ПКНО, иначе СССР сам «будет вынужден сотрудничать с ПКНО». По поводу Львова он заявил, что не может обидеть украинцев, выразил решительный протест против попыток АК дезорганизовать тыл воюющей армии, пригрозив: пусть аковцы не жалуются, что их арестовывают, если такие попытки будут продолжаться — станем расстреливать. Мобилизацию по плану «Бужа» Сталин назвал легкомысленным и небезопасным безрассудством «неумных людей» и отказался признать АК регулярной армией. Миколайчик согласился на встречу с представителями ПКНО, но предложил после возвращения в Варшаву создать правительство в составе пяти партий: четырех «своих» и ППР. 6 и 7 августа состоялись переговоры председателя КРН Б. Берута и председателя ПКНО Э. Осубка-Моравского с Миколайчиком. Они соглашались при создании объединенного правительства предоставить Миколайчику пост премьер-министра, а его сторонникам четыре портфеля из 18, если он признает программу ПКНО, потребовали отставки Рачкевича и Соснковского. Миколайчик заявил, что не может дать ответы без консультаций с правительством, Черчиллем и Иденом. Советская сторона выразила сожаление в связи с неудачей польско-польских переговоров, но сочла, что успех еще возможен²²⁴.

9 августа состоялась вторая встреча Сталина и Миколайчика. Вопрос о помощи повстанцам оружием стал одним из главных. Сталин уже знал подробности о восстании, не изменил негативного к нему отношения («нереальное») и констатировал: части Красной Армии «конечно, преодолеют сопротивление немцев и возьмут Варшаву, но это потребует времени», предлагал направить в город офицеров связи*, запросил шифры и координаты для сброса грузов, обещал сделать все возможное. Вопрос о будущем правительстве Польши он оставлял открытым. Миколайчику было гарантировано, что после освобождения Варшавы он сможет прибыть в столицу и в качестве премьер-министра по договоренности с ПКНО создать объединенный кабинет²²⁵.

Между тем ситуация в восставшем городе развивалась не по лучшему сценарию. За первые четыре — пять дней, когда гитлеровцам было не до повстанцев (им нужен был успех в танковом сражении на подступах к Варшаве), от 1,5 до 3,5 тыс. человек с ручным стрелковым оружием освободили значительную часть города**. Они заняли

* Сброшенный парашютист попал к немцам и был убит, что стало известно лишь 16 августа.

** На территории, охваченной восстанием, проживали 700–720 тыс. варшавян. Точное число повстанцев неизвестно. В польской литературе называются от 15 до 50 тыс., к

здания сейма, ратуши, министерств, монетный двор, однако стратегически важные пункты — мосты через Вислу, побережье, вокзалы, аэродромы, линии связи — захвачены не были. Здесь лежит ответ на вопрос, почему о восстании не было сообщено советскому руководству и командованию, а также левым группировкам подполья. Рокоссовский К.К. считал, что «повстанцы могли бы постараться захватить мосты через Вислу и овладеть Прагой, нанеся удар противнику с тыла. Тем самым они помогли бы войскам 2-й танковой армии и, кто знает, как бы разыгрались тогда события. Но это не входило в расчеты... „лондонского“ правительства...»²²⁶. Победа была нужна этим силам независимая от «Советов».

За последние годы расширились знания историков о настроениях населения в период восстания, о его отношении к АК и самому восстанию. Несомненно, ненависть поляков к оккупантам была велика, как и стремление от них освободиться. Те офицеры и солдаты, которые добровольно пришли 1 августа на сборные пункты, и присоединившиеся к восстанию партизаны других политических организаций, включая ППР, готовы были биться до конца. В первые дни варшавяне с энтузиазмом поддерживали повстанцев, которые самоотверженно шли на подвиг. Примеров их героизма сотни²²⁷. Но из документов следует и другое: «масса населения и все духовенство были ошеломлены восстанием» и «добровольцев [было] очень мало». О самих повстанцах немецкая контрразведка сообщала: «Повстанцы вербуются преимущественно из лиц в возрасте до 25 лет. В то время как люди старшего возраста, с большим жизненным опытом почти совсем отсутствуют. Интеллигенция большей частью уже сбежала» из города. Отмечался рост уличных преступлений. Такое «расслоение» в позициях и настроениях населения усиливалось по мере того, как перспектива поражения становилась все очевидней²²⁸.

Уже с 5 августа вермахт вынудил повстанцев перейти к обороне. Между тем в освобожденных повстанцами районах из подполья вышли РЕН и Делегатура, наделенные всеми prerogативами государственной власти в стране, кроме иностранных дел. Была опубликована декларация о реформах и восстановлении демократического правопорядка, основанная на программах социалистов и людовцев. Авторы документа стремились ответить на социальные запросы населения, в первую очередь, крестьян, рабочих и интеллигенции. Распоряжением правительства с 1 августа 1944 г. вводилось принудительное государственное управление именными площадью более 50 га и лесами более 20 га. 27 августа было опубликовано постановление о создании рад закладовых (заводских советов) на государственных, муниципальных и акционерных предприятиях. Им предоставлялось право контроля над производством. Подпольной администрации в стране, воеводам и старостам предписывалось брать власть по мере изгнания

концу восстания вооружены были до 15 тыс. человек. Капитан Калугин, бывший военнопленный, оказавшийся в Варшаве в начале восстания, доносил советскому командованию, что повстанцев было около 6 тыс. После взятия Праги в середине сентября К.Н. Рокоссовский докладывал в Ставку: повстанцев не более 5 тыс. человек. Генерал Штеменко в воспоминаниях пишет, что повстанцев было 16 тыс., из них 3,5 вооруженных. По сообщению разведки штаба 9-й армии вермахта от 6 августа, «численность АК не слишком велика, но она достаточно организована» (Русский архив. Великая Отечественная. 14. 3(1). СССР и Польша. К истории военного союза. М., 1994. С. 264, 437; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1974. Кн. 2. С. 80).

оккупантов. Провозглашена была борьба «за Польшу общественной справедливости», развернута пропагандистская кампания, в том числе с целью нейтрализовать эффект от Манифеста ПКНО. Прозвучал призыв не признавать самозванных правительств и комитетов. Стране напоминали, что истинное правительство находится только в Лондоне, а законные власти Польши — в Варшаве. В воззваниях к народу почти всех партий и профсоюзов говорилось о национальном единстве, о Польше, которая сама завоеует свободу, а от Европы нужна только справедливость. 20 сентября Бур-Коморовский издал приказ о преобразовании АК в регулярную армию и объединении ее с армией на Западе²²⁹. Хотя все эти решения остались на бумаге, но пропагандистско-политический отзвук они получили, усилив уверенность в возвращении правительства, которому доверяло большинство поляков. Танковое сражение на подступах к Варшаве завершалось поражением советских войск, а в городе царило возбуждение в ожидании их прихода и победы восстания.

Командование АК, «подпольное государство» и польская печать в Лондоне активно эксплуатировали тезис о «сознательном бездействии» Красной Армии под Варшавой. Антисоветская кампания началась уже 2 августа, когда советское руководство официально еще не было информировано о начале восстания. В городе распространялись такие «факты»: не слышно-де советского наступления, Москва специально остановила войска, чтобы погубить восстание и т. п. Через две недели после начала восстания в пропаганде АК прозвучало обвинение Москве в том, что она 29 июля 1944 г. призвала варшавян к восстанию, а теперь их «бросила». Распространялись сочиненные германской стороной фальшивки приказов Сталина о прекращении наступления*. Эта кампания докатилась до ватиканских и турецких газет.

Под воздействием потока дезинформации на фоне поражений и крупных советских потерь под Варшавой еще недавно сдержанное отношение Сталина к восстанию в городе, находившемся в эпицентре ожесточенного сражения, стало откровенно негативным. Советская сторона заняла жесткую позицию. После обсуждения ситуации на заседании ГКО было опубликовано 13 августа специальное Заявление ТАСС: «Советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию». Аргументацию своей позиции Сталин изложил в посланиях Черчиллю и Миклолайчику от 16 августа²³⁰. Был дан приказ расследовать все, что связано с восстанием и положением на фронте под Варшавой. Результаты расследования опровергали многие измышления**.

* Немецкое авторство этих «приказов» было выявлено компетентными советскими органами уже в середине августа в ходе выяснения ситуации в Варшаве и «вокруг» Варшавы (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 251. Л. 76).

** Сталину доложили результаты проверки всех передач советского радио: «В материалах Всесоюзного радиокомитета не оказалось передач прямо или косвенно призывающих к восстанию в Варшаве», ни одна радиостанция СССР такого призыва не передавала. 29 июля вела передачу на Варшаву радиостанция «Костюшко», которой пользовался СПП. Текст передачи в тот день был обширен: излагались сводки Совинформбюро, перечислялись освобожденные польские населенные пункты, говорилось о планах Ставки овладеть Прагой к 5–8 августа. Далее шел текст, который ниже приводится без купюр: «Вступающая на польские земли Польская Армия, созданная в СССР, объеди-

К 7 августа гитлеровцы добились в Варшаве первых серьезных успехов, к 12 августа почти 3/4 города уже было в их руках. 17 августа они взяли Старе Място. Настала очередь варшавских районов Охота, Воля и Мокотов. Одновременно оккупанты пытались уничтожить партизан в Кампиновской Пуще, куда в основном сбрасывались грузы с самолетов союзников. Гитлеровцы сосредоточились на том, чтобы обеспечить безопасность правобережной части города — Праги, где восстание было сразу подавлено, и исключить прорыв советских частей к Варшаве. В левобережной части восставшего города они создавали проходы к мостам через Вислу и тем разбивали повстанцев на отдельные, не связанные между собой группы и районы, что ухудшало их положение. Командовал карательными операциями в Варшаве генерал Э. Бах-Зелевский, непосредственно подчиненный Г. Гиммлеру. Внимательно следил за ситуацией в городе начальник Генштаба сухопутных войск вермахта генерал Г. Гудериан, который позднее назвал восстание «бессмысленной бойней». Гитлеровцы зверствовали, исполняя приказ Гитлера уничтожить город и его обитателей. Расчищая подступы к линии фронта, они методически сравнивали с землей квартал за кварталом. В огне гибли все: люди, дома, имущество. При этом шел откровенный грабеж. Из восставшей Варшавы было вывезено 26319 вагонов сырья, машин, товаров, 3240 вагонов и 850 грузовиков сельскохозяйственных продуктов²³¹. Для руководства грабежом был создан специальный штаб в Познани*.

ненная с борющейся на родине Народной Армией (А.Л. — В.П.) — это фундамент Войска Польского. Но она и сегодня уже является вооруженной рукой нашего народа в борьбе за независимость. В эти ряды завтра вольются сыны Варшавы, чтобы вместе с союзной армией гнать врага дальше на запад, чтобы вышвырнуть гитлеровских гадов с польской земли, чтобы нанести бестии прусского империализма смертельный удар. Но для Варшавы, которая не поддалась, для борющейся Варшавы час действия настал уже сегодня. Немцы будут, несомненно, прилагать усилия к тому, чтобы защищаться в Варшаве, а каждый день их пребывания — это новые разрушения, новые тысячи жертв. Наши дома и парки, наши мосты и железнодорожные станции, наши фабрики и общественные здания будут превращать в узлы обороны, подвергая город опасности превращения его в руины, а его жителей опасности уничтожения. Прежде, чем покинуть город, немцы будут стараться ограбить его начисто, взять самое ценное, а то, что останется, они попытаются уничтожить. Вот почему мы должны во сто крат больше, чем когда-либо помнить, что в гитлеровском потоке уничтожения может погибнуть все, что мы не сможем спасти своими руками, помнить, что активной борьбой с оккупантами на улицах Варшавы, в ее домах, фабриках, складах — мы не только ускоряем момент окончательного освобождения, но спасем имущество и жизнь наших братьев. Вот почему в этот исторический момент мы говорим: Варшавяне, на борьбу! На борьбу за сохранение наших домов, за машины наших фабрик, за имущество нашей столицы, за нашу жизнь и свободу. Вы — передовой отряд нашей страны, выдвинутый на передовые позиции, вы — отряд нашего войска!» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 296. Л. 52. Краткое изложение документа см.: Русский архив. Т. 14. 3 (2). Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. М., 1997. С. 403).

- * После войны в Берлине нашлись варшавские трамваи, в Австрии польский радиий, а в Западной Германии платина, но всего было возвращено только 7355 вагонов вывезенного имущества (*Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce*. Т. I. Warszawa, 1970. S. 535).

К началу сентября восставшие находились в критической ситуации. В их руках осталось пять небольших изолированных районов, затем три. Уже с конца августа отмечалось снижение боевого духа повстанцев и определенная деморализация, которую пытались преодолеть «суровой дисциплиной». Взятые в гитлеровский плен повстанцы свидетельствовали, что неоднократно видели «как расстреливали солдат АК за то, что они отказывались принимать дальнейшее участие в безнадежной борьбе». Менялись и настроения гражданского населения. Как отмечало командование АК, население, первоначально благожелательное или нейтральное к восставшим, постепенно теряло терпение, становилось все более враждебным. В городе встала проблема выживания, не было медикаментов для раненых, света, воды. Все меньше оставалось продовольствия, съели всех лошадей, собак и птиц. Наступал голод. По показаниям свидетелей, повстанцы несли большие потери, вызванные инфекционными заболеваниями. Значительная часть варшавян пришла к убеждению, что «лондонское правительство» следует отправить в отставку, считало поднятое восстание преступлением, обвиняло западных союзников в бездействии²³².

9 сентября Бур-Коморовский, считая, что 50% аковцев против капитуляции, тем не менее, с согласия Янковского, главы правительства в стране, решил капитулировать, возложив ответственность за поражение на Россию, которая «не помогла». Мнения его подчиненных были различны. Генерал А. Хрущель предлагал связаться с генералом М. Роля-Жимерским и установить с ним лояльное сотрудничество. Бур не соглашался сделать этот шаг.

Одновременно с созданием советского Магнушевского плацдарма и операциям 1-го Белорусского фронта в середине сентября на левом берегу Вислы войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов севернее Варшавы вплотную подошли к границам Восточной Пруссии. Наступательные действия советских войск на время прервали имевшие место переговоры командования АК с немцами о капитуляции, возродили определенные ожидания у горожан. Появилась надежда на прямую помощь с Востока, а значит на возможность продолжения борьбы.

Негативное отношение Сталина к восстанию в Варшаве к этому времени изменилось. Советский лидер убедился, что антисоветский замысел восстания обернулся длительной и самоотверженной антигитлеровской борьбой повстанцев. В то же время в Москву шли послания У. Черчилля, который отказывался посылать британские самолеты с помощью для Варшавы из-за больших потерь и просил, чтобы туда летали советские пилоты. Сталин согласился оказывать варшавянам помощь, сбрасывая с воздуха оружие и продовольствие. 9 сентября он разрешил летавшим на Варшаву самолетам союзников приземляться в советском тылу. Кроме того, Красная Армия к этому времени обеспечила ближайшую геополитическую цель советского руководства на Балканах: перешла на сторону СССР Румыния и Болгария. Советские части вошли в Бухарест, освободили Софию. Одновременно была решена и важная военно-оперативная задача: вермахт потерял единственный, румынский, источник натурального бензина для боевой техники, что ограничивало его наступательные возможности*.

* В новых условиях К.К. Рокоссовский выяснял, может ли АК в случае наступления на левобережную Варшаву реально помочь советским войскам, и пришел к выводу: 4 тыс. повстанцев, действующие изолированно в трех районах, «никакой реальной силы»

С такими переменами на советско-германском фронте хронологически совпала интенсивная советская помощь борющейся Варшаве. В сентябре 1944 г. она выражалась в разных формах: уничтожались самолеты люфтваффе в небе над городом, подавлялись немецкие огневые точки на земле, передавались повстанцам разведданные, сбрасывались оружие, радиостанции, медикаменты, продовольствие. Советские летчики совершили 4821 самолетовылет в район Варшавы, из них 2435 для сброса грузов, 100 для подавления средств гитлеровских ПВО, 1361 для бомбометания и обстрела войск противника по просьбам повстанцев. 925 вылетов имели целью прикрытие районов, занятых повстанцами, и разведку в их интересах. Самолеты По-2 были специально переоборудованы для сбрасывания грузов, которые производились без парашютов, с минимальной высоты в 100–150 м, в основном «под заказ» повстанцев. «Производимые нами сбрасывания грузов самолетами ПО-2, — информировал Ставку Рокоссовский, — в подавляющем большинстве попадают по назначению, что подтверждают все, вышедшие из Варшавы, и наша агентура»²³³. Почти треть вылетов совершил полк ночных бомбардировщиков 1-й Польской армии Войска Польского.

Меньше везло пилотам самолетов союзников, которые проходили над Варшавой на большой высоте. По разным оценкам, эффективность английских сбросов с высоты 4,5–5 км не превышала 35–54%, американских с тех же высот — 20%. Общий вес английских грузов составлял от 52 до 88 т. Командование 1-го Белорусского фронта доносило 20 и 21 сентября 1944 г. Сталину, что большинство грузов, сброшенных самолетами союзников в августе, попало к немцам, «ввиду их сбрасывания с большой высоты», что единожды, 18 сентября, 100 американских «летающих крепостей» с высоты 4500 м сбросили 1284 грузов, из них лишь 228 попало к повстанцам, «абсолютное большинства опустилось не в районах, занятых повстанцами, а в расположении немцев, а отдельные в расположении наших войск, в 40 км от Варшавы»²³⁴.

Данные о грузах, сброшенных авиацией всех союзников, существенно расходятся, а порой и фальсифицируются. По учету полученных грузов, сделанному 30 сентября 1944 г. командованием АК, советские самолеты доставили 150 т оружия и боеприпасов, английские 86 т, американские 16 т*. Главной помощью повстанцам были боевые действия советских войск на ближайших к Варшаве участках фронта. Попытка прямого форсирования Вислы в черте города в середине сентября и непосредственного объединения с повстанцами, несмотря на колоссальные жертвы, не удавалась. Закрепиться на левом берегу советские войска смогли только в Чернякове, где взяли Вислу под свой контроль. Но и этот плацдарм не удержали. В битве за плацдармы на левом берегу Вислы потери 1-й Польской армии убитыми и ранеными составили 2276 (87%), из них безвозвратные (убитые и пропавшие) — 1987 солдат и офицеров. Невредимыми вернулись

борьбе за Варшаву не представляют, и рассчитывать на их сколько-нибудь существенную помощь нельзя», о чем и доносил Сталину 21 сентября 1944 г. (Русский архив. Великая Отечественная. 14. 3 (1). СССР и Польша. К истории военного союза. М., 1994. С. 270).

* Авторы труда по истории польских вооруженных сил приводят другие цифры: СССР — 55 т, союзники — 104 т (Polskie siły zbrojne. T. III. Armia Krajowa. Londyn, 1950. S. 799–800). Подчеркнем, что они имели данные АК за 1944 г. Проверить точность тех и других сведений в настоящее время вряд ли возможно.

только 138 человек. Наступление на правобережную часть Варшавы — Прагу завершилось ее взятием 14 сентября. Первыми в город вошли части 1-й Польской пехотной дивизии и 1-я Польская танковая бригада*. Предоставить эту честь полякам Сталин обещал еще в 1941 г., говорил об этом в 1942 и 1943 гг. Советская сторона немедленно и безвозмездно предоставила населению Праги 10 тыс. т муки²³⁵.

В ходе Варшавского восстания было наконец достигнуто боевое взаимодействие АК с АЛ и другими военными формированиями. Левые силы (коммунисты, социалисты, лядовцы), в политических планах которых восстание не значилось, присоединились к нему, движимые патриотизмом, ненавистью к гитлеровцам и желанием бороться с ними. 2 августа «тройка» из руководящего актива ППР, А. Ковальский, З. Клишко и Х. Козловская, оставшиеся в Варшаве перед уходом ЦК ППР и КРН на территорию освобожденной «люблинской» Польши, приняла решение о присоединении ППР и отрядов Армии Лядовой к антигитлеровскому восстанию на условиях организационно-политической автономии. Общим было признано оперативное командование АК. Фактически бойцы АЛ, которых в городе было 1800 и в Праге 600 человек, включились в борьбу уже 1 августа. Если в боевых сражениях повстанцы были едины, то по политическим позициям, оценкам действий правительства, отношению к ПКНО они существенно различались и оставались разобщенными. Политическое руководство «подпольного государства» и командование АК, выражавшие настроения большинства населения, вовсе не изменили крайне отрицательного отношения к тем, кого они называли коммунистами, и к ПКНО в Люблине**. В связи с оперативным взаимодействием отрядов АК с ГЛ командование АК распространило инструкцию своим бойцам: «Отношение к ППР: 1) не раздражать, лавировать, не провоцировать; 2) если будут выступать агрессивно в отношении нас, ликвидировать»²³⁶.

Между тем под влиянием неудачного развития событий в Варшаве и слабой военной и политической помощи главной союзницы — Великобритании нарастали перемены в отношении варшавян к правительству, росло влияние левых и леворадикальных сил, укреплялась тенденция к их объединению. На сторону ППР перешли все левые со-

* Польская дивизия потеряла в боях за Прагу 1900 человек, из них убитыми 355 человек. Потери советских 478-й и 70-й армий в эти дни составили около 5 тыс. человек (Русский Архив. 14. 3(1). Великая Отечественная. СССР—Польша. 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 250; Назаревич Р. Варшавское восстание. 1944 год. М., 1989. С. 179).

** 19 сентября 1944 г. представитель Генштаба в 1-й Польской армии доложил заместителю Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукову о том, что обнаружен недатированный приказ генерала Бура, в котором в частности говорится: «Большевики по отношению к Варшаве. Они заявляют, что они друзья польского народа. Это коварная ложь. На окраинах, Вильно и Люблин вызывают к мести. Большевицкий враг встретится с такой же беспощадной борьбой, которая поколебала немецкого оккупанта. Действия в пользу России являются изменой родине. Час польского восстания еще не пробил. Приказы советских приспешников аннулирую. Комендант Армии Крайовой приказал подавить всякие попытки поддержки Советов. Немцы удирают. К борьбе с Советами. Долой здравствует свободная Польша. Бур — Главный Комендант вооруженных сил в стране» (Русский архив. Великая Отечественная. 14. 3(1). СССР—Польша. К истории военного союза. М., 1994. С. 260).

циалисты и так называемая Централизация — политическое объединение, созданное РИПС и представлявшее интересы и позиции части средних слоев города. Оформилось общее военное командование АЛ, ПАЛ и Корпуса безопасности, отделившегося от АК. Вышедшим из подполья структурам «подпольного государства» было противопоставлено учрежденное 26 сентября в Варшаве по инициативе ППР Демократическое повстанческое соглашение, которое признало КРН и ПКНО. Таким образом, в восставшей Варшаве возник альтернативный РЕН и КРМ политический центр²³⁷. В тот же день, 26 сентября, официальная газета Делегатуры «Жечьпосполита Польска» опубликовала редакционную статью, где говорилось о принятии к сведению создания ПКНО и его вооруженных сил в составе Красной Армии, выражалось согласие на переговоры с ПКНО и на широкое соглашение с СССР. Одновременно, правда, выдвигалось требование, чтобы ПКНО понял, что его программа и методы действия находятся «далеко за границами демократического соглашения», и чтобы Комитет, соответственно, ревизовал свои позиции. Такое требование было неприемлемо для левых сил.

Восставшие продержались 63 дня, хотя командование АК задумывало краткосрочную операцию (1–3 дня) по изгнанию гитлеровцев, призванную показать, что, сражаясь против немцев, Варшава сражается и против большевиков и не допустит их вмешательства в судьбу страны. Длительность восстания определялась рядом обстоятельств: энтузиазмом тех, кто упорно боролся; поддержкой части населения; организацией собственного производства стрелкового вооружения и боеприпасов; захватом немецких трофеев; сбросами оружия и продовольствия с советских и союзных самолетов. Гитлеровцы располагали достаточными силами для жесточайшей и скорой расправы с варшавянами, согласно приказу Гиммлера «уничтожить десятками тысяч», что и происходило. Но их главная военно-оперативная задача под Варшавой была масштабнее: не допустить прорыва советских войск и сдачи города. Когда же для немецкого командования стало ясно, что советские части не имеют сил для штурма, а Москва занята решением военно-оперативных и политических задач на Балканах, появился вопрос Гитлера: «Когда прекратится спектакль в Варшаве?» и приказ уничтожить столицу Польши, не оставив камня на камне. По словам Бах-Зелевского, вермахт потерял в борьбе с повстанцами 10 тыс. солдат убитыми и 9 тыс. ранеными*.

По политическим соображениям гитлеровцы использовали в подавлении восстания силы предателей. Так, 9 августа в Варшаву был введен специально созданный сводный полк (1500 чел.) так называемой Русской освободительной народной армии под командованием бывшего советского офицера Б. Каминского, отметившийся зверствами, грабежами, дикими убийствами мирного населения и через 20 дней выведенный из города. Украинский легион самообороны (200 чел.) в сентябре 1944 г. сдерживал прорыв повстанцев к Висле. Были и другие подобные подразделения, созданные гитлеровцами²³⁸. Но не они решали судьбу повстанцев, а части вермахта и СС.

В конце сентября начались переговоры о капитуляции, которые неоднократно, начиная с 7 августа, предлагались немцами, но откладывались командованием АК. По рассказам участников со стороны оккупантов, они велись в подчеркнуто вежливой, исключительно корректной форме. 30 сентября было объявлено о перемирии.

* В литературе есть иная цифра потерь — 34 тыс. человек (Zawodny J.-K. Nothing but Honor/ The story of the Warsaw Uprisings 1944. London, 1978. P. 210–211).

Бах-Зелевский требовал полной капитуляции, которая и была подписана Бур-Коморовским 2 октября 1944 г. 15 378 повстанцев, признанных военнопленными по Женевской конвенции 1929 г., сложив оружие, последовали в лагеря для военнопленных. Генерал П.О. Гейбель, начальник СС и полиции в Варшавском округе после войны на допросах в СССР показывал, что был подписан «исчерпывающий» договор о том, что «АК не будет привлекаться к ответственности за деятельность перед восстанием и в период восстания». И далее: «Я видел генерала „Бур“ в этот день, когда его АК шла в немецкий плен в Ожарове. Он прибыл туда со своим штабом на нескольких грузовых машинах и был принят самим [фон дем] Бахом... Бах рассказывал потом, что храброму противнику, который один руководил борьбой в каждом из котлов (окружении) и каждый раз избегал конца, уходя в подполье, он предложил свободу, ему и господам из его штаба. Однако генерал „Бур“ отказался и заявил, что ему надо идти со своими солдатами в плен». В первые дни октября 1944 г. гитлеровцы выселили из Варшавы всех оставшихся в живых жителей города. Через лагеря в Прушкове и Урсусе прошло, по немецким данным, 350 тыс., по польским — 550 тыс. человек. Вопреки условиям капитуляции 153 тыс. были отправлены на работы в Германию, 50 тыс. заключены в концлагеря, остальные расселены по разным районам генерал-губернаторства. Потери повстанцев составили от 15 до 17 тыс. человек; погибло 150–165 тыс. жителей города²³⁹. К ним, рядовым бойцам восстания и простым варшавянам, в первую очередь, следует отнести заявление сейма Польской Республики (1994 г.) о том, что они достойно послужили Польше.

Десятилетиями идут дискуссии по вопросу, почему освобождение Варшавы Красной Армией не произошло в августе 1944 г. Многие исследователи и публицисты за рубежом и некоторые в России обвиняют советского лидера в том, что он преднамеренно остановил наступление, поэтому советские войска не штурмовали город, а стояли и смотрели, как погибают повстанцы и жители. Как правило, сторонники этой позиции не опираются на документальные доказательства*.

* Вряд ли можно считать серьезными утверждения, например, Б.В. Соколова, который, вопреки мнению профессиональных военных историков, отечественных и зарубежных, утверждает, что Сталин предал повстанцев, хотя имел возможность помочь им одержать победу. Автор не подкрепляет ни документами, ни фактами такие, например, заявления: «восстание варшавян предполагалось советским командованием еще во время планирования Белорусской операции»; «восстание в Варшаве... должна была бы возглавить просоветская Армия Людова»; не договорившись с Миколойчиком в начале августа 1944 г., Сталин решил просто «ждать, пока немцы подавят восстание. А пока кормить Миколойчика обещаниями, которые [в Москве] не собирались выполнять». Или еще примеры: «Сталин решил провести Варшавскую операцию так, чтобы ни в коем случае не взять Варшаву до того, когда восстание будет немцами раздавлено»; «войска 1-го Белорусского фронта не стали брать Варшаву, ожидая, пока Армия Крайова и прочие примкнувшие к ним повстанцы в Варшаве вынуждены будут сдаться немцам». Свои бездоказательные тезисы Соколов выдает за предположения командующего 1-м Белорусским фронтом: «прямого стоп-приказа Рокоссовский никогда не получал», не понял, что и в сентябре 1944 г. свежих сил ему не дадут. Соколов, не называя конкретные ссылается даже на фальшивые документы, распространявшиеся гитлеровцами во время восстания (Соколов Б.В. Рокоссовский. М., 2010 С. 354, 357 и др.).

Между тем документы свидетельствуют, что положение советской армии под Варшавой в августе-сентябре 1944 г. было тяжелейшим. «Как будто руководители восстания, — напишет позже К.К. Рокоссовский, — нарочно выбирали время, чтобы потерпеть поражение». Тем не менее, боевые действия Красной Армии на Варшавском направлении не останавливались ни на один день и унесли тысячи жизней советских и польских солдат*. Только в конце октября Сталин убедился, что быстрое освобождение Варшавы невозможно и приказал правому крылу 1-го Белорусского фронта перейти к жесткой обороне. «Неверно предположить, — докладывал в декабре 1944 г. в Лондон новый командующий АК генерал Л. Окулицкий, — что советские войска не заняли Варшавы потому, что хотели уничтожения центра польской независимости. Правдой является то, что 4 и 5 августа Советы проиграли собственную битву за Варшаву». Вскоре Сталин скажет Беруту, что обе стороны, советская и немецкая, под Варшавой не смогли реализовать свои стратегические планы²⁴⁰. Кроме того, следует учитывать и геополитические соображения советского руководства. Помощь восстанию, направленному против этих соображений, не соответствовала интересам Москвы.

Объективный анализ приводит к выводу: ответственность за гибель более 150 тыс. варшавян, разрушение столицы Польши несут те польские политики, которые призвали к восстанию, не согласовав своего решения с советским командованием. Как утверждал в конце 1944 г. нацистский глава варшавского округа Л. Фишер, военно-оперативные последствия восстания отвечали интересам Германии: «То, что удалось уже на протяжении нескольких месяцев удерживать большевистские армии на восточном берегу Вислы и одновременно подавить крупнейшее в польской истории восстание в Варшаве, является крупнейшим военным достижением... Для общего хода боевых действий на восточном фронте это имело большое значение, ... если бы большевикам удалось переправиться через Вислу в районе Варшавы и в соответствии со своим планом отсюда нанести удар через Варшаву, то фронт в Восточной Пруссии оказался бы в бедственном положении»²⁴¹.

Выдержав 40 дней упорного наступления на подступах к Варшаве, советские войска выполнили поставленную Ставкой задачу взять Прагу, но находились в трудной ситуации. На восстановление их личного состава и боевой техники перед Висло-Одерской операцией потребовался не один месяц.

Итак, Варшавское восстание — сложное явление. Это — и героическая борьба варшавян против немецко-фашистских оккупантов. Это — и военная операция, организо-

* Войска 1-го Белорусского фронта, пробивавшиеся к Варшаве (Праге), потеряли в августе 1944 г. 114 400 человек. За август и сентябрь потери фронта превысили 170 тыс. человек. Общие потери Красной Армии под Варшавой в этот период составили 226 тыс. убитыми, ранеными, пропавшими без вести. Потери только 8-й гвардейской армии, форсировавшей Вислу южнее Варшавы и пытавшейся не только удержать плацдарм, но и двинуться в сторону Варшавы, превысили 35, 6 тыс. бойцов. 1-я Польская армия недосчиталась 6757 солдат (Русский архив. Великая Отечественная. 14. 3(1). СССР-Польша. К истории военного союза. 1941-1945. М., 1994. С. 193). Погибли 215 английских и американских летчиков из 2472 пилотов, участвовавших в полетах. Не вернулись на базу (по разным источникам) 27-35 самолетов союзников (История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. X. С. 511).

ванная во имя освободительных целей, но в политических интересах части польской элиты, представления которой в 1944 г. не разделялись поляками столь единодушно, как, например в 1939–1941 гг. Как средство решения задач, стоявших перед Польшей, оно уже не соответствовало настроениям многих социальных групп польского общества. Восстание фактически не поддержала самая многочисленная часть населения — крестьянство, что стало одной из важнейших причин его поражения.

Это — и попытка польских эмигрантских политиков и командования АК ценой жизни сотен тысяч поляков и советских солдат навязать руководству СССР свои намерения, сделав из Польши преграду на пути распространения советского влияния в Восточной Европе. Как таковое оно было обречено на провал и бессмысленно даже в случае победы повстанцев. Сталин, решая задачи обеспечения безопасности советского государства и превращения страны в великую державу, вряд ли мог допустить, чтобы к власти в Польше пришли открыто антисоветские силы. Состоявшиеся 9–18 октября 1944 г., через неделю после капитуляции повстанцев, переговоры в Москве, куда Черчилль привез Миколайчика, это показали со всей отчетливостью²⁴².

В переговорах участвовали с советской стороны Сталин и Молотов, с английской — Черчилль и Иден, с американской — посол А. Гарриман. Привлекались и представители двух польских сторон: от правительства — Миколайчик, Грабский, Ромер; от ПКНО — Берут, Осубка-Моравский и Роля-Жимерский. Они общались со Сталиным и Черчиллем поочередно. Делегация ПКНО по-прежнему соглашалась договориться с эмигрантским правительством на условиях, выдвинутых в августе, при сохранении прочного большинства за «Люблиным» (75–80% мест). Однако дело кончилось приватной беседой Берута и Миколайчика за столиком ресторана «Метрополь». Берут предупредил польского премьера: «Пока Вы будете ездить за полномочиями в Лондон, трудно будет прийти к соглашению».

Во время встречи Сталина и Черчилля с Миколайчиком тому напомнили о решениях Тегеранской конференции по Польше. В вопросе советско-польской границы польский премьер не занял конструктивной позиции, вопреки настояниям Черчилля. Советский лидер констатировал, что Миколайчик, как и в августе, исходит не из реальной обстановки, а из прежних антисоветских концепций польских эмигрантских кругов. Характеризуя Миколайчика и других членов его кабинета, прибывших на переговоры в Москву, Черчилль, раздраженный упорством польской стороны, в письме 16 октября английскому монарху Георгу VI определил их как группу «приличных, но немощных глупцов». Объективности ради отметим, что Берут и представители ПКНО показались ему «холопами, которых свет на видел». Беседы Сталина и Черчилля с Миколайчиком 13 октября и тогда же отдельно с Берутом не привели к польско-польским договоренностям. Английское правительство, желая подтолкнуть Миколайчика к принятию решения о сотрудничестве с ПКНО и согласию на «линию Керзона», вскоре официально дало «добро» на проведение западной границы по Одру и передачу Щецина Польше, а также заявило о готовности вместе с СССР гарантировать независимость и целостность новой Польши. США соглашались снять возражения в случае, если польское, английское и советское правительства достигнут согласия по вопросу о восточной границе Польши с одновременным предложением Польше территориальной компенсации за счет Германии. В отличие от поляков, которые в Москве не нашли общего языка, представители СССР и Великобритании достигли определенного прогресса в

«польском вопросе»: были в целом согласованы точки зрения СССР и Англии на будущие границы Польши. Англия де-факто признала ПКНО и фактически соглашалась на реорганизацию польского правительства в Лондоне. В опубликованном Коммюнике о переговорах говорилось о значительном успехе в решении польского вопроса, который детально обсуждался представителями советского и британского правительств, в итоге переговоры сократили расхождения и рассеяли недопонимание²⁴³.

Сам Миколайчик считал, что переговоры оставили открытой дорогу к соглашению «лондонских» поляков и ПКНО и выехал в Лондон «посоветоваться со своими коллегами». Несмотря на его старания и поддержку министров-людовцев, ни правительство, ни Рада Народова не приняли как восточной границы по «линии Керзона», так и планов реорганизации эмигрантского центра и подчиненных ему структур в Польше. 3 ноября правительство заявило об отказе принять условия ПКНО. 24 ноября 1944 г. Миколайчик подал в отставку. Ведущие позиции в правительстве перешли к антисоветски настроенным политикам правого и националистического спектра.

III.5. Положение на освобожденных землях.

От ПКНО к Временному правительству

Поражение Варшавского восстания оказало негативное воздействие на польское общество и военно-политическую ситуацию в «подпольном государстве». За линией фронта, на немецкой стороне существовали РЕН, возглавляемая К. Пужаком, подпольное правительство во главе с вице-премьером Я. Янковским, подпольное руководство четырех партий, уцелевшая после поражения в Варшаве часть командования АК и ее новый командующий генерал Л. Окулицкий. «Подпольное государство» и, прежде всего, АК понесли тяжелые потери. Структура АК, созданная для борьбы с гитлеровцами, была в значительной степени разрушена. А с приближавшимся со дня на день освобождением всех польских территорий Красной Армией исчезали основания для ее воссоздания как антигитлеровской организации, каковой она себя представляла миру. Еще весной 1944 г. была создана небольшая, глубоко законспирированная военно-политическая организация «НЕ» («Неподлежность») под командованием кадрового офицера, полковника Э.А. Фельдорфа. Ее задача состояла в сохранении наиболее надежных и профессиональных офицерских кадров, готовых, когда придет время продолжить борьбу с новыми «оккупантами» — за независимость Польши от СССР.

Присутствие на освобожденной части территории Польши с населением 5,6 млн человек, действующей советской армии численностью в 2,5–3 млн человек, многих десятков ее военных комендатур, внутренних войск НКВД по охране тыла и частей Войска Польского крайне затрудняло деятельность «подпольного государства» и отрядов АК. События июля-августа 1944 г., когда в западных районах СССР были разоружены и интернированы тысячи солдат и офицеров АК, не подчинявшихся приказам советского командования, свидетельствовали о бесперспективности расчетов на мирную легализацию АК. В такой ситуации АК стала переходить к вооруженному сопротивлению советским войскам и союзной СССР польской власти, причем многие командиры не всегда контролировали действия своих отрядов. Осенью 1944 г. сопротивление возросло, имели место попытки отрядов АК перехватить власть на местах, противодействовать ПКНО, терроризировать

и уничтожать представителей его администрации, а также солдат и офицеров Красной Армии. Кроме того, по обе стороны фронта действовали фашиствующие отряды НСЗ и родственные им группы, в существовании которых командование АК не было заинтересовано. Оно считало, что НСЗ своим террором давали поводы для операций войск НКВД по «очищению» тыла действующих советских и польских воинских частей*.

С 1 августа по 25 ноября 1944 г. разными боевыми группами польского подполья на освобожденной территории Польше были совершены десятки актов террора, жертвами которых стали 264 солдата и офицера Красной Армии (186 убитых и 78 раненых). Потери несли как армейские части, так и Сводная дивизия войск НКВД (2 убитых и 11 раненых), которая была создана приказом Берии от 13 октября специально для борьбы с вооруженным подпольем в Польше. Осенью 1944 г. дивизия насчитывала от 9754 до 10 268 человек. В борьбу с подпольем включались и создававшиеся в это время воеводские, повятовые и городские структуры польской госбезопасности. По данным на 5 января 1945 г., оперативными группами «Смерш» НКВД и НКО СССР и подразделениями департамента общественной безопасности ПКНО начиная с 15 октября были разоружены 13 142 человек, из них — 9101 участник АК. За принадлежность к польскому подполью, действовавшему на территории Литовской ССР, начиная с июля 1944 г. и до конца года были арестованы 3976 аковцев, в том числе 2807 в г. Вильно²⁴⁴. Эти меры заметно ослабили подполье, но они не решали проблему антисоветского и антикоммунистического сопротивления, ряды которого пополнялись молодежью, а активность возрастала в периоды важных для Польши внешне- и внутривойсковых событий.

Большинство польского населения, особенно крестьянство и интеллигенция, в лучшем случае с недоверием, в худшем — с неприязнью и враждебностью относились к новой власти, не признанной эмигрантским правительством и Западом. Были широко распространены антисоветские и антикоммунистические настроения, опасались применения в Польше репрессивных методов правления «по-советски». Первоначальная радость избавления от господства нацистов Красной Армией сменялась буднями разоренной, нищей и голодной страны. Никакая власть не смогла бы в одночасье изменить тяжелые социально-экономические последствия пяти лет гитлеровской оккупации. Весь «золотой» запас Польши умещался в чемодане руководителя Департамента промышленности и финансов ПКНО коммуниста Г. Минца. В стране не было даже чернил, первые протоколы заседаний записывались карандашом. Советская безвозмездная и на условиях кредитов (которые затем списали) помощь включала поставки автомобилей и других транспортных средств, топлива и зерна, средств связи и строительных материалов и многого другого. Это позволило приступить к возрождению экономики. Так, например, в августе 1944 г., еще до первого общего соглашения о поставках товаров и условиях расчетов от 20 октября 1944 г., по одному только запросу ПКНО были поставлены товары более 80 наименований²⁴⁵.

* 22 июля 1944 г. Бур-Коморовский докладывал К. Сосновскому: «...нашим решением должно быть... 3. Преодолеть провокационную деятельность профашистской организации ОНР [Обуз народowo-радикальny], которая своими безответственными выступлениями может нарушить единство польского фронта, что можно представить как диверсию, такую желанную для Советов» (Русский архив. Великая Отечественная. 14. 3(1). СССР и Польша. 1941–1945. К истории военного союза. М., 1994. С. 467).

На освобожденных территориях началась легализация подпольных рад народных, создавались новые структуры власти ПКНО. В соответствии с законом КРН от 11 сентября 1944 г. была определена схема построения государственного аппарата. Верховным органом в области законодательства и контроля над деятельностью правительства и рад народных оставалась Крайова Рада Народова. Ее состав формировался методом делегирования представителей от политических партий, общественных, профсоюзных, молодежных и иных организаций. Общее число депутатов КРН было определено в 444 человек. К июню 1945 г. в КРН было 273 депутата: от ППР — 97, ППС — 77, СЛ — 56, СД — 17. Ее текущей работой руководил Президиум. В 1944 г. в него входили Б. Берут (председатель, коммунист), Э. Осубка-Моравский (социалист) и М. Роля-Жимерский (беспартийный). Председатель КРН исполнял обязанности президента республики. Устанавливалось паритетное представительство ППР, ППС и СЛ в воеводских, повятовых и гминных радах народных. Число членов от СД определяла согласительная комиссия политических партий. На практике большинство в радах принадлежало коммунистам и левым людовцам. По фрагментарным данным, в Люблинском воеводстве в конце 1944 г. в городских и повятовых радах представители ППР составляли от 25% до 45%. В гминных до 60%, а то и более мест принадлежало людовцам, ППР — от 15 до 30%. ППС стала принимать участие в работе рад народных лишь в ноябре 1944 г. По сообщениям «снизу», в первые месяцы деятельности этих органов власти за предложения ППР голосовали обычно не менее 60–70% их членов.

Рады осуществляли контроль над предприятиями местной промышленности. Представители рад народных входили в дирекции всех государственных и находившихся под временным государственным управлением предприятий. Решением КРН был введен привычный для Польши институт воевод и старост, которые назначались с согласия соответствующей рады и в подавляющем большинстве были так или иначе связаны с ППР и ППС, что гарантировало проведение на местах политики КРН и ПКНО.

Временным органом исполнительной высшей власти был ПКНО, где 6 решающих постов принадлежали ППР, 3 ведомства возглавляла ППС, 4 — людовцы. Членами ПКНО являлись командующий Войска Польского М. Роля-Жимерский и руководитель госбезопасности коммунист С. Радкевич. Таким образом, ведущие позиции в высшей законодательной и исполнительной власти занимали коммунисты или идейно близкие им люди. Для руководства ППР открывалась возможность определять политическое содержание и социальную направленность внутренней политики в стране.

КРН наделила ПКНО правом издавать декреты с силой закона и последующим утверждением их КРН. ПКНО выполнял фактически правительственные функции через Департаменты, будущие министерства. Сложившимися кадрами располагало ведомство национальной обороны, или фактически Главное командование Войска Польского. Остальные ведомства создавались заново. Так, первоначально в Департаменте общественной безопасности работали всего пять сотрудников*,

* Уполномоченный НКВД СССР при 1-м Белорусском фронте генерал И.А. Серов в донесении Берии от 16 октября указывал, что необходимо принять экстренные меры для укрепления этого ведомства, а также контрразведки Войска Польского, где кадры «очень малочисленны», а «оперативный состав недостаточно квалифицирован», со-

юстиции — три. В августе ПКНО издал декрет о порядке организации административных органов, который определял строительство вертикали власти. Были приняты декреты, запрещающие деятельность фашистских партий, подпольных военизированных и политических организаций, в том числе и Армии Крайовой, членам которой предлагалось вступить в Войско Польское с сохранением чинов и званий. Декреты ПКНО (Военный кодекс от 23 сентября, о защите государства от 30 октября, и декрет от 20 января 1945 г.) делали возможным преследование по политическим мотивам не только военных, но и гражданских лиц. Они предусматривали жесточайшее, включая смертную казнь, наказание за участие в вооруженном подполье. Проводившаяся внутренняя политика во многом опиралась на методы принуждения и подавления, что придавало новому политическому режиму авторитарный характер.

Поскольку еще шла война с Германией, 15 августа КРН приняла закон о частичной мобилизации на службу во 2-ю армию Войска Польского. ППР объявила партийную мобилизацию в армию. К декабрю 1944 г. были призваны более 100 тыс. человек. Кроме того, с территории СССР поступило 60 тыс. новобранцев из бывших польских граждан. Однако от создания 3-й армии и особого польского фронта пришлось отказаться, в том числе из-за роста дезертирства по разным причинам, как бытовым (нежеланием служить, когда война заканчивалась), так и политическим*.

Но основным препятствием к расширению армии была нехватка национальных командных кадров. 500 членов ППР были отправлены в школы для подготовки офицеров политического воспитания, открыто 10 офицерских школ. К концу 1944 г. польская армия получила 7 тыс. новых кадров. 10 тыс. человек продолжали обучение. Кроме того, в советских военных вузах готовились 18 тыс. молодых польских офицеров, сторонников власти. На армию тратилась немалая часть бюджета (11%), но она покрывала только денежное довольствие и частично продукты питания. Материальное снабжение Войска Польского взял на себя СССР, истратив на это до конца 1944 г. более 1 млрд руб. В итоге польские дивизии были оснащены не хуже, а зачастую лучше советских²⁴⁶. Но острая нехватка национальных офицерских кадров сохранялась, и осенью 1944 г. Роля-Жимерский настоятельно просил советскую сторону помочь кадрами. Советские офицеры, которых на 31 декабря 1944 г. насчитывалось в Войске Польском 11 673 че-

трудниками НКВД СССР. Он предлагал направить на работу в военную контрразведку «не менее 500 оперативных работников „Смерш“, и «выслать сюда (в госбезопасность Польши. — В.П.) 15 квалифицированных работников НКВД-НКГБ». 17 октября от Берии поступил положительный ответ. 29 октября он уведомил Сталина, что «в гор. Белосток для проведения необходимых мероприятий» направляются руководители советской госбезопасности В.С. Абакумов и Л.Ф. Цанав, будут сосредоточены 3 полка войск НКВД общим числом 4500 человек (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М.; Новосибирск, 2001. С. 46–50, 65–66).

- * Уже в середине октября 1944 г. в донесении Берии генерал Серов констатировал массовое дезертирство (за 15 дней около 2000 чел.) из рядов Войска Польского. Он объяснял это комплектованием армии «без достаточной проверки» солдатами АК, предлагал «всех бывших аковцев, находящихся в польской армии, разоружить и заключить в специальные лагеря» (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М.; Новосибирск, 2001. С. 50)

людей, или 53% всего офицерского корпуса, в разных родах войск составляли от 70–80 до 94%. В Главном штабе из 159 важнейших должностей 110, или свыше 70%, занимали советские офицеры, многие из которых были этническими поляками. Они не присягали на верность польскому государству, но отдавали ему свои жизни²⁴⁷. В итоге важнейшие силовые ветви власти — армия, госбезопасность, милиция — создавались при советском участии и контроле, преимущественно из коммунистов — польских граждан и этнических поляков, украинцев, русских из СССР.

Считается, что на освобожденных в 1944 г. польских территориях находились 5–6 тыс. партийцев из 20 тыс. членов партии*, но ППР, как и любая партия власти, стала расти довольно быстро, и в декабре 1944 г. только в Люблинском воеводстве ее численность приближалась к 12 тыс. человек²⁴⁸.

В первые недели существования ПКНО руководящий актив власти составляли члены ППР периода оккупации и 400–500 человек, возвратившихся из СССР. Именно они пополняли кадры политических работников в Войске Польском, уполномоченных ППР, членов оперативных групп, выступавших организаторами органов власти. Партийные организации переходили к легальным формам работы. Было сформировано Политбюро ЦК из членов руководства времени подполья, в состав которого вошли и бывшие члены КПП, возвращавшиеся из эмиграции в СССР. Членами Политбюро стали В. Гомулка, Б. Берут, З. Клишко, работавшие в условиях подполья, и Я. Берман, А. Завадский, Р. Замбровский, Г. Минц, прибывшие из СССР. В высшем органе партийной власти собрались коммунисты, имевшие разные представления о направлении дальнейшего развития страны и партийной работе в новых условиях. Одни из них были сторонниками прежней, во многом коминтерновско-догматической, радикальной программы и революционных действий, другие отстаивали новые политические веяния, стремление к коалиционности, политическим компромиссам, сотрудничеству всех демократических сил, что тогда соответствовало ориентации советского руководства на тактику общенациональной борьбы против фашизма. Еще в условиях подполья обнаружились принципиальные разногласия между Гомулкой и Берутом, в том числе о методах расширения социальной базы КРН. Но письмо-донос Берута Димитрову, доставленное в Москву 6 июля 1944 г. Роля-Жимерским, оказалось не ко времени, и ему тогда не был дан ход. Вскоре Б. Берут, как председатель КРН, был формально освобожден от членства в ППР. В. Гомулка набирал вес в партии и встречал понимание в Москве²⁴⁹.

Наиболее трудной проблемой для новой власти на освобожденной территории Польши было восстановление экономики в условиях разрухи, высокой инфляции, дезорганизации транспорта, финансовой системы и всеобщего дефицита. Элемент успокоения в общество вносили положения Манифеста ПКНО о гарантиях возвращения

* Данные о численности ППР в годы оккупации невозможно проверить или уточнить, что фактически признают сегодня польские историки, крайне враждебные к коммунистам. Например, П. Гонтарчик пишет, что организации ППР в 1944 г. были малочисленными, справедливо замечая, что их уничтожало гестапо и отряды НСЗ, но не решается назвать численность партии. В примечании он ссылается на утверждение Н. Коломейчика в 1965 г. о 20 тыс. членах партии (*Gontarczyk P. PPR. Droga do władzy. 1941–1944. Warszawa, 2003. S. 401*).

захваченного гитлеровцами имущества крестьянам, торговцам, ремесленникам и прочим мелким и средним собственникам, а также католической церкви. Курс на фактический переход промышленного сектора под управление государства был понятен большинству общества и популярен даже в кругах ограбленной гитлеровцами немногочисленной польской буржуазии, не имевшей средств на запуск производства. Сложнее обстояло дело с проведением аграрной реформы по декрету ПКНО от 6 сентября 1944 г., имевшему четкую классовую направленность в пользу наделения землей большего числа мало- и безземельных крестьян. В условиях острого дефицита земли на освобожденных территориях наделы не могли быть значительными*. Крестьянство, заинтересованное в перераспределении помещичьей земли, выжидало, опасаясь взять землю от коммунистов, сомневаясь в прочности их власти и рассчитывая получить более крупные наделы. Угрожали и осуществляли свои угрозы, терроризировали крестьян подпольные отряды АК и НСЗ, часть которых постепенно превращалась в уголовные, сопротивлялись реформе представители «старой» местной администрации земельных управлений. Тем не менее к началу декабря 1944 г. революционными, «большевистскими», по мнению крупнейшего польского знатока истории реформы Г. Слабека, усилиями, вплоть до применения репрессий (чего требовал Сталин от Берута на встрече в ночь с 1 на 2 октября), уполномоченные Войска Польского при участии крестьян провели аграрную реформу в «люблинской» Польше. 100 тыс. малоземельных и безземельных крестьян получили наделы. Бывшая помещичья земля была им передана за весьма умеренную плату в частную собственность²⁵⁰. Она гарантировалась законом об охране государства от 30 октября, по которому предусматривалось наказание тех, кто стремился воспрепятствовать аграрной реформе, вплоть до смертной казни. Реформа сопровождалась известным разочарованием крестьян малыми наделами земли, она вряд ли делала крестьянство надежным сторонником ППР, но, тем не менее, отчасти корректировала отношение крестьянства к власти, которая показала свои возможности и силу в проведении реформы.

Перемены, происходившие в стране, в том числе признание ПКНО Москвой, установление «Люблином» контактов с представителями Чехословакии, Югославии и де-факто отношений с Францией де Голля, уменьшали шансы политиков в эмиграции на участие в создании объединенного правительства. А между тем в этом была заинтересована и Москва (по соображениям международного порядка), и Люблин (по внутренним причинам).

Переговоры Миколайчика осенью 1944 г. со Сталиным и Черчиллем вызвали некоторое «оживление» в сохранившихся за линией фронта политических структурах «подпольного государства». Так, член руководства СЛ-РОХ К. Багиньский вел переговоры с ППР о приезде в страну Миколайчика и создании правительства. Но дальше разговоров дело не шло и идти не могло. После возвращения Миколайчика из Москвы польский «Лондон» переживал очередной кризис. Премьер-министр, поддержан-

* Осенью–зимой 1944 г. крестьянин получал в среднем 2 га. Это противоречило концепциям довоенного СЛ и СЛ-РОХ, согласно которым следовало создавать крупные и рентабельные крестьянские хозяйства с наделами не менее 5 га. Против Декрета ПКНО выступил А. Витос — член ПКНО, вице-председатель СЛ, но был отправлен в отставку.

ный Западом как его единственный представитель, с которым может контактировать Москва (и Люблин), свой пост сохранил. В отставку был отправлен К. Соснковский. Но ситуация в правительстве, правое большинство которого не желало уступать Сталину, не разрядилась. Опасения оказаться в изоляции и вне будущей политической жизни привели главу правительства и лидера СЛ в эмиграции к принципиальному решению: Миколайчик подал в отставку. В кабинет правого социалиста Т. Арцишевского, с 1931 г. председателя ЦИК ППС, одного из руководителей ППС-ВРН в подполье, затем в Лондоне, людовцы не вошли. Уход из правительства представителей СЛ, партии, которая придавала ему демократический облик, нанес большой удар по эмиграции и углубил кризис в «лондонском» лагере²⁵¹.

Перемены в «польском» Лондоне влекли за собой фактический переход подпольного СЛ-РОХ в оппозицию, что, в свою очередь, создавало новую политическую ситуацию и в правительстве, и в стране, где открылась возможность «подключения» людовцев к политическому процессу оформления власти и новой польской государственности. Сигналы об этом шли от тех отрядов Батальонов хлопских, которые отходили от АК. Рядовые участники и сторонники СЛ-РОХ, некоторая часть актива людовцев стали выходить из подполья.

Следующий шаг в процессе оформления альтернативной «Лондону» польской власти был сделан 31 декабря 1944 г. преобразованием ПКНО во Временное правительство. Этому предшествовала агитационная кампания, развернутая ППР в конце ноября — «по требованию масс снизу» преобразовать ПКНО в полноценное правительство. Соответствующие резолюции принимались на сотнях митингов по всей освобожденной территории Польши. Делегация КРН и ПКНО 6–7 декабря находилась в Москве для согласования внешнеполитических аспектов процедуры преобразования. Советское руководство было занято подготовкой к очередной встрече глав великих держав, где предполагались и решения по «польскому вопросу». На этот раз Сталин принял на 25 минут только Берута. Это позволяет предположить, что вопрос преобразования ПКНО был уже решенным делом до этой встречи, поскольку министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве расценивались как топтание на месте. В то же время, писал Сталин Рузвельту, ПКНО «добился серьезных успехов в укреплении польского государства и аппарата государственной власти на территории Польши, в расширении и укреплении Польского Войска, в практическом проведении ряда важных государственных мероприятий и, в первую очередь земельной реформы в пользу крестьян». Он считал, что для союзников это особенно важно, и они должны быть заинтересованы в поддержке ПКНО и «всех тех, кто хочет и способен работать вместе с ним, ... для решения нашей общей задачи — ускорения разгрома гитлеровской Германии». Сталин не скрывал, что если ПКНО преобразуется во Временное правительство, то «у советского правительства не будет серьезных оснований откладывать вопрос о его признании»²⁵². 27 декабря 1944 г. в ответ на запрос ПКНО Президиум Верховного Совета СССР сообщил, что он намерен признать Временное правительство Польши, как только оно будет сформировано. Таким образом, накануне встречи глав «большой тройки» в Крыму советская сторона, опережая события, без согласования с союзниками по коалиции, продемонстрировала свои возможности в Польше и укрепила позиции власти во главе с польскими коммунистами.

31 декабря 1944 г. VI сессия КРН в присутствии дипломатических представителей СССР и Франции, советских, французских, американских и английских корреспондентов приняла закон о преобразовании ПКНО во Временное правительство. Одновременно председатель КРН стал именоваться Президентом республики. Секретарь ЦК ППР В. Гомулка, выступивший на сессии, поставил вопрос о международно-правовом признании фактически существующих польско-советских межгосударственных отношений как союза двух стран. Польша заявила о желании развивать дружественные отношения с Англией и США, традиционные связи с Францией и готовности участвовать в учреждении Организации Объединенных Наций. Временное правительство Польши довело до сведения государств, физических и юридических лиц о недееспособности польского правительства в Лондоне и о том, что отныне оно не будет признавать никаких финансовых операций и обязательств, заключенных этим правительством или подчиненными ему органами. Преобразование ПКНО во Временное правительство вызвало большое беспокойство на Западе, правительства США и Великобритании попытались не допустить этого. С протестом выступило руководство «подпольного государства», и конкретно СЛ-РОХ. Но реально противодействовать этому решению ни западные союзники, ни правительство в Лондоне не могли.

2 января 1945 г. Временное правительство официально уведомило 23 государства Антигитлеровской коалиции о своем образовании и предложило установить дипломатические отношения. 5 января НКВД СССР направил в Люблин письмо, в котором сообщал, что Президиум Верховного Совета признал Временное правительство Польши и решил обменяться с ним послами. Первым послом СССР был назначен В.З. Лебедев, первым польским послом в Москве стал З. Модзелевский. Тогда же отношения были установлены с Чехословакией, в марте-апреле — с Францией и Югославией. Признала новое правительство Польши и международная гуманитарная организация — ЮНРРА. В мае по предложению СССР контакты с Польшей установили Италия и Швеция. Вашингтон и Лондон оставили польские ноты без ответа. Правда, Черчилль вынужден был терпеть прибытие в Лондон в конце декабря 1944 г. неофициального представителя новой Польши Г. Лукасяка и практически прекратить отношения с правительством Арцишевского. В США в марте 1945 г. был направлен представитель Временного правительства Э. Фальковский. Готовность к контактам с Польшей проявлял ряд европейских государств, заинтересованных в поставках польского угля.

IV.I. ОСВОБОЖДЕНИЕ; СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ.
ПОЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НА КОНФЕРЕНЦИИ В ЯЛТЕ

Полное освобождение Польши от гитлеровцев пришлось на зиму–весну 1945 г. Огромные потери в живой силе, технике, боеприпасах, понесенные в ходе битвы советских войск за Белоруссию, стали одной из важнейших причин длительной подготовки к Висло-Одерской операции²⁵³. 12 января перешли в наступление 1-й Украинский фронт под командованием И.С. Конева, 14 января — 1-й Белорусский, командующий Г.К. Жуков. Начались бои за Варшаву. Войска, успешно двигавшиеся с юга и севера в обход города, создали угрозу его окружения. 16 января с Магнушевского плацдарма начала наступление 1-я танковая бригада Войска Польского, вдоль западного берега Вислы с боями продвигались 1-я, 3-я и 4-я польские пехотные дивизии. Из района Праги по льду Вислы к Варшаве пробивалась 6-я дивизия, за Жерань сражалась 1-я Польская кавалерийская бригада, в направлении Отвоцка 16 января с плацдарма, захваченного накануне советскими войсками, приближалась 2-я пехотная дивизия. Так внутри созданного Красной Армией кольца окружения Варшавы образовалось кольцо из польских соединений. Утром 17 января 1-я Польская армия вошла в Варшаву. Одновременно ворвались в столицу 6-я польская дивизия с юго-запада и части 47-й советской армии прорыва с северо-запада. С юга входили польские танки, кавалерия и пехота. 17 января столица Польши была полностью освобождена. 18 января в Варшаву прибыли Б. Берут, Э. Осубка-Моравский и М. Роля-Жимерский. 19 января здесь состоялся парад 1-й пехотной дивизии им. Т. Костюшко и 2-й пехотной дивизии им. Я.Г. Домбровского. Президиум КРН постановил перевести в столицу правительственные учреждения и приступить к восстановлению города.

19 января стали свободными древняя столица Польши — Краков и промышленная Лодзь. Для спасения Кракова от разрушений командование 1-го Украинского фронта приказало ограничить «работу» по городу артиллерии и авиации, создать коридор для отступления гитлеровцев. Разведчики предотвратили намеченный оккупантами взрыв его исторического центра*. Для сохранения Силезии, второго после Рура

* Маршал И.С. Конев вспоминал тот день 1945 г.: «Поставив противника перед реальной угрозой охвата, наши войска вышибали его из города прямым ударом пехоты и танков..., грома арьергарды противника прошли весь город насквозь... древнейший и красивейший город Польши был взят целым и невредимым. Говорят, будто солдатское сердце привыкает за долгую войну к виду разрушений. Но, как бы оно ни привыкло, а смириться с руинами не может. И то, что такой город, как Краков, нам удалось освободить целиком, было для нас огромной радостью» (Конев И.С. Записки командующего фронтом. 1943–1945 гг. М., 1985. С. 327–328). Эти слова Конев написал в середине 80-х гг., а в 1990 г. поляки снесли памятник маршалу, созданный польским скульптором и установленный в Кракове в 1985 г. В 1994 г. памятник был вывезен в Россию, отреставрирован и на новом постаменте поставлен на родине И.С. Конева в г. Вятка на площади его имени.

промышленного района Германии, решили «не окружать врага, оставить ему свободный коридор для выхода из Силезского бассейна и добывать его, когда он выйдет в поле». Решение требовало, чтобы 3-я гвардейская танковая армия П.С. Рыбалко сделала второй в течение нескольких дней непростой маневр: находившаяся в движении, нацеленная на взятие Бреслау (Вроцлава) армия резко повернула, двигаясь вдоль р. Одер на Оппельн (Ополе). К 29 января Верхняя Силезия, к 24 февраля Нижняя Силезия были освобождены. Войска вышли на Одер и Нейсе, пройдя за 44 дня более 500 км²⁵⁴.

Позади оставил довоенную границу Польши с Германией и 1-й Белорусский фронт. «Ваш приказ, — писал 29 января маршал Жуков Сталину, — мощным ударом разгромить... группировку противника и стремительно выйти к линии польско-германской границы — выполнен». Далее он сообщал о том, что за 17 дней боев части фронта прошли до 400 км, что быстрое продвижение войск помешало гитлеровцам разрушать города, угонять и истреблять население, которое радостно встречало Красную Армию. Маршал подчеркивал: «в Лодзи, Радоме, Томашуве, Быдгощи и в подавляющем большинстве других городов полностью сохранены все действовавшие на 14.01. предприятия», а ситуацию в Варшаве определил словами «город мертв»²⁵⁵.

Одновременно советские войска начали мощное наступление в Восточной Пруссии и северной Польше (Мазуры). Здесь до 25 апреля 1945 г. вели тяжелые бои 2-й Белорусский фронт (командующий К.К. Рокоссовский) и 3-й Белорусский фронт (командующий И.Д. Черняховский*) при содействии 1-го Прибалтийского фронта и Балтийского флота. Вместе с советскими войсками сражались солдаты Войска Польского под командованием генералов Красной Армии, этнических поляков С. Поплавского и К. Сверчевского. Действовавшая на стыке 1-го и 2-го Белорусских фронтов 1-я Польская армия приняла участие в освобождении Быдгощи, Колобжега, преодолении Поморского вала — мощной полосы немецкой обороны, в овладении Гданьско-Гдыньским укрепленным районом. Польские танкисты установили над г. Гданьском (Данцигом) государственный флаг своей страны. 1-я и 2-я Польские армии вместе с Красной Армией форсировали р. Одру (Одер). На южном участке они вышли к р. Ныса (Нейсе) Лужицкая. В итоге Висло-Одерской операции и боевых действий в Восточной Пруссии в течение 40 дней войска вермахта были изгнаны почти со всей территории Польши. Период гитлеровской оккупации закончился.

1 февраля 1945 г. Временное правительство переехало в Варшаву. В его состав во главе с Э. Осубка-Моравским вошли по пять представителей от ППР, ППС и СЛ. Два поста были отданы Демократической партии (СД), представлявшей левые круги интеллигенции и мелкую городскую буржуазию**. Первый секретарь ЦК ППР В. Гомулка стал первым заместителем премьер-министра, пост второго заместителя занял член СЛ

* Генерал армии И.Д. Черняховский погиб 18 февраля 1945 г. возле немецкого города Мельзак (ныне польский город Пененжно) и был похоронен в Вильнюсе. В 1992 г. прах дважды Героя Советского Союза перезахоронили в Москве на Новодевичьем кладбище. Памятник Черняховскому, демонтированный властями Вильнюса, установлен в Воронеже, который в конце 1942 г. обороняла, а в январе 1943 г. освобождала 60-я армия под его командованием.

** В руководстве СД были известные деятели демократического движения — В. Жимовский (Ржимовский), Р. Миллер, В. Барчиковский, принявшие сторону ПКНО, а также близкие коммунистам Я. Венде и Л. Хайн.

С. Януш. Портфели ключевых министров — промышленности (Г. Минц), просвещения (С. Сжешевский), обороны (М. Роля-Жимерский) и госбезопасности (С. Радкевич) — имела ППР, что обеспечивало решающие позиции коммунистов в правительстве. Партия сохранила контроль над армией. Коммунисты продолжали формировать кадровый состав и структуры госбезопасности. Фактически это означало монополизацию силового компонента власти одной политической партией и в соответствии с ее представлениям о текущих задачах страны. Члены ППС возглавили министерства финансов, продовольственного снабжения и торговли, труда, социального обеспечения, здравоохранения, информации и пропаганды. Людовцы и демократы распределили между собой ведомства земледелия, общественной администрации (МВД), юстиции, почты и телеграфа, коммуникаций, а также культуры и искусства. Таким образом, коалиционный облик правительства сохранился, но сохранилось и неравенство властных возможностей партнеров по коалиции.

По мере изгнания гитлеровцев на освобождаемых территориях усилиями в основном членов ППР и ППС, выступавших как уполномоченные Временного правительства и члены оперативных групп, устанавливалась польская администрация. Ее работники двигались вслед за войсками, действовали с согласия советского командования и при содействии военных комендатур. В оперативные группы входили представители ЦК ППР, активисты рабочих партий, профсоюзов, различных ведомств, молодежных организаций, специалисты в сфере экономики и культуры. Это были люди, которые ранее в управлении страной не участвовали. Каждой группе определялся объем работы: одни ее подразделения формировали администрацию, другие милицию, органы госбезопасности, третьи обеспечивали сохранность, работоспособность и принятие в ведение государства предприятий крупной и средней промышленности, земельных владений. Главой оперативных групп и уполномоченным правительства в Силезско-Домбровском регионе являлся член ЦК ППР А. Завадский, в Лодзинском воеводстве — член ЦК ППР И. Лога-Совиньский. Координировал их деятельность вице-премьер В. Гомулка. Оперативные группы действовали до создания постоянных органов власти. На территории восточных провинций Германии, которые союзники лишь намеревались передать Польше, до прибытия польских властей административные функции исполняли военные коменданты Красной Армии, взаимодействуя с местными активистами*.

Временное правительство являлось преемником ПКНО как с точки зрения программы, так и партийно-политического представительства. Но постепенно претерпевал изменения его международный статус. Дипломатическое признание Советским Союзом 5 января и затем, в январе-мае 1945 г., в той или иной форме некоторыми другими странами²⁵⁶ давало правительству основания считать себя представителем страны в мировом сообществе и претендовать на статус субъекта международного права. Тем не менее, фактом оставалось существование двух польских правительств, в Польше и в Великобритании, а подчеркнутая Э. Осубка-Моравским готовность договариваться и сотрудничать со всеми поляками-патриотами, где бы они ни находились

* Полномочия военных комендатур состояли в обеспечении дисциплины в воинских частях, пресечении противоправных действий военнослужащих, изъятии оружия у населения, охране порядка на территории дислокации воинских подразделений и подавлении мелких вооруженных групп.

в данное время, свидетельствовала о понимании в Варшаве всей сложности ситуации. США и Великобритания поддерживали правительство, которое располагало большим доверием населения в стране и структурами «подпольного государства», но находилось в Лондоне, и возможности его возвращения стремительно приближались к нулевой отметке. СССР содействовал кабинету, который работал на освобожденной территории Польши и выражал политические предпочтения в основном левого и лево-радикального спектра, свойственные незначительной части поляков, но успешно создавал систему управления страной.

В тот день, когда Москва признала Временное правительство, прозвучало предложение У. Черчилля созвать конференцию глав великих держав для обсуждения проблем, связанных с завершением войны и послевоенным урегулированием. Это предложение, сделанное накануне Висло-Одерской операции, о которой союзники были оповещены, было принято Сталиным и Рузвельтом. Местом встречи избрали г. Ялту в Крыму. Стремительное развитие событий на фронте делало встречу «большой тройки» неотложной. Не было сомнений, что освобождение Польши — дело нескольких недель, что «польский вопрос» неизбежно займет одно из центральных мест на конференции, а принятое решение окажет прямое воздействие на будущее страны. Имел в виду новые обстоятельства и генерал Окулицкий, издав 19 января 1945 г. приказ о роспуске АК и освобождении солдат и офицеров от воинской присяги (о чем будет речь ниже).

В связи с подготовкой конференции в Ялте в Москву 22 января прибыла делегация КРН и Временного правительства. Для новой власти это было первое официальное внешнеполитическое событие.

По просьбе Временного правительства СССР согласился оказывать продовольственную помощь населению освобожденных районов. Были даны положительные ответы на экономические запросы польской стороны, в том числе Москва подтвердила свое участие в восстановлении Варшавы, что Сталин обещал еще в ноябре 1944 г. на встрече с делегацией жителей Праги. Приказы, поступавшие из Ставки Верховного Главнокомандования и ГКО, предписывали командованию действующей армии «безвозмездно выделять из резервов фронтов десятки тысяч тонн продовольствия населению крупных промышленных центров страны». В январе–марте 1945 г. продукты питания получали Краков, Варшава, Лодзь, Катовице, Ченстохова, Познань и др. Тогда же по предложению Сталина продовольствие для жителей столицы и других польских городов поступало в качестве дара из продовольственных фондов правительств РСФСР, Украины, Белоруссии и Литвы*.

Основным предметом советско-польской встречи было согласование позиций по вопросу польско-германского разграничения. Обсудить его предстояло на Крымской конференции. Польские обоснования тех приращений, на которые страна претендовала, были донесены до мировой общественности в редакционной статье газеты «Правда», где указывалась линия, которая, по мнению Варшавы, должна стать границей. Она отстаивалась советской делегацией на конференции в Ялте, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 г.

* Например, 25 января Н.С. Хрущев докладывал в Кремль о передаче в дар жителям Варшавы от УССР 900 тыс. пудов хлеба, 9 тыс. пудов подсолнечного масла, 6 тыс. пудов сахара, 300 пудов сухофруктов для детей (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 27. Л. 120–126).

Главы великих держав — И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль встретились тогда, когда Красная Армия вышла к границам Германии. Война в Европе завершалась. Настало время согласовать военные действия союзников на ее заключительном этапе, обсудить проблемы урегулирования в Европе и устройства послевоенного мира. В Ялту, как и в 1943 г. в Тегеран, не были приглашены представители тех стран — членов Антигитлеровской коалиции, в том числе польские политики из Варшавы и Лондона, судьбу которых решали «сильные мира сего». Руководители великих держав, исходя из своего военно-политического и экономического вклада в разгром Германии и стран фашистского блока, считали себя в праве определять судьбы народов мира. Таков был дух того военного времени*. Столь далекий от демократии принципом руководствовались все участники конференции в Ялте. Но при дележе послевоенных геополитических и имущественных «трофеев», чем фактически занимались Сталин, Рузвельт и Черчилль, решая, как общие проблемы (разгром Германии и Японии, безопасность послевоенного мира), так и собственные национально-государственные задачи, представитель СССР располагал существенным преимуществом. Бои шли в 60 км от Берлина, и это было неоспоримым «обоснованием» геополитических претензий СССР для Рузвельта и Черчилля. Тем не менее, оба политика сделали максимум возможного, чтобы принудить Сталина учитывать их политический «голос» и уступать в обмен на их уступки, что сказалось на упорных дебатах по одному из существенных вопросов — о власти в Польше. Союзники понимали, что о восстановлении СССР отношений с «польским» Лондоном речь уже не могла идти ни при каких обстоятельствах, что шансы руководителей «подпольного государства» устранить коммунистов от власти слишком малы. В Варшаве работало Временное правительство; войска НКВД, пришедшие вслед за действующей армией, и подразделения создававшейся польской госбезопасности подавляли попытки подполья развернуть вооруженное сопротивление новой власти в советском тылу. Поэтому на встрече в Ялте речь могла идти не о признании «лондонского» правительства, пусть и обновленного, но о создании нового — «общего» — кабинета.

Польский вопрос стоял в повестке дня семи из восьми пленарных заседаний, дебатировался долго и ожесточенно. По словам У. Черчилля, Польша была самым неотложным поводом для Крымской конференции. Этот вопрос обсуждался в двух аспектах: состав правительства и конфигурация территории. Без особых дискуссий принималось решение о восточной границе. Союзники СССР уже не раз в годы войны высказывались на этот счет, и теперь подтвердили свою готовность считать таковой «линию Керзона». Это означало, что восточные земли довоенного польского государства,

* Современный английский историк Н. Дэвис полагает, что в 1942–1943 гг. Запад признавал право Сталина иметь сферу влияния «на восточном фронте» войны, тогда как сфера их влияния распространялась на освобожденную Западную Европу. Запад с опаской подходил к перспективе вмешательства в вопросы Восточной Европы, не делал даже попыток диалога с Москвой о сферах влияния. Союзники, считает автор, уходили от возможных противоречий со Сталиным, шли по линии наименьшего сопротивления, «отказавшись от Восточной Европы» еще до Ялты, и за это заплатили — «их молчание посеяло в заключительной фазе войны зерно холодной войны» (Davies N. Europa walczy. 1939–1945. Nie takie proste zwycięstwo. Kraków, 2008. S. 41, 86–87, 384).

включая центры польской общественно-политической и культурной жизни — Львов и Вильно, останутся на советской стороне*.

Дебаты, на которых настаивал, главным образом, Черчилль, велись по западному и северному отрезкам польской границы. Они не касались самого принципа приращения Польши за счет восточных провинций Германии и Восточной Пруссии. Союзники в этом пока были едины, намереваясь реализовать идею наказания Германии за развязанную войну и ликвидировать очаг прусского милитаризма. Твердым сторонником таких решений выступал Сталин. Польско-германское разграничение по р. Одер с передачей Польше Штеттина (Щецина) и Данцига (Гданьска) не вызвало серьезных споров. Спорили по вопросу, какой из притоков этой реки станет границей: Восточная или Западная Нейсе (Ныса). Сталин настаивал на Западной (Лужицкой) Нейсе. В таком случае Польше доставался почти весь Силезский промышленный и горно-рудный район Германии, где имелись уголь, руда, цинк, медь, уран, были «на ходу» заводы и шахты, и весь водный бассейн, питающий р. Одер. Но Черчилль считал, что «Польша должна иметь право взять себе такую территорию, ... которой она сможет управлять», опасаясь того, «чтобы польский гусь был в такой степени начинен немецкими яствами, чтобы он скончался от несварения желудка». С ним был солидарен Рузвельт: «перенесение польской границы на Западную Нейсе мало оправдано»²⁵⁷. Не договорившись, остановились на предложении Рузвельта: «Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе... по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового польского правительства национального единства»²⁵⁸. Фактически постановление о западной границе Польши откладывалось до следующей встречи. Важно отметить, что союзники впервые намеревались выслушать представителей страны, будущее которой они решали.

Состав правительства Польши был принципиальным вопросом, поэтому дебатировался упорно²⁵⁹. Черчилль настаивал на предоставлении большинства мест в будущем правительстве деятелям из эмиграции во главе с Миколайчиком. Так он рассчитывал продвинуться к возвращению Польши в сферу английского влияния. Позиция Рузвельта выглядела близкой, но несколько иной. Его «не интерес[овали] законность или постоянство польского правительства». Он стремился, реагируя на мнение 5–6 млн американских поляков, облегчить «лондонским» политикам уход, «сохраняя лицо». Понимая, что после вывода армии Андерса и «катынского дела» Сталин не допустит реанимации этого правительства, президент считал необходимым «помочь полякам в создании временного правительства до тех пор, пока для них не окажется возможным провести свободные выборы в стране». С этой целью в послании Сталину от 6 февраля президент предлагал вызвать двух человек из Варшавы (Берута и Осубка-Моравского) и двух-трех представителей общественных сил другого лагеря из Польши (назывались имена архиепископа А. Сапеги, С. Жулавского (ППС-ВРН), В. Витоса (СЛ-РОХ)) и С. Миколайчика, С. Грабского и Т. Ромера из Лондона. В их присутствии он полагал возможным решить вопрос о новом польском правительстве, которое и проведет свободные выборы²⁶⁰.

* В октябре 1944 г. У. Черчилль в ответ на доказательства Миколайчика, что с утратой кресов Польша теряет все, парировал: «Польша теряет только болота на Припяти — 5 миллионов в основном украинцев, а не поляков» (ДМИСПО. Т. VIII. М., 1974. С. 289).

Сталин сдержанно отреагировал на послание Рузвельта: «главное сейчас состоит в том, чтобы не мешать полякам, поскольку Польша уже освобождена», и допускал вариант расширения состава работавшего в Польше многопартийного кабинета теми деятелями из страны и эмиграции, кто признает состоявшиеся перемены в политической расстановке сил и территории Польши. Сталин подчеркивал дружественные отношения варшавского правительства и Москвы, что, по его мнению, обеспечивало в будущем безопасность двух стран и Европы в целом от возможного повторения германской агрессии. Касаясь вопроса о составе будущего Польского временного правительства национального единства, Сталин не возражал против предоставления государственных постов некоторым «лондонцам», говорил о готовности Временного правительства в Варшаве «терпеть» «более умных людей» из Лондона и из Польши и об отказе Варшавы видеть Миколайчика премьером нового правительства. Участвовавший в обсуждении Молотов, соглашаясь, что «нынешнее польское правительство должно быть расширено», считал, что «вопрос о том, сколько новых членов и кто именно должны быть в него введены... очень трудный вопрос и решение его будет зависеть, прежде всего, от тех людей, которые работают в самой Польше». Этот советский вариант не нарушал принципиального курса Москвы и, в сущности, снимал с обсуждения как таковой вопрос о правительстве в эмиграции²⁶¹.

Союзники не договорились по вопросу о составе нового правительства Польши, поэтому возникло итоговое решение о реорганизации кабинета Э. Осубка-Моравского «на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы», которое устраивало Москву. Сталин, Рузвельт и Черчилль заявили о готовности признать новое правительство сразу после его создания. Для содействия в реорганизации действовавшего кабинета создавалась «Комиссия трех» в составе В.М. Молотова, А. Гарримана и А. Кларк-Керра, послов США и Великобритании в Москве. Им поручалось подобрать кандидатуры новых членов правительства, которому вменялось провести свободные всеобщие выборы в сейм. Это означало, что вопрос о характере власти предстояло решать внутри страны, что соответствовало интересам СССР²⁶².

Казалось бы, состоялся необходимый компромисс. Тем не менее, принятая формулировка не закрывала каждой стороне возможности действовать, исходя из своих задач. Черчилль и Рузвельт имели в виду посредством выборов вытеснить польских коммунистов, по меньшей мере, с ключевых позиций во власти. Сталин же рассчитывал, допустив представителей других политических сил в правительство, стабилизировать обстановку в стране, расширить поддержку власти, закрепить признанием союзников новую государственную территорию Польши. Такой «растянутый» вариант оформления власти, хотя и открывал западным державам некоторые возможности «побороться» за Польшу, но не предвещал больших «потерь» для польских коммунистов и советской стороны, так как военная сила и роль СССР в разгроме Германии продолжали «работать» на сохранение сотрудничества союзников.

Успехом советской стороны стало фактическое признание Рузвельтом и Черчиллем того, что действия НКВД по обеспечению безопасности и порядка в тылах Красной Армии на территории Польши соответствуют международно признанным законам. Вопрос о нестабильности ситуации поставил перед союзниками Сталин. Он получал доклады командования фронтов, продвигавшихся в Германию по территории Польши,

и НКВД СССР о многочисленных нападениях польских вооруженных групп на советские военные посты, коммуникации, транспорт, связь и прочие структуры, обслуживавшие потребности действующей армии, о зверских убийствах советских солдат и офицеров, а также представителей власти Временного правительства. Он считал необходимым исключить «возникновение гражданской войны позади нашей линии фронта». Приведенными фактами («уже убито 212 красноармейцев»*) и задачами успешного ведения войны Сталин обосновал допустимость и оправданность применения силы против вооруженного подполья.

Такие утверждения требовали ответа союзников. И он был дан. 6 февраля президент США послал Сталину важный политический сигнал: «...Ваша армия, продвигающаяся к Берлину, должна иметь обеспеченный тыл. Вы не можете и мы не должны терпеть какое-либо временное правительство, которое будет причинять Вашим вооруженным силам какие-либо неприятности этого рода. Я хочу, чтобы Вы знали, что я осознаю это полностью». И далее: «Я надеюсь, что мне не нужно заверять Вас в том, что Соединенные Штаты никогда не поддержат каким-либо образом никакое временное правительство в Польше, которое относилось бы враждебно к Вашим интересам». Черчилль сделал достаточные для Сталина оговорки: «Британское правительство признает, что нападения на Красную Армию в тылу недопустимы» и «Конечно, мы не можем просить [Сталина] ни о чем, что мешало бы военным операциям советских войск. Эти операции должны стоять на первом месте»²⁶³. Тем самым премьер Великобритании и президент США выдали карт-бланш Москве на силовое подавление военно-политического подполья. Они, несомненно, понимали, что речь шла не только о наведении порядка в тылах армии, что Сталин решал особую геополитическую задачу: обеспечить послевоенную безопасность СССР и для этого, сохранив позиции польских коммунистов во власти, удержать Польшу в сфере советских интересов**.

Черчилль и Рузвельт без особого сожаления, а, может быть, и с долей облегчения, были готовы избавиться от «лондонского» правительства, опасаясь еще до завершения разгрома Германии оказаться втянутыми в конфликт с Москвой, чреватый польской гражданской войной в центре Европы. Они не рискнули поддержать это правительство, его подполье и настроения многих поляков. Все еще заинтересованные в том, чтобы Красная Армия несла главную ношу борьбы с Германией в Европе и СССР не устранился от участия в войне с Японией, западные державы, как и ранее, избегали обострения отношений с Москвой на польском направлении. В итоге компромисс, состоявшийся в Ялте, обеспечивал интересы СССР и новое геополитическое положение польского государства в Европе.

* Сталин имел неполные данные. На территории Польши и Белорусского военного округа потери «от деятельности аковцев и других банд» к декабрю 1944 г. составили ранеными 92 чел., убитыми 310 военнослужащих (Русский Архив. Великая Отечественная. 14. 3 (1). СССР и Польша. К истории военного союза. М., 1994. С. 387–388).

** Польский историк К. Керстен признавала, что «более благоприятной и реальной, с точки зрения польских интересов», альтернативы, кроме перехода Польши в сферу интересов СССР и установления власти польских коммунистов, не было (выделено мной. — А.Н.). (Kersten K. Między wyzwoleniem a zniewoleniem. Polska. 1944–1956. Londyn, 1993. S. VII). Так же считали в 80–90-е гг. столь разные польские деятели, как А. Валицкий, Е. Гедройц, Ч. Милош (см.: *Ślabeł H. Inaczej o Historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2000. S. 154*).

Сразу после окончания Крымской конференции в Москву прибыла делегация Временного правительства, которую ознакомили с ее итогами и Постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) от 20 февраля по «вопросам Польши». Этим Постановлением советская сторона, опережая принятие на очередной встрече «большой тройки» согласованных союзниками решений, устанавливала польско-германскую границу «по-своему», чем ставила лидеров США и Великобритании перед свершившимся фактом. В документе говорилось: «Впредь до окончательного определения... границ Польши на будущей Мирной конференции, западную государственную границу Польши следует считать по линии западнее Свиномюнде до реки Одер с оставлением города Штеттина на стороне Польши, далее вверх по течению реки Одер до реки Нейсе (западной) и отсюда по реке Нейсе (западной) до Чехословацкой границы». Большая часть Восточной Пруссии, балтийское побережье, включая Данциг и Штеттин, расположенный по обоим берегам Одера, переходили Польше. Меньшую часть Восточной Пруссии, включая город и порт Кенингсберг, предписывалось «считать в границах СССР».

В Постановлении подтверждалось, что на этой территории в соответствии с советско-польским соглашением от 26 июля 1944 г. действует польская администрация, определялись правила ее взаимодействия с командованием Красной Армии в целях обеспечения спокойного тыла действующей армии, конкретизировалось специальное понятие «тыловая линия прифронтовой полосы». Устанавливалась глубина (от 60 до 100 км от линии фронта) «прифронтовой полосы», где «ответственность за Государственную Безопасность и общественный порядок возложена на командующих фронтами и представителей НКВД». Производство арестов в указанной зоне вменялось «оперативно-чекистским группам и войскам НКВД», которые должны информировать органы польской администрации «при аресте известных лиц из числа польских граждан». Кроме того устанавливалось, что железные дороги, обеспечивающие военные перевозки, склады боеприпасов, горючего и т. д., аэродромы и другие важные военные объекты остаются под охраной Красной Армии и войск НКВД. Отдельным пунктом Постановления удовлетворялась просьба польской стороны о предоставлении советских советников НКВД в распоряжение Министерств общественной администрации и общественной безопасности Временного правительства²⁶⁴.

В Постановлении уточнялся порядок распределения трофейного имущества между СССР и Польшей. Жизнь вносила коррективы в исполнение решений, принимаемых в Кремле. Противоречия, порой острые разногласия на местах между советской и польской сторонами по поводу раздела трофеев возникали достаточно часто. Они с трудом регулировались, нередко «на высоком уровне»: обе страны, СССР и Польша, были жестоко ограблены гитлеровскими оккупантами, обе остро нуждались в возвращении своего и трофейного имущества. Лепту в «трофейную проблему» вносили как советские, так и польские мародеры.

Между тем Временное правительство расширяло свою деятельность. В 1945 г. оно располагало основными институтами власти и структурами управления страной, продолжало начатые ПКНО реформы и планировало безотлагательно приступить к проведению новых преобразований. Реформы отвечали интересам большинства населения, поэтому их проведение не сопровождалось серьезными социально-политическими конфликтами. В связи с предстоявшими репатриацией сотен тысяч поляков на родину,

возвращением угнанных в Германию и заселением бывших немецких территорий, адресность реформ заметно расширялась, что объективно содействовало постепенному росту числа заинтересованных в сохранении уже существовавшей власти.

Центральным звеном всех общественных преобразований в стране оставалась аграрная реформа. По мере укрепления польской администрации на местах, освобождения центральных и новых территорий на западе и севере страны аграрная реформа проводилась с учетом интересов не только малоземельного крестьянства, но и середняка. Увеличился размер предоставляемой земли по реформе и количество новых собственников. За 1944–1949 гг. крестьяне получили свыше 6 млн га земли, из них 4,4 млн на новых землях, возникло более 800 тыс. новых крестьянских хозяйств. В 1950 г. средний размер хозяйства в стране составлял от 5,3 га до 6,1 га, а на бывших немецких землях превышал 7–8 и более га, что соответствовало запросам крестьян²⁶⁵.

В результате перераспределения земли было разрушено (на условиях небольшой компенсации) крупное помещичье землевладение, сохранен подтвержденный ППР принцип мелкой и средней частной собственности на землю при оздоровлении структуры крестьянского землевладения и его укрупнении, увеличивался потенциал сельского хозяйства. Открывались возможности решать такие общенациональные проблемы, как производство собственного продовольствия и сырья для некоторых отраслей промышленности. Появились перспективы ликвидировать безработицу в деревне, использовать этот резервуар рабочих рук для восстановления промышленности и городского хозяйства. Все вместе взятое формировало новые отношения деревни с властью — в основном нейтральные, порой позитивные. Более трети членов ППР весной 1945 г. составляли крестьяне²⁶⁶. Но крестьянское население Польши традиционно оставалось политически ориентированным на людовцев, что делало его нейтралитет неустойчивым и зависимым от того, признают ли новую реальность такие лидеры крестьянского движения, как В. Витос и С. Миколайчик.

По мере изгнания оккупантов совершались принципиальные перемены в промышленно-финансовой сфере. Процесс урегулирования имущественных отношений в городе и формирования многоукладной экономики на основе разных форм собственности распространился на освобожденные в 1945 г. территории, где находились основные промышленные центры новой Польши. Немецкая или ранее конфискованная гитлеровцами польская, еврейская и иностранная собственность, названная в декрете от 6 мая 1945 г. бесхозным и брошенным имуществом, зачастую, действительно, уже не имела своих прежних юридических и физических владельцев. Она поступала в управление рабочим коллективам, под контроль или в собственность государства. Призыв рабочих партий к полякам создавать фабричные комитеты для управления предприятиями был поддержан правительством и рабочими коллективами. Часть комитетов образовалась еще в подполье, большинство — в момент бегства оккупантов. Созданные на 90% шахт и 50% предприятий черной металлургии, они предотвратили разграбление Силезии оккупантами, вывоз машин и оборудования в Германию. Сразу после освобождения начали работать 34 из 48 шахт Силезии²⁶⁷.

Восстановление позиций отечественного и иностранного капитала не происходило и в финансово-банковской системе, связи, на транспорте и некоторых других хозяйственных структурах. В главном перемены в правах собственности не противоречили общеевропейской тенденции этатизации национальной экономики, расширения в ней

позиций государства при сохранении принципа частного владения и, как правило, не служили источником серьезных социальных противоречий, хотя разногласия в правительстве имели место.

Намерение правительства восстановить почти полностью уничтоженную оккупантами систему народного образования соответствовало общественным интересам, в особенности интеллигенции и учительства, численность и занятость которых в годы оккупации существенно сократились*. Курс на постепенное реформирование этой системы на основе равного, всеобщего и бесплатного образования, включая высшее, было тем новым, что выгодно отличало действия Временного правительства от политики прежде правивших группировок²⁶⁸.

Таким образом, власть предлагала стране перемены в статусе и перспективах основной массы граждан. Исчезали сословные права и привилегии и фактический запрет на среднее и высшее образование для детей рабочих и крестьян, освобождался путь к ликвидации неграмотности и приобщению широких слоев населения к национальной культуре. Перед этими социальными слоями, вовсе не стремившимися к возврату во II Республику, открывалась перспектива изменения их роли в обществе. Запросам рабочих, крестьян, городских слоев и групп служащих, части интеллигенции соответствовали, были «ко времени и месту» те преобразования, за которые до войны ратовали социалисты и людовцы и которые теперь приняла к исполнению коалиционная власть во главе с ППР.

Усилиями правительства по восстановлению и организации работы заводов, фабрик, мастерских, финансов, торговли, возрождению традиционной для Польши потребительской и сбытовой кооперации, профсоюзных и общественных организаций создавались условия, позволяющие трудиться большинству представителей различных социальных и профессиональных групп населения. Новые структуры власти, госаппарата, местной администрации давали работу служащим. На государственную службу и к участию в управлении страной привлекались многие тысячи тех поляков из рабочих, мелких городских слоев и крестьян, для которых такой шанс был ранее недоступен. Не лишались права на труд «старые» специалисты. Возрождавшиеся учреждения образования, здравоохранения, культуры обеспечивали профессиональную занятость и восстанавливали статус интеллигенции. Поляки, готовые или вынужденные жить в соответствии с предлагаемыми обстоятельствами, вступали в деловые отношения с администрацией, взаимодействовали или сотрудничали с новой властью²⁶⁹.

Контакт с ней устанавливали сторонники порой полярных мировоззренческих ориентаций и политических позиций. Особую роль, определявшую общественное поведение большинства поляков, играли ожидания обещанных скорых улучшений жизни и статусных перспектив, что занимало первое место в жизни почти каждого

* Во время войны погибли 37,5% поляков с высшим и 30% со средним образованием. Тысячи представителей интеллигенции остались в эмиграции: 165 профессоров, около 2 тыс. учителей и инженеров, 54 писателя, 131 журналист, 617 юристов, 850 служащих судов, 400 деятелей искусства, 790 врачей, 302 фармацевта, 71 служитель культа, 2500 государственных служащих, 1800 предпринимателей и финансистов, 17 тыс. кадровых офицеров (*Kersten K. Między wyzwoleniem a zniewoleniem. Polska 1944–1956. Londyn, 1993. S. 7*).

поляка, пережившего войну и гитлеровскую оккупацию. Предлагаемое социально-экономическое устройство не вызывало открытого отторжения большинством общества, находившегося на «развилке» своей истории. Хотя действовавшая власть во главе с коммунистами воспринималась значительной частью общества как политически и порой национально чуждая (был распространен тезис о «жидо-коммуне» у власти), преобладающим был мотив приспособления к реальным условиям.

Власть и программа преобразований ассоциировались незначительной, но социально разнообразной частью общества, еще до войны близкой левым силам, а также радикально настроенной молодежью, откликнувшейся на революционную риторику и радикальные лозунги, со строительством нового справедливого строя. Это меньшинство делало сознательный, порой эмоциональный выбор и пополняло на рубеже 1944–1945 гг. ряды стремительно росших рабочих партий, сотрудников госаппарата, безопасности, милиции, профсоюзов²⁷⁰.

Другое относительное меньшинство составляли те, кого исследователи называют «непримиримыми», или «несгибаемыми». Они продолжали подпольную политическую деятельность и вооруженную борьбу за национальные идеалы, коими было восстановление довоенной границы страны на востоке при расширении ее территории на Западе и Балтике, возвращение «лондонского» правительства к власти* и восстановление прежних, отчасти отретушированных, социальных порядков.

Задачей «непримиримых» было сопротивляться зависимости от восточного соседа, нахождению Польши в сфере интересов СССР и устранить правительство левой коалиции, курс которого на союз с Москвой определялся как государственная измена. Компромисс с коммунистами категорически отвергался. Ставка делалась на неизбежную и близкую войну Запада с СССР. Заявленные «непримиримыми» борцами внутренние цели борьбы и внешнеполитические «за» и «против» были понятны и разделялись многими среди конформистского большинства населения Польши, настроенного антисоветски и антикоммунистически²⁷¹.

Таким образом, отношение разных социальных групп общества к новым польским политическим реальностям было далеко неоднозначным, порой полярным. Значительной части интеллигенции, прежде всего творческих профессий, которая традиционно оказывала влияние на формирование массового сознания, большинству бывших собственников и служащих II Республики власть во главе с ППР была чужда не только по идейным и национально-политическим соображениям. Она не принималась из-за утраты высокого общественного статуса, совершившейся переадресации права владения собственностью и доступа к управлению страной с узкой прослойки довоенной элиты на многочисленную мало или вовсе неимущую часть населения. Конформистское же большинство общества, используя открывавшиеся возможности приобретения собственности и имущества, социального и карьерного роста, оставалось

* «Это они, — писала о «лондонских» политиках К. Керстен, — поделившись на разные ориентации, определяли польскую политику в стране и эмиграции, они, как и санация, не выполнили задачи, не обеспечили фундаментальных интересов Польши и поляков, не избежали свершившихся фактов. Общество оказалось в ситуации, когда должно было само решать, что делать дальше» (*Kersten K. Między wyzwoleniem a zniewoleniem. Polska. 1944–1956. Londyn, 1993. S. 13*).

ненадежным и нестойким в поддержке новой власти. В случае появления негативных тенденций немалая часть этого большинства могла превратиться из пассивных сторонников «непримиримых» в активное большинство противников коммунистов и СССР. В этом была одна из предпосылок репрессивной политики ППР.

С большой точностью характеризовала общественную атмосферу К. Керстен: «Сгусток противоречий, однако, был присущ этой весной [1945 г.] не только разным центрам власти — разбитым структурам правительства в эмиграции, „подпольному государству“, но в том числе и коммунистам. И общество в огромном своем большинстве было против них, сопротивлялось устанавливаемым ППР порядкам, и одновременно, за исключением вооруженного подполья, было вынуждено, восстанавливая страну, взаимодействовать с новой властью. Все это нагромождение противоречий определяло очень сложную внутреннюю ситуацию. Стратегия власти была основана на том, чтобы уничтожать все реальные и потенциальные очаги организованной оппозиции; стратегия общества, которая складывалась из миллионов индивидуальных позиций, состояла в том, чтобы защитить свои культурные ценности в условиях существующей действительности. Власть стремилась склонить общество на свою сторону, но одновременно жгла деревни [за связь с подпольем] и издевалась над арестованными аковцами. Население боролось с коммунистами (и террором тоже) и одновременно сотрудничало с властью»²⁷².

Приспосабливалось не только немалое число поляков к власти, но и Временное правительство к их массовым запросам. Власть предлагала лишь те преобразования, которые могли быть востребованы населением. Приспособление отчетливо проявлялось в церковной политике правительства. Прагматизм власти (где решающие позиции занимала партия с атеистической идеологией, а социалисты и людовцы были традиционно настроены антиклерикально) по отношению к Польской римско-католической церкви объяснялся стремлением удержать церковь от участия в политической борьбе на стороне противников и конкурентов Временного правительства и особенно от контактов с военно-политическим подпольем. Правительство, учитывая происшедший за годы войны рост религиозности населения, принимая во внимание патриотическую роль церковных иерархов в поддержке стремления народа к выживанию и сопротивлению гитлеровцам, сохранению национальных ценностей, содействовало возрождению религиозной жизни в стране²⁷³.

На освобожденных от гитлеровцев территориях Временному правительству удалось с разной мерой успеха управлять ситуацией в важнейших звеньях общественной жизни, приступить к постепенному преодолению последствий войны в сочетании с переустройством общества. В этом состояло его объективное преимущество перед правительством, находившимся в эмиграции, и его структурами, лишенными возможности действовать легально. Зимой 1944–1945 гг. процесс поддержки Временного правительства приобрел заметную позитивную динамику. Для его влияния в обществе, казалось, создавался важный «задел».

Правительство и ППР были в основном удовлетворены решениями глав великих держав в Ялте. Во-первых, в Варшаве понимали, что послевоенный союз Польши с СССР и новое положение страны на континенте есть то единственно возможное, что в наибольшей мере соответствует национально-государственным интересам. Сталин демонстрировал твердость в поддержке новой власти Польши. Это означало, что

ситуация, столь выгодная и безопасная для СССР, вряд ли подвергнется в дальнейшем существенной корректировке.

Во-вторых, в конкретно-исторических условиях, когда данностью был диссонанс между объективными социально-экономическими нуждами большинства населения, которые удовлетворяла власть, с одной стороны, и его политическими настроениями и предпочтениями, с другой, правительство оставалось представителем меньшинства. Оно нуждалось в росте общественной поддержки и международного признания. Поэтому Варшава принимала рекомендации великих держав о расширении состава Временного правительства.

Об этом шла речь на пленуме ЦК ППР 6–7 февраля 1945 г., состоявшемся во время заседаний в Ялте. Были подтверждены основные направления экономической политики коммунистов: отвергался как капитализм с монопольной властью крупных собственников, так и монопольная государственная собственность. Но главное внимание в докладе лидера ППР В. Гомулки было уделено анализу политической ситуации и неотложным планам партии. Установленную в стране политическую систему В. Гомулка именовал режимом народной демократии, общенародной демократией нового типа при руководящей роли рабочего класса, в союзе с социалистами, людовцами и демократами²⁷⁴. Фактически ППР призывала к сотрудничеству многих сторонников и участников «лондонского» лагеря: «Мы, — говорил В. Гомулка, — стоим за объединение всех здоровых сил польского народа. Мы знаем о том, что в „пролондонские“ организации часто входили люди честные, не скомпрометированные, люди, которые теперь придут к нам, ничего не скрывая, без злых намерений, и поэтому мы им препятствовать не будем». Коммунисты намеревались привлечь на сторону коалиции членов ППС-ВРН, за исключением «решительно враждебных элементов ВРН, которые должны быть удалены из политической жизни». «В менее острой форме это относится и к СЛ [РОХ]», — считал Гомулка. Он имел в виду процесс легализации некоторых отрядов БХ и «связанных с группой Миколайчика политических организаций». Они пополняли ряды СЛ, партии, представленной в правительстве и КРН. Обращаясь к настоящим и будущим союзникам по управлению страной, Гомулка говорил о нежелании коммунистов «ограничивать суверенность других политических партий, с которыми сотрудничаем, намерении соблюдать и исполнять принципы союза и взаимодействия»²⁷⁵. Таким образом, ППР заявила о готовности принять в коалицию новых представителей от социалистов и людовцев.

Между тем в ожидании окончательного разгрома вермахта и под воздействием решений, принятых в Ялте, породивших в Польше как надежды на политические перемены, так и разочарования от неизбежных территориальных потерь на востоке, весной 1945 г. политическая обстановка обострялась. Подъем патриотического энтузиазма, связанный с изгнанием гитлеровцев, с социально-экономическими реформами, с ожиданием восстановления страны и улучшения жизни рядовых поляков, заметно ослабевал. Он все активнее вытеснялся патриотизмом иного содержания. Одобрение обществом ряда социально-экономических усилий Временного правительства вовсе не трансформировалось в массовое и повсеместное доверие. Нарастало негативное отношение к польским коммунистам в правительстве, отвергались признанные в Ялте изменения восточной границы Польши и союз с СССР — «единственным виновником» раздела страны в 1939 г. «Большинство поляков в 1945 г., — утверждает

Е. Дурачинский, — считало границы временными и навязанными Москвой тогда, когда Запад не мог ей противостоять, рассчитывало на изменение этой неблагоприятной для Польши расстановки сил. Утрата Львова и Вильно трактовалась почти как очередной раздел Польши и лишение одного из важнейших атрибутов суверенности государства»²⁷⁶.

Большинство населения раздражало присутствие советских офицеров в Войске Польском, военнослужащих Красной Армии и войск НКВД по охране тыла на территории Польши. Советское участие в подавлении польского подполья остро воспринималось как проявление вмешательства во внутренние дела, порой как оккупация страны восточным соседом. Не оправдалась надежда многих, что на встрече в Ялте союзники добьются избавления Польши от советского контроля и репрессий НКВД. То, что в странах Западной Европы стояли не менее внушительные по численности войска США и Великобритании и разоружались любые участники движения Сопротивления, поляков не смущало. Считалось, что после Ялты произойдет возвращение «лондонского» правительства, а «польские окраины» вновь войдут в состав послевоенного государства, состоится поворот к привычной ориентации страны на Запад. Принятые в Ялте постановления не отвечали этим представлениям, но оставляли надежду, что на следующей встрече глав великих держав будет создано другое правительство и оно сможет многое изменить.

Эти иллюзорные планы поддерживались тем, что западные союзники и большинство стран мирового сообщества признавали законным кабинет Т. Арцишевского, который категорически отверг «Ялту»*. В Польше сохранялись его подпольные структуры: РЕН, система политических представительств, действовали вооруженные отряды, а также партийные организации ППС-ВРН, СЛ-РОХ, эндеков (СН), Стронництва працы (СП). Но в Лондоне распространялись разные слухи: якобы отдан приказ об уничтожении некоторых документов и сохранении архивов, шифров и валюты; президент В. Рачкевич уже предложил В. Андерсу исполнять обязанности Верховного главнокомандующего; а генерал выступил против ялтинских решений, угрожал Черчиллю в знак протеста снять польские войска с итальянского фронта, на что последний якобы ответил: «мы больше в вас не нуждаемся». И это последнее было правдой. Не способствовал престижу правительства Арцишевского его публичный отказ от пястовских

* Правительство Великобритании в годы войны неоднократно давало понять «польскому» Лондону, что оно не разделяет его претензий на восточные кресы. Так, в 1942 г. один из английских министров убеждал члена Госсовета Польши социалиста А. Чолкоша, что земли эти спорные, ибо они многонациональны, называл поляков империалистами и настаивал: «чтобы быть империалистом, надо иметь силу и уметь управлять. Силы вы [поляки] не имеете, а умения управлять тоже не показали. Не было года, чтобы в Великобританию не приезжали делегации украинцев или белорусов с жалобами на ваши правительства. Вообще империализм не лучшая черта. Если он не опирается на силу, то становится смешным. Не имея собственной силы, вы хотите с помощью нашей силы реализовать ваши империалистические цели. Честно говоря, мы имеем наши собственные империалистические цели, но на других территориях» (цит. по: *Ciećkowski Z.A. Geopolityczne aspekty położenia współczesnej Polski // Rocznik Instytutu Badań Naukowych. T. VI–VII. 2008–2009. Warszawa, 2010. S. 43*). Позиция английского правительства по этому вопросу оставалась неизменной и в 1945 г.

земель на западе тогда, когда Польша де-факто принимала эти территории под свою юрисдикцию, когда требование их возвращения широко поддерживалось в стране и являлось одним из центральных пунктов программ почти всех польских политических партий²⁷⁷.

После поражения Варшавского восстания и провала попыток силой оружия принудить советскую сторону признать польскую принадлежность восточных окраин, а «лондонское» правительство — законной властью Польши, военно-политическое подполье находилось в состоянии организационного кризиса. Учитывая это, а также стремительную Висло-Одерскую операцию Красной Армии, командующий АК генерал Л. Окулицкий издал упомянутый приказ о роспуске АК и освобождении солдат и офицеров АК от данной ими воинской присяги. Подписывая его, генерал намеревался предотвратить столкновение отрядов АК с советскими войсками, спасти от репрессий наиболее стойких противников новой власти, сберечь ценные кадры для будущего противостояния. Командование Армии Крайовой готовилось перейти к другим формам борьбы за «отрыв» от СССР, возвращение довоенной территории и т.п.

В приказе подтверждалась неизменность целей АК в условиях «замены» гитлеровской оккупации «оккупацией советской». Окулицкий подчеркивал: поляки согласятся жить «только в полностью свободном, суверенном, независимом и социально справедливом Польском государстве. Нынешняя советская победа не завершает войны. Нам нельзя ни на минуту терять веры в то, что эта война может закончиться только победой правого Дела, триумфом добра над злом, свободы над неволей». Низовые командные кадры АК получили приказ спрятать оружие и боеприпасы, оставаться в подполье, сохранять связи, ждать дальнейших распоряжений и использовать возможности легальных действий, «стараясь овладеть всеми структурами временно существующего люблинского правительства»²⁷⁸. Это была переориентация военных структур подполья на выжидание и перегруппировку сил, на внедрение в армию и госбезопасность. Учитывалось, что страна уже переходила к мирной жизни, стало быть, снижалась готовность людей к сопротивлению, особенно вооруженному.

Тем не менее, стремление «непримиримых» продолжать борьбу за суверенную Польшу, теперь уже только против СССР, не иссякло. Приказ о роспуске АК был воспринят командными кадрами и радикально настроенной молодежью как формальность. Утверждения Окулицкого, что борьба не закончена, придавали ему противоречивое звучание, удерживали «непримиримых» в «лесу». Ряд округов АК, например, Люблинский и Белостокский, где сосредоточение подпольных отрядов и групп было наиболее плотным, не выполнили приказа. В начале 1945 г. в подполье действовали почти 200 вооруженных групп численностью от 5 до 20 человек и отрядов — до 150, 200 и более бойцов в каждом. В этих воеводствах и некоторых районах польского Полесья ситуация была такова, что отрядам, главным образом АК и НСЗ, удавалось на короткий отрезок времени контролировать отдельные поселки, гмины, уезды и небольшие города. Органы местной власти были разгромлены в 4 уездах, 3 городах и 4 районах²⁷⁹.

Ситуацию на территории Польши пристально отслеживали в Москве. Тревожное положение на этом особо ответственном участке выдвинуло на повестку дня проблему безопасности тылов всех фронтов Красной Армии, дислоцированных в восточноевропейском регионе. В Кремле признали необходимым увеличить общую численность войск НКВД для охраны тыла действующей армии. Мероприятия по

«очищению» тылов проводились централизованным образом, находились в ведении Берии и, судя по документам, под прямым контролем Сталина*. Организационную подготовку «очищения» территории Польши предписывалось закончить к 25 января 1945 г. Исполнение поручалось Уполномоченным от НКВД заместителю Берии генералу И.А. Серову (1-й Белорусский фронт) и заместителю начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКО генералу П.Я. Мешику (1-й Украинский фронт). Мешик находился в Польше с декабря 1944 г., где налаживал работу польской госбезопасности.

Военный Совет 1-го Белорусского фронта докладывал в Москву, что на западном берегу Вислы «во многих уездах АК имела широко разветвленные и многочисленные вооруженные... „лесные отряды“... Основная их задача — уничтожение демократических деятелей Польши», что между Бугом и Вислой «много случаев террористических и бандитских действий аковцев». В донесении отмечались попытки компрометировать Красную Армию («дают [наверх] клеветническую информацию, преподносят незаконные действия отдельных военнослужащих Красной Армии как общее явление»), рост активности «наиболее отъявленных элементов аковцев» в борьбе против сторонников Временного правительства, нападения и убийства представителей местной власти, госбезопасности, милиции, а также солдат Войска Польского²⁸⁰.

25 января 1945 г. Берия уведомил Сталина об итогах деятельности Серова и Мешика за десять дней января: «Созданы оперативные группы из чекистов, которые проводят работу на участке каждой армии, продвигаясь вслед за наступающими частями соответствующего фронта. Каждой группе приданы войска НКВД». По 1-му Украинскому фронту «изъято 711 человек» вражеского элемента, из них 190 участников АК, по 1-му Белорусскому фронту — из 956 задержанных, соответственно 429 членов АК, НСЗ, БХ и др. Военным трибуналом 1-го Белорусского фронта с 15 октября 1944 г. по 1 февраля 1945 г. за хранение оружия было осуждено 348 польских граждан, из них членов АК — 155²⁸¹.

Для подавления подполья требовалась полномасштабная работа советских спецслужб. Она выражалась в непосредственном, разном по форме (зачисление в штат на должность или исполнение роли советников) участии советских офицеров в работе польской госбезопасности и военной контрразведки. 1 марта по просьбе Б. Берута были откомандированы советниками генералы Серов в Министерство общественной безопасности (МОБ) и Мешик в Министерство общественной администрации. В 1945 г. институт советских советников и инструкторов действовал по структурной вертикали МОБ вплоть до повятов. По некоторым данным, осенью 1945 г. в этой системе работало «большое количество военнослужащих Красной Армии, граждан Советского Союза», в том числе членов и кандидатов ВКП(б) — 259 человек, членов ВЛКСМ — 67 (без

* «Очищение тыла» на территории Польши не сводилось к подавлению отрядов АК и НСЗ. 29 марта 1945 г. Берия направил Сталину информацию о ходе «операций по очищению от враждебного элемента действующих фронтов» Красной Армии: задержаны члены фашистских и иных враждебных организаций, военнопленные армий противника и предатели общим числом 171 229 человек, из них по национальности немцы — 101 205 и поляки — 34 787 (Teczka specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski. 1944–1946. Warszawa, 1998. S. 225–228).

учета милиции), в том числе во внутренних войсках членов и кандидатов ВКП(б) — 215 и членов ВЛКСМ — 29 человек. Весной 1945 г. сложилась структура контрразведки Войска Польского. В центре — Главное управление информации (ГУИ, начальник в 1944–1945 гг. — советский полковник П. Кожушко) и сеть подразделений при командовании родов войск, военных округов, крупных гарнизонов и военных учебных заведений. Велось наблюдение за политической атмосферой в армии, особенно за поведением принятых на службу недавних офицеров и рядовых АК²⁸².

Советская сторона выделила для обеспечения безопасности тылов своих армий внутренние войска НКВД, которые, кроме выполнения прямых обязанностей, одновременно решали задачи военно-политической поддержки польской власти и организационного содействия формированию ее силовых структур. Польская система госбезопасности, находившаяся в стадии становления, не была способна как обеспечить безопасность тылов Красной Армии, так и противостоять вооруженному подполью*. Тем не менее, немногочисленные подразделения польской госбезопасности участвовали вместе с внутренними войсками НКВД в подавлении попыток отрядов АК и НСЗ развернуть сопротивление Красной Армии и новой власти в Польше. Регулярно поступавшие донесения уполномоченных при командовании фронтов и советников НКВД в Москву на имя Сталина и Берии сообщали о систематических арестах руководителей и рядовых участников подполья²⁸³.

Зима и весна 1945 г. были отмечены нараставшей интенсивностью вооруженных выступлений отрядов АК и НСЗ, главным образом в восточных и юго-восточных воеводствах страны. Вину за эту «войну» Сталин, выступая в Ялте, прямо возложил на «лондонское» правительство и подпольные круги, именующиеся «силами внутреннего сопротивления». Он заявил, что от «сил внутреннего сопротивления» мы не имеем ничего, кроме вреда... Они нападают на наши склады, чтобы захватить оружие. Они нарушают наши приказы о регистрации радиостанций..., нарушают все законы войны. Они жалуются, что мы их арестовываем..., если эти „силы“ будут продолжать свои нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать... Покой и порядок в тылу — одно из условий наших успехов»²⁸⁴. Союзники отдавали себе отчет, что подавление подполья рано или поздно произойдет в результате советских «ответных» мер. Соотношение сил, как считает английский историк Н. Дэвис, «убедительно воздействовало на позицию [союзников] по Восточной Европе»: «малые страны региона были слишком слабы, чтобы устоять на собственных ногах. Лишь немногие поняли, что именно западные страны оказались слишком слабы, чтобы защитить своих восточноевропейских партнеров и клиентов»²⁸⁵. В полной мере это проявилось в ходе осуществления решений, принятых в Ялте.

* В отчете Варшавского воеводского комитета ППР за январь–февраль 1945 г. говорилось: «Деятельность Армии Крайовой в правобережных районах [р. Вислы] ... приняла такие размеры, что органы безопасности и партийные органы стали беспомощными... Аковские банды являются хозяевами положения... Положение представляется таким образом, что этим бандам мы не имеем, что противопоставить. Отделения милиции, которые являются единственными представителями власти, не говоря уже о том, что не совсем надежны, — не вооружены, органы безопасности не располагают достаточным количеством людей и оружия» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 767. Л. 44).

IV.2. РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЛТИНСКИХ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ.

ПОЛЬСКИЙ АСПЕКТ КОНФЕРЕНЦИИ В ПОТСДАМЕ

Сразу после встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля в Ялте развернулась упорная борьба в «Комиссии трех». Кларк-Керр и Гарриман прилагали усилия для сохранения под своим влиянием традиционной англо-французской союзницы Польши. Первым шагом в этом направлении было бы формирование выгодного состава коалиционного кабинета национального единства и затем смена власти, на что рассчитывал и «польский» Лондон.

Задача Молотова заключалась в том, чтобы предотвратить потерю одного из ключевых звеньев формировавшегося советского «пояса безопасности», не позволить западным дипломатам, принципиально изменив состав кабинета, оторвать Польшу от СССР. Каждый боролся за свои интересы, причем геополитические интересы СССР и Польши объективно совпадали: обе страны имели общую долгосрочную цель — исключить новую германскую агрессию на Восток. Послевоенная Польша нуждалась в сильном союзнике на германском направлении, который был способен защитить от немецкого реваншизма. Таким союзником являлся лишь СССР, нуждавшийся в надежном внешнеполитическом партнере против Германии*, принимавшем в настоящем и будущем советские параметры сотрудничества. Военное время показало, что «лондонское» правительство и его политическое подполье в стране таким партнером не были. Они категорически не допускали компромисса с СССР, жестко предъявляли Москве претензии на спорные территории, пытались диктовать условия тогда, когда западные державы вовсе не выступали их безусловными союзниками. Готовность к уступкам во имя союза с Москвой демонстрировали лишь польские коммунисты. Они власть и получили. Причем основой польско-советского союза была для них не только идеологическая «единокровность» с ВКП(б), но прежде всего понимание национально-государственных интересов Польши, в том числе и территориальных. Объективная заинтересованность в безопасности друг друга гарантировала союз двух государств, что отразила деятельность В.М. Молотова как председателя «Комиссии трех».

К 16 февраля НКВД СССР подготовил для Молотова конкретные предложения: инициировать порядок работы комиссии, предложить общее число членов нового кабинета (не более 20); ограничить число новых лиц (трое из страны, двое из-за границы); «обсуждение всех вопросов в Комиссии вести с самого начала с участием Берута, Осубка-Моравского и Роля-Жимерского», с ними согласовывать «список кандидатов в состав правительства и *вызвать их* в Москву для консультации». Так Москва делала правительство в Варшаве действующим членом «Комиссии трех». Из документа следовало, что советская сторона и варшавское руководство намеревались не допустить принципиальных изменений соотношения сил в кабинете²⁸⁶.

Западные представители в «Комиссии трех», постоянно взаимодействуя с поляками в Лондоне, а те — с руководством «подпольного государства», пытались «обойти»

* Сталин был убежден в возрождении германского милитаризма. В августе 1944 г. он говорил С. Микойлайчику: «...все-таки Германия может подняться. На этот случай нужно держать наготове меч и этим мечом должен быть союз между Польшей и СССР...» (Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 87).

Ялтинские решения так, чтобы персональными переменами обеспечить свое доминирование в правительстве Польши. Английский посол Кларк-Керр «продвигал» ведущих деятелей подполья, неоднократно вручая В.М. Молотову поименные списки заведомо неприемлемых для советской стороны «натуральных кандидатов на переговоры и во Временное правительство национального единства». В них значились руководители «подпольного государства» (К. Пужак, Л. Окулицкий, Я. Янковский) и деятели рангом пониже. 25 февраля Молотов получил письмо Кларк-Керра. Посол отвергал кандидатуры С. Грабского, В. Витоса, С. Кутшебы, предлагавшиеся Берутом, который якобы хочет «диктовать свою волю Комиссии», и выдвигал альтернативную группу лиц, состоявшую как из людовцев и социалистов (К. Багиньский, С. Корбоньский от СЛ-РОХ, З. Заремба от ППС), так и правых, националистически настроенных политиков (Ю. Хациньский, Ф. Урбаньский, В. Тромпчиньский). От «Лондона» предлагались Я. Станьчик (ППС), К. Попель (СП) и эндек М. Сейда. Эти списки показывали, что ведущие деятели подполья рассчитывали быть в полной мере представленными в правительстве страны и подавить гегемонию коммунистов во власти. Разногласия в Комиссии по кандидатурам нарастали, ее работа, начатая 23 февраля 1945 г., заходила в тупик²⁸⁷.

Москва, зная персональные «предпочтения» союзников, «польского» Лондона и «подпольного государства», стремилась исключить из списка «нежелательных» политиков, ускорить допуск к работе «Комиссии трех» и затем в новое правительство тех деятелей, которые были склонны к компромиссу с СССР и новой властью в Варшаве. С этой целью было организовано специальное «оперативно-чекистское мероприятие». Еще в феврале 1945 г. офицеры советской контрразведки установили связь с генералом Л. Окулицким*. Предлагалась встреча с командующим 1-м Белорусским фронтом маршалом Жуковым, что генерал отверг. Письмо советской стороны, тоже оставленное без ответа, получил и делегат правительства Я. Янковский. Вторую попытку контакта с Окулицким и представителями Делегатуры советская контрразведка предприняла в начале марта. Полякам предлагались переговоры с генералом Серовым «для разрешения вопросов, которые вряд ли могли быть разрешены иным путем». Отмечалось, что «взаимное понимание и доверие позволят решить очень серьезные проблемы и не допустить до их обострения»²⁸⁸.

После согласования с «Лондоном» и встречи с полковником советской контрразведки Пименовым, который обещал выезд поляков в Лондон для обсуждения с Арцишевским проблемы их участия в создании правительства, руководство подполья решилось на переговоры. Все опасения перевесила цель — легализоваться, избежав репрессий, и вступить в политическую борьбу за власть²⁸⁹. Встречи-беседы представителей сторон завершились 27–28 марта 1945 г. близ Варшавы в г. Прушкове, где ряд ведущих деятелей подполья был изолирован. Окулицкого и Янковского арестовали в Варшаве**. Вместо обещанной поездки в Лондон поляков доставили в Москву и за-

* У Москвы были основания считать генерала Окулицкого тем человеком, который может решиться сам и убедить других принять предложение о переговорах, что и случилось.

** Арест был незаконным. Хотя он происходил в тыловой зоне Красной Армии, но вне прифронтовой полосы «глубиной от 60 до 100 км от передней линии фронта». За пределами этой полосы, согласно Постановлению ГКО и Соглашению с ПКНО, советские военные власти не имели права производить аресты польского населения.

ключили в тюрьму НКВД на Лубянке. Арест лидеров фактически обезглавил военно-политическое подполье. Официальная информация о происшедшем последовала только в начале мая 1945 г., когда были названы имена арестованных: командующий АК Л. Окулицкий, председатель Рады Едности Народовой, социалист К. Пужак, делегат «лондонского» правительства в ранге вице-премьера Я. Янковский (СП), три заместителя Янковского от политических партий, в марте еще не вышедших из подполья, — А. Бень (СЛ-РОХ), С. Ясюкович (СН), А. Пайдак (ППС-ВРН) и др. Всего 16 человек. Советская сторона вменяла им нарушение законов военного времени, обвиняла в военных преступлениях и организации террора в тылу Красной Армии²⁹⁰.

3 апреля 1945 г. Гомулка, которой уже знал об «исчезновении» Янковского и других, проинформировал Молотова о тех условиях, на которых лидеры «подпольного государства» полагали войти в новое правительство, что они намеревались обсудить в Лондоне с «руководством эмиграции». Имелось в виду допуск к участию в правительстве представителей ППР, но отстранение Берута с поста президента; ввод войск союзников в Польшу «для обеспечения свободы выборов»; полная амнистия; превращение АК в основу новой польской армии, объединяющей армию Андерса и армию, сформированную в СССР; согласие «под принуждением» на восточные границы; приход к власти «лагеря польской демократии», направленного «против фашистов и тоталитар[ных] устремлений ППР»²⁹¹.

Вряд ли советская сторона по своим каналам не располагала подобными сведениями. Арест 16-ти деятелей следует объяснить этими, неприемлемыми для нее намерениями претендентов на вхождение во власть и опасениями, что они составят слишком серьезную конкуренцию польским коммунистам, вызовут колебания в ППС и СЛ. Было и еще одно объяснение. Тогда же, в феврале–марте 1945 г. некоторые представители РЕН и АК, поддерживая контакты с советскими офицерами, вели поиск собственных путей выйти из подполья и включиться в легальную политическую борьбу в стране. После Ялты ситуация в Польше вовсе не определялась только подавлением вооруженных подпольных отрядов. Важным было появление еще одного внутреннего фактора: война кончалась, и большинство граждан Польши хотели не воевать, а восстанавливать страну. В том, что «люди рвались к нормальному труду и нормальной жизни, которая, вопреки всему, рождалась на польской земле», был реальный шанс для той польской власти, которая предлагала переговоры и компромиссы, т. е. в первую очередь для коммунистов²⁹².

В подполье учитывали существование этих тенденций в обществе и склонялись к признанию документов, принятых в Ялте, к использованию политической возможности влиять на формирование состава коалиционного правительства и его курса. Верх брало понимание, что отрицание новых внутренних и международных обстоятельств с каждым днем становится политически бесперспективным. 22 февраля 1945 г. РЕН, которую еще возглавлял К. Пужак, под давлением СЛ-РОХ, фактическим руководителем которого в стране был склонный к компромиссам Ю. Нечко, приняла резолюцию о согласии с ялтинскими решениями. Влиятельный людовец С. Корбоньский 5 марта объяснял решение РЕН стремлением добраться до времени выборов «на последнем спасательном плоту». В Центральном руководстве СЛ-РОХ считали, что реалии весны 1945 г., как внутренние (дезорганизация управления «подпольным государством» и власть ППР в стране), так и внешние (Красная Армия в Польше, граница с СССР

установлена окончательно), диктуют необходимость «территориальных уступок» и «соглашения с Россией». Правда, одновременно они надеялись «все пересмотреть, если ситуация затем изменится». 15 марта 1945 г. СЛ-РОХ решило выйти из подполья, создать новое Центральное руководство и легализовать отряды БХ. Членам партии разрешалось участвовать в деятельности органов власти, администрации и местного самоуправления, но категорически запрещалось вступать в СЛ. 7 мая 1945 г. Исполком СЛ-РОХ прекратил отношения с союзниками по подполью, о чем были уведомлены низовые организации партии. Так, в «последнюю минуту» (сотни тысяч крестьян брали землю от Временного правительства, десятки тысяч людовцев перешли в СЛ, обеспечив его массовый характер) крупнейшая демократическая партия Польши сделала принципиальный шаг к разрыву с «лондонским» лагерем в пользу контактов с новой властью. Хотя часть ее руководства сделала это лишь в июле 1945 г., весной был открыт путь представителям партии в будущее правительство, а С. Миколайчику, который выжидал, оставаясь в Лондоне, — возможность войти в его состав и возглавить легальную крестьянскую партию²⁹³.

Постепенно продвигались к аналогичному решению некоторые руководители столь же влиятельной демократической партии «лондонского» подполья — ППС-ВРН. По словам К. Пужака, необходимо было, получив гарантии полной независимости от ППС, «войти во Временное правительство национального единства, чтобы обеспечить широкую деятельность партии». Главный совет ППС-ВРН 18 марта сделал заявление о выходе партии из подполья. Правда, руководство ППС-ВРН (З. Жулавский — председатель, З. Заремба — вице-председатель и др.) обуславливало начало деятельности вхождением в ППС всего довоенного руководства и ведущих деятелей ППС-ВРН. Как позднее полагал Заремба, это позволило бы объединенной партии стать независимой политической силой, которая «должна будет выступить с требованием вывода Красной Армии за пределы Польши, освобождения арестованных лидеров „подпольного государства“, возвращения военного командования с Запада и немедленного проведения выборов с участием всех политических группировок, представленных эмиграцией и подпольем»²⁹⁴.

Расчет на оттеснение левых социалистов от определения курса ППС не соответствовал целям ППР, Временного правительства и руководства СССР. «Ультиматум» не могли принять те руководители ППС, которые с осени 1944 г. возрождали партию и представляли власть в стране. Но возможность вступления в ППС почти всем лидерам ППС-ВРН не была закрыта. Социалисты, связанные в годы войны с этой партией, в индивидуальном порядке принимались в ППС и включались в партийную работу. Партия росла в основном за их счет. Многие деятели довоенной ППС (Э. Осубка-Моравский, А. Курылович, Л. Мотыка, С. Швальбе, В. Дробнер, С. Матушевский, К. Русинек и др.) уже были или становились руководящим активом ППС. В руководство ППС приходили социалисты, освободившиеся из немецких концлагерей (Ю. Циранкевич).

Таким образом, весной 1945 г. стало очевидным, что политическое основание «подпольного государства», создававшегося в довоенной польской элитой во имя восстановления II Республики и ее власти, разрушалось. Признание решений Ялты СЛ-РОХ и ППС-ВРН, их стремление к легальной борьбе за власть предвещали изменения в содержании политического процесса летом 1945 г.

Позиция политиков «подпольного государства», связанных с эндеецией (СН), а также деятелей правого «центра» (СП) и вооруженных отрядов НСЗ была иной. Они

предпочитали или продолжать подпольную борьбу, или бежать за границу. Так поступила сотрудничавшая с вермахтом ради сопротивления Красной Армии и отступавшая вместе с ним «Свентокжиская бригада», наиболее крупное (от 800 до 1200 человек), радикально националистическое подразделение НСЗ*.

«Лондонское» правительство после Ялты прилагало усилия для продолжения борьбы в стране и поддержки жизнеспособности подполья. В связи с «исчезновением» Янковского новым делегатом был назначен С. Корбоньский. Полковник Я. Жепецкий по заданию «Лондона» в марте создал новый командный центр — Делегатуру Сил Збройных (ДСЗ). Но восстановить управление вооруженной борьбой не удавалось: подпольные военно-политические структуры плохо владели ситуацией, действующие в лесах отряды и даже целые округа АК не были склонны подчиняться полковнику²⁹⁵.

Весной–летом 1945 г, когда с перерывами, но работала «Комиссия трех», среди сторонников «лондонского» правительства было немало тех, кто полагал: продолжение подпольной борьбы против власти и СССР приведет к политическим переменам в стране. Количество не подчинившихся приказу Л. Окулицкого участников АК и членов отрядов НСЗ росло. В Москву регулярно поступали донесения генерала Серова о численности и действиях подпольных отрядов, о проведении «чекистско-войсковых операций» против вооруженных «банд», арестах их командного состава. Так, 16 апреля Берии было доложено, что «за последние недели» в Жешувском, Люблинском и Белостокском воеводствах активизировалась «бандитская деятельность» АК, НСЗ и УПА (грабят крестьян, убивают местных жителей-евреев, нападают на работников милиции, органов безопасности и коммунистов, отмечаются убийства красноармейцев). Был проведен ряд операций по ликвидации «банд» (убито более 900, захвачено живыми 1300 человек, изъято оружие — 37 пулеметов, 270 винтовок, много боеприпасов)²⁹⁶.

Несмотря на контрмеры, подполье росло, в основном за счет молодежи, резко антисоветски, антикоммунистически и антисемитски настроенной, не имевшей жизненно-го и политического опыта, а потому склонной к радикальным действиям. Подполье пополнялось и дезертирами из милиции, Войска Польского и госбезопасности. По разным соображениям, порой далеким от идейных мотивов (боязнь мести за службу коммунистам, опасения наказаний в случае возможных политических перемен), такие, ненадежные во всех смыслах солдаты и офицеры, не хотели больше служить, ведь война ушла с их земли. Дезертирство принимало массовый характер. 23, 30 апреля и 2 мая из внутренних войск МОБ в Люблинском и Жешувском воеводствах бежали военнослужащие трех батальонов — более 1500 человек²⁹⁷. Согласно донесению советника МОБ генерала Н.Н. Селивановского Берии 13 мая 1945 г., «под влиянием представителей АК» в Люблинском, Жешувском, Белостокском, Варшавском и Краковском воеводствах за 10 дней «дезертировали в банды» один батальон польских внутренних войск (500 человек, 300 солдат и офицеров 8-го запасного полка и «весь состав милиции и

* Оказавшись на территории Германии, бригада в конце апреля 1945 г. вошла в контакт с американской армией, была признана союзным воюющим подразделением, вскоре переформирована в Охранные отряды при 3-й Американской армии и разоружена в августе 1945 г. (Rozkazy dzienne Brygady Świętokrzyskiej NSZ. Kraków, 2003. S. VI–XII).

общественной безопасности гор. Любачев»). Кто-то из них возвращался в подразделения или расходился по домам, но часть, обладая оружием, оставалась в «лесу» и включалась в борьбу с представителями действующей властью и Красной Армии, отрезая себе путь в мирную жизнь. За 10 дней мая в указанных воеводствах было «зафиксировано 23 активно действующие «банды», общей численностью до 6 тыс. человек и 11 «банд» УПА (более 4 тыс. человек) Они совершали налеты на тюрьмы (освободили 233 арестованных), отделы милиции и безопасности (убито соответственно 16 и 3 человек), местный актив (убито 6 человек), советских военнослужащих (убито 10 человек), на гражданское население, предприятия, учреждения, магазины и склады. Отрядом АК был захвачен г. Граево, из тюрьмы освободили 214 заключенных. Нападавшие имели на вооружении пулеметы, минометы, автоматы, винтовки, пистолеты, гранаты, жестоко расправлялись не только с коммунистами, но и с мирным населением. В итоге «агентурно-оперативных мероприятий с 1 по 10 мая [было] арестовано 630 участников АК, из них 288 человек захвачено при массовых операциях против банд и в боях»*.

Селивановский докладывал: «В связи с тем, что польские внутренние войска, находящиеся в стадии организации, непригодны к использованию против банд, борьбу с бандами ведут, в основном, наши пограничники», а именно, пять полков внутренних войск НКВД и отдельный мотострелковый батальон**. Советник просил (и в конце мая получил) дополнительные силы НКВД и две дивизии польской армии для размещения в воеводствах, «пораженных бандитизмом»²⁹⁸.

Так весной 1945 г. выглядел подпольный «фронт» борьбы за власть, которая разворачивалась в условиях ожидавшихся перемен в стране и под воздействием международной политической «погоды». После смерти в апреле 1945 г. Ф.Д. Рузвельта, который видел возможность и желательность долгосрочного сотрудничества с СССР, с приходом президента Г. Трумэна, не разделявшего политику предшественника на советском направлении, курс США ужесточился. Представители Вашингтона и Лондона в «Комиссии трех» требовали приглашения на консультации неограниченного числа польских деятелей из эмиграции и «подпольного государства», отказывались признать Временное правительство в Варшаве в качестве «ядра будущего Польского правительства национального единства» и советско-польскую границу. Москва же категорически настаивала на выполнении предварительных условий, аргументируя свою позицию интересами безопасности страны. Об этом писал Сталин 7, 18, 24 апреля ■

* Статистика арестов, которой располагают исследователи, весьма условна. Она учитывает арестованных как по уголовным, так и по политическим причинам. Нельзя установить, сколько из задержанных в 1944 г. госбезопасностью 11 тыс., в 1945 г. — 45,1 тыс. человек были солдатами подполья (Czekiści. Organy bezpieczeństwa w europejskich krajach bloku sowieckiego. 1944–1989. Warszawa, 2010. S. 454).

** Например, 6 июня 200 человек из отрядов НСЗ, одетые в форму Войска Польского, уничтожили украинскую деревню вблизи г. Хелма, ограбили и убили 196 жителей, в том числе детей. Оперативная группа польской безопасности, направленная на борьбу с бандитами, «беспорядочно бежала», бросив вооружение, 30 человек ушли в банду. Батальон НКВД нагнал бандитов, уничтожил 170 и взял в плен 7 человек, потеряв убитыми 5 советских солдат (НКВД и польское подполье. (По «Особым папкам И.В. Сталина»). М., 1994. С. 197–199; Teczka specjalna J.W. Stalina. Raporty z Polski. 1944–1946. Warszawa, 1998. S. 297).

4 мая 1945 г., отвечая на письма Черчилля и Трумэна. Он упрекал последних в попытках их представителей в «Комиссии трех» диктовать советской стороне «свои требования», считал заявление Миколойчиком от 15 апреля о будущем Польши, «ее суверенной и независимой позиции» и «создании представительного правительства» недостаточным без согласия на «линию Керзона». Лишь получив от Черчилля специальный текст признания Миколойчиком этой границы, советский лидер ответил готовностью «снять свои возражения против приглашения Миколойчика для консультации по вопросу о Польском Правительстве»²⁹⁹.

Советская сторона реагировала на перемены в позициях западных союзников и их польских партнеров, руководствуясь логикой обеспечения безопасности. Действуя на опережение, Москва и Варшава 21 апреля 1945 г. спешно подписали, не взирая на протесты Черчилля и Трумэна, Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве*. Поспешность Москвы с заключением этого договора объяснялась рядом причин. СССР был заинтересован повысить политический «вес» Временного правительства как субъекта международных отношений. 25 апреля открывалась международная конференция в Сан-Франциско, где создавалась Организация Объединенных Наций (ООН). В число ее учредителей имела право войти Польша, член антигитлеровской коалиции, и Москва намеревалась этого добиваться.

Вероятно, немалым «стимулом» для спешки стал английский план развертывания военных действий против СССР на территории советской зоны оккупации Германии и новых землях Польши, который оказался «заблаговременно известен в Москве»**. Была или нет реальной угроза такой войны летом 1945 г., неизвестно, но «осадок» в Кремле остался.

Предваряя предстоявшую встречу глав «большой тройки», дата которой обсуждалась, СССР и Временное правительство оформили двусторонний военно-поли-

* Уже были заключены подобные договоры с Чехословакией (декабрь 1943 г.) и Югославией (11 апреля 1945 г.).

** План экстренной операции «Немыслимое» разрабатывался, скорее всего, по указанию Черчилля в апреле, датирован 22 мая 1945 г.; содержал определение целей войны против СССР, направление ударов союзных войск, их результаты. Судя по мемуарам английского премьер-министра, предполагалось: «немедленно создать новый фронт против ее [России] стремительного продвижения», который «должен уходить как можно дальше на восток», «вытеснить Красную Армию за пределы Польши»; нанести советским войскам такое решающее поражение, которое исключит для руководства СССР возможности продолжения войны; «принудить Россию подчиниться воле» США и Англии. Начать войну планировалось 1 июля, используя промышленный потенциал Германии, части вермахта, а также польские вооруженные силы на Западе. По причине сомнений английского и американского политического руководства и высшего командования в достижении целей план был отвергнут. Москва приказала Главноначальствующему в Германии маршалу Г.К. Жукову перегруппировать войска, укрепить оборону, наблюдать за дислокацией воинских частей западных союзников. СССР усилил обеспечение Войска Польского, выдав долгосрочный кредит на поставки советского вооружения и снаряжения, начиная с 1 июня 1945 г. по 1 января 1947 г. (Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы и комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 524–529; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. М., 2003. С. 20).

тический союз. Стороны «брали на себя обязательства предоставлять взаимную военную и прочую помощь», «пресекать любую угрозу новой агрессии со стороны Германии или какого-либо иного, союзного с ней государства непосредственно, или в любой иной форме». Столь значительным юридическим актом — что подчеркивалось подписями под документом Сталина от имени СССР и Осубка-Моравского от имени Польши — укреплялись позиции Временного правительства, повышался статус союзной СССР Польши*.

Договор был предупреждением международному сообществу, что любые замыслы и попытки извне изменить внутреннюю ситуацию в Польше будут рассматриваться Москвой как антисоветские и повлекут за собой ответные действия. Документ, несомненно, усиливал возможности советских представителей в «Комиссии трех». Он прочно «привязывал» польскую власть к восточному соседу, выступавшему де-юре гарантом территориальной целостности польского государства³⁰⁰.

Отвечая на этот советский демарш, западные союзники, прежде всего США, имея в виду предстоявшие перемены в составе польского правительства, не допустили участия представителей Временного правительства Польши в учредительной конференции Организации Объединенных наций**.

Тем временем правительство в Варшаве продолжало работать. Реальная сила коалиции росла; ППР, а также ППС и СЛ стали зимой 1945 г. массовыми организациями. Численность ППР с декабря 1944 г. (30 тыс. членов) к апрелю 1945 г. выросла в 10 раз (301 713 членов). Осенью 1944 г. немногочисленные ППС и СЛ (соответственно 5 тыс. и 10 тыс. человек) существенно увеличили свои ряды. ППС насчитывала свыше 140 тыс., СЛ — 150 тыс. человек. Возрождались профсоюзы. В них вступили около 650 тыс. человек³⁰¹. Но тенденция численного роста партий была неоднозначной и неустойчивой. В компартию приходили «новобранцы», люди, как правило, не связанные ранее с рабочим движением или аполитичные, порой заинтересованные в причастности к власти. Для левого руководства социалистов и людовцев рост рядов был тревожен, ибо происходил за счет прихода недавних членов ППС-ВРН и СЛ-РОХ.

Вертикаль управления государством опиралась не только на правительственные партии и профсоюзы. Важнейшую роль в системе власти играли силовые структуры, контролируемые ППР. Войско Польское весной 1945 г. превысило 350 тыс. человек. Некоторые его подразделения привлекались к подавлению подпольных отрядов. Непрерывно росла численность рядов госбезопасности. В конце 1944 г. Департамент общественной безопасности располагал незначительными силами: 2500–3000 сотрудников. В его распоряжении находились 13 тыс. милиционеров, 1000 сотрудников тюремной стражи и 4000 солдат и офицеров внутренних войск. В апреле–мае 1945 г.

* Польский историк А. Скрипек пишет: «В Польше стали теперь видеть Польшу, а не тылы фронта» Красной Армии. Он предлагает связывать спешное заключение договора как с начавшейся Берлинской операцией, так и с пониманием в Москве, что ее усилия вскоре сосредоточатся на германской проблеме, которая отеснит «польский вопрос на второй план» (*Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie. 1944–1957. Pułtusk, 2002. S. 84*).

** СССР добился того, что при подписании Декларации, Устава и других документов ООН Польша была оставлена право подписи в будущем как члена-учредителя ООН.

Департамент насчитывал 11–12 тыс., в середине года, по разным данным, — от 17 до 24 тыс. сотрудников. В подчиненном МОБ Корпусе внутренней безопасности числились 32 тыс. солдат, личный состав Гражданской милиции за год вырос в 5 раз и в конце 1945 г. составил 70 тыс. человек. За отдельными исключениями эти люди были политической опорой Временного правительства. Командные кадры Департамента, включая руководство на уровне воеводств, составили 200 польских коммунистов, окончивших партийные учебные заведения Коминтерна или специальные военно-политические школы в СССР. Главным образом это были избежавшие советских репрессий 30-х годов члены КПП, деятели СПП и ЦБКП. Органы госбезопасности в воеводствах и повятах формировались из членов ППР, бывших партизан Армии Людовой, поляков, воевавших в советских отрядах, офицеров, откомандированных из Войска Польского. Достаточно быстро росла агентурная сеть ведомства: в августе 1945 г. в шести воеводствах было зарегистрированных 5,5 тыс. агентов и 4,3 тыс. информаторов, в ноябре в 10 воеводствах соответственно 16,7 тыс. и 13 тыс. человек. Организационный период становления подразделений МОБ, выполнявших задачи политического сыска, закончился к осени 1945 г., и это ведомство все больше брало на себя «работу» по подавлению подполья³⁰². Но в периоды подъема вооруженной деятельности «лесных» отрядов, сопровождавшего важные политические события в стране, оно не могло обойтись без помощи войск НКВД.

«Родовыми» чертами нового политического режима являлись решающие позиции коммунистов в системе власти и органов управления, использование методов насилия и подавления в отношении политических противников. Гегемония коммунистов влекла за собой неравноправие партий-союзниц по коалиции, возникавшие разногласия нередко разрешались путем принуждения, а не поиска компромисса. Резкое недовольство партнеров вызывал почти монопольный контроль коммунистов над системой госбезопасности и ее неподотчетная правительству деятельность. Имиджу партии наносили прямой ущерб порой раздававшиеся «снизу» левацкие призывы к установлению диктатуры пролетариата, к вступлению в СССР в качестве 17-й республики, к немедленной организации колхозов. Такие лозунги не соответствовали программе и провозглашенному курсу ППР. Они не соответствовали на этом этапе и стратегии Москвы, но закрепляли в общественном мнении репутацию ППР как партии тоталитарной, идейно-политически несамостоятельной. Такие выводы делались многими поляками на примерах совместных с НКВД действий польских спецслужб против отрядов вооруженного подполья, особенно аковцев, героический образ которых жил в массовом сознании. Массовые репрессии, одна из волн которых пришлось на весну–лето 1945 г., дискредитировали власть, в первую очередь ППР, дезавуировали курс партии на объединение демократических сил на общенациональной платформе. Большая часть населения считала все, что происходило в стране, диктатурой ППР и перенесением советского опыта в Польшу.

Политика репрессий по политическим мотивам, которая объяснялась в том числе и деятельностью подполья, прежде всего, вооруженного³⁰³, была важнейшей причиной, которая в условиях предстоявших перемен в составе правительства вызывала противодействие как политических противников, так и партнеров ППР по коалиции. Настроения членов ППС и СЛ изменялись, нарастали стремления к партийно-политической суверенизации. Возникла опасность изоляции ППР в правительстве,

появления весомого политического противовеса коммунистам. В мае–июле 1945 г. из ППР вышли от 120 до 150 тыс. человек. Ряды коммунистов (лишь отчасти в результате «чистки» партии) уменьшились почти в два раза и составляли, по разным сведениям, 150–188 тыс. человек³⁰⁴.

Руководство партии, по крайней мере, часть его во главе с Гомулкой, было озабочено сокращением общественной поддержки власти. Оно связывало его с тем, что провозглашенный курс на широкий национальный фронт, на социально-экономические преобразования в пользу малоимущих слоев и т.д. искажался диктатом коммунистов «на местах». Гражданские свободы попирались «узаконненным» способом или грубым произволом госбезопасности, ширились репрессивные акции. Участие в них войск НКВД отражало нарушение национального суверенитета. В итоге предлагавшаяся ППР левая общественная альтернатива порядкам II Республики к середине 1945 г. оказывалась лишь политическим лозунгом. В таких условиях трансформация правительственной коалиции путем привлечения крупных политических сил демократической ориентации становилась для ППР целесообразной и неизбежной для стабилизации внутренней обстановки.

Понимание возникших опасностей, стремление ЦК ППР модифицировать политику партии продемонстрировал пленум ЦК в мае 1945 г. В докладе В. Гомулки преобладала критика партийной работы. В «сглаженном» варианте это отразила опубликованная резолюция: признавались «проявления сектантства», «нежелание вникнуть в дух польского народа», непонимание членами партии процессов «отхода от реакции» разных групп и политических деятелей, в особенности СЛ,... упрощенный подход к АК и враждебное отношение ко всем тем группам, которые когда-то принадлежали к АК, — недооценка кризиса среди лондонской эмиграции», господство в обществе после Ялты «настроений выжидания и недоверия Временному правительству». Предлагалось снизить давление на общество, существенно откорректировать сотрудничество с партнерами по коалиции, смягчить курс в отношении противостоявшего власти политического лагеря, который, особенно низовыми парторганизациями, рассматривался как единый и реакционный, а то и фашистский³⁰⁵.

Жестко критиковались органы госбезопасности, которые, по утверждению Гомулки, вышли из-под партийного контроля и начинают «вырастать во второе государство... сами проводят определенную политику, в которую никто не может вмешиваться». Лидер партии открыто назвал главную причину слабой «обратной связи» ППР с обществом: явная для поляков — на примере действий войск НКВД, присутствия советников в госбезопасности и советских офицеров в армии — зависимость страны от СССР, а ППР от ВКП(б). Обращаясь к участникам пленума, Гомулка выразил это так: «Массы должны считать нас польской партией, пусть нас атакуют как польских коммунистов, но не как агентуру». При этом, оценивая заключенный Договор с Москвой, он подчеркнул, что СССР обеспечивает целостность территории и нерушимость границ Польши, но признавал необходимость внешнеполитического взаимодействия и с Западом, ибо фундамент послевоенного мира заложен сотрудничеством СССР, США и Великобритании.

Не отказываясь от борьбы с вооруженным подпольем, ППР выражала намерение перейти от конфронтации с демократическими и либеральными силами к компромиссу, главным образом с социалистами и левыми, «на принципах полной их партий-

ной независимости и самостоятельности». Партийным организациям ППР поручалось «установить сотрудничество в рамках национального демократического фронта со всеми группами и политическими деятелями, которые признают Временное правительство Польской республики законной властью». Пленум требовал от партийцев отказаться от практики, когда межпартийные договоренности достигались давлением более сильного союзника, когда институт многопартийности нарушался диктатом ППР. Коммунистам предлагалось действовать в органах власти и управления по принципу равноправия и согласования решений с партнерами по коалиции, поддерживать дискуссии, допускать критику, «а также оппозицию, если только она не угрожает основам и сплоченности коалиции»³⁰⁶.

Таким образом, Гомулка и большинство выступавших членов пленума ориентировали партию на переход от принуждения к диалогу как основному инструменту политической деятельности. Была предпринята попытка, реагируя на реальную обстановку в стране, откорректировать политику ППР, соотнести ее с концепцией «народной демократии», демонстрируя готовность уступить долю власти демократическим и либерально-демократическим силам. Риск, что возвращение к управлению страной некоторых представителей довоенных партий обернется радикальной сменой курса правительства, исключался контролем коммунистов над силовыми структурами власти, советским присутствием и поддержкой СССР Временного правительства на международной арене.

Между тем оценка большинством поляков советской политика в Польше как вмешательства во внутренние дела страны оставалась устойчивым и во многом определяющим элементом общественного сознания. Освобождение от гитлеровцев и спасение народа от истребления и национального уничтожения нередко вытеснялось восприятием происходившего в стране как установление новой, советской оккупации. Значительная хозяйственная, финансовая и продовольственная помощь СССР, возвращение культурных польских сокровищ, отстаивание формировавшейся послевоенной территории Польши обесценивались самим фактом присутствия в стране Красной Армии, непониманием советскими военнослужащими национальных традиций и обычаев поляков, случаями мародерства и насилия советских солдат. Крайне отрицательно относились поляки, воспитанные на уважении к своей армии, гордившиеся ее победой в 1920 г. над «Советами», к службе советских офицеров в штате Войска Польского*. В 1945 г. они составляли 43% офицерского корпуса, в Генштабе — 70%. В середине 1945 г. 60 из 69 генералов были советскими гражданами. Советские чекисты служили в контрразведке польской армии, юристы — в системе военной юстиции. Правда, начался затянувшийся на ряд лет процесс отзыва советских людей из рядов армии. Уже в 1945 г. были откомандированы в СССР свыше 8 тыс. офицеров³⁰⁷. Тем не менее, нарушение

* Среди активных политиков не было единодушия в понимании ситуации, целесообразности союза с СССР и отсутствия иных вариантов внешнеполитической ориентации. Так, один из старейших социалистов Б. Дробнер говорил на конгрессе ППС летом 1945 г.: «Суверенитет государства заключается, между прочим, в том... чтобы приказы в польской армии издавались на польском языке». Но звучали и другие суждения. Г. Вахович: «...в моем ухе приятнее звучит русский язык, чем английский» (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. Д. 26. П. 134. Л. 44, 47, 50).

права польской власти использовать национальную армию по своему усмотрению сохранялось, воздействовало на рост антисоветских и антикоммунистических настроений и активность вооруженного подполья.

Обострение внутренней ситуации в Польше корреспондировало с заметными проявлениями антисоветских тенденций в политике У. Черчилля и Г. Трумэна — нового партнера И.В. Сталина в «большой тройке». Оба союзника требовали информации о судьбе 16 «пропавших» польских политиков. В начале мая сведения об аресте были предоставлены Москвой. Настаивая на выяснении «вопроса», США и Великобритания заблокировали работу «Комиссии трех». Вашингтон прекратил поставки в СССР продукции военного и гражданского назначения по ленд-лизу, часть которых оплачивалась золотом и алмазами. Прозвучал ряд неприемлемых для Москвы «сигналов» из Великобритании. Черчилль был тверд, говоря о «железном занавесе, опустившемся вдоль линии фронта», о «нескольких сотнях миль оккупированной русскими территории, отделяющей нас от Польши». 18 мая, беседуя с советским послом Ф.Т. Гусевым, Черчилль возмущался тем, что «мы назвали польских кандидатов для переговоров, а вы посадили их в тюрьму... польские дела загнаны в тупик», обещал не позволить, «чтобы с нами обращались грубо и ущемляли наши интересы». Посол доносил: «английская пресса взяла новый антисоветский курс», «в [английских] парламентских кругах польские агенты ведут разнузданную антисоветскую кампанию»³⁰⁸.

Отношения между Сталиным и западными лидерами грозили разладиться. Правда, согласие на включение С. Миколайчика в состав кабинета, хотя и выглядело советской уступкой, соответствовало интересам не только СССР. Оно было выгодно западным партнерам Сталина, которые (особенно Черчилль) хотели иметь «своих» людей в составе правительства Польши и могли, наконец, избавиться от правительства Арцишевского. Для этого требовалось сохранять контакты со Сталиным. Г. Трумэн, которого интересовало участие СССР в войне с Японией больше, чем состав польского правительства, принял решение о компромиссе с Москвой, куда в конце мая 1945 г. отправился Г. Гопкинс, соратник покойного Ф.Д. Рузвельта*.

В ходе бесед Гопкинса в Кремле с 26 мая по 6 июня был согласован список поляков, приглашаемых на консультации в Москву, и решено восстановить работу «Комиссии трех». Гость уступил требованию Сталина признать Временное правительство основой будущего кабинета. Состоялась договоренность об организации встречи польских политиков различных политических позиций и внешнеполитических ориентаций. 13 июня 1945 г. руководители «Комиссии трех» Молотов, Кларк-Керр и Гарриман пришли к соглашению о конкретных лицах, приглашаемых в Москву на консультации о составе правительства. Новую Польшу представляли Б. Берут, В. Гомулка, Э. Осубка-Моравский, В. Ковальский (СЛ), С. Швальбе (ППС), З. Модзелевский (ППР), В. Жимовский (СД); демократических политиков из страны и эмиграции — С. Миколайчик, который снял требование освобождения 16 узников Лубянки, и Я. Станьчик, а также С. Баньчик, В. Керник, З. Жулавский от довоенных СЛ и ППС. Обсуждение состава

* Как признавал представитель Госдепартамента США Дюброу, выяснилось: «Америка недостаточно сильна, чтобы иметь возможность навязать Советскому Союзу свою волю» (цит. по: Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. С. 255).

кабинета происходило в Москве 16–22 июня 1945 г. при участии членов «Комиссии трех». И если сторона Берута, замечает А. Пачковский, представляла собой «спянный коллектив людей, тесно сотрудничавших почти два года» (и среди ее официальных участников не было никого, кто годы войны провел в СССР!), то сторона Миколайчика была собранием достаточно случайным и мало представительным даже для тех, кто без больших оговорок поддерживал линию лидера СЛ.... [она] не имела ни общей концепции, ни, что важнее, общих политических интересов, а Миколайчик даже не пытался ее сцементировать... Такой состав и в таких условиях не мог подписать ничего, кроме капитуляции», а Миколайчик не мог претендовать на пост премьер-министра³⁰⁹. Результатом польско-польских переговоров стало создание согласительной комиссии.

Политико-психологический «фон» переговорам составляли начавшийся судебный процесс по «делу 16-ти»** и резкая активизация деятельности подполья, а значит — и его подавления силами польской госбезопасности и советской стороны. Так, согласно рапорту генерала Селивановского от 15 июня в Москву, за первые 10 дней месяца «банды АК» совершили 120 нападений на органы безопасности и милиции, на советских и польских солдат, членов ППР, на гражданское украинское и белорусское население. Было убито 278 человек, из них 207 мирных жителей, 54 представителя власти и члена партии, 16 советских и 3 польских солдата; ранено 14 и уведено в «лес» 27 человек. В ходе боестолкновений было уничтожено 905 «бандитов», арестовано 1000 человек, из них 753 солдата АК, остальные НСЗ, ОУН, УПА и пр.*** За 20–30 июня

* Известны слова, сказанные тогда Гомулкой Миколайчику и его сторонникам: «Встречаемся мы в третий раз, но, очевидно, в последний. Если не придем к соглашению, то возвратимся без вас. Будьте уверены, что через два-три месяца наступит признание нашего правительства западными державами, что с вашим вступлением [в кабинет] может наступить немедленно. И если бы нам пришлось подождать подольше — подождем, но власти не отдадим» (*Gomułka W. Artykuły i przemówienia*. Т. 1. Warszawa, 1962. S. 295–296).

** По обвинению «в преступной деятельности против СССР», утвержденному решением Политбюро ЦК ВКП(б) 13 июня 1945 г., и приговору Военной коллегии Верховного суда СССР были осуждены: Л. Окулицкий на 10 и Я. Янковский на 8, С. Ясюкович на 5 лет заключения. Остальные получили сроки от нескольких месяцев до 5 лет. К. Пужак — 1,5 года, трое оправданы. Приговор обжалованию не подлежал. Некоторые осужденные на короткие сроки, включая Пужака, были подведены под амнистию по случаю окончания войны и в разное время возвратились в Польшу. Члены СН эмигрировали. Советской стороне нужны были только главные обвиняемые — Л. Окулицкий, Я. Янковский и С. Ясюкович. Недаром на стадии подготовки процесса его называли «процессом тройки». Окулицкий умер 24 декабря 1946 г. в тюрьме при неясных обстоятельствах, Ясюкович 22 октября 1946 г. в Бутырской тюрьме, Янковский — 13 марта 1953 г. в тюрьме г. Владимира, накануне истечения срока заключения. Окулицкий и Ясюкович похоронены на кладбище Донского монастыря в Москве. В апреле 1990 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осуждение поляков признано незаконным, уголовное «дело» прекращено и приговор отменен за отсутствием состава преступления.

*** 17 июня Берия доложил Сталину, что в лагерях и тюрьмах НКВД содержатся 25 047 польских граждан. Из них 2338 рядового и командного состава АК, «активных участников террористических и диверсионных групп», и 5973 рядовых (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М.; Новосибирск, 2001. С. 222–223).

арестам подверглись 613 подпольщиков АК и НСЗ, в том числе члены Главного командования и командования Люблинского, Варшавского, и Белостокского округов АК³¹⁰.

Тем временем усилиями согласительной комиссии (В. Гомулка от ППР, В. Керник от СЛ и С. Швальбе от ППС) правящая коалиция была 21 июня сформирована. В Президиум Крайвой Рады Народовой приглашались патриарх крестьянского движения и лидер довоенного СЛ В. Витос, проживавший в своей усадьбе Вежхославице, и председатель Рады Народовой С. Грабский от эмиграции. В состав Временного правительства национального единства предлагалось войти людовцам В. Кернику, Ч. Выцеху — из страны, С. Миколайчику и социалисту Я. Станьчику — из-за границы. Новые члены кабинета приняли программу внутренних преобразований Временного правительства, признали союз с СССР основой его внешнеполитического курса. Они обязались распустить структуры «подпольного государства»: РЕН, Делегатуру правительства, Делегатуру сил збройных, вооруженные отряды АК или созданные на основе кадров АК после «ликвидационного» приказа Окулицкого³¹¹. Людовцы и социалисты представляли теперь в правительстве основные демократические партии, на которые ориентировалась значительная часть общества.

28 июня 1945 г. Президиум КРН утвердил состав кабинета. Решение глав «большой тройки» о преобразовании Временного правительства было выполнено*. Премьер-министром коалиционного правительства, сформированного на основе партийно-политического «ключа», остался социалист Э. Осубка-Моравский. Вице-премьерами стали глава ППР В. Гомулка и людовец С. Миколайчик. Гомулка занял и пост министра Западных земель. ППР, ППС и людовцы (СЛ и СЛ-Рох) имели по 6 постов, СД получило 2 портфеля. Министром национальной обороны остался М. Роля-Жимерский. Стронництво праці (К. Попель) приняло предложенные посты в администрации новой власти. Из 21 члена кабинета сторонники Миколайчика получили 4 портфеля: земледелия и аграрной реформы (Миколайчик), общественной администрации (МВД, В. Керник), просвещения (Ч. Выцех), труда и социальной защиты (Я. Станьчик). В итоге большинство нового кабинета составляли министры предыдущего правительства. КРН пополнилась 10 новыми депутатами. Договорились, что вице-председателями, заместителями Б. Берута, станут В. Витос (который так и не принял участия в работе КРН) и С. Грабский³¹².

Одна из основных правых партий правительства в эмиграции, Стронництво народове, представлявшее старейшее и влиятельное движение польских националистов, не была допущена к власти, не признала новое правительство и перестала быть элементом политической системы Польши.

Благодаря взаимным уступкам союзников и усилиям польских политиков — ППР, ППС, демократов либерального и социалистического спектра — правительственная коалиция заметно расширилась. Обозначилась возможная перспектива создания в правительстве и стране демократической оппозиции. Но ППР не потеряла ключевых позиций во власти (армия, госбезопасность, милиция, промышленность, освоение

* 5 июля США и Великобритания признали новое правительство. Подобного акта от Москвы не требовалось, так как признание СССР имело Временное правительство. Международная изоляция Польши была преодолена.

вых территорий)*. Кроме того, происшедшие перемены в политической обличке правительства ни в коей мере не затронули системы контроля Москвы за развитием ситуации в Польше. Все вместе взятое позволяло ППР действовать как согласованно с партнерами по кабинету, учитывая их интересы, так и навязывать волевые политические решения, используя силовые методы против конкурентов.

Перемены произошли в «подпольном государстве» и в «польском» Лондоне, который больше не рассматривался в мире, за исключением Ватикана, как представитель интересов польского государства. В начале июля 1945 г. РЕН уведомила страну о своем роспуске, прекращении деятельности Делегатуры, ликвидации подчинявшихся ей подпольных вооруженных сил. Структуры «подпольного государства» в Польше становились нелегитимными и должны были прекратить свое существование. Объяснения излагались в «Воззвании к польскому народу» и «Завещании подпольной Польши», где говорилось: «С созданием нового правительства и признанием его западными державами, кончается для нас возможность законной подпольной борьбы, опирающейся на всеми признанное правительство в Лондоне. Встает задача легальной борьбы демократических партий в Польше за цели народа и наши программы»³¹³.

По сути дела лидеры «подпольного государства» признавали политическое поражение «внутреннего сопротивления» и правительства в эмиграции на магистральных политических направлениях: национальном (независимость от СССР) и геополитическом (Польша — барьер против большевизма). Политическое руководство фактически снимало с себя ответственность за действия вооруженных отрядов.

Западные державы, приветствуя создание правительства национального единства и поддерживая Миколойчика, намеревались оказать ему содействие в борьбе за политический облик Польши, ее место в Европе. Правда, с разгромом и оккупацией Германии в иерархии внешнеполитических интересов «большой тройки» на континенте происходили перемены: на первый план выдвинулся такой многоаспектный и крупный проект, как решение будущего Германии. В переговорах со Сталиным, основным победителем Германии — что многие на Западе тогда признавали — германская проблема становилась приоритетной. Польский вопрос с повестки дня не снимался, но во многом становился функцией от договоренностей глав великих держав по этой проблеме. В полной мере это проявилось на последней встрече глав трех держав, состоявшейся в Потсдаме 17 июля — 2 августа 1945 г. В связке с определением будущего Германии рассматривалось территориальное приращение Польше за счет восточных немецких провинций, установление линии польско-германского территориального

* Новая правительственная конфигурация не выходила за пределы политсистемы, именуемой тогда коммунистами народно-демократической. По словам В. Гомулки, она могла включать рабочие партии, партии «либерально-народные», т. е. крестьянские, и «либерально-буржуазные», в том числе находившиеся в легальной оппозиции, за исключением правых группировок бывших политических элит. Эта система согласованно отражала бы социально-политические интересы большинства общества. Ее предназначение в Польше, по мнению ППР, состояло в том, чтобы, не допустив гражданской войны, заплатив высочайшую цену — ограничение суверенитета, используя силу, в том числе советскую, сохранить польское государство таким, каким оно геополитически и территориально формировалось по итогам войны, решить задачи восстановления и развития в рамках «несоветского типа» социализма.

разграничения, о чем союзники не договорились в Ялте. Советской стороне было чрезвычайно важно добиться удовлетворения «большой тройкой» ее претензий, а именно получить максимально выгодную как для СССР, так и для Польши западную польскую границу. К переговорам советское руководство готовилось заблаговременно, учитывая явное после разгрома Германии обострение отношений с западными союзниками. Принимались меры, гарантировавшие устойчивость западной, северной и южной границ Польши, установленных советской стороной в соответствии с Постановлением ГКО от 20 февраля 1945 г. 29 мая 1945 г. последовали три Директивы Ставки, касавшиеся новых польских территорий³¹⁴.

Одной из них 1-й Белорусский фронт переименовывался в Группу советских войск в Германии. Она дислоцировалась, «имея границами с запада — линию соприкосновения с войсками союзников, с востока — реки Одер и Нейсе (западная) и с юга — граница Чехословакии с Германией». Территории, лежавшие восточнее линии Одер–Нейсе, изымались из оккупационных полномочий командующего Группой маршала Г.К. Жукова. Другой Директивой на базе 2-го Белорусского фронта создавалась Северная группа войск (командующий маршал К.К. Рокоссовский, штаб-квартира в г. Лодзь). Войска СГВ дислоцировались, за исключением Штеттинской гавани, в западных, северных и южных границах Польши, обозначенных Постановлением ГКО от 20 февраля; на востоке — фактически до советско-польской границы*. Перегруппировку и сосредоточение войск предписывалось провести в июне и закончить на новых землях Польши к 5–8 июля, на остальной территории — 15–20 июля 1945 г. Обе Директивы вступали в силу 10 июня.

Третьей Директивой все польские войска, находившиеся в оперативном подчинении советским командующим фронтами**, переходили в подчинение непосредственно Главнокомандующему Войска Польского М. Роля-Жимерскому. В условиях перехода от войны к миру в Европе временно сохранялось «непосредственное подчинение [Роля-Жимерского] Ставке советского Верховного Главнокомандования».

Из приведенных документов следует, что еще до начала Потсдамской конференции Москва приняла ряд «профилактических» мер, отменить которые союзники не могли. В результате произведенной передислокации советских войск западная граница Польши была прочно «заперта» с запада и востока двумя крупными войсковыми группировками***.

Кроме того Москва озаботилась сокращением властных полномочий советского военного командования на территории Польши и тем самым усилением ее суверенных прав. На состоявшейся 28 мая 1945 г. в Варшаве встрече польского руководства во главе с Берутом и командования Красной Армии было решено, что гражданская власть

* Пункты сосредоточения войск, согласно Директиве: Данциг, Свинемюнде, Нейштеттин, Лодзь, Познань, Бреслау, Ченстохова, Краков, Люблин, Кельце, Пултуск, Млава, Ломжа, Белосток.

** За исключением двух дивизий 1-й Польской армии, которые несли гарнизонную службу на контролируемой Красной Армией территории Германии и подчинялись Г.К. Жукову.

*** В июле 1945 г. охрана участка польской границы с Чехословакией передавалась пограничными войсками НКВД частям Войска Польского (Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 219).

на всей территории Польши немедленно переходит к польской стороне. В мае–июне 1945 г. было ликвидировано большинство советских военных комендатур на новых польских землях, 10 июня перекрыта польская граница, в конце июня польская армия взяла под контроль мосты через Одру и Нысу. В августе 1945 г. границу установили официально³¹⁵. Наконец, в июле Москва подписала с Варшавой ряд договоров и приняла постановления, подчеркивавшие права Польши на все территории до линии Одра–Ныса*.

Директивы Ставки и Постановления ГКО являлись секретными документами и до сведения союзников не доводились. Информация о том, что западная граница Польши существует де-факто и германские земли уже переданы в управление польскому правительству, была предоставлена Жуковым его английскому и американскому партнерам 7 и 10 июля. В ответ на реплики генералов, что «границы еще не установлены», их предстоит обсуждать на конференции, они услышали от маршала: «У меня есть тыловые границы по рекам Одер и Нейсе, восточнее которых я свое влияние не распространяю и тем участком не команду»³¹⁶.

Передислокации воинских частей в связи с созданием Группы советских войск в Германии, Северной группы в Польше, а также Центральной в Австрии, Венгрии и Чехословакии сопровождалась реорганизация в июне 1945 г. института Уполномоченных НКВД при командовании советских фронтов. Уполномоченным НКВД при СГВ назначался генерал Селивановский, который одновременно, как советник, курировал деятельность польских спецслужб. Реорганизация сопровождалась увеличением численности внутренних войск НКВД на «подведомственной» территории. В распоряжение Селивановского предоставлялась самая крупная группировка: 15 из 35 полков, дислоцированных во всех странах нахождения Красной Армии³¹⁷. Помимо военно-оперативной необходимости обеспечения безопасности тыловых зон и советских коммуникаций на территории Польши, это объяснялось специальной задачей — подавления вооруженных отрядов АК и НСЗ. Многие из них, «откликаясь» на появление Временного правительства национального единства и встречу глав трех держав в Потсдаме, активизировали борьбу. Она должна была демонстрировать неустойчивость обстановки в стране, с одной стороны, и силу, дерзость, жестокость и непримиримость

* В частности, 6 июля советское и польское правительства договорились об открытии консульств СССР в Познани, Кракове и Гданьске, и Польши — в Киеве, Минске и Вильнюсе (ДМИСПО. Т. VIII. М., 1974. С. 472).

** Вопрос возник в связи с трудностями в получении топлива для Берлина. Союзники рассчитывали на поставки угля из Верхней Силезии. «Уголь в Силезии можно только купить», — объяснял Жуков. — ... Верхняя Силезия вошла в зону Польши, надо спросить у поляков ... Относительно верхнесилезского угольного бассейна. Он не находится под моим контролем. Но, как мне известно, он находится в руках польского правительства. Я не уполномочен советским правительством вести какие-либо разговоры по угольному бассейну в Верхней Силезии... считаю, что этот вопрос не входит в круг наших рассуждений».

*** 10 полков дислоцировались в Германии, остальные 10 в Чехословакии, Австрии, Венгрии, Румынии и Болгарии. В задачи Уполномоченных входили аресты солдат вермахта, участников немецкого подполья и фашистской агентуры, других «военных преступников», обеспечение транзита больших масс людей и грузов (Teczka specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski. 1945–1946. Warszawa, 1998. S. 304–305).

сопротивления подполья Красной Армии и власти во главе с коммунистами, с другой. За этим последовали операции войск НКВД и подразделений МОБ*.

Напряженная ситуация складывалась в Белостокском воеводстве**, территория которого по Соглашению между СССР и ПКНО от 27 июля 1944 г. была возвращена Польше. Здесь пролегла линия правительственной связи Москвы с СГВ и с Берлином. Этим маршрутом выводились из Германии советские войска, шли транспорты с принадлежавшими СССР грузами, в том числе с трофейным оборудованием, перегонялись в Белоруссию гурты скота***. На эти объекты, посты охраны и сопровождавших грузы красноармейцев совершались нападения отрядов АК и НСЗ.

По просьбе местной польской власти численность войск НКВД в воеводстве была увеличена. Как докладывал 29 мая 1945 г. Берия Сталину, «для ликвидации аковских банд» в районах, граничивших с Белоруссией, в распоряжение Селивановского направлялись дополнительно к семи имеющимся два полка войск НКВД. Тем не менее, по польским данным, за март–июнь 1945 г. на этой территории произошло 186 вооруженных нападений на советских военнослужащих, представителей местной администрации, милиции, государственных учреждений, ограблений касс и банков, угона скота. Было убито 45 и уведено в «лес», т. е. там убито, 42 советских офицера и солдата, 7 разоружено³¹⁷.

Информация о нападениях и зверских убийствах советских солдат и офицеров на территории Белостокского воеводства регулярно поступала от руководства контрразведки СГВ в Москву, начальнику Главного Управления контрразведки («Смерш») и заместителю наркома обороны СССР В.С. Абакумову. Так, в ночь с 15 на 16 мая 1945 г.

* За 1–10 августа в Келецком, Варшавском, Люблинском и Белостокском воеводствах было совершено 87 нападений, убито и уведено в «лес» 60 представителей власти и 6 красноармейцев, освобождено 375 заключенных тюрьмы в Кельцах. Войска НКВД и части МОБ провели 40 операций (43 убитых и раненых, 588 арестованных). В июне–августе 1945 г. частично был разгромлен штаб Белостокского округа АК (арестованы командир В. Линярский, 12 офицеров штаба, 37 человек охраны, 13 разведчиков и участников отрядов); задержаны в Литве командир и 25 офицеров штаба Виленского округа АК; арестованы 12 членов организации «НЕ» в Келецком и Лодзинском воеводствах; 8 командиров подразделений Главного командования АК: Я. Мазуркевич (Отдел диверсий), Я. Шляский (Новогрудский округ), К. Мочарский (Бюро информации и пропаганды), Я. Гораздовский (Отдел кадров), Б. Пилерский (Отдел финансов), 5 связных ГК АК и др. (Teczka specjalna J.W. Stalina. Raporty z Polski. 1944–1946. Warszawa, 1998. S. 321–323, 327–330, 340–344, 351–352, 356–358. 368, 371–372).

** Г. Белосток и воеводство до сентября 1939 г. входили в состав Польши, жители — поляки, белорусы, литовцы, были ее гражданами; после 17 сентября 1939 г. включены в состав СССР, гражданство изменилось на советское; с 22 июня 1941 г. территория находилась под гитлеровской оккупацией.

*** Нападения на стада скота были столь регулярными, что для предупреждения гибели советских людей и противодействия грабежам на каждом отрезке трассы прогона скота создавалось подразделение охраны в 100 человек; через 35–40 км выставлялись пункты вооруженной охраны; в наиболее опасных районах — посты круглосуточной охраны трассы через 10–15 км (Obława Augustowska. Lipiec 1945 g. Wybór źródeł. Białystok. 2010. S. 23; Teczka Specjalna J.W. Stalina. Raporty z Polski. 1944–1946. Warszawa, 1998. S. 285).

произошло нападение на советский контрольно-телефонный пост № 219 правительственной связи, расположенный в деревне Полянки (13 км от уездного центра Сокулки). Захваченные 3 красноармейца были расстреляны после жесточайших пыток (раздроблен язык, выбиты зубы, тупым оружием перебиты челюсти, на телах множественные резаные раны тупыми плоскими ножами и т. п.). Как докладывала контрразведка СГВ Абакумову, 7 июля в Вельском уезде Белостокского воеводства подверглись нападению вооруженного отряда под командованием З. Бутковского офицеры 5-й танковой армии, которые возвращались на Родину. Нападавшие захватили 3 штабные машины и 9 старших офицеров, среди которых беременную женщину. Всех пытали и затем расстреляли. Трупы были обнаружены голыми³¹⁸.

Подобные действия тех, кто называл себя аковцами, зверские пытки, убийства, в том числе в массовом порядке, мирного польского населения, а также сопровождавших гурты скота красноармейцев и белорусских крестьян, грабежи означали трансформацию выступлений «лесных» отрядов против власти и советского присутствия в уголовно наказуемые деяния³¹⁹.

Понятно, что ситуация в Белостокском воеводстве вызывала реакцию советской стороны. Она последовала в середине июля 1945 г. Согласно доступным российским материалам, для пресечения систематических грабежей и убийств советских военнослужащих, «обнаружения и обезвреживания всех подразделений антисоветской „Армии Крайовой“» в Генштабе Красной Армии был разработан план проведения армейскими частями и контрразведкой 3-го Украинского фронта войсковой операции. «Проческа лесов» Аугустовской пущи в уезде Сувалки, массовые проверки населения и аресты людей с оружием и подозреваемых прошли 12–19 июля 1945 г.*

Вероятно, тот факт, что операция проводилась в канун и первые дни встречи «большой тройки» в Потсдаме, был лишь непредвиденным совпадением. Но нельзя

* Об операции Абакумов доносил 21 июля Берии: в Аугустовской пуще задержано 7049 человек. Из них освобождено 5115; из задержанных 592 поляка арестованы, 828 проверяются, 514 литовцев переданы властям Литвы. У арестованных изъято 11 минометов, 31 пулемет, 123 автомата, винтовки, пистолеты, гранаты и 2 радиостанции. Абакумов предлагал «ликвидировать» 592 человека; «выявленных бандитов» среди 828 человек также «ликвидировать». Донесения об исполнении этого предложения исследователи не имеют. По данным Главной военной прокуратуры России от 4 января 1995 г., из 592 арестованных 575 были местными жителями; «непосредственно с оружием в руках взяты 69 членов различных групп АК, обвинение против них не выдвигалось, следственные материалы в суд не направлялись, дальнейшая судьба арестованных неизвестна ... о примененных в отношении их действиях какой-либо информации обнаружить не удалось». Та же Прокуратура, отвечая 16 мая 2006 г. на просьбу польской стороны о помощи в связи «с совершенными в июле 1945 г. убийствами польских граждан», фактически признала преступный характер бессудной расправы с поляками: «срок давности за преступления, совершенные в июле 1945 г., предусмотренные статьей 137... [Уголовного кодекса РСФСР от 1926 г.] (умышленное убийство) истек к моменту открытия дела». На основании ст. 17 Соглашения между Россией и Польшей от 16.IX. 1996 г. Прокуратура не усмотрела оснований для предоставления польской стороне юридической помощи в данном деле (*Петров Н.В.* По сценарию Сталина. Роль органов НКВД — МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953. М., 2011. С. 165–166; *Obława Augustowska. Lipiec 1945 r. Wybór źródeł. Białystok, 2010. S. 312–315*).

исключить и иного. Советское руководство расценивало деятельность вооруженных отрядов АК, нападения на красноармейцев и грабеж того, что принадлежало победившей стране, нарушение приказов о сдаче оружия населением как нанесение прямого вреда Красной Армии и СССР*. Сталин говорил об этом еще в Ялте и обещал: «будем расстреливать». Верховный Главнокомандующий, возможно, предполагал постановку союзниками в Потсдаме вопроса об арестах, уничтожении аковцев в ходе «чекистско-войсковых операций» и не исключал протестов со стороны союзников.

Одним из аргументов Сталина могла стать войсковая операция в Аугустовских лесах, продиктованная нарушением отрядами АК советских и польских приказов о сдаче оружия, убийствами мирного населения, зверскими пытками и расстрелами советских людей. Многочисленными подтверждающими материалами Москва располагала. Кроме того, а может быть, прежде всего, операция была предупреждением: СССР способен подавить в Польше враждебные ему силы, и с созданием нового коалиционного правительства геополитическое место Польши в советском «поясе безопасности» не изменится.

Летом 1945 г., когда СССР находился на вершине военной славы и международного авторитета, его партнеры по коалиции утратили решимость максимально наказать Германию и германский капитал за развязанную войну. Они скорректировали свои позиции, что отразил острый спор на Потсдамской конференции о приращении Польши за счет Германии. Он концентрировался вокруг вопроса, какой из притоков Одры станет германо-польской границей, кому — будущей Германии или новой Польше, достанутся земли, богатые полезными ископаемыми, а также г. Щецин, расположенный по обоим берегам Одры. Западные союзники протестовали против действий Сталина и польского правительства, принимавшего от Красной Армии управление восточными провинциями Германии. Трумэн настаивал: германские территории предоставлены Польше как ее зона оккупации, германо-польская граница не установлена. Сталин считал такую интерпретацию решений, принятых в Ялте, неверной, стремился закрепить международным признанием линию по р. Одра—Ныса Лужицкая.

Как и было постановлено в Ялте, для урегулирования противоречий на конференцию пригласили польскую делегацию. Из Варшавы прибыли председатель КРН Б. Берут, премьер-министр Э. Осубка-Моравский, два вице-преьера — В. Гомулка и С. Миколайчик, а также Главнокомандующий Войска Польского М. Роля-Жимерский и министр иностранных дел В. Жимовский. Польская делегация была принята Сталиным и уведомила о разногласиях. Она встречалась с Трумэном и Черчиллем, которые высказали несогласие с тем, что Польше предоставлена слишком большая часть германской территории. Поляки были заслушаны министрами иностранных дел союзников. На неоднократных встречах с членами делегаций трех держав и в специальных документах, представленных конференции, все они — беспартийные, члены ППР, ППС, демократы и людовцы, упорно отстаивали границу

* Говоря об участии Красной Армии и войск НКВД в подавлении подполья в Польше, следует иметь в виду, что, закончив боевые действия против вермахта в мае 1945 г., СССР и Польша не вышли из состояния войны, что Вторая мировая война завершилась в сентябре 1945 г. Хотя переход Польши к миру Варшава назначила на 17 декабря 1945 г., обе страны де-юре прекратили состояние войны лишь в 1955 г., союзники — в 1951 г.

по Одре–Нысе Лужицкой, приводя исторические, геостратегические, демографические и экономические обоснования³²⁰.

Правда, на сепаратных встречах Миколайчика с западными лидерами его политическая позиция выглядела не столь твердой. Он понимал, что западная граница, которую отстаивал Сталин, и освоение поляками новых территорий, которым руководил В. Гомулка, будут необратимым историческим завоеванием коммунистов, завоеванием самой высокой национально-государственной пробы. Миколайчик же, заинтересованный в получении от союзников политических авансов, предлагал связать согласие на искомую поляками границу с проведением выборов в сейм под контролем Запада. Польский вице-премьер не учел, что возможность обрести реальную поддержку в борьбе за власть без коммунистов упущена, поскольку в иерархии геополитических и экономических интересов Запада главное место заняла Германия. Состязание между Сталиным и Трумэнem шло уже за будущую Германию, а не за Польшу.

Ход обсуждений показал, что польские политики могли рассчитывать лишь на поддержку Сталина, отстаивавшего существенное продвижение своей зоны влияния на Запад. Прагматик, обладавший политической интуицией, редким чутьем опасности и допустимых пределов разногласий с партнерами, он был озабочен в первую очередь сохранением сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции. Сталин принял предложенную американской стороной компромиссную формулировку: «бывшие германские территории», а именно земли между Нисой Клодской и Нисой Лужицкой, а также немецкие территории до Одера*, земли, относившиеся до войны к свободному городу Данциг (Гданьск), и часть Восточной Пруссии, которая «не поставлена под управление» СССР, передавались «под управление Польского государства»³²¹.

Советский лидер уступил, но не ценой отмены уже происходившего освоения новых территорий поляками. И союзники «согласились со столь минимальными уступками. Они сузили конкретные ялтинские договоренности, потому что независимая Польша не являлась приоритетом их политики»³²².

Это постановление Потсдамской конференции имело две оговорки. Первая (окончательное определение западной границы Польши откладывалось до мирной

* Польша встретила с трудностями при решении судьбы г. Щецина. В ходе конференции вопрос о пограничной линии в районе Щецина оставался открытым, и в тексте Потсдамских соглашений отсутствовало упоминание польской принадлежности районов Щецина на левом берегу Одры, т. е. за пределами согласованной союзниками линии границы по Одре. Город, освобожденный 26 апреля 1945 г., был взят под управление советской военной администрацией; на территории порта располагалась советская Центральная перевалочная база. С согласия СССР в Щецине дважды начинала работать польская администрация, которая под давлением западных союзников в середине мая и в середине июня покидала его левобережную часть. После создания в Польше правительства национального единства решением СССР от 5 июля 1945 г. спорная часть города перешла из состава советской зоны оккупации Германии в юрисдикцию Польского государства. В сентябре 1947 г. по советско-польскому соглашению порт передан Польше. Советская транзитная зона просуществовала до 1955 г. (подробнее см.: Карбовский А.С. «По линии Одер–Нейссе...». Русские, поляки и немцы в Щецине (Штеттине) в 1945–1956 гг. М., 2007).

конференции), отражая следование международной традиции, придавала нестабильность принятому решению. В условиях, когда страх перед новым мировым конфликтом присутствовал в массовом сознании народов, временный характер границы с Германией мог использоваться великими державами для вмешательства в польские внутренние дела, стать инструментом политико-психологического давления на поляков. Вторая оговорка (земли, передаваемые *в управление*, «не должны [были] рассматриваться как часть советской зоны оккупации Германии») означала, по сути дела, согласие на польскую государственную принадлежность территории до Одры и Нысы Лужицкой³²³.

Следствием решений по западной границе Польши стала коллизия: можно было признавать правительство и страну, но воздерживаться от признания де-юре части ее территории. Возник фактор нестабильности государства — территория, которую Польша самостоятельно, без советского участия, не могла защитить, обеспечив внешнеполитическую безопасность страны. Одновременно он был и фактором пролонгированной зависимости Варшавы от Москвы.

«Незаконченность» решения о западной границе Польши, отсутствие трехсторонних ее гарантий были учтены советской стороной. СССР становился единственным гарантом устойчивости государственной территории Польши. Советское руководство, заинтересованное в безопасности «своей» зоны оккупации Германии и политического влияния в странах Восточной Европы, было удовлетворено такой формулой союзных отношений с Польшей. Граница по Одре–Нысе соединила и поставила во взаимозависимость геополитические интересы двух стран. В этом союзе Москва была сильнее Варшавы во всех отношениях, и в массовом сознании поляков образ восточного соседа получил дополнительные черные краски, усилив антисоветские настроения, обострившиеся в связи с утратой восточных кресов.

Неопределенность присутствовала и в решении Потсдамской конференции о перемещении «организованным и гуманным способом» в пределы Германии гражданского «немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии». Применительно к Польше она была следствием установленного временного характера западной границы. Текст XII пункта Протокола конференции содержал ряд дополнительных рекомендаций Контрольному Совету по Германии, направленных на затягивание выполнения этого решения. Совету поручалось «изучить эту проблему»; доложить «так скоро, как это возможно, о количестве, в каком указанное население уже прибыло в Германию... и дать предложения о времени и скорости, с какой дальнейшее перемещение населения могло бы производиться»; проинформировать о «вышеуказанном» правительства Польши и Чехословакии и Союзную Комиссию в Венгрии, которым «будет предложено воздержаться от дальнейшего выдворения немецкого населения впредь до рассмотрения» доклада их представителей в Контрольном Совете³²⁴.

Такой путь выполнения XII пункта Протокола конференции был результатом усилий западных лидеров. Но стремление затормозить выселение немцев из Польши не соотносилось с реальным положением на ее новых землях. К этому времени управление ими уже было передано польской администрации. Осенью 1944 — зимой 1945 г. отсюда эвакуировались или бежали с отступавшим вермахтом от 3 до 5 млн немцев. Вплоть до середины 1945 г. здесь происходило «дикое выселение», изгнание немцев

поляками, сопровождавшееся насилиями и грабежом. Пережитое поляками в годы войны сформировало объяснимое желание отомстить. На каждого немца возлагалась коллективная вина за террор, гибель миллионов поляков и национальное уничтожение. Сосуществование с ними на одной территории и в одном государстве было тогда для поляков невыносимо. Оставшиеся и ожидавшие выселения около 3 млн немцев, коренных жителей новых польских земель, в полной мере испытали несправедливость, моральные и физические страдания, гибель близких как плату за гитлеровскую агрессию и оккупацию страны*.

Параллельно с решением о депортации немцев Сталин, Трумэн и новый премьер-министр Великобритании К. Эттли взяли на себя обязательство оказать содействие добровольному и скорейшему возвращению в Польшу миллионов польских граждан, разбросанных по миру, «включая членов польских вооруженных сил [на Западе] и моряков торгового флота».

В итоговом заявлении о работе Потсдамской конференции западные союзники де-факто признали «бывшего польского правительства в Лондоне, которое больше не существует»**.

Три лидера выразили позитивное отношение к Временному правительству национального единства, одобрили заявление Варшавы о согласии «провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы по возможности скорее на основании всеобщего избирательного права, при тайном голосовании». Правительству Польши было вменено предоставить право «всем демократическим и антинацистским партиям» принимать участие и выставлять кандидатов, а «представителям союзной печати пользоваться полной свободой сообщать миру о ходе событий в Польше до и во время выборов». Обязательства польской стороны были сформулированы в предписании настолько «эластично», что в отсутствие оговоренных инструментов международного

* Организованные выселения из Польши начались во второй половине 1945 г.; они проводились правительством Польши при содействии советской стороны, ответственность нес Союзный Контрольный Совет по Германии. Центральные власти в Варшаве требовали не допускать «действий, противоречивших чувству польской национальной чести», угрожали судебными преследованиями за негуманное отношение к немцам, которых местные власти летом 1945 г. лишали всех прав, рекомендовали «рассматривать как преступников, лишь временно находящихся на свободе». Против страшных способов выселения, «которые компрометируют Польшу», протестовал Катовицкий епископ С. Адамский. Соплеменники за Одером встречали изгнанников без радости, что способствовало формированию настроений реванша и организационно-политическому обособлению. Из 9,6 млн немцев, проживавших до войны на отторгнутых от Германии землях, погибло около 440 тысяч (Кретинин С.В. Проблема беженцев в послевоенной Германии // Родина. 2009. № 3; Friszke A. Polska. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 136; Wysiedlenie Niemców i osadnictwo ludności polskiej na obszarze Krzyżowa-Świdnica w l. 1945–1948. Wybór dokumentów. Wrocław, 1997. S. 39, 96, 114, 116, 392; Kubis B. Poznawcze i kształtujące walory literatury dokumentu osobistego. Opole, 2007. S. 187–215).

** Правительству в эмиграции отказали в признании все 23 страны антигитлеровской коалиции. Оно, однако, просуществовало до 1990-х годов, поддерживалось Ватиканом, возглавлялось разными политиками. Премьер-министрами побывали В. Андерс и Т. Бур-Коморовский.

контроля над избирательным процессом организаторы выборов могли их обойти. Главы великих держав, учитывая разграбление, которому гитлеровцы подвергли польские земли, последствия военных действий и массовые людские потери этой страны, с согласия Сталина постановили, что «СССР удовлетворит [репарационные] претензии Польши из своей доли репараций»³²⁵.

Сразу после конференции в Потсдаме ялтинско-потсдамские договоренности великих держав были закреплены двусторонними советско-польскими документами. 16 августа 1945 г. стороны заключили Договор о советско-польской границе и Соглашение о возмещении ущерба, причиненного Польше германской оккупацией³²⁶. Документы подписали глава польского правительства Э. Осубка-Моравский и советского — В.М. Молотов. Договор о границе дублировал Соглашение от 27 июля 1944 г. и соответствовал решениям, принятым в Потсдаме. В нем подтверждалась граница фактически по «линии Керзона», возвращение Польше г. Белостока и Белостокского воеводства.

Представители Польши, надеясь поспособствовать улучшению отношения многих поляков к власти во главе с ППР, стремились договориться с Москвой о возвращении Польше Львова и Львовской области. Присутствовавший при сем Сталин в ответ использовал известный аргумент: полякам — Вроцлав, украинцам — Львов, но одновременно предложил некоторые отступления в пределах 17–30 км в пользу Польши, что и было принято*.

После обсуждения был подписан Договор о возмещении ущерба, причиненного Польше во время войны. В полном соответствии с постановлениями Потсдамской конференции, Советский Союз обязался предоставить Польше:

- 15% всех репараций из советской зоны оккупации;
- 15% из «пригодного к использованию и комплектного промышленного оборудования, которое должно... поступить Советскому Союзу из западных зон» (причем поставки оборудования для Польши должны были происходить в обмен на товарные поставки из Польши);
- 15% «пригодного к использованию и комплектного промышленного оборудования, которое подлежит поставкам Советскому Союзу из западных зон без оплаты или возмещения любым способом». Одновременно Польша обязалась, начиная с 1946 г., ежегодно весь период оккупации Германии поставлять Советскому Союзу уголь по специальной договорной цене**.

* В 1951 г. граница по транспортным соображениям была уточнена: нефтеносные поля в районе г. Дрогобыч обменены на равный по площади участок сельскохозяйственного Люблинского воеводства.

** Эта экономическая, на первый взгляд, проблема получила политическое звучание, усиливая антисоветские настроения (см.: Военное время. 1941–1945 // Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 358–361 (текст В.С. Парсадановой); Орехов А.М. Из истории экономических отношений СССР и ПНР («угольная проблема» 1946–1957 гг.) // Россия. Польша. Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М., 2009. С. 336–348).

К лету 1945 г. остро встала «трофейная проблема»*. Как страна, пострадавшая от гитлеровской агрессии, СССР имел право производить демонтаж и вывоз трофейного немецкого имущества (оборудования заводов, шахт, фабрик, учреждений, продовольствия, сырья) из советской зоны оккупации, а также со «старых» и затем новых территорий Польши. 26 марта 1945 г. Советско-польским соглашением фактически отменялось действие приказа Ставки от 9 июня 1944 г. и Постановления ГКО от 20 февраля 1945 г. о военных трофеях, действие которых не распространялось на переходившие к Польше земли, где все немецкие предприятия признавались военными трофеями, за исключением переданных объектов собственности польского государства. В условиях послевоенного хаоса, хозяйственной разрухи порой было невозможно установить «национальное происхождение» захваченного или созданного гитлеровцами предприятия. Отсутствовало согласованное правовое урегулирование вопроса, и действия советских трофейных команд получили в Польше крайне негативный общественный резонанс. Здесь правомерно считали, что страна тоже имеет право на возмещение причиненного ущерба. Вывоз оборудования в СССР нередко приравнивали к ограблению. Хотя советская сторона передавала Польше часть трофеев, находившихся на польской территории, постоянно возникали конфликтные ситуации, бесконечные споры, «выяснения имущественных отношений» на разных уровнях, от командиров советских трофейных команд и местной польской администрации до правительства двух стран.

На упомянутой встрече Берута с советским командованием 28 мая 1945 г. в Варшаве было решено, что на всей территории Польши находящиеся в распоряжении этого командования промышленные предприятия поступают в распоряжение польской администрации. 9 июня 1945 г., реагируя на жалобу Варшавы о том, что ряд предприятий на территории в границах 1939 г. еще не передан польской стороне, последовал приказ из Москвы: «Со всех предприятий, передаваемых польской администрации, удалить все наркоматы и трофейные органы», доложить исполнение в 3-дневный срок³²⁷.

* Проблема трофеев и репараций для Польши требует отдельного исследования. Здесь отметим, что экономическая ценность отошедших к Польше восточных территорий Германии оценивалась на 28 июля 1945 г. в 9,5 млрд долл. США; «имущественная стоимость» оборудования, вывезенного с этих земель в СССР, составила 500 млн долл. (по данным Госплана СССР, на 1 августа 1946 г. из Польши в новые границы подлежало вывозу и на 99% было вывезено оборудования на 445,1 млн долл.). 17 июля 1946 г. Трофейное управление Вооруженных сил СССР доложило В.М. Молотову, что на основании Постановления ГКО от 29 июля 1945 г. Польша получила 5652 немецких промышленных предприятий стоимостью 1,62 млрд долл. по тогдашнему обменному курсу в СССР. Поступления, которые СССР предоставлял Польше из своей доли репараций с Германии (3081,9 млн долл.), составили в 1945–1953 гг. 257,8 млн долл. в ценах 1938 г. Как полагает немецкий историк Я. Фойтчик, который исходит из ценности переданных Польше германских земель, за вычетом стоимости вывезенного в СССР оборудования и 3,6 млрд долл. стоимости отошедших к СССР довоенных польских земель, Польша получила немецких репараций на 5,4 млрд долл. США (Советская политика в отношении Германии. 1944–1954. Документы. М., 2011. С. 182, 304; Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях М., 2010. С. 360. Подробнее см.: Парсаданова В.С. Советско-польские отношения. 1945–1949. М., 1990. С. 66–72).

Учитывая напряженную ситуацию в Польше, советская делегация заявила в Потсдаме об отказе «в пользу Польши от всех претензий на германское имущество и другие активы, а также на акции германских промышленных и транспортных предприятий на территории Польши», включая ее новые земли. 21 июля 1945 г. ГКО обязал командующего СГВ до 15 августа передать польским властям все предприятия, за вычетом 102 объектов, намеченных к демонтажу до 7 августа. К середине августа СССР прекратил вывоз трофейного имущества с территорий между р. Одра и довоенной польско-германской границей. 16 августа 1945 г. Москва юридически подтвердила отказ от претензий на все германское имущество в Польше. В тот же день перешли «в полное владение польских властей» все железные дороги страны. Были возвращены культурные национальные ценности, захваченные нацистами. 18 августа правительство Польши одобрило подписанные в Москве договоры о границе и возмещении ущерба, нанесенного гитлеровской оккупацией, отметив, что западная граница и возможность участия в военных репарациях получены в большой мере благодаря поддержке и дружественной позиции СССР³²⁸. Тем не менее «трофейная» тяжба внесла свою ленту в антисоветские настроения поляков.

Таким образом, постановлениями глав великих держав, принятыми в Ялте и Потсдаме, были оформлены новые польские государственность, территория и границы. Затянувшийся «польский вопрос» перестал быть предметом международных решений. Отношения Польши и СССР регулировались двусторонними договорами и соглашениями. Новая Польша превратилась в субъект международного сообщества, что исключало вероятность возврата к довоенному прошлому. В страну переносилось и решение проблемы социально-политического устройства. Оно зависело от позиции общества, результатов социально-экономических преобразований, от исхода внутренней борьбы за характер власти. Сохранял воздействие и внешний фактор, а именно возможности великих держав влиять на политический процесс в стране, апеллировать к польскому народу.

Летом 1945 г. были подведены военно-политические итоги прошедшей войны для Польши. Поляки видели их по-разному, но были едины в главном: жизнь нации и государства спасена от уничтожения, цена, заплаченная за возвращение к мирной жизни миллионов людей, велика. Людские и материальные потери Польши, территория которой представляла собой то линию фронта, то прифронтовую полосу, то растянувшуюся на сотни километров тыловую зону многомиллионных сражавшихся армий, были огромны. За это время погибли от 5,5 до 6 млн граждан довоенной Польши, из них до 3 млн составляли евреи, более 1,5 млн поляки, около 60 тыс. немцы, 50 тыс. цыгане, 15–20 тыс. украинцы и десятки тысяч представителей других народов. На трудовые работы в рейх были вывезены оккупантами от 2,5 до 3,2 млн польских граждан. Советские власти депортировали вглубь СССР с осени 1939 до середины 1941 г. около 0,5 млн поляков, украинцев, белорусов, евреев — бывших граждан Польши. На лето 1941 г. число арестованных, осужденных к заключению в советских лагерях, высланных, военнопленных и интернированных составляло 391 575 человек. Из освобожденных летом–осенью 1941 г. по амнистии 389 041 человек поляками были 200 828 человек. На фронтах войны в Европе погибли около 300 тыс. польских военнослужащих³²⁹.

Людские потери Красной Армии при освобождении Польши составили более 2 млн человек. Более 800 тыс. советских военнопленных погибли в нацистских лагерях

на ее территории. В 6 тыс. индивидуальных и братских могил лежат товарищи по оружию: красноармейцы (488,8 тыс.), польские солдаты (139,8 тыс., в том числе 67,2 тыс. погибших в сентябре 1939 г.), участники движения Сопротивления (48,7 тыс.), солдаты и офицеры 1-й и 2-й Польских армий (23,9 тыс.) и около 850 тыс. граждан Польши, павших жертвами гитлеровского террора*.

Польский народ внес значительный вклад в разгром гитлеровской Германии. Он превышал боевые усилия многих западных стран — участников антигитлеровской коалиции. На заключительном этапе войны Польшу в Европе представляли 14 дивизий, не считая тех воинских подразделений, которые состояли в английских войсках (США выставили 67 дивизий, Англия — 15, Франция — 10, Канада — 4 дивизии) .

В конечном итоге ценой огромных усилий и жертв народов Победа над Германией стала реальностью. Вклад в нее Советского Союза — это 80% гитлеровцев, уничтоженных на советско-германском фронте, это миллионы убитых, раненых, оставшихся калеками советских военнослужащих, потерявших близких людей, родные дома, уничтоженные города и поселки. Стоимость затраченного только при освобождении Польши вооружения и материальных средств превысила 34 млрд руб. Во имя разгрома нацизма и обретения надежного внешнеполитического союзника на западных рубежах страны Советский Союз передал польской армии безвозмездно вооружения, боеприпасов, продовольствия на 2351 млн руб.³³⁰

Войско Польское заканчивало войну 380-тысячной вооруженной силой возрождавшегося государства. Более 200 тыс. его солдат прошли с боями по трудному, но самому короткому пути на Родину и внесли свой вклад в сражения на советско-германском фронте. Они участвовали во взятии Берлина, над рейхстагом рядом с флагом СССР водрузили бело-красный символ польской государственности³³¹.

Польские силы збройные были дислоцированы на западном фронте, воевали в Африке и Европе, к концу войны насчитывали около 200 тыс. человек. Общее число погибших составило от 7,9 до 10 тыс. человек³³². Этим патриотам Польши не суждено было в 1945 г. стать освободителями своей страны от гитлеровцев. Политики и военачальники, те, кто определял курс правительства в эмиграции и направлял действия ПСЗ, не обеспечили солдатам такой возможности. В Польшу пришло Войско Польское. Оно и стало одним из тех военно-политических факторов, которые влияли на внутреннюю жизнь страны и на решения, принимавшиеся главами великих держав по польскому вопросу.

* На рубеже XX–XXI вв. данные о погибших гражданах Польши неоднократно пересматривались. Их уточнение продолжается. В настоящее время соответствующие службы России считают приведенные сведения в целом отражающими советские безвозвратные потери в Польше. Признаны они и польскими историками (Polska. 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami. Warszawa, 2009. S. 20, 184 и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 390; Документы внешней политики СССР (Далее: ДВП). Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 276–277.
- 2 Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март–июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995. С. 66, 71–72, 187–215.
- 3 ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 252–253.
- 4 Цит. по: *Наринский М.М.* Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны // «Завтра уже может быть поздно...» М., 2009. С. 34–35, 38.
- 5 Там же С. 38.
- 6 *Дембский С.* Польша, Советский Союз, кризис Версальской системы и причины начала Второй мировой войны // «Завтра может быть уже поздно...». С. 63, 71; *Dębski S.* Między Berlinem a Moskwą. Warszawa, 2003. Aneks. Dok. 1. S. 672; Dok. 2. S. 674 (Приложения).
- 7 Sprawa polska na arenie międzynarodowej w czasie drugiej wojny światowej. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1965. S. 23–27.
- 8 *Raina P.* Stosunki polsko-niemieckie 1937–1939. Prawdziwy charakter polityki zagranicznej Józefa Becka. Warszawa., 1999. S. 64.
- 9 *Wyszczatkowski Y.* O czym nie wiedzieli Beck i Rydz-Smigły. Warszawa, 1989. S. 79–80.
- 10 Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее ДМИСПО). Т. VII. М., 1973. С. 111–112, 120–121, 165; *Наринский М.М., Дембский С.* Происхождение Второй мировой войны // Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 143, 146 (текст М.М. Наринского).
- 11 СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — сентябрь 1939 г.) Док. и мат. М., 1971. С. 412–413.
- 12 ДВП СССР. Т. IV. М., 1962. С. 215, 223.
- 13 *Наринский М.М., Дембский С.* Происхождение Второй мировой войны // Белые пятна — черные пятна... С. 154 (текст М.М. Наринского); ДМИСПО. Т. VII. С. 132–135; *Мельтюхов М.И.* Советский Союз в европейской политике осени 1938 — лета 1939 г. // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 172.
- 14 ДМИСПО. Т. VII. С. 145, 162.
- 15 Год кризиса 1938–1939... Т. II. М., 1990. С. 292.
- 16 Там же. С. 165, 166, 172–175.
- 17 Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 1986. S. 156.
- 18 Прибалтика и геополитика. Сб. док. 1935–1945. М., 2006. С. 61.
- 19 СССР — Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях — апреле–сентябре 1939 г. / Сост. Ю. Фельштинский. Б/м., 1983. С. 12–15; Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992. С. 11.
- 20 СССР — Германия. 1939. С. 20–28.
- 21 Там же. С. 29–55; ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 609–612; *Ribbentrop I.* Zwischen London und Moskau. Leoni, 1953. S. 206.
- 22 СССР — Германия. 1939. С. 62.
- 23 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав.

- жав — СССР, США и Великобритании 28 ноября — 1 декабря 1943 г. (далее: Тегеранская конференция.) М., 1984. С. 147–148; *Sprawa polska na arenie międzynarodowej...* S. 35–36.
- 24 «АВС». 1939. 6 czerw.; АВП РФ. Ф. 122. Оп. 22. П. 67. Л. 67.
- 25 *Sprawa polska na arenie międzynarodowej...* S. 33.
- 26 *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce*. Warszawa, 1970. Т. I. S. 34.
- 27 Ibid. S. 37–38.
- 28 *Sienkiewicz W. Mały słownik historii Polski*. Warszawa, 1991. S. 203.
- 29 *Międzynarodowe tło agresji...* S. 27; *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939–1945*. Warszawa, 1998. S. 62.
- 30 Германия — СССР. 1939. С. 80–82.
- 31 Там же. С. 85–87, 90.
- 32 ДМИСПО. Т. VII. С. 173; Польша между СССР и Германией. 1939–1941 // Белые пятна — черные пятна... С. 211–212 (текст Н.С. Лебедевой).
- 33 Германия — СССР. 1939. С. 95–97.
- 34 *Sosnkowski K. Cieniom września*. Warszawa, 1988. S. 46–47.
- 35 *Polska 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami*. Warszawa, 2009. S. 19–22; *Sienkiewicz W. Mały słownik historii...* S. 203; IV rozbiór Polski. Warszawa, 1990. S. 11; Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1997. С. 15; см. также: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. III. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974. С. 31.
- 36 Польша между СССР и Германией. 1939–1941 // Белые пятна — черные пятна... С. 221 (текст Н.С. Лебедевой); *Пачковский А., Совинский П., Стола Д.* Вклад Польши в победу союзников во II мировой войне 1939–1945 гг. Варшава, 2005. С. 6.
- 37 Катынь. Пленники необъявленной войны... С. 15, 22–23, 208–210; *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю. Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 91.
- 38 Государственный архив (ГА) РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 19.
- 39 См. подробнее: *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние. 1918–1939 гг. М., 2001. С. 351–354.
- 40 Цит. по: *Яжборовская И., Яблоков А., Парсаданова В.* Катынский синдром... Изд. 2. М., 2009. С. 79–80; Сталин и Польша. 1943–1944. Из рассекреченных документов советских архивов / Предисловие и комм. А.Ф. Носковой // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 104–137; *Sprawa polska na arenie międzynarodowej...* S. 112; *Polska w polityce międzynarodowej*. Т. I. 1939. Warszawa, 1989. S. 618, 619, 625.
- 41 *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. М., 1973. С. 390, 357.
- 42 Там же. С. 349; *Wojna obronna Polski*. Warszawa, 1979. S. 850.
- 43 *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy...* Т. I. S. 72, 66, 234–235.
- 44 *Sprawa polska na arenie międzynarodowej...* S. 113.
- 45 См. подробнее: *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy...* Т. I. S. 124–149.
- 46 *Polska. 1939–1945. Straty...* S. 97; *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy...* Т. I. S. 35; *Luczak Cz. Od Bismarka do Hitlera: Polsko-niemieckie stosunki gospodarcze*. Poznań, 1988. S. 375–376, 390, 394, 438.
- 47 *Luczak Cz. Od Bismarka do Hitlera...* S. 348; Нюрнбергский процесс. М., 1959. Т. 4. С. 692–696; см. подробнее: *Borodziej W.* Terror i polityka. Policja niemiecka a polski ruch oporu w Gubernii Generalnej. 1939–1944. Warszawa, 1985.

- 48 Носкова А.Ф. Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. 1939–1944 (территория генерал-губернаторства). М., 1971. С. 36; Григорьянц Т.Ю. Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939–1945). М., 1979. С. 119, 123; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы. М., 2001. С. 218, 235; ГА РФ. Ф. 9104. Оп. 2. Д. 105. Л. 21.
- 49 *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy...* Т. I. S. 465–466.
- 50 Цит. по: *Polski czyn zbrojny w II wojnie światowej. Polski ruch oporu. 1939–1945. Т. III. (далее: Polski ruch oporu...).* Warszawa, 1988. S. 55.
- 51 См. подробнее: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов. Очерки истории. М., 2009. Разд. I. Гл. V; Разд. II. Гл. I.
- 52 *Polska. 1939–1945. Straty...* S. 68, 97–98; *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy...* Т. I. S. 481.
- 53 *Rudnicki Sz. Ziemianstwo polskie w XX wieku.* Warszawa, 1996. S. 113–119; *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy...* S. 529–530.
- 54 См.: *Walczak M. Walka ekonomiczna narodu polskiego, 1939–1945.* Warszawa, 1983.
- 55 *Nazarewicz R. Drogi do wyzwolenia: Koncepcje walki z okupantem w Polsce i ich treści polityczne. 1939–1945.* Warszawa, 1979. S. 14; История Польши. Т. 3. М., 1958. С. 539.
- 56 См. подробнее: *Hulas M. Goscie czy intruzi? Rząd polski na uchodźstwie. Wrzesień 1939 – lipiec 1943.* Warszawa, 1996.
- 57 *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Dz. II. Londyn, 1939. Poz. 1000 i nast.*
- 58 *Polacy na frontach II wojny światowej // The Poles on the battlefronts of the second world war.* Warszawa, 2005. Р. 34; Вклад Польши и поляков в победу союзников во Второй мировой войне. [Варшава, 2005] С. 23–25.
- 59 См. подробнее: *Strzembosz T. Rzeczpospolita podziemna. Społeczeństwo polskie a państwo podziemne 1939–1945.* Warszawa, 2000. S. 66–69; *Salmonowicz St., Ney-Krwawicz M., Górski A. Polskie Państwo podziemne.* Warszawa, 1999. S. 26–27.
- 60 *Salmonowicz St., Ney-Krwawicz M., Górski A. Polskie Państwo...* S. 11.
- 61 *Strzembosz T. Rzeczpospolita podziemna...* S. 71–80, 242.
- 62 *Program Konfederacji narodu (Wydanie podziemne).* [S. a. S. I.] S. 1; *Zeroslawski Cz. Katolicka myśl o Ojczyźnie. Ideowo-polityczne koncepcje klerykalnego podziemia.* Warszawa, 1987. S. 36–46; *Stanowisko Stronnictwa Narodowego w Kraju.* Londyn, 1944.
- 63 *Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego Т. IV. 1939–1945.* Warszawa, 1966. S. 15, 245–258. См. подробнее: Носкова А.Ф. Крестьянское политическое движение в Польше (сентябрь 1939 – весна 1948 г.) М., 1987.
- 64 *Program Polski Ludowej. Wyd. WRN. 1941. Materiały do Programu Polski Ludowej. Zeszyty I i II.*
- 65 *Polski ruch oporu...* S. 271.
- 66 *Program Stronnictwa Pracy.* Kraków, 1944.
- 67 См. подробнее: *Żaryń J. Dzieje Kościoła Katolickiego w Polsce.* Warszawa, 2003.
- 68 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа; Власть и церковь... С. 501–502.
- 69 Канарская А.Н. Поляки-коммунисты в СССР: судьбы людей и партии (20–40-е годы XX в.) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. СПб., 2001. С. 187–188.
- 70 См. подробнее: *Malinowski M. Geneza PPR.* Warszawa, 1975; *Nazarewicz R. Komintern a lewica polska. Wybrane problemy.* Warszawa, 2008; *Gontarczyk P. Polska Partia Robotnicza. Droga do władzy 1941–1944.* Warszawa, 2003.

- 71 *Duraczyński E.* Polska. 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa, 1999. S. 115–142.
- 72 Ibid. S. 136–137.
- 73 Sprawa polska na arenie międzynarodowej... S. 169–170; *Czubiński A.* Dzieje najnowsze Polski do roku 1945. Poznań, 1994. S. 506.
- 74 *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. М., 1971. С. 532 и др.
- 75 *Raczyński E.* W sojusznictwie Londynie. Dziennik ambasadora. 1939–1945. Londyn, 1960. S. 70 i nast; ДВП. Т. XXIV. М., 2000. С. 424; Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. М., 2001; *Парсаданова В.С.* Армия Андерса на территории СССР (1941–1942) // Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 173–192; *Лебедева Н.С.* Армия Андерса в документах российских архивов // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.
- 76 Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве (1939–1949 гг.). Сб. док. и мат. Киев, 1949. С. 8.
- 77 АВП РФ. Ф. 122. Оп. 23. П. 69. Д. 5. Л. 60.
- 78 Wrzesień 1939 w relacjach dyplomatów. Warszawa, 1989. S. 156.
- 79 В единой семье советских народов. Минск, 1950. С. 213; *Канарская А.Н.* Поляки-коммунисты... С. 190; *Turlejska M.* Prawdy i fikcje. Warszawa, 1966. S. 268; ср.: *Armia Krajowa w dokumentach* (далее: АК w dokumentach.). Т. I. Londyn, 1970. S. 460, 495.
- 80 История УССР. Киев, 1984. Т. 7. С. 518; История БССР. Минск, 1961. С. 352; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 3074. Л. 157.
- 81 АК w dokumentach. Т. I. S. 490–491.
- 82 См. подробнее: *Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941* // Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. (далее: Польское подполье...) Т. 1, 2. Варшава; М., 2001.
- 83 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3033. Л. 29; Д. 3271. Л. 146.
- 84 АК w dokumentach. Т. 1. S. 160, 236–237, 250, 318, 460, 495; Польское подполье... Т. 1. С. 30, 176, 406, 484, 952, 646, 1168; Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 82–89, 116.
- 85 Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w 1940 roku // Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году (далее: Депортации польских граждан...). Варшава; Москва, 2003. С. 26–28, 566, 678–685, 704–706, 713–718; *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. Изд. 2. С. 114–119.
- 86 Archiwum akt nowych (AAN). Dział 6.203/III-79. Zespół АК; Polska. 1939–1945... S. 9, 18.
- 87 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 48. Д. 6. Л. 1.
- 88 Катынь. Март 1940 — сентябрь 2000 г. С. 280–281, 261; Репрессии против поляков... С. 178; ДВП. Т. XXIV. С. 425.
- 89 Сталин, Берия и судьбы армии Андерса в 1941–1942 гг. (Из рассекреченных архивов) // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 60–61; см. подробнее: *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром... С. 129–130.
- 90 Польское подполье... Т. 2. С. 1210–1212.
- 91 АК w dokumentach. Т. 1. S. 267–268.
- 92 Polski ruch oporu... S. 53; ДВП. Т. XXIV. С. 24–25.
- 93 ДВП. Т. XXIV. С. 45.

- 94 Там же. С. 103.
- 95 ДВП. Т. XXIV. С. 107; ДМИСПО. Т. VII. С. 198, 208; АК w dokumentach. Т. II. (czerwiec 1941 — kwiecień 1943). Londyn, 1973. S. 2–6; Sprawa polska na arenie międzynarodowej... S. 218–221.
- 96 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 19.
- 97 См. подробнее: *Hułas M. Goscie czy intruzy?...*
- 98 АК w dokumentach. Т. II. S. 203.
- 99 ДВП. Т. XXIV. С. 236–237. См. подробнее: *Зданович А.А. Роль НКВД в формировании польской армии В. Андерса (1941–1942 гг.)* // Военно-исторический журнал. 2010. № 9.
- 100 Русский архив. 14. 3 (1). Великая Отечественная. 3(1). СССР и Польша. 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы (далее: Русский архив. 14. 3 (1)). М., 1994. С. 30.
- 101 ДВП. Т. XXIV. С. 420.
- 102 Там же. С. 236, 464 и сл.; ДМИСПО. Т. VII. С. 237–258; *Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы и комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 111.*
- 103 *Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 50, 53.*
- 104 *Sprawozdanie z podróży generała Sikorskiego na Średni Wschód i do Rosji // Protokół posiedzenia Rady Ministrów z dnia 15 stycznia 1942 roku // Dzieje Najnowsze. 1994. № 4. S. 114–117; 118–123.*
- 105 АК w dokumentach. Т. II. S. 57, 67–68.
- 106 Правда. 1941. 5 декабря.
- 107 Подробнее см.: *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром*. Гл. 1.
- 108 Архив Президента (АП) РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 105. Л. 17; *Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. С. 75.*
- 109 *Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль... С. 328–332.*
- 110 ДМИСПО. Т. VII. С. 425; ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 20; Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 96–99; *Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы... С. 87; Kot S. Listy z Rosji do gen. Sikorskiego. Londyn, 1955. S. 514–520.*
- 111 Сталин и Польша. 1943–1944... // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 110–118.
- 112 *Duraczyński E., Turkowski R. O Polsce na uchodźstwie. Rada Narodowa Rzeczypospolitej Polskiej. 1939–1945. Warszawa, 1999. S. 124; Прибалтика и геополитика... С. 18.*
- 113 *Duraczyński E. Polska. 1939–1945... S. 212–213, 225–227.*
- 114 *Duraczyński E., Turkowski R. O Polsce na uchodźstwie... S. 129.*
- 115 АК w dokumentach. Т. II. S. 130.
- 116 *Strzembosz T. Rzeczpospolita podziemna... S. 217–219; АК w dokumentach. Т. II. S. 295–296.*
- 117 *Strzembosz T. Rzeczpospolita podziemna... S. 221.*
- 118 См. подробнее: *Носкова А.Ф. Крестьянское политическое движение... Гл. 2.*
- 119 Цит. по: *Salmonowicz St., Ney-Krwawicz M., Górski G. Polskie Państwo... S. 77.*
- 120 *Salmonowicz St., Ney-Krwawicz M., Górski G. Polskie Państwo... S. 81; АК w dokumentach. Т. II. S. 328–329; Duraczyński E. Polska. 1939–1945... S. 264–265.*
- 121 *Salmonowicz St., Ney-Krwawicz M., Górski G. Polskie Państwo... S. 11; АК w dokumentach. Т. II. S. 485–486.*
- 122 *Salmonowicz St., Ney-Krwawicz M., Górski G. Polskie Państwo... S. 34.*

- 123 Ibid. S. 75.
- 124 Polski ruch oporu... S. 240; *Salmonowicz St., Ney-Krwawicz M., Górski G.* Polskie Państwo Podziemne... S. 69, 75–76; *Duraczynski E.* Polska. 1939–1945... S. 258.
- 125 См. подробнее: *Ney-Krwawicz M.* Komenda Główna Armii Krajowej. 1939–1945. Warszawa, 1990.
- 126 См. подробнее: *Chlebowski C.* «Wachlarz». Monografia wydzielonej organizacji dywersyjnej Armii Krajowej. Wrzesień 1941 — marzec 1943. Warszawa, 1983.
- 127 *Sienkiewicz W.* Mały słownik historii... S. 13; Polskie siły zbrojne. T. III. Armia Krajowa. Londyn, 1950. S. 482.
- 128 AK w dokumentach. T. II. S. 293.
- 129 Polski ruch oporu... S. 258.
- 130 Ibid. S. 264.
- 131 Ibid. S. 268.
- 132 AK w dokumentach. T. III. Londyn, 1976. S. 148.
- 133 *Syzdek B.* Polski ruch socjalistyczny w latach II wojny światowej // Z pola walki. 1969. № 3.
- 134 AK w dokumentach. T. II. S. 47–48.
- 135 *Nazarewicz R.* Armii Ludowej dylematy i dramaty. Warszawa, 2000. S. 147.
- 136 *Madajczyk Cz.* Polityka III Rzeszy... S. 168–169.
- 137 ДМИСПО. Т. VII. С. 273–276. Основные документы ППР см.: *Polska Partia Robotnicza.* Dokumenty programowe 1942–1948. Warszawa, 1984.
- 138 Trybuna Wolności. 1. IV. 1942.
- 139 *Duraczynski E., Turkowski K.* O Polsce na uchodźstwie... S. 124.; *Nazarewicz R.* Komintern a lewica polska... S. 156.
- 140 *Nazarewicz R.* Komintern a lewica polska... S. 165.
- 141 *Gomułka W.* Pamiętniki. T. II. Warszawa, 1994. S. 353.
- 142 Publicystyka konspiracyjna PPR. T. I. Warszawa, 1961. S. 111; AAN. Zespół PPR-PZPR. Sygn. 192/1. K. 10; Dowództwo Główne GL i AL. Zbiór dokumentów z lat 1942–1944. Warszawa, 1967. S. 255.
- 143 GL i AL na Lubelszczyźnie. 1942–1944. Lublin, 1963. S. 229–230.
- 144 Polski ruch oporu... S. 307.
- 145 См. подробнее: *Garas J.* Oddziały Gwardii Ludowej i Armii Ludowej. 1942–1945. Warszawa, 1971.
- 146 *Nazarewicz R.* Komintern a lewica polska... S. 149; AK w dokumentach. T. II. S. 283, 375, 475.
- 147 Цит. по: *Gontarczyk P.* Polska Partia Robotnicza. Droga do władzy. 1941–1944. Warszawa, 2003. S. 277.
- 148 Polska Partia Robotnicza. Dokumenty programowe. S. 121–124.
- 149 AK w dokumentach... T. II. S. 408; Archiwum ruchu robotniczego. T. IX. Warszawa, 1984. S. 5–24; *Gomułka W.* Pamiętniki. T. II. S. 266.
- 150 AK w dokumentach. T. II. S. 401.
- 151 Советскую запись беседы см.: Новая и новейшая история. 2008. № 3.
- 152 Там же. С. 123.
- 153 См.: *Goebbels Tagebücher.* T. 2. London, 1973.
- 154 *Duraczynski E., Turkowski R.* O Polsce na uchodźstwie... S. 127.
- 155 Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Berlin, 1943. S. 14.
- 156 Przez walkę do zwycięstwa. 10.V; 20.V.1943; Biuletyn Informacyjny. Kwiecień–maj 1943; *Bramsted E.* Goebbels and Nacional Socialist Propaganda. 1925–1945. Michigan, 1965. P. 330; см. подробнее: *Яжборовская И., Яблоков А., Парсаданова В.* Катынский синдром... С. 151–178.

- 157 АК w dokumentach. Т. III. S. 11.
- 158 ДМИСПО. Т. VII. С. 377; Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 378; См. подробнее: *Duraczyński E.* Rząd Polski na uchodźstwie. 1939–1945. Warszawa, 1993. S. 222–226.
- 159 Sprawa polska na arenie międzynarodowej... S. 342–343; ДМИСПО. Т. VII. С. 355–356, 359–360, 362.
- 160 ДМИСПО. Т. VII. С. 367–368; *Duraczyński E.* Rząd Polski... S. 227; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 58, 65, 70–71, 78.
- 161 Sprawa polska na arenie międzynarodowej... S. 368–369; *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения... С. 120–121; *Nazarewicz R.* Komintern a lewica polska... S. 167.
- 162 История дипломатии. Т. 4. М., 1977. С. 362.
- 163 АК w dokumentach. Т. II. S. 475, 425; Т. III. S. 12–13; Archiwum akt nowych (Далее ААН). Dział 228/17-3-1. К. 12.
- 164 АК w dokumentach... Т. II. S. 412–414; 156, 223, 168.
- 165 Там же. Т. III. С. 182–185; 209–211; 285–287.
- 166 Тегеранская конференция... С. 149, 164–165.
- 167 Krształtowanie się podstaw programowych PPR w latach 1942–1945 (Wybór materiałów i dokumentów). Warszawa, 1958. S. 150–169.
- 168 АК w dokumentach. Т. II. S. 302–306; Archiwum ruchu robotniczego... Т. IV. S. 237.
- 169 Po pakcie czterech // *Głos Warszawy*. 1943. 25 wrzes.
- 170 Rzeczpospolita. 1943. 30 wrzes.; *Duraczyński E.* Rząd Polski... S. 283–284.
- 171 ДМИСПО. Т. VII. С. 442–446.
- 172 ДМИСПО. Т. VIII. М., 1974. С. 11–13; Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1960. С. 132–135.
- 173 См. подробнее: *Носкова А.Ф.* Генерал Сигизмунд Берлинг. Штрихи к политическому портрету. (По документам российских архивов) // Профессор МГУ И.М. Белявская. М., 2005. С. 263–279.
- 174 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 14, 3–5.
- 175 См. подробнее: *Зданович А.А.* «Польская воинская часть... высоко поднимет вес и авторитет поляков в ходе войны и в становлении послевоенной Европы». Рождение Войска Польского (1942–1944 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 2; *Kumoś Z.* Związek Patriotów Polskich. Warszawa, 1983; *Zbiniewicz F.* Armia Polaka w ZSSR. Warszawa, 1963.
- 176 ДМИСПО. Т. VII. С. 61, 364–365; Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 30.VI. № 35; 1944. 23.VII. № 38.
- 177 Polityka. 1973. 1 paźdz.
- 178 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 49–53, 57–58.
- 179 Центральный Архив (ЦА) ФСБ РФ. Коллекция документов.
- 180 *Duraczyński E.* Polska 1939–1945... S. 246; «WRN» 21.V.1943 // Documents on Polish-Soviet relations (DPSR). Vol. 2. Londyn, 1967. P. 41; ДМИСПО Т. VII. С. 368.
- 181 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 38–55; Георги Димитров. Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 399–400. См. подробнее: *Noskova A.* Na drodze do stworzenia PKWN – rola Moskwy // Pamięć i Sprawiedliwość. Warszawa, 2005. 2 (8). S. 31–50; *Носкова А.Ф.* Сталин и создание ПКНО: вынужденный шаг в нужном направлении // Средняя Европа: проблемы межнациональных и международных отношений. М., 2009.

- 182 Правда. 1944. 15 марта.
- 183 СССР–Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сб. док. М., 1995. С. 13–17, 21–25.
- 184 *Sobór-Świderska A.* Jakub Berman. Biografia komunisty. Warszawa, 2009. S. 106–108.
- 185 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 43–44; *Werblan A.* Władysław Gomułka. Sekretarz Generalny PPR. Warszawa, 1988. S. 192.
- 186 ДМИСПО. Т. VII. С. 397–398.
- 187 СССР–Польша. Механизмы подчинения... С. 34–38; Dowódstwo Główne Gwardii i Armii Ludowej... S. 261–262; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 434. Л. 19–20.
- 188 Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД о польском подполье. 1944–1945. М.; Новосибирск, 2001. С. 119–121; *Strzemboś T.* Rzeczpospolita podziemna... S. 101, 193, 196, 252.
- 189 Подробнее см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... Разд. II. Гл. I; Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. М., 2012.
- 190 СССР–Польша. Механизмы подчинения... С. 28, 30–33, 41–42; 61–65; *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения... С. 151–152; См. подробнее: *Lesiakowski K.* Mieczysław Moczar. Biografia polityczna. Warszawa, 1998. S. 62–74. См. также: *Syzdek E.* Syzdek B. Cena władzy zależnej // Szkice do portretów znanych i mniej znanych polityków Polski Ludowej. Warszawa, 2001. S. 174–177.
- 191 АК w dokumentach. Т. III. С. 231–234.
- 192 Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. Т. VIII. Warszawa, 1974. S. 55–56; ДМИСПО. Т. VIII. М., 1974. С. 59–60.
- 193 АК w dokumentach. Т. III. С. 389, 380; 282–284; 361–371.
- 194 Там же. С. 226, 391–392.
- 195 Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 463.
- 196 *Friszke A.* Polska. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 88–89.
- 197 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 136. Л. 10; *Duraczyński E.* Polska. 1939–1945... S. 345, 348; *Ciechanowski J.* Powstanie Warszawskie. 1944. Zarys podłoża politycznego i dyplomatycznego. Pułtusk, 2004. S. 235–236.
- 198 АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 104. Л. 73; Русский архив. 14. 3(1)... С. 153–154; См. подробнее: *Носкова А.Ф.* Геополитические планы СССР и трагедия Армии Крайовой // *Studia Polonica.* К 90-летию И.И. Костюшко. М., 2009.
- 199 *Ciechanowski J.* Powstanie Warszawskie... S. 242–243, 245; Русский архив. 14. 3(2). Красная Армия в странах Центральной и Северной Европы и на Балканах. Док. и мат. М., 2000. С. 403; АК w dokumentach. Т. III. С. 426.
- 200 *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром... С. 150; АК w dokumentach. Т. III. С. 209; *Salmonowicz St. i in.* Polskie Państwo... S. 82–84; *Ciechanowski J.* Powstanie Warszawskie... S. 210–211.
- 201 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 136. Л. 18–20; Д. 105. Л. 52; Teczka specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski. 1944–1946. Warszawa, 1998. S. 25–31; Сталин и Польша. 1943–1944... // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 129–130; Русский архив. 14. 3 (1)... С. 151.
- 202 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. II. М., 1957. С. 127.

- 203 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 437. Л. 1; СССР — Польша. Механизмы подчинения... С. 17–20; *Gomułka W.* Pamiętniki... S. 340; Polska Partia Robotnicza. Dokumenty programowe... S. 199.
- 204 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 111–112.
- 205 СССР — Польша. Механизмы подчинения... С. 46; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 435. Л. 46, 55; *Wasilewska W.* Wspomnienia // Archiwum ruchu robotniczego. Т. VII. Warszawa, 1982. S. 405; *Salwa-Syzdek E.* Uwikłana w dramat historii // Forum Klubowe. 2011. N 3 i 4. S. 130–140.
- 206 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 91–105
- 207 Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. После 22 июня 1941 г. М., 1988. С. 444–445; ДМИСПО. Т. VIII. С. 80–99; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 130–138; *Wasilewska W.* Wspomnienia... S. 409.
- 208 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 57–63. См. подробнее: Сталин и Польша... // Новая и новейшая история. 2008. № 3.
- 209 СССР — Польша. Механизмы подчинения... С. 44–46, 65–68
- 210 См. подробнее: Archiwum ruchu robotniczego. Т. IX. Warszawa, 1984.
- 211 Переписка председателя Совета министров СССР... Т. II. С. 147.
- 212 Русский архив. 14. 3(1). С. 198.
- 213 ДМИСПО. Т. VIII. С. 140, 141, 146–149, 153.
- 214 *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения... С. 186–194.
- 215 Sprawozdanie Komisji skarbowo-budżetowej i preliminarzu budżetowym // Druki. Cz. 4.
- 216 ДМИСПО. Т. VIII. С. 153–155.
- 217 Русский архив. 14. 3(1). С. 161–162; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 136. Л. 38–39; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 42; Teczka specjalna I.W. Stalina... S. 40.
- 218 Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 46.
- 219 Цит по: *Raczyński E.* W sojuszniczym Londynie. Dziennik ambasadora. S. 258.
- 220 Русский архив. 14. 3(1). С. 333–334; ДМИСПО. Т. VIII. С. 200–201; Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 52–55.
- 221 Варшавское восстание 1944 г. в документах советских и польских спецслужб. Москва: Варшава, 2007 // Powstanie Warszawskie 1944 r. z archiwów służb specjalnych. Moskwa: Warszawa, 2007 (далее: Варшавское восстание в документах...). С. 586, 742, 788, 924, 1022; *Mikołajczyk S.* The pattern of Soviet Domination. Londyn, 1948. S. 110.
- 222 *Ciechanowski J.M.* Powstanie Warszawskie... S. 209; Русский архив. 14. 3(1). С. 204–206, 309.
- 223 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 48–52; *Davis N.* Powstanie 44. Kraków, 2004. S. 845.
- 224 Переписка председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 248, 249; ДМИСПО. Т. VIII. С. 180; Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 67–84.
- 225 Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 84–89; Русский архив. 14 3(1). С. 219.
- 226 *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1968. С. 287.
- 227 См. подробнее: *Алексеев В.М.* Варшавское восстание: Варшава в борьбе против гитлеровских захватчиков. 1939–1945. СПб., 1999.
- 228 Русский архив. 14. 3(1). С. 437–438.
- 229 Rzeczpospolita. 1944. 4. 18 sierpień; Dziennik Ustaw. N 1, 2. Sierpień 1944. Warszawa.
- 230 *Zawodny J.K.* Uczestnicy i świadkowie powstania Warszawskiego. Wywiady. Warszawa, 1994. S. 56; ДМИСПО. Т. VIII. С. 189.

- 231 Niemieckie materiały do historii powstania Warszawskiego // *Najnowsze dzieje Polski*. Т. 1. Warszawa, 1958. S. 520; *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. М., 1954. С. 340–341.
- 232 Варшавское восстание 1944 г. в документах... С. 308, 488, 434, 398, 426, 448, 514, 449, 412.
- 233 Русский архив. 14. 3(1). С. 270; ДМИСПО. Т. VIII. М. 1974. С. 255.
- 234 Русский Архив. 14. 3(1). С. 267–268, 270.
- 235 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 27. Л. 41; *Назаревич Р.* Варшавское восстание. 1944 год. М., 1989. С. 179, 192–193; Русский архив. 14. 3(1). С. 250–251, 271–276, 278–280; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 27. Л. 41.
- 236 *Штеменко С.М.* Генштаб в годы войны. М., 1989. Кн. 1–2. С. 329; *Nazarewicz R.* Armii Ludowej dylematy... S. 261. См. подробнее: *Божиковский Т.* Среди падающих стен. Иерусалим, 1975.
- 237 Polska Partia Robotnicza. Dokumenty... S. 565–566.
- 238 Варшавское восстание 1944 г. в документах... С. 602, 1074, 1084 и др.
- 239 Там же. С. 1032; *Bartoszewski W.* 1895 dni Warszawy. Kraków, 1984. S. 757–758; Polska. 1939–1945. Straty osobowe... S. 184–185; *Strzembosz T.* Rzeczpospolita podziemna... S. 344.
- 240 *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. С. 284; *Штеменко С.М.* Генштаб в годы войны. С. 101–108; *Archiwum ruchu robotniczego*. Т. 1. Warszawa, 1973. S. 332.
- 241 Варшавское восстание 1944 г. в документах... С. 1128, 1130.
- 242 См. подробнее: *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль... С. 412–487; ДМИСПО. Т. VIII. С. 285–290, 292, 295–302.
- 243 *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль... С. 482–487.
- 244 *Golon M.* Represji Armii Czerwonej i NKWD wobec polskiej konspiracji niepodległościowej w l. 1944–1946. Cz. I–II — Czasy nowożytnie. Т. 1. 1996. S. 92; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 94, 100–101; НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг. (По «Особым папкам» И.В. Сталина). М., 1994. С. 86; *Teczka specjalna J.W. Stalina*... S. 60, 154.
- 245 ДМИСПО. Т. VIII. С. 196–198, 212, 252, 278–280.
- 246 Там же.
- 247 *Nalepa E.J.* Oficerowie Armii radzieckiej w Wojsku Polskim. 1943–1968. Warszawa, 1995. S. 15–21.
- 248 *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения... С. 190–191; PPR. VIII. 1944 – XII. 1945. Rezolucje. Odezwy. Instrukcje i Okólniki Komitetu Centralnego. Warszawa, 1959. S. 291.
- 249 *Rechowicz H.* Aleksandr Zawadski. Życie i działalność. Katowice; Kraków, 1969. S. 134. См. подробнее: Послевоенное десятилетие. 1945–1955 гг. // Белые пятна — черные пятна... С. 399–401, 405–406, 411–419 (текст А.Ф. Носковой).
- 250 *Ślabeł H.* O społecznej historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2009. S. 73–78; *Buhler P.* Polska droga do wolności. 1939–1995. Warszawa, 1999. S. 123.
- 251 Wspomnienia weteranów ruchu ludowego. Warszawa, 1968. S. 413–443; *Raczyński E.* W sojusznictwie Londynie... S. 205.
- 252 Переписка председателя Совета министров СССР... Т. 2. С. 178–179.
- 253 *Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. М., 1995. С. 118.
- 254 *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. 1943–1945. М., 1985. С. 327, 333, 346–347.
- 255 АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 449. Л. 10–11.
- 256 *Materski W.* Dyplomacja Polski „Lubelskiej”. Lipiec 1944 – marzec 1947. Warszawa, 2007. S. 45–64.

- 257 Ялта–1945. Начертания нового мира. Документы и фотографии из личного архива Сталина. М., 2010. С. 139–141, 149, 190.
- 258 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Крымская конференция руководителей трех держав – СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г. Сб. док. М., 1984. С. 214 (далее: Крымская конференция...).
- 259 Там же. С. 91–96; Ялта–1945. Начертания нового мира... С. 124–125, 156.
- 260 Переписка председателя Совета министров СССР... Т. II. С. 186; Ялта–45. Начертания нового мира... С. 129.
- 261 Ялта–45. Начертания нового мира... С. 124, 132–133, 150–151.
- 262 Крымская конференция... С. 260–261, 213–214.
- 263 Переписка председателя Совета министров СССР... Т. II. С. 186–187; Крымская конференция... С. 91, 95, 119–120
- 264 Русский архив. 14. 3(1). С. 409–410; Советский фактор в Восточной Европе... Т. I. С. 153–155.
- 265 *Ślabeł H.* O społecznej historii... S. 86–88; *Friszke A.* Polska. Losy Państwa i Narodu... S. 151.
- 266 *Kersten K.* Narodziny systemu władzy. Polska. 1943–1948. Lublin, 1989. S. 137.
- 267 Очерки истории Народной Польши. М., 1965. С. 87.
- 268 *Ślabeł H.* O społecznej historii... S. 105–109.
- 269 См. подробнее: *Kersten K.* Między wyzwoleniem a zniewoleniem. Polska. 1944–1956. Londyn, 1993; *Marody M.* Przemiany postaw ideologicznych i przystosowanie w systemie komunistycznym // *Komunizm. Ideologia. System. Ludzie.* Warszawa, 2001. S. 127–138.
- 270 *Носкова А.Ф.* «...Чем реальный социализм становился хуже, тем больше в него верили...». Общественная атмосфера в Польше на рубеже 1940–1950-х годов // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы. 50–60-е годы XX века. М., 2011. С. 193–228.
- 271 *Kersten K.* Między wyzwoleniem a zniewoleniem...S. 18–21.
- 272 *Kersten K.* Narodziny systemu władzy. .. S. 117–118.
- 273 См. подробнее: *Волокитина Т.В., Мурашко Т.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 499–509.
- 274 *Kształtowanie się podstaw programowych...* 1958. S. 323–349.
- 275 *Polska Partia Robotnicza. Dokumenty programowe...* S. 290–291.
- 276 *Duraczyński E.* Sprawy polskie minionego wieku. Szkice. Kraków, 2011. S.29.
- 277 *Polskie Siły Zbrojne.* Т. III. Armia Krajowa. S. 65; *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski. Londyn, 1960. S. 858.
- 278 АК в документах. Wrocław, 1990. Т. 5. S. 239–240; Информатор о нелегальных антигосударственных организациях и бандах вооруженных действующих в Польше Народной в годах 1944–1956. Warszawa, 1964; Lublin, 1993. S. 9; *Duraczyński E.* Polska. 1939–1945... S. 576.
- 279 *Friszke A.* Polska Losy Państwa...S. 130. См. подп.: Информатор о нелегальных...
- 280 Русский Архив. Т. 14. 3(1) С. 414–417.
- 281 Из Варшавы. Москва. Товарищу Берия... С. 351–354; Русский архив. Т. 14. 3 (1) С. 395.
- 282 НКВД и польское подполье... С. 85–86; Советский фактор в Восточной Европе... Т. I. С. 240–241; *Czekiści. Organy bezpieczeństwa w europejskich krajach bloku sowieckiego.* 1944–1989. Warszawa, 2010. S. 393–397.

- 283 См. подробнее: Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 116–143.
- 284 Ялта–45. Начертания нового мира... С. 125.
- 285 Крымская конференция... С. 91, 95, 96, 119–120; *Davies N.* Europa między Wschodem a Zachodem. Kraków, 2007. S. 52.
- 286 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 158–159.
- 287 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 27. Л. 163–165; *Friszke A.* Jałta i Poczdam w polskich koncepcjach politycznych (1945–1947) // Jałta, Poczdam. Proces podejmowania decyzji. Warszawa, 1996. S. 97.
- 288 Цит. по: *Strzembosz T.* Rzeczpospolita podziemna... S. 348.
- 289 Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 155–156.
- 290 В России и Польше не единожды публиковались документы о замысле «операции» и допросах задержанных: НКВД и польское подполье (по «Особым папкам» И.В. Сталина) 1944–1945 гг. М., 1994; *Proces szesnastu. Dokumenty NKWD / Oprac. A. Chmielarz, A.K. Kunert, W. Strzałkowski.* Warszawa, 1995. См. подробнее: *Duraczyński E.* Generał Iwanow zaprasza. Przywódca podziemnego państwa polskiego przed sądem moskiewskim. Warszawa, 1989.
- 291 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 189.
- 292 *Strzembosz T.* Rzeczpospolita podziemna... S. 352–353.
- 293 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Ч. 2. Д. 4365. Л. 197.; Д. 4367. Л. 84, 112, 152, 163; Ч. I. Д. 4381. Л. 10, 95, 153, 184; Оп. 28/2. Д. 812. Л. 23; А А N. Zespół KC PZPR. Sygn. 199/3. S. 7–10, 15a; *Niecko J.* Na drodze do Polski Ludowej. Warszawa, 1967. S. 67; *Носкова А.Ф.* Крестьянское политическое движение... С. 106–107, 114.
- 294 *Kersten K.* Narodziny systemu władzy... S. 106–107, 142, *Syzdek E.* *Syzdek B.* Cyrankiewicz. Zanim zostanie zapomniany. Warszawa, 1996. S. 100–101.
- 295 *Kersten K.* Narodziny systemu władzy... S. 112–113.
- 296 Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 175–176.
- 297 Там же С. 192–194.
- 298 Там же. С. 195–197, 211–214, 218–219; *Teczka specjalna J.W. Stalina...* S. 285–286.
- 299 Переписка... Т. I. С. 334–336, 352–353; Т. II. С. 217–218, 223–225; ДМИСПО. Т. VIII. С. 404, 406, 410–411, 419.
- 300 ДМИСПО. Т. VIII. С. 414–416; *Materski W.* Dyplomacja «Polski Lubelskiej»... S. 69–72.
- 301 ДМИСПО. Т. VIII. С. 409; *Kersten K.* Narodziny systemu władzy... S. 137–141; *Friszke A.* Polska. Losy Państwa... S. 113; *Halaba R.* Stronnictwo Ludowe. 1944–1946. Warszawa, 1966. S. 79; 70 lat Ruchu Ludowego. Warszawa, 1967. S. 272; PPR. VIII.1944 – XII.1945... S. 291; *Syzdek B.* PPS w latach 1944–1948. Warszawa, 1974. S. 80; *Wojtas A.* Kryzys programu i polityki Rocha. Powstanie SL–Wola Ludu. Warszawa, 1976. S. 164.
- 302 *Friszke A.* Polska. Losy Państwa... S. 107–108; Rok pierwszy. Powstanie i działalność aparatu bezpieczeństwa na Lubelszczyźnie (lipiec 1944 – czerwiec 1945). Warszawa, 2004. S. 26; *Dominiczak H.* Organy bezpieczeństwa PRL. 1944–1990. Warszawa, 1997. S. 22; *Czekiści.* Organy bezpieczeństwa w europejskich krajach bloku sowieckiego. 1944–1989. Warszawa, 2010. S. 393, 417–419, 435.
- 303 *Kersten K.* Narodziny systemu władzy... S. 111.
- 304 PPR. VIII.1944 – XII.1945... S. 291; *Teczka specjalna J.W. Stalina...* S. 348.
- 305 Доклад В. Гомулки см.: *Archiwum ruchu robotniczego.* Т. VII. Warszawa, 1982.
- 306 Polska Partia Robotnicza. Dokumenty... S. 307–308; *Wizja programowa Polski Ludowej.* Warszawa, 1979. S. 111–112; *W walce o demokrację ludową.* Т. 1. Warszawa, 1959. S. 162.

- 307 *Friszke A.* Polska. Losy Państwa... S. 110; *Nalepa E.* Oficerowie Armii Radzieckiej... S. 34, 47; Aparat bezpieczeństwa w Polsce. Kadra kierownicza. T. 1. 1944–1956. Warszawa, 2005. S. 59.
- 308 Цит. по: *Kersten K.* Jałta w polskiej perspektywie. Londyn; Warszawa, 1989. S. 139; *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии... С. 523; *Buhler P.* Polska droga do wolności. 1939–1995. S. 135–136.
- 309 Известия. 1945. 13 июня; *Paczkowski A.* Stanisław Mikołajczyk czy klęska realisty. Warszawa, 1991. S. 132–135.
- 310 Из Варшавы. Москва. Товарищу Берия... С. 220–221, 224–229.
- 311 Известия. 1945. 23 июня; ДМИСПО. Т. VIII. С. 453–454. См. подробнее: *Skrzypek A.* Mechanizmy zależności. Stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Pułtusk, 2002. S. 87–90.
- 312 *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения. 1945–1949. М., 1990. С. 16–18.
- 313 *Armia Krajowa w dokumentach...* T. V. Londyn, 1981. S. 430–432; *Salmonowicz St., Ney-Krawicz M., Górski G.* Polskie Państwo podziemne. Warszawa, 1999. S. 59; цит. по: *Ślabeł H.* O społecznej historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2009. S. 55.
- 314 Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. Справочник. М., 2009. С. 66–67; СВАГ и немецкие органы самоуправления. 1945–1949. Сб. док. М., 2006. С. 58; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–5). Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). М., 1995. С. 421–424, 431–433; Русский Архив. Т. 14. 3 (1). С. 431.
- 315 *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения 1945–1949... С. 69–70; *Kubis B.* Poznawcze i kształtujące walory literatury dokumentu osobistego. Opole, 2007. S. 202–203.
- 316 Русский архив. Т. 15 (4–5). С. 439, 442.
- 317 Teczka Specjalna J.W. Stalina... S. 285; Obława Augustowska. Lipiec 1945 r. Wybór źródeł. Białystok, 2010. S. 23.
- 318 ЦА ФСБ РФ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 13. Л. 103–104; Д. 4. Л. 39–41.
- 319 О бандитизме, в том числе среди аковцев, см.: *Wnuk R.* Problem bandytyzmu wśród żołnierzy antykomunistycznego podziemia w Polsce (1945–1947) // Komunizm. Ideologia. System. Ludzie. Warszawa, 2001. S. 67–79.
- 320 *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения в годы... С. 258–260.
- 321 См. подробнее: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Берлинская конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании 17 июля — 2 августа 1945 г. Сб. док. Т. VI. М., 1984 (далее: Берлинская конференция); ДМИСПО. Т. VIII. С. 479–488, 521–528, 534–535.
- 322 *Friszke A.* Polska. Losy Państwa... S. 115.
- 323 Берлинская конференция... С. 476, 497.
- 324 Там же С. 473, 494.
- 325 Берлинская конференция... С. 492–493, 489–490.
- 326 ДМИСПО. Т. VIII. С. 541–544.
- 327 Русский архив. Т. 14. 3 (1). С. 431.
- 328 ДМИСПО. Т. VIII. С. 541–550; *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения. 1945–1949. С. 62–74; Военное время. 1941–1945 // Белые пятна — черные пятна... С. 355–357 (текст В.С. Парсадановой).
- 329 Polska. 1939–1945. Straty osobowe... S. 18, 152–154, 184; Депортации польских граждан... С. 28, 705–706; НКВД и польское подполье... С. 5; Польское подполье... Т. 1. С. 32; ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 19.

- 330 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 142. Л. 56–57; *Davies N.* Europa walczy. 1939–1945. Nie takie proste zwycięstwo. Kraków, 2008. S. 384.
- 331 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 142. Л. 56–57; *Davies N.* Europa między... S. 2.
- 332 Walka i zwycięstwo. Wkład narodu polskiego w zwycięstwo nad hitlerowskimi Niemcami. 1939–1945. Warszawa, 1985. S. 24–28, 97; Polska. 1939–1945. Straty osobowe... S. 19, 22–23.

Раздел IV

**ОТ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ
К СТАЛИНИЗМУ.**

КРИЗИС 1956 г.

**И ПОПЫТКИ
ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ**

(1945-1959)

I.1. Новая политическая «сцена»: ПРАВЯЩАЯ КОАЛИЦИЯ И ОППОЗИЦИЯ

Создание правительства национального единства пришлось на то время, когда в страну с Запада и Востока возвращались многие из 5 млн ее граждан, в военное лихолетье по разным причинам оказавшихся за рубежом. «Поляк 1945 г. (и следующих двух лет), — писала К. Керстен, — это поляк странствующий... Трассы странствий вели из-за границы в Польшу. ... Странствовали и по Польше. Окончилось временное оккупационное существование миллионов людей. Они возвращались на свои места жительства, к старой социальной роли или искали новые жизненные возможности. Большие шансы открывала колонизация присоединенных земель на западе и севере, шансы сделать карьеру и получить общественный аванс, шанс обогатиться, а зачастую просто существовать»¹.

Многие поляки к концу войны находились на Западе*. Перед ними стоял вопрос: где и как жить дальше. Кто-то из них выбрал эмиграцию навсегда, но более 2,8 млн человек возвратились в 1945 — начале 1946 г. из Европы домой. Поляки прибывали в Польшу и с Востока, из СССР. В связи с изменением советско-польской границы и в силу соглашений, подписанных 9 и 22 сентября 1944 г. и 6 июля 1945 г. между Польшей, с одной стороны, и УССР, БССР и Литовской ССР, с другой, уже осенью 1944 г. начался обмен населением. Вопреки зафиксированному в соглашениях принципу добровольности репатриации, многие поляки были принуждены по воле двух государств покидать родные места**. На 1 мая 1946 г. из Украины выехало 700 тыс. человек, из Белоруссии

* Сотни тысяч поляков выехали в эмиграцию в сентябре 1939 г.: министры, государственные деятели, партийные лидеры, чиновники, люди творческих профессий, генералитет, офицерство, солдаты Войска Польского. В 1945 г. на территории рейха находилось от 3 до 3,5 млн поляков (военнопленные, угнанные на работы, призванные на службу в вермахт, заключенные концлагерей, солдаты и офицеры Польских сил збройных, жители отторгнутых Германией территорий) (Ślabeł H. O społecznej historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2009. S. 63–64).

** По условиям, согласованным сторонами, репатрианты, уезжая, могли забрать с собой имущество, включая скот и необходимые орудия труда, весом до 2 т, не более 1000 золотых и 1000 рублей на одно лицо. Оставленное имущество подлежало компенсации. Переселение стало для поляков, коренных жителей многонациональных кресов, драматическим событием. До осени 1939 г. они имели здесь не только власть и собственность, но приобрели и особый менталитет. Как отмечается в научной литературе, им было присуще «очень сильное национальное чувство», уверенность, что «прошлое Польши это собственно прошлое кресов... обладание кресами представляло условием величия и прочности национального бытия». Решение о выезде за Буг и Сан для многих стало семейным несчастьем, «о родных краях детства и молодости будут тосковать даже те, кто в другом месте обрел успех и имущество» (Teczka specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD

187 230 человек, из Литвы 129 092 человек. Репатриировались и 245 тыс. поляков, проживавших в глубинных регионах СССР. Всего за 1944–1946 гг. в Польшу с Востока прибыли по репатриации 1 419 850 человек².

Польская сторона ходатайствовала о репатриации и тех поляков, кто в СССР находился под стражей как военнопленный или был интернирован и арестован в 1944–1945 гг. на территории Польши, состоял в рабочих батальонах (15 тыс. силезских шахтеров работали в Донбассе) и был ограничен в передвижении. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1944 г. «О предоставлении амнистии польским гражданам, осужденным за совершение преступлений на территории СССР» до конца 1944 г. было освобождено из лагерей, тюрем и поселений НКВД 1165 человек. В начале лета 1945 г. в связи с созданием нового правительства и с целью облегчить ситуацию тем, кто не хотел оставаться на нелегальном положении (например, командование и отряды БХ, часть отрядов АК), в Польше готовилась массовая амнистия. Премьер-министр Э. Осубка-Моравский и министр госбезопасности С. Радкевич обратились к солдатам АК, участникам других вооруженных отрядов и дезертирам с предложением явиться в органы власти, сдать оружие и быть свободным. Одновременно сообщалось, что «армии дан приказ очистить страну от банд и что каждый бандит, пойманный с оружием, будет расстрелян». Кроме того был издан приказ Радкевича о проверке всех дел арестованных с целью освобождения рядовых членов подпольных организаций, не принимавших участия в борьбе против правительства. Тогда же правительство «официально поставило вопрос» перед советским послом Лебедевым. 8 июня 1945 г. Б. Берут заявил советнику НКВД СССР Н.Н. Селивановскому, что «считает необходимым передать польским органам безопасности всех поляков, арестованных советскими органами, и содержащихся под арестом [в лагерях НКВД] на территории Польши, а также вывезенных в Советский Союз». Права на амнистию, объявленную в Польше 2 августа 1945 г.^{*}, не получали шпионы, диверсанты и те, кто вел вооруженную борьбу в тылах Красной Армии³.

По постановлению ГКО от 13 августа 1945 г. на родину до 15 октября 1945 г. следовало отправить 19 800 военнопленных поляков из рядового и унтер-офицерского состава гитлеровской армии, «находящихся в СССР в районах бывших фронтов». По данным НКВД на 2 ноября 1945 г., из 85 885 поляков (46 856 военнопленных и 39 029 интернированных), которые прошли за 1941–1945 годы через лагеря в СССР, было возвращено в Польшу 54 395 человек, 1929 передано на формирование польской армии, выбыло по разным причинам 2551 человек^{**}.

z Polski. 1944–1946. Warszawa, 1998. S. 131–132; Kubis B. Poznawcze i kształcące walory literatury dokumentu osobistego. Opole, 2007. S. 135, 157).

* Воспользовались амнистией, как полагает А. Фришке, 30 тыс. солдат АК. По данным Г. Слабека, легализовались 42 тыс. человек, в том числе члены СЛ-РОХ, БХ, ППС-ВРН, СП и значительная часть рядовых аковцев (Friszke A. Polska. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 131; *Słabek H.* O społecznej historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2009. S. 71).

** В лагерях оставалось 27 010 человек, из них намеревались освободить 12 239. Польское правительство прилагало к этому усилия, но процесс не был скорым. В январе 1946 г. в лагерях находилось 19 930 человек, из них 5209 намечались к отправке домой. Для решения судьбы остальных 26 июля 1947 г. была создана комиссия МВД, которая рассмо-

Одновременно с возвращением поляков с Запада и из СССР происходил исторически беспрецедентный, управляемый правительством процесс заселения новых западных и северо-восточных земель страны. Места жительства получали поляки, приехавшие из малоземельных районов «старой» Польши, главным образом из деревни, военнослужащие, увольнявшиеся по демобилизации, репатрианты из СССР и прибывавшие из Европы. Как пишет Г. Слабек, «среди огромных масс людей, потянувшихся на запад [Польши] уже весной 1945 г., лишь немногие вначале думали остаться здесь навсегда. Затем по мере стабилизации ситуации и улучшения работы аппарата, занимавшегося переселением, колонистов становилось все больше». В течение 1945 г. поселенческое движение стало массовым: 1630 тыс. поляков зарегистрировались на переезд в Государственном управлении по репатриации. Советник посольства Польши в Москве Г. Вольпе в конце 1946 г. утверждал, что «на западных землях идет большая работа по восстановлению», уже поселились 4,5 млн поляков. В 1946–1947 гг. из-за Буга, по разным данным, сюда прибыло от 650 до 1 млн человек. В итоге за 1945–1950 гг. 4,7 млн поляков стали жителями новых западных и северных территорий Польши: 2,9 млн человек из центральных и юго-восточных воеводств, свыше 1,5 млн из СССР, 50 тыс. из Франции, 44 тыс. из Германии, около 65 тыс. из других стран и 100 тыс. прочих⁴.

Это были грандиозные перемещения для 24 млн переживших войну поляков. Почти каждый пятый из них возвратился из-за рубежа, каждый четвертый был мигрантом. Движение в страну и внутри страны, в том числе из деревни в город, изменяло ее облик. Увеличилось число рабочих, необходимых для восстановления экономики. Востребован был профессиональный потенциал польской интеллигенции. Еще в январе 1945 г. руководство подполья информировало «польский» Лондон о «всеобщем устремлении на работу в аппарате правительства. В первых рядах идет интеллигенция разных направлений. Это делается как по идейным соображениям, так и из оппортунизма». Все вместе поляки были озабочены главным — обустройством на новых и прежних местах, получением работы, что было крайне сложной проблемой для каждого поляка в отдельности и страны в целом. Национальное достояние государства, перед войной аграрно-индустриального, заметно отстававшего по темпам и показателям экономического развития, уменьшилось на 38%. Сохранность основных фондов в промышленности и на транспорте составляла 50%, в жилищном секторе 30%, в сельском хозяйстве 35%⁵.

Весной 1945 г. Польша находилась на грани голода. Власть во главе с ППР приняла меры: для изъятия продовольствия направлялись в деревню заготовительные рабочие

трела 12 167 дел. На 10 мая 1948 г. передали польским властям 6444 поляка и приняли положительное решение еще о 5200 и 728. По данным на 15 апреля 1949 г. в Польшу возвратились 13 561 ее гражданин, и работа комиссии закончена. На 1 июля 1950 г. в лагерях оставалось 463 военнопленных и 375 интернированных, вопрос о репатриации которых предстояло рассмотреть. Возвращение в Польшу этого контингента завершилось в основном в 1957–1958 гг. (АП РФ. Ф. 0122. Оп. 31. П. 232. Д. 6. Л. 116–117; ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 22; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. 1949–1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 388–389; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 382–383; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М.; Новосибирск, 2001. С. 51, 99–100, 222–223, 275–276, 296, 331–334, 365–373).

бригады, промышленным предприятиям было разрешено продавать часть продукции на свободном рынке. Эти и другие меры несколько смягчали, но не могли заметно улучшить положение, ибо «правительство могло делить и распределять не благополучие, а нужду», что вызывало рост недовольства. Полуголодное и голодное существование, отсутствие жилья, низкая оплата труда, невыполнение договоров на предприятиях и обещаний улучшить материальную ситуацию в городе, которые давало Временное правительство, были причинами забастовок. Самые крупные из них отмечались в Лодзинском воеводстве в августе и сентябре 1945 г. С мая 1945 г. над страной «навис призрак хаоса и анархии». Возникла угроза превращения забастовок в политические протесты, а хаоса в хозяйственный коллапс. Важную роль в том, что этого не произошло, играли помощь по линии ЮНРРА*, экстренные и плановые поставки сырья и продовольствия из СССР, товаров из советской доли репараций с Германии. Доля СССР в торговле с Польшей в 1945 г. составляла 90,6% импорта и 92,8% экспорта⁶.

Такова была послевоенная демографическая и экономическая ситуация, когда Временное правительство национального единства приступило к работе. Требовалось продолжить решение общенациональных задач. Между тем состав правительственной коалиции пополнили политики либерально-демократического, по определению коммунистов — мелкобуржуазного, крыла «лондонского» лагеря, сторонники парламентской демократии и традиционной ориентации на Запад. Их представления о будущем Польши не совпадали с тем, что объединяло левую или, по терминологии тех лет, революционно-демократическую коалицию. У партнеров по кабинету были теперь как общие задачи (не допустить возвращения к управлению правые силы, ответственные за катастрофу в сентябре 1939 г., и довоенную политическую элиту, которая в годы войны не обеспечила реализацию концепции «лондонского» правительства), так и несовместимые текущие и долгосрочные политические ориентиры. Это означало неизбежность внутривнутриполитической борьбы за преобладание в коалиции и в стране.

Состоявшееся расширение правящей коалиции, участие во власти представителей СЛ-РОХ, а также некоторых деятелей ППС-ВРН и СП соответствовало национально-государственным интересам страны, было позитивным разрешением ситуации для сотен тысяч людей, которые занимали позицию выжидания. Для польских коммунистов и Москвы одной из целей допуска С. Миколайчика и его сторонников к власти в Польше был вывод из подполья тысяч патриотов и демократов. Им предлагалось принять новую жизненную ситуацию без обязательства расстаться с национально-политическими ценностями, символами которых в массовом сознании оставались АК, «подпольное государство», борьба за независимость от СССР. Правительство, удовлетворив стремление населения видеть у государственного руля тех политиков, позиции которых соответствовали их пониманию государственных интересов, получало массовую поддержку. Такой компромисс с большинством общества был необходим, прежде всего, для стабилизации внутренней обстановки. Но ближайшее развитие событий показало, что вместо консолидации вокруг правительства развивался процесс противостояния коммунистам сил, объединявшихся вокруг фигуры Миколайчика.

* ЮНРРА — Администрация помощи Объединенных наций; создана в 1943 г. в Вашингтоне представителями 14 стран для оказания помощи странам, пострадавшим в войне. Упразднена в 1947 г.

На упоминавшихся переговорах в конце июня 1945 г. в Москве представителей ППР, ППС и СЛ-РОХ были согласованы принципы сотрудничества рабочих партий с крестьянским СЛ-РОХ. Признавались свобода деятельности за всеми партиями коалиции, принцип соглашения при принятии решений, проведение выборов в сейм, дружественные отношения со всеми демократическими государствами, особенно с СССР, Англией, Францией и США. СЛ-РОХ было обещано не только треть мест в правительстве, органах власти и администрации, но и право возглавить Государственный сельскохозяйственный банк, Центральную кассу сельскохозяйственной кооперации, пост вице-председателя в Национальном банке, а также ответственные посты в ряде других учреждений. В случае реализации этих договоренностей должно было состояться, во многом за счет доли СЛ, расширение участия СЛ-РОХ во всей вертикали управления и сформироваться благоприятная исходная позиция в борьбе за власть новых участников коалиции. Для этого существовали серьезные предпосылки.

Возвращение С. Миколайчика в Варшаву из Москвы и затем поездка по стране сопровождались толпами встречавших его людей, многочисленными митингами, проявлениями массового восторга, слезами радости и надежды. Эти поляки, в том числе националисты, сторонники правых взглядов*, воспринимали Миколайчика как лидера, который обеспечит независимость от СССР, добьется «устранения навязанной власти», вывода Красной Армии и войск НКВД, остановит репрессии,отрегулирует без «национального ущерба» (восточная граница) отношения с СССР. С этой фигурой во власти они связывали поддержку западных держав при возвращении к «польской Польше», восстановлении «преемственности в политической жизни, такой, какой она была до переворота Пилсудского». Но, как справедливо заметил А. Пачковский, «массовые приветствия Миколайчика не свидетельствовали, однако, о популярности программы крестьянской партии среди жителей столицы» и, добавим, городских слоев страны, в отличие от укорененных в крестьянской среде идейных постулатов и традиций людовского движения. Причем, наблюдатели отмечали, что толпа, например в Познани, «была более правой» чем сам Миколайчик⁷. Это закладывало противоречия и расколы среди его столь разных сторонников.

Хотя настроения многих поляков летом 1945 г. давали уверенность лидеру и руководству СЛ-РОХ в массовой поддержке в нужный момент, опытный политик вряд ли не понимал, что проявленное единодушие может оказаться недолгим. Отсюда настойчивые требования С. Миколайчика ускорить проведение выборов в сейм и особая ставка на создание необходимого инструмента в борьбе за власть. Имелись в виду консолидация людовского движения через «поглощение» СЛ и создание крупной партии, объединяющей разные социальные группы с общим интересом — противостоять политике коммунистов, отобрать власть у ППР и ППС.

* 12 июля 1945 г. на совместном заседании ЦК ППР и ЦИК ППСВ. Гомулка так охарактеризовал этих людей: «Все, кто до сих пор боролись с Временным правительством, решили присвоить имя г. Миколайчика в качестве знамени борьбы с демократией. ... Элементы эмиграции, которые стреляли в нас во время оккупации и питают движение бандитов, открыто группируются вокруг Миколайчика. ... Реакционные элементы будут пытаться начать борьбу... за реставрацию старых порядков» (Polska Partia Robotnicza. Dokumenty programowe. 1942–1948. Warszawa, 1982. S. 313).

В том, что удастся повести за собой основную часть членов левого СЛ, лидеры СЛ-РОХ не обманывались. Летом 1945 г. СЛ имело 200–250 тыс. членов и организации по всей стране. В «низах» и среднем звене партии усиливалось влияние тех, кто еще недавно находился в «лондонском» лагере. В ее руководстве заседали как людовцы, близкие ППР (В. Ковальский, А. Кожицкий), так и те «центристы» (С. Баньчик, Б. Сциборек), которые склонялись к соглашению с Миколайчиком. На митингах, особенно в Краковском, Келецком, Жешовском, Люблинском воеводствах, звучали откровенно антикоммунистические, антисоветские и антисемитские призывы («Требуем от правительства защиты границ 1939 г. на Востоке»; «Требуем изгнания из Польши всех евреев»; «Правительство не может обеспечить интересов народа. Почему оно позволяет русским все вывозить из Польши?»; «К выборам нужно добиться вывода Красной Армии»). Раздавалось и типичное требование людовцев: «В правительстве должны быть только людовцы, поскольку нас 75%, и мы — главная сила страны». Миколайчик поддерживал эти настроения. В конце июня он говорил о необходимости «очистить» движение от сторонников ППР: «Должно быть одно СЛ. Тот, кто является пепезровцем, должен уйти в ППР, в партии останутся только людовцы». К приезду Миколайчика большинство организаций СЛ уже контролировалось его сторонниками. Преобладали требования смены руководства в стране в целом⁸.

В начале июля 1945 г. на базе Исполкома 1939 г. и подпольного Центрального руководства было учреждено временное высшее руководство людовцев во главе с патриархом движения В. Витосом и С. Миколайчиком как вице-председателем и лидером будущей единой крестьянской партии. Тогда же были выработаны директивы, фиксирующие политические цели и программу действий. Речь шла о проведении в ближайшее время выборов, продиктованных «национальной и государственной необходимостью»; говорилось о внешней политике, где союз с СССР признавался необходимым, но равноценным союзам с Великобританией и Францией, при «углублении нашей старой дружбы с США». Ряд пунктов настолько противоречил правительственному курсу, позициям ППР и интересам СССР, что их авторы так и не решились опубликовать документ. Излагались намерения изменить границы с СССР, вернуть Польше Львов и нефтеносные районы Дрогобыча, удалить советские войска и части НКВД; сделать все для освобождения из заключения участников борьбы против коммунистов и СССР; возвратить эмигрантов и тех поляков, кто находился в СССР; принять с Запада «сплоченными рядами польскую армию, ее офицерские кадры и тех, кто боролся в подполье, усилить ими командный состав Войска Польского», «стремиться удалить из него лишнее число советских граждан»⁹.

Ситуация, сложившаяся после прибытия Миколайчика, обсуждалась 11–12 июля 1945 г. на пленуме ЦК ППР. Выступавший с докладом В. Гомулка подтвердил свое положительное отношение к расширению правящей коалиции, высказанное на пленумах в феврале (все демократические партии могут занимать ответственные должности; Польша не может строиться на старых основах, она должна быть демократической, все остальное — предмет дискуссий, и ППР к ним готова) и в мае 1945 г. (ППР боролась и будет бороться за демократическую Польшу; кто не против нас, тот с нами). Но он высказал опасения, что людовцы во главе с Миколайчиком могут стать «троянским конем», объединив все антикоммунистические силы. Задача партии — не допустить этого и вести курс на раскол ПСЛ. Опасность изоляции коммунистов обозначилась в

связи с расширением «поля разногласий» между ППР и колебавшейся вправо ППС. Тем не менее, на совместном заседании руководителям удалось договориться об общих действиях по текущим политическим вопросам. Таким вопросом было отношение к Миколайчику и его сторонникам, которые ориентировались на приход к власти в стране¹⁰.

Выдвинутые людовцами задачи соответствовали распространенным настроениям, но не соотносились с возможностями, внутренними и международными. Однако атмосфера в стране и верность «старым» вождям местных организаций СЛ позволили 22 августа 1945 г. объявить о создании новой партии — Польское стронництво людвое (ПСЛ). Организационное оформление оппозиции коммунистам состоялось. КРН, согласившись на легализацию ПСЛ, разрешив осенью 1945 г. восстановление Стронництва працы (СП), приняла единственно возможные решения. Национальным демократам (СН) в открытой деятельности было отказано, так как Манифест ПКНО исключал легализацию националистических, по определению тех лет — реакционных, сил*.

В течение неполных двух месяцев создателям ПСЛ удалось многое. Курс на объединение людовского движения обернулся фактическим исчезновением СЛ. Десятки тысяч его членов, порой целые организации и около половины высшего руководства покинули его ряды. Отмечались выходы крестьян и из организаций ППР в деревне. Существенными были потери представителей СЛ в рядах народных и администрации на местах. Осенью 1945 г. партия сохранялась на уровне руководящего актива. ПСЛ, напротив, успешно создавало партийную сеть по стране, широко открыв двери всем людовцам, за исключением группы левых деятелей СЛ. Переход из СЛ в ПСЛ происходил в силу традиционных связей и представлений людовцев, определившихся в межвоенное время, под влиянием имен В. Витоса, С. Миколайчика, В. Керника, Ю. Нечки, К. Банаха и стремления получить для представителей деревни приоритетные позиции в органах власти. На выбор членского билета воздействовал «нажим» лидеров ПСЛ на нормы христианской морали, «защиту» религии и свободы вероисповедания, хотя гонений на католическую церковь тогда не было. К зиме 1945 г. организации ПСЛ действовали по всей стране, численность ее превышала 200 тыс. человек, шло «освоение» властных структур на местах**. Массовым было вступление в ряды партии жителей города, особенно интеллигенции. Руководство одобряло превращение ПСЛ в общенациональную организацию, представлявшую интересы разных социальных слоев, поскольку понимало, что приход к власти крестьянской партии невозможен без поддержки города. Различные городские слои выполняли в ПСЛ функции партийного актива¹¹.

* СН, как и Народове силы збройне (НСЗ), продолжало подпольную деятельность, призывало поляков к вооруженной борьбе с коммунистами. В одной из листовок, выпущенных летом 1945 г., говорилось: «Убивайте большевиков везде, в городе и деревне. Любой способ убийства большевиков будет правильным, у нашего народа только один враг — большевики» (НКВД и польское подполье. (По „Особым папкам“ И.В. Сталина). М., 1994. С. 212).

** К середине 1946 г. ПСЛ имело здесь 30–40%, а в некоторых воеводствах до 60–70% мест (Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993. С. 163).

На рубеже 1945–1946 гг. в ПСЛ состояло уже 540 тыс. человек. В середине 1946 г. партия достигла апогея — 800 тыс. членов и стала лидером не столько крестьянского движения, сколько выразителем протестных, прежде всего антисоветских и антикоммунистических настроений самых разных групп населения. Ее считали «своей» средние и мелкие собственники, городская и сельская интеллигенция, часть рабочих, репатрианты из СССР, ратовавшие за возврат к восточным границам и порядкам II Республики. Ее поддерживали представители бывших правящих кругов, «рассыпанные» по всем слоям общества национальные демократы и пилсудчики, идеи и территориальные завоевания которых сохранили былую привлекательность¹².

Несомненным союзником Миколайчика в борьбе против ППР была Польская римско-католическая церковь во главе с примасом Польши кардиналом А. Хлондом. Вместе с епископатом и подавляющим большинством духовенства кардинал ориентировался на правительство в эмиграции, с которым поддерживались контакты. Было понятно, что церковь окажет поддержку тем силам, которые обеспечат удаление коммунистов из правительства и трансформацию власти легитимным путем. Быстрое оформление летом 1945 г. ПСЛ и широкая общественная поддержка оппозиции во главе с Миколайчиком определили политическую ставку епископата на приход этой партии к власти после выборов в сейм. Здесь цели С. Миколайчика, лидера антиклерикальной крестьянской партии, и церкви совпадали. Руководство ППР расценивало позицию клира как «фактор, очень серьезно усиливающий оппозицию»¹³. Таким образом, весьма значительные и в высшей степени разнородные слои населения «откликнулись» на оппозиционность ПСЛ, убежденные в способности Миколайчика противостоять политическому контролю СССР и властной гегемонии ППР, политику которой сознательно поддерживала незначительная часть общества.

Летом 1945 г. реакция достаточно многочисленного вооруженного подполья на создание правительства национального единства и приезд Миколайчика в страну была различной. По информации Селивановского, направленной Берии в начале июля 1945 г., лидеры «центральных подпольных организаций ищут пути легализации для продолжения борьбы против польской демократии в новых условиях», что вскоре и сделала РЕН. Средние звенья подполья дезорганизованы и «стараятся удержать людей в своих организациях». Советник подтверждал это конкретными примерами расстрелов аковцев за намерение «покинуть ряды». И, наконец, «нарастает стремление рядовых участников подполья прекратить борьбу». Вскоре это показал выход из подполья тысяч людей по амнистии. Что касается отношения подполья к действиям Миколайчика, которые печать АК называла «диверсионным маневром», то с появлением в правительстве бывшего премьер-министра, считал Селивановский, «...реакционные круги утратили основания для своих прежних лозунгов. Единственный аргумент, который в последнее время используется в устной и печатной пропаганде, — это требование ухода из Польши советских войск и НКВД. Кроме того, подпольная пропаганда вынуждена теперь выступать против тех, чьи имена (имелся в виду Миколайчик. — А.Н.) недавно были символами». Сохранившиеся командные кадры вооруженного подполья ориентировались «на дальнейшую борьбу с правительством национального единства»¹⁴. Но осуждение Миколайчика пропагандой АК довольно быстро сменилось политической поддержкой со стороны сначала части, а затем почти всего, уже качественно иного (после легализации людовцев и социалистов и амнистирования многих рядовых аковцев) военно-политического подполья.

Приход С. Миколайчика в правительство, возникновение ПСЛ и «разгрузка» подполья убеждали командование Делегатуры сил збройных в необходимости прекратить вооруженную борьбу и перейти к легальной политической деятельности, сохраняя в подполье командные кадры АК. В сентябре 1945 г. на кадровой базе АК была создана новая законспирированная военно-политическая организация — Объединение «Вольность и Независимость» (ВиН) под командованием полковника Я. Жепецкого, человека либерально-демократических взглядов. Стратегической целью ВиН, заявившей об отказе признавать правительство в эмиграции, было свержение власти, возглавляемой ППР, и установление в Польше норм западной демократии. ВиН выдала кредит доверия Миколайчику, зачисляла ПСЛ во «фронт борющейся Польши» и рекомендовала вступать в ПСЛ. Организация ориентировалась на выполнение текущих пропагандистских, разведывательных и контрразведывательных задач. Как считал Жепецкий, политическая оппозиция не нуждалась в поддержке вооруженными выступлениями и террористическими актами. Ей было необходимо информационно-агитационное содействие. Применение оружия допускалось для самообороны или освобождения арестованных. Такая тактика не была принята теми «непримиримыми» и «несгибаемыми», которые не воспользовались амнистией. Вооруженные действия отрядов АК, а также крайне правых НСЗ не прекратились*. На рубеже 1945–1946 гг. они определяли политический облик и боевые возможности подполья. На 1 мая 1946 г. польской госбезопасностью было учтено 100 «действующих банд общей численностью 13 900 чел.». Из них 49 «банд» (7600 человек) отнесены к АК-ВиН, 44 (6200 человек) к НСЗ и другим вооруженным отрядам, близким им политически. За январь–апрель 1946 г. ими было убито советских и польских военнослужащих, членов ППР и гражданского населения — 836 человек, ранено 286 человек¹⁵. В конце 1945 г. отмечалось проявление в действиях вооруженных отрядов уголовно наказуемых деяний — обыкновенного грабежа и убийств мирного населения**.

* Осенью 1945 г. польские спецслужбы считали ВиН и НСЗ наиболее опасными для власти. В течение сентября и октября 1945 г. была внедрена агентура и установлено наблюдение за ВиН; в начале ноября часть ее командования, включая Я. Жепецкого, А. Санойцу, Я. Шурека, будущего профессора истории, президента Польской Академии наук А. Гейштора и др., была арестована. Второе командование (Ф. Непокульчицкий) ориентировалось на вооруженную борьбу с властью. В феврале–марте 1946 г. были арестованы 3203 члена ВиН и сотни участников НСЗ. В результате работы агентуры и постоянных арестов, а также добровольного разрыва с подпольем и амнистирования, ряды ВиН, которые в начале насчитывали 25–30 тыс., сократились в конце 1947 г. до нескольких сот чел. Организация просуществовала до 1951 г., но ее сменявшееся командование находилось под контролем спецслужб (см. подробнее: Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М.; Новосибирск, 2001. С. 301–324; *Friszke A. Polska. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 131, 135.*)

** Так, в докладе из Варшавы в Москву о деятельности отрядов АК, НСЗ и УПА с 10 по 30 ноября 1945 г. указывалось 423 «серьезных бандитских нападения» в Люблинском, Белостокском, Варшавском, Келецком и Познаньском воеводствах. Из них: на советских и польских военнослужащих, членов ППР и ее актив, на органы безопасности и милиции — 144, на местное население — 224 и государственное имущество — 62. Убито 156 человек, из них

Лидеры ПСЛ отрешивались от контактов с подпольем и конкретно с ВиН, по словам А. Пачковского, «союзником невыгодным и не желаемым». Но некоторые организации и активисты ПСЛ были близки к людям из «леса», являлись сторонниками не только политической, но и вооруженной борьбы с ППР. Руководители военно-политического подполья понимали: «ПСЛ безразлично, кто мы... главное, чтобы нас было много». В сентябре 1945 г. советник Селивановский, анализируя ситуацию, указывал некую закономерность: «Одновременно с нарастающей массовой агитационной деятельностью [П]СЛ имеют место боевые действия подполья и подготовка к ним». Такой союзник ставил руководство и организации ПСЛ под удар госбезопасности, давал основания печати ППР утверждать: «ПСЛ, вопреки всяким заверениям, вопреки даже воле некоторых деятелей, становится пристанищем, легальным центром объединенного лагеря реакции* в Польше»¹⁶.

По идейно-политической ориентации сторонников, по социальному составу ПСЛ утратило крестьянскую, людовскую «чистоту» рядов, которая была свойственна этому демократическому движению с момента его зарождения. В политике руководства интересы крестьянства, отраженные в идеологических постулатах движения, логикой политического процесса смещались на периферию. Теперь гетерогенная, «сборная» партия создавалась для решения конкретной задачи — объединенными усилиями всех противников ППР принудить коммунистов уступить власть. Сформулировав цель, ПСЛ приоткрылось к завоеванию парламента в ситуации, когда намерения партии соответствовали массовым настроениям. Поскольку партия занимала в структурах управления страной позиции, недостаточные для реального противостояния ППР с помощью властного ресурса, ее руководство полагалось на массовое доверие к Миколайчику и совпадение промежуточной цели (выиграть выборы в сейм) для многих групп его сторонников, имевших различные стратегические интересы. Кроме того в ПСЛ рассчитывали, что «польский вопрос, как и в предыдущие два года, будет омрачать отношения СССР, Великобритании и США», и западные державы продолжат требовать от Сталина, заинтересованного в спокойствии в Варшаве, скорейшего проведения выборов в Польше. Такое спокойствие, как убеждал 3 сентября 1946 г. Керник Молотова, может «предложить» и обеспечить лишь ПСЛ, получив большинство на выборах и став властью¹⁷.

Такова была политическая логика лидеров партии, но реальная ситуация оказывалась сложнее. В ПСЛ не принимали в расчет опыт свободных выборов в Венгрии осенью 1945 г., где победа оппозиции обернулась ее поражением, и стало ясно, что в странах советской сферы влияния успех был возможен только с согласия Москвы. От руководства ПСЛ требовались гибкие политические действия, которые не противоречили бы социально-экономическим преобразованиям, проводившимся под руководством коммунистов, и не задевали интересы СССР. Однако ПСЛ избирало курс на конфронтацию с коммунистами, а значит и с советской стороной.

61 — местный житель. Отмечался резкий рост «бандитских нападений [279] с целью грабежа... особенно местного населения» (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД о польском подполье. 1944–1945 гг. М.: Новосибирск, 2001. С. 276–282).

* Толкование коммунистами и применение этого политического понятия было весьма широким. Так именовали тех, кто был против участия ППР во власти, приоритетного союза с СССР и советского присутствия в Польше.

Непримиримую позицию заняло ПСЛ в отношении Манифеста ПКНО, отмены Конституции 1935 г., нарушения гражданских демократических свобод, гарантированных Конституцией 1921 г., судеб участников недавнего антигитлеровского сопротивления, продолживших подпольную борьбу с новой властью. Руководство ПСЛ немедленно противопоставило себя ППР по крайне болезненной для большинства населения проблеме — зависимости Польши от СССР. Искомый результат в борьбе с рабочими партиями могла дать предметная критика советско-польских отношений, фактов ограничения Москвой суверенитета страны. Раздавались требования возвратить Польше Львов и Вильно, критиковались как непаритетные экономические отношения с СССР. Декларируя принцип добрососедских отношений, ПСЛ протестовало против политического контроля Москвы, выражавшегося в нахождении 300-тысячной группировки советских войск (СГВ)*, против советских офицеров в штате Войска Польского, против внутренних войск НКВД и советников НКВД-МГБ СССР в польской госбезопасности. Эти «против» собирали одобряющие многочисленные голоса тех, кто был убежден, что Миколайчик добьется независимости от СССР, вырвет Польшу из сферы советского влияния и тем самым решит, как тогда казалось, все или почти все внутренние проблемы.

Разоблачительная риторика позиционировала ПСЛ в глазах ППР и Москвы как антисоветскую силу, дезавуировала звучавшее одновременно осуждение антисоветских настроений. Заверения лидеров ПСЛ в их лояльности к СССР и отсутствии связей с подпольем не принимали на веру ни сторонники этой партии, ни ППР, ни советское руководство. Для Сталина «подлинным» оставался Миколайчик военного времени, отвергнувший советские условия урегулирования отношений двух стран.

В обстановке организационного укрепления ПСЛ, под воздействием подпольной пропаганды и инструкций «лондонского» правительства в обществе формировалась оценка итогов войны как поражения страны и народа**. Вступление в Польшу Красной Армии, присутствие СГВ, действия войск НКВД воспринимались поляками нередко как свидетельства советской оккупации***. Ялта, Май 1945 г., Потсдам многим виделись

* СГВ имела узел ВЧ-связи с Москвой и Берлином в г. Легнице, военно-морскую базу на Балтике, эксплуатировала железные дороги, порты и т. д. Она использовала для военно-оперативных и хозяйственных нужд постройки, земли, включая пашни и луга.

** Такой интерпретацией итогов войны для Польши и поляков элита военного времени камуфлировала действительное поражение собственного политического курса. Ответ на нередко присутствующий в современной науке вопрос, победа или проигрыш, очевиден — победа, ибо советские и польские солдаты спасли нацию от физического уничтожения. В январе 1960 г. ответил на этот вопрос и кардинал С. Вышиньский в беседе с В. Гомулкой: «Немцы во время войны думали так: войну мы выиграем, остальное сделают крематории, ведь нам не нужны поляки, нужна только их земля... они бы это сделали, если бы мы проиграли войну...» (Władysław Gomułka i jego epoka. Warszawa, 2005. S. 284).

*** Тезис о грядущей «советской оккупации» родился еще в годы войны в кругах эмиграции в Лондоне, поддерживался структурами «подпольного государства» и, что важно, польской интеллигенцией, включая ее творческие слои. Крупная писательница М. Домбровская 22 января 1945 г. записала в дневнике: «Подумать только, сегодня утром здесь

символами поражения Польши и предательства польскими коммунистами ее интересов: установление границы по «линии Керзона» перечеркивало военную и моральную победу 1920 г. над Советской Россией. Потеря Львова и Вильно, этих опорных польских городов в восточных кресах II Республики, считалась крушением ягеллонской национальной идеи державной Польши, призванной в новых условиях исполнять роль барьера, отделять и защищать цивилизованную Европу от натиска большевизма. Москва и только она, а вовсе не бескомпромиссная и недальновидная политика правительства в эмиграции, назначалась виновницей всего происшедшего.

Такие оценки и требования получали широкую, хотя и не всеобщую, общественную поддержку. Они не прибавляли доверия правительству и ППР, за которыми стоял СССР. На восточном соседе и польских коммунистах фокусировались недовольство, порой негодование. Звучали обвинения ППР в насаждении советских порядков и «коммунизации» Польши. Антисоветские настроения приводили многих поляков в ПСЛ. Резкой критике подвергалась репрессивная деятельность польской госбезопасности, которую полностью контролировали коммунисты. В этой критике сопрягались антикоммунизм, антисоветизм и политически выгодные антисемитские «подтексты». Одним из активных «аргументов» служило якобы засилье приехавших из СССР евреев во власти и прежде всего в польских спецслужбах.

Десятки тысяч евреев осенью 1939 г. спасались от гитлеровцев в СССР, где получали жилье и работу, призывались в Красную Армию, сражались на фронте, участвовали в создании Союза польских патриотов и дивизии им. Т. Костюшко. Некоторые евреи — члены КПП принимались в ВКП(б), становились заметными фигурами в польской диаспоре, служили и воевали в Войске Польском (в 1945 г. 16 тыс. человек). После освобождения эти граждане довоенной Польши, немногочисленная часть которых была коммунистами, стали возвращаться в страну. В польской среде их возвращение связывали с возможными претензиями на довоенное, конфискованное немцами, еврейское имущество, находившееся уже во владении поляков или польского государства. Вызванный социально-бытовыми причинами, послевоенной нищетой и разрухой, последовал подъем антисемитских настроений, в конкретной ситуации нередко приобретающих идеологическую мотивацию и политическую направленность против власти. Вместе с коммунистами-поляками некоторые из евреев пополняли ряды ППР, вливались в структуры власти и управления. Их доля в общей численности ППР и госслужащих была небольшой. В конце 1946 г. еврейская «фракция» в ППР насчитывала 4000 человек из полумиллионной партии, в 1947 г. 7 тысяч — из почти 850 тыс. членов ППР. Подавляющее большинство польских евреев, числен-

были немцы, а вечером мы уже под советской оккупацией. Советские войска все идут вперед... мрачные, невежливые, в них нет никакого духа освободителей» (*Dąbrowska M. Dzienniki powojenne*. Т. 1. 1945–1949. Warszawa, 1997. S. 45). Дадим слово маршалу Жукову. 29 января 1945 г. он докладывал Сталину: за 17 дней наступления войска прошли более 400 км, очистили от гитлеровцев всю западную часть Польши, ее население «повсеместно и с восторженной радостью встречало части Красной Армии» (Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 449. Л. 10). Тезис о приходе в 1944–1945 гг. «советских оккупантов» присутствует в современной польской науке и нередко используется в политических целях.

ность которых в середине 1946 г. не превышала 250 тыс.*, были рядовыми гражданами Польши и вместе с поляками восстанавливали страну. Но их присутствие на публичных и руководящих должностях, в высших структурах госаппарата и особенно в госбезопасности вызывало отрицательную реакцию поляков: евреи считались носителями советской угрозы. В первые послевоенные годы антисемитские проявления нередко становились массовыми. «Грабежи и издевательства над еврейским населением, — писал 17 августа 1945 г. Селивановский Берии, — со стороны банд АК и НСЗ — постоянное явление в Польше. Убийства евреев не прекращаются... По далеко неполным данным, с 1 января и по 15 сентября 1945 г. на территории Польши бандами убит 291 человек еврейской национальности». В 1945–1946 гг. в стране произошел ряд еврейских погромов, из них крупные в Кракове и Кельцах**.

Антисемитские проявления публично осуждались легальными политическими партиями и демократическими силами, а также польской интеллигенцией, ее творческими кругами. Вместе с тем имели место попытки использовать происходившие в стране трагедии для политической выгоды***. Как полагает известный историк из США Я. Гросс, антисемитские настроения, погромы и избиения евреев в Польше были тогда «обычным делом и для обычных людей и для представителей власти». Они составляли

* Для десятков тысяч евреев, граждан довоенной Польши, возвращавшихся из СССР, Польша служила транзитом для переезда на Запад или в Израиль.

** В Кракове 11 августа 1945 г. в погроме участвовала «тысячная толпа народа», в том числе милиционеры и солдаты Войска Польского, которые «задерживали евреев, грабили и избивали их». После погрома, остановленного польскими внутренними войсками, были арестованы участники: 40 милиционеров, 6 военнослужащих и 99 гражданских лиц. В Кельцах во время погрома 4 июля 1946 г. было убито 42 еврея, многие ранены и ограблены. После погрома «евреи были настолько напуганы, что почти все выехали» — сообщал в Москву Селивановский. За вторую половину 1945 и 1946 гг. страну покинули около 120 тыс. евреев — граждан Польши (Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. М., 1999. С. 229–231, 318, 345; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 267–270; Teczka specjalna J.W. Stalina. Raporty z Polski. 1944–1946. Warszawa, 1998. S. 362–364, 378–379; Wyszczególnienie, wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem Polski. Polacy. Żydzi. Niemcy. Ukraińcy. Warszawa, 2008. S. 145.)

*** Рабочие партии и близкая им печать считали погромы делом рук «фашистской реакции и подполья», указывали на НСЗ, вспоминали «агентов Андерса», предъявляли претензии оппозиции и церкви. Оппозиционная печать, осуждая погромы, называла их «коммунистической манипуляцией» с целью «скомпрометировать польский народ перед международной общественностью». Польский епископат, руководствуясь христианскими нормами, осуждал убийства людей, но ответственность за состояние польско-еврейских отношений возлагал то на коммунистов-евреев, которые, по словам примаса Польши А. Хлонда, «занимают руководящие посты в государстве, стремятся навязать такой строй, которого огромное большинство народа не хочет», то на тех «безумцев», которые постоянно «сидят в лесах». «Им кажется, — говорил кардинал, — ... что, нападая на евреев, они атакуют правительство. Я осуждаю их деятельность и как католик и как поляк» (Wokół pogromu Kieleckiego. Т. I. Warszawa, 2006. S. 22, 101, 103 и др.; Т. II. Warszawa, 2008. S. 152–161; Gross J.T. Strach. Antysemityzm tuż po wojnie. Historia totalnej zapaści. Kraków, 2008. S. 166, 134 и др.).

существенный элемент общественно-политического климата. Поляки, участники погромов, вместе с неприязнью к евреям, выражали антиправительственные, прежде всего антикоммунистические настроения¹⁸.

Такова была крайне сложная атмосфера в стране во второй половине 1945 г., когда ПСЛ вступило в борьбу за власть и давало свои ответы на те острые вопросы, которые вставали перед многими поляками. Будучи членом правительственной коалиции, ПСЛ предлагало решения, по сути дела, созвучные преобладавшим общественным предпочтениям. Его руководство не могло без негативных политических последствий пойти на отрицание социально-экономических преобразований, которые начали ПКНО и Временное правительство, ибо значительная часть общества уже получала от этих преобразований свою долю выгоды. ПСЛ, усматривая в политике ППР тенденцию к установлению тотального контроля государства-собственника в производственной сфере, требовало корректировки двух главных реформ: аграрной и промышленно-торговой сферы. Людовцы считали частную инициативу «высшей формой хозяйствования», а кооперативную собственность — важнейшим элементом обобществленного производства. Они оставляли за государством право собственности на крупное производство, энергетику, транспорт, связь, добычу полезных ископаемых, заводы оборонного назначения, но выступали против далеко идущей этатизации экономики, тенденцию чего усматривали в деятельности ППР¹⁹.

Между тем ППР в ту пору позиционировала себя сторонницей умеренной этатизации, которая после войны имела место в ряде промышленно развитых стран Европы*. Выступая за разнообразие форм собственности, за сохранение многоукладной экономики, партия имела в виду особую роль государства в предстоявшей индустриализации страны. ППР подчеркивала приоритет собственности государственной, настаивала на передаче государству не только крупных (по польским масштабам), но и части средних предприятий, важных с точки зрения интересов государства. Таким образом, коммунисты, как и людовцы, видели государство владельцем ключевых отраслей экономики, но каждый из них претендовал на распоряжение значительной долей произведенного национального продукта.

Существенными были разногласия ППР и ПСЛ по модели аграрного сектора. ППР выступала за создание государственного земельного фонда и наделение землей как можно большего числа нуждающихся жителей деревни. При недостатке земельного фонда на «старых» польских землях это влекло за собой увеличение численности малоземельного крестьянства, в котором партия видела свою социальную базу. Правда, с обретением бывших немецких земель размер предоставляемых наделов был увеличен и земельный голод на «старых» землях заметно снизился. В позиции ПСЛ был свой социально-политический акцент: предлагалось укрупнение, создание рентабельных крестьянских хозяйств, ликвидация малоземелья и раздел всего государственного фонда. Это означало уход государства из сферы земельных отношений, но оставался

* Показательно, что И.В. Сталин в беседе с В. Гомулкой и министром промышленности Г. Минцем 14 ноября 1945 г., кивая на практику Чехословакии, назвал декрет о национализации крупной промышленности и банков в Польше «необходимым» (Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 301).

открытым вопрос о судьбе безземельной бедноты. Принципиальными были расхождения представлений коммунистов и людовцев о роли кооперации: коммунисты видели в ней прежде всего контрольно-регулирующий инструмент в руках государства, людовцы — независимую от государства форму обобщественного обмена и производства, «смягчающую» недостатки мелкого производства.

Таким образом, экономические модели развития страны, которые предлагали ППР и ПСЛ были различными, но не взаимно исключаящими до тех пор, пока коммунисты признавали многообразие форм собственности. Тем не менее, в каждой из них «просматривалась» та общественно-политическая роль, на выполнение которой претендовали ее носители. Поэтому основой конфронтации и борьбы за сохранение власти (для ППР) и получение власти (для ПСЛ) являлись программы политического устройства и внешнеполитических союзов.

Партия, фактически управлявшая страной, несла главную ответственность за все, что происходило в Польше, прежде всего за ограничение ее суверенитета. Многочисленные противники коммунистов объясняли переориентацию страны на союз с СССР идеологической «единокровностью» ППР с ВКП(б) и Коминтерном, обвиняли коммунистов в копировании советской практики. Вряд ли лидеры ПСЛ не понимали, что объективная причина зависимости от Москвы была в коренном изменении положения Польши и геополитической ситуации на континенте по итогам мировой войны, в разделе Европы на восточную и западную сферы влияния великих держав. Но понимание не препятствовало формированию наступательной тактики в этом направлении.

Противоречия по принципиальным проблемам проявились в ходе партийных форумов: на I съезде ППР в декабре 1945 г. и конгрессе ПСЛ, состоявшемся в январе 1946 г. Съезду коммунистов предшествовал пленум ЦК в октябре 1945 г., когда были обсуждены методы борьбы против ПСЛ. Коммунисты реально оценивали создавшееся положение, констатировали возникновение внутри правительства широкой коалиции и «внутри демократического фронта» — оппозиции в лице ПСЛ. Гомулка назвал главной целью ПСЛ отстранение ППР от власти*, а возможности этой партии определил как «довольно серьезные». Первый секретарь предостерегал партийцев от того, чтобы отождествлять оппозицию с «реакцией», хотя «действия реакции увеличивают силу оппозиции», предлагал не упускать из вида и поддержку оппозиции католической церковью. Он не исключал и вариант блокирования ПСЛ с ППС против ППР и тем разрушения коалиции левых сил и «единого фронта рабочих партий»²⁰.

Оформление ПСЛ, поглощение ею организаций СЛ и наполнение ППС выходившими из подполья членами ППС–ВРН вызвали колебания среди социалистов и осложнения в отношениях двух рабочих партий. На конгрессе ППС, состоявшемся в конце июня 1945 г., руководству удалось сдержать давление «центристов», направленное на дистанцирование от ППР. Лидерами партии остались Ю. Циранкевич и С. Швальбе. Победили левые, но и они высказывались за партнерство и равноправие с ППР. Свидетельством

* В этой связи надо отметить, что существование оппозиции, нетерпимой к правящему партийно-политическому режиму и опирающейся на широкую социальную поддержку, современные исследователи считают одним из характерных свидетельств авторитарности этого режима.

«подвижки» партии к «центру» был состав ее руководства, куда входили представители «центра» (Б. Дробнер, Р. Обрончка, А. Курылович, Э. Осубка-Моравский). В. Гомулка, выступавший на конгрессе, убеждал социалистов в необходимости сохранять сотрудничество рабочих партий, говорил о перспективе их объединения, объяснял заинтересованность Польши в союзных отношениях с СССР. «Конгресс признал необходимость в переходный период революционных методов борьбы с вооруженным подпольем и при реализации коренных социальных реформ», но, подчеркивает польский историк А. Верблян, акцентировал «позднейшую роль ППС, прежде всего в укреплении принципов политической и экономической демократии»²¹.

Ситуация в ППС летом 1945 г., когда решался вопрос о вступлении бывших членов и руководства ВРН в ППС, вызывала немалые опасения коммунистов. Они располагали информацией о том, что «многие активисты ВРН вышли из подполья, формально принадлежат к ППС, но ведут антиправительственную деятельность, оставаясь при этом в нелегальной ВРН, где занимают руководящие посты». Состоявшиеся переговоры между представителями ППС (Э. Осубка-Моравский, С. Швальбе, Г. Свентковский) и представителями ППС-ВРН во главе с З. Жулавским не дали результатов, так как последние выдвигали такие требования, за которыми следовало отстранение сторонников взаимодействия с коммунистами от участия в руководстве партией. Не принимала ППС и позиции коммунистов, которые, по словам Гомулки, чтобы «не отдать „лондонцам“ монополию [руководить] людowцами», сохранили слабое СЛ в политической системе, и тем не допустили единоличного представления группой Миколайчика старейшего демократического движения в стране. ППР не поддержала и предложения социалистов создать третью крестьянскую партию. Правда, вскоре коммунисты добились успеха в принципиально важном вопросе: ППС дала согласие на блокирование с ними при подготовке выборов в сейм²².

Весь «набор» разногласий с социалистами в ППР расценивали как «центристские колебания в ППС, вызванные ростом влияния ВРН внутри партии, и воздействием международной ситуации»: имелись в виду прогрессирующие тогда сложности отношений внутри «большой тройки». Коммунисты усматривали опасность разрушения единства действий рабочих партий и рабоче-крестьянского союза. Это порождало нараставшее недоверие к социалистам*. На пленуме ЦК в октябре 1945 г. Гомулка высказывал опасения, что перехват «центристами» руководства ППС может «создать, по меньшей мере, теоретически, возможность блока ППС — ПСЛ». Правда, основное внимание пленум уделил тактике в отношении ПСЛ. В качестве контрмеры первый секретарь предлагал партиям принуждение ПСЛ к участию в непопулярных акциях правительства, таких, например, как сбор сельскохозяйственных поставок. Ставилась задача организации внутренней фронды в ПСЛ. «Все усилия партии, — по словам Гомулки, — надо направить на разоблачение реакционности ПСЛ, на отрыв от него демократических элементов». Речь шла о тех деятелях ПСЛ, которые полагали, что

* А. Верблян, однако, полагает, что, несмотря на споры и взаимные претензии ППР и ППС, «по принципиальным вопросам: защита власти, оценки ПСЛ, необходимость общих действий — не было разницы» в позициях двух партий. Во всех сферах общественной жизни, кроме армии и госбезопасности, действовал «партийный ключ» согласованного распределения постов и должностей (Werblan A. Władysław Gomułka. Sekretarz Generalny PPR. Warszawa, 1988. S. 292).

конфронтация с коммунистами опасна для судьбы их партии, и склонялись к поиску компромиссных решений. ЦК ППР считал возможным применять против «реакционных элементов» в ПСЛ методы подавления и административного воздействия, с тем чтобы не позволить «реакционным фашистским бандам... исполнять роль службы безопасности для оппозиции»²³. Это решение пленума фактически санкционировало использование органами госбезопасности репрессий против активных деятелей ПСЛ.

Колебания в ППС по вопросу отношений с ПСЛ весьма тревожили Москву, где не упускали из вида главную задачу — выборы в сейм. На встрече 14 ноября 1945 г. Сталин не поддержал предложения Гомулки «отложить всеобщие выборы в Польше еще на год». «Я думаю, — говорил он, — было бы лучше произвести выборы не позже весны 1946 года, так как откладывать дальше выборы будет очень трудно как по внутренним, так и международным соображениям». Но недовольство коммунистов поведением Осубка-Моравского и намерение, «если он не исправится в ближайшее время», заменить его еще до выборов О. Ланге, который «хорошо расположен к коммунистам», Сталин учел и реагировал осторожно: можно «сделать опыт с Ланге, с тем чтобы использовать Ланге для разложения ППС». Ситуацию в ППС вскоре прояснил политический советник посольства СССР в Варшаве В.Г. Яковлев. 24 ноября он встречался с Берутом, по мнению которого «ППС сделала за последнее время резкий крен вправо. Лидеры ППС ищут блока с ПСЛ, но мы... будем держаться твердо и власти не отдадим». Следующий собеседник Яковлева, Осубка-Моравский, высказал претензии к ППР, не допускающей социалистов в госбезопасность и милицию, и намерение лишить министерского поста С. Матушевского, который «хотя и является пепеэсовцем по своим организационным традициям, по духу является сторонником политики ППР». В тот же день состоялась беседа Яковлева с Циранкевичем. Он, писал советник, «нами плохо изучен. Он не словоохотлив, беседу ведет осторожно, обдумывая каждое слово. Производит впечатление вдумчивого, серьезного работника» и считает, что «ПСЛ все ярче и ярче показывает свой характер оппозиционной партии... Циранкевич твердо заявил, что он является сторонником политики наступления, а не уступок ПСЛ». Советник отметил слова Циранкевича: «группу Жулавского... как нечто целое мы в ППС не примем. Путь может быть открыт только для одиночек, исключая Зарембу и ему подобных»²⁴.

Таким образом, накануне I съезда ППР 6–13 декабря 1945 г. в Москве могли сделать вывод, кто в ППС является надежным партнером коммунистов. К этому времени улучшилась ситуация ППР: был остановлен начавшийся весной 1945 г. выход из партии, ее ряды выросли до 235 тыс. членов, из них более 60% составляли промышленные и сельскохозяйственные рабочие, 11% работники умственного труда. Численность крестьян в партии снизилась (летом–осенью 1945 г. отмечался их переход в ПСЛ). Из 1087 делегатов съезда 659 были некогда членами КПП, 372 вступили в партию в годы оккупации²⁵.

Выступавший на съезде с политическим докладом В. Гомулка подчеркнул коалиционнуюность правительства, в котором имеют посты как представители демократии народной (ППР, ППС и левое СЛ), так и либеральной, мелко-буржуазной (прежде всего, ПСЛ). Такой «нажим» на многопартийность власти был рассчитан на успокоение членов рабочих партий, встревоженных бурным приемом поляками Миколайчика летом 1945 г. и стремительным ростом ПСЛ. Прозвучали заверения, адресованные крестьянству: коммунисты являются противниками коллективизации, ибо она не соответствует объективным условиям, национальным традициям и приверженности крестьянства

частному владению землей. На съезде обсуждалась концепция польского пути к социализму, авторство которой закрепилось за В. Гомулкой. Лидер ППР настаивал на возможности постепенного, эволюционного перехода к социализму, без диктатуры пролетариата и гражданской войны, как в СССР. Он был убежден, что Польша пойдет иным, нежели советский, мирным путем, что гарантией демократического развития является единство действий рабочих партий.

Съезд утвердил тактику в отношении ПСЛ, предложенную на пленуме в октябре: вместо прямого подавления развернуть политическое наступление на ПСЛ и социально-экономическими мерами ограничивать базу партии, отрывая трудовое крестьянство и «демократически настроенных людовцев» от лидеров. Иными словами, коммунисты утвердили курс на изоляцию Миколайчика и его ближайшего окружения. Этот курс стал частью генеральной линии ППР на «обеспечение мирного развития в рамках народной демократии» как новой формы власти, переходной к социализму, по терминологии коммунистов, — революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян.

Делегаты заявили о приверженности партии принципам «укрепления независимости и безопасности Польши, устройства жизни народа и возрожденного польского государства на основах народной демократии... обеспечения безопасности ее границ, опираясь на союз с СССР, славянскую солидарность, на дружбу с Англией, Соединенными Штатами и демократическими государствами Запада». На съезде было избрано руководство партии — ЦК и Политбюро ЦК ППР. В состав Политбюро вошли В. Гомулка (генеральный секретарь), Я. Берман, А. Завадский, Р. Замбровский, Г. Минц, С. Радкевич, М. Спыхальский (заместитель министра национальной обороны) и не вошел Б. Берут, формально беспартийный. Новые идеи Гомулки были поддержаны съездом, но большинство в Политбюро осталось за приверженцами советского пути развития, ожидавшими своего часа²⁶.

19–21 января 1946 г. состоялся конгресс ПСЛ. Он утвердил программу, которая представляла собой симбиоз из текущих политических целей борьбы за власть и традиционных представлений людовцев. Подтверждалась доктрина аграризма в ее демократической интерпретации, принятой движением еще в 30-е годы. На ее основе ПСЛ предлагала «третий путь» развития Польши: «ни капитализма, ни большевизма». Основным созидателем национального богатства был назван крестьянин — владелец земли, ведущий рентабельное хозяйство. Центром программы были положения о решающих позициях мелкой частной собственности, которая обеспечивала бы крестьянину доступ к власти, влияние и контроль «за организациями самоуправления и кооперации». Крупная государственная собственность в промышленности воспринималась как неотвратимая неизбежность, но ей отводилась подчиненная роль в экономике страны. Предусматривалось нейтрализовать нежелательные последствия промышленного развития путем рассредоточения заводов и фабрик, что воспрепятствует формированию сплоченного рабочего класса, превращению рабочих в общественную силу, лидера нации, угрожающего «крестьянской власти»²⁷.

Таким образом, Польше, которая обладала свободными рабочими руками, немалыми природными ресурсами, большой территорией в центре континента, широким выходом к морю и значительным промышленным потенциалом, предписывалось стать производителем сырья и продовольствия для Европы. В условиях уже начавшейся в Европе научно-технической революции такая модель не открывала перспектив прогрессивного развития страны. Но суть разногласий с ППР была не здесь.

Альтернативу программе ППР составлял предлагавшийся вариант политической системы. Его сформулировал С. Миколайчик: «...мы стоим за гражданские свободы, за право личности больше, чем за право государства». ПСЛ видела Польшу республикой, организованной на западных принципах парламентской демократии, категорически отвергалась диктатура как форма власти и управления страной, отрицалась руководящая роль рабочего класса и ППР. Признание необходимости «оставаться в тесном союзе с рабочими партиями и другими группами трудящихся» корректировалось принципом «свободный — со свободным, равный — с равным». Тезис коммунистов о расслоении крестьянства и социальных противоречиях в деревне нейтрализовался ссылкой на всеобщую бедность и «равенство в нищете». Таким образом, программа ПСЛ покоилась на нормах либеральной демократии, но была ориентирована на запросы мелкого собственника, прежде всего крестьянина, который «тоже способен определять главное направление национального развития», «призван сыграть роль главного соправителя в государстве», а ПСЛ «быть первой среди равных» политических сил. Людовцы признавали принцип коалиционности власти и основное место в политической системе двух сил — крестьян и рабочих. Но если коммунисты вкладывали в идею рабоче-крестьянского союза приоритетные интересы рабочего класса и руководящую роль своей партии, то людовцы отвергали такую формулу как нарушающую «крестьянско-рабочий союз» и равноправие двух социальных сил, что отражало стремление руководства ПСЛ стать общенациональной, надклассовой организацией, способной противостоять коммунистам и организации общества «на тоталитарных принципах»²⁸.

При формулировании внешнеполитических разделов программы руководство ПСЛ оказывалось в сложном положении. Их общая тональность: место суверенной Польши — в системе союзов западноевропейских государств, но, учитывая геополитическую ситуацию страны, необходим баланс западной и восточной ориентации и нормальные отношения с восточным соседом. Это соответствовало завету патриарха движения В. Витоса: «С Советами надо дружить, целоваться необязательно». Такая постановка проблемы внешнеполитических союзов была в русле сохранявшегося еще взаимодействия великих держав. Но фактическая «двойственность» в определении внешнеполитических интересов Польши была непонятна тем, кто поддержал ПСЛ как противника коммунистов и СССР. Когда во взаимоотношениях «большой тройки» исчезала общая цель (разгром Германии и Японии) и на первый план выходили разнонаправленные интересы, постепенно превращавшиеся в противоречия, такая позиция ПСЛ не могла устроить польских коммунистов и советскую сторону.

Находясь в сфере контроля СССР, было политически невозможным открыто говорить о разрыве с Востоком и переориентации страны на Запад. Поэтому лидер ПСЛ осторожно напоминал об «опыте» либеральной финской элиты (Ю. Паасикиви), которая, уступая Москве, приглушив антисоветские настроения в народе, сохранила власть, «обменяв» внешнеполитический крен в сторону СССР на внутривнутриполитическую свободу*. В Польше дело обстоит по-иному. Географическое и геополитическое

* Москва признавала достаточными для своей безопасности некоторые приобретения финской территории, советскую военную базу, войска на советско-финской границе и внешнеполитический нейтралитет Финляндии. Но эта страна, расположенная на периферии континента, не граничит с Германией и не имела агрессивного в отношении СССР окружения.

положение страны на пути в Германию, где соприкасались Восток и Запад, было для СССР ключевым вопросом собственной безопасности. Подготовка польской элитой во время войны своего общества к антисоветскому сопротивлению, вооруженное подполье, которое заявляло о поддержке ПСЛ, — все это определяло советскую политику жесткого политического контроля над ситуацией в Польше и не оставляло шансов повторить финский вариант отношений с Москвой.

Программа ПСЛ, отчасти перекликаясь с документами рабочих партий и Манифестом ПКНО, принципиально не совпадала со стратегическим замыслом коммунистов, где уже в рамках народно-демократической альтернативы просматривались некоторые элементы советской модели власти. В ПСЛ не скрывали отрицательного отношения к просоветской ориентации компартии: «Из-за соседства с Советским Союзом вы, — говорил один из деятелей ПСЛ, обращаясь к депутатам ППР в КРН, — слишком интенсивно перенимаете его опыт... По нашему мнению, это не тот строй, который соответствует психике польского народа... На нашем меридиане это грозит потерей независимости»²⁹.

ППР, со своей стороны, ужесточала характеристики ПСЛ. Если осенью 1945 г. ПСЛ расценивалась как легальная оппозиция внутри правящей коалиции, то на пленуме ЦК в феврале 1946 г. речь уже шла не об оппозиционности, а о враждебности ПСЛ, о борьбе политически «противоположных сил, представляющих разную идеологию»³⁰. На рубеже 1945–1946 г. и в ППР и в ПСЛ понимали, что избежать конфликта внутри правительственной коалиции и столкновения двух стратегически и тактически несовместимых представлений о дальнейшем развитии Польши вряд ли удастся.

I.2. ПРОБА СИЛ:

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ БЛОК И РЕФЕРЕНДУМ

Разногласия между ПСЛ и ППР нарастали. В начале 1946 г. на заседаниях КРН разгорелась полемика вокруг декрета о национализации промышленности. Депутаты от ППР и (под ее давлением) ППС, поддержанные Общепольским съездом профсоюзов, а также СЛ, настаивали на принятии такого закона, по которому государство становилось крупным собственником в промышленно-финансовом секторе экономики. Депутаты от ПСЛ, опасаясь усиления роли государства, а стало быть, и ППР, отстаивали снижение уровня занятости на предприятиях, подлежащих национализации, предлагая взамен серьезное увеличение объема собственности кооперативной.

Хотя сторонники расширения доли кооперативного сектора производства были среди депутатов от СЛ и ППС, ППР удалось, отчасти уступив, утвердить голосами всех партий, включая ПСЛ, 3 января 1946 г. Закон о национализации. Он носил компромиссный характер: численность предприятий, подлежавших национализации, была снижена (чего требовали депутаты от ПСЛ), вся пищевая промышленность передавалась кооперации, предоставлялись гарантии сохранения частной собственности, не подлежащей национализации, и возвращения владельцам некоторых предприятий, находившихся под управлением государства. Таким образом, межпартийное взаимодействие на уровне правительства было сохранено.

По настоянию людовцев был несколько откорректирован основной принцип аграрной реформы. Теперь на новых землях размер надела мог быть увеличен до 7–12 и более га. Все вместе взятое, включая гарантии частной собственности на землю, обещания ППР не проводить коллективизации и поддерживать кооперативные структуры в деревне и городе, стабилизировало политические настроения крестьян, снижало их недовольство действиями власти.

Самым крупным внутривнутриполитическим мероприятием, которое по воле глав «большой тройки» обязывалось осуществить правительство Польши, было проведение всеобщих выборов в парламент. Ни одна из правительственных партий не отказывалась от исполнения этого важнейшего принципа демократии. Но у каждой из них интерес к выборам, и главное к срокам и целям их проведения, был разный. Наиболее активную позицию по вопросу выборов занимало ПСЛ. Исполком партии стремился перехватить из рук ППР инициативу в политическом процессе, не прерывая формально сотрудничества с рабочими партиями. ПСЛ имело шансы победить и создать самую крупную фракцию в сейме, поэтому требовало немедленного начала выборной кампании. Здесь понимали, что время, социальная политика правительства и возможное обострение отношений в «большой тройке» — не их союзники. Кроме того оставался открытым вопрос: сколь долго будет действовать фактор массового доверия поляков Миколайчику и удастся ли партии после выборов удержаться в рамках крестьянской альтернативы развития. Будучи партией правительственной коалиции, являясь членом межпартийных согласительных комиссий всех уровней, ПСЛ стремилось выйти на выборы отдельно. Партийные лидеры действовали не только «снизу», обращаясь к своим сторонникам и будущим избирателям, но и «сверху», пытаясь не допустить внутренней консолидации правительственной коалиции под руководством ППР, изоляции правых группировок и вооруженного подполья, в поддержке которых они активно были заинтересованы.

Иным, хотя и разным, был подход к проблеме выборов руководства рабочих партий. Что касается ППР, то Политбюро и ЦК партии не рассматривали выборы в качестве инструмента, с помощью которого решится вопрос о власти. Для них этот вопрос был уже решен. Выборы же считались процедурой с заведомо успешным результатом, которая придаст существующему режиму полную легитимность, но не повлияет на его характер и расстановку политических сил. На совещаниях партийного актива звучала уверенность: «...не может быть и речи, чтобы реакция могла с помощью избирательного бюллетеня вырвать у нас власть: у демократии достаточно средств, рабочие и крестьяне вооружены не только избирательным бюллетенем, и так вопрос на выборах не стоит... для большинства нашего общества выборы должны высветить, санкционировать то, что произошло в Польше за два года». Несомненно, в ППР отдавали отчет в далеко не массовой поддержке населения. Понимали и то, что нужные итоги выборов могут быть получены лишь при соответствующем общественном климате в стране и ориентировали партийцев: «Нужно создать такую атмосферу, чтобы колеблющийся, трусливый человек боялся нас, а не их, каждый член ППР должен знать, что он завтра выиграет. Завтра, после выборов, у власти будем мы. И эта власть, будет еще крепче. Эта власть будет использовать еще более мощные средства и будет помнить о тех, кто поддержал ее на выборах... Надо убедить всех, что вопрос стоит именно так, а не иначе...». В качестве «технического» механизма, который мог обеспечить победу на

выборах, ППР, как и другие компартии стран зоны контроля Москвы, заимствовала из советской практики идею объединения в блок различных политических сил. В Польше это не мог быть «блок коммунистов и беспартийных», как в СССР, а избирательный блок, в который вошли бы все, включая оппозиционное ПСЛ, партии правительства национального единства. По словам члена Политбюро ЦК ППР Р. Замбровского, это позволяло создать «расстановку сил, опирающуюся не только на госбезопасность и не только на наши [т. е. ППР] возможности в армии, но и на определенную парламентскую конфигурацию, при которой наши контрагенты должны будут считать это соглашение прочным»³¹.

Итак, ППР стремилась «связать» ПСЛ общими договоренностями, не позволить ему самостоятельно выступить на выборах, хотя предусматривала и такое развитие событий. Но и в этом случае, как заверил 7 января 1946 г. посольство СССР член Политбюро ЦК Я. Берман, «...у Миколайчика ничего не выйдет. ... Рабочая партия власти Миколайчику не отдаст... мы используем нашу власть для того, чтобы обеспечить положительный для демократического лагеря ход голосования. Мы сумеем сделать это... без грубого нарушения принципов свободных выборов. Было бы глупо..., имея в своих руках силу и административный аппарат, допустить, чтобы Миколайчик и его партия взяли в свои руки голоса крестьян»³².

Тем не менее ППР настойчиво пыталась заблаговременно договориться с ПСЛ о создании избирательного блока всех коалиционных партий и составе сейма на основе «партийного ключа» распределения мандатов. Идея блока появилась осенью 1945 г. Судя по некоторым документам, «сигнал» возможно поступил из Москвы. Но, как заявляли тогда, инициатива принадлежала ППС и была поддержана ППР³³. Вероятно, и то, что идея озвучивалась социалистами под давлением ППР, которая видела в этом некую превентивную меру, призванную остановить движение ППС вправо и прервать ее поиски блока с ПСЛ. Таким образом, намерение ППР создать избирательный блок из шести легальных партий (ППР, ППС, СЛ, ПСЛ, СД и клерикального СП) имело целью не только «обуздать» ПСЛ, принудив его отказаться от оппозиционного курса, но и удержать при себе ППС, сделав эту партию активным ходатаем блока шести.

Переговоры 5 декабря 1945 г. представителей ППС (С. Швальбе, Ю. Циранкевич, Э. Осубка-Моравский, В. Речек, К. Русинек) с руководством ПСЛ (С. Миколайчик, В. Керник, С. Вуйчик, В. Брыйя), которые состоялись по согласованию с ППР, должны были прояснить отношение людовцев к идее избирательного блока. Но социалисты столкнулись с крайне осторожной позицией ПСЛ: предлагалось отложить решение вопроса до предстоявшего конгресса ПСЛ. Этот партийный форум, состоявшийся в январе 1946 г., также не выразил определенного мнения. К. Керстен пишет, что «в основе такой политики руководства ПСЛ лежало убеждение, что поражением будет как присоединение к блоку, так и решение вести борьбу с коммунистами. Оттягивая решение, в ПСЛ надеялись на позитивное для партии изменение международных договоренностей»³⁴. Кроме того согласие на сотрудничество с ППР и социалистами в едином избирательном блоке противоречило идейно-политическим принципам людовцев («первые среди равных»), было чревато потерей части общественной поддержки.

Принятые конгрессом резолюции и тональность выступлений делегатов давали основания рабочим партиям «прочитать» позицию ПСЛ как альтернативу существующему общественному устройству. Вместе с тем пойти на резкое обострение отно-

шений внутри правительственной коалиции людовцы не могли, как по соображениям международного плана, так и опасаясь отсрочки выборов, и без того не имевших установленного срока проведения. ППР, напротив, была теперь в отсрочке заинтересована. Реагируя на отсутствие ответа людовцев, ППР (Р. Замбровский) и ППС (Ю. Циранкевич) совместными заявлениями фактически выставили ПСЛ ультиматум: или переговоры о присоединении людовцев к блоку до 1 марта 1946 г., или ПСЛ будет уничтожено. В феврале 1946 г. последовали обмен посланиями и три встречи представителей рабочих партий и ПСЛ. Коммунисты и социалисты предлагали обсудить вопрос об избирательном блоке шести партий, заявив общую избирательную платформу, одобрение и гарантию происходивших в стране демократических преобразований, и договориться о равном представительстве в сейме четырех партий — двух рабочих (ППР и ППС) и двух крестьянских (ПСЛ и СЛ). Таким решением, как считали в руководстве ППР, будет продемонстрирован «водораздел», отделяющий демократию, или правящую коалицию, включая ее внутреннюю оппозицию, и реакцию, т. е. правые, националистические силы, в первую очередь подполье. Но представители ПСЛ, демонстрируя уверенность, что за ними значительное большинство общества, отвергли идею блока. Они потребовали 75% мест в будущем сейме и признания рабочими партиями права ПСЛ определять новый внешнеполитический курс, правда, допускали участие ППР и ППС в формировании коалиционного правительства³⁵.

Заявленные ПСЛ претензии означали разрушение политического процесса, реально управляемого ППР. На такую «жертву», как передача власти, не могли пойти не только рабочие партии. Москва вряд ли допустила бы такой «переворот» в ключевом звене своей сферы влияния. К тому же не было никаких оснований рассчитывать на то, что Запад пойдет на конфронтацию с СССР на польском направлении*, и ультиматум означал лишь нужный ПСЛ срыв переговоров и способ расчистить путь к самостоятельному участию и победе на выборах.

В ППР учитывали реальное влияние ПСЛ в обществе, понимали, какую поддержку может оказать людовцам Польская римско-католическая церковь, а также все еще сильное вооруженное подполье. В таких условиях партия не могла, имея и без того сложное экономическое положение в стране**, пойти на вытеснение ПСЛ из политической жизни, тем более на полное подавление его силой. Выход из ситуации виделся в отсрочке выборов любой ценой. «Цену», а именно проведение референдума до выборов или одновременно с ними (как выяснил польский историк А. Пачковский) «назначили» людовцы в феврале 1946 г. Эту идею подхватили социалисты. 13 марта вопрос о назначении всенародного голосования обсуждался на заседании Политической комиссии Исполкома ППС. Вскоре об этом шла речь на заседании «шестерки» представителей ППС и ППР, 21 марта — на заседании секретариата ЦК ППР, где были предложены и три вопроса, обращенных к участникам голосования: 1. Одобрите ли ликвидацию

* США признавали, что Восточная Европа — это сфера советских интересов, и она не будет причиной столкновения с СССР (доктрина сдерживания). Дело ограничилось известной речью в марте 1946 г. бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля в Фултоне.

** В 1946 г. произошли 136 забастовок, в основном по экономическим мотивам, бастовали десятки предприятий Лодзи, Силезско-Домбровского бассейна и Побережья.

сената — верхней палаты парламента? 2. Одобряете ли проведение аграрной реформы и национализации промышленности при сохранении возможностей частной инициативы? 3. Одобряете ли антигерманскую политику правительства и защиту западных границ? 25, 28 и 31 марта информацию о референдуме опубликовала печать ППС, ППР и ПСЛ. 31 марта пленум ГС ППС выступил с официальной инициативой проведения референдума. В принятой социалистами резолюции вопрос «прозвучал» как решенный. 5 апреля состоялось заседание Межпартийной согласительной комиссии с участием представителей ППР, ППС, СЛ, СД, СП и ПСЛ. Все партии высказались за проведение референдума по предложенным вопросам, но ПСЛ отложила окончательное решение до заседания своего Исполкома 10–11 апреля. Вопросы, вынесенные на референдум, были наименее спорными и предполагали положительные ответы, включая судьбу сената, за уничтожение которого выступил только что состоявшийся конгресс ПСЛ³⁶.

Проект закона «О референдуме (всенародном голосовании)» был утвержден на заседании КРН 27 апреля и опубликован 11 мая 1946 г. вместе с текстом вопросов, вынесенных на голосование. Рабочие партии и СЛ в воззвании «К польскому народу» призвали поляков одобрить деятельность правительства и ответить три раза «да» на вопросы референдума и тем выразить доверие власти. Исполком ПСЛ, получив обещание ППР провести выборы уже осенью 1946 г., не без колебаний на заседании ГС ПСЛ 26–27 мая принял решение, участвуя в голосовании, противостоять рабочим партиям. Он призвал поляков ответить «нет» на вопрос о судьбе сената и тем самым показать, «кому доверяет польский народ», продемонстрировать силу и влияние ПСЛ. Это позволит партии «подсчитать» ряды своих сторонников³⁷.

В ППР расценили такой призыв ПСЛ как тактический прием, призванный консолидировать всех недовольных властью. Были обеспокоены позицией ПСЛ и на Западе, где опасались, что референдум выявит «вторичное сближение Миколайчика с правыми», отразит «возрастающую поддержку среди групп, которые еще недавно считали его „предателем“ Польши». Высказывались небеспочвенные опасения, что вслед за референдумом усилится процесс отхода от ПСЛ тех людювцев, которые помогли ему создать партию³⁸.

Руководство СП, возглавляемое правым политиком К. Попелем, призвало ответить три раза «нет». Идею двухпалатного парламента поддерживали светские католические круги, которые рекомендовали полякам решительное «да» только по вопросу о западной границе страны. Польский епископат воздержался от призывов по поводу референдума. Командование ВиН высказывалось за отрицательный ответ на два первых вопроса, определяя проводимые реформы как путь к советизации Польши. Не было единства мнений среди сторонников нелегального СН, часть которых была готова отвечать «нет» на все вопросы. Таким образом, определился достаточно широкий круг различных социально-политических сил, готовых, пропуская вперед ПСЛ, твердо высказать недоверие власти во главе с ППР.

Срыв переговоров и отказ ПСЛ от участия в блоке шести обострили разногласия в ППС. Активизировалась группа известных довоенных деятелей (З. Жулавский, Б. Дробнер, Ю. Хохвельд, Л. Гросфельд и др.), которая тяготела к правому центру в партии и выступала за смену политического партнера ППС в правительстве. Они критиковали Исполком партии, где лидировали сторонники союза (более или менее тесного) с ППР, — генеральный секретарь ЦИК ППС Ю. Циранкевич и премьер-министр

Э. Осубка-Моравский. Предметом бурной дискуссии на пленуме ГС 31 марта 1946 г. были два вопроса: об избирательном блоке и о сотрудничестве с ППР, по которым обнажились существенные различия в позициях, о чем была проинформирована Москва.

Жулавский и Дробнер выступали за сотрудничество «только в том случае, если ППР признает ведущую роль ППС и отдаст ППС большее число мандатов в Сейме». Они настаивали на взаимодействии с ПСЛ «как ведущей партией крестьянских масс», требовали от коммунистов прекратить нападки на группу социалистов во главе с Жулавским. Эти деятели также считали, что «ППС должна стоять на позиции 2 1/2-го Интернационала» и тесно сотрудничать с Англией, «где управляют „наши товарищи социалисты“», а соглашение с ПСЛ может служить «мостом между Польшей и Англией». Эта часть руководства ППС, признавая правильной идею избирательного блока, настаивала, что «ППС сильнее, чем ППР и ... должна иметь перевес в блоке», констатировала, что «блок шести партий оказался невозможным, а блок четырех — это фикция, в нем фактически две партии. ПСЛ осталась вне блока». На основании этих аргументов Жулавский и другие делали вывод, что «в настоящее время не нужно мониторить блок шести. Выборы отложить, урегулировать отношения и создать условия для вступления ПСЛ в блок». Но лидерам ППС, отстаивавшим сохранение сотрудничества с ППР, удалось провести резолюцию, которая свидетельствовала о поражении группы Жулавского. Руководство партии призвало социалистов к участию в создании избирательного Демократического блока четырех партий, исключая ПСЛ и политически близкое ему СП, к сохранению единства рабочего фронта, сотрудничеству с ППР и требовало проведения до всеобщих выборов всенародного референдума по основным вопросам политики правительства. Тем не менее, позиция ППС оставалась неустойчивой и, как позднее писал в Москву посол В.З. Лебедев, «...в течение второй половины 1945 и весь 1946 г. отношения между ППР и ППС хронически находились в кризисном состоянии. В среднем каждые три месяца дело доходило до конфликта... Всякий раз положение выравнивалось лишь благодаря авторитету т. Сталина, личные советы которого принимались к руководству обеими партиями»³⁹.

Такие «советы» были даны Сталиным на встрече 24 мая 1946 г. с польской правительственной делегацией во главе с Б. Берутом. В ее состав входили: от ППС — Э. Осубка-Моравский и С. Швальбе, от ППР — В. Гомулка, Г. Минц, от СЛ — В. Ковальский, а также маршал М. Роля-Жимерский и генерал М. Спыхальский. Обсуждался широкий круг политических вопросов. Сталин, заинтересованный в единстве действий рабочих партий, выяснял суть разногласий между ними, предоставив слово как Осубка-Моравскому, так и Гомулке. Первый откровенно завывал перед Сталиным достоинства и возможности своей партии, «главным лозунгом которой всегда была борьба за независимость», и которая «стоит ближе, чем, скажем, ППР, к либералам и поэтому может впитать в себя либеральные элементы». Он настаивал, что ПСЛ «можно расколоть», и резюмировал: «Позиция ППС заключается в том, чтобы как можно дольше оттянуть выборы, поскольку время работает на демократический лагерь».

В. Гомулка утверждал, что Миколайчик «стремится расколоть единый фронт ППР и ППС», и «нельзя сказать, что нет предпосылок к расколу... лидеры правой части ППС... могут вступить на путь сотрудничества с ПСЛ... правые сеют в своей партии иллюзии, что будто бы с Миколайчиком можно договориться и идти вместе против реакции». «Мы, — продолжал он, — считаем, что с партией Миколайчика нельзя сотрудничать»,

и попросил Сталина помочь выработать единую позицию. Совет Сталина был таков: блок ППС и ППР надо сохранить, без него «новая демократия погибнет»; «без оппозиции не обойтись, ... нужна легальная, прирученная оппозиция, ... чтобы оттягивать силы из подполья»; «партию Миколайчика нужно политически изолировать»; нужно предложить Миколайчику 25% мест в сейме, в случае отказа «необходимо, конечно, будет применить репрессии, но ни в коем случае нельзя задаваться целью физического уничтожения членов его партии, поскольку эта партия является легальной». «Миколайчик вам пока нужен», настаивал Сталин, если же он не пойдет на сотрудничество, «сможете управлять государством и без него».

Неоднократные упоминания Осубка-Моравского о позиции и возможных действиях западных держав Сталин парировал: «Они пугают, и будут пугать, но, если не дать себя запугать, пошумят, пошумят и успокоятся», потому что «ничего не могут сделать для изменения соглашения о западной границе». На завуалированный намек социалистов о диктатуре ППР или, по словам Осубка-Моравского, «ведомой демократии, которая имеет место сейчас», Сталин представил свое понимание установленного общественного строя: «В Польше нет диктатуры пролетариата, и она там не нужна, ... удалить капиталистов и помещиков в Польше помогла и Красная Армия. Вот почему у вас нет базы для диктатуры пролетариата. Строй, установленный в Польше, — это новый тип демократии. Он не имеет прецедента... это демократия, которая приближает вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя. Ленин... допускал возможность прихода к социализму путем использования таких учреждений буржуазного демократического строя, как парламент и другие институты... Этот режим надо сохранить... Вы приблизитесь к социализму без кровавой борьбы... Режим, установленный ныне в Польше, обеспечивает ей максимум независимости и создает все необходимые условия для процветания... Этот режим надо сохранить. Если блок ППС и ППР распадется, установленная в Польше новая демократия погибнет»⁴⁰.

Столь пространные рассуждения советского лидера имели целью успокоить ППС. Было в них и неприкрытое лукавство («без кровавой борьбы», «максимум независимости»). Была и демонстрация достаточно серьезного тогда отношения Москвы к идее несоветского пути к социализму, народной демократии.

Таким образом, в Москве социалистам дали понять: уйти из блока с ППР и занять место последней им не позволят, торопиться с выборами не стоит, человек Запада (Миколайчик) нужен в Польше и «отпускать» его время не пришло, безопасность польских границ Москва обеспечит. Наставления Сталина незадолго до референдума, назначенного на 30 июня 1946 г., добавляли уверенности коммунистам и «осаживали» социалистов. Но, как доносили советские спецслужбы в ЦК ВКП(б), в руководстве ППС все же предпринимались меры «к освобождению аппарата ЦИК ППС от тех членов ППС, которых руководители этой партии считают ставленниками ППР в ППС». Прилагались также усилия убедить Миколайчика принять условия ППР и войти в избирательный блок шести партий. В случае успеха это позволяло социалистам занять выгодную позицию посредника между крайними полюсами блока — ППР и ПСЛ. Советская сторона воспринимала такие намерения как свидетельства стремления «ППС к обособлению от ППР и к захвату руководящего положения в стране», а польские коммунисты постоянно опасались «неожиданностей» от ППС⁴¹.

В первой половине 1946 г. несколько улучшилось положение главного союзника ППР в деревне — СЛ. Сторонникам Миколайчика не удалось полностью разрушить эту партию, как и организации ППР в деревне. В отдельных воеводствах (Лодзинское, Выдгошское и отчасти Варшавское и Люблинское) левые могли противостоять ПСЛ. В середине января 1946 г. был проведен конгресс СЛ, который поддержал курс на сотрудничество с рабочими партиями, декрет о национализации промышленности и банков, одобрил принципы аграрной реформы. Вместе с тем дискуссия на форуме показала, что традиции аграризма, стремление доказать исключительное право на представление особых интересов крестьянства — все это присуще СЛ, что идею рабоче-крестьянского союза разделяют далеко не все делегаты. Многие понимали сотрудничество с рабочими партиями как взаимодействие равновеликих сил, ППР и ППС предъявлялись претензии за недооценку политической роли крестьянства. Делегаты жаловались на отсутствие в госаппарате людей, «которые представляют крестьянские интересы». В целом конгресс показал, что СЛ является левой частью демократического людовского движения. Была поставлена задача возродить партию в качестве лидера этого движения. В ответ на звучавшие претензии к ППР и ППС выступавшие на конгрессе В. Гомулка, Ю. Циранкевич, Э. Осубка-Моравский, не касаясь идейных постулатов людовцев, признавали в крестьянстве «первого равноценного союзника» рабочих партий и обещали оказать содействие избранному руководству СЛ (В. Барановский, А. Кожицкий) в восстановлении утраченного влияния в крестьянской среде⁴².

Состоявшийся 10 февраля 1946 г. пленум ЦК ППР констатировал ущемление политической роли СЛ, стремление низовых организаций ППР командовать левыми людовцами и постановил откорректировать деятельность ППР в деревне, чтобы нейтрализовать болезненное восприятие руководством СЛ факта его неучастия в переговорах об избирательном блоке. Критиковалась также позиция некоторых лидеров ППС, которые считали, что «политически СЛ не представляет силы на местах», поскольку находится под сильным влиянием ППР. Для того, чтобы снять опасения руководства СЛ, состоялись переговоры его представителей с ППР и ППС, где В. Гомулка высказал твердое убеждение в равноправии СЛ, призвал оказывать помощь в борьбе с ПСЛ и был поддержан представителями ППС. На этой встрече прозвучало единодушное заявление о необходимости создания блока шести партий. ППР заверила людовцев, что их партия станет решающим фактором в деревне и будет поддержана значительным большинством крестьян⁴³.

В результате объединенных усилий, несмотря на внутренние трения и террор подполья против членов этой партии, происходило расширение организаций СЛ. Они возобновили работу в Катовицком, Щецинском, Ольштынском, Гданьском воеводствах, а также в Великой Польше. Происходил рост рядов СЛ за счет тех малоимущих крестьян и безземельной бедноты, которые получали землю по реформе и все еще не сделали политического выбора. К середине 1946 г. укрепление рядов СЛ превратилось в политическую реальность. При поддержке рабочих партий левые людовцы успешно провели в начале июня популярный в деревне праздник «зеленых святок». Вопреки призыву ПСЛ к бойкоту, в мероприятии приняли участие по неполным данным около 700 тысяч крестьян, рабочих, представителей интеллигенции⁴⁴. Так, при содействии коммунистов был возрожден альтернативный ПСЛ центр представительства интересов мелких собственников земли.

Постепенно появились симптомы ослабления популярности Миколайчика в деревне. Были отмечены случаи выхода рядовых членов из ПСЛ и разногласия в руководстве партии весной 1946 г., которые существовали в ПСЛ с момента его возникновения, но стали зримыми тогда, когда обстоятельства потребовали реагировать на предложение рабочих партий об избирательном блоке. Еще на конгрессе партии в январе 1946 г. часть членов Политической комиссии (Ю. Нечко, Ч. Выцех и др.) высказалась за переговоры «с другими демократическими группировками по вопросам общей программы польской демократии и способа ее реализации». А. Пачковский назвал это «отчетливыми следами формирования среди членов руководства [партии] иной политической линии»⁴⁵.

Как свидетельствуют документы, поступавшие в Москву от нового советника МГБ СССР в МОБ Польши полковника С.П. Давыдова на рубеже мая–июня 1946 г., польские спецслужбы с целью активизации оппозиционных настроений в ПСЛ проводили «мероприятия по разложению низовых организаций» ПСЛ, которые «нашли свое отражение в центральных руководящих кругах партии Миколайчика. По проверенным агентурным данным стало известно, что некоторые члены Главного совета ПСЛ во главе с заместителем генерального секретаря Тадеушем Реком открыто высказывают свое недовольство политической линией, проводимой центральным руководством этой партии и, в частности Миколайчиком и Керником». На заседаниях Президиума Исполкома (17 и 22 мая), Исполкома (25 мая) и Главного совета ПСЛ (26–27 мая) Рек резко возражал против планов «посчитаться» с ППР, настаивал, что ПСЛ, ППР и ППС должны в любой ситуации быть основой правительства, предлагал «порвать с убеждением, что союз с СССР только временная и злая необходимость». Поддерживавший Река Э. Бертольд призывал избавиться от тех, кто связан с «лесом» и «отмежеваться от НСЗ». Прозвучали упреки за требование 75% мест в сейме, что «сделало ПСЛ посмешищем». Тем не менее, большинство Исполкома следовало за Миколайчиком, авторитет которого оставался высоким, как и уверенность в победе своей партии и поражении рабочих партий на выборах.

Рождавшаяся в ПСЛ оппозиция, в отличие от большинства руководства, понимала неизбежность «сосуществования с коммунистами» и союза с СССР. Вероятно, это и привело Т. Река к контактам с ППР. Согласно информации Давыдова, 25 и 29 мая состоялись встречи Река с «руководящим работником» МОБ и затем с секретарем ЦК ППР Я. Берманом. Рек рассказал о том, что до 20 человек в Главном совете ПСЛ «находятся в острой оппозиции к руководству», которое «особенно за последнее время заняло открытую антиправительственную позицию, допустило в своих рядах наличие большого количества реакционных элементов и не ведет борьбу с бандами „НСЗ“, „АК-ВиН“ и другими». По рекомендации собеседника из госбезопасности Т. Рек, Б. Джевецкий, Э. Бертольд и другие публично объявили о разногласиях в руководстве ПСЛ, выступили с требованием изменить курс партии и ориентироваться во внешней политике на СССР. На встрече Река с Берманом были оговорены основные условия взаимодействия оппозиционной группы с ППР. Рек обязался решительно бороться с антиправительственным подпольем, выражать «искреннее отношение к польско-советской дружбе», агитировать за «положительные ответы на все вопросы референдума», за блок на выборах. Взамен группа Река получила возможность издавать газету «Нове Вызволене». Совместно со спецслужбами был подготовлен и 9 июня вышел ее первый номер⁴⁶.

В ППР считали излишним создание третьей крестьянской партии, намереваясь использовать группу Река для разлагающей работы внутри ПСЛ. Социалисты же связывали с группой Река возможность привлечь часть ПСЛ на свою сторону. Но немедленное исключение Река и его сторонников из рядов ПСЛ определило новую задачу — собирать людей вокруг ПСЛ-Нове Вызволене (ПСЛ-НВ) и формировать организационную сеть новой партии. Так в людовском движении была создана еще одна партия сторонников «третьего пути». Она не приобрела массовой базы в деревне и была обречена на кратковременное существование: левые людовцы считали ее довеском ПСЛ, а правые — инструментом в руках рабочих партий для разрушения ПСЛ. Несомненно, на этом этапе Рек и его группа не нанесли заметного ущерба авторитету и влиянию Миколайчика, хотя при участии ППР было политически обозначено «неблагополучие» в рядах ПСЛ.

В политической борьбе против ПСЛ коммунисты действовали не только политическими средствами, приближая к себе социалистов, левых людовцев и организуя фронду в ПСЛ. Широко использовались репрессивные меры. Поводом для применения госбезопасностью таких мер (обыски в помещениях, принадлежавших ПСЛ, конфискации печатных изданий, закрытие ряда низовых партийных организаций, предупреждения и задержания активистов и функционеров партии) служили негласные контакты ПСЛ с некоторыми структурами подполья, особенно с ВиН. «Трудно, — признает К. Керстен, — выяснить масштаб этих контактов и рассматривать их как взаимодействие, однако нет сомнения, что в разных пунктах эти два направления борьбы против правления коммунистов — легальное и нелегальное — переплетались»⁴⁷.

Весной 1946 г. на фоне массовой поддержки оппозиционной партии С. Миколайчика произошла активизация вооруженного подполья. В конце мая 1946 г. Давыдов информировал Москву о росте его численности за первые четыре месяца 1946 г., обращал внимание на то, что «особенный рост имеют банды „НСЗ“ и „НЗВ“, т. е. вооруженная сила эндеков». Советник докладывал, что за указанный период подразделениями общественной безопасности, Войска Польского и военнослужащими 64-й дивизии войск МВД СССР* было проведено 989 операций, убито 596, ранено 200, пленено и арестовано 10 950 «бандитов». Внимание советского руководства обращалось на то, что объектом террора со стороны подполья все чаще служит гражданское население, подчеркивалась многочисленность нападений с целью откровенного грабежа (499 из

* В мае 1946 г. дивизия насчитывала 4199 человек. Кроме того дислоцировались два полка по охране тыла СГВ численностью 2897 и войска правительственной ВЧ-связи — 6434 человек. Л.П. Берия считал, что «надо все части войск МВД СССР взять из Польши», что и было сделано, за исключение 64-й дивизии (НКВД и польское подполье. (По «Особым папкам» И.В. Сталина) 1944–1945 гг. М., 1994. С. 287–288). По данным польских исследователей, результатом участия этой дивизии в борьбе с вооруженным подпольем начиная с осени 1944 г. и до осени 1946 г. были арест 47 329 человек (часть из них интернирована в СССР), уничтожение 1475 «бандитов» и ликвидация 872 немецких солдат и офицеров. Собственные потери дивизии составили 177 убитых и 133 раненых (*Gołon M. Represji Armii Czerwonej i NKWD wobec polskiej konspiracji niepodległościowej w l. 1944–1946. Cz. II. Warszawa, 1996. S. 110, 130; Paczkowski A. Od sfalszowanego zwycięstwa do prawdziwej klęski. Kraków, 1999. S. 42).*

1909 случаев). За четыре месяца бандиты подвергли избиению 240 человек. Еще большее число получило угрожающие письма и «приговоры к смерти за принадлежность к ППР и деятельность в пользу правительства». Такие факты рождали недовольство, прежде всего среди крестьянства, действиями подпольных отрядов.

Как важную особенность Давыдов отмечал, что «по всей Польше до сих пор не было фактов убийства, ранения или ограбления бандитами членов партии Миколайчика — ПСЛ и Стронництва працы. Члены этих правых партий, официально стоящих в оппозиции, пользуются полной неприкосновенностью у бандитов. Имеются многочисленные доказательства того, что вооруженные банды „АК-ВиН“ и „НСЗ“ получили прямые директивы своего руководства оказывать всемерную поддержку ПСЛ и Стронництву працы». Лидеры ПСЛ, констатировал советник, стремятся не допустить компрометации связями с подпольем и рекомендуют «не вручать партийных билетов бандитам, вновь принятым в члены ПСЛ». Такие сведения, как и данные о связях членов ПСЛ с нелегальными структурами в ряде воеводств, особенно в Белостокском, Люблинском, Жешовском, Варшавском, Краковском и Келецком, служили для польской госбезопасности основанием для репрессий против противников власти. Перед референдумом была проведена чистка органов власти и администрации от деятелей ПСЛ, замеченных в связях с правыми и пытавшихся саботировать правительственный курс. Административные меры и аресты применялись как в отношении отдельных членов ПСЛ, так порой и к целым организациям. В начале июня за связь с подпольем и участие в убийствах и грабежах была запрещена деятельность ряда повятовых управлений ПСЛ в Варшавском, Белостокском и Щецинском воеводствах. Сведения, поступавшие в Москву по линии МВД, корреспондировались с тем, что тогда же сообщал в МИД СССР советник посольства Польши в Москве Г. Вольпе: «Разгромлено несколько местных организаций ПСЛ, связанных с лесными бандами. Производятся военные операции по очистке различных районов Польши от лесных банд. Развернулось наступление демократии и по идеологической линии. Со стороны прогрессивной печати систематически подвергаются обстрелу ПСЛ и Миколайчик. С большим успехом прошли первомайские демонстрации, попытки контрдемонстраций со стороны реакции были в общем неудачны»⁴⁸.

Итак, по оценкам ППР, этап борьбы с ПСЛ перед референдумом заканчивался в ее пользу. Поддержав идею проведения опроса населения, как промежуточного политического мероприятия, ППР вынудила ПСЛ работать на общей политической «площадке», что не одобрялось многими сторонниками Миколайчика, удержала социалистов от поворота вправо и заключения соглашения с ПСЛ, внедрила своих сторонников в союзное ПСЛ СП, вскоре создав объединенную и контролируемую христианскую демократию. Предстоявший опрос населения использовался сторонниками как власти, так и оппозиции (митинги протеста, призывы ответить «нет» на первый вопрос, нападения участников подполья на избирательные участки, уничтожение списков избирателей) для выражения своих позиций. Был достигнут, пожалуй, главный итог: благодаря референдуму выяснение политических возможностей ПСЛ на выборах в неблагоприятной для власти ситуации весны 1946 г. откладывалось на неопределенный срок.

Но все эти меры не обеспечивали победы, столь нужной коммунистам. Была запрошена помощь Москвы, и в Варшаву прибыла группа специалистов МГБ СССР во главе с полковником А.М. Палкиным. Она, действуя в тесном контакте с Гомулкой

и Берутом, разработала план операции по фальсификации итогов опроса⁴⁹. Процесс всенародного голосования 30 июня 1946 г. показал, что большинство проголосовавших поддерживает партию Миколайчика. 2 июля 1946 г. советский посол В.З. Лебедев направил Сталину информацию о «неожиданных» для рабочих партий результатах референдума. Он доложил реальные итоги голосования, полученные от Бермана: положительно ответили на первый вопрос 35–40% избирателей, на второй вопрос — 55–60% на третий — 75–80%*. Это означало, что оппозицию поддерживает не менее 60%, населения страны, по итогам предстоявших выборов ПСЛ сможет создать крупную фракцию в сейме и претендовать на «свой» кабинет министров. Сталин был уведомлен, что члены кабинета от ППР и ППС приняли решение «скорректировать» «тревожные» результаты опроса, что «коррективы в материалы будут вноситься не только в центральной комиссии, но и в воеводских и даже в районных комиссиях». Лебедев сообщил о договоренности руководства ППР и ППС опубликовать в качестве официальных следующие данные: первый вопрос — 60–65% голосов «за», второй вопрос — 75–80%, третий — 95%⁵⁰. Официально были опубликованы еще раз «подправленные» положительные ответы: соответственно 68%, 77,2% и 91,4%, что должно было свидетельствовать о победе избирательного блока (ППР, ППС, СЛ, СД) и ПСЛ–Новые Вызволене.

С. Миколайчик, убежденный в своей победе, пытался опротестовать объявленные итоги голосования. Он неоднократно обращался к председателю Центральной избирательной комиссии, давал интервью западным корреспондентам. Все было напрасно. ПСЛ натолкнулось на твердую позицию ППР и слабую, похожую на акт вежливости поддержку западных держав, что еще раз говорило об отсутствии их интереса к борьбе за Польшу и покушению на позиции СССР в сфере его интересов⁵¹.

Более серьезным, — и для ППР, и для ПСЛ, — следствием референдума была пассивная реакция на объявленные итоги тех, кто голосовал за ПСЛ. По сути дела рядовые члены партии и ее сторонники приняли референдум как политическое поражение. Однако руководство ППР ощутило масштаб влияния ПСЛ и поддержки персонально Миколайчика. Лидер ПСЛ, со своей стороны, почувствовал возможности рабочих партий удержать власть, имея надежного союзника на Востоке, но считал, что доверие общества диктует ему необходимость продолжать политическую борьбу.

* Современные польские историки на основе сохранившихся материалов голосования пришли к выводу, что положительно на 1-й вопрос ответили не более 26,9%, а «против» не менее 73,1% поляков, участвовавших в опросе (*Dokumenty do dziejów PRL. Referendum z 30 czerwca 1946 r.* / Oprac. A. Paczkowski. Warszawa, 1993. S. 14). Российский автор Н.В. Петров, опираясь на материалы Архива ФСБ РФ, считает подлинными от 1 до 15% ответов «да» на этот вопрос, что сомнительно, если учесть, что значительная часть польского общества была традиционно настроена против существования сената (*Петров Н.В. По сценарию Сталина. Роль НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953. М., 2011. С. 173*).

1.3. ППР–ППС: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ. ВЫБОРЫ В СЕЙМ

Референдум не принес стране политической стабилизации. На заседании Совета министров 4 июля, еще до оглашения итогов опроса, каждая из конфликтующих сторон продемонстрировала уверенность в своей победе. Гомулка обвинил Миколайчика в попытках «опорочить референдум», настаивал, что «часть ПСЛ, возглавляемая Миколайчиком, ... опирается на террористические банды и имеет все черты фашистской партии», что «линия Миколайчика во внутренней политике — это террор, а во внешней — поджигание войны против СССР». Отвечая Гомулке, Миколайчик использовал противоположную аргументацию: «в стране наблюдается разгул террора органов общественной безопасности, которые массовыми репрессиями стремятся повлиять на результаты референдума», «органы безопасности вызвали к себе ненависть всего народа, и это ложится пятном на правительство»; имеется «много фактов фальсификации результатов референдума», «80% польского народа дали отрицательные ответы на вопросы референдума, что доказывает победу ПСЛ»⁵².

В итоге была принята резолюция, предложенная коммунистами. «Против» голосовали Миколайчик и Керник. Заседание показало, что референдум укрепил уверенность ПСЛ в успехе самостоятельных действий.

Тем не менее, ППР предложила ПСЛ переговоры. Часть руководства ПСЛ склонялась к переговорам, «надеясь на то, что Сталин, вопреки польским коммунистам, убедившись, что монопартийная система не обеспечивает стабильной власти в Польше, изменит свое отношение к внутренним польским проблемам». 11 июля 1946 г. состоялась неофициальная встреча представителей ППР (В. Гомулка, Я. Берман, Р. Замбровский) с председателем ГС ПСЛ Ч. Выцехом и членом ГС В. Керником. Коммунисты требовали отстранить от руководства ПСЛ Миколайчика и его твердых сторонников, с которыми будет вестись «бескомпромиссная борьба», считали сотрудничество возможным только с теми, кто голосовал «за» проводимые преобразования и новую западную границу. Как информировал Москву Давыдов, представители ПСЛ «дали понять, что имеют возможность устранить Миколайчика от руководства», но выставили два предварительных условия: 1. до выборов в сейм провести выборы в местные советы, чтобы они могли ввести туда «своих» людей; 2. «ПСЛ (без Миколайчика) участвует в блоке демократических партий на территории 4-х западных (бывших немецких) и 3-х восточных (где есть банды УПА) воеводств. В остальных семи воеводствах ПСЛ пойдет к выборам самостоятельно». Не договорившись, стороны условились встретиться еще раз. На новой встрече, в середине июля, лодовцы обусловили отстранение Миколайчика обещанием ППР добиться вывода советских войск из Польши и удаления советников из органов безопасности. Коммунисты не могли принять эти требования. Давыдов сообщил, что на заседании ГС ПСЛ 19 июля «развернулись бурные прения, Миколайчик и его сторонники требовали прекращения всяких переговоров с ППР», но не были поддержаны большинством членов ГС. «Руководители ППР, — резюмировал советник, — рассчитывают, что им удастся расколоть ПСЛ и изолировать Миколайчика»⁵³.

Шагом в этом направлении было ограничение организационного «поля» оппозиции. В июле 1946 г. Главное правление клерикального СП во главе с К. Попелем, взаи-

модействовавшим с ПСЛ, протестуя против нарушения свободы, политического давления и репрессий, объявило о прекращении деятельности партии. Тогда сторонники сотрудничества с коммунистами З. Фельчак и Ф. Виды-Вирский возглавили СП и вывели его из оппозиционной среды. Это был политический успех коммунистов, хотя и не очень значительный⁵⁴.

Главное беспокойство коммунистов вызывала ситуация в ППС, где нарастала критика ППР⁵⁵. Уже в начале июля социалисты выражали беспокойство предварительными итогами референдума: «Если мы такие слабые, то должны договариваться с ПСЛ» (Э. Осубка-Моравский); «Мы имеем неудовлетворительные результаты из-за ППР. В блоке с ППР можем проиграть и выборы. Зачем нам брать на себя поражение ППР? Без ППР мы выиграем больше» (Г. Яблоньский). Осубка-Моравский был уверен, что ППС окрепла и «может претендовать на гегемонию в стране». 13 июля член руководства ППС Г. Вахович, тогда замминистра госбезопасности, заявил С. Радкевичу: «Результаты референдума свидетельствуют о необходимости найти общий язык с Миколайчиком». О таких настроениях в «верхах» ППС Давыдов 16 июля 1946 г. докладывал в Москву: «После референдума... отмечаются серьезные колебания (под нажимом ВРН) той части ППС, которая раньше стояла на позициях единого фронта с ППР, и усиление тенденций к блоку с Миколайчиком». Донесение содержало сведения о встрече в Лондоне Циранкевича с А. Чолкошем, одним из лидеров ППС-ВРН, и материалы, подтверждающие усилия правых социалистов «оторвать ППС от ППР и создать блок ППС-ПСЛ... пока они (ППР) не завладели сердцами масс, мы имеем будущее»⁵⁶.

Информация вызвала тревогу в Москве, и 18 июля советник посольства Яковлев посетил Циранкевича. Беседа была достаточно откровенной. Красной нитью, по словам дипломата, «проходила жалоба Циранкевича на отсутствие доверия к ППС со стороны лидеров рабочей партии», которая совершает ошибки, не учитывая «особый склад психологии поляков», а именно их «политический романтизм» и то, что «в Польше веками воспитывалась вражда к России». К ошибкам ППР Циранкевич отнес принижение «героизма, самоотверженности и доблести варшавян, погибших в борьбе с немцами» во время восстания, и политику в отношении АК: нельзя «было огульно ругать АК», следовало «рядовых аковцев привлечь к сотрудничеству по восстановлению новой Польши»*. Поскольку, продолжал лидер ППС, «эти люди не пойдут в ППР... задача ППС — взять их под свое влияние». Далее Циранкевич изложил свое понимание роли ППС, которая «по своим политическим традициям сегодня более других партий отвечает настроениям широких масс польского народа. ППРовцев часто рассматривают как агентов России. К ППС доверия значительно больше, и мы, ППСовцы, рассчитываем также и на доверие со стороны Советского Союза... Однако руководство ППР...

* Циранкевич выражался в высшей степени аккуратно. На самом деле он имел ввиду широкие репрессии, пришедшие на 1945–1946 гг., и уголовное преследование солдат и офицеров АК. Общее число арестованных тогда по политическим мотивам, как полагают польские историки, составило не менее 100 тыс. человек. С осени 1944 г. все политические «дела» рассматривались военно-полевыми судами. За 1944–1949 гг. было осуждено 55 тыс. человек, исполнено около 2 тыс. смертных приговоров. За 1944–1945 гг. не менее 40 тыс. солдат АК было интернировано в десятках лагерей (*Werblan A. Stalinizm w Polsce. Warszawa, 2009. S. 66–67*). Вывоз интернированных на территорию СССР был прекращен в середине 1945 г.

не доверяет нам и не дает разделить полностью ответственность за управление государством. ... Мы, пепеэсовцы охотно разделили бы труд и ответственность за работу органов безопасности в Польше, которые так мало популярны. Однако нас не допускают в Министерство госбезопасности...». Циранкевич подчеркнул, что все это формирует среди рядовых членов ППС недоверие к руководству партии, которое рассматривают «как привесок к ЦК ППР... С нами [коммунисты] должны считаться и позволять нам иметь на некоторые вопросы взгляды, отличающиеся от взглядов ППР». Оценив ситуацию в стране после референдума как напряженную, этот политик выступал за использование Выцеха и Керника для того, чтобы «сломать Миколайчика», который «побойтся остаться один, и вынужден будет согласиться на наши условия»⁵⁷.

Таким образом, советская сторона получила «из первых рук» высказанную в сдержанной форме характеристику оппозиционных настроений среди социалистов и политических разногласий между двумя рабочими партиями. Документы российских архивов отражают особое внимание советской стороны к взаимоотношениям рабочих партий, стремление «погасить» межпартийные разногласия и исключить «сползание» ППС в оппозицию к ППР. Докладные записки советника Давыдова, посла Лебедева адресовались не только Л.П. Берии и В.М. Молотову. Они направлялись И.В. Сталину, что подтверждает важность содержащейся в них информации.

1 августа Давыдов доносил министру МВД СССР С.Н. Круглову о заседании 30 июля в Варшаве Межпартийной согласительной комиссии ППР (В. Гомулка, Я. Берман, Р. Замбровский) и ППС (С. Швальбе, Э. Осубка-Моравский, Ю. Циранкевич, а также генеральный секретарь ЦК профсоюзов К. Русинек). Обсуждались два вопроса: отношение рабочих партий к ПСЛ и разногласия между ППР–ППС. Социалисты выступали за блок шести партий, против отстранения Миколайчика, так как за ним «бесспорно, стоят крестьянские массы, и отстранение его означало бы введение диктатуры, с чем ППС не может согласиться». Коммунисты же исключали возможность переговоров с Миколайчиком по вопросу о блоке. Согласия, таким образом, не последовало.

По второму вопросу социалисты доказывали, что коммунисты сознательно вытесняют их с государственных постов. Осубка-Моравский утверждал: «Польский народ не любит органы безопасности, не любит и ППР, потому что она руководит этими органами. Только поэтому мы имеем большое число отрицательных ответов на вопросы референдума, только поэтому растет оппозиция в стране». В ответ на все обвинения Гомулка порекомендовал социалистам «обратиться к товарищу Сталину*... для объяснения ему создавшейся ситуации и разрешения всех спорных вопросов»⁵⁸.

Москва, действительно, была заинтересована в том, чтобы «успокоить» социалистов и обеспечить преобладание сторонников взаимодействия с ППР в руководстве ППС. С этой целью была организована продолжительная беседа Сталина с деятелями ППС.

Накануне, 17 и 18 августа, советский посол передал две телефонограммы заместителю министра иностранных дел В.Г. Деканозову, которые поступили «наверх» — Сталину, Молотову, Берии и др. Посол информировал, что «руководство ППС неуклонно сползает в сторону правой ППС, что и является основной причиной конфликтов» между партиями. Главным требованием социалистов остается уравнивание участия

* Возможно, такая рекомендация была согласована во время визита 24 и 25 июля в Москву Гомулки, Берута и Минца, которые были дважды приняты Сталиным.

ППС и ППР во власти и «предоставление [им] половины должностей в госбезопасности, генштабе и ряде других министерств». Кроме того «руководство ППС хочет получить в свое распоряжение польскую полицию». Настойчивые требования ППС к ППР поделить властью Лебедев связывал с итогами референдума: в ППС сделали вывод о сомнительных перспективах ППР на выборах и считали, что блокирование с ней «уменьшает шансы на успех ППС». Вместе с тем посол констатировал отсутствие единства в руководстве социалистов и существование группы (43 человек из 128 членов ЦИК и ГС) твердых сторонников сотрудничества с ППР, среди них министры С. Матушевский, К. Домбровский, Г. Свентковский и др., против которых Э. Осубка-Моравский, Ю. Циранкевич и С. Швальбе «с бешеной яростью выступают».

Посол также направил Деканозову подготовленную В. Гомулкой «Докладную записку» о резком ухудшении отношений между ППР и ППС. «ППС, — утверждал Гомулка, — категорически сопротивляется наступлению на ПСЛ» и рассчитывает на создание большинства ППС–ПСЛ в парламенте после выборов, намеченных на 1 декабря 1946 г. ППР же считает выборы в блоке с партией Миколайчика опасными и выступает за разгром «реакции» в ПСЛ и содействие «оформлению группы „легальной“, прирученной оппозиции». Глава ППР подтвердил существование разногласий в оценках АК и деятельности госбезопасности и подчеркнул, что в ППС понимают «единый фронт» как паритет в распределении ответственных постов в министерствах безопасности, обороны, иностранных дел и промышленности. Гомулка предполагал добиваться согласия социалистов на обострение курса против ПСЛ (оставление Миколайчика в правительстве при одновременном широком роспуске уездных и областных организаций ПСЛ) и введения представителей «левого крыла» в руководство ППС. В противном случае «возможной перспективой остается: а) устранение Осубка-Моравского с поста премьера и... б) захват левым крылом руководства ППС»⁵⁹.

Встреча Сталина с польскими социалистами Осубка-Моравским, Швальбе и Циранкевичем состоялась в ночь с 19 на 20 августа в присутствии Деканозова и продолжалась без малого 4 часа. Поляки получили возможность откровенно изложить свои претензии к коммунистам. Осубка-Моравский констатировал, что объявленные итоги референдума являются грубой фальсификацией. «Миколайчик, — продолжал глава польского кабинета, — в конце концов, может быть устранен... на блок с ПСЛ можно идти и без Миколайчика... Тактика ППР ошибочна и она приносит большой вред делу возрождения демократической Польши. ППР до последнего времени держала в своих руках более 90% власти в стране. Сейчас она сохраняет за собой до 80% власти, и стремится к фактической монополии власти. ...В ППР и на ответственных государственных постах, в том числе и в органах государственной безопасности, имеет место засилье евреев*, что чревато большими опасностями, поскольку антисемитизм в Польше... при-

* Согласно докладной записке советника НКВД СССР при МОБ Польши Н.Н. Селивановского Л.П. Берию от 20 октября 1945 г., в МОБ работало 18,7% польских граждан — этнических евреев, которые занимали 50% руководящих должностей, в департаментах — от 23 до 82 и кое-где до 100%. 24 сентября 1946 г. посольство СССР в Варшаве направило справку о состоянии еврейского вопроса в Польше и о массовом выезде польских евреев, в основном в Палестину, одной из причин чего назывались еврейские погромы (Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. М.; Новосибирск,

няли такие размеры, какие неведомы были даже в худшие времена правления санации». Циранкевич и Швальбе высказывались за блок с ПСЛ, немислимый без его лидера, и констатировали: «без участия ПСЛ в Польше не удастся провести честных выборов».

Сталин выразил свое понимание того, что происходит в Польше: референдум укрепил позиции демократического блока и правительства*, позиция ПСЛ «значительно ослабла», постановка вопроса о сенате «была ошибкой», «идти на блок с Миколайчиком сейчас, пожалуй, уже нельзя»; «вопрос о «еврейском засилии...», если это действительно имеет место в Польше, нельзя игнорировать». Реагируя на упреки социалистов в диктатуре ППР, Сталин повторил то, что говорил в мае 1946 г.: «Перед Польшей, как и перед другими странами Восточной Европы, в результате этой войны открылся другой, более легкий, стоящий меньше крови путь развития — путь социально-экономических реформ ... [создана] вполне достаточная база для того, чтобы без диктатуры пролетариата двигаться по пути дальнейшего развития в сторону социализма».

В монологе вождя появился и новый сюжет — о возможном объединении рабочих партий: «В результате этой войны изменился облик коммунистических партий, изменились их программы. Резкая грань, существовавшая ранее между коммунистами и социалистами, постепенно стирается. Об этом говорит, например, факт слияния в единую партию коммунистической и социал-демократической партии Германии». Вместе с отказом одобрить линию ППС и осудить линию ППР, «которую здесь, кажется, рассматривают в качестве обвиняемого», прозвучали чрезвычайно важные для социалистов слова о доверии Сталина к ППС и утверждение, что «в Польше ни в коем случае не должно быть монополии одной партии — будь то ППР или ППС. Только в едином фронте этих двух партий — залог того, что будут сохранены завоевания демократии и независимость Польши»⁶⁰.

Советский лидер, не будучи уверен в том, что удалось убедить социалистов отказаться от соглашения с ПСЛ, и желая еще раз воздействовать на ППС, предложил накануне выборов в сейм вновь встретиться с руководством рабочих партий.

Побывавшие в Кремле лидеры ППС, видимо, были удовлетворены состоявшейся беседой. Более того, по совету Швальбе с просьбой о встрече с советским вождем 28 августа обратился к Лебедеву вице-председатель КРН С. Грабский. Он мотивировал просьбу тем, что «обеспокоен все нарастающим антагонизмом между политическими партиями в Польше, который... не принесет Польше ничего хорошего», и утверждал, что «70% польского населения, безусловно, стоит на стороне ПСЛ», что «все свое недовольство теперешним положением в Польше общественное мнение Польши относит

1997. С. 269; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 340–345). Польские историки приводят существенно отличающиеся цифры. А. Пачковский полагает, что в 1944–1945 г. в центральном аппарате ведомства работали около 30% функционеров еврейского происхождения (*Paczkowski A. Żydzi w UB: próba weryfikacji stereotypu // Komunizm. Ideologia, System, Ludzie. Warszawa, 2001. S. 196–197*).

* В отчете советского посольства за 1947 г. утверждалось: «Референдум дал отрицательные результаты. И в этом его положительное значение. ... Итоги референдума ублажали Миколайчика и его партию» (цит. по: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993. С. 165*).

[на] счет Советского Союза..., поляки видят в польских учреждениях русских советников, делают вывод о несамостоятельности теперешней польской политики, естественно, опасаются за независимость Польши».

Беседа лидеров ППС со Сталиным оказала воздействие на их встречи 23 августа с Керником и Выцехом, а 28 августа — с Миколайчиком. Социалисты заняли твердую позицию в отношении ПСЛ. Миколайчик, уверенный, что ППС может принять его предложение о будущем взаимодействии, соглашался на 40% мест в сейме. Он рассчитывал, что при объединении ПСЛ, ППС и СП три партии получат большинство депутатских мест. На этот вариант социалисты не шли, обещая людовцам 25% мест. Безрезультатность переговоров, вероятно, подтолкнула В. Керника 29 августа обратиться к советскому послу. «Керник и его друзья, — писал посол Деканозову, — хотели бы как можно скорее съездить в Москву, чтобы в личных беседах изложить генералиссимусу Сталину свои взгляды на польские вопросы в полной надежде, что Сталин разделит хорошие намерения, которыми руководствуются деятели ПСЛ. ...Поехать в Москву от имени ПСЛ хотели бы Керник и Миколайчик». Инициативу деятелей ПСЛ в Москве расценили как попытку «привлечь Сталина для разрешения спорных вопросов между польским правительством и оппозицией в лице ПСЛ». 2 сентября посол СССР уведомил Керника об отказе в просьбе руководителям ПСЛ. Отказ объяснялся нежеланием Сталина брать на себя роль арбитра, «чтобы не создавать плохого прецедента». Не состоялся и прием Грабского. В Москве были убеждены, что теперь, когда появились симптомы противостояния великих держав, необходимы поляризация политических сил в Польше, изоляция ПСЛ и его отдельное участие в выборах⁶¹.

Конец лета и начало осени 1946 г. были отмечены бурными политическими событиями. Прозвучавшее на встрече 19 августа заявление Сталина о его доверии ППС позволило руководству этой партии пресечь попытку группы твердых сторонников взаимодействия с ППР во главе с Матушевским совершить внутривнутрипартийный переворот, чтобы отстранить от власти Циранкевича, Швальбе и Осубка-Моравского. После этой встречи стали заметными перемены в отношении лидеров ППС к Миколайчику: социалисты уклонились от договоренностей о блоке против ППР. ППС стала присматриваться к тем деятелям в ПСЛ, кто критически относился к Миколайчику, и с конца августа выступала за установление связи с ПСЛ–Нове Вызволене⁶².

В ночь с 29 на 30 августа 1946 г. Сталин вновь встретился с руководством ППР (Гомулка, Берман, Замбровский) и ППС (Осубка-Моравский, Швальбе, Циранкевич). Обсуждались вопросы сотрудничества рабочих партий в избирательной кампании. «В Москве у товарища Сталина мы договорились с ППР о том, что ППС является партией, заслуживающей доверия и соправящей партией», — утверждал Циранкевич в октябре 1946 г. Социалисты требовали от ППР «заключения формального соглашения», в котором ясно говорилось бы о месте ППС в руководстве страной после победы избирательного блока на выборах и о распределении депутатских мест. Коммунисты, однако, не желали связывать себя никакими предварительными обязательствами, поскольку ППР добивалась такого соотношения депутатских мест, «которое обеспечивало бы некоторый перевес за ППР и ее надежными союзниками». Социалисты полагали, что «было бы вполне удовлетворительно, если бы Миколайчик получил в Сейме 25% мест». Коммунисты считали такой вариант «опасным для блока»⁶³.

Большое влияние на перегруппировку основных политических «игроков» в Польше оказало выступление госсекретаря США Дж. Бирнса в Штутгарте 6 сентября 1946 г. Бирнс заявил, что постановление конференции в Потсдаме о польско-германской границе не может рассматриваться как окончательное и возможна корректировка этой границы. Заявление означало переход американцев к политике оттеснения на восток и сужения зоны советского контроля в Европе. Подавался сигнал тем «местным» национальным силам, которые были заинтересованы в дестабилизации ситуации в сфере интересов СССР. Речь Бирнса задевала интересы миллионов поляков, налаживавших жизнь на бывшей немецкой земле. По всей стране прошла волна митингов и демонстраций протеста. Ситуация диктовала политическим силам Польши обязательство выдержать испытание на патриотизм и отреагировать на выступление госсекретаря США.

В затруднительном положении оказалось руководство ПСЛ. Понимая, что открытые протесты в адрес США, как и прямые проявления антисоветизма, в создавшейся ситуации невозможны, депутаты от ПСЛ стремились уйти от четких оценок речи Бирнса и сгладить ее направленность против государственных интересов Польши. Был избран вариант широкой пропаганды равной дружбы Польши с СССР и западными демократиями, одновременно критиковалась ППР за неспособность наладить равноправные партнерские отношения с Москвой. С трибуны Крайовой Рады Народовой звучали обвинения в насаждении советского опыта, которое грозит Польше потерей независимости. Такие обвинения раздавались и раньше, поэтому не могли восприниматься как реакция ПСЛ на выступление Бирнса. Запаздывавшая оценка демарша госсекретаря, по меньшей мере, не прибавила Миколайчику сторонников в стране. ПСЛ–Нове Вызволене отреагировало на заявление Бирнса довольно резко: «Трудно предвидеть, сколько польских территорий готовы отдать Англия и Америка, особенно первая, чтобы полностью перетянуть Германию на свою сторону...»⁶⁴.

Речь Бирнса и реакция на нее руководства ПСЛ создавали политически выгодную ситуацию для ППР. Важнейшая для судьбы государства проблема польско-германской границы, гарантом которой был лишь СССР, стала еще одним аргументом в борьбе против оппозиционных сил в стране и эмиграции*. Открылась возможность «убедить польское общество в том, что столь желаемая им смена существующего порядка равнозначна утрате западных земель и как следствие утрате независимости». 13 сентября 1946 г. было опубликовано Открытое письмо ЦК ППР и ЦИК ППС. В нем Исполкому ПСЛ предлагалось сделать заявление о готовности защищать линию Одра–Ныса, бороться с вооруженным подпольем и принять предложение рабочих партий об избирательном блоке. Вместо официального ответа в печати ПСЛ появились подборка материалов с критикой американского госсекретаря и перепечатка протеста, заявленного Молотовым 17 сентября 1946 г.⁶⁵

Действия руководства ПСЛ в связи с выступлением Бирнса активно использовались ППР для наступления на позиции людовцев. Коммунисты развернули не только масштабные пропагандистско-политические и административные, но и репрессивные меры

* Так, 26 сентября 1946 г. последовало решение правительства о лишении польского гражданства нескольких десятков офицеров АК и Польских вооруженных сил на Западе. Среди них были известные боевые генералы и участники восстания в Варшаве: В. Андерс, А. Хрунцель, С. Мачек, С. Копаньский и др.

против ПСЛ. На пленуме ЦК ППР 18 сентября 1946 г. и заседаниях КРН (20–22 сентября) они говорили о росте числа зарегистрированных террористических акций подполья (в июне — 884, в сентябре — 1114). Приводились поступающие с мест факты связи ПСЛ с подпольными структурами (в частности — факты превращения официальных помещений ПСЛ в явочные квартиры). Такие сведения использовались госбезопасностью как основание для репрессивных мер против партийных организаций и функционеров легальной партии. В ноябре–декабре 1946 г. были проведены тысячи обысков в помещениях ПСЛ по всей стране. По обвинению в связях с ВиН был арестован ряд крупных деятелей, среди них заместитель Миколайчика С. Межва, главный редактор еженедельника «Пяст» К. Бучек, секретарь Краковского воеводского правления ПСЛ М. Кабат и др. Тогда же госбезопасность провела обыски в варшавском центре ПСЛ и задержала члена Главного исполкома партии К. Багиньского. С середины декабря 1946 г. не работали 2700 низовых организаций ПСЛ. На 10 января 1947 г. под арестом находилось 2110 его членов, из них 1570 — за принадлежность к подполью и нарушение запрета на хранение оружия. Деятельность партии была запрещена в 25 уездных комитетах (перед выборами — уже в 43), в 36 повятах. Из 300 крупных уездных организаций были распущены 22. Параллельно происходило подавление вооруженного подполья (с октября 1946 г. и до выборов польская госбезопасность провела 1207 операций, в ходе которых было убито 600 человек и арестовано около 6 тыс.). Среди арестованных руководителей подпольных организаций были те, кто поддерживал ПСЛ. Осенью 1946 г. был взят под стражу очередной состав руководства ВиН и Народовых сил збройных, состоялись судебные процессы командного состава НСЗ, в декабре 1946 г. было вынесено 6 смертных приговоров. В результате различных мер сократилось представительство сторонников ПСЛ в государственных структурах. Были сняты с постов все воеводы и старосты — члены ПСЛ, ограничена компетенция министров от ПСЛ, в том числе С. Миколайчика. Представительство ПСЛ в органах местной власти по стране в 1947 г. было снижено до 1,3–2,3%. Серьезные позиции ПСЛ сохраняла лишь на «старых» землях (42%), особенно в Краковском, Келецком, Жешовском воеводствах (от 50 до 70%)⁶⁶.

Депутаты от ПСЛ фактически не влияли на работу президиума КРН и проиграли обсуждение проекта закона о выборах, предложенного депутатами от рабочих партий. Принятый 22 сентября закон был сформулирован так, что сводил к минимуму представительство ПСЛ в будущем сейме. По закону правом избирать впервые наделялись военнослужащие Войска Польского, что было важно для ППР, которая контролировала этот силовой институт, традиционно авторитетный в стране. Отказано было в праве голосовать лицам, сотрудничавшим с немецкими оккупантами, фашистскими организациями или с подпольными «бандами». В польских условиях такие критерии толковались и использовались властью расширительно и произвольно. В «лишенцы» были зачислены 409 326 человек, или 3,03% всех избирателей⁶⁷.

26 сентября 1946 г., когда Межпартийная согласительная комиссия официально создала избирательный Демократический блок четырех партий (ППР, ППС, СЛ, СД), было принято решение о выводе представителей ПСЛ из согласительных комиссий и замене их членами ПСЛ-НВ в органах власти и госаппарате, прежде всего высшего и среднего звена. Резко усилилась цензура печати ПСЛ, в первую очередь центрального партийного органа «Газеты Людовой». Подготовительный этап предвыборной борьбы завершился руководством ПСЛ с ощутимыми организационными потерями.

Зима 1946–1947 г. принесла изменения «снизу»: участился выход крестьян из ПСЛ. Из списков членов партии исчезали порой целые повятовые организации. Но меняли политическую ориентацию или отходили от участия в политике не только крестьяне. Колебания имели место среди сельской интеллигенции, особенно учительства, являвшегося оплотом ПСЛ в деревне. Часть сельской молодежи, традиционно организованной в массовом демократическом союзе «Вицы», который в конце 1946 г. насчитывал 465 тыс. членов⁶⁸, перемещалась от следования за Миколайчиком на позиции нейтралитета. Этот процесс проходил под воздействием ряда обстоятельств, в том числе жесткого давления, которое по мере приближения выборов в сейм оказывала пропаганда ППР и госбезопасность, пресекая антикоммунистическую агитацию, нелегальные действия и контакты членов и сторонников ПСЛ с подпольем, а также с польской политической эмиграцией.

Накануне выборов ПСЛ понесла новые ощутимые потери. Наиболее влиятельная общественная организация Польши, Союз польских учителей, перешел на сторону власти. В январе 1947 г. призвали голосовать за блок четырех партий члены ближайшего окружения Миколайчика Ю. Нечко, Ч. Выцех, К. Банах, А. Витос, В. Керник. Тем не менее ПСЛ подходило к выборам, имея немалый запас прочности, объединяя около 500 тыс. членов, и шло на выборы отдельным списком. Устойчивым было его влияние среди городского населения, особенно той части, которая была солидарна с Миколайчиком в противостоянии ППР. Так была настроена немалая часть польского общества. Она и составляла как демократический, так и вовсе не демократический, идейно близкий эндекам и санации, электорат ПСЛ. В пользу этой партии вели агитацию различные подпольные силы, прежде всего НСЗ и ВиН.

Накануне выборов в Польше в ЦК ВКП(б) считали союзниками ПСЛ католическую церковь и вышедших из ППС правых социалистов во главе с Ж. Жулавским, признавали, что «ПСЛ находит поддержку не только подпольных реакционных сил, ее поддерживают значительные силы кулацких зажиточных элементов польской деревни, часть городской интеллигенции, мелкой буржуазии, чиновников государственного аппарата». В Москве полагали, что «на предстоящих выборах польская демократия и ее ведущие силы держат серьезный экзамен»⁶⁹.

Согласно материалам прессы СЛ, в октябре–ноябре 1946 г. наблюдался рост численности СЛ за счет ПСЛ и восстановление партийной структуры от первичных кружков до воеводских организаций. Вступление в СЛ бывших членов партии Миколайчика сопровождалось во второй половине 1946 г. укреплением в среде левых людовцев традиционных аграристских постулатов людовского движения. Тем не менее коммунисты активно поддерживали процесс возрождения СЛ. Одной из главных задач для ППР и руководства СЛ было оторвать крестьян-людовцев от ПСЛ и удержать их на позиции ближайшего политического партнера рабочих партий в деревне⁷⁰.

ППР связывала успех на выборах не столько с изоляцией и подавлением идейно-политического противника, сколько с надежностью основного политического союзника — польских социалистов. Те, однако, нередко лавировали, предпочитая позицию посредника, рассчитывая быть третьей силой, которая выиграет в итоге от противостояния ППР и ПСЛ. Москву такая роль не могла устроить и, судя по документам советского руководства, над политическими действиями ППС был установлен совместный с ППР строгий контроль.

Как сообщал советскому послу Циранкевич, на заседании Межпартийной согласительной комиссии 31 октября Гомулка «возомнил себя диктатором», заявил, «что руководство ППР не имеет доверия к ППС, и поэтому не может предоставить ППС постов в ключевых министерствах», что подобные требования могут быть рассмотрены только после разгрома ПСЛ. Из этого председатель ЦИК ППС делал вывод: «отношения между ППР и ППС не по вине последней весьма осложнились... Положение сейчас очень тяжелое». Он убеждал советского дипломата в опасности действий ППР: «Если лидеры ППР имеют политический разум, они должны понимать, что мы должны пользоваться не только их доверием, но и доверием своих партийных масс, а этого нельзя добиться, если ППР будет вмешиваться во все наши внутренние дела... Органы госбезопасности на местах занимаются вербовкой пепеэсовцев с целью создать свою агентуру внутри социалистической партии...» «Если бы мне сказали, — продолжал лидер ППС, — что в Польше уже сейчас должна быть одна партия, тогда поведение Веслава было бы понятным. Но ведь дело обстоит иначе, а если говорить о будущем объединении ППР и ППС, то руководство ППР выбрало наихудшую дорогу на этом пути. Веслав не протягивает нам руку, а тянет нас за шиворот». В итоге Циранкевич сообщил, что на заседании Политической комиссии ППС 31 октября принято решение «просить товарища Сталина вмешаться в наши отношения с ППР. Мы целиком принимаем его арбитраж и последуем его совету»⁷¹. Просьба была доложена в Москву, и 9 ноября 1946 г. Деканозов направил в Варшаву ответ: Сталин примет Берута 19 ноября, остальных членов делегации, т. е. руководителей ППС и ППР, — 20 ноября 1946 г.*

Переговоры между ППР и ППС о распределении постов продолжились 10 ноября. Беседовали Берман и Циранкевич. Берман предложил до встречи со Сталиным «договориться и выехать уже с согласованной точкой зрения», а также выработать два документа: первый о сотрудничестве на выборах и второй — секретный — о распределении мест в будущем правительстве. 12 ноября на совещании представителей четырех партий блока было оглашено согласованное распределение мандатов в будущем сейме. ППР и ППС получали по 32%, СЛ — 25% и СД — 10%. Представители СЛ и СД потребовали и перед выборами добились увеличения своих мандатов за счет рабочих партий: СЛ — 27% и СД — 11%. Последовало решение назначить выборы на 19 января 1947 г.⁷²

Встреча коммунистов и социалистов со Сталиным состоялась 20 ноября 1946 г. в Сочи. Советский руководитель принимал генерального секретаря ЦК ППР В. Гомулку, члена Политбюро ЦК ППР Я. Бермана, генерального секретаря ЦИК ППС Ю. Циранкевича и председателя Главного Совета ППС С. Швальбе. Столь высокий партийный статус польских политиков свидетельствовал о принципиальной важности беседы. Сталину предстояло убедить социалистов в необходимости последовательного, без колебаний единства действий с коммунистами. Мнение Сталина о роли Миколайчика как громозвонка, предохраняющего блок четырех партий от натиска «реакции», не изменилось, но он требовал от Гомулки и Циранкевича объединить усилия в борьбе против ПСЛ на предстоявших выборах в сейм. Это требование было выполнено, и 28 ноября ППР

* Записей бесед 19 и 20 ноября в российских архивах не обнаружено. Сталин находился в это время на юге, где его встречи не протоколировались. Российскими документами, подтверждающими отдельную встречу Сталина с Берутом и раскрывающими содержание беседы 19 ноября, мы не располагаем.

и ППС подписали Соглашение о единстве действий. Социалисты остались довольны результатами визита к Сталину. 9 декабря 1946 г. В.Г. Яковлев записал в дневнике мнение Циранкевича: «...мы исполнены глубочайшей благодарности товарищу Сталину, который так тепло и сердечно нас принял. Визит к нему дал очень хороший результат... многие наши разногласия по сравнению с ответственностью, которую наши партии несут перед историей, являются часто малозначительными». Как обоснованно замечает исследователь Т.В. Волокитина, руководство ППС не торопилось выносить урок из опыта ПСЛ, «иллюзии о возможном равноправии с компартией сохранялись»⁷³.

Это показало дальнейшее развитие событий, а пока рабочие партии, полумиллионная ППР и насчитывавшая 300 тыс. членов ППС, приложили максимальные пропагандистско-политические усилия для победы на выборах. На западных землях они заручились поддержкой ПСЛ-НВ и СП, которые на остальной территории страны выступали самостоятельно. Накануне выборов политическая ситуация оставалась сложной. Но заметно улучшилось положение в экономике, замедлялись темпы инфляции, упал уровень безработицы, увеличивались зарплаты, оживал свободный рынок, что открывало доступ к разнообразным товарам, улучшилось снабжение по карточкам. В связи с освоением новых земель снизилась острота жилищного кризиса и безработица на «старых» территориях. Кроме того в предвыборный период был принят ряд решений, способствовавших укреплению ощущения стабильности у многих поляков, в особенности тех, кто переезжал из деревни в город, получал землю по аграрной реформе и поселялся на западных и северных территориях. За переселенцами по закону от 6 сентября 1946 г. было закреплено юридически право частной собственности на землю. Изменялось в лучшую сторону положение коренного польского населения бывших провинций Германии. Еще весной 1946 г. автохтоны получили права на польское гражданство при условии подтверждения их польской национальности. Такая процедура требовала времени, но осенью 1946 г. исполнение этого закона заметно ускорилося, что было ценно для миллионов людей. Вывезенные в 1945 г. вглубь СССР силезские шахтеры, часть которых считала себя немцами, а часть поляками-автохтонами, начали возвращаться домой.

Позитивный резонанс в обществе получило сокращение в 1946 г. почти в три раза численности Северной группы советских войск, которая передавала занимаемые территории и постройки польскому государству. Всеми слоями польского общества с удовлетворением воспринималось снижение советского военного присутствия в стране. В октябре 1946 г. было расформировано Управление войск МВД СССР по охране тыла СГВ, около 3 тыс. военнослужащих выведены на советскую территорию. Правда, по просьбе Б. Берута 64-я дивизия внутренних войск МВД СССР была оставлена в Польше до 1 марта 1947 г.⁷⁴ Ряды Войска Польского в 1946 г. покидали тысячи служивших по штату советских офицеров, место которых занимали польские офицеры, прибывавшие из Европы и из рядов АК, а также выпускники офицерских школ и советских военных училищ.

Обозначившиеся позитивные, прежде всего экономические перемены, улучшение социального положения людей находили отражение в массовом сознании и поведении тех, кто избирал мирную жизнь и восстановление страны. Производным этих процессов не могла не быть стабилизация политической ситуации и власти в стране. Намерения и действия политического и вооруженного подполья, по утверждению

К. Керстен, «в значительной мере расходились с настроениями общества. Концепция органического труда в рамках структур власти, за что выступала значительная часть поляков, не совпадала с идеей поддержания и развития независимой национальной жизни или деятельности, направленной против коммунистов»⁷⁵.

Большое воздействие на настроения поляков оказывала католическая церковь. По оценке советского посольства, позиция епископата характеризовалась «осторожной, но упорной, систематической и повсеместной деятельностью, направленной на сохранение и укрепление своего влияния в стране». Эта осторожность в полной мере проявилась в канун выборов в сейм. Церковь, несомненно, была на стороне оппозиции. Незадолго до выборов она призвала поляков принять активное участие в голосовании. Заявив, что церковь не вмешивается в политические дискуссии, епископат указал: выбирать надо тех, кто придерживается католического учения и морали, и не голосовать за тех, кто выдвигает «программы или способы управления, противоречащие здравому смыслу и благополучию государства и народа, христианской морали и мировоззрению»⁷⁶.

Но главное — епископат не призвал верующих к бойкоту выборов, что исключало срыв голосования. Объективно это было на руку власти, которая на рубеже 1946–1947 гг. демонстрировала стремление к налаживанию отношений со Святым престолом. Правда, заявление Б. Берута в ноябре 1946 г. о готовности к установлению контактов с польским епископатом не получило позитивного резонанса, но появление в среде активных светских католиков сторонников сосуществования с властью было, несомненно, выгодно ППР.

Руководство и партийные организации ППР провели перед выборами большую работу по формированию состава избирательных комиссий: в участковых комиссиях более 63% и в окружных 39% членов были коммунистами. 52,3% всех участковых комиссий состояли только из членов ППР. Кандидаты от ПСЛ по политическим мотивам (в основном «за связь с подпольем») не были зарегистрированы избирательными комиссиями в 10 из 52 округов. Польская госбезопасность организовала массовую вербовку среди местной администрации. Из 8698 завербованных лиц 347 были ксендзами и иными лицами духовного звания. Почти половина членов участковых избирательных комиссий (21 777 человек, или 47,2%) и окружных комиссий были агентами безопасности. Среди избранных депутатами сейма агентами спецслужб были 49 представителей некоммунистических партий. Несмотря на столь мощную и многоплановую подготовку к выборам, коммунисты не были уверены в их благоприятном исходе, и Берут еще в декабре 1946 г. через советника Давыдова обратился к Сталину за помощью. 10 января группа специалистов МГБ выехала в Варшаву. Но, как позднее докладывал в Москву ее руководитель, содействие не потребовалось, так как польские коллеги сами освоили применение неких «дополнительных мер»⁷⁷.

Выборы 19 января 1947 г., согласно официальным данным, состоялись при высокой активности избирателей. К урнам пришли 89,9% граждан, имевших право голосовать. За Демократический блок четырех партий отдали голоса 80,1%, за ПСЛ — 10,3%, за СП — 4,7%, за католиков — 1,4%, за ПСЛ-НВ — 3,5%. Места в сейме распределились следующим образом: коммунисты — 114 мандатов, социалисты — 116, СЛ — 109, ПСЛ — 27+1 (З. Жулавский прошел в сейм как независимый кандидат), ПСЛ-НВ — 7, СД — 41, СП — 15, светские католики — 5, беспартийные — 10 депутатских мест. Объявленные

итоги голосования означали победу Демократического блока. Он мог сформировать коалиционное правительство с решающим участием членов рабочих партий.

Проведя выборы, ППР и ППС выполнили предписание, данное Польше главами великих держав в Потсдаме. Но для коммунистов значительно важнее было подтвердить этой демократической процедурой легитимность власти в Польше, продемонстрировать полякам ее стабильность и вытеснить оппозиционную ПСЛ на периферию партийной системы и структур управления государством. Однако и в стране, и зарубежом понимали, что объявленные результаты выборов недостоверны*.

20 января 1947 г. В.Г. Лебедев направил в Москву сведения по выборам в гг. Кракове и Тарнове и в ряде участков Варшавы, где ход голосования контролировали представители ПСЛ, а также в западных регионах страны. Материалы свидетельствовали, что ПСЛ могла бы создать в сейме наиболее крупную партийную фракцию. Но даже они не говорили об абсолютной победе ПСЛ, что подтверждает и отчет группы МГБ, представленный Сталину: Демократический блок реально получил около 50% голосов, а в сельских районах, где проживало большинство населения страны, около 70%⁷⁸.

Согласно данным руководства ПСЛ, партия получила 69% голосов, что давало право создать депутатскую фракцию, определяющую законодательный процесс в сейме**. В случае договоренности людовцев с социалистами (коммунисты имели основания это предполагать, учитывая непрерывные колебания ППС), в стране мог возникнуть острый политический конфликт. Хотя документально подтвердить свою победу ПСЛ не могло, итоги голосования немедленно были опротестованы общим заявлением руководства партии о фальсификации и заявлениями во всех 52 избирательных округах. Протесты не были приняты во внимание властью. Не возымели действия и обращения Миколайчика к правительствам США и Великобритании, которые не решились на отказ признать польское правительство, созданное по результатам выборов. Такой отказ означал бы заявку на пересмотр из-за Польши геополитических итогов войны. Но ни западные державы, ни тем более СССР, не были готовы на конфликт и разрушение установленного ими баланса интересов в Европе.

Главное поражение С. Миколайчика состояло не в безрезультатности протестов, а в том, что сторонники ПСЛ, составлявшие значительную часть общества, осознавая факт фальсификации голосования, не проявили, как и после референдума, готовности к массовым действиям в поддержку оппозиции. Продемонстрированное неприятие власти во главе с коммунистами не переросло в кампанию гражданского неповиновения.

* Фальсификация как итогов референдума, так и парламентских выборов в Польше обуславливалась стремлением СССР не допустить политической дестабилизации в советской сфере влияния. Однако использование этого авторитарного приема управления политическим процессом вовсе не означало смены общественного строя, т. е. советизации, что применительно к Польше доказывают некоторые отечественные историки (Губианский Л. Советские цели в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблемы изучения источников // *Russian History / Histoire Russe. The soviet Global impact. 1945–1991. Idyllwild, California*. Vol. 29. N 2–4. 2002. P. 197–216).

** В 90-е годы польские историки неоднократно констатировали факт искажения итогов выборов, проводились поиски и расчеты результатов, которые подтверждали победу ПСЛ. Но достоверных данных 1947 г. не опубликовано.

Это следует связывать прежде всего с психологическим надломом многочисленных сторонников Миколайчика, с насилием, направленным на устрашение колеблющихся членов ПСЛ, на подавление вооруженного подполья и разрушение остатков «подпольного государства». Но надо иметь в виду и другие процессы. Под воздействием социально-экономических преобразований, успехов в государственном строительстве и освоении поляками новых земель изменялся социальный облик самого общества. Все более широкие массы людей начинали обретать свое место и уверенность в новой действительности, наблюдая постепенное улучшение экономической ситуации и рассасывание безработицы. В стране возникала специфическая атмосфера, когда, внутренне не доверяя власти, сотни тысяч рабочих, крестьян, представителей интеллигенции, служащих одобряли перемены в общественном строе, которыми руководили коммунисты, и принимали в них участие. Не желая ни новой мировой, ни, тем более, гражданской войны, чем было чревато вооруженное сопротивление «лесных» отрядов, они опасались социально-политической нестабильности. Без активной и устойчивой поддержки миллионов этих людей предлагавшаяся партией Миколайчика либерально-демократическая альтернатива авторитарной власти ППР была обречена.

I.4. «ЗАКАТ» ПСЛ.

«ПОЛЬСКИЙ ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ»

После выборов начался этап политической стабилизации в стране. 4 февраля 1947 г. состоялось заседание Законодательного сейма, где абсолютное большинство составляли депутаты Демократического блока. Их голосами при поддержке СП и ПСЛ-НВ были избраны руководители этого органа власти — маршал сейма (В. Ковальский от СЛ) и три вице-маршала: В. Барчиковский (СД), Р. Замбровский (ППР) и С. Швальбе (ППС). Сейм принял закон об учреждении поста президента. Им стал Б. Берут. В текст присяги президента, принесенной 5 февраля, была введена формула «Да поможет мне Бог». Этим подчеркивалось уважение религиозных чувств миллионов поляков и депутатов, представлявших интересы сообщества светских католиков. Вместо Президиума КРН был учрежден новый орган — Государственный совет при президенте страны. Госсовет обладал правом законодательной инициативы и издания декретов. Он контролировал деятельность рад народных — местных органов власти, и Высшей контрольной палаты, надзиравшей за финансовой и экономической отчетностью как органов власти, так и предприятий.

Президент и правительство наделялись функциями высшей исполнительной власти в стране. В состав коалиционного правительства, созданного 8 февраля, вошли 6 представителей ППР, 7 социалистов, 5 депутатов от СЛ, 3 — от СД, 2 от СП и 1 представитель ПСЛ-НВ. Новый кабинет возглавил генеральный секретарь ППС Ю. Циранкевич, вице-премьерами стали В. Гомулка (ППР) и А. Кожицкий (СЛ). Коммунисты сохранили за собой ключевые министерства — госбезопасности, промышленности, иностранных дел, просвещения и западных земель. Министром национальной обороны остался М. Роля-Жимерский. Социалисты возглавили министерства общественной администрации (МВД), восстановления страны, труда и социальной защиты, финансов, юстиции, внешней торговли и морского флота. Людовцы (СЛ) получили ведомства культуры и

искусства, лесов, почты и телеграфа, сельского хозяйства и аграрной реформы. СД и СП разделили поровну остальные портфели. ПСЛ в правительство не допустили.

Распределение мест в сейме и правительстве произошло по предварительному межпартийному соглашению и стало результатом волевой корректировки итогов выборов коммунистами и социалистами*. Большинство в правительстве досталось рабочим партиям (13 постов из 23), что позволяло сохранить режим народной демократии. Преобладание в сейме коммунистов и их твердых сторонников открывало возможность ППР управлять развитием этого режима.

19 февраля 1947 г. был принят закон о государственном устройстве и высших органах власти, который принято называть Малой конституцией. Основу документа составили нормы Конституции 1921 г., одной из самых демократичных в Европе, и главные положения Манифеста ПКНО о социально-экономических преобразованиях в стране. В результате в Малой конституции отражалась ориентация власти на удовлетворение запросов многочисленных «слабых» социальных слоев и было зафиксировано свойственное парламентской демократии разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Нарушением этого принципа являлось участие в Госсовете маршала сейма и его заместителей, представлявших законодательную власть, и главы Высшей контрольной палаты — структуры власти исполнительной.

Новая политическая элита использовала многие прежние названия органов власти, национальные традиции, например, флаг и гимн довоенного времени, присутствие капелланов в армии, военные церемонии, армейские мундиры и звания, чем подчеркивалось стремление власти сохранить преемственность, продолжать начатое в 1918 г. государственное строительство. Национальный колорит институтов власти был призван сокращать дистанцию между новыми правящими группами и большинством населения. Одновременно сохранявшиеся многопартийность и внутренняя оппозиция, как отражение многообразия социально-политических интересов населения, подчеркивали отличия польской системы власти, оформлявшейся в условиях гегемонии коммунистов, от властного механизма, действовавшего в СССР.

Признаком стабилизации положения в стране после выборов стало ослабление деятельности вооруженного подполья. «Лесные» отряды, которые все меньше поддерживало гражданское население, подавлялись польскими спецслужбами и армией, попадались или вырождались в уголовные, все больше занимались обыкновенным бандитизмом, продолжая декларировать высокие национально-политические цели своих действий**. По словам В. Гомулки (декабрь 1956 г.), в этой «малой гражданской войне»

* Нарушение или отсутствие свойственной демократическим системам процедуры свободных конкурентных выборов квалифицируется в современной политологии как один из основных признаков авторитарности политического режима (см. подробнее: Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995).

** В 2011 г. сейм Польши учредил новый государственный праздник — День памяти «проклятых солдат». Он отмечается ежегодно 1 марта в честь «героев [послевоенного] антикоммунистического подполья, которые с оружием в руках и иным способом защищали независимость Польского государства...». Постановление, инициированное правдой, националистической партией «Право и Справедливость», было поддержано правительством Д. Туска. Учреждение Дня памяти встречено в обществе, научной среде и

погибло 30 тыс. членов партии и солдат Войска Польского*. Были убиты около 8 тыс. участников подполья. В исследованиях польских историков приводятся иные данные: 10 тыс. погибших подпольщиков, в том числе 2–2,8 тыс. казненных по судебным приговорам; потери их противников представляются существенно меньшими — 4–5 тыс. человек. По другим польским данным, потери силовых структур правительства в 1944–1947 гг. составили 9875 человек (4018 милиционеров, 3729 военнослужащих армии и госбезопасности, 495 членов добровольной рабочей милиции). Кроме того жертвами подпольщиков стали 5043 безоружных граждан, в том числе 2655 крестьян, 691 женщина-домохозяйка и 187 детей до 14 лет. Вооруженное подполье потеряло в ходе борьбы 7672 человека. Общая цена этого противостояния с обеих сторон измеряется 25–30 тыс. жизней⁷⁹.

Распаду военно-политического подполья, включению активных и пассивных его участников в мирную жизнь, нормализации положения на территориях, охваченных действиями вооруженных отрядов, способствовало гуманное решение президента страны. Первым документом, подписанным Б. Берутом, стало помилование 5 офицеров АК, в том числе Я. Жепецкого, приговоренных к большим срокам наказания по процессу командования ВиН. 22 февраля депутаты сейма единогласно приняли декрет об амнистии политзаключенных, в соответствии с которым к маю 1947 г. были освобождены более 55,5 тыс. человек. Подавляющая часть амнистированных — это участники подполья и дезертиры из рядов Войска Польского и спецслужб⁸⁰. Тем не менее разрозненное подполье просуществовало еще не один год. Мощный импульс к борьбе против «двух врагов», заданный в годы войны, иссякал медленно. Его «отзвуки» были слышны в первой половине 50-х годов, но заметной опасности для власти они не представляли.

Важными факторами, стабилизовавшими обстановку в стране после выборов, являлись завершение выселения немцев и репатриация в СССР представителей национальных меньшинств, в том числе наиболее многочисленного — украинского. Репатриация позволяла «снять» межнациональные противоречия, прекратить вооруженное инациональное противостояние на территории Польши. Но сторонники ОУН и участники отрядов УПА не утратили массовой поддержки, поскольку в конце 1946 г. на юго-востоке страны проживали 150–200 тыс. «польских» украинцев, сумевших избежать депортации в СССР.

Проблема подавления украинского сепаратизма оставалась для власти актуальной. К этому времени украинское вооруженное подполье, потеряв на территории Польши до

СМИ неоднозначно. Идет дискуссия в Интернете. Многие авторитетные ученые разных убеждений и политических взглядов выступают против «исправлений» национальной истории. Ученые настаивают на необходимости углубленного изучения прошлого, в том числе, на объективных характеристиках облика послевоенного, далеко не единого подполья и не всегда лишь политических целей подпольщиков (Анализ «исторической политики» и критику «Дня памяти „проклятых солдат» см., например: *Kwiatkowski S. Polityka historyczna w okresie przełomu ustrojowego // Myśl socjaldemokratyczna. 2011. N 3–4; Przegląd-Tygodnik. 2012. 9 maja*).

* Число погибших советских солдат и офицеров за весь период борьбы с польским военно-политическим подпольем документально не установлено. В научной литературе применительно к отдельным отрезкам времени фигурируют данные от 500–800 до 1000 и 1980 человек, павших в том числе жертвами пыток и убийств подпольщиками.

4 тыс. бойцов, насчитывало от 2,5 до 6 тыс. человек и вело борьбу против поляков за независимую Украину. После отказа СССР в начале 1947 г. возобновить репатриацию украинцев на советскую сторону руководство ППР 16 апреля приняло решение «закрыть» проблему путем внутренних переселений «этих людей, рассеяв их отдельными семьями по территории Присоединенных земель, где они [украинцы] быстро ассимилируются». Не предполагалось никаких исключений для лиц, состоящих в смешанных браках, для членов рабочих партий и сторонников власти — украинцев по национальности. На освобожденных территориях планировали поселить 70 тыс. польских колонистов⁸¹.

Избранный властью способ подавления вооруженной и политической деятельности ОУН-УПА — этническая чистка территории — поддерживался всеми политическими силами Польши, был утвержден правительством и согласован с советской и чехословацкой сторонами. Москва и Прага, заинтересованные в ликвидации «польского» очага украинского сепаратизма, выполнили просьбу Варшавы от 18 апреля 1947 г. «о возможно тщательном закрытии границы». Выселения украинцев готовились и осуществлялись командованием Войска Польского и спецслужбами как войсковая операция. Акция, получившая название «Висла», началась 28 апреля 1947 г. В ее проведении были задействованы пехотные дивизии, механизированный полк, полк саперов, полк милиции, авиационная эскадрилья связи, десятки офицеров госбезопасности и дивизия Корпуса внутренних войск. Общая численность военнослужащих, участвовавших в акции, составила 20–21 тыс. человек. Выселения продолжались до осени и сопровождались столкновениями регулярных войск с отрядами УПА. Согласно официальным данным, за этот период было принудительно переселено на новые места жительства свыше 140 тыс. украинцев. Потери ОУН-УПА, по разным данным, составили от 1335 до 1837 человек арестованных и убитых. На территориях, подвергавшихся этнической чистке, действовали военная прокуратура и военно-полевые суды, наделенные полномочиями немедленно приводить в исполнение приговоры в отношении лиц, задержанных с оружием в руках. В специальный концлагерь в районе г. Катовице были заключены около 4 тыс. человек — мужчины, женщины и дети. По приговорам военно-полевых судов назначались различные сроки изоляции. Из 315 осужденных было приговорено к смертной казни 173 человека⁸².

Украинская греко-католическая церковь поддерживала ОУН-УПА и разделила судьбу народа. Были арестованы 202 священнослужителя. Они оказались в концлагере вместе с пятью православными священниками и представителями украинской интеллигенции. Структуры греко-католической церкви были разрушены. Храмы и прочие владения передавались Польским римско-католической и православной церквям, часть недвижимости поступала в распоряжение государства. 1947 год завершил историю украинского подполья в Польше. Прекратила официальное существование и греко-католическая церковь. Настало время запланированной ассимиляции, ускоренного превращения украинцев в поляков.

Все то, что в 1944–1947 гг. происходило в Польше с украинским населением, — насилие над жизнью людей, попрание прав украинских граждан, жестокая акция «Висла», которая проводилась под лозунгом «этого требует от нас весь народ», совершалось с согласия большинства польского общества при молчании Польской римско-католической церкви. В отношении украинского сепаратизма поляки занимали сторону власти.

К весне 1947 г. расстановка политических сил в стране претерпела существенные изменения. ПСЛ, скромно представленное в парламенте, осталось в оппозиции. Партия не лишилась права голоса и участия в дискуссиях, но не имела возможности влиять на принимаемые решения. Попытки депутатов от оппозиции корректировать проекты законов отвергались депутатами Демократического блока. После обнародования итогов выборов усилился обозначившийся еще в 1946 г. процесс сокращения численности ПСЛ. Ряды партии покидали крестьяне-людовцы разных районов страны. На территории Великой Польши, которая, как и Малая Польша, еще недавно была бастионом ПСЛ в деревне, уже в конце января 1947 г. из 60 тыс. осталось 2–3 тыс. членов партии. В Краковском воеводстве из 6 действовавших повятовых организаций возобновили работу после выборов только 3. Уходили из ПСЛ и жители городов, в том числе представители интеллигенции. Численность партии многократно сократилась⁸³.

Наиболее интенсивно оставляли партию крестьяне, получившие землю по реформе, и недавние сторонники Миколайчика в западных районах Польши. Они переходили к другим политическим силам или становились аполитичными. Немалая часть ПСЛовцев вступала в рабочие партии, в первую очередь в ППС. Незначительная часть переходила в СЛ, влияние которой на новых землях было весьма скромным, в отличие от традиционно сильных позиций левых людовцев среди деревенской бедноты в «старой» Польше, где реформа лишь несколько улучшила обеспечение крестьян землей. Бывшие члены ПСЛ (среди которых было немало состоятельных крестьян) привносили в СЛ, контролируемое ППР, стремление к партийной самостоятельности и оппозиционные настроения в отношении рабочих партий, в особенности ППР.

Однако ПСЛ сохранило костяк функционеров и актива на многих «старых» землях, где действовали подпольные отряды. В ряде «гминных рад» Варшавского, Люблинского, Келецкого, Жешовского воеводств представительство ПСЛ весной 1947 г. все еще было больше, чем у Демократического блока⁸⁴. Иными словами, ПСЛ, предлагавшее стране либерально-демократическую альтернативу развития, все еще располагало поддержкой в ряде регионов страны и вело за собой оппозиционно настроенную часть населения. Опубликованные в начале 1947 г. программные документы СЛ, ПСЛ и ПСЛ-НВ немногим отличались друг от друга по идейным установкам и программным положениям, что создавало предпосылки для сохранения влияния ПСЛ в людовском движении.

Тем не менее неблагоприятные для ПСЛ итоги выборов способствовали активизации деятелей, выступавших за приспособление к новой политической ситуации, корректировку курса партии и перемещение ПСЛ с правого фланга в «центр» людовского движения*. В ПСЛ возникла еще одна внутренняя оппозиция. Прозвучали критика лидера и требование смены руководства ради спасения партии. Главный совет констатировал «если не катастрофу, то глубокий шок» в ПСЛ, неудачу попыток Исполкома освободиться от лиц, связанных с подпольем. Группу политиков, оппонировавших руководству ПСЛ, возглавил деятель учительского движения Ч. Выцех. Они считали

* Роль «центра» накануне выборов пыталось с помощью ППР сыграть ПСЛ-НВ, которое располагало теперь мандатами в сейме, но осталось для людовцев малоавторитетной организацией. По решению лидеров ПСЛ-НВ Т. Река и Б. Джевецкого к концу 1947 г. партия прекратила свое существование. Часть ее сторонников влилась в СЛ.

большой ошибкой то, что в свое время СЛ-РОХ не перешло в лагерь ПКНО, осуждали тактику Миколайчика «плыть на волне общественного недовольства», замыслы превратить выборы 1947 г. в «международное столкновение». Новым в постулатах оппозиции было признание союза с СССР в качестве принципиальной основы внешней политики страны и динения всех людовских партий и группировок. Вместе с тем оппозиционеры видели свою задачу в том, чтобы дать ПСЛ «реальное направление, которое в свою очередь воздействует на укрепление ослабленного теперь гегемонией рабочих партий влияния крестьян в государстве»⁸⁵.

В конце февраля 1947 г. группа Ч. Выцеха, представлявшая организации ПСЛ Варшавы, Вроцлава, Щецина, Ольштына, Кракова, Кельце, Катовице, оформилась как фракция, приняв название ПСЛ-левица (ПСЛ-Л). Вскоре она объявила о начале борьбы за смену лидера ПСЛ. Из 27 депутатов сейма от ПСЛ 10 были оппозиционерами. Руководство ПСЛ исключило Выцеха и его сторонников из партии и распустило ряд следовавших за ним воеводских правлений. Тем не менее с середины 1947 г. стал нарастать процесс создания ячеек «левицы» на месте недавних парторганизаций ПСЛ. В мае 1947 г. Госсовет Польши поручил «местным радам народоым предусмотреть представительство ПСЛ-левицы в составе рад народных», а Центральная межпартийная согласительная комиссия от имени ППР, ППС, СЛ, СД и ПСЛ-НВ рекомендовала низовым инстанциям власти наладить сотрудничество с комитетами «левицы». К осени 1947 г. произошло резкое падение представительства ПСЛ в местных органах власти, что было следствием не только внутреннего распада «низовых» организаций, репрессивных мер польской госбезопасности против подполья и связанных с ним структур ПСЛ, но и фактического допуска сторонников «левицы» к участию во власти на местах.

8 сентября 1947 г. на заседании Исполкома Миколайчик признал положение ПСЛ безнадежным, но не проявил готовности распустить партию, на чем настаивали его сподвижники. В конце сентября почти половина членов Исполкома открыто поддерживала фракцию. Для обсуждения положения в партии деятели ПСЛ-левицы созвали 5 октября 1947 г. партийный актив, где потребовали переизбрания Миколайчика (западная печать уже называла его «сравнительно малозаметной фигурой») и Исполкома, немедленного созыва Главного совета как высшего органа, действовавшего между съездами партии. Были одобрены все проведенные в стране реформы, индивидуальное крестьянское хозяйство признано основой справедливого строя, а крестьянско-рабочий союз — «вытекающим из тесных экономических связей рабочего и крестьянина». Союз с восточным соседом назван важнейшим принципом польской внешней политики⁸⁶.

Это означало, что политическая миссия Миколайчика в истории Польши завершилась*. Этот политик, оказавшись в изоляции внутри партии, не имел надежных и заинтересованных союзников на Западе, в отличие от коммунистов — на Востоке. 17 октября 1947 г. он обратился в посольство США с просьбой помочь покинуть страну,

* Имеющаяся в научной литературе информация о том, что летом 1947 г. польский посол в СССР М. Нашковский дважды привозил «требования» Москвы арестовать и судить Миколайчика, не представляется достоверной: были бы «требования», было бы и исполнение (*Sobór-Świderska A. Jakub Berman. Biografia komunisty. Warszawa, 2009. S. 212*).

получил согласие посла и содействие поверенного в делах Великобритании. 20 октября грузовик английского посольства доставил лидера ПСЛ в Гдыню. 21 октября морским путем он покинул Польшу, 26 октября прибыл в Лондон⁸⁷.

Тем временем 25 октября 1947 г. в Варшаве были избраны новые руководители фракции ПСЛ в сейме, сформирован временный Исполком, куда вошли Ю. Нечко, Ч. Выцех и другие оппозиционеры. Новое руководство приступило к воссозданию организаций на местах, призвало членов ПСЛ «к честному и без колебаний сотрудничеству с правительством и демократическими партиями», к союзу с СССР, который «обеспечивает наши границы на Западе», к признанию того, что ПСЛ должна «в союзе с ППР и ППС работать для укрепления народной демократии»⁸⁸. Таким образом, партия, пользовавшаяся доверием значительной части деревни, сделала новый политический выбор, отказываясь от противостояния коммунистам.

Итоги выборов в сейм отразились на Союзе крестьянской молодежи «Вицы», который возглавлял С. Игнар, в годы оккупации — участник Батальонов Хлопских (БХ). В апреле 1947 г. съезд «Вицы» отразил шедшую среди молодых людовцев «работу над ошибками». Делегаты признали, что стояли на неверных позициях, что деятельность правительства во многом соответствует интересам крестьянства, а союз крестьянства с рабочим классом является «основным условием существования и развития» Польши. Был принят итоговый документ, где признавалась платформа народной демократии, содержался призыв к членам Союза активизировать участие в строительстве нового государства, сохраняя при этом самостоятельность «Вицы». Осенью 1947 г. было подписано соглашение о сотрудничестве с организациями молодых коммунистов и социалистов⁸⁹.

Таким образом, с весны 1947 г. в крестьянском движении происходили существенные изменения: сокращалось влияние сторонников Миколайчика, укреплялись, смещаясь к «центру», новые фракции и группировки, готовые к сотрудничеству с ППР и ППС. СЛ становилось партий не только деревенской бедноты, как ранее, но и владельцев средних земельных наделов⁹⁰. В первые месяцы 1947 г. процесс укрепления СЛ был особенно заметен там, где еще недавно была сильна ПСЛ, а теперь происходили «групповые переходы крестьян из ПСЛ» в СЛ, ряды которого выросли до 275 тыс. членов. К началу 1948 г. не ПСЛ, а эта партия стала представлять интересы крестьянства в местных органах власти и многопартийной системе страны⁹¹. Как и прежде, коммунисты поддерживали главного своего союзника в деревне.

Весна–лето 1947 г. во всех партиях и движениях — это время острых дискуссий о дальнейшем развитии Польши. Не стали исключением и людовцы. Споры сосредоточились вокруг доктрины аграризма. ПСЛ-левица признала общность задач и программных принципов людовских и рабочих партий. Выводы, которые делал лидер «левицы» Ю. Нечко, подрывали основу основ аграризма — тезис о крестьянском сепаратизме и крестьянской гегемонии в польском обществе. Наиболее критичную позицию занимал молодой политик С. Игнар, который видел в аграристских принципах причины и истоки многочисленных поражений движения, считал несостоятельными многие положения доктрины, еще недавно казавшиеся незыблемыми. Он называл утопией веру в «буржуазную демократию» и потребительско-сбытовую кооперацию как основу экономического и политического устройства Польши: «Мы не можем выдвинуть вместо того, что является великим, ничего равновеликого». Впрочем столь резких оценок, которые давал доктрине аграризма С. Игнар («Аграризм меня не устраивает, мне больше

по душе исторический материализм»), придерживались лишь немногие функционеры ПСЛ-левицы⁹².

Дискуссия об аграризме показала, с одной стороны, его укорененность в людовской среде, а с другой — нарастание критики, поскольку это идейное оружие не обеспечило людовцам успеха в борьбе за власть. Становились неактуальными постулаты аграризма и планы крестьянской кооперативной республики, но политическая часть (претензии людовцев на роль лидера нации, на главенство или, по меньшей мере, равенство в крестьянско-рабочем союзе) оставалась привлекательной как противовес концепциям рабочих партий о национальных путях продвижения к социализму.

Коммунисты критиковали аграризм, соотнося его с реальной действительностью. Публицисты «Трибуны вольности» отвергали строительство аграрного государства, абсолютизацию роли потребительско-сбытовой кооперации и предложения превратить Польшу в экспортера сельскохозяйственной продукции. В дискуссии об аграризме включился теоретический орган ППС «Пшеглэнд социалистyczny». Его публицисты использовали споры людовцев для изложения своей позиции по вопросу о кооперации, где разногласия с коммунистами были весьма серьезными. Они оценивали кооперацию как «решающий координационный фактор», который свяжет деревню с плановой экономикой, будет организатором и регулятором производства. Социалисты, как и ППР, не принимали исходного постулата аграризма о возможности сельского хозяйства решить экономические проблемы страны и тезиса о сохранении аграрного облика Польши, определяли возврат к аграризму, как кошмар, который «можно понять, но трудно простить, имея в виду его отрицательное воздействие на мышление польской деревни»⁹³.

В середине 1947 г политическая судьба доктрины аграризма была в значительной мере предreshена, становились бесперспективными планы тех, кто добивался ее превращения в государственную политику, альтернативную курсу рабочих партий. Нарастание критики доктрины внутри людовского движения ускоряло его идейно-политическую трансформацию.

Определение будущего Польши находилось в руках ППР и ППС. Обе партии видели общую цель — социализм, но существенно расходились в понимании его содержания, способов и путей достижения. Обсуждение перспектив режима народной демократии активизировалось в период существования сильной либерально-демократической оппозиции, предлагавшей альтернативную внутреннюю и внешнюю политику. Хотя разногласия между ППР и ППС возникали регулярно, единым оставалось восприятие народной демократии как альтернативы санационному прошлому и демократическим концепциям мелких собственников, аграризму в частности, с одной стороны, и советскому опыту — с другой. Коммунистов и социалистов объединяло тогда восприятие этапа народной демократии как некой переходной ступени к социализму через длительное функционирование многопартийной политической системы и многосекторной экономической структуры.

Этот этап В. Гомулка подробно охарактеризовал, выступая в ноябре 1946 г. на совместном собрании городского актива коммунистов и социалистов Варшавы. Он говорил о принципиальных отличиях «пути народной демократии», или «польского пути к социализму», от советского варианта перехода к социализму. «Польский путь» он видел в смене власти невооруженным путем, в возможности обойтись без диктатуры пролетариата, сохранив нормы парламентской демократии, разделение законодательной и

исполнительной властей, многопартийную систему, в сохранении крестьянской собственности на землю, в специфическом отношении власти к церкви, кооперации и др.⁹⁴

Фактически Гомулка излагал то представление о несветском «национальном пути» к социализму, которым Сталин делился с руководителями ППР и ППС на неоднократных встречах в Кремле. Концепция особого «пути к социализму» как теоретическая база постепенной трансформации переходного общества и режима народной демократии служила для двух рабочих партий неким связующим звеном их сотрудничества вплоть до выборов. Выборы, превратив ПСЛ в представительство оппозиционного меньшинства, одновременно перевели эту концепцию в плоскость актуальной политики, усилили дискуссии вокруг проблемы перехода к социализму и облика нового строя. Те «подсказки», которые Сталин делал на встречах с польскими коммунистами и социалистами в 1946 г., воспринимались теперь как предоставление ППР и ППС возможностью для самостоятельного выбора решений на совместном пути к национально окрашенной модели социализма.

Актуализация дискуссий была связана с заметным оживлением после выборов в руководстве и партийных «низах» ППР сторонников ускоренного перехода к советской модели организации общества, что в ППС воспринималось как рост опасности «сползания» к управлению по-советски, т. е. к диктатуре пролетариата. Правда, В. Гомулка, опираясь на свой немалый авторитет в партии, вопреки давлению коммунистов-догматиков, отстаивал концепцию эволюционного «польского пути к социализму» в обход советских «негативов» (диктатура пролетариата, колхозы, атеизм), несовместимых с польской «почвой». Вместе с тем, 1947 год показал, что концепция Гомулки и его текущая политика были противоречивыми. Они представляли собой соединение устоявшихся представлений об исторической миссии коммунистов, их праве на власть, сталинских новаций о постепенном продвижении к социализму, используя парламент и принципы «буржуазной демократии», и собственного понимания возможности «развития к социализму через народно-демократический строй»⁹⁵.

Лидер партии, реагируя на имевшуюся в массовом сознании оценку внутренних процессов как советизацию Польши, поддерживал идею «национального социализма». Тем самым он отвечал отрицательно «нетерпеливой» леворадикальной части руководителей и членов ППР, стремившейся ускорить переход к новому строю. Однако он соглашался с предложением такого ортодокса коммунизма, как Г. Минц, ограничить независимость частного и кооперативного секторов от государства, что противоречило идее особого пути к социализму. Настаивая на необходимости единства действий ППР и ППС, Гомулка признавал право на гегемонию в политике и в рабочем движении только за коммунистами. Он считал ППР той силой, которая обеспечит, в том числе с помощью насилия, устойчивость народно-демократического режима и под руководством которой может произойти создание единой рабочей партии и продвижение по «польскому пути к социализму». Такая политическая логика не предполагала длительного существования ППС.

По иному конкретизировали теоретические представления о переходе к социализму идеологи ППС, небезосновательно опасавшиеся левых радикалов в руководстве ППР и в рядах своей партии. В отличие от дискуссий в коммунистической среде, где речь шла не столько о теории, сколько о содержании актуальной политики партии-гегемона, споры в ППС во многом являлись теоретическими, так как партия была на

вторых ролях в системе власти. Крупные теоретики и публицисты ППС — Ю. Хохфельд, О. Ланге, Я. Топиньский, А. Рапацкий и др., занимая центристские позиции, определяли идейное лицо ППС. Они развернули широкую дискуссию на страницах печати о дальнейшем развитии страны, темпах, направлении и характере грядущих преобразований. Эта партийная интеллигенция, как и сторонники Гомулки в ППР, соединяла «польский путь к социализму» с традициями народа, его исторической памятью и менталитетом. Как и часть коммунистов, она была уверена, что в Польше «нет места буржуазному либерализму, как нет места и пролетарской диктатуре. Есть место определенному синтезу революционных перемен, медленных перемен при опоре на предыдущие изменения». Синтез революционного и эволюционного путей к социализму, считали в ППС, в итоге даст «польскую модель социализма»⁶.

На этом общность взглядов представителей двух партий в основном заканчивалась. В отличие от коммунистов, в рассуждениях многих теоретиков ППС особое место занимала проблема демократии, понимаемая как политический плюрализм и наличие гражданских свобод. Правда, была готовность временно отступить от принципов демократии, признать необходимость коалиционной власти, организованной «по соглашению», а не в результате всеобщих и конкурентных выборов: «...блок должен существовать до того момента, пока не будет иного порядка в государстве, порядка в экономике. Когда все урегулируется, тогда перейдем к голосованию, чтобы показать силу польского социализма». Соглашаясь с ограничением демократии в переходный период, идеологи ППС «разглядели» то напряжение всех сил и затрат общества, с которым позднее оказался связан период советизации Польши «по Сталину». Они полагали, что эволюционный путь к социализму позволит снизить «для польского народа цену революции»^{*}.

Теоретики ППС считали будущий «польский социализм» гуманным строем, основание которого составляют парламентская демократия, свобода печати, собраний, слова и объединений («в границах законов и безопасности революционных завоеваний»), «контроль и влияние общественного народного фактора», т. е. самоуправление народа. Такая модель «демократического социализма», полагали в ППС, постепенно вызреет на польской «почве». Будучи частью общеевропейского социалистического движения, которое после войны было представлено во власти многих стран континента, и разделяя его демократические принципы, ППС своей концепцией оппонировала польским коммунистам по ряду принципиальных политических вопросов. Как и коммунисты, социалисты считали условием успешного пути к социализму единство действий двух рабочих партий на народно-демократическом этапе. Но коммунисты расценивали социалистов не как стратегического партнера, а, по словам одного из руководителей ППС Т. Цвика, — как контрагента, который «небезопасен для ППР или для той концепции, которую она создала». В политической прак-

^{*} Как считает российский историк Т.В. Волокитина, этот тезис ППС развивал сталинскую идею о мирном пути к социализму и превосходил ее самой постановкой вопроса о цене общественной трансформации в краткосрочной и долгосрочной перспективе. С прогностической точки зрения тезис социалистов «обладал огромной, но, к сожалению, не востребованной обществом потенциалом» (Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948. М., 1998. С. 90–91).

тике ППР социалисты имели все основания видеть вероятность скорого отказа от народно-демократической модели, от взаимодействия между ППС и ППР и вообще от существования ППС⁹⁷.

Подходы социалистов к вопросам собственности, государственного строительства и управления также были существенно иными. В отличие от коммунистов, для которых высшей формой обобществления была государственная собственность, социалисты рассматривали огосударствление как ограниченный вариант обобществления лишь важнейших для жизнедеятельности страны сфер экономики (ключевые отрасли крупной промышленности, включая военное производство, добыча полезных ископаемых, железные дороги, банки, кредит, связь, страхование, внешняя торговля). Между тем политика ППР в этой сфере в 1947 г. давала социалистам основания считать реальной угрозой «этатизации» экономики, расширения позиций государства, формирования особого слоя управленцев и сосредоточения в их руках принятия политических и экономических решений. Наибольшие разногласия с коммунистами касались роли кооперации и частного сектора. Социалисты считали кооперативный и частный сектора, функционирующие автономно от сектора государственного, наиболее предпочтительной и перспективной формой производства и обмена при социализме. Для них кооперация — это главный элемент будущего строя, связывающий производителя и потребителя.

Широкие дискуссии в ППС, выступления интеллектуальной элиты в печати показали, что созданное после выборов коалиционное правительство вовсе не стало, как хотелось бы ППС, «правительством общей концепции». Подходы ППС вызвали волну критики со стороны коммунистов. Выступавшие в печати идеологи и публицисты ППР Я. Берман, Р. Верфель, С. Ендриховский, А. Шафф и др. исходили из идеологических догм коммунистов о решающих позициях в экономике государственной собственности, контролирующей роли государства, но учитывали и текущие экономические и политические задачи ППР. Хозяйственная жизнь Польши возрождалась усилиями всех секторов экономики при определяющем, в силу форс-мажорных послевоенных обстоятельств, вкладе государственного сектора. Государство содействовало оживлению мелкотоварного производства и обмена в городе и деревне. Государственный сектор, контролируемый властью, и остающаяся вне этого контроля существенная часть экономической сферы вместе взятые постепенно увеличивали производство валового национального продукта и обеспечивали постепенное восстановление и развитие хозяйства страны*.

Общими усилиями достигалось улучшение жизни населения, что постоянно обещали полякам коммунисты, и от выполнения их обещаний во многом зависела внутренняя социально-политическая обстановка в стране. Экономические успехи, особенно заметные при сравнении с послевоенной разрухой, укрепляли идеологические представления коммунистов о решающей роли государства. Они все настойчивей выступали за максимальное сосредоточение собственности, рычагов управления и

* За 1946 г. и первый квартал 1947 г. на 40% выросло число занятых на частных предприятиях в строительстве и на 37% в ремесле и торговле (Nowe drogi. 1947. № 5; Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948. С. 108-109).

распределения национального богатства в руках государства, что давало монополистическую политическую власть тем, кто управлял и распределял. Социалисты отвергали централизацию, поскольку видели опасность возникновения государственной бюрократии и ее привилегий на распределение национального достояния, а значит и на власть. В конечном счете спор был о том, кому будет принадлежать право принятия решений в стране: обществу (социалисты) или управленцам (коммунисты).

13–14 апреля 1947 г. состоялся пленум ЦК ППР. Он подтвердил принятый на I съезде ППР генеральный курс на углубление народной демократии, «которое в перспективе приведет к новому социалистическому качеству». Была рассмотрена экономическая политика партии. Вопрос о ликвидации частного и ограничении кооперативного секторов экономики на пленуме не ставился. Но в докладе Г. Минца, члена Политбюро ЦК ППР и министра промышленности, имелись «следы» советского опыта реконструкции экономики. Министр говорил о национализации как высшей форме обобществления, о распространении государственного контроля на частный и кооперативный сектора, что обеспечит динамичное развитие и сделает промышленность полностью социалистической. Таким образом, была обозначена близкая перспектива разрушения системы взаимодействия разных секторов экономики и открыта возможность перехода к односекторному хозяйству, что соответствовало советской модели социализма.

Обсуждался на пленуме и вопрос о политической системе: допускалось существование партий-союзниц, контролируемых коммунистами, но было высказано сомнение в возможности существования двух партий, претендующих на выражение интересов рабочего класса. В. Гомулка утверждал, что после выборов в ППС усилилось влияние тех ее членов, кто пришел из ППС-ВРН, что и определяет место социалистов на правом фланге Демократического блока. Глава ППР выступил резко против требований этой «немарксистской» партии паритета партийного представительства в армии, госбезопасности и милиции. Как перспективная, но не отдаленная цель было названо «органическое единство» двух рабочих партий, за чем фактически стояла претензия ППР на поглощение ППС. Таким образом, принятые на пленуме ЦК ППР решения намечали принципиальные изменения в стратегии партии⁹⁸.

Представления ППР и ППС о направлении дальнейшего развития страны переместились в плоскость практической политики при обсуждении 3-летнего (1947–1949 гг.) плана восстановления страны. Обе партии видели главную задачу в том, чтобы обеспечить повышение жизненного уровня населения, но пути к этому выбирали разные. В итоге дискуссий на государственном уровне были приняты противоречивые решения. 2 июня 1947 г. сейм принял закон, фактически направленный на расширение государственного контроля над частным сектором, на ограничение и подчинение государству частной инициативы, а также кооперативного сектора в торговле. Это был шаг к свертыванию частного сектора и огосударствлению кооперации. 2 июля 1947 г. в сейме утвердили предложенный видным экономистом, социалистом Ч. Бобровским закон о 3-летнем плане, который действовал до начала 1948 г. Согласно этому документу, подъем польской экономики начинался с развития средств потребления, а затем накопленные ресурсы должны были вкладываться в развитие промышленности. Принятие двух, казалось бы, взаимно исключающих документов, свидетельствовало, что рабочие партии Польши пока не сделали окончательного выбора курса. При всех

разногласиях партии еще видели в «польском пути к социализму» шанс для самостоятельной внутренней политики при продолжительном движении к цели, рассчитывая тем самым ослабить зависимость от СССР.

Таким образом, начиная с лета 1945 г и до середины 1947 г. страна прошла этап ожесточенной борьбы за власть и насильственного «расставания» с либерально-демократическим, крестьянским вариантом развития. «Поражение» ПСЛ на выборах в сейм отразило укрепление позиций ППР на всех уровнях власти и госаппарата. Советское присутствие, несомненно, сыграло в этом свою роль. Применение элементов авторитаризма в «пакете» методов, использованных коммунистами, было во многом связано как с задачей удержать власть, так и с утверждением геополитически обусловленных границ польского государства. Подполье, постепенно лишаясь прежней поддержки населения, было бессильно перед спецслужбами, регулярной польской армией и подразделениями НКВД–МВД СССР. Участие последних в подавлении сопротивления власти коммунистов в Польше сопрягалось с задачей обеспечения безопасности СССР и сферы его интересов, но не с введением советских порядков. При одобрении общества завершалось создание мононационального государства (выселения немцев и украинцев, репатриации поляков). Набирал ход процесс восстановления экономики. В рабочих партиях шли дискуссии о социализме. Социалисты обсуждали польский вариант «демократического социализма», но не решались на политическое «плавание», свободное от коммунистов, и социалистическая альтернатива общественного развития, предлагавшаяся ППС, становилась маловероятной.

В. Гомулка и его единомышленники в ППР вели речь о «польском пути» к социализму, видя в этом возможность соединить как общие (власть и безопасность), так и отдельные (национальная специфика развития, снижение зависимости от Москвы) интересы Польши и СССР. Но после выборов в сейм активизировали наступление сторонники «социализма по Сталину». СССР удержал Польшу в сфере своих интересов, получил дружественного соседа и классовых союзников во власти в Варшаве.

Тем не менее, в Польше при всех глубоких системных переменах развивался реальный политический процесс, что не свойственно тоталитарному обществу. Польское общество оставалось структурированным в социально-политическом плане, было полифоничным в мировоззренческих ориентациях. Его облик определили многосекторная экономика, различные формы собственности и несоответствующий социальный состав населения. Все происходившее в стране получало оценки в многочисленных изданиях, связанных с традиционными польскими движениями и партиями. Не было монополии на истину не только марксизма-ленинизма, но и социал-демократической интерпретации социализма. Цензурой допускалась публичная критика действий власти, но подавлялись призывы к ее свержению и разрыву с СССР. Прочными были позиции института, представлявшего несомненную угрозу режиму, — католической церкви. Влияние католической печати и католических организаций почти не знало ограничений. Иными словами, в обществе еще существовал широкий идейно-политический потенциал и оппозиционные силы, — как терпимые властью (легальные), так и нетерпимые властью и к власти (нелегальные). Оставались многопартийными политическая система и государственное управление, парламент и местное самоуправление.

Реальность подтверждала отсутствие монополии одной партии на власть. Гегемония коммунистов соотносилась с признанием необходимости взаимодействия с социалистами и людовцами в правительстве, тактики единого фронта с ними в избирательном блоке и после выборов.

Итак, общественная модель Польши в 1947 г. оставалась переходной и существенно отличавшейся от советской модели, хотя властные возможности и советская охранная роль могли обеспечить стремительный по историческим меркам переход к другому качеству развития. Советизация страны, если под этим термином понимать утверждение иного общественного строя, пришлась на следующий этап, но ее предпосылки закладывались уже в 1947г., когда фактом истории становилось продвижение западных союзников и СССР от сотрудничества к тому состоянию отношений, которое называют «холодной войной».

II.1. Начало холодной войны. Создание Коминформбюро и перемены в курсе ППР

Переход к холодной войне совершался Востоком и Западом параллельным курсом по мере исчезновения «площадок» приложения взаимного интереса. Подписанием мирных договоров в феврале 1947 г. заканчивалось время принятия согласованных решений. Теперь каждая из сторон интенсивно искала способ обеспечить собственную безопасность и найти объект на роль внешней угрозы. Для СССР им становились США, которые увеличивали свои военно-экономическую мощь и глобальное присутствие в мире. Для США врагом № 1 мог быть только СССР. Сталин, с именем которого персонифицировалась советская система, победивший Германию и принявший участие в войне с Японией, предстал теперь как носитель внешней опасности, который показал силу, чтобы удержать под контролем Восточную Европу, прежде всего Польшу. Намерения Сталина сохранить свое положение «центра силы» военного времени квалифицировались американскими политиками как советский вызов и неумное стремление к безграничному захвату, как потенциальная угроза расползания советского влияния. В соответствии с этим недавние союзники Москвы вырабатывали новую стратегию отношений с СССР. Это подтверждалось «длинной телеграммой» Дж. Кеннана (февраль 1946 г.), речью У. Черчилля в Фултоне (март 1946 г.), выступлением госсекретаря США Дж. Бирнса в Штутгарте (сентябрь 1946 г.).

СССР, со своей стороны, оставался заинтересованным в сотрудничестве с США, что диктовалось как потребностями восстановления страны, преодоления засухи 1946–1947 гг. (тогда в РСФСР от голода и сопутствующих заболеваний умер 1 млн человек⁹⁹), так и геостратегической задачей сохранить признание союзниками советского политического контроля в Восточной Европе, в особенности в Польше, и курса на единство Германии. В таких условиях Сталин вряд ли хотел конфликта с Западом¹⁰⁰. Как показывают его беседы с разными зарубежными политиками в первые послевоенные годы, он выражал надежду, что западные державы не пойдут на разрыв отношений с СССР. Взамен он намекал на возможность сохранить многопартийную модель власти в странах Восточной Европы. Поэтому при согласованном балансе интересов великих держав на континенте ни одна из политических сил в регионе — прежде всего речь шла, о компартиях — не могла монополизировать власть.

Изменения принес 1947 год: раздел мира на два враждебных блока (доктрина Трумэна в марте–июне), вытеснение коммунистов из правительств во Франции и Италии весной, план нейтрализации коммунистической угрозы в Западной Европе, или план Маршалла летом 1947 г. Доктрина Трумэна не вызвала большой тревоги в Москве в отличие от плана Маршалла. По словам американского дипломата Б. Баруха, этот план имел целью сделать США «жандармом Европы» для спасения «западной цивилизации» и главное, «наших денег»¹⁰¹. Поэтому Запад, предлагая СССР присоеди-

ниться к плану, заранее рассчитывал на отказ. В Москве план был расшифрован как приглашение поучаствовать в замысле США экономическими средствами совершить военно-политическую реконструкцию континента в ущерб советским интересам. Советское руководство, поступившись экономическими соблазнами, в конце концов отдало предпочтение политическому решению и исключило участие СССР в плане Маршалла. Позицию Москвы во многом объясняло заложенное в плане вмешательство во внутренние дела стран-участниц. Речь шла об устранении компартий от власти в странах Восточной Европы. Одновременно Москва оказала давление на союзников по формирующемуся советскому военно-политическому блоку, чтобы не допустить согласия с их стороны.

Перспектива создания западного блока и сепаратного германского государства не соотнеслись с замыслом Сталина о превращении единой и нейтральной Германии в буфер между западными державами и Советским Союзом с его восточноевропейской зоной влияния. Ставка США на Германию как стержень новой организации и инструмент подъема Европы принципиально меняла геополитическую роль германского фактора. Еще недавно объединявший усилия всех партнеров по антигитлеровской коалиции, он утрачивал свое связующее назначение и постепенно превращался в главную проблему холодной войны. СССР и сфера его влияния, в первую очередь Польша, как считали в Москве, вновь оказывались перед внешней угрозой с запада.

В массовом сознании поляков, как и многих других народов, образ Германии ассоциировался с гитлеровской агрессией, которая «жила» в памяти, сохраняла свое злоеющее звучание. Германия воспринималась как имманентная угроза*. Это был убедительный аргумент для отказа ряда стран региона от приглашения принять участие в новой международной организации. Антигермански настроенная Польша могла сыграть роль нужного Москве «разделяющего рубежа» между Востоком и Западом. Польское правительство такая роль устраивала: германский фактор консолидировал общество, прибавлял внутренней стабильности и согласия с отрицательным решением, которое 9 июля 1947 г. было принято Варшавой. В Польше, где потребность в экономической помощи извне была особенно острой, понимали, что в случае присоединения к плану Маршалла мог встать вопрос о западной границе, о выселениях немцев и освоении поляками новых территорий. Любые покушения на границу Польши были чреваты исходом поляков с этих земель и национально-политическим коллапсом.

Воздействие на позицию Польши пытались оказывать и США. По информации посла в Москве М. Нашковского, посол США в Варшаве «выторговал участие Польши» в плане Маршалла, обещая «пересмотреть позицию Америки по вопросу о западной границе». Американское «обезболивание» было сделано в «болезненное» место. Здесь совпадали национально-государственные интересы СССР и Польши, и здесь же был завязан самый прочный «узел» зависимости Польши от СССР. Но польское правитель-

* Так расценивалась ситуация польским правительством (З. Модзелевский: «...план Маршалла нацелен на возобновление германской агрессии») и ППС (Я. Станьчик: «Война — это ликвидация нашей независимости, а, может быть, и физического существования. Ведь к танцу будет приглашена Германия») (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. П. 247. Д. 3. Л. 45–46; Оп. 27. П. 195. Д. 7. Л. 44; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 768. Л. 136).

ство не решилось обменять советские гарантии на заманчивое американское обещание. Оказались напрасными расчеты западных дипломатов на протесты польской оппозиции и «даже возрождение подполья в связи с позицией Польского правительства на Парижской конференции»¹⁰². При этом польское правительство прилагало усилия, чтобы его отказ от участия в плане Маршалла не ухудшил отношений с американскими кредиторами. Речь шла о займах на закупку оборудования для угольной промышленности, хлопка и зерна. Но в это время США уже определили свою главную задачу — сдерживать, опираясь на потенциальные возможности экономики западных зон Германии, при политической поддержке набравших силу христианско-демократических партий, прокоммунистические настроения в западном (Франция, Италия) и юго-западном (Греция) регионах Европы. Поэтому Польша не представляла ни политического, ни экономического интереса для США и получила отказ в кредитах.

Новая стратегия США вызвала немедленную реакцию советской стороны. «Коммунисты, — утверждает К. Керстен, — приступили к идеологическому и политическому наступлению»¹⁰³. Речь шла об усилении сплоченности вокруг Москвы государств советской сферы влияния, где гегемония компартий в середине 1947 г. была повсеместной, а легальная оппозиция подавлена, где действовала система связывавших регион двусторонних межгосударственных договоров антигерманской направленности и торговых соглашений. К этому времени Польша имела договоры о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве с СССР, Югославией и Чехословакией, ряд экономических, наиболее значительных соглашений с советской стороной.

В условиях нараставшей международной конфронтации советское руководство сочло властные возможности коммунистов и двустороннюю систему межгосударственных связей недостаточными и не соответствующими новой ситуации в мире. Был взят курс на ускорение системных перемен в странах народной демократии и их идеологическую интеграцию. На повестку дня был поставлен отказ от эволюционных, «национальных путей к социализму», свертывание многопартийности и тактики компромиссов разных политических сил. Должен был последовать переход от гегемонии компартий в политическом процессе к установлению их властной монополии, от сочетания демократических и авторитарных приемов к тотальному контролю и управлению развитием общества, в том числе с применением насилия. Смена стратегии, согласно логике советского руководства, требовала более жестких организационных связей как между правящими партиями, так и всех этих партий с Москвой.

На встречах Сталина, И. Броз Тито, П. Тольятти, Г.М. Димитрова и В. Гомулки, происходивших в 1945–1947 гг., порой поднимался вопрос о создании органа, который мог бы обеспечить координацию действий руководства компартий и обмен мнениями. Но в практическую плоскость этот вопрос был переведен почти одновременно с предложением плана Маршалла. Консолидация Западной Европы в результате принятия этого плана сопровождалась возраставшей во второй половине 1947 г. изоляцией восточноевропейского региона от западной части континента и мира. Это диктовало объективную необходимость для коммунистических и рабочих партий в сплочении рядов, усиливало потребность в консолидации с СССР, а значит и интеграции стран народной демократии с советской общественной системой.

Одним из шагов в этом направлении стали встречи Сталина 4 июня и 9 июля 1947 г. с В. Гомулкой во время его пребывания в СССР. Советское руководство предложило

организовать международную встречу для обсуждения издания специального печатного органа по проблемам рабочего движения. ЦК ППР была поручена организация подготовки совещания представителей коммунистических и рабочих партий. 10 июля Политбюро ЦК польской партии обсуждало план подготовки, конкретное место и сроки проведения в Польше совещания для «обмена опытом». В ночь на 23 июля находившийся на отдыхе в СССР Я. Берман был приглашен на беседу в Кремль. При участии Сталина, Молотова, Жданова, Ворошилова и Суслова оговаривались текст приглашения компартиям за подписью Гомулки и список предполагаемых партий — участники совещания. Вопрос о создании, помимо журнала, некоего координирующего органа не ставился.

Между тем в ходе подготовки встречи представители компартий высказывали разные мнения относительно глубины, основных направлений и форм координации политики, а по сути дела — масштабов ограничения суверенности национальных партий в пользу общих интересов возникавшего советского блока. Здесь лежали причины колебаний лидеров французской и итальянской компартий М. Тореза и П. Тольятти, с которыми встречался по поручению Политбюро ЦК ППР О. Длуский, по поводу целесообразности самого совещания. Сдержанно, «без энтузиазма» отнесся к замыслу встречи глава компартии Чехословакии К. Готвальд. Немалые сомнения испытывал и В. Гомулка. Непосредственно занимаясь подготовкой совещания, он находился в постоянном контакте с Москвой¹⁰⁴.

Тем не менее, все приглашенные руководители дали согласие на участие в совещании. Оно прошло 22–27 сентября в окрестностях г. Шклярска Поремба в Нижней Силезии, куда прибыли делегации 9 партий. Семь из них представляли страны Восточной Европы (СССР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Югославия) и две Западную Европу (Франция и Италия). Делегацию ВКП(б) возглавлял А.А. Жданов, который предложил заслушать информацию представителей партий-участниц о работе и положении в стране, затем обсудить перемены в международном положении и новые задачи, а также рассмотреть ранее не предусмотренный вопрос об усилении связей между партиями. Он же сделал доклад о международном положении, где констатировал раскол мира на два враждебных лагеря: империалистический во главе с США и демократический во главе с СССР. Жданов назвал народную демократию новым типом государства, где власть принадлежит народу и закладываются «основы перехода на путь социалистического развития». Крайне негативно, как «агентура империалистических кругов США», была расценена Ждановым деятельность руководства западной социал-демократии. Такая характеристика партий, с которыми социалисты и социал-демократы стран Восточной Европы взаимодействовали и состояли в одном Социалистическом Интернационале, предсказывала судьбу последних. С докладом о деятельности ВКП(б) выступил Г.М. Маленков. Он изложил программу создания в странах народной демократии общества, по сути дела, максимально близкого советской модели¹⁰⁵.

Польскую партию на совещании представляли В. Гомулка и Г. Минц. В качестве гостей присутствовали Я. Берман, С. Радкевич и А. Завадский. От имени ППР Гомулка открыл совещание вступительным словом, где выдвинул ряд проблем для обсуждения, сделал доклад о деятельности ППР, активно участвовал в дискуссии. Лидер ППР ставил важные теоретические и актуальные практические вопросы о сути и перспек-

тивах режима народной демократии, имея в виду необходимость «внести ясность в оценки всей мозаики явлений, связанных с формированием народной демократии в различных странах». Концепция народной демократии, утверждал он, «открывает в благоприятных условиях мирный путь к социализму», развивает и приспособливает к послевоенной действительности революционную марксистскую теорию. Гомулка говорил о «так называемом польском пути к социализму», подчеркнул существование в Польше трехсекторной экономики, которая контролируется государством, о «польской революции», совершающейся через политическую борьбу «в рамках закона», о недопустимости нелегальной, внесистемной оппозиции, о блокировании властью проникновения в страну иностранной агентуры и враждебной идеологии. Он поддержал звучавшую на совещании критику французских и итальянских коммунистов, которые, по его мнению, отдали власть без классовой борьбы. И, явно имея в виду польский опыт, констатировал: «мирный путь к социализму в странах народной демократии — это путь острой и даже кровавой войны с классовым врагом... о мирном пути можно говорить лишь, если у партии крепкие позиции в правительстве и госаппарате». Лидер ППР по-своему отреагировал на резкую критику западной социал-демократии, прозвучавшую в докладе Жданова (социал-демократы «могут стать главным врагом, тем, против кого мы должны сконцентрировать наш огонь»). Гомулка, напротив, говорил о важной роли социал-демократов в рабочем движении, настаивал, что «можно рассчитывать на ряд социал-демократических руководителей меньшего масштаба», не забывая, что эти партии «в отдельных странах пользуются еще серьезным влиянием в рядах рабочего класса... Поэтому главной нашей заботой должно быть объединение рабочего класса, объединение коммунистов и социалистов в борьбе против американского империализма, в борьбе за мир... Тактика единого фронта должна остаться основной тактикой на нынешнем этапе...». Гомулка подчеркивал, что польские социалисты отказываются от антисоветских взглядов, «от наследия пилсудчиков» и стремятся к взаимодействию с коммунистами.

Акценты, которые расставлял польский лидер, заметно отличались от положений доклада Жданова. Вместе с тем позиция Гомулки по вопросам самостоятельности партийной политики, в чем состояла суть «национального пути к социализму», не была последовательной. В ней сквозила идея подчиненности действий каждой партии общему делу. «Когда кристаллизуются в мировом масштабе два антагонистических блока — империалистический и демократический, — утверждал Гомулка, — проблема тактики компартий в отдельных странах не может быть лишь внутренней проблемой каждой отдельно взятой страны, но должна быть предметом заботы и обсуждения всех партий... Мы все имеем право вмешиваться взаимно в наши внутренние дела, а в особенности, оценивать тактику отдельной партии, так как мы все желаем построить наиболее прочный антиимпериалистический фронт и максимально увеличить силу европейской и мировой демократии»¹⁰⁶. Это был шаг навстречу намерениям Москвы.

В целом, хотя в ходе работы совещания звучали критические соображения по поводу новой стратегии и нашли отражения существенные, порой принципиальные расхождения во мнениях представителей компартий, была поддержана позиция советской делегации, смысл которой — отказ от концепции эволюционных «национальных путей» к советской модели социализма, возврат к сталинской интерпретации марксизма и социализма. В Шклярской Порембе делегация ВКП(б) настояла на учреждении,

помимо печатного органа, Информационного бюро коммунистических и рабочих партий как координационного органа, фактически призванного контролировать деятельность партий — участниц совещания. Об этом речь в ходе подготовки к встрече не шла, и Гомулка опасался создания подобной структуры. Он пытался отстаивать особое мнение, после доклада Жданова был готов даже подать в отставку с поста генерального секретаря ЦК ППР. 24 сентября от имени польских участников совещания Гомулка выразил несогласие с созданием Информбюро. Остальные члены Политбюро ЦК ППР не заняли четкой позиции, и в конце работы совещания он снял свои возражения. Убедительна польская исследовательница А. Собур-Свидерская, которая пишет: «...после критики западноевропейских партий, показавшей всю жесткость натиска советской делегации на представителей других партий, после доклада Жданова, который диктовал безусловное единомыслие и подчинение советским интересам, после одобрения остальными партиями концепции учреждения органа, координирующего деятельность коммунистических и рабочих партий, польская делегация не имела другого выхода... Гомулка это понимал...»¹⁰⁷. Тем не менее он настоял, чтобы резиденцией Информбюро не стала Варшава и не был создан его постоянно действующий секретариат*. Лидер ППР имел все основания опасаться, что Информбюро будет воспринято в мире, и особенно в Польше, где коммунисты помнили о трагедии КПП, как возрождение Коминтерна и ограничение суверенитета национальных партий.

Итак, в Шклярской Порембе руководители ВКП(б) добились поставленной задачи. По концепции «национальных путей к социализму» был нанесен решительный удар. В начале октября 1947 г. в печати партий — участниц совещания была опубликована информация о заседаниях в Шклярской Порембе, резолюция о создании Информбюро, или Коминформа, как стало принято его именовать на Западе, а также Декларация о международном положении. В ней излагались основные тезисы доклада Жданова.

Но, оценивая результаты совещания в Шклярской Порембе как победу Москвы, не следует преувеличивать советского давления на участников совещания и упускать из виду другое принципиально важное обстоятельство. В партиях стран Восточной Европы, включая в первую очередь их руководящие кадры, значительная часть которых прошла «школу» Коминтерна, были и даже преобладали сторонники левого радикализма, готовые принять ускоренный переход к сталинской модели. Изучавшая этот вопрос на материале региона Т.В. Волокитина утверждает: «Советский опыт в подобной социально-психологической обстановке обеспечивал, как казалось, прорыв из отсталости стремительным рывком, несомненно, являлся более предпочтительным для малоимущих слоев общества в странах Восточной Европы, нежели рассчитанные на постепенность идеи коалиционного управления, широкого фронта демократических сил... эти идеи зачастую вызывали у рядовых коммунистов раздражение и разочарование... Сведение сложных многообразных процессов к „полюсному“, черно-белому изображению, конкретные указания, что и как надо делать, должны [были] найти отклик среди партийной массы, как в СССР, так и в странах Восточной Европы»¹⁰⁸.

* Местом работы Информбюро стал Белград, затем, после разрыва ЦК ВКП(б) отношений с КПЮ, — Бухарест. Уже в июне 1948 г. был сформирован руководящий центр Информбюро — Постоянный секретариат, который возглавил секретарь ЦК ВКП(б) М.А. Суслов.

Два исторических события, — план Маршалла и создание Информбюро — означали, что как в Западной, так и в Восточной Европе заканчивалось время вариативности политического развития. Советское руководство фактически дало старт переходу стран региона к стратегии жесткой внешнеполитической и идеологической привязки к СССР. Исчезали надежды части руководства ряда компартий на особый, несоветский путь к несоветскому социализму, обозначились завершение переходного народно-демократического этапа и ускорение процесса создания в странах региона сталинской общественной модели. Направления развития Запада и Востока расходились диаметрально, как оказалось — на многие десятилетия. Новая ситуация требовала от власти на Востоке иного концепционного обеспечения политики, адекватного обострившимся международным отношениям. К концу 1947 г. в странах Восточной Европы сложились определенные предпосылки к восприятию системных перемен, политическая инициатива в руководстве и в партийных «низах» переходила к твердым сторонникам «советского опыта». Не была исключением и Польша, где в Политбюро ЦК ППР сторонники «польского пути» вовсе не составляли большинства. Тем не менее, в течение нескольких месяцев после встречи в Шклярской Порембе политические намерения руководства партии не выходили за те пределы концепции эволюционного пути к социализму, которые тогда еще допускались в Кремле. Жданов на совещании подчеркивал, что национальную специфику не следует терять из вида.

11 октября 1947 г. состоялся расширенный пленум ЦК ППР. Информацию Гомулки о совещании и создании Информбюро выслушали не только члены ЦК, но и 180 приглашенных гостей. Лидер партии, предваряя сомнения и вопросы присутствовавших, настойчиво убеждал их в несовпадении задач и целей бывшего Коминтерна и новой структуры. Применительно к польской ситуации он объяснял это принципиальным отличием ППР от КПП, поскольку в ней состоят не только убежденные коммунисты, но и «настоящие демократы», которые не считают себя коммунистами. Поэтому партия, уверял Гомулка, еще не является коммунистической. Этот же подход развивал в своем выступлении Берман, акцентируя общенациональный характер ППР. Выступления на пленуме генерального секретаря и секретаря по идеологии учитывали настроения в самой партии. В первую очередь они были обращены к активизировавшимся в партии левым радикалам. Гомулка и Берман убеждали партийный актив, часть которого расценивала создание Информбюро как восстановление Коминтерна, что перемен в курсе партии не будет. Одновременно руководство ППР рассчитывало «успокоить» ту немалую часть общества, которая восприняла появление Коминформа как подтверждение тезиса оппозиции о советизации Польши¹⁰⁹.

По поручению Политбюро ЦК ППР Я. Берман и Р. Замбровский в начале октября 1947 г. уведомили руководство ППС, СЛ и СД о состоявшемся совещании. Социалисты, если судить по сообщению их агентства печати, приняли информацию о создании Информбюро к сведению, предположив, что это событие не вызовет перемен во взаимодействии ППС и ППР. 21 октября 1947 г. ЦИК ППС обнародовал позицию партии. Он приветствовал решение компартий о создании Информбюро, соглашался с оценкой международной ситуации, оговорил свое особое понимание положения в международном рабочем движении (отрицательное отношение к «советскому опыту» и позитивное — к тактике единого фронта рабочего движения). Высказывалась надежда,

что на каком-то этапе станет возможным создание социалистами и коммунистами Международной организации рабочего единства¹¹⁰.

Между тем осенью–зимой 1947–1948 гг. в стране совершались перемены, свидетельствовавшие, что новый курс коммунистов уже реализуется в разных общественных сферах. Развивая успехи «битвы» за контроль над торговлей весны 1947 г., Секретариат ЦК ППР осенью критически оценил деятельность кооперации вообще и сельской в особенности. В феврале 1948 г. он обязал воеводские и гминные комитеты партии выделить из Союза сельской кооперации «Сполем», находившегося под влиянием ППС, новый централизованный Союз сельской кооперации «Крестьянская взаимопомощь». Весной 1948 г. сейм утвердил соединение экономических и контрольных функций его работы, что приспособляло кооперацию к существованию в рамках плановой экономики¹¹¹. Социалисты сдали свои позиции.

Отголосками решений, принятых в Шклярской Порембе, следует считать обозначившиеся изменения политики в сфере культуры, которая, как утверждает К. Керстен, «до осени 1947 г. пользовалась значительным объемом свобод и в относительно небольшой мере контролировалась властью. Коммунисты с первых своих шагов в Люблине стремились привлечь на свою сторону творческую среду, разными методами старались нейтрализовать их враждебность или неприязнь. И здесь они имели успехи». Этими успехами коммунисты в немалой степени были обязаны тому, что многие деятели польской культуры считали своим патриотическим долгом сближение с народом, выступали за широкий доступ к достижениям культуры тех, кто в довоенной Польше был лишен такой возможности. Позитивную роль играла и деятельность известного публициста, одного из идеологов ППР, определявших политику в области культуры, Е. Бореяши. Теперь речь шла об усилении государственного и идеологического контроля в этой сфере, ее подчинении выполнению задач партии¹¹².

На рубеже 1947–1948 г. отчетливо проявились изменения политики правительства в отношении католической церкви. Как утверждал Я. Берман, «мы до 1947 г. хотели привлечь к себе Костел и особенно верующих». Но в течение 1947 г. курс власти постепенно становился все жестче. Росло число священнослужителей, арестованных за связь с подпольем. В октябре 1947 г. в Министерстве общественной безопасности, где существовал департамент, который наблюдал за католической церковью, состоялось совещание актива этого ведомства. Министр госбезопасности определил католическую церковь «как наиболее организованного и сильного врага, с которым следует как можно быстрее померяться силой». В ноябре 1947 г. и в январе 1948 г. Ю. Циранкевич публично предупреждал епископат, что правительство не потерпит вмешательства церкви в политическую и общественную жизнь. Были заблокированы попытки светских и некоторых церковных католических кругов в 1947–1948 гг. создать легальную партию, опирающуюся на христианские и демократические национальные традиции¹¹³.

Принципиальные перемены происходили в крестьянском движении. Новое руководство ПСЛ во главе с Ю. Нечко, признав, что «место крестьян — на стороне народной демократии», освобождало партию от твердых сторонников Миколайчика. К концу 1947 г. в подавляющей части воеводств уже были созданы новые правления, начали действовать так называемые «межпартийные шестерки» из представителей СЛ и ПСЛ. В феврале 1948 г. было сделано заявление о том, что ПСЛ не находится в оппозиции

к правительству, партия готова «укреплять и развивать все достижения народной Польши», признает народную демократию «лучшим выражением руководства трудящихся масс политической и экономической жизнью страны». С конца 1947 г. как в ПСЛ, так и в СЛ обсуждалась идея объединения людовского движения «на платформе народной демократии». В мае 1948 г. состоялось подписание Декларации о сотрудничестве ПСЛ и СЛ «в рамках крестьянско-рабочего союза» как фундамента народной демократии. Время существования оппозиционной партии закончилось¹¹⁴.

Но решающее значение в переходе страны к иной модели общественного устройства имело положение дел в рабочем движении.

II.2. На пути к объединению ППР и ППС.

Отставка В. Гомулки и создание ПОРП

В конце 1947 г. коммунистов и социалистов, казалось, устраивала сложившаяся система взаимодействия на всех уровнях. Их руководства не спешили принимать принципиальное решение об «органическом единстве», хотя эта тема уже обсуждалась. На пленуме ЦК ППР в октябре 1947 г. Гомулка настаивал на том, чтобы общие собрания членов ППР и ППС стали постоянной формой сотрудничества двух рабочих партий на некий переходный период к объединению. В руководстве ППС единства мнений по вопросу интенсификации сотрудничества с ППР не было. Левые во главе с С. Матушевским — твердые сторонники единого фронта, были фактическими союзниками коммунистов, центристские руководители партии (Ю. Циранкевич, Э. Осубка-Моравский), не отвергая объединения двух партий в будущем, стремились отодвинуть такую перспективу как можно дальше. Правые (Г. Вахович, Б. Дробнер) настаивали на длительном сохранении отдельного существования ППС и ППР. 9 марта 1948 г. Дробнер открыто говорил в советском посольстве: он «против слияния ППР и ППС... объединение... еще не созрело... и руководство ППС не желает слияния своей партии с коммунистами до тех пор, пока не сотрутся различия между двумя братскими рабочими партиями в Польше. Нельзя социалистов повести за ручку в ППР, к объединению партии могут прийти только рука об руку, как равные товарищи»¹¹⁵. Все группы имели свою долю поддержки в «низах» партии.

Проблема будущего ППС заняла особое место в работе ее XVII конгресса, состоявшегося в конце декабря 1947 г. Конгресс партии, имевшей более 750 тыс. членов, продемонстрировал стремление делегатов сохранить ППС как отдельную рабочую партию и высказался против выдвижения лозунга объединения с ППР. Призыв В. Гомулки, гостя форума ППС, ускорить создание объединенной партии поддержан не был. Главным партийным лозунгом конгресса стали слова генерального секретаря ЦИК ППС Ю. Циранкевича: «ППС есть и будет нужна польскому народу», она «не может быть лунной, которая светит отраженным светом»¹¹⁶. Правда, в политической резолюции конгресса констатировалось «углубление сотрудничества обеих рабочих партий», на чем настояли Циранкевич и другие представители руководства партии. Конгресс ратифицировал соглашение о единстве действий, подписанное с ППР осенью 1946 г., что говорило о готовности ППС, учитывая международную и внутреннюю ситуацию, к компромиссам

и взаимодействию с коммунистами. Был избран новый состав руководства ППС, но расстановка сил в Главном совете, который возглавил С. Швальбе, не изменилась. В нем были представители всех политических течений, что создавало условия для принятия компромиссных решений. Исполнительная власть, куда не вошли представители «левых» из группы С. Матушевского, принадлежала центристам, сторонникам продления периода взаимодействия с коммунистами. Генеральным секретарем ЦИК ППС остался Ю. Циранкевич, председателем был избран К. Русинек. Руководство ППР, проанализировав итоги работы конгресса ППС, 22 декабря пришло к выводу, что поворот партии влево не произошел, ибо не прояснились вопросы идеологии (отношение к концепции «третьей силы», историческим традициям социалистов) и практической политики, прежде всего проблема «органического единства» рабочих партий. Об ускорении процесса объединения коммунисты пока речь не вели.

Между тем на рубеже зимы и весны 1948 г. властные позиции ППС были существенно ослаблены. Это произошло при обсуждении упоминавшегося проекта плана на 1948 г., рассчитанного на умеренные темпы развития многосекторного хозяйства. План, подготовленный Центральным управлением планирования во главе с социалистом Ч. Бобровским, подвергся коммунистами (сторонниками советской модели экономики) резкой критике, руководство ЦУП было отправлено в отставку. Социалисты лишились возможности воздействовать на развитие экономики. Поворот к плановому хозяйству под управлением государства становился близкой реальностью.

Несомненное влияние на темпы объединения рабочих партий в Польше оказывала международная обстановка. Социалисты и социал-демократы Западной Европы сдвигались вправо, поддерживая свои правительства. Начал осуществляться план возрождения Германии при содействии США, что носило антисоветскую и антикоммунистическую направленность. Кроме того, в ППР и ППС учитывали ситуацию в соседней Чехословакии, где произошел государственный переворот, усиливший позиции КПЧ и «сдвинувший» влево чехословацких социал-демократов, признавших принцип «органического единства» с КПЧ. Этому были свидетелями и участниками разрешения кризиса руководители ППС, выезжавшие в Прагу 21–25 февраля 1948 г. по просьбе руководства ППР*.

В Варшаве не упускали из поля зрения состоявшееся в феврале 1948 г. объединение рабочего движения в Румынии, заявленное тогда же согласие венгерских и болгарских социал-демократов на объединение с коммунистами, учитывали последствия массового перехода социал-демократов в компартию Венгрии. Руководство ППР не могло не делать выводов из происходившего в соседних странах Восточной Европы. В ППР полагали, что и в Польше складываются объективные предпосылки к ускоренному объединению. События в Чехословакии, по мнению ППР, «ускорили процесс созревания в сознании масс социалистических рабочих в Польше идеи органического единства ППР и ППС» — главного условия

* В Москве считали, что посредническая деятельность представителей ППС «облегчила укрепление левых [чешских социал-демократов] в партии и помогла руководству компартии завязать связь с чешскими социалистами и добиться сотрудничества с ними в разрешении кризиса». Правда, здесь полагали, что «делегаты ППС явно преувеличили роль своей миссии в Прагу, ставя себе в заслугу поворот в позиции чешских социал-демократов, которые в ходе кризиса перешли к сотрудничеству с коммунистами» (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 5. Л. 36).

успехов в строительстве Народной Польши. Кроме того, имел место переход в ППР некоторых социалистов, недовольных позицией руководства партии. Так, на встрече в советском посольстве 12 марта 1948 г. Я. Берман с удовлетворением сообщал: «...на периферии начался переход членов ППС в рабочую партию. Особенно много фактов перехода наблюдалось в Силезии, на Поморье (в частности в Быдгоще), а также в Кракове. Несомненно, часть пепезовцев делает это по конъюнктурным соображениям, но в основном это здоровый процесс. После проводимого сейчас в ППС переучета членов парторганизации недосчитаются очень многих. Часть этих людей выбыла механически, а часть ушла в ППР». Интенсивность и значение этого процесса коммунисты явно преувеличивали. Руководство ППР позитивно реагировало и на известия о том, что на местах организации ППР нередко принуждают социалистов к смене партийного билета и тем решают проблему объединения. На встрече в советском посольстве 8 марта 1948 г. Циранкевич, встревоженный фактами «принудительной записи целых организаций ППС в ППР», говорил, что «если лидеры ППР будут направлять удары против всей социалистической партии — [ЦИК] ППС этого не допустит»¹¹⁷. Вскоре оказалось, что это были во многом только слова.

Коммунисты при одобрении Москвы оказали весной 1948 г. беспрецедентный нажим на лидеров ППС. На заседании 9 марта межпартийной «шестерки» ППС–ППР, по словам Бермана, с наступательной речью выступил Гомулка. Он обвинял руководство ППС в том, что «борьбу с правыми [оно] ведет неискренне..., не помогает выдвигаться левым элементам в партии..., не выполняет соглашения с ППР о едином фронте в области идеологического сближения и подготовки органического объединения партий». 11 марта состоялась конфиденциальная встреча руководства ППР с Циранкевичем, который, пытаясь уберечь партию от немедленной ликвидации, все же согласился начать подготовку к объединению. После этой встречи Гомулка 13 марта направил письмо А.А. Жданову с подробной информацией о действиях ЦК ППР, ситуации в руководстве ППС и его позиции по вопросу объединения. Автор письма подчеркивал, «что согласно замечаниям тов. Сталина мы не форсировали объединения и в дальнейшем не намерены этого делать механически. Однако сложившаяся обстановка ускоряет этот процесс, который в известном смысле развивается стихийно. Нам кажется, что было бы неправильным стоять в стороне от этих явлений, и не направлять в конкретное русло усилившуюся тягу к единству... Мы будем рады, если Вы сообщите нам свои замечания и соображения по этим вопросам». 16 марта на это письмо последовал ответ Сталина: «Тов. Веслав. С Вашей позицией по вопросу объединения ППР и ППС друзья согласны...». 22 марта ППС после колебаний и под нажимом ППР (коммунисты предупредили Циранкевича, что «для ППС лучше не ждать, когда ее выбросят, а, выбрав удобный момент, самой заявить о выходе») официально порвала с Комитетом международных социалистических конференций (КОМИСКО). 23 марта Исполком ППС подтвердил заявление Циранкевича о начале подготовки к объединению. 24 марта Секретариаты руководства ППР и ППС издали совместный циркуляр о предстоявшем объединении*. В это время в ЦК ППР еще полагали, что процесс займет 8–12 месяцев¹¹⁸.

* Польские историки объясняют поведение лидеров ППС стремлением, отступая, заручиться более выгодными условиями объединения, попытаться отстоять идейные позиции и предотвратить разрушение рядов партии. Есть предположения о неких договоренностях на этот счет между Гомулкой и руководством ППС (*Kersten K. Narodziny systemu władzy. Polska 1943–1948. Lublin, 1989. S. 332*).

Между тем проблема организационного объединения стала все больше перемещаться в плоскость обсуждения идейного наследия двух партий и идеологической платформы будущей партии. 20 марта в партийном органе ППР появилась статья В. Гомулки «На новом этапе». Он предостерегал от механического объединения партий, хотя подчеркивал «обязательность монолитной политической мысли», называл марксизм единой теоретической основой объединения, связывал темпы объединительного процесса в Польше с ситуацией в других странах региона¹¹⁹.

Социалисты, со своей стороны, не считали возможным переходить на идейные основы ППР, полагая, что платформой будущей партии должен быть не только марксизм-ленинизм или советский путь к социализму, но и идейные постулаты ППС, прозвучавшие на конгрессе партии. В начале апреля состоялось совместное заседание ЦИК ППС и ЦК ППР, где были заслушаны и обсуждены доклады Циранкевича и Гомулки об идейных основах объединения. Циранкевич говорил о том, что новая партия «вберет в себя все положительное и непреходящее из арсенала и ППС и ППР». Как и ранее, Гомулка считал ППР ведущей политической силой, правда, стремился облегчить социалистам процесс объединения, которое, по его словам, не будет означать поглощения ППС. Однако он не видел в ней равноправного партнера. При всей твердости курса коммунистов на объединение двух рабочих партий, весной 1948 г. в совместных с ППС документах отражалось стремление использовать такие положения концепции «польского пути к социализму», какие на то время представлялись еще допустимыми. В принятой Декларации объединение двух партий определялось как «интеграция», ставшая результатом практики единого фронта. Но социалисты продолжали считать, что ППС «не вливается, — как говорил О. Ланге советнику посольства Яковлеву В.Г. 26 мая 1948 г., — в рабочую (коммунистическую) партию Польши, а *объединяется* с ней на равных правах»¹²⁰.

В это время в условиях переучета и сокращения кадров ППС Главный совет произвел персональные смещения и перемещения. В руководство вводились С. Матушевский и Г. Свентковский, непосредственно связанные с ППР. Были отозваны из ЦИК Э. Осубка-Моравский, Г. Вахович, Р. Обрончка и семь членов — из ГС. Смена руководства произошла и в ряде воеводских и повятовых организаций партии. В результате чистки ряды ППС в течение 1948 г. сократились до 531 тыс. человек. ППС покидали как несогласные с политикой сначала сближения, затем объединения с ППР, в том числе социалисты с довоенным стажем, так и переходившие в ППР левые социалисты. Немало было и тех членов ППС, кто в силу разных причин уходил от политической деятельности*. Этот внутрипартийный процесс был ответом на курс руководства, который многие социалисты называли капитуляцией, хотя в тех условиях Циранкевич и его сторонники имели возможность выбрать лишь наименьшее из зол.

* Одной из важнейших причин вынужденного расставания многих социалистов с партией был вопрос независимости страны от СССР. Так, обсуждая на партийных собраниях весной 1948 г. проблему объединения, социалисты настаивали что «при существовании ППС как самостоятельной партии суверенность Польши была бы гарантированной, в то время как без ППС суверенности Польши может быть нанесен значительный ущерб». Высказывалось недовольство курсом СССР на объединение Германии. Социалисты считали, что такая Германия «в первую очередь будет угрожать целостности и независимости Польши» (Советский фактор в Восточной Европе. Документы. 1944–1953. Т. 1. М., 1999. С. 573).

В первой половине мая 1948 г. была создана комиссия для выработки программы объединенной партии. 6 мая Политбюро ЦК ППР поручило Я. Берману подготовить проект идейной декларации. Для работы над представленным уже 15 мая документом было решено создать комиссию, в состав которой вошли от ППР В. Гомулка, Я. Берман, В. Беньковский, Ф. Федлер, Р. Верфель. Социалисты выдвинули Ю. Циранкевича, О. Ланге, А. Рапацкого, С. Арского и С. Матушевского. К августу 1948 г. они должны были создать общий документ. Из сообщений, направлявшихся советскими дипломатами в Москву, известно, что работа комиссии была непростой. Споры вызывал вопрос об отношении объединенной партии к Коминформу, ибо социалисты серьезно опасались, что их коллеги на Западе будут считать ППС коммунистической организацией, что идеологической платформой единой рабочей партии станет «учение Маркса–Ленина–Сталина». Они настаивали на верности «польскому пути к социализму».

Промежуточным итогом работы комиссии стала брошюра «На пути к одной партии рабочего класса». Ее авторы обращались к традициям обоих течений рабочего движения, критически, как националистическую, оценивали позицию ППС по вопросу независимости, обращали внимание на ошибки СДКПиЛ, признавали, что опыт СССР должен быть приспособлен к условиям страны, что индивидуальное крестьянское хозяйство будет сохранено. Упоминание о крайне непопулярной в Польше коллективизации отсутствовало. Подчеркивалось, что идеологией объединенной партии станет марксизм-ленинизм, но партия будет соединять классовый характер с национальными интересами, развивать принципы демократии, самоуправления и общественную самостоятельность народа¹²¹. Таким образом, содержание брошюры, подготовленной к назначенному на сентябрь объединительному конгрессу, отражало компромиссные позиции руководителей двух партий. Но компромисс был «неравноправный». Все отчетливей становилось стремление представителей ППР наступать и постепенно существенно изменять содержание общей платформы объединявшихся партий, продвигаясь от марксизма к «учению Маркса–Ленина–Сталина». Отступление пепезовцев с сохранением «лица» превращалось в капитуляцию. Происходил вынужденный отказ от идейно-политической и организационной самобытности партии, в установках которой первостепенное место занимали отстаивание национальной независимости и демократический социализм. Если 26 мая О. Ланге, будучи в посольстве СССР, еще пытался настаивать на идейных принципах ППС («наша страна идет своей польской дорогой к социализму»), то 5 июня стало известно, что «коммунистам при поддержке Ю. Циранкевича удалось добиться согласия О. Ланге с точкой зрения руководства ППР»¹²². Ряд руководящих деятелей ППС во главе с Ю. Циранкевичем в конечном счете приняли все условия коммунистов. Накануне объединения они провели масштабную политическую чистку партийных рядов ППС, итогом которой стал разгром старейшей демократической партии Польши.

В СССР пристально наблюдали за ситуацией как в ППС, так и в ППР, но особенно за деятельностью В. Гомулки, которого Москва поддерживала до тех пор, пока действия этого сторонника концепции «национального пути к социализму» соответствовали намерениям советского руководства. Но на рубеже 1947–1948 гг. в ЦК ВКП(б) уже вели речь об иной стратегии, и попытки Гомулки напоминать об «отработанной» концепции не «вписывались» в эту стратегию. Не соответствовала темпам создания монолитных компартий большевистского типа и его гибкая политика в отношении ППС, в которой

методы грубого принуждения сочетались с незначительными компромиссами. Многие шаги Гомулки советское руководство расценивало как демонстрацию политической самостоятельности, сужавшей возможности советского контроля.

Внимание Москвы к проявлениям самостоятельности в компартиях стран Восточной Европы было понятным не только с точки зрения ситуации на международной арене, но и положения дел в сфере советских интересов. Утверждавшиеся у власти компартии, победив оппозицию, набирали политический «вес», «подминали» под себя социал-демократов и устанавливали двусторонние межпартийные связи. С завершением послевоенного восстановительного периода неизбежно вставали задачи определить пути и направления дальнейшего развития. На этот счет в компартиях региона высказывались разные суждения, становились заметными существовавшие группировки «по интересам», в том числе региональным. Такое внутри- и межпартийное движение политического процесса, дискуссии и, тем более, действия, несогласованные с ЦК ВКП(б), расценивались советским руководством как вредные и угрожающие его стратегии.

Предлог для повышения уровня советского контроля возник в начале 1948 г., когда разразился советско-югославский конфликт, геополитический по сути и тем опасный для СССР, но закамуфлированный Москвой под борьбу с идеологическим «отступничеством» и национализмом сначала КПЮ, а затем и других компартий¹²³. Он был использован Сталиным для пресечения «самодетельности» компартий и закрепления «пояса зависимости» в регионе. Материалы, необходимые для «наведения порядка» в компартиях, поступали в Москву по разным каналам регулярно и сохранялись до нужного момента. Советско-югославский конфликт сделал их востребованными. В аппарате ЦК ВКП(б) готовились секретные записки с развернутой критикой руководства компартий Югославии, Венгрии, Чехословакии и Польши, где обвинения в национализме и недооценке роли СССР занимали центральное место. Появление этих и подобных им документов свидетельствовало, что окончательный отход от стратегии «национальных путей к социализму» уже не за горами.

Весной 1948 г., когда в Варшаве разворачивалась подготовка объединения ППР и ППС, в чем Гомулка принимал активнейшее участие, нередко согласовывая свои действия со Сталиным, в Москву поступали сведения о неблагоприятном положении дел в самой ППР. Советский посол В.З. Лебедев писал 10 марта 1948 г. В.М. Молотову «о некоторых опасных тенденциях в руководстве ППР», где «сложились и действуют две борющиеся друг против друга группировки»: группа вокруг Гомулки состоит из лиц, «явно зараженных польским шовинизмом» (назывались член Политбюро ЦК ППР, заместитель министра обороны М. Спыхальский, члены ЦК, сотрудники аппарата ЦК З. Клишко и В. Беньковский) и группа Г. Минца, куда «входят, главным образом, евреи», «явно „промосковской“ ориентации» (члены Политбюро ЦК ППР Я. Берман и Р. Замбровский и министр С. Сжешевский). Во время войны, отмечал посол, эта группа находилась в СССР, «имеет не только ясную линию в отношении СССР, но и большие заслуги в восстановлении Польши». В вину Гомулке ставились «резкие анти-советские вспышки по отдельным вопросам», «стыдливая» линия в отношении пропаганды сближения с СССР», удаление «из центра поляков, не зараженных польским национализмом», перевод на периферию «хороших партийцев», «которые во время войны прошли советскую школу». Посол дважды упомянул чью-то руку, «которая

не укрепляет окружение Гомулки хорошими *польскими* кадрами просоветской ориентации, а держит его в кругу нездорово настроенных пепезровцев». К недостаткам группы Минца был отнесен «ошибочный путь»: «борясь против польского шовинизма, она сама складывается как еврейская группа», а это опасно, потому что если «страшного пса ненависти к евреям в Польше... спустить с цепи», то «образуется единый фронт шовинистов-пепезровцев — с представителями папы Римского». В отношении же Б. Берута Лебедев подчеркивал, что он не примыкает ни к одной из групп, проявляет «нервную напряженность в связи с действиями и напором Гомулки», но ведет «линию разумного сдерживания от крайностей обеих группировок». В заключение посол делал осторожный и по тем временам довольно мягкий вывод: необходимо «окружить Гомулку коллективом свободных от национализма товарищей» и «предостеречь тт. Минца и Бермана от опасности группировки по „семейственным“ признакам». 15 марта 1948 г. документ был у Сталина. 30 марта в Москву поступило еще одно письмо посла. Теперь Лебедев раскрыл некоторые польские источники своих сведений, указав на Я. Бермана, Е. Борейшу и Ю. Циранкевича¹²⁴.

5 апреля 1948 г. секретарь ЦК ВКП(б) М.А. Сулов получил из аппарата ЦК справку «Об антимарксистских идеологических установках руководства ППР», где на основе официальных документов ППР, докладов, статей, опубликованных и неопубликованных выступлений, в основном Гомулки, был собран материал, преподнесенный как идеологический компромат. Концепция «польского пути к социализму» была превращена авторами справки в теорию «польского марксизма», или «приспособление к национализму». Резкой критике подверглись утверждения Гомулки об отличиях «польского пути к социализму» от советского опыта. Многое из того, о чем польский лидер говорил публично в течение ряда лет и что неоднократно слышал от Сталина, теперь признавалось идейной крамолрой. Было раскритиковано отношение руководства ППР к проблеме единства рабочего класса, которое-де откладывается «на более далекую перспективу», а также политика ППР в деревне. Последнее адресовалось персонально Гомулке, который убедил польское крестьянство, что колхозов в Польше не будет. Для усиления обвинительной аргументации использовалось «безотказное» оружие — тезис о принижении польскими коммунистами роли СССР в освобождении страны, с чем было «увязано» «изгнание» советских офицеров из Войска Польского. Заключительный вывод был категоричен: «Все вышесказанное показывает ошибочность идейно-теоретических установок руководства Польской рабочей партии и наличие в партии ясно выраженного националистического уклона»¹²⁵.

Подготовка «польской» справки происходила параллельно с работой над подобными документами, касающимися других компартий, и одновременно с письмом ЦК ВКП(б) от 27 марта 1948 г. руководству КПЮ во главе с И. Броз Тито. Все документы объединялись одной целью и политической риторикой. Москва готовила «перетряску» политической элиты в странах народной демократии и освобождение от тех деятелей, кто слишком уверовал в «национальные пути к социализму». В руководстве СССР хорошо было известно, что внутри каждой правящей группировки шла острая борьба за место во власти. Облегчала перестановку ключевых фигур и далеко неоднозначная реакция компартий на советско-югославский конфликт. Если венгерское руководство немедленно осудило КПЮ, то лидеры румынской и чехословацкой партий несколько задержались с положительной реакцией на письмо Москвы в адрес КПЮ. Не сразу,

но согласился и Г.М. Димитров. В. Гомулка же занял весьма критическую позицию, которую не скрывал от Политбюро ЦК ППР. В беседе с советником посольства СССР Яковлевым он высказал сомнение в достоверности выдвигаемых Москвой обвинений в адрес югославы. Как позднее показал на допросе М. Спыхальский, Гомулка оценивал действия Москвы как преждевременные и чреватые большими трудностями для ППР. Он опасался «отпадения Югославии от лагеря стран народной демократии». В связи с этим 18 апреля Молотов поручил послу встретиться с Гомулкой «и спросить, не думают ли польские товарищи реагировать на письмо ЦК ВКП(б)». Реакция Гомулки была достаточно сдержанной. Он обещал поставить 19 апреля этот вопрос на заседании Политбюро, «которое, по словам Гомулки, вероятно, вынесет нужное решение», что и произошло. Тем не менее, отвечая ЦК ВКП(б), польское руководство подчеркнуло негативное влияние конфликта на атмосферу в компартиях региона и на международное коммунистическое движение. Гомулка предлагал свое посредничество в урегулировании конфликта, но получил отказ. Воспользоваться его содействием отказались и югославы¹²⁶.

На позицию Гомулки по югославскому вопросу, которая отражала в том числе и проюгославские настроения в рядах партии, аппарат ЦК ВКП(б) отреагировал предположительно в мае 1948 г. составлением «Информации о националистических тенденциях в Польской Рабочей Партии», где ППР обвинялась в преобладании националистических тенденций и антимарксистской ориентации. Из этого документа не вполне ясно, направлен ли он исключительно против Гомулки, который тогда находился в постоянном контакте со Сталиным, или адресовался всему Политбюро ЦК ППР. А. Собур-Свидерская полагает, что обвинения были адресованы в первую очередь главе партии, «остальные члены Политбюро ЦК ППР, чтобы отвести угрозу от себя лично, определили Гомулку в качестве персональной жертвы»¹²⁷.

Состоявшийся 3 июня 1948 г. расширенный пленум ЦК ППР прояснил ситуацию. В порядке обсуждения идейной платформы объединенной партии Гомулка подготовил доклад о традициях рабочего движения и их соотношении с послевоенной ситуацией, в котором пытался отстоять «уже отброшенную Сталиным доктрину национальной обусловленности политики, которую проводили компартии» стран Восточной Европы. В докладе была дана негативная оценка позиции СДКПиЛ и КПП по вопросу независимости Польши, где классовые цели превалировали над национальными интересами, отмечалось непонимание предшественниками ППР места национального фактора в сознании поляков и истории государства. Гомулка настаивал, что правящая партия должна выступать за независимость и защищать ее, если хочет иметь общественное влияние. Он подчеркнул политический реализм руководства довоенной ППС, толкование социалистами права нации на самоопределение как права на независимость и этим объяснял широкую общественную поддержку социалистов. Доклад Гомулки был критически встречен выступавшими в дискуссии (как отметил польский историк А. Скжипек) деятелями второго партийного уровня. Р. Верфель, Э. Охаб, Е. Моравский, Я. Изыдорчик, Т. Данишевский, Ю. Брыстигер, В. Вольский, Е. Борейша, Л. Касман и другие, всего 13 человек, обвиняли лидера ППР в возвеличивании ППС и принижении революционных заслуг КПП. Эта дружная критика вовсе не была проявлением внутрипартийной демократии. Демонстрировалось понимание того, что Москва ожидает от партии. Хотя пленум рекомендовал Гомулке лишь доработать доклад, вскоре по-

следовало постепенное фактическое отстранение генерального секретаря от власти*. Товарищи по партии перед лицом личной опасности поспешили отмежеваться от своего лидера, «назначив» его на роль единственной жертвы. Подтверждением тому является беседа 9 июня 1948 г. с В.Г. Яковлевым Я. Бермана, настаивавшего на непричастности к тексту доклада членов Политбюро, «которое не санкционировало и не разделяет политическую позицию Гомулки по вопросу о предшественниках ППР», позицию, которая, однако, «не является случайной»¹²⁸.

В схватке за власть, развернувшейся весной–летом 1948 г., все ее участники искали поддержки Москвы. 12 июня Гомулка уведомил Сталина, что «в руководстве ППР вскрылись серьезные разногласия идеологического порядка». Он просил разрешения приехать «за советом», если эти разногласия не удастся разрешить «своими силами». 14 июня Лебедев препроводил Молотову информацию Берута о состоявшихся 8 июня пленуме и заседании Политбюро ЦК ППР, где Гомулка упорствовал в защите позиций ППС, но «все члены Политбюро [были] не согласны с утверждениями Гомулки». Зная об авторитете и популярности Гомулки в партии, Берут опасался недовольства в партийных «низах» и поставил вопрос о своей поездке в Москву. 27 июня состоялась беседа Берута, Минца и Замбровского с Молотовым, посетившим Варшаву по другим делам. Из доступных данных следует, что гость советовал полякам отказаться от Гомулки. Вскоре, 6–7 июля, состоялся еще один пленум ЦК ППР, но без участия главы партии, отправленного в отпуск. Заседания вел Берут. 14 июля с ним, а не с Гомулкой, по межпартийным делам контактировал Сталин¹²⁹. Это был сигнал к переменам.

Развитие событий ускорилось в августе 1948 г. 13 августа Политбюро ЦК ППР направило делегацию (Берут, Берман, Спыхальский) к Гомулке с предложением обратиться к Сталину с просьбой разрешить спор в руководстве партии. Гомулка согласился. 14 августа он принял участие в заседании Политбюро, но принудить его к полному признанию обвинений не удалось. 15 августа Берут вылетел в Москву и в ночь на 16 августа имел продолжительную беседу со Сталиным и Молотовым. Он сформулировал основные претензии к Гомулке: примиренчество в отношении КПЮ; фальшивое понимание традиций рабочего движения по вопросу независимости; «серьезный правонационалистический уклон, который проявился еще весной 1944 г.»**. Согласие Сталина на отставку Гомулки и передачу поста генерального секретаря Беруту было получено. Но решение на этот счет, как считали в Москве, должна была принять ППР. Гомулка, уведомленный о позиции Сталина, на заседании Политбюро 19 августа согласился на отставку и признание некоторых ошибок, чего ранее от него добиться Беруту не удавалось. 25 августа 1948 г., за несколько дней до официальной смены руководителя партии, из Москвы поступило одобрение «резолюции Политбюро ППР о Веславе» и просьба «дополнительно» сказать, «что линия недоверия к СССР, проводимая тов. Веславом, наносит серьезный ущерб интересам Польши, ослабляя ее политические позиции»¹³⁰.

* 21 июня 1948 г. на совещании Информбюро в Бухаресте Я. Берман информировал участников об обнаружении в ППР право-оппортунистического националистического уклона (Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949 гг. Документы и материалы. М., 1998. С. 418–422).

** Речь идет о доносе Берута на Гомулку, доставленном в Москву летом 1944 г. делегацией КРН. Тогда этот документ был сдан в архив и извлечен лишь в августе 1948 г.

Пожелание было учтено. Отстранение Гомулки от власти состоялось на пленуме ЦК ППР, заседавшем 31 августа — 3 сентября 1948 г. Принятые решения повторяли, порой буквально, справку от 5 апреля 1948 г. Все то, что Гомулке инкриминировалось, особенно споры о сущности народной демократии, лишь прикрывало политический смысл событий в Варшаве. Для Москвы речь шла о подавлении любых проявлений инакомыслия в ППР, многие члены которой ориентировались не только на интернациональные интересы, но и на национальные ценности и традиции. Обвинения Гомулки в «польском марксизме», национализме и симпатиях к якобы мятежной Югославии, последовавшее наказание служили методом «воспитания» кадров ППР. Произошло принципиальное изменение расстановки сил и лидерства в партийных «верхах» в пользу тех, кто был готов, поступаясь национальными интересами, беспрекословно исполнять волю Москвы. Для недавних товарищей Гомулки по руководству партией его отстранение было их персональной победой*. Б. Берут стал генеральным секретарем, в Политбюро вошел Ф. Юзвяк, в секретариат — Э. Охаб, В. Двораковский и А. Альстер. Был выведен из состава ЦК В. Беньковский, понижены до кандидатов в члены ЦК ППР близкие к Гомулке З. Клишко, И. Лога-Совиньский, А. Ковальский, М. Барыля и Г. Корчиньский. Новый политический курс партии был принят к исполнению.

Лишение Гомулки высшего поста в партии пока не означало полного устранения его из политической жизни страны. Он оставался членом Политбюро ЦК ППР, в заседаниях которого, правда, больше не участвовал. Давление с требованием полного «разоружения перед партией» продолжалось до объединительного съезда ППР и ППС в декабре 1948 г., где Гомулка был избран в ЦК Объединенной рабочей партии.

Новое руководство партии опасалось, что вокруг Гомулки может возникнуть группировка не согласных с Берутом. Поэтому в Варшаве и Москве добивались политического уничтожения Гомулки посредством публичного «покаяния», дискредитации его «предательской» деятельности в годы оккупации, осуждения позиции «поперсонально-

* В науке преобладает мнение, что Гомулка вступил в острый конфликт со Сталиным и его отставка — дело рук Москвы, а в Варшаве лишь исполнили указания. Российские архивы позволяют несколько скорректировать такие суждения. Уход Гомулки находился в русле задуманной Москвой смены элиты в компартиях. Однако в ППР ему противостояла промосковская группировка, с которой у генерального секретаря был старый личный и политический конфликт по вопросу: «польский путь к социализму» — это стратегия или только тактика? Была ли у Сталина, занятого югославскими делами, потребность в отстранении Гомулки? Прямых документальных свидетельств для ответа на этот вопрос нет. Отметим хронологический параллелизм событий. С одной стороны, создание «компромата» в Москве и вслед немедленная критика Гомулки группировкой Берута в Варшаве. С другой стороны, весной–летом 1948 г. продолжалась переписка Гомулки со Сталиным. Последний поддерживал его суждения по принципиальным вопросам объединения ППР и ППС и соглашался сохранить антигерманскую направленность советско-польского договора 1945 г. Об отказе от своего предложения изменить текст этого договора, опустив антигерманский акцент, Сталин писал 13 апреля 1948 г. советскому послу для передачи телеграммы именно Гомулке. Может быть, до июля 1948 г. будущее Гомулки не было еще решено, как и тогда же раскритикованного М. Ракоши в Венгрии? Многое зависело от международной конъюнктуры. В судьбе Гомулки «последней каплей» мог стать Берлинский кризис лета 1948 г.

национальному (еврейскому. — А.Н.) составу руководящих органов в государственном и партийном аппарате». Одновременно требовали согласия «т. Веслава» остаться в составе руководства, что позволило бы держать его под контролем. Гомулка отказывался «работать заодно» с руководством, отказывался ехать в Москву, чтобы «попросить приема у товарища Сталина», к чему его толкал Берут. Но 20 ноября 1948 г. на заседании Секретариата ЦК он был вынужден дать согласие на участие в предстоявшем съезде рабочих партий и на «выступление с положительной оценкой работы партии». Согласился Гомулка и на поездку в Москву, где 9 декабря имел беседу со Сталиным. После этой беседы, 14 декабря, им было написано письмо Сталину о сути разногласий с новым руководством партии. Гомулка назвал недопустимыми методы его отстранения и отказался от участия в центральных органах партии. В письме Беруту 16 декабря из Москвы сообщили, что Гомулка «в беседе с нами вел себя не вполне искренне... он не вполне еще освободился от своих ошибок и именно поэтому отказывается войти в состав руководящего органа партии — Политбюро»; «отношение т. Гомулки к партии и его искренность требуют дальнейшей проверки». 19 декабря, во время работы съезда, Сталин информировал Берута о принятом решении: «...т. Гомулку следовало бы оставить в ЦК, а в Политбюро не вводить. Партия от этого... может выиграть»¹³¹.

Таким образом, используя клановую борьбу за власть в «высшем эшелоне» польских партийных кадров, советское руководство привело к власти в партии и стране ортодоксальных «польских товарищей», избежав превращения событий в ППР в еще один резонансный конфликт в коммунистическом движении. Решение относительно Гомулки было «мягким», но оно позволяло не считать «вопрос» закрытым. Еще летом 1948 г. была дана санкция польской госбезопасности на «разработку» ряда лиц с целью расширения и углубления идеологических «грехов» лидера партии, получения необходимых показаний на Гомулку и Спыхальского. Имелись в виду депутат сейма от СД, министр В. Лехович и член СД, бывший вице-министр А. Ярошевич, которые состояли в руководстве СД по заданию ППР. В годы оккупации они находились под началом Спыхальского в разведке Гвардии, затем Армии Людовой. Польские исследователи полагают, что Лехович и Ярошевич «с согласия и по поручению советской разведки» взаимодействовали с разведкой АК. Располагая такой информацией, можно было обвинить Спыхальского и Гомулку в том, что они скрывали эти сведения, и организовать «дело» о враждебной агентуре в партии¹³².

Летом 1949 г. советский посол Лебедев называл «дело» Леховича и Ярошевича перспективным для получения компромата на Гомулку. 5 октября МГБ СССР проинформировало Сталина о том, что «в связи со вскрытием правооппортунистического и националистического уклона в руководстве ППР решением Политбюро ЦК ППР создана специальная комиссия с задачей разработки ряда руководящих работников, связанных с Гомулкой и Спыхальским по работе в подполье в годы немецкой оккупации. По разработке проходят до 40 человек». В составе комиссии были вице-министр МОБ Р. Ромковский и полковник А. Фейгин. Аресты Леховича, Ярошевича и других лиц начались с 6 октября 1948 г. Предполагалось закончить «дела» через 2–3 недели. Но арестованные не дали показаний против Гомулки и, как в феврале 1950 г. доложил Сталину Лебедев, «окончание следствия... фактически провалилось». «Я по-прежнему думаю, — писал посол, — что кто-то в руководстве партии не заинтересован в разрывании этого дела». Возможно этим «кем-то» был Сталин. Упомянутая комиссия по

«делу Леховича–Ярошевича» со временем превратилась в X департамент МОБ, который занимался поиском «враждебных элементов» в партии¹³³.

Судьба Гомулки оказалась тесно связанной с судьбой концепции «национального пути к социализму», рассчитанной на социально-политические компромиссы, в том числе с Москвой. По мнению К. Керстен, он и в 1948 г. «защищал ограниченную автономию польских коммунистов, которые, подчиняясь Кремлю в принципиальных вопросах, с середины 1945 г. сами или почти сами могли выбирать политические методы, принимать некоторые самостоятельные экономические решения, создавая „польский путь к социализму“»¹³⁴. Но эта концепция больше не соответствовала конфронтационным международным отношениям и новым внутренним задачам, решение которых было рассчитано на использование в большей мере методов устрашения и принуждения, чем убеждения. Решения о политической судьбе Гомулки означали поворот в развитии страны. Они во многом определили дальнейшее течение процесса объединения рабочих партий, ситуацию в ППР и особенно в ППС.

Руководство и значительная часть актива ППС, трезво оценив ситуацию, избрали путь приспособления и в течение сентября 1948 г. заблаговременно согласились с тем, что главой объединенной партии станет Б. Берут. На заседании Главного совета 18–22 сентября 1948 г. произошел «расчет с прошлым». Главный докладчик Ю. Циранкевич констатировал, что ППС «отягощена балластом реформизма, оппортунизма, немарксистских традиций, идеологии и деморализующей практики, вдобавок отличается сильно развитым национализмом и антисоветским комплексом...». Были отвергнуты прошлые идейно-теоретические разработки (демократический социализм и концепции экономистов-социалистов) и партийные традиции ППС, за исключением традиций сотрудничества с коммунистами; осуждалось понимание особой роли кооперации и профсоюзного движения в польском обществе. Выступали социалисты на заседании ГС по-революционному: «находили» в своих рядах сторонников «правонационалистического уклона», резко критиковали правых социалистов — носителей реформизма и национализма. Неожиданно для многих членов партии проявилось враждебное отношение к интеллигенции и партийным интеллектуалам, которых было немало в рядах ППС. По словам Циранкевича, зараженная чувством «превосходства во всех сферах, не исключая... и политическую», интеллигенция стала «неконтролируемым резервуаром правых настроений» в стране¹³⁵.

В резолюции, принятой ГС, содержался отказ от прежних политических позиций и социал-демократизма ППС. Партия фактически приблизилась к установкам ППР, утвержденным на заседаниях пленума ЦК ППР в июле–сентябре 1948 г. Польские социалисты, признав неизбежным существование Польши в сфере советских интересов, постепенно, почти без сопротивления отказались от своих программных установок и перестали быть социалистами¹³⁶. Такие идейно-политические перемены сопровождались организационными решениями: из ЦИК и ГС были выведены или вышли заслуженные деятели социалистического движения — Э. Осубка-Моравский, Р. Обрончка, Я. Стжелецкий, В. Дробнер, Т. Гловацкий, Г. Вахович. Лишились своих постов К. Русинек и С. Швальбе. В состав руководства вошли «левые» С. Матушевский, Г. Свентковский, С. Ковальчук. Перегруппировка кадров и «чистка», в ходе которой из партии были исключены крупные функционеры Я. Топиньский, Б. Дробнер, А. Бень, привела к тому, что в руководстве ППС инициатива перешла к «левому центру», хотя в партии

остались известные, условно центристские, деятели социалистического движения — Я. Хохфельд, Ч. Бобровский, Д. Клушиньская, Э. Осубка-Моравский, Г. Яблоньский.

Черту, за которой остался «национальный путь к социализму» и единый фронт двух рабочих партий в Польше и после которой произошел переход к монопольной власти одной рабочей партии, провел объединительный съезд ППР и ППС, состоявшийся 15–21 декабря 1948 г. В нем участвовали 1008 делегатов, представлявших более 1 млн членов ППР, и 530 представителей полумиллионной ППС, присоединявшейся к «старшему товарищу»*. Делегаты утвердили название партии — Польская объединенная рабочая партия, приняли Устав. В члены ЦК были избраны 72 человека, из них 49 были выходцами из ППР, 23 — из ППС. Председателем ЦК ПОРП стал глава ППР Б. Берут — один из бывших аппаратчиков Коминтерна. Определяющие позиции в партии заняли «московские поляки», ортодоксальные коммунисты-большевики, взявшие на себя насаждение в Польше социализма советского образца. Получили долю власти и те члены ППС во главе с Ю. Циранкевичем, которые приняли к исполнению сталинизацию Польши, расставшись с социал-демократическими ценностями и принципами. Поэтому возникновение объединенной рабочей партии вовсе не было идейно-политическим компромиссом равных партнеров, что отражало соотношение кадров на партийном «олимпе». В Политбюро вошли: от ППР — Б. Берут, Я. Берман, Ф. Юзвяк, Г. Минц, С. Радкевич, М. Спыхальский, Р. Замбровский, А. Завадский; от ППС — Ю. Циранкевич, А. Рапакский, Г. Свентковский. Секретарями ЦК стали Берут, Циранкевич, Замбровский, Завадский. Для руководства текущей партийной работой было создано организационное бюро ЦК из 24 человек, из них 8 были ранее членами ППС. Его состав вскоре сократился, из бывших социалистов остался лишь Циранкевич**. В Оргбюро входили некоторые члены Политбюро, Секретариата ЦК, руководители основных отделов ЦК, секретари ряда воеводских парторганизаций. Новая партия после объединения насчитывала 1 442 794 членов, среди них рабочих было 60%¹³⁷.

Выступления на съезде были по форме в основном приветственными речами, где отмечалось историческое значение объединения рабочих партий, дружба с многонациональной страной социализма и т. п. Исключение составило выступление Гомулки: «Мы — интернационалисты боролись, и будем бороться не только с национализмом, но и с космополитизмом и национальным нигилизмом. Мы презираем тех, кто не уважает наш народ, не ценит его величия и способностей, тех, кто уменьшает наш вклад в сокровищницу международной культуры за тысячелетнюю историю народа». Он не соглашался с теми, кто принуждал его к признанию «ошибок»: «...я имею право требовать от них и всех иных, чтобы, критикуя мои ошибки, не чернили моего имени,

* Летом–осенью 1948 г. из ППС в массовом порядке и по спискам удаляли несогласных с курсом руководства, в основном социалистов с предвоенным стажем, выходцев из ВРН, представителей интеллигенции. Был «вычищен» почти каждый четвертый, что оказывало «нужное» психологическое воздействие на тех, кто оставался в партии.

** Ю. Циранкевич, по мнению польских историков Э.и Б. Сыздек, «в 1949 г. перешел на сталинский путь, ни в малейшей степени не дистанцируясь, не сохраняя даже намек на преданность социал-демократическим ценностям и идеалам» (*Syzdek E., Syzdek B. Józef Cyrankevicz: Zanim zostanie zapomniany. Warszawa, 1996. S. 164*).

поскольку они наносят вред не только мне лично, но и одновременно своей и моей тоже партии»¹³⁸. Несмотря на критику делегатами «правонационалистического уклона» в партии, речь Гомулки была отмечена «продолжительными аплодисментами», что свидетельствовало об авторитете лидера ППР.

Съезд принял Идеиную декларацию. В ней подчеркивалась идейная связь ПОРП с «Пролетариатом» Л. Варыньского, с СДКПиЛ, КПП, которая представляла защитницей независимости, борцом с «санацией» и сторонницей союза с СССР, и ППР, которая отстояла этот союз, гарантирующий независимость и границы новой Польши. Идеино-политическое наследие ППС характеризовалось как «антимарксистское и националистическое». Концепция «польского пути к социализму» отвергалась, повторялись те аргументы, которые звучали на пленумах ЦК ППР летом–осенью 1948 г. Утверждалось новое толкование политического режима народной демократии как особой формы диктатуры пролетариата*, призванной осуществить ликвидацию капиталистических элементов и организацию социалистической экономики. «В условиях народной демократии, — говорилось в Декларации, — рабочий класс строит фундамент социализма в Польше. Строить фундамент социализма можно только с помощью классовой борьбы — в борьбе со всеми капиталистическими элементами и их зарубежными покровителями». Указывались и объекты этой борьбы: «В условиях народной демократии существуют еще капиталистические слои. К ним относятся капиталисты в промышленности и торговле, а также самая массовая капиталистическая прослойка — сельские капиталисты»¹³⁹. Исполнение этой программы брала на себя ПОРП, которая монополизировала право определять развитие страны. Она обязывалась внедрить модель сталинского социализма, применяя в Польше теорию обострения классовой борьбы.

Таким образом, I съезд ПОРП обозначил завершение переходного периода, когда еще существовали альтернативы советскому социализму. С образованием единой рабочей партии исчезла альтернативность и в рабочем движении. Социал-демократия как идейное и организационное течение в польском марксизме прекратила свое существование. Наступало время советизации общественных порядков.

* Такая трактовка «государства народной демократии» была изложена в письме 3 ноября 1948 г. Г.М. Димитрова И.В. Сталину и получила его одобрение (см.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. М., 1999. С. 638–643).

III. 1. Властная монополия ПОРП. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВЯЩЕГО СЛОЯ. КОНСТИТУЦИЯ 1952 г.

1949 год стал временем принципиальных перемен в международной обстановке. Безрезультатно закончились попытки Москвы противостоять ограничению Западом ее влияния восточным регионом Европы, «выталкиванию» СССР за «железный занавес». Они сопрягались с советским желанием использовать этот «занавес» как преграду от «тлетворного» влияния капиталистического мира и тем поспособствовать собственным усилиям «связать» страны региона замкнутой на Кремль сетью военно-политических договоров и торговых соглашений. Система двусторонних межгосударственных отношений прочно привязывала страны народной демократии к СССР.

Соединенные Штаты, со своей стороны, форсировали распространение американского военного присутствия. По всему миру «рассыпались» их военные базы — опорные пункты этого присутствия. Америка наращивала экономический и военный потенциал Западной Европы, где интенсивно развивался процесс консолидации для обороны от «коммунистического Востока». Холодная война вступила в острую фазу и разворачивалась в дипломатической, военно-политической, экономической и культурной сферах. Пропаганда двух противостоявших блоков достигла невиданной ранее остроты, консервируя атмосферу напряженности и военных угроз, поддерживая гонку вооружения и военную истерию.

Главной проблемой в Европе становилась судьба Германии. Западные державы совершали реальные шаги к экономическому объединению «своих» зон, готовились к трансформации подконтрольной им территории в отдельное немецкое государство. Близился раскол Германии и разъединение немецкого народа. Советская сторона продолжала уже обреченный курс на восстановление единой Германии, видя в этом возможность сохранить былое взаимодействие «большой тройки». Но такое время в Европе прошло. Советская блокада Западного Берлина с июня 1948 по май 1949 г. показала политическую неэффективность и экономическую несостоятельность действий Москвы. Она подтвердила, что воля СССР действует лишь в пределах сферы его влияния, что Западную Европу полностью контролируют США, что СССР не в состоянии остановить процесс конституирования отдельного немецкого государства, завершившийся 20 сентября 1949 г.

Распространение в январе 1950 г. на ФРГ плана Маршалла для возрождения ее экономической мощи свидетельствовало, что США сделали ставку на страну, униженную военным разгромом, наказанную репарациями и территориальными потерями. В Москве появление ФРГ воспринимали как возрождение германского реваншизма. Теперь западнее Польши, наиболее внутри- и внешнеполитически уязвимой части региона советского контроля, существовало немецкое государство, не смилившееся с утратой части территории*

* В Конституции ФРГ была обозначена Германия в границах 1937 г. Это положение Основного закона страны сохранялось до объединения ФРГ и ГДР в 1989 г. и заключения договора с Польшей в 1992 г.

и способное с помощью США нарастить силы, чтобы стать угрозой как для Польши, так и для всего советского блока.

Ответом Москвы на действия США стало провозглашение в октябре 1949 г. Германской Демократической республики в границах советской зоны оккупации Германии. Этот шаг не был адекватным по геополитическому значению возникшей ФРГ и тем более уже существовавшей в 1948 г. замкнутой военной группировке — Западному союзу, а с 1949 г. НАТО. Но для послевоенной Польши создание ГДР было важнейшим событием: на ее границе появилось дружественное государство, правительство которого обязывалось выполнять Потсдамские решения относительно польско-германского разграничения. В октябре 1949 г. сначала СССР, затем Польша признали ГДР. В Варшаве была подписана Декларация о демаркации польско-германской государственной границы, в июле 1950 г. заключен Договор о границе между Польшей и ГДР*.

Гарантом государственного статуса ГДР и ее Договора с Польшей выступал СССР, военные группировки которого были дислоцированы на территории ГДР и Польши, что не только связывало две страны в единое геополитическое целое, но и усиливало их военно-политическую значимость для Москвы и зависимость от нее в условиях блокового противостояния.

В том же 1949 г. возможности самостоятельных действий СССР на международной арене заметно повысились в связи с испытанием атомной бомбы, что означало разрушение монополии США на это оружие и исключение атомного шантажа как инструмента политики. С победой Китайской Народной армии в Азии появился крупный военно-политический союзник СССР — Китайская Народная Республика, способный оказывать влияние на общий баланс сил «столкнувшихся» в холодной войне государств и блоков.

Большие перемены происходили в сфере международных экономических отношений. С установлением «железного занавеса» усилиями как Запада, так и Востока разрушались традиционные торгово-экономические связи на континенте. Для СССР и «малых» стран Восточной Европы стали недоступны многие научно-технические достижения и использование финансов главного послевоенного кредитора — США. В странах советского влияния происходила трудная и экономически затратная перестройка экономики, переориентация на внутренние силы. Их основным торговым партнером становился СССР. Плану Маршалла была противопоставлена организация многостороннего сотрудничества — Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), выполнявший с 1949 г. роль координатора развития региона и его экономической «привязки» к СССР. Военно-политическая зависимость от Москвы дополнилась ростом зависимости экономической.

На рубеже 1940–1950-х гг. ПОРП приняла к исполнению советский способ развития экономики за счет тяжелых отраслей и военного потенциала в условиях почти всеобъемлющей государственной собственности и максимальной занятости трудоспособного

* Подписанием этого документа фактически завершался этап урегулирования Польшей пограничных вопросов с соседями: в 1947 г. был заключен польско-чехословацкий договор о территориальном разграничении; 15 июня 1948 г. подписан Протокол описания линии границы между СССР и Польшей.

населения. Под решение этой экономической задачи подводилась идейно-политическая стратегия, именовавшаяся строительством основ социализма, становилось неизбежным введение директивного управления всеми сферами жизни общества из центра, т. е. руководства одной партии.

Таковы были условия, в которых ПОРП утвердила на съезде в декабре 1948 г. курс на модернизацию по-советски. В соответствии с идеологической доктриной коммунистов партия являлась главным звеном общественной системы в государстве. Она надеялась на монопольную политическую власть, ее партийные структуры пронизывали общество сверху донизу, создавая вертикаль партийно-государственного аппарата, призванного управлять людьми и государственной собственностью, направлять деятельность органов принуждения и защиты — спецслужбы и армию. В «классическом» варианте такая общественная система действовала в СССР. В Польше советская модель внедрялась в иных условиях и в иное время.

Политической системе страны в межвоенный период и на этапе народной демократии была присуща многопартийность, отражавшая многообразие интересов разных социальных групп населения. В это время на политической «сцене» продолжали деятельность две массовые крестьянские партии, а также менее «весомые» Стронництво демократичне (СД) и Стронництво працы (СП). Теперь предстояло, сохранив формально многопартийность, в корне изменить партийно-политическую систему: устранить оппозиционное представительство, превратить политических выразителей специфических социальных интересов крестьянства и непролетарских слоев города в существующие рядом с ПОРП, но не противостоящие партии. С этой целью была развернута подготовка к унификации крестьянского движения, и решением Конгресса единства людовского движения в Варшаве 27–30 ноября 1949 г. создана Объединенная крестьянская партия (ОКП). В ее рядах состояло более 250 тыс. человек. В подавляющем большинстве это были члены СЛ, из рядов ПСЛ приняли лишь 25 тыс. человек. В руководстве партии были представлены лидеры как СЛ (В. Ковальский, А. Кожицкий), так и ПСЛ (С. Игнар, Ю. Нечко). За право существовать ОКП заплатила отказом от демократических принципов польского варианта аграризма, принятием сталинской доктрины социализма, включая коллективизацию деревни, и обязательством «транслировать» в деревню решения ПОРП. Идейная декларация, утвержденная Конгрессом как программный документ новой партии, шла дальше принципов левого крыла людовского движения. Декларировалось признание идеи рабоче-крестьянского союза, руководящей роли в этом союзе рабочего класса и его партии. ОКП позиционировала себя «составной частью народной демократии»¹⁴⁰.

Подобные идейно-политические позиции заняло и контролируемое «скрытыми» коммунистами СД — не менее традиционный, но весьма малочисленный институт, представлявший некоторые слои интеллигенции и мелких собственников города. Демократы разместились на периферии новой политсистемы страны. Во многом под давлением власти и репрессий руководство СП объявило в июле 1950 г. о «самороспуске» партии. Часть его членов перешла в ряды СД, но большинство оставило политическое поприще.

Некоммунистические ОКП и СД сохранялись в партийно-политической системе страны в качестве партий, союзных ПОРП. Они имели свою социальную базу, свою организационную структуру и руководящие органы, отчасти традиционные, отчасти

дублирующие строение ПОРП. Их представителям предоставлялись места в сейме, в органах исполнительной власти, а также в местном самоуправлении и администрации для выражения особых социальных интересов своих сторонников*.

По мере утверждения монополии ПОРП на власть ОКП и СД оказывались на политической периферии, лишившись права на альтернативные предложения. На практике их миссия во многом была сведена к демонстрации специфики, сохранения традиций и некой преемственности «облика» всей партийно-политической системы. Главная же политическая функция партий-союзниц состояла в передаче своим организациям для исполнения тех решений, которые принимало руководство ПОРП самостоятельно, по согласованию или совместно, например, с Главным исполкомом ОКП. Сужение суверенности партий-союзниц сказывалось на их деятельности, вело к сокращению рядов, утрате доверия многих недавних сторонников.

Традиция политического плюрализма в молодежном движении была сломлена летом 1948 г. Партийные Союз борьбы молодых (ППР), Организация молодежи ТУР (ППС), Союз сельской молодежи «Вицы» (ПСЛ) объединились в Союз польской молодежи (СПМ). Его численность стремительно росла на волне подъема радикализма в молодежной среде и массового трудового энтузиазма в стране. В 1948 г. СПМ насчитывал 500 тыс. членов, в 1955 г. — около 2 млн. Его младшим партнером было традиционное в Польше движение детей-подростков — харцерство, которое отчасти стало напоминать пионерскую организацию СССР. По советской модели в 1949 г. было перестроено и многомиллионное профсоюзное движение, которое возглавил коммунист с довоенным стажем В. Клосевич¹⁴¹. Поскольку теперь парткомы и администрация предприятий имели право разрешать все проблемы рабочих коллективов, в том числе трудовые споры, это означало лишение профсоюзов их коренного признака — независимости от власти. Различные общественные организации постепенно тоже перешли под политический контроль ПОРП**.

В начале 50-х годов завершился процесс ликвидации партий, предлагавших свою альтернативу советскому социализму, и движений, близких этим партиям. Многообразие политической системы становилось во многом внешним, утвердились единообразие и централизация. С какой целью в Польше сохранялся такой базовый компонент демократической политической системы, как многопартийность, хотя и внешняя? Почему Москва допускала эту специфику? Возможно, это была «дань» достаточно популярной концепции «польского пути к социализму» 40-х годов, идее

* Насколько результативно и бесконфликтно партии, которые в современной историографии принято называть сателлитами ПОРП и выводить за скобки политической жизни, это делали? Были ли они абсолютно бесправными или все же «работали» специальные механизмы взаимодействия, согласования, давления, наконец, покупки должностей? Было ли поведение «сателлитов» обусловлено объективной реальностью, преодолеть которую они оказались не в состоянии, и избирали такой пассивный способ существования в качестве «меньшего зла»? Все это проблемы, требующие политологических подходов и специального конкретно-исторического анализа, что выходит за рамки данного исследования.

** Как полагает известный польский историк Ч. Козловский, уже в 1948 г. большая часть польского общества была готова принять новые политические реалии в стране (Kozłowski Cz. *Namiestnik Stalina. Rzecz o Bierucie*. Warszawa, 1993 . S. 120).

народного фронта 30-х годов (вместо использования формулы «блок коммунистов и беспартийных» при однопартийной системе СССР). Несомненно, учитывался такой ментальный фактор, как политизация польского общества, приобретенная в годы борьбы за национальную государственность и ее возрождение в 1939–1945 гг. Но, по сути дела, это была неопасная для ПОРП имитация процесса политической конкуренции в стране. Отсутствие такого процесса признается политологами как важнейший признак тоталитаризма, в частности, левого толка. Формой имитации политического единения граждан было создание в 1951 г. по инициативе и под контролем ПОРП Национального фронта как «площадки» общих действий различных политических и общественных организаций страны. Этот инструмент общественной консолидации был активно использован осенью 1952 г. при проведении выборов в сейм согласно новой Конституции.

Важнейшими неформальными политическими структурами для любой партии и власти, стремящейся к тотальному контролю над обществом, являются силовые ведомства, прежде всего госбезопасность и армия. Им придаются не только внешние, но и внутренние охранные функции. В Польше Министерство общественной безопасности изначально монопольно контролировалось коммунистами и обеспечивало политический надзор за всеми общественными силами и «тылами» ППР-ПОРП. Кроме того, до середины 50-х годов на уровне министерства сохранялся институт советников МВД–МГБ СССР, который обеспечивал не только контроль, но и взаимодействие советских и польских спецслужб. Сложнее, с точки зрения политической благонадежности, обстояло дело с армией, куда после войны возвратилось значительное число довоенных кадров, и к середине 1948 г. большинство офицерского корпуса составляли профессионалы довоенного времени (в штабах более 50%). Политическая атмосфера в офицерском корпусе и среди генералитета расценивалась в ЦК ПОРП как неустойчивая.

Это обстоятельство, в условиях нарастания военно-политического противостояния на мировой арене, стало причиной особого внимания ПОРП к Войску Польскому. Тому есть документальные свидетельства. На рубеже 1948–1949 гг. польское военное ведомство предоставило Москве анализ ситуации в армии, затем советское посольство направило В.М. Молотову план «перестройки польской армии». Предполагалось вместе с «польскими друзьями» реорганизовать политически «абсолютно ненадежный» командный состав Войска Польского и обсудить с участием Б. Берута первоочередные мероприятия: поставить верных людей на командные должности. Тогда в тылу советских войск в Германии «будет стоять союзник, который в решающую минуту не подведет». Рекомендовалось создать в Политбюро ЦК ПОРП Сектор национальной обороны во главе с Б. Берутом и ввести в его состав Г. Минца, А. Завадского, Ф. Юзьвяка, С. Матушевского. В течение 1949 г. при непосредственном участии советника МВД ССР при МОБ Польши С.П. Давыдова и советского посла В.З. Лебедева подбиралась замена «ненадежному» министру М. Роля-Жимерскому. Поскольку среди польского генералитета (С. Поплавский, А. Завадский, В. Корчиц) замены «не находилось», возникла фигура К.К. Рокоссовского¹⁴².

В ноябре 1949 г. командование Войском Польским принял маршал Советского Союза, один из выдающихся военачальников, освобождавший Польшу от гитлеровцев, поляк по происхождению. Сейм Польши утвердил иностранного гражданина на ключевом посту в государстве, что нарушало польские законы, было откровенным

попранием его суверенитета. Назначение мотивировалось необходимостью обеспечить безопасность СССР и Польши. С этой целью существенно увеличивалась численность польской армии и ее офицерского корпуса*.

Новым министром были развернуты работы по переоснащению Войска Польского и военно-оперативной подготовке территории Польши к отражению внешней агрессии. Состоялся новый «призыв» советских офицеров на штатную службу в польскую армию. В середине 1949 г. советские генералы и офицеры работали на 84-х (из 192 по штату) должностях в Генштабе, родах войск, округах, академиях, авиационных дивизиях. Число офицеров, прибывших в Войско Польское с весны 1949 г. по 1952 г., составило около 160 человек и по сравнению с предыдущим периодом было совсем невелико. Но они, как и прежде, занимали в основном командные должности. Среди должностных обязанностей советских офицеров, согласно инструкции, принятой Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1949 г., значилось: помогать, не подменяя национального командования в военных вопросах, но предусматривались и политические задачи. Предписывалось повседневно вникать в состояние армии и настроения ее командного состава, содействовать назначению кадров, преданных своему правительству и верных СССР. Это означало советское военно-политическое вмешательство во внутренние дела другого государства¹⁴³.

Присутствие советских военнослужащих на командных постах расценивалось польским руководством как гарантия политической надежности армии. Пополнялось Войско Польское и новыми польскими офицерами. Усилиями министра обороны был открыт ряд высших и средних военных учебных заведений, где готовились военные и идейно-политические кадры. Большинство их составляли выходцы из рабочих и крестьян. Эти молодые офицеры год от года заполняли офицерский «вакуум» в армии, получали реальный карьерный рост и были готовы к беспрекословному исполнению распоряжений партии. ПОРП, со своей стороны, избавлялась от «неожиданностей» в важнейшей силовой структуре государства и получала потенциальную возможность использовать ее в «нужное время» как военно-политический институт, преданный партии и Польше. Таким образом, на рубеже 40–50-х годов госбезопасность и армия, поставленные на службу одной силе — ПОРП, являлись важнейшими звеньями политической системы страны.

Власть ПОРП, понимаемая как право распоряжаться польским государством и его национальным достоянием, управлять социально-экономическим развитием страны, была теперь монопольной, но по сравнению с советской моделью она имела особенности. Над польским руководством, как и над руководством других партий советского блока, возвышалась «вершина», выше которой быть не полагалось. Это — советское руководство и персонально Сталин. Прямой выход на Сталина имело лишь первое лицо в партии. Личные встречи Берута с советским лидером, порой при участии отдельных членов руководства ПОРП, со временем становились все более редкими. Сохранялась преимущественно телефонная связь и постоянные, порой ежедневные контакты отдельных партийных деятелей с «посредником» — посольством СССР в Варшаве. Регулярную работу исполнительных высших органов партии — Политбюро,

* Если в 1948 г. в Войске Польском служило около 19 тыс. офицеров, то в 1951 г. — 30 тыс., в 1953 г. — 43,5 тыс. человек (*Palski Z. Agentura informacyj wojskowej w l. 1945–1956. Warszawa, 1992. Прилож.*).

Секретариата и Оргбюро ЦК ПОРП, а также связи руководства партии с Москвой обеспечивал аппарат ЦК ПОРП, тесно взаимодействовавший с аппаратом ЦК ВКП(б)*.

Специфика сталинизации власти в Польше состояла не только в том, что политика партии согласовывалась с Москвой, реализовалась как напрямую, так и через многопартийность. Партия не имела харизматической личности на вершине власти, что свойственно классической тоталитарной организации. Б. Берут не был польским Сталиным. Он не располагал главным атрибутом «вождя»: независимой и абсолютной властью. Доверие к нему партийцев и граждан страны на рубеже 40–50-х годов усиленно формировалось и поддерживалось пропагандой**, но «мешала» фигура предшественника. После устранения В. Гомулки от власти общественное мнение добавило к авторитету лидера ППР ореол борца за право быть независимым от Москвы. Верноподданнические обращения Берута к Сталину, Молотову, регулярные просьбы о встречах демонстрировали не только уважение, но и понимание личной и государственной зависимости, стремление все, до деталей, согласовать, получить «совет», одобрение, поддержку.

Вершину власти в партии представляла узкая группа (триумвират, по определению А. Вербляна¹⁴⁴) членов Политбюро, выходцев из КПП — Б. Берут, Я. Берман, Г. Минц. Группировки на разных партийных уровнях были в традициях КПП, ППР и ППС. Они имели место и в ПОРП. В идейно-политических убеждениях не только коммунистов, но и социалистов уживались как сложившиеся ранее, так и новые представления. Москву устраивало личностное «размывание» центральной партийной власти в Варшаве. Предпочтительней¹ было иметь здесь группу правителей, которые вместе создавали удобный образ коллективного партийного руководства. Но именно Берута в Москве считали лидером ПОРП и подчеркнуто выделяли, понимая одновременно, что соседство Бермана и Минца, тоже «московских» поляков, но еврейского происхождения, для поляка Берута неопасно и лишь укрепляет его позитивный образ в ПОРП.

Реальной властью в партии и стране обладали партийные функционеры в варшавском «центре». Возглавляли центральные исполнительные структуры ПОРП, вероятно, несколько десятков человек. Абсолютно преобладали те, кто состоял

* Проблема отношений советского партийно-государственного аппарата с национальным аппаратом, степени самостоятельности последнего, взаимозависимости сторон трудна для научного осмысления из-за обилия общих и одновременно недостатка конкретных материалов. Она требует междисциплинарных приемов. Казалось бы, здесь не могло быть равноправия между партнерами. Но документы показывают, что не только московский центр «диктовал», но и партнеры воздействовали на него. Каждый исходил из своих интересов, имел свой властный «вес». Вместе, прибегая к помощи друг друга, они «играли» не всегда лишь исполнительные роли. Случай с Гомулкой показал немалые самостоятельные возможности польской партийной элиты тогда, когда они не противоречили интересам Москвы.

** Газета «Манчестер гардиен» писала 14 марта 1956 г.: «Всеми известными коммунистической пропаганде методами он был превращен в „народного вождя“, но никогда народом не был признан таковым. Смерть Берута наступила в момент, когда все, что он представлял в польской политике — безмолвное послушание советским приказам, отождествление ведущих национальных личностей со Сталиным и его культом, а также следование Польши примеру Советского Союза — кажется, проходит».

в КПП и ППР. Представительство бывших социалистов в партийных структурах было незначительным и не превышало 15%. В 1951 г. в аппарате ЦК ПОРП работало 336 политических функционеров. Это была новая политическая элита, одержимая идеей создания справедливого социалистического общества. Ее основной задачей являлся надзор над всеми общественно-политическими сферами и экономикой страны, а также выработка проектов соответствующих документов. Решения, одобренные и принятые «триумвиратом» на их основе, «спускались» вниз по партийной вертикали в качестве директивных указаний. Исполнителями являлись парткомы разных уровней. В июле 1949 г. в Польше действовало свыше 3300 местных партийных комитетов. Подавляющее большинство составляли низовые комитеты (более 2400), 508 парткомов работали в городах, 268 и 142 соответственно в уездах и гминах. Количество низовых парторганизаций в трудовых коллективах к 1954 г. выросло с 7000 до 56 тыс. На это широкое основание партийной пирамиды опиралось руководящее «среднее» звено — 17 воеводских партийных комитетов, направлявших и контролировавших деятельность всех нижестоявших подразделений. На воеводском уровне властно-исполнительные функции находились в руках нескольких сотен профессиональных партийных функционеров — членов и кандидатов в члены парткомов. Аппарат этих комитетов насчитывал в начале 1950 г. 5000 партийцев, в 1953 г. он превысил 12 тыс. человек. Характерно, что комитеты на 40% состояли из молодых людей до 35 лет. В основном это были выходцы из рабочих, 60% которых имело начальное и только 6,5% высшее образование. Таков был облик «среднего» эшелона ПОРП.

Согласно данным российских архивов, в 1949 г. в аппарате партии было занято 100 тыс. человек, весной 1950 г. — примерно 200 тыс. человек. В 1952 г., по польским данным, численность аппарата возросла до 300 тыс., из них 247 тыс. партийцев работали в низовых структурах ПОРП. Это был тот управленческий потенциал правящей партии, который обеспечивал реализацию политической власти как наверху, где решения принимались, так и по всей вертикали, где принятые решения исполнялись. Структура партаппарата, сформировавшаяся на рубеже 40–50-х годов, просуществовала два десятилетия без существенных изменений. Сам партийный аппарат ПОРП уже в начале 1950 г. функционировал как иерархическая структура. В 1950 г. руководство партии определило три группы «политических работников» в своих рядах. К группе центрального актива были отнесены сотрудники ЦК, секретари воеводских комитетов и их заместители, выполнявшие ответственную работу. Эта группа насчитывала около 9% всего аппарата ПОРП. К группе среднего звена причислялись секретари повятовых и городских комитетов и инструкторы воеводских комитетов. Численность этой группы составляла около 16% общего числа партаппаратчиков. Наконец, низшее звено, или 57% всего актива партии состояло из референтов повятовых и городских комитетов, штатных секретарей гминных комитетов, освобожденных секретарей парткомов крупных предприятий. Будучи массовой, ПОРП имела и большой, группировавшийся по тому же иерархическому принципу актив из рядовых партийцев, с которым руководство периодически «совещалось»¹⁴⁵.

Залогом выполнения «исторической миссии» строительства нового общества было сочетание в политике партии основополагающих задач: превращение ПОРП в «массовую партию народа», при соблюдении классового подхода и социальных критериев

приема, и борьба за «чистоту», идейно-политическую монолитность, или, по терминологии тех лет, за большевизацию партии. На рубеже 1949–1950 гг. ПОРП, действительно, была самой массовой партией в стране, что служило критерием легитимности ее власти. В рядах партии насчитывалось в 1949 г. 1347,1 тыс. человек. С 1950 г. по ряду, прежде всего, экономических причин обозначилась тенденция снижения этого показателя (в 1953 г. — 1150,6 тыс. человек). Но доля представителей рабочего класса оставалась самой значительной, хотя и имела тенденцию к сокращению (1948 г. — 873,4 тыс., 1949 г. — 763 тыс., 1953 г. — 548,9 тыс. человек). Причем на крупных промышленных предприятиях в социальном составе членов ПОРП была, по партийной оценке, «здоровая» пропорция квалифицированных рабочих кадров: в 1951 г. — более 40%. Тенденция к сокращению численности партии касалась и крестьянской прослойки. В конце 1948 г., когда ППР насчитывала 1 млн человек, крестьяне составляли 22,1% ее состава; в 1949 г. их было немногим более 13% (194,5 тыс.), в 1953 г. — 149,4 тыс. человек. Среди причин, вызывавших эту тенденцию, следует отметить не только субъективный фактор (отрицательное отношение деревни к попыткам ПОРП приступить к коллективизации), но и объективный процесс возникновения новой социальной категории крестьян-рабочих и массовый разрыв, особенно крестьянской молодежи, с трудом на земле. Эти люди переселялись в города, где становились рабочими и нередко членами ПОРП¹⁴⁶.

Хотя рабочие и крестьяне, вместе взятые, преобладали в социальном составе ПОРП, с 1949 по 1953 г. происходили принципиальные изменения с представительством в партии лиц, причислявшихся к «работникам умственного труда», или интеллигенции. В основном это были служащие разного уровня. В декабре 1948 г. в ППР их насчитывалось 17,1%, сразу после объединения — более 20,2%. Резкий рост доли этой группы наблюдался в 1949 г., когда в партию вступило почти 60 тыс. новых членов. Основной «прирост» дали бывшие социалисты. Многие из них являлись людьми достаточно образованными, что было важно для освоения управленческих функций. В 1953 г. «работники умственного труда» составляли уже свыше 35% общей численности членов партии (426 тыс. человек). Вместе с крестьянами эта группа несколько превзошла рабочую прослойку ПОРП. Постепенно стало заметным вытеснение рабочих из парткомов всех уровней представителями умственного труда. Это свидетельствовало об укоренении в партии служащих и интеллигенции (правда, в основном уже «новых»). Увеличение доли служащих считалось руководством ПОРП отрицательным явлением, поскольку, по словам Берута, оно «влечет [за собой] отрыв партии от рабочих и крестьянских масс и делает ее податливой мелкобуржуазным колебаниям»¹⁴⁷.

Между тем рост этой социальной группы в составе ПОРП имел объективные причины, связанные с предназначением и характером партии как централизованной, тоталитарной организации. Сама ее структура требовала непрерывного роста числа партийных управленцев, на роль которых претендовали люди, имевшие образование. К интеллигенции в ПОРП относили не только государственных служащих разных категорий. В ее рядах состояли те, кого принято считать элитарной частью общества. В январе 1953 г. членами ПОРП являлись около 4,5 тыс. ее представителей. Они составляли меньше половины процента всех членов партии, но это были 2279 научных работников и 2212 писателей, журналистов, художников, представителей других твор-

ческих профессий*. Причем, в начале 50-х годов более половины польских писателей были членами ПОРП. В 1954 г. свыше 30% членов Союза польских писателей имело партийный билет¹⁴⁸. Это свидетельствовало, что самая думающая и образованная часть нации приняла объявленный руководством ПОРП замысел построить в Польше социально справедливое общество, уничтожить бедность и безграмотность, открыть молодежи доступ к образованию. В дальнейшем их судьба складывалась по-разному, многие, если не большинство, раньше или позже расставались с иллюзиями, порывали с партией, но это не отменяет факта их принадлежности к тоталитарной организации, коей была ПОРП, и сопричастности к утверждению в Польше политического режима советского типа.

Партийные ряды ПОРП отличала множественность идейных представлений партийцев о социализме, строить который они намеревались. В начале 50-х годов ПОРП состояла из бывших членов КПП, пепеэровцев, бывших пепеэсовцев и новых членов, принятых в партию уже после объединения. Весь исследуемый период доля бывших членов ППР несколько сокращалась, превышая, однако, в 1953 г. 50%. Та же динамика касалась и бывших пепеэсовцев, которых в 1953 г. было 29%. Зато в три раза выросла численность и доля новобранцев: с 5,3% до 16,2%. Причем, последние — это вступившая в партию молодежь, свыше 40% которой были выходцами из крестьянской среды. Посольство СССР сообщало в Москву: «ПОРП удалось привлечь на свою сторону подавляющее большинство молодежи страны». В середине 1952 г. Союз польской молодежи насчитывал около 1,5 млн членов, из них около 300 тыс. были приняты в ряды организации во втором квартале 1952 г.** Причем это была молодежь разного социального происхождения¹⁴⁹. В 1953 г. 55% всех членов ПОРП — молодые люди до 40 лет. Именно они, энергичные и достаточно легко воспринимавшие радикальные убеждения, партийные лозунги и риторику, предпочитали труду у станка или в поле работу в партийно-государственном аппарате, в экономических структурах и общественных организациях. Они получали общественный аванс и становились устойчивыми адептами режима¹⁵⁰.

Важными показателями, воздействовавшими на идейные позиции и общественные настроения партийцев, были образовательный уровень, трудовой стаж и возраст. ПОРП характеризовалась в основном невысоким уровнем образованности своих членов. На рубеже 1952–1953 гг. 88% членов партии, занятых в промышленности, имели за плечами законченную и незаконченную начальную школу. Среднее образование получили 10,6%, высшее — 1,1% партийцев. Например, 30% технического и администра-

* По сравнению с прошлыми социально-экономическими позициями, возможностями и политическим влиянием в обществе польская интеллигенция, в первую очередь ее социальная и интеллектуальная «вершина», после войны фактически лишилась исторически сложившегося, особого, хотя и разного для отдельных групп, места в обществе. «Врачи, адвокаты, журналисты, профессора, военные и служащие высокого ранга, — утверждает Г. Слабек, — утратили слишком много: высокие доходы, общественные позиции и престиж» (*Ślabeł H. Inaczej o historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2000. S. 198*).

** Это был важный показатель влияния партии. Но, имея в виду способность молодежи к «перемене мест» и изменчивость общественных настроений, ее склонность к различному, как левому, так и правому, радикализму, не следует переоценивать устойчивость ее политических позиций. Рецидивы активизации подполья в 50-е годы происходили во многом «благодаря» молодежному пополнению его рядов.

тивного персонала на предприятиях Кракова и Вроцлава закончили лишь начальную школу. Более образованную часть членов ПОРП здесь составляли выходцы из ППС, а самый низкий уровень образования в том же регионе в 1949–1956 гг. имели бывшие члены ППР. Уровень образованности членов и сторонников ПОРП, немалая часть которых еще недавно была деревенской беднотой, во многом определял их идейно-политические предпочтения, склонность занимать леворадикальные, антидемократические позиции, верить во «враждебное окружение» и обоснованность репрессий, откликаться на «красивые» социальные лозунги, популистские призывы и т. п.

В руководстве ПОРП понимали, что курс на увеличение численности партии ради ее «массовости» сопровождается нарушением классового подхода при приеме новых членов. Признавался опасным факт засорения ее рядов «классово-чуждыми элементами». Поэтому прием в партию и избавление от «балласта» (т. е. исключение из партии) оказывались процессами параллельными. Чистки партии от «недостойных», классово чуждых и враждебных элементов считались одним из методов большевизации ПОРП. Они проводились и до объединения рабочих партий. Тогда ППР, освобождаясь от «ненужных лиц», решала задачу «укрепления пролетарского костяка... и регулирования социального состава партии в духе организационных принципов марксизма-ленинизма». С 1 октября 1948 г. был приостановлен прием в партию, вскоре проведены чистки в партийных организациях воеводского уровня, партийные ряды по разным причинам сократились на 50 тыс. человек. Как считали в ППР, курс на объединение требовал «отсева националистических элементов» из ППС, и накануне объединения из этой партии было удалено почти 25% членов. Тем не менее, говорил А. Завадский в Будапеште на заседании Информбюро в ноябре 1949 г., «борьба за очищение рядов партии ведется... неустанно... ни на минуту не забывается, эмигрантская шайка не прекращает своих происков и усилий вести подрывную работу среди бывших пепезовцев в партии». В ходе выдачи партийных билетов ПОРП было отсеяно 150 тыс. идейных «чужаков».

Характерно, что почти каждая чистка предшествовала или становилась следствием крупного политического события: будь то создание ПОРП или арест в мае 1949 г., суд и казнь осенью этого года члена Политбюро ЦК ВПТ Л. Райка в Венгрии. Под влиянием этого «дела», а также фактического отлучения Югославии во всех компартиях региона сформировалась атмосфера борьбы с «отщепенцами». Выступая с докладом на III пленуме ЦК ПОРП, состоявшемся в ноябре 1949 г. и известном как пленум «о бдительности», Б. Берут говорил о проникновении в страну и партию «агентов клики Тито» и возлагал вину за это прежде всего на Гомулку. В назидание всем партийцам из ЦК ПОРП были «вычищены» бывший лидер ППР, а также член Политбюро, заместитель министра обороны М. Спыхальский и кандидат в члены Политбюро З. Клишко, отвечавший ранее за кадровую политику. Число исключенных из ПОРП накануне и после пленума было весьма значительным. Основной удар пришелся на тех, кто работал в государственном аппарате и органах самоуправления, Министерстве обороны и в госбезопасности, а также в партаппарате. На воеводском уровне этих структур власти к 1 октября 1950 г. из партии удалили около 30% всех исключенных тогда из партии. Среди них 72,8% были служащими. Рабоче-крестьянский актив партии страдал меньше: «вычистили» 14,3% рабочих и 4,8% крестьян. Причины исключений носили в основном политический характер. Самыми распространенными были обвинения во

«враждебных позициях» и «вражеской пропаганде», в «классовой чуждости», связях с немецкими оккупантами, с реакционным подпольем, в «измене польскому народу». Фигурировали также финансовые махинации и злоупотребления служебным положением, воровство, пьянство, моральное разложение и пр. К серьезным «издержкам» процесса расширения партийных рядов руководство ПОРП относило значительное представительство в партии интеллигенции, преобладавшую часть которой составляли служащие. Такое нарушение классового «баланса» в рядах партии служило основанием требовать от партийного аппарата увеличения приема рабочих. III пленум ЦК ПОРП указал парткомам, чтобы впредь среди вновь принимаемых в партию 90% составляли рабочие, малоземельные крестьяне и середняки. Хотя категория партийцев-служащих в большей мере подвергалась чисткам по классовым соображениям, остановить пополнение ими рядов не удавалось по причине их востребованности самой партией¹⁵¹.

Новый стратегический курс ПОРП предполагал абсолютную надежность кадров на всех партийных уровнях. Как и в ВКП(б), чистки в ПОРП не преследовали цель сократить ее ряды, они задавали направление росту партии за счет приема в первую очередь радикально настроенной, увлеченной идеей строительства справедливого общества рабочей и крестьянской молодежи. Своей принадлежностью к партии она, подтверждая готовность участвовать в этом строительстве, претворять в жизнь идеалы, столь близкие и понятные в своей простоте, получала новый социальный статус, возможность служебного роста и улучшения материального положения.

После создания ПОРП нарастало прямое копирование внутренней жизни, идеологии и приемов пропаганды ВКП(б). Орган высшей власти в партии — съезд ПОРП — после 1948 г. не созывался почти 6 лет, вместо четырех ежегодных пленумов ЦК в 1951–1953 гг. было созвано несколько заседаний, что было прямым нарушением Устава партии. Зато регулярно проводились заседания Политбюро и секретариаты Политбюро и Оргбюро ЦК ПОРП. Так, между I (1948 г.) и II (1954 г.) съездами ПОРП Политбюро заседало 96 раз, заседания секретариатов в 1951–1954 гг. происходили каждые 9 дней. Вся партийная политика стала делом этих высших органов партии, т. е. достаточно узкой группы людей, облеченных почти неограниченной властью. Непосредственное участие сотен тысяч рядовых партийцев и функционеров нижнего звена в деятельности партии и сопричастность к ее политике трансформировались в одобрение и исполнение директив «сверху». Исчезли внутрипартийные дискуссии. Партия приспосабливалась к выполнению роли политического гипнотизера и «кнута» для подавления инакомыслия. Все это были свидетельства большевизации ПОРП. Такая партия была для Москвы удобным младшим партнером, постоянное политическое руководство которым и контакты с ним осуществлялись по многим каналам¹⁵².

Новый стратегический курс предполагал формирование нового корпуса управленцев во всех сферах и уровнях партийной, государственной и общественной жизни. Партийных руководителей готовили к выполнению «исторической миссии» в партийных школах, вечерних университетах, многочисленных курсах, учили в Москве, где делегации аппаратчиков и рядовых членов ПОРП усваивали опыт ВКП(б). Не менее регулярным было посещение Польши советскими представителями, в том числе слушателями «идеологического фронта». В сфере управления задача подготовки кадров во многом решалась с помощью советников из СССР.

К управлению государственными структурами и экономикой в массовом порядке приходили те, кто ранее относился к социальным «низам». Такое «вливание» было характерно для советского социально-политического режима и повторялось в Польше. «Пик» кадровой революции в стране пришелся на рубеж 40–50-х годов, неслучайно совпавший с ростом общественной поддержки ПОРП. Главным «социальным лифтом» для корпуса новых управленцев становилось членство в партии. На партийный аппарат возлагалась задача выдвижения из собственных рядов и переподготовки кадров для обеспечения жизнедеятельности страны, ее экономики по той же схеме, по которой выстраивалось управление самой партией. Поставив задачу изменить облик страны, руководство ПОРП столкнулось с острой нехваткой профессиональных кадров. В мае 1950 г., выступая на пленуме ЦК ПОРП, где специально обсуждалась кадровая ситуация, Берут говорил об этом откровенно: «Мы ощущаем огромный недостаток в кадрах, недостаток, который временами переходит в настоящий голод кадров в нашем народном хозяйстве и часто мешает его развитию»¹⁵³. На то были объективные причины, и в их числе массовые людские потери в годы войны и гитлеровской оккупации, эмиграция поляков в военное и послевоенное время. Вступил в действие и субъективный фактор — под разными предлогами «старых» специалистов вытесняли новые, политически надежные, идейно стойкие, но не всегда «качественные» кадры.

«Качество» кадров, которыми располагала и направляла в партийные звенья, государственные структуры и общественные организации ПОРП, было отдельной проблемой. Основу их составляли рабочие, бывшие безработные, крестьянская беднота, крестьянские дети, превращавшиеся с переездом в город главным образом в малоквалифицированных рабочих. Это были люди молодые и зачастую малообразованные, профессионально неподготовленные, но по классовым соображениям предпочтительные для руководства ПОРП. Непрофессионализм полагали возможным компенсировать политической надежностью, молодостью и энергией новых кадров*. Еще в первые послевоенные годы ППР применяла практику выдвижения на различные ответственные должности, руководствуясь исключительно классовым подходом. Происходило это и позже. Например, с 1945 по март 1951 г. так были «выдвинуты» 18 тыс. горняков Домбровского угольного бассейна. В 1954 г. 35 тыс. «выдвиженцев» из рабочей среды работали в партаппарате, профсоюзах, Союзе польской молодежи и прочих организациях, из них 7 тысяч занимали руководящие должности на предприятиях и в государственных учреждениях¹⁵⁴.

Политика назначения рабочих на руководящие должности, казалось, подтверждала положение о руководящей роли рабочего класса в обществе, хотя объективно ее диктовали острая нехватка специалистов и весьма условное политическое доверие ПОРП

* Анализируя ситуацию второй половины 40-х годов, Г. Слабек полагает, что «в условиях массового перемещения и перемешивания населения не выдержали испытания старые системы ценностей... Из массы сельских мигрантов, по крайней мере, тех, кто одновременно освобождался и от давления среды и от крайней нужды, вырисовывались тысячи радикалов, взбунтовавшихся против собственного прошлого. Именно эти люди... могли переметнуться в революционный лагерь». Все это применимо для начала 50-х годов, когда «наиболее проправительственные настроения могли господствовать [там] ..., где происходила высокая по уровню смена кадров» (Slabek H. O społecznej historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2009. S. 231).

к «старым» кадрам. Однако, в отличие от советской практики, последним не была закрыта возможность профессиональной занятости. До 1948 г. при формировании нового директорского корпуса учитывалась профессиональная подготовка кандидатов в директора, а не их классовое происхождение. Поэтому нередко продолжали служить прежние управляющие, а порой и недавние собственники предприятий. Но с принятием курса на «социализм по Сталину» этот процесс приобрел в Польше специфику: часть «старых» специалистов перемещалась на более высокие посты в центральный аппарат и в научную сферу, что было шагом навстречу адептам прежнего строя. Назначенцы же из рабочих направлялись непосредственно в управленческие структуры, включая директорские места, но их распорядительные компетенции были жестко ограничены в пользу ведомственных и особенно партийных инстанций. Курс на «выдвиженцев» стал меняться в середине 50-х годов, когда возрожденные и вновь созданные профессиональные средние школы и техникумы, а также высшие учебные заведения стали выпускать новые, образованные и политически надежные кадры.

На руководящие посты повсеместно выдвигались главным образом члены партии (так, в 1950 г. по Краковскому воеводству было «выдвинуто» 1170 членов партии и 34 беспартийных). Билет члена ПОРП открывал дорогу продвижению по служебной лестнице в органах власти, государственном аппарате, в экономике и общественных организациях. В 1954 г. в руководстве рад народных работало 16 тыс., в государственном аппарате и администрации 26 тыс. членов партии. Более половины руководителей в промышленности были членами ПОРП, в директорском корпусе они составляли 75%¹⁵⁵.

ПОРП воспроизводила впервые реализованный в СССР всеобъемлющий принцип номенклатурной расстановки кадров, когда назначение на различные ключевые должности осуществлялось аппаратом того или иного уровня, исходя из политической надежности и партийной принадлежности претендентов. Это становилось неукоснительным правилом кадровой политики.

В Польше номенклатурный «круг» внедрялся постепенно. В 1945–1948 гг. при реальной многопартийности, существовании оппозиции не было достаточных условий для формирования номенклатурной системы распределения должностей. Политическая гегемония ППР позволяла ей взять в свои руки формирование кадрового состава лишь в отдельных государственных структурах и ведомствах, находившихся под контролем партии. С санкции ЦК ППР назначались командные кадры в армии, госбезопасности и промышленности. Так, в Министерстве общественной безопасности в 1947 г. коммунистами были 82% функционеров, социалистами — около 2,4%. В Войске Польском в 1947 г. 25% офицеров были членами ППР, в 1948 г. этот показатель составлял уже 30%. В Министерстве промышленности, которое возглавлял член Политбюро ЦК ПОРП Г. Минц, 53,1% руководящих кадров и более 90% руководителей отделов кадров, подчинявшихся министерству, в 1948 г. принадлежали к ППР¹⁵⁶. Но так было далеко не во всех государственных структурах, где продолжали работать многие «старые» профессионалы.

Вопрос о введении номенклатурного принципа в кадровую политику и «запуске» системы был поставлен руководством ПОРП вскоре после объединительного съезда. Уже в начале 1949 г. появился первый перечень должностей под названием «Кадровая номенклатура ЦК [ПОРП]». В нем значились 7 разрядов партийных должностей, начиная от руководителей отделов ЦК, их заместителей и всех политических сотрудников

ЦК, кончая первыми секретарями повятовых и отдельных городских комитетов ПОРП. Были расписаны подлежащие утверждению ЦК руководящие должности 16 министерств, 4 государственных комитетов, органов самоуправления, радио, кино, а также кооперации, профсоюзов, массовых организаций, печати. В 1949 г. из Москвы доставили в Варшаву списки должностей, персональное утверждение на которые требовало решения секретариата Оргбюро ЦК ПОРП. На пленуме ЦК ПОРП, который состоялся в мае 1950 г., обсуждались «задачи партии в борьбе за новые кадры». Б. Берут сформулировал их четко: «Наша партия... должна иметь по важным кадровым и персональным вопросам право окончательного решения». Вскоре для служебного пользования аппарата ЦК и воеводских комитетов было издано пособие «Номенклатура кадров», содержавшее полный перечень должностей в партийном и государственном аппарате, в профсоюзах, кооперации, общественных организациях и органах местного самоуправления, подлежащих утверждению партийными инстанциями. Высшей контролирующей инстанцией оставался отдел по кадрам ЦК ПОРП, который тогда возглавлял З. Новак. В 1950 г. номенклатурные решения принимались на уровне воеводских и уездных комитетов, затем такие компетенции получили горкомы и райкомы. В начале 1956 г. номенклатурными являлись свыше 100 тыс. должностей, в распоряжении ЦК ПОРП находилось более 7000 должностей¹⁵⁷.

Партийно-классовый подход к выдвижению руководящих кадров (70–80% рекрутировались из рабочих) на государственную службу, в структуры местной власти и экономики породил особый клан бюрократии — партийно-государственную номенклатуру. В качестве единственно возможного закреплялся тип партийно-государственного управленца — исполнителя и транслятора решений партии. Из таких кадров выстраивалась исполнительная структура и формировался польский корпус носителей иерархической власти в центре и на местах. Обладание властью дополнялось введением для этих людей существенных социально-экономических привилегий, что в условиях постоянного дефицита на товары массового спроса и жилье укрепляло их связь с установленным политическим режимом в стране.

В результате такого властвования возникало «партийное государство», с характерным сращиванием и дублированием постов, должностей и функций. Эффект переплетения партийной и государственной власти сочетался с несомненным превосходством властных полномочий партии. В парткомах, начиная с ЦК и до районного комитета, имелись отраслевые отделы, управлявшие учреждениями, предприятиями, административными органами, деятельность которых опекали «свои» парткомы. «Круг» замыкался, возникала структура партийной бюрократии, которая обеспечивала функциональность системы при отсечении существенной части национального кадрового потенциала. Она лишала тысячи беспартийных членов общества возможности применить свои профессиональные знания, деловые качества и гражданские права.

Таким образом, посредством номенклатурной расстановки кадров, централизованной системы принятия решений, директивных методов и бюрократических приемов их исполнения, повторяя опыт СССР, реализовывался механизм все возрасставшей роли партии в государстве. Внедрение номенклатурного принципа в кадровую политику имело целью обеспечить эффективность власти и само существование режима. В начале 50-х годов, как верно отметил польский историк А. Дудек, утверждение номенклатуры было сущностным проявлением стабилизации политического

режима, тоталитарного по сути и близкого к советскому по типу. Профессиональная партийная бюрократия присваивала важнейшие компетенции государственной администрации, подгоняя затем закон под системную целесообразность. Это отразила административная реформа (март 1950 г.), согласно которой было ликвидировано отдельное функционирование органов самоуправления и местной администрации, исчезли такие традиционные для Польши институты, как президенты городов, воеводы, старосты, солтысы и войты. По советским лекалам учреждались единые органы власти — рады народов. Они избирались всеобщим голосованием, начиная с уровня воеводства и кончая гминами, фактически были зависимы от партии. Реальной административной властью располагал чиновничий, в основном, партийный аппарат рады народовой¹⁵⁸.

Все перемены закрепила новая Конституция, принятая сеймом в июле 1952 г. Отныне страна называлась Польской Народной Республикой, провозглашалась государством народной демократии. Основные нормы демократического устройства и общежития (разделение властей, равенство граждан, их прав и свобод) были в Законе заявлены, но формулировались с классовыми акцентами: республика трудящихся, народное государство, народная власть, руководящая роль революционного рабочего класса, союз рабочего класса и трудового крестьянства, право на труд, свободный от эксплуатации. Как и Конституция СССР 1936 г., новый Закон имел принципиальный изъян. Он не устанавливал гарантий разделения властных функций и реализации многих гражданских прав. Выборный принцип представительной власти (сейм, рады народные) на практике оборачивался партийным распределением мест, а законодательная деятельность подменялась постановлениями органов исполнительной власти. Действовало сталинское определение правительства как «высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти», что прямо нарушало принцип разделения властей. Сейм теперь рассматривался руководством ПОРП в качестве трибуны для «разговора с обществом». При формировании высших органов государственной власти вместо принципа разделения властей основным становился его антипод — принцип «соединения властей». Причем сосредоточение власти в исполнительных структурах вело к ограничению фактических полномочий и деятельности парламента — органа высшей законодательной власти. В начале 50-х годов Польша жила не по законам, принятым сеймом, а по многочисленным декретам и указам, которым придавалась сила закона. Кроме того, сами исполнительные центральные и местные органы власти оказывались лишь формально, на бумаге отделенными от партии. Конституционно закрепленное право на труд, всеобщее образование и охрану здоровья на практике дезавуировались классовой и номенклатурной системами привилегий, которыми обладала лишь часть общества. Суд, защита, следствие перестали быть независимыми. Их деятельность регулировалась партийными директивами. Был отменен принцип несменяемости и беспартийности судей, которые назначались министром юстиции на 1 год и были подотчетны радам народовым. Должность судьи Верховного суда предоставлялась решением Государственного совета сроком на 5 лет. Заявленная независимость суда искажалась приоритетностью его репрессивно-наказательных функций, что в полной мере проявлялось в ходе политических репрессий и судебных процессов первой половины 50-х годов¹⁵⁹.

В Конституции было отражено существование трех секторов в экономике: социалистического (государственного и кооперативного), мелкотоварного и частнокапиталистического. Но статус экономической основы страны получила собственность государства, допускалось существование индивидуальной собственности, декларировалась ликвидация эксплуататорских классов, фиксировалась особая поддержка государством коллективизации деревни, закреплялся курс на «осуществление социалистического строя» в экономике.

Некоторые сохранявшиеся особенности (довоенная символика, деятельность некоммунистических партий и организаций, не угрожавших власти) были призваны подчеркнуть непрерывность польской государственности, придавали национальный декор главному документу и новым правилам жизни. Отклонениями от «норм» отдавалась дань ориентации общества на национальные традиции, которые не считались опасными для монопольной власти ПОРП. Специфику польского варианта сталинизма принимала во внимание и советская сторона. В Москве поддерживали сохранение в облике ПНР национальной атрибутики времен борьбы за независимость и II Республики. На стадии подготовки в аппарате ЦК ПОРП проекта Конституции с ним ознакомился Сталин. Он внес несколько десятков поправок, в основном редакционно-стилистических. Но были и существенные. Так, из текста преамбулы исчезли слова о «частной собственности», которую заменила «индивидуальная», и праве наследования земли, строений и прочих средств производства. Одновременно Сталин акцентировал обозначение национальных черт как проявлений суверенности в польской Конституции, отчасти смягчая тем ее классовое звучание. Как представляется, редактируя документ, Сталин имел в виду особую чувствительность поляков к национальной самобытности и независимости от восточного соседа. По его предложению из последней фразы преамбулы были убраны слова «под руководством СССР», хотя все это сути дела не меняло. ПОРП, копируя советские нормы, лишь усиливала в массовом сознании поляков ощущение ограниченной суверенности своей страны¹⁶⁰.

Таким образом, основной закон Польши зафиксировал не только демократические преобразования первых послевоенных лет, но и перенесение советских порядков на польскую почву. Он придал партийному проекту строительства социализма советского образца силу закона. Состоявшиеся в октябре 1952 г. выборы в сейм отразили происшедшие перемены в общественном строе Польши. Межпартийное распределение депутатских мест в парламенте было установлено заранее, более половины депутатов являлись членами ПОРП. Вместо упраздненного поста президента страны создавался Государственный совет, который возглавил А. Завадский. Главой правительства стал Б. Берут, одновременно сохранивший пост руководителя партии. Закон утвердил сосредоточение в одних, партийно-государственных, «руках» политической власти в стране, что было неотъемлемым признаком тоталитарной организации общества, в данном случае левого толка.

III.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ: ИНСТРУМЕНТ УСТРАШЕНИЯ ОБЩЕСТВА И БОЛЬШЕВИЗАЦИИ ПОРП

На рубеже 40–50-х годов роль «стимулятора» строительство социализма по-советски для всех компартий в странах Восточной Европы играли как международные, так и внутренние факторы. Не была исключением и ПОРП. Она учитывала геополитическое положение государства и долгосрочное воздействие конкретных внутривнутриполитических обстоятельств, в которых Польша переходила от войны к миру. Курс на социализм, закреплявший поворот страны «на Восток», оставался чуждым многим из тех, кто еще недавно составлял широкий электорат ПСЛ, был членом демократических партий, части молодежи и интеллигенции, в основном гуманитарной. Зависимость Польши от СССР было трудно принять рабочим, в том числе и членам партии. Для руководства ПОРП такие настроения стали одним из обоснований для применения репрессий. Причем особая послевоенная реальность, где сосуществовали по-разному понимаемые принципы возмездия и справедливости, социального наказания одних граждан и социальной защиты других, позволяла, используя насилие, несколько отодвигать по времени или блокировать (что предпочтительней) опасные для власти последствия репрессий. При множественности поводов применения репрессий к отдельным лицам или группам глубинная их причина состояла в осознании недостаточной устойчивости режима. Она порождалась сохранявшимся несоответствием монополии ПОРП на власть объективному многообразию общественно-политических настроений в обществе. Отсюда вытекали основные цели репрессивной политики: уничтожить традиционную множественность ориентаций и ценностных предпочтений поляков, если не подавить, то существенно сузить влияние католической церкви, искоренить инакомыслие в ПОРП. Устрашающая роль репрессий* предусматривала вынесение жестоких приговоров вплоть до смертной казни как за реальные, так и мнимые замыслы или несовершенные преступления. Все это вмещал в себя принятый ПОРП сталинский тезис «обострения классовой борьбы» по мере продвижения к социализму. Но на новом этапе, с образованием единственного центра управления страной, на первый план выдвигалась проблема «большевизации» самой партии, формирование облика социально-политических носителей власти.

На этапе продвижения ППР к властной «вершине» отсутствие у нее прочных и глубоких «корней» в обществе восполнялось привлечением на сторону левых сил, в том числе с помощью авторитарных методов управления, той немалой части поляков, которая искала способы приспособиться к текущей ситуации. Уже тогда началось формирование будущего клана партийно-государственной номенклатуры, главным образом, через расширение рядов самой партии и, как казалось, реальных ее сторонников.

* Многие десятилетия спустя известный польский философ Л. Новак, профессор Познаньского университета, член ПОРП в 1962–1980 гг. и член «Солидарности» в 1980–1994 гг., имея в виду время «деспотического сталинизма», когда насилие было одним из важнейших факторов придания устойчивости режиму, признавал: «Люди, все люди, и поляки тоже, не только боятся силы, но, действительно, уважают ее» (*Nowak L. Współczesne mity o PZPR // Polska pod rządami PZPR. Warszawa, 2000. S. 94–95*).

Это (и советская поддержка) позволяло ППР удерживать гегемонию во власти. После 1948 г., когда отпали все демократические альтернативы послевоенного развития, в условиях нараставшей холодной войны требовалось ускорить консолидацию нового правящего класса, придать устойчивость режиму, превратить партию в идейный монолит. Решение оказывалось невозможным без интенсивной трансформации как партии, так и самого общества, без согласия на принятие, по крайней мере значительной его частью, политического режима, близкого советскому варианту тоталитаризма. Речь шла о превращении переходного многоликого общества в идейно-политическое целое, что в XX в. было свойственно тоталитарным режимам, как правого, так и левого толка, или сталинизму, как теперь принято его называть¹⁶¹.

Для достижения «монолитности», или по-иному гражданского согласия, договора общества и власти, использовались разные приемы и механизмы. Особое место занимала мощная идейно-политическая пропаганда, направленная прежде всего на стремительно растущее за счет деревни городское население. Новые горожане были склонны ей верить, цenia обретенное положение, и допускать принуждение в отношении других, объявленных врагами. Не менее заинтересованным в гражданском согласии был и быстро растущий новый правящий класс (в широком смысле), обеспеченный системой социальных привилегий. Здесь понимание репрессивной опасности присутствовало, как и желание отвести ее от себя. Но «надежность» даже этих слоев общества, не говоря уже о тех, кто властью был отнесен к неблагонадежным или враждебным, во многом зависела от состояния экономики. А ее успехи были не столь велики, чтобы обеспечить спокойную социально-политическую обстановку. Поэтому руководство ПОРП, поддерживаемое Москвой, считало необходимым «подстегнуть» процессы «овладения» обществом путем его «очищения». Еще в 1947 г. В. Гомулка причислял к «врагам народа» и «реакции» участников подполья, дворянство и бывших капиталистов, служащих довоенного аппарата власти, довоенное офицерство, особенно кадры АК и НСЗ, а также членов довоенных политических партий и организаций, духовенство, богатое крестьянство и каждого, кто не поддерживал режим. В 1949 г. внутренними инструкциями МОБ перечень «враждебных сил», который насчитывал 23 категории «подозрительных» граждан, был расширен и постепенно вырос до 43-х. К «неблагонадежным» относились, например репатрианты с Запада и Востока, а их были миллионы, и лица, поддерживавшие контакт с заграницей¹⁶².

Одним из серьезных импульсов, побуждавшим к интенсивному использованию репрессий, было недовольство, порожденное нереализованными лозунгами и обещаниями немедленного и радикального улучшения жизни. Это законное недовольство власть воспринимала как политически «враждебные» настроения и действия. При таком подходе объекты репрессий могли быть обнаружены среди всех социальных слоев. Под обвинение во «враждебности» власть могла подвести не только ее недавних политических противников, представителей альтернативных идейно-политических взглядов, но и тех, кто был адептом нового общественного порядка, будь то рядовые партийцы и члены Политбюро ЦК ПОРП. За внутрипартийное «инакомыслие» нередко выдавалась клановая или межличностная борьба.

Запущенный механизм персонального наказания и общественного устрашения позволял добиться генеральной цели — принудительно изменяя общество по советскому образцу, превратить партию в «закрытый орден», создать новый иерархически

выстроенный, политически надежный правящий класс — партийно-государственную номенклатуру. В конечном счете, как считали руководители ПОРП, масштабным применением репрессий от имени государства, созданием атмосферы всеобщего страха предстояло решить проблему стабильности режима в кратко- и долгосрочной перспективе.

Организация репрессий копировала советский механизм подавления. Она готовилась на партийном и государственном уровнях. Об этом свидетельствовали принятая в феврале 1949 г. резолюция секретариата ЦК ПОРП по вопросам работы польских органов безопасности, решения пленумов ЦК ПОРП 1949 г. «о бдительности» и 1950 г. «о кадрах»; законы 1944, 1946, 1949 гг., предусматривавшие наказание от трудовых лагерей до пожизненного заключения и смертной казни за «антигосударственную деятельность»¹⁶³.

Без силовых ведомств не обходится ни одна власть, но при ее сталинском типе репрессивная функция спецслужб извращалась абсолютным преобладанием специального направления — политического сыска под полным контролем партийного центра. Так была выстроена деятельность главного инструмента репрессий — Министерства общественной безопасности. Его работой руководила созданная при Политбюро ЦК ПОРП в феврале 1949 г. комиссия по вопросам госбезопасности во главе с Б. Берутом. В нее входили Я. Берман, который курировал спецслужбы по линии Политбюро, министр госбезопасности С. Радкевич, его заместители Р. Ромковский, М. Метковский, К. Светлик и секретарь парткома МОБ. В 1950 г. в министерстве учредили особое бюро, выросшее в отдельный X Департамент, следивший за чистотой рядов партии. Руководители МОБ исполняли указания партии и лично Б. Берута. От лица партии инициировались следствия. Как утверждал один из высших офицеров госбезопасности Ю. Святло, бежавший в конце 1953 г. на Запад, «аппарат безопасности должен был регулярно отчитываться перед ЦК [ПОРП], получать поручения и точные инструкции, обязательные для выполнения»¹⁶⁴.

Непрерывно росли численность, политические прерогативы, активность МОБ и его ответвлений. Причем, по словам С. Радкевича, если в первые послевоенные годы «враг был на поверхности» (имелись в виду вооруженное подполье и политическая оппозиция), то теперь его нужно было искать «очень глубоко» во всех социальных слоях и сферах общества. Для выполнения такой работы были необходимы большие силы, и власть находила их среди граждан Польши. Активный рост спецслужб пришелся на 1951–1953 гг., когда репрессии приобрели массовый характер и возведены в ранг государственной политики. Если в 1947–1948 гг. аппарат МОБ насчитывал 21,5 тыс. человек, то в 1953 г. достиг «пика» — более 33 тыс. (около 14 тыс. военно-оперативных сотрудников и около 20 тыс. гражданских лиц). В «центре» работало 7400 человек. Особенность структуры состояла в абсолютном преобладании в руководящих кадрах членов ПОРП (в 1950–1953 гг. — 95–98,2%), по национальности поляков и польских евреев (соответственно 49,1% и 37,1%), как правило, бывших членов КПП, ППР, ГЛ-АЛ. Это подтверждало переориентацию спецслужб с охраны интересов государства на обеспечение власти правящей партии. Многие из коммунистов — высших офицеров МОБ в предвоенный, военный и послевоенный период проходили обучение в советских спецшколах, на курсах НКВД и вузах МВД-МГБ СССР, заимствовали их опыт. Внутриполитическое репрессивное предназначение спецслужб усиливалось присутствием в руководящем

звене МОБ офицеров советской госбезопасности (по польским данным — 10,2%, или около 45–50 человек), в основном в статусе советников, располагавших своим аппаратом. В 50-е годы они концентрировались в аппарате МОБ в Варшаве. Так, кадровым департаментом ведомства руководил белорус полковник Н.С. Орехов. После 1946 г., когда из Польши был отозван советник Н.Н. Селивановский, этот особый институт обучения и направляющего контроля Москвы поочередно возглавляли в ранге советника или главного советника старшие офицеры и генералы С.П. Давыдов, Н.К. Ковальчук, С.Н. Лялин, М.С. Безбородов, Г.С. Евдокименко. Советники информировали о работе МОБ и отчитывались перед Берутом и Москвой. По доступным исследователям советским документам нет возможности установить точную численность тех, кто был откомандирован МВД-МГБ в это время в Польшу на должности советников, инструкторов, технического персонала¹⁶⁵.

В структуру министерства вплоть до 1954 г., когда оно подверглось реорганизации, входили пограничные войска (32 тыс. солдат), гражданская милиция (47,5 тыс. человек), корпус внутренней безопасности (40 тыс. солдат), добровольный резерв гражданской милиции (более 100 тыс.), тюремная стража (около 13 тыс.) и охрана предприятий (около 32 тыс. человек). Общая численность вооруженных кадров МОБ, подчиненных воинской дисциплине, в 1953 г. составила около 200 тыс. человек, а включая резерв милиции достигала 300–320 тыс. сотрудников. В среднем 1 функционер спецслужб «опекал» 1300 граждан Польши. Деятельностью подразделений МОБ руководил центральный аппарат в Варшаве, который состоял из специализированных департаментов, в том числе: борьбы с реакционным подпольем и политическим бандитизмом; с враждебной деятельностью на предприятиях; с провокациями в рабочем движении, охраны партии от посягательств вражеской разведки, провокаторов и отщепенцев; борьбы с реакционным клиром и др. В 1953 г. МОБ имело 17 воеводских управлений, 26 управлений в городах, 265 в повятах и несколько территориальных отделений. В целом действовала властная вертикаль особого назначения, контролировавшая жизнь и мысли общества, некое «государство в государстве»¹⁶⁶.

Итак, ПОРП располагала внушительными силами для организации репрессий и наведения «порядка» в стране. Особенно интенсивно росла численность кадров специального департамента — организатора борьбы с подпольем и «политическим бандитизмом». В 1950 г. в его штате были 83 сотрудника, в 1953 г. — 136. В конце 1951 г. департамент имел в воеводствах и повятах около 1500 функционеров, его агентурная сеть превышала 8000 человек. Поскольку подполье к этому времени не представляло серьезной угрозы, а деятельность периодически возникавших организаций подавлялась госбезопасностью регулярно без больших усилий, объектами наблюдений и преследований становились в основном бывшие, в том числе амнистированные участники сопротивления власти первых послевоенных лет. Наиболее пристальное внимание в департаменте уделялось той части молодежи, которая не хотела «складывать оружия» и создавала мелкие подпольные организации. За участие в таких группах было задержано в 1952 г. от 4000 до 6800 человек. За 1949–1954 гг. под арестом побывало не менее 16 500 человек¹⁶⁷.

Поставив в начале 1949 г. задачу «овладения» обществом, руководство ПОРП требовало от спецслужб развернуть «в целях профилактики» сеть агентов, создав тем самым особую опору для работы репрессивного аппарата. В решении секретариата ЦК

ПОРП по этому вопросу подчеркивалась необходимость «добиться перелома в работе... в области вербовки высокоценной агентуры в наиболее важных жизненных центрах врага. Дополнением к этой агентурной сети должна быть широко разветвленная информационная сеть». Решение выполнялось весьма тщательно. Если в 1948 г. агентура спецслужб насчитывала 5 тыс. агентов и 48 тыс. информаторов, то к середине 50-х годов в рядах агентов, информаторов и резидентов находилось, по разным данным, от 73 до 85,3 и даже 110–130 тыс. человек, по 5–6 тыс. на каждое воеводство. Если учесть, что «сеть», куда вербовались граждане страны как на добровольной, в том числе идейной, так и на принудительной основе находилась в постоянном «движении», то в ее составе в 1944–1956 гг. могли побывать до 1 млн поляков (до 4% населения). Столь значительный по «плотности» контроль госбезопасности проникал во все структуры и слои общества. Через агентов и информаторов велось наблюдение за противниками власти, добывались сведения о динамике общественных настроений. В результате в «карто-теке» подозреваемых в неблагонадежности в 1953–1954 гг. числилось, по разным данным, от 5,2 млн (или 30% взрослых поляков) до 10 млн человек из разных социальных групп и государственно-политических структур¹⁶⁸.

Органы госбезопасности контролировали партии некоммунистического спектра. В руководстве СЛ и ПСЛ они имели соответственно 22 и 20 «своих людей», в руководящем активе бывшей ППС — 56 человек, в СД — 13, в подпольной организации «ВиН» «работали» 85 человек. Агенты этого ведомства были внедрены в структуры католической церкви практически всех воеводств Польши.

Объектом наиболее тщательного наблюдения являлось Войско Польское. Под оперативным вниманием спецслужб в 1950–1953 гг. находились от 20 до 30 тыс. военнослужащих. Глубоким агентурным наблюдением был охвачен офицерский корпус: в 1951 г. до 19%. В агентурной «разработке» были зачисленные в штат армии кадровые офицеры довоенного Войска Польского, армии генерала Андерса, узники гитлеровских концлагерей, участники антигитлеровского подполья, бывшие члены и сторонники ПСЛ. В начале 1948 г. таких «фигурантов» насчитывалось около 6 тыс. человек. В 1951 г. число их достигло максимума в 9271 человек (в «активной разработке» значились немногим более 1 тыс.). В 1945–1949 гг. агентура военной контрразведки (Главного управления информации — ГУИ) выросла с 6800 до 8600 сотрудников. Стремительное разрастание агентурной сети в армии пришлось на начало 50-х годов. В 1950 г. она насчитывала 14 тыс. человек и достигла апогея в середине 1952 г. — более 24 тыс. В 1952 г. 6% всех военнослужащих в той или иной форме тайно сотрудничали с контрразведкой. Затем последовало существенное сокращение, и в конце 1955 г. с контрразведкой сотрудничало около 11–12 тыс. секретных сотрудников. Постепенно, по мере поступления в армию молодых офицеров и солдат рабоче-крестьянского происхождения, вытеснявших «старые» кадры, это число снизилось к 1 января 1955 г. до 2676 человек. Армейская контрразведка вербовала «свою» агентуру, как используя патриотические настроения и лояльное отношение военнослужащих к власти, так и шантажируя собранным компроматом. В 1949–1952 гг. значительную часть всей агентурной сети составляли польские офицеры (от 24 до 38%), или в среднем более 17–18% всего офицерского корпуса. В эти годы один офицер-агент «опекал» 5–6 офицеров. Причем, агентами, информаторами и резидентами были как беспартийные, так и члены ПОРП, включая офицеров политического аппарата армии¹⁶⁹.

«Невидимая» деятельность контрразведки, демонстрируя политическое недоверие руководства ПОРП к Войску Польскому, не могла не создавать напряженную атмосферу в армии. Общая численность ГУИ была небольшой и лишь в 1953 г. достигла максимума в 1500 человек. Недовольство, особенно среди офицерства, имело разные источники, но усилялось присутствием советских офицеров не только на войсковых командных должностях, но и в специальных департаментах Министерства национальной обороны и контрразведке*. В 1944–1948 гг. из 121 человека командного состава контрразведки 80 были советскими офицерами, в значительной части поляки по национальности. Чекисты возглавляли ГУИ в 1944–1945 гг. (полковник П.В. Кожушко) и в 1950–1953 гг. полковник Д.П. Вознесенский, прокурорский надзор в 1948–1950 г. осуществлял полковник А.Д. Скульбашевский, в 1950 г. Высший военный суд возглавили советские офицеры полковники В.М. Свентховский (председатель) и А.Ю. Томашевский (заместитель). В том же году в Польшу прибыли три советских гражданина на должности советников начальника Управления юстиции МНО, Главного военного прокурора и председателя Главного военного суда. Как и другие советские офицеры, откомандированные в польскую армию, они состояли в штате этой армии и одновременно на партийном учете в организациях ПОРП¹⁷⁰.

Благодаря созданию столь разветвленного аппарата госбезопасности и военной контрразведки, где служили, были задействованы или «примыкали» многие сотни тысяч поляков, в стране стали возможными массовые репрессии. В 1949–1953 гг. «фронт работ» МОБ расширился до масштабов всего общества. Любой гражданин мог оказаться под подозрением и стать обвиняемым. Открылся простор для непредусмотренных правовыми нормами или сознательно выведенных за пределы закона операций спецслужб, нередко применявшихся для «выяснения» личных и групповых отношений. По данным польских историков, в 1949–1955 гг. число ежегодно арестованных колебалось в пределах 12–15 тыс. человек. В 1952 г. оно достигло апогея — 21 тыс. человек. Всего за 1949–1953 гг. за «преступления против государства» военно-полевыми судами было осуждено более 37 тыс. человек из общего числа осужденных в 1944–1953 гг. более 70 тыс. человек**. Численность политических заключенных на 1 января 1948 г. составляла 26,4 тыс. человек, через год — 32,2 тыс., в середине 1950 г. — 35,2 тыс. человек, пожизненные сроки имели 1085 человек, от 8 до 15 лет — более 6 тыс. В 1952 г. за политические преступления и за преступления в годы оккупации в тюрьмах содержалось 49,5 тыс. человек, или более половины всех заключенных в стране. Тем не менее, по сравнению с 1944–1948 гг. общее число репрессированных по политическим мотивам сократилось в начале 50-х годов почти в 2 раза. Поводы для осуждения могли быть любыми: распространение «провокационных» анекдотов, «реакционных» слухов и т. п. были зачастую достаточными свидетельствами «враждебных настроений». «В октябре месяце [1951 г.], — рассказывал советскому дипломату руководитель парторганизации

* До лета 1945 г. контрразведка Войска Польского состояла из офицеров «Смерш» ГУК НКО СССР, не подчинялась польскому командованию армии (Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 57–58).

** В польской научной литературе приводятся и иные цифры арестов как для первого периода (100 тыс. человек, из них 55 тыс. осужденных военно-полевыми судами), так и для второго периода (40 тыс. арестованных и 27,5 тыс. осужденных) (*Werblan A. Stalinizm w Polsce*. Warszawa, 2009. S. 66–67).

Катовицкого воеводства Ю. Ольшевский, — развернулась борьба с вражескими элементами, занимавшимися вражеской пропагандой. В соответствии с указаниями из Варшавы представители органов госбезопасности начали проводить массовые аресты (арестовываются за день от 30 до 50 человек). Аресты производятся как в городе, так и в деревне. В городах арестовывают на улицах, в очередях, в трамвае и т. п. Причем, при аресте громко объявляется: „Вы арестованы за антинародную пропаганду!“. Реакция прочих граждан, присутствующих при аресте, обычно правильная... Арестованные за вражескую пропаганду обычно получают до 3-х лет тюремного заключения. ...Среди арестованных в октябре с/г за антинародную пропаганду есть и члены партии». Эта информация подтверждает вывод историка А. Фришке, что «действий, высказываний или реакций, которые могли бы стать поводом для репрессий, было так много, что никто не мог чувствовать себя в безопасности»¹⁷¹.

Репрессии применялись в ходе подавления протеста, в основном социально-экономического, рабочих в городе (тот же Ю. Ольшевский связывал с ухудшением снабжения шахтеров продовольствием, особенно мясом, «массовые случаи так наз. „итальянских забастовок“» в августе и сентябре 1951 г.) и «злостного» противодействия крестьянства системе обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов. Так, в 1953 г. за невыполнение поставок было в разной форме наказано почти 250 тыс. крестьян. В политический протест превращались не только противодействие экономической политике, но и сопротивление деревни принудительной коллективизации и фактическому уничтожению крестьянской собственности на землю. Власть силой наводила «порядок» в деревне, применяя оружие, допускала жертвы. Советские дипломаты сообщали, что дело доходило «до открытого грабежа и насилия» со стороны представителей власти. Так было осенью 1951 г. в Щецинском воеводстве (Грифичские события). В связи с этим советское консульство в Щецине сообщало, что секретарь воеводского комитета ПОРП «свою работу начинает измерять количеством арестованных и посаженных...»¹⁷².

Административные и уголовные наказания применялись к десяткам тысяч, как правило, политически малоактивных людей, протестовавших против тех или иных действий представителей власти или порядков, установленных на предприятиях согласно закону о социалистической дисциплине труда. Например, в марте 1950 г. административные взыскания были наложены на 75 тыс. шахтеров, 22 тыс. «дел» направлены в суд. Число наказанных людей, работавших в промышленности, в 1948–1956 г. превысило 1 млн. Тогда же на 1,5 млн крестьян были наложены денежные штрафы и применены другие меры наказания, включая лишение свободы. Тысячи представителей разных социальных, в том числе вероисповедных, групп населения были направлены в трудовые лагеря. Через них по решению Специальной комиссии по борьбе с экономическими преступлениями и вредительством, по данным польских исследователей, начиная с 1945 г., прошло около 200 тыс. человек. Подобные карающие меры имели особый смысл. Своим масштабом они, как некогда массовый террор и раскулачивание крестьян в СССР, создавали в обществе атмосферу напряжения и страха. Как пишет современник событий польский историк Г. Слабек, «на рубеже 40–50-х годов власти приговаривали (и к смерти тоже) невиновных людей. Атмосфера страха была исключительной — ни позднее, ни ранее неизвестной»¹⁷³.

Так создавалась «жизненная» среда для существования директивно-номенклатурной власти, отсекавшей граждан от реального участия в управлении страной, формировались иллюзии о ее всеилии, принимались на веру утверждения о многочисленных и разнообразных «внутренних врагах», а значит о необходимости «очищения» общества.

Замысел «очищения» осуществлялся по ряду направлений. Одно из них — превентивное наказание тех, кого считали «пятой колонной». Хотя к концу 1947 г. были «обезврежены» все центральные и окружные структуры подполья, факт существования мелких подпольных групп власть определяла как возрождение «враждебных сил» и использовала как повод для новой волны арестов и показательных процессов. Их объектами становились деятели «подпольного государства» и политической оппозиции, часть которых, арестованная в ходе этой борьбы, порой уже была амнистирована. В 1949 г. госбезопасность продолжала расследовать, например, «дела Центрального исполкома ППС», по которым в 1948 г. был лишен свободы ряд видных социалистов. Глава исполкома ППС-ВРН К. Пужак, который был весной 1947 г. обвинен в организации антигосударственного заговора, вновь находился в заключении вместе с 200 других деятелей и рядовых социалистов и был приговорен к 10 годам тюремного заключения. В 1949–1953 гг. состоялись широко освещавшиеся официальной печатью и пропагандой политические судебные процессы по «делам» А. Добошиньского и др. деятелей СН; Ю. Квасиборского и ряда членов распущенного в 1950 г. СП; М. Гулевич, В. Брыйи, П. Сюдака, входивших в ближайшее окружение С. Миколайчика; по «делам» ксендза З. Качиньского, Е. Брауна — редактора «Тыгодника Варшавского», членов редакции и авторов еженедельника, а также процессы священников Краковской и Келецкой епископских курий¹⁷⁴.

На фоне периодической активизации разрозненных групп подполья, структуры которого существовали, бывало, при поддержке спецслужб (например, ВиН), прошла серия «показательных» процессов против участников АК, НСЗ, обвинявшихся в антигосударственной деятельности. По надуманным предлогам вновь арестовывались и осуждались в том числе на смертную казнь, как «шпионы», «диверсанты» и «предатели», ранее амнистированные или отошедшие от подпольной деятельности офицеры АК, например, руководитель ВиН Я. Жепецкий, участники Варшавского восстания К. Плюта-Чаховский, Я. Мазуркевич и др. Так, был приговорен к смертной казни в 1952 г. и казнен в феврале 1953 г. генерал А.Э. Фельддорф. Весной 1945 г. Фельддорф, тогда полковник АК, командующий военной организацией «НЕ», был арестован НКВД, но не «разоблачен». В 1947 г. он возвратился из СССР в Польшу, где в 1950 г. последовал его арест польскими спецслужбами. Всем вменялись в вину подготовка «террора в отношении государственных и партийных деятелей демократического лагеря», «предательство своего народа». При вынесении приговоров суды демонстрировали жестокость*. Смертные приговоры, которые выносились ежегодно десяткам людей, приводились в исполнение¹⁷⁵.

* Сведения о числе исполненных смертных приговоров по политическим обвинениям среди доступных автору современных польских материалов различаются. По предположению А. Вербляна, на 1947–1955 гг. пришелся 1161 такой приговор при редких случаях помилований. А Пачковский считает, что за 1944–1955 гг. было вынесено судами 8 тыс. смертных приговоров, из которых исполнено 3100 (*Werblan A. Stalinizm w Polsce. Warszawa, 2009. S. 74–76; Czekiści. Organy bezpieczeństwa europejskich krajach bloku sowieckiego. 1944–1989. Warszawa, 2010. S. 456*).

Такие «показательные» репрессии по отношению к тем, кто был так или иначе связан с прежним строем и не испытывал симпатии к новой власти, подавляли способность к самовыражению некогда политически активных национальных сил. Репрессии создавали тот фон, который усиливал внутренне сложное и противоречивое состояние интеллигенции и подталкивал многих представителей интеллигенции к поиску прагматичных решений. Как полагает А. Мицевский, историк католического направления, заметные перемены наступили в 1948 г. Он видит их в возрождении в этой среде философии реализма и позитивизма, присущей второй половине XIX в., в превращении позитивизма в средство «формирования взглядов интеллигенции на необходимость союза с СССР и достижения модус вивенди с революционным лагерем»¹⁷⁶.

Прав историк Г. Слабек, когда пишет: «Тот, кто новой власти терпеть не мог, а их вначале было множество, оказывался в конфликте с самим собой, вынести который длительное время было невозможно. Так с самого начала создавался психологический механизм адаптации», приспособления к новым условиям. Принятие польской интеллигенцией объективной реальности второй половины 40-х — начала 50-х годов считают историческим фактом исследователи не только старшего поколения, но и новой польской исторической школы. Так, М. Степень, анализируя ситуацию в писательской среде, называет конкретные обстоятельства, побуждавшие творческие круги интеллигенции включаться в организацию публичной жизни в послевоенной Польше. Он признает, что «литераторы в большинстве своем шли за указаниями побеждавшей административно-политической силы», т. е. ППР-ПОРП. Коммунисты, со своей стороны, были в высшей степени заинтересованы в привлечении к лояльному сотрудничеству немногочисленной «старой» интеллигенции*. Они нуждались в ее знаниях, высокой квалификации и авторитете в обществе. Предоставляя работу разного «ранга» и профиля, они, действительно, не обуславливали это обязательными «встречными» идейно-политическими шагами со стороны профессионалов и интеллектуалов. Так формировалась общая «площадка» для фактического взаимодействия большинства этой социальной группы с властью в решении общенациональных задач возрождения страны. Различные круги интеллигенции не лишались в Польше права исполнять свой профессиональный долг и не подвергались репрессиям. Репрессировались лишь отдельные ее представители, продолжавшие, так или иначе, участвовать в деятельности послевоенного подполья. Среди писателей были арестованы единицы. Некоторые профессора по причине инакомыслия лишались кафедр в крупных университетах, но как правило сохраняли право на деятельность в других высших учебных заведениях и возможность заниматься научно-исследовательской работой. Г. Слабек называет 17 имен, но считает, что таких случаев, вероятно, было 30–40. Но ни один профессор не был арестован¹⁷⁷.

Налицо принципиальное отличие польской ситуации от имевшей место в свое время в СССР, где под репрессии попали многие тысячи «бывших спецов», принявших

* Общая численность интеллигенции резко сократилась в годы войны. Самые большие потери понесла политическая, интеллектуальная, культурная элита общества: не пережило период оккупации 37,5% специалистов с высшим и 30% со средним образованием. Кроме того, решили не возвращаться в страну сотни представителей науки, творческих профессий, судей, врачей, священнослужителей, 17 тыс. офицеров (*Kersten K. Między wyzwoleniem a zniewoleniem. Polska 1944–1956. Londyn, 1993. S. 7*).

советскую власть, а интеллектуалы принудительно изгонялись из страны или направлялись в лагеря, где погибали в массовом порядке. В Польше интеллектуальный потенциал нации в значительной мере сохранился и сыграл свою роль позднее, когда пришло время кризисов, возникновения политической оппозиции, прозвучали требования наказания виновных за насилие.

Главными объектами политических репрессий становились представители тех структур, которые олицетворяли саму власть, а именно партия и армия. Если репрессии участников военно-политического подполья были во многом борьбой с тенями недавнего прошлого и использовались спецслужбами для создания атмосферы форс-мажора в стране, то репрессии в Войске Польском отражали неуверенность власти в его политической надежности. В обстановке блокового противостояния возрастала не только внешнеполитическая, оборонная роль армии, но и потребность в ней как силовом факторе обеспечения внутренней стабильности. Между тем к 1949 г. состав офицерского корпуса польской армии претерпел существенные изменения. Присутствие советских офицеров снизилось многократно*. Армия все больше пополнялась национальными кадрами. В 1948–1949 гг. в штате числилось почти 4,5 тыс., или около 30% довоенного офицерства. Среди них, напомним, были возвратившиеся на родину старшие офицеры и генералы Б. Кетлинг, Г. Пашкевич, М. Боруца-Спехович, И. Модельский, Е. Кирхмайер, К. Флорианович, С. Моссор, С. Татар, Ю. Куропеска, С. Данилюк-Данилович, А. Узембло, Ф. Скибинский и др. Несколько тысяч выходцев из АК несли рядовую службу в армии, а также в госбезопасности, внутренних войсках, милиции, погранвойсках, числились агентурными кадрами этих ведомств. Все это придавало социальную пестроту офицерскому и особенно высшему командному составу, нарушало классовый облик и создавало, как считали в руководстве ПОРП, невыгодный власти политический климат в армии. Так, в начале 1949 г. около 25% офицеров Войска Польского имели «интеллигентское происхождение». Доля «классово и политически чуждых элементов» составляла тогда 18% всего офицерского корпуса. В Генштабе к «неблагонадежным» относились 50%, в командовании ВВС — 44%, в главной инспекции артиллерии — 58% офицеров. В такой ситуации чрезвычайно актуальным для руководства ПОРП становился вопрос военно-политической устойчивости Войска Польского¹⁷⁸.

Одним из способов репрессирования кадров армии в 1949–1950 гг. стали превентивные увольнения по политическим мотивам, за чем нередко следовали аресты. Только за январь–ноябрь 1949 г. из армии удалили около 800 офицеров. Затем был принят ряд решений партийных и армейских властей (1949 г. — III пленум ЦК ПОРП «о бдительности», приказ департамента кадров МНО об оценке кадров по классовому принципу — «хорошие», «чуждые», «враждебные»; 1950 г. — приказ министра К.К. Рокоссовского о чистке армейских рядов, IV пленум ЦК ПОРП «о кадрах»), на основании которых «вычищались» офицеры Генштаба, командования округов и родов войск, академии Генштаба, известные генералы и возвратившиеся из-за рубежа офицеры «старой»

* В середине 1949 г. советскими гражданами были 5% офицерского корпуса. Год от года при росте общей численности польской армии их доля неуклонно снижалась, составив в 1952 г. менее 2% штатных кадров (*Nalepa E.J. Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim. 1943–1968. Warszawa, 1995. S. 65, 73*).

армии, которые, руководствуясь патриотическим долгом и интересами государства, пришли на службу в Войско Польское. Часть их занимала ответственные должности. Репрессированию подлежали те, кто состоял в кадрах Польских вооруженных сил на Западе, служил в АК, прошел нацистские концлагеря. Им вменялись в вину создание подполья в армии, шпионаж, связь с эмиграцией, заговоры против государства и т. п. Советник МГБ Давыдов сообщал в Москву, что известные генералы довоенной армии, служившие в Войске Польском, проводили мероприятия «по ограничению влияния советских специалистов и подготовку своих специалистов в Войске Польском». В 1949 г. по «Быдгощскому делу» прошла серия арестов в командовании ВВС; были арестованы 65 офицеров в Люблинском военном округе; в 1950 г. перед судом предстали офицеры ВМФ. В 1949–1953 гг. по разным поводам арестовали 373 офицера, из них осудили 308 человек. К 1954 г. уволили более 9 тыс. человек, или 20%, в основном из кадров довоенной армии. В итоге доля довоенных офицеров в Войске Польском уменьшилась в 10 раз и составляла в 1956 г. 2,9% офицерского корпуса¹⁷⁹.

В 1948–1949 гг. Комиссией по вопросам безопасности при Политбюро ЦК ПОРП готовился крупный судебный процесс против группы генералов и старших офицеров довоенной армии. Замысел этот был весьма широк и имел целью не только «приструнить» и «перетрясти» армейскую верхушку. Некоторые из довоенных офицеров, зачисленных в штат Войска Польского, выполняли поручения за рубежом тогда, когда армейские кадры курировал Спыхальский, а партию возглавлял В. Гомулка. Это позволяло связывать аресты офицеров с избавлением в армии и правящих кругах ПОРП от тех, кто работал вместе с Гомулкой со времен подполья, был или считался его сторонником, и с самим лидером ППР. В. Гомулка в свое время получил согласие Сталина на отзыв из Польши всех советских офицеров и советников госбезопасности к началу 50-х годов, что теперь становилось антисоветизмом. При Гомулке министр обороны М. Роля-Жимерский и вице-министр обороны генерал Спыхальский зачисляли в Войско Польское довоенных офицеров и участников АК. Без ведома этих руководителей нельзя было задействовать, например, генерала Татара для возвращения из Лондона части польского золотого запаса в страну или генерала Куропеску для ускорения репатриации польских военнослужащих с Запада. В новых условиях подобные факты использовались руководством ПОРП, чтобы скомпрометировать прежнее командование Войска Польского. Открывался путь через репрессии в армии «выйти» на новые обвинения Гомулки и получить необходимые доводы для организации польского варианта «международного антигосударственного заговора» и репрессий для замены партийных кадров, начав с довоенных и беспартийных офицеров, но целясь в бывшего лидера ППР и командование Войска Польского¹⁸⁰.

Еще в начале 1949 г. советское посольство направило В.М. Молотову план «реорганизации» командного состава Войска Польского посредством чистки кадров Генштаба и управлений министерства обороны от «врагов в офицерских мундирах», ограничения полномочий, затем замены министра Роля-Жимерского. Есть основания полагать, что рекомендации посла были позитивно приняты в Москве. В июне 1949 г. при Политбюро ЦК ПОРП была создана Военная комиссия во главе с Берутом. В июле 1949 г., вскоре после ареста Л. Райка, члена Политбюро ЦК ВКП, казненного в сентябре 1949 г., начальник военной контрразведки поляк С. Куль (заместитель Д.П. Вознесенский) представил на заседание Военной комиссии ЦК ПОРП документ

«Очерк перспектив военного заговора». Среди «заговорщиков» назывались кадровые офицеры довоенного времени генералы Татар, Моссор, полковники Герман, Утник, Новицкий и др. В октябре 1949 г. советский посол В.З. Лебедев сообщил И.В. Сталину, что в Варшаве намечается процесс по «делу генералов», которые, по мнению руководства ПОРП, «проводят большую диверсию, пытаются усыпить бдительность, втереться в доверие, а затем нанести удар...». В начале ноября были проведены аресты. Первым арестовали генерала Татара. Это произошло накануне отставки Роля-Жимерского, назначения маршала К.К. Рокоссовского на должность министра национальной обороны и пленума ЦК ПОРП «о бдительности». Москва регулярно получала информацию о ходе расследования. Обвиняемые офицеры на допросах говорили о своих контактах со многими людьми, следовали новые аресты и вновь звучали новые имена. В 1950 г. были арестованы генералы Е. Кирхмайер, С. Моссор и Ю. Куропеска. Всего по «делу Татар–Утника–Новицкого» было арестовано более 100 человек и проведено несколько процессов. Офицеры обвинялись в организации в Войске Польском широкого заговора против существующего строя. Подготовка основного процесса заняла продолжительный период, велась госбезопасностью и армейской контрразведкой в тесном взаимодействии с Берутом. «Дело генералов» слушалось в Высшем военном суде с 31 июля по 11 сентября 1951 г. Главные обвиняемые — С. Татар, Ф. Герман, Е. Кирхмайер и С. Моссор были приговорены к пожизненному заключению, остальные — к большим срокам тюремного заключения. По ряду других «дел», связанных с основным процессом, были вынесены и исполнены 20 смертных приговоров. Всего военной контрразведкой было арестовано около 2100 человек по подозрению во «враждебной деятельности» и «предательстве родины»¹⁸¹.

Важно отметить, что к «делу генералов» в качестве свидетеля привлекался М. Спыхальский, отправленный в отставку в марте 1949 г. Его имя фигурировало и в обвинительном заключении по этому «делу». Показания против Спыхальского как главного организатора «заговора в армии» дал Куропеска (о чем, отметим, был извещен Сталин). Столь же неслучайно арест Гомулки (2 августа 1951 г.) пришелся на дни судебного заседания. Эти факты свидетельствовали, что «процесс Татар–Утника–Новицкого» был лишь предтечей осуждения членов ПОРП, и репрессированные офицеры могли быть «полезными свидетелями». Возможно, поэтому по решению Берута, без сомнения согласованному с Москвой, никто из главных обвиняемых, за исключением Куропески*, не был приговорен к высшей мере наказания. Но нужная цель достигалась: процесс над беспартийными генералами открывал возможность репрессирования генералов — членов руководства ППР-ПОРП и организацию главного судебного партийного процесса.

* «Дело» заместителя начальника Генштаба генерала Ю. Куропески, который во время войны находился в немецком плену, разбиралось отдельным производством, завершилось в 1952 г. смертным приговором. По решению Берута его исполнение было приостановлено и не состоялось вовсе. Тогда же возник план открытого процесса над офицерами довоенного Генштаба, но весной 1953 г. Москва порекомендовала Беруту «воздержаться от проведения в настоящее время указанного открытого процесса» (Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. 1949–1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 893–895).

Интенсификация репрессий в ПОРП на рубеже 40–50-х годов происходила в условиях крайне напряженной ситуации внутри коммунистического движения. Следствия по «делам» арестованных в мае 1949 г. Л. Райка в Венгрии и в июне Т. Костова в Болгарии были направлены не только на доказательство участия этих ведущих деятелей национальных компартий в «шпионаже», «антигосударственных заговорах», но и в связях с «отщепенцем» И. Тито. Лидер КПЮ пользовался симпатиями в Польше и, вероятно, учитывая это, в середине июля 1949 г. глава венгерской партии М. Ракоши направил Беруту информацию о поляках, которые ведут «шпионскую деятельность». Проверка этой информации была проведена в Будапеште работниками польской госбезопасности, где они не обнаружили «надежного» компромата против Гомулки. Тем не менее, в сентябре 1949 г., вскоре после вынесения смертного приговора Л. Райку, Берут просил «разрешения на приезд» в Москву, чтобы «посоветоваться» со Сталиным об отношении к Гомулке и Спыхальскому «в связи с опытом будапештского процесса». Ответ Сталина неизвестен, но вскоре стало ясно, что не Гомулка, а Спыхальский становится «центром» партийных разбирательств. Так, 25 октября 1949 г. Лебедев, ссылаясь на слова Я. Бермана, уведомил Сталина, что «руководящая четверка партии (Берут, Минц, Берман, Замбровский) посвятила много часов „беседам“ (по существу допросам) со Спыхальским... Сейчас Спыхальский сидит дома и пишет „воспоминания“, которые он обязан... каждый день сдавать руководству партии». В информации Бермана советскому послу 5 ноября о постановке на пленуме «вопроса об оргвыводах» фигура генерала называлась первой¹⁸².

11–13 ноября 1949 г., вслед за арестами Татара и других офицеров, состоялся III пленум ЦК ПОРП. Берут констатировал наличие в ПОРП «титовской агентуры» и «политическую диверсию империалистических сил» в отношении Польши. Виновниками «тревожной» ситуации в партии и стране назывались генерал М. Спыхальский и В. Гомулка, на которого возлагалась ответственность за проникновение в партию провокаторов еще в годы войны. В отличие от Гомулки, который отвергал обвинения, генерал признавал свою кадровую политику в армии ошибочной, но открещивался от причастности к правонационалистическому уклону. Резкой критике на пленуме подвергся и З. Клишко, который был одним из соратников Гомулки, в период оккупации участвовал в создании основных партийных документов и подпольных органов власти. До осени 1948 г. Клишко определял и контролировал кадровую политику ППР. Следует отметить, что Гомулка, чей авторитет в партии сохранялся и после отстранения с поста генерального секретаря, представлял главным объектом критики на пленуме, но в решениях партийного форума его имя не было выдвинуто на первый план. Вряд ли можно считать случайностью, что Спыхальский, несмотря на полное признание «ошибок», получил самое суровое наказание. В итоге решением пленума Гомулка выводился из ЦК, Спыхальский исключался из Политбюро и ЦК ПОРП. Клишко перестал быть кандидатом в члены ЦК ПОРП, был арестован весной 1953 г.¹⁸³

Такая «расстановка» жертв не могла состояться без согласования с Москвой. Критика была продолжена на состоявшемся вслед за III пленумом ЦК ПОРП заседании Коминформа в Бухаресте 16–19 ноября, когда принималась резолюция «Югославская компартия во власти шпионов и убийц», а борьба с ними объявлялась «интернациональным долгом всех коммунистических и рабочих партий». Выступавший от ПОРП Я. Берман усердно «разоблачал» «правонационалистический уклон». Спущенные

«вниз» решения Коминформбюро и пленумов ЦК ПОРП о повышении революционной бдительности, усилении борьбы с националистическими элементами, агентами англо-американского империализма были встречены рядовыми партийцами по-разному. Имели место как поддержка, так и «враждебные выступления» в защиту Гомулки, который «дал крестьянам землю и никогда не ставил вопроса о том, чтобы ее отобрать»¹⁸⁴.

Почти одновременно с борьбой против «правонационалистического уклона», которую разворачивала группировка во главе с Берутом, в «широких» руководящих кругах партии обозначилась «озабоченность» национальным обликом руководства. Это было польским отражением того, что на рубеже 40–50-х годов в СССР и ряде стран блока был взят курс на перераспределение власти внутри правивших элит в пользу лиц титульной нации за счет коммунистов-евреев. Весьма распространенный бытовой антисемитизм «поднимался» на уровень государственной политики, против коммунистов-евреев организовывались судебные преследования. Их превращали в «заговорщиков», «виновников» трудностей и социального напряжения в обществе и тем направляли накапливавшееся в стране недовольство «низов» в национальное русло. Так было например в Чехословакии, где процесс и казнь Р. Сланского, вызвавшие взрыв антисемитизма, позволили главе КПЧ К. Готвальду уничтожить сильного политического конкурента. В Польше ситуация была иной. Руководство ПОРП учитывало традиционно высокий и тем опасный уровень антисемитских настроений в различных кругах польского общества. Были памятли жестокие, с убийствами и избиениями, еврейские погромы, учиненные поляками в первые послевоенные годы. Политический процесс, где обвинялись бы евреи-коммунисты, мог вызвать новую волну антисемитских проявлений и «разогреть» антикоммунистические настроения¹⁸⁵. Тем не менее в ПОРП были силы, готовые, используя антисемитскую карту и спровоцировав весной 1950 г. кризис в руководстве партии, совершить перестановку среди важных «фигур».

Доступные документы позволяют предположить, что такие намерения существовали как на польской, так и на советской стороне. Озабоченность посольства СССР национальным обликом руководящих кадров в Польше была довольно устойчивой. Напомним письмо В.З. Лебедева о двух группировках в ППР, поступившее в марте 1948 г. В.М. Молотову. Тогда антисемитский аспект документа не получил развития. Не отреагировал Сталин и на содержавшееся в письме Гомулки 14 декабря 1948 г. признание его ответственности за «высокий процент евреев» в руководстве партии. Указав на такую особенность рождавшейся партийно-государственной номенклатуры в стране, Гомулка связал с ней свой отказ остаться на руководящей работе в ПОРП. Он высказал убеждение, что «при настоящих условиях... я не мог сделать даже самого маленького шага в этом направлении без того, чтобы не натолкнуться на всякого рода явные или замаскированные действия, рассчитанные на „конец“ моей деятельности в партии»¹⁸⁶.

Перехватившие власть в ППР-ПОРП польские сталинисты, многие из которых были евреями по происхождению, были убеждены, что им больше других доверяют в Москве. Но опасаясь подъема «национализма» среди коммунистов-поляков и антиеврейских настроений в обществе противники Гомулки в руководстве ПОРП не привели в действие антисемитизм как политический инструмент борьбы за личную власть: массовые чистки и аресты по национальному принципу в Польше не проводились, хотя был ликвидирован Бунд, большинство его членов влилось в ПОРП. Постепенно происходило подавление еврейских национальных, в том числе благотворительных

обществ. В 1950 г. прекратилась деятельность международной еврейской организации «Джойнт». За участниками этого национального движения госбезопасность устанавливала наблюдение, надзидала за евреями — сотрудниками МИД Польши и офицерами Войска Польского. Осуществлялась агентурная «разработка» организаторов эмиграции польских евреев в Израиль¹⁸⁷. Но все это не свидетельствовало о том, что затевается некая резонансная акция.

После создания ПОРП, когда руководящие позиции в Политбюро ЦК закрепились за группой Минца (экономика), Бермана (идеология, госбезопасность) и Замбровского (кадры, оргвопросы), в Москву продолжала поступать информация об антиеврейских настроениях в партии. В июле 1949 г. Лебедев, сославшись на сведения, полученные от «очень хорошего товарища» В. Вольского*, который «был сброшен в Польшу, в тыл к немцам... советскими органами», подробно информировал А.Я. Вышинского об атмосфере в партии. Посол доносил, что в руководящем ядре «поляком по национальности является один Берут», что имеется группа деятелей высшего ранга, «*явно страдающих еврейским национализмом*» (подчеркнуто в документе. — А.Н.). В доказательство посол приводил пример: «Несмотря на прямые советы из Москвы о необходимости ликвидации в Польше еврейской организации „Джойнт“, обслуживающей американскую разведку, ... этому сопротивляется Якуб Берман». Лебедев высказывал особую озабоченность ситуацией в Министерстве госбезопасности, где «начиная с заместителей министра и включая всех начальников департаментов, не имеет[ся] ни одного поляка. Все — евреи. В департаменте разведки работают только евреи... Беруту опереться не на кого, кроме как на тех же Бермана, Минца и Замбровского». «Засилье» евреев, по его мнению, приводит к тому, что «следствие по делу вражеской агентуры в Польше** находится в ненадежных руках, а материалы его „корректируются“ перед тем, как попасть к Беруту». Лебедев полагал, что следовало бы заменить главу Министерства госбезопасности, «чтобы во главе этого органа встал поляк, который был бы правой рукой Берута и который очистил бы теперешний аппарат этого министерства». Но, как опытный аппаратчик, посол страховал себя от «неожиданностей» в Москве: «не пришло еще время для коренного решения вопроса и борьбы с еврейским национализмом, ... можно думать лишь о постепенной подготовке к решению этой задачи»¹⁸⁸.

С донесением «высокой политической важности» ознакомился Сталин, который оставил на тексте многочисленные и разнообразные пометы, особо отмечая еврейские «сюжеты», но указаний, видимо, не последовало или они не были оформлены документально. Между тем, и это без сомнения отметили в Москве, в документе были отражены настроения той части партийной элиты ПОРП, которая чувствовала себя ущемленной, будучи деятелями второго и третьего плана, и рассчитывала продвинуться во власти, организовав антисемитскую кампанию. Представителем этой части элиты и выступал В. Вольский, который, вероятно, желал больше, чем пост министра общественной администрации и использовал свои активные контакты с посольством СССР. Приступая

* В межвоенное время и в годы войны Вольский (А. Пивоварчик) находился в СССР, был репрессирован, в ВКП(б) не состоял. В 1948 г. избран членом ЦК ПОРП (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1301. Л. 59; *Torańska T.* Oni. Warszawa, 1989. S. 82).

** Речь идет о следствии по «делу» В. Леховича и А. Ярошевича, арестованных в октябре 1948 г., обвинявшихся в шпионаже в пользу АК.

к атаке на «еврейскую группу», Вольский сосредоточил критику на Я. Бермане, который, повторимся, в Политбюро ЦК ПОРП курировал органы госбезопасности. Беседуя с 1-м секретарем посольства Е.И. Длужинским 28 сентября 1949 г., Вольский назвал ведомство «органами опасности», поскольку руководство сосредоточено в руках «лиц еврейской национальности», которым полностью доверяет Берман, а советская сторона не имеет объективной информации о том, что происходит в стране и партии¹⁸⁹.

Однако эти «сигналы» летом–осенью 1949 г. не вызывали в Москве ожидаемой реакции. Там в это время были заняты организацией политических процессов в своем «доме», а также развертыванием противостояния с КПЮ, прямым участием в «делах» Л. Райка и Т. Костова, шла подготовка к разоблачению «словацких буржуазных националистов». Актуализация «еврейского вопроса» применительно к высшему руководству ПОРП была не ко времени. Возможно, откладывание «борьбы» объяснялось и позицией самого Берута, не желавшего менять сложившуюся расстановку сил.

О «еврейском вопросе» В.З. Лебедев вновь напомнил Москве 26 февраля 1950 г. в письме Сталину, докладывая о возникшем между К.К. Рокоссовским и Б. Берутом конфликте по финансовому обеспечению армии. Посол полагал, что конфликт отражал недовольство как Берута, так и «трех членов руководящего ядра партии (Минца, Бермана и Замбровского)» действиями маршала. На самом деле речь шла о другом: Берут опасался за свою судьбу. По его словам, «четверке» «показалось, что Вы [Рокоссовский] хотите забрать в свои руки слишком много власти». Но Лебедев, как и маршал, рассуждал иначе: «в руководстве партии есть тесно спевшаяся группа в составе Минца, Бермана и Замбровского, которая фактически решает все дела и которая руководит Берутом», и «все наблюдения Рокоссовского, в основном правильны», но маршал, не будучи политиком, «может... нарваться на провокаторов, подосланных этой „тройкой“»¹⁹⁰.

Цель была ясна, и Москва отреагировала, «сигнал» пошел в Варшаву. На состоявшемся в начале апреля 1950 г. заседании Политбюро ЦК ПОРП были произведены кадровые перестановки. Их результатом стало создание оргсекретариата, новой структуры в аппарате ЦК, и ограничение возможностей Замбровского, который раньше «был фактическим хозяином в ЦК». Берман был «освобожден от руководства отделами ЦК, которые ранее подчинялись ему», и стал курировать политическую учебу членов ПОРП и молодежи. В связи с этими решениями в польских партийно-правительственных кругах высказывались разные мнения. Члена ЦК С. Матушевского перемены воодушевляли: «это решение будет горячо одобрено всей партией». Секретный отдел ТАСС информировал Москву 12 апреля, что тот же Матушевский считает, что «многие работники ЦК — евреи — рассматривают это решение как наступление против партийных работников — евреев, отстранение их от руководства партийей». В. Вольский же утверждал, что «положение вещей» мало изменилось, и предпринял еще одну попытку поднять перед советской стороной «еврейский вопрос».

Он обратился с просьбой к Лебедеву «доложить в соответствующих инстанциях в Москве», чтобы ему разрешили приехать для доклада товарищу Сталину о положении в ПОРП, но от советника МГБ СССР Москве была известна личная заинтересованность Вольского в использовании «антиеврейской карты»: «В настоящее время я веду борьбу с руководством партии. Там есть такие люди, которые хотят меня отодвинуть на задний план, поэтому у меня идет борьба за власть»¹⁹¹. Но ни Москва, ни Берут не поддерживали организацию клановой борьбы в партии и стране

с использованием антиеврейских настроений. Глава ПОРП был заинтересован в таком узком круге, когда ни один из товарищей не мог стать его реальным конкурентом на высшую власть. Сталин, со своей стороны, значительно больше доверял тем польским коммунистам, кто возвратился в Польшу на рубеже войны и мира из СССР, пройдя школу Коминтерна. Некоторые из них были евреями по происхождению, но гражданами Польши. Поэтому замысел Вольского должен был потерпеть поражение, что и произошло на заседании пленума ЦК ПОРП 8–10 мая 1950 г. Антисемитский политический процесс с целью изменить персональную расстановку сил в партийном руководстве не был допущен.

Попытка Вольского, который, по личному впечатлению члена редколлегии «Правды» Л.С. Баранова, выступил с предметной критикой кадровой политики Берута и персонально Р. Замбровского, окончилась крахом его политической судьбы. «За интриганство, двурушничество, за диверсионную деятельность против единства партии» Вольский был лишен министерского портфеля и исключен из партии*. Решающую роль в этом сыграли не его откровенные антисемитские высказывания на пленуме («Кишбаумы** не должны разъезжать по польским санаториям») и требования очистить партию, а претензия на «первые роли» в ПОРП. В назидание другим неподконтрольные высшему руководству партии контакты с советским посольством были обращены на пленуме против Вольского¹⁹².

Москва дала санкцию на завершение карьеры «своего человека» в Варшаве. Вероятно, позиции Берута и Сталина были согласованы заблаговременно, возможно, на одной из встреч 16–17 марта 1950 г. Критика со стороны Вольского вряд ли была неожиданной для Берута: лишь заблаговременной подготовкой можно объяснить «дружный отпор», прозвучавший на пленуме сразу после его выступления. Большинство участников пленума не хотело раскола в руководстве, понимая его последствия, в том числе и на личном уровне. Это и отметил Баранов в письме М.А. Суслову, направленному 11 мая 1950 г. Сам Берут, информируя Сталина 15 мая 1950 г. о решениях пленума, старательно обошел антисемитские заявления Вольского. Главное внимание он уделил сохранению устойчивости персонального состава высшей партийной власти, что было гораздо важнее и для главы ПОРП, и для Москвы. Поэтому действия Вольского были определены как «попытки сколотить группу против руководства партии», высказаны обвинения в распространении версии о существовании конфликта Варшавы с Москвой. Ответные шаги Москвы не заставили себя ждать. 19 мая посол получил указание министра А.Я. Вышинского прекратить связь с Вольским. 22 мая Сталин ответил на письмо Берута: «После нашей с Вами беседы в Москве о Вольском я поручил соответствующим органам проверить политическое лицо Вольского. Из проверки видно, что Вольский не заслуживает политического доверия»¹⁹³.

Таким образом, попытка изменить состав высшего руководства ПОРП рассматривалась в Москве и в Варшаве как опасная для ситуации в Польше и нарушающая «монolithicность» партии. Эта попытка не была в интересах лично Берута. С устранением Гомулки и ряда его сторонников в партии властвовала «промосковская» группировка.

* Репрессирован не был; жил в Кракове и работал директором Воеводской библиотеки. Восстановлен в партии в 1960 г. Умер в 1976 г.

** Кишбаум — член ЦК ПОРП Т. Данишевский.

которая, принимала советский «путь к социализму», советское присутствие в Польше и поставила главной целью «разгром право-националистического уклона».

Первоочередными жертвами были назначены представители командования Войска Польского. Группировка Бермана–Минца–Замбровского избавлялась от тех, кто в армии был или считался сторонником В. Гомулки. Причем репрессированию подлежал немногочисленный польский генералитет: в декабре 1950 г. из 52 генералов Войска Польского 12 были гражданами Польши и 40 генералами Советской Армии¹⁹⁴.

Еще 10 июля 1949 г., когда Ракоши информировал Варшаву о «врагах» в рядах ПОРП, посол Лебедев доносил о принадлежности к довоенной разведке и связях с Западом целого ряда высших офицеров, входивших в состав руководства партии. Кроме М. Спыхальского назывался министр обороны маршал М. Роля-Жимерский. Посол полагал, что «по материалам соседей [т. е. госбезопасности] можно было бы значительно увеличить перечень видных и невидных польских деятелей, являющихся врагами». С письмом ознакомился Сталин и на полях документа отметил информацию о том, что агенты довоенного Генштаба расставлены в Польше «на виднейших постах». Одновременно посол сделал предположение, что Гомулка «является лицом, каким-то образом подчиненным Спыхальскому». Сталин обратил на это особое внимание. Информация Лебедева о Роля-Жимерском вызвала беспокойство в Москве. В конце октября 1949 г. советник МГБ СССР С.П. Давыдов доложил министру госбезопасности В.С. Абакумову о «подозрительном поведении» Роля-Жимерского и в связи с этим об усилении по линии аппарата советника охраны и контроля, а также установлении контрразведкой Войска Польского негласного наблюдения за ним и его семьей. Уже после отставки маршала Польши заместитель советника Климашев весной 1950 г. настаивал на необходимости «установить тщательное агентурное наблюдение за Роля-Жимерским и его связями, и принять меры, исключающие возможность его побега за границу»¹⁹⁵.

Под «опекой» польской госбезопасности, советников МГБ и советских офицеров в контрразведке Войска Польского, работавших в тесном контакте, находился после отставки Гомулки и М. Спыхальский. Он был арестован в апреле 1950 г. 31 мая 1950 г. советское посольство передало в Москву информацию Я. Бермана о том, что в Польше «раскрыта антигосударственная организация» (имелся в виду арест генералов Куропески, Моссора и Кирхмайера), и отмечало, что «арестованные пользовались покровительством Спыхальского». Москва извещалась также об аресте вице-министра госбезопасности генерала Г. Корчиньского, бывшего во время оккупации, как и Спыхальский, в членах командования Гвардии Людовой. Специально подчеркивалось, что Корчиньский «был близко связан с Гомулкой», а арестованная В. Подгурская работала секретарем Гомулки¹⁹⁶.

В марте 1952 г. советские офицеры Вознесенский и Скульбашевский доложили Политбюро ЦК ПОРП о раскрытии «шпионской группы» из 24 офицеров в армейской разведслужбе. К этому времени из разведки были уволены почти все довоенные офицеры. Только в 1952 г. таких было 122 человека. Для выяснения «дела» офицеров разведки, а также ситуации с маршалом Роля-Жимерским, который находился более трех лет в «агентурной разработке», и в связи с арестом его брата С. Жимерского осенью 1952 г. в секретариате Политбюро была создана специальная комиссия. Члены комиссии беседовали с В. Комаром, начальником II отдела (разведка) Генштаба Войска

Польского, участником Гражданской войны в Испании. Хотя обнаруживалась полная несостоятельность «дела» против него, в ноябре 1952 г. генерал В. Комар был арестован. Арестованных генералов и офицеров обвиняли в сотрудничестве с военной разведкой прежнего времени и государственной измене. Комар дал «нужные» показания на А. Завадского, М. Спыхальского, В. Гомулку и др.¹⁹⁷ Таким образом, почти все «фигуранты» задуманного политического процесса по «делу» бывшего руководства ППР-ПОРП и командования армии, находились в изоляции, готовился политический судебный процесс против Спыхальского, Леховича и др.* В конце 1952 г. был подготовлен план процесса и в январе 1953 г. следственный департамент МОБ направил Беруту проект обвинительного заключения. Оба документа были «нацелены» на осуждение Гомулки. Разрабатывался план следствия по «делу» арестованного в августе 1953 г. Роля-Жимерского, который был представлен Беруту в сентябре 1954 г.

Таким образом, из Войска Польского был «изъят» высший национальный генералитет, имевший опыт боевых действий, а поэтому наиболее профессионально ценный и преданный идее строительства новой Польши. Репрессирование генералов-коммунистов демонстрировало членам партии, что с эпохой Гомулки покончено. Карьерный шанс получали заполнявшие офицерский «вакуум» кадры, готовые к беспрекословному исполнению распоряжений партии.

В этом направлении действовала и Москва. Появление К.К. Рокоссовского на посту министра национальной обороны, а вскоре — вице-премьер-министра и члена Политбюро ЦК ПОРП существенно меняло ситуацию в высшем командовании, означало усиление советского контроля над Войском Польским. Вовсе неслучайно новый министр обороны фактически находился вне контроля со стороны польской власти. Как свидетельствовал Ю. Святло, «в вопросах армии Рокоссовский... контактирует непосредственно с советским штабом. Он посылает в штаб свои рапорты без оповещения и информирования Берута»¹⁹⁸. Такое положение дел вызывало тревогу властвовавшего «триумvirата» и стало одной из причин разногласий между министром и руководством ПОРП. Но Рокоссовский имел в Войске Польском прочную и надежную опору в лице советских генералов. На лето 1953 г. в штате Войска Польского служили 37 советских генералов и 630 офицеров, не присягавших на верность Польше. Они занимали командные должности: вице-министров обороны, начальника Генштаба и его заместителей, заместителя начальника полуправления министерства, командующих родами войск и их заместителей (артиллерия, связь, инженерно-саперные, танковые войска, ВВС, ВМФ), командовали военными округами и штабами округов (Краков, Быдгощ, Варшава, Вроцлав). Это означало, что правившая верхушка ПОРП, установив с помощью различных репрессивных акций контроль над армией, была, по меньшей мере, ограничена в распоряжении по своему усмотрению главным силовым ведомством, призванным обеспечивать суверенитет страны и внутреннюю стабильность власти. Москва, со своей стороны, используя внутривластную борьбу, в том числе в армии, решала собственные задачи в Польше. Советские военнослужащие были призваны передавать национальным кадрам советскую военную доктрину и обеспечивать ее внедрение в условиях обострения холодной войны и подготовки к оформлению со-

* В 1955–1956 гг. арестованные генералы и офицеры Войска Польского были освобождены и реабилитированы.

ветского военно-политического блока, где Польше и ее вооруженным силам отводилась роль переднего рубежа обороны против агрессии с Запада*.

Хотя замысел осуждения генералов-коммунистов М. Спыхальского, Г. Корчиньского, В. Комара и маршала Роля-Жимерского определенно существовал**, тем не менее им, как и довоенному генералитету, загодя отводилась подсобная роль в задуманном властным «триумvirатом» судебном преследовании В. Гомулки. Возможно, в этом была одна из важнейших причин того, что отстранение от службы в армии и затем аресты генералов не развернулись в судебный процесс по второму «делу генералов». Не был реализован и замысел крупного «партийного процесса», где центральной фигурой был бы В. Гомулка. За человеком коммунистической идеи, автором и тогда убежденным сторонником «польского пути к социализму», политиком, способным на самостоятельные поступки, закрепилась в обществе легенда «мученика», страдающего за проявленную в Москве независимую позицию, что было правдой лишь отчасти. Тем не менее, кто-то «не отдавал» руководителя ППР, и этим «кем-то» мог быть только Сталин, хотя документальных подтверждений для такого вывода не имеется. Лишь по сопутствующим материалам можно проследить спокойную, как бы сдерживающую линию Сталина, которая существенно отличалась от его действий в других подобных случаях (например, в уже упоминавшихся «делах» Костова и Райка, а также «словацких националистов», В. Клементиса или Г. Сланского в Чехословакии, когда Сталин давал «добро» на аресты и смертные приговоры). Допустимо лишь предположить, что советский руководитель, осознавая сложность внутривластной ситуации в Польше, учитывал главную ценность в позиции лидера ППР, а именно понимание им высокой национально-государственной и геополитической значимости для Польши союза с СССР. Это давало основания считать Гомулку, тяготевшего к зависимости Польши от СССР, стремившегося ее уменьшить, надежным союзником Москвы.

* Присутствие советских военнослужащих в штате Войска Польского вызывало постоянное недовольство польского офицества и воспринималось резко отрицательно польским обществом. Не был доволен таким положением и сам Рокоссовский. Но лишь после смерти Сталина Президиум ЦК КПСС 14 августа 1953 г. постановил отозвать в 1953–1955 гг. всех генералов и офицеров по мере замены их польскими офицерами и советскими советниками. По запросу Берута и Рокоссовского в Москве решили перейти на принятую мировую практику и направить в польскую армию в 1953–1955 гг. 269 советников на должности главного (при министре), старших советников и советников в Генштаб, центральные управления МНО, округа, военные соединения и части ВВС, ВМФ, ПВО, вузы и военные школы. По линии МВД СССР направлялись 34 офицера (в контрразведку — 16, в округа — 8, внутренние войска — 5 и погранохрану — 15 человек). К середине 50-х годов отзыв советских военнослужащих ускорился. На 1 ноября 1956 г. в польской армии штатно служили 32 генерала и 39 офицеров. Последним отбыл из Польши в 1968 г. советский генерал Ю. Бордзиловский (*Nalepa E. Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim. 1943–1968. Warszawa, 1995. S. 128, 131, 133, 280; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 143. Л. 43; Оп. 63. Д. 124. Л. 65–66*).

** Документально подтверждается стойкая заинтересованность Берута в организации судебного преследования арестованных генералов. В начале марта 1956 г. в Москве, незадолго до смерти, он имел продолжительную беседу с влиятельным сотрудником аппарата ЦК КПСС Я. Дзержинским. В ходе беседы Берут упорно настаивал на необходимости провести закрытый процесс над Спыхальским (АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 140. Л. 111–115).

Поэтому польские сталинисты могли распоряжаться судьбами членов партии из окружения Гомулки периода войны, но не судьбой самого лидера ППР, устранение которого от власти осуществлялось по удивительно мягкому для тех времен варианту. Отставного главу ППР, обвиненного в правом уклоне и национализме, Сталин принял в декабре 1948 г., ответил на его письмо, сохранил в ЦК ПОРП, между отставкой и арестом его прошли не дни и месяцы, а годы, после ареста дело не дошло до суда, из близких соратников Гомулки никто не погиб. Российские документы подкрепляют эти предположения. В октябре 1956 г. Н.С. Хрущев настаивал, что инициатива ареста Гомулки «исходила от Варшавы, а не от Сталина»: «Мы делали все, чтобы вас сохранить». Гомулка не опроверг этих слов. Если все было именно так, то сохранение жизни лидеру ППР происходило вопреки настроениям и планам «узкого» руководства ПОРП и самого Берута, который 24 февраля 1956 г. на встрече в МГУ им. М.В. Ломоносова с польскими студентами, отвечая на вопрос о «гомулковщине», заявил, что здесь «ничего пересматривать»¹⁹⁹.

Таким образом, 1949–1953 годы стали в Польше временем политических репрессий и судебных процессов*. Монополюно правившая партия использовала насилие как один из важнейших методов консолидации общества на классовой основе и приведения поляков к «гражданскому согласию». Особый смысл имели репрессии в ПОРП, направленные на превращение партии в тоталитарную организацию. Очищенная от «инакомыслия» и клановой борьбы за личную власть на партийном олимпе, такая партия, присвоив функции государственного механизма, становилась основой политического режима, близкого по типу советскому времен правления Сталина.

III.3. Государство и Польская римско-католическая церковь: от содействия возрождению к конфронтации и присяге на верность власти

Монополия ПОРП на политическую власть была установлена в обществе, которое отличалось глубокой религиозностью. Если под монополией понимать власть абсолютную, что, по мнению американского историка Я.Т. Гросса, означает «лишение доступа к ней других сил, ... ликвидацию свободы действий... существующих или потенциальных центров коллективной жизни (или власти), организаций, независимых от организаций, разрешенных государством...», то власть ПОРП не была абсолютной по ряду причин. А. Верблян прав, когда пишет, что «моноцентричный политический строй, господствовавший в ПНР как квази-тоталитаризм в 1948–1955 гг. и позднее как квази-авторитаризм, проистекал отчасти из идеологии правившей партии, а отчасти из зависимости от СССР. Эта зависимость обуславливалась геополитикой, но далеко не все, что происходило в Польше в эти десятилетия, было следствием зависимости страны»²⁰⁰. Не была прямым следствием внешнеполитической зависимости Польши и церковная политика ее правительства. Она обуславливалась мировоззрением, точнее

* После смерти Б. Берута в марте 1956 г. были освобождены более 4800 человек, осужденных за «политические преступления» и более 1 тыс. за «предвоенные преступления» (*Kozłowski Cz. Namiestnik Stalina. Warszawa, 1993. S. 113*).

идеологией, которую исповедовали члены ППР и ПОРП, прежде всего коммунисты, антиклерикальными позициями людовского и социалистического движений.

Прочные позиции в обществе главного национального вероисповедного института — Польской римско-католической церкви, сильного не только мировоззренчески, но и политически противника коммунистов, в первую очередь, диктовали особенности церковной политики рабочих партий. Этот претендент на выражение интересов нации оставался важнейшим фактором общественного бытия и жизни почти каждого поляка. Поэтому стратегия руководства ППР–ППС, затем — ПОРП состояла в оттеснении католической церкви на государственную периферию, превращении в зависимый от власти, а не от Ватикана, контролируемый элемент национального образа жизни. Поставленные задачи решались поэтапно.

Из войны и борьбы за восстановление страны католическая церковь, занимавшая сугубо патриотические позиции, выходила, расширив и укрепив свое влияние. Но с изгнанием гитлеровцев она оказалась в совершенно новых политических обстоятельствах. Налицо было не только решающее участие польских коммунистов в системе власти, но и советское военно-политическое присутствие. Отношение служителей церкви к этим реальностям — от настороженного до открыто враждебного, отражало настроения значительной части польского населения и определялось накопленным веками историческим опытом самой церкви. Помимо национально-политических мотиваций на позиции епископата и духовенства, которым была известна трагедия религиозных институтов в СССР, воздействовали опасения за судьбу католицизма в Польше.

Советское руководство располагало сведениями о масштабе духовного влияния католической церкви в Польше. Накануне вступления Красной Армии на территорию Польши Сталин 28 апреля и 4 мая 1944 г. принимал в кремлевском кабинете американского католического священника польского происхождения С. Орлеманьского. Обсуждались ключевые проблемы страны, будущее советско-польских отношений, церковная политика после освобождения Польши. Сталин, имея в виду политическую ориентацию церкви на правительство в Лондоне и причастность духовенства к антигитлеровскому подполью, дал понять, что будущее церкви зависит от ее же позиции. Одновременно он заверил ксендза, что «никаких религиозных репрессий не должно быть и не будет. Советское правительство предпримет репрессии против тех, кто преследует религию». Эта линия была закреплена 31 августа 1944 г. постановлением Государственного Комитета Обороны № 6282с: командованию советских войск на территории Польши запрещалось, как и в других странах региона, «препятствование исполнению религиозных обрядов и разрушение молитвенных храмов». Советская сторона подчеркивала уважение чувств и прав верующих поляков и свое невмешательство в церковную жизнь при условии соблюдения служителями церкви норм военного времени и непричастности к деятельности подполья. Возвратившись в США, ксендз с согласия своего собеседника обнародовал содержание разговора в Москве и заявил, что советский лидер «весьма расположен по отношению к католической церкви... маршал Сталин не потерпит каких-либо нарушений в этом отношении». Такая информация получила достаточно широкий резонанс в США и странах Европы. Но «сигнал», посланный из Москвы епископату Польской католической церкви и Ватикану, остался без официального ответа²⁰¹.

Сталинская ориентировка на контакты с католической церковью соответствовала пониманию проблемы польскими коммунистами. В Манифесте ПКНО провозглашались свобода и равенство всех вероисповеданий, но отсутствовало положение Конституций 1921 г. и 1935 г. о главенстве и привилегированном положении этой церкви в государстве. Тем не менее, в первые послевоенные годы коалиционная власть демонстрировала стремление к взаимодействию прежде всего с католической церковью и содействовала ее духовенству в выполнении вероисповедных функций. По настоянию коммунистов было сохранено право на обрабатываемые земли, находившиеся в церковном владении до войны. Правительство финансировало религиозную печать и десятки выходивших массовыми тиражами католических периодических изданий, доля которых составляла около 11% всей периодики страны. Правительство оказывало финансовую и материальную помощь духовенству, содействовало восстановлению разрушенных и возведению новых храмов. Дотации на эти цели составляли немалые суммы. Открылись Люблинский католический университет, теологические факультеты в Варшавском и Краковском университетах. Возобновилось обучение в духовных семинариях, преподавание религии в школах. Институт капелланов воссоздавался в детской организации — Союзе харцеров, в больницах, тюрьмах, расширялся в армии. В 1946 г. организационные структуры церкви были восстановлены в новых границах государства. Высшее католическое духовенство представляли 2 кардинала, 4 архиепископа, 30 епископов, а также 5 апостольских администраторов на новых землях. В стране функционировали 22 диоцеза (епархии) и 3 митрополии — Краковская, Гнезненско-Познаньская и Варшавская; насчитывалось около 6 тыс. парафий (приходов) и более 7 тыс. ксендзов. Все это подтверждало, что коалиционная власть, где главные позиции имела партия с атеистической идеологией, воздерживалась от наступления на церковь и стремилась наладить взаимодействие, привлекая ее к участию в восстановлении страны. Такой прагматизм в церковной политике находился в русле тех советов, которые поступали из Москвы в 1944 г. и позднее. Сталин рекомендовал польскому правительству не отталкивать клир, если он ищет контактов, облегчать ему эти поиски²⁰².

Главными фигурами Польской католической церкви были кардинал А. Хлонд, который покинул Польшу в сентябре 1939 г. и возвратился лишь 21 июля 1945 г., и митрополит, архиепископ Краковский, с 1946 г. кардинал А. Сапега, весь период оккупации находившийся в стране. Они определяли политику епископата, общую атмосферу в церкви и католической среде. Иерархи исходили из того, что пребывание коммунистов у власти не продлится долго, и считали нужным «пережить», «переждать», не вступая с правительством в открытый конфликт, но сохраняя независимость от власти и привилегированное место в государстве.

Весной 1945 г. Гомулка определил отношение служителей культа к власти однозначно: «Костел в своей массе не поддерживает временное правительство. Есть только отдельные ксендзы, которые активно участвуют в работе демократической Польши. Но это отдельные случаи». Мнение лидера ППР подтвердилось летом 1945 г., когда епископат не уведомил правительство о прибытии примаса — кардинала Хлонда — в резиденцию в Познани, минуя столицу страны. Сообщение о том, что в этом городе находится папский легат, получили лишь советский комендант(!) и власти воеводства. Первые «шаги» А. Хлонда на польской земле были восприняты в Варшаве как пренебрежительное отношение к правительству. Кроме того, вызвали резкую реакцию по-

следовавшие кадровые решения главы церкви. Располагая чрезвычайными полномочиями, полученными от папы Римского, примас подтвердил временные полномочия прежних апостольских администраторов в пяти диоцезах, располагавшихся на отошедших к Польше территориях Германии. Польское правительство сочло, что церковь таким образом демонстрирует свое отношение как к «временным» и к действующей польской власти, и к новой польско-германской границе. Возникла долгосрочная «болевая точка» во взаимоотношениях польского правительства и епископата. Москва была солидарна с правительством Э. Осубка-Моравского в оценке решений примаса, видя в них проявление враждебной политики Ватикана «против существующего в Польше строя»²⁰³. За решением по пяти диоцезам на новой государственной территории Польши Варшава обоснованно усматривала согласие Ватикана на такой шаг. Это послужило поводом к разрыву польским правительством 12 сентября 1945 г. отношений с Ватиканом, причем разрыв был инициирован социалистами и левыми, представлявшими традиционно антиклерикальные движения. Польские коммунисты занимали в этом вопросе более осторожную позицию, но инициативу поддерживали. Отказ от Конкордата (договора), заключенного между правительством Польши и Святым престолом в 1925 г., позволял послевоенной светской власти не считать себя связанной данными тогда обязательствами государства перед Ватиканом и видеть Польскую римско-католическую церковь организационно независимой от папы Римского. Как говорил министр юстиции социалист Г. Свентковский, денонсация договора с Ватиканом дает «людям право выбора между религией и атеизмом», помогает расчистить и облегчить продвижение к отделению церкви от государства. Однако последствия разрыва конкордата выглядели не столь однозначными. Святой престол получал дополнительные аргументы в пользу сохранения дипломатических отношений с правительством в эмиграции. Не исчезала и перспектива назначения новых епископов в Польше без согласования с Варшавой. Это были серьезные политические потери, устранить которые Б. Берут пытался в 1945–1946 гг., безуспешно предлагая Ватикану переговоры о восстановлении отношений. Что касается позиции Москвы, то здесь по меньшей мере знали о планах правительства Польши денонсировать Конкордат. Нельзя исключить и согласования этого шага с советским руководством. Дальнейшие события подтверждали, что действия правительства не остановили стремления епископата противостоять намерениям власти ограничить влияние церкви, в первую очередь — в сфере просвещения и воспитания молодежи²⁰⁴.

Летом–осенью 1945 г. в результате расширения правительственной коалиции за счет представителей ППС-ВРН и СЛ-РОХ, возвращения примаса Польши из эмиграции в стране складывалась новая политическая ситуация. Быстрое оформление оппозиционной ПСЛ, широкая общественная поддержка, оказанная С. Миколайчику, и стремительный рост рядов этой партии зимой 1945 г. определили политическую ставку епископата на скорое, после выборов в сейм, изгнание коммунистов из правительства и переход власти к ПСЛ. На таком политическом фоне А. Хлонд 28 октября 1945 г. призвал поляков «не бояться новых общественных перемен, если будут уважаться принципы неизменной христианской морали», и предупреждал власть: «Католический народ ожидает, что новая государственность будет овееана христианской мыслью... Польша раньше, чем другие народы, найдет в своем горячем и христианском патриотизме соединение здоровой революционности времени с верой народа»²⁰⁵.

Между тем в стране вступали в действие декреты, утверждавшие атрибуты светскости государства. В конце 1945 г. были изданы законы о создании государственных управлений по делам гражданского состояния и введении в качестве приоритетных гражданских браков и разводов; преподавание религии в государственных школах становилось факультативным; чиновники и судьи приносили присягу на верность «польскому демократическому государству», не упоминая при этом Бога. Изменения, внесенные в семейное право и преподавание религии, денонсация Конкордата, с одной стороны, и ориентация иерархов на оппозиционную ПСЛ, с другой, делали неизбежными обострение отношений между властью и епископатом.

Еще с середины 1944 г. выработка политики в отношении церкви находилась в компетенции Политбюро и секретариата ЦК ППР. Исполнительными функциями наделались соответствующие структуры ПКНО, затем Временного правительства и правительства национального единства. С 1945 г. это были департаменты в Министерстве общественной администрации и Министерстве общественной безопасности и их подразделения на местах. Они должны были обеспечить достижение главной для 1945–1946 гг. политической задачи: не допустить дестабилизации в стране и изоляции партии в правительстве и обществе. Предстояло удержать епископат от перехода в открытую оппозицию, а рядовое духовенство от прямого участия в борьбе на стороне конкурентов и противников власти рабочих партий. Это была важнейшая проблема, все труднее разрешимая только политическими средствами. По некоторым сведениям в первые послевоенные годы связь с подпольем имели до 300, а под арестом находились до тысячи представителей духовенства. Наиболее активное участие служителей культа в подпольной деятельности отмечалось в Жешовском, Белостокском, Варшавском и Краковском воеводствах.

Главную роль в репрессиях против ксендзов и особенно монахов, причастных к «лесу», исполняла польская госбезопасность. Но первые аресты отдельных ксендзов, «которые активно помогают аковцам в их подпольной деятельности, скрывают нелегалов, помогают выпускать подпольные брошюры и т. д.», были произведены в ноябре 1944 г. советской контрразведкой в связи с «настоятельной необходимостью... исключить использование служителей культа... в политических целях». В 1945–1947 гг., по неполным данным МОБ, госбезопасность выявила около 100 фактов «непосредственного участия ксендзов в нелегальных организациях и террористической деятельности»; амнистией, объявленной властью в те годы, воспользовались лишь 23 из них²⁰⁶.

Между тем в церковной политике рабочих партий, наряду с разнообразной поддержкой возрождения религиозной жизни прихожан и служителей церкви, с подавлением связей духовенства с подпольем, обозначилась цель не допустить оформления политических институтов, так или иначе связанных с католической церковью. В 1945 г. была пресечена попытка легализовать правую националистическую партию — Стронництво народове (СН). В 1946 г. не стала реальностью поддерживавшаяся вначале епископатом идея восстановления довоенной христианской демократии как выразительницы интересов церкви и верующих на политической арене. Незначительная ее часть (СП) взаимодействовала с властью, отчасти контролировалась коммунистами, но не считалась важным партнером в деле налаживания сотрудничества со светскими католиками. ППР же была заинтересована в том, чтобы возрождение традиционного в Польше движения светской католической общественности происходило

под ее контролем. Уже весной 1945 г. директор издательства «Читательник» коммунист Е. Борейша, формулировавший и активно проводивший политику ППР в сфере культуры, ведущий публицист партии, выполнял миссию посредника между властью и интеллигенцией, в том числе католической. Он убеждал представителей интеллектуальной элиты сотрудничать с властью, встречался с архиепископом А. Сапегой, дважды, правда, безуспешно, беседовал с группой светских католических деятелей, придерживавшихся разных политических взглядов. В беседах участвовали представители эндеции и хадеции межвоенного времени: А. Бохеньский, С. Стомма, Е. Турович, В. Кентжиньский, А. Велепольский и др. Борейша просил их призвать участников подполья выйти «из леса». Они ставили трудные вопросы о советском присутствии в Польше, репрессиях, этатизации общественной жизни, просили о встрече с Берутом. Диалог не сулил власти столь нужные, политически быстрые успехи. Но летом 1945 г. по согласованию и при содействии советских спецслужб польские спецслужбы создали вокруг фигуры в довоенное время радикально правого политика Б. Пясецкого* подконтрольную ППР группу «прогрессивных» католиков. По мнению польского историка Е. Красуцкого, Е. Борейша «некоторое время являлся опекуном группы Пясецкого», финансово поддерживая еженедельник «Дзись и Ютро». Пясецкий, со своей стороны, считал необходимым включиться в новую политическую жизнь «как один из элементов широко понимаемого правящего лагеря», чтобы «изменить отношение [поляков] к СССР, больше руководствуясь жизненными потребностями, чем велением сердца». По его словам, «идея и реализация социальной революции в Польше принципиально сближала [католиков] с программой Временного правительства». Пясецкий принимал на себя роль «связного» между властью и епископатом, организатора обсуждения в католической среде проблемы «христианского социализма», сосуществования католицизма и коммунизма, сотрудничества «католиков с материалистами». В 1947 г. при поддержке власти появилась ежедневная газета «Слово повсехне»²⁰⁷.

- * В прошлом Б. Пясецкий был лидером «Фаланги», одной из группировок правонационалистического Национально-радикального лагеря, симпатизировал итальянским, но не германским фашистам, высказывался «за католический национализм и тоталитарное государства»; в годы войны возглавлял крайне правую антикоммунистическую организацию «Конфедерация Народа», которая имела целью уничтожение СССР и создание «славянской империи» во главе с Польшей. В ноябре 1944 г. Пясецкий был арестован советской контрразведкой, содержался в польской тюрьме в течение 8 месяцев. В конце 1944 г с ним беседовал генерал И.А. Серов. Состоялась договоренность о содействии Пясецкого укреплению позиций новой власти в Польше и о поддержке польскими коммунистами его деятельности. Так Пясецкий оказался в поле зрения лидера ППР В. Гомулки. В польской историографии нередко говорится о вербовке Пясецкого советскими и польскими спецслужбами. Некоторые польские исследователи считают, что сотрудничество Пясецкого с властью было не агентурным, а политическим, что «прокоммунистический поворот» в его судьбе объяснялся «наследием» «Фаланги». Он вытекал из «радикального отрицания демократии и выступлений за тоталитарное государство, а также из отрицания капитализма и проектов [общественного] устройства на принципах этатизма» (*Friskie A. Oaza na Kopernika. Klub inteligencji katolickiej. 1956–1989. Warszawa, 1997. S. 27–28*).

Воздействие группы Пясецкого на католическое сообщество оставалось скромным. Большим влиянием пользовались те светские католические деятели, которые группировались в основном вокруг краковского еженедельника «Тыгодник повшехны». Они призывали поляков выйти из «леса» и работать во имя восстановления страны, освоения новых территорий, руководствуясь католической верой и христианской моралью (Е. Турович, Е. Завейский, С. Стомма и др.). Но и они не оказывали серьезного влияния на отношения церкви и государства. Позиции церкви формулировались епископатом, который радел за сохранение своей роли в стране, поэтому действовал с большой осторожностью. Это отчетливо проявилось во время выборов в сейм в январе 1947 г., когда в условиях жесточайшего давления власти на ПСЛ епископат, выступая как «теневой» оппозиционер, не призвал поляков к бойкоту выборов.

Избегав срыва голосования, имея реальные успехи в борьбе с антиправительственным подпольем, власть сочла возможным переходить в наступление на позиции церкви. Появились симптомы приближения нового этапа в государственно-церковных отношениях. Среди них — принятие сеймом Малой конституции. На появление документа, где отсутствовало положение о главенствующей роли католической церкви среди прочих вероисповеданий, епископат отреагировал 14 марта 1947 г. специальным посланием правительству. Церковь настаивала на сохранении христианского облика польского государства, требовала гарантий преподавания религии в школе, независимости от государства института, живущего по собственной юрисдикции²⁰⁸.

Отвечая на послание епископата, суть которого Я. Берман определил словами «костел в Польше нагло лезет не в свои дела», правительство не продемонстрировало намерения «полностью разорвать контакт, который установился с костелом во время выборов». Но дело явно шло к обострению отношений. Закончилась неудачей попытка власти в обход польского епископата прозондировать ситуацию в Ватикане: Святой престол требовал полного восстановления своих позиций в Польше. Не дали результатов и встречи представителей епископата с министром общественной администрации, коммунистом В. Вольским. 1 октября 1947 г. вопрос «О костеле» рассматривался в Политбюро ЦК ППР. Следом, 13–15 октября состоялось общегосударственное совещание руководящих кадров госбезопасности, где министр С. Радкевич назвал клир «наиболее организованной реакционной силой, выступающей против лагеря демократии. Это наиболее могущественная сила в Польше, с которой мы еще не потягались. Перед нами стоит трудная задача...». Ю. Брыстигер, руководитель департамента, наблюдавшего за ситуацией в церкви, предложила совещанию развернутую программу действий. В ней преобладали силовые методы, включая репрессии. Предусматривались организация раскола клира, постоянная слежка за духовенством «с целью выявления тех, кто сотрудничал с подпольем..., установление их связей с эндеками, хадеками, ПСЛ и „Вицы“», «систематическая и всесторонняя агентурная разработка» церковной администрации, от епископских курий до приходов и орденов. Особое «внимание» предлагалось уделить деятельности монастырей и светских католических и церковных благотворительных организаций вплоть до их роспуска, «наблюдать и разрабатывать с помощью молодежной агентуры школьных преподавателей катехизиса», «решительно и безусловно противостоять проникновению клира и католических организаций в рабочую среду» и молодежные организации. В конце 40-х годов в реализации этой политики уже были задействованы около 2 тыс. оперативных работников министерства и 4 тыс. информаторов²⁰⁹.

Это означало принципиальную смену курса партии в конфессиональной сфере. Но опасаясь, что такая постановка вопроса может быть воспринята в низовых структурах госбезопасности как призыв к немедленным действиям, Радкевич разъяснял, что «клир — это не ПСЛ, и с ним так легко дело не пойдет», что нельзя перескочить через определенные этапы, надо постепенно производить аресты и организацию политических процессов, всесторонне исследовать материальную базу клира. Вскоре началась реализация выработанной коммунистами программы действий. В ноябре 1947 г. и в январе 1948 г. премьер-министр Ю. Циранкевич публично предупредил епископат, что правительство не потерпит вмешательства костела в политическую и общественную жизнь. Был закрыт католический еженедельник «Тыгодник Варшавский», арестованы его редакторы во главе с ксендзом З. Качиньским, заблокированы попытки светских и некоторых церковных кругов создать легальную партию, опирающуюся на христианские ценности и национальные традиции. В конце 1948 г. в тюремном заключении по политическим причинам находились от 100 до 400 священнослужителей²¹⁰.

Вместе с тем коммунисты предусматривали «мирное» направление в церковной политике. В ноябре 1947 г. Политбюро ЦК ППР поручило Я. Берману «подготовить платформу для контактов с представителями епископата и делегировать «для предварительных переговоров» В. Вольского. Но этот замысел тогда не получил развития. Польское правительство прекратило попытки восстановить отношения с Ватиканом, отменило некоторые финансовые льготы для церкви, приняло ряд мер к ограничению ее воздействия на верующих.

1 марта 1948 г. папа Римский выступил с Обращением к немецким епископам, где призывал мировое сообщество «прийти на помощь стране в деле ее восстановления», «простить и забыть» военные преступления Германии, которая становится важным элементом формирующегося западного блока. В польском обществе такие призывы ассоциировались с покушением на западные границы и не могли быть приняты. Клерикальное СП констатировало, что «польские католики... в политических вопросах... будут руководствоваться государственными делами, которые представляет польское правительство»²¹¹.

Руководство страны воспользовалось ситуацией, созданной Обращением папы Римского. Развернулась массовая пропагандистская кампания, прошли митинги и демонстрации в поддержку западных границ, папу обвиняли в том, что «он всегда отдавал предпочтение немцам в ущерб полякам». Прозвучал вопрос епископату «С кем идете? С нацией или с папой?». Иерархи, вынужденные маневрировать, ответили, что церковь не против папы, но за западные границы. Откликаясь на призыв президента Б. Берута высказаться «по вопросу о неразрывном единстве возвращенных земель с Матерью-Родиной», примас А. Хлонд 24 мая 1948 г. четко определил позицию церкви: «Не имеют основания утверждения, что Костел поддерживает ревизию границ Польского государства». Одновременно кардинал сделал созвучные массовым общественным «вкусам» политические замечания в адрес ППР и советской стороны: «Костел хотел бы, чтобы мирные договоры не уменьшали бы [территории] Польши, чтобы были предусмотрены ее права на независимое существование, чтобы обеспечивали ей безопасность, а за нанесенный вред справедливую компенсацию»²¹².

Тем не менее диссонанс в позициях по вопросу о западной границе польского епископата и светских католиков, с одной стороны, и Ватикана, с другой, имел место.

Попытка кардинала Сапеги его устранить, получив в Ватикане заявление о признании границы по Одре и Нысе, закончилась неудачей. Пий XII отказал, объясняя, что международные решения не входят в его компетенцию, но вскоре поддержал польский епископат, отменив по его просьбе законоположение 1926 г. о подчинении армейских и флотских капелланов директивам военного командования. Такое решение вызвало резкую реакцию ППР. «Чтобы заставить Епископат отказаться от его агрессивности», говорил Я. Берман 5 июня в советском посольстве, правительство намерено «нанести костелу несколько чувствительных ударов». Речь шла о принятых направлениях наступления на церковь: школьном и финансовом. Ставился вопрос и о церковной собственности, прежде всего земельной. Командованию Войска Польского было предписано не признавать новые кандидатуры капелланов. Последовал запрет властью традиционных посещений Рима для всех, за отдельными исключениями, польских иерархов²¹³. В такой ситуации на фоне заметного ужесточения политики государства в отношении церкви произошла смена руководства в самой церкви.

В конце октября 1948 г. умер А. Хлонд и в начале января 1949 г. на пост прима-са Ватиканом был возведен молодой епископ Люблинский Стефан Вышиньский. Хронологически его назначение главой церкви почти совпало с завершением процесса продвижения коммунистов к монополющей власти, с появлением новой политической силы — ПОРП и объявлением в декабре 1948 г. программы построения социализма в Польше. Новый курс в церковной политике был принят к исполнению в 1949 г. как часть этой программы. Преобразование страны по советской модели было невозможно без жесткого контроля партии за духовной сферой общества. Речь шла о превращении Польши, при сохранении свободы совести и убеждений, в светское государство путем отделения церкви от государства, утверждении светского принципа образования и светского характера общественных организаций. В Декларации, принятой на объединительном съезде, подчеркивалось: партия будет «решительным образом пресекать... все тенденции, направленные на использование религиозных чувств верующих..., на подчинение влиянию клира политической и общественной жизни страны». Решения съезда свидетельствовали, что ПОРП намерена добиваться контроля государства за церковью и принуждать епископат признать ее верховную власть. С этого времени, как правомерно считает польский историк Я. Жарын, действия власти были направлены на лишение церкви той общественно-политической роли выразителя национально-государственных и нравственных ценностей, которую она играла во II Республике и за сохранение которой теперь вступил в борьбу католический епископат²¹⁴.

Раскол мира на два военно-политических блока, гонка вооружений, нарастание военной истерии, с одной стороны, и утверждение атеизма в качестве официального государственного мировоззрения, с другой, были теми объективными внешне- и внутривнутриполитическими обстоятельствами, которые создавали угрозу сохранению традиционно сильных позиций католической церкви в духовной сфере и сознании поляков. Неизбежные противоречия в государственно-церковных отношениях должны были принять форму противостояния двух тоталитарных систем — католической и коммунистической. Еще в 1947 г. папа Пий XII, ранее официально декларировавший нейтралитет церкви, выступил с антикоммунистическим политическим заявлением: «Церковь не может открыто заключить компромисс с объявленным врагом Бога, [она]

будет руководить людьми и народами и направлять их... на соблюдение своих обязанностей по отношению к Богу»²¹⁵.

В отличие от А. Хлонда С. Вышинский определял власть ПОРП как долговременную, поэтому считал необходимым «подобрать соответствующие средства для спасения костела». Он рекомендовал духовенству и верующим «проявлять большую сдержанность в открытом сопротивлении политике государства». «Атакующей» стороной в отношении церкви, как и в других странах советского блока, выступали коммунисты. Так, в протокольной записи вещания лондонского радио от 27 марта 1949 г. указывалось, что «...из Венгрии, Чехословакии и Польши непрерывно поступают сообщения, свидетельствующие о планомерной борьбе против церкви. ... Сообщается о тайной конференции, недавно состоявшейся близ Варшавы, ... [где] обсуждался вопрос о тактике борьбы [власти] против христианства и прежде всего против католической церкви. Было решено вначале избегать всего, что могло бы свидетельствовать о наступлении на религию. Но в то же время было решено предпринимать все, чтобы расколоть католиков и настраивать верующих против священников, а священников — против епископов... Из Польши также поступают сообщения, которые дают основания опасаться открытого конфликта между церковью и государством..., [что] рассматривается как непосредственный результат конференции, состоявшейся вблизи Варшавы». ПОРП располагала поддержкой части общества, политической властью и государственным аппаратом, что позволяло оказывать давление на церковь различными способами, включая принуждение силой. Как информировал Москву в начале 1949 г. посол В.З. Лебедев, отношения между костелом и польским правительством, действительно, обострились²¹⁶.

В январе 1949 г. при Политбюро ЦК ПОРП была создана специальная межведомственная комиссия во главе с членом Политбюро А. Завадским, которая выработала программу конкретных мер по вытеснению церкви из системы образования и воспитания. Отдельные члены «узкого» руководства ПОРП вновь выдвигали в качестве противовеса влиянию церкви идею создания на базе СП достаточно массовой организации, способной оказывать помимо епископата влияние на католические круги и побороться за отрыв католиков от ориентации на папу Римского как на верховную власть. Но единодушной поддержки руководства ПОРП и лидера СП Ф. Виды-Вирского она не обрела. Было признано, что такая партия будет «прибрана к рукам реакционными элементами» и с «первых шагов превратится в орудие польской реакции». Исходя из этих соображений идея была заблокирована, но в Москве интерес к церковной политике ПОРП заметно повысился. Здесь опасались появления в Польше более сильного врага, чем Миколайчик. К борьбе с влиянием церкви активно подключались органы госбезопасности. В феврале 1949 г. последовало развернутое решение секретариата ЦК ПОРП о работе Министерства общественной безопасности. Ведомству вменялась «разработка» католического клира, признанного врагом демократического строя, применение системы разнообразных мер, от средств принуждения до изоляции наиболее активных священнослужителей. По сведениям на ноябрь 1949 г., был арестован и находился в тюрьме 81 ксендз, а за 91, включая нескольких епископов, велось постоянное наблюдение²¹⁷.

На изменение положения церкви в Польше Ватикан отреагировал уже в январе 1949 г. Формируя общий курс в отношении католических стран Восточной Европы,

Святой престол порекомендовал С. Вышиньскому начать переговоры с польским правительством. В феврале 1949 г. кардинал Сапега, стремясь хотя бы приостановить наступление на позиции церкви, сделал такое предложение президенту Беруту. Правительственная сторона тогда не была заинтересована в официальных переговорах с епископатом, считала момент невыгодным и затягивала с ответом. Предпочтение было отдано фронтальному подавлению влияния церкви. В беседе 25 марта 1949 г. с советским послом Лебедевым Берман утверждал: «Главное, чего мы достигли, это перешли в наступление и притом открыто. Сейчас мы будем активно поддерживать эту линию..., а затем перейдем к другим мероприятиям (административного, финансового и другого порядка), ограничивающим чересчур распоясавшихся деятелей костела». Ряд конкретных решений был принят 25 апреля 1949 г. на заседании секретариата ЦК ПОРП. Комиссии Завадского предлагалось в течение недели собрать информацию об уплате налогов духовенством и о его собственности, подготовиться к конфискации больниц при монастырях и ликвидации Всепольской благотворительной организации «Каритас», находившейся в ведении церкви. Вскоре в ЦК ВКП(б) поступила информация о мерах, которые были запланированы польским руководством против «реакционного духовенства»: постепенное изъятие в пользу государства сети католических школ, детских домов, отторжение земельной собственности и радикальный подрыв экономической базы церкви. 5 июля 1949 г. распоряжением министра финансов вводилось налогообложение духовных лиц. В начале мая премьер-министр Ю. Циранкевич на заседании оргбюро ЦК ПОРП внес еще один акцент в церковную политику партии. Речь шла о «мобилизации широчайших слоев народа на борьбу против антинациональной, антинародной политики католической церкви в Польше, на борьбу за отрыв трудящихся от реакционного духовенства, выполняющего приказы Ватикана». В июне 1949 г. Радкевич на совещании в МОБ развил соображения премьер-министра и назвал основные методы решения «проблемы костела»: разоблачать «реакционную работу» клира, связанного с антиправительственным подпольем, и, главное, вести дело к расколу монолитности духовенства²¹⁸.

На ограничение позиций церкви в Польше, как и в других странах Европы, и в особенности на попытки коммунистов создать проправительственные организации среди духовенства и светских католиков Ватикан отреагировал немедленно. 1 июля 1949 г. появился утвержденный папой Декрет об угрозе отлучения от церкви католиков — членов компартий и их добровольных и сознательных сторонников. Его издание ставило национальные епископаты и рядовых католиков в ситуацию неизбежного конфликта с властью. Для польского епископата это означало конфликт не только с властью, но и с той достаточно существенной частью прихожан, которая нашла свое место в новой реальности и вряд ли была готова с ним расстаться. ПОРП на рубеже 1948–1949 г. насчитывала более 1 млн членов, и среди них было немало верующих католиков. Они составляли массовую базу непрерывно расширявшегося госаппарата, служили в армии, милиции, внутренних войсках, органах безопасности, были членами новых профсоюзов, получили новый трудовой и социальный статус. Таким образом, не один миллион поляков был поставлен главой церкви перед моральным и политическим выбором. Вскоре в Ватикане возникли сомнения в продуктивности Декрета применительно к восточноевропейским католикам, осенью последовало его разъяснение: положения Декрета могли применяться к тем католикам, кто были активными пар-

тийными функционерами и «только в том случае, если человек высказывает полное согласие с марксизмом»²¹⁹.

Польское руководство ответило Ватикану готовностью принять вызов и перейти в наступление. В конце июля на очередном заседании актива МОБ обсуждались задачи ведомства «на новом этапе борьбы с клиром». Имелось в виду развертывание агентурной работы среди духовенства, слежка, сбор компромата на духовных лиц, «разработка» военных капелланов. Задача создания агентурной сети в церковной среде была трудной. Тем не менее весной 1950 г. власть располагала 65 агентами из более чем 30 тыс. служителей церкви, не считая информаторов и агентуры в околоцерковных кругах. В дальнейшем численность агентуры возрастала, но достигнуть желаемых результатов все же не удавалось. На заседании Политбюро ЦК ПОРП 23 июля был утвержден план последовательного достижения двух целей: создать среди католического духовенства «инициативную группу» сторонников правительства и добиться от всех ксендзов подписания специальной декларации о лояльности в отношениях с властью. Такие меры, как считалось, должны были привести к дезинтеграции костела и возможному расколу духовенства. Намеченная тактика действий получила поддержку в Москве. Во время встреч Б. Берута и Г. Минца с высшим советским руководством в начале августа 1949 г. Сталин напутствовал польских товарищей: «...не сделаете ничего, пока не добьетесь раскола на две отдельные и противостоящие друг другу группы... массовая пропаганда обязательна, но одна пропаганда не сделает того, что нужно... Без раскола среди клира ничего не выйдет... уголовное право нужно, но не оно решает...»²²⁰.

Упомянув пропаганду, Сталин имел в виду мощную политическую кампанию в Польше против духовенства, провокативным поводом для которой стало «люблинское чудо». 3 июля в кафедральном соборе г. Люблина была обнаружена плачущая икона Божьей Матери. 4 июля духовенство не признало факт «чуда» и 10 июля уведомило об этом верующих. Но слухи о «чуде» вызвали массовое паломничество в Люблин, произошли давка у собора, гибель и увечья людей. Милиция арестовала «зачинщиков», власти организовали выступления своих сторонников против «чуда»²²¹.

Реагируя на человеческую трагедию, разыгравшуюся перед собором, польское правительство в заявлении 26 июля 1949 г. расценило Декрет Ватикана об отлучении как вмешательство во внутренние дела Польши и попытку противопоставить верующих граждан власти и государству. Епископату не разрешалось распространять текст Декрета на территории страны и исполнять его. В результате в течение лета 1949 г., по мнению правительства, создавалась ситуация, когда церковь была вынуждена обороняться, правительство скорректировало свою позицию, приняв предложение Вышиньского начать переговоры на уровне Смешанной комиссии. Такая комиссия была создана в конце июля 1949 г. Правительственную сторону в ней представляли член Политбюро ЦК ПОРП Ф. Мазур, министр В. Вольский и вице-министр обороны Э. Охаб. Церковь делегировала на переговоры генерального секретаря епископской курии генерального капитульного викария Варшавского архидиоцеза З. Хороманского, епископа Лодзинского, члена Главного совета епископата М. Клепача и епископа Плоцкого Т.Р. Закжевского. Трудные переговоры начались 5 августа 1949 г. Правительство усложнило ситуацию для епископата: в тот же день, 5 августа, был принят закон о защите свободы совести и вероисповедания, откровенно направленный против упомянутого Декрета Ватикана. Он предусматривал суровые тюремные наказания за посягатель-

ства на эту свободу. 11 августа у церкви были изъяты метрические книги, фиксировавшие рождение, вступление в брак и смерть прихожан, что ограничило ее юридические права. 18 августа последовало новое законодательное решение: усиливался контроль администрации и органов безопасности за религиозными шествиями и собраниями, в том числе в костелах. В этот период началось постепенное вытеснение религиозных обрядов из армии. Правительственная сторона добивалась поддержки епископатом ее внутренней и внешней политики в обмен на обещания смягчить церковную политику. Переговоры затягивались²²².

Тем временем весной–летом 1949 г. велась и осенью завершилась работа по созданию проправительственной группировки в среде рядового католического духовенства. Группа из 45 «ксендзов-патриотов» зарегистрировалась при организации военных ветеранов — Союзе борцов за свободу и демократию. В группу входили капелланы Войска Польского и рядовые священники, по разным причинам, в том числе под давлением органов госбезопасности, примкнувшие к церковной «оппозиции» епископату. Епископат справедливо увидел назначение этой группы быть орудием в руках властей для раскола церкви и ускорения процесса лишения ее независимости от государства. Численность группы «ксендзов-патриотов» и их сторонников в начале 1950 г. не превышала 1000–1200 человек, или около 10% приходского духовенства, из них активных было 250–300 человек. Расширить свои ряды и влияние в церкви она не смогла²²³.

Во второй половине 1949 г. правительству удалось существенно ограничить позиции церкви в армии, закрыть начальные католические школы, детские сады и клубы, вынести религиозные символы из государственных учебных заведений, национализировать больницы при костелах, монастырях и церковных благотворительных организациях, а также церковные типографии и издательства, ограничить цензурой католическую печать, закрыть прием студентов в Католический университет в Люблине, удалить священников из тюрем. Под контроль государства переводились доходы храмов и духовенства, отменялись налоговые льготы церкви, вводилась обязательная регистрация монастырей, уставы которых подлежали контролю власти. Не обошлось без устрашающих и репрессивных действий. По данным советского посольства, с начала 1949 г. и до весны 1950 г. прошло свыше десятка судебных процессов, где в качестве обвиняемых фигурировали духовные лица²²⁴.

В таких условиях переговоры Смешанной комиссии продвигались с трудом. Правительство, которое добивалось того, чтобы, по словам А. Завадского, «за пределами костела везде было государство», предлагало проект соглашения с епископатом, содержащий политические требования: признание церковью государственного порядка в стране, новой границы на Западе, невмешательство папы Римского в польские дела, разрыв духовенства с подпольем, а также признание того, что «коллективизация не противоречит католической религии». Со своей стороны правительство обязывалось не изменять сложившегося положения с изучением религии в школе, а также уступало по ряду иных вопросов.

Епископат проявил готовность признать «действительность современной Польши» и новую власть в стране основой договоренности с государством, но пункт о коллективизации оставался для церкви неприемлемым. В декабре 1949 г. переговоры прервались. Тем не менее, советский посол В.З. Лебедев констатировал, что «итоги борьбы [власти] с костелом в 1949 г. были вполне положительные»²²⁵.

В начале 1950 г. правительство продемонстрировало решимость принудить епископат к отступлению и заставить пойти на соглашение на условиях государства. В январе, по причине обнаруженных финансовых нарушений, было введено принудительное управление в самой массовой, охватывавшей своей деятельностью всю страну, благотворительной организации «Каритас», которую возглавлял кардинал Сапега. Это сопровождалось штрафами и арестами нескольких сотен светских и духовных сотрудников организации. Управление столь авторитетной среди поляков организацией передавалось в руки «ксендзов-патриотов» и католиков, выступавших за взаимодействие с властью. Но на деле «смена караула» в «Каритасе» шла медленно, и к осени 1950 г. в новую организацию не перешли 525 из 1400 учреждений. Почти одновременно был созван съезд, положивший начало движению «ксендзов-патриотов», что должно было продемонстрировать разногласия среди рядового духовенства.

Но переломить ситуацию в церкви власти все же не удавалось. Епископат протестовал и против изъятия «Каритас», и против усилий расколоть единство священнослужителей. Общие итоги противостояния выглядели половинчатыми, что побуждало стороны к возобновлению переговоров. Они протекали в условиях сложных, прежде всего для епископата, который должен был выбирать между заключением компромиссного соглашения с властью и риском оказаться перед волной новых репрессий. Тем не менее компромисс состоялся. 4 апреля 1950 г. на встрече представителей епископата и правительства был согласован окончательный текст документа, который был подписан 14 апреля и опубликован 16 апреля. Епископат признавал власть, обязывался бороться с «преступной деятельностью подпольных банд», подтверждал признание польской принадлежности новых земель, обещал обратиться в Ватикан с просьбой установить здесь постоянную церковную администрацию. Существенными для правительства были две уступки епископата: «не противостоять созданию кооперативов в деревне» и признавать власть папы только в вопросах веры, морали и церковной юрисдикции. Епископат обязывался за внутрицерковными пределами руководствоваться «польскими интересами», соглашался с фактической потерей «Каритас», изъятием части его земельной собственности и с созданием государственного Костельного фонда, который будет «предоставлять соответствующие суммы» в распоряжение глав диоцезов. Этот фонд находился в ведении новой правительственной структуры — Управления по делам вероисповеданий, которое возглавил коммунист с довоенным стажем А. Бида, работавший в тесном контакте с ЦК ПОРП и госбезопасностью. Уступая правительству по принципиальным политическим и экономическим вопросам, епископат рассчитывал установить некие границы вмешательства государства в дела церкви и получить инструмент защиты от дальнейших посягательств на сферу образования и воспитания молодежи. Государство давало обязательства не нарушать сложившейся ситуации с преподаванием религии в школе, сохранить католические школы и университет. Подписанное Соглашение отражало временный компромисс, но с некоторым политическим перевесом в пользу правительства. 15 мая 1950 г. Берут писал Сталину: «На базе этого, полезного для нас компромисса, мы будем разворачивать дальнейшее наступление с целью ограничения влияния католической церкви в стране»²²⁶.

Следует отметить, что польский епископат подписал Соглашение без предварительного согласия на то Святого престола, который оказывался выведенным за пределы отношений церкви и государства в Польше. Он встретил это событие официальным

молчанием. На самом деле его отношение к происшедшему было отрицательным, что выразилось в секретном письме госсекретаря Ватикана Д. Тардини к примасу Польши. Критиковались положения документа, касающиеся определения полномочий папы Римского и производственной кооперации в деревне. Ватикан учел позицию епископата и, не одобряя его действия, тем не менее, не предпринял шагов для разрушения договоренностей, достигнутых в Варшаве²²⁷.

После заключения Соглашения установилось кратковременное и относительное затишье в отношениях государства и церкви в сфере образования, часть арестованных ксендзов была освобождена. Но в правительстве не считали политику давления на церковь законченной, поскольку не удалось добиться важной уступки, а именно согласия епископата на участие власти в утверждении кандидатур вновь назначаемых епископов. Не удавалось сразу привлечь церковь к Движению сторонников мира и к кампании по подписанию Стокгольмского воззвания в защиту мира вместе с правительством. В стране, испытывавшей ужасы гитлеровской оккупации, миллионы поляков подписывали воззвание. Это ставило епископат, где отдавали себе отчет в политическом, просоветском и прокоммунистическом характере пропагандистского по сути мероприятия, в трудную ситуацию. При определении позиции церкви в данном случае над христианской моралью превалировала политическая мотивация: подписать воззвание означало взаимодействовать с властью, от чего епископат последовательно уклонялся. Вокруг Стокгольмского воззвания между правительством и руководством церкви разгорелась резкая полемика. Несмотря на разные способы давления власти на епископат, его пленарная конференция решила не принимать участия в кампании по сбору подписей и не публиковать информацию, отражающую отношение епископата к воззванию. Тем не менее епископат все же отступил от твердой позиции неучастия в политических делах государства. 22 июня 1950 г. церковь адресовала верующим документ под названием «Заявление епископата по вопросу мирного урегулирования отношений между народами», где говорилось: «Епископат правильно оценивает эту мирную акцию и поддерживает усилия в этом направлении». В конце июня — начале июля 1950 г. Стокгольмское воззвание подписали все епископы, от 50 до 73–75% духовенства и 50% монашествующих. Около 500 ксендзов, отказавшихся подписать воззвание, были отстранены властью от участия в воспитании молодежи²²⁸.

Таким образом, власть, принудив епископат принять участие в политической акции на общем с правительством «поле», выиграла важный раунд борьбы за включение римско-католической церкви в новую реальность. Был получен дополнительный аргумент для воздействия на миллионы поляков-католиков. Вскоре последовал еще один успех коммунистов. Летом 1950 г. был подписан договор с правительством ГДР о признании границы по линии Одра–Ныса Лужицкая. В начале 1951 г. заканчивалась совместная работа двух стран по ее демаркации, что позволяло польской власти более решительно подойти к вопросу об установлении постоянной церковной администрации на новых землях. Подписывая Соглашение в 1950 г., епископат взял на себя такое обязательство, но медлил с его исполнением. Власть воспользовалась ситуацией, и правительство по указанию ЦК ПОРП 26 января 1951 г. организовало выборы постоянных капитульных викариев диоцезов в Гданьске, Ольштыне, Гожуве, Ополе и Вроцлаве. Отказы временных администраторов от своих постов были получены давлением власти и угрозами их «репатриации в СССР». Новые руководители избирались

на следующий день из числа «ксендзов-патриотов». Приходские ксендзы тоже приобрели статус постоянных управляющих парафиями. Одновременно власть снизила налоговое бремя на духовенство этих территорий²²⁹.

Кардинал Вышиньский, «как патриот и представитель папы Римского в Польше», руководствуясь интересом государства (западная граница) и сохранения единства духовенства, «обойдя» Ватикан, официально признал решение правительства о выборах церковной администрации на Западных землях. Он был поддержан епископатом, который 18 февраля 1951 г. уведомил «преподобное духовенство и верующих о предоставлении канонической юрисдикции» викариям, избранным капитульными Советами. Примас согласился и с принесением новыми викариями светской по форме и политической по сути присяги на «верность Польской Республике и ее народно-демократической власти», что произошло 9 февраля 1951 г. Викарии обещали не выступать против «существующего порядка и целостности границ Польши». Но последнее слово оставалось за Ватиканом. 3 февраля 1951 г. примас встретился с Берутом. Вышиньский намеревался (как утверждал Бида) предотвратить начало нового большого наступления на церковь. В польском руководстве сочли, что в интересах власти получить согласие Святого престола на совершенные перемены, и с этой целью представили кардиналу возможность поездки в Ватикан, чего он был лишен около трех лет. Взамен Вышиньский обещал «осудить деятельность подполья». Последнее было важно для власти, которую крайне беспокоили сохранявшиеся симпатии и память о подполье в сознании немалой части населения. Кроме того, осуждающая позиция примаса в адрес подполья могла использоваться властью для обоснования серии арестов представителей духовенства и тех расследований, где подследственными были ксендзы, монахи и светские католики. Так, 16–21 января в Кракове шел суд над «бандитами», два ксендза были осуждены на пожизненное заключение. 20 января 1951 г. был арестован «за коллаборационизм в годы войны», «шпионаж в пользу США и Ватикана» епископ Келецкий Ч. Качмарек²³⁰.

Таким образом, вмешательство правительства в кадровую политику епископата превращалось в реальность, что свидетельствовало о начале качественных перемен в модели отношений государства с руководством римско-католической церкви. В таких условиях епископат искал пути ее выживания как института. Он рекомендовал духовенству занимать такую позицию, которая не давала бы поводов для очередных нападков власти, быть «далеко от всех антигосударственных происков... сторониться подпольных организаций вне зависимости от того, каким целям они служат». Вместе с тем 5 марта 1951 г. З. Хороманьский убеждал члена Политбюро ЦК ПОРП Ф. Мазура в том, что дальнейшее отступление церкви невозможно без «потери лица», и тогда «епископат должен будет сказать и скажет *non possumus** — и дальше этого не пойдет». В ответ прозвучали твердые слова Мазура: «Мы будем устранять приходских священников, которые не хотят работать лояльно. Вы будете говорить, что творится насилие. Мы не отступим. Нам надо помочь, а не мешать. Мы не хотим схизмы, но пойдем на это. Интересы Польши этого требуют. Нужно крепко обо всем подумать. Не сумеет один епископ это сделать — сделают другие. Не суйте пальцы под нож. Разве

* *Non possumus!* — Не можем! Так ответили апостолы Петр и Павел на требование прекратить проповедь учения Христа.

примас этого не понимает? ... Примас едет в Рим. Но никакое половинчатое решение нас не устроит. Польский епископат должен больше слушать свою совесть, а не монсеньера Тардини». 2 апреля Вышинский выехал в Рим и был дважды принят папой Римским. По возвращении в Варшаву примас 7 мая уведомил епископов об одобрении Ватиканом Соглашения с правительством и назначения 5 ординариев, то есть постоянных епископов. Такая информация была неточной. На Западных землях, строго говоря, Ватикан сохранял ситуацию «временности» как с точки зрения церковного управления, так и признания этих территорий польскими*. Вместе с тем Ватикан считал нужным несколько сгладить предсказуемую реакцию правительства Польши на итоги визита примаса в Рим. Спутнику примаса кардиналу М. Клепачу было поручено известить польское правительство «о стремлении Ватикана к соглашению не только с правительством Польши, но и с правительствами других стран народной демократии, а также с правительством Советского Союза». С этой целью, сообщил Клепач, «папа мог бы послать своего уполномоченного в Варшаву для переговоров по этому вопросу, в первую очередь с польским правительством». Информация Клепача была доведена до сведения Берута и советского руководства. В итоге переписки между Варшавой и Москвой летом 1951 г. и по рекомендации Сталина правительство Польши известило Вышинского о согласии принять миссию Ватикана. Документов, отражающих продолжение этого «сюжета», пока не обнаружено, но по косвенным данным можно предположить, что идея не получила развития в Риме²³¹.

Летом и особенно осенью 1951 г. активизировалось наступление на позиции церкви в учебных заведениях: из ведения церкви изымались детские благотворительные учреждения, сокращалось число общеобразовательных школ, где преподавался закон божий. Попытки Пия XII и польского епископата вмешаться и остановить в Польше борьбу «не только с Костелом как таковым, но и с всякими проявлениями религиозной жизни и устремлений человека», были безуспешными. Правительство развивало наступление на позиции церкви в государственных структурах и активизировало поляризацию внутри католического сообщества. С ноября 1950 г. при Общепольском комитете сторонников мира начала работу Комиссия интеллектуалов и католических деятелей, где принимали участие известные ученые, священники и светские католики: декан теологического факультета Варшавского университета профессор Я. Чуй; ректор Ягеллонского университета в Кракове профессор Т. Лер-Славиньский; ксендз, известный толкователь Библии Е. Домбровский; единомышленники Б. Пясецкого А. Мицевский, Д. Городынський и др. Их усилиями, а также усилиями «ксендзов-патриотов» удалось собрать в декабре 1951 г. во Вроцлаве конференцию, в которой участвовали 1550 ксендзов и 150 светских католиков. Они отстаивали права Польши на Западные земли и требовали от епископата окончательного решения вопроса о церковной администрации на этих территориях. После этой конференции несколько «оживились» «ксендзы-патриоты», представлявшие настроения скромного меньшинства духовенства. Вместе с частью католической светской интеллигенцией и оформившимся в начале 1952 г. «объединением ПАКС (мир)», а также с руководством крайне

* Послевоенная польско-германская граница была признана ФРГ в 1970 г. Ватикан признал постоянным церковное устройство на Западных землях и назначил ординарных епископов в июне 1972 г.

слабого и непопулярного в польском обществе, к тому же не признававшего приоритет власти папы Римского Польского национального католического костела, они демонстрировали появление некой фронды в католическом сообществе. Несмотря на свою немногочисленность, эта фронда воспринималась правительством как инструмент давления на епископат. Но решительное большинство католического духовенства не имело разногласий с епископатом и стремилось не вступать в политический контакт с властями²³².

Позиция римско-католической церкви, по словам Б. Берута, создавала для правительства «большие затруднения». На рубеже 1951–1952 гг. произошло новое обострение отношений в связи с публикацией 27 января выработанного партийно-государственной Комиссией проекта нового Основного закона страны. В нем предусматривались принципиальные перемены в положении конфессий. Права всех вероисповедных институтов на территории Польши уравнивались, вводился принцип отделения церкви от государства. Власть наносила удар по утвердившимся веками принципам существования этой церкви: подчинение Ватикану, полная автономия от государства и примат церковных законов над общественным порядком. Это подрывало традиционно особое положение римско-католической церкви и ее глубокое проникновение в государственные структуры.

11 февраля 1952 г. последовала реакция епископата. Духовенству и президенту Беруту были направлены конституционные постулаты церкви за подписью Вышиньского и епископов — членов Смешанной комиссии. С точки зрения религиозных сюжетов, содержащихся в проекте Конституции, этот документ определялся резко отрицательно. Как разрыв с вековой традицией польского народа расценивалось нарушение положения «господствующей национальной религии», решительно отвергался тезис отделения церкви от государства, высказывалось предположение, что за «отделением может скрываться намерение бороться с костелом, как это бывало в других государствах...»²³³. Намек на СССР, Югославию и Венгрию был очевиден. Вместе с тем в послании епископата содержалось и понимание того, что с принципом отделения придется смириться. Этим объяснялось требование конституционно закрепить положение римско-католической церкви на данный момент. Иными словами, епископат требовал сохранения автономного существования церкви «на соответствующем этапе социально-экономической перестройки и послевоенного восстановления», что отражало его политику выжидания, «выигрыша времени», ухода от жесткого столкновения с властью, которой, по мнению церкви, был отпущен исторически краткий период существования.

Реагируя на послание епископата, польское правительство в апреле 1952 г. сделало еще один, весьма существенный шаг на пути вмешательства в кадровую политику церкви. С. Вышиньский был поставлен в известность об изменении механизма назначения на вакантные посты епископов: «впредь все назначения церковной администрации будут происходить без согласования с Ватиканом». Правительство вводило новую норму. Оно выбирало из представленных епископатом кандидатур одну и тем лишало Ватикан возможности влиять на кадровую ситуацию в Польской римско-католической церкви и стране²³⁴.

Кроме того, на заседании секретариата ЦК ПОРП 20 мая 1952 г. был принят ряд конкретных решений, направленных на ограничение влияния монашеских орденов,

монастырских семинарий и печати. Для исполнения этих решений в воеводских радах народных и комитетах ПОРП назначались специальные лица для контактов с епископами отдельных диоцезов. Было принято решение прекратить контакты Вышинского с Берутом, понизив их до уровня члена Политбюро и секретаря ЦК ПОРП Мазура, а также ограничить поездки примаса в Рим. «Впредь все пастырские послания, носящие политический характер», до их рассылки в диоцезы подлежали согласованию с Управлением по делам вероисповеданий²³⁵. Такие меры были прямо направлены против автономии церкви, ее независимости от государства и меняли принципы государственно-церковных отношений, что и было закреплено в июле 1952 г. новой Конституцией. Для католической Польши, которая теперь стала называться Польской Народной Республикой (ПНР), знаком утверждения новой модели государственно-церковных отношений была статья, закреплявшая отделение церкви от государства при свободе отправления религиозных обрядов.

Между тем римско-католическая церковь оставалась большой и влиятельной силой в польском обществе. Она располагала 25 диоцезами, 9775 костелами, 2491 монастырем, около 40 монашескими орденами, которые подчинялись только Ватикану. Ее представляли епископат, 10 тыс. приходских священников, более 30 тыс. монахов и монахинь. Церковь имела до 50 печатных изданий общим одноразовым тиражом свыше 600 тыс. экз.²³⁶

Наиболее опасными для власти считались члены монашеских орденов. Монастыри, по словам Мазура, являются «местами встреч членов подпольных организаций, банд и шпионов и служат складами оружия». Поэтому предполагалось распустить несколько орденов, в частности иезуитов, бонифратров, бернардинов, альбертинов, паладинов. Еще весной 1952 г. госбезопасность арестовала ряд членов ордена паладинов и интернировала настоятеля ордена. Была задумана и реализована акция выселения монахинь с Западных земель в центральные воеводства и назначения настоятелями монастырей лиц, пользующихся доверием власти. Кроме того, в церковной политике делался упор на активное свертывание системы католического образования и подготовки священнослужителей, прекращение деятельности около половины духовных семинарий при мужских монашеских орденах, ликвидацию нескольких кафедр и увольнения профессуры Католического университета. Усиливалось давление на католическую печать. Средством устрашения являлись аресты священников. Итогом жесткой и многообразной по формам политики против католического духовенства стало сокращение его численности. За 1945–1953 гг. количество священников в диоцезах уменьшилось на 2247 человек, из которых погибли или умерли — 597, были сосланы или изгнаны — 1250, арестованы — 700. Вопреки настроениям верующих власти продолжали наступление на основном для них направлении борьбы с влиянием церкви. Таковым оставалась общеобразовательная и профессиональная школа, откуда за 1950–1951 гг. был уволен почти каждый третий преподаватель религии. Как утверждал Вышинский в ноябре 1952 г., из 35 тыс. школ в Польше преподавание религии сохранилось в 20 тысячах, главным образом в центральных, восточных и южных воеводствах²³⁷.

Столь радикальные меры вызывали протесты как духовенства, так и паствы. В 1952 г. во время крупнейшего католического праздника Ченстоховской Божьей Матери (15 августа — 15 сентября) молебны собирали сотни тысяч верующих, отражая сохранявшийся высокий уровень религиозности поляков и во многом тщетность атеистической про-

паганды власти. Выступления в Ченстохове примаса, епископов и ксендзов были весьма резкими. Они содержали как политические заявления («государство, в котором много людей сидит в тюрьмах, негодно для управления вследствие того, что оно управляет без Бога»), так и прямые выпады против власти («Не удержит нас никакая сила, не помешает никакая агитация. Пусть придут и увидят, что победа на нашей стороне»)²³⁸.

Реагируя на уведомление ЦК ПОРП Вышиньским о том, что епископат призовет верующих принять участие в предстоявших выборах депутатов сейма и с его стороны не последует отрицательных высказываний на этот счет, правительство временно несколько ослабило жесткий курс борьбы за светский характер школы в Польше. Но оно вовсе не отказалось от своих намерений свернуть преподавание религии в школе, закрыть богословские факультеты в университетах Варшавы и Кракова, упразднить ряд диоцезов в стране, резко сократить число духовных семинарий. Пытаясь противостоять этим намерениям, церковь призвала на помощь родителей школьников. Разразился громкий скандал в Силезии, где требование восстановить уроки религии в школе подписали более 70 тыс. человек. Правительство ответило репрессиями. Епископы Катовицкого диоцеза С. Адамский, Ю. Бенек, Г. Беднож были интернированы за пределами епископства²³⁹. Катовицким епископом под давлением органов госбезопасности был избран видный деятель движения «ксендзов-патриотов» в Силезии Ф. Беднож. Из опасения дальнейших репрессий примас, которого Пий XII возвел в сан кардинала, признал состоявшиеся перемены в диоцезе. Епископат явно стремился предотвратить агрессивное со стороны власти развитие событий и делал некоторые шаги к примирению. Так, 14 января 1953 г. состоялась продолжительная беседа Вышиньского с Мазуром. Кардинал призывал «остановить атаки прессы и радио на Костел, Епископат и Епископские курии и избавить духовенство от назойливости органов безопасности». Он обещал призвать духовенство «воздержаться от всяких выступлений против государственной и политической власти» и сдержал обещание. Но не был услышан властью. Поздней осенью 1952 г. были арестованы 5 ксендзов Краковской курии, затем лишились свободы архиепископ Любачевский Е. Базяк и его суффраган (помощник) епископ С. Роспонд, обвинявшиеся в создании «шпионского гнезда». Уже в январе состоялся судебный процесс по «делу» Краковской курии. Священнослужителей обвиняли в «нанесении вреда польскому государству и шпионаже в пользу американского империализма и Ватикана». Им были вынесены самые суровые приговоры²⁴⁰.

Судебный процесс в Кракове создавал напряженную атмосферу, которая была необходима власти для решительного действия. 9 февраля 1953 г. был издан декрет Госсовета ПНР «О назначении священнослужителей на церковные должности». Вводилась как обязательная санкция государственных органов на любое назначение или увольнение в духовной иерархии сверху донизу — от архиепископа до викария, на создание новых или ликвидацию старых духовных постов без ведома властей, становился обязательным принцип принесения духовенством присяги на верность республике в соответствующем органе власти. Нарушение духовным лицом действующих в стране правовых норм влекло за собой освобождение от занимаемых постов. Современный исследователь истории римско-католической церкви в Польше П. Раина лаконично и точно определил суть принятого декрета: «Все указывало на то, что высшей властью в костельной иерархии будет не папа, а правительство, и не епископ будет руководить работой диоцезов, а президиум воеводской рады народовой»²⁴¹.

Польский епископат воспринял декрет Госсовета как сильнейший удар по католической церкви. Последовали безрезультатные протесты Вышиньского, его встречи с Мазуром, обращения к Беруту. В таких условиях епископат принял решение заявить публичный протест. 8 мая на имя главы партии и правительства Берута был направлен документ за подписью примаса церкви кардинала С. Вышиньского, названный «Non possumus. Мемориал Епископата Польши в Совет Министров». Авторы документа, Вышиньский и Хороманьский, констатировали, что «произошло событие, означающее прекращение периода, начало которому положило заключение Соглашения от 14 апреля 1950 г. ... Берут верх бесспорно опасные и отрицательные явления». Епископы призывали правительство к «ревизии основ беспощадной ненависти к религии, Костелу, Богу», отказывались исполнять декрет от 9 февраля 1953 г. и предупреждали духовенство о наказании за его исполнение отлучением от церкви²⁴².

Изменение прав церкви в Конституции 1952 г., узурпация властью кадровых компетенций Ватикана и епископата, введение обязательной для духовенства присяги на верность государству — с одной стороны, и ответ епископата правительству — «Не можем» — с другой, означали предельное напряжение в отношениях двух сил. Епископат твердо дал понять, что время, когда он пытался во имя интересов церкви и верующих выжидать, лавировать, уступать, не доводя дело до конфликта с правительством, истекает. Коммунисты ответили: отступления не будет. Последовали различные мероприятия для принуждения епископата дезавуировать свое заявление и признать решение Госсовета ПНР.

16 июня 1953 г. Политбюро ЦК ПОРП приняло «Тезисы по вопросу политики в отношении костела», где определялась задача-максимум партии на нынешнем этапе: последовательное разоблачение и изоляция «наиболее агрессивной, реакционной и враждебной группы костельной иерархии»; постепенное достижение «политической и организационной независимости костела в Польше от Ватикана». Речь шла о поэтапном сведении роли костела «к чисто религиозной жизни при полном соблюдении принципа свободы совести и вероисповедания»²⁴³.

Для решения поставленных задач намечался ряд мер, в том числе — предстояло сломить сопротивление части епископата и саботаж правительственного декрета от 9 февраля 1953 г., а к сопротивлявшимся «применять санкции прокурора, подвергать их... аресту сроком на несколько недель или несколько месяцев». Ужесточение политики правительства должен был продемонстрировать намечавшийся на июнь, но состоявшийся в конце сентября показательный процесс по «делу» епископа Келецкого Ч. Качмарека, генерального викария этого диоцеза Я. Ярошевича и других обвиняемых*. Суд приговорил епископа к 12 годам тюремного заключения**. На приговор немедленно отреагировал примас Польши, направив 25 сентября в правительство

* Изменение даты процесса объяснялось задержкой ответа Москвы на запрос Берута. В Москве сочли процесс «нецелесообразным» из-за отсутствия «таких документов и таких материалов, которые могли бы служить надежной опорой для подтверждения обвинений» (Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 2. 1949–1953. М., 2001. С. 767–768).

** В начале 1955 г. Качмарек был освобожден, в конце 1956 г. приговор отменила Генеральная прокуратура Польши. Весной 1957 г. епископ возвратился к месту служения (*Dudek A. Państwo i Kościół w Polsce. Warszawa, 1995. S. 49*).

протест против предъявленных судом обвинений. Но к этому времени Политбюро ЦК ПОРП и правительство уже приняли решение о судьбе самого С. Вышиньского. В ночь с 25 на 26 сентября глава Польской католической церкви был лишен свободы. Вскоре произошли аресты еще нескольких иерархов, в изоляции оказались 6 епископов. Ю. Циранкевич несколько позднее констатировал: «Теперь в Епископате нет руководящей провокационной силы, выполняющей директивы Ватикана». Польское правительство, принимая столь непростое решение, опасалось сильного недовольства верующих, но опасения не оправдались, и как сообщал в Москву посол Г.М. Попов, «мероприятие было проведено в спокойной обстановке и не вызвало каких-либо отрицательных последствий для народного государства». В 1958 г. министр Е. Штахельский, который тогда курировал церковные дела, признал, что «временная изоляция [примаса] создала ему ореол мученика», что соответствовало действительности²⁴⁴.

В отличие от Ватикана, который запоздало, но резко протестовал, католический епископат Польши отступил. В специальной декларации он отрекся от антигосударственной деятельности, осуждал «факты, выявленные в процессе епископа Келецкого Чеслава Качмарека», выступал за консолидацию общества во имя «обеспечения силы и стойкости Польши», призывал верующих «молиться за Костел, его Иерархию и Польскую народную республику». Правительство, со своей стороны, обещало заботиться о конституционных правах граждан «в области религиозных свобод и свободы совести»²⁴⁵.

Между тем по ультимативному требованию власти и под угрозами арестов епископат 28 сентября был вынужден избрать исполняющим обязанности примаса Польши Лодзинского епископа М. Клепаха, человека способного к взаимодействию с государством. 17 декабря 1953 г. члены епископата принесли присягу на верность Польской Народной Республике. Во избежание дальнейших репрессий епископат уступил в самом серьезном вопросе внутренней независимости церкви. Это позволило правительству в 1954–1955 гг. активно вмешиваться в кадровую политику епископата и продолжать наступление на его позиции, прежде всего в школе. Если в 1952/53 учебном г. уроки религии отсутствовали приблизительно в 50% начальных и общеобразовательных школ, то в 1955/56 г. эти цифры составили соответственно около 80 и свыше 90%. Из школ, больниц и тюрем повсеместно исчезали религиозные символы. К середине 50-х годов были упразднены теологические факультеты в Варшавском и Краковском университетах. Закрылась подавляющая часть католических школ при монастырях, разворачивалась ликвидация самих монастырей. Руководство страны запланировало в течение полутора лет заменить власти в 18 из 25 диоцезов и администратур римско-католической церкви, деятельность которой все больше ограничивалась территорией храмов²⁴⁶.

Таким образом, ПОРП реализовала в церковной политике задачи, поставленные съездом в 1948 г. Польский епископат во имя сохранения церковного института и выполнения обязанностей перед верующими был вынужден, как и Русская православная церковь в СССР, принимать навязанную ему модель отношений с государством. Потеснив костел на политическом и государственном уровнях, партии удалось ликвидировать многие проявления его реального мировоззренческого и нравственного влияния на нацию. Но костел сохранил сферу национально-духовного общения с верующими, где был сильнее партийной власти, зависимой от Москвы. Он воздействовал на патриотическое сознание прихожан, оберегал глубинные, вековые основы веры

абсолютного большинства поляков, их привязанность к католическим ценностям и доверие к духовенству.

Таким образом, рубеж 40–50-х годов стал временем, когда в Польше происходил переход от партийной гегемонии во власти с применением ряда авторитарных приемов (ППР) к полноте обладания ею (ПОРП), к всеохватному, «по Сталину», контролю партии в стране. Феномен политической монополии ПОРП сложился в начале 50-х годов. При содействии СССР были созданы «несущие» элементы советской модели организации общества. Сформировался корпус носителей этой власти — партийно-государственная номенклатура. Была выстроена, подобная советской, структура управления, посредством которой осуществлялась политическая воля партийного клана во главе с высшим руководством. Через подсистему страха создавалась атмосфера относительного гражданского согласия на классовой основе. Устойчивость всей «конструкции» обеспечивал характерный для сталинской модели инструмент воздействия на общество — массовые политические репрессии.

Однако тогда же проявились и существенные отличия польского варианта партийной власти от классического сталинизма. Внедрение советской модели не привело к превращению ПОРП в идеологический монолит, подобный ВКП(б). Власть и управление имели в Польше особые, связанные с историей страны «родовые» черты. Не удалось унифицировать общественные настроения и выковать образ национального вождя. Агитация и пропаганда не замещали многообразия идейной и национально-патриотической убежденности значительной части общества. Не удалось полностью уничтожить частную собственность и индивидуальное крестьянское производство. Не удалось исключить из жизни общества главный вероисповедный институт — Польшкую римско-католическую церковь, блокировать ее влияние на массовое сознание. Не удалось идеологически «перековать» принявшую предложенные условия существования интеллигенцию и вытравить традиционные представления о национальных ценностях и интересах страны. Тем самым тотального проникновения партийной доктрины в «толщу» народа, превращения его в управляемую, соответствующую советской модели того времени социальную общность не произошло. Все вместе взятое позволяет считать власть ПОРП не аналогом партийной власти в СССР, а лишь политическим режимом советского типа.

Предложенный ПОРП в качестве общенациональной идеи образ общества социальной справедливости принимался значительной частью населения, так или иначе участвовавшего в создании нового строя и функционировании государства под названием Польшкая Народная Республика. В конце 40-х — начале 50-х годов поддержка власти поляками, особенно молодежью, была наиболее массовой. Но по историческим меркам этот образ быстро девальвировался нараставшими социально-экономическими трудностями, оборачивался забастовками рабочих, протестами крестьян, ростом недоверия интеллигенции, в том числе партийной. Как фактор долгосрочного действия в общественном сознании присутствовало, в открытом или скрытом виде, стремление к независимости от СССР и признание принципов западной демократии. Сохранялись и интеллектуальные патриотические силы, в том числе в рядах коммунистов и социалистов, затем в ПОРП, способные осмыслить разрушительный потенциал сталинизма.

IV.1. Предкризисная ситуация: «БРОЖЕНИЕ УМОВ»

В марте 1953 г. ушел из жизни И.В. Сталин. Начинаясь новая историческая полоса в международном коммунистическом движении и в развитии ситуации на мировой арене. Две великие державы, Советский Союз и Соединенные Штаты, находились в непримиримом идеологическом и военно-политическом противостоянии. В начале 50-х годов оно приняло наиболее опасную форму вооруженного конфликта в Корее, в котором прямо или косвенно участвовали и СССР, и США, меряясь военной мощью и готовностью использовать друг против друга наиболее разрушительное оружие. Почти совпавшее со смертью советского лидера завершение этой войны в июле 1953 г. ценой раздела территории полуострова и единого корейского народа показало, что применение силы не разрешает геополитических противоречий, а создает очаги долгосрочной напряженности и условия для непрерывно нарастающей гонки вооружения; единственным залогом безопасного мира могут быть переговоры и договоренности.

Такой поворот в отношениях между двумя мировыми лидерами и создание нового климата в мировой политике были наиболее актуальными для СССР, еще не оправившейся после чудовищно разрушительного противостояния Германии. В Москве было осознано нарастание внутренних социально-экономических трудностей в стране и контролируемом регионе, а также перспектива возможных политических осложнений, сигналом чему служили события в чехословацком г. Пльзене и Берлинский кризис в июне 1953 г. Советские руководители пришли к убеждению, что продолжение холодной войны разрушительно для страны и ее европейского «пояса безопасности», что требуется более конструктивная внешняя политика, блокирующая нарастание напряженности на континенте. В феврале 1954 г. были выработаны предложения по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Советские инициативы в этом направлении поддерживала Польша, ибо сама мысль об усилении реваншизма и ремилитаризации Западной Германии крайне беспокоила и поляков, и широкие круги населения в СССР. Между тем развитие ситуации в Западной Европе шло в опасном направлении: 19–23 октября 1954 г. в Париже при участии канцлера ФРГ К. Аденауэра было подписано соглашение стран НАТО, предоставившее Западной Германии право иметь собственные вооруженные силы и стать членом Североатлантического альянса. Советская реакция на это событие последовала немедленно: 13 ноября Москва предложила созвать международное совещание представителей европейских государств и США для обсуждения создания системы коллективной безопасности. Запад ответил отказом, и тогда в Москву прибыли высшие политические руководители Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании, а также наблюдатель из КНР. 2 декабря была подписана декларация-предупреждение: в случае ратификации Парижских соглашений на Востоке Европы будут осуществлены «совместные меро-

приятия в области организации вооруженных сил и их командования, равно как и другие мероприятия, необходимые для укрепления своей обороноспособности, для того чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ и территорий и обеспечить защиту от возможной агрессии»²⁴⁷.

В мае 1955 г. страны НАТО ратифицировали Парижские соглашения. СССР и страны народной демократии сделали ответный ход и 14 мая в Варшаве приняли согласованное решение о создании Организации Варшавского договора (ОВД) и Объединенных вооруженных сил ОВД. Это завершило постепенный процесс формирования военно-политического союза (по западной терминологии — Восточного блока). Объединенное командование вооруженными силами государств — участников Варшавского договора во главе с маршалом И.С. Коневым, а также Штаб Объединенного командования, начальником которого был назначен генерал армии А.И. Антонов, располагались в Москве. В некоторых странах, входивших в ОВД, в том числе в Польше, дислоцировались гарнизоны советских войск. Их задача заключалась в том, чтобы обеспечивать союзным странам внешнеполитическую безопасность, гарантировать стабильность внутривнутриполитической обстановки и таким образом охранять близкие Москве идейно-политические режимы в странах Восточного блока²⁴⁸. Такова была динамика международной обстановки и внешней политики СССР после смены политического руководства в Москве.

Обозначились перемены и во внутривнутриполитическом развитии советского государства и союзных стран народной демократии, как в ту пору их именовали. Год смерти признанного лидера международного коммунистического движения принят современными исследователями за исходную точку процесса десталинизации политических режимов, существовавших как в Советском Союзе, так и восточноевропейском регионе. Смена политического руководства в СССР, приход к власти Н.С. Хрущева и сопутствовавшие этому события послужили сигналом для партийных элит союзных стран: они по очереди приезжали в советскую столицу, чтобы выяснить политическую конъюнктуру и скоординировать свои дальнейшие действия. В начале июля, когда в Москве в условиях секретности работал пленум ЦК КПСС, рассматривавший дело Л.П. Берии, в советской столице побывал и встретился с новым руководством КПСС глава ПОРП Б. Берут. Обсуждались аграрная политика польской правящей партии, отношения власти с католической церковью и работа польских органов государственной безопасности. Берут был проинформирован о решениях пленума ЦК КПСС «о Берии»²⁴⁹.

28 декабря 1953 г. состоялась очередная встреча Б. Берута с советским руководством в лице Г.М. Маленкова, В.М. Молотова, Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина. Присутствовал новый посол в Польше Г.М. Попов. Главной темой встречи была подготовка II съезда ПОРП, который предполагалось провести в середине марта 1954 г. В связи с этим затрагивался широкий круг вопросов. Говорили о текущей политической обстановке в Польше, экономической политике польского правительства, о фактическом крахе коллективизации и некоторых организационных проблемах деятельности ЦК ПОРП. Беруту был высказан ряд серьезных критических замечаний в связи с провалами планов развития польской экономики и низким уровнем жизни рабочих и служащих, неудовлетворительным положением с обеспечением населения продовольствием, прежде всего хлебом. Советские представители одновременно подчеркивали, что Польша в послевоенные годы систематически импортировала зерно, в то время как до войны она хлеб экспортировала. Рекомендовалось поставить на съезде задачу: «Польша может и должна обеспечить себя

хлебом». Подробно рассматривался вопрос о польской промышленности и ее переориентации, в особенности металлургии, с советского на собственное сырье. В ходе беседы Берут обратился просьбой выделить Польше 25 тонн золота, 300 тыс. тонн зерновых (в том числе 100 тыс. тонн кормовых культур), дополнительно на 1954 г., 300 тонн железной и 200 тыс. тонн марганцевой руды. Едва ли не самой важной отраслью польской экономики была угольная промышленность. В 1956 г. выполнение плана угледобычи составило 99,17%. Причин невыполнения плана было несколько: текучесть рабочей силы; отказ от использования в шахтах 20 тыс. заключенных и солдат срочной службы; сокращение рабочего дня с 8,5 до 8 часов и т. д. Договорились о том, что советские и польские специалисты дадут свои замечания по корректировке плановых заданий.

Важнейшее внимание советская сторона уделила обсуждению ситуации в высшем руководстве ПОРП. Накануне встречи в Москву поступила специальная записка, направленная Г.М. Поповым. Характеризуя ситуацию в руководстве ПОРП, он подчеркивал, что «все вопросы партийной и государственной жизни решает узкий круг лиц... К.К. Рокоссовский фактически отстранен от активного участия в руководстве партией... Т.т. Берман, Минц и Замбровский играют непомерно большую роль в руководстве партией и государством...». Поскольку Москва никогда не упускала из вида национальный «облик» руководства ПОРП, на такую информацию не могли не обратить особого внимания, и во время упомянутой беседы были рассмотрены «некоторые вопросы персонального характера». Берут высказали конкретные соображения о «перемещениях» Бермана и Минца на другие должности с целью снизить уровень их влияния на принятие важнейших политических решений. Была дана и рекомендация: «серьезно заняться выдвижением руководящих кадров из числа выросших и преданных партии товарищей польской национальности», постепенная реализация которой растянулась, правда, на продолжительное время²⁵⁰.

По инициативе советской стороны на встрече обсудили вопрос о разделении постов главы правительства и главы партии, которые занимал Берут, тем самым концентрируя в своих руках всю партийную и государственную власть. Ему порекомендовали возглавить Совет министров, а Завадскому — ЦК ПОРП. Однако времена изменились, и эти рекомендации были исполнены лишь частично. Берут предпочел остаться во главе партии. Что касается Завадского, то его, по рекомендации Берута, назначили на не самый значимый пост председателя Государственного совета ПНР. Сохранялось «неформальное» руководящее ядро партии и государства: спаянный многолетней совместной работой триумвират (Берут–Берман–Минц).

В этот период Польша переживала чрезвычайно серьезные экономические трудности. Государственный 6-летний план на 1950–1955 гг., который создавался по образцу советских планов, и, следовательно, ставил в центр финансирования отрасли тяжелой промышленности, приводил к дисбалансу и напряженности в развитии экономики, по причине слишком высоких темпов его реализации, несоответствия плановых заданий производственным возможностям. Сказывались огромные людские потери в годы войны, недостаточная профессиональная подготовленность молодых инженерно-технических кадров, загруженность экономики военными заказами, поскольку именно на это время пришлось увеличение численности армии, ее перевооружение военной техникой, укрепление территории страны в военно-оперативном отношении на случай конфликтов на западных рубежах.

На заседаниях II съезда ПОРП, состоявшегося 10–17 марта 1954 г., присутствовали делегации коммунистических и рабочих партий, в том числе делегация КПСС во главе с Н.С. Хрущевым. Приоритетное внимание съезд уделил социально-экономическим проблемам на 1954–1955 гг. в особенности развитию аграрного сектора. С отчетным докладом ЦК ПОРП выступил Б. Берут. В ходе обсуждения доклада было обращено внимание на невыполнение 6-летнего плана и, как следствие, недостаточный рост сельскохозяйственной продукции, на проблемы с сырьевой базой и производством товаров широкого потребления. При этом выяснилось, что инвестирование легкой промышленности фактически не предусматривалось. Говорилось о том, что руководство страны не имеет продуманной аграрной политики и ясности, какими путями добиваться повышения жизненного уровня населения. В решениях съезда предусматривались меры по увеличению расходов на сельское хозяйство и рост заработной платы населения.

Актуальные политические проблемы съездом практически не рассматривались. Объяснить это следует, по-видимому, тем, что делегаты опасались обсуждать публично политические вопросы в характерной для того времени обстановке недоверия и страха²⁵¹. Тем не менее, некоторые кадровые перестановки состоялись. Б. Берут сложил полномочия председателя Совета министров ПНР, на его место съезд рекомендовал и 18 марта 1954 г. Государственный совет ПНР утвердил Юзефа Циранкевича. Состав избранного съездом Политбюро ЦК ПОРП почти не изменился: остались Б. Берут, А. Завадский, Ю. Циранкевич, Г. Минц, З. Новак, К. Рокоссовский, Э. Охаб, Я. Берман, Ф. Мазур, Ф. Юзвяк, С. Радкевич, В. Двораковский и Р. Замбровский. Кандидатами в члены Политбюро стали А. Рапацкий и Г. Хелховский. Решением Политбюро Берут сохранил пост первого секретаря ЦК. Таким образом, съезд не внес изменений в соотношение сил в руководстве партии, которое продолжали контролировать те, кто пришел к власти в 1948 г. Заметного обновления действующих лиц в политике и самой политической сфере не произошло.

Дело не сдвинулось с мертвой точки и в экономике. 3–4 июля 1954 г. был созван специальный пленум ЦК ПОРП, посвященный проблемам развития сельского хозяйства в Польше. С основным докладом вновь выступил член Политбюро ЦК З. Новак, который не предложил свежих идей, оставаясь в рамках идеологических представлений коммунистов. Сельское хозяйство, призванное обеспечивать продовольствием население и сырьем ряд промышленных отраслей, осталось наиболее отстающим сектором польской национальной экономики, порождая недовольство среди городских жителей.

Первые сигналы о наложении на социально-экономические трудности политических проблем прозвучали осенью 1954 г. Их спровоцировали выступления на волнах радио «Свободная Европа» бывшего заместителя директора одного из департаментов Министерства общественной безопасности полковника Ю. Святло, бежавшего в конце 1953 г. в США и нашедшего там политическое убежище до конца своей жизни. Цикл его передач был посвящен служебной и частной жизни польской партийной элиты. Высшее политическое руководство Польши, шокированное предательством перебежчика, приступило к расследованию чрезвычайного происшествия. В то же время были преданы гласности многочисленные факты нарушений законности ведомством общественной безопасности, что позволило «назначить» виновником исключительно МОБ и тем вывести из-под общественного недовольства партийные

структуры. Польское агентство печати 25 октября 1954 г. опубликовало официальное сообщение о побеге Святло. В сообщении указывалось, что обычной практикой упомянутой государственной структуры, где, напомним, имело место «засилье евреев», была фабрикация политических обвинений против граждан, неугодных власти по тем или иным мотивам, или же «удобных» для развертывания репрессий в стране. Последовал арест полковника Ю. Ружаньского, возглавлявшего следственный департамент министерства. В ходе расследования выяснилось прямое участие сотрудников департамента в получении ложных показаний и применение физических методов воздействия к подсудимым.

Бегство Святло, его радиовыступления и обнародование первых данных о правонарушениях в органах госбезопасности и арестах невиновных лиц почти совпало по времени с появлением признаков приближавшихся демократических перемен, или «оттепели», в Польше. Выход наружу критических настроений подогревала массовая печать. В сентябре 1954 г. увидел свет студенческий еженедельник «По просту», руководимый известным в стране журналистом и активным деятелем Союза польской молодежи Э. Лясотой. Редакционный коллектив издания (Е. Амброзевич, А. Братковская, В. Вирпша, В. Гродек, В. Наметкевич, Р. Турский и др.) придерживался убеждения, что необходимо предпринимать конкретные действия, чтобы привлечь внимание поляков к болевым точкам социального и политического развития Польши. В периодической печати обозначился осторожный интерес к западному киноискусству, литературе, журналистике. Повсеместно укоренялась такая разновидность эстрадного искусства, как кабаре с их остроумными и злободневными куплетами на политические темы. Газеты и журналы стали печатать разного рода материалы, которые цензура ранее не пропускала. С идеями, отвечавшими духу наступавшего нового времени, выступили еженедельники «Нова культура» и «Пшеглёнд культуралны», ориентированные преимущественно на научную и художественную интеллигенцию. Подлинная общественно-политическая значимость этих изданий выявлялась по мере дальнейшего нарастания общественно-политического кризиса в стране.

Появились первые сигналы возможных перемен в партийной жизни. Заметный след оставило совещание центрального актива ПОРП 29 ноября — 1 декабря 1954 г. С критическими замечаниями в адрес высших партийных руководителей тогда выступили некоторые известные в партии и стране люди: председатель польских профсоюзов, бывший член КПП В. Кloseвич, заведующий отделом печати и издательств ЦК ПОРП С. Шашевский, директор Партийной школы при ЦК Р. Гранас и др. В дискуссии среди прочих наболевших проблем речь шла и о Гомулке, его абсолютно необоснованном в правовом отношении пребывании под арестом. Участники совещания высказались за освобождение Гомулки. И уже 13 декабря 1954 г. видный деятель польского рабочего движения вновь обрел свободу. Скрепя сердце, с этим согласился Берут — главный организатор отстранения Гомулки от власти в ППР в 1948 г.²⁵²

Заметным брожением умов, особенно в столице, был отмечен 1955 год. 21–24 января состоялся III пленум ЦК ПОРП. Предстояло обсудить вопрос о внутрипартийной демократии. Выступая с основным докладом, Берут подверг критике ряд работников государственных (в особенности МОБ) и партийных органов. На пленуме развернулась горячая дискуссия с взаимными выпадами и обвинениями в политических ошибках: из 66 записавшихся для выступления слово получили 43 человека. Больше всего

критических замечаний было адресовано министру безопасности С. Радкевичу, звучали обвинения в незаконных арестах, расследованиях и судебных процессах. Участники заседания призывали к строгому соблюдению уставных принципов партии и преодолению бюрократических извращений в государственном аппарате²⁵³. Казалось, в ПОРП повеяло конструктивными переменами. Но в скором времени стало понятно, что лично Берут и партийная бюрократия, прежде всего высшее звено номенклатуры, первые секретари воеводских комитетов и не думали выполнять решения пленума.

В обществе уже чувствовались симптомы перемен, гражданская активность населения нарастала. В марте спонтанно начал активную деятельность клуб «Кривого колеса», созданный супругами Э. и Ю. Гажтецкими, С. Крулем, В. Беньковским и некоторыми другими партийными и беспартийными активистами. Со временем клуб объединил часть варшавской гуманитарной интеллигенции, обсуждавшей актуальные научные и политические проблемы. Это дало мощный импульс появлению подобных клубов в других городах Польши. Возникли также клубы католической интеллигенции. По данным аппарата ЦК ПОРП, к началу 1956 г. было известно почти о 40 клубах, а в апреле того же года их насчитывалось не менее 130²⁵⁴. Отсюда, из кружков интеллигенции, вышло и со временем укрепилось альтернативное общественное движение, противопоставившее свободную мысль консерватизму и крайним формам национализма.

Состоявшийся в Варшаве с 31 июля по 14 августа 1955 г. Международный фестиваль молодежи и студентов расширил контакты молодых поляков с зарубежной молодежью: в польскую столицу приехало 30 тыс. гостей. Беседы и дискуссии на фестивале, в том числе на политические темы, расширяли кругозор польского студенчества и интеллигенции, по-новому ставили перед ними вопросы политики, экономики и культуры. В августе же еженедельник «Нова культура» опубликовала «Поэму для взрослых» А. Важика, где поэт-коммунист художественными средствами воспроизвел драматизм жизни рабочих, возводивших гигантский металлургический комбинат в Новой Гуте под Краковом. Советский посол в Польше П.К. Пономаренко сообщал в МИД СССР: поэма Важика «обнаруживает в авторе такое отношение к современной Польше, которое нельзя оценить иначе как враждебное. В этом стихотворении, написанном в стиле бойкого политического памфлета, дается уродливое освещение современной польской действительности, в которой автор видит лишь одни отрицательные стороны и пороки ... В нем огульно охаивается все то, чего достигла Польша за годы народной власти и что является ныне национальной гордостью польского народа»²⁵⁵. Это свидетельствовало о глубоком непонимании тех перемен, которые рождались в польском обществе, типичным представителем советской сталинской номенклатуры.

Разительно менялось содержание печатных средств массовой информации. Газеты и журналы все чаще затрагивали важные проблемы жизни поляков, тем самым привлекая все больший интерес читательской аудитории. В октябре 1955 г. на страницах печати разгорелась дискуссия о перспективах развития гуманитарных наук в Польше, в которой высказались многие известные польские философы, социологи и культурологи. Основная мысль инициатора дискуссии видного польского социолога Ю. Халасиньского сводилась к тому, что развитие общественных наук может быть продуктивным лишь в условиях идейного многообразия и конкуренции между различными течениями общественной мысли. Сторонники ортодоксального марксизма

в партии истолковали эту статью как «подрыв идеологической монополии ПОРП». Советское посольство, обеспокоенное происходившим в Польше, информировало Москву, что польский ученый выступал с «антиленинских позиций» и призывал к «ре-визии марксизма-ленинизма». В числе неблагонадежных оказался видный польский философ-марксист, член ЦК ПОРП, ректор Института общественных наук при ЦК ПОРП А. Шафф. Руководимый им научно-педагогический центр считался в партийном руководстве «осиным гнездом» польского ревизионизма и не раз подвергался суровой критике за неосторожные высказывания в печати и перед общественностью²⁵⁶.

Высшее руководство ПОРП отдавало себе отчет в том, что появление «неканонических» подходов молодежи и интеллигенции к анализу общественно-политической ситуации в стране неизбежны, и потому подчас вынуждено было мириться с этим. Но правящая в ПОРП группировка намеревалась, не теряя времени, политическими методами взять под контроль художественную и научную интеллигенцию. Для этого в последней декаде декабря 1955 г. в Варшаве было организовано совещание центрального идеологического актива ПОРП, куда пригласили более ста литераторов и секретарей воеводских комитетов партии. По идеологическим вопросам «установочного» характера выступили члены Политбюро ЦК Я. Берман и Г. Минц. В ходе дискуссии руководство партии сделало вывод, что литературная среда погрузилась в опасное состояние идейного хаоса. Однако никакого серьезного идеологического воздействия на собравшихся партийному руководству оказать не удалось. Более того, в Польше стали все шире распространяться идеи свободы личности, творчества и критического отношения к окружающей действительности. Это было новое явление в жизни страны. В широких кругах польского общества, в том числе в партийных, высказывались свежие идеи. В июне 1955 г. центральный орган ПОРП журнал «Нове дроги» опубликовал статью, озаглавленную «Об актуальных литературных дискуссиях». Автор статьи, известный в стране партийный деятель и ученый-литературовед С. Жулкевский, опираясь на решения III пленума ЦК, признавал, что уже пришло время заменить непопулярные командно-административные методы руководства литературным процессом терпеливым разъяснением линии партии и убеждением в ее правоте. Эта мысль «зацепила» писательскую аудиторию, в профессиональных кругах статью обсуждали, высказывали непривычные идеи²⁵⁷.

Наступил 1956 год, а вместе с ним и время больших перемен в странах социализма. В СССР еще двумя годами раньше органы прокурорского надзора занялись пересмотром сомнительных судебных решений и постепенным освобождением из заключения тех, кто остался в живых. В Польше также созрело понимание того, какую важную роль для стабилизации власти могут сыграть пересмотры сфабрикованных политических процессов, организованных польской судебной системой под контролем советников МВД-МГБ в структурах МОБ, а также советских офицеров контрразведки, находившихся в соответствующих подразделениях Войска Польского²⁵⁸.

Пересмотр таких дел происходил в 1954–1956 гг. На свободу выходили известные военные деятели, участники обороны Польши в сентябре 1939 г., офицеры Армии Крайовой и те, кто служил в польских воинских частях на Западе, а также генералы-коммунисты, участвовавшие в Гражданской войне в Испании. Встал вопрос о реабилитации руководителей компартии Польши, репрессированных в СССР. В декабре 1954 г. польское политическое руководство обратилось в ЦК КПСС с просьбой рассмотреть

возможность реабилитации самой КПП. Компетентными советскими органами была подготовлена записка для руководства КПСС, где сообщалось, что следственные дела видных деятелей польского коммунистического движения, арестованных в 1937–1938 гг., пересмотрены, что все репрессированные подлежат политической реабилитации. Материалы эти готовились к XX съезду КПСС. Когда определилась дата его проведения, они легли в основу коллективного заявления советской, польской, болгарской, итальянской и финской компартий. Роспуск КПП в 1938 г. был признан необоснованным, с руководителей партии предлагалось снять несправедливые обвинения. Заявление опубликовали варшавская «Трибуна люду» 19 февраля и московская «Правда» 21 февраля²⁵⁹.

IV.2. XX СЪЕЗД КПСС. НАЧАЛО ПЕРЕМЕН.

БЕСПОРЯДКИ в ПОЗНАНИ.

VII пленум ЦК ПОРП

В дни работы советского партийного форума, 14–25 февраля 1956 г., сразу после отчетного доклада ЦК КПСС, зачитанного Н.С. Хрущевым, стало ясно, что в Москве происходит событие исторического значения. Обсуждавшиеся там вопросы внутренней и внешней политики СССР, положения в партии, проблемы развития промышленности и сельского хозяйства, разных путей к социализму, мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем и т. п. приковали к себе внимание всей мировой общественности, и Польша не была исключением. Во всех партийных структурах, в массовых общественных организациях, на промышленных предприятиях, в высших учебных заведениях, армии, средствах массовой информации — словом, во всех слоях польского общества обсуждался доклад советского лидера. Агентурные сведения, собранные в это время польскими спецслужбами, свидетельствовали о чрезвычайном многообразии высказывавшихся суждений. Однако несопоставимо больший резонанс в польском обществе произвел другой, секретный, доклад Н.С. Хрущева — «О культе личности и его последствиях», довольно быстро ставший известным в Польше. Содержание доклада для подавляющего большинства делегатов съезда и его гостей оказалось совершенно неожиданным: первый секретарь ЦК КПСС подверг деятельность Сталина беспрецедентной критике, обвинив бывшего вождя в кровавых репрессиях против сотен тысяч ни в чем неповинных людей, в поражениях на фронтах Великой Отечественной войны, грубых ошибках при проведении национальной политики в СССР и т. п. После всего этого прогнозировать дальнейший ход развития событий ни в Советском Союзе, ни в странах советского блока, ни в международном коммунистическом и рабочем движении вряд ли кто-либо мог отважиться. Тем не менее, политические руководители Польши также предприняли действия исключительной значимости: единственная из правивших партий социалистического лагеря, кроме КПСС, ПОРП решилась публично осудить сталинизм.

26 февраля польская делегация, присутствовавшая на съезде КПСС, вернулась в Варшаву, оставив в Москве тяжело заболевшего Б. Берута. 3 и 4 марта на совещании руководителей отделов ЦК ПОРП и первых секретарей воеводских комитетов делегаты выступили с отчетом о своей поездке. Обсуждение отчета превратилось в тотальную

критику репрессивного режима в СССР и «команды» Берута. Раздавались требования реабилитировать всех коммунистов, осужденных за мнимые политические преступления, и восстановить их в партии, если они того пожелают. В ряде выступлений поднимался вопрос о несправедливости преследования В. Гомулки и его соратника по подпольной работе М. Спыхальского, о разблокировании решений III пленума ЦК ПОРП. Члены Политбюро признали критику в свой адрес справедливой. Специальной комиссии поручалось принять необходимые меры по ускорению восстановления в партии тех, кто уже был на свободе²⁶⁰.

12 марта 1956 г. в Москве умер Берут. Известие об этом в Польше встретили по-разному. Одни искренне скорбели, о чем свидетельствовали многолюдные траурные собрания. Эти люди находились под обаянием образа Берута, созданного официальной пропагандой, не зная о его подлинной, далеко не во всем позитивной деятельности. Другие искали причину смерти в операции советских спецслужб. Так или иначе, кончина Берута ускорила назревание кризиса в стране и партии. ЦК ПОРП встал перед решением непростой задачи — избрать своего нового лидера. 20 марта собрался внеочередной VI пленум ЦК. На вакантное место первого секретаря партии претендовало несколько кандидатов, между ними началось ожесточенное соперничество, в которое вмешалось и руководство КПСС.

Когда в Москве Президиум ЦК КПСС перед выездом в Варшаву советской партийно-правительственной делегации во главе с Н.С. Хрущевым обсуждал вопрос о желательных кандидатах, были названы А. Завадский и Э. Охаб как политики, проводившие линию на сотрудничество с Советским Союзом. Лично Хрущеву более подходящим казался Завадский, однако пленум ЦК ПОРП отдал предпочтение Охабу — опытному партийному функционеру и государственному деятелю, доказавшему преданность коммунистическим идеалам и союзу с СССР.

Польская общественность без особого энтузиазма восприняла нового главу партии. Он считался неподходящим на роль лидера и вскоре стал героем язвительных политических анекдотов. Мифы вокруг него существуют по сию пору. На самом же деле он, как представляется, не заслуживает встречающихся в научной литературе нелестных оценок. Ведь именно Охаб «пробил» на заседании секретариата ЦК ПОРП 21 марта 1956 г. решение об ознакомлении партийных активистов разных уровней с закрытым докладом Хрущева. При Охабе продолжалась перестройка государственного аппарата, были освобождены от обязанностей генерального прокурора Польши С. Калиновский и главный военный прокурор С. Зарако-Зараковский, запятнавшие себя несправедливыми обвинениями многих людей. Наконец, Охаб настойчиво отстаивал интересы Польши на поприще польско-советских экономических отношений.

Об освобождении Гомулки еще в декабре 1954 г. публично не сообщили, опасаясь превратить этот факт в сенсацию со всеми нежелательными последствиями. В глазах совершенно разных людей «Веслава» окружал ореол заслуженного политического деятеля, который провел несколько лет в подпольной борьбе на оккупированной Германией польской территории, после войны противостоял некоторым внешнеполитическим акциям советского руководства (например, по югославскому вопросу в 1948 г.), а затем, будучи обвиненным в правонационалистическом уклоне и отстраненным от руководства партией, подвергся в 1951 г. несправедливому аресту. Его помнили

в партии и как идеолога «польского пути к социализму», политика, пытавшегося противостоять строительству социализма по-советски. «Польский путь» казался тогда либеральной версией социального эксперимента, который пытались осуществить коммунисты. Выйдя на свободу, «Веслав» сначала не помышлял о продолжении своей политической деятельности. Однако ситуация в стране на его глазах столь резко менялась, что изменились и планы опального политика.

В первой половине 1956 г. произошел коренной перелом в отношении польских партийных и государственных властей к Армии Крайовой. Польскую общественность будоражил явно несправедливый подход ППР-ПОРП к этой, безусловно, патриотической, но идейно-политически далеко не сплоченной военной формации. После XX съезда КПСС начался его пересмотр. Определенную роль в данном случае сыграла публикация в апрельском номере журнала «Нове дроги» статьи уже тогда хорошо известного польского писателя Р. Братного «Демобилизационная страница Армии Крайовой», в которой эта военная организация была полностью реабилитирована политически²⁶¹. В годы гитлеровской оккупации Братный был офицером АК и участником Варшавского восстания, и это только усиливало общественную значимость его статьи.

Заметные перемены в политической жизни страны, свидетельствовавшие о том, что активная часть польского общества пришла «в движение», не сопровождалась улучшением экономической ситуации, прежде всего городской части населения. Нарастало недовольство материальным положением миллионов людей. Оно вырвалось наружу в одном из крупных промышленных и культурных центров страны г. Познань.

В середине 1950-х годов он считался довольно большим городом, там проживало около 380 тыс. человек. Не случайно именно здесь располагалась постоянная международная ярмарка, в которой участвовали иностранные специалисты, представители различных фирм и специальных служб многих стран. Самым крупным промышленным предприятием Познани был машиностроительный комбинат, принадлежавший в свое время известному польскому предпринимателю Г. Цегельскому, а с 1949 г. носивший название «Предприятия имени Иосифа Сталина — Познань». В 1955 г. на комбинате работало 13 460 человек, из них 77,8% составляли рабочие. Другим крупным промышленным объединением были ремонтные заводы железнодорожного подвижного состава, насчитывавшие 5 000 рабочих. В начале 1950-х годов в городе было семь высших учебных заведений, в том числе Университет им. Адама Мицкевича, Высшая инженерная школа, Высшая экономическая школа, Государственная высшая музыкальная школа и др. Работали духовные семинарии и два военных учебных заведения²⁶².

С полным основанием можно сказать, что Познань был городом рабочего класса и студенчества, отражал их ментальность и стремления. Предприятия города играли важную роль в экономике страны, но социальное и бытовое положение большинства рабочих было незавидным и не соответствовало их реальной общественной роли. Заработная плата уступала другим пролетарским центрам Польши. Чрезвычайно остро стояла жилищная проблема. Не удивительно, что руководители воеводской организации ПОРП чувствовали себя дискомфортно, ожидая неминуемого социального взрыва. О нарастающем недовольстве многих рабочих коллективов в стране Политбюро ЦК ПОРП было осведомлено, но специального внимания информации из Познани не придавало. Открытое проявление недовольства рабочих ожидалось как раз в июне 1956 г., но не в Познани, а среди шахтеров Силезии и текстильщиков Лодзи. Как видно, высшие

руководители ПОРП и силовые структуры допустили серьезный промах в оценке общей социальной ситуации, прежде всего в Великой Польше²⁶³.

Драматические события начались на вагоноремонтном заводе Познани, входившем в разветвленную структуру машиностроительного комбината. Здесь сложилась напряженная социальная обстановка, ибо центральные, а также городские власти, руководители завода, включая организацию ПОРП, проводили неэффективную политику материального вознаграждения, которая вызвала недовольство рабочего коллектива. О том, что положение на заводе чревато взрывом, знали государственные и партийные власти высокого уровня, не говоря уже о городской администрации и местных партийных руководителях, но мер для исправления положения не предпринимали. Конфликт углублялся. На него, наконец, стали реагировать городские власти, отраслевой профсоюз, прокурорский надзор. Между тем некоторые наиболее решительно настроенные рабочие уже призывали к забастовке. 8 июня на предприятии произошел митинг, 16 июня — небольшие перерывы в работе в знак протеста. Вскоре на территории завода были разбросаны несколько листовок с лозунгами антиправительственного содержания. 21 июня рабочие прекратили работу и выдвинули ряд социально-экономических требований. 22 июня состоялась встреча рабочих с комиссией под председательством руководителя польских профсоюзов В. Клосевича, прибывшего из столицы. Собрание проходило в крайне неурочной обстановке. Рабочие выступали решительно, порой агрессивно.

26 июня делегация машиностроительного комбината прибыла в Варшаву, надеясь уладить возбуждавшие коллектив проблемы. С делегацией из Познани встречались чиновники из профсоюза машиностроителей, затем вопрос рассматривался на совещании под председательством министра в присутствии представителей профсоюза металлистов и ЦК ПОРП. Претензии рабочих внимательно выслушали и заверили, что недостатки будут устранены. Домой делегация вернулась вполне удовлетворенной. Однако радость оказалась преждевременной, поскольку премьер-министр Ю. Циранкевич отнесся к визиту познаняков в столицу с неодобрением и не поддержал некоторые их просьбы, ссылаясь на крайне тяжелое финансовое положение страны. Рабочие почувствовали себя обманутыми²⁶⁴.

28 июня ситуация в Познани изменилась кардинально. Рано утром несколько тысяч человек собрались у заводских ворот на митинг, затем рабочие организованно, с патристическими и религиозными песнями направились в центр города, к зданию, где размещались городские и партийные власти. Они шли спокойно, несли транспаранты с лозунгами о снижении цен и повышении зарплат, но нередко встречались требования политические, например: «Мы хотим свободных выборов», «Долой москалей», «Долой русских, долой немцев, мы хотим свободной Польши» и т. п. По пути демонстрация разрослась до 10 тыс. человек. Они двигались по традиционному маршруту первомайских рабочих демонстраций межвоенного периода. На центральной площади им. Сталина (ныне Адама Мицкевича), возле городской Рады народной и воеводского комитета ПОРП, демонстранты задержались, ожидая, что представители власти выслушают их претензии. Постепенно на площади, по подсчетам исследователей, собралось примерно 50 тыс. человек*. Фактически демонстрация превратилась в

* Некоторые польские историки утверждают, что на площади было «около 100 тыс. человек» (см., например: *Albert A. [Roszkowski W.]. Najnowsza historia Polski. 1918–1980.*

мощный общественный протест населения города. Спецслужбы, выполнявшие свою специфическую работу по наблюдению, обратили внимание на многочисленные выкрики антирусского и антисоветского характера, в том числе направленные против маршала Рокоссовского²⁶⁵.

Представители местной власти не появлялись. Тогда последовало требование, чтобы в Познань прибыл премьер-министр ПНР либо первый секретарь ЦК ПОРП. Наконец делегация была принята секретарем воеводского комитета по пропаганде, но когда после этого он вышел на площадь и попытался объяснить с собравшимися, ему не дали говорить. На большой, заполненной до краев людьми площади вступили в свои права экстремальные факторы, определяющие поведение толпы, чреватые безрассудными, ничем не контролируемые поступками. Распространился слух, будто делегаты предприятий после возвращения из Варшавы были арестованы и содержатся в центральной городской тюрьме. Группа демонстрантов бросилась туда, разоружила охрану, освободила заключенных и овладела огнестрельным оружием и ручными гранатами, хранившимися в тюремном арсенале. Оружие немедленно разобрали, большая его часть попала в руки молодежи, подчас несовершеннолетней. Были захваты и других объектов: в помещении городского суда жгли судебные акты, в здании, где находились устройства для глушения западных радиопередач, их демонтировали и выбросили на улицу. Небольшая группа людей попыталась разогнать сотрудников городского комитета ПОРП. Словом, на улицах царил хаос и экстремизм. Около воеводского управления безопасности произошло то, о чем историки-исследователи и участники событий спорят до сих пор: началась перестрелка между демонстрантами и сотрудниками спецслужбы, причем по-прежнему остается неясным, кто первым открыл стрельбу. Выстрелы стали сигналом к началу вакханалии, которая прекратилась только тогда, когда в город прибыли регулярные части Войска Польского — танки, бронетранспортеры и пехота. Во время перестрелки, особенно после того, как по указанию Охаба был отдан приказ в случае необходимости открывать огонь на поражение, погибли люди. Таких было, по уточненным подсчетам, 57 человек. Раненых насчитывались сотни. Это был страшный итог того, что имело место в Познани 28 июня 1956 г.²⁶⁶

С 15.00 до 17.00 городской центр находился во власти стихии. Сразу в нескольких местах шла перестрелка. Группы вооруженных людей, как в военной форме, так и в гражданской одежде, сновали по улицам. Врачи и сестры милосердия медицинских учреждений старались оказывать первую помощь раненым и уносили погибших. К этому надо добавить, что на улицах было немало людей, наблюдавших за происходившим. Не удивительно, что в обстановке общего психоза произошло несколько случаев самосуда. К вечеру центральная часть города представляла собой удручающую картину: подожженные нападавшими танки и бронетранспортеры, опрокинутые трамваи, баррикады на некоторых улицах — все это напоминало поле сражения недавно закончившейся войны. Отдельные выстрелы в разных пунктах города слышались еще 29-го, а в пригородах Познани — и 30 июня. Однако в целом удалось стабилизировать положение. Артиллерийская, пулеметная и автоматная стрельба закончилась. Начались следственные разбирательства и судебные процессы над теми, кого, по настоянию прокурорского надзора, обвинили в уголовных преступлениях.

Londyn, 1989. S. 712; *Karwat J., Tyschler J.* Poznań — Budapest. Poznań, 2006. S. 32). На наш взгляд, это явное преувеличение.

В исторической памяти польского народа события 28 июня 1956 г. оставили глубокий след. В современной историографии они оцениваются по-разному. Одни исследователи считают, что это был антигосударственный бунт, другие называют их всеобщим восстанием против коммунистической системы. Бесспорно только одно: случившийся социальный взрыв не был случайным, тем более — инспирированным извне, как об этом сообщали некоторые средства польской и советской массовой информации. Во многом эти события объяснялись неадекватностью действий высших партийных и государственных органов ПНР. Превентивных мероприятий, направленных на улучшение жизненных условий рабочих, не проводилось. Законодательство ПНР не предусматривало более или менее эффективных мер для урегулирования конфликтов на социально-экономической почве. Улаживание производственных споров возлагалось на профессиональные союзы, но они уже давно и жестко контролировались партийными органами. На злоупотребления администрации предприятий те и другие смотрели сквозь пальцы.

Польские высшие партийные руководители допустили, как выяснилось позднее, ошибки в выстраивании тактической линии по «усмирению» Познани. Уже вечером 28 июня Польское агентство печати опубликовало сообщение, в котором говорилось о том, что «империалистическая агентура и реакционное подполье» использовали экономические трудности на предприятиях города и что «агентам врагов удалось спровоцировать уличные беспорядки». Прибывший в Познань глава польского правительства Циранкевич, выступая вечером 29 июня по радио, также оценил все произошедшее днем раньше как провокацию реакционного подполья. Он угрожал репрессиями в адрес участников манифестаций²⁶⁷. Бесспорно, премьеру следовало подыскать более корректные слова в отношении людей, справедливо выражавших свой протест. Однако средствам массовой информации была предложена именно та трактовка событий, которую он озвучил. Она перекочевала затем в печать СССР и некоторых других зарубежных стран. Данная оценка беспорядков в Познани сохранялась еще некоторое время, пока не была дезавуирована в октябре 1956 г., уже в совершенно иной политической обстановке.

Массовые волнения в Познани сыграли значительную роль в дальнейшем развитии общеполитической ситуации в Польше, в частности в размежевании внутри центрального руководства ПОРП. Опасаясь дальнейшего нарастания недовольства в стране, руководство правящей партии решило рассмотреть наиболее актуальные политические и хозяйственные вопросы на пленарном заседании ЦК ПОРП. Оно состоялось 18–28 июля 1956 г. Первоначально предполагалось заслушать доклады Э. Охаба о политическом положении в Польше и Ю. Циранкевича о проблемах хозяйственного развития.

Однако массовые волнения в Познани изменили и сроки проведения, и повестку дня VII пленума. Не многие пленумы ЦК ПОРП в 1950-е годы вызывали столь пристальный интерес поляков, как этот, информация о ходе его работы становилась достоянием не только членов ПОРП, но и Объединенной крестьянской и Демократической партий, молодежных, общественных организаций, армии. Так, стало известно, что помимо внутривнутриполитических и экономических проблем пленум обсуждал возможность реабилитации В. Гомулки и его возвращения к политической деятельности. Естественно, речь шла и о беспорядках в Познани, что более всего волновало всех без исключения

граждан страны. Обе эти проблемы требовали скорейших конкретных решений, поскольку широко и пристрастно обсуждались, накаляя общественную атмосферу.

Из зала заседаний поступала информация, свидетельствовавшая о размежевании среди членов Центрального комитета. Противостояли две группировки, которые заявили о себе примерно в 1955 г. Одна из них, в скором времени получившая название «пулавяне» (от названия варшавской улицы Пулавской, где проживало несколько участников группы), высказывалась в пользу реформ в стране и в правящей партии; другая, так называемые «натолинцы» (от названия варшавского пригорода Натолин, где они встречались в старинном особняке), стояла на консервативных позициях, т. е. считала, что не следует ничего менять в курсе и методах управления обществом. Бесспорно, однако, что ни один из участников названных группировок не ставил под сомнение социализм как общество социальной справедливости. Различия имели скорее тактический характер.

По мнению известного политика и историка А. Вербляна, в группировку «пулавян» входили член Политбюро ЦК ПОРП Р. Замбровский, первый заместитель председателя Государственной комиссии экономического планирования, член ЦК Л. Касман, первый секретарь Варшавского комитета ПОРП С. Сташевский, член Секретариата ЦК и главный редактор газеты «Трибуна люду» Е. Моравский и др. В тесном контакте с ними были председатель Совета министров ПНР, член Политбюро ЦК ПОРП Ю. Циранкевич, министр иностранных дел, кандидат в члены Политбюро ЦК А. Рапацкий, заместитель председателя Совета министров, член ЦК С. Ендриховский и, после некоторых колебаний, первый секретарь ЦК ПОРП Э. Охаб. Они были сторонниками умеренной демократизации и независимой политики в отношении СССР. «Пулавяне» полагали, что достаточно внедрить демократические принципы во внутривнутрипартийную жизнь, строго придерживаться выборности партийных властей и их ответственности перед партийными массами, чтобы поставить преграду персональной диктатуре. Они выступали за свободу слова, рабочее самоуправление, либеральную политику в области культуры и науки, экономические реформы, включая элементы рыночной экономики. Это привлекало к «пулавянам» многих молодых членов партии, интеллигенцию и студенчество, а также бывших членов ППС.

«Натолинцами» считались председатель Государственного совета Польши, член Политбюро ЦК ПОРП А. Завадский, первый заместитель председателя Совета министров, член Политбюро ЦК З. Новак, заместитель председателя Совета министров, заместитель министра национальной обороны и начальник Главного политического управления Генерального штаба Войска Польского, член ЦК К. Виташевский, член Политбюро ЦК, председатель Центральной комиссии партийного контроля ПОРП Р. Новак, председатель Центрального совета профессиональных союзов, член ЦК В. Клосевич, министр химической промышленности, кандидат в члены ЦК Б. Руминский и др. К ним был близок министр национальной обороны, член Политбюро ЦК К. Рокоссовский, их поддерживали многие первые секретари воеводских комитетов ПОРП, например, кандидат в члены ЦК С. Бродзинский (Краков), кандидат в члены ЦК Я. Труш (Гданьск). Основной идеологический постулат «натолинцев» можно сформулировать так: социализм это то, к чему надо стремиться, невзирая на многие ошибки, допущенные в ходе строительства социалистического общества; в ошибках повинны конкретные люди, изменившие делу социализма, и именно они должны понести суровое наказание²⁶⁸.

Пленум заслушал доклад Охаба «О политической и экономической ситуации и об узловых задачах партии». Докладчик начал с анализа июньских событий в Познани, обратил внимание на недостаточные усилия государства в решении социальных проблем, слабое политическое руководство со стороны воеводского комитета ПОРП и низовых партийных организаций, чем воспользовались «смутьяны и демагоги», организовавшие забастовки и демонстрацию, а «контрреволюционное подполье» спровоцировало кровавые столкновения²⁶⁹. Это была принципиально иная политическая оценка познаньских событий, поскольку первоначально в высших партийных и военных кругах преобладало мнение, будто беспорядки инспирированы зарубежными антипольскими центрами. В дискуссии по докладу выступило 95 человек.

Горячо обсуждался также вопрос о возвращении Гомулки в партию и «большую политику». Накануне открытия пленума Гомулка направил в Политбюро ЦК письма, в которых заявил, что категорически не согласен с решениями партийных инстанций о так называемом правонационалистическом уклоне и требует выслушать его объяснения. В итоге обмена мнениями на пленуме определились две позиции: 1) пригласить Гомулку и выслушать его претензии к партийному руководству; 2) не приглашать, чтобы не усложнять ход заседаний. Абсолютное большинство участников пленума высказалось за его восстановление в ПОРП.

Не менее горячие споры вызвала ситуация в средствах массовой информации, особенно в периодической печати, которая стала себе позволять «слишком много». В центре критики на пленуме оказался даже центральный орган партии газета «Трибуна люду». Но больше всего критических замечаний выпало на долю варшавских еженедельников «По просту», «Нова культура» и «Пшеглэнд культуральны», где то и дело появлялись в публикациях антисоветские акценты, ставилось под сомнение строительство социализма в СССР, поднимались другие, раздражавшие советских партийных и государственных руководителей темы.

Экономические проблемы Польши, рассмотренные в докладах Охаба и Циранкевича, большого интереса у участников заседания не вызвали. Зато эта тема затрагивалась в печати. «Чего ждало общество от пленума? Какие выдвигало требования? — риторически вопрошал студенческий еженедельник «По просту» 5 августа 1956 г. — Оно ожидало прежде всего разработки программы оздоровления нашего народного хозяйства»²⁷⁰. Но такой документ не был подготовлен. Большинство участников пленума возложило ответственность за провал экономической политики на члена Политбюро ЦК ПОРП Минца. Некоторые из выступавших в дискуссии предложили ему уйти в добровольную отставку, что и произошло в октябре 1956 г. VII пленум исключил из состава Политбюро Я. Бермана, главного идеолога и куратора служб государственной безопасности, признанного ответственным за нарушения законности в стране в 1948–1956 гг. В заключение работы пленум произвел персональные перестановки в партийных верхах. Членами Политбюро ЦК ПОРП стали Э. Герек, первый секретарь воеводского комитета партии в Ополе Р. Новак и А. Рапацкий, кандидатами в члены Политбюро — С. Ендриховский и министр легкой промышленности Э. Ставиньский. Членом секретариата ЦК избрали В. Ярославского. Некоторое обновление политического руководства означало укрепление позиций «пулавян», а также центристов, и в их числе Охаба, что предвещало перевес группировки в ходе подготовки и проведения очередного пленума партии.

VII пленум ЦК ПОРП, споры, которые там ежедневно то разгорались, то ослабевали, усугубили и без того напряженную общественно-политическую обстановку в стране. К этому добавился приезд советской делегации для участия в праздновании годовщины провозглашения 22 июля 1944 г. Манифеста ПКНО. Выступая на торжественном заседании представителей польской общественности, глава делегации председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин безапелляционно заявил, что волнения в Познани были спровоцированы «вражескими агентами». В Польше такого рода высказывания были восприняты крайне негативно. Заявление советского премьера не оставил без внимания и дипломатический корпус в Варшаве, посчитавший его высказывания нравоучением по адресу поляков, бесцеремонным вмешательством в их внутренние дела²⁷¹.

После VII пленума ЦК ПОРП для многих поляков стало очевидным, что Польша ускоренным темпом продвигается к политическому кризису. Вторая половина октября 1956 г. это подтвердила.

IV.3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ: VIII ПЛЕНУМ ЦК ПОРП И ВСТРЕЧА В БЕЛЬВЕДЕРЕ

Летом–осенью 1956 г. польское партийное и государственное руководство осознало всю меру накопившихся антисоветских настроений в обществе и необходимость пересмотра отношений Польши с Советским Союзом. Первый шаг в этом направлении был сделан на заседании Политбюро ЦК ПОРП 7 сентября при рассмотрении неблагоприятного положения в угольной промышленности. Политбюро приняло решение поставить перед Москвой так называемую «угольную проблему». Речь шла о поставках в СССР угля по специальным договорным ценам в период 1946–1953 гг. В польском обществе сложилось убеждение, что двусторонний договор по углю от 1945 г. несправедлив, поскольку экономически убыточен для польской стороны. Следующий шаг был сделан на встрече Э. Охаба и А.И. Микояна в Москве 11 сентября 1956 г. Они обсудили вопросы, которых стороны не касались долгое время, а именно: нужны ли советские советники в польских органах общественной безопасности, во-первых, и как быть с ценами на уголь — во-вторых. В конце концов, договорились еще раз обсудить вопрос о советниках, а проблему угля дополнительно изучить и временно отложить²⁷².

Но на октябрь пришлось новое обострение ситуации в Польше. Именно тогда стал развиваться политический кризис, охвативший сначала партийно-правительственные круги. В первой половине октября состоялась серия заседаний Политбюро, где рассматривались вопросы чрезвычайной важности. 2 октября партийное руководство наконец пришло к выводу, что пора вернуть Гомулку в высшие эшелоны власти и определило своего представителя (Охаба) для предварительной беседы с ним²⁷³. На заседаниях 8 и 10 октября рассматривалась политическая ситуация в стране и в партии. Мнения высказали все 16 членов Политбюро и секретариата ЦК. В протоколе подчеркивалось, что «ситуация в Польше очень тяжелая, проявляются элементы кризиса, недоверие к руководству партии и правительства, демагогические требования повышения зарплат, рост антисоветских настроений, распространение разных контрреволюционных

теорий. В дискуссиях, которые проходят в партийных организациях и среди беспартийных, отчетливо обнаруживаются два течения: одно — это ориентация на демократию западного, либерально-демократического типа, другое течение — демократия в социалистическом духе». Однако участники заседания разошлись в оценке польско-советских отношений конкретно по трем вопросам — «угольной проблеме», гражданства советских генералов, проходивших службу в Войске Польском, и недопустимости вмешательства советского посла П.К. Пономаренко во внутренние дела Польши.

12 октября Политбюро продолжило обсуждение положения в стране. Охав призывал «решительно бороться с антисоветскими настроениями», а дружественные отношения с Советским Союзом назвал «фундаментом политики» ПНР. «Мы всегда, при всех обстоятельствах пойдем с Советским Союзом», — подчеркнул он. Гомулка, приглашенный на заседание, актуальными на тот момент считал две проблемы: состояние польской экономики и аграрную политику. По его мнению, партии не следовало уклоняться от ответственности за ошибки, допущенные в ходе строительства нового общественного строя. «Политическая ситуация обусловлена нашей ситуацией экономической», — справедливо полагал Гомулка. Что касается аграрной проблемы, то он выступал решительным противником разрушения индивидуальных хозяйств за счет внедрения хозяйств коллективных (производственных кооперативов): «Для меня ясно, — съязвил бывший глава ППР, имея в виду сельские производственные кооперативы, — что социализм в деревне мы поставили на голову». Высказался Гомулка и относительно политической ситуации в стране, и необходимости «нормализации» польско-советских отношений. Для изменения расстановки сил в высшем политическом эшелоне в пользу партийных реформаторов решающее значение имело заседание Политбюро 15 октября. К этому времени вопрос о возвращении Гомулки в его состав был окончательно решен.

На заседании обсуждались проекты доклада первого секретаря ЦК и резолюции для предстоявшего VIII пленума. Предложенный Охавом текст доклада подвергся строгой критике. Участники дискуссии нашли, что он не соответствует задачам, стоящим перед партией. Особенно резко высказывались Ю. Циранкевич, Е. Моравский, В. Матвин, Р. Замбровский. В итоге Политбюро отклонило предложенный Охавом проект доклада²⁷⁴.

В процессе подготовки VIII пленума ключевым стало заседание Политбюро, состоявшееся 17 октября. Охав подготовил для обсуждения собственную версию проекта постановления пленума, но вновь встретился с критикой коллег по высшему политическому руководству, которые полагали, что лишь Гомулка мог бы найти общий язык с широкими массами. Проект был снят с обсуждения. Охав заявил об отставке, мотивируя ее тем, что не удалось консолидировать партию, разрываемую межгрупповыми противоречиями. Обсуждался также состав будущего Политбюро и Секретариата. Все высказались за то, чтобы партию вновь возглавил Гомулка. Из состава руководства ПОРП предполагалось вывести Ф. Мазура, З. Новака, К. Рокоссовского и Ф. Юзвяка, поскольку они не были популярны в партии и обществе, тяготели к группировке «натолинцев». На заседании было решено в первый день работы VIII пленума кооптировать в состав ЦК ПОРП Гомулку и его соратников по подпольной деятельности в годы войны З. Клишко, И. Лога-Совиньского и М. Спыхальского. «Пулавяне» рассчитывали, что такой шаг изменит на пленуме соотношение сил в пользу сторонников демократизации и реформ.

Подготовка пленума проходила в условиях крайнего обострения общеполитической ситуации в стране, чему в решающей мере способствовали средства массовой информации. Так, 16 октября в католической газете «Слово повсехне» руководитель Объединения светских католиков ПАКС Б. Пясецкий опубликовал статью «Государственный инстинкт», в которой прозрачно намекнул на то, что ради внутренней стабильности Польши можно пожертвовать демократизацией. «Если мы не поставим дискуссии в рамки ответственности, — утверждал он, — то вместо демократизации спровоцируем процессы необходимой грубой реализации государственных интересов в обстоятельствах, подобных объявлению чрезвычайного положения»²⁷⁵.

Общественным мнением эта статья была истолкована как призыв к ограничению свободы слова в Польше. В организации, возглавляемой Б. Пясецким, произошел раскол: 21 октября радикальные ее участники А. Мицевский, Я. Франковский, К. Лубеньский, Д. Хородыньский и В. Кетшиньский заявили о создании внутренней оппозиции. Они потребовали изменений в руководстве ПАКСа, усиления коллегиальности при решении принципиальных вопросов его деятельности и отстранения Пясецкого. Однако добиться этого им не удалось. Раскол в ПАКСе привел к возникновению новых католических группировок. Вокруг редакции краковского еженедельника «Тыгодник повсехны» продолжили работу известные в стране публицисты Е. Турович, С. Киселевский, С. Стомма, З. Херберт и др. 23 октября газета «Жиче Варшавы» опубликовала заявление католических деятелей, среди них В. Аулейтнера, А. Голубева, Т. Мазовецкого, Я. Заблоцкого, Е. Завейского и др. Они требовали осудить Б. Пясецкого за его статью «Государственный инстинкт» и выразили поддержку новой политической линии, которая «должна опираться на суверенность» и «углубление демократизации нашей жизни, порывающей со сталинизмом». 27 октября заявил о своем создании Общепольский клуб прогрессивной католической интеллигенции. Еще в июле 1956 г. был создан католический журнал «Вензь», который возглавил Т. Мазовецкий²⁷⁶. Таким образом, сложились и активно заявили о себе центры светской католической интеллигенции, ставшие выразителями широкого общественного мнения в стране. Очень скоро, уже начиная с 1957 г., они сказали свое слово и как политическая оппозиция.

На волне всеобщего брожения в Польше проявило себя стихийное рабочее движение, особенно в Варшаве. Подлинным его лидером был Л. Гожьдик, секретарь организации ПОРП автомобильного завода в варшавском пригороде Жерань. Я. Куронь, тогда популярный деятель молодежного движения, пишет в своих воспоминаниях, что Гожьдик, поддерживая молодежное движение, на студенческих митингах играл особую роль благодаря своим личным качествам: «Он был прекрасен, такой классический митинговый оратор, который понимает аудиторию, обращается к ней, умеет мгновенно ответить... Гожьдик был действительно предводителем Варшавы, революции». Большую роль он сыграл в реализации идеи рабочего самоуправления (рабочих советов), заимствованной поляками из опыта югославского рабочего движения. Суть рабочего самоуправления заключалась в том, чтобы предоставить рабочим коллективам возможность влиять на производственную деятельность предприятия и его администрацию. Первые рабочие советы были созданы в Варшаве в октябре 1956 г. при активном участии организаций ПОРП и заводских дирекций, затем они распространились в крупных и средних промышленных предприятиях краковского, вроцлавского и других регионов страны.

Брожение охватило массовое молодежное движение, в особенности Союз польской молодежи и молодых членов ПОРП. Активно проявляли себя молодые рабочие промышленных предприятий Варшавы, Кракова и других университетских центров. Союз польской молодежи (СПМ) не удержался на политической сцене. Насчитывавший в своих рядах более двух миллионов членов, «польский комсомол» страдал неискоренимым бюрократизмом своих руководителей и пассивностью рядовых членов. Во второй половине 1956 г. стало ясно, что СПМ вступил в фазу организационного распада. В течение короткого времени Союз покинули ряд группировок, заявивших о своей самостоятельности, а в январе 1957 г. организация прекратила свое существование.

По мере приближения VIII пленума ЦК ПОРП стихийное движение молодежи усиливалось. Митинг, собравшийся 18 октября на территории варшавского Политехнического института, направил в ЦК ПОРП письмо, в котором среди прочего говорилось: «Мы считаем, что союз с Советским Союзом, Китаем и странами народной демократии есть и должен быть основой нашей внешней и экономической политики. Союз этот ни в коем случае не может мешать сохранению суверенности каждой из союзных стран, а также самостоятельности выбора путей к социализму»²⁷⁷.

Именно многотысячные ежедневные собрания в варшавской Политехнике с участием руководителей варшавской городской организации ПОРП, журналистов из редакции «По просту» и представителей молодых рабочих автомобильного завода в Жерани оказали реальную поддержку реформаторскому крылу ПОРП. Митинги охватили высшую школу, промышленные предприятия, военные учебные заведения. Их участники высказывались в пользу социализма, демократизации, в поддержку Гомулки. Одновременно они вели речь о пересмотре польско-советской границы и возвращении в состав Польши Львова и Вильнюса. Это правящей партией категорически не принималось и расценивалось как антисоветизм.

Симптомы кризиса затронули не только правящую партию. Пленум ЦК Демократической партии, состоявшийся 7–10 октября 1956 г., пришел к выводу, что низовые партийные звенья явно деморализованы. Видная деятельница партии З. Стыпулковская заявила на пленуме, что все происходящее в стране — «это кризис доверия к народной власти, все допущенные властью политические деформации и ошибки граждане Польши склонны отождествлять с недостатками, укоренными в самом строе». Принятый пленумом программный документ «Директивы политической и организационной деятельности Демократической партии» относительно польско-советских отношений утверждал: «Польша использовала и далее будет использовать богатый опыт Советского Союза в области социалистического строительства. Это, однако, не может означать механического перенесения советского опыта и образцов в наши условия. Демократическая партия считает, что факт выявления и ликвидации ошибок и извращений, вытекающих из культа личности, создает возможности более полного, нежели в минувший период, распространения, углубления и укрепления дружбы и сотрудничества между Польшей и СССР»²⁷⁸.

Постоянным явлением, особенно в столице, были студенческие дискуссии, собрания, сходки, митинги. Студенчество стремилось к автономной общественно-политической деятельности. В ноябре 1956 г. в Варшавском университете был создан Союз социалистической молодежи, который стал поддерживать постоянные контакты с молодыми рабочими автомобильного завода в Жерани и Л. Гожьдином. Во

Вроцлаве инициативная группа студентов Политехнического института организовала Революционный союз молодежи. Вскоре студенчество Вроцлава объявило о создании студенческого Союза коммунистической молодежи. В конце ноября на базе городского комитета СПМ возникли так называемые революционные комитеты студентов и рабочей молодежи. Похожую картину можно было наблюдать в Кракове, Кельце, Вальбжихе, Ченстохове, т. е. там, где была студенческая среда. 6–7 декабря в Варшаве удалось организовать всепольское совещание левой молодежи, названное Первым конгрессом революционной молодежи. Здесь собралось около 1 400 делегатов, очень заинтересованно обсуждавших идеологические принципы и тактику молодежного движения и провозгласившего создание Революционного союза молодежи. Конгресс одобрил социалистический путь развития Польши.

Объединенная крестьянская партия предприняла попытку создать организацию крестьянской молодежи. С этой целью 3 декабря 1956 г. на съезде в Кракове был восстановлен Союз крестьянской молодежи «Вици», действовавший до рубежа апреля-мая 1957 г. и находившийся под идеологическим «присмотром» ПОРП и ОКП.

На съезде 30 ноября 1956 г. в Варшаве сформировался Союз молодых демократов. Он пытался работать легально под прикрытием Демократической партии. В своей программе Союз поддержал решения VIII пленума ЦК ПОРП, польскую модель социализма, идею самоуправления рабочих и многопартийность, но одновременно считал, что строительство социализма в Польше не нуждается в диктатуре пролетариата и что необходимо стоять в конструктивной оппозиции к ПОРП. Новая молодежная организация довольно быстро выросла численно, достигнув 10 тыс. человек, главным образом за счет учащихся католических учебных заведений (Люблинский католический университет и др.). Но когда Гомулка в одном из своих публичных выступлений в резкой форме заявил, что в Союзе группируются студенты, враждебные народной власти, судьба организации была предрешена. Под нажимом аппарата ЦК ПОРП Союз принял решение о самороспуске, что и произошло в середине января 1957 г.²⁷⁹

На место Союза польской молодежи пришел Союз социалистической молодежи, учредительный съезд которого состоялся 25–27 апреля 1957 г. Съезд принял идеологическую декларацию и устав, избрал руководящие органы. В декларацию было включено положение о том, что новая молодежная организация будет работать под политическим руководством ПОРП. Уже в первый год существования численность Союза составила около 60 тыс. членов, в 1959 г. — около 260 тыс., и в дальнейшем его численность непрерывно возрастала²⁸⁰.

В Объединенной крестьянской партии политические процессы проходили весьма обостренно и свидетельствовали о стремлении к обновлению. IV пленум Главного комитета ОКП, заседавший 18–20 октября 1956 г., как раз тогда, когда работал VIII пленум ЦК ПОРП, пересмотрел свое недавнее прошлое, особенно аграрную политику, противоречившую сознанию и интересам польского крестьянства. Отвергнута была задача так называемой «трансмиссии», т. е., как это понимали в ЦК ПОРП, внедрения в крестьянские массы руководящих идей правящей партии. На пленуме рассматривались задачи людовцев в области политики, экономики и культуры, укрепления польско-советских отношений. На этом фоне произошло решающее столкновение между председателем Секретариата Главного комитета ОКП С. Игнаром и председателем ОКП В. Ковальским, выступавшим против обновления партии людовцев и тор-

мозившим процесс демократизации. Ковальский не выдержал соперничества и подал в отставку. Объединенную крестьянскую партию возглавил Игнар, немедленно заявивший о поддержке Гомулки и его политического курса на обновление²⁸¹.

Между тем готовившиеся кадровые перестановки в польском высшем политическом руководстве вызывали глубокое опасение в Москве. Особенно же здесь были обеспокоены намерением поляков вывести из Политбюро Рокоссовского, занимавшего два ключевых правительственных поста — заместителя председателя Совета министров ПНР и министра национальной обороны. Обе стороны решили прибегнуть к превентивным мерам. Министр обороны СССР маршал Г.К. Жуков 18 октября 1956 г. отдал приказ о приведении в боевую готовность гарнизонов Северной группы советских войск, дислоцированных в Польше. Готовилась к отпору и польская сторона. Группа высших польских офицеров создала для координации действий два центра оперативного управления — военный и гражданский штабы. В военный штаб вошли заместитель министра внутренних дел Ю. Хибнер, командующий внутренними войсками, лишь недавно освобожденный из заключения В. Комар, командир Корпуса общественной безопасности В. Мусь, командующий военно-воздушными силами Я. Фрей-Белецкий, командующий флотом Я. Висьневский и некоторые другие. На военный штаб возлагалась задача отслеживать передвижение советских войск и информировать об этом польское руководство. Генерал Ю. Хибнер распорядился привести в боевую готовность внутренние и пограничные войска, а командирам соединений наметнул, что не исключена возможность боевых действий против советских частей. Гражданский штаб возглавил первый секретарь Варшавского комитета ПОРП С. Сташевский. Штаб должен был обеспечивать необходимую помощь военным, опираясь на варшавскую студенческую молодежь и столичную организацию ПОРП. Для формирования отрядов самообороны и рабочей милиции было выделено 800 единиц стрелкового оружия²⁸².

Тем временем самоуверенный и нетерпеливый Хрущев пришел к выводу, что настал момент, когда ему необходимо лично вмешаться в развитие событий в Польше. 18 октября Президиум принял постановление о поездке в Польшу делегации ЦК КПСС в составе Н.С. Хрущева, Л.М. Кагановича, А.И. Микояна и В.М. Молотова. На следующий день рано утром самолет с советской делегацией приземлился на военном аэродроме под Варшавой. Тем же самолетом прибыл и маршал И.С. Конев, заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора. Он не был членом официальной советской делегации, но прибыл для того, чтобы в случае необходимости координировать действия Министерства обороны СССР и советских частей в Польше. Его присутствие говорило о серьезных намерениях советской стороны.

Советских руководителей в Польшу никто не приглашал, и их прибытие в Варшаву накануне открытия VIII пленума ставило принимающую сторону в сложное положение. Но Хрущева такое обстоятельство несколько не смущало, и вскоре после прилета в Бельведере, резиденции председателя Государственного совета ПНР, началась беседа представителей Президиума ЦК КПСС и Политбюро ЦК ПОРП. Во встрече участвовал посол СССР в Польше П.К. Пономаренко. Польскую сторону представляли Охав, Завадский, Циранкевич, Рокоссовский и Гомулка, в тот момент еще не входивший в состав ЦК партии. После короткой «беседы», напоминавшей, скорее, перебранку, поляки

отправились в расположенное неподалеку от Бельведера здание Совета министров, где их ожидали собравшиеся участники пленума.

Была оперативно проведена кооптация Гомулки в состав ЦК, затем он сам и члены польской делегации вернулись в Бельведер. Вместе с ними прибыли Э. Герек, В. Двораковский, Р. Замбровский, З. Новак, его однофамилец Р. Новак, Ф. Юзьвяк, А. Рапацкий, С. Ендриховский, Э. Ставиньский и Г. Хелховский. Переговоры продолжались. В это время в городе шумел студенческий митинг (примерно 5 000 участников), организованный Политехническим институтом при участии Варшавского университета и других высших учебных заведений, редакции еженедельника «По просту» и рабочей молодежи автомобильного завода в Жерани. В столице, жители которой уже знали о приезде советских руководителей, атмосфера была тревожной. В ротонде Бельведера в чрезвычайно нервной обстановке 20 высокопоставленных партийных и государственных деятелей ПНР и СССР спорили по самым важным проблемам внутреннего положения Польши. Речь шла о персональном составе нового высшего руководства ПОРП, которое предстояло избрать на пленуме, а также о разногласиях «пулавян» и «натолинцев» в ЦК ПОРП. Обсуждались вопросы польско-советских межгосударственных отношений, советских советников и военнослужащих в польских вооруженных силах и системе государственной безопасности, экономические отношения ПНР и СССР.

Уже в самом начале встречи Гомулка резко поставил вопрос о нарушениях суверенитета Польши. «Ваш приезд — это вмешательство в наши дела», — жестко заявил он и по ходу дискуссии возвращался к этой мысли неоднократно. От советской делегации первым выступил Микоян, который говорил главным образом о польско-советских межгосударственных отношениях и необходимости укреплять их, невзирая на анти-советские выпады в польской прессе и на митингах. Гомулка этого не оспаривал. Напротив, подчеркивал не раз, что Польша в большей мере, чем СССР, заинтересована в дружеских польско-советских отношениях и всемерной помощи: «Дружба нам больше нужна, чем вам, и все мыслящие люди в Польше это понимают», а затем упрямо добавил: «О внутреннем положении Польши мы можем выслушать ваше мнение. Но окончательно решать — наше дело. Тов. Хрущев вмешивается в наши дела и неправильно говорит, что мы против дружбы»²⁸³.

О разногласиях в Политбюро и ЦК ПОРП высказался Замбровский. По его мнению, камнем преткновения для польского руководства была проблема демократизации. «В этом вопросе мы исходили из линии XX съезда КПСС, с учетом наших, польских условий... Управлять по-старому нельзя, нужно по-новому... У нас у всех накопилось. Рабочие хотят иметь больше власти на предприятиях. Поступают десятки предложений о перестройке системы управления хозяйством», — пояснял Замбровский. Он отметил, что вопрос о роспуске КПП в 1938 г., поднятый на XX съезде КПСС, «вызвал рост националистических настроений. За это время чувствительность поляков в национальном вопросе усугубилась»²⁸⁴.

А. Завадский поддержал делегацию президиума ЦК КПСС. По его мнению, было бы неверно обвинять только одну сторону — советскую или польскую. «За создавшееся положение отвечаем главным образом мы, — подчеркнул он. — Причины трудностей были связаны с культом личности Сталина. В связи с докладом т. Хрущева о культе личности у вас, в СССР, было потрясение, но вы держали все крепко в руках.

А у нас дело обстояло иначе. Дело осложнилось вопросом о роспуске КПП и смертью т. Берута. Хотя в стране было плохо, люди голодали, но т. Берут этого не видел и не хотел видеть». Выступил и маршал Рокоссовский. Его не удовлетворяло отношение общественности к Войску Польскому, попытки ослабить дисциплину в армии. «Теперь отношение к армии вообще резко изменилось, — заявил он. — Появилась подозрительность... В Политбюро, особенно со стороны т. Замбровского, имеются тенденции создавать бесконечные партийные и правительственные комиссии для проверки положения в армии... Армию обвиняют в том, что в ней нет критики, что в ней ненормальное положение с точки зрения демократизма. В своей работе по подготовке армии мы берем пример с Советской армии — самой лучшей армии в мире»²⁸⁵.

Во время дискуссии в Бельведере польское руководство получило сообщение о выдвижении в направлении Варшавы советских танковых подразделений. Принимая во внимание, что варшавяне, как военные, так и гражданские, подготовились к отпору, Хрущев оценил положение и отдал разумное распоряжение приостановить движение советских войск. Несколько дней они находились недалеко от польской столицы, а затем вернулись в места постоянной дислокации. На рассвете 20 октября главный советский партийный руководитель и его спутники отбыли в Москву, а пленум ЦК ПОРП продолжил свою работу.

Что касается политических итогов встречи в Бельведере, то они оказались в целом благоприятными для польской стороны. Позитивно был разрешен ряд чрезвычайно существенных для ПОРП вопросов. Во-первых, была поставлена проблема суверенитета Польши, что нашло отражение в Декларации советского правительства 30 октября 1956 г. об укреплении сотрудничества между СССР и другими европейскими странами социалистического лагеря. В ней говорилось, что «страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения только на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга»²⁸⁶. Во-вторых, был достигнут прогресс в решении угольной проблемы: стороны договорились обсудить ее еще раз, чтобы найти взаимоприемлемое завершение спора о ценах на кольский уголь. В-третьих, пришли к соглашению об отзыве советских советников и офицеров из польской армии. К. Рокоссовский заявил о желании уйти в отставку и в середине ноября отбыл в Москву, где сразу же получил пост заместителя министра обороны СССР. И, наконец, в-четвертых, подразделения Северной группы советских войск вернулись в свои гарнизоны, что в значительной степени способствовало ослаблению напряжения в Польше*.

Самым важным событием пленума было программное выступление Гомулки. Учитывавшее все нюансы в настроении общества, оно должно было стать решающим шагом к кадровой перестройке руководства ПОРП. В речи, которая транслировалась по радио и тем многократно увеличивала аудиторию пленума, говорилось о самых актуальных проблемах социальной, экономической и политической жизни Польши. Естественно, в качестве приоритетной была представлена идея суверенности Польши.

* До сих пор западная историография, включая современную польскую, расценивают танковый марш как «советскую интервенцию», что в свете изложенных фактов следует признать весьма спорным тезисом.

«Взаимоотношения между партиями и государствами лагеря социализма не дают и не должны давать никаких поводов к каким-либо осложнениям. В этом состоит одна из главных черт социализма, — с убежденностью провозглашал Гомулка. — Эти отношения должны формироваться по принципам международной рабочей солидарности, должны основываться на взаимном доверии и равноправии, на взаимной дружеской критике, если она окажется нужной, на разумном и вытекающем из духа дружбы и из духа социализма решении всех спорных вопросов. В рамках таких отношений каждая страна должна пользоваться полной независимостью и самостоятельностью, а право каждого народа на суверенное управление в независимой стране должно соблюдаться полностью и взаимно». Такая постановка вопроса не могла не одобряться самыми широкими кругами поляков, независимо от их возраста, социального статуса и убеждений. С вопросом о суверенитете Польши был органически увязан вопрос о польско-советских отношениях, о необходимости освобождения их от проявлений идеологического и политического диктата: «Если в прошлом было не все так, как, по нашему мнению, должно быть между нашей партией и КПСС и между Польшей и Советским Союзом, то сегодня это отошло в безвозвратное прошлое. Если в той или другой области нашей жизни имеются вопросы, которые требуют еще урегулирования, то это нужно сделать по-дружески и спокойно, ибо такой образ действия должен характеризовать отношения между партиями и государствами лагеря социализма. А если кто-либо думает, что удастся в Польше разжечь антисоветские настроения, то он глубоко ошибается. Мы не позволим нанести вред жизненным интересам польского государства и делу строительства социализма в Польше». В последних словах явно ощущалось, что Гомулка выдает желаемое за действительное.

Значительное место в выступлении Гомулки заняли «уроки Познани». Он предложил новую оценку тем событиям: «Политически наивной была неловкая попытка представить горькую познанскую трагедию как дело рук империалистических агентов и провокаторов». Причинами же трагедии и недовольства рабочих Гомулка назвал грубые промахи руководителей ПОРП и правительства. В частности, шестилетний план экономического развития Польши, представленный общественности как новый этап повышения жизненного уровня населения страны, не оправдал и не мог оправдать ожиданий широких масс трудящихся²⁸⁷.

На пленуме говорилось и о новой аграрной политике партии. В. Гомулка высказался за укрепление индивидуального крестьянского хозяйства вместо колхозов. Крестьянство встретило это предложение с одобрением и одновременно — массовым выходом из земледельческих производственных кооперативов. Этот процесс стал необратимым. В сельских местностях из 10 203 производственных кооперативов, которые были официально зарегистрированы на конец сентября 1956 г., в конце 1956 г. осталось 1520, или 15%²⁸⁸. Попытка кооперирования сельскохозяйственного производства по советскому образцу потерпела полное фиаско как экономически нерентабельная и нежизнеспособная в польских условиях.

Итоги выборов в Политбюро и Секретариат ЦК, состоявшиеся на пленуме, показали, что Гомулка стал бесспорным лидером партии. Общественность связывала с ним надежды на улучшение жизни и демократизацию. По завершении работы пленума (21 октября) волна митингов и манифестаций в поддержку Гомулки и провозглашенной им политики не ослабела. Многочисленные митинги собирались в Гданьске, Щецине,

Вроцлаве, в Люблине в них приняли участие десятки тысяч, в Познани — 100 тыс. человек. Рабочая и студенческая молодежь митинговала в Кракове, Ополе, Лодзи, Кельце, Ольштыне, Быдгощи, Кошалине, Гливице и других городах. Самым многочисленным был митинг в Варшаве 24 октября при участии сотен тысяч поляков. Даже сам Гомулка чуть было не спасовал перед многолюдьем и энтузиазмом митинговой стихии. Тогда он произнес слова, надолго запомнившиеся полякам: «Хватит митинговать!». После этого страна стала возвращаться к спокойной жизни.

IV.4. После кризиса: попытки десталинизации. Выборы в Сейм

Когда Польшу охватила митинговая стихия, в Москве на Старой площади 20, 21, 23 и 24 октября 1956 г. проходили заседания Президиума ЦК КПСС, подводившие итоги поездки в Варшаву. Хрущев первоначально не исключал вооруженного вмешательства в польские дела: «Выход один — покончить с тем, что есть в Польше», но на следующий день неожиданно выдвинул прямо противоположную идею: «Учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость». Эта перемена позиции была отнюдь не случайной: в ходе польских событий заявил о себе китайский фактор. Мао Цзэдун и высшее руководство КНР проявили желание влиять на ситуацию в Польше. Присутствовавшая на VIII съезде КПК в сентябре 1956 г. делегация ПОРП получила заверения в политической поддержке и обещание оказать крупную материальную помощь (30 миллионов долларов!). Информация о китайском намерении была получена в Москве от советского посла в Пекине²⁸⁹. С таким поворотом дел Хрущев должен был считаться.

Другой фактор, определявший развитие ситуации и позицию Хрущева, был связан с событиями в Венгрии. Так, оказалось под вопросом проведение закрытого совещания в Москве стран социалистического лагеря (участников Организации Варшавского Договора) Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и КНР. Повестка дня совещания была очевидна: политический кризис в Польше, новые руководители ПОРП, отношение к передвижению по польской территории частей Северной группы советских войск. Между тем вечером 23 октября в Будапеште вспыхнуло восстание, и выяснилось, что представители Венгрии в совещании участия не примут. Без объяснения причин проигнорировала совещание делегация Румынии. Что касается Польши, то Гомулка сообщил по телефону, что поляки могут прибыть в Москву не ранее 8 ноября²⁹⁰.

Тем не менее, совещание началось 24 октября. В Москву прибыли высшие руководители Болгарии во главе с первым секретарем ЦК БКП Т. Живковым, ГДР во главе с первым секретарем ЦК СЕПГ В. Ульбрихтом, Чехословакии во главе с главой ЦК КПЧ А. Новотным. Китайскую делегацию из четырех человек возглавлял член Политбюро ЦК КПК, заместитель председателя ЦК КПК Лю Шаоци. Был еще и «виртуальный» участник совещания — Мао Дзэдун, который по телефонной линии Пекин–Москва постоянно общался с китайскими представителями на совещании.

Первым выступил Хрущев. Он информировал собравшихся о пребывании в Варшаве 19 и 20 октября, о дискуссии с польскими руководителями и сделал важное

заклучении: «У ЦК КПСС сложилось мнение, что в отношениях с Польшей следует избегать нервозности и торопливости. Надо помочь польским товарищам выработать уравновешенную партийную линию и все сделать в интересах того, чтобы связи между Польшей и СССР, а также между Польшей и другими странами народной демократии, снова упрочились». Ульбрихт заявил, что «тактика в отношении Польши правильная», имея в виду марш танковых дивизий в направлении Варшавы. Новотный стал жаловаться на то, что «Польша не дает 50% угля. И в Польше, и в Венгрии после XX съезда [КПСС] руководство было выпущено из рук». Живков, не мудрствуя лукаво, согласился с выступавшими. Лю Шаоци посчитал «правильными мероприятия ЦК [КПСС] по Польше»²⁹¹. Иными словами, зарубежные представители согласились с мнением Хрущева и заняли осторожную, выжидательную позицию. Это объяснялось чрезвычайно усложнившейся обстановкой в Венгрии как раз 24 октября, когда советские войска пересекли советско-венгерскую границу.

Тем временем в Польше пришла пора реализации новой политической линии, о которой говорил Гомулка. С поста заместителя министра национальной обороны и начальника Главного политического управления Войска Польского был смещен заядлый «натолинец» генерал К. Виташевский, готовилась смена руководителей политорганов в армии, шло расформирование института военных советников из СССР. Кадровые мероприятия в армии соответствовали интересам польского среднего и высшего командного состава, в подавляющей своей массе считавшего ненужным присутствие в польских вооруженных силах советских советников и кадровых офицеров. Эти меры отвечали патриотическим настроениям рядовых граждан ПНР.

В течение нескольких месяцев В. Гомулка в многочисленных публичных выступлениях пропагандировал основные слагаемые своей политики. Самым важным он считал защиту государственного строя Польши, ибо в неконтролируемом поведении больших масс людей он видел самую серьезную угрозу власти и безопасности страны. Для стабилизации ситуации Гомулка решил пересмотреть партийно-государственную политику в отношении католической церкви. Учитывая глубокие традиции католицизма в Польше, его чрезвычайно прочное влияние в обществе, он сделал ряд важных шагов навстречу церкви и ее прихожанам. Были активизированы прямые контакты со светскими католическими кругами, в частности с Объединением светских католиков ПАКС, сняты препятствия к открытию клубов католической интеллигенции в Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Люблине, Лодзи, Торуни, прежним издателям и редакторам был возвращен популярный краковский католический еженедельник «Тыгодник повсехны» и, главное, был освобожден из изоляции в одном из монастырей духовный пастырь верующих — кардинал С. Вышиньский. 28 октября примас возвратился в резиденцию на улице Мёдовой в Варшаве и приступил к служению. Возвращались в свои епархии многие епископы, отстраненные от богослужения. Были восстановлены уроки религии в школах, в классы вернулись католические кресты (достаточно было соответствующей просьбы родителей и заявления в местную администрацию). Школы обязывались создавать для этого необходимые условия. Преподавание религии оплачивалось Министерством просвещения. 8 ноября последовало возобновление деятельности смешанной комиссии для нормализации отношений между государством и католической церковью. Польская общественность по достоинству оценила такие меры нового руководства ПОРП²⁹². В связи с введением преподавания религии возникали,

однако, конфликты между школьниками: ученики из религиозных семей с большим трудом ладили со своими сверстниками из семей атеистических.

Укрепило авторитет Гомулки и его отношение к событиям в Венгрии. 23 октября 1956 г. в Будапеште в знак солидарности с варшавскими студентами состоялись стихийные демонстрации, которые переросли в массовое антиправительственное выступление. Оно вызвало нескрываемые симпатии польского общества. Тогда в польских городах стихийно организовывалась помощь венгерским повстанцам: поляки сдавали кровь в донорских пунктах, собирали перевязочные средства, одежду и питание. Поляки помнили, что в период «весны народов» в 1848 г. польский генерал Ю. Бем перешел границы Австро-Венгрии, чтобы с оружием в руках помочь венграм. 24 октября 1956 г., когда советские войска вторглись на венгерскую территорию, чтобы подавить восставший Будапешт, Гомулка и Циранкевич обнародовали «Воззвание Центрального Комитета ПОРП к братьям-венграм» с выражением моральной поддержки повстанцам. В этом шаге было, прежде всего, стремление обезопасить Польшу от развития ситуации по венгерскому сценарию²⁹³.

4 ноября на негласной встрече Н.С. Хрущева, Г.М. Маленкова и В.М. Молотова с В. Гомулкой, Ю. Циранкевичем и, как утверждает Хрущев, с Э. Охабом вблизи советско-польской границы, в районе г. Бреста, обсуждалась интервенция советских войск в Венгрию и возникавшая в связи с этим необходимость скоординировать действия стран Варшавского договора. Гомулка признал, что присутствие советских войск на венгерской территории оправдано, но при условии, если они не будут применять оружие²⁹⁴.

В первые месяцы после возвращения В. Гомулки к власти происходило обновление кадрового состава органов юстиции, и в этих условиях продолжена реабилитация участников движения Сопротивления периода Второй мировой войны. Продуктивно работали реабилитационные комиссии в ПОРП, ОКП и ДП, снимая несправедливые политические обвинения с партийных и общественных деятелей. Так, 27 октября 1956 г. газета «Трибуна люду» опубликовала сообщение Польского агентства печати (ПАП) о реабилитации видного деятеля людовского движения, основателя и бывшего главного коменданта Батальонов Хлопских Ф. Каминьского, который в 1950 г. был арестован и приговорен к 12 годам тюремного заключения²⁹⁵. Освобождались осужденные офицеры и генералы АК и Войска Польского, государственные и политические деятели, коммунисты, людовцы, демократы и беспартийные. Пересматривались приговоры, вынесенные большинству участников волнений в Познани. Всю ответственность за происшедшее в городе Гомулка публично возложил на прежнее партийно-государственное руководство.

Переформировывалось правительство Польши. 13 ноября М. Спыхальский (ПОРП) был назначен министром национальной обороны, В. Беньковский (ПОРП) — министром просвещения, Р. Бараньский (беспартийный) — министром здравоохранения, С. Дарский (беспартийный) — министром судоходства. В тот же день было принято решение об упразднении Комитета общественной безопасности при Совете министров ПНР с передачей его функций МВД. 22 ноября была воссоздана Центральная согласительная комиссия ПОРП, ОКП и ДП. Высшие органы законодательной и исполнительной власти пополнялись представителями Объединенной крестьянской и Демократической партий. В руководящие партийные структуры пришли люди, не скомпрометировавшие себя поддержкой режима Берута.

Пойдя навстречу ожиданиям рабочих коллективов заводов и фабрик, сейм принял 19 ноября закон о рабочих советах на предприятиях. Предпринимались также попытки совершенствовать управленческую систему путем ликвидации излишних бюрократических звеньев. Новаторским представлялось создание Экономического совета, задачей которого был анализ политики государства в хозяйственной сфере. В рамках этого Совета видные польские экономисты провели широко освещавшуюся в печати дискуссию о модели экономического развития Польши, вызвавшую большой интерес польской общественности. В 1957 г. статьи, связанные с дискуссией, были собраны и изданы отдельной книгой²⁹⁶.

Новая польско-советская встреча на высшем уровне состоялась в Москве 15–18 ноября 1956 г. Это были официальные партийно-правительственные переговоры. Делегации возглавляли партийные лидеры. В состав польской делегации входили члены Политбюро ЦК ПОРП В. Гомулка, Ю. Циранкевич, А. Завадский, С. Ендриховский, член ЦК ПОРП Э. Шир, заместитель министра финансов, председатель Польского национального банка В. Тромпчинский, генеральный директор МИД М. Верна и генеральный директор Министерства финансов Г. Котлицкий. В советскую делегацию входили первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, председатель президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов, председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин, его первые заместители А.И. Микоян и М.З. Сабуров. Участвовали также кандидат в члены президиума ЦК КПСС маршал Г.К. Жуков, ряд министров, начальник Главного управления по экономическим связям со странами народной демократии К.И. Коваль, посол в Польше П.К. Пономаренко, первый заместитель начальника Генштаба, начальник штаба Объединенных вооруженных сил стран Варшавского договора генерал армии А.И. Антонов и др. Состав делегаций соответствовал важности проблем, которые намеревались рассмотреть и принять решения, определяющие взаимоотношения СССР и ПНР на перспективу.

В центре обсуждения стояли три главных вопроса: расчеты по советским транзитным перевозкам за 1945–1954 гг.; соотношение злотого и рубля в торговле; поставки в Советский Союз польского угля по льготным ценам. Все они, а также вопросы репараций, польской оборонной промышленности, строительства на польской территории стратегических объектов (военные аэродромы и железнодорожные линии) рассматривались комплексно²⁹⁷. Переговоры проходили как встреча равных партнеров, хотя и сопровождались спорами и взаимными упреками. Когда польские руководители стали упрекать советскую сторону в том, что Советский Союз больше помогает ГДР, чем Польше, Микоян резко заявил: «Мы не согласны с односторонней постановкой вопроса. Такая позиция питает корни антисоветских отношений. Из того, что вы говорили, следует, что мы вас почти угнетали. Претензии только к нам. А ведь 500 тысяч солдат Советской Армии погибло в Польше, 1,5 миллиона было раненых. Мы давали обмундирование и кормили польскую армию. Мы защищали ваши западные земли. Наши издержки на польских землях составили 34 миллиарда рублей, но нам даже в голову не приходило, чтобы обращаться с претензиями о возвращении издержек. Из того, что вы говорите, следует, что все экономические трудности в Польше были вызваны поставками репарационного угля, а ведь были серьезные трудности в вашей экономике». По результатам переговоров было принято совместное заявление, касавшееся как польско-советских политических, экономических и военно-экономических связей,

репатриации поляков в Польшу, так и международных проблем вокруг Суэцкого канала, событий в Венгрии²⁹⁸. Таким образом, было достигнуто серьезное продвижение к равноправию в отношениях Польши и СССР.

17 декабря 1956 г. в Варшаве состоялось подписание документа особой важности — Договора между правительствами ПНР и СССР о правовом статусе советских войск на польской территории. От имени Советского Союза подписи поставили министр иностранных дел Д.Т. Шепилов и министр обороны Г.К. Жуков, от имени Польши — министр иностранных дел А. Рапацкий и министр национальной обороны ПНР М. Спыхальский. В договоре предельно четко констатировалось: «Временное нахождение частей советских войск в Польше ничем ни в чем не может затрагивать суверенитет Польского государства и не может вести к их вмешательству во внутренние дела Польской Народной Республики». На основе специальных соглашений устанавливался количественный состав советских войск, места их дислокации и условия передвижения по территории Польши, в том числе проведение учений и маневров по согласованию с польской стороной. Советские военные подразделения, а также члены семей военнослужащих обязывались не нарушать польского законодательства²⁹⁹. Тем самым была подведена черта под периодом, когда пребывание Северной группы советских войск в ПНР фактически не опиралось на правовую базу.

Несмотря на стабилизацию общей обстановки в Польше, в некоторых воеводствах имели место волнения, вызванные недовольством населения материальным положением, производственными конфликтами на предприятиях и иными причинами социального характера. Так, 11 ноября 1956 г. произошли довольно серьезные уличные беспорядки в небольшом г. Плоцке. Причиной было задержание милицией нарушителя общественного порядка. При расследовании происшествия было установлено, что некоторые люди в собравшейся толпе выражали недовольство политическим режимом. Гораздо серьезнее были события 18 ноября в г. Быдгощи, где дело не ограничилось нападением на здания воеводских команд милиции, избиением милиционеров, выкриками антиправительственного и антисоветского содержания, но была разгромлена станция глушения западных радиопередач на Польшу. Эксцессы прекратились лишь после энергичного вмешательства подразделений польской госбезопасности. Виновные предстали перед судом. Подчеркнуто антисоветским характером отличались беспорядки вечером 10 декабря в портовом Щецине, у самой границы с ГДР. Они начались с бытового конфликта, который пыталась уладить милиция, но мгновенно собравшаяся толпа стала избивать стражей порядка, затем двинулась к комиссариату милиции и городской прокуратуре, пыталась атаковать местную тюрьму, выбила стекла в помещении консульства СССР. Лишь поздней ночью милиция восстановила порядок с помощью рабочих судоверфи и студентов³⁰⁰.

Рецидивы более или менее массовых выступлений социально-экономического характера с элементами политического недовольства свидетельствовали, что общество еще далеко не успокоилось после всех перипетий и потрясений лета–осени 1956 г. Между тем время функционирования законодательного органа первого созыва истекало, приближались выборы в сейм. Для пришедших к власти новых партийных и государственных руководителей они должны были отразить уровень доверия граждан к новой властной команде и ее программе обновления страны. Поэтому партийно-правительственная коалиция в форме созданного на рубеже 1956–1957 гг. Фронта

единства народа (ФЕН)* не видела ничего плохого в том, чтобы обеспечить преобладание ПОРП, сформировав надежный состав органа верховной власти. Для этого была использована система отсеивания неприемлемых кандидатов. Положением о выборах предусматривалась такая процедура составления избирательных списков, когда первые три места обязательно предназначались для кандидатов Фронта. Остальные места в избирательных списках заполнялись кандидатами, выдвинутыми в порядке общественной инициативы. Тем самым открывались пути для конкурентных выборов депутатов парламента.

Положение об очередных парламентских выборах сейм утвердил 24 октября 1956 г., в тот день, когда состоялся многотысячный митинг варшавян. Выборы были назначены на 20 января 1957 г. Государственный совет ПНР создал 116 многопартийных (точнее трехпартийных, поскольку в стране политических партий было только три) избирательных округов³⁰¹.

Возможность получить мандат депутата сейма чрезвычайно обострила соперничество общественных сил в Польше, что подтверждают материалы польских архивов. Критика правящей партии оказалась настолько резкой, всесторонней и во многих случаях попадающей точно в цель, что положение ПОРП пошатнулось. Вполне реальной становилась возможность утраты партией ведущих позиций в новом парламенте. И политическое руководство вынуждено было пойти на беспрецедентный шаг: 14 января в здании Совета министров премьер-министр Польши Ю. Циранкевич принял кардинала С. Вышиньского и попросил его поддержать власть (!) и призвать верующих участвовать в выборах, проголосовав за патриотические силы. В тот же день появилось сообщение епископата, в котором коротко, ясно и убедительно говорилось: «Воскресенье 20 января в Польше — это день всеобщих выборов в Сейм. Граждане-католики должны в этот день выполнить обязанность своей совести — принять участие в голосовании. Католическое духовенство проведет богослужения так, чтобы все верующие могли без препятствий выполнить свои религиозные обязанности и обязанности избирателей»³⁰². Именно поддержка католической церкви и ее высшего иерарха, которым доверяли миллионы католиков, обеспечили благоприятный для власти исход избирательной кампании.

Те, кто был против построения социализма в Польше и не поддерживал программу, предложенную Гомулкой на VIII пленуме ПОРП, тоже готовился к выборам. По всей стране распространялись листовки и плакаты, призывавшие голосовать против правящей партии. Листовки антиправительственного содержания находили в Белостокском, Быдгощском, Вроцлавском, Катовицком, Кошалинском, Люблинском, Ольштынском, Жешовском и других воеводствах. В Зеленогурском воеводстве, например, в прокламации, подписанной «Национальная партия», говорилось: «Поляки, не допустим к власти прежних министров, это агенты еврейского и советского интернационала. ...Помните, что Советы уничтожают население в Венгрии, и у нас подавили все, а мы должны пассивно смотреть на убийства в Венгрии. Те, кто сидел в Варшаве во времена Сталина, сидят и сегодня, заслоняясь новым Кадаром — Гомулкой. ...Да здравствует смена правительства снизу доверху, без банды евреев и Советов». Антисемитизм и антисове-

* Во Фронт вошли представители ПОРП, ОКП и СД, а также профсоюзов и общественных организаций.

тизм часто проявляли себя в ходе избирательной кампании в январе 1957 г.³⁰³ Судя по отчетам воеводских комитетов ПОРП, в Ольштынском, Люблинском, Жешовском, Вроцлавском, Опольском, Кошалинском воеводствах рядом с антисемитской пропагандой имела место антиукраинская пропаганда, а в Белостокском воеводстве — анти-белорусская.

В ходе избирательной кампании Гомулка публично выступал четыре раза, всегда затрагивая политически наиболее важные проблемы. 19 января 1957 г., за день до выборов, он заявил перед микрофонами польского радио, что «только Польша социалистическая может фигурировать на карте Европы как государство независимое и суверенное». Он призывал всех поляков высказаться за политику, обеспечивающую безопасность и целостность государственных границ, прогресс в экономическом развитии страны и улучшение материального положения недостаточно обеспеченных слоев населения, убеждал сограждан не вычеркивать в бюллетенях кандидатов от правящей партии³⁰⁴.

По официальным данным, в выборах участвовало без малого 17 миллионов граждан, имевших право голоса, или 94,1%. Среди 16 833 тыс. действительных голосов 98,4% были отданы за кандидатов Фронта единства народа. Отражением политических перемен в стране было то, что по итогам выборов лидерами в списках Фронта стали в 15-ти избирательных округах беспартийные, в трех — члены ДП, в одном — выдвиженцы ОКП и лишь в двух округах — кандидаты от ПОРП. Правда, В. Гомулка, баллотировавшийся в Варшаве, собрал 99,4% голосов, а М. Спыхальский в Познани — 97,9%. Первые секретари воеводских комитетов ПОРП во всех избирательных округах не оправдали ожиданий своего политического руководства и с большим трудом проходили в сейме. Баллотировавшийся на четвертом месте в списке Фронта популярный варшавский рабочий лидер Л. Гождик вовсе не получил депутатский мандат. В 1957 г. он был освобожден от обязанностей секретаря партийной организации автозавода, покинул Варшаву и с тех пор больше не принимал участия в общественной деятельности³⁰⁵.

В сейм избрали 459 депутатов, из них 237 (51,7%) представляли ПОРП, 119 (26%) — Объединенную крестьянскую партию, 39 (8,5%) — Демократическую партию. 63 депутата (13,8%) были беспартийными. Данные об общественном статусе членов законодательного органа показывают, что 210 депутатов имели высшее или незаконченное высшее образование, 155 — среднее и незаконченное среднее, а 93 депутата — только начальное образование. То есть больше половины депутатов опирались в основном не на профессиональное образование, а преимущественно на жизненный, производственный и партийный опыт. Профессиональный состав избранного в 1957 г. сейма был чрезвычайно пестрым. По данным польского социолога и политолога Е. Вятра, депутатские места заняли 25 рабочих, 48 крестьян, 6 ремесленников, 86 работников умственного труда (т. е. управленцы, администраторы промышленных предприятий, учителя), 47 представителей технической интеллигенции, 12 врачей, 182 общественных деятеля (в эту группу входили партийные функционеры, председатели рад народных, члены правительства за исключением министра национальной обороны), 6 военных, 12 журналистов и 34 интеллектуала (писатели, научные работники и артисты)³⁰⁶. Таким образом, представители партийно-государственной номенклатуры, служащих и интеллигенции имели в сейме большинство. Рабоче-крестьянское представительство составляло меньшинство.

По окончании избирательной кампании политические партии создали собственные депутатские клубы: в клубе ПОРП (куда входил и В. Гомулка) председательствовал член Политбюро ЦК З. Клишко, клуб ОКП возглавил Б. Подедворный, а клуб Демократической партии Я.К. Венде. В феврале был создан также клуб под названием Кружок католических депутатов «Знак». Первоначально в него входили пять депутатов (публицист С. Стомма, писатель Е. Завейский, литератор и композитор С. Киселевский, политолог З. Макарик, инженер А. Гладыш), тесно связанных с редакцией краковского еженедельника «Тыгодник повшехны». В скором времени депутатский клуб «Знак» увеличился до восьми человек. Это были известные в стране интеллектуалы и неконформисты. Некоторые из них в годы войны воевали в рядах Армии Крайовой. В своих избирательных округах они собрали больше голосов, чем кандидаты от ПОРП. «Знак» был зачатком будущей легальной оппозиции в ПНР. На заседании сейма 27 февраля 1957 г. Стомма в выступлении от имени единомышленников (и вслед за Гомулкой) позитивно высказался о польско-советских отношениях: «государственные интересы Польши требуют тесных связей с Советским Союзом. Мы считаем, что союз с Советским Союзом должен быть фундаментом польской международной политики». В пользу польско-советского союза говорил такой весомый аргумент, как необходимость сохранения мира и границ, установленных в Европе после Второй мировой войны³⁰⁷.

На первом заседании сейма, состоявшемся 20 февраля 1957 г., маршалом (спикером) был избран известный деятель крестьянского движения Ч. Выцех; председателем Совета министров ПНР вновь стал Ю. Циранкевич, его заместителями — П. Ярошевич, З. Новак (оба — ПОРП) и С. Игнар (ОКП). В таком раскладе реализовалась идея межпартийного сотрудничества ПОРП–ОКП. Тем не менее, в целом коалицию в Совете министров нельзя считать сбалансированной. Из 29 членов правительства 21 представляли ПОРП, 4 — ОКП, 2 — ДП, 2 — беспартийные. Доминирование ПОРП как в сейме, так и в правительстве было очевидным. Кроме того, Гомулка был включен в состав Государственного совета. Все это позволяло без особого труда проводить во всех звеньях государственной системы необходимые решения в интересах партийно-государственной власти.

Благоприятный для ПОРП исход избирательной кампании создал необходимые условия для реализации нового политического курса, одобренного на VIII пленуме партии в октябре 1956 г. и в основном поддержанного значительной частью общества. С избранием нового состава сейма завершился этап социального и политического кризиса в Польше. Власть обрела признание общества, по крайней мере, его весомой части. Начался период, названный современниками, а затем и историками-исследователями «малой стабилизацией»³⁰⁸.

Весной 1957 г. Гомулка обратил внимание на внутрипартийные вопросы, посчитав, что пришла пора заняться консолидацией ПОРП, страдавшей от внутренних противоречий, прежде всего скрытого соперничества «пулавян» и «натолинцев», а также слабой активности многих партийных организаций. Для решения столь непростой задачи 15–18 мая был созван IX пленум ЦК ПОРП. В установочном докладе, озаглавленном «Узловые проблемы политики партии», первый секретарь ЦК сосредоточился на вопросах, волновавших всех партийных активистов, и не только их. Он подробно остановился на концепции «польского пути к социализму», задачах рабочих советов и

крестьянского самоуправления, на сотрудничестве ПОРП и ОКП, взаимоотношениях государства и церкви. Но самое большое внимание он уделил проблеме ревизионизма и догматизма в партии.

Вначале В. Гомулка с ожесточением обрушился на так называемых ревизионистов: неординарно мыслившего философа Л. Колаковского, литературоведа Р. Зиманда и одного из лидеров молодежного движения поэта В. Ворошильского. В своих научных и публицистических работах и выступлениях они пытались критически осмыслить идеологию и практику коммунистических и рабочих партий, прежде всего КПСС и ПОРП. Согласиться с таким подходом Гомулка не мог. Строптивым ревизионистам он противопоставлял собственное понимание марксизма, включая такие фундаментальные понятия, как диктатура пролетариата, демократический централизм, пролетарский интернационализм, руководящая роль коммунистической партии и рабочего класса, и на их применении к польским условиям строительства общества социальной справедливости. Гомулка утверждал, что именно сталинизм и лично Сталин отрицательно повлияли на развитие марксизма, как в масштабах международного коммунистического движения в целом, так и в польском коммунистическом движении в частности. «Это нашло свое отражение в механическом наследовании опыта социалистического строительства в специфических условиях первого государства диктатуры пролетариата», в оторванности от конкретных исторических условий, подчеркивал Гомулка. Краеугольным камнем своих представлений о ближайшей перспективе Польши он считал достижение полной суверенности страны.

Гомулка поднял и вопрос о догматизме в партии. Он считал догматиками тех членов партии, кто выступал против политического курса, провозглашенного в октябрьские дни 1956 г. Наиболее последовательно выступал против Гомулки член ЦК ПОРП, директор польского Инвестиционного банка К. Мияль*. Его поддержали несколько человек. Они не соглашались с концепцией «польского пути к социализму», необходимостью перемен в политической, социально-экономической и культурной жизни, считали ошибочным отказ от коллективизации и ориентацию на индивидуальное крестьянское хозяйство. Свое заключительное слово на пленуме, в средствах массовой информации не опубликованное, Гомулка посвятил резкой критике Мияля и его концепций³⁰⁹. В дискуссии по докладу выступило более 40 человек, что свидетельствовало о серьезных идейных разногласиях в партии. Неудивительно, что IX пленум ЦК вошел в историю ПОРП как форум, на котором была провозглашена анафема «польскому ревизионизму».

Между тем на этом пленуме было утверждено чрезвычайно важное по политическому звучанию постановление Центральной комиссии партийного контроля «О партийной ответственности за извращения в органах бывшего Министерства общественной

* В скором времени Мияль стал основателем конспиративной организации, названной им Коммунистическая партия Польши; в феврале 1966 г. бежал из страны и долго проживал в Албании, поддерживал контакты с Мао Дзэдуном; издавал брошюры и листовки, обличавшие польских руководителей; осенью 1984 г. нелегально вернулся на родину, был арестован, но вскоре освобожден, ибо не представлял реальной угрозы для ПОРП (*Kołomejczyk N. Polska Zjednoczona Partia Robotnicza. 1948–1986. Warszawa, 1988. S. 135–136*).

безопасности». Ответственность за злоупотребления в этом министерстве (физические методы воздействия на арестованных, их самооговоры и т. п.) разделили заместитель министра Ромковский, директор X департамента министерства Фейгин, вице-директор департамента Святло и директор следственного департамента Ружаньский. В то время, когда было принято постановление, Святло пребывал в США под защитой американского разведывательного ведомства, а остальные находились под следствием. ЦК ПОРП постановил вывести из состава ЦК и исключить из партии Бермана и министра общественной безопасности Радкевича³¹⁰.

Но старания Гомулки идеологически сокрушить несогласных с линией «Октября 1956 г.» оказались недостаточными: в партии по-прежнему шли споры по самым разным общественно-политическим проблемам. Поэтому на X пленуме ЦК ПОРП, состоявшемся 24–26 октября 1957 г., была предпринята очередная попытка консолидировать партию. С докладом «Положение в партии и стране» выступил глава ПОРП. Основной задачей на тот момент он считал скорейшее проведение чистки партийных рядов. Предполагалось устранить тех, кто поступал вопреки решениям руководства либо занимался фракционной деятельностью. Наиболее чувствительный удар был направлен против оппозиционно настроенных журналистов и писателей. В результате из ПОРП было исключено и вычеркнуто из списков 206 тыс. членов и кандидатов в члены партии, что составило 15,5% ее общей численности. Лишились партийных билетов и сотрудники редакции еженедельника «По просту» Вирпша, Зиманд, Коссак и некоторые другие³¹¹.

По состоянию на 1 октября 1958 г. ПОРП насчитывала в своих рядах 1 023 577 членов и кандидатов. При этом на долю рабочих приходилось 37,3%, сельскохозяйственных рабочих — 4,5%, крестьян — 12,2%, работников умственного труда — 42,1%, прочих — 3,9%. Начальное образование имели 31,5% членов и кандидатов партии, семилетнее — 44,9% и лишь 4,6% — высшее³¹². Эти данные отражали начавшийся в конце 40-х годов процесс трансформации рабоче-крестьянской политической партии в организацию партийных чиновников, государственных служащих и интеллигенции.

Для Объединенной крестьянской партии выборы в сейм означали несомненный успех и подтвердили ее роль в обществе как второй политической партии и по членской базе, и по реальному влиянию. Сравнительно безболезненно пережив внутрипартийный кризис в октябре 1956 г., она активизировалась в 1957 г. и направила усилия на укрепление рядов и влияния в органах власти воеводств, повятов и гмин. В течение 1957 г. партия выросла почти на 47 тыс. человек. Общее число членов ОКП достигло 261 314 человек, в том числе крестьян 202 256 человек³¹³. Однако в посткризисный период обострились внутрипартийные споры и разногласия по поводу аграрной политики государства и программы партии. 9 января 1957 г. Центральный комитет ПОРП и Главный комитет ОКП опубликовали совместное программное заявление, озаглавленное «Директивы по вопросу новой аграрной политики». Речь шла о необходимости урегулировать важнейшие проблемы в сфере аграрных отношений, подтвердить право собственности крестьян на землю, ввести новые механизмы в отношении государства и села, обеспечить поставки для сельского хозяйства орудий производства и минеральных удобрений, изменить налогообложение в пользу деревни, поддержать родившуюся новую форму объединения крестьян — сельскохозяйственные кружки, а также государственные хозяйства (аналог совхозов в СССР)³¹⁴. Как многим тогда казалось,

документ был составлен на основе полного партийного паритета, однако «проза» жизни выглядела иначе: принципиальные решения фактически навязывались крестьянской партии руководителями ПОРП. После «польского Октября» в ОКП возродились и активизировались группировки, которые не разделяли официальной программы партии, принятой в 1949 г., и реализовать принятые Директивы было чрезвычайно трудно. Это рельефно проявилось в ходе работы VI пленума Главного комитета (9–11 апреля 1957 г.). Видные людовцы Ю. Озга-Михальский и К. Банах, воевавшие против гитлеровцев в Батальонах Хлопских, придерживались левых убеждений и были соавторами совместного документа ОКП и ПОРП. Как говорилось в одной из информаций советского посольства в Варшаве за 1958 г., они выступали за «расширение и укрепление дружбы с Советским Союзом». В то же время не только в низовых ячейках партии, но и в Главном комитете были люди, разделявшие позиции ПСЛ и требовавшие, чтобы руководящей и направляющей силой в стране стала крестьянская партия, открыто заявляя, что «ПОРП потеряла всякий авторитет в народе», не поддерживали политику укрепления сотрудничества с ПОРП и требовали «порвать дружеские отношения с Советским Союзом». В политическом руководстве ОКП были также центристы и прагматики, балансировавшие между группировками. Именно таким был С. Игнар, с октября 1956 г. возглавивший партию³¹⁵.

Фактически руководящие круги ОКП постоянно находились в состоянии латентного кризиса, что подтвердил VII пленум ГК партии, состоявшийся 24–25 сентября 1957 г. Согласно объявленной повестке дня, предполагалось начать работу с докладом, подготовленного Главным комитетом, о состоянии сельского хозяйства в стране и приоритетных задачах ОКП. Но неожиданно для всех, вопреки утвержденному порядку заседания, первым на трибуну вышел Игнар. В его импровизированной речи говорилось об изменениях, происшедших в общественно-политической и экономической жизни страны в 1956 г., но упор был сделан на текущей политической ситуации в ОКП. Игнар откровенно говорил о выступающих с собственными программами группировках, которые стремятся взять власть в партии и создать на основе демократической версии идеологии аграризма новую крестьянскую политическую организацию, оппозиционную ПОРП. Развернулась общая дискуссия, в которой выступило 38 человек, в том числе явные сторонники бывшего лидера ПСЛ С. Миколайчика. Тем не менее, пленум принял постановление об усилении борьбы с правыми элементами в крестьянском движении и о сотрудничестве с ПОРП. В средствах массовой информации конкретика этих споров не освещалась, чтобы «не выносить сор из избы», однако дискуссии не прекращались. 22–24 марта 1958 г. состоялся VIII пленум ОКП, который вернулся к обсуждению вопроса о «правых» в своих рядах. В итоге чистки с сентября 1957 г. по декабрь 1958 г. из ОКП были исключены «за несогласие с программой партии» более тысячи человек, главным образом из низовых руководящих звеньев и рядовых людовцев. Это не сняло проблемы идеологического противостояния, и на IX пленуме 15–16 декабря 1958 г. С. Игнар признал организационную слабость, обусловленную разногласиями, которые не удавалось преодолеть. Главными недостатками в работе партии он назвал также отсутствие внутрипартийной дисциплины, невысокий политический и моральный уровень многих членов партии. В ходе дискуссии на пленуме представители местных организаций дружно критиковали Главный комитет за отрыв от низовых структур, за споры и групповщину. Немало критических замечаний раздавалось в

адрес лично Игнара и его ближайших сторонников, вплоть до требований уйти с занимаемых руководящих постов. Тем не менее центристская группировка Игнара устояла и даже укрепила свои позиции в крестьянском движении³¹⁶.

Процессы политической дифференциации наблюдались и в Демократической партии, малочисленной политической организации, насчитывавшей в 1957 г. около 40 тыс. человек. В основном это были представители научной и художественной интеллигенции, а также ремесленники. Во главе партии стояли председатель Центрального комитета С. Кульчинский и генеральный секретарь Л. Хайн. Это были близкие коммунистам политики, которые прилагали усилия, чтобы сохранить единство партийных рядов и участвовать в деятельности правительственной коалиции. Для Демократической партии 1957 год прошел под флагом разработки партийной программы, которая имела целью отразить все новое, что произошло в общественной жизни страны. Вопрос о внутрипартийном единстве специально рассматривался на пленуме ЦК ДП 16 и 17 марта 1957 г. Указывалось на единство интересов польского рабочего класса и интеллигенции и одновременно на необходимость укреплять самостоятельность партии, действующей в союзе с ПОРП — ведущей политической силой в стране, а также с Объединенной крестьянской партией. При обсуждении международных вопросов особо подчеркивалось значение многостороннего сотрудничества Польши и Советского Союза, идеологическое значение польско-советской декларации, принятой в Москве в ноябре 1956 г. В итоге, после напряженной дискуссии, было принято постановление, где констатировалось определенное укрепление и активизация партии. Вместе с тем подчеркивалось и оживление внутрипартийной оппозиции. В связи с этим советское посольство информировало Москву, что «ожившие правые элементы в [Демократической] партии... атаковали ПОРП и народный строй с антисоциалистических позиций, пытаясь свернуть Демократическую партию на положение оппозиционной антисоциалистической партии»³¹⁷.

Мартовский пленум придал определенный импульс обсуждению идеологии и, как следствие, новой партийной программы. В этом процессе активно проявил себя П. Стефаньский, молодой (тогда ему было 26 лет) социолог и публицист, кандидат в члены ЦК партии. В статье «Основное условие», опубликованной весной 1957 г. в центральном органе партии «Тыгодник демократычны», Стефаньский высказывал мысль о том, как важны с воспитательной точки зрения для членов ДП дискуссии по идеологическим и программным вопросам. По его мнению, среди членов партии вызывает дискуссии проблема партийной самостоятельности, независимости по отношению к ПОРП и ОКП. Во многих партийных ячейках, писал Стефаньский, высказывалась озабоченность: «Сумеет ли мы обеспечить средние городские слои спокойным, творческим трудом, если не ответим на вопрос, как в наших условиях нужно отнестись к теории социалистической революции? Социализм после завоевания власти трудящимися должен быть построен революционными методами или должен создаваться на пути эволюции?» На этот вопрос автор давал однозначный ответ — на пути эволюции. Без разработки новой партийной программы, считал он, будет трудно освободиться от политического влияния ПОРП. Условием же создания новой политической программы партии должно быть «развитие самостоятельной теоретической мысли». Но в деятельности Демократической партии обозначился разлад между активизировавшейся работой центральных органов в столице и пассивностью периферийных организаций.

Поэтому на очередном пленуме 30–31 мая 1957 г. было принято специальное постановление, направленное на устранение такого явления, как инертность партийных организаций, и требующее их безусловной активизации. В документах пленума было подтверждено стремление Демократической партии к политическому сотрудничеству с правящей партией и людями как на уровне сейма, так и других государственных и общественных структур³¹⁸.

15–18 января 1958 г. в обстановке стабилизации общественной жизни в стране состоялся VI конгресс (съезд) Демократической партии. Он принял новую партийную программу, которая обобщила опыт, накопленный в формировании политической линии и идеологии этой небольшой партии, генетически восходившей к так называемым демократическим клубам довоенного времени. Гомулка и его окружение могли быть вполне удовлетворены основными положениями программы ДП, провозглашавшей политический союз с ПОРП. Демократическая партия признала ее ведущую роль в строительстве социализма в Польше, удовлетворилась правом действовать в границах правительственной коалиции.

Сразу после выборов партийно-государственное руководство страны приняло ряд решений, соответствовавших запросам общества. В первую очередь был продолжен пересмотр судебных решений над теми, кто в годы сталинизма подвергался необоснованным репрессиям. Если в 1956 г. это касалось преимущественно членов ППР и ПОРП, крестьянской и демократической партиях, то теперь реабилитации подлежали офицеры и солдаты Армии Крайовой, участники подпольного сопротивления. В марте 1957 г. был реабилитирован за отсутствием состава преступления Келецкий епископ Ч. Качмарек, обвиненный в шпионаже в пользу США и Ватикана. Это было громкое судебное дело, получившее широкую огласку не только в стране, но и за пределами Польши. Иерарх католической церкви, приговоренный в 1953 г. к 12 годам заключения, 2 апреля 1957 г. вернулся в г. Кельце и приступил к исполнению своих пастырских обязанностей³¹⁹.

Внимание польской общественности было приковано к такому важному в национальном и политическом смысле мероприятию, как репатриация поляков из Советского Союза, решение о котором было принято на переговорах осенью 1956 г. в Москве. 25 марта 1957 г. состоялось подписание советско-польского соглашения о порядке и сроках его реализации. Закончить выезд поляков из СССР планировалось к 31 декабря 1958 г. Правда, позднее этот срок перенесли на 31 марта 1959 г. Подготовка и подписание соглашения проходило трудно, сопровождалось спорами и неуступчивостью сторон, но в целом сыграло позитивную роль в дальнейших взаимоотношениях СССР и Польши. По разным данным, в 1956 г. на родину вернулось от 30 до 40 тыс. человек, в 1957 г. в три раза больше — около 94 тыс. человек, в 1958 г. — 86 тыс., а в 1959 г. — 32 тыс. человек. Среди репатриантов были граждане Польши, поляки и евреи, представлявшие разные социальные слои, профессии и политические предпочтения. Они относились к СССР по-разному. Значительный контингент составляли поляки — жители довоенных кресов, избежавшие репатриации 1944–1946 гг., а также те, кто в годы войны сражался в рядах Армии Крайовой, принимал участие в Варшавском восстании, был интернирован в 1944–1945 гг. на территорию СССР органами НКВД, находился в заключении или на спецпоселении. Понятно, что многие из этих людей возвращались на родину с настороженностью и предубеждениями. Среди репатриантов было немало

польских евреев, в том числе беженцев 1939 г., нашедших в СССР спасение от гитлеровцев. Но выехали из них не все, так как стороны договорились не выпускать из СССР антисоветски настроенные элементы, которые намеревались использовать Польшу как транзитную территорию для переезда на Запад. И все же по меньшей мере 14 тыс. евреев, воспользовавшись репатриацией, эмигрировали из ПНР в Израиль и западноевропейские страны. Всего же в период 1955–1959 гг. в порядке репатриации в Польшу выехало около 250 тыс. человек. Часть поляков осталась, в основном в Казахстане, поскольку польская сторона не смогла их принять из-за отсутствия работы и жилья³²⁰.

Таким образом, польскому руководству удалось предпринять меры, способствовавшие стабилизации политической обстановки и заметному успокоению общества. Значительно сложнее обстояло дело с улучшением материального положения большинства населения.

IV.5. Рост недовольства.

ПЕРЕМЕНИ В ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Хотя всесторонняя помощь СССР позволила избежать банкротства, об угрозе которого осенью 1956 г. говорил Охав, экономическая ситуация Польши оставалась трудной. Сказывалось действие таких международных обстоятельств, как холодная война и гонка вооружений, в которую были прямо или косвенно вовлечены многие страны европейского и американского континентов, политическая и идеологическая конфронтация в мире. Обеспечение внешнеполитической безопасности требовало от стран советского блока больших материальных затрат, которые тяжелым бременем ложились на плечи населения, в том числе Польши. Избранная модель индустриализации была высокозатратной, не обеспечивала динамичного развития экономики и сбалансированного роста производимого национального продукта. Материальные трудности вызывали недовольство большинства польского общества, с трудом сдерживаемое властью. Все чаще рабочие промышленных предприятий решались на открытые выступления, перерывы в работе, забастовки, предъявление тех или иных требований в разных государственных инстанциях, переговоры с администрацией предприятий. В 1957 г. таких выступлений было много. По неполным данным, только за период с марта по середину октября «имело место свыше 70 забастовок»³²¹. Так, в начале марта рабочие Щецинского порта объявили трехчасовую забастовку, потребовали 8-часового рабочего дня и справедливого распределения премиальных выплат. Были попытки спровоцировать докеров к отказу разгружать советское торговое судно, доставившее зерно Польше. Ситуация была крайне напряженной, и администрация удовлетворила требования забастовщиков. Более серьезные события, причиной которых стали значительные диспропорции в оплате труда рабочих и служащих, произошли в начале марта на металлургическом комбинате имени Ленина в Новой Гуте. Проблему урегулировало Министерство промышленности. 19–20 марта в Быдгощи бастовали рабочие завода по ремонту паровозов и вагонов. Забастовщики добились частичного повышения зарплат. В апреле забастовочные настроения охватили значительную часть рабочих в Познаньском, Лодзинском, Люблинском,

Гданьском и Варшавском воеводствах. Самая крупная всеобщая забастовка на экономической почве состоялась 12–14 августа 1957 г. в трамвайных парках Лодзи. Она сопровождалась вмешательством милиции. В те же дни в Быдгощи бастовали около 400 из 1500 водителей трамваев.

Комитет ПОРП вынужден был обратиться к участникам забастовок и партийным организациям с просьбой отказаться от такой формы защиты материальных интересов, как массовые выступления, поскольку экономическое положение страны не оставляло никаких возможностей для повышения заработной платы. Совет министров ПНР 16 августа принял постановление о порядке и дисциплине на государственных предприятиях, что было явно направлено против забастовок. Постепенно правительству удалось сбить забастовочную волну. В целом забастовки 1957 г. не были организованным движением. Отсутствовала координация между бастовавшими предприятиями и, главное, — не появились еще рабочие лидеры, которые смогли бы взять руководство рабочим движением в свои руки и уверенно повести его за собой.

В 1957 г. власти впервые столкнулись с таким общественным феноменом, как массовые протесты учащихся высших учебных заведений в защиту демократических свобод. В дальнейшем, начиная с 60-х годов, студенческие выступления стали фактором расшатывания политической системы ПНР. Протесты 1957 г. вспыхнули в Варшаве по поводу закрытия властями студенческого еженедельника «По просту». Они начались 3 октября и продолжались пять дней. Сначала в Политехническом институте был создан митинг. 4000 его участников вели себя спокойно, но когда появились милицмейские подразделения, началась перебранка со стражами порядка, вылившаяся в яростное столкновение с взаимным применением силы, которое продолжалось до вечера. 4 октября студенты попытались вновь собрать митинг. Стихийно возникший организационный комитет разослал листовки в Гданьск, Люблин и Краков с просьбой о поддержке. Во избежание новых столкновений на место событий было направлено 2000 милиционеров. В 19.00 двухтысячная демонстрация студентов двинулась к Дому партии — зданию ЦК ПОРП. В это время польское радио передало сообщение о закрытии «По просту», что вызвало столкновения студентов и сил порядка, продолжавшиеся до 23.00. 5 октября на месте событий прибыли несколько милицмейских подразделений, более 1700 человек. Произошла ожесточенная стычка противоборствовавших сторон. Милиция палками и слезоточивыми газами рассеяла собравшуюся молодежь. Студенты безуспешно пытались строить баррикады, нападали на милицию небольшими группами. Дошло дело и до стрельбы. В этот день милиция задержала 193 демонстранта. Среди студентов один погиб, один умер от ран, трое были ранены пулевыми ricoшетами. Со стороны милиции 44 человека получили ранения, в том числе 16 человек — тяжелые. День 5 октября оказался в прямом смысле слова кровавым. 6 октября на помощь варшавской милиции прибыли подразделения из Плоцка, Седльце, Радома, Пётркова и других мест, всего более 2000 человек. Готовилось серьезное «сражение». В ходе умирительной акции перевес милиции был очевиден. Задержанию подверглись 132 человека.

7 октября милиция производила облавы среди студентов, были задержаны даже те, кто не имел никакого отношения к происходившим событиям. В тот же день забастовки и манифестации в поддержку варшавских студентов состоялись во Вроцлаве,

в Кракове не вышли на занятия студенты Ягеллонского университета, бастовали учащиеся Высшей сельскохозяйственной школы в Ольштыне.

Так закончился студенческий протест, вызванный закрытием еженедельника «Попосту». Его итоги были противоречивы. С одной стороны, погибли два участника демонстраций, на попечении скорой медицинской помощи оказались 79 человек, были задержаны милицией 536 человек. В дальнейшем около 20 человек (преимущественно студенты) были преданы суду; судебные процессы продолжались до мая 1958 г. Среди милиционеров ранения получили 95 человек, в том числе 35 — тяжелые. С другой стороны, начала формироваться иная ментальность молодежи, позволявшая отважно выступать против силовых структур, зарождались новые формы студенческой солидарности — забастовки и бойкоты учебных занятий. Руководители ПОРП, обсуждая студенческие протесты, потребовали от МВД принять меры для подготовки «специальных форм действий на случай массовых хулиганских выступлений»³²². Таким образом, волнения студентов в октябре 1957 г. свидетельствовали о возникновении протестных настроений среди тех, кто еще недавно поддерживал новое руководство страны. Эти волнения можно считать прелюдией массовых студенческих выступлений последующих лет, расшатывавших политическую систему Польши.

Уже к середине 1957 г. стали заметными перемены в государственно-церковных отношениях. Партия отступала от курса, взятого осенью 1956 г. Тогда, решая принципиально важные политические задачи, она фактически обращалась за поддержкой к польскому епископату и получила ее. Теперь было вновь обращено внимание на Объединение светских католиков ПАКС. 2 января 1957 г. В. Гомулка встречался в Доме партии с председателем общества Б. Пясецким и его заместителем Е. Хагмаером. Сам факт этой встречи, происшедшей после раскола в ПАКСе и утраты им влияния в общественном движении светских католиков, свидетельствовал о том, что партийное руководство «решило сохранить Объединение ПАКС..., что предсказывало Пясецкому, если не лучшее, то стабильное будущее». Известно, что Гомулка разрешил значительно расширить издательскую и благотворительную деятельность ПАКСа. В частности, такую помощь ПАКС систематически оказывал офицерам и рядовым Армии Крайовой³²³.

Епископат все больше перехватывал инициативу в отношениях с государством. Некоторое время центральные партийно-правительственные власти смотрели на это сквозь пальцы, но когда прошли выборы в сейм, показавшие, что в законодательном органе правительственная коалиция получила бесспорный перевес, первый секретарь ПОРП решил встретиться с примасом Польши. В. Гомулка никогда не скрывал, что отношения партийной элиты и церкви будут носить противоречивый, порой непримиримый характер, хотя, по мере возможности, будет сохраняться корректность и лояльность. Накануне поездки кардинала Вышиньского в Рим он пригласил его для беседы (в присутствии премьера Ю. Циранкевича) вечером 1 мая 1957 г. В. Гомулка говорил о необходимости сотрудничества партии и церкви, но ожидал от церковной иерархии понимания не только национально-государственных интересов Польши, но и поддержки политического строя ПНР, позитивной оценки внутренней и внешней политики государства, лояльного отношения к союзу с СССР. Он высказал важнейшее пожелание строить отношения власти с католической церковью в Польше на базе конкордата, что означало заинтересованность партии в восстановлении договора с Ватиканом, денонсированного в 1945 г. Примас согласился с тем, что в такой стране, как Польша, где

реальностью является мировоззренческое многообразие, диалог государства и церкви необходим. Если в прошлом между ними возникали конфликты (вплоть до репрессий против служителей культа), то виной тому, констатировал Вышиньский, было государство. Католическая церковь, продолжал кардинал, осознает государственные интересы Польши, «провозглашает любовь к Отчизне, которая является сообществом родной традиции, наследием культуры, религии и языка... Костёл не требует для себя и для верующих особых привилегий, он лишь ожидает справедливости и равенства каждого гражданина в соответствии с принципами конституции». Кардинал Вышиньский рассчитывал на то, что новое партийное руководство не будет преследовать граждан за религиозные убеждения, позволит родителям воспитывать детей в религиозном духе, не будет возражать против того, чтобы католическая церковь имела собственные издательства, разрешат строительство новых костелов, а также открытие духовных семинарий и высших учебных заведений. Встреча прошла, как утверждается в польской литературе, «в исключительно хорошей атмосфере»³²⁴.

Нетрудно заметить, что примас требовал восстановления особого положения католической церкви в государстве взамен за оказанную ПОРП поддержку на выборах в сейм. В начале мая примас отправился в важную для церкви и для всех верующих поездку в Ватикан чтобы не только получить из рук папы Римского символ кардинальского достоинства — пурпурную шапочку, но и обсудить вопросы взаимоотношений польского государства и Ватикана. Но папа Пий XII, не признававший границ и власти послевоенной Польши, не согласился рассмотреть вопрос о подписании конкордата. Это решение верховного главы римско-католической церкви не способствовало позитивному развитию отношений польских властей и Польской католической церкви даже на ближайшую перспективу. Уже 28 июня Политбюро ЦК ПОРП утвердило план акций, направленных на ограничение благотворительной, издательской, просветительской деятельности католической церкви, ограничение строительства новых храмов, преподавания религии в общеобразовательных школах и т. д. 21 июля 1957 г. власть пошла на беспрецедентный шаг: специальный отряд милиции вступил на территорию монастыря на Ясной Горе, расположенного неподалеку от г. Ченстоховы, и произвел обыски, с целью найти религиозную литературу, не прошедшую апробацию государственной цензуры. Обыски происходили в присутствии многочисленных верующих, находившихся в это время в монастыре. Произошел открытый конфликт власти в лице представителей силовых структур с католическим духовенством и верующими. Церкви, таким образом, был брошен вызов³²⁵.

В обстановке наступления на позиции церкви 9 января 1958 г. состоялась очередная встреча Гомулки и Циранкевича с кардиналом Вышиньским. Эмоциональные споры о положении католической церкви в государстве и ее отношениях с властью продолжались без перерыва более 11 часов. Никакого продвижения вперед не произошло и не могло произойти, ибо каждый из собеседников оставался верен своему мировоззрению. Сохранилась запись беседы, сделанная кардиналом. Обращает на себя внимание впечатление Вышиньского о Гомулке как человеке и политике и точность характеристики первым лицом церкви первого секретаря ЦК ПОРП: «Гомулка, бесспорно, апостол своей идеи. Однако он человек непримиримый, решительный враг религии, хотя считается с влиянием Костёла в Польше. Особенно ожесточенно он высказывался против крестов в школе». Действительно, намерения лидера партии сулили церкви

наступление трудных времен. На заседании Смешанной комиссии представителей правительства и епископата 31 июля 1958 г. З. Клишко и Е. Штахельский познакомили епископов с решением правительства. Речь шла о том, что начиная с нового учебного года уроки религии будут продолжаться один учебный час в неделю, причем представители монашеских орденов лишались права преподавать в общеобразовательных школах, что религиозная символика, прежде всего, кресты в школьных помещениях будут изъяты³²⁶. Это был шаг назад, к временам Берута.

Важнейшим событием первой половины 1957 г. стали советско-польские переговоры 24–25 мая 1957 г. в Москве. Для «послеоктябрьской» Польши соблюдение паритета в политических, военных, экономических и культурных взаимоотношениях с Советским Союзом было чрезвычайно существенно, так как прямо влияло на стабилизацию обстановки в стране. Польская политическая элита это хорошо понимала. Гомулка обязательно затрагивал разные аспекты польско-советских отношений в своих публичных выступлениях, чтобы таким способом снизить остроту восприятия отношений с Москвой, хотя далеко не всегда ему удавалось достигнуть цели.

Советско-польские переговоры состоялись в обстановке строгой секретности. Проблемы экономических отношений СССР и ПНР рассматривались на самом высоком уровне. Советскую сторону возглавляли Хрущев и Булганин, польскую — Гомулка и Циранкевич. В переговорах участвовали Микоян, маршал Жуков, министр внешней торговли Кабанов, заместитель председателя Госплана Никитин и др. ПНР представляли министр национальной обороны маршал М. Спыхальский, председатель Комиссии планирования при Совете министров ПНР С. Ендриховский, секретарь Экономического комитета Совета министров Э. Шир и др. Присутствие на переговорах Жукова, Спыхальского, заместителя начальника Генштаба Войска Польского М. Граневского объяснялось тем, что важным направлением экономических связей СССР и Польши после окончания войны являлись поставки вооружений и военной техники для Войска Польского. На майских переговорах речь шла о возможности налаживания в Польше производства истребителей МиГ и других типов, танковых орудий, аренды военных кораблей, производства радиолокаторов. Шир заранее неоднократно посещал Москву с целью изучения документов позиции советской стороны, консультировался с советскими экспертами.

В ходе встречи обсуждались в общей форме политические аспекты развития двусторонних экономических отношений. Это касалось не столько военных поставок из СССР в ПНР, сколько «угольной проблемы» и репарационных поставок из Германии. Сразу же выявились расхождения в подходах сторон. Если поляки считали, что двусторонние польско-советские отношения должны основываться на нормах международного права, то советская делегация была убеждена в том, что все политические, экономические и моральные издержки войны с нацистской Германией покрываются реальным материальным (бесспорно, самым значительным) вкладом СССР в общую победу над нацизмом. Однако в дальнейшем, много лет спустя, Хрущев в своих мемуарах признал, что такой подход в принципе не имел под собой юридических оснований³²⁷.

По большинству рассматривавшихся вопросов на переговорах согласованных решений достичь не удалось. Польская сторона отказалась подписать подготовленный советской стороной проект заключительного протокола и не представила свой проект, но выдвинула ряд старых и новых претензий. Главные разногласия касались опреде-

ления точной суммы репарационных поставок Советскому Союзу, из которой выделялась доля Польши, оспаривавшаяся польской стороной. 31 мая 1957 г. Президиум ЦК КПСС обсудил на своих заседаниях итоги переговоров. Было решено подготовить предложения «о взаимной ликвидации претензий между СССР и Польшей», командировать без излишней огласки Микояна в польскую столицу «для информирования ЦК ПОРП о принятых ЦК КПСС решениях в связи с переговорами». Возложенную на него миссию Микоян, как всегда, уверенно выполнил. 15 июля он информировал Президиум ЦК о том, что польская сторона приняла советские предложения по ликвидации взаимных претензий в отношении репараций с Германии. 4 июля в Варшаве был подписан окончательный протокол³²⁸. Тем самым вопрос об экономических проблемах польско-советских отношений был снят.

Очередная польско-советская встреча на высшем уровне состоялась 24 октября — 12 ноября 1958 г. Официально она называлась визитом дружбы и включала с польской стороны не только представителей ПОРП, но и Объединенной крестьянской партии (С. Игнар) и Демократической партии (С. Кульчинский), что подчеркивало плюрализм политической системы ПНР. Советскую делегацию возглавлял Н.С. Хрущев, выступавший как первый секретарь ЦК КПСС и с марта 1958 г. глава советского правительства. Польскую делегацию возглавляли В. Гомулка и Ю. Циранкевич. Программа встречи включала посещение польской делегацией Белоруссии, Грузии, Украины, Ленинграда и других крупных городов, предприятий и колхозов. Предусмотрены были встречи с советской общественностью. Так, Гомулка выступал в Москве перед многотысячным коллективом рабочих завода «Красный Пролетарий», в Ленинграде — на Балтийском заводе, заводе им. Кирова и на 300-тысячном общегородском митинге. Польский лидер говорил об актуальных международных проблемах, в равной мере затрагивавших Польшу, Советский Союз и другие страны социалистического лагеря: росте реваншизма ФРГ, строительстве ее вооруженных сил, враждебной политике НАТО.

На переговорах обсуждались главным образом вопросы экономических отношений, а именно традиционные просьбы поляков об отсрочке оплаты советских кредитов, помощи в геологических поисках месторождений медной руды, организации добычи нефти и газа в Польше. Важное место занимали вопросы советской технической помощи польской металлургии, конкретно, в строительстве металлургического комбината в Новой Гуте и «специальные поставки» военного назначения. Всего состоялось четыре встречи.

На одной из них Хрущев и некоторые другие члены советской делегации пытались убедить поляков в том, что продовольственную проблему в Польше можно решить только выращиванием кукурузы. В какой-то момент Никита Сергеевич с гордостью заявил: «Я — безнадёжный кукурузник!».

Заключительное заседание переговоров состоялось 10 ноября. Обсуждался проект совместного заявления о международном положении и, в частности, вопрос о Западном Берлине, Суэцкий кризис, отношение к Союзу коммунистов Югославии и др. По результатам визита польской делегации в Москву в советских и польских средствах массовой информации было опубликовано совместное заявление, отражавшее согласованную позицию правительств Польши и СССР по важнейшим вопросам международного положения с акцентом на европейский континент, взаимоотношений европейских социалистических стран, широкого сотрудничества ПОРП и КПСС, актуальных проблем

международного рабочего движения. В заявлении говорилось и о советско-польских экономических отношениях, их успешном развитии на основе координации и международного разделения труда в рамках лагеря социализма³²⁹.

В 1958 г. приближалось 15-летие Народной Польши. Польское партийно-государственное руководство имело достаточные основания, чтобы считать ситуацию в стране стабильной. Поэтому было принято решение созвать очередной, III съезд ПОРП. Он должен был подвести основные итоги политического, социального и культурного развития Польши за пятилетний период. Высший партийный форум работал 10–19 марта 1959 г. В Варшаве собрались 1411 делегатов, представлявших 1023 тыс. членов партии, главным образом партийную и государственную номенклатуру. Из опубликованной стенограммы съезда видно, что его работа проходила по хорошо продуманному сценарию. В отчетном докладе ЦК ПОРП В. Гомулка констатировал, что партия успешно преодолела ревизионизм и догматизм в своих рядах. Теперь, подчеркнул он, членов ПОРП объединяет «верность принципам марксизма-ленинизма с творческим применением их в конкретных, исторически сформировавшихся национальных условиях».

Заслуживает внимания оценка первым секретарем ЦК ПОРП октябрьского кризиса 1956 г. Гомулка утверждал: «VIII пленум положил конец временному, но серьезному политическому кризису в партии и обществе. Этот кризис выразился в недовольстве части рабочего класса и в продолжавшейся несколько месяцев неспособности руководящих органов партии вести единую и последовательную работу. Трудности, возникшие в процессе строительства социализма в Польше, обусловленные объективными причинами и вытекавшие из известных ошибок, допущенных в политике партии, могли превратиться в 1956 году в серьезный и опасный политический кризис вследствие догматизма части руководящего актива, что замедлило разрешение наболевших общественных вопросов, и вследствие ревизионистских тенденций, которые проявились прежде всего в преувеличенной и необузданной критике политики партии, метили в основы марксизма-ленинизма и облегчали антисоциалистическим силам их агитацию. Выход из кризиса и его преодоление требовали серьезной идеологической борьбы против догматизма и ревизионизма...»³³⁰.

В отчетном докладе традиционно говорилось об актуальной международной обстановке и геополитическом положении Польши, отношениях ПНР и СССР, анализировались стратегические задачи национальной экономики и политическая ситуация в Польше. Обращала на себя внимание трактовка партийно-государственной политики в отношении католической церкви. Строго говоря, в самой политике принципиально ничего не изменилось, но иной была тональность изложения, жесткость формулировок, к которым прибегал Гомулка: «Главная задача нашей партии в этой области — добиваться, чтобы существующее в обществе различие мировоззрений, различное отношение к религии не использовалось реакционными силами для разжигания политической борьбы между верующими и неверующими, между церковью и народным государством. Наша партия руководствуется стремлением сплотить все силы народа. Она ни в коем случае не проводит политического деления в зависимости от отношения к религии и оценивает позицию граждан страны только по их отношению к социализму на практике...». «Государство, — продолжал Гомулка, — должно рассматривать вопрос о верованиях и религиозной практике как частное дело каждого гражданина, ... оно должно гарантировать полную религиозную терпимость и свободу совести», следовательно, свободу отправления религиозного культа и свободу популяризации научного

мировоззрения. «Мы рассматриваем церковь как религиозное учреждение, призванное удовлетворять нужды верующих, — настаивал Гомулка. — Церковь отделена от государства, она может свободно действовать, только признавая существующий общественный строй и поступая в соответствии с государственными интересами Польской Народной Республики. Религиозная деятельность ни в коем случае не может быть использована в политических целях, для противопоставления верующих неверующим, для нападок на политику нашей партии и народного правительства». Церковь, предупреждал лидер партии, должна занять «вполне лояльную позицию по отношению к народной власти. Мы предостерегаем церковных деятелей от нарушения законов и государственных распоряжений... Мы еще раз говорим, что не хотим войны с церковью», но церковь «должна ограничиться вопросами веры и не выходить за ее пределы»³³¹. Гомулка все больше отходил от той либеральной политической линии, которая была заявлена в октябрьские дни 1956 г. и проводилась в период подготовки к выборам в сейм в январе 1957 г., когда высшее политическое руководство правящей партии для сохранения полноты власти нуждалось в реальной поддержке церкви.

В центре внимания съезда были и экономические проблемы Польши. Со специальным докладом на эту тему выступил член Политбюро ЦК партии С. Ендриховский, давший оценку развитию внешней торговли Польши и углублению экономических отношений со странами, строящими социализм. «Доля социалистических стран в общих торговых оборотах нашей страны составляет около 60%, — говорилось в докладе. — Из Советского Союза и стран народной демократии мы вывозили основное количество необходимого сырья для нашей промышленности и около 70% машин и оборудования». Например, в 1958 г. Польша получила из социалистических стран 100% импортируемой нефти, 100% нефтепродуктов, 76% железной руды, 95% марганцевой руды, 100% цинковых концентратов, 24% меди, 32% проката черных металлов, 92% синтетического каучука, 50% хлопка, 34% пшеницы, 100% калиевых удобрений и апатитов». В социалистические страны Польша «поставила 83% общего количества экспортируемых машин и оборудования, 47% каменного угля, 92% кокса, 60% проката, 64% цинка, 59% соды, 73% шерстяных тканей»³³². Из этих данных видно, что торговый оборот между Польшей и другими социалистическими странами нельзя признать эквивалентным.

Большой комплекс вопросов рассмотрел в докладе «Директивы сельской политики партии» член Политбюро ЦК Э. Охаб. Он говорил о необходимости предпринять дальнейшие усилия для увеличения выпуска сельскохозяйственной продукции, поставок продукции на рынок. Учитывая, что улучшение уровня жизни населения находилось в прямой зависимости от роста сельскохозяйственной продукции, Охаб обратил внимание на то, как важно обеспечить аграрному сектору условия для дальнейшего развития земледелия, увеличения поставок машин, удобрений, строительных материалов для села, внедрять новые методы хозяйствования, развивать аграрное просвещение, укреплять позиции социалистических хозяйств и пропагандировать их достижения³³³.

Доклад члена Политбюро и секретаря ЦК ПОРП Р. Замбровского «Об изменениях в Уставе партии» привносил в обязательные правила внутрипартийной жизни некоторые новые положения. Предусматривалось право члена партии по собственной воле покинуть партийные ряды, для чего достаточно было обратиться в свою партийную организацию «с просьбой вычеркнуть его из списков членов партии». Этот постулат докладчик сопровождал существенным комментарием: «В отношении лиц, которые не

ведут деятельности, направленной против партии и народной власти, исключение из партии не может повлечь за собой каких-либо последствий в их профессиональной работе»³³⁴. Можно представить, как реагировали на такое уставное положение ПОРП политические руководители на Старой площади в Москве.

В принятой 19 марта 1959 г. резолюции съезда «Об основных задачах политики партии» были сформулированы положения, касающиеся актуальной ситуации в стране. Констатировалось, что «в течение 14 лет существования народной власти в результате социалистического развития Польша преодолела отсталость и из аграрной страны превратилась в развитую индустриально-аграрную страну». Подчеркивалось, сколь большое влияние на международное рабочее движение оказали решения XX съезда КПСС, его творческий и смелый подход к основным проблемам международной борьбы за мир и социализм во всем мире. «Наша партия связывает с XX съездом КПСС крайне важные и положительные по своим последствиям изменения в своей деятельности, — говорилось далее. — Они нашли свое выражение в решениях VIII пленума Центрального комитета Польской объединенной рабочей партии, который был переломным моментом. Эти решения вытекали из политических и социальных потребностей нашей страны и определялись конкретной обстановкой в Польше». Утверждалось, что «VIII пленум ЦК ПОРП внес в политическую линию партии изменения, способствующие укреплению ее связи с массами и позволяющие успешно решать основные задачи, которые поставила перед народной Польшей сама жизнь. Одновременно VIII пленум окончательно и решительно преодолел сектантские ошибки предыдущей деятельности партии, которые возникли в атмосфере культа личности и заключались главным образом в ограничении социалистической демократии и внутрипартийной деятельности, а также в допущении нарушений социалистической законности». Чрезвычайно важный фрагмент постановления съезда гласил: «Съезд констатирует, что содержащийся в решениях I съезда ПОРП тезис о наличии в партии правонационалистического уклона был необоснован и ошибочен, и отменяет решения по этому вопросу». Тем самым проблема правонационалистического уклона, за которую целиком и полностью нес ответственность Берут, была снята и больше никогда не поднималась.

На съезде избрали новый состав ЦК ПОРП в количестве 77 членов и 64 кандидатов в члены ЦК. Не были избраны несколько видных «натолинцев» (Г. Хелховский, Ф. Юзьвяк, Ф. Мазур). Группа Гомулки, к которой примкнули некоторые «натолинцы», укрепились. В Политбюро ЦК вошли 12 человек: В. Гомулка (первый секретарь), Э. Герек, С. Ендриховский, А. Завадский, Р. Замбровский, З. Клишко, И. Лога-Совинский, Е. Моравский, Э. Охаб, А. Рапацкий, М. Спыхальский, Ю. Циранкевич³³⁵.

III съезд ПОРП подвел черту под временем демократизации политического режима в Польше, закрепив отход от принципов «польского Октября» и сосредоточение в руководстве страны политиков, придерживавшихся в сущности консервативной программы. В практической политике Гомулки все больше проявлялись авторитарные методы, сыгравшие впоследствии трагическую роль в его политической судьбе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kersten K.* Narodziny systemu władzy. Polska 1943–1948. Lublin, 1989. S. 132.
- 2 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 94–95, 293–294, 387–389; *Teczka specjalna J.W. Stalina. Raporty z Polski. 1944–1946.* Warszawa, 1998. S. 131, 146.
- 3 «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...» Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М.; Новосибирск, 2001. С. 51, 99–100, 217; *Teczka specjalna J.W. Stalina...* S. 291; Советский фактор... Т. 1. С. 382.
- 4 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 21–22; Советский фактор... Т. 1. С. 224–225, 378–382; «Из Варшавы. Москва...». С. 222–223; *Ślabeł H.* O społecznej historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2009. S. 66–68; *Kubis B.* Poznawcze i kształcące walory literatury dokumentu osobistego. Opole, 2007. S. 168; *Teczka specjalna J.W. Stalina...* S. 168–169.
- 5 Цит. по: *Ślabeł H.* O społecznej historii... S. 70; Polska. 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami. Warszawa, 2009. S. 18–19.
- 6 *Ślabeł H.* O społecznej historii... S. 50, 318–319; подробнее см.: *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения. 1945–1949. М., 1990. Гл. 2.
- 7 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3899. Л. 162; *Paczkowski A.* Stanisław Mikołajczyk czyli klęska realisty. Warszawa, 1991. S. 13; Archiwum Zakładu Historii Ruchu Ludowego (AZHRL). 1–16. S. 5.
- 8 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 98. Л. 360–362; *Teczka specjalna J.W. Stalina...* S. 380–383; см. подробнее: *Носкова А.Ф.* Крестьянское политическое движение в Польше. Сентябрь 1939 — весна 1948 гг. М., 1987. С. 103–133.
- 9 *Paczkowski A.* Stanisław Mikołajczyk... S. 142.
- 10 *Kumos Z.B.* Geneza satelickiego systemu władzy w Polsce. 1941–1948. Warszawa, 2001. S. 255–257, 267–268, 281–282, 288.
- 11 Archiwum Akt Nowych (AAN). Zespół KC PPR. Sygn. 295/IX–266. S. 52a.
- 12 AZHRL. II — PSL / 40, 2.
- 13 AAN. Zespół KC PZPR Sygn. 295/2–4. S. 35.
- 14 *Teczka specjalna J.W. Stalina...* S. 331–338.
- 15 *Borkowski J.* Rola i działalność mikołajczykowskiego Polskiego Stronnictwa Ludowego. 1945–1947. Warszawa, 1958. Rękopis. S. 305–324; «Из Варшавы. Москва...». С. 318–324.
- 16 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5548. Л. 90; AZHRL. II–PSL / 4; *Borkowski J.* Rola i działalność... С. 215; *Paczkowski A.* Stanisław Mikołajczyk... S. 165; Trybuna Wolności. 1945. 5 paźd.; Głos Ludu. 1945. 4 paźd.; *Teczka specjalna J.W. Stalina...* S. 382.
- 17 *Kersten K.* Narodziny systemu władzy... S. 148; Советский фактор... Т. 1. С. 335.
- 18 *Gross J.T.* Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia totalnej zapaści. Kraków, 2008. S. 214–215, 279 et al.; *Horoszewicz M.* Żydokomuna jako mit skrajnej prawicy // Forum Klubowe, 2011. N 3–4. S. 141–153.
- 19 См. подробнее: Polska Ludowa. Przemiany społeczne. Wrocław, 1974; Upaństwowienie i odbudowa przemysłu w Polsce (1944–1948). Т. I–II. Warszawa, 1967, 1969; Programy stronnictw ludowych. Warszawa, 1969.
- 20 *Werblan A.* Władysław Gomułka. Sekretarz Generalny PPR. Warszawa, 1988. S. 293–296.
- 21 *Werblan A.* Władysław Gomułka... S. 286–288; см. подробнее: *Gomułka W.* Artykuły i przemówienia. Т. 1. Warszawa, 1962. S. 296–304.

- 22 Teczka specjalna J.W. Stalina... S. 359; Polska Partia Robotnicza. Dokumenty programowe. 1942–1948. Warszawa, 1984. S. 317; *Werblan A.* Władysław Gomułka... S. 289.
- 23 AAN. Zespół KC PPR. Sygn. 295/II-4. S. 39, 14–15; цит. по: *Werblan A.* Władysław Gomułka... S. 294; см. подробнее: Archiwum ruchu robotniczego. T. VII. Warszawa, 1982.
- 24 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 303, 308–310.
- 25 PPR. VIII.1944–XII.1945. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki Komitetu Centralnego. Warszawa, 1959. S. 291; Polska Partia Robotnicza. Dokumenty... S. 320–322; *Werblan A.* Władysław Gomułka... S. 301.
- 26 *Werblan A.* Władysław Gomułka... S. 297–318, 333–334; см. подробнее: *Gomułka W.* Artykuły i przemówienia. T. 1. S. 428–520.
- 27 Gazeta Ludowa. 1946. 4 lut.; Programy Stronnictw ludowych. S. 366–370.
- 28 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29в. Д. 1. П. 309. Л. 1; Programy stronnictw ludowych. S. 359–362; *Chłopski Sztandar*. 1946. № 4.
- 29 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29в. П. 309. Д. 1. Л. 1.
- 30 Z pola walki. 1964. № 2. S. 11; AAN. Zespół PL. Sygn. 195/II-4. S. 2–57.
- 31 AAN. Zespół KC PPR. Sygn. 295/VII–174. S. 31, 11.
- 32 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 354.
- 33 *Marczak T.* Propaganda polityczna stronnictw przed referendum z 30.VI.1946. Wrocław, 1986. S. 51.
- 34 *Kersten K.* Narodziny systemu władzy... S. 187.
- 35 См.: Archiwum ruchu robotniczego. T. IX. Warszawa, 1984. S. 156–237; *Paczkowski A.* Stanisław Mikołajczyk... S. 181–187; AZHRL. II-PSL/42, 45, 5; Teczka specjalna J.W. Stalina... S. 475–476;
- 36 Dokumenty do dziejów PRL. Referendum z 30 czerwca 1946 r. Przebieg i wyniki / Oprac. A. Paczkowski. Warszawa, 1993. S. 8.
- 37 *Носкова А.Ф.* Крестьянское политическое движение... С. 186; *Петров Н.В.* По сценарию Сталина: роль НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011. С.171.
- 38 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/2. Д. 5543. Л. 12, 19; Д. 5542. Л. 271; Оп. 27/1. Ч. 2. Д. 5532. Л. 46; AZHRL. II-PSL/50. S. 31, 54.
- 39 Советский фактор... Т. 1. С. 276–280; Z pola walki. 1964. N 2. S. 5, 8–11; Archiwum ruchu robotniczego... T. IX. S. 249–250; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. Д. 3. П. 247. Л. 23.
- 40 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 443–466.
- 41 СССР — Польша. Механизмы подчинения . 1944–1949. Сб. док. М., 1995. С. 152–153.
- 42 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Ч. 2. Д. 5529. Л. 3, 15–21, 153; материалы конгресса см.: *Dziennik Ludowy*. 1946. 2, 13, 14, 16, 18 stycznia.
- 43 AZHRL. III–SL/64. S. 36–37; 41–43; *Syzdek B.* Polska Partia Socjalistyczna w latach 1944–1948. Warszawa, 1988. S. 323–324, 332; ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Ч. 1. Д. 5530. Л. 48; *Dziennik Ludowy*. 1946. 9, 11 marca.
- 44 *Носкова А.Ф.* Крестьянское политическое движение... С. 174–179.
- 45 *Paczkowski A.* Stanisław Mikołajczyk... S. 157.
- 46 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 466–467; *Носкова А.Ф.* Крестьянское политическое движение... С. 184, 186–188.

- 47 *Kersten K. Narodziny systemu władzy...* S. 203.
- 48 НКВД и польское подполье (По «Особым папкам» И.В. Сталина). 1944–1945 гг. М., 1994. С. 284, 287; «Из Варшавы. Москва...» С. 318–324; Советский фактор... Т. 1. С. 291; *Z pola walki*. 1959. N 2.
- 49 *Петров Н.В.* По сценарию Сталина... С. 171–173.
- 50 Советский фактор... Т. 1. С. 311–312, 326–327; Архив Президента (АП) РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 136. Л. 130–131.
- 51 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 28а. Д. 9. П. 92. Л. 29.
- 52 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 480–482.
- 53 *Kersten K. Narodziny systemu władzy...* S. 224.
- 54 *Paczkowski A. Stanisław Mikołajczyk...* S. 195.
- 55 См. подробнее: *Волокитина Т.В.* «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1998. С. 83–101.
- 56 *Teczka specjalna J.W. Stalina...* S. 526–530.
- 57 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 487–492.
- 58 Советский фактор... Т. 1. С. 330–332; *Teczka specjalna J.W. Stalina...* S. 532–538.
- 59 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 497–500.
- 60 Там же. С. 501–504; 511–513.
- 61 Советский фактор... Т. 1. С. 330–332; *Paczkowski A. Stanisław Mikołajczyk...* S. 197.
- 62 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/2. Д. 5543. Л. 204–202; Оп. 27/1. Д. 5537. Л. 10–9; Д. 5548. Л. 134–133.
- 63 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 28. П. 201. Д. 8. Л. 210–211; Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журнал (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 // Исторический архив. 1996. № 4. С. 129. Записью беседы мы не располагаем.
- 64 Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДМИСПО). Т. IX. М., 1974. С. 151; *Chłopski Sztandar*. 1946. N 39; AZHRL. II-PSL/42.
- 65 *Kersten K. Narodziny systemu władzy...* S. 235.
- 66 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5537. Л. 199; Д. 5543. Л. 293; Д. 6810. Л. 43–44; AZHRL. II-PSL/48a, 48b, 7, 47; AAN. Zespół KC PPR. Sygn. 295/IX–267. S. 75; AZHRL. II – PSL/40. S. 132; *Dominiczak H.* W walce o Polskę Ludową. Warszawa, 1980. S. 158–178; *Петров Н.В.* По сценарию Сталина... С. 183.
- 67 *Петров Н.В.* По сценарию Сталина... С. 184.
- 68 *Wici*. 1947. N 2.
- 69 СССР – Польша. Механизмы подчинения... С. 193–198.
- 70 *Носкова А.Ф.* Крестьянское политическое движение... С. 204.
- 71 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 536–538; Советский фактор... Т. 1. С. 357–359; 360–363.
- 72 Советский фактор... Т. 1. С. 372–373; Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 552.
- 73 Советский фактор... Т. 1. С. 384; *Волокитина Т.В.* «Холодная война» и социал-демократия... С. 86; *Петров Н.В.* По сценарию Сталина... С. 180.
- 74 НКВД и польское подполье... С. 287–288, 291–292.
- 75 *Kersten K. Narodziny systemu władzy...* S. 241.
- 76 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 50. Л. 21; *Listy pasterskie Episkopatu Polski*. 1945–1974. Paryż, 1975. S. 42–43.
- 77 *Петров Н.В.* По сценарию Сталина... С. 181–186.

- 78 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. П. 247. Д. 3. Л. 10, 34; *Носкова А.Ф.* К истории выборов 1947 г. в Учредительный Сейм Польши // *Славянский альманах*. 2009. М., 2010. С. 419–426; *Петров Н.В.* По сценарию Сталина... С. 182.
- 79 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 144. Л. 20; Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М., 1993. С. 379; *Paczkowski A.* Od sfalszowanego zwycięstwa do prawdziwej klęski. Kraków, 1999. S. 43; *Werblan A.* Stalinizm w Polsce. Warszawa, 2009. S. 67, 70, 74; *Pilawski K.* Kto zapłaci za zbrodnie podziemia // *Przegląd — Tygodnik*. 2012. 9 maja; *Konarski L.* «Ogień» był bandytą // *Przegląd — Tygodnik*. 2012. 10 maja.
- 80 *Kiersten K.* Narodziny systemu władzy... S. 280.
- 81 *Misiło E.* «Akcja Wisła». Dokumenty. Warszawa, 1993. S. 89–90; Polska–Ukraina. Trudne pytania. T. 9. Warszawa, 2002. S. 22.
- 82 *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. М., 2008. С. 411–413; *Motyka G.* Od rzezi Wołyńskiej do akcji «Wisła». Konflikt polsko-ukraiński 1943–1947. Kraków, 2011. S. 421–441.
- 83 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 6801. Л. 258; *Kozik Z.* Partii i stronnictwa w Krakowskiem. Kraków, 1975. S. 410; AAN. Zespół PPR. Sygn. 295/IX-267. S. 50; AAN. MAP. Sygn. 144. S. 52–53.
- 84 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 6801. Л. 258; Z pola walki. 1974. N 2. S. 51; Z dziejów ruchu ludowego w PRL. Warszawa, 1976. S. 181; *Ślabek H.* O społecznej historii... S. 336–337.
- 85 AZHRL. II-PSL/70, 42; II-PSL/3, PSL/8; Chłopi i Państwo. 1947. 24 luty; ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 6809. Л. 36.
- 86 ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/2. Д. 6810. Л. 310, 182–181; Оп. 27/1. Д. 6800. Л. 182; Д. 6805. Л. 79; Д. 6811. Л. 52–51; Оп. 27/2. Д. 6804. Л. 139; AZHRL. II — PSL/14, 8; PSL-34, 8; PRL. Sejm. Druki. 1947. Druk N 151; AAN. MAP. 115. S. 69, 78, 92; Z dziejów ruchu ludowego... S. 183; Chłopi i Państwo. 1947. 12 paźd.; Chłopski Sztandar. 1947. N 42; *Borkowski J.* Rola i działalność... S. 449–450.
- 87 *Paczkowski A.* Stanisław Mikołajczyk... S. 232–234.
- 88 Chłopi i Państwo. 1947. 23 listop.; AZHRL. II-PSL/70, 14.
- 89 Nowe Wyzwolenie. 1947. 9, 16, 23 czerw.; AZHRL. II-PSL/ 42; Wici. 1947. 1 czerw., 13 sierpn., 26 paźd.
- 90 *Ślabek H.* Polityka agrarna PPR. Warszawa, 1978. S. 537, 547.
- 91 AZHRL. II-PSL/65; Z dziejów ruchu ludowego... S. 181, 184 (подсчитано автором).
- 92 Цит. по: *Носкова А.Ф.* Крестьянское политическое движение... С. 235–240.
- 93 Trybuna Wolności. 1947. 5 stycz.; 5, 8 marc; 11 kwiet.; 19 czerw.
- 94 Анализ позиций ППС и ППР см.: *Волокитина Т.В.* «Холодная война» и социал-демократия... Разд. II. Гл. I.
- 95 Polska Partia Robotnicza. Dokumenty... S. 354.
- 96 *Волокитина Т.В.* «Холодная война» и социал-демократия... С. 88–90; *Syzdek B.* Polska Partia Socjalistyczna... S. 383–400.
- 97 Цит. по: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в странах Восточной Европы. 1944–1948 гг. М., 1993. С. 236–241; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. Д. 26. П. 134. Л. 48 (Материалы XXVII конгресса ППС).
- 98 Материалы пленума см.: *Archiwum ruchu robotniczego*. T. VII. Warszawa, 1982.

- 99 Демографическая модернизация России. 1900–2000. М., 2006. С. 412.
- 100 Печатнов В.О. Возвращение в Фултон // Россия в глобальной политике. Т. 4. № 2. С. 14; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. М., 2003. С. 25. См. подробнее: Мальков В.Л. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004; Печатнов В.О. Сталин. Рузвельт. Трумэн. СССР и США в 40-х годах XX века. М., 2006.
- 101 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 5. Л. 137.
- 102 Там же. Оп. 29. П. 208. Д. 7. Л. 161–162.
- 103 Kersten K. Narodziny systemu władzy... S. 303.
- 104 Волокутина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность?.. С. 221; Адибеков Г.М. Как создавался Коминформ // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 5; см. также: Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956. М., 1994; Sobór-Świdarska A. Jakub Berman. Biografia komunisty. Warszawa, 2009. S. 213–214, 217–218.
- 105 См. подробнее: Совещания Коминформа. 1947. 1948. 1949. Документы и материалы.
- 106 AAN. Zespół KC PPR Sygn. 295/VII-247. Материалы и единицы хранения архива (К. 12, 15–16, 37–38, 45, 49, 53–54) цитируются по: Волокутина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность?.. С. 222–227.
- 107 Sobór-Świdarska A. Jakub Berman... S. 218.
- 108 Волокутина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность?.. С. 228–229.
- 109 Kersten K. Narodziny systemu władzy... S. 314; Polska Partia Robotnicza. Dokumenty... S. 403–421.
- 110 Краткая история Польши... С. 384–385; Sobór-Świdarska A. Jakub Berman... S. 219.
- 111 PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki Komitetu Centralnego PPR. I.1947–XII.1948. Warszawa, 1973. S. 187–191.
- 112 Kersten K. Narodziny systemu władzy... S. 319; см. подробнее: Krasucki E. Międzynarodowy komunista. Jerzy Borejsza biografia polityczna. Warszawa, 2009.
- 113 Цит. по: Torąńska T. Oni. Warszawa, 1989. S. 162; Dominiczak H. Organy bezpieczeństwa w walce z Kościołem katolickim. 1944–1990. W świetle dokumentów MSW. Warszawa, 2000. S. 34, 54–56; Żaryn J. Dzieje Kościoła katolickiego w Polsce (1944–1989). Warszawa, 2003. S. 67, 85.
- 114 Z dziejów ruchu ludowego... S. 130; AZHRL. II-PSL/32, 34, 42, 2; ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 8205. Л. 14; Д. 8195. Л. 87, 150, 154; Д. 8197. Л. 123.
- 115 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 776.
- 116 Цит. по: Волокутина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия... С. 100.
- 117 Werblan A. Władysław Gomułka... S. 539; Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 779–780; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 5. Л. 37.
- 118 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 5. Записи бесед советника посольства СССР В.Г. Яковлева с Ю. Циранкевичем (8.03.1948 г.); Б. Дробнером (9.03.1948 г.), О. Ланге (26.05.1948 г.), С. Матушевским (8.06.1948 г.), Я. Берманом (12.03, 5.06.1948 г.); Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 749–750, 780–781, 810–811, 830–834, 846–847; Советский фактор... Т. 1. С. 565–567.
- 119 Gomułka W. Artykuły i przemówienia... S. 519–531.
- 120 Werblan A. Władysław Gomułka... S. 541; Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 883.
- 121 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 5. Л. 119–121; Волокутина Т.В. «Холодная фойна» и социал-демократия... С. 107–109; Sobór-Świdarska A. Jakub Berman... S. 233.

- 122 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. П. 214. Д. 5. Л. 130–131.
- 123 См. подробнее: *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.
- 124 Советский фактор... Т. 1. С. 561–564.
- 125 СССР — Польша. Механизмы подчинения... С. 229–246.
- 126 См. подробнее: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. С. 499–510; *Sobór-Świdarska A. Jakub Berman*.... С. 237–238.
- 127 *Kersten K. Narodziny systemu władzy*... С. 338; *Sobór-Świdarska A. Jakub Berman*... С. 229.
- 128 Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 900–902.
- 129 *Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie. 1944–1957.* Pułtusk, 2002. С. 220–225.
- 130 *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 510–513; *Dokumenty do dziejów PRL. Protokoły posiedzeń Biura politycznego KC PPR. 1947–1948.* Warszawa, 2002. С. 235–244, 254; *Strzelecki-Gomułka R., Salwa-Syzdek E.* Między realizmem a utopią. Władysław Gomułka we wspomnieniach syna. Warszawa, 2003. С. 38.
- 131 СССР — Польша. Механизмы подчинения... С. 271–278; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 514.
- 132 *Sobór-Świdarska A. Jakub Berman*... С. 212, 253, 262, 284, 290–296; *Kumos Z.B.* Geneza satelickiego systemu... С. 426–427; *Strzelecki-Gomułka R., Salwa-Syzdek E.* Między realizmem a utopią... С. 150–157.
- 133 *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 511.
- 134 *Kersten K. Narodziny systemu władzy*... С. 339.
- 135 Цит. по: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность?... С. 252.
- 136 *Kumos Z.B.* Geneza satelickiego systemu... С. 424–426.
- 137 *Persak K.* Struktura i skład centralnych instancji decyzyjnych KC PZPR // Centrum władzy w Polsce. 1948–1970. Warszawa, 2003. С. 20–32; *Gąsiorowski B.* Kształtowanie się stanu ilościowego i składu klasowo-warstwowego PZPR w latach 1948–1985 (analiza tendencji). Warszawa, 1987. С. 211.
- 138 Цит. по: *Sobór-Świdarska A. Jakub Berman*.... С. 259.
- 139 *Polska Partia Robotnicza. Dokumenty*... С. 621.
- 140 *Programy stronnictw ludowych. Zbiór dokumentów.* С. 393–399.
- 141 *Friskę A.* Polska. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa. 2003. С. 178–179.
- 142 См. подробнее: *Носкова А.Ф.* К.К. Рокоссовский в Польше. 1944–1956: неизвестные страницы биографии // *Studia Polonica.* М., 2002. С. 79–94.
- 143 См. подробнее: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... Гл. VII.
- 144 *Werblan A.* Stalinizm w Polsce... С. 62.
- 145 *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 125, 131; *Friskę A.* Polska. Losy... С. 172–173; *Paczkowski A.* System nomenklatury kadr w Polsce (1950–1970). Warszawa, 2000. С. 6;

- Persak K.* Struktura i skład centralnych instancji decyzyjnych KC PZPR // Centrum władzy w Polsce 1948–1970. Warszawa, 2003. S. 32; *Paczkowski A.* System nomenklatury // Centrum władzy w Polsce... S. 116–117; *Paczkowski A.* Wstęp // Centrum władzy... S. 12–15; см. подробнее: *Dymek B.* Geneza i działalność Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej (1948–1954). Warszawa, 1988. S. 390–447.
- 146 *Dymek B.* PZPR. 1948–1954. Warszawa, 1989. S. 288–291; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 122, 125; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2. 1949–1953. М., 2002. С. 819, 868; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 102. Л. 147; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 34. П. 275. Д. 89. Л. 24; Оп. 35. П. 283. Д. 20. Л. 102; *Kozik Z.* PZPR w latach 1945–1957. Szkic historyczny. Warszawa, 1982. S. 23; PPR. I. 1947–I. 1948. Rezolucje, odezwy... S. 288.
- 147 *Chumiński J.* Przynależność do PZPR wśród zatrudnionych w przemyśle polskim w latach 1949–1956 // Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych. T. LXIX. 2009. S. 116, 121; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 126.
- 148 *Ślabeek H.* Intelktualistów obraz własny. 1944–1989. Warszawa, 1997. S. 6, 211; *Chumiński J.* Przynależność do PZPR... S. 114.
- 149 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 284. Д. 23. Л. 68
- 150 *Chumiński J.* Przynależność do PZPR... S. 125, 127–129, 131; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 284. Д. 23. Л. 68.
- 151 *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 122–126; *Chumiński J.* Przynależność do PZPR... S. 121 (численность партии по социальным группам).
- 152 Советский фактор... Т. 2. М., 2002. С. 859, 869.
- 153 Цит. по: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 130.
- 154 Краткая история Польши... С. 397.
- 155 *Friskze A.* Polska. Losy... S. 173.
- 156 *Paczkowski A.* System nomenklatury // Centrum władzy w Polsce... S. 116–117.
- 157 Цит. по: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 136; *Garlicki A.* Z tajnych archiwów. Warszawa, 1993. S. 109–114; *Paczkowski A.* System nomenklatury // Centrum władzy w Polsce... S. 128–133; *Friskze A.* Polska. Losy... S. 173.
- 158 *Dudek A.* Funkcjonowanie systemu nomenklatury kadr PZPR na szczeblu wojewódzkim (1948–1980). Przykład Krakowa // Komunizm. Ideologia. System. Ludzie. Warszawa, 2001. S. 100; *Werblan A.* Stalinizm w Polsce... S. 66–67.
- 159 *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 245–246.
- 160 *Garlicki A.* Z tajnych archiwów... S. 188–189; см. подробнее: *Persak K.* Роль Иосифа Сталина в подготовке Конституции Польской Народной Республики. 1952 г. // Польша — СССР. 1945–1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005. С. 153–168.
- 161 См. подробнее: *Носкова А.Ф.* Российская историография сталинизма в СССР и странах Восточной Европы: некоторые итоги изучения (конец XX — начало XXI века) // Славяноведение. 2012. № 1.

- 162 *Dominiczak H.* Organy bezpieczeństwa PRL. 1944–1990. Warszawa, 1997. S. 48–49; *Ruzikowski T.* Tajni współpracownicy pionów operacyjnych aparatu bezpieczeństwa 1950–1984 // Pamięć i Sprawiedliwość. 2003. N 1. S. 111.
- 163 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. 1949–1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 24–28; *Kochański A.* Polska 1944–1991. Informator historyczny. Т. 1. Warszawa, 1996. S. 41, 151.
- 164 *Błazyński Z.* Mówi Józef Światło. Za kulisami bezpieki i partii. 1940–1955. Warszawa, 1990. S. 20.
- 165 Советский фактор... Т. 2. С. ; цит. по: Aparat represji a opór społeczeństwa wobec systemu komunistycznego w Polsce i na Litwie w latach 1944–1956. Warszawa, 2005. S. 65; см. подробнее: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... Разд. II. Гл. VII.
- 166 Aparat bezpieczeństwa w Polsce. Kadra kierownicza. Т. 1. 1944–1956. Warszawa, 2005. S. 20, 21; *Czekiści.* Organy bezpieczeństwa w europejskich krajach bloku sowieckiego. 1944–1989. Warszawa, 2010. S. 396.
- 167 Dokumenty do dziejów PRL. Aparat bezpieczeństwa w l. 1944–1956. Taktyka. Strategia. Metody. Cz. II. 1948/1949. Warszawa, 1996. S. 11–12; Aparat represji... S. 66–67; *Czekiści...* S. 410.
- 168 Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 26; *Dominiczak H.* Organy bezpieczeństwa PRL... S. 41, 45; Aparat bezpieczeństwa... Cz. II. 1948/1949... S. 97–99; *Ruzikowski T.* Tajni współpracownicy... S. 115; *Kurtyka J.* Światy przeciwstawne: komunistyczna bezpieka wobec podziemia niepodległościowego // Pamięć i sprawiedliwość. 2004. N 1(5). S. 18; *Czekiści...* S. 435–436.
- 169 *Kozłowski Cz.* Namiestnik Stalina. Rzecz o Bierucie. Warszawa, 1993. S. 64; *Palski Z.* Agentura Informacji Wojskowej w latach 1945–1956 // Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 3. Warszawa, 1992. S. 7–40; *Czekiści...* S. 436.
- 170 *Szwagrzyk K.* Prawnicy czasu bezprawia. Sędziowie i prokuratorzy wojskowi w Polsce. 1944–1956. Kraków; Wrocław, 2005. S. 142–146; *Czekiści...* S. 396–397.
- 171 Aparat bezpieczeństwa... Т. 1. S. 25; *Paczkowski A.* Od sfalszowanego zwycięstwa... S. 47–65; *Idem.* Pół wieku dziejów Polski. 1939–1989. Warszawa, 1995. S. 259; Советский фактор... Т. 2. С. 546; *Friszke A.* Polska. Losy... S. 203–204; *Czekiści...* S. 455–456.
- 172 *Werblan A.* Stalinizm w Polsce... S. 71; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 31. П. 233. Д. 12, Л. 18; Оп. 34. П. 263., Д. 12. Л. 106; П. 275. Д. 90. Л. 18–19.
- 173 *Friszke A.* Polska. Losy... S. 207–208; *Dominiczak H.* Organy bezpieczeństwa PRL... S. 71; *Wyrwich M.* Obozy w PRL // Biuletyn polityczny. 1994. S. 49–51; *Słabek H.* Intelktualistów obraz własny... S. 102.
- 174 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 283. Д. 20. Л. 60; *Habielski R.* Polityczna historia mediów w Polsce w XX wieku. Warszawa, 2009. S. 220–221.
- 175 Цит. по: *Dominiczak H.* Organy bezpieczeństwa PRL... S. 68; *Fieldorf M., Zachuta L.* General Fieldorf «Nil». Fakty. Dokumenty. Relacje. Wyd. II. Warszawa, 2006. S. 486, 557, 575, 591, 633.
- 176 Цит. по: *Юсупов Р.Р.* Власть и интеллигенция. Из истории Польши XX столетия (1918–1980 гг.). Казань, 1996. С. 174–175.
- 177 *Słabek H.* Intelktualistów obraz... S. 52–53; 102–103; *Stępień M.* «Jak grecka tragedia». Pisarz polski w sytuacji wyboru (1944–1948). Kraków, 2005. S. 27–29; *Słabek H.* O społecznej historii... S. 374.
- 178 *Piecuch H.* Akcje specjalne: od Bieruta do Ochaba. Warszawa, 1996. S. 53; *Nalepa E.J.* Oficerowie Armii Radzickiej w Wojsku Polskim. 1943–1968. Warszawa, 1995. S. 63–64.

- 179 *Poksiński J.* «TUN». Tatar–Utnik–Nowicki. Warszawa, 1992 S. 7; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 467, 471, 477.
- 180 *Sobór-Świderska A.* Jakub Berman... S. 303.
- 181 АП РФ. Ф. 45. Оп. 66. Д. 360. Л. 42; Ф. 3. Оп. 66. Д. 138. Л. 71–72; *Poksiński J.* «TUN». Tatar... S. 149; *Czekiści*... S. 445.
- 182 Советский фактор... Т. 2. С. 232–235; Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 230.
- 183 *Syzdek E., Syzdek B.* Cena władzy zależnej. Warszawa, 2001. S. 136–137.
- 184 Цит. по: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... С. 528.
- 185 См. подробнее: *Wokół pogromu Kielckiego*. Т. II. Warszawa, 2008. S. 152 i inn.; *Gross J.T.* Strach. Antysemityzm tuż po wojnie. Historia totalnej zapaści. Kraków, 2008. S. 166, 134 i др.; Советский фактор... Т. 1. С. 229–231, 317–318.
- 186 Советский фактор... Т. 2. 1949–1953... С. 562–563; Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 940–941.
- 187 *Szaynok B.* Walka z syjonizmem w Polsce (1948–1953) // *Komunizm. Ideologia. System. Ludzie*. Warszawa, 2001. S. 252–264, 271.
- 188 Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 172–178, 191.
- 189 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 31–35.
- 190 Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 312.
- 191 Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 332–333; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1301. Л. 178, 186.
- 192 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 151. Л. 43, 45; ААН. Zespół PZPR. Sygn. 237/ II-5. S. 38.
- 193 Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 337–342; АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 360. Л. 75, 78.
- 194 *Nalepa E.J.* Oficerowie Armii... S. 273–274.
- 195 Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 172–178; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1300. Л. 14, 18, 21.
- 196 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 151 Л. 49–51; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2, Д. 1360. Л. 26.
- 197 *Kozłowski Cz.* Namiestnik Stalina... S. 115–116, 119–120.
- 198 *Błaziński J.* Mówi Józef Światło... S. 23.
- 199 Запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС и членов политбюро ЦК ПОРП в Варшаве 19 октября 1956 г. // *Славянский альманах*. 2007. М., 2008. С. 500–501; *Duraczyński E.* Stalin. Twórca i dyktator supermocarstwa. Warszawa, 2012. S. 677–678.
- 200 *Gross J.T.* Geneza społeczna demokracji ludowych. O konsekwencjach II wojny światowej w Europie Śródkowej // *Komunizm. Ideologia. System*... S. 53–54; *Werblan A.* Polska w strefie dominacji radzieckiej // *Polska pod rządami PZPR*. Warszawa, 2000. S. 290.
- 201 *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 504–505; Русский архив. 14.3(1). Великая Отечественная. 3(1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 333.
- 202 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 133. Л. 178; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 507–508.
- 203 *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 514–515; *Garlicki A.* Z tajnych archiwów... S. 45; *Żaryn J.* Dzieje Kościoła katolickiego... S. 67; *Dudek A., Gryz R.* Komuniści i Kościół w Polsce (1945–1989). Kraków, 2003. S. 12; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 50. Л. 27.

- 204 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. П. 195. Д. 7. Л. 98; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 510–511.
- 205 August Hlond. Prymas Polski. Na straży sumienia Narodu. Warszawa, 1999. S. 265–266.
- 206 «Из Варшавы. Москва...». С. 81–82.
- 207 Garlicki A. Z tajnych archiwów... S. 18–19, 22–30; Krasucki E. Międzynarodowy komunista Jerzy Borejsza... S. 128–130.
- 208 Raina P. Kościół w PRL. Kościół katolicki a państwo w świetle dokumentów 1945–1989. T. 1. Lata 1945–1959. Poznań, 1994. S. 78–81.
- 209 Dominiczak H. Organy bezpieczeństwa PRL... S. 98–99; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 512.
- 210 Dominiczak H. Organy bezpieczeństwa PRL w walce z Kościołem Katolickim 1944–1990. W świetle dokumentów MSW. Warszawa, 2000. S. 54–56, 34; Garlicki A. Z tajnych archiwów. S. 41–52; Żaryn J. Dzieje Kościoła katolickiego... S. 67, 85.
- 211 АВП РФ. Ф. 56. Оп. 14. П. 295. Д. 86., Л. 786–82, 83.
- 212 Raina P. Kościół w PRL... S. 121; August Hlond. Prymas Polski... S. 229–230; Dominiczak H. Organy bezpieczeństwa PRL w walce... S. 35.
- 213 Raina P. Kościół w PRL. S. 121–124; цит. по: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 525.
- 214 Żaryn J. Kościół a władza w PRL. 1945–1950. Warszawa, 1997. S. 185.
- 215 Цит. по: Гергей Е. История папства. М., 1996. С. 385.
- 216 Żaryn J. Kościół a władza... S. 199–200, 209; цит. по: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 584–585, 617.
- 217 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 618–619; Восточная Европа в документах... Т. II. 1949–1953. С. 27; Żaryn J. Dzieje Kościoła katolickiego... S. 97.
- 218 Żaryn J. Kościół a władza... S. 198–199; Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół... S. 38; цит. по: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 621; СССР — Польша. Механизмы подчинения... С. 315, 309, 310, 313; Fiałkowska B. Partia wobec religii i Kościoła w PRL. T. 1. 1944–1955. Olsztyn, 1999. S. 165.
- 219 Securitas imperii. С. 11. Praha, 2005. S. 301; цит. по: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 624.
- 220 Dominiczak H. Organy bezpieczeństwa w walce... S. 64, 100–104; Grajewski A. Wygnanie. Diacezja katowicka w czasach stalinowskich. Katowice, 2002. S. 69–84; Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół... S. 42; цит. по: Garlicki A. Bolesław Bierut. Warszawa, 1994. S. 69.
- 221 См. подробнее: СССР — Польша. Механизмы подчинения... С. 354–362; Represje wobec uczestników wydarzeń w Katedrze Lubelskiej w r. 1949. Lublin, 1999.
- 222 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 627–629; Dominiczak H. Organy bezpieczeństwa w walce... S. 40–42.
- 223 См. подробнее: Żaryn J. «Księdzy-patrioci» — geneza powstania formacji duchownych katolickich // Polska 1944/1945–1989. Warszawa, 1995. S. 123–149.
- 224 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 78. Л. 288.
- 225 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 33. П. 214. Д. 14. Л. 54–55; AAN Zespół PZPR. 237/V-162. S. 52–54, 55–56.
- 226 Raina P. Kościół w PRL... S. 233–235; Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 338–339.
- 227 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29. П. 137. Д. 55., Л. 15, 27; Советский фактор... Т. 2. 1949–1953.

- C. 315; AAN. Zespół PZPR.237/V-158 K. 73; 237/V-164. S. 20–21; 237/V-162. K. 10–18; Teczka osobowa A. Bidy 484/12. S. 8, 10.
- 228 *Raina P.* Kościół w PRL... S. 239–240; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 34. П. 264. Д. 17. Л. 102–104; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 71. Л. 149–150, 154; Д. 78. Л. 308.
- 229 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 34. П. 275. Д. 89. Л. 90; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 78. Л. 95–96; AAN. Teczka osobowa A. Bidy. 484/12. S. 200.
- 230 ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 78. Л. 96, 99, 100, 202.
- 231 Советский фактор... Т. 2. С. 482–484; 489–490.
- 232 ГА РФ. Ф. 6991; Оп. 3. Д. 78. Л. 287.
- 233 *Raina P.* Kościół w PRL... S. 329–335; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 36в. П. 366. Д. 1. Л. 27–40.
- 234 Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 726.
- 235 Dokumenty do dziejów PRL. Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970. Warszawa, 2000. S. 113–114; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 87. Л. 237–238.
- 236 Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 726–731, 740–741; Советский фактор... Т. 2. С. 628; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 291. Д. 88. Л. 17.
- 237 *Dudek A., Gryz R.* Komuniści i Kościół.... S. 75–76; AAN. Zespół PZPR. 237/V-158. S. 277; *Żaryn J.* Dzieje Kościoła... S. 117.
- 238 *Raina P.* Kościół w PRL... Т. 1. S. 351–356, 363–364.
- 239 См. подробнее: *Grajewski A.* Wygnanie... S. 124–151.
- 240 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 283. Д. 15. Л. 249.
- 241 AAN. Teczka osobowa A. Bidy 484/12. S. 76; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 36. П. 296. Д. 11. Л. 6; *Raina P.* Kościół w PRL... S. 379.
- 242 *Raina P.* Kościół w PRL... S. 405–406, 413–418, 424–427.
- 243 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 36. П. 298. Д. 31. Л. 41–45; см. также: *Więź*, 1992. № 10.
- 244 Цит. по: *Dudek A., Gryz R.* Komuniści i Kościół... S. 89; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 36. П. 298. Д. 31. Л. 39; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1634. Л. 31.
- 245 АВП РФ. Ф. 566. Оп. 1. П. 176. Д. 401. Л. 93; *Raina P.* Kościół w PRL... S. 448; *Żaryn J.* Dzieje Kościoła... S. 151.
- 246 См. подробнее: *Żaryn J.* Dzieje Kościoła... S. 122, 125, 132, 147, 153 и др.
- 247 ДМИСПО. Т. X: январь 1950 г. — декабрь 1955 г. М., 1980. С. 367.
- 248 *Быстрова Н.Е.* СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007. С. 494–510.
- 249 *Skrzypek A.* Mechanizmy uzależnienia... S. 317–318.
- 250 Советский фактор... Т. 2. С. 871, 876.
- 251 Подробнее о работе съезда см.: *Kozłowski Cz.* II zjazd PZPR (10–17 marca 1954 r.) // *Z pola walki*. 1984. N 4. S. 87–108.
- 252 *Rykowski Z., Władysław W.* Polska próba: Październik'56. Kraków, 1989. S. 85.
- 253 См.: Dokumenty programowe polskiego ruchu robotniczego 1878–1984. Warszawa, 1986. S. 467–482.
- 254 См. подробнее: *Król S.* Prawda o początkach Klubu Krzywego Koła i Krajowego Ośrodka Współpracy Klubów Inteligencji // *Zeszyty Historyczne* (Paryż). 2008. Zesz. 163. S. 230–233; *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 59–60.
- 255 Цит. по: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша... С. 53.
- 256 Там же. С. 54–55.

- 257 Nowe drogi. 1955. N 6. S. 16–37.
- 258 См. подробнее.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов... Гл. VI, VII; *Poksiński J.* «TUN»: Tatar.
- 259 Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 — февраль 1956. М., 2000. С. 189–190.
- 260 Dokumenty centralnych władz Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej marzec-listopad'56 // Seria «Polska mniej znana». Warszawa, 2009. S. 11–152.
- 261 *Bratny R.* Karta demobilizacyjna Armii Krajowej // Nowe drogi. 1956. N 4. S. 41–53.
- 262 *Karwat J., Tischler J.* Poznań — Budapeszt. Poznań, 2006. S. 18, 16.
- 263 *Torańska T.* Oni. Warszawa, 2004. S. 80.
- 264 См. подробнее.: *Makowski E.* Poznański Czerwiec 1956, pierwszy bunt społeczeństwa w PRL. Poznań, 2001. S. 20–50; *Poznański Czerwiec 1956.* Poznań, 1990. S. 67.
- 265 *Machewicz P.* Polski rok 1956. Warszawa, 1993. S. 86–88.
- 266 *Karwat J., Tischler J.* Poznań — Budapeszt... S. 41–42; *Jastrząb Ł.* «Rozstrzelano moje serce w Poznaniu». Poznański Czerwiec 1956 r. — straty osobowe i ich analiza. Poznań, 2006. S. 208–225.
- 267 Trybuna Ludu. 1956. 29 czerwca; Czerwiec'56 // Kronika miasta Poznania. 2006. N 2. S. 145–148.
- 268 *Werblan A.* Stalinizm w Polsce... S. 161–167.
- 269 Protokoły z VI i VII Plenum Komitetu Centralnego Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej z 1956 r. // Seria «Polska mniej znana». Warszawa, 2007. S. 47–83.
- 270 Цит. по: *Władyка W.* Na czołowce. Prasa w październiku 1956 roku. Warszawa; Łódź, 1989. S. 309–310.
- 271 Правда. 1956. 22 июля; *Kula M.* Paryż, Londyn i Waszyngton patszą na Październik 1956 r. w Polsce. Warszawa, 1992. S. 89–90.
- 272 Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970 // Dokumenty do dziejów PRL. Zesz. 13. Warszawa, 2000. S. 182–183.
- 273 AAN (Warszawa). Zespół KC PZPR, Sygn. V/42. K. 168.
- 274 Centrum władzy... S. 187–188, 190, 192–206.; *Gomułka i inni.* Dokumenty z archiwum KC 1948–1982. Londyn, 1987. S. 85–90; *Rykowski Z., Władyка W.* Polska próba... S. 229–231.
- 275 *Władyка W.* Na czołowce... S. 361.
- 276 *Friszke A.* Opozycja polityczna w PRL 1945–1980. Londyn, 1994. S. 186–187, 189.
- 277 *Kuroń J.* Wiara i wina. Do i od komunizmu. Warszawa, 1990. S. 119, 108–109; *Kozik Z.* PZPR w latach 1954–1957. Szkic historyczny. Warszawa, 1982. S. 200–201; цит. по: *Rykowski Z., Władyка W.* Polska próba... S. 234.
- 278 Цит. по: *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша... С. 178; *Stronnictwo Demokratyczne w Polsce Ludowej.* Cz. II. T. 1. Wybór dokumentów z lat 1950–1958. Warszawa, 1970. S. 294–295.
- 279 *Волобуев В.В.* Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. М., 2009. С. 145–151.
- 280 О польских молодежных организациях второй половины 1950-х годов подробнее см.: *Wierzbicki M.* Związek Młodzieży Polskiej i jego członkowie. Studium z dziejów funkcjonowania stalinowskiej organizacji młodzieżowej. Warszawa, 2006.
- 281 *Wojtas A.* Myśl polityczna Zjednoczonego Stronnictwa Ludowego w latach 1949–1962. Studium z dziejów zniewolonego ruchu politycznego. Toruń, 1991. S. 81–82; *Ignar S.* Sojusz i samodzielność. Artykuły i przemówienia. Warszawa, 1983. S. 14–17.
- 282 *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша... С. 181–182; *Torańska T.* Oni... S. 188.
- 283 Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 465, 490.
- 284 Там же. С. 476–477.

- 285 Там же. С. 479, 494–495.
- 286 Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 464–466.
- 287 Гомулка В. Речь на VIII Пленуме ЦК ПОРП 20 октября. Варшава, 1956. С. 37–38, 43–44, 13–14.
- 288 Jarosz D. Polityka władz komunistycznych w Polsce a chłopci w latach 1948–1956. Warszawa, 1998. S. 152.
- 289 См. подробнее: Rowiński J. ChRL a wydarzenia październikowe 1956 r. w Polsce. Czy Chińczycy uchronili nasz kraj przed radziecką interwencją? // Polska – Chiny. Wczoraj, dziś, jutro. Toruń, 2009. S. 239–289.
- 290 См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2003. С. 173–177.
- 291 Советский Союз и венгерский кризис... С. 360; Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 178.
- 292 Rykowski Z., Władyka W. Polska próba... S. 269; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 4. Л. 169. .
- 293 См. подробнее: Стыкалин А.С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. С. 120–128.
- 294 Источник. 2003. № 6. С. 68; Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999. С. 255–256.
- 295 Słownik biograficzny działaczy ruchu ludowego. Makieta. Warszawa, 1989. S. 172–173.
- 296 См. подробнее: Dyskusja o polskim modelu gospodarczym. Warszawa, 1957.
- 297 См. подробнее: Орехов А.М. Из истории экономических отношений СССР и ПНР («Угольная проблема» 1946–1957 гг.) // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М., 2009. С. 336–348; Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 356–360 (текст В.С. Парсадановой); Там же. С. 463–464 (текст Н.И. Бухарина).
- 298 Bez serwilizmu. Nieznana notatka z rozmów delegacji polskiej z kierownictwem ZSRR w listopadzie 1956 r. // Dziś (Warszawa). 1993. № 7. S. 83; Правда. 1956. 19 ноября; ДМИСПО. Т. XI; январь 1956 г. — декабрь 1960 г. М., 1983. С. 76–80.
- 299 ДМИСПО. Т. XI. С. 84; Белые пятна — черные пятна... С. 461–462 (текст Н.И. Бухарина).
- 300 Machcewicz P. Polski rok 1956... S. 161; см. подробнее: Pastuszewski S. Bydgoski Listopad 1956. Bydgoszcz, 1996; Zielony sztandar. 1956. 19 grudnia.
- 301 Historia Sejmu polskiego. Т. III: Polska Ludowa. Warszawa, 1989. S. 160.
- 302 Kampania wyborcza i wybory do Sejmu 20 stycznia 1957. Warszawa, 2000; Raina P. Kościół w PRL... S. 581–582; цит. по: Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół w Polsce... S. 115.
- 303 Kampania wyborcza... S. 234.
- 304 Trybuna Ludu. 1956. 20 stycz.
- 305 См. подробнее: «Wasz Goździk naszym Goździkiem». Droga życiowa i aktywność polityczna Lechosława Goźdika. Szczecin, 2002.
- 306 Wiatr J. Wybory sejmowe 1957 roku w świetle wstępnej analizy // Studia socjologiczno-polityczne. 1958. N 4. S. 163–195, 189.
- 307 Friszke A. Koło «Znak» w Sejmie PRL 1957–1976. Warszawa, 2002. S. 165.
- 308 Friszke A. Polska. Losy... S. 230.
- 309 Uchwały Komitetu Centralnego Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej od II do III Zjazdu. Warszawa, 1959. S. 230–234.
- 310 Nowe drogi. 1957. N 6. S. 157–159; Uchwały Komitetu Centralnego... S. 244–247.
- 311 АВП РФ. Ф. 122. Он. 39/1957. П. 140. Д. 720/8. Л. 47–49.

- 312 Там же. Оп. 43/1959. П. 359. Д. 15. Л. 4–5.
- 313 Zielony sztandar. 1958. 30 marca.
- 314 Trybuna Ludu. 1957. 9 stycznia.
- 315 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 49. Д. 9. Л. 101–102.
- 316 Zielony Sztandar. 1957. 6 paźd.; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 43/1959. П. 359. Д. 15. Л. 18–19.
- 317 См. подробнее: *Czubiński A.* Stronnictwo Demokratyczne (1937–1989). Zarys dziejów. Poznań, 1998. S. 230; *Żebrowski W.* Z dziejów Stronnictwa Demokrstycznego w Polsce. Bydgoszcz, 1999; АВП РФ. Ф. 122. Оп. 40. П. 145. Д. 72. Л. 36; Tygodnik Demokratyczny. 1957. 20–26 marca.
- 318 *Stefański P.* Podstawowy warunek // Tygodnik Demokratyczny. 1957. 10–16 kwietnia. № 17(202). S. 3, 7; Stronnictwo Demokratyczne w Polsce Ludowej. Cz. II. T. 1: Wybór dokumentów z lat 1950–1958. Warszawa, 1970. S. 362–366.
- 319 *Dudek A., Gryz R.* Komuniści i Kościół... S. 102, 105, 114.
- 320 *Ruchniewicz M.* Repatriacja ludności polskiej z ZSSR w latach 1955–1959. Warszawa, 2000. S. 171; Белые пятна — черные пятна... С. 463.
- 321 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 41/1957. П. 350. Д. 60. Л. 3.
- 322 *Dudek A., Marszałkowski T.* Walki uliczne w PRL 1956–1989. Kraków, 1999. S. 64–80.
- 323 *Zieliński Z.* Komu służył PAX? // Komu służył PAX. Warszawa, 2008. S. 80.
- 324 *Raina P.* Kardynał Wyszyński. Czasy Prymasowskie 1956–1961. Warszawa, 1994. S. 41–42; *Dudek A., Gryz R.* Komuniści i Kościół... S. 122–123.
- 325 Centrum władzy... S. 269–271; *Dudek A., Marszałkowski T.* Walki uliczne... S. 85–87.
- 326 *Raina P.* Kościół w PRL... S. 614, 634–635.
- 327 Tajne dokumenty Biura Politycznego. PRL — ZSRR 1956–1970. Londyn, 1998. S. 31–72; *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть... С. 241.
- 328 Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 2: Постановления. 1954–1958... М., 2006. С. 655; *Долэнга Я., Кулеса Л., Тарногурски Р.* Осуществление Советским Союзом репарационных положений Потсдамского договора в отношении Польши // Европа. Журнал Польского института международных дел (Варшава). 2005. Т. 5. № 2(15). С. 118; Белые пятна — черные пятна ... С. 360–362 (текст В.С. Парсадановой).
- 329 Tajne dokumenty Biura Politycznego... S. 91–94; 102–109; 111–120; ДМИСПО. Т. XI. С. 301–307.
- 330 *Gomułka W.* Przemówienia. 1959. Warszawa, 1960. S. 170, 119.
- 331 *Гомулка В.* Отчетный доклад Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии III съезду ПОРП. М., 1959. С. 87–89.
- 332 III съезд Польской объединенной рабочей партии. Варшава 10–19 марта 1959 г. М., 1959. С. 184–185.
- 333 III Zjazd Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej. Warszawa, 10.III–19.III.1959 r. Stenogram. Warszawa, 1959. S. 577 i nast; см. также: *Syzdek E., Syzdek B.* Polityczne dylematy Władysława Gomułki. Warszawa, 1985. S. 198–202.
- 334 III съезд Польской объединенной рабочей партии... С. 235.
- 335 III Zjazd... Stenogram... S. 1041, 1060–1061; *Mołdawa T.* Ludzie władzy 1944–1991. Władze państwowe i polityczne Polski według stanu na dzień 28.II.1991. Warszawa, 1991. S. 251.

Раздел V

**СОЦИАЛИЗМ ЭПОХИ
ВЛАДИСЛАВА ГОМУЛКИ
и ЭДВАРДА ГЕРЕКА
(1960–1970-е)**

**I.1. УЖЕСТОЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПОРП
НА РУБЕЖЕ 1950–1960-х годов.
НАРАСТАНИЕ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ
СРЕДИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

В 1960-е годы политика В. Гомулки была направлена на усиление общего контроля партии и государства над основными сферами общественной жизни, ограничение определенными рамками функционирования ряда элементов польской специфики (католическая церковь, свобода университетов и творческих объединений, сильные позиции ревизионизма в общественной мысли).

Правящая верхушка считала, что дальнейшая либерализация приведет лишь к нарушению руководящей роли партии в обществе и государстве и установлению в стране буржуазно-демократических порядков. Гомулка был против концепции свободы и «демократии без границ». Он руководствовался концепцией управляемой демократии, неприязненно смотрел на всякого рода требования и дискуссии¹. Ревизионизм как идейное течение, пытавшееся соединить реальный социализм с демократией, также был неприемлем для руководства ПОРП. Вместе с тем в первой половине 1960-х годов «ревизионисты» были еще достаточно многочисленны среди преподавателей университетов, в первую очередь Варшавского университета, и среди художественной интеллигенции.

В Польше, по сравнению другими социалистическими странами, в результате «польского Октября» творческих и университетских свобод было больше. По мнению бывшего партийного деятеля и историка А. Вербляна, Гомулка был сторонником «значительной неполитической либерализации», он не был против определенной свободы от государства, однако терпел «лишь следы политического плюрализма в государстве»².

Ректоры и деканы факультетов избирались, советы факультетов оказывали влияние на принятие кадровых решений и содержание обучения. Министерство образования не могло без их согласия уволить студентов и преподавателей по политическим мотивам. Власти дали интеллектуалам свободу деятельности в ограниченной, профессиональной сфере.

Однако постепенно польские свободы из «вентиля безопасности» стали превращаться в щель, через которую стало распространяться недовольство властью. Такая ситуация неизбежно вела к конфликту режима как с либерально-ревизионистской частью партийной, так и с демократически настроенной интеллигенции, которая отождествляла дальнейшую демократизацию с развитием политического плюрализма. Уровень словесной, медийной и некоторой организационной свободы стал ограничиваться. Впервые с середины 1950-х годов власти вынуждены были прибегать к полицейско-административным методам борьбы с этой внутрисистемной оппозицией.

Вскоре после III съезда ПОРП (март 1959 г.) Гомулка стал избавляться от либералов в руководстве партии и государства. Это в первую очередь касалось «молодых секретарей» ЦК — Е. Моравского, В. Матвина, Е. Альбрехта (1959–1961 гг.), а затем и представителей «пулавской группы». Были сняты со своих постов начальник Главного политического управления Войска Польского Я. Зажицкий, командующий внутренними войсками В. Комар, министр просвещения В. Беньковский, министр высшего образования С. Жулкевский.

В декабре 1961 г. Секретариат ЦК ПОРП принял решение об усилении надзора за творческими объединениями. Для этих целей в аппарате была создана специальная рабочая группа. В ее состав входили «пулавяне» Л. Касман и А. Старевич, а также философ А. Шафф. Отделу культуры ЦК ПОРП поручалось пристальнее следить за издательской политикой Министерства культуры.

В декабре 1962 г. по распоряжению властей был закрыт Клуб кривого колеса, который обладал значительным весом в интеллектуальной и культурной жизни Варшавы. В галерее клуба показывали лучшие образцы современного искусства, его театр представлял наиболее интересные постановки европейской прозы, а собрания по четвергам были подлинным Гайд-парком столицы. В клубе собиралась научная элита страны. Наиболее многочисленную группу среди его членов составляли социологи (46 человек) и журналисты (44). Постоянными посетителями клуба были около 300 человек. В обсуждениях участвовали экономисты В. Брус и Ч. Бобровский, историк А. Гейштор, публицист С. Киселевский, философ Т. Котарбиньский, поэт А. Слонимский, философ Л. Колаковский и др. «Дискуссии об экономической, политической, общественной и культурной ситуации в нашей стране насыщены [в клубе] скрытым ядом, — отмечал в записке в ноябре 1959 г. инструктор по культуре и просвещению Варшавского комитета ПОРП. — В них чувствуется прославление Запада и враждебное отношение к СССР, Китаю и другим государствам народной демократии. Дискутантов характеризует красочность стиля, склонность к аналогиям... Они хорошо подготовлены по каждой теме, свободно оперируют данными монографий и источников»³.

Весной 1963 г. были закрыты популярные еженедельники «Нова культура» и «Пшеглэнд культурны», что стало еще одним ударом по свободомыслию в партийных рядах.

Наведению «порядка» на идеологическом фронте был посвящен XIII пленум ЦК ПОРП (июль 1963 г.). Гомулка констатировал, что в этой сфере наблюдаются слабости и недоработки и их необходимо исправить. В частности, он потребовал прекратить закрывать глаза на неблагонадежных партийных писателей и жестко поставить вопрос об их политическом облике. На пленуме было принято решение создать идеологическую комиссию секретариата ЦК. XIII пленум ЦК был воспринят интеллигенцией как сворачивание «оттепели».

Являясь выходцем из рабочего класса, В. Гомулка так и не сумел установить широкие контакты с различными группами интеллигенции, наладить с ними взаимопонимание. Он вообще не доверял интеллигенции. В конце концов власть взялась за наведение, с ее точки зрения, порядка в оазисах свободной мысли, которыми были творческие союзы и университеты. В результате с середины 1960-х годов стала усиливаться конфликтность в отношениях между небольшой, но влиятельной группой либеральной

научной и художественной интеллигенции и партийно-государственными властями. Отдельные ученые критиковали курс экстенсивного экономического развития и консервативные методы управления народным хозяйством, выступая с предложениями о проведении реформ. Однако руководство ПОРП отвергало эти предложения, так как считало, что они подрывают социалистическую систему хозяйствования.

Нарастающее недовольство сильнее всего проявлялось среди творческой интеллигенции.

В середине 1960-х годов сократилась издательская деятельность, росло вмешательство цензуры, были заблокированы дискуссии на страницах печати. 14 марта 1964 г. группа писателей и научных работников направила премьер-министру Ю. Циранкевичу письмо, которое подготовил поэт и писатель А. Слонимский. По числу подписавших оно впоследствии получило название «письма 34-х». В нем говорилось, что уменьшение выделения бумаги на издание книг и журналов, а также ужесточение цензуры «создают ситуацию, угрожающую развитию национальной культуры». По существу это был протест против культурной политики властей. Среди подписавших был цвет польской литературы и науки — Е. Анджеевский, А. Важик, М. Домбровская, А. Гейштор, С. Киселевский, Э. Липиньский, Т. Котарбиньский, М. Оссовская, Е. Турович, Я.Ю. Щепаньский, М. Яструн и др.⁴ Позже, однако, часть подписавшихся выступила против использования письма «в антипольских целях» и по существу отозвала свои подписи.

Гомулку «письмо 34-х» привело в ярость. Особенно его возмутил тот факт, что письмо сразу же попало на радио «Свободная Европа». Текст был прочитан по этому радио, опубликован на Западе и стал широко известен среди активной части интеллигенции. 15 апреля 1964 г. в его поддержку высказался митинг студентов Варшавского университета, в котором приняли участие около тысячи человек.

Власти начали травлю и преследования в отношении лиц, подписавших письмо и связанных с еженедельником «Тыгодник повсехны». Всем им было запрещено печататься, выступать в СМИ и выезжать за границу. 5 октября 1964 г. был арестован один из подписантов письма, журналист, публицист и писатель М. Ванькович, творчество которого пользовалось популярностью среди интеллигенции. Он был обвинен в том, что составил и распространил текст, содержащий «ложную информацию, очерняющую Народную Польшу». 9 ноября 1964 г. суд приговорил Ваньковича к трем годам тюремного заключения (впоследствии этот срок был уменьшен до полутора лет условно)⁵.

11–12 сентября 1964 г. в Люблине состоялся съезд Союза польских писателей, на котором присутствовали В. Гомулка и З. Клишко. Во вступительной речи председатель союза Я. Ивашкевич обрушился с резкой критикой на сторонников «письма 34-х», припомнив Важику, Яструну и К. Брандысу ту роль, которую они играли в период директивного насаждения соцреализма. Он упрекнул оппозицию в подрыве доверия ко всему литературному сообществу и заявил, что ситуация была бы лучше, если бы не это письмо.

Гомулка в своей речи остановился на успехах Народной Польши, в том числе в области культуры, не преминув уколоть недовольных: «только слепцы и люди, не высовывающие носа из варшавских кафе, могут этого не видеть»⁶. Что касается «письма 34-х», то он заявил, что его ввели в заблуждение относительно его содержания. Тем

самым конфликт был как бы смягчен. Но 5 октября 1964 г. Клишко на открытом собрании первичной парторганизации варшавского отделения Союза польских писателей произнес большую обличительную речь. Она содержала многочисленные выпады против Слонимского и Ваньковича, которых партийная верхушка сочла основными виновниками ситуации, возникшей в связи с „письмом 34-х“. Клишко пытался представить весь ход событий как хорошо спланированную акцию по компрометации Народной Польши.

По мнению российского историка В.В. Волобуева, «события вокруг «Письма 34-х» свидетельствовали о начале открытого конфликта между частью интеллигенции и правящим режимом, причем по мере того, как разворачивался конфликт, неконформистская интеллигенция левой демократической направленности все отчетливее превращалась в оппозиционное сообщество, отторгаемое партийным руководством»⁷.

Другим взволновавшим варшавскую интеллигенцию событием было исключение из ПОРП и арест преподавателей Варшавского университета Я. Куроня (в 1957–1964 гг. он работал в Центральном совете Союза польского харцерства, руководя в 1960–1964 гг. его программным отделом) и члена вузкома ПОРП К. Модзелевского. В 1962 г. у Куроня и Модзелевского возникла идея, не переходя в лагерь оппозиции, противопоставить ПОРП Союз социалистической молодежи. С этой целью в Варшавском университете под эгидой Союза был создан Политический дискуссионный клуб. На его заседания для обсуждения животрепещущих тем приглашались известные ученые и журналисты (В. Брус, З. Залусский, М. Раковский, З. Бауман и др.). Очень быстро в клубе стала усиливаться критика политического режима. Это вынудило вузком Союза на рубеже 1963–1964 гг. закрыть клуб.

Аналогичная судьба постигла и дискуссионный клуб школьной молодежи — «Клуб искателей противоречий», который создали воспитанники Куроня в крайне левых «вальтеровских дружинах» Союза польского харцерства (именовались так в память о герое гражданской войны в Испании генерале К. Сверчевском — «Вальтере»). Шефство над клубом взяли Я. Куронь, С. Мантужевский и А. Шафф, который объяснил свою позицию тем, что любая марксистская мысль, даже «ревизионистская», ценится на вес золота.

Среди членов этого клуба было немало детей высокопоставленных чиновников, ученых и публицистов: дочь заместителя министра лесной промышленности И. Грудзинская, сын заместителя директора департамента в Министерстве транспорта Я. Литыньский, дочь бывшего заведующего международным отделом ЦК ПОРП Х. Гуральская, сын заместителя главного редактора газеты «Трибуна люду» М. Боровский и многие другие. Основатели клуба А. Михник и Я. Гросс происходили из семей участников польского коммунистического движения межвоенного периода и членов номенклатуры 1950-х годов. Впоследствии их называли «банановой молодежью» Народной Польши. Летом 1963 г. клуб был закрыт.

Осенью 1964 г. многие из участников «Клуба искателей противоречий» — А. Михник, Т. Богуцкая, М. Боровский, С. Блюмштайн, И. Грудзинская и др. — поступили в Варшавский университет, где образовали неформальное сообщество «командос». Под руководством Куроня и Модзелевского они стали создавать кружки самообразования, выступать с провокационными заявлениями на собраниях членов Союза социалистической молодежи. Именно за эту тактику «диверсий», напоминавшую дей-

ствия израильских спецподразделений в тылу арабских войск, они и получили свое название. К группе «командос» примыкали более старшие по возрасту А. Смоляр, Я. Карпиньский, М. Круль, В. Кучиньский, Я. Станишкис, Т. Бурек и др. Эта группа насчитывала несколько десятков человек. В своей деятельности она так и не вышла за рамки нескольких факультетов Варшавского университета.

Как вспоминает А. Михник, «мы искали истинный социализм, изучали Маркса, не любили консерваторов и церковь. На студенческих митингах пели „Интернационал“... Мы, командос, были именно такими — довольно красными»⁸. Они были сторонниками свободы слова, пытались противостоять конформизму и лжи, искали «неподцензурную правду». В идейном плане «коммандос» ориентировались на ревизионизм как левое течение польской политической мысли, но по мере созревания и в связи с кризисом сторонников этого течения постепенно отходили от него.

После закрытия Политического клуба Куронь и Модзелевский пытались продолжить деятельность полулегально. Собираясь на частных квартирах, они вместе со своими единомышленниками обсуждали проблемы марксизма и рабочего движения. Эти два оппозиционера подготовили обширный, насчитывавший 128 страниц, «Программный манифест» с изложением своих взглядов на политическую и экономическую ситуацию в стране.

За публикацию и распространение этого манифеста Куронь и Модзелевский были в ноябре 1964 г. исключены из ПОРП. В марте 1965 г. они выступили с «Открытым письмом первичной парторганизации вузовской организации Союза социалистической молодежи», в котором повторили основные положения «Манифеста»⁹. «Открытое письмо к партии» существовало лишь в 14 экземплярах, напечатанных на машинке. Правда, позднее оно было опубликовано в парижском польском журнале «Культура», читалось на американском радио «Свободная Европа». На содержание этого письма наложили отпечаток троцкистские и анархистские взгляды его авторов, а также влияние идей югославского политика М. Джиласа. В письме критиковалась деятельность ПОРП, которая выродилась в организованную бюрократию, а также партийно-государственная элита, превратившаяся в новый класс и установившая свою диктатуру. И в манифесте, и в открытом письме указывалось на конфликт между рабочим классом и партийно-государственной номенклатурой, а также был представлен проект нового строя, основой которого должна стать власть рабочих советов¹⁰. Современные историки почему-то не пишут о том, что авторы письма призывали к революционному преобразованию ПНР, что и стало основанием для их преследования со стороны властей. В открытом письме партии говорилось: «Мы считаем, что кризис экономики и общества неизбежно ведет к революции... Но ее ход и результаты зависят прежде всего от того, как будет к ней в программном и организационном отношении подготовлен рабочий класс... Следовательно превращение рабочего класса в „класс для себя“, т. е. в осознающую свои цели и организованную политическую силу, лежит как в интересах рабочего класса, так и в интересах общественного развития. Это может быть сделано только в ходе сознательной деятельности, осуществление которой мы считаем политической и моральной обязанностью всех тех, кто хочет бороться за интересы рабочего класса»¹¹. Опубликованное на Западе, это письмо было признано одной из наиболее зрелых попыток критики реального социализма с позиций революционного марксизма.

19 марта 1965 г. Куронь и Модзелевский были арестованы и обвинены в написании и распространении текстов, наносящих вред польскому государству. В июле 1965 г. воеводский суд в Варшаве приговорил Модзелевского к трем с половиной годам, а Куроня к трем годам тюремного заключения. Однако это лишь способствовало росту популярности авторов «Манифеста» и их идей среди студентов Варшавского университета. «Командос» потребовали досрочного освобождения своих руководителей. В середине 1967 г. они были раньше окончания срока освобождены.

Варшавский университет оставался основным центром свободной мысли. Там преподавали такие известные представители либеральных взглядов, как Л. Колаковский, З. Бауман, В. Брус, К. Помян, Я. Закшевская и др., а также реформаторского крыла ПОРП С. Жулкевский и Я. Стшелецкий. 21 октября 1966 г. в связи с 10-й годовщиной VIII пленума ЦК ПОРП организация Союза социалистической молодежи провела на историческом факультете университета открытое собрание, куда пригласили Колаковского и Помяна. Колаковский в присутствии около 500 студентов подверг резкой критике деятельность ПОРП. Он заявил, что завоевания «польского Октября» попорчены: в стране не существует свободных выборов, нет свободы критики и информации; руководящие органы деградируют, ибо не несут ответственности перед народом. Утверждение, будто социализм несовместим с демократическими свободами, абсурдно, заявил этот известный польский философ¹², за что в ноябре 1966 г. был исключен из ПОРП. Однако, несмотря на это он продолжил свою работу на кафедре философии. Вместе с ним из партии был исключен и Помян.

Ряд членов Союза польских писателей направили письмо с протестом против исключения Колаковского из партии. В январе 1967 г. из ПОРП были исключены несколько видных представителей творческой интеллигенции (В. Завадский, Я. Бохеньский, П. Бейлин и Т. Конвицкий), другие в знак протеста сами вышли из партии — С. Поллак, В. Ворошильский, А. Слуцкий, Ю. Стрыйковский, М. Брандыс и А. Пивоварчик. Чуть раньше это сделали К. Брандыс и Р. Карст. В Кракове от партбилета отказалась поэтесса В. Шимборская.

I.2. Политика Гомулки по отношению к католической церкви

С конца 1950-х годов власти взяли курс на ограничение влияния католической церкви в обществе и установление контроля за некоторыми сферами ее деятельности. После создания 4 июля 1958 г. комиссии ЦК по вопросам клира специальная группа в ЦК ПОРП подготовила письмо для партийных инстанций, в котором уточнялся политический курс в этой области. В письме подчеркивалось, что обязанностью партии является борьба с ханжеством и клерикализмом, прежде всего в собственных рядах. Уже с октября началось устранение верующих членов партии с занимаемых постов. Первым такое решение принял пленум воеводского комитета ПОРП в Быдгощи, исключив из своего состава восемь человек, в том числе трех депутатов сейма.

В конце 1950-х годов в аппарате ЦК ПОРП был создан административный отдел, который повседневно занимался отношениями с вероисповедными союзами, а в 1962 г. IV отдел МВД, в компетенцию которого входили вопросы религии.

Обострению конфликта между властями и руководством католической церкви способствовала нараставшая личная неприязнь между В. Гомулкой и Кардиналом С. Вышиньским. Это были две сильные личности, убежденные в своей правоте. Их разделяла идеология, поэтому трудно было достичь компромисса. К тому же Ватикан требовал от Вышиньского, чтобы он отказался от поддержки Гомулки¹³. Первый секретарь ЦК рассчитывал, что польские церковные власти признают социалистический строй в Польше и поддержат его политику перемен после октября 1956 г., однако этого не произошло. Вместе с тем Гомулку и Вышиньского сближало отрицательное отношение к западной демократии и понимание польской геополитической ситуации.

В октябре 1959 г. премьер-министр Ю. Циранкевич проинформировал епископат, что государство на основе закона от 11 марта 1932 г. «О частных научных и воспитательных учреждениях» будет осуществлять надзор над духовными семинариями всех уровней. С февраля 1960 г. началось их инспектирование. Посещались прежде всего уроки по светским предметам (государственное вероисповедное право, история философии, социология). В семинариях проверяли библиотеки с целью изъятия из них книг «враждебного содержания». Это вызвало сопротивление со стороны церковных властей. 28 декабря 1964 г. секретарь епископата епископ З. Хороманьский направил духовенству письмо, в котором выступил против инспекций и включения в программу обучения в семинариях нового предмета «наука о Польше и современном мире».

Священнослужителям, которые подчинились рекомендациям этого письма, был запрещен выезд за границу, а семинаристы стали призываться в армию. Это привело к тому, что в 1959–1965 гг. 18% семинаристов после службы в армии отказались от дальнейшей учебы в семинариях. В 1965 г. на семинаристов была распространена всеобщая воинская повинность. Однако учащиеся тех семинарий, руководство которых было лояльно в отношении властей, получали отсрочку от службы.

В конце 1959 г. власти по существу запретили проведение уроков религии в школах. В сентябре 1960 г. более чем в половине школ их уже не было. Кресты были удалены из школ, больниц, магазинов, из детских домов, аптек и государственных учреждений. В 1959–1960 гг. было приостановлено строительство 47 костелов, на которое ранее были выданы разрешения. В 1961–1963 гг. уже не было выдано ни одного разрешения. В 1964 г. было выдано одно разрешение, в 1965 г. — пять, в 1966–1967 гг. — три.

Между тем в конце 1960-х годов церковные объекты стали строиться без всяких разрешений. В 1968–1970 гг. их было построено 124. При любом конфликте, даже самом незначительном, кардинал Ст. Вышиньский направлял польским властям протесты и меморандумы, на которые власти, как правило, не реагировали.

В середине 1960-х годов отношения между властью и католической церковью обострились более серьезно. В. Гомулка и его окружение сознательно пошли на это в связи с празднованием церковью тысячелетия крещения Польши и обращением польских епископов к немецким епископам о примирении. В настоящее время большинство польских историков считают, что это было серьезной политической ошибкой Гомулки.

Власть сразу же противопоставила празднованию церковью тысячелетия крещения Польши официальное празднование тысячелетия польского государства. Это была своеобразная борьба за души поляков.

Напряженность еще больше усилилась, когда 18 ноября 1965 г. польские епископы без согласования с властями во время II Ватиканского собора вручили немецким

епископам обращение «Мы прощаем и просим нас простить», в котором призывали к польско-немецкому примирению. Польские иерархи напоминали о страданиях, которые польский народ много веков испытывал от германской агрессии. Они подчеркивали, что граница Польши по Одре и Нысе является для поляков гарантией существования. Польские епископы прощали немецких епископов и одновременно просили о прощении для польских иерархов.

Содержание этого письма, которое подготовили архиепископы Б. Коминек и Е. Строба, вызвало сомнения внутри руководства католической церкви. Колебался даже С. Вышиньский, но в конце концов он одобрил эту акцию. Примаса убедили, что правительство ФРГ не стремится к пересмотру границ. Исходя из этого, Вышиньский сделал вывод, что от немецких церковных властей можно получить заверения в признании границы по Одре–Нысе. С политической точки зрения это была ошибка, считает польский историк П. Мадайчик¹⁴. Не случайно административный отдел ЦК ПОРП увидел в этом послании давление немецких епископов и пронемецких кругов в Ватикане¹⁵. Архиепископ Краковский К. Войтыла в письме в «Газету Краковскую» отмежевался от участия в редактировании письма немецким епископам. Этот факт породил неприязнь между двумя иерархами, длившуюся вплоть до избрания Войтылы папой Римским.

В ответ 42 немецких епископа и кардинала 5 декабря прислали встречное обращение, в котором просили забыть об обидах, нанесенных немецким народом польскому народу, и призывали к прощению. Текст этого обращения был согласован с правительством ФРГ. Вышиньский позитивно оценил ответ немецких епископов, так как они признали моральное право Польши на существование в нынешних границах. Однако в целом ответ разочаровал польский епископат: уж очень осторожными были формулировки. Прежде всего, в обращении не было четкой позиции по вопросу западной польской границы. В нем даже не были повторены слова о прощении и просьба простить. Ответ скорее напоминал дипломатическую ноту¹⁶.

Послание польских епископов, которое было полной неожиданностью для властей и общества, вызвало взрыв возмущения среди руководства партии и правительства, полагавшего, что только государство имеет право проводить внешнюю политику. Епископат же стал вторым центром, претендующим на это¹⁷. В письме примасу Вышиньскому от 23 марта 1966 г. Гомулка писал: «Формулируя в послании собственную политику в отношении Германии, епископы вышли за границу своих компетенций и вмешались в полномочия правительства»¹⁸. В этой ситуации Гомулка пошел на открытую конфронтацию с католической церковью. Используя тот факт, что в польском обществе были сильны воспоминания о войне, власти развернули мощную пропагандистскую кампанию против церкви, прежде всего ее главы С. Вышиньского. Люди, которые прошли через концентрационные лагеря, лагеря принудительного труда, застенки гестапо не могли смириться с тем, что злодеяния гитлеровцев необходимо простить. Критиковалось вмешательство епископов во внешнюю политику государства, пронемецкие симпатии, нежелание Ватикана урегулировать положение польской католической церкви на западных землях и др.

Собрания на предприятиях, в вузах, школах, селах принимали десятки тысяч резолюций с осуждением этой инициативы. Многие граждане, особенно участники Второй мировой войны, лично писали протестные письма кардиналу Вышиньскому.

Послание вызвало большое замешательство среди интеллигенции. Журналистка Ю. Ханелова писала: «Это правда, что мы ничего не понимали, для нас это было полной неожиданностью»¹⁹. Часть ксендзов, прежде всего молодых, посчитали послание политической ошибкой католической церкви, отказывались подписывать письма в поддержку примаса.

На страницах «Трибуны люду» с тезисом послания польских епископов вели полемику известные деятели науки М. Жиховский, Б. Суходольский и К. Гжибовский. Тогда мало кто осознавал, что обмен посланиями между польским и немецким епископатом знаменовал начало трудного пути к неизбежному в будущем примирению польского и немецкого народов.

7 января 1966 г. власти отказали кардиналу Вышиньскому в выезде в Ватикан, мотивируя отказ тем, что примас использует пребывание в Риме в политических целях, что не входит в компетенцию церкви и может нанести вред ПНР.

Пропагандистская компания была продолжена весной 1966 г. во время празднования Польской католической церковью тысячелетия крещения Польши. Власти противопоставили свою концепцию этого празднования (история католической церкви является составной частью истории Польши и польского государства) концепции церкви, гласящей, что история государства является частью истории католической церкви в польских землях.

ПОРП придерживалась точки зрения, что хронологически совпадают две годовщины: возникновения польского государства и принятия христианства королем Мешко I. Гомулка считал, что если кардинал Вышиньский и другие иерархи хотят высказывать свое мнение по разным политическим проблемам, то власть это им не запрещает, но это должно соответствовать политике, которую проводит правительство Народной Польши, церковь не должна противопоставлять себя государству²⁰.

Подготовка к празднованию тысячелетия польского государства началась еще в конце 1950-х годов. 24 сентября 1958 г. Гомулка выдвинул лозунг строительства «тысячи школ в честь тысячелетия» как противовес концепции юбилея католической церкви. Школы строились на многочисленные пожертвования населения. В июне 1960 г. в Варшаве состоялась международная научная конференция, посвященная основанию польского государства. В 1960 г. был создан Научный комитет празднования тысячелетия под руководством выдающегося ученого Т. Котарбиньского. В 1964 г. прошло празднование 600-летия Ягеллонского университета. В 1965 г. праздновалось 20-летие возвращения Польши на западные и северные земли. В декабре в замке Вавель состоялась научная сессия Тысячелетия.

Для того чтобы воспрепятствовать участию в этом праздновании католической церкви, использовались различные административные и полицейские методы. Прежде всего, правительство не дало согласия на приезд в Польшу папы Римского Павла VI и епископов из других стран.

В дальнейшем по государственной линии в рамках празднования тысячелетия польского государства в 1966 г. проводились съезд писателей, сессия Польской Академии наук, Конгресс польской культуры. Параллельно церковным торжествам по телевидению показывали интересные фильмы и футбольные матчи, проводились торговые ярмарки и т. д. На большие церковные торжества в Гнезно власти ответили проводимым в то же самое время в городе военным парадом, который принимал мар-

шал М. Спыхальский. Кульминацией празднования были массовый митинг жителей Познани с участием Гомулки и членов Политбюро ЦК ПОРП, а также богослужение, которое проводил кардинал Вышиньский. Мероприятия проходили неподалеку друг от друга. В одно и то же время к собравшимся обратились глава ПОРП и глава католической церкви. Многим полякам приходилось делать трудный выбор.

В. Гомулка заявил, что «нормальные отношения между католической церковью и государством могут быть восстановлены, если руководство церкви будет уважать Конституцию ПНР, соблюдать государственные законы и акты, откажется от злоупотребления религиозными чувствами в политических целях, займет лояльную позицию в отношении Народной Польши и будет уважать ее национально-государственные интересы»²¹. Позже, во время событий марта 1968 г. и декабря 1970 г., католическая церковь вела себя весьма осторожно и примирительно в отношении власти.

1.3. Группировки в руководстве ПОРП

В 1960-е годы все сильнее стал проявляться кризис ленинизма как идеологии, не отвечавшей реалиям современности. Во второй половине 60-х годов, особенно в конце десятилетия, в экономической жизни Польши обозначились застойные явления, что ограничивало удовлетворение растущих потребностей населения. В стране нарастало недовольство.

На этом фоне в партии, прежде всего в ее руководстве, возникли три группы, которые пытались искать выход из сложившегося положения. В ПОРП, в отличие от других социалистических стран, с середины 1950-х годов, в том числе и во времена Гомулки, существовали разногласия в руководстве относительно оценки текущей ситуации и путей развития страны, которые вели к появлению различных групп. Однако они до поры до времени признавали верховенство первого секретаря и старались открыто не выступать против него.

Первая группа объединялась вокруг бывших членов Политбюро ЦК ПОРП Р. Замбровского и С. Сташевского. Ее сторонники — это в свое время члены Коммунистической партии Польши, которые в годы войны находились в СССР, а после ее окончания вернулись в страну и заняли различные, в том числе высокие партийные и государственные посты. В основном это были поляки еврейского происхождения. После Октября 1956 г. часть из них была вынуждена свои посты покинуть, а другая — сохранила. Лица, покинувшие посты, требовали либерализации политической жизни. Эта группа имела влияние в научных кругах, среди молодежи, на Западе. Политические оппоненты называли ее сторонников «космополитами» и «интернационалистами». В. Гомулка не испытывал к этой группе симпатий. Он хорошо знал их сталинский фанатизм в прошлом. Гомулка помнил, как представители этой группы клеветали на него в 1948 г., как переоделись в костюмы либералов после Октября 1956 г.

В 1963 г. Замбровский (бывший член Политбюро) на пленуме ЦК ПОРП выступил с критикой политики Гомулки. Его поддержали Л. Касман и Ю. Кали. Замбровский критиковал чрезмерные и малоэффективные инвестиции, что вело к ограничению индивидуального потребления, жилищного строительства, здравоохранения и транспорта. Он выступил против ограничения рабочего самоуправления и дублирования полно-

мочий государственной администрации и партийного аппарата. Однако информация о выступлении Замбровского не была доведена руководством ПОРП ни до партийного актива, ни до первичных партийных организаций.

Отставки А. Альстера в 1962 г. с поста вице-министра внутренних дел, Замбровского и Моравского с постов секретарей ЦК в 1963 г. и 1960 г. — ведущих политиков «пулявян», а также перемещение в 1960 г. секретаря ЦК ПОРП Е. Альбрехта в Министерство финансов привели к распаду группы. К 1967–1968 гг. эта группа уже не имела реального влияния ни в партии, ни в государственном аппарате.

Вторая группа — так называемые «партизаны», лидером которых был тогдашний министр внутренних дел М. Мочар. В годы войны они с оружием в руках боролись против немецких оккупантов, а затем и с правым подпольем. Однако власть в стране оказалась в руках тех, кто приехал из Советского Союза: они были лучше подготовлены к этой роли и имели больше доверия со стороны «старшего брата».

Сам Мочар, рабочий текстильной фабрики в Лодзи, в 1937 г. вступил в КПП, в 1938–1939 гг. за свою революционную деятельность сидел в тюрьме. После начала войны перебрался в Белосток, где работал в органах НКВД в звании лейтенанта. В 1941 г. в Горьком окончил курсы НКВД. Был переброшен на польскую территорию. Стал командиром Гвардии Людовой и Армии Людовой в лодзинском, келецком и люблинском округах. В годы военного подполья был тесно связан с Гомулкой. Противники, а может и сторонники Мочара распространяли слухи, что во время войны он якобы предал советскую службу госбезопасности. Ведь энкавэdistское прошлое в глазах поляков не прибавляло авторитета генералу. Польские авторы утверждают, что Мочар отказался подчиниться сброшенному в 1943 г. в тыл с целью выяснения ситуации в ППР представителю Коминтерна Л. Касману, ссылаясь на указания Гомулки. Касман в своих телеграммах в Москву обвинил Мочара в отказе подчиниться директивам из Москвы и даже в сотрудничестве с немцами²².

После войны Мочар, в отличие от многих коммунистов-подпольщиков, не сделал быстрой карьеры — в органах внутренних дел и государственной администрации занимал в основном второстепенные посты. Лишь после прихода к власти Гомулки он стал быстро продвигаться вверх по служебной лестнице. В 1956–1964 гг. был вице-министром внутренних дел; с 1961 г. в ранге вице-премьера руководил службой безопасности. В 1964 г. стал министром этого ведомства. МВД было «очищено от ревизионистских и сионистских элементов»²³. Находясь на этом посту, Мочар руководствовался принципом «самостоятельности и равноправия» в отношениях с органами безопасности СССР. Такой его подход вызывал «обеспокоенность и подозрительность со стороны Ю. Андропова»²⁴. Мочар был тесно связан с армией и В. Ярузельским. О Мочаре говорили, что он обладает талантом объединять людей, но и одновременно их отталкивать. Он, несомненно, был человеком с сильной волей, не лишенным больших организаторских способностей.

Во второй половине 1960-х годов «партизаны» имели поддержку в МВД, среди части военных, партийного и государственного аппарата, в ветеранском Союзе борцов за свободу и демократию, который объединял около 300 тыс. членов и во главе которого с 1964 г. стоял М. Мочар. Гомулка на это движение смотрел с симпатией. Именно в этот период стали открыто противопоставлять тех, кто приехал из Советского Союза (в основном поляки еврейского происхождения), и тех, кто с оружием в руках боролся

в самой Польше. «Партизаны» стали использовать этот факт для разжигания вражды в партии и обществе. Когда в середине 1960-х годов М. Раковский во время встречи с Гомулкой заговорил об опасных амбициях Мочара, собеседник только рассмеялся: «Мочар и я — это одно и то же»²⁵. Общественное мнение причисляло к «партизанам» Г. Корчиньского (вице-министра обороны ПНР), Ф. Шляхчица (с 1962 г. вице-министр внутренних дел), Т. Петшака (коменданта Гражданской милиции), Т. Куфеля (руководителя военной внутренней службы Министерства национальной обороны) и Ю. Кемпу (первого секретаря Варшавского комитета ПОРП). Мочара поддерживало объединение ПАКС во главе с Б. Пясецким. Эта светская католическая организация проповедовала идеи социализма, допускающего мировоззренческий плюрализм.

Мочар пытался уменьшить пропасть между сторонниками борьбы за Народную Польшу и участниками движения сопротивления, поддерживавшими польское правительство в эмиграции. Он предпринял шаги, направленные на реабилитацию бывших солдат сентября 1939 г. и бойцов Армии Крайовой. Эти шаги были хорошо восприняты в польском обществе, так как касались большинства семей. Сам Мочар дружил с видными командирами АК и польских войск, воевавших на Западе. Более того, он был принят в Союз борцов во главе с легендарным полковником АК, участником Варшавского восстания Я. Мазуркевичем (псевдоним Радослав). Благодаря «партизанам» польско-немецкая война 1939 г. стала оцениваться более объективно. Историки и публицисты стали больше писать о вкладе польских частей в войну на Западном фронте.

«Партизанам» удалось завоевать на свою сторону часть патриотически настроенной польской интеллигенции. «Люди Мочара» обладали сильными позициями в СМИ. Их лозунги носили национально-патриотический и эгалитаристский характер. Программным манифестом «мочаровцев» стала книга публициста З. Залуского «Семь главных польских грехов», изданная в 1964 г.²⁶ Однако некоторые из «партизан» стали выдвигать идеи национал-коммунизма, национального общественного порядка, используя некоторые националистические и антисемитские лозунги из программы эндеков. Это вызвало беспокойство в Кремле и лично Л.И. Брежнева. Деятель ПОРП С. Ольшовский, у которого были неплохие отношения с Мочаром, считал его «ультранационалистом»²⁷. Слабостью «партизан» было отсутствие у них социально-экономической программы, значение которой возрастало по мере проявления трудностей в народном хозяйстве.

Сторонники Мочара стремились привлечь внимание Кремля на этого политического деятеля. С середины 1960-х годов в Москву на Старую площадь все чаще стала поступать из Польши по разным каналам, прежде всего — КГБ и армии, информация, что М. Мочар становится значительной политической фигурой. Он характеризовался как очень способный, заслуженный человек, участвовавший в годы войны в партизанском движении, тесно связанный с советскими партизанами, близкий Гомулке. Тем самым Москве внушалась мысль, что Мочар может стать реальным преемником Гомулки. Однако преждевременное и поспешное раскручивание имиджа генерала в Москве вышло ему боком.

«Партизаны» официально поддерживали Гомулку, одновременно намекая, что его политическое время заканчивается. Так как они были враждебно настроены против «либералов» и «космополитов» (прежде всего за репрессии в Польше в 1949–1953 гг.), последние называли «партизан» «националистами» и «антисемитами».

Польская секция американской радиостанции «Свободная Европа» в 1965–1969 гг. весьма способствовала политической дискредитации «партизан». В многочисленных радиопередачах их обвиняли в подготовке государственного переворота и стремлении захватить власть. Необходимо отметить, что «партизаны» никогда не были предметом критики со стороны примаса Польской католической церкви С. Вышиньского и духовенства. Их, как считают некоторые польские историки, объединял антисемитизм²⁸. Часть ксендзов в приходах во время проповедей открыто выражали симпатии сторонникам Мочара. Что касается Гомулки, то тот не имел к лидеру «партизан» полного доверия. В состав ближнего окружения первого секретаря ЦК ПОРП Мочар после 1956 г. не входил.

Третья группа была известна как катовицкая (получила название по столице Силезского воеводства г. Катовице). Ее лидером был Э. Герек, первый секретарь воеводского комитета ПОРП. В этом воеводстве установились свои порядки, несколько отличавшиеся от других, за что народ прозвал Катовицкое воеводство «Катангой». Для него были характерны высокий уровень промышленного развития, большая эффективность хозяйствования, современные подходы к управлению и др. В этом регионе власти больше внимания уделяли росту потребления населения и жилищному строительству. Воеводская организация ПОРП была самой многочисленной и эффективной в своей работе. В комитете партии господствовала строгая иерархия и дисциплина. Стиль работы Герека отличался открытостью к людям. Годы жизни на Западе (до и во время войны) сделали его непохожим как на польских, так и на советских партийных деятелей. В результате он прослыл социалистическим технократом и хорошим хозяином.

Гомулка терпел Герека, но никогда не был к нему расположен. Первому секретарю ЦК ПОРП не нравилась излишняя самостоятельность первого воеводского секретаря. Поэтому большинство аппаратчиков в Варшаве считали, что Гомулка не передаст власть Гереку и не включит в состав своего ближайшего окружения. Советское посольство сторонилось Герека и не приветствовало контакты с ним советских граждан, приезжавших в Польшу.

Однако его люди нашли свой ключик к Москве. Они развернули сотрудничество Силезского воеводства с Донбассом. Шел регулярный обмен делегациями партийных работников, шахтеров, учителей, молодежи. Для советских гостей принимавшая сторона создавала теплую атмосферу. В своих отчетах о пребывании в Польше, которые затем пересылались в Москву, руководители этих делегаций с восторгом отзывались о Гереке и порядках, царивших в воеводстве. В результате создавался образ Герека как хорошего хозяина, блестящего организатора, уделявшего большое внимание социальным вопросам, решению повседневных жизненных проблем простых людей. Особенно проникновенно во время встреч с советскими делегациями Герек говорил о дружбе с Советским Союзом и социализме. В результате в 1960-х годах в Москве, в кругах, связанных с Польшей, прежде всего на Старой площади, все больше стали говорить о Гереке и его воеводстве.

Представители катовицкой группы придерживались технократических взглядов, делая упор на необходимость изменений в экономической системе страны. Они постепенно расставляли своих людей в партийно-государственном аппарате и готовились к приходу в центральную власть²⁹.

В целом можно сказать, что ни одна из этих групп не имела целостной программы выхода из нараставшего кризиса и не была альтернативой политике Гомулки и его группы. Подспудная, а затем и открытая борьба между этими группами и определила развитие политических событий во второй половине 60-х годов.

I.4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В 1960-е годы польское руководство пыталось преодолеть экономическую отсталость страны путем проведения новой индустриализации. Это была, после Шестилетнего плана, вторая в истории ПНР модернизация. Приоритетами экономической политики стали полная занятость, долгосрочный рост жизненного уровня, сокращение экономического отставания Польши от развитых стран. На первое место вновь выдвигалось развитие топливно-энергетического сектора и тяжелой промышленности. В рамках СЭВ специализацией польской промышленности были судостроение, металлургия, вагоностроение, станкостроение, текстильное и химическое производство.

В 1959 г. вновь последовал рост капитальных вложений в развитие тяжелой промышленности и сырьевых отраслей. Рост производства предполагалось достичь в основном интенсивными методами, что должно было принципиально отличать этот период индустриализации от предыдущего. Соответственно вновь стала расти доля накопления в национальном доходе, что продолжалось до 1968 г. Это неизбежно вело к консервации низкого уровня жизни населения на протяжении многих лет. В 1961–1965 гг. национальный доход вырос на 35,2%, валовая промышленная продукция — на 50,9%, потребление — на 28,0%, реальная заработная плата — на 8%, валовая продукция сельского хозяйства — на 14,5%.

Взятый в конце 50-х годов руководством Польши курс на интенсивное развитие реализовать не удавалось. Во второй половине 60-х годов социально-экономическая и соответственно политическая ситуация в стране стала ухудшаться, так как темпы экономического роста замедлились, особенно в 1969–1970 гг. Произведенный национальный доход в 1966–1970 гг. вырос почти на 34%, промышленное производство — почти на 59%, а средняя реальная заработная плата — только на 7%.

В целом же в 1960-е годы прирост национального дохода составил 80% и был одним из наиболее высоких в мире. Значительное развитие получили сырьевые отрасли (добыча угля, меди, серы), а также энергетика и химическая промышленность. Были предприняты усилия для развития и модернизации производства тракторов, автомобилестроения и судостроения. Доля промышленности в создании национального дохода выросла с 50 до 60%, а сельского хозяйства снизилась с 27 до 15%. Вместе с тем в политике капиталовложений по-прежнему не учитывались в достаточной степени потребности отраслей, производящих товары народного потребления, а также сельского хозяйства и пищевой промышленности. Для всего десятилетия было характерно равновесие в балансе внешней торговли, т. е. импорт были равен экспорту.

За годы правления Гомулки было построено 2 млн квартир, началась добыча медной руды, месторождения которой были открыты польскими геологами в 1957 г., благодаря чему в настоящее время Польша является восьмым производителем меди в

мире и вторым производителем серебра в Европе. Производство электроэнергии основывалось на буром угле. Построенные в те годы тепловые электростанции в Конине и Турошове работают до сих пор. Было налажено производство современных для того времени двигателей «Diesla» для автомобилей и судов, дизельных котлов, больших турбин для электростанций и др. Для повышения производительности сельского хозяйства вступили в строй два завода по производству минеральных удобрений, получило развитие сельскохозяйственное машиностроение.

В 1964 г. в рамках совместных инвестиций СЭВ был введен в строй нефтепровод «Дружба», позволивший снабжать советской нефтью Польшу, Чехословакию, ГДР и Венгрию. Был проведен из СССР также газопровод, доставляющий газ заводу минеральных удобрений в Пулавах и дальше к Варшаве и Влоцлавеку.

Польская промышленность развивалась в первую очередь на основе советских технологий и кредитов. Договор, подписанный в марте 1959 г., предусматривал участие СССР в модернизации польской металлургии и энергетики, химической промышленности и добычи меди, в геологических изысканиях. Выделенный на эти цели кредит Польше в 1 млрд валютных злотых использовался для строительства в Плоцке в сотрудничестве с Советским Союзом Мазовецкого нефтеперерабатывающего завода и химического комбината, теплоэлектростанции в Турошове, при разработке Легницко-Глоговского меднорудного месторождения. На основе советских технологий в ПНР началось производство ракет, вертолетов Ми-4 и танков Т-55. В 1960-е годы возросли поставки в Польшу из Советского Союза металлообрабатывающих станков, нефти и газа, железной руды, изделий металлургической промышленности, асбеста, автомобилей, минеральных удобрений, целлюлозы и др.³⁰

В течение десятилетия сельскохозяйственное производство росло, тем не менее, его динамика по годам сильно колебалась, что влияло на производство мяса. Незначительный импорт зерна и кормов полностью перекрывался экспортом мяса. Сильные колебания в развитии свиноводства вели к трудностям на мясном рынке.

В целом за 1956–1970 гг. был достигнут качественный прогресс в экономическом развитии страны. В основном был завершен процесс индустриализации Польши, созданы сектора современной промышленности, которые обуславливали самостоятельное развитие экономики. Несмотря на приоритет тяжелой промышленности, было налажено производство потребительских товаров длительного пользования — холодильников, стиральных машин, телевизоров, видеомагнитофонов. На Заводе легковых автомобилей (FSO) в Варшаве по лицензии началось производство автомобилей «Фиат».

В 1961–1970 гг. номинальная заработная плата в обобществленном секторе экономики выросла на 69%, реальная же — только на 19%, т. е. в среднем менее чем на 2% в год, а в 1966–1970 гг. всего лишь на 1,5%. Подобный рост был ниже порога оскутмости. Население по сравнению с большинством социалистических стран Европы жило очень скромно, если не сказать бедно. Зарплаты едва хватало на удовлетворение основных потребностей. В 1970 г. личные автомобили имели 5% семей, холодильники — 28, телевизоры — 45, радиоприемники — 50%. Предложение на потребительском рынке товаров длительного пользования было весьма ограниченным.

Как видно из вышеприведенных цифр, жизненный уровень населения особенно замедлился во второй половине 1960-х годов. Руководство не могло его поднять, так как не было притока капитала извне. Советский Союз не был склонен предоставлять

Польше крупные кредиты под низкий процент. Наоборот, требовал вложения средств в сырьевые проекты (прежде всего добыча нефти, строительство нефтепроводов) в СССР. Гомулка был против такого подхода, что вело к нарастанию напряженности в отношениях с Брежневым. Последний во время встречи с Гереком в Москве 5 января 1971 г. говорил: «Мы партия, а не торговцы. Искренне говоря, в последнее время у нас складывалось впечатление, что Гомулка грызся с нами за каждую копейку как лавочник... Как старший брат мы не хотели обижать младшего, поэтому терпели»³¹.

Возникшая в Польше ситуация порождала раздражение людей, создавала почву для роста оппозиционных настроений.

Командно-административную систему более гибкой сделать не удалось. То же самое касалось и системы экономических стимулов. В результате мотивации к труду не увеличивались.

1960-е годы были периодом важных перемен в социальной структуре польского общества. Росла численность лиц с высшим образованием и население городов. По числу студентов по отношению к общей численности населения Польша находилась на одном из первых мест в Европе. В 1956–1970 гг. число выпускников вузов увеличилось более, чем в вдвое: с 21 тыс. до 47 тыс. Возникали новые промышленные центры. Это способствовало процессу урбанизации. В результате в 1970 г. в городах жили уже 52,1% поляков. В 1960-е годы были созданы 2,5 млн рабочих мест. В середине 1960-х годов во взрослую жизнь вступило послевоенное поколение, которое получило образование и воспитание уже в Народной Польше. Точкой отсчета для молодежи была уже не довоенная Польша и период немецкой оккупации, а Запад. Молодые поляки старались выглядеть, как их западные ровесники: молодые люди носили длинные волосы, девушки — короткие платья и юбки. Они слушали англоязычных певцов и рок-группы по очень популярному тогда радио Люксембург и Харцерскому радио.

II.1. МАРТОВСКИЕ СОБЫТИЯ 1968 г. И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Неожиданно большое влияние на развитие политических событий в Польше оказала победоносная для Израиля шестидневная война с арабами в июне 1967 г. Часть поляков еврейского происхождения (в основном это была интеллигенция) открыто солидаризировалась с Израилем. Радовались и многие поляки. На мелодию польского гимна они пели: «Дал нам пример Моше Даян, как побеждать должны мы». Около 20 польских граждан выразили желание служить добровольцами в израильской армии (среди них только трое не были евреями).

Победа Израиля воспринималась как поражение Советского Союза. В Польше посмеивались: «Наши евреи побили их арабов». Польские власти были обеспокоены ростом антисоветских настроений в стране. Возросло число поляков еврейского происхождения, желавших выехать на постоянное жительство в Израиль.

9 июня 1967 г., во время неожиданно созданной встречи руководителей коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии, Югославии), в Москве было принято решение разорвать дипломатические отношения с Израилем. Против этого выступила Румыния, которая была подвергнута критике первым секретарем ЦК ПОРП. Тогда же состоялась беседа В. Гомулки с Л.И. Брежневым. По утверждению сотрудника сектора Польши и Чехословакии отдела ЦК КПСС П.К. Костикова, генеральный секретарь ЦК КПСС выразил недовольство в связи с тем, что в Польше некоторые коммунисты-евреи открыто выступают против поддержки Советским Союзом арабских стран. В ответ Гомулка обещал, что не будет терпеть у себя «сионистской пятой колонны». Вместе с тем он добавил, что нельзя ко всем подходить одинаково, он сам знает многих товарищей еврейского происхождения, которые являются хорошими патриотами и коммунистами. Брежнев с его мнением согласился, одновременно посчитав нужным отметить, что он все-таки является сторонником активной кадровой политики³². По существу генеральный секретарь ЦК КПСС стимулировал проведение в Польше кадровой чистки по национальному признаку.

Выступая 19 июня на VI конгрессе профсоюзов, Гомулка вслед за лидерами СССР и других соцстран осудил агрессию Израиля против арабских стран, а также поляков еврейского происхождения за поддержку этой страны. Он заявил: «Наша партия стоит на позиции, что каждый гражданин Польши должен иметь только одну родину — Народную Польшу... Мы не можем быть безразличны в отношении людей, которые перед лицом угрозы миру во всем мире, а следовательно также безопасности Польши и мирному труду нашего народа, поддерживают агрессора, разрушителей и империализм»³³. В устном выступлении Гомулка говорил о польских евреях даже как о «пятой колонне», однако в опубликованном в печати тексте этот фрагмент речи отсутствовал.

Как вспоминал С. Ольшовский, который в 1965–1968 гг. был заведующим бюро печати ЦК ПОРП, выступление на конгрессе профсоюзов было личной инициативой Гомулки. В дальнейшем стало ясно, что это была политическая ошибка. Первый секретарь открыл ящик Пандоры³⁴. Выступление Гомулки, вопреки его собственным намерениям, стало спусковым крючком для развертывания органами госбезопасности антисемитской кампании, которая со временем переросла в антиинтеллигентскую. Как утверждал бывший партийный деятель А. Старевич, Гомулка считал, что «партизан» надо использовать для борьбы с «ревизионистами». Он просто хотел их «попугать». Гомулка не был антисемитом, но находился под давлением З. Клишко, который настойчиво требовал проведения чистки в руководстве армии, где было много поляков еврейского происхождения, якобы симпатизировавших Израилю³⁵.

Мочар и его сторонники пришли к выводу, что наконец настало время избавиться от партийно-государственных кадров, евреев по национальности, которые пришли в Польшу вместе с Красной Армией. Молодые «волки» из «поколения Союза польской молодежи» рвались к власти. Недовольство молодых деятелей, продвижение которых к высоким постам перекрывало старшее поколение, нарастало. Они лишь искали знамя, под которым можно было выступить.

Используя возникшую ситуацию, «партизаны» во главе с Мочаром перешли в политическое наступление. Чистка в партийно-государственных структурах началась с армии. В Генеральном штабе, Главном политическом управлении Войска Польского и других армейских структурах на партийных собраниях молодые офицеры выразили недоверие ряду военачальников еврейского происхождения. Министерство национальной обороны поддалось этому давлению. По оценке Е. Эйслера, в 1967–1969 гг. были уволены в запас около 180 офицеров-евреев³⁶. Всего в ходе развернувшейся кампании 1967–1968 гг. из армии были уволены около 2 тыс. офицеров, в том числе 17 генералов, среди которых были командующий войскам противовоздушной обороны страны Ч. Манкевич, Я. Фрей-Белецкий, Е. Фонкович, Б. Беднаж. В возникшей тогда ситуации Гомулке ничего не оставалось, как только высказаться за национальный характер армии. Другой подход привел бы ее к дезинтеграции. После некоторого колебания Гомулка согласился на назначение министром обороны молодого генерала Войцеха Ярузельского. Тот обеспечил консолидацию и единство армии на долгие годы. С чистки в армии, по мнению польских историков, в стране начался общественно-политический кризис, который получил название «март 1968 г.», или «мартовские события 1968 г.». Этот кризис длился с июня 1967 г. по первую декаду июля 1968 г. Его апогей пришелся на март–май 1968 г.³⁷

16 января 1968 г. Министерство культуры и искусства запретило в варшавском Национальном театре спектакль Адама Мицкевича «Дзяды» в постановке режиссера К. Деймека. По мнению властей, из-за особенностей интерпретации он содержал текста антисоветские акценты. По Варшаве ходили слухи, что запрещение было вызвано давлением посольства СССР. Однако это не было правдой. На самом деле в посольстве ничего не знали об этой постановке, никто из его сотрудников спектакля не смотрел. Более того, 30 января 1968 г. в «Правде» была помещена небольшая заметка, положительно оценивавшая эту постановку.

Последнее представление спектакля, которое состоялось 30 января, переросло в политическую манифестацию. На это представление, вход на которое был свобод-

ным, пришла группа студентов Варшавского университета во главе с К. Модзелевским. Во время спектакля, аплодируя актерам, студенты выкрикивали: «Долой цензуру!», а после его окончания скандировали: «Независимость без цензуры». Затем вместе с собравшимися возле здания театра студентами Театральной школы они двинулись к памятнику Мицкевичу. Часть манифестантов скандировала: «Хотим свободы без цензуры!», «Требуем упразднения цензуры!», «Мицкевич — Деймек!». Перед памятником были возложены венки. Собравшиеся студенты были разогнаны милицией, 35 человек были задержаны.

Этот протест совпал с другим событием — с выходом из ПОРП профессоров В. Бруса и З. Баумана. К этому шагу Бруса подтолкнуло исключение из партии его жены с формулировкой «за публичную поддержку израильской агрессии и критику правительства ПНР». 31 января два студента Варшавского университета — А. Михник и Х. Шляйфер — сделали эти факты достоянием гласности, рассказав о них журналистам французской прессы.

26 февраля на заседании варшавского отделения Союза польских писателей культурная политика и антисемитская кампания властей были подвергнуты резкой критике оппозиционными литераторами. Так, А. Слонимский в своей речи повторил тезис Л. Колаковского о забвении идеалов «польского Октября» и выразил надежду, что судьба реформ, начатых в Чехословакии, окажется более счастливой. Участники заседания демонстративно отвергли умеренный вариант резолюции и приняли радикальный, в котором, в частности, отмечалось: «В течение длительного времени... усиливается вмешательство властей, осуществляющих руководство культурной деятельностью и творчеством... Такое положение угрожает национальной культуре, тормозит ее развитие»³⁸. Писатели потребовали возвращения на сцену «Дзядов».

4 марта 1968 г. министр просвещения и высшего образования исключил Михника и Шляйфера из Варшавского университета. В ответ группа студентов-«командос», возглавлявшаяся Я. Куронем и включавшая немало лиц еврейского происхождения из коммунистических семей, из отряда харцеров им. генерала Вальтера, решила организовать митинг. После отпуска этого отряда Куронь создал в Варшавском университете Дискуссионный клуб Союза социалистической молодежи, в который перешли его воспитанники, верные левым, интернационалистским идеям. На заседаниях клуба проходили столкновения между ними и сторонниками Мочара с их жесткими национально-патриотическими лозунгами. Последние пытались убедить Куроня перейти на их позиции, но он был стойким интернационалистом. Как показало проведенное позже службой безопасности (СБ) следствие, он фактически создал оппозиционное движение (которое следователи называли «Движением 8 марта»). Власти узнали о планах «командос» заранее и хорошо подготовились. 6 марта несколько из них, в том числе Михник и Шляйфер, были задержаны. Мочаровцы, к которым примыкал и первый секретарь Варшавского комитета ПОРП Ю. Кемпа, пришли к выводу, что настал момент, когда можно расправиться с оппозиционной студенческой молодежью и либерально настроенной частью профессуры Варшавского университета.

8 марта во дворе университета состоялся митинг, в котором приняли участие несколько сот человек. Студенты осудили снятие со сцены Национального театра «Дзядов» и поддержали резолюцию чрезвычайного общего собрания варшавского отделения Союза польских писателей, которая осуждала культурную политику властей.

Все это происходило под аккомпанемент выкриков активистов Союза социалистической молодежи, которые скандировали: «Долой провокаторов!», «Долой смутьянов!», «Дайте нам спокойно учиться!», в то время как милиция и группы рабочих с особой жестокостью, с помощью палок разгоняли протестовавших. Куронь и Модзелевский как идейные вдохновители и организаторы митинга были арестованы. Впоследствии сам Куронь пояснял: зная, что их ждет тюрьма, они не могли отказаться от протестов в защиту определенных ценностей, а также во имя солидарности с уволенными из университета коллегами³⁹.

9 марта состоялся митинг солидарности студентов Варшавского политехнического института, который был разогнан теми же методами. 13 марта в Варшаве большая группа демонстрантов прошла по улицам Краковское предместье и Новый свят к зданию ЦК ПОРП. Милиции удалось разделить демонстрантов на небольшие группки и принудить их к отступлению. Основные столкновения произошли поздно вечером на Краковском предместье. Место действия было освещено прожекторами. В течение двух-трех часов милиция справилась с молодежью. С обеих сторон было много избитых. Особенно досталось сотрудникам СБ, которые находились в толпе с оперативно-разведывательными целями. Милиция задержала около 200 человек, в том числе около 20 студентов. Большинство были из пригородов Варшавы. С задержанными заключили соглашение, по которому тот, кто будет ночью приводить в порядок место столкновения, рано утром сможет пойти домой. Большинство согласилось.

Стали распространяться слухи, что митинг 8 марта и его разгон были хорошо спланированной провокацией.

Митинг в Варшавском университете породил трехнедельную волну студенческих протестов почти по всей Польше. В Белостоке, Быдгощи, Олыштыне, Ополе и Торуні состоялись митинги, но уличных беспорядков не было. Уличные столкновения между молодежью и силами правопорядка произошли в Варшаве, Гданьске, Гливицах, Катовицах, Кракове, Люблине, Лодзи, Познани, Щецине и Вроцлаве. В вузах избирались студенческие комитеты, которые и возглавляли протесты. Это носило достаточно спонтанный характер. Демонстрации и столкновения с силами порядка имели место в четырех городах, где тогда еще не было вузов, — Бельско-Бялой, Легнице, Радоме и Тарнове.

Нужно отметить, что в момент начала беспорядков в Варшаве В. Гомулка, Ю. Циранкевич и З. Клишко отсутствовали в стране, так как принимали участие в совещании коммунистических и рабочих партий в Софии. Они вернулись в Варшаву 8 марта во второй половине дня. У трапа самолета Гомулку встречал М. Мочар, который сразу же стал докладывать лидеру ПОРП о ситуации в столице.

Партийные структуры в качестве противодействия выступлениям студентов организовали митинги в поддержку курса Гомулки. 14 марта состоялся большой «митинг негодования» в Катовице, на котором впервые за время мартовских событий с речью выступил член Политбюро ЦК ПОРП и руководитель самой крупной партийной организации в стране Э. Герек. Он говорил очень жестко и одновременно образно: «Грязь, которая всплыла на волне событий Октября 1956 г. одиннадцать лет назад, не была полностью устранена из нашей жизни. Если некоторые по-прежнему будут пытаться свернуть нас с выбранного нашим народом пути, то силезская волна переломает им кости»⁴⁰. Вслед за Катовице митинги и открытые партийные собрания прошли по всей стране. Повсюду Катовицкое воеводство хвалили за хозяйственность и порядок.

Кульминацией мартовских событий стала оккупационная забастовка студентов Варшавского политехнического института, которые забаррикадировались в его здании. Протестующие выступали за демократизацию режима, требовали улучшения условий жизни и учебы. Министерство образования и власти вуза пытались остановить протест путем убеждения, однако без результата. От идеи штурма здания армией власти быстро отказались. В конце концов первый секретарь Варшавского комитета ПОРП Кемпа предложил послать к студентам заместителя прокурора города для переговоров и предупреждения. Тот провел переговоры с забастовочным комитетом, а затем с большой группой студентов, убеждая их в бессмысленности дальнейшего продолжения забастовки. Студенты согласились закончить ее на условиях снятия блокады, отвода милиции и обещания, что никто из протестовавших не будет ни задержан, ни репрессирован. Заместитель прокурора принял эти условия и дал гарантии их соблюдения. В пять часов утра были открыты ворота и студенты покинули здание института. С этого момента напряженность в столице и в стране в целом пошла на убыль.

Мартовские события в студенческой среде не носили антисоциалистического характера. На это обратил внимание епископат Польши в письме премьер-министру Ю. Циранкевичу от 21 марта 1968 г.: «Нельзя увидеть в этих выступлениях „бунта молодежи“ против государственного строя или против государственных властей»⁴¹. Характерно, что студенты во время протестов пели «Интернационал», заверяли друг друга в верности социалистическим идеалам, не выступали против партии.

События марта 1968 г. были сложным явлением, отражавшим кризисные процессы в политической сфере. Они начались как студенческий протест против методов осуществления власти. Это был бунт молодежи, в котором приняли участие и молодые рабочие, и учащиеся средних школ (среди задержанных за участие в демонстрациях преобладали молодые рабочие). Эта общность поколения вытекала из факта, что «молодой рабочий и студент конца 60-х годов, эпохи позднего Гомулки были детьми ПНР, коллегами по школе, друзьями по двору. Они слушали те же песни, ходили на те же самые фильмы, нередко читали те же самые книги (особенно более образованные)... Они имели общий культурный код»⁴².

В Катовицком воеводстве из 444 задержанных было 324 рабочих, т. е. более половины, студентов — 61, учащихся различных школ — 76, работников умственного труда — 36 и неработающих — 37. В Гданьске, Гдыне и Сопоте на рабочих приходилась почти половина задержанных (140 из 301), студентов — 46, учащихся — 24. В Люблине и Познани преобладали студенты, рабочие составляли несколько больше 15%. Правда, польские историки не могут придти к однозначному выводу, было ли участие молодых рабочих и учащихся в протестах только проявлением солидарности или же протестом против системы⁴³. Скорее всего, это участие было проявлением солидарности и спонтанной реакцией на происходившие события.

В связи с мартовскими событиями милицией было задержано 2732 человек, в том числе только 359 студентов. В суд были направлены дела на 207 человек, в том числе на 98 студентов и научных работников. Из вузов были исключены около 1,5 тыс. студентов. Но это был только старт начавшейся в стране беспрецедентной кампании.

К этому времени обострилась борьба за власть в рамках партийно-государственного аппарата. Вследствие этой борьбы под антисионистскими лозунгами разворачивалась так называемая «кадровая революция». Достаточно многочисленная часть

интеллигенции с антидемократическими и ксенофобскими взглядами и работники партийно-государственного аппарата сознательно участвовали в антисемитской компании для того, чтобы продвинуться по службе. Основную же часть общества и партии, среди которых существовали антиеврейские предубеждения, сторонники Мочара просто использовали в своих целях. Выступление молодежи стало для них удобным предлогом.

В 1968 г. В. Гомулка уже не был популярным в народе политиком. Значительная часть общества считала, что его время прошло. Похоже, что в марте–апреле 1968 г. Гомулка и его окружение на какое-то время утратили контроль над ситуацией. Контроль перешел в руки «партизан», которые путем развертывания антисемитской компании и «кадровой революции» пытались укрепить свои позиции в партийно-государственном аппарате, чтобы в недалеком будущем посягнуть на всю власть. Этой кампанией через своих агентов («секретных сотрудников») на предприятиях, в вузах, школах, СМИ, больницах руководило МВД.

Центральные и местные структуры службы безопасности составляли списки так называемых сионистов и распространителей «просионистских и прозападных взглядов». В МВД этим занималось специальное подразделение, которым руководил полковник Т. Валихновский. В частности, в этом министерстве был подготовлен список из 41 работника МИД еврейского происхождения, увольнения которых требовало руководство разведки⁴⁴. «Безпека» снабжала сотрудничавших с ней журналистов «соответствующими материалами»⁴⁵. Важную роль в событиях играл С. Ольшовский и его бюро печати ЦК ПОРП. Спустя 40 лет, отводя от себя упреки, он вспоминал: «Через какое-то время Гомулка сориентировался, что происходит. Пригласил меня и спросил, почему в печати появляются такого рода антисемитские статьи? В конце концов, ты контролируешь прессу или нет? — спросил он. Я ответил, что хотел бы эту компанию остановить, но ее поддерживает Мечислав Мочар и сотрудники аппарата безопасности, поэтому эта задача невыполнима. Безопасность имела много агентов в печати и издательствах. Эта компания длилась несколько месяцев и повлекла за собой серьезные последствия»⁴⁶. МВД превратился «во второй политический центр страны»⁴⁷.

Между тем и СБ, и бюро печати распространяли мнение, что в марте 1968 г. «антипольские еврейские центры» якобы предприняли попытку произвести государственный переворот в стране. СМИ называли протестующих студентов «банановой», «золотой» молодежью. Лишь еженедельник «Политика», который имел огромное влияние на польскую интеллигенцию и главным редактором которого был М. Раковский, не принял участия в антиеврейской и антиинтеллигентской кампании. Этот еженедельник спасла от разгрома «партизанами» личная защита со стороны Гомулки.

Мартовские события и «кадровая революция» отразили конфликт поколений. Среднее поколение, сформировавшееся во времена ПНР и ограниченное в продвижении по карьерной лестнице ввиду стабилизации ситуации в стране, опираясь на МВД и партийные структуры, стремилось сместить с руководящих постов старшее поколение польских коммунистов, используя тот факт, что многие из них имели еврейское происхождение. Вскоре чистки распространились на СМИ, вузы, Польскую Академию наук и др. За две недели кампании по осуждению сионизма были проведены 1900 партийных собраний. В марте–мае 1968 г. были смещены со своих постов 483 служащих еврейского происхождения, в том числе 365 — из министерств и центральных ведомств.

В частности, в МИДе лишились работы 70 человек, или более 10% сотрудников. Среди уволенных были посол в США Е. Михальский, посол в Великобритании Е. Моравский, постоянный представитель ПНР в ООН Б. Томорович и др. Эти люди обладали большим профессиональным опытом, пользовались авторитетом за границей. При этом далеко не все из уволенных были евреями⁴⁸. Это свидетельствует, что антисемитскую кампанию некоторые использовали, чтобы свести личные счёты.

В знак протеста против этой кампании в апреле 1968 г. министр иностранных дел А. Рапацкий подал в отставку. Она была принята только в декабре. Несколько уволенных были восстановлены на работе.

В сионизме подозревался органами каждый, кто выражал недовольство развитием ситуации в стране. Прежде всего смещались со своих постов неугодные руководители средств массовой информации. «Трибуну люду» покинули «сильный человек Москвы» Л. Касман (он перешел на работу в Министерство финансов) и В. Боровский, «Жиче Варшавы» — Л. Унгер. Были уволены 114 журналистов и редакторов, в том числе 15 главных редакторов и их заместителей и 60 работников радио и телевидения.

19 марта на массовом партийном митинге в Зале конгрессов Дома науки и культуры в Варшаве Гомулка предложил, чтобы евреи, которым Израиль дороже Польши, «рано или поздно покинули нашу страну». Большинство собравшихся достаточно холодно приняли выступление первого секретаря ЦК ПОРП. Аплодисментов было мало. Но, как утверждает помощник Гомулки В. Наметкевич, дело заключалось в том, что это выступление было направлено на закрытие антисемитской компании, а зал этого не хотел⁴⁹. Зато не раз две-три тысячи человек — партийных активистов района Варшавы «Воля» скандировали: «Веслав — Герек!», «Веслав — Герек!». Сам Герек вспоминал, что, когда он услышал эти крики, ноги у него подкосились, дрожь ужаса прошла по всему телу. Он подумал, что его карьере пришел конец⁵⁰. После митинга он подошел к Гомулке и, всячески подчеркивая свою лояльность, заверил его, что он к этому непричастен.

Одновременно «антисионистская» кампания предоставила возможность для выпуска пара накопившегося народного недовольства: можно было открыто критиковать отдельных членов руководства страны, хотя, разумеется, только в духе обличения «агентов мирового сионизма».

В марте молодые карьеристы организовали «митинг ненависти» в здании МВД. Выступавшие подвергли резкой критике З. Клишко, М. Спыхальского и других членов руководства ПОРП. Особенно демонизировалась роль бывшего члена Политбюро и секретаря ЦК ПОРП Р. Замбровского. Информация о митинге вскоре дошла до аппарата ЦК. От Мочара потребовали уволить из министерства организаторов митинга. Тот вынужден был согласиться и никого не защищал.

Известный социолог Е. Вятр считает, что мартовские события положили конец либерализации, завоеванной в период «польского Октября». Наступление со стороны «партизан» было предпринято именно против людей 1956 г. — сторонников демократизации и независимости от СССР⁵¹. В свою очередь, М. Раковский называет мартовские события «малой „большой культурной революцией“», которая в области межчеловеческих отношений повернула страну вспять. Партия в разных ее звеньях приняла идеологию антисемитизма и национализма. Имя Польши было серьезно запачкано в Европе и мире...»⁵².

В конце марта — апреле 1968 г. в творческих союзах, на предприятиях и в учреждениях началась расправа над «либерал-демократами», «ревизионистами» и «сионистами». На места из ЦК ПОРП была направлена специальная инструкция о проведении партийных собраний или собраний актива. Однако эмоциональное состояние членов партии не поддавалось контролю. Часто это был истерический самосуд. В ходе напряженных собраний проявились и возобладали националистические настроения, обвиняемых в сионизме исключали из партии, требовали снятия с руководящих постов. Анализ резолюций собраний, проведенный в аппарате ЦК ПОРП, свидетельствуют, что они носили по существу националистический характер. Основным было требование кадровых изменений. Критиковалась практически вся партийно-государственная верхушка, исключение делалось только для В. Гомулки. Вставал вопрос, как взять под контроль настроения партийных и рабочих масс, острие которых все больше было направлено против польского руководства. Последнему ничего не оставалось, как только идти на кадровые изменения⁵³.

Например, собрание партийно-профсоюзного и молодежного актива польских авиаалиний «ЛЁТ», открытое докладом «Борьба с современным сионизмом и его влиянием в Народной Польше», продолжалось с 2 по 5 апреля 1968 г. Отсутствие единства в руководстве ПОРП вело к резким высказываниям со стороны партийных низов. В ходе встречи с вице-премьером Е. Шиrom 2 апреля на заводе им. Каспшака выступавшие задали члену Политбюро ЦК ПОРП неприятные вопросы: «Правда ли, что Ваша дочь являлась членом Клуба искателей противоречий, подписала петицию студентов и принимала участие в студенческих беспорядках?». Партийный актив предприятия выразил Ширу недоверие.

25 марта 1968 г. на основе решения министра Г. Яблоньского из Варшавского университета были исключены полтора десятка крупных профессоров, известных независимостью суждений: Б. Бачко, З. Бауман, В. Брус, М. Хиршович, Л. Колаковский, С. Моравский, Ч. Бобровский и Т. Мантойфель; из Лодзинского университета — С. Амстердамский, Л.Т. Блащик, Я. Гольдберг, А. Лесьневский, П. Кожец, С. Хандлер. Несколько видных ученых были исключены из университетов в Познани, Вроцлаве и Торуни. В Польской Академии наук были сняты с постов секретаря отделения общественных наук С. Зюлковский и директор Института философии и социологии ПАН А. Шафф.

Мартовские события с неизбежностью повлекли за собой персональные изменения в руководстве ПОРП. Со своих постов ушли в отставку член Политбюро ЦК ПОРП и председатель Государственного совета ПНР Э. Охаб и А. Рапацкий — член Политбюро и министр иностранных дел. Новым председателем Государственного совета стал М. Спыхальский, министром иностранных дел был назначен С. Ендриховский, в 1956–1968 гг. — председатель Комиссии планирования ПНР. На посту министра обороны Спыхальского сменил поддерживаемый Мочаром и Гереком генерал В. Ярузельский⁵⁴. Развернулась массовая ротация кадров в высших эшелонах власти. На V съезде ПОРП не были переизбраны в руководящие органы ПОРП 82 человека. В результате в партии возобладали догматические тенденции, которые не могли внести ничего нового ни в жизнь ПОРП, ни в жизнь общества.

Для евреев, желавших уехать в Израиль, граница была открыта. Их автоматически лишали польского гражданства и выдавали только «путевой документ», где было написа-

но, что предъявитель сего «не является гражданином Польской Народной Республики». В итоге в 1968–1969 гг. из Польши иммигрировали 12–15 тыс. польских евреев. Среди них было около пятисот преподавателей и научных работников, около тысячи студентов, трехсот врачей, 2 тыс. работников издательств, 100 музыкантов, несколько десятков актеров и кинематографистов, писатели, журналисты, инженеры, адвокаты и др. При выезде офицеры, рассматривавшие заявления, старались отсеять «неевреев», которые пытались использовать ситуацию и эмигрировать из Польши⁵⁵. Одновременно покинули Польшу несколько сот судей и бывших сотрудников органов госбезопасности, ответственных за политические репрессии в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

Партийная верхушка довольно быстро сама испугалась того демона, которого пробудила к жизни. Как считает Ю. Тейхма, Гомулка не предвидел, что «традиционные националистические силы включают в политическую борьбу антисемитские лозунги». Антисемитизм был органически чужд ему как политику, коммунисту, поляку и человеку⁵⁶. Гомулке с большим трудом удалось прервать антисоциалистическую кампанию и установить контроль над аппаратом власти. В апреле 1968 г. кампания официально закончилась. Однако остановить падение доверия к себе в обществе Гомулке не удалось, тем более что в январе 1969 г. состоялся процесс над вдохновителями мартовских протестов. Самые большие сроки тюремного заключения — по 3,5 года — получили среди осужденных Я. Куронь и К. Модзелевский.

После мартовских событий власти взяли под контроль и те организации, которые еще пользовались некоторой самостоятельностью. Университетская автономия по существу была ликвидирована. На IV съезде Союза польского харцерства (октябрь 1968 г.) делегаты приняли дополнение к его уставу — пункт об идейном руководстве со стороны ПОРП. На съезде Союза польских писателей в Быдгощи в феврале 1969 г. прошла поправка о возможности исключения из состава организации членов, деятельность которых наносила вред ПНР. Было принято постановление о создании верификационной комиссии, которая должна была оценивать политический облик польских писателей.

20 декабря 1968 г. в закон о высшем образовании были внесены изменения, направленные на ограничение самоуправления вузов и возрастание руководящей роли партии в жизни высших учебных заведений. Ректоры вновь стали назначаться министром. Роль сената и советов факультетов ограничивалась. Но главное, была перестроена внутренняя структура вузов. Вместо факультетов и кафедр как организационных структур создавались институты с отделами. Старая либеральная профессура была отстранена от руководства, ее влияние на научно-преподавательскую деятельность в вузах уменьшилось. Сотни проявивших лояльность преподавателей получили повышение: не имея научной степени, они назначались доцентами и получили наименование «мартовских доцентов».

На V съезде ПОРП (11–16 ноября 1968 г.) оппозиционно настроенные писатели, профессора, научные работники и студенты были объявлены представителями либерально-буржуазного, «ревизионистского» и «космополитического» течения, к которому примкнули «сионистские элементы». Они якобы создали своеобразный союз, объединивший разномастных противников народной власти, врагов социализма. Особенно жесткой критике подвергся ревизионизм. Его базой были названы пережитки буржуазного способа мышления и характера отношения к общественным интересам в различных кругах общества, порожденные многочисленной в прошлом

мелкобуржуазной средой. Эта база, как говорилось в решении съезда, возрождается и расширяется под нажимом капиталистического окружения. Соответственно мартовские события были охарактеризованы как самое острое проявление «политического конфликта с антисоциалистическими силами». Борьба с «ревизионистами» и другими подобными силами признавалась одной из главных задач партии. В качестве средств этой борьбы предлагались воспитание партийных рядов в духе верности принципам марксизма-ленинизма и неустанная работа по распространению во всем обществе идей социализма, патриотизма и интернационализма⁵⁷.

В 1967–1968 гг. «партизаны» значительно укрепили свои позиции в армии, органах безопасности, дипломатической службе, СМИ, а также в нескольких ключевых ведомствах. Об их лидере Мочаре стали говорить, что он должен занять пост первого секретаря ПОРП. Информация об этом дошла и до самого Гомулки. Отношения Гомулки и Клишко с Мочаром стали прохладными. На V съезде ПОРП Мочар не был избран членом Политбюро ЦК, стал только кандидатом в члены. В это время в Варшаве была распространена шутка, что Мочару, чтобы быть избранным в Политбюро, не хватило одного голоса — голоса Брежнева. Мочару пришлось покинуть пост министра внутренних дел, так как он был избран секретарем ЦК ПОРП, курировавшим силовые структуры. Выбранный Гомулкой на пост министра внутренних дел К. Свитала не имел ни харизмы предшественника, ни влияния в министерстве. Мочар продолжал воздействовать на МВД через генерального директора министерства генерала Р. Матеевского и руководителя разведки генерала Ф. Шляхчица.

В. Гомулка сумел добиться временного равновесия в руководстве партии, когда ни одна из группировок не получила перевеса.

С середины 1950-х годов и до мартовских событий 1968 г. оппозиция в Польше носила в основном левый (внутрисистемный) характер. Она искала свой, польский путь социалистического развития под лозунгами улучшения, реформирования социализма, его «либерализации», т. е. «социализма с человеческим лицом». Но, как пишет В. Волобуев, события 1968 г. ознаменовали исчезновение этого «ревизионистского» направления как «альтернативного течения марксистской мысли»⁵⁸. Применение властями насилия углубило неприязнь либерально-демократической интеллигенции к власти и провозглашаемой ею, расходящейся с ее политикой идеологии, что впоследствии привело к возникновению в ПНР антисистемной, антисоциалистической оппозиции. Следствием событий стало возникновение среди оппозиционной части интеллигенции «поколения 1968 г.». Многие из видных фигур этого поколения (по всей стране было человек 150) во второй половине 1970-х годов действовали в рядах несистемной демократической оппозиции, во время событий 1980–1981 гг. стали деятелями и советниками независимого профсоюза «Солидарность», а после 1989 г. — политической элитой и государственными деятелями III Речи Посполитой.

Март 1968 г. был предупредительным сигналом для власти об ухудшении социально-экономической ситуации и настроений в стране. Однако правящая верхушка ошибочно восприняло это предупреждение, посчитав усмирение протестов своей большой победой и успехом. Команда Гомулки, понимая, что для ее легитимности уже не хватает декларирования принципов социализма, стала спекулировать на национальных мотивах и лозунгах. Но было уже поздно. Время, отведенное историей Гомулке, подходило к концу. Кадровая чистка в партии и государстве только ослабила

его политические позиции.

Москву мартовские события не очень обеспокоили. Советское руководство не дало себя втянуть в их ход. Как утверждает П.К. Костиков, эти события рассматривались как внутреннее дело ПОРП, ситуация в стране оценивалась как находившаяся под контролем польского руководства во главе с Гомулкой. Москва в основном одобрила кадровые изменения в Польше. В 1968 г. Кремль решительно поддержал Гомулку. Особенно хорошо в советском руководстве и в военной верхушке была воспринята смена кадров в Войске Польском, прежде всего — назначение на пост министра национальной обороны Войцеха Ярузельского. Доступ в Кремль имели только те политики, которые поддерживали Гомулку. Другие польские деятели не имели никаких шансов прийти к руководству страной⁵⁹.

Реакция Польской католической церкви на мартовские события была запоздалой и по существу пассивной. Ее руководство и духовенство устали от празднования тысячелетия церкви в 1966 г. и от изнуряющей борьбы с властью в процессе этого празднования. К тому же усилилась слежка за духовенством со стороны СБ. Правда, в марте 1968 г. примас С. Вышиньский обратился с письмом к студентам и направил специальное письмо премьер-министру Ю. Циранкевичу. В последнем говорилось: «Резиновая дубинка никогда не является аргументом для свободного общества, она пробуждает самые плохие ассоциации и мобилизует общественное мнение против установленного порядка... Гарантирование гражданам Конституцией ПНР и Декларацией ООН права на честную информацию требует свободы печати, ограничения вмешательства цензуры, объективности в информировании»⁶⁰.

21 марта 1968 г. церковь официально представила свою позицию в коммюнике «Слово епископата Польши», написанном кардиналом К. Войтылой. Второй раз на тему мартовских событий епископы высказались 3 мая 1968 г. Однако антисемитская компания руководством церкви не осуждалась. За лояльную позицию во время мартовских событий примас Вышиньский в ноябре 1968 г., после почти трехлетнего перерыва, вновь получил заграничный паспорт.

Относительную активность проявляли лишь светские католики. Мартовские события шли в разрез с теми общественно-политическими ценностями, вокруг которых формировалось движение светских католиков, — патриотизм и толерантность в обществе. Поэтому фракция «Знак» в сейме, выражая мнение клубов католической интеллигенции, приняло обращение к представителям высшей власти, в котором выступила в защиту побитых студентов. Эти действия, хотя и не перевели светских католиков в разряд явной оппозиции, но обострили взаимоотношения движения «Знак» с властью.

Движение светских католиков «Знак» не было однородным по своей идейной направленности. В него входила группа деятелей, связанных с варшавским журналом «Вензь». В 1960-х годах эта группа раскололась на два течения. Первое, связанное с именем Т. Мазовецкого, условно можно назвать демократическим. Оно выдвигало на первый план вопрос прав человека. Второе течение, возглавляемое Я. Заблоцким, также условно можно назвать национально-патриотическим. Оно акцентировало внимание на традиционных польских ценностях⁶¹.

Основной упор в политической деятельности светские католики, или «новые позитивисты», продолжали делать на работу в сейме, где их присутствие было заметным, несмотря на малочисленность фракции. Однако с середины 1960-х годов они были вы-

нуждены все чаще вступать в конфликт с властью. В 1964 г. С. Киселевский и Е. Турович подписали «письмо 34-х». За это тираж «Тыгодника повсехного» был уменьшен с 50 до 30 тыс. экз. Во время мартовских событий «Знак» пытался сохранить нейтралитет, но фактически солидаризировался с резолюцией варшавского отделения Союза польских писателей от 29 февраля 1968 г., так и с лозунгами протестующих студентов. Одним из главных объектов нападок властей стал именно Киселевский, который на вышеупомянутом собрании варшавских писателей произнес яркую речь, в которой назвал существовавший тогда политический режим «диктатурой невежд». Вокруг Киселевского началась компания травли. На три года он был лишен возможности печататься.

В апреле 1968 г. отказался от депутатских полномочий лидер движения «Знак» и член Госсовета Е. Завейский, а после вторжения в Чехословакию в составе сил Варшавского договора польских войск все католические депутаты намеревались сложить мандаты. Это означало бы конфликт с властью. В итоге победила «лоялистская» позиция, и фракция «Знак» осталась в сейме. Однако после этого власти не выразили согласия на баллотирование в 1969 г. Завейского в новый состав сейма.

II.2. Гомулка и «ПРАЖСКАЯ ВЕСНА»

В. Гомулка, подавивший мартовские волнения 1968 г. в своей стране, смотрел на «пражскую весну» без симпатий: «социализм с человеческим лицом» был для него типичным ревизионизмом. Но при этом, в отличие от лидеров остальных социалистических стран, он не слишком боялся влияния событий в Чехословакии на политическую ситуацию в Польше. Несомненно, его больше беспокоила судьба социалистического содружества. К тому же Гомулка подходил к событиям в Чехословакии через призму соседства ФРГ (вышедшая из советского блока Чехословакия попадет под влияние Западной Германии). Поэтому Кремль был уверен в поддержке со стороны Польши и лично Гомулки своей политики на международной арене, а также действий Москвы в рамках социалистического содружества.

Советское руководство летом 1968 г. все больше склонялось к оценке чехословацких событий как контрреволюции и считало необходимым защитить социализм путем введения войск Варшавского договора в Чехословакию. Но какое-то время Москва медлила. 5 июля 1968 г. на заседании Политбюро первый секретарь ЦК ПОРП не скрывал своего разочарования такой позицией: «Советские руководители делают это в перчатках. Если бы это зависело от нас, то я бы их [чехов и словаков] давно подавил... Процесс ведет к выходу Чехословакии из нашего лагеря. Я вижу трудности с вводом войск сейчас... Мы можем советским руководителям сказать, что мы введем наши войска. К черту этот суверенитет [Чехословакии]. Если они [в Кремле] не хотят, то пусть уступают дальше»⁶².

14–15 июля 1968 г. в Варшаве прошла встреча руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и СССР. Чехословацкая делегация прибыть отказалась. Еще перед заседанием состоялась отдельная встреча В. Гомулки и Л.И. Брежнева, в ходе которой выяснилось, что польский лидер неожиданно отошел от прежней решительности в отношении чехословацкой проблемы и стал почему-то проявлять осторожность.

Брежнев в своем выступлении дал тревожную оценку складывающейся обстановки в Чехословакии. Он изложил мнение КПСС о коллективной ответственности всего социал-демократического лагеря за судьбы социализма в каждой стране. Советский лидер выразил готовность оказать любую помощь чехословацкому рабочему классу и всему народу в целом. Тем не менее глава КПСС все-таки отдавал предпочтение политическим шагам, прежде всего поддержке «здоровых сил» (противников перемен)⁶³.

На встрече лишь В. Гомулка и Я. Кадар выступили с умеренных позиций. Первый секретарь ЦК ПОРП призвал к более углубленному анализу событий и отказу от принятия поспешных решений. Во время обсуждения результатов встречи в узком кругу Брежнев отверг утверждение В.Н. Подгорного, что Гомулка предаст СССР и начинает поддерживать правые силы в Чехословакии. Генсек размышлял: «Если Гомулка заколебался, то мы должны еще раз проанализировать ситуацию»⁶⁴. Чтобы воздействовать на позицию Гомулки, по каналам спецслужб из Москвы в Варшаву шла информация (часть ее была типичной дезинформацией) о якобы имевшем место вмешательстве ФРГ во внутренние дела Чехословакии, стремлении руководства КПЧ к заключению различных политических и экономических соглашений с Западной Германией. В результате, под влиянием подобных сообщений, Гомулка вновь стал высказываться за решительные действия в отношении Чехословакии. 18 августа 1968 г. в Москве на очередном заседании стран Варшавского договора союзники без особых возражений одобрили оценки ЦК КПСС и согласились оказать необходимую военную помощь Чехословакии. Гомулка заявил, что другого пути нет, а на его поиски будет только зря потрачено время⁶⁵. Он предложил, чтобы войска ГДР не входили в Чехословакию, так как немецкие войска «там уже были». Этот намек на 1938–1939 гг. вызвал ярость у главы СЕПГ В. Ульбрихта.

Союзником Гомулки в силовом решении чехословацкого кризиса был Э. Герек, который поддерживал консервативных членов руководства КПЧ. Он имел дружеские отношения с А. Индрой, который руководил партийной организацией в соседней Остраве, и с В. Биляком, который был одним из лидеров противников реформ. Информацию, полученную от них о ситуации в стране и намерениях руководства КПЧ, Гомулка использовал в ходе бесед с Брежневым для воздействия на принятие окончательного решения.

20 августа 1968 г. началась военная интервенция войск Варшавского договора на территорию Чехословакии. В операции «Дунай» участвовала 2-я армия Войска Польского, которой командовал генерал Ф. Сивицкий. Польский контингент составил 24 341 офицеров и солдат, 647 танков, 566 транспортеров, 4798 автомобилей, 36 вертолетов и др. Он разместился в северной части Чехословакии за пределами больших и средних городов. Задачи польских подразделений сводились к блокированию частей Чехословацкой народной армии, ликвидации «враждебной пропаганды», патрулированию в городах, налаживанию контактов с местной властью. Солдаты 2-й армии распространили среди населения 5 млн листовок, плакатов и брошюр. Военные транслировали радиопрограммы на чешском языке. Однако произошла и трагедия. 7 сентября 1968 г. в г. Ичин пьяный солдат 11-й танковой дивизии открыл огонь по гражданским лицам и проезжавшим автомобилям. Погибли два человека и пять были ранены.

Что касается реакции польского общества на интервенцию войск Варшавского договора в Чехословакии, то вначале преобладали голоса возмущения, но затем усилились античехословацкие настроения. Были две причины таких настроений: опасение

перед немецкой угрозой и повторением ситуации сентября 1939 г., когда Польша была атакована с юга. Польская католическая церковь не выразила своей позиции по отношению к интервенции. Такой подход был обусловлен ее нежеланием обострять отношения с государственными властями.

II.3. Советско-польские отношения

В. Гомулка последовательно вел в отношении Советского Союза политику, которая была определена в 1956–1957 гг. Его команда считала, что надо укреплять отношения двух стран в сфере экономики, сохраняя при этом во внутренней и отчасти во внешней политике максимальную самостоятельность. Одновременно Гомулка был верным союзником СССР. В ходе бесед со своими соратниками он не раз подчеркивал, что судьба ПНР связана с Советским Союзом и в горе, и радости, но судьба польского правительства зависит от собственного народа⁶⁶.

Вместе с тем, у польского лидера были претензии к советскому руководству: он считал, что своей излишне консервативной экономической политикой СССР тормозит развитие Польши и остальных социалистических стран. В первой половине 1960-х годов он выступил на заседании совета СЭВ с предложением ввести конвертируемость рубля. Это привело бы к обмену рубля на основные западные валюты и могло увеличить заинтересованность в сотрудничестве в рамках СЭВ. Однако предложение не нашло поддержки советского руководства⁶⁷, которое опасалось включения советских финансов в финансовую систему Запада и непредсказуемых последствий этого.

Советский диктат по отношению к ПНР во времена В. Гомулки отошел в прошлое. С Польшей теперь приходилось проводить консультации и переговоры, договариваться, согласовывать с ней свою внешнюю политику, учитывать интересы соседа. В глазах аппарата ЦК КПСС Гомулка «символизировал Польшу, которую необходимо уважать»⁶⁸, подходить к ней как к союзнику и партнеру. Если во времена Хрущева некоторые характеризовали этого польского лидера как «просоветского националиста», то во времена Брежнева — как «польского патриота и лояльного интернационалиста»⁶⁹. Гомулка старался вести переговоры с советскими руководителями так, чтобы не давать им возможность вмешиваться во внутренние дела Польши. Он не критиковал советских руководителей напрямую, а давал им понять, что они действуют вопреки собственным интересам⁷⁰.

С конца 1950-х годов до октября 1964 г. Н.С. Хрущев и В. Гомулка обменивались визитами довольно часто. Кроме официальных переговоров, советский руководитель, чтобы отвлечься от повседневных дел, любил поохотиться в польском правительственном центре отдыха в Ланьске. Во время визита Хрущева в Польшу в 1959 г. он посетил Катовицкое воеводство. От аэродрома его сопровождал первый секретарь воеводского комитета ПОРП Э. Герек, который хотел, чтобы маршрут гостя прошел через его родную местность Загуже. Когда кортеж автомобилей приблизился к этому населенному пункту, взорвалась мина, спрятанная в придорожном дереве. Так как впереди ехала вторая колонна сопровождения, то гости даже не поняли, что произошло. В ходе следствия было установлено, что виновником взрыва был 33-летний житель Загуже, работавший электриком на шахте «Кажимеж-Юлиуш». Следствие пришло к выводу, что ни к каким тай-

ным организациям он не принадлежал, просто хотел таким образом прославиться⁷¹.

Свой последний визит в Польшу Хрущев совершил 21–23 июля 1964 г. — для участия в праздновании 20-летия ПНР. Н.С. Хрущев вспоминал: «Несколько раз звонил Гомулка, просил приехать, поскольку визиту Хрущева он придавал особое значение. Отец, конечно же, не мог отказать своему старому другу»⁷².

Между Гомулкой и Хрущевым сложились хорошие отношения. Советский лидер отнесился к первому секретарю ЦК ПОРП с уважением. Любил с ним поспорить. Однако обращались они к друг другу не на «ты», что было принято в среде коммунистов-руководителей, а на «вы»⁷³. Хрущев вспоминал: «У меня лично отношения с ним сложились самые теплые. Хотя другой раз по некоторым вопросам возникали разногласия. Это естественно, что в руководстве разных стран бывают разные подходы при решении того или иного вопроса. Если этого не будет, то не будет никакой демократии и проявления личностных особенностей. Это нормально»⁷⁴.

Оценивая в целом советскую политику в отношении Польши, Хрущев подчеркивал: «поляки не имели никаких оснований обвинять СССР в том, что он проводит дискриминационную политику и пользуется благами, созданными за счет труда польского народа в ущерб полякам и с выгодой для себя. Скорее наоборот»⁷⁵.

Реальная ситуация была такова: если в экономических отношениях проявлялось несовпадение интересов, что случалось нередко, то как правило Советский Союз шел на уступки польской стороне. Хрущеву не нравилось, что польское руководство каждый год поднимало вопрос о поставках зерна в Польшу. Он писал: «Я знал, для чего конкретно полякам нужно зерно, и сказал Гомулке: „Почему вы хотите, чтобы мы поставляли зерно, если в Польше землеобеспеченность на душу населения лучше, чем в других социалистических странах? Вы имеете возможность полностью обеспечивать себя зерном. По сведениям, которым я располагаю, наше зерно идет на откорм свиней... Тут дело в валюте, — заявил я на чистоту. — Вы отбираете у нас хлеб, который нам самим нужен“»⁷⁶. Польша действительно кормила советским зерном свиней, производила высококачественный бекон, который экспортировала в США, и получала существенные валютные доходы.

На эти претензии советского лидера Гомулка отвечал следующим образом: «Да, это вы правильно говорите. У нас ведь нет добычи золота, а у вас есть. Вы добываете золото из руды, а мы вынуждены добывать себе валюту коммерческим путем, чтобы приобрести за границей товары, которые мы не можем получить на рынке социалистических стран»⁷⁷.

Вставали и другие вопросы. Гомулка просил увеличить поставки высококачественной железной руды. Хотя самой советской экономике ее не хватало, приходилось, и не раз, идти навстречу. То же самое происходило и с поставками нефти. В тот период Советский Союз добывал ее мало, приходилось делиться, отрывая от себя. Хрущеву неприятно было то, что подобные просьбы повторялись почти каждый год. Но он не отказывал: «Мы от дружбы с Польшей материальных благ не имели, однако ничего не делали, что нарушило бы гармонию ее хозяйственной деятельности»⁷⁸. Все это свидетельствует о том, что Советский Союз не раз в ущерб себе помогал развитию польской экономики.

Хрущев пропагандировал среди польского руководства свои идеи о выгоде и достоинствах кукурузы, дешевом жилищном строительстве и «аггородогах». Хотя Гомулка

и проявил интерес к дешевому жилищному строительству, эту идею пытались на практике реализовать лишь в Гданьске, и к тому же неудачно. Гомулка критически воспринимал те или иные аспекты внутренней экономической политики СССР. После встречи с советским министром сельского хозяйства Д.С. Полянским Гомулка по свежим впечатлениям сказал М. Раковскому: «Представьте себе, товарищ Раковский, они собирают на Украине низкие урожаи из-за отсутствия семенной политики!» А в Польше в тот период была очень развита система научного подхода к подготовке семенного материала. Гомулка пытался рассказать о ней Полянскому, но тот не стал даже слушать: «Товарищ Гомулка, мы хорошо знаем польское сельское хозяйство»⁷⁹.

Помимо обсуждения текущих советско-польских проблем, в двусторонних переговорах существенное место занимала международная политика, в основном германский вопрос и отношения с Китаем и Албанией. Польское руководство было особенно чувствительно к происходившим переменам в отношениях СССР с ФРГ. Варшава настаивала, чтобы советская сторона согласовывала свою политику в отношении Западной Германии с польской. Это было вполне объяснимо, так как ФРГ не признавала границу по Одре–Нысе. Поговаривали даже о «доктрине Гомулки», в соответствии с которой Варшава имела право влиять на политику Варшавского договора в отношении ФРГ. Официально и реально Советский Союз считался главным гарантом западной границы Польши и существования ГДР. Однако польский лидер опасался, что СССР стремится к соглашению с ФРГ ценой польских границ и существования ГДР. Не раз он выражал недовольство по поводу того, что Хрущев не информировал его о намерениях Москвы по немецкому вопросу. При обсуждении между советским лидером и польскими руководителями германской проблемы не раз возникали конфликты.

В частности, Гомулка с претензией говорил о том, что советские товарищи не проинформировали его о намерении строительства в 1961 г. берлинской стены. В ответ Хрущев оправдывался, что он якобы тоже не знал об этом, ведь ГДР является суверенным государством и может принимать решения, которые считает нужными.

В ходе визита в Польшу в январе 1964 г., во время встречи с польскими руководителями, Хрущев, пытаясь убедить их в необходимости проведения более гибкой политики в отношении ФРГ, заключил: «Таков расклад сил, такова математика». Присутствовавший при разговоре М. Мочар неожиданно вставил: «Однако политика это не математика, это алгебра». Он еще не успел закончить, как Хрущев рывкнул: «А что, Вы алгебраист? Не позволю себя оскорблять, немедленно уезжаю, я сюда не напрашивался»⁸⁰. Его с трудом удалось успокоить. В конце концов, в знак примирения Хрущев и Мочар подали друг другу руки.

Особенно раздражали польских руководителей легкомысленные заявления главного редактора «Известий» А.И. Аджубея, зятя Хрущева, во время его поездки с группой журналистов в ФРГ в июле 1964 г. о возможности объединения Германии. В Польше с большим вниманием следили за этим визитом. Главный редактор еженедельника «Политика» М. Раковский не сомневался, что Аджубея принимали не как главного редактора ежедневной газеты, а как специального посланника Хрущева. В своих «Дневниках» Раковский написал, что Аджубей в ФРГ вел себя «очень свободно и заигрывал с немцами». Говорил им то, что они хотели услышать: «Мы, русские, — единственные, кто понимает Вас, немцев». Когда Аджубея спросили, может ли он представить себе объединение Германии, но не на коммунистической основе, он ответил: «Мы

хотим, чтобы весь мир был коммунистическим и будет коммунистическим. Однако мы никого не хотим принуждать принимать нашу систему». Немцы «сами должны определиться, на востоке и западе, в ГДР и ФРГ». Он выражал надежду на улучшение отношений между СССР и Западной Германией. «Позднее мы могли бы в спокойной обстановке решить также другие проблемы». Другими проблемами, по мнению Раковского, могли стать польские западные земли⁸¹.

В. Гомулка знал, о чем говорил Аджубей во время переговоров с федеральным канцлером Л. Эрхардом и премьером Баварии Ф.Й. Штраусом. По одним данным, офицеры польской разведки записали на магнитофон высказывания зятя Хрущева во время его неофициальных встреч. По другим данным, эти записи поляки получили от разведок Франции или ГДР. Записи свидетельствовали о том, что Аджубей склонен был предложить немцам значительные территориальные уступки за выход Западной Германии из НАТО за счет Польши и ГДР.

Присутствовавшему на встрече секретарей ЦК социалистических стран в Варшаве тогдашнему заведующему отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими связями социалистических стран Ю.В. Андропову польские товарищи дали прослушать магнитофонную запись с высказываниями Аджубея. Андропов убедил Гомулку, чтобы он позвонил Хрущеву и высказал ему возмущение миссией Аджубея⁸². Как утверждал заведующий сектором Польши в отделе ЦК КПСС в 1969–1980 гг. П.К. Костиков, Гомулка действительно послал Хрущеву «резкое письмо»⁸³. В этом письме польский лидер сообщил, что Польша никогда не согласится, чтобы за ее счет были осуществлены территориальные коррективы в пользу ФРГ⁸⁴. После возвращения в Москву Андропов встретился с Аджубеем и сказал ему следующее: «Не мог же я не сообщить о настроении польских товарищей, тем более что они утверждали, будто располагают пленкой с записью твоих заявлений»⁸⁵. Противники Хрущева использовали случай с Аджубеем в качестве аргумента для смещения Хрущева на пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г. с партийных и государственных постов.

Вскоре после поездки Аджубея в Варшаву пришло сообщение, что Хрущев собирается с визитом в Бонн без какого-либо предварительного согласования с польским партнером. Эта информация привела Гомулку в бешенство. Он сказал: «Двести лет нами торговали. А что, теперь нет желающих?»⁸⁶.

В сентябре 1964 г. на съезде писателей в Люблине Гомулка обрушился с резкой критикой на немецкую политику Хрущева. Он обвинил советского лидера в попытках договориться об объединении с Германией за счет Польши. «Я со всей силой хочу подчеркнуть, что какие-либо изменения нынешних польских границ могут произойти только через труп Польши», — гневно произнес Гомулка⁸⁷. И в этом вопросе он имел в своей стране общественную поддержку. Гомулка, насколько мог, пытался тормозить сближение Советского Союза с ФРГ.

В феврале 1967 г. на совещании министров иностранных дел социалистических стран в Варшаве польской стороне удалось добиться принятия предварительных условий установления отношений стран советского блока с ФРГ. Весной 1967 г. в связи с тем, что подошли сроки принятия новых двусторонних договоров о дружбе и сотрудничестве с социалистическими странами, Варшава прилагала усилия для того, чтобы в новых договорах было закреплено положение об общей политике социалистических стран в отношении ФРГ. Поляки тем самым пытались укрепить свою позицию в совет-

ском блоке. Хотя и не без проблем, Варшаве удалось достичь своих целей⁸⁸.

Довольно острые разногласия проявлялись и во время обсуждения отношений с Китаем. Польские руководители выражали сомнения в необходимости отзыва из этой страны советских специалистов, прекращения помощи, отказа от завершения строительства промышленных предприятий, а также пограничных конфликтов из-за небольшого участка земли. Гомулка выступал за активизацию диалога с китайскими коммунистами, за прекращение публичной полемики. Он считал, что причиной советско-китайских разногласий было нежелание советских руководителей по-партнерски подходить к китайским коммунистам, игнорирование их национальных интересов. Гомулка хотел сохранения Китая в рамках советского лагеря, так как КНР мог быть тормозом для возрождения гегемонистских устремлений СССР по отношению к более слабым членам мировой социалистической системы⁸⁹. Как утверждает А. Верблян, Гомулка опасался неблагоприятных изменений в геополитике⁹⁰.

Со временем Н.С. Хрущев стал вести себя с руководителями социалистических стран все более бесцеремонно. Это вызывало их недоумение и недовольство. В частности, польское руководство раздражала хрущевская политика в отношении Албании, приведшая в 1961 г. к разрыву дипломатических отношений с этой страной. На заседании Президиума ЦК КПСС 10 ноября 1963 г. Хрущев критиковал польского руководителя: «Возьмите Гомулку, он меня спрашивает: „Вы не думали о том, чтобы восстановить дружественные отношения с Албанией?“ Я говорю — „не думал и не думаем, потому что они слишком нагадили“. Но самое интересное то, что Гомулка уже сам думает о возможности возобновления отношений с Албанией. Этот союзник, как я думаю, козел — куда прыгнет неизвестно»⁹¹.

В свою очередь Хрущева беспокоили польско-американские отношения. Его настораживало то внимание, которое США оказывают Польше, так как американцы считают, что эта страна предрасположена к реставрации капитализма. Поэтому они шли на всякие поблажки ПНР: распространили на нее режим наибольшего благоприятствования в торговле, давали кредиты, оказывали помощь.

Доходило до того, что Хрущев спрашивал: «Зачем вы просите экономическую помощь у Советского Союза? Ведь вам американцы дают, берите у них». По словам Гомулки, ЦК ПОРП даже подготовил письмо Хрущеву, в котором его пытались спросить прямо: «чего вы хотите от Польши и каким путем она должна идти?»⁹². Вместе с тем сам Гомулка во время встреч с советскими руководителями признавал, что получение кредитов от США влияет на политику Польши, связывает ей руки в борьбе против американского империализма. При этом он непременно добавлял, что Советский Союз не должен толкать Польшу в лапы империалистов⁹³.

Во времена В. Гомулки Польша весьма отличалась от Советского Союза и других социалистических стран. Особенности ее развития было преобладание частного сектора в сельском хозяйстве и мелкого частного (торгово-ремесленного) сектора в городе, сильное влияние католической церкви на общественное сознание и частную жизнь, значительные интеллектуальные свободы, культурный плюрализм, постоянное расширение контактов с Западом, в том числе возможностей выезда туда и др. Ю. Тейхма писал: «Самым важным в польской действительности было то, что нас отличало от обязывающего образца. Польша до конца сохранила свое своеобразие..., так как оно лучше отвечало нашим историческим условиям, нашим традициям и нацио-

нальной психологии»⁹⁴. Хотя Гомулка выступал против коллективизации сельского хозяйства, он все же в аграрной политике делал ставку на развитие госсельхозов, был противником свободной продажи сельскохозяйственной земли, техники крестьянам. По сути, лидер ПОРП выступал за постепенное огосударствление польского сельского хозяйства. Польский путь к социализму вызывал раздражение у руководителей не только Советского Союза, но и большинства остальных социалистических стран, критику в ходе встреч с польскими лидерами. Особенности развития Польши рассматривались в советском блоке как внутренняя потенциальная угроза сплоченности блока и существовавшим политическим режимам, проводимой ими политике.

Новость о смещении Хрущева застала Гомулку в Новой Гуте, где он находился вместе с первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром. Для первого секретаря ЦК ПОРП, впрочем, как и для Кадара, эта новость была полной неожиданностью. На следующий день Гомулке позвонил член Президиума ЦК, секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов, который от имени нового руководства КПСС заверил его, что внешняя политика СССР, в том числе в отношении Польши, не изменится. Спустя несколько дней ему позвонил и новый первый секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев.

Придавая большое значение отношениям с Польшей, ухудшившимся из-за «фокусов» Хрущева, перед встречей с польским руководством 22 октября 1964 г. ЦК КПСС принял даже специальное постановление «О встрече с представителями ПОРП». Встреча представителей двух партий состоялась 24 октября 1964 г. в районе Беловежской пуши. С советской стороны в ней участвовали Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, Ю.В. Андропов, с польской, как обычно, — В. Гомулка, Ю. Циранкевич и З. Клишко. Гомулка выразил удовлетворение решением ЦК КПСС о снятии Хрущева, указав, в частности, на его нетерпимость к мнениям других товарищей. Хрущев, говорил он, выступал от имени всех социалистических стран без совета с нами, нередко менял позиции по важным международным проблемам. Гомулкой было высказано недоумение обозначившимся в 1964 г. стремлением Хрущева к сближению с Западной Германией («его согласие на визит в ФРГ было выгодно Бонну и в тоже время создавало трудности для нас»)⁹⁵.

Знаменательно, что Гомулка подверг критике политику десталинизации, проводившуюся Хрущевым. Руководитель ПОРП заявил, что не всегда целесообразной была публичная критика Сталина, в частности на XXII съезде КПСС: «В Советском Союзе появилось немало вредных книг вроде повести Солженицына, которые бросали тень на советский строй. Такая литература создавала немалые трудности и для ПОРП. Она подогревала существующие в Польше антирусские настроения»⁹⁶. Эти утверждения Гомулки свидетельствовали о существенной консервативной эволюции его взглядов по сравнению с 1956 г., а также о желании установить дружеские и деловые контакты с новым первым секретарем ЦК КПСС.

В свою очередь новое советское руководство демонстрировало уважение к польскому лидеру за его личную смелость и политическую мудрость. Но со временем руководителей СССР стала раздражать личная «независимость» Гомулки, отсутствие лести в адрес их самих и Советского Союза, что было свойственно остальным руководителям социалистических стран.

В 1965 г., во время второй встречи Л.И. Брежнева с В. Гомулкой, советский лидер неожиданно попросил своего собеседника о помощи при проведении международной

политики. Брежнев сказал: «Товарищ Веслав, должен Вам сказать, что мне очень тяжело... С внутренними проблемами я справляюсь, но могут возникнуть трудности с международными вопросами, с проблемами международного коммунистического и рабочего движения и отношений с братскими странами. Очень Вас прошу, Вас лично, помогите мне своим огромным опытом и авторитетом на международной арене, в социалистическом лагере и за его рамками»⁹⁷. Гомулка слушал генерального секретаря КПСС со все большим смущением. Затем он стал убеждать его, что тот уже является политиком, известным на международной арене, что он проявил себя как выдающийся деятель рабочего движения. Что же касается опыта, то это дело наживное⁹⁸.

Гомулка не забыл просьбы советского лидера. Он постоянно стремился содействовать Брежневу в укреплении единства международного коммунистического и рабочего движения, социалистических стран. Для этой цели в аппарате ЦК ПОРП был создан международный отдел, в котором работали молодые и хорошо образованные сотрудники. Они умели вести переговоры, полемизировать, если это было необходимо. Польские делегации стали играть важную роль в подготовке и проведении совещаний и рабочих встреч коммунистических и рабочих партий. На этих совещаниях особенно выделялся З. Клишко, который оказался быстро реагирующим, смелым полемистом, отстаивающим крепость связей между коммунистическими партиями Европы.

Активность ПОРП на международной арене и однозначная поддержка политики КПСС облегчали Гомулке решение экономических проблем в отношениях с Советским Союзом. Более частыми стали встречи между двумя лидерами. Например, в октябре 1966 г. — феврале 1967 гг. они встречались многократно — во время визитов, в Москве и Варшаве, в ходе совещаний коммунистических и рабочих партий, встреч руководителей социалистических стран. И на каждой встрече Гомулка добивался дополнительных поставок сырья и товаров, новых кредитов или ускорения получения обещанных ранее.

Гомулка не был сторонником развития экономических связей с Западом, опасался западных банков и инвестиционных кредитов. Он прямо говорил Брежневу об опасности зависимости социалистических государств от западного капитала. Брежнев, которого советские специалисты призывали в те годы к более открытому обмену с Западом, даже пытался объяснить Гомулке, что, может быть, стоит использовать эти средства для целей социализма. В ответ польский лидер заявил: «Вы можете себе это позволить, Вы являетесь страной с неограниченными ресурсами, Польша же — нет, это приведет лишь к долгам. Пусть сильный Советский Союз сотрудничает с сильным капиталом, а мы получим капитал в процессе сотрудничества с вашей экономикой»⁹⁹.

Л.И. Брежнев был хорошо проинформирован о том, что Польше средства для инвестиций нужны как воздух. Консультанты отдела ЦК КПСС провели анализ этой проблемы и представили свои выводы советскому руководству. Из них следовало, что Польша будет вынуждена использовать западные кредиты для модернизации ряда отраслей своей промышленности. Это могло бы быть полезно для оборонных интересов Варшавского договора, а также для производства современных потребительских товаров. Однако Гомулка предпочитал брать долларовые кредиты от Советского Союза, а не на Западе. Взамен за советскую экономическую помощь он был готов политически поддерживать КПСС и Советский Союз. Именно тогда в Кремле и на Старой площади стали говорить, что Польша является самым надежным звеном блока социалистических государств. Брежнев высоко ценил Гомулку и защищал его от нападок в своем окружении.

Кредиты на Западе все же приходилось брать. В разработанном при Гомулке плане на 1971–1975 гг. предусматривалось увеличение задолженности у развитых капиталистических стран на 1 млрд долл. Однако эти кредиты предназначались исключительно на покупку современных промышленных предприятий. Гомулка был категорически против потребительских кредитов.

Интервенция войск Варшавского договора в Чехословакию повлияла на внешнюю политику ФРГ. В начале 1969 г. Гомулка получил информацию, что Бонн под руководством нового канцлера В. Брандта хочет кардинальным образом изменить свою восточную политику. Цели, которые ставил прежний канцлер Адэнауэр — постепенное поглощение ГДР и возвращение восточных польских территорий, — не только не были достигнуты, но и отделились. Брандт и его окружение пришли к выводу, что перемены на Востоке легче будет стимулировать при помощи политики разрядки, а не конфронтации. В результате начались переговоры Бонна с Москвой, а затем и с Варшавой, чем вначале был недоволен Брежнев. Он и Громыко хотели, чтобы признание границы по Одеру и Нейсе получило отражение в большом договоре между СССР и ФРГ. Тем самым польско-немецкую границу по-прежнему гарантировал бы Советский Союз.

Однако Гомулка, узнав о советско-немецких переговорах, потребовал заключения отдельного договора между Польшей и Западной Германией. Он говорил, что без послевоенных западных и северных земель Польша была бы «копией Герцогства Варшавского». Эти шаги Гомулки с большим недоверием наблюдали руководители ГДР. По их мнению, Польша не нуждалась в признании границы по Одеру — Нейсе со стороны ФРГ, так как с ней она не граничила. Это создавало впечатление, что ПНР не верит в прочность существования ГДР. Ответ Гомулки был простым: существуют два наследника немецкого рейха, и они оба должны подписаться под границей, определенной в Потсдаме. Гомулка никогда не верил в неизменность советской политики в отношении Германии. Поэтому он стоял на позиции, что Народная Польша не может довольствоваться только московской гарантией польской западной границы, а должна получить ее подтверждение также и от Западной Германии¹⁰⁰.

17 мая 1969 г. на встрече с избирателями Варшавы Гомулка предложил властям ФРГ заключение договора, в котором нормализация отношений между двумя государствами была тесно увязана с признанием Западной Германией западной границы Польши. Это заявление было полной неожиданностью для советского руководства. Но Гомулке удалось убедить Брежнева в правильности польского предложения, так как нормализация отношений с ФРГ будет способствовать упрочению территориального статус-кво в Европе. От советского лидера первый секретарь ЦК ПОРП получил обещание, что советский договор с ФРГ не будет обычной декларацией о неприменении силы, в этот договор будет включено положение о нерушимости границ в Европе¹⁰¹.

Официально В. Гомулка был противником объединения Германии. В июле 1970 г. во время беседы с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко польский лидер сказал: «Никогда мы не будем заинтересованы в объединении немецких государств»¹⁰². На самом деле, как утверждает Ю. Тейхма, Гомулка был убежден, что это объединение является лишь вопросом времени, главная же задача Польши — гарантировать свои интересы¹⁰³.

Почти два года велись переговоры с ФРГ, которые увенчались успехом. Вначале, 12 августа 1970 г. Западная Германия заключила договор с СССР, в котором признала

границу по Одеру и Нейсе. Четыре месяца спустя, 7 декабря, в Варшаву приехал канцлер ФРГ. Ю. Циранкевич и В. Брандт подписали договор о нормализации польско-немецких отношений и польской западной границе. Сбылись мечты Гомулки: Польша перестала быть государством с неполноценными границами. 14 декабря 1970 г. в своем выступлении на пленуме ЦК ПОРП польский лидер сказал: «Договор является формально-правовым признанием Федеративной Республикой Германии границы на Одре и Нысе Лужицкой. Тем самым с точки зрения международного права вопрос необратимости и нерушимости границы окончательно закрыт»¹⁰⁴. Это был самый большой международный успех Гомулки, который стал венцом его многолетних упорных усилий, направленных на обеспечение Польше стабильного положения в послевоенной Европе. Одновременно Брандт обещал Гомулке предоставление кредита в 10 млрд марок.

Почти все 1960-е годы послом СССР в ПНР был бывший член Президиума и секретарь ЦК КПСС А.Б. Аристов, который был назначен на эту должность постановлением президиума ЦК КПСС 20 января 1961 г. А.И. Микоян характеризовал его как «неподходящего человека с большими претензиями»¹⁰⁵. Аристов был другом Л.И. Брежнева и не очень стремился к надлежащему исполнению своих дипломатических обязанностей. Это весьма раздражало руководство ПОРП. В конце 1960-х годов З. Клишко пожаловался П.К. Костикову: «Этот Аристов... ненавидит Польшу, ничего не хочет делать, не интересуют его вопросы, которые мы перед Вами ставим, мы не можем добиться решения проблем, по которым договорились Гомулка и Брежнев...»¹⁰⁶. В конце концов Костикову при поддержке секретаря ЦК КПСС по связям с социалистическими странами К.В. Русакова удалось добиться рассмотрения в конце 1970 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС вопроса об отзыве Аристова. В начале марта 1971 г. он, совершая прощальные визиты руководителям ПНР, неожиданно для новых польских руководителей посетил В. Гомулку, с которым имел двухчасовую беседу.

Тогдашний советник посольства ПНР в Москве Б. Рыхловский так охарактеризовал атмосферу в советско-польских отношениях конца 1960-х годов: «Среди советской политической и военной элиты довольно широко было распространено понимание важности партнерства в отношениях между нашими странами. Более того, достаточно часто это были даже пропольские настроения. Они чаще всего были связаны с польскими этническими корнями лиц, участвовавших в этих отношениях, а также вытекали из подлинного интернационализма или позитивного опыта от связей с поляками. Впрочем, и сам Л. Брежнев в контактах с нами демонстрировал такие же настроения». По мнению польского дипломата, степень суверенитета Польши в отношениях с СССР при Гомулке достигла самого высокого уровня за всю историю ПНР. Польша проводила тогда политику, схожую с политикой Советского Союза, но только по тем направлениям, которые соответствовали польским национальным интересам¹⁰⁷.

III.1. ПОДСПУДНАЯ БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ в 1969–1970 гг.

После мартовских событий 1968 г. политическое одиночество В. Гомулки усилилось. В беседе с Брежневым он признался, что его атакуют с двух сторон¹⁰⁸. По всей вероятности, Гомулка имел ввиду «партизан» и партийных функционеров еврейского происхождения. Перестала его поддерживать и группа левой интеллигенции, объединившейся вокруг еженедельника «Политика» и его главного редактора М. Раковского. Эта группа выдвигала в адрес Гомулки обвинение в «сермяжном социализме». По-прежнему в ближайшем его окружении оставались З. Клишко (внутрипартийные вопросы, идеология, культура, общественные организации, церковь), Р. Стшелецкий (внутрипартийные вопросы) и И. Лога-Совиньский (профсоюзы). Первый секретарь ЦК стал все больше задумываться о необходимости омоложения высшего руководства страны, поиска преемника. У него созрел целостный план кадровых перемен.

Однако ход дальнейших событий неожиданно стал складываться не в пользу Гомулки. Прежде всего проявились неблагоприятные тенденции в народном хозяйстве. В разговоре с А.Н. Косыгиным Гомулка как-то пожаловался, что в польском руководстве отсутствуют хорошие специалисты по экономике. «Мне бы иметь хоть половину Косыгина», — сказал он¹⁰⁹.

К концу 1960-х годов темпы экономического роста замедлились. Соответственно замедлились и темпы роста реальных доходов населения. Польша все больше отставала по уровню экономического развития и жизни населения от других социалистических стран. Правда, инвестиции в экономику были значительными, но с длительным циклом реализации. Урожайность в сельском хозяйстве оставалась низкой. Польское руководство пришло к выводу, что народное хозяйство страны исчерпало экстенсивные возможности развития за счет постоянного прироста занятости.

В то же время за годы ПНР выросло уже новое поколение поляков, которое не знало тягот довоенной Польши. Оно сравнивало уровень жизни в стране с уровнем благосостояния на Западе, где быстро росли доходы населения и потребительский спрос. Сравнение порождало разочарование. Поэтому версию реального социализма Гомулки называли «сермяжным социализмом» для низов. Между тем ситуация продолжала ухудшаться. Отражением нараставших экономических трудностей стало заявление члена Политбюро ЦК ПОРП С. Ендриховского на пленуме ЦК ПОРП в ноябре 1967 г. о необходимости повышения розничных цен на мясо, которые не менялись уже восемь лет.

В конце концов Гомулка нашел «польского Косыгина». Им стал посол ПНР в Москве в 1959–1963 гг. (ранее — заместитель председателя польского Госплана) 55-летний Б. Ящук. Он поразил Гомулку своим знанием косыгинской экономической реформы и обещал изобрести механизм устойчивого роста производительности труда при социализме. Началась головокружительная, но крайне короткая политическая карьера

Яшука. В июле 1968 г., на пленуме ЦК ПОРП он был избран членом Политбюро ЦК. В Варшаве стали поговаривать, что это будущий премьер-министр Польши. Сам Яшук давал понять, что имеет большое влияние и существенные возможности в Москве. Однако его недоброжелатели в партийной верхушке сразу же стали распространять слухи, что его фамилия свидетельствует о том, что он по национальности русский или, по крайней мере, белорус. Помощник Гомулки В. Наметкевич отзывался о Яшуке, который уверенно играл роль заместителя Гомулки, как о «тупом, упрямом интригане», «злом духе» шефа. Как правило, первый секретарь ЦК ПОРП разбирался в людях. Однако в случае с Яшуком все видели его ошибку, только не он сам¹¹⁰. Это неблагоприятно влияло на атмосферу в польском руководстве. В нем усилились нервозность одних и борьба других за передел власти.

На первые роли метили еще несколько претендентов. Между IV и V съездами ПОРП, то есть в 1964–1968 гг., в партийное руководство были введены четыре руководителя из числа деятелей молодежных организаций: Ю. Тейхма (в 1957–1963 гг. — председатель главного правления Союза сельской молодежи), С. Кочёлек (в 1960–1963 гг. — секретарь ЦК Союза социалистической молодежи), Я. Шидляк (в 1954–1957 гг. — секретарь главного правления Союза польской молодежи) и С. Ольшовский (в 1956–1960 гг. — председатель главного совета Союза польских студентов). Они принадлежали уже к новому поколению польских политиков, которые не были отягощены борьбой внутри партии в первые послевоенные годы и репрессиями в период польского сталинизма.

В январе 1981 г. во время встречи с А. Вербляном В. Гомулка признался, что он фактически выдвинул себе на смену Э. Герека, к которому в течение ряда лет относился как к наследнику, правда, затем изменил свое мнение. Гомулка сказал: «Никого лучше я тогда не видел. Только под конец я стал присматриваться к молодым. Я думал о Станиславе Кочёлеке или Юзефе Тейхмe. Но было уже слишком поздно»¹¹¹.

Наиболее близок к Гомулке был Кочёлек. Он даже внешне несколько походил на него: с похожей лысиной, в очках, всегда серьезный, замкнутый в себе человек, который также большинству собеседников казался скрытным, мало контактным. Кочёлек был сторонником политического, экономического и идеологического курса Гомулки. В политических вопросах он придерживался следующего подхода: во внутренних делах польское руководство проводит самостоятельную политику, в международных — действует солидарно с Москвой. Такой подход гарантировал Польше нерушимость границ в Европе и место второго партнера Запада после Советского Союза.

Тейхма тоже стремился быть похожим на Гомулку. Однако, в отличие от Кочёлека, он был человеком контактным, олицетворял в партийных кругах деятеля нового типа, образованного, способного заострить дискуссию.

Ольшовский тоже казался человеком очень живым, быстрым, компанейским, хотя и неглубоким. Ему не доставало широких знаний. Он обладал умением собирать вокруг себя очень хороших советников-специалистов разного профиля, особым даром во имя дела объединять людей. Но как политик он, будучи холодным и расчетливым, был ближе Гереку, чем Гомулке.

Из этой четверки Шидляк был самым старшим по возрасту и уступал в интеллектуальном отношении всем другим. Но он обладал навыками партийного аппаратчика, и это делало его эффективным политиком.

И в Варшаве, и в Москве никто не исключал, что приемником Гомулки в опреде-

ленных обстоятельствах могли стать и Мочар, и Герек, но этого сценария Гомулка явно не желал. Поэтому он переместил Мочара с поста министра внутренних дел на пост секретаря ЦК ПОРП. Герека же намеревался сделать вице-премьером, справедливо считая, что тот уже слишком долго, хотя и успешно, руководит силезским воеводством. Правда, до V съезда ПОРП он Герека по карьерной лестнице не продвигал. Вначале лидер самой крупной воеводской партийной организации был вновь избран в состав Политбюро. Однако спустя несколько месяцев после съезда он получил предложение стать вице-премьером. Как утверждал сам Гомулка, он хотел, чтобы перед назначением премьером Герек несколько месяцев, самое большое полгода, поработал первым заместителем Циранкевича, который был проинформирован о кадровых планах Гомулки и считал их правильными. Но когда Гомулка вначале через Клишко, а затем лично предложил Гереку пост первого вице-премьера, тот категорически отказался. Свое решение Герек мотивировал плохим состоянием здоровья. На заседании Политбюро Герек повторил свой отказ вместе с той же мотивацией¹¹².

П.К. Костиков вспоминал, что в начале лета 1969 г., будучи в Катовице, застал Герека в плохом настроении и выслушал возмущение хозяина: «Вне всякого сомнения, они [в Варшаве] хотят уничтожить меня политически. Мое согласие на пост вице-премьера означало бы мое отстранение от партии, от руководства, от участия в политической жизни. Я ни за что не соглашусь, предпочитаю вернуться на шахту, уйду на пенсию как шахтер»¹¹³. В ходе беседы Герек и Костиков пришли к выводу, что Гомулка не пойдет на открытый конфликт с силезской партийной организацией и не посмеет отправить Герека в отставку. Такая операция требовала бы значительных сил и угрожала бы явным расколом партии. Так оно и получилось: Герек остался на посту первого секретаря воеводского комитета ПОРП, что увеличивало его шансы стать в партии преемником Гомулки.

Костиков не имел права открыто сказать Гереку, что он уже имеет в этом поддержку Москвы. После событий в Чехословакии советское руководство в сентябре 1968 г. пришло к выводу, что необходимо заняться подбором альтернативных кандидатур на пост руководителей братских партий. С этой целью на высоком уровне в ЦК КПСС была создана группа, которая выявляла таких кандидатов, концентрировала информацию о них, собираемую по всем каналам, разрабатывала план организации соответствующей работы с ними. Брежнев в индивидуальных беседах с руководителями стран социалистического содружества старался выяснить, кого они планируют на роль своих преемников. Кандидаты изучались в ходе визитов, встреч, во время отдыха. Обращали внимание и на членов их семей.

Осенью 1968 г. когда секретарь ЦК КПСС по связям с социалистическими странами К.Ф. Катушев спросил Костикова о возможном преемнике Гомулки, была названа и обоснована кандидатура Герека. Вне всякого сомнения, Политбюро ЦК КПСС обсуждало несколько претендентов. Мочара отвергли, потому что Брежнев побаивался, что этот польский политик может стать новым Н. Чаушеску, которого в Москве считали «национальным коммунистом». В ноябре 1968 г. Костикову, наконец, сообщили предварительное решение: наверху одобрили кандидатуру Э. Герека. Костикову поручили подготовить на него досье. Работник аппарата ЦК КПСС опасался, что некоторым препятствием может быть французско-бельгийский период биографии Герека: в

1923–1934 гг. он работал шахтером во Франции и в 1935–1948 гг. в Бельгии, активно участвовал в коммунистическом движении в этих странах и в антигитлеровском движении Сопротивления во время войны. Однако оказалось, что, наоборот, этот период был воспринят позитивно в советских верхах.

Костиков утверждает, что он не нашел какой-либо достоверной информации о том, что во Франции и Бельгии Герек якобы (о чем ходили слухи) был агентом Коминтерна и даже советских спецслужб. В современной литературе на эту тему промелькнул лишь один факт. В 1933 г. во Франции Герек и Э. Модзелевский помогали адаптироваться к местным условиям караиму из Литвы Юазасу (Юзефу, Иосифу) Григулевичу, которого они воспринимали только как молодого члена компартии и посланца МОПРа и который тогда еще не был агентом НКВД¹¹⁴.

В итоге Кремль сделал ставку на Герека как возможного нового лидера Польши. Слухи об этом дошли и до первого секретаря ЦК. В июне 1969 г. он сказал Кочелеку: «Москва сделала ставку на Герека, это его приглашают на отдых в Советский Союз»¹¹⁵. Политическое время Гомулки подходило к концу. Однако он не спешил с радикальными кадровыми перестановками, ожидая созревания молодых деятелей из своего окружения. На пост вице-премьера Гомулка вместо Герека назначил члена Политбюро, первого секретаря воеводского комитета ПОРП в Гданьске Кочёлека. По Варшаве сразу же пошли слухи, что тот вскоре станет новым премьером.

Тем временем авторитет Гомулки как руководителя страны продолжал снижаться по мере того, как нарастали социально-экономические трудности. Он постепенно терял контроль над политикой и экономикой. В 1969 г. во время разговора с Костиковым Гомулка однажды сказал: «Поляки всегда любят поговорить, пожаловаться на жизнь... У нас сегодня можно немного затянуть пояса. Поляки это выдержат»¹¹⁶. Старую площадь беспокоило то, что он игнорировал нараставшее среди населения недовольство снижением уровнем жизни.

Во второй половине 1960-х годов все отчетливее стали проявляться репрессивные черты политического режима. Первый секретарь старался всегда в зародыше подавлять любые проявления недовольства его политикой. Вновь расширилась деятельность тайной полиции — Службы безопасности, хотя, конечно, не до таких размеров, как в первой половине 1950-х годов. Методы были другими, но все же они продолжали вызывать страх среди населения.

Состояние здоровья Гомулки явно ухудшилось. Он неоднократно слышал от врачей пожелание ограничить свою работу до нескольких часов в день. Однако это не соответствовало его характеру — он был типичным трудоголиком.

Между тем росло недовольство им в аппарате власти. Гомулка резко критиковал рост численности административного аппарата как в Варшаве, так и на местах, особенно на предприятиях. По его просьбе Бюро кадров ЦК ПОРП провело анализ состояния штатов в нескольких министерствах и ведомствах. Оказалось, что в центральной государственной администрации почти исчезли должности специалистов, их место заняли начальники, заместители начальников, которые в свою очередь имели своих заместителей. На одного начальника в среднем приходилось 1–3 обычных работника, включая курьеров и уборщиц. Премьер, отдельные министры относились к этому как к нормальному состоянию. Гомулка предложил на несколько лет приостановить прием на работу новых административных работников, чтобы таким образом сократить эту

бюрократическую махину. Но бюрократия оказывала сопротивление по всей вертикали власти, и из этого ничего не вышло.

Позднее Гомулка писал, размышляя о событиях 1968 г.: «Может быть, я плохо поступил, что не решился поставить вопрос о моем уходе с поста первого секретаря. Я думал об этом не раз... Я игнорировал нападки на меня, о которых мне не раз сообщали, не желая выступать в роли прокурора или судьи в отношении недружественных или даже враждебных мне людей... Некоторым я был костью в горле из-за своей критики и требований»¹¹⁷.

III.2. МЕХАНИЗМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЛАСТИ

Москва в 1960-е годы не вмешивалась во внутреннюю политику ПОРП, и Гомулка имел полную свободу в ее проведении.

Первый секретарь любил публично повторять, что коммунизм — это будущее мира. В своих воспоминаниях он писал: «Моя вера в Коммунистическую партию Польши, ее органы, идеи социализма была похожа на веру в Бога и его святую церковь...»¹¹⁸. Одновременно он был горячим патриотом. Как вспоминал деятель Объединенной крестьянской партии С. Гуцва, «если в идеологических вопросах Гомулка был излишне принципиальным человеком, то в вопросах национально-государственных интересов его взгляды были близки к национализму»¹¹⁹.

Постепенно проявлявшиеся негативные черты В. Гомулки (категоричность суждений, нетерпимость к другому мнению, авторитаризм при принятии решений) способствовали усилению авторитарной системы осуществления власти. Вся ее полнота была сконцентрирована в руках так называемого узкого руководства. Заседания Политбюро ЦК ПОРП проходили редко и нерегулярно. Секретариат ЦК практически не собирался. Решения Политбюро механически доводились до сведения остальных органов власти. По словам Я. Шидляка, на его стол, а он тогда был кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК, часто попадали решения Политбюро и секретариата ЦК, принятые неформальным путем (с нарушением процедуры) и уже подписанные секретарями или членами Политбюро¹²⁰.

Сейм играл второстепенную роль. Если сейм второго созыва (1957–1961 гг.) соби-рался 59 раз и принял 174 закона, то сейм третьего созыва (1961–1965 гг.) — 32 раза и принял 93 закона. В свою очередь сейм четвертого созыва (1965–1969 гг.) провел только 23 заседания и принял 60 законов. Ослабление активности наблюдалось в союзнических партиях и общественных организациях. В результате политическая жизнь страны становилась все более формализованной.

Что касается заседаний Политбюро, особенно в конце пребывания у власти, Гомулка считал их попросту потерей времени. В 1960-е годы эти заседания проходили в среднем раз в месяц (в 1969 г. Политбюро собиралось только 9 раз, в 1970 г. — 16)¹²¹. В заседаниях Политбюро, в которых почти всегда участвовали секретари ЦК, решения принимались на основе предварительно разосланных материалов. Поэтому каждый член Политбюро имел возможность ознакомиться с обсуждаемой тематикой перед заседанием и высказать свое мнение на заседании. В повестке дня заседания всегда был пункт «разное», когда члены руководства могли поднимать любые вопросы в форме

информации или предложений. Сам Гомулка готовился к заседаниям основательно, знал обсуждаемые материалы досконально. Политбюро тогда не было органом для обсуждения текущих политических событий. Например, для того, чтобы оценить мартовские выступления 1968 г., Политбюро собралось спустя месяц после их окончания. А во время декабрьского бунта в 1970 г. — только 19 декабря, уже после драматических событий на Балтийском побережье. На Политбюро в основном рассматривались экономические вопросы, особенно связанные с заработной платой и ценами, балансом внешней торговли и др.

С. Трепчиньский, в 1960–1971 гг. руководитель канцелярии секретариата ЦК, писал: «Не было на заседаниях четкого процесса принятия решений, никогда члены Политбюро не голосовали формальным образом. Не всегда до конца было ясно: принято решение или нет. В итоге я оказывался в сложной ситуации, так как после заседания Политбюро, особенно во второй половине 1960-х годов, все труднее было определить, было ли принято решение и какое»¹²².

При Гомулке материалы к заседанию Политбюро подготавливали правительство, некоторые министерства и отделы ЦК. Они должны были быть подписаны авторами и содержать выводы, которые должны быть основой для дискуссии. Гомулка задавал много уточняющих вопросов и весьма раздражался, если автор не был в состоянии дать исчерпывающий ответ. Однажды первый секретарь резко прикрикнул на Циранкевича: «А ты, лысая башка, мог бы по крайней мере прочитать, что здесь твои подчиненные понаписали!»¹²³.

В 1969–1970 гг. Гомулка нередко заменял заседания Политбюро рабочими совещаниями, на которых не велись протоколы и в которых принимали участие несколько членов Политбюро и секретариата ЦК. Очень редко собирался секретариат ЦК, так как секретари ЦК участвовали в заседаниях Политбюро и в рабочих совещаниях. В 1967 г. он заседал 1 раз, 1968 г. — 3 раза, 1969 г. — 5 раз, 1970 г. — 4 раза. Члены секретариата участвовали в принятии таких решений, как состав делегаций, направлявшихся в социалистические страны для обмена опытом или на съезды, утверждение программ торжественных заседаний и др., путем рассылки или опросов. Все кадровые назначения и увольнения, относившиеся к компетенции секретариата, Гомулка подписывал последним и всегда ставил дату.

Пленумы ЦК — высшие партийные органы, действовавшие между съездами, — созывались регулярно. В связи с подготовкой пленума ЦК обычно создавалась комиссия, состав которой определяло Политбюро. Материал, подготовленный этой комиссией, направлялся членам Политбюро и секретариата ЦК и представлялся на заседании Политбюро одним из его членов. Затем происходило обсуждение этого материала, в котором Гомулка участвовал последним, высказывал свои суждения и обобщал предложения. В проект документа постранично вносились поправки и дополнения, принятые на Политбюро. Подготовленный таким образом материал рассылался членам ЦК и участникам заседания. На основе подготовленного материала готовился проект решения пленума. Во время заседания пленума избиралась комиссия, которая готовила окончательный текст проекта решения с учетом предложений членов ЦК. Сам Гомулка никогда не входил в состав комиссий и не принимал участия в их работе. Он не хотел давить своим авторитетом на решение пленума.

Проекты планов развития народного хозяйства разрабатывал Госплан (Комиссия

планирования). Перед тем как они выносились на Политбюро, они многократно проходили через руки Гомулки, обсуждались на «узких» совещаниях с его участием. На эти совещания всегда приглашался глава правительства Циранкевич. Если обсуждаемые вопросы относились к компетенции того или иного секретаря ЦК, то их рассмотрение происходило с участием последнего.

Экономикой фактически руководил Гомулка. Циранкевич делал все, чтобы ею не заниматься (и тем самым избегал критики со стороны ЦК и первого секретаря и недовольства народа). Поэтому в 1964 г. Гомулка решил поменять премьера. Во время отпуска он встретился с Гереком и намекнул ему, что хочет видеть его на посту главы польского правительства. Однако Гомулка натолкнулся на решительное возражение со стороны Герека, который заявил, что Циранкевич олицетворяет участие ППС во власти. Гомулке пришлось согласиться с таким объяснением.

Изменение социальной структуры общества неизбежно влияло на социальный состав и численность ПОРП. В 1960-х годах она превращается в массовую партию. Если в 1959 г. ее численность составляла 1 млн человек, в 1964 г. она уже насчитывала 1,5 млн, в 1968 г. — более 2 млн, в 1970 г. — 2,3 млн. Соответственно уменьшалась доля членов партии, которые в ней (ППР и ППС) состояли до 1948 г. В 1960 г. таких было более половины, в 1970 г. — только 17%. Тем самым ПОРП теряла черты авангарда. В социальной структуре партии в 1960-х годах рабочих было немного меньше, чем интеллигенции и служащих. В 1960 г. доля рабочих составляла 40,3%, в 1965 г. — 40,1%, в 1970 г. — 40,3%, т. е. оставалась на одном уровне. То же можно сказать о доле интеллигенции и служащих: в 1960 г. она составляла 42,9%, в 1965 г. — 42,7%, 1970 г. — 42,4%. Однако по сравнению с рубежом 40–50-х годов это были огромные изменения, партия бюрократизировалась. Доля крестьян колебалась в пределах 11,2–12%.

В. Гомулка по известным причинам (в 1951–1954 гг. он подвергался репрессиям) не был расположен к органам внутренних дел и госбезопасности, недооценивал их, был склонен уменьшать их роль и критиковать. За 14 лет своего пребывания у власти он ни разу не посетил здание Министерства внутренних дел. При Гомулке ни один министр внутренних дел не был членом Политбюро, только членом ЦК ПОРП. Он на личном опыте убедился, к чему ведет всеисилие органов госбезопасности. После сокращения численности органов госбезопасности в 1956 г. в два раза, в 1960-е годы она постепенно вновь стала расти. В 1960 г. в этих органах работали 11 393 человека, в 1970 г. — 18 215 человек, в том числе на центральном уровне — соответственно 5125 (44,98% всех сотрудников) и 7374 (40,48%)¹²⁴. В 1969 г. 64% всех работников имели рабочее происхождение, 27% — крестьянское и только 9% были выходцами из интеллигенции¹²⁵.

Контроль над органами безопасности осуществляли В. Гомулка, который имел доступ ко всем секретным материалам, секретари ЦК ПОРП З. Клишко и Р. Слшелецкий, а также руководители административного отдела ЦК ПОРП — вначале К. Виташевский, а затем С. Каня.

С приходом к власти Гомулки несколько изменились методы работы с агентами. В 1960 г. запрещено было вербовать членов ПОРП, как говорилось в инструкции об оперативной работе, «по принципиальным причинам»¹²⁶. Этот запрет просуществовал до 1989 г. Поэтому привлекали к сотрудничеству в основном беспартийных. Вербовали

прежде всего беспартийных интеллигентов и священнослужителей, стремившихся получить заграничный паспорт для поездок на Запад.

Во второй половине 1950-х годов и 1960-е годы 60–70% агентов спецслужб по-прежнему сотрудничали по идейным соображениям. Платные сексоты составляли лишь 10–15% среди тайных сотрудников; остальные вербовались на основе шантажа. К началу 1970-х годов ситуация изменилась: идейных было около 30%, больше половины вербовались на основе шантажа, а остальные были платными агентами. В 1960 г. численность тайных сотрудников составляла всего 8720 человек (самая низкая за всю историю ПНР). Однако в связи с конфликтом с католической церковью и мартовскими событиями эта численность стала расти, достигнув в 1966 г. 11 тыс., а в конце 1971 г. — более 17 тыс. человек¹²⁷. В 1960-х годах был проведен анализ эффективности деятельности агентов. Оказалось, что только около 15% по-настоящему честно информировали, остальные или вообще не информировали, или давали информацию, которая не представляла никакой ценности.

Несмотря на укрепление внутреннего суверенитета ПНР после 1956 г., органы госбезопасности, а также армейские структуры оставались в тесных отношениях с аналогичными службами Советского Союза. Через эти польские структуры, особенно в кризисные моменты, в КГБ и советские военные разведывательные органы шла важнейшая информация о ситуации в Польше, которая обрабатывалась и передавалась советскому руководству для ориентации при принятии политических решений.

В мартовских событиях 1968 г. штатные работники СБ и агенты, поддерживая фракцию «партизан», сыграли важную роль в борьбе за власть в стране. В этот период контрразведка располагала большей агентурой, чем департамент МВД, занимавшийся политической оппозицией. В процессе больших кадровых перемен многие из агентов заняли руководящие посты в учреждениях и на предприятиях.

III.3. ДЕКАБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1970 г.

Весь 1969 г. под руководством В. Гомулки и Б. Ящука шла работа над концепцией развития польской экономики. В ее основе лежала идея перехода от экстенсивного развития к интенсивному на базе концентрации и специализации производства. Концепция экономической реформы, подготовленная под руководством Ящука, предусматривала введение в различных отраслях промышленности единых норм производительности, селективное развитие промышленности и сельского хозяйства, создание концернов. Упор делался на развитие машиностроения и химической промышленности. Против этой концепции выступало горно-металлургическое лобби. Предполагалась реформа заработной платы, трудовых норм и др. Первый секретарь ЦК ПОРП был сторонником введения в экономику таких инструментов, как хозяйственный расчет, зависимость заработной платы от производительности, а также частичное регулирование розничных цен спросом и предложением. Несмотря на энтузиазм Гомулки, «обоснованные технические нормы» на предприятиях с самого начала вызвали решительное неприятие со стороны не только рабочих, но и части экономистов. Эти нормы рассматривались на фабриках как очередная попытка увеличения эксплуатации рабочего класса без соответ-

ствующей финансовой компенсации. Нужно признать, что в тот период труд в Польше был в основном и малопроизводительным, и низкооплачиваемым. Предлагаемая реформа, направленная на его интенсификацию, не была принята трудовыми коллективами предприятий, потребовавшими отсрочки ее введения.

Одновременно подготавливалось повышение цен на мясо, сахар, молоко и молочные продукты. Уже много лет равновесие на продовольственном рынке было нарушено, т. е. спрос все больше превышал предложение. Закупочные цены на продовольствие вплотную приблизились к розничным. Партийное руководство хотело это равновесие восстановить путем повышения цен. К тому же в 1969 г. в стране был неурожай и, как следствие, стало уменьшаться поголовье свиней и крупного рогатого скота.

Как вспоминает Ю. Тейхма, у Гомулки не было недооценки значимости продовольственной проблемы. Проблема «мясного баланса» всегда вставала при обсуждении планов развития народного хозяйства. Однако не хватало кормов, средств на модернизацию сельского хозяйства. Поставки советского зерна, которые при Хрущеве составляли 3 млн тонн, при Брежневe сократились до 1,2 млн т. Гомулка пытался шантажировать советских руководителей, заявляя, что будет покупать корма в США. Однако этот метод уже не приносил результатов. При Брежневe советские экономисты стали уделять больше внимания эффективности экономических отношений СССР с социалистическими странами, и правила в советской внешней торговле были ужесточены¹²⁸.

Яшук неоднократно приезжал в Москву для обсуждения польских реформ с советскими специалистами. Они высказывались осторожно, опасались экономических и социальных последствий. В ответ Яшук заявил: «Ваши боятся, но когда увидят наш пример, то поймут [как проводить повышение цен]»¹²⁹. Дело в том, что постоянные цены считались «священной коровой» при социализме. В СССР они много лет оставались неизменными.

Обе идеи — введения экономических стимулов и повышения цен — были рациональными с экономической точки зрения, но весьма радикальными в социальном отношении. К этому времени Гомулка потерял чувство реальности, утратил контакт с рабочим классом. Его, казалось бы, правильные идеи не могли быть одобрены обществом, которое жило в патерналистской социалистической системе.

Приезжавшие в Советский Союз первые секретари воеводских комитетов жаловались, что наступил застой в работе, на местах нельзя принять ни одного решения без согласования с Варшавой. Некоторые осуждали Гомулку, который замкнулся в своем узком кругу и теряет политическую силу, перестал верить всем, кроме Клишко и Лога-Совиньского. Первый секретарь ЦК БКП Т. Живков, который в 1970 г. встречался с Гомулкой, рассказывал, что тот пребывал в состоянии крайнего пессимизма. Он говорил о своем бессилии и беспомощности в экономических делах¹³⁰.

Герек был весьма критичен по отношению к проектам изменений, которые подготавливал Яшук, считая, что их не выдержат люди и надо что-то придумывать в своем воеводстве, чтобы смягчить снижение жизненного уровня. Отдыхая летом 1970 г. в Крыму, он был в плохом настроении, говорил, что приехал сюда в последний раз: Гомулка отстранит его от власти.

«Узкое руководство» ПОРП вначале планировало ввести проекты в жизнь весной 1970 г., затем — перед летними каникулами или осенью. Приехавший в Москву сразу же после летних каникул Яшук заявил, что решение будет принято поздней осенью. Он

заверил советское руководство, что повышение цен будет принято обществом спокойно и с пониманием. В ответ Косыгин сказал Яшуку: «Вы знаете лучше, сами оцениваете свои проблемы и сами их решаете»¹³¹. Однако в ноябре на заседании Политбюро Герек заявил, что на 4 декабря приходится День шахтера, и поэтому он хотел бы, чтобы повышение цен было проведено только после этого праздника, и был поддержан участниками заседания.

11 декабря 1970 г. на заседании Политбюро ЦК ПОРП был утвержден план «регулирования цен и системы заработной платы». В результате повышение цен на продовольствие пришлось на самое неподходящее время — перед Рождеством. С января 1971 г. предполагалось ввести новую систему материальных стимулов для работников промышленности, в соответствии с которой заработная плата сложным образом увязывалась с ростом производительности труда и снижением себестоимости производства. Эта система была по своей сути технократической и поэтому трудной для восприятия простыми людьми. Проект, с которым на пленуме ЦК ПОРП на следующий день должен был выступить Яшук, поддержали не все члены Политбюро. Герек выступил за повышение цен на продовольствие. Циранкевич и Мочар пытались возражать, зная, что ситуация в стране напряженная, а настроения плохие. На Циранкевича Гомулка накричал, а с Мочаром даже не стал полемизировать. Фактически первый секретарь ЦК навязал большинству членов Политбюро подготовленное решение.

Неожиданно объявленное по радио 12 декабря 1970 г. повышение цен на основные продукты питания — на мясо и мясопродукты (в среднем на 17,6%), макароны (15%), рыбу и рыбопродукты (11,7%), муку (16,6%) и другие — в среднем на 15% — вызвало волну недовольства в стране. Были повышены цены также на стройматериалы и мебель, но снижены на 40 групп промышленных товаров, в том числе на товары длительного пользования: телевизоры — на 13%, холодильники — 15%, стиральные машины — 17%, магнитофоны — 21%, швейные машины — 10% и др. Компенсация как надбавка к заработной плате, которая, естественно, была частичной, составила всего 15–25 злотых в месяц. При этом не предполагалось никакого повышения социальных пособий для лиц с низкой зарплатой, что было большим упущением.

Как вспоминал сын Гомулки Р. Стшелецкий, 13 декабря 1970 г. они вместе с отцом поехали на прогулку в отвоцкие леса. Он был в хорошем настроении, расслабленным, веселым. Такое его хорошее настроение обычно появлялось тогда, когда какие-то трудные решения были уже приняты и в ближайшее время не ожидалось серьезных проблем. Отец обосновывал повышение цен ситуацией с госбюджетом. Он отдавал себе отчет в том, что изменение цен общество примет негативно, однако волнений не ожидал. Аппарат госбезопасности не предупреждал руководство страны о возможности общественного взрыва¹³².

14 декабря 1970 г. в Варшаве проходил пленум ЦК ПОРП, который обсуждал вопрос о повышении цен. Именно туда пришла первая информация о забастовках и уличных беспорядках в Гданьске. Однако Гомулка не проинформировал членов ЦК о протестах на Балтийском побережье.

Для властей эти события стали полной неожиданностью, поскольку судостроители относились к одному из высоко оплачиваемых отрядов рабочего класса. Правда, в последние годы их нервировали многократные заявления Клишко о том, что польское судостроение неконкурентоспособно на мировом рынке и приносит экономике толь-

ко убытки, что оно не имеет перспектив развития. Вследствие этой неожиданности и ухудшения здоровья Гомулки наступил определенный паралич в принятии решений.

Уже 14 декабря три тысячи рабочих судоверфи им. Ленина забастовали, требуя отмены повышения цен. Так как дирекция предприятия не могла выполнить их требования, они построились в колонну и направились к зданию воеводского комитета ПОРП. Рабочие пели патриотические, религиозные и революционные песни, в том числе «Интернационал» и «Марш Гвардии Людовой», требовали встречи с первым секретарем воеводского комитета партии А. Каркошкой. Однако он был в Варшаве на VI пленуме ЦК ПОРП. Покинув площадь перед зданием воеводского комитета партии, демонстранты, которых никто не захотел выслушать, еще несколько часов продвигались по улицам Гданьска. Когда они, около 16 часов, стали возвращаться к зданию воеводского комитета, на них напала милиция. Против демонстрантов были применены пестарды и гранаты со слезоточивым газом.

В центре Гданьска развернулись уличные столкновения, которые длились допоздна. Хотя милиция еще не применяла огнестрельного оружия, несколько десятков человек были ранены. Днем в Гданьск с разрешения Гомулки и Циранкевича с целью разобраться в ситуации выехали Кочёлек, Каркошка, Каим и Пеньковский, а вечером с согласия Гомулки — Клишко и Лога-Совиньский.

На следующий день, 15 декабря, протесты расширились. Столкновения с силами порядка, которые были вооружены огнестрельным оружием, шли в нескольких пунктах Гданьска. Рано утром на улицах города вновь появились судостроители, которые сформировали колонну и двинулись к зданию городского управления милиции. Рабочие считали, что именно там находились задержанные днем ранее участники демонстрации. Около здания милиции столкновения приобрели яростный характер. Появились первые убитые. Несколько наиболее агрессивно настроенных человек из 20-тысячной толпы подожгли здание воеводского комитета партии, поддерживаемые радостными криками.

В тот же день в Гданьск были введены войска, вооруженные автоматическим оружием и тяжелым снаряжением. Вечером дело дошло до разграбления магазинов и других актов вандализма. Большинство судостроителей в это время еще находились на территории судоверфи.

16 декабря, когда рабочие судоверфи им. Ленина опять сформировали колонну и пытались выйти через ворота предприятия, они были обстреляны милицией и солдатами, которые ночью блокировали судоверфь. Два человека погибли, а одиннадцать были ранены. Рабочие отступили на заводскую территорию и объявили оккупационную забастовку, которую через несколько часов удалось приостановить. Уличные столкновения в Гданьске длились несколько дней. В них погибли по крайней мере семь человек, несколько сот были ранены, около пятисот демонстрантов были задержаны.

Тем временем забастовочная волна постепенно распространилась на другие города Балтийского побережья — Эльблонг, Гдыню, Слупск и Щецин, где уличные столкновения приобрели наиболее бурный характер. Щецин с 17 декабря превратился в центр общественного протеста рабочих Побережья. Его сценарий был очень похож на события в Гданьске. Перед полуднем рабочие судоверфи им. А. Варского сформировали колонну, вышли за ворота предприятия и направились к зданию воеводского комитета ПОРП. Произошло первое столкновение с милицией.

В то же самое время перед зданием партийных воеводских властей росло число манифестантов, подогревалась протестная атмосфера. В связи с угрозой поджога штаб-квартиры партии первый секретарь воеводского комитета А. Валяшек принял решение эвакуировать людей из здания. Перед тем как дошло до столкновения с силами порядка, солдаты долго не препятствовали грабежам и попыткам поджечь дом воеводского комитета партии. Ситуация становилась все более драматической. Многотысячная толпа не разрешала пожарным тушить пожар. Взять под контроль ситуацию не смогли ни подразделения армии, охранявшие здание, ни направленная в этот район милиция.

17 декабря самый трагический характер приобрели события в Гдыни. Ранее там не было ни уличных столкновений, ни грабежей, ни поджогов. 15 декабря на судовой верфи им. Парижской коммуны был образован забастовочный комитет, который выступил с социально-экономическими требованиями. В ночь с 15 на 16 декабря все члены комитета были арестованы. 16 декабря с утра рабочие стали требовать освобождения задержанных товарищей. После полудня Клишко принял два решения относительно судовой верфи им. Парижской коммуны. Первое — об увольнении всех работников судовой верфи с повторным приемом их на работу. Второе — о введении на территорию предприятия армейских подразделений. После принятия этих решений Клишко и Лога-Совиньский возвратились в Варшаву, не проинформировав о своих решениях Кочёлека. А тот вечером, в выступлении по радио и телевидению, призвал коллектив судовой верфи вернуться на работу. О блокаде предприятия Кочёлек узнал только в 22 часа и в тогдашней ситуации уже ничего практически не мог изменить. Эта неразбериха с принятием решений и стала причиной драмы в Гдыне.

В результате рано утром 17 декабря значительная часть судостроителей отправилась на работу. Около 6 часов на станции Гдыня-Судоверфь произошло столкновение армейских подразделений с приехавшими рабочими, которых военные не допускали на предприятие. Командир роты 32-го механизированного полка, чтобы остановить рабочих и воспрепятствовать тем самым давке, отдал приказ стрелять в воздух. При большом скоплении людей это привело к тому, что два человека были убиты рикошетом и несколько человек ранены. В городе начались уличные столкновения. Кочёлек потребовал запретить использование огнестрельного оружия. Генерал Г. Корчиньский также отказался выполнять приказы Клишко. В Гдыни погибли в общей сложности 17 человек. Если бы не хаос с принятием решений, то скорее всего человеческих и материальных потерь было бы меньше.

Всего были подожжены, сгорели полностью или частично 19 общественных зданий, среди них воеводские комитеты ПОРП в Гданьске и Щецине. Были разграблены десятки магазинов. Материальные потери от актов вандализма составили 400 млн злотых. Поджоги партийных комитетов свидетельствовали о том, что определенные силы делали все, чтобы придать выступлениям политический характер.

Для умирения протестов на Побережье были направлены 27 тыс. солдат Войска Польского, 550 танков, 750 бронетранспортеров и 2100 автомобилей. До 1970 г. в мирное время армия никогда в таких масштабах не использовалась для наведения общественного порядка. Кроме того были задействованы 9 тыс. милиционеров, работников службы безопасности и дружинников.

Основное бремя столкновений с демонстрантами взяла на себя милиция, оснащенная шлемами, длинными палками, щитами, химическим и огнестрельным оружи-

ем. Его применение повлекло за собой смерть 44 человек, в том числе в Гдыни — 18, в Щецине — 16, в Гданьске — 9, в Эльблонге — 1 человек. Были ранены 1164 человек, более 3 тыс. были задержаны, из которых 277 арестованы.

До сих пор неизвестно, кто информировал о ходе этого конфликта В. Гомулку, что вынудило его принять такие крайние решения. Неизвестны и обстоятельства задействования в конфликте армии, назначения командующим Г. Корчиньского, его полномочия, роль в событиях министра обороны В. Ярузельского. Одна из причин хаоса в разрешении конфликта — наличие в Гданьске двух центров принятия решений. Координацию политических действий Гомулка и Циранкевич возложили на Кочёлека, который с декабря 1967 г. по август 1970 г. был первым секретарем Гданьского воеводского комитета ПОРП. В июне 1970 г. он был назначен вице-премьером ПНР. Местным штабом формально руководил Корчиньский. Как утверждал Кочёлек, эта группа «не была никаким реальным руководящим органом, никак не проявила себя во время событий, какие-либо документы о ее деятельности отсутствуют»¹³³. На практике большую роль в событиях сыграли члены Политбюро ЦК ПОРП З. Клишко и И. Лога-Совиньский, которые находились в Гданьске.

В итоге решение о применении оружия на Балтийском побережье принял на совещании 15 декабря сам Гомулка. Как утверждает обвинительный акт от 7 апреля 1995 г. Окружной прокуратуры Гданьска против 12 лиц, обвиняемых в применении силы в декабре 1970 г., первый секретарь ЦК ПОРП согласился на такие действия после того, как Мочар представил недостоверную информацию об убийстве демонстрантами двух милиционеров¹³⁴. На совещании присутствовали, кроме Гомулки, Циранкевич, Ящук, Мочар, Стшелецкий, Ярузельский, Каня, Свитала и Петшак. Никто из них не выступил против этого решения. Армии и милиции было разрешено вначале предупредительно стрелять в воздух, а затем в землю перед демонстрантами¹³⁵. Это решение как распоряжение правительства, подписанное Циранкевичем, вступило в силу 15 декабря в 12 часов дня.

В Москве не сразу осознали всю сложность ситуации в Польше и глубину возникшего кризиса. Лишь после того, как поступила информация о жертвах, стало ясно, что обстановка в этой стране серьезная. Советское руководство несколько раз в день заслушивало информацию о развитии событий в Польше. Вскоре с согласия Гомулки Мочар и Ярузельский открыли для информирования советского руководства два прямых канала из Польши: госбезопасности и армейский. Советские руководители особенно были обеспокоены молчанием Гомулки. Они ожидали, что он позвонит, расскажет, что происходит в стране, как он оценивает ситуацию.

После получения информации об использовании оружия советскому послу в Варшаве А.Б. Аристову было поручено посетить Гомулку и задать ему несколько ключевых вопросов. Советское руководство хотело прозондировать опасность распространения демонстраций на всю страну, возможность отмены решения о повышении цен, планы польского руководства относительно разрешения конфликта и оценку последствий использования армии. Посол также должен был выяснить, видят ли польские товарищи потребность в какой-либо политической и экономической помощи советской стороны в решении конфликта.

Встреча Аристова с Гомулкой состоялась во второй половине дня 15 декабря 1970 г. в здании ЦК и была весьма неприятной. Когда посол стал задавать присланные

из Москвы вопросы, Гомулка не выдержал и закричал: «Вы что, пришли сюда экзаме́новать меня! У Вас есть свои источники информации...». Он говорил об угрозе социализму, о контрреволюционных элементах, об очередной диверсии империалистических центров. В отчете о встрече советский посол написал о плохом состоянии Гомулки: он болен, передвигается с трудом, говорит с усилием, подчеркивает необходимость расправы с демонстрантами; заявил, что ввиду угрозы социализму и в связи с разнузданностью уличной толпы польское руководство выдало распоряжение об использовании оружия¹³⁶.

В конце концов 16 декабря Л.И. Брежнев решил сам позвонить Гомулке. Во время разговора первый секретарь ЦК ПОРП убеждал советского руководителя, что на Балтийском побережье власть имеет дело не с рабочими, а с контрреволюцией с участием криминальных элементов, и обещал: мы с ними «как следует расправимся». Он призывал вспомнить кронштадтский мятеж, который Ленин «подавил силой». В ответ Брежнев пытался образумить Гомулку: «У нас есть информация, что на улицах Гданьска и других городов тысячи людей, десятки тысяч, а может и больше людей. И что, все они контрреволюционеры? Ведь это трудящиеся, рабочие. Вы что, стреляете в рабочих? В рабочий класс?.. Если Вы стреляете в рабочих, то с кем Вы будете строить социализм, товарищ Гомулка?». Призывы Брежнева найти политические методы разрешения кризиса не доходили до сознания Гомулки¹³⁷. Стало ясно, что он находится в состоянии нервной депрессии и утратил чувство реальности, способность политического анализа.

Звонок Брежнева прервал совещание, посвященное ситуации на Балтийском побережье. Мочар, минимизируя масштаб общественных протестов, проинформировал собравшихся о развитии событий в Щецине и Гдыне. Гомулка обрушил свой гнев на милицию: «В Гданьске 2 тыс. милиционеров, а стрелять пришлось армии. Что делала милиция? Это она в первую очередь должна была использовать оружие. Оказывается, стреляли холостыми патронами, уже после получения приказа об использовании огнестрельного оружия... Там, где поджигают, необходимо стрелять. Надо ввести комендантский час». Мочар пытался его убедить, что применение одной физической силы недостаточно, что необходимы политические действия¹³⁸.

О телефонном разговоре с Брежневым Гомулка сказал: ему пришлось убеждать советского генсека, что «причиной событий не является повышение цен, столкновения имеют политический фон. Мы сами наведем порядок. Если возникнет потребность, то сами обратимся за помощью к советским товарищам»¹³⁹. Как вспоминал Ю. Циранкевич, Гомулку раздражал тот факт, что «советские товарищи не разделяют его мнение о контрреволюции как о причине событий»¹⁴⁰. Похоже, что первый секретарь ЦК ПОРП сознательно искажал смысл разговора: Брежнев имел в виду в первую очередь экономическую помощь.

В эти дни всех удивляло невероятное упрямство Гомулки. Некоторые утверждают, что оно было обусловлено убежденностью первого секретаря ЦК во врожденной склонности поляков к анархии. В те декабрьские дни он говорил своим сотрудникам, что сначала Польшу погубила шляхетская анархия, потом эгоизм буржуазии, теперь это делают рабочие, не осознающие своих интересов¹⁴¹. В письме членам ЦК ПОРП, направленном в марте 1971 г., Гомулка писал: «Неуважение к закону, пренебрежительное отношение к власти, отсутствие чувства общественной дисциплины, глубоко укоре-

нившиеся в нашем обществе анархистские тенденции — это наследие прошлого, которое по сей день влияет на поведение значительной части общества»¹⁴². Он не хотел и слушать ни о каких уступках, прежде всего об отказе от повышения цен. На глазах Польши и всего мира Гомулка совершал политическое самоубийство. Особенно польского лидера беспокоил тот факт, что на волне беспорядков к власти в стране могут придти противники намеченных экономических реформ.

16 декабря из Варшавы в Москву по каналам руководителя КГБ Ю.В. Андропова пришла информация, которая весьма обеспокоила советское руководство: М. Мочар предложил временно отстранить Гомулку от исполнения его функций по причине состояния здоровья и передать на время руководство работой Политбюро и секретариата ЦК ПОРП ему, Мочару. Руководство ПОРП должны были бы покинуть Циранкевич, Яшук, Клишко, Спыхальский и Лога-Совинский. Решение о повышении цен должно быть отменено. Приход к власти Мочара никак не устраивал советских руководителей. Они уже намучились с «национальным коммунистом» Н. Чаушеску.

16 декабря 1970 г. заседание Политбюро ЦК КПСС длилось почти весь день. Главный вопрос, который обсуждался, — оценка событий в Польше. Когда члены Политбюро пришли к выводу, что ситуация совсем не та, что в Чехословакии, они сразу же успокоились. Особое терпение при обсуждении польского вопроса проявлял Л.И. Брежнев. В конце концов кремлевское руководство пришло к выводу, что конфликт в Польше должен быть разрешен политическими, а не силовыми средствами. Все согласилось с тем, что, если Гомулка уйдет в отставку, поддержку руководства КПСС получит Герек. До сведения Мочара было доведено, что Кремль не желает видеть его на посту первого секретаря ЦК ПОРП. Вечером 16 декабря Мочар заявил своим политическим друзьям, что он отказывается от претензий на высший пост в партии.

В Москве было принято решение, что Политбюро ЦК КПСС обратится с письмом о смене польского лидера не непосредственно к Гомулке, а к руководству ПОРП. Когда обсуждался вопрос, как сообщить Гереку о его поддержке со стороны советского руководства, А.Н. Косыгин вспомнил, что на сессии СЭВ в Москве находится кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, вице-премьер Петр Ярошевич. Косыгин поделился своим мнением с Брежневым, что он охотно видел бы на посту премьера Польши рядом с Герексом Ярошевича.

Разговор с ним состоялся вечером в здании СЭВ. Косыгин высказал Ярошевичу опасения советского руководства: Гомулка не способен по состоянию здоровья выполнять свои обязанности руководителя партии; ситуация в Польше развивается так, как будто бы кто-то подливает масло в огонь. Советский премьер неодобрительно высказался о кандидатуре Мочара. Как вспоминал сам Ярошевич, Косыгин сказал, что советские органы имеют к Мочару претензии со времен войны. Он был сотрудником советской разведки, играл какую-то двусмысленную роль в генерал-губернаторстве. В случае неподчинения Мочара Кремль опубликует компрометирующие его материалы¹⁴³.

Кандидатура была только одна — Эдвард Герек. Ярошевич считал, что провести эту кандидатуру через Политбюро ЦК не просто будет, и представил собеседнику расклад сил в польском руководстве. В заключение Косыгин сказал: «Хорошо мне с Вами, Петр Константинович, работаете над нашими общими экономическими делами. Было бы хорошо, если бы рядом с товарищем Герексом был ты... В правительстве...»¹⁴⁴. Такое

предложение главы советского правительства конечно же вдохновило польского вице-премьера на решительные действия.

В Варшаве, кроме Ярошевича, о позиции советского руководства были проинформированы еще несколько человек. Среди них был, конечно, генерал В. Ярузельский. Как он вспоминал, «утром 19 декабря 1970 г. мне, тогда министру обороны ПНР, позвонил маршал Гречко, министр обороны СССР. Гречко — а, несомненно, говорил он не только от собственного имени — выразил понимание, что необходимо искать политическое решение»¹⁴⁵. Это означало смену руководителя партии.

18 декабря Брежнев еще раз позвонил первому секретарю ЦК ПОРП. Советский лидер высказал еще большее беспокойство, чем в предыдущем разговоре. Он сообщил, что развитию ситуации в Польше было посвящено специальное заседание Политбюро ЦК КПСС. Социально-экономические вопросы должны быть переосмыслены заново, этому будет посвящено письмо Политбюро ЦК КПСС к Политбюро ЦК ПОРП.

На это Гомулка ответил, что не видит необходимости в таком письме. Ситуация постепенно нормализуется и он не понимает, что должны означать эти политико-экономические шаги.

На деле ситуация в Польше становилась все более сложной. Ярузельский вначале сообщил Гомулке, а затем доложил на заседании Политбюро ЦК ПОРП, что армия не сможет обеспечивать порядок в случае массовых выступлений в Варшаве и других крупных городах. Об этом было информировано как советское посольство в Варшаве, так и руководство Варшавского Договора. Советские вооруженные силы были приведены в состояние боевой готовности. В случае если пришлось бы массово задействовать польские войска, то советские войска должны были бы заполнить брешы, которые могли возникнуть в обороне границ советского блока¹⁴⁶. Исходя из опыта и международных последствий военной интервенции в Чехословакии в 1968 г. советское руководство было заинтересовано в политическом разрешении польского кризиса.

18 декабря 1970 г. Политбюро ЦК КПСС направило в Политбюро ЦК ПОРП письмо, в котором советское руководство по существу высказалось против применения силы в отношении польских рабочих, за политическое разрешение кризиса. На практике это означало, что Кремль отказал Гомулке в политическом доверии. За этим сразу же последовало изменение соотношения сил в польском руководстве. По мнению Ролиньского, нельзя исключать, что, если бы этого письма не было, Гомулка сохранил бы свой пост, жестоко подавив выступления на Балтийском побережье¹⁴⁷. Как пишет польский историк П. Махцевич, в перевороте внутри руководства ПОРП важнейшую роль сыграла Москва¹⁴⁸. Тем самым признается положительная роль Москвы в разрешении кризиса в стране путем смены лидера ПОРП.

Декабрьские события 1970 г. были, по сути, бунтом рабочих, прежде всего молодых, которых не удовлетворяла перспектива топтания страны на месте или реализация непонятной экономической концепции В. Гомулки¹⁴⁹. Однако существует и другая точка зрения. По мнению С. Кочёлека, высказанному во время процесса по установлению виновников кровавого подавления протеста рабочих в декабре 1970 г., события на Балтийском побережье были уличными беспорядками, в которых принимали участие школьная и студенческая молодежь, а также «отбросы портового города». Среди участников этих беспорядков не было рабочих судоверфей¹⁵⁰. Действительно, на побережье в тот период проживали около 10 тыс. лиц без легальных источников существо-

вания, в том числе 3 тыс. человек, ранее осужденных за уголовные преступления (в большинстве своем рецидивисты). Похожую точку зрения высказывал в марте 1971 г. сам В. Гомулка: «В основе событий на Побережье лежал не протест рабочего класса, а разнузданный анархизм, дикое своеволие, пренебрежение к закону и законности, отсутствие какого-либо чувства ответственности за собственную страну, ее будущее»¹⁵¹. Однако такая точка зрения была бы неоправданно односторонним подходом, потому что в основном участниками протестов против повышения цен являлись рабочие.

В преодолении политического кризиса в стране важную роль сыграла небольшая группа партийно-государственных деятелей, главным образом второго эшелона: С. Каня, Ю. Тейхма, Я. Шидляк, Ф. Шляхчиц, Э. Бабюх и В. Ярузельский.

Э. Герек, находясь в Катовице, был информирован о том, что происходит на Балтийском побережье и в Варшаве. Он знал обо всем от Ярузельского и вице-министра внутренних дел, руководителя Службы безопасности Шляхчица. 16 декабря Шляхчиц позвонил Гереку по телефону и рассказал о беспорядках, передавая весь трагизм ситуации.

18 декабря во второй половине дня Шляхчиц срочно был вызван Каней в Варшаву и сразу с аэродрома приехал на работу к Ярузельскому, где уже находились Каня и Бабюх. Хозяин проинформировал собравшихся о письме Политбюро ЦК КПСС и необходимости вызвать из Катовице Герека.

Ночью Каня и Шляхчиц поехали в Катовице, чтобы уговорить Герека стать новым первым секретарем ЦК. Герек, не очень доверяя Кане, вначале не соглашался. Тем не менее удалось убедить Герека принять этот пост, ему была обещана всяческая поддержка¹⁵².

Состояние здоровья Гомулки в связи с высоким нервным напряжением резко ухудшалось. По всей вероятности, с 17 декабря он уже ничего не видел и по этой причине не мог никого принимать. Врач, который обследовал Гомулку, пришел к выводу, что тот нуждается в срочной госпитализации.

Именно неожиданное ухудшение здоровья Гомулки не позволило ему реализовать свой план выхода из возникшей ситуации. Он считал необходимым отделить бастовавших и вышедших на улицы рабочих, которых отнюдь не воспринимал как «контрреволюционные элементы», от элементов уголовных. Гомулка намеревался отложить на три месяца повышение цен и провести широкое обсуждение этой меры с ее возможным смягчением. Наконец, ему виделась организация в Варшаве конгресса рабочих и переговоров с делегатами коллективов крупных предприятий относительно проведения экономической реформы¹⁵³. Плохое состояние здоровья ускорило отставку Гомулки.

19 декабря по просьбе Политбюро ЦК Гомулку посетил Ю. Тейхма и сказал ему прямо: «Если Вы хотите спасти свое лицо, то должны уйти с поста первого секретаря. Вы не знаете, что происходит в этом здании и в Варшаве. Партийный актив настроен против Вас, не согласен с Вашей политикой. Знаю, что Вы всегда стояли над группами в руководстве партии, ко всем подходили одинаково, но все равно Вы должны уйти. Этого требует ситуация. На улицы могут выйти женщины и дети. Армия не будет в них стрелять»¹⁵⁴. Тейхма настаивал, чтобы Гомулка сам ушел с руководящего поста, прекрасно отдавая себе отчет в том, что если он поставит этот вопрос на Политбюро, то нынешний его состав отвергнет это предложение. Но согласия Гомулки Тейхма так и не получил.

19 декабря во второй половине дня в Варшаву прибыл Э. Герек, который встретился с некоторыми членами партийно-государственного руководства, в том числе с Гомулкой. В тот же день позже состоялось заседание Политбюро ЦК ПОРП, которое носило бурный характер. Решающую роль в его работе сыграл Ю. Циранкевич. Гомулка прибыл в зал заседания вместе с врачом и с порога заявил, что прямо из здания ЦК он направляется в больницу, чтобы пройти курс интенсивного лечения. На это время его обязанности будет исполнять Герек как временный координатор работы Политбюро. Его задача — нормализовать ситуацию в стране. Гомулка предложил отказаться от повышения цен на продовольствие. Когда здоровье улучшится, он вернется к исполнению своих обязанностей. В заключение он попросил, чтобы Циранкевич председательствовал на заседании Политбюро.

На ход дискуссии, которая развернулась после ухода Гомулки, решающее влияние оказало письмо ЦК КПСС, содержание которого пересказал Циранкевич (письмо осталось в бумагах Гомулки). Герек сразу же заявил, что роль координатора его не удовлетворяет: или он становится первым секретарем, или возвращается в Катовице. В ходе обсуждения сторонникам Гомулки стало ясно, что защитить его не удастся. В этой ситуации Циранкевич и Клишко согласились вместе поехать в больницу, чтобы привезти заявление об отставке первого секретаря ЦК, что и было сделано. Во время объявленного перерыва Герек предложил Ярошевичу пост премьера. Кризис в верхах приблизился к своему завершению.

После перерыва кандидатура Герека была одобрена. Против нее выступили только Мочар, который был сторонником избрания Герека лишь на роль координатора, и Кочёлек, который прямо заявил, что Герек не годится на должность первого секретаря¹⁵⁵.

Собравшийся 20 декабря 1970 г. VII пленум ЦК ПОРП избрал первым секретарем ЦК Э. Герека при одном голосе против и двух воздержавшихся. Как утверждает Шляхчиц, Герек стал первым секретарем в первую очередь благодаря поддержке со стороны Министерства национальной обороны и лично В. Ярузельского, а также Министерства внутренних дел¹⁵⁶. Членами Политбюро были избраны Бабюх, Мочар, Ольшовский, Шидляк и Ярошевич, кандидатами в члены Политбюро — Кемпа, Яблоньский и Ярузельский, членами секретариата ЦК — Бабюх, Барчиковский и Кочёлек. Как Герек говорил Брежневу во время встречи в Москве 5 января 1971 г., если бы решение о смене руководства не было принято в воскресенье, то в понедельник волнениями была бы охвачена вся страна¹⁵⁷. Пленум принял решение выделить 6,5 млрд злотых на повышение заработной платы, пенсий и семейных пособий для бедных слоев общества.

Поскольку в новом Политбюро только Шидляк был человеком, преданным Гереку, многие считали, что последний окажется лишь временным первым секретарем и долго на этом посту не задержится. Они ошибались.

В тот же день вечером Брежнев позвонил Гереку и поздравил его с избранием на высокий пост. После этого разговора генеральный секретарь ЦК КПСС сказал своему окружению, что необходимо будет помогать Гереку. Эти слова стали директивой для всех отделов ЦК и советского правительства. 23 декабря вместо Спыхальского председателем Государственного совета был избран Циранкевич. В тот же день на заседании сейма председателем Совета министров был назначен П. Ярошевич, который долгие годы был вице-премьером и постоянным представителем ПНР в ЭВБ.

Кочёлек подал в отставку с поста вице-премьера. 15 января 1971 г. вместо Логи-Совиньского председателем Всепольского совета профсоюзов был избран В. Кручек. Сменилось и руководство Объединенной крестьянской партии. Ее председателем стал С. Гуцва, который на заседании сейма 13 февраля был избран спикером.

Положение нового первого секретаря было драматическим. Страна бурлила, партия была скомпрометирована, общество не доверяло власти. Новый первый секретарь не имел концепции выхода из кризиса. Однако выступление, с которым он вечером 20 декабря 1970 г. обратился к полякам по телевидению, было настолько спокойным и взвешенным, что политическая атмосфера в стране начала улучшаться.

Оценивая период правления В. Гомулки, нужно отметить, что он 14 лет был бесспорным руководителем страны. Его слово было законом, его воля определяла ход общественных дел. В этом отношении Гомулка в конце 1960-х годов соответствовал модели лидера авторитарного государства, типичной для стран «реального социализма». Будучи человеком решительным и жестким, а временами и прямолинейным, он, однако, старался не злоупотреблять властью. За время пребывания Гомулки на своем посту никогда не возникало угрозы возвращения к сталинизму. Хотя и ограниченная личная свобода граждан грубо не нарушалась государством (кроме марта 1968 г. и декабря 1970 г.). Гомулка отличался дальновидностью и реализмом в понимании национальных интересов, а также обладал силой характера в их реализации и отстаивании.

Однако со временем представления и устремления Гомулки перестали совпадать с настроениями общества. К его удивлению легкое приоткрытие железного занавеса и расширение контактов с Западом усилило влияние западного стиля жизни и потребления на часть населения. Для Гомулки бунт рабочих судоверфей явился неожиданностью, а вся ситуация — не поддающейся разрешению без насилия..

Как бы ни оценивали политическую деятельность Гомулки, он много сделал для страны. При Гомулке Польша укрепила свой национальный суверенитет и проводила самостоятельную внутреннюю политику. Функционировала своеобразная многопартийная система во главе с ПОРП. В ПНР, в отличие от остальных социалистических стран Европы, была большая свобода культурного и научного творчества, большая открытость миру. В аграрном секторе преобладали индивидуальные крестьянские хозяйства. Существенный прогресс был достигнут в развитии польской экономики. В 1960-х годах внутренний национальный продукт вырос на 44%, занятость — на 2,7 млн человек, а сельскохозяйственное производство — на 25%. Ежегодное потребление мяса на душу населения возросло с 33,8 кг до 42,3 кг, что в два раза превышало довоенный уровень. Однако молодые люди не имели трудного опыта жизни своих родителей в годы войны и первые послевоенные годы. Как рабочие и интеллигенты во втором поколении, они хотели жить значительно лучше, чем их отцы. Гомулка оставил экономику достаточно устойчивой, со значительными резервами, что способствовало экономическим успехам в начале 1970-х годов.

Гомулка, имея большое общественное доверие в октябре 1956 г., быстро его израсходовал. Он ясно ощущал необходимость социально-экономических перемен, но ему трудно было совладать с кризисными ситуациями, стать во главе новых тенденций и обеспечить удовлетворение социальных потребностей населения. В итоге он оставил страну в состоянии политического кризиса, потери партией доверия со стороны рабочего класса.

IV.1. Новый политический стиль Э. Герека. Стабилизация положения в стране

Телевизионное выступление Э. Герека 20 декабря 1970 г., после его избрания первым секретарем ЦК ПОРП, хотя и смягчило ситуацию, но не успокоило жителей Балтийского побережья.

Вместе с тем, бастовавшие трудовые коллективы судоверфей устали, в связи трагическими событиями прошедшей недели ощущали разочарование и горечь. Многим рабочим продолжение забастовок казалось бессмысленным. Бастовать продолжала только судоверфь им. Варского в Щецине, где радикально настроенная часть рабочих обвинила председателя забастовочного комитета М. Допералу в пассивности и избрала новый комитет во главе с Э. Балукой. Однако приехавший на судоверфь вице-премьер Ф. Каим провел переговоры с забастовочными комитетами и убедил их на время Рождественских праздников приостановить забастовку.

Гереку предстояли трудные испытания. Чтобы подтвердить свое политическое положение как нового лидера партии и страны, он должен был прежде всего стабилизировать ситуацию. Политические противники, объединенные вокруг проигравшего М. Мочара, давали Гереку на посту первого секретаря не более ста дней. Лидер «партизан» говорил, что для руководства страной «необходим сильный человек, который в трудные для Польши годы доказал, что готов бороться за независимость родины, а не реэмигрант, который всю войну просидел за границей»¹⁵⁸.

Балтийское побережье напоминало тлеющее пожарище. Простые люди впервые за много лет почувствовали свою силу. Ни у кого не было сомнения, что смена партийного и правительственного руководства произошла под давлением «улицы». ПОРП отступала. Партийным верхам стало ясно, что всевластие партии имеет свои границы.

Новый первый секретарь предложил такой стиль руководства и такую политику, которая явно контрастировала с предыдущим периодом. Для этого стиля были характерны: попытки ведения диалога с рабочими, встречи с ними на рабочих местах, на предприятиях и в учреждениях, общественные консультации по проектам решений и законов. В отличие от В. Гомулки, который работал в основном в своем кабинете, Э. Герек выезжал на места и охотно встречался с людьми. Благодаря своей открытости и доброжелательности он сумел установить контакты с рабочими. Он часто беседовал с людьми, улыбался им, доброжелательно выслушивал, одним словом, был политиком открытым. Только за 1971 г. Герек посетил столько населенных пунктов, сколько Гомулка за пять лет.

Умение Герека установить непосредственный контакт и взаимопонимание с рабочими бастовавших предприятий Щецина и Гданьска, принятие ряда неотложных социальных мер, в том числе отмены повышения цен на продовольствие, получение от них кредита доверия и поддержки своей политики, позволили быстро снять социальную напряженность и приостановить дальнейшее углубление политического кризиса.

Герек и Ярошевич понимали, что с пустой государственной казной им нечего предложить людям. Поэтому первому секретарю ЦК ничего не оставалось, как только ехать за помощью к «старшему брату».

В отличие от Б. Берута, Э. Охаба и В. Гомулки Э. Герек был первым главой партии, который ни в каком объеме не прошел подготовку в структурах коминтерновской «большевизации» кадров. Он был коммунистом с западным опытом, поэтому без большой уверенности ожидал встречу в Кремле.

5 января 1971 г. Герек прибыл в Москву с первым рабочим визитом. Советское руководство с интересом присматривалось к новому польскому руководителю, и он сумел произвести прекрасное впечатление: вел себя достойно и одновременно скромно, демонстрируя деловитость и решительность.

С Брежневым Герек сразу же нашел общий язык. В то время советский лидер был в расцвете сил, обладал даром деликатного, равного и очень дружеского подхода к своим высокопоставленным гостям. Тем самым он расположил к себе Герека¹⁵⁹.

Брежнев хорошо относился к Польше. Для этого у него были личные причины. Как утверждал бывший президент Франции В. Жискара д'Эстен, мать лидера СССР была по национальности полькой: «Брежнев это скрывал, поскольку русские к полякам относятся с сарказмом и презрением. Тем не менее польский был в прямом смысле его родным языком, и с Герексом они нередко говорили по телефону по-польски»¹⁶⁰. Отчасти эту информацию подтверждает и сам Герек в своих воспоминаниях. Впервые он познакомился с Брежневым в середине 1960-х годов в Праге во время съезда КПЧ. В ходе встречи тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета старался проявить «свою симпатию к Польше и полякам, и думаю, что она была искренней. Он сослался на польское происхождение своей матери, говорил, что в молодости на Украине у него было много друзей-поляков. Произнес даже несколько слов по-польски»¹⁶¹.

Во время первой встречи советских и польских руководителей Герек и Ярошевич представили состояние польской экономики как очень тяжелое. Они просили зерна, гарантированных поставок энергоносителей, сырья, валютных кредитов. Советская сторона обещала удовлетворить пожелания польских товарищей. Главное, считали в Москве, чтобы они могли начать повышение уровня жизни польского рабочего класса. Используя угрозу роста социального недовольства в стране, польские руководители предприняли попытку решить ряд трудных вопросов, которые в нормальной ситуации они не решились бы даже поднять. В частности, они добились больших советских заказов на строительство судов на польских судостроительных верфях, которые уже во второй половине 1960-х годов стали нерентабельным (Советский Союз мог бы приобрести такие же суда на западных рынках значительно дешевле). Герек и Ярошевич всячески подчеркивали, что единственным шансом для Польши является сотрудничество с Советским Союзом, на второе место они ставили интеграцию в рамках Совета экономической взаимопомощи. А.Н. Косыгин был единственным, кто поднял вопрос о необходимости сотрудничества советской и польской экономики с Западом, чтобы ускорить ее модернизацию. Он высказался за отход от политики экономической, финансовой и технологической изоляции, которую проводил Гомулка. Переговоры показали, что польские руководители пока не имеют конкретного плана дальнейшего развития страны. Поэтому советские лидеры советовали польским коллегам разработать новую концепцию социально-экономической политики¹⁶².

Добившись в Москве дополнительных поставок материальных ресурсов, новых кредитов и увеличения экспорта польских товаров, польское руководство почувствовало себя увереннее.

Однако в январе–феврале 1971 г. трудности продолжались. 22 января опять приостановила работу судовой верфь им. Варского в Щецине. Она вновь была окружена милицией, вооруженной автоматами. Вслед за ней забастовали другие крупные предприятия города. В Польше появился призрак декабря 1970 г. Рабочие судовой верфи выдвинули и направили в Варшаву требования, среди которых были отмена повышения цен на продовольствие, а также приезд на судовой верфь Герека и Ярошевича. Оба руководителя решили немедленно, а это было воскресенье 24 января, вылететь в Щецин. К судовой верфи подъехали на такси, без милицейского сопровождения.

Встреча с рабочими состоялась в конференц-зале судовой верфи вечером и ночью с 24 на 25 января. После десятичасовой драматической беседы Гереку и Ярошевичу удалось склонить рабочих прекратить забастовку. При этом Герек сумел убедить рабочих снять требование отмены повышения цен. Вместе с тем он пошел навстречу бастующим и согласился заплатить за дни забастовки при условии выполнения месячного плана и обещал не привлекать их к какой-либо ответственности¹⁶³.

Чтобы закрепить успех, первый секретарь ЦК попросил вице-премьера Каима организовать ему встречу с корабельщиками Гданьска и Гдыни. К 350 делегатами трудовых коллективов Герек обратился со словами: «Вы можете быть уверены, что мы все вылеплены из одной глины и у нас нет иной цели, как только развивать страну, укреплять социализм, улучшать условия жизни трудящихся. Если Вы нам поможете, думаю, что эту цель нам удастся вместе достичь. Так поможете?». На следующий день польские СМИ сообщали, что ответом на слова первого секретаря ЦК стали дружные выкрики: «Поможем!»¹⁶⁴. «Именно тогда, — вспоминал впоследствии Герек, — я дал себе слово, что никогда не использую вооруженной силы против собственного народа. Я обещал себе, народу и партии, что больше польский солдат и милиционер не будут стрелять в поляков»¹⁶⁵.

В Гданьске и Щецине Герек убедительно продемонстрировал свои лидерские качества, показал, что он не только партийный, но и государственный деятель, способный при прямом контакте с массами противостоять самым трудным вызовам. Первый секретарь, рискуя потерять политические очки, не стал хулить своего предшественника, старался объяснить поведение Гомулки во время волнений на Побережье и выступал против его привлечения к суду. Осуждая его поведение в декабре, Герек напомнил участникам встреч его заслуги в октябре 1956 г. и просил оценивать его деятельность справедливо.

Несмотря на то, что рабочих Балтийского побережья удалось успокоить, в феврале 1971 г. взбунтовались работницы текстильных фабрик Лодзи. Бастовали, требуя отмены повышения цен на продовольствие, несколько десятков тысяч человек. К ткачихам приехали премьер Ярошевич, секретари ЦК ПОРП Я. Шидляк и Ю. Тейхма. Встречи были очень драматическими: женщины жаловались на устаревшее оборудование — наследие XIX в., на обусловленные этим плохие условия труда, на низкие заработные платы и удручающую бедность. Тейхма был настолько потрясен, что не сразу смог говорить, когда вышел на трибуну. Приехавшим все-таки удалось убедить ткачих, что в государственной казне нет денег и отменить повышение цен власть не в состоянии.

Информация Ярошевича о встречах с лодзинскими ткачихами была заслушана 15 марта 1971 г. на заседании Политбюро ЦК ПОРП. Всем было ясно, что отмена повышения цен образует огромную дыру в бюджете. Тогда Герек попросил премьера позвонить в Москву Косыгину. Как вспоминал В. Ярузельский, «из зала вышел Ярошевич, минут через 15 вернулся. „Разговаривал с Косыгиным. Советское правительство переправит на счет в одном из швейцарских банков 100 миллионов долларов“». Это позволило отменить повышение цен. Социальный конфликт был снят¹⁶⁶. Как утверждал Герек, краткосрочный советский кредит пошел на закупку продовольствия на Западе и вскоре был возвращен Советскому Союзу¹⁶⁷.

В общем Герек сумел договориться с рабочими, убедить их в искренности своих намерений добиться улучшения условий жизни трудящихся. Поляки с надеждой слушали первого секретаря, им казалось, что все самое плохое позади, что материальное положение простых людей вскоре улучшится. Новое руководство страны во главе с Гереком, таким образом, получило кредит доверия от польского общества. Возник своеобразный психологический, национальный подъем народа. Тем самым были приведены в действие огромные резервы, которые прежнее руководство не было в состоянии задействовать. 1971 год стал годом больших надежд в Польше.

IV.2. Новая концепция развития Польши. ФОРМИРОВАНИЕ «КОМАНДЫ»

Герек отдавал себе отчет в том, что завоевать поддержку общества можно только путем повышения жизненного уровня населения. Была приостановлена реализация прежних планов социально-экономического развития, как на 1971 г., так и на всю пятилетку. Поскольку экстенсивные источники экономического развития были исчерпаны, новые власти решили использовать иностранные кредиты. Польша, как и остальные социалистические страны, не имела собственного капитала для инвестиций. В конце 1960-х годов технологический разрыв между социалистическими и капиталистическими странами составлял 25 лет, а между Польшей и ГДР, а также Польшей и Чехословакией — 10 лет.

На 1970-е годы в Польше пришелся так называемый демографический пик. В трудовой возраст вступили 3,5 млн молодых людей. Для них нужно было создать 2,5 млн новых рабочих мест (1 млн мест освобождали пенсионеры). Решить проблему занятости и избежать безработицы можно было, лишь построив до конца десятилетия по крайней мере 1 тыс. предприятий, на каждом из которых были бы в среднем заняты 2,5 тыс. человек. Без западных кредитов сделать это было невозможно (СССР не был бездонной бочкой).

Для разработки новой концепции развития экономики и государства было создано несколько рабочих групп, состоявших как из партийных, так и беспартийных экспертов Польской Академии наук, университетов и политехнических институтов, мнение которых учитывалось при принятии властями окончательных решений. После длительных и обстоятельных дискуссий польское руководство решило, что экономический прогресс страны в ближайшем десятилетии будет основываться на западных кредитах, на которые будут закупаться целые предприятия и технологии. Предполагалось,

что взятые кредиты будут погашаться выпускаемой на новых предприятиях и экспортируемой на Запад продукцией.

Если Гомулка был сторонником развития экономики на основе собственных ресурсов и советских валютных кредитов, не желая допустить зависимости от западного капитала, то Герек решился на рискованный эксперимент: строительство социализма на деньги капиталистов. Поскольку в конце 1960-х годов валютный долг Польши составлял всего 1,1 млрд долл. (в 1971 г. — 960 млн долл.), западные банкиры не возражали против предоставления стране новых кредитов, которые в те годы были дешевыми. Неофициальным гарантом возвращения средств банки считали Советский Союз с его большими природными богатствами. СССР также был заинтересован в «открытии» Польши Западу, так как хотел иметь через нее доступ к западным технологиям.

Сущностью концепции строительства социализма по Гереку было внедрение современного стиля во все области общественной жизни без нарушения идейных принципов социализма. Новыми лозунгами ПОРП стали ускорение социально-экономического развития страны, улучшение условий жизни населения и укрепление социалистического строя. Герек считал, что личный автомобиль и отдельная квартира должны стать благом, доступным для большинства польских семей. Фактически была выдвинута идея строительства социалистического общества потребления. Место классовой борьбы заняла концепция социального и национального солидаризма, объединения вокруг целей и программы партии. Так родился лозунг «морально-политического единства народа».

Герек представлял себя сторонником строительства сильной социалистической Польши. Вместе с тем, как утверждает руководитель группы его советников в 1977–1980 гг. П. Божик, для первого секретаря ЦК было характерно недоверие к догмам реального социализма. Как прагматик, он не видел смысла руководствоваться ими в практической деятельности¹⁶⁸. Одновременно Герек хотел, чтобы социализм как систему поляки не только одобряли, но и любили¹⁶⁹. При этом он был против реформирования социализма: опыт октября 1956 г. отбил у него желание искать новые системные решения. По мнению польского лидера, они вели лишь к ограничению власти партии и тем самым к хаосу в стране¹⁷⁰.

Между тем в Польше начались не типичные для остальных социалистических стран социально-экономические и политические процессы. Осенью 1971 г., в связи с подготовкой к VI съезду ПОРП, руководство партии сформировало концепцию дальнейшего социально-экономического развития страны. Накануне съезда она была представлена в Москве во время переговоров Э. Герека, Я. Шидляка и М. Ягельского с Л.И. Брежневым, А.Н. Косыгиным и К.Ф. Катушевым. Это была первая столь представительная встреча, где обсуждалась интеграция экономик обеих стран. Герек убеждал Брежнева, что польскую экономику необходимо основывать на тесном сотрудничестве с советской экономикой и экономикой соседних стран, а также широко использовать современные методы экономического развития, применяемые в развитых капиталистических странах.

Брежнев, вернувшись после съезда, очень хвалил Герека на заседании Политбюро ЦК КПСС. Он был удовлетворен развитием ситуации в Польше. Страна, по его мнению, вышла из полосы больших трудностей. Начался новый период развития, в котором большую роль должно было сыграть открытие экономики на Запад¹⁷¹.

Новое поколение польских политиков и бюрократов, поддержавших Герека, считали, что они неплохо знают современный мир. Они стремились к проведению в стране менеджерской революции, идеологизации экономики, передачи ее в руки технократов. Эти люди считали себя выразителями потребностей и устремлений молодого образованного поколения, стремившегося к обновлению социализма¹⁷².

После VI съезда партии была создана Комиссия по вопросам модернизации функционирования партии и государства, в состав которой вошли новаторски мыслявшие теоретики и практики. Эта комиссия, к работе которой большой интерес проявляли члены Политбюро ЦК ПОРП Тейхма и Шляхчиц, подготовила ряд аналитических материалов, касавшихся болевых точек экономической системы, отделения партии от государственных структур, руководящей роли партии и демократического централизма как принципов демократии, а не бюрократии. Специальная комиссия под руководством социолога Я. Щепаньского разработала проект перестройки системы народного образования.

Э. Герек, по воспоминаниям его окружения, не любил работать с документами и вообще с бумагами. Основным источником информации для первого секретаря ЦК ПОРП была французская правая газета «Le Monde», которая постоянно лежала на его столе. Как вспоминал деятель Объединенной крестьянской партии С. Гуцва, он никогда не видел на столе первого секретаря ЦК ПОРП документов¹⁷³. Герек не любил конфликтов. Он хотел, чтобы в Польше было как можно больше довольных людей, а к нему самому относились с уважением.

Вначале Герек не был свободен в формировании своей команды. Он, по его утверждению, сразу же решил, что она не будет силезской, и придерживался этого принципа до конца своего пребывания у власти. Герек принял и другой демократический принцип: любые кадровые изменения в руководстве партии производятся на основе коллективного решения, путем голосования и в присутствии лиц, покидавших Политбюро или секретариат ЦК.

Герек стремился создать «сыгранную» команду. Она должна была руководствоваться высшим интересом страны и под его личным руководством строить благополучие Польши. Лояльность в отношении себя, как первого секретаря ЦК, он считал необходимым элементом поведения членов своей команды. Характерно, что 29 декабря 1977 г. во время встречи с Гереком Ю. Тейхма (он ушел в отставку с поста министра, но остался членом Политбюро ЦК и вице-премьером) сказал: «Я остаюсь солидарным с основными целями политики, реализуемой под твоим руководством»¹⁷⁴.

Хотя Герек критиковал Гомулку за создание института «узкого руководства», он вскоре сам убедился, что для эффективной работы появление чего-то подобного неизбежно. В начале 1970-х годов в группу высших руководителей входили, кроме Герека, Бабюх, Каня, Шляхчиц, Ярузельский и Ярошевич. Близки к Гереку были также Ольшовский и Шидляк.

При принятии решений Герек (как, впрочем, и Ярошевич) больше всего считались с генералом Ярузельским. В свою очередь, Ярузельский никогда не подвергал сомнению точку зрения Герека. Последний же не вмешивался в дела армии.

Герек и Ярошевич взаимно дополняли друг друга. Первый секретарь ЦК ПОРП никогда не занимал государственных постов, не знал глубоко механизмов функциони-

рования государства. Ярошевич же хорошо в них разбирался, но не имел поддержки в партии и без опоры на Герека не был бы в состоянии выполнять функции премьер-министра.

Ближайшим человеком в руководстве для Герека был Шляхциц. Что касается Мочара, то его Герек одновременно и ненавидел, и боялся. Он еще в январе 1971 г. говорил заведующему сектором Польши в Отделе ЦК КПСС П.К. Костикову: «В его руках сила, большая сила, которую мы наверняка недооцениваем». По всей вероятности, Герек в первую очередь имел в виду Союз польских ветеранов войны¹⁷⁵. Невьясненная до конца роль Мочара в декабрьских и январских забастовках на Балтийском побережье вызывала у него недоверие к руководителю «партизан». К тому же Мочар занял явно выжидательную позицию в отношении новой политики Герека¹⁷⁶.

Однако ослабить политические позиции Мочара Гереку удалось легко. В мае 1971 г. первый секретарь, находившийся в Праге на съезде КПЧ, неожиданно на два дня вернулся в Польшу. Он получил информацию о том, что Мочар и его сторонники якобы готовят против него путч и с этой целью собрались на неформальное совещание в Ольштыне. Герек разогнал собравшихся, а от Мочара получил заверение, что тот уйдет в отставку с партийных постов. Однако в полную отставку он по какой-то причине все же не ушел¹⁷⁷. На ближайшем заседании пленума ЦК ПОРП Мочар был отозван с поста секретаря ЦК и назначен председателем Высшей контрольной палаты. М. Раковский записал в своем дневнике: «Слом позвоночника националистическому течению в ПОРП был концом „националистической концепции в партии“, это означало победу „рациональной идеологии“ нового руководства»¹⁷⁸.

На VI съезде ПОРП (1971 г.) уже ничто не помешало Гереку выдвинуть в руководство партии людей, которым он полностью доверял. Членами Политбюро ЦК ПОРП были избраны Э. Бабюх, В. Кручек, С. Ольшовский, Ф. Шляхциц, Я. Шидляк, Ю. Тейхма, Г. Яблоньский, М. Ягельский, П. Ярошевич и В. Ярузельский, кандидатами в члены ЦК — К. Барчиковский, З. Грудзень, С. Каня и Ю. Кемпа. В состав секретариата ЦК вошли секретари Герек, Бабюх, Барчиковский, Каня, С. Ковальчик, Е. Лукашевич, Шляхциц, Шидляк и Тейхма, членами секретариата стали А. Верблян и Р. Фрелек.

Министром иностранных дел стал Ольшовский, в котором Герек видел своего конкурента и который свое отстранение от партийных дел вначале воспринял весьма болезненно. Однако весьма способный Ольшовский вскоре сумел стать хорошим министром, любимцем А.А. Громыко. Польского министра высоко ценил и сам Л.И. Брежнев. В результате на глазах у всех продолжал вырастать серьезный конкурент Гереку.

В 1971–1972 гг. в структурах власти произошла новая кадровая революция. Старые кадры по существу были вытолкнуты из партийного и государственного аппарата. В декабре 1970 г. — мае 1972 г. сменились 75% первых секретарей и 53% воеводских секретарей ПОРП, 61% министров, 35% вице-министров, 50% председателей воеводских и 30% повятовых народных советов.

IV.3. По пути успехов

Благоприятный морально-политический климат в стране, созданный новым руководством, способствовал активизации общества и превратился в один из факторов ускорения экономического роста в 1971–1973 гг. Использовались новые методы хозяйствования, которые в определенной степени содержали рыночные элементы. В 1971–1972 гг. при росте занятости на 1,5 и 2,4% производительность труда возросла на 6 и 7,7% соответственно. Следовательно, в эти годы экономическое развитие приобрело интенсивный характер. Среди других факторов ускорения можно назвать вступление в строй возведенных в 1960-е годы промышленных объектов, использование западных кредитов и увеличение капитальных вложений.

Целью экономической политики Герек считал техническую и структурную модернизацию польской экономики. Модернизацию он понимал как замену технического оборудования и развитие промышленности, транспорта и других отраслей экономики. Инструментом реализации этой цели должны были быть инвестиции.

Используя благоприятную международную обстановку, связанную с подготовкой Общевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также хорошую экономическую конъюнктуру на Западе, польское руководство впервые в истории социалистических стран стало проводить политику активного использования западных кредитов и технологий для модернизации народного хозяйства. В такой политике заключался большой шанс на успех, но одновременно и большая опасность. В частности, в 1971–1973 гг. были закуплены 154 лицензии, главным образом для машиностроения, тяжелой промышленности и строительства. И только три — для пищевой и легкой промышленности, что в очередной раз свидетельствовало о недооценке руководством ПОРП необходимости развития средств потребления.

Приобретение новых технологий и лицензий дали толчок технической революции в Польше. Польские инженеры и рабочие, проходя обучение на предприятиях и в научно-технических центрах на Западе, знакомились не только с новой техникой, но и организацией производства, дисциплиной и культурой труда.

Герек предпринял ряд шагов, которые принесли ему популярность в обществе. Прежде всего, с 1 января 1972 г. были отменены для крестьянских хозяйств обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов. Введено всеобщее пенсионное и медицинское страхование крестьян. Было принято решение о восстановлении в Варшаве резиденции польских королей Королевского замка, разрушенного во время Второй мировой войны. Он был воссоздан в 1971–1974 гг. В те же годы была построена так называемой «Трасса лазенковска» — скоростная магистраль, соединяющая центр города с правобережной его частью, вместе с четвертым дорожным мостом через Вислу, а также — трасса быстрого движения Север–Юг («Вислострада») вдоль левого берега Вислы. Среди населения с энтузиазмом было встречено решение о строительстве двух автомобильных заводов в Силезии — в Бельско-Бялей и Тыхах, на которых должны были производиться легковые автомобили по лицензии итальянского автогиганта «Фиат». Вне всякого сомнения начало 1970-х годов свидетельствовало о том, что Польша вступила на путь экономических успехов. Не только поляки, но и некоторые советские специалисты заговорили о польском экономическом чуде.

Сам Герек был олицетворением успеха. В декабре 1971 г. он говорил в своем тосте в честь Брежнева, который приехал на VI съезд ПОРП: «Успех нужно уметь создавать, неудачи сами сыплются на людей, а мы взяли на себя обязательства в отношении народа, всего социалистического содружества, самого большого нашего союзника и друга — Коммунистической партии Советского Союза, в отношении Вас, товарищ Леонид Ильич, что мы поведем наше общество к успеху и свои обязательства выполним»¹⁷⁹.

В научной и культурной политике наступила значительная либерализация. Герек отошел от борьбы с «ревизионизмом». Возросли расходы на науку, культуру. Инициативы снизу приветствовались. Ожилась деятельность научных и культурных институтов, особенно в Варшаве и Кракове. Еженедельник «Политика» достиг апогея своей популярности.

В 1971–1972 гг. была несколько либерализована политическая жизнь, активизировались политические институты и общественные организации.

Благодаря новому политическому стилю Герека в начале 1970-х годов в Польше весьма организованно функционировала принятая в странах социалистического содружества политическая модель. В соответствии с ней всеми процессами руководила и контролировала их партия, цементируемая централизмом. Во главе партии стояло руководство, объединенное вокруг первого секретаря.

При Гереке заседания Политбюро ЦК ПОРП носили более демократический характер, чем при Гомулке. Вторник был определен как постоянный день заседания Политбюро. Секретари и члены секретариата ЦК принимали участие в его заседаниях. Эти заседания не стенографировались и не записывались на магнитофонную ленту, но для СМИ давалась информация об обсуждаемых темах. Это было новое явление по сравнению с предыдущими годами. Решения Политбюро, как правило, принимались путем согласований, когда каждый имел право вносить поправки в принимаемые документы. Однако самые важные решения принимались на заседаниях Политбюро путем голосования. Недостатком его работы можно считать обсуждение мелких тем. Часто Политбюро, особенно во второй половине десятилетия, работало как суперправительство. При нем, вспоминал Герек, так и не была «решена дилемма двоевластия правительства и Политбюро. Кроме того, ряд членов Политбюро заседал в правительстве. Из этого вытекало определенное противоречие, которое создавало шансы для лавирования самым хитрым членам правительства... К сожалению, в государстве реального социализма преодолеть это противоречие было невозможно»¹⁸⁰.

Вместе с тем, как и при Гомулке, заседания Политбюро временами напоминали, как выражался сам Герек, «немой сейм». «Приходилось применять школьные методы и спрашивать товарищей поименно, что они думают об обсуждаемом на Политбюро вопросе», — вспоминал первый секретарь¹⁸¹. Особенно много претензий Герек имел к Ярузельскому: «Ведь он, единственный человек в Польше, участвовал в заседаниях Политбюро и президиума правительства. Никто в Польше, повторяю — никто, не имел таких возможностей для исправления всех наших ошибок. Однако он предпочитал выжидать...»¹⁸².

Полномочия правительства были существенным образом расширены. Пытались реализовать на практике лозунг «партия правит, а правительство управляет». Баланс двоевластия партии и администрации сместился в сторону органов государства за счет аппарата ЦК. Ярошевич получил для этого соответствующие ин-

струменты. Однако неразграниченность компетенций и ответственности между органами правительства и аппарата ЦК сохранилась. В результате в 1970-е годы решающую роль в определении и, естественно, реализации экономической политики играло правительство.

Большинство документов, которые рассматривались на заседаниях Политбюро ЦК ПОРП, имело правительственное происхождение и, как правило, уже было утверждено на президиуме правительства, в Совете министров или в соответствующем министерстве. В большинстве случаев Политбюро одобряло принятые решения, к которым члены Политбюро вносили свои замечания без каких-либо существенных изменений самих документов¹⁸³.

Президиум правительства занимался исключительно вопросами экономики. Он состоял из премьера, вице-премьеров, председателя Госплана (Комиссии планирования при Совете министров) и членов, дополнительно включенных на основе решения Совета министров. И несмотря на это, Ярошевич все-таки не сумел достаточно сбалансировать экономическую политику государства.

При Гереке политическая власть была сконцентрирована в органах ПОРП, прежде всего в Политбюро и аппарате ЦК, в воеводских комитетах партии. Союзнические партии, сейм, Государственный совет, народные советы, Фронт единства придавали реальному социализму видимость демократического строя. Подобную роль играли съезды и конференции ПОРП. Как вспоминал о работе сейма его спикер С. Гуцва, все проекты законов обсуждались на Политбюро ЦК ПОРП, а затем спускались в парламент и фактически утверждались, а не принимались¹⁸⁴. В составе правительства два-три поста занимали члены Объединенной крестьянской партии (как правило, министра сельского хозяйства) и Демократической партии.

Герек порвал с методами своего предшественника и действительно стремился восстановить внутрипартийную демократию. Помимо установления постоянных сроков заседания Политбюро он отказался от вывешивания в публичных местах портретов — своего и Ярошевича. Поэтому в 1970-е годы в государственных учреждениях, магазинах, школах висел только государственный герб. Герек отошел от существовавшей практики публикации в книжном виде выступлений первого секретаря. Когда на рубеже 1972–1973 гг. партийное издательство «Ксёнжка и ведза» издало в связи с 60-летием Герека книгу его выступлений тиражом в 50 тыс. экземпляров «Строительство социалистической родины — наше общее дело», он отправил весь тираж на уничтожение. Впоследствии Герек говорил, что демократический централизм «тормозил инициативу партийных низов и в результате ослаблял нашу способность политически защищать систему. К тому же партия как таковая имела ограниченные возможности для самореформирования, убийственными для нее оказались иностранные верификаторы идеологической чистоты коммунистических партий»¹⁸⁵.

В 1971 г. Герек изменил порядок проведения пленумов ЦК ПОРП, в рамках которых была предусмотрена дискуссия в проблемных группах. М. Раковский записал в своих дневниках: «Совсем неплохая инициатива, так как профессиональные ораторы (прежде всего первые секретари воеводских комитетов), которые, как правило, приезжали с готовыми выступлениями, неожиданно оказались в новой ситуации»¹⁸⁶. Однако уже с 1972 г. все стало возвращаться на прежнее место. Выступавшие опять стали зачитывать свои тексты, которые были предварительно утверждены в различных инстан-

циях. Новая генеральная линия партии уже была определена, и отход от нее считался недопустимым.

В то же время в начале 1970-х годов новый импульс получило сотрудничество между ПОРП и союзническими партиями. На серии совместных совещаний центральных органов ПОРП и Объединенной крестьянской партии были согласованы мероприятия по реализации планов развития сельского хозяйства и производства продовольственной продукции на 1971–1975 гг., а также социальной политики на селе. В центре внимания межпартийного сотрудничества ПОРП и Демократической партии находилась политика активизации мелкотоварного сектора в городе, улучшение обслуживания населения¹⁸⁷. Это означает, что в первой половине 1970-х годов тогдашняя многопартийная система может быть и не в полную силу, но все же работала.

Первые секретари комитетов ПОРП в крупных, экономически сильных воеводствах превращались в значимые политические фигуры, настоящих хозяев «своих» территорий, что вынуждало центр считаться с их мнением. Это ослабляло власть Варшавы и в целом централизованную директивную систему. Союз нескольких первых секретарей мог привести к смене высшего руководства. Чтобы изменить эту ситуацию была задумана реформа административно-территориального деления страны. На первом ее этапе, с 1 января 1973 г., было ликвидировано среднее звено — повяты (районы) и созданы большие гмины как основная единица административно-территориального деления страны. Гмины должны были приблизить власть к обществу. На завершающем этапе реформы, с 1 января 1975 г., вместо 17 воеводств были созданы 49. Число первых секретарей воеводских комитетов увеличилось таким образом почти в три раза. Тем самым опасность клановых закулисных договоренностей была снижена. Ряд укоренившихся, излишне самостоятельных воеводских руководителей были заменены на более лояльных Гереку и его окружению.

Однако административно-территориальная реформа оказалась дорогостоящей с финансовой точки зрения. Создание 32 новых воеводств потребовало новых помещений для органов ПОРП, союзнических партий, органов государственной власти и различных общественных организаций, а также новых ставок и т. д. В 1975 г. число работников аппарата ПОРП на воеводском уровне увеличилось на 93%¹⁸⁸. Причем реформа проводилась в тот момент, когда в государственном бюджете отсутствовали свободные средства (все направлялось на инвестиции). В итоге реформа привела к перенапряжению государственных финансов и способствовала развитию экономического кризиса.

В 1973 г. для того, чтобы укрепить партийное руководство, было принято решение об унификации молодежного движения. Была создана Федерация социалистических союзов польской молодежи, которая объединила Союз социалистической молодежи, Союз социалистической сельской молодежи, Союз социалистической военной молодежи, Социалистический союз польских студентов и Союз польского харцерства. Эти молодежные организации насчитывали 5 млн членов. Сомнение вызывало создание вместо Объединения польских студентов, в своей основе организации профсоюзного типа, Социалистического союза польских студентов как идеологической организации.

IV.4. ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ТРУДНОСТЕЙ

Уже в 1973 г. поведение Э. Герека стало меняться. Он забыл о проблемах конца 1970 — начала 1971 г. и почувствовал себя излишне уверенно. Привычным стало восхваление первого секретаря в его окружении и в обществе, возникло головокружение от успехов, самокритичность исчезла.

Соответственно общественно-политическая жизнь стала приобретать все более театрализованно-парадный, формальный характер. Заседания Политбюро ЦК ПОРП становились все более заорганизованными, бюрократизированными. На них руководители в основном обсуждали мелкие вопросы и занимались интригами. Пропаганда, которая в начале 70-х годов играла важную мобилизующую роль, быстро превратилась в «пропаганду успехов». Происходило необоснованное сужение каналов информации. Отсутствовали правдивая оценка достижений и недостатков, действенная критика.

В итоге за годы правления Герека не произошло существенных демократических изменений в способе осуществления власти в стране. Реальная власть по-прежнему была сосредоточена в высших органах ПОРП — в руках первого секретаря ЦК ПОРП, Политбюро ЦК ПОРП, секретариата ЦК и аппарата ЦК. Формальный глава государства — председатель Государственного совета ПНР, по мнению Ф. Шляхчица, должен был быть если не первым, то по крайней мере вторым лицом после лидера партии, но формально был третьим после премьера, а фактически — пятым-шестым¹⁸⁹. Премьер-министр П. Ярошевич имел сильное влияние на Э. Герека и не терпел, если кто-нибудь пытался нарушать его позицию второго человека в системе власти. Он хотел быть премьером, подчиняющимся только первому лицу в партии. По этой причине у Ярошевича не складывались отношения с Г. Яблоньским, Э. Бабюхом и Ф. Шляхчицем, которые в разное время претендовали на роль второго лица. По мнению А. Вербляна, премьер до середины 1976 г. являлся самой сильной фигурой в команде Герека. С точки зрения силы характера лидер партии выглядел слабее Ярошевича¹⁹⁰.

Премьер умел хорошо организовать работу правительства, требовал хорошей подготовки проектов постановлений и делового их обсуждения на заседаниях правительства. Только в исключительных случаях он откладывал принятие решения. Не любил вмешательства партии в работу правительства, стремился к тому, чтобы Политбюро принимало решения в соответствии с правительственными предложениями. Однако Ярошевич был прежде всего практиком и не всегда был в состоянии охватить всю совокупность явлений и проблем, предвидеть последствия своих решений¹⁹¹.

В 1972 г. был опубликован список партийно-государственных постов в ПНР, который дает представление о существовавшей тогда иерархии. Первое место, естественно, занимал первый секретарь ЦК ПОРП, второе — председатель Государственного совета, третье — председатель Совета министров, четвертое — спикер сейма, пятое — члены Политбюро ЦК ПОРП, шестое — заместители председателя Государственного совета, седьмое — вице-премьеры, восьмое — председатель Госплана, девятое — кандидаты в члены Политбюро ЦК ПОРП, десятое — секретари ЦК ПОРП, тринадцатое — министры. В конце 1970-х годов партийная номенклатура разного уровня включала от 800 тыс. до 1 млн должностей в государственном и партийном аппарате.

В 1974 г. Э. Бабюх, Я. Шидляк, Г. Яблоньский и Е. Лукашевич предложили ввести для Э. Герека пост президента. Речь шла о том, чтобы он, сохраняя должность

первого секретаря, переехал из «Белого дома» (так называлось здание ЦК ПОРП) в Бельведер (президентский дворец). Тем самым он меньше занимался бы партийными делами, которые перешли бы в ведение Бабюха как второго секретаря. Эта идея Гереку понравилась, но необходимо было внести поправку в Конституцию ПНР. Для «солидности» было решено внести еще две поправки — о руководящей роли партии и о союзе и дружбе с СССР.

В те годы председателем Государственного совета был профессор Г. Яблоньский. Герек проинформировал его, что будет введен пост президента, которым станет он сам, а нынешнему председателю Госсовета предложил пост вице-президента. Однако Яблоньский решительно ответил «нет», и Гереку пришлось отказаться от идеи стать президентом страны. Но несмотря на это две поправки, придуманные в качестве дополнения к первой, были введены. Безобидный председатель Госсовета превратился в личного врага первого секретаря.

В ноябре 1975 г. были опубликованы «Тезисы к VII съезду ПОРП», в которых предлагались три поправки к Конституции ПНР — о ведущей роли ПОРП в государстве и о социалистическом характере государства; о нерушимом союзе Польши с СССР; о единстве прав и обязанностей граждан (права не могут существовать без обязанностей). Москва, справедливо опасаясь, что новая инициатива польских властей может привести к обострению политической ситуации в стране, высказалась против. Однако Герек не послушался советских товарищей.

10 февраля 1976 г. сейм принял поправки к Конституции при одном воздержавшемся (воздержался при голосовании член депутатской группы «Знак» С. Стомма). Хотя письма оппозиции не особенно повлияли на поправки к Конституции, все-таки первоначальные формулировки были несколько смягчены. От поправки о единстве прав и обязанностей власти вообще отказались. Поправка о нерушимом польско-советском союзе была заменена на «нерушимую польско-советскую дружбу» и не стала самостоятельной статьей, а была включена в преамбулу. Это уменьшило конституционное значение данной поправки. В статью 1 Конституции было добавлено, что «ПНР является социалистическим государством». Была включена новая статья о том, что «ведущей политической силой общества в строительстве социализма является ПОРП»¹⁹².

По мере ухудшения социально-экономической ситуации и нарастания политической напряженности возрастала политически надзорная роль органов госбезопасности. Практически весь контроль над ними находился в ведении партии, а конкретно был сконцентрирован руках С. Кани, который до апреля 1971 г. руководил административным отделом ЦК ПОРП, с апреля 1971 по август 1980 г. занимал пост секретаря ЦК ПОРП, отвечавшего за силовые структуры. В 1975–1981 гг. он также являлся членом Политбюро ЦК ПОРП. Это был человек весьма умный и амбициозный. По мере продвижения по карьерной лестнице он становился все более самонадеянным и заносчивым, власть имел весьма значительную, поскольку «органы» проникали во все поры общества. Э. Герек же тем временем отказался от личного контроля над силовыми структурами государства, что, как показало дальнейшее развитие событий, было его серьезной ошибкой. В функционирование органов госбезопасности не вмешивался, но следил за ситуацией член Политбюро (с декабря 1970 г. до августа 1980 г.), секретарь ЦК ПОРП (с декабря 1970 г. до февраля 1980 г.) Э. Бабюх.

Уже с 1973 г. произошло ухудшение внешних экономических условий развития — начался рост цен на сырье, особенно на нефть, ухудшилась мировая экономическая конъюнктура. Иностранные кредиты, особенно краткосрочные, подорожали. В 1974 г. проявились первые симптомы перегрева польской экономики инвестициями. Одновременно стало очевидно, что производительность труда отстает от темпов роста доходов. Как считал сам Герек, он совершил серьезный промах: само по себе предоставление людям лучших условий для того, чтобы больше заработать, лучших возможностей для удовлетворения потребительских устремлений не решало проблемы обеспечения лучшего качества труда¹⁹³.

Вместо того, чтобы снизить темпы роста капитальных вложений, доходов населения и внешней задолженности и тем самым сохранить равновесие, именно в 1974 г. капитальные вложения были увеличены и была реализована программа повышения заработной платы, ранее намечавшаяся только на следующую пятилетку. Перед I Всепольской конференцией ПОРП, которая состоялась в октябре 1973 г., эксперты представили Гереку доклад, в котором говорилось о необходимости проведения политики «затягивания поясов», но первый секретарь ЦК не прислушался к их советам. Был введен принцип «открытого» плана. Это означало, что после утверждения сеймом хозяйственного плана можно было делать дополнительные новые инвестиции. В итоге это привело к полной дезорганизации системы планирования.

По мнению П. Божика, экономическая политика Герека носила волюнтаристский, эклектический характер. Он был практиком и при принятии решений исходил из текущей ситуации, не вникая в их системный характер. Одновременно Герек призывал активно пользоваться западным опытом. В своей экономической политике он уделял внимание повышению эффективности функционирования предприятий и целых отраслей¹⁹⁴. Однако макроэкономическое видение у Герека отсутствовало. Это вытекало из менталитета тогдашних руководителей экономики. Укреплением позиций отраслевых министерств по отношению к Госплану, «инженерский» подход к экономике, «ручное управление» экономикой делали невозможным проведение системных реформ. Существовавшую экономическую систему трогать не хотели.

Одной из причин нарастания нового экономического кризиса стало установление чрезмерно высокой нормы накопления, огромное перенапряжение народного хозяйства капитальными вложениями. Доля накопления в национальном доходе увеличилась с 26% в 1970 г. до максимального уровня — 35,6% — в 1976 г., а затем стала уменьшаться.

В первой половине 1970-х годов инвестиции в польскую экономику увеличились на 80%. Несмотря на это темпы экономического роста стали снижаться. Преобладало капитальное строительство с длительным циклом. В результате наступило чрезмерное расширение его фронта.

Контроля за инвестиционным процессом практически не было. Любая поездка в регионы первого секретаря ЦК и каждого члена Политбюро ЦК завершалась обещаниями построить там новые предприятия, дороги, коммунальную инфраструктуру. Поток инвестиций из-за рубежа также не контролировался.

Бурный рост капиталовложений оказался возможен благодаря использованию внешних кредитов, что явилось основной причиной нарастания чрезмерной задолженности страны. В 1971 г. она составляла 1,2 млрд долл., в 1973 г. — 2,8 млрд, в 1975 г. — 7,6 млрд долл. Рублевые кредиты также насчитывали несколько миллиардов.

Польша попала в «долговую яму», так как у нее отсутствовали внутренние ресурсы для погашения задолженности. Уже в 1975 г. руководство страны впервые столкнулось с трудностями в этой области. Пришлось взять валютный заем в несколько сот миллионов долларов у Советского Союза. В тогдашнем руководстве лишь Шляхчиц высказывал сначала лично Гереку, а затем и на заседании Политбюро опасения насчет быстро увеличившейся задолженности, которая «может уничтожить Польшу или сделать ее зависимой от Запада»¹⁹⁵. Однако никто из членов Политбюро серьезно не воспринял его слова.

На Старой площади и в Кремле Ф. Шляхчица недолюбливали. Прежде всего за то, что он, по данным советской разведки, якобы толкал Герека в направлении политического открытия страны Западу. Резидент КГБ в Варшаве в 1973–1984 гг. генерал-лейтенант В.Г. Павлов в 1994 г. утверждал, что, будучи одним из основных архитекторов «открытия» Польши, Шляхчиц приписал эту «гениальную идею» Гереку, убедил его в возможности «польского экономического чуда»¹⁹⁶. На руководящие посты в МВД и аппарате ЦК ПОРП Шляхчиц назначил своих сторонников, «которые, как правило, националистически, недоброжелательно и подозрительно относились к нашей стране. Ряд его сторонников в МВД во главе с вице-министром Пёнтеком были против расширения сотрудничества с КГБ»¹⁹⁷.

И к самому Гереку, и в Москву шла информация, что Шляхчиц не скрывает своих больших амбиций и ведет себя в ЦК на совещаниях как первый человек в партии, внутри Политбюро узурпировал не существовавшие функции второго секретаря. Он быстро сосредоточил в своих руках внутрипартийные и кадровые вопросы, пытался влиять на органы безопасности и даже на экономику. Своим сотрудникам он хвастался: «Герек руководит, а я управляю»¹⁹⁸. В Варшаве и некоторых воеводских комитетах ПОРП стали говорить о «группе франчишканцев» в аппарате ЦК (по имени Шляхчица — Франчишек). Мало того, Шляхчиц перенес в партию методы деятельности органов госбезопасности, устроил к Гереку двух секретарш, которые доносили о каждом его шаге. Через них Шляхчиц пытался контролировать контакты Герека, натравливал работников аппарата ЦК друг на друга.

В конце концов во время одной из встреч в 1974 г. Л.И. Брежнев сказал польскому коллеге: «Как долго ты будешь держать при себе этого капрала. Он хочет тебя подсидеть...»¹⁹⁹. После возвращения в Варшаву между Гереком и Шляхчицем состоялась беседа и произошло окончательное расставание. Шляхчиц покинул пост секретаря ЦК ПОРП, еще год оставаясь членом Политбюро. Герек пошел на этот разрыв не без сожаления. Если бы Шляхчиц остался на прежнем месте, то с его помощью Герек в будущем несомненно переиграл бы Каню и его друзей. Теперь же первый секретарь ЦК оказался беззащитным перед их интригами.

Уход Шляхчица привел к изменениям в составе высшего руководства ПОРП. Третье после Ярошевича вакантное место в иерархии занял Э. Бабюх. В здании ЦК ПОРП он отныне был вторым человеком после Герека. Бабюх занимался кадрами, организовывал работу партийного аппарата, отвечал за съезды, конференции и выборы в партии и государстве. Он был человеком скромным, серьезным, без амбиций и склонностей к интриганству. Как вспоминал бывший партийный деятель А. Старевич, «Бабюх был закулисным игроком высокого класса. Внешне он был так себе, невысокого роста, но внутри здания ЦК ПОРП играл важную роль. Герек считался с его мнением»²⁰⁰. Однако

Бабюх находился под влиянием Кани, который настраивал его против Ярошевича. В середине 1970-х годов именно этот триумвират принимал все важнейшие решения.

Герек не очень хорошо разбирался в экономике, поэтому вынужден был доверять Ярошевичу, первому заместителю председателя Совета министров М. Ягельскому и председателю Госплана Т. Вжажику. После расставания с Шляхчицем Герек оказался в одиночестве, жаловался, что не с кем по-человечески поговорить, обменяться мнениями. Пришлось из Катовице «выписать» экономиста Т. Пыку, который в октябре 1975 г. был назначен вице-премьером.

Между тем информация о том, что поляки «живут не по карману», шла в Москву из советских представительств за границей. Работникам этих представительств бросалось в глаза, что на Запад все чаще приезжают польские министры и чиновники ниже рангом, закупают машины, оборудование, технологии, лицензии — все, что пожелают. Они не имеют проблем с получением кредитов в западных банках, хвалятся своими возможностями и компетенциями перед советскими работниками, которые должны согласовывать каждый свой шаг в московских министерствах.

Когда П.К. Костиков поделился этой информацией с Я. Шидляком, тот сказал, что поляки берут кредиты, ибо они предоставляются на выгодных условиях. Это инвестиционные средства, которые укрепят и польскую экономику, и потенциал всего социалистического содружества. Польский экспорт растет, соответственно будут средства на погашение этих кредитов. Советский партийный чиновник не мог подвергать сомнению аргументы члена высшего руководства польской партии.

Тема задолженности Польши становилась все более актуальной во время переговоров, особенно с А.Н. Косыгиным. Однако польские руководители убеждали советских товарищей, что серьезной угрозы нет. Герек, Ярошевич, Ягельский и Ярузельский имели такой кредит доверия, что могли объяснить, какую выгоду для экономики, в том числе для оборонной промышленности, имеет активное сотрудничество с развитыми капиталистическими странами²⁰¹.

В связи с увеличивающейся задолженностью Западу поляки с середины 1970-х годов ставили перед Кремлем вопрос о вступлении Польши в Международный валютный фонд и Всемирный банк. В 1976 г. этому вопросу была посвящена встреча С. Ольшовского с Л.И. Брежневым. Как вспоминает бывший министр иностранных дел ПНР, советский генсек был хорошо подготовлен к беседе по этому вопросу. Ответ его был категорически отрицательным: «Там нечего искать, там полностью господствуют американцы»²⁰².

Реализация с 1974 г. политики повышения заработной платы в отрыве от роста производительности труда и предложения товаров и услуг повлекла за собой негативные последствия: появление в сознании значительной части польского общества иллюзорного убеждения, что уровень заработной платы и других доходов зависит от воли и желания властей, достаточно «нажать» на них и можно получить повышение.

В очередной раз руководством страны было недооценено значение сельского хозяйства. В частности, не были предприняты достаточные шаги по интенсификации роста растениеводческой продукции. В результате сохранялась и увеличивалась зависимость развития животноводства от импорта зерна и кормов.

Вместе с тем экономическая политика и капитальные вложения 1960-х годов (т. е. при В. Гомулке) принесли свои плоды. В первой половине 1970-х годов удалось

обеспечить высокие темпы роста промышленного производства и национального дохода, а также реальной заработной платы и потребления — самых высоких за всю историю ПНР. Произведенный национальный доход возрастал в среднем в год на 9,8%, а распределяемый еще больше — на 12%, промышленное производство — на 14, потребление — на 8,7, реальные доходы населения — на 7,9, реальная заработная плата — на 6,0%. В целом в первой половине 1970-х годов доходы населения выросли на 46%²⁰³. Это принесло неслыханный в истории Народной Польши рост жизненного уровня поляков.

Рост доходов был связан с быстрым ростом социальных выплат населению и доходов крестьян. В 1971–1975 гг. номинальные социальные выплаты — пенсии, стипендии, пособия выросли на 94% (ежегодно в среднем росли на 14,2%). Оплачиваемые декретные отпуска увеличились с 12 до 18 месяцев. Был отменен подоходный налог на физических лиц. Граждане ПНР, единственные в социалистическом содружестве, имели право открывать валютные счета в Национальном банке Польши. В магазины вернулись кофе, какао, цитрусовые, бананы, которые Гомулка считал ненужной роскошью.

Потребление продуктов питания изменилось в пользу мяса и изделий из него, масла, яиц, сахара и чая. Происходило насыщение домашних хозяйств бытовой техникой длительного пользования — холодильниками, телевизорами и радиоприемниками. В начале 70-х годов у населения было более 450 тыс. личных автомобилей, в конце — 2,3 млн, т. е. в 5 раз больше. Была открыта вначале граница с ГДР, и в 1975 г. эту страну посетили 5,6 млн поляков, а затем — с Чехословакией. На Запад в туристических целях выехали 316 тыс. человек — в 3 раза больше, чем в 1970 г. В 1979 г. за границу, в основном на отдых, выехали 9,5 млн поляков (в 1970 г. — 871 тыс.).

«Сермяжный социализм» Гомулки стал превращаться в «социализм достатка» Герека. Не случайно на VII (декабрь 1975 г.) съезде ПОРП было объявлено о строительстве в Польше «развитого социалистического общества». В первой половине 1970-х годов Польша внешне преобразилась. Те, кто приезжал в эту страну, повсюду видели новые мотели, магазины, хорошие дороги, обновленные города и деревни. Это производило большое впечатление, особенно на советских граждан.

В середине десятилетия вся партийно-государственная элита переживала головокружение от успехов. Пропаганда представляла Польшу как десятую экономическую державу мира. Первый секретарь ЦК ПОРП пользовался популярностью в обществе. В конце концов он утратил чувство реальности и был не в состоянии контролировать партийный аппарат, который часто на воеводском уровне принимал решения об инвестициях без согласования с правительством и Госпланом, чего административно-централизованная система не должна была бы допускать. Тем не менее, VII съезд ПОРП (1975 г.) проходил в обстановке эйфории. Преобладало убеждение в полном успехе руководства во главе с Герексом. Однако оно уже знало, что экономическую политику придется менять.

Между Герексом и обществом существовал неписанный договор: пока все идет хорошо, мы поддерживаем тебя и твою команду. Герек тем самым превратился в заложника политики повышения заработной платы и роста внутреннего потребления. В целом после 1970 г. были пробуждены потребительские устремления поляков, которые не были подкреплены соответствующим состоянием экономики. Польское общество жило не по средствам, на западные кредиты — в долг.

Герек совершил серьезную ошибку, не решившись в середине 1970-х годов на искренний диалог с обществом. Более того, вместо объяснения причин сначала неожиданных для поляков успехов, а затем возникших трудностей, вместо совместных поисков путей их преодоления была усилена пропаганда успехов. Важнейшим инструментом этой пропаганды, прямого манипулирования общественным сознанием стало польское телевидение, которое было оснащено лучшим западным оборудованием.

IV.5. Отношения Герека с католической церковью

В 1970-е годы власти Народной Польши отошли от политики конфронтации с католической церковью, которую проводил В. Гомулка. В свою очередь, новое десятилетие стали периодом, когда церковь приблизилась к одобрению конституционного строя ПНР.

Как и во время мартовских событий 1968 г., иерархи католической церкви проявили в декабре 1970 г. большую сдержанность, опасаясь, чтобы выступления масс не привели к неконтролируемому распространению беспорядков. Кардинал С. Вышиньский выполнил пожелание властей и остановил чтение в костелах папского письма епископата «Угроза существованию народа», содержавшего критику социальной политики государства.

Молчание церкви с удовлетворением было принято новым руководством ПОРП. Герек в своем первом радиотелевизионном выступлении 20 декабря 1970 г. обратился к слушателям и зрителям со словами: «верующие и неверующие, члены партии и беспартийные» (Гомулка начинал свои выступления со слов: «товарищи и граждане»). Такое обращение было воспринято как сигнал к улучшению отношений между государством и церковью. 23 декабря в программном выступлении в сейме новый премьер Ярошевич прямо заявил: «Мы будем стремиться к полной нормализации отношений между государством и церковью, одновременно ожидая, что усилия правительства встретятся с надлежащим пониманием церковных и светских католических кругов»²⁰⁴. На следующий же день генеральный секретарь епископата Польши Б. Домбровский направил ему письмо, в котором отметил, что он с удовлетворением принял заявление премьера в сейме. Секретарь епископата выразил надежду, что начнется новый этап в отношениях церкви и государства²⁰⁵.

29 декабря 1970 г. на заседании Политбюро ЦК ПОРП М. Мочару было поручено разработать новые предложения о дальнейшем регулировании отношений по линии «государство–церковь». Э. Герек впоследствии вспоминал: «Я с неодобрением в 1960-х годах наблюдал обреченную на поражение борьбу Гомулки с католической церковью... Мне казалось, что это была иррациональная малоэффективная политика. Если кто на этом зарабатывал капитал, то со всей уверенностью могу сказать, что не партия, а Вышиньский и католическая церковь. Поэтому я решил заключить с кардиналом своеобразный пакт о ненападении»²⁰⁶.

Примас Польши поддержал Герека. В прочитанной в костелах новогодней проповеди говорилось: «Я убежден, что в нашей общественно-политической жизни пробуждается понимание и надежда, что после болезненного кровавого опыта... будет расти понимание Закона Божьего, духа Евангелия, социальной любви и справедливости»²⁰⁷.

1 февраля 1971 г. правительство заявило, что церковь получит в собственность имущество, которым она прежде пользовалась на западных и северных землях как собственностью государства. На основе закона, принятого сеймом 23 июня 1971 г., церковь получила в собственность более 4 тыс. костелов и часовен, почти полторы тысяч зданий и несколько сот га пахотной земли. В 1973 г. церкви дополнительно было передано более 600 объектов недвижимости.

3 марта 1971 г. состоялась встреча между Ярошевичем и Вышиньским, которая длилась три часа. Это была первая за последние годы встреча на столь высоком уровне. Председатель правительства заявил примасу, что Герек не намерен вести войну с католической церковью. Одновременно Ярошевич просил Вышиньского, чтобы церковь не включалась в политическую антисоциалистическую деятельность²⁰⁸.

Власти выдали разрешение на строительство 150 новых костелов и других церковных объектов. Если в 1966–1970 гг. было построено 37 костелов, то в 1971–1975 гг. — 132. Государство простило старые церковные долги, отменило требование ведения ксендзами инвентарных книг, ввело многочисленные облегчения в работе пунктов изучения Закона Божьего школьниками за пределами костелов. Если в 1971 г. в духовные семинарии были приняты 735 человек, то в 1976 г. — 1174. Семинаристов все реже стали призывать на службу в армию. Для поездок за границу иерархи получили дипломатические паспорта. В начале 1970-х годов отношения польских властей с руководством Польской римско-католической церкви существенно улучшились.

Хотя СМИ не сообщали о встречах Герека с примасом, они проходили по несколько раз в год. Как вспоминал первый секретарь ЦК ПОРП, «с первой встречи мы нашли общий язык. Ведь мы были горячими патриотами своей страны и хотели, чтобы наша страна развивалась...»²⁰⁹. Вышиньский обращался к Гереку «первый секретарь» и «пан Герек», а Герек к Вышиньскому — «Ваше преосвященство», «ксендз примас», «ксендз кардинал». В ходе этих встреч обсуждались сферы сотрудничества государства и церкви: семья и ее укрепление, гражданское воспитание, мораль, отношение к труду, здравоохранение. Поднимались также вопросы польско-советских отношений. Оба, несмотря на различия, аналогичным образом понимали необходимость большей независимости Польши при признании силы и значения СССР²¹⁰.

В 1971 г. Варшава инициировала переговоры с Ватиканом о нормализации межгосударственных отношений. После того, как СССР и Польша заключили с ФРГ договоры, гарантирующие западные и северные границы ПНР, Конференция епископата Польши обратилась 28 июня 1972 г. к Ватикану с предложением о приведении в соответствие территориальной структуры Польской католической церкви с государственными границами ПНР. Папа Павел VI пошел навстречу и в связи с ратификацией договора между Польшей и ФРГ 1970 г. установил постоянную церковную администрацию на западных и северных землях — вместо временной церковной администрации было создано польское епископство во Вроцлаве и четыре диоцеза (епархии): гожевский, опольский, кошалиньско-кологбжегский и щецинско-каменьский. Эту буллу примас получил 18 ноября 1972 г., в шестую годовщину послания польских епископов немецким епископам²¹¹.

В 1974 г. правительство и Ватикан установили постоянные рабочие контакты. Это был важный шаг к признанию Ватиканом ПНР.

По мнению тогдашних польских властей, отношения по линии правительство — епископат складывались хорошо. Руководство церкви фактически превратилось в неофициального консультанта по многим принимаемым властью политическим решениям. По существу ПОРП и церковь становились паритетными партнерами, что меняло качество власти, ослабляло монополию партии. Встречи партийного и государственного руководства с церковными деятелями на центральном и воеводском уровнях постепенно превращались в постоянную практику политической жизни страны.

Несмотря на улучшение отношений между католической церковью и государством, руководство ПОРП действовало по принципу: доверяй, но проверяй. В ноябре 1973 г. министр внутренних дел ПНР С. Ковальчик создал автономную группу «D» IV департамента МВД, целью которой было усиление надзора за католической церковью.

IV.6. НАСТРОЕНИЯ ОППОЗИЦИОННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В первой половине 1970-х годов практически отсутствовали общественные условия для активности оппозиционно настроенной интеллигенции. Подвергшаяся репрессиям в 1968 г., она не оказала влияния на выступления рабочих в декабре 1970 — январе 1971 гг. Причину молчания интеллигенции надо также искать в отсутствии новых концепций у переживавшей расставание с марксизмом ее левой демократической части, и в неожиданности самих выступлений, которые в равной степени застали врасплох и В. Гомулку, и оппозицию²¹².

По существу художественная и научная интеллигенция поддержала политику Э. Герека, в том числе в области культуры и науки. Модернизация, большая культурная свобода, открытость Западу создавали надежду на постепенные перемены в стране в направлении либерализации. Герек освободил из тюрьмы последних политических заключенных — Я. Куроня и К. Модзелевского.

А. Михник окончил исторический факультет Познаньского университета. К. Модзелевский после отбытия двухлетнего заключения занялся серьезными научными исследованиями, читал лекции в Италии. 27 апреля 1973 г. С. Киселевский написал в своем дневнике: «Мартовская молодежь — это последняя активная интеллигентная часть общества, которую я знаю. На смену ей идут белые воротнички из крупных городов, думающие только о деньгах»²¹³. Однако известный польский публицист ошибался.

В начале 1970-х годов оппозиция в писательской среде также практически не проявляла себя. Состоявшийся в Лодзи в феврале 1972 г. съезд Союза польских писателей прошел настолько спокойно, что вызвал удивление у работников аппарата ЦК ПОРП. Большинство выступавших отмечали, что после прихода к власти Герека политика в области культуры изменилась к лучшему. А. Слонимский заявил, что отказывается от предъявления счетов за прошлое. Известный своей неконформистской позицией гданьский писатель Л. Бондковский неожиданно для всех сказал, что необходимо поддерживать политику дружбы и сотрудничества с СССР.

Представители оппозиции А. Браун, А. Киевский и М. Яструн впервые за несколько лет были избраны в состав правления Союза писателей. В такой же спокойной атмосфере прошел и съезд Союза польских художников. К активной публицистической

деятельности вернулся С. Киселевский. Это означало, что оппозиционно настроенные представители интеллигенции выходили из состояния «внутренней эмиграции» и включались в общественную деятельность.

В начале 1970-х годов польский «ревизионизм» как идейное течение левой мысли практически прекратил свое существование. Л. Колаковский, А. Михник и Р. Зиманд окончательно расстались с коммунистическими убеждениями и выступили с резкой критикой марксизма справа.

Участники светского католического движения «Знак» приветствовали новый политический курс Герека. «Новые позитивисты» оставались верны своим принципам, сформулированным еще в середине 1950-х годов: неприятие никаких революционных преобразований и ориентация Польши на Советский Союз как противовесу западно-германскому реваншизму. В связи с нормализацией в 1971 г. отношений между церковью и государством ослабело значение движения «Знак» как течения, защищающего интересы католической интеллигенции перед наступлением официального атеизма.

В новых условиях светские католики выдвинули две концепции деятельности «Знака». Первая заключалась в дальнейшем его участии в официальных структурах с целью оживления функционирования всех представительских органов государственной власти, начиная от местных советов и кончая сеймом. Сторонники такого подхода исходили из того, что католические клубы — это объединения граждан, которые должны принимать участие в политической жизни, выражая общественное мнение. Приверженцами такой программы были В. Аулейтнер, Я. Заблоцкий, К. Любенский и др. Власти считали их представителями левой тенденции в движении и рассчитывали на сотрудничество с ними.

Другую программу деятельности выдвигал А. Велёвейский. По его мнению, само по себе движение «Знак» не имеет большого влияния в обществе, так как мало участвует в мероприятиях, организуемых церковью и Люблинским католическим университетом. Что касается независимого общественного мнения широких масс светских католиков, то оно только формируется. Поэтому приоритетным направлением деятельности клубов католической интеллигенции должно стать тесное сотрудничество с церковью и работа среди «молодой технократической общественности», тяготеющей к ценностям культуры и гуманизма. Тем самым Велёвейский делал упор на культурно-просветительскую деятельность.

В процессе обсуждения направлений деятельности возобладали сторонники программы Велёвейского, которую поддержали подавляющее большинство «новых позитивистов» (С. Киселевский, С. Стомма, Е. Турович, Я. Возняковский и др.), а также главный редактор «Вензи» Т. Мазовецкий. В итоге споры о программе работы привели к размежеванию двух течений в движении «Знак»: политического и общественного²¹⁴.

В мае 1973 г. В. Аулейтнер предложил властям создать новое светское католическое объединение, которое воздействовало бы на епископат, побуждая его к отказу от анти-социалистических позиций и к включению церкви в работу на пользу нового строя.

Со временем оппозиционно настроенная интеллигенция стала концентрироваться в основном на интеллектуальной работе. А. Михник и Я. Куронь оставались ведущими представителями демократической интеллигенции. В конце 1974 г. Куронь опубликовал в парижской «Культуре» статью «Политическая оппозиция в Польше», посвященную тактике оппозиционной деятельности. В основу своих

рассуждений он положил два тезиса: правящий в ПНР режим носит тоталитарный характер, стремится к разрушению всех общественных связей, независимо от формальной структуры государственной организации; Польша — несuverенное государство, которое не проводит самостоятельной внешней политики и не может выбирать общественный строй. Нынешняя оппозиция должна основываться на решительном неприятии тоталитаризма. Ее задача — противодействовать моральному и культурному разрушению нации, т. е. вести просветительскую деятельность, воспитывать в народе чувство терпимости, плюрализм мнений и критическое отношение к действительности. По мнению Куроня, в среде творческой интеллигенции и студенчества рождается оппозиция нового типа, которая отринула ряд предыдущих заблуждений и объединяется в единое сообщество под лозунгами прав человека, свободы личности и признания коллективного характера производства. Огромную роль в формировании такой интеллигенции играют также католическая церковь и эмиграция. В общем, Куронь, понимая, что в тогдaшней ситуации тактика открытой борьбы с правящим режимом была нереальной, призывал к постоянному давлению оппозиции на власть. Он выступал против огосударствления средств производства и тем самым оставался сторонником какой-то «иной формы» социализма²¹⁵.

Платформу объединения усилий светских левых демократов и католической церкви А. Михник сформулировал в своей книге «Церковь — левые — диалог», написанной весной–летом 1976 г.²¹⁶ В качестве основы их сближения автор предложил, как антитезу тоталитаризму, концепцию прав человека, защищающую личность перед всевластием государства. Михник решительно отвергал и атеизм, и антицерковный обскурантизм левых сил. Несмотря на свой отход от официальной идеологии, автор подтверждал свою приверженность идеям социализма и неприятие капитализма.

Небольшие группки правой националистической интеллигенции пытались создавать свои подпольные организации. Еще в конце 1960-х годов служба безопасности раскрыла нелегальную организацию «Движение», которая ставила своей целью свержение социализма в Польше. В 1971 г. начался процесс над членами этой организации, хотя Гереку в связи с провозглашением лозунга о морально-политическом единстве общества это было не выгодно. Двое основных обвиняемых — А. Чума и С. Неселовский — получили большие сроки: по семь лет тюрьмы. Они были выпущены на свободу в июле 1974 г. в связи с объявленной амнистией.

Еще в эпоху Гомулки, на рубеже 1968–1969 гг., в Гданьске возникло Движение молодой Польши, которое стало приобретать некоторый вес только в 1971 г. после налаживания контактов с популярным среди молодежи доминиканским священником Л. Вишневским. В идейном отношении эта организация опиралась на наследие, с одной стороны, Ю. Пилсудского, с другой — национальных демократов. Однако, как утверждает лидер группы А. Халль, четко сложившейся идеологии у Движения молодой Польши не было. Общим было неприятие марксизма и опора на некие национальные ценности²¹⁷.

Поправки к Конституции ПНР вызвали активизацию оппозиционно настроенной интеллигенции разных течений. Это был первый после марта 1968 г. протест против властей в форме нескольких писем, которые подписали 600 человек. Для Герекa эти письма стали полной неожиданностью.

5 декабря 1975 г. известный экономист Э. Липиньский вручил спикеру сейма так называемое «письмо 59-ти» (по числу первоначальных подписантов письма, всего его подписали 66 человек). Под письмом поставили свои подписи такие известные в Польше люди, как литератор С. Киселевский, философы Л. Колаковский, К. Помян и Я. Карпиньский, филолог Я.Ю. Липский, поэт В. Шимборская, историки А. Михник и Я. Куронь, философ, ксендз А. Зея, писатели А. Слонимский, Я.Ю. Щепаньский и Я.Н. Миллер и др.

Авторы письма требовали, чтобы Конституция содержала гарантии следующих свобод: совести и религиозных обрядов, труда, свободных профсоюзов и права на забастовку, слова и информации, отмены цензуры и государственной монополии на информацию, научных исследований и др. Подчеркивалось, что гарантии этих свобод несовместимы «с признанием руководящей роли одной из партий в системе государственной власти»²¹⁸. Власти восприняли это письмо как призыв к введению в стране буржуазно-демократических порядков. 12 февраля 1976 г. Э. Герек на пресс-конференции назвал подписантов письма «отъявленными антикоммунистами»²¹⁹.

Письма против внесения изменений в Конституцию в сейм или в комиссию по подготовке изменений в Конституции, председателем которой был Г. Яблоньский, направили: 9 января — епископат Польши, 17 января — председатели клубов католической интеллигенции и главные редакторы католических периодических изданий, 21 января — группа интеллигенции, противников закрепления в Конституции союза с СССР (так называемое «письмо 14-ти»), 31 января — деятели культуры (так называемое «письмо 101»). Э. Липиньский в открытом письме к Э. Гереку утверждал, что в середине 1970-х годов в Польше нет более важного вопроса, чем суверенитет страны. Навязывание советского опыта противоречит национальным интересам польского народа²²⁰.

Движение «Знак», как уже отмечалось, приняло активное участие в этой кампании протеста, делая упор на недопустимость для верующих отражения в Конституции положения о руководящей роли ПОРП как организации, придерживающейся материалистического мировоззрения. В письме руководителей «Знака» содержался хотя и осторожный, но довольно внятный протест против внесения в Конституцию положений о внешнеполитических договорах ПНР. С. Стомма в отправленном в конце января письме Г. Яблоньскому также выступил против закрепления в Конституции руководящей роли ПОРП.

Протестные письма продемонстрировали отсутствие коренных расхождений во взглядах между различными течениями оппозиционно настроенной польской интеллигенции — левой демократической, светских католиков и священников, которые объединились против поправок к Конституции. Всех их объединяли либеральные ценности. Это был важный этап консолидации оппозиционно настроенных кругов, их взаимного сближения.

После принятия поправок фактически произошел назревавший с конца 1960-х годов раскол светского католического движения «Знак». Подавляющая часть этого движения (Клубы католической интеллигенции в Варшаве, Кракове, Вроцлаве и Торуне, «Тыгодник повсехный», «Вензь», жуббрнал и издательство «Знак») прервала сотрудничество с властью. Меньшая часть (в частности, Клуб католической интеллигенции в Познани) продолжала прежнюю политическую деятельность, выступая под старой

вывеской депутатской группы «Знак». Тем самым раскол в «Знаке» означал назревшие перемены во взаимоотношениях власти со светскими католиками.

В конце 1975 г. — начале 1976 г. историк литературы З. Найдер создал нелегальную организацию оппозиционно настроенной интеллигенции Польское национально-освободительное соглашение. Ее программа, впервые опубликованная 3 мая 1976 г. в издаваемом в Лондоне еженедельнике «Тыгодник польски», ставила следующие цели: достижение полной независимости от СССР, выход из Варшавского договора, введение демократического строя и гражданских свобод, ликвидация цензуры, восстановление свободы слова и права на объединение, свобода культурной деятельности и научных исследований, свобода хозяйственной деятельности для частного сектора, примирение с ФРГ, поддержка «стремлений» к независимости Украины, Белоруссии и Литвы.

В отличие от предыдущих подпольных организаций Польское национально-освободительное соглашение заявило о себе прежде всего за границей и было в достаточной степени открыто для людей, известных своими оппозиционными взглядами. Его первыми членами стали Г. Дембиньский, искусствовед В. Карпиньский, литератор А. Киёвский, адвокат Я. Ольшевский, филолог Ю. Рыбицкий, литератор Я.Ю. Щепаньский и Я. Зараньский. Создание этой организации можно считать окончанием еще одного этапа в развитии мировоззрения левой демократической оппозиции, на протяжении которого выстраивалась новая система ценностей взамен концепции «польского пути к социализму». Произошел переход левой, оппозиционно настроенной интеллигенции на позиции неприятия режима Народной Польши и сближения с идеями западной социал-демократии. Кроме того, она включила в свои концепции идеи суверенитета и ряд традиционных ценностей, которые до сих пор исповедовали лишь представители националистически настроенной оппозиционной интеллигенции²²¹.

IV.7. Советско-польские отношения

Герек в своей политике в отношении СССР всегда руководствовался реализмом и польскими национальными интересами. Он считал, что Польша «обречена» на хорошие отношения с Советским Союзом. Любое отступление от этого принципа могло принести полякам только беду²²². Во время визитов на Запад в беседах с западными государственными деятелями Герек не проявлял антисоветизма. «Я никогда ничего не затевал против Советского Союза, — говорил он впоследствии, — более того, никто на Западе от меня этого и не ожидал». Мы были сильными на Западе, повторял он многократно, благодаря сильной позиции в Кремле²²³.

Герек вспоминал, что 2 октября 1971 г., стоя перед могилой Неизвестного солдата в Париже, он думал о строительстве по-настоящему независимой Польши, связанной союзом с СССР, но открытой миру. Чтобы этого достичь, он хотел построить в стране сильную экономику. Это позволило бы установить более равноправные отношения с Москвой и со всем социалистическим содружеством. Однако А. Верблян, со своей стороны, утверждает, что Герек в отношении Советского Союза вел двойную игру. В ходе переговоров с канцлером ФРГ Г. Шмидтом и президентом Франции В. Жискара д'Эстеном он не скрывал, что рассчитывает на экономическую помощь Запада, чтобы стать более независимым от Советского Союза²²⁴.

Герек очень тепло писал в своих воспоминаниях о Л.И. Брежнев, называл его «выдающейся личностью». Пока Брежнев не заболел, он был вдумчивым политиком, всегда старался понять позицию другой стороны, никогда во время встреч и переговоров не допускал высокомерия. Все переговоры с руководителями Польши проходили в дружеской атмосфере, с пониманием польских потребностей²²⁵.

В свою очередь для Брежнева Герек был самым успешным, самым опытным и самым верным из всех лидеров стран социалистического содружества. По мнению П.К. Костикова, в этом заключался секрет советской поддержки экономической политики Герека, «попахивавшей капитализмом»²²⁶.

Вместе с тем Герек считал, что ему в Кремле все же до конца не доверяют. Поэтому он делал все, чтобы переубедить советских товарищей, всячески заверял их, что он является принципиальным марксистом-ленинцем и верным союзником и другом Советского Союза. На самом же деле до середины 1976 годов первый секретарь ЦК ПОРП пользовался полной поддержкой советского руководства. Когда в 1975 г. генерал-лейтенант В.Г. Павлов в одной из записок написал, что Герек проводит ошибочную политику, Ю.В. Андропов отреагировал весьма резко: «Знаем его как хорошего коммуниста, и не смейте его критиковать!»²²⁷.

В отношении Л.И. Брежнева польский лидер шел на различные верноподданнические жесты. Например, в июле 1974 г. он наградил генерального секретаря ЦК КПСС Большим крестом ордена «Виртути Милитари» первого класса, который присуждается за большие военные заслуги только самым выдающимся военачальникам. Этот жест вызвал негодование среди польских военных. А советский генсек был восхищен, когда узнал от Герека, что этим орденом были награждены только маршалы Пилсудский и Фош. Даже будучи на пенсии, польский лидер продолжал считать, что решение наградить Брежнева орденом было «в интересах Польши, укрепляло положительное отношение Брежнева к ПНР»²²⁸.

Во время беседы Герека и М. Раковского на тему отношений с Москвой первый секретарь ЦК сказал: «...я езжу туда не для того, чтобы там водку пить или на коленях ползать. Я там ищу выгоды для Польши»²²⁹.

Главный редактор еженедельника «Политика» утверждал, что в 1970-е годы советские официальные лица по-разному относились к Польше. Но он ни разу не заметил с их стороны проявлений великодержавности. Правда, в сфере идеологии ситуация была неоднозначной. Аппарат ЦК КПСС нередко был недоверчив, в разговорах появлялось клише «польские паны», чувствовалась подозрительность, осуждались контакты с Западом²³⁰.

1970-е годы не были отмечены практикой советского вмешательства во внутренние дела Польши. В начале десятилетия советско-польские отношения развивались, как считал Костиков, просто великолепно²³¹. Эти отношения, внешне очень хорошие, изнутри напоминали отношения между отцом и непослушным ребенком. Один из руководителей отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Г.Х. Шахназаров характеризовал их следующим образом: Гомулка отвоевал право управлять страной по-своему, а Герек этим правом пользовался. И это соответствовало действительному положению дел. Не было буквально ни одной встречи на высшем уровне, когда Брежнев с подачи своих советников не внушал бы польскому лидеру, что необходимо отменить «ошибочное решение» Гомулки

приостановить сплошную коллективизацию. Полякам без конца пеняли за то, что они мирятся со своеволием католической церкви, флиртуют с польской диаспорой в США, разрешают частные лавки в центре своей столицы и т. п. Герек особенно не спорил, делал вид, что соглашается, широко улыбался, обещал подумать, подправить дело на очередном пленуме, но тем все и кончалось. И сам он, и Ярошевич были если не реформаторами, то прагматиками, и не желали, чтобы ими помыкали²³².

Герек и его окружение, несмотря на всяческие жесты и декларации в адрес Москвы, в основном пропускали ее советы мимо ушей или поступали наоборот. Когда Брежнев убеждал польского лидера, что необходимо назначить Ольшовского премьер-министром, Герек после возвращения в Варшаву отправил того послом в Берлин. Когда Брежнев предложил Гереку отозвать Бабюха с поста секретаря ЦК ПОРП, первый секретарь назначил его премьером²³³.

В целом, после прихода в СССР к власти Л.И. Брежнева произошло расширение контактов между КПСС и ПОРП на различных уровнях. Частыми стали встречи на уровне членов Политбюро, секретарей, руководителей отделов ЦК и т. д. Брежневу хотелось показать всему миру, что социалистические страны являются подлинным сотрудничеством государств.

В Москве к разным польским руководителям относились по-разному. Верхом доверия со стороны Кремля во время их визитов были встречи с генеральным секретарем ЦК КПСС. Такая честь оказывалась Ольшовскому, которого Брежнев принимал неоднократно, а также Бабюху и Ярузельскому, который был в дружеских отношениях с министром обороны СССР А.А. Гречко. К Ярузельскому и сам Брежнев относился по-особому.

В 1973–1975 гг. Л.И. Брежнев не раз бывал в Польше. Он был нужен Гереку не только для того, чтобы держать в повиновении своих коллег-товарищей, но и как важный инвестиционный и торговый партнер. Поэтому во время визита в 1973 г. он принимал советского генсека по-братски, ездил с ним по всей Польше, но с особенной гордостью показывал ему самое большое свое достижение — строившийся в основном на советские деньги металлургический комбинат «Катовице». Этот комбинат должен был быть в два раза больше, чем Новая Гута им. Ленина под Краковом и обеспечить польскую экономику лучшими сортами стали. Брежнев, металлург по образованию, был просто восхищен новым комбинатом. Для него, как и для всего его поколения, производство стали было показателем мощи государств и народов. Герек подтверждал: комбинат «Катовице» является свидетельством могущества не только Польши, но всего социалистического сотрудничества. И когда Герек попросил о поставках из Донбасса чугуна для комбината, генсек не мог отказать, несмотря на протесты Косыгина, который был членом делегации.

Не только Герек, но и другие руководители социалистических стран клялись в дружбе с Советским Союзом на вечные времена, в верности социалистическим идеалам для того, чтобы получить как можно больше материальных благ от СССР. Резидент КГБ в Варшаве (1973–1984 гг.) В.Г. Павлов²³⁴ писал в своих донесениях, что польские руководители на самом деле являются прагматичными и неискренними людьми и могут обмануть советских лидеров. Вначале на эти донесения на Старой площади и в Кремле не обращали внимания, но по мере ухудшения ситуации в Польше их читали со все большим интересом.

При Гереке коренные проблемы польско-советских отношений на заседаниях Политбюро ЦК ПОРП не обсуждались. На повестке дня были лишь их производные аспекты: укрепление партийных связей и сотрудничества, использование опыта социалистического строительства. Польские руководители придерживались принципа, что выступать против Советского Союза нельзя, но одновременно нельзя проявлять и излишнее низкопоклонство. В отличие от Гомулки, Герек был сторонником большей экономической независимости Польши от СССР. В 1970-х годах поляки строили отношения с Советским Союзом уже на основе холодного расчета.

В советских партийных и государственных структурах плохо воспринималась польская политика открытости Западу, а политика ускорения экономического развития за счет западных кредитов оценивалась как легкомысленная. Г. Киссинджер в беседе с Ф. Шляхичем открыто говорил, что Польша должна быть страной, которая путем модернизации экономики и повышения жизненного уровня будет воздействовать на другие социалистические страны, прежде всего на Советский Союз. Именно поэтому Запад давал ПНР кредиты. Герек и его команда считали, что Польша будет по-настоящему независимой только тогда, когда укрепит свою экономическую мощь, а СССР станет для нее большим рынком сбыта²³⁵.

Советская критика экономической политики Герека началась уже в 1974 г. Польская делегация во главе с председателем Государственного совета ПНР Г. Яблоньским, которая летела с официальным визитом в Монголию, сделала остановку в Москве и была принята председателем Президиума Верховного совета СССР Н.В. Подгорным. Во время обеда он высказал обеспокоенность увеличивающейся задолженностью Польши Западу²³⁶. С тех пор советские руководители, особенно А.Н. Косыгин, настойчиво советовали своим польским коллегам не влезать в долги и не проявлять необдуманных инициатив. Представители Госплана обвиняли поляков в «рискованном экономическом экспериментировании». Но те стояли на своем.

Необдуманных инициатив было немало. Одной из них стало решение построить в районе Эльблонга морской порт. Именно в этом месте Калининградский (Висленский) залив очень мелководен, поэтому предполагалось залив углубить, а ил вывозить на поля как удобрение. Это привело бы к ухудшению экологической ситуации в регионе. Советские руководители еле отговорили Герека от этой вредной затеи. Потом польский лидер решил создать в Польше полноценную авиационную промышленность. Косыгин сразу сказал Гереку: от нас не ожидайте коммерческой помощи, мы сами сокращаем программу строительства авиации и имеем с этим проблемы.

Перед строительством металлургического комбината «Катовице» П. Ярошевич трижды ездил в Москву, чтобы убедить А.Н. Косыгина поставлять необходимое оборудование. Лишь на третий раз председатель Совета министров СССР сдался²³⁷.

В марте 1971 г. новым послом СССР в ПНР был назначен С.А. Пилотович, в 1965–1971 годах секретарь ЦК КП Белоруссии. В молодости он жил среди поляков, знал польский язык. В Варшаве его приняли сердечно, познакомили с членами польского руководства. Патронаж над ним осуществлял лично Герек. В результате Пилотович стал человеком, безоглядно симпатизировавшим Гереку и его политическому курсу. Из советского посольства в Москву шла только позитивная информация. Сам Герек вспоминал о Пилотовиче с симпатией, потому что тот не вмешивался во внутренние дела Польши. Когда посол не понимал шагов польского руководства, то просил разъяс-

нений²³⁸. Пилотович участвовал в различного рода встречах с представителями польского общества, где его знание польского языка производило хорошее впечатление.

Как вспоминает Герек, в начале 1970-х годов он впервые обратился к Брежневу с просьбой прояснить «катынское дело». Тот, не зная его истоков, проявил к нему живой интерес, но ничего не предпринял по существу. Через два года на эту тему Герек беседовал и с А.А. Громыко, который ответил, что «точка зрения советской стороны по этому вопросу уже высказана и ему, в сущности, нечего добавить»²³⁹. По просьбе Герека катынским вопросом пытался серьезно заняться Пилотович, который пообещал добиться содействия руководства МИД СССР. Однако Громыко не только не поддержал посла, но, наоборот, именно из-за этого, по мнению Герека, отозвал дипломата в Москву, так как считал ненужным вмешиваться в это деликатное дело.

В июне 1978 г. в Варшаву прибыл новый посол Б.И. Аристов, бывший первый секретарь Ленинградского горкома КПСС. Его работа в Польше пришлось на время дальнейшего нарастания кризиса в стране и на события 1980–1981 гг. Аристов был хорошо сориентирован в экономической ситуации в Польше, однако он слабо понимал польскую специфику, в частности роль католической церкви. Посол встречался не только с Герекком и членами его команды, но и с политиками, критически оценивавшими деятельность первого секретаря ЦК ПОРП. С мнением Аристова все больше считались в Москве, к его оценкам прислушивались также польские руководители. Однако советский посол был далек от дипломатического такта. Безапелляционность его оценок вызывало раздражение польских политиков. Даже В.Г. Павлов вынужден был признать, что Аристов переходил допустимую границу²⁴⁰.

V.1. ДРАМАТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ИЮНЯ 1976 г.

В 1975–1976 гг. в экономике Польши все отчетливее проявлялись симптомы кризиса. В ситуации более быстрого, чем рост промышленного и сельскохозяйственного производства, увеличения денежных доходов населения при стабильных ценах на продукты питания нарастало неравновесие на потребительском рынке. Рост спрос на продовольственные товары, прежде всего на мясо. Эти трудности усугубил неурожай 1974–1975 гг. Впоследствии Герек вспоминал: «В руководстве партии и государства необходимости нового повышения цен боялись все, на уровне подсознания мы старались отодвинуть такое решение по времени как можно дальше. Однако в середине 1976 г. оно уже становилось неизбежным»²⁴¹.

По иронии истории та же самая группа экспертов, которая в 1970 г. работала вместе с Б. Ящукон над повышением цен на продовольствие, в 1976 г. разрабатывала проект нового повышения розничных цен, на этот раз под руководством вице-премьера М. Ягельского. Спустя шесть лет команда Герека как бы вновь оказалась в той же точке, что и руководство во главе с В. Гомулкой. Герек успокаивал П.К. Костикова: «Мы наверняка не повторим ошибок наших предшественников, которые никому ничего не объяснили, и повышение цен оказалось для рабочего класса полной неожиданностью»²⁴².

Л.И. Брежнев прямо выступил против повышения цен, сказав Гереку: «Ты что, забыл, что произошло в 1970 г.? Опять начинаете делать то, за что мы все вместе будем платить. Мы решительно выступаем против ваших экспериментов, которые наносят удар по интересам содружества. Проанализируйте еще раз все данные. Найдите другой выход»²⁴³. Требование Брежнева было категоричным.

Однако в Варшаве эксперты и Ярошевич пришли к однозначному выводу: экономика без повышения цен не выдержит. Не будет ни рыночного равновесия, ни возможности какого-либо маневра, если не изменится пропорция между ценами и доходами населения. Политбюро ЦК ПОРП приняло проект решения при условии, что партийные организации будут снизу его защищать. За два дня до публичного объявления повышения цен Ярошевич на несколько часов приезжал в Москву, на встречу с Косыгиным. Советский премьер читал по ходу встречи проект решения и делал замечания. В расчетах, содержащихся в этом документе, Косыгин нашел несколько ошибок. Обещание компенсации населению за повышение цен он воспринял как нечто похожее на обман. «Не слушайте экономистов-теоретиков, — сказал Косыгин, — ибо я, как экономист-практик, не вижу смысла в концепции ограничения потребления мяса путем повышения цен, поскольку в другой карман людям кладут денежную компенсацию. Вы хотите принять решение, которое является политически опасным, а экономически неэффективным. Вы что, забыли о декабре 1970 г.?»²⁴⁴. В итоге советский премьер заявил Ярошевичу, что «проект плохой, а его обоснование и того хуже». Польский премьер клятвенно обещал, что замечания учтет, все проанализирует еще раз и найдет более благоприятный для населения выход из ситуации²⁴⁵.

Во время заседания Политбюро ЦК ПОРП Ярошевич не скрывал перед коллегами отрицательного отношения Косыгина к повышению цен в Польше. Однако Герек, не воспринявший замечаний советского премьера всерьез, при подведении итогов обсуждения сказал: «Мы покажем им, как можно и как необходимо решать серьезные экономические проблемы. Пусть учатся у нас»²⁴⁶.

Перед повышением цен были проведены консультации — сначала на 179 предприятиях, а 8–9 июня в ЦК ПОРП с первыми секретарями воеводских комитетов партии. Был сделан поспешный вывод, что «трудящиеся и актив в целом примирились с мыслью о неизбежности повышения цен»²⁴⁷. Посоветовались также и с журналистами. Более того, власти пошли на уступки иерархам католической церкви: 22 июня 1976 г. Ярошевич подписал разрешение на строительство 30 костелов. Воеводам было поручено перед самым объявлением о повышении цен провести беседы на эту тему с епископами. 23 июня 1976 г. секретарь ЦК ПОРП С. Каня встретился с генеральным секретарем епископата Польши Б. Домбровским и проинформировал его о предстоящей акции. Власти надеялись, что епископы и ксендзы будут содействовать поддержанию спокойствия в стране. Однако Домбровский был убежден, что повышение «ударит по самым бедным слоям населения и углубит недовольство общества»²⁴⁸.

Служба безопасности и милиция, которым заранее повысили заработную плату (как и армии), были приведены в состояние боевой готовности. Созданный заранее оперативный штаб «Маневры лето-76» под руководством вице-министра внутренних дел генерала Б. Стахуры 23 июня 1976 г. получил название «Операция». В воеводских управлениях МВД были созданы специальные следственные группы, подготовлены свободные места в СИЗО на случай арестов и проведения следствия.

24 июня 1976 г. на заседании сейма П. Ярошевич объявил о значительном повышении цен. На мясо и мясные продукты оно должно было составить в среднем 69%, в том числе на колбасные изделия — 100%, на масло и молоко — 50%, сахар — 100%. Несмотря на всю проведенную властью подготовительную работу, поляки были поражены масштабом повышения, более значительным, чем в декабре 1970 г. При этом компенсация носила странный характер: зарабатывавшие больше должны были получить 600 злотых, а рабочие и служащие с низкими зарплатами — 240 злотых! Трудящимися это воспринималось как нарушение социальной справедливости. Власть допустила грубую политическую ошибку. Такой размер компенсации толкал рабочих к открытым протестам. Нужно подчеркнуть, что Герек этого опасался. Поэтому накануне выступления премьера в сейме он категорически потребовал, чтобы в случае уличных демонстраций милиция не использовала огнестрельного оружия.

В Москве сразу же сравнили текст выступления Ярошевича в сейме и тот проект, который он привозил в Москву. Все внесенные поправки носили сугубо редакционный характер. Разочарованный Косыгин с горечью сказал: «Зачем он сюда приезжал на консультации?»²⁴⁹.

25 июня в 24-х из 49-ти воеводств, на 111 предприятиях начались забастовки и митинги, в которых приняли участие 80 тыс. человек²⁵⁰. Уличные выступления развернулись в трех городах — Радоме, Урсусе и Плоцке. Это было третье по счету протестное выступление масс в истории ПНР.

В Радоме забастовка вспыхнула рано утром на заводе им. генерала Вальтера. После митинга сформировалась колонна демонстрантов, насчитывавшая около тысячи

человек, которая после 8 часов вышла за территорию завода. Власти сразу же отключили телефонную связь между заводом и городом, привели в боевую готовность местный ОМОН. В 10 часов вокруг здания воеводского комитета ПОРП собралось около шести тысяч человек. Они требовали встречи с первым секретарем воеводского комитета партии, однако тот не захотел говорить с толпой, предложив взамен встречу с делегацией рабочих. Рабочие отказались, так как боялись провокации и ареста делегатов. В это же самое время МВД приняло решение перебросить в Радом роту ОМОН из Голендзинова, милицию из Лодзи, Кельце и Люблина, на военных самолетах — слушателей Высшей офицерской школы Гражданской милиции из Щецина.

Еще до прибытия этих сил, после 12 часов, часть толпы ворвалась в здание воеводского комитета партии и начала все громить на своем пути. Из окон выбрасывали ковры, мебель, телевизоры. Кто-то поджег здание. Часть толпы бросилась грабить магазины, витрины которых разбивала небольшая группа гражданских лиц. Один из участников демонстрации впоследствии вспоминал: «Я видел сам. Тип в хорошем костюмчике, голубая рубашка, черные туфли, шел себе с дипломатом. Вдруг неожиданно останавливался. Клал дипломат, вынимал оттуда кирпич, бросал его в витрину магазина, поворачивался и шел обратно»²⁵¹. По всей вероятности, органы госбезопасности путем таких провокаций хотели придать рабочим протестам вид уличных беспорядков с поджогами и грабежами, чтобы иметь основание применить силу.

Подразделения ОМОН были задействованы после 14 часов 30 минут. На улицах начались ожесточенные столкновения. Омоновцы при помощи длинных палок, слезоточивых гранат и водометов пытались рассеять толпу. Она бросала в омоновцев камни, а в здание воеводского управления милиции бутылки с зажигательной смесью, строила на улицах баррикады. Были сожжены легковые автомобили, стоявшие перед зданием. Толпа подожгла здание воеводского управления государственной администрации, а также Бюро паспортов воеводского управления милиции.

В подавлении беспорядков участвовали 1600 омоновцев и милиционеров, которые не имели при себе огнестрельного оружия (за исключением офицеров). В результате никто не был убит (двое погибли в результате несчастного случая). Через несколько часов силы порядка взяли город под свой контроль. Задержанных привозили в отделения милиции и избивали палками. Финансовый ущерб от актов вандализма только в этом городе составил 150 млн злотых.

В Урсусе и Плоцке ОМОН появился только вечером, когда манифестации уже кончились и люди расходились по домам. Поэтому его вмешательства не потребовалось.

После получения сообщений о забастовках и беспорядках, напуганный негативной реакцией общества Герек поручил премьеру заявить в вечерней информационной программе об отмене объявленного повышения цен на продовольствие. Ярошевич объяснил отмену тем, что в ходе консультаций были высказаны якобы новые предложения и необходимо время на их рассмотрение. На следующий день премьер вручил Гереку заявление о своей отставке. Ярошевич сказал, что не заберет свое заявление обратно, если на своих постах останутся Каня и Ковальчик. Премьер утверждал, что они сознательно спровоцировали забастовки и беспорядки, чтобы отстранить его от власти. Однако Герек уговорил Ярошевича остаться во главе правительства.

Беспорядки Герек воспринял как вызов его власти. 26 июня на телеконференции с первыми секретарями воеводских комитетов он «разразился настоящей бранью по

адресу тех „неблагодарных“ поляков, которые осмелились в ответ на его „отеческую“ заботу бастовать»²⁵². Он фактически призвал к наказанию принимавших участие в поджогах и грабежах: «Что касается предприятий, которые бастовали, то считаю... необходимым трудовым коллективам сорока предприятий сказать, как мы их ненавидим, какие они мерзавцы, что они своим поведением наносят вред собственной стране»²⁵³. Во всех воеводских центрах были организованы митинги в поддержку первого секретаря и премьера. В Катовицах в них участвовали 200 тыс. человек, в Лодзи — 80 тыс., в Ольштыне — 35 тыс. Это означало, что партаппарат был еще способен мобилизовать большие массы людей. 30 июня Радом «просил прощения» за свое поведение. Заключительный митинг состоялся 2 июля 1976 г. в Катовице с участием первого секретаря ЦК.

Пропаганда называла участников протестов смутьянами. По всей стране были задержаны 2,5 тыс. человек. В Радоме были уволены с работы около тысячи человек, около двухсот привлечены к уголовной ответственности за грабежи и сопротивление силам правопорядка, из них 72 человека были приговорены к различным срокам заключения. Власть действовала по принципу: наказывать не за забастовки, а за кражи. Когда Герек узнал, что этот принцип не всегда соблюдается, то выступил за объявление амнистии всем осужденным. В связи с праздником 22 июля Госсовет 19 июля 1977 г. издал соответствующий декрет. Однако образ Герека как доброго и эффективного политика в глазах многих поляков из-за событий июня 1976 г. был перечеркнут.

Несмотря на протесты, польское руководство, находясь в безвыходной ситуации (законы экономики этого требовали), решило еще раз, но уже в июле 1976 г., провести повышение цен на продовольствие. Подготовка акции велась в обстановке строгой секретности. На этот раз компенсация должна была стать одинаковой для всех занятых, что было уступкой рабочим.

29–30 июня в Берлине проходило совещание коммунистических и рабочих партий Европы. В перерыве прошла встреча советской и польской делегаций. Брежнев похвалил Герека за отказ от повышения цен. Однако кто-то из членов польской делегации довел до сведения советских товарищей, что оно все-таки состоится. Между руководителями двух партий состоялся жесткий разговор. Брежнев сказал Гереку: «Не забывайте о 1970 г. Никаких дальнейших попыток повышения цен. Это не наш совет, это наша позиция. Единственное, что Вам остается, это успокоить ситуацию»²⁵⁴. Как утверждает П.К. Костиков, Брежнев угрожал уменьшить поставки нефти в Польшу на несколько млн тонн, если польское руководство не прислушается к нему.

Гереку пришлось уступить. По мнению А. Вербляна, это был первое за многие годы резкое советское вмешательство во внутренние дела Польши. Для престарелого руководства СССР главным было общественное спокойствие. Оно не понимало особенностей экономической ситуации в Польше, необходимости сбалансирования спроса и предложения на продовольственном рынке. Брежнев, настояв на отмене повышения цен, оказал Гереку и всей ПОРП медвежьую услугу.

В изменившихся политических условиях руководство ПОРП заявило о перегруппировке средств (ограничении капиталовложений) и изменении приоритетов в социально-экономической политике (увеличении производства товаров народного потребления). Было приостановлено сооружение 2,5 тыс. объектов на общую сумму 200 млрд злотых. Однако на практике эти меры оказались, по сути, серией спонтанных

действий без общей концепции. «Экономический маневр» привел к тому, что рост заработной платы упал до 1–2% в год. Настроения в обществе ухудшились. Оно не хотело терять завоеванного достаточно высокого для социалистического содружества уровня жизни. Однако Герек надеялся, что со временем удастся вернуться к ежегодному высокому росту заработной платы.

Правительство, чтобы как-то сбалансировать продовольственный рынок, ввело две разные цены на сахар. Так называемая коммерческая цена возросла на 150%, в то время как на карточки сахар продавался по старой цене. Правда, на другие виды продовольствия карточки введены не были. Основная часть населения тем не менее почитала, что власть его обманывает. Позже Герек признался, что если бы он ввел такие карточки, то вынужден был бы признать свое банкротство как политика²⁵⁵.

Во второй половине 1970-х годов новыми попытками сбалансирования потребительского рынка стали введение коммерческих цен на мясо и разрешение для предприятий самим устанавливать цену на новые товары, как правило, промышленные. «Коммерческое» мясо продавалось в специальных магазинах значительно дороже, но это были в основном высшие сорта.

Неудача с повышением цен не могла не сказаться на ситуации в польском руководстве. Политические позиции Ярошевича ослабли. Во время событий июня 1976 г. из руководства страны наиболее уверенно действовал С. Каня. Он создал штаб, который руководил восстановлением порядка в городах, охваченных протестами. Каня говорил Костику: «Ярошевич политически уже проиграл. Партийный актив его ненавидит... Необходимо его отправить на пенсию»²⁵⁶. Тем временем в Москве практически неограниченный кредит доверия польскому руководству и в значительной степени — самому Гереку подходил к концу.

По мнению П. Ярошевича, после этих событий углубилась дезорганизация в деятельности Политбюро и секретариата ЦК ПОРП, а также в отношениях между руководством партии и правительством. Причиной были все более активные действия некоторых членов руководства партии, стремившихся к смещению с постов вначале премьера, а затем и первого секретаря. Создавались группировки, состав которых менялся по мере развития ситуации и результатов поиска сторонников среди членов ЦК, прежде всего в воеводствах²⁵⁷.

Нельзя исключать, что именно Каня пытался использовать события июня 1976 г. для того, чтобы отстранить от власти Ярошевича и Герека. Располагая всесторонней информацией об обстановке в стране, он прекрасно понимал, в каком направлении эта ситуация будет в ближайшее время развиваться. Он пытался, пока не поздно, избавить партию и страну от лидеров, к которым у него не было доверия и политика которых вела к серьезнейшему кризису. Не исключено, что Каня был в сговоре с резидентом КГБ в Польше В.Г. Павловым, которому открыл все основные внутренние источники МВД об ухудшении ситуации в стране. Эта информация шла в КГБ, на Старую площадь и в Кремль, постепенно подрывая авторитет Герека среди советского руководства. Именно после событий 1976 г. информации Павлова стали в Москве доверять все больше. Он же содействовал установлению близких отношений Кани с членом Политбюро ЦК КПСС, председателем КГБ Ю.В. Андроповым

В конце 1976 г. Герек решился на кадровые перемены. Так, Я. Шидляк был перемещен в правительство на пост вице-премьера. Экономист К. Сецомский также был на-

значен вице-премьером (до этого он был первым заместителем председателя комиссии планирования). Но самой большой неожиданностью для всех, в том числе для Москвы, стало перемещение министра иностранных дел С. Ольшовского на пост секретаря ЦК ПОРП по экономическим вопросам, которыми он никогда не занимался. Герек явно пытался таким назначением в условиях развивающегося социально-экономического кризиса ослабить того, кого считал своим главным политическим конкурентом.

Однако он не понимал, что основным его недругом был Каня. Герек не видел в нем соперника, поэтому спокойно продвигал по служебной линии. В 1971 г. тот стал кандидатом в члены Политбюро ЦК, в 1975 г. — членом Политбюро. После событий июня 1976 г. Герек продолжал доверять Кане.

Министр внутренних дел С. Ковальчик не играл самостоятельной роли. Укреплению политических позиций секретаря ЦК способствовал его тесный союз с генералом В. Ярузельским. Каня ценил профессионализм генерала, а Ярузельский — политические способности партийного куратора армии и милиции.

20 июля 1976 г. по инициативе епископа Б. Домбровского состоялась его встреча с С. Каней «по вопросу рабочих, репрессированных за выступления против повышения цен». Епископ заявил, что католическая иерархия из чувства ответственности за общественное спокойствие воздержалась от каких-либо официальных выступлений, чтобы не подливать масла в огонь. «Мы всегда готовы успокаивать общество, — убеждал секретаря ЦК Домбровский. — Но политика репрессий и возмездия может привести к такой ситуации, когда разгоряченное и обиженное общество уже не будет в состоянии услышать никакой разумный голос». Массы успокоят, подчеркивал он, «не репрессии, а амнистия»²⁵⁸. Сдержанная позиция церкви устраивала власти. 3 августа 1976 г. в связи с 75-летием С. Вышиньского Ярошевич от имени правительства прислал примасу 75 роз. Власти обратились в Ватикан к папе с просьбой оставить кардинала Вышиньского на посту примаса Польши несмотря на достижение им пенсионного возраста.

События июня 1976 г. разделили 1970-е годы на два периода. В первом пятилетии властям удалось мобилизовать население на участие в модернизации страны при помощи активизации патриотических чувств, расширения патерналистских функций государства, удовлетворения потребительских устремлений людей, повышения жизненного уровня населения. После июня 1976 г. патриотический и трудовой энтузиазм населения резко упал вместе с надеждами на улучшение жизненного уровня. В отношениях власть–общество возобладали недоверие и даже враждебность.

V.2. НАРАСТАНИЕ ТРУДНОСТЕЙ

Во второй половине 1970-х годов социально-экономическая и политическая ситуация в Польше ухудшалась, и как следствие этого росли недовольство руководством страны, разочарование в «реальном социализме» и социально-политическая напряженность.

Серьезные ошибки, допущенные в социально-экономической политике, привели к нарастанию кризиса в стране. Вначале наблюдалось снижение темпов роста, а затем и абсолютное падение основных показателей социально-экономического развития: национального дохода, производительности труда, эффективности хозяйствования,

промышленного производства. Темпы роста национального дохода с 1976 по 1978 г. уменьшились с 6,8 до 3,0%. В 1979 г., впервые в истории ПНР, наблюдался его спад на 2,3%, а в 1980 г. — на 5,4%. В среднем во второй половине 70-х годов среднегодовой рост национального дохода составил около 1%.

Внешний государственный долг Польши непрерывно рос и в 1977 г. достиг 14,3 млрд долл., в 1979 г. — 19,5 млрд, в 1980 г. — 23,0 млрд долл. В 1970-е годы Польша погасила западным банкам долг в размере 25 млрд долл. Для оплаты процентов и погашения ранее взятых кредитов широко использовались краткосрочные кредиты, что позволяло несколько отсрочить острые проявления кризиса. По оценкам, только 20% полученных в 1970-е годы кредитов были направлены на инвестиции, 65% были использованы на импорт сырья и материалов для производства, 15% — на импорт потребительских товаров, прежде всего продовольствия²⁵⁹.

Основными причинами такой ситуации были отсутствие эффективной системы функционирования экономики: директивно-распорядительная система в серьезной степени была демонтирована так называемым «открытым планом» и ослаблением роли Госплана, тогда как новые макроэкономические параметры рыночного плана не были введены.

Однако в 1980 г. в экономике все-таки проявились некоторые положительные тенденции. В первом полугодии впервые за пять лет положительное сальдо во внешней торговле составило 0,5 млрд долл. При этом промышленное производство увеличилось на 7%. Прогнозы правительства вначале Ярошевича, а затем и Бабюха о том, что профицит во внешней торговле составит 1 млрд долл., были вполне реальными. В стадии завершения было создание ряда предприятий, которые должны были выпускать продукцию на экспорт. Стала меняться к лучшему конъюнктура на мировых рынках. Если бы не забастовки лета 1980 г., то начался бы реальный выход польской экономики из кризиса.

Однако во второй половине 1970-х годов вся выдвинутая Герекон концепция строительства потребительского социалистического общества провалилась. Сбалансировать продовольственный рынок и рынок потребительских промышленных товаров не удавалось. У населения на руках вследствие относительно высокого роста заработной платы были деньги, но на них оно не могло приобретать товары длительного пользования. Сохранение этой ситуации на протяжении нескольких лет вызывало раздражение прежде всего так называемого крупнопромышленного рабочего класса, заработная плата которого была значительно выше, чем у остальной части населения. Особенно была недовольна молодежь, которая родилась, получила образование и воспитание в Народной Польше. Она требовала быстрых перемен к лучшему и достойного места «под солнцем». Людей раздражали коммерческие магазины, в которых продавались мясные изделия высших сортов, сливочное масло и сыр, а также система продажи на талоны ряда товаров — автомобилей, цветных телевизоров и т. п. Это усиливало всеобщее недовольство не только руководством страны, но всем общественным строем. Для Герека, который выдвинул в качестве основного лозунга обогащение граждан, это была безвыходная ситуация.

Между тем 1970-е годы были важным этапом в развитии страны, ее модернизации. Население страны увеличилось на 3 млн, т. е. до 36 млн человек. Городское население возросло с 52% до 60%. Было построено 2,5 млн квартир, созданы 3,5 млн рабочих мест

для молодежи, вступавшей в трудовую жизнь. Однако простой человек воспринимал ситуацию прежде всего через ассортимент магазинов и состояние своего кошелька.

МВД регулярно направляло первому секретарю и другим членам руководства партии материалы, раскрывавшие действительное положение в стране, но ни сам Э. Герек, ни его помощники не читали их, не хотели прислушиваться к мнению руководителей этого министерства, считая, что оно излишне драматизирует ситуацию.

С. Ольшовский, став секретарем ЦК по экономике, укрепил и расширил экономические структуры ЦК, чтобы иметь возможность влиять на работу правительства. В этих структурах работали такие талантливые экономисты, как М. Горывода, В. Бака, Ф. Кубичек, З. Зелинский. Возникла парадоксальная ситуация, когда аппарат ЦК фактически являлся оппозицией правительству, пытался разработать собственную экономическую программу и вести «скрытую войну» с правительством. В свою очередь руководство Совета министров ограничило поступление информации в ЦК, а также выступало с резкой критикой докладов и записок экономических отделов ЦК и группы советников первого секретаря ЦК. Такая ситуация, хотя и вела к конфликтам внутри власти, но тем самым способствовала более глубокому анализу ситуации и корректировке тех или иных сторон экономической политики правительства.

Чтобы противодействовать нарастанию негативных политических тенденций в партии, руководство ПОРП взяло курс на резкое увеличение ее численности. Была поставлена задача довести ее к VIII съезду (т. е. к началу 1980 г.) до 4 млн человек. Развернулось «соревнование» воеводских парторганизаций, кто больше примет новых членов. Стали принимать даже старшекласников. В Катовицком воеводстве проводили что-то вроде коллективного приема в ПОРП шахтеров.

25 апреля 1978 г. Ю. Тейхма записал в своем дневнике: «Вечером пришла дочка с вопросом, что делать, ибо ее директор [школы] принес анкету кандидата в члены ПОРП и прямо сказал, что необходимо выполнить план по приему в партию. Просил заполнить анкету. У меня нет желания, говорила дочь, ходить на эти скучные собрания и партучебу»²⁶⁰. Епископат заявил, что массовое принятие молодежи не поможет партии, оно лишь деморализует молодежь.

В 1978 г. в партию было принято самое большое за всю историю ПОРП число членов — 272 489 человек. Она на глазах росла, разбавляя свои ряды за счет карьеристов, неопытной молодежи и т. д. В 1978–1979 гг. численность ПОРП увеличилась на 650 тыс. человек. Как пишет польский политолог А. Добешевский, «массовое развитие партийных рядов вело к минимизации идейных, политических и моральных требований к членам партии... Наступала деградация качества партийных рядов, а вместе с ней и деградация функционирования ПОРП в целом. В партии оказалась значительная группа людей, реализующих при помощи партийного билета собственные эгоистические цели»²⁶¹.

Нельзя забывать, что на стыке 1960–1970-х годов в руководстве ПОРП происходила смена поколений. Вместе с Гомулкой с политической сцены сходила когорта старых коммунистов. Это были люди, которых с ВКП(б)/КПСС и СССР связывала общая идеологическая традиция и чувство причастности к революционной миссии. Среди членов руководства, избранного на VI съезде ПОРП, предвоенный партийный стаж имели только четыре человека. На их место приходили молодые деятели, сформировавшиеся в период ПНР. В руководстве страны появились как деятели, связанные с «польским

Октябрем», — Ю. Тейхма, К. Барчиковский, В. Красько, так и современные технократы — Т. Вжащик и Т. Пыка. В отношениях с СССР они были не идейными партнерами, а прежде всего прагматиками.

В итоге, в 1970-е годы в ПОРП получили развитие два основных процесса. Первый — значительный рост числа членов партии. Если в 1971 г. она насчитывала 2,25 млн членов, то в июле 1980 г. уже 3,15 млн, что составляло 15% взрослого населения. В социальной структуре партийцев в 1970-е годы каких-либо существенных сдвигов не происходило. Имели место лишь небольшие колебания. Партийный аппарат научился «регулировать» состав ПОРП. Доля рабочих, хотя и немного, но росла. В 1971 г. она составила 39,7%, в 1975 г. — 41,8%, 1980 г. — 40,6%. Доля интеллигенции и служащих даже несколько уменьшилась. В 1971 г. их в партии было 43,6%, в 1980 г. — 41,6%. Немного уменьшалась также доля крестьян: в 1971 г. — 10,6%, в 1980 г. — 9,4%. Однако рост численности ПОРП и ее «правильный» социальный состав не были, как показали дальнейшие события в стране, показателем роста влияния партии в обществе.

Что касается союзнических партий, то в 1970-е годы их численность росла медленно. Объединенная крестьянская партия в 1970 г. насчитывала 413 489 тыс. членов, в 1980 г. — 478 668. Численность Демократической партии за эти годы выросла с 88 317 до 112 297 членов. В ряды этих партий люди вступали преимущественно по семейным или профессиональным мотивам.

Второй основной процесс внутри ПОРП — это ее идеологическое размывание. ПОРП превращалась в обычную партию национальной власти. И среди руководящих деятелей, и среди рядовых членов были как ортодоксальные коммунисты, социалисты, социал-демократы, так и либералы, консерваторы, эндеки. Таким образом, в ПОРП были объединены люди разных идейно-политических ориентаций, так как без партийного билета они практически не имели возможности карьерного роста. В связи с этим вставал вопрос о качестве кадров, особенно в силовых ведомствах страны, их надежности и преданности власти, стабильности режима. В аппарате безопасности, дипломатии, офицерском корпусе Войска Польского членами партии были 90% и более работников.

Выражение верности марксизму–ленинизму как партийной идеологии превращалось в обычный, ничего не значащий ритуал. Это дало повод С. Киселевскому назвать Польшу Герека «коммунистической страной без марксистов и коммунистических идеологов». Польский публицист объяснял возникшую ситуацию тем, что в партии практически не осталось членов КПП — подлинных носителей марксистской традиции. Они или эмигрировали, поскольку были преимущественно польскими евреями, либо отказались от марксистских взглядов, и теперь их сменили прагматики-технократы, поставившие во главу угла интересы экономического роста²⁶². Идеологические проблемы отошли при Гереке на второй план. Сам первый секретарь практически не интересовался ситуацией в общественных науках и культуре.

В 1970-е годы партийное руководство стремилось подчеркнуть морально-политическое единство польского общества, независимо от политических и идеологических убеждений разных его групп. Началось сближение с польским зарубежьем, смягчились негативные оценки истории довоенной Польши. Герек в польских СМИ превратился из коммунистического вождя, руководящего социалистическим строительством, в общенационального лидера, заботящегося о спокойствии и достатке на-

селения. Правившая элита стала использовать фразеологию, сильно напоминавшую авторитарную риторику пилсудчиков, эндеков и ПАКСа о самоценности государства, о том, что любовь к отчизне полнее всего проявляется в соответствующем отношении к власти и т. д. Так как тогда опросы общественного мнения не проводились, трудно сказать, была ли эта пропаганда эффективной. Сам центральный партийный аппарат, численность которого выросла в 1970-е годы более чем на 40% (с 12 792 в 1971 г. до 17 950 человек в 1980 г.), придавал пропагандистскому воздействию на население большое значение.

С 1973 г. ПОРП отошла в своем финансировании от прямых дотаций из государственного бюджета, заменила их доходами от деятельности издательского кооператива «Пресса-Книга-Польпечатъ». Эти средства составляли в 1973 г. 51,4% всех партийных поступлений, в 1976 г. — 53,7%, в 1980 г. — 44,3%. Из-за роста численности партии и увеличения заработной платы ее членов партийные доходы от взносов существенно возросли. Они составляли в 1971 г. 44,5%, в 1975 г. — 47,4%, а в 1980 г. — 54,4% всех доходов ПОРП²⁶³. Партия перестала быть бременем для государства.

Несбалансированность экономики особенно усилилась в 1978–1979 гг. Это вызывало рост инфляции, создавало почву для коррупции и спекуляций. Происходило падение позитивной динамики реальной заработной платы: ее рост составлял в среднем 1,3% в год, т. е. был ниже порога осязательности. В 1978 г. стал фактом абсолютный спад реальной зарплаты. В целом, ошибки в социально-экономической политике вызывали чрезмерную и потому социально-политически опасную дифференциацию в заработной плате и доходах населения.

Во времена Гомулки строгий партийный контроль препятствовал чиновничеству открыто нарушать этические и идеологические нормы поведения, принятые тогда в партии и обществе. При Гереке же партийно-государственная номенклатура постепенно погрязла в «буржуйском» образе жизни: строила дачи, роскошные дома отдыха для себя как особой привилегированной социальной группы общества; чиновники в массовом порядке за государственный счет ездили на Запад, якобы для установления хозяйственных контактов. Контроль сверху был ослаблен, что порождало своеволие, карьеризм, семейственность и деморализацию, в конечном счете, оборачиваясь разложением самой номенклатуры.

Тем не менее, 1970-е годы в целом были связаны с дальнейшим быстрым развитием производительных сил. В этот период Польша взяла займы в форме кредитов на 65 млрд долл., они составили 9,8% ВВП, в том числе проценты от кредитов 3% ВВП²⁶⁴. Было построено и введено в строй более 400 крупных, оснащенных современной техникой и технологиями предприятий. Большинство взятых в долг финансовых средств, вместе с процентами, было погашено польским правительством.

Однако достигнутый уровень развития производительных сил все больше вступал в противоречие с созданной в начале 1950-х годов директивно-централизованной системой управления экономикой. Правда, начиная с 1973 г. предпринимались попытки приступить к экономическим реформам. Были созданы монополистические структуры в промышленности в форме крупных хозяйственных организаций, которые назывались социалистическими концернами. Они имели право самостоятельно устанавливать цены на свои товары. Но в 1976 г. реформа была приостановлена и восстановлена чрезмерно централизованная система управления. Драма Герека заключалась в том,

что он, как и все предшествовавшие политики, стремившиеся реформировать советскую модель, рассчитывал добиться успеха, не затрагивая основ политической системы. Между тем руководящая роль партии и централизованная система управления экономикой были неразрывно взаимосвязаны.

Ухудшение состояния здоровья Брежнева во второй половине 1970-х годов стало большим ударом для Герека. В самый сложный период своего правления он по существу не имел возможности опереться на помощь и поддержку своего советского друга. В результате он оказался беспомощным в трудной для себя и страны ситуации. Принимавшие основные решения в Кремле Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов и А.А. Громыко не очень-то симпатизировали польскому лидеру, считая на основе донесений КГБ, что все трудности обусловлены мегаломанией и тщеславием поляков.

Открытость Герека Западу вызывала недовольство не только советской стороны, но и польских силовых структур. Генерал Павлов после установления тесных контактов с Каней, Милевским, Кишаком, Ковальчиком и Ярузельским опутал Герека настоящей паутиной наблюдения. В результате все, что Герек говорил у себя в кабинете, вскоре попадало на стол Андропова, а затем становилось известно и остальным членам высшего советского руководства. Благодаря этому в 1979 г. Кремль заблокировал, например, польские намерения стать членом Международного валютного фонда и Всемирного банка, ввести конвертируемость злотого. Косыгин объяснил Ярошевичу, что это противоречит требованиям, вытекающими из принадлежности Польши к СЭВ и ОВД²⁶⁵. По существу такие шаги привели бы к включению польской экономики в мировую капиталистическую систему хозяйства.

V.3. ЗАРОЖДЕНИЕ ВНЕСИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИИ

Июньские события 1976 г. дали качественно новый толчок деятельности оппозиционно настроенной части интеллигенции разных течений. 23 сентября был создан Комитет защиты рабочих (КОР), в состав которого вошли активные участники мартовских событий 1968 г., известные писатели, ученые, представители духовенства. Если в 1976 г. в его деятельности участвовали 14 человек (учредители), то в 1980 г. уже 33. Среди них были Е. Анджеевский, Я. Куронь, Э. Липиньский, Я.Ю. Липский, А. Мачеревич, П. Наимский и др.²⁶⁶ КОР дал начало организованному подполью, которое впервые в стране «реального социализма» начало действовать полулегально. Теперь возникала перспектива формирования союза оппозиционной интеллигенции и рабочих. Как справедливо утверждает генерал В.Г. Павлов, КОР «лучше, чем ПОРП, понимая роль рабочего класса, взял курс на завоевание его на свою сторону»²⁶⁷.

Члены КОР посещали судебные процессы над рабочими, собирали деньги для их семей, информировали общественность о жестких методах, применяемых службой безопасности в отношении арестованных. Тем самым они оказывали постоянное давление на власть. Фамилии, адреса и телефоны членов Комитета были достаточно широко известны, и любой мог обратиться к ним за помощью.

КОР оказывал правовую и финансовую помощь репрессированным рабочим. В январе 1977 г. такого рода помощь получили почти 500 человек. Общая сумма средств к

этому времени составила около 1,5 млн злотых²⁶⁸. Финансовую поддержку КОР оказывали старая и новая эмиграция, парижский журнал «Культура», группа «Анекс» в Лондоне и часть польской диаспоры в США. Президент Польской Республики в эмиграции Э. Рачиньский создал специальный фонд «Гражданский комитет», который собирал деньги в основном среди старых польских эмигрантов. Западная интеллигенция образовала международный комитет «Призыв к помощи польским рабочим», важную роль в котором играли новые эмигранты Л. Колаковский и В. Брус²⁶⁹. Финансовые средства накапливались в Польше в Общественном фонде КОР, который был создан 9 мая 1977 г.

В мае 1977 г. перед студенческими праздниками «Ювеналии» в Кракове погиб, упав с лестницы, студент Ягеллонского университета С. Пияс, связанный с КОР. Естественно, оппозиция обвинила в гибели студента службу безопасности. Смерть Пияса повлекла за собой массовую демонстрацию студентов и столкновения с органами правопорядка. Арестованные 11 инициаторов этой акции впоследствии были освобождены по амнистии. Так в Кракове в мае 1977 г. возник первый в стране Студенческий комитет солидарности.

По оценкам польских исследователей, во второй половине 1970-х годов в оппозиционную деятельность были вовлечены 1–1,5 тыс. человек, в том числе 300–500 человек проявляли постоянную активность²⁷⁰. Однако МВД осенью 1978 г. насчитало 3,5 тыс. таких лиц²⁷¹. Это была не очень значительная часть общества. Неслучайно служба госбезопасности считала оппозицию маргинальным явлением в жизни польского общества, сосредоточенным среди гуманитарной интеллигенции и подчиненным западным антикоммунистическим центрам²⁷². Однако благодаря западным средствам массовой информации, прежде всего американской радиостанции «Свободная Европа», многие поляки располагали информацией о существовании, деятельности и взглядах оппозиционных групп.

Оппозиция мыслила в категориях либерально-демократических ценностей, интересовалась скорее проблемами культуры, чем экономики. Для нее свобода была важнее, чем материальный достаток. Идеологи КОР Я. Куронь и А. Михник пропагандировали точку зрения, что «реальный социализм» в Польше — это тоталитарная система, навязанная извне, кризисогенная и нерепформируемая. Однако ее можно изменить путем самоорганизации общества и постоянного давления на власть.

В отличие от второй половины 1950–1960-х годов, оппозиция в рассматриваемое время была уже внесистемной. Ею двигала мысль, что нараставшее общественное недовольство неизбежно приведет к новому социальному взрыву в Польше. И именно она станет во главе массового протеста и свергнет существующий общественный строй. Широко распространенные антисоветские настроения в обществе и стремление избавиться от советской зависимости Польши составляли основу, способствовали укреплению и распространению оппозиционных настроений.

Все группы оппозиции искали поддержку у католической церкви. Они направляли петиции и другие документы, просьбы о вмешательстве в критические моменты и во время проведения голодовок в костелах лично кардиналу С. Вышиньскому. Примаас демонстрировал доброжелательность, но вместе с тем сохранял дистанцию в отношении оппозиции. Непосредственно ее не поддерживая, он делал параллельные заявления по поднимаемым вопросам, постоянно протестовал против репрессий.

Власти вынуждены были из-за международной ситуации (позиций СБСЕ, так называемой «третьей корзины» (соблюдение прав человека), сохранения возможности получать в дальнейшем западные кредиты) «терпеть» оппозицию, проводить по отношению к ней мягкую политику, явно недооценивая последствия деятельности различных групп оппозиционной интеллигенции.

У Герек не было четкого понимания, что власть должна и может делать с оппозицией. Партийный лидер предпочитал, чтобы Польша была страной, где нет политических заключенных, что было для него важно в деловых отношениях с руководителям западных государств. Он старался избегать силовых методов и «славы» репрессивной власти. С. Каня разработал своеобразную стратегию борьбы с оппозицией: она не предусматривала арестов и судебных процессов. Для борьбы с оппозицией использовались политические, административные, административно-уголовные и уголовные средства. Под политическими средствами понимались пропаганда, активность цензуры, контроль партии за вузами и учеными. Органы госбезопасности и милиция в основном ограничивались тем, что наблюдали за оппозицией, не давали ей покоя: регулярно задерживали и производили обыски у лиц, участвовавших в различных протестных акциях и собраниях. При помощи внедренной агентуры в оппозиционных структурах инициировались конфликты и создавалась атмосфера взаимной подозрительности. Применялись кратковременные аресты, денежные штрафы, ликвидировалась полиграфическая база, пресекалось распространение самиздата.

Правда, в мае 1977 г. Герек под давлением Кани и Ковальчика согласился на арест 11 членов КОР. Куроню, Липскому и Михнику было предъявлено обвинение в деятельности, наносящей политический вред ПНР в соговоре с «враждебными организациями за границей». Административному аппарату казалось, что в Польше, наконец, проявилась политическая воля, власть вступила на путь борьбы со своими политическими противниками и вскоре последуют политические судебные процессы. Однако Герек на большом митинге партийного актива завода «Урсус» неожиданно заявил об амнистии осужденным рабочим. При этом он не консультировался ни с кем, в том числе с членами Политбюро ЦК ПОРП. Формально решение об амнистии исходило от Политбюро 19 июля 1978 г. В тот же день соответствующий акт принял Государственный совет ПНР. Тюремь покинули как осужденные пятеро рабочих, так и недавно арестованные члены КОР. Польша вновь стала страной без политических заключенных. Члены КОР предположили, что Герек объявил амнистию под давлением Запада, что так и было. М. Раковский узнал об амнистии 21 июля от Э. Бабюха, который объяснил собеседнику, каковы могли быть международные последствия процесса над членами КОР²⁷³.

Решиться на открытую дискуссию с оппозицией глава партии не мог. Оставались лишь милицейские преследования: задержания, обыски, запугивание. Такая тактика вела, с одной стороны, к возникновению все большего числа оппозиционных организаций, в том числе подпольных, а с другой — к нарастанию недовольства в партийном и милицеском аппарате пассивностью Герек в борьбе с политическими противниками. Внутри партии ее лидер стал все больше восприниматься как человек, подрывающий позиции номенклатуры и ведущий к дестабилизации режима. Возникла парадоксальная ситуация: в государстве, где господствовала одна партия, власти терпимо относились к оппозиционным, нелегальным организациям с собственной прессой, книжными издательствами. Практически все члены Политбюро были сторонниками жестких

репрессий в отношении оппозиции, но вынуждены были терпеть «чуждачества» Герека. Партийный аппарат и органы безопасности постепенно приходили к выводу о необходимости устранения первого секретаря.

Тем временем благодаря усилиям С. Кани и С. Ковальчика милиция оснащалась современным оборудованием для борьбы с уличными беспорядками. На Западе были куплены прочные плексигласовые щиты для милиционеров, газовое оружие, водометы, легкие бронетранспортеры. Значительные средства были выделены на создание новой и расширение старой агентурной сети на предприятиях и в вузах. Агенты и информаторы госбезопасности имели современные подслушивающие устройства и эффективно следили за деятелями и сторонниками оппозиции. Для пресечения беспорядков на улицах и производственных территориях были созданы специальные подразделения ОМОН. В общем, власть при Гереке была во много раз лучше подготовлена к возможным столкновениям на улицах, чем при Гомулке. Для наведения порядка теперь не требовалось использование армейских частей. Однако для приведения всей этой устрашающей машины в действие была необходима политическая воля человека по имени Эдвард Герек.

Вышедшие из тюрьмы Михник с Куронем убедились, что можно продолжать действовать безнаказанно, что Герек — это «бумажный тигр», а Запад всегда встанет на защиту оппозиции. Ряды ее сторонников стали быстро расти. 29 сентября 1977 г. КОР трансформировался в Комитет общественной самозащиты — Комитет защиты рабочих (КОС-КОР), который ставил своей целью охватить своей деятельностью не только рабочих, но и другие слои польского общества, лишенные прав и защиты. С 1977 г. он издавал бюллетень «Роботник», тираж которого составлял несколько тысяч экземпляров. Следовательно, тысячи рабочих имели доступ к независимой печати.

Между тем, признавая невозможность изменить политический строй в ближайшем будущем, идеологи КОС-КОР стремились найти ту сферу общественного бытия, где желаемые перемены были бы достижимы немедленно. С этой целью Михник выдвинул программу действий, которую он назвал «новым эволюционизмом». Она постулировала полное отрицание социализма, но не путем открытой политической борьбы, а путем создания снизу широких анклавов независимости от власти, борьбу за реформы и за максимальное расширение прав человека. В число основополагающих принципов идеологии КОР входили права и свободы граждан. Как полагали теоретики оппозиции, самоуправление должно было ограничивать и постепенно вытеснить прежние управленческие функции государства и партии. В своих экономических воззрениях идеологи КОР не доходили до отрицания общественной собственности, но признавали право на существование частной собственности²⁷⁴.

Как считает российский историк О.Н. Майорова, «благодаря усилиям КОРа удалось нарушить монополию государства на информацию, устранить барьеры, разделявшие рабочих и интеллигенцию. Не случайно большинство руководителей августовских забастовок 1980 г., а также „Солидарности“ сотрудничали ранее с КОРом»²⁷⁵.

Еще в марте 1977 г. возникло правовое, антикоммунистическое Движение защиты прав человека и гражданина, выступавшее за восстановление независимости Польши. Эта группа националистов враждебно относилась к выходцам из коммунистической среды — бывшим «ревизионистам». Учредителями организации были А. Чума, Л. Мочульский, М. Борута-Спехович, А. Пайдак и др. Она не имела устава, каких-либо

органов и оформленного членства. В момент создания число сторонников Движения составляло 80–120 человек. Организация издавала несколько нелегальных журналов, в том числе первое нелегальное периодическое издание в ПНР «Мнение» («Opinia»). (В подобных журналах как правило указывался адрес редакции, что помогало расширять контакты со своими сторонниками.) Мочульский так определил цели организации: возвращение гражданских прав, восстановление политического плюрализма.

В 1979 г. эта структура из-за конфликта между Мочульским и Чумой распалась на несколько организаций — Конфедерацию независимой Польши (эту первую оппозиционную партию в ПНР Мочульский и возглавил), Движение молодой Польши во главе с А. Халлем, Движение свободных демократов, возглавляемое К. Глоговским и др. Мочульский в книге «Революция без революции» (1979 г.) сформулировал концепцию так называемой конструктивной революции. Ее главную задачу он видел в создании новых общественных структур, призванных заменить старые, и в конечном итоге вместо ПНР конституировать Третью Речь Посполитую. Конфедерация независимой Польши открыто выступала против союза Польши с СССР, требовала выяснения катынского вопроса, должной оценки пакта Риббентропа–Молотова, как и факта вступления советских войск 17 сентября 1939 г. в восточные воеводства Польши. Весной 1980 г. была предпринята частично удавшаяся попытка взорвать памятник Ленина в Новой Гуте. Все это свидетельствовало о нарастании антисоветских настроений, которые стали превращаться в активные действия.

Осенью 1977 г. начались лекции «летучего университета» по новейшей истории, литературе и истории идей. Созданное в январе 1978 г. Товарищество научных курсов стало организатором и куратором этого университета. В работе товарищества принимали участие историки Б. Геремек, Е. Едлицкий, А. Керстен, филолог-русист А. Дравич, публицисты Б. и Т. Мазовецкие, философ С. Амстердамский, биолог Я. Келяновский и др. В «Декларации о программе действий» товарищество определило себя как институт, поддерживающий принципы политического и идейного плюрализма. Оно действовало около трех лет и способствовало созданию атмосферы большей интеллектуальной свободы в Варшавском университете, Польском социологическом, Польском историческом и Польском экономическом обществах. Только до осени 1978 г. в Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Лодзи и Познани членами товарищества были прочитаны 140 лекций, их прослушали около 5 тыс. участников, в том числе 400–500 — постоянных²⁷⁶. Такой размах напугал польские власти, и они начали борьбу с «летучим университетом». В 1979 г. Федерация социалистических союзов польской молодежи создала группы актива из 35 человек, которые сорвали 19 лекций, 6 лекций организаторы вынуждены были отменить. Куронь и Михник приостановили циклы своих лекций. Чтобы отвлечь внимание от деятельности товарищества власти организовали при Польской Академии наук публичные лекции на «полузапретные» темы.

25 февраля 1978 г. было провозглашено создание так называемых свободных профсоюзов в Катовице. 29 апреля 1978 г. свободные профсоюзы были созданы в Гданьске (вначале вместе с Лехом Валенсой они насчитывали всего 7 членов). Они распространяли газету «Роботник» и сами издавали «Роботник Выбжежа».

В 1977–1978 гг., кроме Кракова, студенческие комитеты солидарности (СКС) появились во Вроцлаве, Познани, Гданьске, Варшаве и Щецине. Комитеты в Кракове, Варшаве и Вроцлаве были связаны с КОР. Независимым студенческим движением в

1977/78 уч. году издавались журналы «Братняк» и «Индекс». В декларации, принятой при создании комитета в Варшаве, говорилось, что «основная цель СКС — это создание такой ситуации, которая позволит студентам самим определять цели и способы своей деятельности»²⁷⁷. Комитеты выступали за прекращение существования официального Социалистического союза польских студентов. В деятельности комитетов в 1978 г. принимали участие 200–300 студентов²⁷⁸. В 1979–1980 гг. она по существу сошла на нет.

М. Хоецкий, физик из исследовательского центра в Сверке, в 1977 г. создал независимое издательство «НОВА», которое издавало художественную литературу (из книг, не пропущенных цензурой по политическим мотивам). Для этой цели Фонд общественной самопомощи предоставил беспроцентный заем. Были изданы книги таких польских писателей, как К. Брандыс, А. Киёвский, Т. Конвицкий и др., а также зарубежных авторов, прежде всего российских — Е. Замятин, А. Зиновьев, Г. Владимов и др. Всего до лета 1980 г. было издано 60 книг и 26 номеров разных журналов.

О широкой издательской деятельности оппозиционных структур свидетельствуют следующие данные: в 1976–1979 гг. служба безопасности конфисковала 440 тыс. листовок, журналов и книг, 121 ротапринт, 106 пишущих машинок. Но Хоецкому, благодаря помощи зарубежных и отечественных спонсоров, удавалось быстро налаживать выход очередных публикаций. Деятельность издательства «НОВА» базировалась на двух группах людей: первая была легальной, к ним могли обращаться потенциальные авторы, вторую группу составляли «безымянные» сотрудники издательства и распространители.

В 1978–1979 гг. влияние КОР-КОС и Конфедерации независимой Польши в рабочей среде ослабело. Оппозиция стала вновь типично интеллигентским движением. Но в эти годы оппозиционеры уже не скрывали своих фамилий, открыто подписывались под протестными письмами и воззваниями.

Во время бесед с советскими товарищами, которые не раз расспрашивали об оппозиции, польские руководители успокаивали: мол, все это ерунда, маловлиятельные группки политиканов, народ поддерживает программу партии. Во время встречи летом 1980 г. в Крыму Герек говорил генеральному секретарю ЦК КПСС: «Товарищ Брежнев, вся эта наша оппозиция у нас в руках. Их всех можно на пальцах пересчитать, и кроме того Ковальчик, наш министр внутренних дел, член Политбюро, на каждого оппозиционера имеет четырех своих людей, которые все знают об этой оппозиции»²⁷⁹. В том же году генерал МВД В. Пожого заверял первого секретаря ЦК, что служба безопасности может всю оппозицию арестовать и посадить в тюрьму в течение трех дней. Наверное, он был прав. По всей вероятности, организации оппозиции были пронизаны агентурой безопасности. На заседаниях Политбюро Ковальчик не раз заявлял, что Л. Валенса является «его человеком»²⁸⁰.

II.4. НАКАНУНЕ НОВОГО ВЗРЫВА

После июня 1976 г. Э. Герек, несмотря на предпринимавшиеся попытки, так и не сумел взять ситуацию в свои руки. В 1978 г. Герек и Ярошевич все еще оставались «сыгранным» партийно-политическим дуэтом. Первый секретарь ЦК продолжал защищать премьера от нападков партийного аппарата. Гереку было политически выгодно

сохранение на посту премьера Ярошевича, который в первую очередь нес ответственность за ухудшавшуюся экономическую ситуацию.

К этому времени оба уже были пожилыми нездоровыми людьми. Так, у Герека обнаружили туберкулез легких. В 1978 г. обострились застарелая болезнь позвоночника и астма. Все эти болезни были следствием его работы в молодости на шахтах Франции и Бельгии. Он уже не мог обходиться без обезболивающих средств, особенно во время выступлений. Плохое самочувствие подавляло его активность, мешало быстрому принятию решений.

Герек не раз задумывался над тем, чтобы уйти с высокого и ответственного поста первого секретаря ЦК, но не делал этого только потому, что не хотел оставлять после себя столько нерешенных проблем, в первую очередь — огромный фронт капитального строительства и отрицательное сальдо во внешней торговле. Он считал, что перед лицом этих трудностей его уход был бы воспринят как бегство. К тому же тогда у него еще не было кандидатуры преемника на пост руководителя партии. Поэтому 6 января 1978 г., во время празднования своего 65-летия в кругу коллег, Герек даже похвалился своим здоровьем, словно хотел разочаровать тех, кто надеялся на его скорый уход.

В 1978–1979 гг. становилось все больше ясным, что социально-экономическая стратегия Герека не удалась. Отсутствовали как последовательность в реализации экономического эксперимента, так и внутреннее единство в команде Герека: не прекращались постоянные склоки, борьба за влияние различных групп и отдельных лиц. Ярошевич в беседе с П.К. Костиковым жаловался на царивший в руководящем слое беспорядок, отсутствие дисциплины и ответственности, вмешательство партийного аппарата в экономические дела²⁸¹. Таким образом, против первого секретаря были растущая валютная задолженность, укреплявшаяся демократическая оппозиция и интриги внутри руководства партии. Неудача экономического эксперимента ставила под угрозу само существование ПНР.

Настал момент, когда общество уже не хотело, чтобы Герек оставался у власти. По мнению многих поляков, его команда исчерпала свой потенциал и не имела новых идей для дальнейшего развития Польши. Обещание больше никогда не форсировать ситуацию, в том числе не применять силу, данное Гереком в начале 1970-х годов, обусловило инертность его поведения. Ни на какие радикальные шаги он не был больше способен.

Интеллектуальная элита, связанная с властью, была очень обеспокоена негативными тенденциями в развитии ситуации в стране и искала пути выхода из нее. Она видела его в создании оппозиционных организаций или партий, чтобы разрядить политическую напряженность и предотвратить развал государства. Польские интеллектуалы все больше приходили к выводу, что «реальный социализм» в Польше исчерпал себя. Казалось, создавались возможности мирной, без кровопролития, эволюции системы в демократическом направлении.

В январе 1978 г. известный социолог Я. Щепаньский был приглашен на встречу с кардиналом С. Вышиньским для обсуждения состояния польского общества. После беседы примас оценил это состояние так: растет пропасть между властью и обществом, возникла опасность анархии в общественной жизни. 16 сентября 1978 г. Щепаньский после нескольких бесед с секретарями ЦК ПОРП заявил, что окончательно пришел к выводу: социалистический строй не может быть улучшен.

2 марта 1979 г. профессор Я. Бексяк подал в отставку с поста экономического советника Герека и вышел из партии, заявив, что ПОРП в своей деятельности утратила какие-либо цели. В том же месяце на партийном собрании писателей публицист С. Братковский сказал, что команда Герека имеет в своем распоряжении только несколько месяцев. На собрании социологов профессор Е. Вятр предсказал, что Польше угрожает ввод советских войск в венгерском варианте. По Варшаве распространялся датированный 12 марта текст Я. Щепаньского, в котором говорилось, что все программы, предложенные партией за период социализма, исчерпаны, что правительство уже не в состоянии руководить страной и все крутится в замкнутом кругу всеобщих жалоб и бессилия.

4 сентября 1979 г. М. Раковский во время встречи с Ю. Тейхмой так охарактеризовал состояние политической системы ПНР: при Гереке произошла эрозия ряда жестких элементов этой системы, укрепление позиций народа и общества по отношению к власти. К некоторым методам осуществления власти уже нельзя вернуться ввиду роста силы католической церкви, организованной оппозиции, распространения нелегальных изданий, бессилия партийного аппарата и т. д.²⁸²

Позже Герек утверждал, что в конце 1970-х годов он серьезно думал о расширении базы политической власти в Польше за счет светских католических организаций. В связи с выборами в сейм в начале 1980 г. он намеревался расширить их представительство до 25%. Однако эти его планы были заблокированы «настроениями и атмосферой в партии»²⁸³. Что же касается союзнических Объединенной крестьянской партии и Демократической партии, то Герек полагал, что реализация политического плюрализма с их помощью была невозможна: руководители ОКП и ДП были удовлетворены существовавшей тогда ситуацией и их заботой было сохранение тех должностей, которые они получили от ПОРП²⁸⁴.

Между тем на самом партийном «корабле» ПОРП начинался бунт. Пока ситуация в стране была стабильной, а позиция первого секретаря прочной, члены ЦК во время пленумов послушно исполняли свою ритуальную роль. Однако с ухудшением ситуации во второй половине 1970-х годов в выступлениях членов ЦК ПОРП все чаще стали появляться критические акценты.

Еще в октябре 1977 г. группа бывших руководителей ПОРП (Э. Охаб, Е. Моравский, В. Матвин и др.) направили в Политбюро «мемориал 14-ти», в котором требовали расширения демократии и улучшения методов управления страной. На XIII пленуме ЦК ПОРП (декабрь 1978 г.) с резкой критикой политики Герека выступил первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Конине Т. Грабский. Он обвинил первого секретаря ЦК в бездействии в отношении католической церкви и оппозиции, а Ярошевича — в экономических ошибках. Его выступление было встречено аплодисментами. В перерыве заседания Герек поставил вопрос ребром: или члены Политбюро по очереди выскажутся против Грабского, или он, Герек, покидает пост главы партии. Ярошевич гневно кричал, что выступление Грабского было враждебным, и требовал его немедленно исключить из состава членов ЦК. Тейхма смягчил ситуацию, предложив, чтобы Герек заявил, что критика, которая выходит за границы допустимого, абсурдна и перестает выполнять свою конструктивную функцию. Превозмогая себя, Герек при подведении итогов дискуссии резюмировал: «Хочу Вам сказать, товарищ Грабский, что Политбюро не разделяет оценку, содержащуюся в вашем выступлении»²⁸⁵. В сентябре

1979 г. Грабский был снят с поста руководителя воеводского комитета ПОРП и, хотя глава партии предлагал ему пост вице-министра, вновь вернулся на пост директора завода в Познани.

Герек не мог не видеть начавшегося разложения руководящих кадров. Ряд членов Политбюро ЦК, на официальных заседаниях одобряя генеральную линию ПОРП, в частных беседах дистанцировались от нее. С программой партии не идентифицировали себя даже вице-министры правительства.

Советское руководство также было обеспокоено ситуацией в Польше. ПНР вновь стала рассматриваться как слабое звено социалистического содружества. В Кремле считали, что причиной нарастания кризиса в Польше является отход польского руководства от общих закономерностей строительства социализма и упор на национальные особенности. Ограничение и даже ликвидация «польской специфики» стали основным направлением советского давления на польское руководство. Как вспоминал Э. Герек, в беседах с Л.И. Брежневым и другими лидерами соцстран почти 50% времени занимало обсуждение Польской католической церкви и индивидуального сельского хозяйства в Польше.

В апреле 1978 г., во время визита Герек в Москву, Брежнев выражал обеспокоенность не только уступками католической церкви, примиренческим отношением к оппозиции, ростом национализма в обществе, но и увеличением польского внешнего долга, трудностями на розничном рынке Польши. Он был против массового приема в ряды ПОРП, подчеркивая, что партия должна носить авангардный характер. Брежнев требовал усиления контроля партии за общественными процессами, а также социалистического переустройства польской деревни, ликвидации частного сектора в городе. Герек возражал, считая, что ситуация в Польше нормальная, но имеют место различные трудности. После возвращения в Варшаву он все же на заседании Политбюро ЦК поставил вопрос о развитии коллективных форм хозяйствования в деревне. Однако на практике мало что менялось.

В августе 1978 г., во время встречи в Крыму, Герек услышал от Брежнева предупреждение об опасности «отдаления Польши от социалистического содружества»²⁸⁶. В марте 1979 г. в Москве советский лидер напомнил первому секретарю ЦК ПОРП, что от развития положения в Польше зависит ситуация во всем социалистическом содружестве. Это было снова воспринято Гереком как выражение беспокойства и одновременно как предупреждение.

Приезжавший несколько раз в Москву С. Кania рассказывал «о настроениях в рабочей и интеллигентской среде, готовившейся, не без участия церковных иерархов и западных разведок, к мощным антиправительственным выступлениям». В то время вряд ли можно было ожидать серьезной и прямой угрозы для власти, поскольку оппозиция и Запад едва ли считали реальным вырвать Польшу из социалистического лагеря. Вероятнее всего проявлялся расчет на перераспределение власти в пользу светско-католических и оппозиционных структур. По мнению Кани, встречными мерами типа «иммунных уколов можно было предотвратить обострение политической обстановки, но Герек ничего и слышать об этом не хотел...»²⁸⁷.

Между тем внутри руководства польской партии и правительства усиливались разногласия. На заседании правительства 12 октября 1978 г. при обсуждении директив плана развития народного хозяйства на 1979 г. Ольшовский и Бабюх впервые со всей

определенностью заявили, что политическая ситуация в стране не позволяет сохранять достигнутый жизненный уровень населения. Стагнация достигла опасной точки, чреватой взрывом общественного недовольства. 4 декабря 1978 г. на неформальном заседании секретариата ЦК ПОРП Ольшовский настаивал на том, что перемены в системе управления государством невозможны без смены правительства или в составе правительства. В 1979 г. критика правительства на заседаниях Политбюро ЦК ПОРП стала постоянным явлением. Особенно эмоционально о трудной экономической ситуации говорил С. Каня.

1979 год оказался тяжелым по природным условиям. Холодная зима вызвала энергетический кризис, парализовала жизнь в стране, наглядно продемонстрировала неспособность власти быстро справиться с ситуацией. Не было запасов угля, так как в IV квартале 1978 г. П. Ярошевич приказал продать часть угля на Запад, а полученную валюту направить на погашение задолженности. Это вызвало массовое недовольство населения. Потери в производственной сфере вследствие «зимы столетия» составили 60 млрд злотых. В некоторых воеводствах весной произошло наводнение, а летом случилась засуха, уничтожившая урожай. В результате в 1979 г. впервые за десятилетие национальный доход уменьшился на 2,3% по сравнению с показателями 1978 г.

Самое серьезное влияние на общественную атмосферу в Польше оказало избрание в октябре 1978 г. кардинала Кароля Войтылы папой Римским. Войтыла принял имя Иоанн Павел II. Как утверждает П.К. Костилов, в Москве новым папой интересовалось только КГБ. Сразу после избрания Войтылы спецслужба 1-го Главного управления КГБ, которое возглавлял тогда генерал В.М. Чебриков, составила для руководства страны доклад, в котором подчеркивалось, что главную роль в избрании краковского архиепископа сыграли три других поляка: помощник президента Картера по национальной безопасности З. Бжезинский, филадельфийский кардинал Дж. Круль и примас Польши кардинал С. Вышиньский²⁸⁸.

Советские спецслужбы полагали, что избрание папой Римским человека из социалистической страны имело явно провокационный характер. Герек успокаивал руководителей СССР: не скрывая своего удовлетворения выбором Войтылы, он уверял, что папа-поляк — это благоприятный фактор, способствующий политике разрядки и сохранению спокойствия в Польше и Европе. Кроме того, это будет способствовать росту авторитета Польши в мире и улучшению отношения польского епископата и ксендзов к государственной власти.

17 октября 1978 г. Ю. Тейхма, обеспокоенный происшедшими переменами в Ватикане, записал в своем дневнике: «В длительной перспективе при господстве двух держав (СССР и Германия) польский папа может укрепить поляков в их воле жить в независимой и самостоятельной стране. Однако сейчас преобладают негативные стороны этого драматического и сенсационного выбора. Я имею в виду, прежде всего, углубление и усиление смятения нации, разрывающейся между христианской традицией и социалистической действительностью»²⁸⁹.

Партийно-государственная номенклатура ПНР в избрании К. Войтылы папой Римским увидела угрозу для власти партии. Ей было хорошо известно, что епископ Войтыла, будущий папа, был одним из самых неуступчивых иерархов Польской католической церкви. Он никогда не пользовался симпатией партийного куратора церкви С. Кани.

Во второй половине 70-х годов оппозиционная роль католической церкви, действительно, стала ощущаться все больше. Начался стремительный рост авторитета церкви как идеологической и политической силы, противостоявшей коммунистическому режиму.

Э. Герек, искавший способы разрядить социальное напряжение, попытался использовать с этой целью факт избрания К. Войтылы на высший пост в мировой католической церкви. Глава ПОРП дал согласие на визит в Польшу папы Римского Иоанна Павла II, хотя и утверждал, что приглашение в Ватикан направил польский епископат без согласования с государственной властью. Действительно, на второй день после избрания папы Римского 16 октября 1978 г. польские епископы направили ему послание, где выражали надежду, что первой страной, которую он посетит, будет Польша. Герек договорился с Вышиньским, что тон проповедей Иоанна Павла II будет умеренным.

Против визита папы Римского в Польшу категорически возражал Кремль. Л.И. Брежнев дважды звонил Гереку и требовал отмены визита, так как он несет в себе опасность для всего социалистического содружества. Первый секретарь ЦК ПОРП оправдывался тем, что не может отменить визит: в СМИ уже опубликовано коммюнике о приезде папы в Польшу. К тому же у Иоанна Павла II польский паспорт, и его нельзя не впустить в страну. На что Брежнев сказал: «Ну тогда на границе отберите у него паспорт». Это невозможно, ответил Герек²⁹⁰. В сложившейся ситуации отмена визита неизбежно привела бы к обострению обстановки в стране. Позже Герек вспоминал: «...поступайте, как считаете нужным, лишь бы только вы и ваша партия не пожалели об этом позже», — сказал Брежнев в конце разговора²⁹¹.

Нужно отметить, что С. Вышиньский был куда дальновиднее, чем Герек. Глава Польской католической церкви 1 июня 1979 г. в своих записках отметил, что вместе с визитом святого отца в Польшу в стране, наконец, закончится коммунизм²⁹².

Визит Иоанна Павла II в Польшу состоялся 2–10 июня 1979 г. Папа с триумфом проехал по стране, в мессах под открытым небом участвовали миллионы поляков, исполненных гордости, что их соотечественник стал главой Вселенской католической церкви. Это была яркая демонстрация влияния Польской католической церкви в обществе и ее силы. При этом церковь показала эффективность своего аппарата, способного поддерживать порядок и спокойствие во время массовых и масштабных богослужений. Папа призвал польский народ к переменам, не раскрывая конкретно, что он имел в виду. Многими этот призыв был воспринят как пожелание серьезных изменений в общественном устройстве. Девять дней визита превратили папу не только в духовного, но и в политического лидера поляков.

После этого события активность и наступательный характер действий оппозиции значительно возросли. Антикоммунистическая и антисоветская пропаганда велась теперь открыто. Герек обратился к ученым-обществоведам с просьбой дать объективную оценку политическим последствиям пребывания папы Римского в Польше. Социолог Я. Щепаньский написал: «Католические массы, осознав свою политическую силу, захотят превратить существующие политические формы общественных организаций в политически эффективные организации, отвечающие потребностям пробудившихся масс»²⁹³.

Сам Герек впоследствии вспоминал о визите Иоанна Павла II: «Для многих членов партии это был настоящий шок. Можно сказать, что в стране произошла явная поля-

ризация взглядов. Меня стали обвинять, что Герек, мол, слишком далеко пошел в своих уступках католической церкви. Политическая атмосфера стала более сложной, чем перед визитом»²⁹⁴. 13 июня 1979 г. на заседании Политбюро ЦК Герек, суммируя итоги визита, констатировал: «Иоанн Павел II является врагом социализма, но не является врагом Польши, в том числе, Польши социалистической»²⁹⁵.

Либерализм Герека в отношении оппозиции продолжал раздражать партийно-государственную номенклатуру. 17 сентября 1979 г., в 40-ю годовщину вступления Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, Л. Мочульский организовал массовую демонстрацию в Варшаве, перед могилой Неизвестного солдата. Собравшиеся 10 тыс. человек выслушали антисоветские выступления членов Конфедерации независимой Польши и спокойно разошлись по домам. Милиция даже не была задействована. Весной 1980 г., когда милиция по приказу Ковальчика и Кани арестовала руководителя подпольного издательства «НОВА» М. Хоецкого, Герек потребовал его немедленного освобождения. Тем не менее либеральная политика не принесла Гереку какой-либо существенной политической выгоды. Скорее наоборот — эта политика усиливала недовольство в партии. Оппозиция же не испытывала к Гереку никакой благодарности.

В отличие от всех предыдущих и последующих лидеров партии Э. Герек по-настоящему не контролировал службу безопасности. Позднее он был вынужден признать, что не знал ни численности сотрудников этого ведомства, ни количества его агентов и осведомителей. Между тем в начале 1970-х годов в связи со стабилизацией общественных настроений численность работников госбезопасности была сокращена почти на 15%. В 1975 г. она составляла 15 648 человек, в том числе «в центре» 5188 (32,7% всех сотрудников). Во второй половине 1970-х годов штат СБ вновь стал расти, достигнув в 1981 г. 20 086 человек, в том числе в центральном аппарате 6092 человек (30,32%)²⁹⁶.

Офицеры госбезопасности в своей работе опирались на разветвленную сеть агентов и осведомителей, деятельность которых, как правило, оплачивалась. В 1970-е годы численность тайных сотрудников продолжала расти. Исключением был 1975 г., когда в связи с реформой административно-территориального деления страны, их сократили на 15%. Во второй половине 1970-х годов численность сексотов в 1980 г. почти удвоилась — до 31 тыс. человек²⁹⁷. В 1975 г. 38% тайных сотрудников имели высшее образование, почти 50% — среднее. Люди шли на сотрудничество, так как СБ обещала продвинуть их по службе, посодействовать получению заграничного паспорта, поездкам за границу и т. п. Агентура информировала представителей госбезопасности не только о настроениях в трудовых коллективах, но и о хищениях, казнокрадстве, злоупотреблениях служебным положением и т. д. Каждое второе преступление из совершенных на предприятиях раскрывалось в результате работы этих агентов. Особенно большую сеть агентов служба безопасности имела в Гданьском воеводстве. Кани и Ковальчик многократно обращали внимание Герека на необходимость усиления контроля над рабочим классом на крупных промышленных предприятиях.

Введение в декабре 1979 г. советских войск в Афганистан обострило отношения Советского Союза и всего социалистического содружества с Западом. Под угрозой срыва была и проводимая Гереком политика сближения Польши с капиталистическим миром. Он сам оказался в сложной ситуации. Не известно ни одного открытого

высказывания Герека в поддержку советского вторжения в Афганистан. Первый секретарь ЦК ПОРП пытался предпринять какое-то политическое действие, чтобы приостановить ухудшение отношений между Востоком и Западом. Весной 1980 г. он выступил посредником в организации в Варшаве встречи между президентом Франции Жискар д'Эстеном и Л.И. Брежневым для обсуждения афганской проблемы. Однако эта встреча окончилась безрезультатно.

Как уже отмечалось, нарастал антагонизм между партийными органами и правительственными структурами. Так, в 1979 г. секретарь ЦК Э. Бабюх развернул широкую кампанию против премьер-министра П. Ярошевича. Члены кабинета Ярошевича, со своей стороны, обвиняли в экономических неудачах Политбюро и секретариат ЦК ПОРП. Постоянными стали стычки между секретарем по идеологии Е. Лукашевичем и Бабюхом, с одной стороны, и премьер-министром — с другой. В декабре 1979 г. члены Политбюро в беседах с Герексом стали оказывать на него давление с целью добиться отставки Ярошевича. Однако у первого секретаря не было подходящей кандидатуры преемника премьер-министра. М. Ягельский был серьезно болен; В. Ярузельский отказался: «Товарищ первый секретарь, я военный, гражданских вопросов не знаю, на роль премьера не гожусь»²⁹⁸. В конце концов Герек остановил свой выбор на Э. Бабюхе.

В ходе предвыборной кампании перед VIII съездом ПОРП (февраль 1980 г.) партийные массы неожиданно активизировались и стали критически, но с надеждой оценивать возможности преодоления экономических трудностей. Было выдвинуто много разумных предложений, созданы рабочие группы для их выполнения. Но в кулуарах съезда всех интересовали прежде всего кадровые вопросы: кто кого поддерживает, кто уйдет, кто придет? Все, естественно, говорили об отставке Ярошевича. На нем была сосредоточена основная критика экономической политики правительства. В числе преемников называли имена Бабюха и Ярузельского — как людей, способных навести порядок.

Как утверждал Бабюх, если бы Ярошевич не ушел в отставку, то дело дошло бы до раскола среди делегатов съезда и даже в партии. 11 февраля 1980 г., в этот день начал работу VIII съезд ПОРП, вечером Герека посетили несколько молодых секретарей воеводских комитетов партии и заявили, что не гарантируют избрание Ярошевича в состав ЦК партии. Герек вспоминал: «Большим мастером этой интриги был Бабюх. В последние годы в нем проявились все негативные черты партийного бюрократа»²⁹⁹.

Как было положено премьер-министру, Ярошевичу предстояло выступать на съезде с докладом об экономической политике. Однако коллеги по Политбюро сообщили ему, что он не будет кандидатом на выборах в высшие партийные органы. Герек психологически не был в состоянии сообщить эту неприятную новость своему другу. За него это сделали З. Грудзень и В. Кручек.

Герек все еще не до конца понимал, что вокруг него самого образовывалась пустота, после ухода Ярошевича придет и его очередь, поскольку изменялось неустойчивое соотношение сил во всем партийном руководстве. «В Ярошевиче, — вспоминал Герек, — и я, и партия имели бы лояльного союзника, который сумел бы оказать сопротивление надвигающейся катастрофе»³⁰⁰. Не был избран в руководство и С. Ольшовский, которому Герек сказал: «Ты выглядишь уставшим человеком, пора тебе отдохнуть»³⁰¹. Бывший секретарь ЦК был отправлен послом в ГДР.

В партаппарате считали, что VIII съезд ПОРП выиграли Бабюх и Каня, а проиграл Герек. Делегаты съезда очень высоко оценили выступление Ярузельского: он впервые блеснул как гражданский политик. В последние годы генерал активно сотрудничал с Каней. Как вспоминал Герек, «союз этих двух людей останется для меня навсегда загадкой. Они были такие разные. Ярузельский — человек с интеллектуальными амбициями, в то время как Каня — недоучка, не имел даже амбиций самообразования. Ярузельский был решительным абстинентом, в то время как Каня злоупотреблял алкоголем»³⁰².

Члены Политбюро ЦК недооценивали Каню. Они считали, что пост секретаря ЦК — это верх его карьерных возможностей. «Поэтому ни я, ни остальные товарищи до определенного момента не особенно его опасались», — признавался позднее Герек³⁰³. Что касается Бабюха, то он, ловко манипулируя работой съезда, еще больше укрепил свои позиции партийного аппаратчика. Как выяснилось позднее, делегаты 20-ти воеводских парторганизаций голосовали по «шпаргалкам», подготовленным его людьми. В результате у этого человека складывалось уверенность, что он может претендовать на высший пост в партии. Однако, как вспоминал Герек, на заключительной стадии борьбы за такую власть он оказался плохим игроком³⁰⁴.

VIII съезд не выработал необходимой программы выхода страны из кризиса. Предложения, выдвинутые в ходе предсъездовской дискуссии, не получили на съезде поддержки и не нашли отражения в его решениях. Впоследствии эти предложения примет «Солидарность» и будет требовать от властей их реализации. Между тем экономическая ситуация в стране по-прежнему оставалась сложной. «Открытие Западу» обернулось приобретением устаревших лицензий, получением кредитов на невыгодных условиях, ростом задолженности не только развитым капиталистическим государствам, но и СССР. Жизненный уровень населения продолжал снижаться.

Однако сам Герек считал, что огромные инвестиции, вложенные в экономику в 1970-е годы, вот-вот начнут приносить плоды, что в годы вновь будет расти заработная плата, а влияние оппозиции ослабеет. Планировалось, что с середины 1980 г. до конца 1982 г. произведенный национальный доход возрастет почти на 7%, реальная зарплата — на 3%, в 1981–1982 гг. будет построено 600 тыс. квартир.

В обществе все сильнее ощущалась необходимость коренного изменения ситуации, росло осознание того, что развивается кризис существующей общественной системы. Назначение в марте 1980 г. нового премьер-министра — им стал Э. Бабюх — уже не могло переломить массовых настроений поляков. В мае новый премьер-министр прибыл с визитом в Москву и был принят Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным. Глава советского правительства после встречи сказал Костикову: «Он не разбирается ни в экономике, ни в руководстве правительством. Не понятно, что из этого получится. Меня это очень беспокоит»³⁰⁵.

Последние месяцы Герека у власти наглядно показали, как трудно при существовавшей тогда авторитарной общественной системе было отстранить от власти первого секретаря вопреки его воле. В результате политическая агония власти в Варшаве, которую никто не мог остановить, длилась несколько месяцев. Герек вспоминал о том периоде: «Считаю, что тогда в руководстве был классический пат. Мои противники думали о втором туре борьбы за власть, а я — о необходимости единства руководства»³⁰⁶. Последствия такой ситуации стали трагическими для ПНР.

Впоследствии Герек признавался, что после VIII съезда ПОРП он стал одним из самых плохо осведомленных лиц в руководстве страны, поскольку он получал только выборочную информацию, в основном о плохом положении дел в экономике. Информация политического содержания, которую Герек получал от МВД, сознательно фальсифицировалась.

Положение и на самом деле становилось все более сложным. В 1979 г. уже 18% мяса продавалось в коммерческих магазинах. В мае 1980 г. М. Ягельский подписал решение о дальнейшем увеличении доли такого мяса в продаже. Протесты в трудовых коллективах начались из-за небольшого повышения цен на ливер в буфетах предприятий. Это повышение сыграло роль искры, вызвавшей взрыв недовольства рабочих. 1 июля начались забастовки одновременно в более чем десяти городах страны. Бабюх, посоветовавшись с Гереком, немедленно отменил это повышение цен. Однако это решение уже не остановило протесты.

Особенно обострилась ситуация в Люблине вследствие неожиданно резкого ухудшения снабжения этого города хлебом и молоком. В результате разразилась трехдневная забастовка в самом Люблине и во всей Люблинской окружной дирекции Государственной железной дороги. Эта дирекция контролировала все железнодорожное движение между СССР и ПНР. Движение на этом участке железной дороги было остановлено на три дня. Это создало проблемы в снабжении Советской группы войск в ГДР. Направленному в Люблин вице-премьеру М. Ягельскому удалось забастовку остановить. Герек после анализа ситуации пришел к выводу, что это была провокация, организованная не без участия спецслужб. Оппозиция к забастовке не имела никакого отношения.

Затем ситуация несколько успокоилась. Советское руководство рассчитывало на Герека и его умение выйти из сложного положения. А он, со своей стороны, был все еще полон оптимизма и говорил во время своего последнего отдыха в Крыму в июле–августе: «Наша ситуация улучшится, и за год-два мы достигнем того, что мы предусмотрели в нашей социально-экономической политике, то есть модернизируем экономику... Мы должны выдержать еще год-два. Осенью я скажу об этом народу. Люди поймут. Выдержат»³⁰⁷. Герек все еще верил в свою силу и обаяние, благодаря которым ему удалось обуздать взбунтовавшихся судостроителей, в свой авторитет, благодаря которому он решал персональные вопросы в руководстве. Однако он недооценивал дальнейшее возможное развитие событий в стране и тех людей, которые их соответствующим образом могли использовать. Впоследствии он признал, что катастрофу вызвала борьба между Каней и Бабюхом. Играя с огнем, они привели в действие социальные силы, которые вышли из-под контроля и уничтожили «нас всех»³⁰⁸.

После люблинских забастовок Герек занял позицию непризнания, что что-то происходит. Эта тактика позволила ему остаться на посту первого секретаря еще около двух месяцев. Он был уверен в поддержке Брежнева и всего советского руководства: никто в нем не делал ставку ни на Каню, ни на Бабюха. Однако в августе 1980 г. польский руководитель уже не мог рассчитывать на безграничную поддержку Кремля.

Брежнев был очень больным и недееспособным человеком. Костикову, который сопровождал семью Гереков на отдыхе в Крыму, в аппарате ЦК сказали: если польский гость будет иметь какие-то экономические и другие вопросы к генсеку, то обсудите их вдвоем, затем подготовьте записку, а мы передадим ее на заседание

Политбюро. Костиков так и поступил, передав записку К. Русакову. В подобной ситуации члены советского руководства поддерживали только тех лидеров социалистических стран, кто обеспечивал социальное спокойствие. Тот, кто этого не умел сделать, должен был уйти.

Во время последней встречи в Крыму первый секретарь ЦК ПОРП был предупрежден, что его советский коллега дееспособен только один час. Константин Черненко подал Брежневу несколько страниц машинописного текста, тот одел очки и начал читать: «Дорогой товарищ Эдвард...». Генсека волновали вопросы оппозиции, задолженности, последствия проведения политики чрезмерного увеличения численности ПОРП. Он проявлял обеспокоенность ситуацией в стране. Было видно, что он устал от чтения текста и остаток сил сконцентрировал, чтобы выслушать Герека. Польский гость вначале дал оптимистическую оценку положения, затем по сути отверг критические замечания Брежнева. Однако вскоре хозяин перестал реагировать на слова гостя. Герек оказался в глупой ситуации: беседа кончилась в тот момент, в котором здоровые люди только начали бы дискуссию. На прощание Брежнев пробормотал что-то вроде: «Эдвард, держись, не сходи с курса». В автомобиле Герек сказал Костику: «Ну что ж, состояние здоровья вашего хозяина тяжелое...»³⁰⁹. Впоследствии польский лидер вспоминал, что состояние Брежнева потрясло его. Генеральный секретарь ЦК КПСС, которого он так уважал, «превратился в манекена и инструмент в руках других»³¹⁰.

В июле–сентябре забастовки охватили почти 2 тыс. польских предприятий и 1,2 млн занятых. Взбунтовавшееся общество решило отплатить Гереку за введение коммерческих цен, за повышение цен на новые товары, за снизившиеся темпы роста заработной платы. После возвращения из отпуска первый секретарь ЦК ПОРП хотел поехать в Гданьск и встретиться с бастующими рабочими. Однако окружение воспрепятствовало этому, так как уже планировало отстранение его от власти. Герека поддержал только кардинал Вышиньский. Дворец в Натолине, где они собирались встретиться, был закрыт. Они поехали на квартиру Герека в Константине, где беседовали несколько часов. Вышиньский настаивал, чтобы первый секретарь ЦК не поддавался и сохранил власть.

Эпоха Герека подошла к концу. Забастовки, создание и деятельность «Солидарности» нанесли огромный удар по экономике страны. Произошло углубление экономического кризиса, который Польша не могла преодолеть все 1980-е годы.

Польское общество быстро забыло, как много Герек сделал для него в предшествующие годы. При нем произошло «открытие» Польши миру. Была проведена модернизация экономики. Были построены и модернизированы 575 предприятий, что составило почти 40% всех новых предприятий, введенных в строй за годы Народной Польши. Национальный доход в 1971–1980 гг. вырос на 85%. В это десятилетие в экономике было создано 2,2 млн новых рабочих мест, что позволило обеспечить полную занятость и избежать безработицы. Проводилась активная семейная политика. В 1971–1978 гг. было построено более 2,2 млн квартир. Политический режим стал достаточно либеральным. Расширился социальный характер государства, в котором более 90% населения были охвачены медицинским и пенсионным страхованием. Вместе с тем руководством ПОРП во главе с Гереком были совершены серьезные ошибки в управлении страной. В

первую очередь это касается социально-экономической политики: имели место отрыв роста жизненного уровня населения от производительности труда, высокая зависимость страны от западного капитала, чрезмерно большой фронт капитального строительства (переинвестирование экономики) и др. В итоге во второй половине 1970-х годов наблюдалась стагнация уровня жизни, в обществе нарастало недовольство проводимой политикой и общественной системой в целом. Активизировалась политическая оппозиция, отношение к которой было терпимым. Внутри руководства ПОРП шла подковерная борьба за власть. В конце 1970-х годов недовольство политикой Герека не только среди населения, но и в партийном аппарате, силовых структурах достигло критической точки. Новый общественный конфликт становился неизбежным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Byłem sekretarzem Gomułki. Z W. Namiotkiewiczem rozmawia Grz. Sołtysiak. Warszawa, 2002. S. 57.
- 2 Władysław Gomułka i jego epoka. Warszawa, 2005. S. 18–19.
- 3 Цит. по: Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. М., 2009. С. 62.
- 4 Eisler J. List 34. Warszawa, 1993.
- 5 Ziółkowska A. Proces Melchiora Wańkowicza 1964. Warszawa, 1990.
- 6 Цит. по: Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Польше. С. 86.
- 7 Там же. С. 87.
- 8 Цит. по: Gawin D. Potęga mitu. O stylu politycznego myślenia pokolenia Marca 68 // Marzec 1968. Trzydzieści lat później. T. 1. Warszawa, 1998. S. 28.
- 9 Власть — общество — реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 209–210.
- 10 См. подробно: Kuroń J. Dojrzewanie. Pisma polityczne. 1964–1968. Warszawa, 2009.
- 11 Ibid. S. 89.
- 12 Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Польше. С. 98–99.
- 13 Madajczyk P. Na drodze do pojednania. Wokół orędzia biskupów niemieckich z 1965 roku. Warszawa, 1994. S. 41–42.
- 14 Ibid. S. 170.
- 15 Ibid. S. 115.
- 16 Ibid. S. 89–90.
- 17 Ibid. S. 125–126.
- 18 Цит. по: Ibid. S. 125.
- 19 Hennelowa J. Posko-niemieckie kładki // Tygodnik Powszechny. 1990. 7 paźd.
- 20 Łopatka A. Polityka PZPR wobec Kościoła Katolickiego // Polska pod rządami PZPR. Warszawa, 2000. S. 242.
- 21 Gomułka W. 1000 lat Polski. Warszawa, 1966. S. 75.
- 22 Lesiakowski K. Mieczysław Moczar «Mietek». Biografia polityczna. Warszawa, 1998. S. 68; Rolicki J. Edward Gierek. Życie i narodziny legendy. Warszawa, 2002. S. 149.
- 23 Siemiątkowski Z. Wywiad a władza. Wywiad cywilny w systemie sprawowania władzy politycznej PRL. Warszawa, 2009. S. 237.
- 24 Pawłow W. Generał Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce. Warszawa, 1994. S. 128.

- 25 *Ordyński J., Szlajfer H.* Rozmowy z Mieczysławem F. Rakowskim. Warszawa, 2009. S. 170.
- 26 В Советском Союзе были переведены и изданы две его книги: «Пропуск в историю» (М., 1967) и «Сорок четвертый» (М., 1978).
- 27 *How are you doing Mr Olszowski?* Warszawa, 2008. S. 37.
- 28 *Madajczyk P.* Na drodze do pojednania. S. 56.
- 29 Zrozumieć przeszłość. Rozmowa z Bronisławem Syzdkiem o dziejach PRL i jego losach. Warszawa, 1998. S. 78.
- 30 См. подробно: Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 609–611.
- 31 *Tajne dokumenty Biura Politycznego. Grudzień 1970.* Londyn, 1991. S. 134.
- 32 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. Moskwa — Warszawa. Gra o Polskę. Warszawa, 1992. S. 68.
- 33 Trybuna Ludu. 1967. 20 czerwca.
- 34 *How are you doing Mr Olszowski?* S. 34.
- 35 *Ordyński J., Szlajfer H.* Rozmowy z Mieczysławem F. Rakowskim. S. 176.
- 36 *Eisler J.* Polski rok 1968. Warszawa, 2006. S. 512.
- 37 Ibid. S. 11.
- 38 Цит. по: Власть — общество — реформы... С. 212.
- 39 Pytania, które należy postawić. O Marcu 68 z Andrzejem Chojnowskim i Pawłem Tomasikiem rozmawia Barbara Polak // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2008. N 3. S. 7.
- 40 Trybuna Robotnicza. 1968. 15 marca.
- 41 *Żaryń J.* Biskupi wobec «marcowej» młodzieży // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2008. N 3. S. 19.
- 42 O polskim Marcu 1968 roku. Z Jerzym Eislerem rozmawia Barbara Polak // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2003. N 4/4. S. 22.
- 43 *Suleja W.* Polski nietypowy miesiąc — Marzec... // Dzieje Najnowsze. 2008. N 1. S. 63.
- 44 *Oseka P.* Marzec'68. Kraków, 2008. S. 118.
- 45 *Terlecki R.* Miecz i tarcza komunizmu. Histotia aparatu bezpieczeństwa w Polsce 1944–1990. Kraków, 2007. S. 185.
- 46 *How are you doing Mr Olszowski?* S. 34–35.
- 47 *Rakowski M.F.* Dzienniki polityczne. 1969–1971. Warszawa, 2001. S. 301.
- 48 *Jarząbek W.* Wpływ wydarzeń 1968 r. na politykę zagraniczną PRL // Dzieje Najnowsze. 2008. N 1. S. 75.
- 49 Byłem sekretarzem Gomułki. S. 55.
- 50 *Rolicki J.* Edward Gierek. S. 157.
- 51 *Wiatr J.J.* PZPR w pojałtańskiej rzeczywistości // Polska pod rządami PZPR... S. 305–306.
- 52 *Rakowski M.F.* Dzienniki polityczne. 1967–1968. Warszawa, 1999. S. 401.
- 53 *Barcikowski K.* Z mazowieckiej wsi na szczyty władzy. Warszawa, 1998. S. 255.
- 54 *Zambrowski R.* Rozważania o czterdziestoleciu marca-68 // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2008. N 3. S. 92.
- 55 *Oseka P.* Marzec'68... S. 293.
- 56 Między realizmem i utopią. Władysław Gomułka we wspomnieniach syna. Warszawa, 2003. S. 11–12.
- 57 V съезд Польской объединенной рабочей партии. 11–16 ноября 1968 г. Основные материалы и документы. М., 1969. С. 104–107, 292–293.

- 58 Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Польше. С. 118.
- 59 *Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 70–71, 74.*
- 60 Цит. по: *Eisler J. «Polskie miesiące» czyli kryzys(y) PRL. Warszawa, 2008. S. 146–147.*
- 61 Подробно см.: Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Польше. С. 127–142.
- 62 Цит. по: *Eisler J. «Polskie miesiące»... S. 35.*
- 63 Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В двух книгах. Кн. 2. М., 2005. С. 196.
- 64 *Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 112.*
- 65 Чехия и Словакия... С. 209.
- 66 *Władysław Gomułka i jego epoka. S. 123.*
- 67 *Rolicki J. Edward Gierek. S. 144.*
- 68 *Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 53.*
- 69 *Ibid. S. 55.*
- 70 *Władysław Gomułka i jego epoka. S. 134–136.*
- 71 *Szlachcic F. Gorzki smak władzy. Wspomnienia. Warszawa, 1990. S. 31–35.*
- 72 Хрущев С. Хрущев. М., 2001. С.113.
- 73 *Szlachcic F.W. Gorzki smak władzy S. 54.*
- 74 Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). Т. 3. М., 1999. С. 587.
- 75 Там же. С. 526.
- 76 Там же. С. 244.
- 77 Там же. С. 526.
- 78 Там же. С. 244.
- 79 Васильков Ю. Польский взгляд: Россия и Европа после коммунизма. М., 2004. С. 80.
- 80 *Szlachcic F. Gorzki smak władzy. S. 55.*
- 81 *Rakowski M.F. Dzienniki polityczne. 1963–1966. Warszawa, 1999. S.*
- 82 *Siemietkowski Z. Polska, ZSSR, Niemcy i tajne służby // Gazeta Wyborcza. 2009. 1 listopada.*
- 83 *Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 56.*
- 84 *Rolicki J. Edward Gierek. S. 147.*
- 85 Аджубей А. Те десять лет. М., 1989.
- 86 Васильков Ю. Польский взгляд: Россия и Европа. С. 80.
- 87 *Gomułka o niebezpieczeństwie polityki nowego Rapallo. Fragment wspomnień Stanisława Łukasiewicza // Racja stanu. Studia i materiały. Półrocznik. N 1 (1). 2007. S. 330.*
- 88 *Jarząbek W. Wpływ wydarzeń 1968 r. S. 73.*
- 89 *Władysław Gomułka i jego epoka. S. 139.*
- 90 *Ibid. S. 18*
- 91 Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 777–778.
- 92 Там же. Т. 1. С. 1185.
- 93 Там же.
- 94 *Władysław Gomułka i jego epoka. S. 125.*
- 95 Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1. С. 1184.
- 96 Там же. С. 1185.
- 97 *Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 53–54.*
- 98 *Ibid. S. 54.*
- 99 *Ibid. S. 67.*
- 100 *Wojna R. Odra–Nysa, historyczna zasługa PRL // Polska pod rządami PZPR... S. 325–326.*

- 101 Władysław Gomułka i jego epoka. S. 167.
- 102 Ibid. S. 68.
- 103 Ibid. S. 119.
- 104 Цит. по: Ibid. S. 75.
- 105 Микоян А.И. Так было. М., 1999. С. 611.
- 106 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 36.
- 107 Władysław Gomułka i jego epoka. S. 176.
- 108 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 72.
- 109 Ibid. S. 75.
- 110 Byłem sekretarzem Gomułki. S. 79, 80.
- 111 Верблян А. Записка // www.newsreaders.ru
- 112 Tajne dokumenty Biura Politycznego. Grudzień, 1970. S. 264.
- 113 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 90.
- 114 Прудникова Е. Легенды ГРУ. М., 2005. С. 511.
- 115 Eisler J. Polski rok 1968. S. 632.
- 116 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 121.
- 117 Tajne dokumenty Biura Politycznego. Grudzień, 1970. S. 260.
- 118 Rolicki J. Edward Gierek. S. 166.
- 119 Ibid. S. 200.
- 120 Gucwa S. Od «Wici» do marszałka Sejmu. Warszawa, 1995. S. 95.
- 121 Centrum władzy. Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970. Warszawa, 2000. S. 9, 10.
- 122 Eisler J., Trepczyński S. Grudzień '70 wewnątrz «Białego Domu». Warszawa, 1991. S. 58.
- 123 How are you doing Mr Olszowski? S. 38.
- 124 Czekał. Organy bezpieczeństwa w europejskich krajach bloku sowieckiego. 1944–1989. Warszawa, 2010. S. 422.
- 125 Ibid. S. 424.
- 126 Ibid. S. 413.
- 127 Ibid. S. 439.
- 128 Władysław Gomułka i jego epoka. S. 114–115.
- 129 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 122.
- 130 Tejchma J. Odszedł Gomułka, przyszedł Gierek. Notatki z lat 1971–1973. Toruń, 2006. S. 77.
- 131 Ibid. S. 127.
- 132 Miedzy realizmem i utopią... S. 79–80.
- 133 Kociołek nie przyznaje się do winy // Rzeczpospolita. 2001. 14 listopada.
- 134 Proces gen. Jaruzelskiego — jednak nie zakończy się z «powodów biologicznych» // www.wiadomosci.wp.pl (12.12.2010)
- 135 Rolicki J. Edward Gierek. S. 157.
- 136 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 131.
- 137 Ibid. S. 140–141.
- 138 Eisler J. Trepczyński S. Grudzień '70... S. 95–99.
- 139 Ibid. S. 99.
- 140 Tajne dokumenty Biura Politycznego. Grudzień 1970. S. 423.
- 141 Tejchma J. Odszedł Gomułka, przyszedł Gierek... S. 11.

- 142 Ibid. S. 133.
- 143 *Jaroszewicz P.* Przerywam milczenie...1939–1989. Warszawa, 1991.
- 144 Ibid. S. 138.
- 145 *Васильков Ю.* Польский взгляд: Россия и Европа. С. 63.
- 146 *Rolicki J.* Edward Gierek. S. 164.
- 147 Ibid.
- 148 *Machciewicz P.* Grudniowy przewrót: Warszawa–Moskwa–Katowice // Grudzień przed Sierpniem. W XXV rocznicę wydarzeń grudniowych. Gdańsk, 1996. S. 103.
- 149 *Бухарин Н.И.* Польская Народная Республика. М., 1989. С. 14.
- 150 Kociołek nie przyznaje się do winy.
- 151 Tajne dokumenty Biura Politycznego. Grudzień 1970. S. 267.
- 152 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 166.
- 153 Władysław Gomułka i jego epoka. S. 331–332.
- 154 Tajne dokumenty Biura Politycznego. Grudzień 1970. S. 276.
- 155 *Rolicki J.* Edward Gierek. S. 167.
- 156 *Mac S.J.* Przesłuchanie gliny. Warszawa, 1990. S. 90.
- 157 Tajne dokumenty Biura Politycznego. Grudzień 1970. S. 127.
- 158 *Pawłow W.* Generał Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce. S. 129.
- 159 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 150–151.
- 160 *Жускар д'Эстен В.* Власть и жизнь. М., 1990. С. 134.
- 161 *Gierek E.* Smak życia. Pamiętniki. Warszawa, 1993. S. 198.
- 162 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 152.
- 163 Подробнее см.: *Paziewski M.* Debata robotników. Szczecin 1971. Warszawa, 2010.
- 164 Ibid. S. 79; *Rolicki J.* Edward Gierek. Życie i narodziny legendy. S. 192
- 165 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. Warszawa, 1990. S. 72.
- 166 *Васильков Ю.* Польский взгляд: Россия и Европа после коммунизма. М., 2004. С. 63.
- 167 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. S. 74.
- 168 *Bożyk P.* Polityka gospodarcza w latach 70 // Polska pod rządami PZPR. Praca zbiorowa pod redakcją M. Rakowskiego. Warszawa, 2006. S. 343.
- 169 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. S. 85.
- 170 Ibid. S. 87.
- 171 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 178.
- 172 *Siemiątkowski Z.* Wywiad a władza. Wywiad cywilny w systemie sprawowania władzy politycznej PRL. Warszawa, 2009. S. 255.
- 173 *Gucwa S.* Od «Wici» do marszałka Sejmu. S. 98.
- 174 *Tejchma J.* W kręgu nadziei i rozczarowań. Notatki dzienne z lat 1978–1982. Warszawa, 2002. S. 7.
- 175 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 166.
- 176 *Pawłow W.W.* Generał Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce. S. 129.
- 177 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 175–176.
- 178 *Rakowski M.F.* Dzienniki polityczne. 1969–1971. Warszawa, 2001. S. 270.
- 179 *Siemiątkowski Z.* Wywiad a władza. S. 173.
- 180 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. S. 163.
- 181 Ibid. S. 161.
- 182 Ibid. S. 162.

- 183 *Dwilewicz Ł.* Rola ekspertów w zarządzaniu gospodarką PRL w latach siedemdziesiątych // *Studia Politologiczne*. 2009. N 24. S. 10.
- 184 *Gucwa S.* Od «Wici» do marszałka Sejmu. S. 160.
- 185 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. S. 155–156.
- 186 *Rakowski M.F.* Dzienniki polityczne 1969–1971. S. 441.
- 187 Власть — общество — реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. С. 228.
- 188 *Dobieszewski A.* Nomenklatura partyjna — spojrzenie od wewnątrz (1948–1989) // *Elity władzy w Polsce a struktura społeczna w latach 1956–1981*. Warszawa, 1994. S. 189.
- 189 *Mac S.J.* Przestłuchanie gliny. S. 94–95.
- 190 *Ordyński J., Szlajfer H.* Rozmowy z Mieczysławem F. Rakowskim. Warszawa, 2009. S. 182.
- 191 *Barcikowski K.* U szczytów władzy. Warszawa, 1998. S. 91–92.
- 192 Конституция Польской Народной Республики. М., 1977.
- 193 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. S. 100.
- 194 *Bożyk P.* Polityka gospodarcza w latach 70. S. 343–344.
- 195 *Mac S.J.* Przestłuchanie gliny. S. 100.
- 196 *Pawłow W.* Generał Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce. S. 135.
- 197 *Ibid.* S. 110.
- 198 *Siemiątkowski Z.* Wywiad a władza. S. 265.
- 199 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 180.
- 200 *Ordyński J., Szlajfer H.* Rozmowy z Mieczysławem F. Rakowskim. S. 163.
- 201 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 182–183.
- 202 How are you doing Mr Olszowski? S. 52.
- 203 Все цифры по социально-экономическому развитию Польши взяты из статистических ежегодников: *Rocznik Statystyczny*. 1971–1981. Warszawa, 1972–1982.
- 204 *Trybuna Ludu*. 1970. 24 grudnia.
- 205 *Eisler J.* «Polskie miesiące» czyli kryzys(y) PRL. S. 152.
- 206 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. S. 82.
- 207 Цит. no: *Ibid.* S. 191.
- 208 *Morawski K.* Polityka Edwarda Gierka wobec Kościoła // *Dekada Cierka. Wnioski dla obecnego okresu modernizacji Polski*. Warszawa, 2011. S. 38.
- 209 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. S. 104.
- 210 *Morawski K.* Polityka Edwarda Gierka wobec Kościoła. S. 38.
- 211 *Волобуев В.В.* Политическая оппозиция в Польше 1956–1976. С. 181.
- 212 Там же. С. 196.
- 213 *Rolicki J.* Edward Gierek; przerwana dekada. S. 264.
- 214 См. подробно: *Волобуев В.В.* Политическая оппозиция в Польше. С. 187–191.
- 215 Там же. С. 200.
- 216 Последнее издание в рамках серии «Избранные сочинения А. Михника» см: *Michnik A.* Kościół — lewica — dialog. Warszawa, 2009. Перевод на русский язык: *Михник А.* Польский диалог: церковь — левые. Лондон, 1980.
- 217 *Волобуев В.В.* Политическая оппозиция в Польше. С. 205.
- 218 List «59» w sprawie zmian w Konstytucji wysłany przez prof. Edwarda Lipińskiego do marszałka Sejmu, wysuwający postulaty konstytucyjne w zakresie praw i wolności obywatelskich z 5.XII.1975 // *Hemmerling Z., Nadolski M.* Opozycja wobec rządów komunistycznych w Polsce 1956–1976. Wybór dokumentów. Warszawa, 1991. S. 495.

- 219 Trybuna Ludu. 1976. 13 lutego.
- 220 List «59»... S. 516–528.
- 221 Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Польше. С. 214.
- 222 Rolicki J. Edward Gierek: replika. Warszawa, 1990. S. 37.
- 223 Rolicki J. Edward Gierek: przerwana dekada. S. 230; Rolicki J. Edward Gierek: replika. S. 37.
- 224 Werblan A. Polska w strefie dominacji radzieckiej // Polska pod rządami PZPR. S. 284.
- 225 Gierek E. Smak życia. Pamiętniki. S. 199–201.
- 226 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 173.
- 227 Pawłow W.W. Generał Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce. S. 21.
- 228 Gierek E. Smak życia. Pamiętniki. S. 203.
- 229 Васильков Ю. Польский взгляд: Россия и Европа после коммунизма. М., 2004. С. 81.
- 230 Там же.
- 231 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 174.
- 232 Шахназаров Г.Х. Цена свободы. М., 1993. С. 112–113.
- 233 Бухарин Н.И. Российско-польские отношения. 90-е годы XX века – начало XXI века. М., 2007. С. 40.
- 234 В. Павлов был направлен в Польшу после того, как Москва узнала о визите президента США Р. Никсона в Польшу от американцев.
- 235 Mac S.J. Przeglądanie gliny. S. 93–94.
- 236 Ibid. S. 95.
- 237 Васильков Ю. У Польский взгляд: Россия и Европа. С. 81–82.
- 238 Gierek E. Smak życia. Pamiętniki.. S. 195.
- 239 Rolicki J. Edward Gierek: przerwana dekada. S. 160–161.
- 240 Pawłow W. Generał Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce. S. 248.
- 241 Rolicki J. Edward Gierek: przerwana dekada. S. 106.
- 242 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S.184.
- 243 Ibid.
- 244 Tejchma J. Kulisy dymisji. Z dzienników ministra kultury 1974–1977. Kraków, 1991. S. 208.
- 245 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 185.
- 246 Pawłow W. Generał Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce. S. 120.
- 247 Цит. по: Власть — общество — реформы. С. 221.
- 248 Raina P. Rozmowy z władzami PRL. Arcybiskup Dąbrowski w służbie Kościoła i Narodu. T. 1. 1970–1981. Warszawa, 1995. S. 256.
- 249 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 185.
- 250 Zaremba M. Centrum władzy wobec kryzysu 1976 roku // Studia Polityczne. 2009. N 24. S. 114.
- 251 Цит. по: Eisler J. «Polskie miesiące» czyli kryzys(y) PRL. S. 47.
- 252 Павлов В.Г. Руководители Польши глазами разведчика (кризисные 1973–1984 годы). М., 1998. С. 21.
- 253 Цит по: Zaremba M. Centrum władzy wobec kryzysu 1976 roku. S. 116.
- 254 Zachamowana podwyżka // Przegląd Tygodniowy. 1996. N 33.
- 255 Rolicki J. Edward Gierek: przerwana dekada. S. 222.
- 256 Kostikow P., Roliński B. Widziane z Kremla. S. 186.
- 257 Jaroszewicz P. Przerywam milczenie...

- 258 Цит. по: *Майорова О.Н.* 1976 год — начало формирования организованной оппозиции в Польше // *Studia Slavica-Polonica* (К 90-летию И.И. Костюшко). М., 2009. С. 350.
- 259 *Zadłużenie zagraniczne Polski. Historia i teraźniejszość* // www.ekonom.univ.gda.pl/mikro/konferencja/referaty
- 260 *Tejchma J.* W kręgu nadziei... S. 17.
- 261 *Dobieszewski A.* Nomenklatura partyjna — spojrzenie od wewnątrz. S. 190.
- 262 *Волобуг В.В.* Политическая оппозиция в Польше. С. 179.
- 263 *Stola D.* Złote lata PZPR: finanse partii w dekadzie Gierka. Warszawa, 2008. S. 57.
- 264 *Bożyk P.* Cywilizacyjne skutki «otwarcia» Polski na Zachód // *Dekada cierka*. S. 11.
- 265 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. S. 221.
- 266 Подробнее см.: *Lipski J.J.* KOR. Komitet Obrony Robotników — Komitet Samoobrony Społecznej. Warszawa, 2006. S. 138–145.
- 267 *Павлов В.Г.* Руководители Польши глазами разведчика. С. 22.
- 268 *Friszke A.* Jan Józef Lipski — szkic biografii // *Lipski J.J.* KOR... S. 67.
- 269 *Lipski J.J.* KOR... S. 203.
- 270 *Friszke A.* Jan Józef Lipski — szkic biografii // *Lipski J.J.* KOR... S. 78; см. также: *Opozycja w PRL*. 1976–1989. Warszawa, 2010.
- 271 *Friszke A.* Przedmowa // *Rozmowy na Zawracie. Taktyka walki z opozycją demokratyczną październik 1976 — grudzień 1979 / Przedm. i oprac. A. Friszke*. Warszawa, 2008. S. 28.
- 272 *Ibid.* S. 22.
- 273 *Rakowski M.F.* Dzienniki polityczne. 1976–1978. Warszawa, 2002. S. 221.
- 274 *Лыкошина Л.С.* Гражданское общество в Польше. Теоретические представления и социальная практика. М., 1998. С. 14.
- 275 *Майорова О.Н.* 1976 год — начало формирования организованной оппозиции в Польше. С. 360.
- 276 *Rozmowy na Zawracie...* S. 108.
- 277 Цит по: *Lipski J.J.* KOR... S. 273–274.
- 278 *Rozmowy na Zawracie...* S. 136–137.
- 279 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 244.
- 280 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. S. 206.
- 281 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 228.
- 282 *Tejchma J.* W kręgu nadziei... S. 71.
- 283 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. S. 153.
- 284 *Ibid.* S. 155.
- 285 *Oseka P.* Miejsce plenum Komitetu Centralnego PZPR w systemie politycznym PRL w latach siedemdziesiątych // *Studia Polityczne*. 2009. N 24. S. 80.
- 286 *Tejchma J.* W kręgu nadziei... S. 23.
- 287 *Шахназаров Г.Х.* Встречи с лидерами социалистических стран // *Новая и новейшая история*. 2000. № 3. С. 158–159.
- 288 *Соловьев В., Клепикова Е.* Борьба в Кремле. Нью-Йорк; Иерусалим; Париж, 1986.
- 289 *Tejchma J.* W kręgu nadziei... S. 31.
- 290 *Morawski K.* Polityka Edwarda Gierka wobec Kościoła. S. 39.
- 291 *Rolicki J.* Edward Gierek: przerwana dekada. S. 170.
- 292 *Raina P.* Papierz popierał liberalne rządy Edwarda Gierka // *Dziennik Zachodni*. 2009. 2 czerwca.

- 293 Цит по: *Rolicki J.* Edward Gierek; przerwana dekada. S. 288.
- 294 Цит по: *Dudek A.* Polityka władz PRL wobec Kościoła w latach 1956–1970 // *Elity władzy w Polsce a struktura społeczna w latach 1956–1981.* S. 225–226.
- 295 *Tejchma J.* W kręgu nadziei... S. 63.
- 296 *Czekiści. Organy bezpieczeństwa w europejskich krajach bloku sowieckiego. 1944–1989.* Warszawa, 2010. S. 422.
- 297 Ibid. S. 440.
- 298 *Rolicki J.* Edward Gierek; przerwana dekada. S. 179.
- 299 Ibid. S. 180.
- 300 Ibid. S. 181.
- 301 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 231.
- 302 *Rolicki J.* Edward Gierek; przerwana dekada. S. 196.
- 303 Ibid. S. 199.
- 304 Ibid. S. 194.
- 305 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 232.
- 306 *Rolicki J.* Edward Gierek; przerwana dekada. S. 199–200.
- 307 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 237.
- 308 *Rolicki J.* Edward Gierek; przerwana dekada. S. 190.
- 309 *Kostikow P., Roliński B.* Widziane z Kremla. S. 246.
- 310 *Gierek E.* Smak życia. Pamiętniki. S. 200.

Раздел VI

**НА ПУТИ
ОТ СОЦИАЛИЗМА
К ДЕМОКРАТИИ**

(80-е годы XX – начало XXI в.)

I.1. Становление «Солидарности». Противостояние власти и профсоюза

Возникновение и деятельность профсоюза «Солидарность» — бесспорно один из самых значимых и интересных феноменов польской истории 80-х годов XX в.

В чем суть этого феномена, каково его влияние на судьбы страны — ответ на эти вопросы сложен и неоднозначен. Исследователи определяют «Солидарность» и как воплощение гражданского общества, и как широкое общественное, и как национально-освободительное движение, а ее деятельность — даже как революцию. Некоторые видят в «Солидарности» истоки и основу демократической Польши, другие с горечью констатируют несоответствие идеалов «Солидарности» нынешней реальности.

В 2010 г. Польша отметила 30-ю годовщину возникновения «Солидарности». Поляки, живущие в начале XXI в., отдают должное легендарной странице своей истории, но не очень часто о ней вспоминают. По данным социологов, 74% польских граждан, родившихся после 1964 г., признаются, что история «Солидарности» их не интересует, а почти треть респондентов выражают уверенность в том, что годовщина «независимого самоуправляемого профсоюза» важна только для старшего поколения¹.

В 1980 г. все было по-другому: накал страстей вокруг «Солидарности» был беспрецедентным.

Лето 1980 г. в Польше выдалось беспокойным. В стране не хватало продовольствия, и для смягчения остроты проблемы власти прибегли к введению коммерческих цен. В соответствии с этим не самым удачным методом одни и те же товары можно было купить и по государственным, и по коммерческим ценам. Последние были выше, но давали возможность приобрести дефицит. Именно по коммерческим ценам продавалась значительная часть мяса и мясoproдуктов, традиционно составляющих важную часть рациона поляков. Первого июля 1980 г. коммерческие цены на мясо и продукты его переработки были введены в заводских буфетах и столовых. Уставшее от проблем со снабжением и раздраженное снижением жизненного уровня общество отреагировало молниеносно: в тот же день на нескольких предприятиях в Варшаве и Лодзи начались забастовки, которые в последующие дни перекинулись на предприятия в Мельце, Хелме, Вроцлаве, Познани, Сталёвой Воле и других городах.

Казалось, повторяется прежний сценарий: как в 1970 и 1976 гг. власти резко, без подготовки общественного мнения фактически повысили цены (ведь достать мясо по некоммерческим ценам было крайне затруднительно), а возмущенное население ответило акциями протеста. Летом 1980 г. по стране прокатилась волна забастовок. Особого размаха они достигли в Люблинском воеводстве. Именно тогда в польской прессе впервые появились сообщения о «перерывах в работе» (термина «забастовка» старались избегать). Для улаживания конфликта в Люблин прибыл вице-премьер М. Ягельский, пообещавший повысить зарплаты. Успех люблинских рабочих вдохновил на забастовки коллективы предприятий на Побережье, в Нижней Силезии, Лодзи, Варшаве, но

это были уже отголоски пронесшейся бури. Власть не выражала особого беспокойства: руководитель Польской объединенной рабочей партии Э. Герек даже отправился на отдых в Крым.

Оказалось, однако, что конфликт далеко не исчерпан. 14 августа началась оккупационная забастовка (рабочие выражали протест, не покидая территории предприятия) на гданьской судовой верфи им. Ленина, где оппозиционные настроения были традиционно сильны еще с 70-х годов. 15 августа забастовали рабочие в Гдыне, 18 августа — в Щецине, 19 августа — в Эльблонге. Поводом для забастовки 14 августа послужило увольнение одной из старейших работниц гданьской верфи, активистки оппозиционного движения Анны Валентынович*. Сразу же был создан стачечный комитет, который возглавил электрик Лех Валенса — молодой, обаятельный, умеющий находить общий язык с людьми, настоящий харизматический лидер. Именно здесь, на гданьской судовой верфи он, простой деревенский парень, закончивший ПТУ, стал хорошим специалистом, завел семью. И здесь же приобрел опыт борьбы за права рабочих, приняв активное участие в забастовке 1970 г. С тех пор его биография оказалась неразрывно связанной с оппозиционной деятельностью, за которую он поплатился увольнением с работы в 1976 г. Оказавшегося без средств к существованию оппозиционера и отца семейства поддержал Комитет защиты рабочих — КОР. Валенса становится активным деятелем нелегального профсоюзного движения — Свободных профсоюзов Побережья**, основанных в мае 1978 г. (членом этой немногочисленной организации была и А. Валентынович). Именно тогда Валенса активно включился в работу по распространению коровского журнала «Роботник». Нередко он подвергался арестам и задержаниям (правда, недолгим, обычно на 48 часов). Его хорошо знали в коллективе, а потому горячо приветствовали в знаменательный день 14 августа, когда Валенса своими призывами «завел» рабочих, уже готовых разойтись после речи директора верфи К. Гнеха. «Маленький электрик, — пишет известный английский политолог Т. Эш, — был популярной личностью на верфи, и толпа громко выразила одобрение, когда он призвал к оккупационной забастовке»².

Бастующие выдвинули ряд постулатов, среди которых, помимо чисто экономических, было и требование сооружения памятника рабочим, погибшим в декабре 1970 г. Забастовка, объявленная оккупационной, была хорошо организована. Рабочие сами следили за порядком на верфи, ввели «сухой закон», выход за ворота предприятия разрешался только в экстренных случаях. Несмотря на отключение телефонной связи на Побережье, забастовочный комитет установил контакты с другими предприятиями региона. Уже 15 августа к бастующим присоединились все судовой верфи Гданьска и ряд других предприятий.

* А. Валентынович трагически погибла при катастрофе польского президентского самолета в апреле 2010 г. под Смоленском.

** Основатель Свободных профсоюзов электромеханик К. Свитонь настаивал на сохранении общественного характера движения, считал недопустимым придание ему политического характера. Инициатива Свитоня, создавшего свою организацию в Катовице, была подхвачена в Гданьске и Щецине. Именно гданьская организация, в которую входил и Л. Валенса, была наиболее влиятельной, действуя в тесном контакте с КОР и Движением за права человека и гражданина.

На следующий день руководство судовой верфи им. Ленина выразило готовность удовлетворить требования бастующих. Валенса счел дело выигранным и призвал рабочих расходиться. Но несколько работников верфи, в частности будущий активный деятель «Солидарности» А. Пеньковская, а также представители других бастующих предприятий попытались остановить редущую толпу, обвиняя покидающих территорию верфи в предательстве интересов своих товарищей. Валенса быстро сориентировался в ситуации и, изменив свое прежнее решение, призвал к продолжению забастовки в знак солидарности с работниками других предприятий. Позднее он писал: «Действительно, „Солидарность“ родилась в момент... перехода от локального успеха судовой верфи к забастовке в поддержку других предприятий...»³.

В ночь с 16 на 17 августа на гданьской судовой верфи им. Ленина был создан Межзаводской забастовочный комитет (МЗК), куда вошли представители около семисот бастующих предприятий. В свое время один из идеологов оппозиции Я. Куронь призывал не поджигать партийные комитеты, а создавать собственные. Его призыв был воплощен в жизнь.

18 августа МЗК выдвинул 21 требование к правительству: признание независимых свободных профсоюзов на основании конвенции Международной организации труда, §87 и §98, ратифицированной ПНР; гарантирование права на забастовку; обеспечение свободы слова и печати; освобождение политических заключенных и прекращение репрессий за убеждения; восстановление на работе всех уволенных за участие в забастовках; публикация в СМИ информации о создании МЗК; осуществление реальных действий по выводу страны из кризиса; выплата всем участникам забастовок денежного вознаграждения за время простоя в работе; повышение заработной платы каждого работника на две тысячи злотых в связи с ростом цен; гарантия повышения зарплаты в связи с инфляцией; наполнение товарами внутреннего рынка; отмена коммерческих цен и продажи товаров за иностранную валюту; отмена привилегий партийным работникам, работникам милиции, госбезопасности; введение карточек на мясо; снижение пенсионного возраста; соблюдение принципа справедливости при выплате пенсий; улучшение медицинского обеспечения; увеличение числа детских учреждений; продление срока отпуска по уходу за ребенком; сокращение очереди на жилье; повышение командировочных выплат; установление пятидневной рабочей недели⁴.

Требования рабочих трудно признать радикальными в плане чисто политическом, но их социальная составляющая представляется весьма внушительной и продуманной. Вместе с тем, в широте и многоплановости этих требований видна вера рабочих в едва ли не чудесную способность власти быстро решить все проблемы.

Поначалу власти вовсе не выражали готовности удовлетворить требования рабочих, о чем вполне определенно заявил Герек в своем телевизионном выступлении 18 августа. Однако и при готовности к уступкам добиться компромисса оказалось непросто: выехавшая на бастующие предприятия комиссия во главе с вице-премьером Т. Пыкой, наделенная полномочиями прекратить забастовки ценой экономических уступок, результата не добила. Более того, забастовочная волна охватывала все новые и новые предприятия и регионы. Особенно острой была ситуация в Щецине, где бастующие выдвинули 36 требований, сформулированных МЗК под руководством М. Юрчика.

Неудачу Т. Пыки попытался исправить вице-премьер М. Ягельский, уже имевший успешный опыт переговоров. 23 августа правительственная комиссия встретила

с представителями Гданьского МЗК. К этому моменту его члены имели уже серьезную интеллектуальную поддержку: из Варшавы приехали эксперты Т. Мазовецкий, Б. Цивиньский, А. Велёвейский, Б. Геремек, В. Кучиньский, Я. Станишкис, Т. Ковалик. Несколькими днями раньше, 20 августа оппозиционная интеллигенция сформулировала в «письме 64-х» свое отношение к происходящим событиям, потребовав признать право трудящихся на создание независимых организаций и призвав власти и общество сохранять умеренность*.

Эксперты «Солидарности» принадлежали к оппозиционной интеллигенции, связанной с действующим в стране с 1976 г. Комитетом защиты рабочих. Достаточно трудно четко определить идеологию КОР, включавшую в себя элементы многих идейных течений. Недаром в 1978 г. известный польский философ Л. Колаковский, анализируя стиль коровского мышления в очерке с парадоксальным названием «Как быть консервативно-либеральным социалистом», указывал на невозможность построить общество полной свободы и одновременно полного равенства, к чему, собственно и призывали поляков коровцы.

Советники «Солидарности» принадлежали к различным оппозиционным течениям. К числу наиболее влиятельных можно отнести представителей католической или христианско-демократической ориентации (Мазовецкий), но были среди экспертов и сторонники социал-демократической идеологии (Геремек, Михник, Куронь) и марксизма (Т. Ковалик)**.

Отношения между рабочими и интеллигенцией складывались непросто. Во всяком случае «ленинская модель» о привнесении интеллигенцией классового сознания и идеологии в рабочую среду «срабатывала» далеко не всегда. Правда, в августе 1980 г., когда на гданьской судоверфи появились Т. Мазовецкий и Б. Геремек с «письмом 64-х», Л. Валенса был весьма доволен этим обстоятельством, сразу же предложил им стать экспертами профсоюза. По мнению лидера «Солидарности», «они сумели осуществить анализ ситуации, показать альтернативы, ловушки и опасности. Одним словом, это была добротная, профессиональная работа и политическая экспертиза»⁵.

Л. Валенса полагал, что комиссия экспертов — это своеобразный мост, пользуясь которым властям легче достичь согласия с бастующими: ведь власть «...боялась радикализма формулировок издерганных, простых людей, за которыми была моральная правота, но которые говорили так, что перехватывало дыхание в груди — и невозможно было найти ответ. Необходима же была уверенность, что такой ответ найдется совместными усилиями. Иная ситуация была бы безвыходной. Само создание института экспертов открывало перспективу достижения соглашений»⁶.

* В «письме 64-х» вина за сложившуюся ситуацию возлагалась на власть, указывалось, что «польские рабочие зрело и решительно борются за свое — и всех нас — право на лучшую, более достойную жизнь». Место интеллигенции в этой борьбе — на стороне рабочих. Но в документе настойчиво подчеркивалось, что «история не простит никому, кто, отбросив путь соглашения, посягнул бы на иное решение» (Польша 1989: «Солидарность» год первый. Лондон, 1981. С. 153–154).

** Идеи Т. Ковалика в настоящее время активно пропагандируются одним из достаточно влиятельных объединений польской левицы, группирующимся вокруг журнала «Политическая критика».

Правда, позднее, в 1987 г., Валенса, вспоминая о событиях 1981 г., отзывался о советниках и экспертах не очень лестно: «Правительство, — замечал он, — больше всего раздражали советники... Мы даже работали над статусом советника, чтобы было известно, что необязательно является советником каждый, кто ездит по Польше и бредит... Я просил этих людей из КОР, говорил им: хотя мы вместе ели тюремный хлеб, отойдите. Я избавился от них там, где имел решающий голос...»⁷.

Мнение интеллектуалов нередко воспринималось рабочими как противоречащее воле трудящихся, как чуждое их интересам. Более того, экспертов «Солидарности» подчас подозревали в стремлении реализовать свои политические амбиции в ущерб собственно профсоюзной работе.

Тем не менее, роль советников в августовские дни 1980 г., когда шла борьба за выдвинутые рабочими требования, нельзя недооценивать: именно эксперты помогали вырабатывать четкие формулировки и твердо отстаивать их в нелегких переговорах с представителями власти.

30 августа в Щецине вице-премьер К. Барчиковский подписал соглашение с представителем МЗК М. Юрчиком. Достигнутые соглашения можно считать относительным успехом бастующих, ибо в их текст удалось включить ряд положений, допускающих широкую интерпретацию, что в частности касалось главного требования — создания свободных профсоюзов. Напрямую речь о них не шла, но употреблялся термин «самоуправляемые профсоюзы». На экстренно собравшемся V пленуме ЦК ПОРП действия Барчиковского были признаны единственно возможными в данной ситуации.

На следующий день в Гданьске соглашения между правительственной стороной и МЗК были подписаны М. Ягельским и Л. Валенсой.

Стремясь к достижению согласия, власти пошли даже на удовлетворение требования бастующих об освобождении всех политических заключенных, хотя в начале переговоров всячески старались уйти от этого вопроса. Процедура подписания гданьских соглашений транслировалась по телевидению, и внимание всей страны было приковано к этому событию. Гданьские соглашения отличались от щецинских большей ясностью и четкостью формулировок, что в первую очередь касалось политических проблем. В первом их пункте значилось: «Деятельность профсоюзов в ПНР не оправдала надежд и ожиданий трудящихся. Мы считаем целесообразным создание новых, самоуправляющихся профсоюзов, которые были бы истинными представителями рабочего класса»⁸.

3 сентября на основе гданьских соглашений пришли к договоренности представители власти и бастующих шахтеров в г. Ястшембе.

После подписания соглашений в Гданьске, Щецине и Ястшембе по всей стране забастовочные комитеты стали преобразовываться в комитеты по созданию независимых профсоюзов. Поначалу власти пытались противостоять этому процессу, но очень скоро, уже в сентябре 1980 г., августовские соглашения были признаны основой для создания свободных профсоюзов не только на Побережье и в Силезии, но и по всей стране.

17 сентября 1980 г. в Гданьске представители более 200 региональных комитетов создали Согласительную комиссию независимых самоуправляющихся профсоюзов. После довольно острых дискуссий о структуре профсоюза (часть лидеров движения, таких, как А. Гвезда, Б. Борусевич, Л. Валенса, выступали за региональный принцип,

Я. Ольшевский, К. Модзелевский — за общегосударственный) была принята концепция всепольской организации, опирающейся на региональные структуры. Принятие именно такого решения было обусловлено прежде всего тем обстоятельством, что в Польше господствовала государственная форма собственности, соответственно и работодатель был один — государство.

На гданьской встрече было принято решение о создании Независимого самоуправляющегося профсоюза (НСПС) «Солидарность». Название было предложено известным диссидентом, историком К. Модзелевским, в тот момент советником «Солидарности». Именно так — «Солидарность» — назывался информационный бюллетень, издававшийся на Гданьской судоверфи во время забастовки*. На встрече было избрано временное руководство профсоюза — Общепольская согласительная комиссия во главе с Л. Валенсой. Вскоре был принят проект устава новой организации и подано заявление о регистрации в воеводский суд в Варшаве, которому было поручено ведение такого рода процедур.

Регистрация оказалась делом нелегким. Власти, как могли, затягивали процесс, без ведома руководства «Солидарности» внесли в устав ряд изменений, содержавших положения о руководящей роли ПОРП и международных союзах Польши. В конечном итоге, профсоюз был зарегистрирован 24 ноября 1980 г., причем под угрозой забастовки суд перенес поправки к уставу из основного текста в приложения. Кроме того, Общепольская согласительная комиссия получила право на издание журнала «Тыгодник „Солидарность“».

К весне 1981 г. профсоюз объединял в своих рядах около 10 млн человек, его поддерживала католическая церковь, многие известные в стране деятели культуры и науки**. Это была сильная и влиятельная организация с мощным пропагандистским аппаратом: легальный гданьский еженедельник «Тыгодник „Солидарность“» выходил тиражом в 500 тыс. экземпляров. Кроме того профсоюз издавал несколько десятков неподцензурных газет и бюллетеней. Заметим, что до 1980 г. оппозиция в Польше была весьма немногочисленной: в акциях протеста участвовало обычно несколько десятков, иногда сотен человек. С возникновением же «Солидарности» можно говорить о массовом оппозиционном общественном движении, в котором были представлены практически все социальные слои польского общества, за исключением властной элиты. Наряду с «Солидарностью» рабочих, возникла крестьянская «Солидарность», за независимую организацию боролись польские студенты, активно дискутировался вопрос о создании «Солидарности» в Вооруженных силах. В организации «Солидарности» вступали многие члены ПОРП.

«Солидарность» поддерживала международные контакты. Первым зарубежным визитом ее лидеров было посещение Ватикана, аудиенция у папы Иоанна Павла II, поддержка которого была весьма важной для движения. Не ограничиваясь Ватиканом,

* Как замечает Л. Лойко, термин «солидарность», возможно, был заимствован из лексики Иоанна Павла II, в своих энцикликах нередко поднимавшим тему человеческой солидарности (Лойко Л. Политическое развитие Польши в 70–80-е гг. XX в. Минск, 2002. С. 94).

** Цифра 10 млн в известной мере условна, ибо в «Солидарности» не велось регулярной регистрации членов.

представители профсоюза встретились с итальянскими коллегами по профсоюзному движению. Затем последовали визиты во Францию, Швецию, Бельгию, Японию, Англию. «Солидарность» участвовала в работе сессии МОТ в Женеве.

Авторитету и значимости «Солидарности», несомненно, способствовала поддержка католической церкви. Правда, когда начались забастовки, официальная позиция церкви была близка нейтральной. Кардинал С. Вышиньский в своем пасторском послании призывал к сдержанности и бастующих рабочих, и власть. Когда по телевидению транслировали это послание, критические высказывания примаса по отношению к властям были опущены. Умеренный тон послания, еще более подчеркнутый благодаря «корректировке» цензуры, вызвал некоторое разочарование со стороны общества, ожидавшего более определенной поддержки бастующих.

На встрече с высшим руководством страны Вышиньский выразил мнение о правомерности забастовок как акций рабочего протеста. Кардинал искренне сочувствовал рабочим, ибо в межвоенный период он занимался пасторской деятельностью именно в рабочей среде. Однако ответственность за судьбу страны и церкви побуждала главу польских католиков к осторожности. К этому он призывал и Валенсу во время встречи с ним в сентябре 1980 г.

Сочувствие примаса акциям рабочего протеста проявилось в частности в его содействии организации первого богослужения на территории бастующего предприятия: таковое состоялось 31 августа 1980 г. на металлургическом заводе «Гута Варшава». Примечательно, что мессу отслужил ставший впоследствии известным всей стране молодой ксендз Е. Попелушко.

Отношение епископата к событиям в принципе соответствовало позиции примаса. На состоявшемся 26 августа 1980 г. на Ясной Горе чрезвычайном заседании Главного совета польского епископата отмечалось, что хотя к напряженности привели ошибки власти, разрядить ситуацию можно лишь в «атмосфере спокойствия и внутреннего мира». Ссылаясь на решения II Ватиканского собора, епископат поддерживал право рабочих на создание самостоятельных организаций, но при этом считал, что реализация этого права возможна лишь на пути диалога власти и общества⁹.

Если высшее духовенство на начальном этапе движения не проявляло большого энтузиазма, то позиция приходского духовенства была гораздо более активной и однозначной. Каждый день на гданьской судоверфи, колыбели «Солидарности», начинался с молитвы, ворота верфи были украшены цветами, портретами папы Иоанна Павла II и иконами. Проводились общие исповеди и служились молебны. Некоторые священники, например Я. Янковский, практически не покидали территорию бастующих предприятий.

Примечательны обстоятельства, при которых было организовано духовное окормление бастующих рабочих в Гданьске. С соответствующей просьбой к гданьскому ординатору обратилась А. Валентынович. Встревоженный ординатор поспешил посоветоваться с главой воеводского комитета ПОРП Т. Фишбахом. Известный своим либерализмом Фишбах легко согласился удовлетворить просьбу рабочих, а уже после этого согласился и ординатор.

Власти весьма рассчитывали на умиротворяющую роль церкви и пытались наладить диалог с епископатом. В сентябре 1980 г. возобновила свою деятельность (превращенную еще в 1967 г.) Совместная комиссия правительства и епископата. От церкви

туда входили секретарь главного совета польского епископата кардинал Ф. Махарский, архиепископ Е. Строба, епископ Б. Домбровский, ксендз А. Оршулик; от правительства — К. Барчиковский, Е. Куберский, В. Липский, А. Меркер. Представителям церкви очень быстро удалось добиться удовлетворения многих своих просьб: была возобновлена деятельность общепольской благотворительной организации «Каритас», облегчен доступ духовенства к СМИ.

Духовенство выступало в роли посредника в контактах власти и «Солидарности», поддерживало попытки создания крестьянской «Солидарности», независимой студенческой организации. Без участия духовенства не обходилось ни одно масштабное патриотическое мероприятие. Одним из наиболее значимых было открытие памятника рабочим, трагически погибшим в декабре 1970 г. при подавлении властями акций протеста.

«Солидарность» после регистрации стала реальной силой в политической жизни страны. Более того, в представлении многих поляков «Солидарность» — это и была настоящая Польша. Недаром Л. Валенса, пытаясь позднее сформулировать цели движения, замечал: «Мы возвращали основным понятиям их изначальный, неискаженный смысл. Мы хотели, чтобы работа была работой, школа — школой, а профсоюз — профсоюзом. В конце концов, мы хотели, чтобы Польша была Польшей»¹⁰. В этих словах лидера «Солидарности» очевидны драматическое несовпадение идеалов социализма и реалий польской действительности того времени, несовпадение жизни и деклараций власти, своеобразная раздвоенность бытия¹¹.

Регистрация «Солидарности» не означала мирного сосуществования профсоюза и власти. Новая структура никоим образом не могла органично вписаться в существующую политическую систему, ведь «Солидарность» претендовала на роль, далеко выходящую за пределы представлений о профсоюзе в условиях социализма, да и профсоюза как института вообще. Не мудрено, что ее отношения с властью имели отчетливо выраженный конфликтный характер.

Казалось, шанс на некоторое снижение остроты этого конфликта появился в связи с назначением в феврале 1981 г. главой правительства генерала В. Ярузельского, призвавшего в своей программной речи к налаживанию отношений между властью и обществом, к «90 спокойным дням». Новый премьер сформулировал программу из 10 пунктов, предусматривавшую в частности нормализацию снабжения населения продуктами питания, борьбу со спекуляцией, совершенствование системы здравоохранения и социального обеспечения, упорядочение инвестиционной политики, совершенствование системы оплаты труда и повышение трудовой дисциплины. Генерал заявлял о готовности сотрудничать с людьми доброй воли и сурово предупреждал, что у власти хватит сил для того, чтобы противостоять сторонникам контрреволюции. Вице-премьером в правительстве Ярузельского стал слышавший либералом М. Раковский, главный редактор популярного в Польше еженедельника «Политика». В состав правительства вошел также председатель Общества светских католиков ПАКС Р. Райфф, имевший репутацию реформатора.

Назначение Ярузельского премьером было положительно оценено польским обществом в целом и «Солидарностью» в частности. Представители профсоюза одного из крупнейших польских машиностроительных предприятий «Цегельский» в Познани выражали уверенность, что «премьер, в соответствии с нормами чести офицера Войска

Польского, прежде всего, будет держать свое слово...»¹². В таком отношении проявлялось характерное для поляков уважение к людям в военной форме, доверие к ним. Призыв генерала к «90 спокойным дням» также был встречен с пониманием, его поддержал и Валенса.

Но спокойных 90 дней, на которые рассчитывал Ярузельский, не получилось. Не было, кажется, ни одного спокойного дня. Серьезной проблемой нового правительства стали забастовки польских студентов, начавшиеся еще в январе 1980 г. В качестве основного требования бастующие выдвигали регистрацию Независимого объединения студентов (НОС). Кроме того, студенты боролись за изменение учебных программ, особенно по общественным наукам. Имели место и политические требования, касавшиеся демократизации общественной жизни. Центром студенческих волнений стал Лодзинский университет. Лодзинская «Солидарность» всячески помогала студентам, снабжая их деньгами, продовольствием, ведя большую пропагандистско-организационную работу. В информационном бюллетене НОС Варшавского университета А. Михник инструктировал молодежь, призывая ее всеми способами, вплоть до «пистолета у виска», учить власть разговаривать с обществом. НОС, организация небольшая по масштабам, но весьма боевая и активная, вполне готова была следовать этим указаниям, организуя многочисленные акции протеста.

Практически во всех крупных учебных заведениях были созданы учредительные комитеты независимой студенческой организации. В конце концов студентам удалось достичь компромисса с властями. В феврале 1981 г. между Межвузовской согласительной комиссией и правительственной стороной в лице вице-премьера М. Раковского было подписано соглашение, и Независимое объединение студентов было зарегистрировано при условии внесения некоторых изменений в устав.

В марте 1981 г. отношения между властью и «Солидарностью» вновь обострились в связи с инцидентом в Быдгощи, возникшим из-за проблемы с регистрацией сельской «Солидарности». Польская деревня отнюдь не осталась в стороне от острых проблем политической жизни: напротив, шел активный процесс создания собственных организаций, пытающихся отстаивать права крестьян. В феврале 1981 г. после очередного отказа в регистрации по причине того, что крестьяне не являются лицами наемного труда, начались переговоры, результат которых, однако, не удовлетворил крестьян, настаивавших на своем. В целях координации действий в марте 1981 г. в Познани на общепольском съезде «Сельская Солидарность» и «Солидарность крестьян-единоличников» объединились в единую организацию Независимый самоуправляющийся профессиональный союз (НСПС) крестьян-единоличников «Солидарность» во главе с Я. Кулаем. Но организация не была зарегистрирована: власти находили самые разнообразные поводы для проволочек.

В этой сложной ситуации 16 марта около 100 крестьян под предводительством Р. Бартоще, заняв помещение воеводского отделения Объединенной крестьянской партии в Быдгощи, объявили оккупационную забастовку. Она была поддержана МЗК НСПС в Быдгощи во главе с Я. Рулевским. По инициативе последнего члены «Солидарности» быдгощского региона были приглашены на заседание воеводской рады народной (без согласования с ее руководством), в ходе которого предполагалось рассмотреть вопрос о сельской «Солидарности».

На заседание было приглашено шесть представителей «Солидарности», но явилось значительно больше, причем им не было предоставлено возможности заявить о своей позиции. Вопреки договоренностям, вопрос был снят с повестки дня и представителям «Солидарности» предложили удалиться. Здание воеводского совета окружили наряды милиции. Большинство покинуло зал, но Рулевский и еще несколько человек сделать это отказались. При не совсем ясных обстоятельствах Я. Рулевский, М. Лабентович и Бартоше Р. были избиты милицией. Во время конфликта Рулевскому несколько раз звонил Валенса по телефону и призывал не идти на обострение ситуации, но глава быдгощской «Солидарности» не внял его призывам. Позднее Валенса оценил поведение представителей «Солидарности» как необдуманное: «...„Солидарность“ тоже делает необдуманные шаги: действия крестьян в Быдгощи были неожиданными для Всепольской согласительной комиссии...»¹³.

Решение о применении силы было принято на самом высоком уровне, и местные власти выступали лишь в роли исполнителей. События в Быдгощи потрясли страну. Уже на следующий день в регионе была объявлена предупредительная двухчасовая забастовка, и в соответствии с решением чрезвычайного заседания Всепольской согласительной комиссии НСПС «Солидарности» началась подготовка к всеобщей забастовке. Я. Ольшевский (влиятельный деятель оппозиции) сравнивал те напряженные дни с преддверием январского восстания 1863 г. Обстановка усложнялась еще и тем обстоятельством, что именно в это время в Польше проводились маневры войск стран Варшавского договора «Союз-81» и время их проведения было продлено, в чем поляки, естественно, усматривали опасность вмешательства СССР в польские дела. Этого опасались и власти, и «Солидарность». В прессе профсоюза печатались инструкции о том, как вести себя в случае советского вторжения, апеллируя к опыту Чехословакии в 1968 г. На предприятиях распространялись инструкции «Солидарности» на случай введения военного положения.

Однако не все лидеры «Солидарности» стремились к предельному обострению ситуации, как не стремилась к этому и власть. М. Раковский утверждает, что в те горячие дни мысль о применении силы не стояла на повестке дня¹⁴.

На IX пленуме ЦК ПОРП, где в качестве основного вопроса фигурировали события в Быдгощи, в принятой резолюции утверждалось, что ПОРП всемерно стремится к продолжению диалога и к нормализации жизни.

В этой непростой обстановке лидеры «Солидарности» не решились на конфронтацию: всеобщая забастовка, подготовка к которой шла полным ходом, была отменена, о чем А. Гвязда (глава президиума Общеполюской согласительной комиссии) сообщил по телевидению 30 марта 1981 г., за несколько часов до объявленной даты начала забастовки. Показательно, что заявление об отказе от забастовки прозвучало именно из уст Гвязды, одного из наиболее радикально настроенных лидеров «Солидарности».

В результате переговоров сторон было достигнуто соглашение, которое Валенса назвал «великим». Многие критиковали лидера «Солидарности», подписавшего варшавское соглашение, нарушив принятую в «Солидарности» демократическую процедуру принятия решений. Но рядовые члены профсоюза были довольны: машину Валенсы после этого несли на руках.

События в Быдгощи явились высшей точкой противостояния профсоюза и власти, своеобразным апогеем напряженности и накала борьбы. Казалось, всего миг отделяет

участников конфликта от тотального столкновения, которого в последний момент все же удалось избежать. В немалой степени этому способствовала позиция католической церкви. Уже тяжело больной кардинал Вышиньский встречался с Валенсой, призывал «Солидарность» к сдержанности, отмечая, что высшей добродетелью является не смелость, а любовь и рассудительность. Примас предостерегал от всеобщей забастовки, которую «легко начать, но очень трудно закончить». К терпению и рассудительности призывал поляков в те дни и Иоанн Павел II.

Весна 1981 г. оказалась богатой событиями. После достигнутых в Варшаве соглашений власти перестали чинить препятствия регистрации крестьянской «Солидарности», а также независимого профсоюза индивидуальных ремесленников. Этой же весной скончался примас Польши С. Вышиньский, а в Риме было совершено покушение на Иоанна Павла II. Эти события действовали на настроение людей, создавали атмосферу эмоциональной напряженности.

Не способствовала успокоению общества и экономическая ситуация. Осознавая всю глубину экономического кризиса, идеологи «Солидарности» не представили собственной программы выхода из него, альтернативной программы реформ. Эту свою позицию они объясняли стремлением сохранить профсоюзный статус движения, хотя в реальности «Солидарность» с самого своего начала демонстрировала амбиции политической силы. Декларируя и постоянно подчеркивая стремление к диалогу и компромиссу, к «самоограничению», «Солидарность» на деле часто прибегала к такому разрушительному для экономики аргументу, как забастовка.

I.2. ПОРП: ПОПЫТКИ СОХРАНИТЬ ПОЗИЦИИ

Власти надеялись, что призывы к умеренности со стороны католической церкви умиротворят рабочих, но этого не произошло. В августе 1980 г. руководство ПОРП столкнулось с политическими проблемами, опыта решения которых не было ни у него, ни у партнеров по советскому блоку. Ясно было только одно: во что бы то ни стало следует найти выход с наименьшими потерями для страны и желательно без применения силы. На пленумах ЦК ПОРП, состоявшихся осенью 1980 г., постоянно декларировалась необходимость перемен, производились кадровые перестановки, отменялись привилегии работников партаппарата. Однако все эти действия не производили должного эффекта и не привели к укреплению авторитета «руководящей силы общества».

С. Каня, сменивший Э. Герека на посту главы ПОРП (VI пленум ЦК ПОРП, сентябрь–октябрь 1980 г.), на заседании Политбюро ЦК ПОРП констатировал, что «лучше сделать шаг вправо, чем шаг в пропасть»¹⁵.

До пропасти действительно оставался один шаг. Влияние партии ослабевало, опора уходила из-под ног. Ситуация была тем более сложной, что внутри самой ПОРП не было единства. Фактически в ее руководстве сформировалось несколько фракций, представлявших разное видение ситуации: «твердоголовые» — Т. Грабский, С. Ольшовский, А. Жабиньский; «центристы», к которым можно отнести С. Каню, В. Ярузельского, К. Барчиковского; «либералы» — Т. Фишбах и М. Раковский. Партия переживала глубокий идейный и организационный кризис,

что проявилось, в частности, в формировании неких новых структур различной идейной направленности.

Представители «партийного бетона» создали свой «Катовицкий партийный форум», действующий под эгидой А. Жабиньского, возглавлявшего самую многочисленную в стране силезскую партийную организацию. Участники Форума выражали обеспокоенность ситуацией в стране, расценивая ее как реальную опасность контрреволюции. В позиции партийных либералов они усматривали угрозу польскому социализму и роли партии в обществе.

В то же время наиболее радикально настроенные члены партии подвергали сомнению правомерность чрезмерной централизации в работе ПОРП. В октябре 1980 г. в Торуни в Университете им. Н. Коперника была создана первая партийная «горизонтальная структура» — Консультативно-согласительная комиссия партийных организаций, ставившая перед собой задачу реального представительства интересов как трудящихся в целом, так и членов партии. Лидеры нового политического образования полагали, что «если партия не будет обновляться, то общество окончательно отбросит ее как антинародную организацию»¹⁶.

Очень скоро подобные структуры возникают по всей стране. Своей главной задачей они видели реформирование партии изнутри, настаивая на скорейшем созыве внеочередного съезда ПОРП. К весне 1981 г. движение «горизонтальных структур» значительно окрепло. Особая роль в их деятельности принадлежала вузовским партийным организациям. В апреле 1981 г. Всепольская «горизонтальная структура» высших учебных заведений на общепольском форуме движения заявила, что «„Солидарность“ является массовым и подлинно общественным движением, представляющим собой ответ на прежние и нынешние ошибки партии. Постоянное запугивание опасностью контрреволюции и наступления антисоциалистических сил следует рассматривать как проявление неумения или отсутствия желания искать истинные причины продолжающегося политического кризиса»¹⁷.

Движение «горизонтальных структур» по-разному воспринималось в ПОРП. Догматическое крыло в партии решительно выступало против этого движения, что в полной мере проявилось в ходе заседаний X пленума ЦК ПОРП в апреле 1981 г. Однако в ПОРП были силы, видевшие в «горизонтальных структурах» реальную и конструктивную силу, способную вывести партию из кризиса. Особенно активно в защиту «горизонтальных структур» на том же X пленуме выступил М. Раковский.

Но в целом ПОРП достаточно традиционно искала панацею от всех бед в сплочении партийных рядов, не желая (или будучи неспособной) увидеть истинные причины и масштабы кризиса в стране. В партийной печати о кризисе стали говорить только в марте 1981 г. Хотя сложность ситуации в той или иной мере осознавалась значительно раньше, о чем свидетельствует хотя бы постановка вопроса о проведении внеочередного съезда ПОРП уже на VI пленуме ЦК ПОРП в сентябре 1980 г., после подписания гданьских соглашений. Но прошло еще немало времени, понадобилось возникновение «горизонтальных структур», грозивших революционной перестройкой всей партии и отказом от принципа демократического централизма, чтобы в декабре 1980 г. на X пленуме ЦК ПОРП окончательно решилась на проведение внеочередного съезда.

IX внеочередной съезд ПОРП состоялся в июле 1981 г. под лозунгом «Линия партии — линия социалистического обновления». Но содержание этого лозунга понималось разными

ми течениями не одинаково. Съезд показал, что среди делегатов не было единства. В докладе С. Кани особое внимание было уделено профсоюзам, в частности «Солидарности». Руководитель ПОРП пытался разграничить «рабочее крыло» «Солидарности», с которым нужно сотрудничать, и «враждебные силы», выступавшие против социализма и являвшиеся плодом деятельности «агентуры империализма». С ними следовало вести непримиримую борьбу. Именно к такой борьбе призывал делегатов съезда приехавший из Москвы член Политбюро ЦК КПСС первый секретарь Московского горкома КПСС В.В. Гришин. Марксизм-ленинизм признавался «универсальной идеологией», отступление от которой не представлялись возможными. В равной мере признавался недопустимым отказ от принципа демократического централизма.

Такой подход изначально пресекал все попытки организационной перестройки партии, а значит, весь демократический антураж съезда оставался лишь внешним (о том, что таковой имел место, свидетельствовала хотя бы такая деталь: в зале заседаний были расставлены микрофоны, обеспечивающие возможность высказаться всем желающим).

В постановлении съезда, озаглавленном весьма традиционно, — «Программа развития социалистической демократии, укрепления руководящей роли ПОРП в социалистическом строительстве и социально-экономической стабилизации в стране», не предусматривалось серьезных преобразований в стране, хотя много говорилось о необходимости реформ.

На съезде была создана комиссия по изучению причин кризисов в истории Народной Польши («комиссия Кубяка»).

В. Ярузельский говорил о съезде как об одновременно «сбывшейся и несбывшейся надежде»¹⁸. Сбывшейся — в части, касающейся кадровых изменений, программы реформ, и несбывшейся — в части последовательности этих реформ, в неумении преодолеть сопротивление «бетона». Работа съезда показала, что ПОРП не имела четкой программы действий, была в известном смысле дезориентирована ходом событий. Об отсутствии четких позиций делегатов можно судить по результатам выборов в руководящие структуры партии, когда одни и те же лица в разных случаях голосовали то за реформаторов, то за «бетон».

Руководство партии на съезде радикально обновилось: более 70% членов прежнего ЦК ПОРП было переизбрано. Показательно, что в руководящих органах партии оказалось много военных. Переизбранный в качестве первого секретаря ЦК ПОРП С. Кани так прокомментировал это обстоятельство: «Некоторые товарищи говорят, что это рабоче-крестьянско-военный Центральный комитет. Наш съезд в ходе демократических выборов избрал наших товарищей в мундирах. Это является свидетельством доверия к товарищам в наших Вооруженных силах, свидетельством убежденности в том, что в нашей трудной ситуации идейная твердость и боевая готовность наших Вооруженных сил является огромной ценностью в деле борьбы за независимость Польши, за социализм... За дверями этого зала... нас ждет чрезвычайно сложная действительность»¹⁹.

Партия готовилась к бою. Действительность была на самом деле необычайно сложной.

I.3. ПЕРВЫЙ СЪЕЗД «СОЛИДАРНОСТИ»: ВЫРАБОТКА ПРОГРАММЫ ДЕЙСТВИЙ

Польша переживала тяжелые времена, что было связано, прежде всего, с проблемами экономического развития. Жизнь в кредит, избранная прежним руководством страны в 70-е годы, привела к серьезным трудностям, усугубившимся в связи с неурожаем 1980 г. Дефицит продовольствия вызвал рост цен, породил спекуляцию, с которой власти пытались бороться путем мер административного и уголовного характера в соответствии с принятым законом «О борьбе со спекуляцией». Но суровые кары не приносили должного результата в условиях спада производства, который по сравнению с 1980 г. составил 10–20%.

«Солидарность» могла добиться повышения зарплат и пенсий, социальных пособий и размера социального минимума (что она и делала), но не могла обеспечить рост производства или хотя бы остановить его падение. А оно было беспрецедентным за всю послевоенную историю Польши. В результате правительство было вынуждено ввести карточки на основные продукты питания и синтетические моющие средства. Но даже в таком урезанном виде удовлетворительного снабжения населения продовольствием наладить не удавалось: по стране прокатилась волна «маршей голодных», во время которых матери с детьми демонстрировали свое недовольство продовольственной политикой правительства. Женщины несли транспаранты с надписями: «Чем нам кормить детей? Карточками?» Такого рода выступления летом 1981 г. имели место в Кутно, Лодзи, Щецине, Вроцлаве, Белхатове, Томашове, Белостоке, Калише, Кракове и ряде других городов.

Инфляция вынуждала правительство повышать цены, но под давлением «Солидарности» это компенсировалось повышением зарплат и пособий. Экономическая ситуация требовала интенсификации труда, но правительство в силу гданьских соглашений вынуждено было ввести нерабочие субботы, что обернулось серьезными убытками. Затем, однако, власти вынужденно пошли на попятную вследствие тяжелого экономического положения в стране. «Солидарность» же, грозя забастовками, упорно добивалась своего, не принимая во внимание фактического положения дел в экономике.

В ходе переговоров «Солидарность» возлагала ответственность за тяжелое экономическое положение на руководство страны, а оно указывало на НСПС как на фактор, препятствующий нормализации ситуации. На встрече правительства с представителями «Солидарности» в июле 1981 г. М. Раковский обвинил «Солидарность» в стремлении к «ликвидации» власти, в искусственном нагнетании ситуации, демагогии. Ответ представителей «Солидарности» был ожидаемым: Валенса и Геремек обвинили правительство в том, что оно не исполняет обещаний и не в состоянии справиться с экономическими проблемами. На угрозы Раковского о возможности силовой конфронтации Валенса ответил, что «Солидарность» готова стоять до конца, ибо она «у себя дома».

Продолжавшиеся в течение довольно длительного времени переговоры, казалось, закончились достижением некоего компромисса: в совместном коммюнике были осуждены забастовки и акции протеста, но члены «Солидарности» получили возможность участвовать в контроле над распределением продовольствия при весьма неопределен-

ных компетенциях. Однако в последний момент представители правительства внесли в текст несколько несогласованных с «Солидарностью» поправок, и представители НСПС отказались подписать итоговый документ. Правительство безоговорочно обвинило «Солидарность» в срыве переговоров, профсоюз в свою очередь обвинял в этом правительство.

В такой непростой обстановке в сентябре 1981 г. собрался I съезд НСПС «Солидарность», который проходил в два этапа и длился до 7 октября. Съезд заседал в гданьском дворце культуры «Оливия», и хотя полностью по телевидению заседания не транслировались, но краткие репортажи о работе съезда польские зрители имели возможность увидеть на телеэкранах. Кроме того по громкоговорителям ход заседаний транслировался прямо на улицу и становился предметом оживленного обсуждения собиравшихся около «Оливии» горожан. Съезд приветствовал в своем специальном послании Иоанн Павел II, а примас Ю. Глемп отслужил мессу и пожелал съезду успехов в работе.

В заседаниях съезда участвовало около 900 делегатов из 38 регионов. Среди них 47% имело рабочее происхождение, 33% — интеллигентское, 15% — крестьянское, остальные входили в категорию ремесленников или «крестьян-рабочих». В большинстве своем это были люди молодого и среднего возраста (35–45 лет), имевшие по меньшей мере среднее образование, работающие на крупных и средних предприятиях и живущие в больших городах. Лишь одна пятая из них занималась физическим трудом²⁰.

На съезде присутствовали в качестве гостей представители зарубежных профсоюзных организаций, но профсоюзные деятели из социалистических стран не приехали, несмотря на разосланные приглашения. Было представлено и правительство Польши делегацией во главе с министром труда С. Чосеком.

В зале «Оливия» царила приподнятая, в определенном смысле праздничная атмосфера. Но в ходе работы съезда возникали и конфликтные ситуации. Один из острых эпизодов, происшедший во время работы второго тура съезда, связан с КОР. Во время заседания профессор Э. Липиньский огласил информацию о роспуске КОР, ибо его миссия выполнена в связи с возникновением «Солидарности». Делегаты из Радома предложили проект резолюции, где выражалась благодарность КОР за защиту интересов рабочих. Был предложен и другой проект резолюции, где заслуги КОР оценивались еще более высоко и отмечалась его ключевая роль в создании «Солидарности». Но неожиданно слово взял делегат Р. Неугодский и выдвинул проект, в котором говорилось о решающей роли церкви и «истинно польском» направлении демократической оппозиции. В зале начался шум, атмосфера накалилась. Слово попытался взять один из легендарных основателей КОР Я.Ю. Липский, но защитить КОР ему не удалось: заслуженный ветеран оппозиции потерял сознание.

Это был лишь эпизод, но уже в нем можно усмотреть будущие проблемы развития Польши: противостояние (условно говоря) либеральной и национально-католической тенденций в политике.

Съезд проходил в условиях борьбы сторонников радикального и умеренного течений в «Солидарности»: последнее, поддерживаемое Валенсой, далеко не всегда брало верх. Свидетельством тому является принятие небольшого по объему, но значимого по содержанию документа — «Послание к трудящимся Восточной Европы», которое Л.И. Брежнев назвал «опасным и провокационным»²¹. В послании выражалась поддержка всем тем,

кто решил «вступить на трудный путь борьбы за свободное профсоюзное движение», и уверенность в возможности встреч и обмена опытом в ближайшее время²². Против этого документа выступали и Валенса, и Куронь, и Мазовецкий, но он все же был принят, ибо соответствовал эмоциональной атмосфере, царившей на съезде.

ПОРП оценила «Послание» как вмешательство во внутренние дела других социалистических стран и сурово его осудила. Историк «Солидарности» Е. Хольцер полагает, что оно «обошлось профсоюзу гораздо дороже, чем стоило на самом деле»²³.

В принятом съездом уставе НСПС определялся как профсоюз, «не зависимый от органов государственной администрации и политических организаций»²⁴. Много споров вызвало обсуждение преамбулы к уставу, той ее части, где речь шла о руководящей роли ПОРП в стране. Это положение, несмотря на противодействие ряда делегатов, было сохранено. Цели «Солидарности» формулировались как защита «прав, достоинства и интересов работников». Достижение поставленных целей планировалось, в частности, посредством представительства интересов членов профсоюза перед работодателями, властью и органами государственной администрации, заключения трудовых договоров, оказания юридической помощи, организации акций протеста и забастовок в случае нарушений прав трудящихся. В качестве значимого средства защиты интересов рабочих рассматривались издательская деятельность, организация публичного обсуждения всех проектов и законов, касающихся жизни трудящихся.

Дискуссию вызвал вопрос об организационных принципах работы профсоюза. В ходе его обсуждения преимущество было чаще на стороне радикальной части съезда.

Царящая на форуме атмосфера оптимизма и уверенности в своих силах не совсем соответствовала реальному положению дел в стране. Радикализм принимаемых решений всячески акцентировался в правительственных комментариях к работе съезда. Представляется, однако, что градус радикализма съезда все же не следует преувеличивать. Во всяком случае, председателем НСПС вновь был избран Валенса — сторонник скорее умеренной политики, а составившие ему конкуренцию гораздо более радикальные Гвязда, Рулевский, Юрчик далеко отстали по количеству полученных голосов.

Лидер «Солидарности» ревностно отстаивал идею самостоятельности движения. Л. Валенса заявлял: «До тех пор, пока я стою во главе этого движения, никто... ни так называемая партийно-государственная администрация, ни церковь, ни КОР, ни какие-либо иные организации не подчинят его себе»²⁵.

Одной из главных задач съезда было принятие программы НСПС. Подготовительным этапом к этому явилась публикация в феврале–марте 1981 г. тезисов к дискуссии о направлениях деятельности профсоюза. Источником идеологии организации назывались «лучшие традиции народа, этические принципы христианства, политические идеи демократии и социалистическая общественная мысль...»²⁶. Примечательно, что ни в тезисах, ни в других документах съезда речь не шла о революционных традициях польского пролетариата, истоки рабочего движения протеста виделись авторами документов в событиях 1956 г. и 70-х годов. Особый акцент делался на равенстве людей, человеческом достоинстве и социальной справедливости. «Солидарность» декларировала себя как организацию, основанную на мировоззренческом плюрализме, открытую для верующих и неверующих.

В экономическом разделе тезисов речь шла о разнообразии форм собственности, необходимости ограничения централизованного управления экономикой, самоуправ-

лении на предприятиях. Экономическая реформа должна была, по мысли авторов тезисов, привести к созданию основ рыночной экономики. В документе подчеркивалась необходимость обеспечить всеобщую занятость и развитую систему социальной защиты. В политической сфере предполагалось введение самоуправления на всех уровнях, изменение закона о выборах в народные советы (в направлении его демократизации), обеспечение истинной гласности.

Программа, принятая на съезде в октябре 1981 г., несколько отличалась от тезисов, что обуславливалось активным участием в ее разработке экспертов «Солидарности», в частности Б. Геремека. В программе указывались истоки «Солидарности» как движения протеста широко понимаемого «мира людей труда» против «мировоззренческой дискриминации и экономической эксплуатации... против системы осуществления власти»²⁷. В документе подчеркивалось, что движение борется не только за улучшение условий жизни, «за хлеб, масло и колбасу». Речь шла о гораздо большем: о справедливости, демократии, правде, об экономическом, социальном и моральном протесте. «Солидарность» определялась как организация, соединяющая в себе черты профсоюза и «широкого общественного движения», как «движение морального возрождения народа». Выразительнее, чем в тезисах, делался акцент на мировоззренческий и национальный плюрализм организации.

Слово «социализм» в программе не было употреблено ни разу, не было, в отличие от тезисов, и апелляции к «социалистической общественной мысли». Но само содержание программы — признавалась необходимость справедливого распределения материальных и духовных благ, важность самоуправления, «рабочие и демократические традиции трудящихся» — в качестве идейной основы движения свидетельствовали о значимости социалистических идей для ее авторов.

Экономическая часть программы также постулировала положения, близкие идеям демократического социализма, но вместе с тем она ставила трудноосуществимые задачи, в частности создание «нового социально-экономического устройства, сочетающего в себе план, самоуправление и рынок»²⁸.

В экономическом блоке программы много места уделялось уравнительному и справедливому распределению и контролю со стороны общества, недопущению разной оплаты одинакового труда, налогообложению очень высоких заработков. В социальном блоке программы детально рассматривались проблемы социального обеспечения, развития семьи и охраны материнства, выплаты достойных пенсий и пособий по инвалидности, совершенствования системы здравоохранения, охраны окружающей среды и жилищной политики, развития культуры и образования.

Программа предусматривала в перспективе создание «самоуправляемой Речи Посполитой». Это предполагало широкий плюрализм во всех сферах жизни общества: рабочее самоуправление; демократическое местное самоуправление; демократический парламентаризм, с созданием в парламенте палаты самоуправления; гражданские свободы; независимость производства от государства при общественном контроле над ним; отказ от репрессий за политические убеждения; обеспечение независимости системы образования от контроля власти; свободу научных исследований и самоуправление науки; свободу слова и контроль общества над СМИ.

В основе этой модели государства должно было лежать «подлинное рабочее самоуправление». Самоуправляющееся общество — это было нечто новое, невиданное

в истории Польши. «Солидарность» декларировала готовность к борьбе за то, чтобы «жить в правде», свободно говорить и мыслить, отказаться от дурманящего языка пропаганды. Такое видение общественного устройства можно отнести к утопическим социалистическим идеологиям. Именно так определял суть идеологии «Солидарности» Я. Куронь, а вслед за ним и многие исследователи.

Один из наиболее значимых «людей политики» 80-х годов, одно время возглавлявший ПОРП (1989–1990 гг.), занимавший пост премьера-министра (1988–1989 гг.), М. Раковский полагал, что авторы программы рассматривали Польшу как некий «чистый лист», на котором ничего нет и можно написать все, что хочешь, совершенно не учитывая объективную реальность. Абсолютизация самоуправления вызывала критическое отношение не только коммунистов. Либерал Я.К. Белецкий усматривал в самоуправлении (правда, уже после 1989 г.) смертельную опасность для эффективного управления экономикой. Ведь органы рабочего самоуправления принимают решения, но не несут за них никакой ответственности.

Отнюдь не бывший сторонником коммунистов экономист В. Тшецяковский прямо говорил, что идея самоуправления обусловлена была политическими, а не экономическими предпосылками: ведь нигде в мире самоуправление в экономике еще не доказало своей эффективности. Включение этой идеи в программу, по мысли Тшецяковского, — «выбор между скарлатиной и гриппом», т. е. выбор меньшего зла (не проверенное на опыте самоуправление все же лучше, чем показавшая свою неэффективность централизованная экономика).

Идеи самоуправляемой Речи Посполитой и самоуправления вообще не были близки и основной массе рабочих. Вместе с тем по инициативе «Солидарности» была создана неформальная горизонтальная структура — «Сеть», пропагандирующая идеи самоуправления и хозяйственной самостоятельности предприятий.

Содержание программы «Солидарности», весь ее пафос проникнуты духом противостояния власти и общества, необходимости со стороны последнего контроля над властью ради отстаивания своих интересов.

Не только «Послание к трудящимся Восточной Европы», но и другие принятые на конгрессе документы вызвали беспокойство у руководителей как ПОРП, так и КПСС. Во время работы съезда у границ Польши проводились крупномасштабные военные маневры армий стран Варшавского договора «Запад-81», в самой Польше разрабатывались планы введения военного положения.

Недостаток продовольствия, тяжелое экономическое положение в стране порождали все новые и новые акции протеста. Под напором забастовок правительство позвало «Солидарность» за стол переговоров. Собственно говоря, формально М. Раковский предложил не переговоры, а создание комиссии, куда вошли бы представители правительства и профсоюза для обсуждения проблем снабжения и ценообразования.

15 октября состоялась первая встреча противоборствующих сторон. Затем прошло еще несколько, но ни одна из них не привела к какому-либо конструктивному результату.

1.4. ВВЕДЕНИЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ.

«Солидарность» в ПОДПОЛЬЕ:

ПОИСКИ НОВОЙ ТАКТИКИ БОРЬБЫ

Осенью 1981 г. состоялся IV пленум ЦК ПОРП, на котором произошла смена первого секретаря. Им стал Войцех Ярузельский, сосредоточивший с этого момента в своих руках руководство партией, государственной администрацией и армией. Выступая после избрания, генерал заявил о готовности продолжать линию диалога, но при этом подчеркнул, что опасный рубеж, за которым следует конфронтация, уже близок, и партия ни перед чем не остановится, чтобы сохранить завоевания социализма.

Но и после смены партийного руководства сотрудничество не налаживалось. Как меру давления на правительство «Солидарность» использовала проведение часовой забастовки протеста 28 октября. На этот раз руководство страны не уступило. К этому времени развитие событий свидетельствовало, что доверие к профсоюзу начало снижаться. Общество явно устало от затянувшейся нестабильности и трудностей повседневной жизни. Это вовсе не означало спада забастовочной волны. Напротив, волна акций протеста захлестнула страну. Но все чаще «Солидарность» оказывалась не в состоянии контролировать разгул стихии, руководить ею, и вместе с тем не была готова идти на серьезный компромисс с властями. С июня по ноябрь 1981 г. уровень доверия к «Солидарности» в обществе снизился с 62 до 41%, в то время как уровень доверия к партии вырос с 6 до 12%²⁹. Конечно, цифры несопоставимые, но тенденция налицо.

Не разрядила ситуации встреча Валенсы, примаса Глемпа и Ярузельского 4 ноября 1981 г. для обсуждения вопроса о создании Фронта национального согласия, в котором были бы представлены и власть, и «Солидарность», и церковь. Валенса отправился на встречу вопреки воле Всепольской комиссии. Примас был доволен результатом встречи, но в целом комментарии в прессе были довольно сдержанные, да и сохраняющаяся напряженность в стране не давала поводов для особого оптимизма.

В конце ноября ситуация еще более обострилась. На фоне непрекращающихся забастовок в разных регионах страны власти прибегли к насильственному прекращению забастовки слушателей Высшей офицерской школы пожарных (ВОШП) в Варшаве, протестовавших против придания их учебному заведению статуса военного вуза (слушатели опасались, в частности, что их при таком развитии событий смогут привлекать к подавлению акций протеста). В ВОШП действовало отделение «Солидарности», группа слушателей пыталась создать ячейку Независимого объединения студентов. Лидеры оппозиционных организаций и возглавили начавшуюся оккупационную забастовку, к которой присоединилось подавляющее большинство слушателей. Бастующих поддерживала рабочая «Солидарность» с предприятия «Гута Варшава»: на территорию ВОШП прибыла группа активистов профсоюза во главе с достаточно радикально настроенным С. Яворским. Духовное окормление бастующих взял на себя ксендз Е. Попелушко. Переговоры властей с бастующими успехом не увенчались; забастовку удалось подавить лишь с помощью десанта, высаженного на крышу школы.

Эту акцию протеста обсуждала вся страна, она широко освещалась в оппозиционной печати, и жители близлежащих районов Варшавы всячески стремились помочь бастующим, снабжая их продуктами и водой.

Особую напряженность обстановки в стране придавала начавшаяся в октябре деятельность войсковых оперативных групп, формально осуществлявших акцию «Порядок», направленную на борьбу с бесхозяйственностью и коррупцией. Такие группы действовали в почти 100 городах и 2 тысячах гмин на территории Польши. Была также отложена демобилизация солдат второго года срочной службы.

Сгущающуюся атмосферу пыталась разрядить церковь. В конце ноября примас Глемп и секретарь епископата Домбровский встречались с Валенсой и другими деятелями «Солидарности». В коммюнике, опубликованном после встречи, церковная иерархия выражала надежду на возможность достижения согласия, поддерживая при этом некоторые требования «Солидарности».

Вместе с тем в ноябре 1981 г. на VI пленуме ЦК ПОРП Ярузельский предложил обсудить в сейме проект закона «О чрезвычайных мерах в интересах защиты граждан государства», запрещавшего проведение забастовок до весны. Генерал обличал силы контрреволюции и призывал всемерно противостоять ей. В постановлении пленума прямо говорилось о том, что «противники социализма» создают ситуацию напряженности, опасную для внутренней безопасности страны и самого существования польского народа. В ответ «Солидарность» заявила, что в случае принятия такого закона в стране будет объявлена всеобщая бессрочная стачка.

В начале декабря 1981 г. в Радоме состоялось совместное заседание Всепольской комиссии и представителей регионов. В выступлениях собравшихся господствовали настроения готовности к борьбе, уверенность в своих силах и явная недооценка силы власти.

Неумолимо нараставший конфликт опять попыталась урегулировать церковь. 5 декабря примас встречался с Валенсой, несколькими днями позже Глемп отправил письма сейму, руководству «Солидарности» и правительству. В них содержались призывы к ответственности за страну и предостережение от принятия крайних мер. 9 декабря Глемп и представители епископата приняли делегацию «Солидарности». После встречи Валенса заявил: «Церковь призывает к умеренности и рассудительности, к тому, чтобы мы как поляки могли между собой договориться»³⁰. Примас призывал к тому же и накануне заседания в Гданьске Всепольской комиссии «Солидарности», которое состоялось 11–12 декабря. На нем после долгой дискуссии о положении в стране и тактике «Солидарности» было принято решение о проведении референдума по ключевым проблемам развития страны. Но этому референдуму не суждено было состояться: 13 декабря 1981 г. в Польше было введено военное положение.

Соответствующее решение было формально принято Государственным советом практически единогласно. «Против» выступил только Р. Райфф, глава Объединения ПАКС. В то время, когда проходило это ночное заседание Госсовета, по всей стране уже проводились задержания деятелей оппозиции, на дорогах действовали патрули, средства связи не работали.

Декретом Госсовета власть была передана Военному совету национального спасения. Хотя в реальности (как полагает польский историк А. Пачковский) руководство страной осуществляла Директория, возглавляемая Ярузельским, куда входил узкий круг лиц³¹. Военные взяли под свой контроль все жизненно важные объекты и государственные учреждения; приостанавливалась деятельность почти всех общественных организаций и объединений, прекратился выпуск большинства газет и журналов, отключена теле-

фонная связь, вводился комендантский час, без особого разрешения нельзя было покидать места постоянного проживания. Многие сферы экономики, а также большинство крупных предприятий были переведены на военное положение. Около 5 тыс. активистов «Солидарности» подверглись интернированию, среди них и Л. Валенса. Он содержался отдельно от других, причем место пребывания лидера «Солидарности» несколько раз менялось. В конце концов власти остановили свой выбор на правительственной резиденции в Арламове, в Бещадах, недалеко от советско-польской границы.

Введение военного положения по сей день неоднозначно оценивается и польским обществом, и историками. Была ли эта «польско-ярузельская война» вынужденной мерой, наименьшим злом по сравнению с вероятной советской интервенцией³² или преступлением власти против народа — вопрос, не имеющий однозначного ответа. Один из лидеров оппозиции А. Михник, не убоившись гнева соратников по борьбе, в 90-е годы высказывал мнение: «Если бы Ярузельский не ввел военное положение, порядок в Польше навел бы главнокомандующий войсками Варшавского договора. И это был бы совсем другой порядок. Ярузельский бескровно вывел Польшу из социализма. Никто не думал, что это возможно»³³. Социологические опросы показывают, что и 30 лет назад, и сейчас оценки этой акции различны: около половины поляков считают ее оправданной, примерно одна треть придерживается противоположной точки зрения, остальные не имеют четкой позиции по данному вопросу. Как правило, сторонники левых взглядов склоняются к признанию введения военного положения обоснованной мерой, а сторонники правых считают ее преступлением коммунистического режима. С течением времени, однако, события тех лет оцениваются все более сурово. С 2007 г. Институт национальной памяти добивается осуждения В. Ярузельского, его неоднократно привлекали к судебной ответственности, но окончательное решение откладывалось в связи с плохим состоянием здоровья престарелого генерала. В 2012 г. впервые введение военного положения было квалифицировано судом как преступление, а его организаторы названы «преступной группой». Один из членов этой группы Ч. Кишак приговорен к двум годам тюрьмы условно. Уголовное преследование Ярузельского суд был готов продолжить, когда состояние здоровья 88-летнего генерала улучшится.

Введение военного положения 13 декабря 1981 г. было полной неожиданностью. Никто не думал, что руководство страны осмелится пойти на крайние меры, оно казалось для этого слишком слабым. Вместе с тем «Солидарность» переоценивала свои силы и возможности. Как отмечает один из ее лидеров Б. Лис, «...многие... верили, что с властью можно договориться, что коммунисты не такие плохие, что конфликты — это результат недоразумений, что до насильственных мер дело не дойдет. У нас преобладало ощущение собственной силы... Союз стрелял словами, а власть позднее — пулями. Мы больше опасались внешней интервенции; мне известно, что были даже отпечатаны на русском языке листовки для советских солдат»³⁴.

В ночь с 12 на 13 декабря, когда в Гданьске заседала Всепольская комиссия, войска уже занимали стратегически важные объекты. После тревожной, глухой ночи, когда молчали телевизоры, радиоприемники и телефоны, В. Ярузельский объявил о введении военного положения. «Карнавал „Солидарности“» (именно так часто называли недолгий период легального существования профсоюза) закончился.

Введение военного положения не привело к массовым акциям протеста. Это было следствием действия нескольких факторов. Несомненно, сыграла свою роль

внезапность и четкая организация самой акции, но не только это. «Солидарность» избрала тактику пассивного сопротивления, неприменения силы. Во многом этот выбор был обусловлен позицией церкви. К миру и избеганию кровопролития призывал Иоанн Павел II, к спокойствию и отказу от насилия призывал примас Глемп. Причем эти призывы были обращены к обеим сторонам противостояния. Несколько более решительную по отношению к властям позицию заняла Конференция польского епископата, потребовавшая от властей освобождения интернированных и легализации «Солидарности». Однако В. Ярузельскому удалось склонить Глемпа к тому, чтобы не оглашать в костелах этого документа.

Отсутствие масштабного сопротивления не означало отсутствия его как такового. Уже 13 декабря начались акции протеста, попытки организации забастовок. Для их подавления войска использовали слезоточивый газ, водометы, в некоторых случаях и боевые патроны. Кровопролития избежать не удалось. Особым драматизмом были отмечены события в Катовице, на шахте «Вуек». Здесь в сопротивлении властям приняли участие не только сами шахтеры, но их жены с детьми, которых в холодный декабрьский день силы правопорядка пытались разогнать водометами. Протестующим удалось захватить два танка и взять в плен нескольких милиционеров. Войсками было применено оружие, 9 шахтеров погибло. Дольше всех, почти до конца декабря, продолжали сопротивление шахтеры на шахтах «Земовит» и «Пяст». Наибольшую готовность к сопротивлению властям продемонстрировал Вроцлав, где «Солидарность», за несколько месяцев до декабря 1981 г., распространила листовки с инструкцией, как себя вести в случае введения военного положения. Лидерам профсоюза в регионе (В. Фрасыньюк, П. Беднажу, Ю. Пинёру) удалось избежать ареста, и они руководили работой профсоюза из подполья. В январе 1982 г. получил хождение по стране «Оккупационный кодекс» с рекомендациями по организации пассивного сопротивления. С первых дней военного положения часть общества практиковала такие формы выражения протеста, как выкладывание крестов из свечей и цветов перед костелами, изображение символов «Солидарности» на стенах домов, зажигание в определенное время свечей на подоконниках. Поляков призывали вспомнить опыт сопротивления в годы немецкой оккупации и использовать его в сложившейся ситуации. Однако масштабы противостояния все же не следует преувеличивать: Я. Куронь позднее выражал удивление, почему люди не верили, что и они могут применить силу и оказать активное сопротивление властям.

И все же 13 декабря не стало концом «Солидарности». Уже через несколько дней после введения военного положения во многих городах страны стихийно возникли комитеты общественного сопротивления, занимавшиеся сбором информации и оказанием помощи пострадавшим. Достаточно скоро удалось создать региональные структуры «Солидарности», вначале во Вроцлаве, а затем в Гданьске, Кракове, Варшаве. Координационным центром с апреля 1982 г. стала Временная координационная комиссия (ВКК) «Солидарности» во главе с З. Буюком (одним из функционеров НСПС, сумевшим избежать интернирования и скрывавшимся в Варшаве). Задача организации виделась ее руководителями в борьбе за освобождение интернированных, легализацию «Солидарности», восстановление гражданских прав, которых поляки лишились в связи с введением военного положения.

Под руководством ВКК в течение нескольких месяцев в подполье было восстановлено большинство региональных комитетов «Солидарности» и возобновилось изда-

ние оппозиционной прессы. В стране работала подпольная радиостанция, практически все поляки слушали «Голос Америки», «Свободную Европу» и другие западные радиостанции, передававшие информацию о ситуации в Польше и о планировавшихся подпольем акциях протеста.

Представительством «Солидарности» на Западе стало Координационное бюро во главе с Е. Милевским. Оно сыграло весьма серьезную пропагандистскую роль, в немалой степени способствовало материальному обеспечению деятельности профсоюза в Польше. Ежегодно бюро переправляло подполью порядка 500 тыс. долларов³⁵. Решению материальных проблем немало помогли снятые со счетов «Солидарности» деятелем НСПС Ю. Пинером накануне введения военного положения» и спрятанные 80 млн злотых.

Избежавшие интернирования активисты «Солидарности» в первые месяцы после введения военного положения единственно эффективным методом борьбы считали всеобщую забастовку. Однако пассивность общества предопределила выбор тактики «длительного марша», когда решительная схватка с властями откладывалась на неопределенное будущее. Однако против новой тактики решительно выступали приверженцы радикальных методов борьбы с властями, прежде всего из региональных организаций в Гданьске и Вроцлаве. А вот Варшава и Краков склонялись к тактике долгой и упорной борьбы. Серьезное влияние на соратников оказали пересылаемые из заключения письма А. Михника («Письма из Бялоленки»). В них идеолог «Солидарности» доказывал нецелесообразность открытой конфронтации и настаивал на создании «общественного движения сопротивления», как легального, так и подпольного, давление которого могло бы принудить власти к поиску компромисса с оппозицией.

Идеи А. Михника перекликались с умеренной и компромиссной позицией церкви, изложенной в тезисах Общественного совета при примасе Польши (апрель 1982 г.). Тезисы призывали власть к отказу от репрессивных мер, «выходу» из военного положения, легализации НСПС, а «Солидарность» — к избавлению от политических амбиций и сосредоточению на чисто профсоюзных вопросах. К этой позиции склонялся и Л. Валенса, которому была предоставлена возможность общаться с представителями епископата.

Меняющаяся ситуация требовала от лидеров оппозиции поиска новых тактических решений. И это поиск шел. Я. Куронь отказался от тактики «всеобщего движения сопротивления» и в 1982 г. выступил с новой политической концепцией. Полагая, что на данном этапе развития подпольные структуры «Солидарности» только мешают достижению целей оппозиции, он предложил во главу угла поставить полулегальную и легальную деятельность всякого рода объединений, кооперативов, органов местного самоуправления, развитие частной инициативы, создание рыночного анклава. По его мнению, все это приведет к тому, что Польша станет другой страной, и власти вынуждены будут с этим смириться.

В том же 1982 г. на страницах нелегальных изданий стала пропагандироваться идея «длительного марша», т. е. долгой, упорной работы по формированию «подпольного общества», или «независимого общества», как стали говорить позднее. «Независимое общество» предполагало создание «другой Польши», свободной и независимой от официальной власти. Но эта свобода была особого рода, не внешняя, а внутренняя, скорее свобода духа, чем свобода бытия. На целесообразности

этой новой стратегии настаивали А. Михник, З. Буяк, В. Кулерский и другие лидеры оппозиции.

Но официально цели «Солидарности» оставались прежними. В программной декларации «„Солидарность“ сегодня» Временного координационного комитета, принятой в июле 1982 г., говорилось: «Нашей целью является создание самоуправляемого общества — самоуправляемой Речи Посполитой — в соответствии с программой... В нынешней ситуации мы можем достичь этой цели только посредством деятельности подпольного общества»³⁶.

В связи с этим от поляков требовали отказаться от участия в проправительственных профсоюзах, Фронте единства народа, Патриотическом движении национального возрождения (ПДНВ) и прочих, по мнению лидеров «Солидарности», фиктивных организациях; бойкотировать выборы в сейм и рады народные; бороться за экономические интересы всеми возможными способами, вплоть до забастовок.

Большое внимание в программном документе уделялось борьбе за общественное сознание, важную роль в которой должна была играть агитационно-пропагандистская и издательская деятельность. Масштабы ее впечатляют: в 1981–1982 гг. было издано 300 названий книг и брошюр, а в 1982–1985 гг. — 1,8 тыс.³⁷ Тиражи некоторых изданий достигали нескольких тысяч. Публиковались как работы, подготовленные за рубежом, так и многочисленные исторические и публицистические произведения, созданные в Польше. В 80-е годы хорошим тоном считалось напечатать работу в одном из подпольных изданий или на страницах католической периодики: в «Тыгоднике повсехном», «Знаке», «Ладе» и др. Кроме того выходило 800 нелегальных периодических изданий.

Оппозиция пыталась создать собственную систему воспитания и образования молодежи. Координацией этих усилий занимались нелегальные Фонд независимого образования, Совет народного образования и действовавшие под их эгидой комитеты независимого образования. Помощь в этой работе оказывали студенческие (связанные с подпольным ОПС) и школьные организации.

Действующей в подполье «Солидарности» помогала церковь. В костелах устраивались выставки, встречи, ставились спектакли патриотического содержания. Церковь организовывала сбор средств для семей арестованных. Вместе с тем, многие представители высшей иерархии дистанцировались от подпольного профсоюза. По данным спецслужб, в 1982 г. только 5–10% духовенства активно поддерживали «Солидарность», большинство же проявляло лояльность в той или иной степени³⁸.

В «Солидарности» были и сторонники бескомпромиссной борьбы с властью, борьбы до конца, до свержения существующего строя. Именно такой позиции придерживалась радикальная «Борющаяся „Солидарность“» во главе с К. Моравецким*. Идеолог радикального движения выступал за создание наряду с массовой «Солидарностью» узкой организации профессиональных революционеров, способных к решительным действиям, к установлению контактов с народами Восточной Европы с целью организации совместной борьбы с существовавшими в их странах режимами. За «рабочую революцию» выступали также «Левая оппозиция „Солидарности“», Конфедерация не-

* Ветеран «Солидарности» в 2010 г. вступил в борьбу за президентский пост, но не набрал и нескольких процентов голосов избирателей.

зависимой Польши (КПН), Либерально-демократическая партия «Независимость» и ряд других радикально настроенных организаций.

Общий фон жизни в стране (во всяком случае, в первый год после введения военного положения) в известной мере благоприятствовал радикальным настроениям в «Солидарности». Акции протеста носили скорее разрозненный характер. Но поджоги и осквернение памятников советским воинам и лицам, связанным с народной властью; подбрасывание бутылок с зажигательной смесью под двери комитетов ПОРП и отделений милиции; разбрасывание листовок, уничтожение вывесок на дверях правительственных и партийных учреждений; призывы к диверсиям против советских воинских частей и даже попытки освобождения интернированных (правда неудачные) — все это было, и атмосфера польской жизни тех дней очень напоминала атмосферу Варшавского восстания, к идеям и методам которого нередко апеллировали радикально настроенные деятели оппозиции.

Неприятие существующего положения вещей выражалось не только в единичных акциях протеста, но и в массовых демонстрациях. Правда, степень массовости была различной, и на протяжении 80-х годов тенденция к сокращению числа участников несомненна. Обычно демонстрации были приурочены к определенным знаменательным датам: 1 и 3 мая, 13-е число каждого месяца (как повод для протеста против введения военного положения), 31 августа (в память о создании «Солидарности»). Пожалуй, наиболее значительным стало выступление 31 августа 1982 г., когда демонстрации состоялись в 66 населенных пунктах Польши. Только в Варшаве в них приняло участие около 70 тыс. человек. В ходе демонстраций несколько человек было убито, более 200 ранено (большинство из них — сотрудники органов правопорядка), более 5 тыс. человек задержано³⁹.

В октябре 1982 г. сейм принял новый закон о профсоюзах, который предусматривал регистрацию вновь создаваемых профсоюзных организаций, что фактически означало запрет «Солидарности». Использование самого названия независимого самоуправления профсоюза было запрещено. В ответ на это решение на многих предприятиях Польши начались стихийные забастовки. Однако ВКК не сочла возможным и нужным возглавить этот порыв и придать ему организованный характер.

Стремясь разрядить ситуацию, власти взяли на вооружение политику «борьбы и согласия». После встречи в ноябре 1982 г. В. Ярузельского и примаса Ю. Глемпа было заявлено о планируемом на июнь 1983 г. визите в Польшу папы Иоанна Павла II. При этом примас призвал общество к успокоению и согласию. В том же ноябре было опубликовано письмо Валенсы генералу Ярузельскому с предложением о переговорах. Свое обращение Валенса подписал достаточно неожиданно: «капрал Лех Валенса». 14 ноября Валенса был освобожден. Склонить его к сотрудничеству, несмотря на все попытки властей, не удалось⁴⁰.

Движение протеста получило новый импульс в 1983 г. в связи с официальным визитом в Польшу Иоанна Павла II. Папа встретился с руководством страны и Л. Валенсой. Сам факт визита, поддержка папой идеалов «Солидарности», права на свободу, несомненно, ободряюще действовали на сторонников «Солидарности». Вскоре после визита папы было объявлено о готовящейся амнистии.

Выражением стремления оппозиции подтолкнуть власть к переговорам стала подготовка в августе 1983 г. забастовки в связи с третьей годовщиной «Солидарности».

Назревающий конфликт попытался разрешить вице-премьер М. Раковский, приехавший на Побережье. В его встрече с рабочими судоверфи им. Ленина в Гданьске участвовал и Валенса, в очередной раз показавший себя опытным полемистом и народным трибуном.

Авторитет Валенсы еще более вырос после присуждения ему в 1983 г. Нобелевской премии мира. Используя свое влияние и стремясь к достижению согласия с властью, Валенса призвал США и страны Западной Европы отказаться от санкций против Польши, введенных после 13 декабря 1981 г. и весьма болезненно сказывавшихся на польском народном хозяйстве, которое в годы правления Э. Герека существенно сблизилось с мировой экономикой. Отношение Запада стало конечно не единственным, но значимым фактором приостановки в декабре 1982 г. военного положения (отмененного в июле 1983 г.). Постепенно выходили на волю интернированные. Впервые по амнистии в декабре 1982 г. было освобождено 700 человек, следующая амнистия в 1983 г. дала свободу большинству интернированных. Однако многие деятели оппозиции, в том числе 11 лидеров КОС-КОР оставались в заключении. Им было предложено освобождение при условии выезда за границу или обязательства отказаться от оппозиционной деятельности. Однако из-за твердого отказа оппозиционеров компромисса достичь не удалось.

Одновременно власти не отказывались от арестов и вынесения обвинительных приговоров активистам подполья, не желавшим складывать оружие. Так, в декабре 1982 г. состоялся судебный процесс над лидерами вроцлавской «Солидарности» В. Фрасынюком и П. Беднажем, завершившийся осуждением их на длительные сроки тюремного заключения. По официальным данным, до 1983 г. было арестовано 4 тыс. человек.

Говоря об итогах эпохи военного положения в Польше, нельзя не отметить, что властям удалось добиться определенного умиротворения общества. Забастовки и манифестации 1982–1983 гг. не шли ни в какое сравнение с двумя предшествующими годами, оппозиция была устранена с легальной политической сцены. Устранена, но не растоптана. Более того, она сумела создать нелегальные структуры, приобрести опыт борьбы в условиях подполья, решить проблему финансирования своей деятельности и создать неподцензурную печать. А это значит, что партийно-правительственному руководству страны не удалось вернуть себе статус единственной реальной политической силы в Польше. Введение военного положения привело к падению авторитета партии, сокращению ее численности, главным образом за счет рабочих.

«Солидарность» сумела сохранить себя в условиях военного положения, хотя влияние ее в обществе скорее падало. Широкомасштабного сопротивления оппозиции организовать не удалось, и угрозы в адрес правительства — «зима ваша — весна наша» — не оправдались*.

* Вместе с тем не следует и преуменьшать масштабов сопротивления. В течение периода действия военного положения властями было выявлено около 700 нелегальных группировок, ликвидировано 12 нелегальных радиостанций, конфисковано 1310 единиц полиграфической техники, за государственные преступления осуждено 2580 человек (Głębocki H. Konspira. Dzieje «Solidarności»... S. 170).

1.5. ТРУДНОЕ СБЛИЖЕНИЕ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ

Заявленная руководством страны «линия борьбы и согласия» настоятельно требовала снять с повестки дня вопрос о политических заключенных. К тому же от их освобождения прямо зависела готовность Запада к отмене экономических санкций. В 1984 г. была объявлена новая амнистия. Казалось бы, политическая сцена Польши близка к успокоению.

Но скрытая напряженность иногда прорывалась наружу. Именно это произошло в 1984 г., когда сотрудниками госбезопасности был убит широко известный в Польше капеллан «Солидарности» ксендз Е. Попелушко. Его в высшей степени популярные, собиравшие массу народа «молитвы за отчизну» и проповеди в костеле св. Станислава Костки в варшавском районе Жолибож давно беспокоили власти. Пресс-секретарь правительства Е. Урбан называл их «сеансами ненависти». Убийство Попелушко не удалось скрыть, известие о нем всколыхнуло страну.

Однако такого рода всплески активности не меняли общей картины: создать «подпольное общество» не удалось, общественная поддержка «Солидарности» снижалась. Об угасании протестных настроений свидетельствовали и итоги парламентских выборов 1985 г. Несмотря на призывы ВКК к их бойкоту, явка составила около 80%. Общество устало от борьбы, не приносившей явных результатов и приводившей только к репрессиям. Середина 80-х стала «глухими годами» в истории подпольной «Солидарности». Терроризируемая арестами, утрачивающая влияние, «Солидарность» не могла организовать ни одной значительной акции.

Несомненно, именно в этом кризисе крылась одна из главных причин постепенного отказа идеологов и руководителей подполья от концепции борьбы против государства в пользу борьбы за государство, т. е. за участие во власти. В 1985 г. сначала в Лондоне, а потом в одном из нелегальных варшавских издательств вышла книга А. Михника «Такие времена... К вопросу о компромиссе». Автор, в то время еще не отказывавший реальному социализму в способности к реформированию, допускал, что вполне может сложиться ситуация, при которой коммунистам выгоднее будет пойти на соглашение с оппозицией, чем сохранять ситуацию «холодной гражданской войны». Но соглашение состоится только при условии, если они примут постулат о субъектности общества и откажутся от конституционного положения о руководящей роли ПОРП в государстве. «Солидарности» же, со своей стороны, следовало отказаться от претензий на всю полноту власти. Реально такой компромисс мог бы выразиться в изменении избирательной системы и обеспечении возможности свободного избрания хотя бы 30% депутатов сейма.

Концепция Михника не стала в те годы официальной позицией «Солидарности», не вызвала особого интереса ни у оппозиции, ни у власти. Но она в полной мере отражала настроения, царившие в команде «интеллектуалов», т. е. советников «Солидарности». Все большее их число склонялось к тому, чтобы признать бесперспективной стратегию «длительного марша», основанную на безоговорочном противостоянии режиму.

Официальная позиция «Солидарности» была выражена в изданном в 1985 г. «Рапорте — Польша через 5 лет после августа», подготовленном под руководством Б. Геремека и Т. Мазовецкого при активном участии Л. Валенсы. «Рапорт» содержал

идею компромисса с властью, вряд ли достижимого в момент подготовки документа, но вполне возможного в будущем.

Против соглашений с властью выступали представители радикального крыла оппозиции. Они считали его бессмысленным по причине нерепформируемости реального социализма, незаконности действующей власти, нелегитимности потенциального соглашения, поскольку далеко не все общество идентифицирует себя с «Солидарностью», осуждали желание «старых» лидеров «Солидарности» войти во власть.

Таким образом, в условиях нелегальной деятельности оппозиция все заметнее распадавалась на два основных течения — сторонников и противников «исторического компромисса» с социалистической властью.

Власть же до определенного момента (во всяком случае, до референдума 1987 г.) стремилась скорее к исключению «Солидарности» из политической игры. Действуя в рамках «линии борьбы и согласия» и не желая идти на контакты с мятежным профсоюзом, власти создали альтернативные профсоюзы: Общепольское соглашение профсоюзов (ОСПС) во главе с А. Медовичем. С октября 1984 г. этот профцентр получил монополию на решение социальных проблем трудящихся, заодно ему передали и конфискованные в свое время у «Солидарности» средства. Проправительственный профсоюз очень скоро стал влиятельной, многомиллионной организацией. Его членами стали 36,4% бывших членов «Солидарности», 80% работающих членов ПОРП, 36,5% руководителей и специалистов с высшим образованием⁴¹.

ОСПС удалось занять господствующее положение на предприятиях, так как в соответствии с законом о профсоюзах, принятым в июле 1985 г., их компетенции были расширены за счет органов самоуправления, где господствующие позиции занимали сторонники «Солидарности».

Руководству страны уже в 1982 г., несмотря на введенное рядом западных государств эмбарго, удалось остановить падение производства. Начался рост ВВП, но из-за провала 1980–1981 гг. до конца десятилетия он так и не достиг уровня 1978 г. Одновременно приступили к проведению экономической реформы, в соответствии с которой хозяйственная жизнь страны должна была строиться на основе «трех С» — самостоятельности, самофинансирования, самоуправления. На начальном этапе реформы были достигнуты некоторые положительные результаты, но очень скоро поступательное развитие приостановилось, реформа стала пробуксовывать. Причина неудачи крылась в первую очередь в том, что продолжала действовать прежняя, сложившаяся еще в годы форсированной индустриализации конца 1940 — начала 1950-х годов, система, жестко соединявшая экономику с политикой. Номенклатура, по-прежнему контролировавшая ресурсы, тормозила структурные реформы, которые могли подорвать ее господствующие позиции в государстве⁴².

Не слишком эффективными оказались и попытки демократизации жизни общества. Создавались новые институты общественной и политической жизни: Патриотическое движение национального возрождения, Государственный и Конституционный суды, институт уполномоченного по правам человека, взамен распущенных творческих союзов были созданы новые, лояльные власти. Но они не пользовались авторитетом в обществе, не были в его глазах достаточно легитимными, расценивались как инструменты власти, и только.

Партийно-государственное руководство ПНР, осознавая, что значительная часть общественного доверия утрачена, опасалось приступать к реализации второго этапа хозяй-

ственной реформы, предусматривавшего дальнейшую либерализацию экономики. Власти прекрасно понимали, что этой цели нельзя было достичь без «отпуска» розничных цен и всего, что неизбежно должно было за этим последовать, в том числе — социального протеста. Не желая брать на себя все последствия этой непопулярной реформы, правительство З. Месснера в ноябре 1987 г. (по инициативе Ярузельского) предложило обществу референдум по вопросам планируемых преобразований. Вопросы референдума были сформулированы следующим образом: 1. Выступаете ли Вы за полное осуществление представленной сеймом программы радикального оздоровления экономики, направленной на значительное улучшение условий жизни общества, если это потребует двух-трехлетнего периода быстрых и трудных перемен? 2. Поддерживаете ли Вы польскую модель глубокой демократизации политической жизни в целях укрепления самоуправления, расширения прав граждан и повышения уровня их участия в управлении страной?

Потерпеть во имя светлого будущего выразили готовность лишь 44,28% поляков. Референдум показал, что поддержка обществом власти невелика, даже при низкой явке на участки абсолютного большинства голосов получено не было, что было расценено как отрицательный результат.

Итоги референдума побудили правительство отказаться от планируемого повышения цен, тем более что против него выступили и профсоюзы, и церковь. А это означало, что проведение второго этапа реформы стало весьма проблематичным. А. Квасьневский (в 2000 г.) так оценивал эту неудачу власти: «Под защитой штыков нельзя проводить никаких реформ, которые требуют, с одной стороны, участия людей, а с другой — их готовности к самопожертвованию. Не хватило как демократии, так и готовности общества к реформам»⁴³.

В середине 1980-х годов помимо внутривнутриполитических факторов, побуждающих власть к поиску компромисса, в полной мере проявился и фактор внешний — в СССР началась перестройка, что не могло не повлиять на позиции польского руководства.

В лагере власти (хотя и не едином) все больший вес приобретали сторонники компромисса. С начала 1986 г. в доме отдыха МВД, расположенном недалеко от Варшавы, в Магдаленке, под патронажем министра внутренних дел Ч. Кишака работала группа неофициальных советников В. Ярузельского («тройка») в составе пресс-секретаря правительства Е. Урбана, секретаря ЦК ПОРП С. Чосека, заместителя министра внутренних дел В. Пожого. Именно они подготовили предложение об амнистии политических заключенных, и 11 сентября 1986 г. 225 человек, в том числе А. Михник, Б. Лис, З. Буяк, Б. Боруевич и другие лидеры оппозиции, получили свободу⁴⁴.

Амнистия оценивалась многими в среде оппозиции как жест доброй воли, проявление готовности к диалогу. Но сама власть видела в амнистии нечто иное: она сочла, что «Солидарность» уже потеряла прежний авторитет в обществе. Эта позиция в полной мере нашла свое отражение в решениях X съезда ПОРП (июнь–июль 1986 г.), где «контрреволюция» расценивалась как сила, не представляющая опасности для власти.

Амнистия должна была улучшить имидж Польши на международной арене, представить ее правительство в глазах Запада как вполне гуманное, что способствовало бы отмене экономических санкций. М. Раковский вспоминал: «В то время мы еще были убеждены, что в состоянии сами совершить глубокую перестройку системы в соответствии с собственной концепцией. Она предполагала, что инициатива, а значит и контроль над развитием ситуации, должны принадлежать нам»⁴⁵.

Реализуя эту инициативу, власти предложили некоторым освобожденным по амнистии умеренным представителям оппозиции войти в состав Консультативного совета при Госсовете. Предложение не встретило особого энтузиазма: многие отказались от него, поскольку выдвигаемые оппозицией требования, прежде всего профсоюзного плюрализма (т. е. легализации «Солидарности»), свободы объединений были отвергнуты властями.

Вошедшие в состав Совета оппозиционно настроенные интеллектуалы — В. Сила-Новицкий, К. Скубишевский, Г. Бялковский и другие — старались исполнять роль представителей общества, нередко ставили на обсуждение волновавшие его вопросы. Но в целом этот орган не оправдал возлагавшихся на него надежд и не стал реальным полем диалога.

Создание Консультативного совета явилось попыткой реализовать идею «консультативной демократии» (по выражению А. Пачковского), цель которой состояла в легитимизации власти путем кооптации в нее лояльных представителей оппозиции без изменения сути существующей системы.

Оппозиция, которой власть отказывала в какой-либо серьезной роли в жизни страны, пыталась использовать либеральные жесты власти для укрепления своих позиций в обществе. В том же сентябре 1986 г., когда была объявлена амнистия, Валенса заявил о воссоздании Временного совета (ВС) «Солидарности», куда вошли многие ветераны движения. Очень скоро о своей легализации стали заявлять региональные структуры профсоюза, хотя суды отказывали им в регистрации. В этой ситуации руководство «Солидарности» приняло решение сохранять и легальные, и нелегальные структуры. В заявлении новой организации говорилось о готовности идти на поиск компромисса с властью, не отказываясь при этом от идеалов «Солидарности». Я. Куронь призывал «дать власти шанс». Но появление ВС было встречено в среде «Солидарности» неоднозначно. Валенсу упрекали в волюнтаризме, в нарушении демократических норм, прописанных в уставе профсоюза. Главным оппонентом Валенсы выступала Рабочая группа, куда входили М. Юрчик, А. Гвязда, Я. Рулевский и др.

Тем не менее двойная, состоявшая из легальных и нелегальных организаций, структура «Солидарности» стала реальным фактом. Компетенции между структурами не были четко разделены, что порождало недоразумения и конфликты. При этом нельзя не признать, что сложившийся дуализм имел свои положительные черты: он позволял вести диалог с властями и одновременно сохранять давление на нее, а также обеспечивал финансовую независимость «Солидарности» и ее издательской деятельности. Такое «двоевластие» (при котором было обеспечено фактическое лидерство Валенсы) просуществовало до 25 сентября 1987 г., когда обе структуры были распущены, а вместо них создана Общепольская исполнительная комиссия. В комиссию помимо Валенсы вошли З. Буяк, В. Фрасынюк, Б. Лис, Е. Палубицкий, Е. Длузневский, С. Юрчак, А. Мильчановский, С. Венгляж. Против создания комиссии выступила Рабочая группа (традиционный «противник» Валенсы), конфронтация с которой продолжалась достаточно долго.

Но авторитет Валенсы в «Солидарности» был бесспорен. Он опирался на неформальную группу советников (около 60 человек), которые впоследствии составили ядро Гражданского комитета. Валенса без всяких препятствий со стороны власти встречался с приезжавшими в Польшу З. Бжезинским, Э. Кеннеди, Д. Бушем. Сложившаяся вокруг Валенсы группировка всеми силами старалась идти по пути компромисса и согласия с властью.

Именно к компромиссу настойчиво призывал в этот период Я. Куронь в своей работе «Пейзаж после битвы». В тех условиях идеолог «Солидарности» не видел для нее шансов в случае противостояния системе. Необходимо, полагал Куронь, преобразовав «Солидарность» в широкое общественное движение, поддерживать реформаторское крыло ПОРП. Он призывал учитывать ситуацию, сложившуюся в это время в СССР, идущие там перестроечные процессы. Ему вторили и другие идеологи «Солидарности» (А. Михник, Я. Литыньский) и вместе с тем, яростно возражали представители радикального крыла, видя в такой позиции предательство идеалов движения.

Весьма значимым и благоприятным для укрепления авторитета оппозиции стал 1987 год. В этом году состоялся третий визит папы Иоанна Павла II в Польшу. Многие в стране полагали, что этот визит только укрепит позиции власти, явится своеобразным одобрением ее действий. Однако на протяжении всего пребывания на родине Иоанн Павел II выражал полную поддержку оппозиции, поблагодарив членов «Солидарности» за борьбу во имя достоинства человеческого труда. Папа говорил о своих ежедневных молитвах за Польшу и за «великое наследие польской „Солидарности“». Иоанн Павел II, помимо традиционных для его визитов поездок в Варшаву, Краков и Ченстохову, впервые посетил Гданьск, Гдыню, Щецин и Лодзь — эти средоточия оппозиционной борьбы поляков.

1987 год ознаменовался и активизацией попыток самоорганизации общества. В Варшаве возникает Экономическое товарищество, имеющее целью поддержку частной инициативы в экономике; начинает свою деятельность клуб политической мысли «Дзекания»; выходят первые легальные номера журнала «Res Publica», до того времени издаваемого нелегально и являвшегося действительно независимым изданием. Более либеральной стала цензура, даже на страницах партийной газеты «Трибуна люду» можно было встретить тезис о необходимости сочетания экономической реформы, проводимой в стране, с политическими переменами.

Вместе с тем, власть по-прежнему не видела в «Солидарности» достойного и солидного партнера. Е. Урбан писал в 1987 г.: «Большой наивностью было бы полагать, что поляки еще раз пойдут тем же путем. Этого не произойдет ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем»⁴⁶.

«Реальный социализм» в польском варианте рассматривался властями как оптимальный строй, наиболее приемлемый для страны. Казалось, для таких выводов были некоторые основания: во второй половине 80-х годов авторитет «Солидарности» продолжал падать. На рубеже 1987/1988 гг. ей доверяли 16% поляков, тогда как армии — 75%, сейму — 70, официальным профсоюзам — 47, ПОРП — 44% опрошенных⁴⁷.

Между тем «Солидарность» выступила с новой инициативой, направленной на поиск компромисса. Выражением ее готовности к согласию стала идея «антикризисного пакта», сформулированная Б. Геремеком в декабре 1987 г. в одном из интервью. Текст интервью был опубликован в ежемесячнике «Конфронтации» — издании, формально выходящем под эгидой Патриотического движения национального возрождения (ПДНВ), но контролируемом службами безопасности. Инициатором публикации был министр внутренних дел Ч. Кишак, полагавший, что эта акция может быть расценена обществом как попытка власти наладить диалог с оппозицией. Помимо интервью Геремека на страницах журнала увидели свет публикации и других деятелей оппозиции, что было явлением новым и необычным.

Б. Герemek предложил заключить пакт, предполагавший наряду с сохранением власти в руках партии профсоюзный плюрализм и свободу общественных объединений.

Идеи, высказанные Геремеком, не были новыми, но, пожалуй, впервые концепция соглашения с властью была раскрыта так детально. Казалось, диалог власти и оппозиции приобретает реальные очертания.

Однако уже в 1988 г. ситуация изменилась. Все чаще получали отказ в регистрации различные общественные организации. М. Раковский, ставший членом Политбюро ЦК ПОРП, призывал партию занять наступательную позицию по отношению к политическому противнику. Это было неожиданностью для многих, ибо Раковский имел устойчивую репутацию либерала.

Далеко не благоприятно выглядела экономическая ситуация: реформа не приносила ожидаемых результатов, и правительство в очередной раз пошло на повышение цен, что вызвало волну забастовок. Она не достигала уровня 1980 г., но превысила все проявления недовольства, имевшие место после введения военного положения. Рабочие требовали не только увеличения компенсаций в связи с повышением цен, но и легализации «Солидарности». Инициатива забастовок исходила снизу, руководство профсоюза отнюдь не было их инициатором, но в мае, когда вспыхнула забастовка на Гданьской судовой верфи, к бастующим присоединился Валенса, что, несомненно, имело символическое значение. В намерения Валенсы не входило обострение противостояния, напротив, он и его окружение руководствовались стремлением взять ситуацию под свой контроль, чтобы иметь возможность прекратить забастовки, если власти согласятся на переговоры.

8 мая 1988 г. стало известно, что В. Ярузельский готов встретиться с Л. Валенсой, если забастовки прекратятся. 10 мая Валенса во главе тысячи рабочих, прекратив забастовку, покинул территорию верфи и отправился на молебен в костел св. Бригиды. Если забастовка в Гданьске закончилась мирно, то в некоторых других городах, например в Новой Гуте, властям пришлось применить силу.

Стихийно возникшие майские забастовки не привели к изменению в положении оппозиции. Один из лидеров «Солидарности» Р. Бугай писал позднее: «В 1988 г. мы были очень слабы, число людей, объединенных в „Солидарности“, было невелико. „Солидарность“ была чем-то наподобие руководства без армии. Люди устали, чувствовали безысходность ситуации»⁴⁸.

Но забастовки показали наличие достаточно серьезных протестных настроений в обществе и опасность социального взрыва, который не смогли бы контролировать ни власти, ни «Солидарность». Это обстоятельство подталкивало руководство страны к поиску путей компромисса, соглашения с оппозицией. Немаловажную, если не определяющую роль играли процессы, происходившие в СССР. Недаром Михник говорил, что Варшаву к реформам подтолкнула Москва.

Функцию посредника в налаживании контактов власти и оппозиции традиционно взяла на себя церковь. В мае 1988 г. генеральный секретарь ПДНВ С. Чосек пригласил на переговоры ксендза А. Оршулика (секретаря Совместной комиссии епископата и правительства ПНР), пользовавшегося авторитетом как в кругах церковной иерархии, так и в среде оппозиции. С. Чосек завел разговор о возможности создания коалиционного правительства с участием оппозиции, признавая тем самым необходимость политического плюрализма. Он озвучил мысль, что в сейме правящая коалиция должна располагать 60–65% мест, а в верхней палате парламента — сенате, который предполагалось создать, распределение мест не регулировалось бы.

В том же июне 1988 г. состоялись негласные переговоры С. Чосека с советником Л. Валенсы А. Стельмаховским, главой варшавского Клуба католической интеллигенции. Но запущенный механизм переговоров оказался под угрозой срыва в связи с новой волной забастовок, прокатившихся по стране в августе 1988 г. Первая случилась на шахте «Июльский манифест», той самой, на которой начались волнения летом 1980 г. Вскоре волнения перекинулись на предприятия Гданьска, Щецина, Познани, Кракова, ряда других городов. Поддерживаемые интеллигенцией, рабочие под лозунгом: «Нет свободы без „Солидарности“» требовали легализации независимого профсоюза. Положение было настолько серьезным, что генерал Ч. Кишак в своем телевизионном выступлении пригрозил введением комендантского часа. Но, грозя репрессиями, власти не оставляли мысли о переговорах: секретарь ЦК ПОРП Ю. Чирек предложил переговоры взамен на прекращение забастовок. Но 22 августа началась забастовка на Гданьской судовой верфи, а вскоре она перекинулась на другие предприятия.

На сей раз это обстоятельство не привело к прекращению переговоров между властями и оппозицией. 25 августа 1988 г., по согласованию с Политбюро ЦК ПОРП, Ч. Кишак в телевизионном выступлении выдвинул предложение о переговорах с различными общественными организациями и организациями трудящихся в формате «круглого стола»*.

Нелегко шедшие переговоры партийно-государственного руководства и группировавшейся вокруг «Солидарности» оппозиции не раз оказывались на грани срыва. И, как правило, в трудные моменты с посреднической миссией выступала церковь, чаще всего поддерживая требования «Солидарности». Так, в августе 1988 г. епископат в своем послании отмечал, что «основной причиной нынешней общественно-политической ситуации является нарушение прав человека и достоинства человеческого труда... следует отказаться от запугивания и насилия и ... признать, что основой разрешения всех социальных конфликтов является диалог. Необходимо искать пути, ведущие к профсоюзному плюрализму и созданию объединений»⁴⁹.

VII пленум ЦК ПОРП (27–28 августа 1988 г.) выработал основы тактики партии в сложившейся ситуации. Было решено организовать встречу Кишака с Валенсой. Правда, требование оппозиции о легализации «Солидарности» было сочтено неприемлемым, но члены партийного ареопага согласились с мыслью о необходимости серьезной реформы политической системы.

I.6. Польская «РЕФОЛЮЦИЯ»**, или «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

31 августа 1988 г., в годовщину заключения Гданьских соглашений, Л. Валенса встретился с Ч. Кишаком. Лидер «Солидарности» пришел на встречу не один: его сопровождал епископ Е. Домбровский. Со стороны правительства во встрече, помимо Кишака, участво-

* Термин «круглый стол» впервые употребил В. Ярузельский в июне 1988 г. на VII пленуме ЦК ПОРП.

** Термин, предложенный Т. Эшем и означающий сочетание реформ и революционных преобразований.

вал С. Чосек. В ходе переговоров Валенса настаивал на легализации «Солидарности», правительственная сторона, памятуя грозные события 1980–1981 гг., не готова была принять это требование. Реальным итогом встречи явилась договоренность о проведении «круглого стола» и обязательство Валенсы прекратить забастовки.

Добиться последнего было не просто. Валенсу, после встречи с Кишаком призывавшего рабочих гданьской судовой верфи возобновить работу, встретили без всякого энтузиазма. Его обвиняли в предательстве и измене идеалам «Солидарности». На шахте «Июльский манифест» рабочие едва не вывезли его с территории предприятия на тачке (так во время забастовок 1980–1981 гг. поступали с неугодными руководителями предприятий). Но авторитет лидера «Солидарности» оказался все же настолько силен, что ему удалось добиться прекращения забастовок, убедить рабочих в том, что эта «игра стоит свеч», а тот «страшный покер», в который он играет с властью, еще может быть выигран.

Во властных партийных кругах царил смятение. Опасения, что «партия отступает», охватили многих. В. Ярузельский, пытаясь склонить на свою сторону колеблющихся, в те дни так выражал свою позицию: «Нет места для „Солидарности“, которая еще раз подтвердила, что является партией забастовок, партией подстрекателей. Но есть место для людей бывшей „Солидарности“, которые хотят конструктивно сотрудничать»⁵⁰.

В среде оппозиции в это время не было ясности по вопросу о цене, которую можно заплатить власти за компромисс. По приглашению Валенсы группа его ближайших советников-интеллектуалов собралась в сентябре 1988 г. в гданьском костеле св. Бригиды чтобы выработать платформу оппозиции. В принятых документах акцентировалась необходимость легализации «Солидарности», что не могло устроить власть, т. к. прежде речь шла о переговорах без всяких предварительных условий. Это означало, что сторонам предстоит непростой путь к диалогу.

15 сентября 1988 г. состоялась вторая встреча Валенсы с Кишаком, устроенная при непосредственном участии епископата. Во встрече приняли участие ксендз А. Оршулик и профессор А. Стельмаховский. Достичь консенсуса сторонам не удалось, ибо Валенса настаивал на легализации «Солидарности», а Кишак упорно отрицал такую возможность. Обсуждая итоги встречи, советники Валенсы предлагали прервать переговоры. Но Валенса принял другое решение.

16 сентября в правительственной вилле в поселке Магдаленка под Варшавой собрались представители ПОРП, «Солидарности», католической церкви, а также Объединенной крестьянской партии, Демократической партии и легальных профсоюзов для обсуждения вопроса о «Солидарности». И вновь стороны не смогли достичь согласия. Примечательно, что все ссылались на мнение «простых людей». Кишак говорил о невозможности объяснить «партийной массе» легализацию «Солидарности». Валенса — о том, что рабочие не поймут его отступления от основного требования оппозиции. Срыв переговоров казался неизбежным, но после конфиденциальной встречи Валенсы, Кишака и Мазовецкого на завершавшем встречу ужине представители «Солидарности» согласились начать переговоры без предварительной легализации НСПС.

Причину изменения своей позиции Валенса членам делегации объяснять не стал, а они, за исключением В. Фрасынюка, без особого сопротивления приняли единоличное решение лидера. Повлияла же на решение Валенсы информация Кишака о грядущих в ближайшее время перестановках в правительстве. И они действительно произош-

ли. 27 сентября после отставки З. Месснера премьер-министром стал М. Раковский. Оппозиция, которой в тот момент казалось, что она возвращает свое прежнее высокое влияние в обществе, не имела четкой и ясной программы. Она знала только, что не хочет тесного сотрудничества с властями. Во всяком случае, когда М. Раковский предложил некоторым оппозиционерам — В. Тшецяковскому, А. Пашиньскому, А. Мицевскому, Ю. Аулейтнеру — войти в состав правительства, все отказались.

Назначение Раковского на пост премьера не вызвало энтузиазма ни в ПОРП, ни у оппозиции. Коммунисты считали многолетнего редактора «Политики» либералом, а оппозиционеры помнили его далеко не либеральные высказывания в первой половине 1980-х годов, дискуссию с Валенсой на Гданьской судоверфи, во время которой Раковский позволил себе оскорбления в адрес лидера «Солидарности». Новый премьер во главу угла ставил экономические проблемы, хотя и приветствовал идею «круглого стола». Не раз цитировалось его высказывание в этой связи: «поляков интересует не столько „круглый стол“, сколько богато накрытый». М. Раковский предлагал ряд дозированных либеральных перемен в экономической сфере: введение свободного обращения иностранной валюты, разрешение аренды государственного имущества, создание коммерческих банков и др. Все это должно было создать заинтересованность в реформах со стороны номенклатуры, которая, конечно, в первую очередь и могла воспользоваться результатами экономической либерализации.

Последний «коммунистический премьер» польского правительства, вспоминая впоследствии об этом непростом времени, отмечал, как трудно было и ему самому, и товарищам по партии изменить свое отношение к «Солидарности». Ведь много лет после введения военного положения ПОРП исходила из того, что с «Солидарностью», как организацией, покончено, а Валенса — не более чем частное лицо. Но пришло время менять свои взгляды⁵¹.

Подготовка к «круглому столу» со стороны власти включала в себя, в том числе, и попытки ослабить противника, дискредитировать «Солидарность» или отдельных ее деятелей в глазах общества. ПОРП явно не была готова к легализации профсоюза, не оставляла попыток «растворить» это требование оппозиции в обещаниях широкой демократизации, при которой постулат о необходимости легализации «Солидарности» утрачивал бы смысл. Перед партийной пропагандой ставилась задача, по выражению В. Ярузельского, исключить из политической жизни «всех этих Михников». Предполагалось не налаживание партнерских отношений с оппозицией, а, скорее, кооптация части ее в систему власти. Как говорил во время подготовки «круглого стола» С. Чосек: «Мы вам дадим жить, вы нам дадите жить, все будет в порядке» и, обращаясь к Валенсе, заметил, указывая на шикарную машину представителя епископата, «договоримся и все будем ездить на таких мерседесах»⁵².

В это время в ЦК был подготовлен документ «Перемены в политической системе государства», где впервые конкретно были обрисованы контуры предстоявших политических реформ. В документе подчеркивалась незыблемость таких принципов, как руководящая роль ПОРП, общественная собственность на основные средства производства, сложившаяся система международных соглашений. Руководящая роль партии, по мысли авторов документа, отнюдь не исключала возможности диалога с обществом, с лояльной оппозицией, представленной различного рода объединениями. Предполагалось введение поста президента, учреждение Совета национального согласия и второй

палаты парламента (сената), куда вошли бы представители «конструктивной оппозиции». Ключевая роль отводилась президенту, которым мог быть только член ПОРП.

В документе речь шла именно об определенной части оппозиции, ведь в стране, помимо «Солидарности», в которой, правда, были и свои радикалы, и свои умеренные, существовала откровенно антикоммунистическая, радикальная оппозиция, призывавшая к вооруженному восстанию, всеобщей забастовке, другим подобным методам борьбы. Однако эта часть оппозиции не имела серьезной поддержки в обществе и поэтому в переговорах не учитывалась.

Но в понимании того, кто может быть причислен к конструктивной оппозиции, мнения власти и «Солидарности» не совпадали. Оппозиция выражала недовольство тем, что со стороны власти предлагался состав переговорщиков, среди которых слишком мало по-настоящему представительных лиц, а власти упорно сопротивлялись включению в состав делегации «Солидарности» Куроня и Михника. Предварительного согласия перед началом переговоров никак не удавалось достичь.

В начале ноября 1988 г. произошло событие, едва не положившее конец пусть трудно, но все же, идущим переговорам: М. Раковский под предлогом ликвидации неэффективных предприятий принял решение о закрытии судовой верфи в Гданьске. Несмотря на возмущение оппозиции, ее лидеры осознавали, что на настоящий протест сил не хватит. Правда, в самом Гданьске состоялись демонстрации протеста, значимость которых была усилена приездом премьер-министра Великобритании М. Тэтчер. Она встречалась с Валенсой и поддержала «Солидарность». Решение польского премьера осудила вся западная пресса, свое негативное отношение высказал и Иоанн Павел II.

Символом приостановки переговорного процесса стал демонтаж специально изготовленного для переговоров круглого стола, установленного в правительственной резиденции Яблонна, расположенной недалеко от Варшавы.

Но разобрать уже готовый стол оказалось легче, чем сойти с избранного и обусловленного логикой развития событий пути переговоров. При самом активном участии епископата стороны после некоторого перерыва вновь попытались достичь компромисса: в ноябре 1988 г. в Вилянове Валенса и Мазовецкий дважды встречались с Кищаксом и Чосеком, но без какого-либо результата. Казалось, только шаг отделяет стороны от разрыва. Все же в результате вмешательства епископов и ксендза Оршулика, призвавших к ответственности за страну и пригрозивших отказом от посреднической миссии церкви, совместное коммюнике было принято.

Ситуация серьезно изменилась после, казалось бы, достаточно случайного события. 15 ноября А. Медович, глава Общепольского соглашения профсоюзов и яростный поборник монополии своей организации, со страниц газеты «Трибуна люду» пригласил Валенсу на теледебаты, в формате «один на один», без всяких советников. Свои действия Медович ни с кем не согласовал, что вызвало острую негативную реакцию в верхах. Но отступать было поздно, Медович был уверен в своих силах. Теледебаты состоялись 30 ноября. Эффект их был совершенно неожиданным: Валенса по все статьи «переиграл» Медовича. Он держался спокойно и достойно, знал, чего хочет, и умело противостоял выпадам своего противника. Телезрители увидели не маргинального оппозиционера, а государственного мужа. Его устами «Солидарность» уверенно заявила о себе. После этого Раковский признал, что вопрос о легализации «Солидарности» откладывать больше нельзя.

Успех Валенсы был закреплен его триумфальным визитом в Париж 9–12 декабря 1988 г., где он был принят с государственными почестями президентом Ф. Миттераном, встречался с советским правозащитником А.Н. Сахаровым, участвуя вместе с ним в праздновании годовщины принятия Декларации прав человека. Польские власти не чинили никаких препятствий в организации этого визита, национальные СМИ освещали его ход вполне благожелательно.

Все отчетливее проявлял свое воздействие на ситуацию еще один фактор, едва ли не важнейший: менялся политический курс СССР. Были выведены войска из Афганистана; М.С. Горбачев заявил о готовности вывести воинский контингент из Германии, Чехословакии и Венгрии. Было ясно, что рассчитывать на «братскую помощь» становится все труднее. Недаром Раковский заявлял: «Развитие ситуации в социалистических странах и в СССР таково, что мы впервые совершенно самостоятельно в обустройстве нашего дома... на то, что происходит в Польше, следует смотреть с позиций того, помогает ли это или мешает „перестройке“»⁵³.

Необходимость перемен становилась очевидной. В конце 1988 г. М. Раковский записал в дневнике: «Я все больше утверждаюсь во мнении, что система, которая сложилась в Польше после второй мировой войны, потерпела историческое поражение. Ее необходимо заменить другой, просто более эффективной. Возникает, однако, вопрос, смогут ли это сделать те, которые эту систему создали. Я в этом серьезно сомневаюсь»⁵⁴.

На X пленуме ЦК ПОРП (декабрь 1988 — январь 1989 г.) М. Раковский открыто говорил о необходимости признания «Солидарности», «той самой, хотя и не такой, как в 1981 г.». Это заявление было встречено многими участниками пленума с неодобрением. Разгорелись настоящие баталии. Пришлось прибегнуть к экстраординарным мерам (в которых некоторые исследователи усматривают элементы тонко рассчитанной политической игры): М. Раковский, Ч. Кишак, Ф. Сивицкий и сам В. Ярузельский заявили на пленуме о своей отставке в том случае, если предложение о включении конструктивной оппозиции в политическую систему не будет принято. Такой сильный ход (угроза отставки премьера, министра внутренних дел, министра обороны и главы Госсовета) пришлось применить потому, что около четверти членов Политбюро выступали против легализации «Солидарности». В конце концов, позиция реформаторов победила. Это произошло в ходе работы пленума уже в январе 1989 г.

ПОРП признала возможность включения в политическую систему страны «конструктивной оппозиции». Но и цена, которую должна была заплатить оппозиция, была немалой: участие в выборах на четко оговоренных условиях, превращавших ее в младшего партнера власти, конструктивное сотрудничество с ПОРП. На страницах оппозиционного «Тыгодника Мазовше» прямо говорилось о том, что, принимая условия власти, «Солидарность» своим моральным авторитетом способствует сохранению легитимности власти, но компромисс рассматривался как благо для Польши.

Готовность лидеров «Солидарности» к переговорам с коммунистами и к соглашению с ними не всегда находила поддержку рядовых членов профсоюза. Среди бастующих выделялись своей непримиримостью радикальные группы рабочих и молодежи, прежде всего в Гданьске и Кракове. Студенты достаточно решительно требовали легализации Независимого объединения студентов.

Позицию Валенсы активно критиковали деятели «Солидарности», стоявшие у ее истоков и входившие в Рабочую группу, в частности А. Гвязда и А. Валентынович.

Действия Валенсы и других лидеров «Солидарности» неоднократно подвергались критике и на страницах подпольной печати. В декабре 1988 г. Рабочая группа приняла специальное заявление, в котором выражала протест против доминирования «одной из политических ориентаций».

В марте 1989 г. в Ястшембе состоялся съезд противников линии на согласие с коммунистами. Некоторые группировки, не отрицая саму идею «круглого стола», выдвигали свои кандидатуры на выборы. Радикальная оппозиция пыталась организовывать и акции протеста.

Но руководство страны уже сделало свой выбор: манифестации «Солидарности» впервые после долгих лет преследований не вызывали его негативной реакции и едва ли не приветствовались. А вот массовые мероприятия организаций радикальной оппозиции — «Борющейся „Солидарности“», «ППС — демократической революции», студентов, требующих регистрации своего независимого союза, — разгонялись самым безжалостным образом. Случались и аресты, и даже гибель радикальных деятелей «при невыясненных обстоятельствах».

Часть оппозиции, поддерживавшая Л. Валенсу, пыталась консолидироваться, чтобы достойно отстаивать свои интересы в ходе работы «круглого стола». 119 человек, представлявшие «Солидарность», Крестьянскую «Солидарность», Клубы католической интеллигенции, Независимое объединение студентов, движение «Свобода и мир», Хельсинкский комитет, независимые издания, экологическое движение, собрались в Варшаве в костеле Божьего милосердия и создали в декабре 1988 г. Гражданский комитет (ГК). Целью его было «выражение мнения независимых кругов общества, выражение общественных потребностей и интересов, а также формулирование и представление программ деятельности». Для исполнения этой задачи создали несколько комиссий, среди прочего — по политической реформе, праву и юстиции, экономической реформе, культуре и т. д.

Это был настоящий «теневой кабинет» власти. Не все члены «Солидарности» отнеслись к созданию ГК с энтузиазмом. Многие из них, в частности В. Фрасынюк, выражали опасения, что новая структура оторвется от базы движения — трудовых коллективов и станет инстанцией, мало связанной с профсоюзным движением. Существование такой структуры, как ГК, не предусматривалось уставом «Солидарности» и не соответствовало демократическим нормам деятельности профсоюза.

Рядовые члены «Солидарности» далеко не всегда были согласны с позицией руководства, считая, что решения принимаются без достаточного учета их позиций, келейно. Действительно, трудно говорить о демократичности процедуры и внимании к мнению всех членов «Солидарности» при определении состава делегации профсоюза на переговорах. Как, впрочем, и при определении состава ГК и подпольного руководства «Солидарности»: людей, вошедших в эти структуры, никто не выбирал, во многих случаях все определяла воля Л. Валенсы. Недовольство политикой своих лидеров выражали и рядовые члены ПОРП.

Тем не менее, линия на согласие доминировала. В конце января 1989 г. в Магдаленке состоялась встреча (последняя перед началом работы «круглого стола»), в ходе которой стороны уточнили свои позиции. В основе достигнутых принципиальных договоренностей лежала готовность власти легализовать «Солидарность» с сохранением ее региональной структуры. Оппозиция была готова принять такие перемены в полити-

ческой системе и участвовать в выборах в сейм, хотя ее лидеры осознавали, что такие не будут ни свободными, ни демократическими.

Работа «круглого стола» началась 6 февраля 1989 г. в торжественной обстановке в президентском дворце. Возглавлял делегацию со стороны власти Ч. Кишак. Он приветствовал всех входящих рукопожатием (что по разным причинам не каждому участнику переговоров доставляло удовольствие). А. Михник вспоминает, что, стремясь избежать приветствия Кишака, он долго не проходил в зал заседаний и даже опоздал к началу работы. Но когда все-таки подошел к двери зала заседаний, его рукопожатием встретил улыбающийся Кишак.

В делегацию представителей власти входили также С. Чосек, А. Квасьневский, Л. Миллер. Значительная роль принадлежала Я. Рейковскому. Со стороны оппозиции главными фигурами были Л. Валенса, Б. Геремек, Т. Мазовецкий, А. Михник, Я. Куронь. В. Ярузельский непосредственного участия в работе «круглого стола» не принимал, хотя, конечно, именно ему принадлежала главная роль в принятии решений.

В заседаниях участвовали представители ОКП, ДП, Общепольского объединения профсоюзов, проправительственные католические организации, представители церкви: ксендзы Б. Дембовский и А. Оршулик. Всего за «круглым столом» собралось 56 человек, в целом же в разных формах и на разных стадиях в работе приняли участие 452 человека.

Со стороны оппозиции преобладали лица среднего возраста: 35–44 года; более 80% имели высшее (преимущественно гуманитарное) образование; большинство проживало в крупных городах, причем более 50% в Варшаве; в плане профессиональном представлены были люди самых различных специальностей, но более 50% составляли научные работники. Для многих переговорщиков от оппозиции «круглый стол» стал началом политической карьеры: каждый четвертый позднее занимал министерский пост, трое стали премьерами, двое — президентами, большинство — депутатами или спикерами сейма и сената⁵⁵.

Среди оппозиционеров были люди с достаточно разной политической биографией: 22 человека были прежде связаны с КОР, 21 — с клубами католической интеллигенции (КИК), 10 — с Конверсаторием «Опыт и будущее», 10 — с Независимым объединением студентов, 8 — с Хельсинским комитетом. За столом переговоров оказались также редакторы «Тыgodника повshехного» и «Res Publika», деятели Движения в защиту прав человека и гражданина и других оппозиционных организаций и издательств. В незначительной степени были представлены христианско-демократические и национально-католические круги оппозиции, не было представителей от многих радикальных молодежных организаций. Некоторые значительные фигуры оппозиционного движения сознательно отказались от участия в работе «круглого стола». Так, В. Хжановский* счел, что его приглашают «лишь для стоффажа», чтобы показать, что в переговорах представлена вся оппозиция, и отказался. Ключевую роль в работе «круглого стола» сыграли коровцы и члены КИК⁵⁶. Впоследствии в оппозиционных кругах нередко высказывалось мнение, что представительство оппозиции на «круглом столе» не было

* В. Хжановский — политик и общественный деятель, участник Варшавского восстания, советник «Солидарности», один из основателей партии Христианско-национальное объединение.

достаточно легитимным. Очевидно, в какой-то мере, действительно прав Михник, заявивший: «мы не представляем никакие круги, мы выражаем свои взгляды и все вместе составляем команду Леха Валенсы»⁵⁷.

Работа велась по трем главным направлениям: экономика (руководили этим «столиком» со стороны власти В. Бака, со стороны оппозиции — В. Тшецяковский; политика — во главе соответственно Я. Рейковский и Б. Геремек, профсоюзы — А. Квасьневский, Т. Мазовецкий, Р. Сосновский — представитель ОСПС).

Примечательно, что вице-председатели «столика» политических реформ — Рейковский и Геремек — были знакомы с детства. В свое время они учились в одной школе в варшавском районе Жолибож (именно здесь часто селилась варшавская интеллигенция. С Жолибожем связаны, в частности биографии Куроня, братьев Качиньских). Только тогда Геремек был членом социалистического Союза борьбы молодежи, а Рейковский поддерживал далекого от идей социализма С. Миколайчика. Впоследствии оба были членами ПОРП, но после 1968 г. Геремек покинул ряды партии.

Достижение согласия не всегда было делом простым. Но, лучше узнавая друг друга, стороны к своему удивлению находили много общего. Е. Урбан писал: «Этот, прежде демонизируемый противник, оказался разумным и не таким уж далеко идущим в стремлениях и способе мышления»⁵⁸. Я. Куронь, представитель оппозиции, замечал: «Люди, которые участвовали с нами в переговорах, не только не были сталинистами, но не были даже идейными коммунистами. Это были прагматики, реалисты, понимающие, что принцип централизованного руководства провалился, и теперь надо как можно быстрее и лучше перейти к новому принципу руководства»⁵⁹. А. Квасьневский, вспоминая «круглый стол», отмечает, как легко и быстро он сдружился с Михником. «Мы с ним из одного теста, — констатировал А. Квасьневский»⁶⁰.

В первый день работа шла гладко и в принципе соответствовала заранее оговоренному сценарию, хотя без казусов не обошлось. Так, с неожиданно резкой критикой власти выступил А. Медович. В перерыве Валенса, подойдя к нему, заметил: «Ну, господин Медович, если у нас тут ничего не получится, я буду вам в тюрьму посылки отправлять. Можете на меня рассчитывать»⁶¹.

Приглашенный Кищакком адвокат Сила-Новицкий нарушил благостную картину единения, предложив почтить минутой молчания погибших при невыясненных обстоятельствах (на самом деле все знали, что от рук спецслужб) ксендзов Недзеляка и Суховольца. Не ограничившись этим, адвокат призвал собравшихся расследовать расстрелы в Катыни.

Обе стороны во главу угла ставили прагматизм. Но при этом переговорный процесс затягивался. Причина не всегда крылась в трудности обретения согласия: сказывался слишком большой объем работы, много времени занимало просто изложение позиций сторон.

Затягивание работы «круглого стола» не соответствовало интересам власти: экономическое положение Польши было весьма трудным и отнюдь не улучшалось, множилось число забастовок. Но ускорить работу не удавалось. Даже обращение властей к помощи церкви ситуацию не изменило. Каждый вечер по телевидению поляки наблюдали за работой «круглого стола», и каждый вечер представители «Солидарности», снабженные специальными папками с эмблемой профсоюза (которые так раздражали

М. Раковского), имели возможность впервые после долгих лет встретиться с массовой аудиторией.

Наконец, после напряженной работы 5 апреля стороны готовы были подписать итоговый документ. Торжественная церемония чуть было не сорвалась из-за упорного нежелания А. Медовича выступать не сразу после Кищака и Валенсы, а несколько позже, в череде прочих участников. Уговорить Медовича не мог никто, даже представители церкви. Работа была прервана на несколько часов. В конце концов Медович выступил третьим, но ничего принципиального не сказал. Было ли это борьбой с «Солидарностью» за место на профсоюзном поле, провокацией, согласованной с Кищаком, или стихийно возникшим инцидентом, — не совсем ясно.

Подписанный сторонами текст соглашения насчитывал 271 страницу. Итоги «круглого стола» трактовались как «политический компромисс различных сил, среди которых есть и такие, что руководствуются идеалами демократического социализма, и такие, которые апеллируют к идеалам христианства, к идейному наследию „Солидарности“, крестьянского движения и иным идейным источникам и традициям. Это компромисс, который позволяет достичь общей цели: независимой, суверенной, безопасной, благодаря равноправным союзам, демократической и экономически развитой Польши»⁶².

Стороны пришли к согласию по вопросу о существенном изменении политической системы. На предстоящих выборах в сейм 65% мест предназначалось ПОРП и ее союзникам (Объединенной крестьянской партии, Демократической партии, а также объединениям светских католиков, сотрудничающих с коммунистами: ПАКС, Польскому социально-католическому союзу (ПСКС) и Социально-христианской унии); за остальные 35% мандатов могли бороться все остальные кандидаты.

Со стороны власти была выдвинута идея создания общепольского избирательно-го списка, куда вошли бы представители обеих сторон, что должно было подчеркнуть неконфронтационный характер выборов. «Солидарность» от этой идеи категорически отказалась, но другая сторона сочла идею общепольского списка весьма конструктивной, и таковой появился, хотя и не включал в себя кандидатов от оппозиции.

Предполагалось также учреждение должности президента, избираемого на 6 лет обеими палатами сейма и обладающего весьма широкими полномочиями. Создаваемая вторая палата сейма — сенат — наделялся законодательной инициативой и правом вето по отношению к законам, принятым сеймом.

Формирование новой политической системы предполагалось в ходе «неконфронтационных выборов». Этот термин впервые употребил Ч. Кищак, имея в виду выборы, в которых стороны будут действовать на основе определенного предварительного соглашения.

Договоренность, по сути, была достигнута в январе 1989 г. в Магдаленке, еще до начала заседаний «круглого стола». В ходе же заседания последнего стороны приняли решение о свободных выборах в сенат (с этим предложением выступил А. Квасьневский), учреждении поста президента. Его должно было выбирать Национальное собрание, где предполагалось доминирование лагеря власти.

Складывалась ситуация, при которой «Солидарность» «встраивалась» в политическую систему при сохранении решающих позиций ПОРП. Лидеры оппозиции прекрасно осознавали это, но видели в таком раскладе единственно возможный выход: они опасались радикальной оппозиции и «ирианизации Польши» (по выражению Михника).

Проектируемая в ходе работы «круглого стола» политическая система имела весьма сложный облик. Это не была уже прежняя авторитарная система, но еще и не система демократическая.

Главной победой «Солидарности», достигнутой в ходе работы «круглого стола», стала договоренность о легализации НСПС, крестьянской «Солидарности» и Независимого объединения студентов. Вместе с тем, оппозиции не удалось добиться права на создание новых политических партий, новой системы самоуправления, расширения трактовки прав человека, ликвидации цензуры. Последняя была лишь смягчена.

Правительственная коалиция решительно противостояла попыткам оппозиции создать свободные СМИ. Правда, было получено согласие на возобновление издания «Тыгодника „Солидарность“» и создание «Газеты выборчей». Оппозиция получила право выхода в эфир (хотя и в весьма ограниченных масштабах — еженедельно 30 минут по телевидению и 60 минут по радио).

Примечательно, что на «круглом столе» не были затронуты проблемы так называемой «номенклатурной приватизации». Суть последней состояла в том, что в ходе экономических реформ 1980-х были созданы условия для перехода части государственной собственности в частные руки, но воспользоваться этими условиями смогли преимущественно представители номенклатуры. Деятели оппозиции не раз высказывали мысль о том, что следует предоставить коммунистам возможность приспособиться и извлечь выгоды из рыночной экономики; взамен оппозиция получила возможность участвовать во власти⁶³.

По сей день в Польше не утихают споры по поводу «круглого стола». Президент Л. Качиньский неоднократно высказывался об этом событии как об источнике всех нынешних польских проблем, которые обусловлены якобы соглашательской политикой представителей оппозиции. Несмотря на публикацию документов и заверения участников, в общественном сознании многих поляков достаточно прочно утвердилось представление о некой тайной составляющей переговоров, о «сговоре» в Магдаленке. Весьма справедливо замечает, однако, А. Михник, что «...среди нынешних радикалов не было желающих совершить революционное свержение системы... Никто... не строил баррикад, не атаковал ЦК с „калашниковым“ в руках. Никто из пропагандистов IV Речи Посполитой не вел жизнь партизана, с гранатами за поясом. Выйти из коммунизма можно было только посредством компромисса. В 1989 г. никто не знал, как это сделать иначе»⁶⁴. Трудно не признать, что «круглый стол» и был той самой «революцией», которая сочетала в себе элементы революционных и эволюционных перемен.

Главным итогом «круглого стола» явилось формирование в результате выборов новой политической системы. В целом в стране господствовало прагматическое отношение к грядущим переменам, хотя радикальная оппозиция призывала к бойкоту выборов. Но многие поляки были солидарны с мыслью З. Бжезинского, что лучше 35% демократии, чем ничего.

В избирательной кампании «Солидарности» удачно использовался пиар-ход, предложенный кинорежиссером А. Вайдой: все кандидаты имели избирательные плакаты в виде их фотографии с Л. Валенсой. Это обеспечило успех даже не очень известным людям. В Польше тех дней ходил анекдот: «Выборы в парламент выиграл бы даже Микки Маус, если бы сфотографировался с Лехом Валенсой».

В процессе подготовки к выборам Гражданский комитет не без проблем выработал свою стратегическую линию — выступать единой командой. С этим не все были согласны. Так, Т. Мазовецкий считал необходимым последовательное соблюдение демократических принципов, что предполагало предоставление возможности участвовать в выборах разным направлениям оппозиции. Однако возобладал иной подход, и был сформирован единый список кандидатов от оппозиции. Сам Мазовецкий, будучи одной из ключевых фигур «круглого стола», отказался от участия в выборах и сосредоточился на работе в «Тыgodнике „Солидарность“», главным редактором которого являлся.

Избирательная кампания «Солидарности» была наредкость яркой и динамичной. Поддержат кандидатов от оппозиции вызвались многие известные деятели искусства, как польские, так и зарубежные (приезжал, в частности, популярный французский певец Ив Монтан). Но значительно важнее было другое: в поддержку «Солидарности» практически открыто выступила церковь. После заключения соглашений «круглого стола» Иоанн Павел II встречался с Валенсой, Геремеком, Мазовецким, Тшечяковским.

Огромную роль в ходе избирательной кампании «Солидарности» сыграла «Газета wyborcza», главным редактором которой по инициативе Валенсы стал А. Михник. Тональность газеты определялась убежденностью главного редактора в том, что необходим компромисс и согласие, чтобы одна диктатура не уступила место другой.

Согласно принятому избирательному закону, Польша была разделена на 108 округов, каждый из которых в зависимости от числа жителей получил от 2 до 5 мандатов, заранее распределенных между участниками выборов в соответствии с договоренностями «круглого стола». Таким образом предстояло избрать 425 депутатов сейма*. Предполагалось, что остальные 35 мест займут избранные по общепольскому списку. Для кандидатов по округам предусматривался второй тур выборов, если в первом они не сумеют набрать больше половины голосов. Для кандидатов, избираемых по общепольскому списку, второго тура не предусматривалось: власти были уверены в победе уже в первом туре. Помимо гарантированных мест представители коалиции могли побороться и за остальные 161 место, на которые имели шансы (но не имели гарантий) попасть кандидаты от оппозиции.

Выборы в сенат были свободными. Для участия в них кандидату достаточно было собрать 3 тыс. подписей в свою поддержку и получить для победы в первом туре более 50% голосов. Во втором туре предполагалось участие двух кандидатов в сенаторы, набравших большинство голосов.

Выборы состоялись 4 июня 1989 г. при весьма низкой активности для события такого ранга: к избирательным урнам пришло только 62% избирателей. Результаты выборов поразили и власть, и «Солидарность»: последняя получила 92 из 100 мест в сенате (за оставшиеся 8 мест предстояла борьба во втором туре) и практически 100% мандатов для оппозиции в сейме. За кандидатов от «Солидарности» голосовали даже в

* Гарантированные власти 299 мандатов были распределены следующим образом: ПОРП — 171 мандат (156 в округах и 15 по общепольскому списку); ОКП — 76 (соответственно 67 и 9); ДП — 27 (24 и 3); ПАКС — 10 (7 и 3); Польский общественно-католический союз — 5 (4 и 1); Христианско-общественная уния — 8 (6 и 2). Два места с общепольском списке предназначались для беспартийных кандидатов — Ш. Шурмея и А. Зелинского.

посольствах ПНР в Улан-Баторе, Тиране и Пхеньяне. Правящая коалиция не получила ни одного места в сенате и только трое ее представителей набрали больше 50% голосов на выборах в сейм. Для обретения остальных мест в нижней палате нужно было участвовать во втором туре. По общепольскому списку прошло только два кандидата, что создавало весьма напряженную ситуацию, так как второго тура выборов по этому списку не предполагалось. Не прошли такие «политические тяжеловесы», как премьер М. Раковский, министр внутренних дел Ч. Кишак, министр обороны Ф. Сивицкий, спикер сейма Р. Малиновский, лидер ОСПС А. Медович. Кризис легитимности власти был налицо.

«Солидарность» с осторожностью отнеслась к результатам выборов. Так, кандидат от оппозиции, впоследствии известный политик, связанный с Гражданской платформой, Я. Рокита, был уверен, что начнутся аресты. Михник писал в то время: «Институциональный порядок после выборов должен строиться на основании идей диалога и компромисса. Ведь не изменилось геополитическое положение Польши; не изменились люди, располагающие аппаратом насилия»⁶⁵. Михник опасался повторения событий, произошедших в Пекине и Тбилиси. К сдержанности в проявлении эмоций призывали Куронь и Геремек. Последний замечал, что особого повода для триумфа нет, так как выборы ничего не изменили и не могли изменить. Более того, Геремек полагал, что эта победа может привести к утрате всего ранее достигнутого.

Таким образом, победители были далеки от ликования. В ПОРП также опасались — и неконтролируемого поведения общества, и неблагоприятной реакции СССР, и активного противодействия со стороны собственного партийного «бетона». Позднее, вспоминая о событиях 4 июня 1989 г., Валенса заметил: «Когда я увидел эту победу, я испугался, так как знал, что элиты „Солидарности“ не имеют никаких готовых разработок на случай взятия власти... Мы даже не были сыгранной командой, ведь наша команда была готова к борьбе, а не к победе и работе»⁶⁶.

Во властных структурах, несмотря на горечь поражения, паники не было. По предложению А. Квасьневского была проведена встреча с Геремekom, Мазовецким и ксендзом Оршуликом. Представители «Солидарности» выразили готовность соблюдать ранее принятое соглашение: 65% мест в сейме — ПОРП и союзникам, 35% — оппозиции. Геремек открытым текстом заявил, что оппозиция не намеревается брать власть⁶⁷.

Оставалось урегулировать положение с правовой точки зрения. Последнее было не простым делом, т.к. в ходе выборов предстояло менять избирательный закон, что, в принципе, недопустимо. Но и это было сделано при помощи Государственного совета. Было объявлено о втором туре выборов, который и состоялся 18 июня 1989 г. при явке 25% избирателей.

Реакция со стороны той части общества, которая сочувствовала «Солидарности», на «манипуляции» со вторым туром была явно негативная: письма и обращения в печатные органы «Солидарности» были тому свидетельством. Но оппозиционные лидеры твердо стояли за соблюдение соглашений «круглого стола».

Правда, успех оппозиции на выборах ставил под сомнение столь очевидный до 4 июня 1989 г. постулат, согласно которому президентом и премьером станут представители лагеря власти. В этом лагере возникли сомнения в том, что оппозиция пойдет на избрание президентом Ярузельского (тем более что конкретно о генерале в ходе работы «круглого стола» речи не шло). Кишак даже консультировался по этому вопросу

с епископатом. Архиепископ Домбровский поспешил успокоить министра, заверив в готовности поддержать кандидатуру Ярузельского как гаранта перемен⁶⁸.

Власти упорно муссировали мысль о том, что отказ от избрания президентом Ярузельского чреват серьезными потрясениями. М. Ожеховский говорил даже о вполне вероятном «бунте молодых полковников», так как в армии авторитет Ярузельского был весьма высок⁶⁹.

8 июня Я. Рейковский (член Политбюро ЦК ПОРП и активный сторонник идеи соглашения) поинтересовался у Михника, готова ли оппозиция взять власть в свои руки. На что Михник, посоветовавшись с Валенсой, ответил положительно, назвав Геремека в качестве кандидата на должность главы правительства. Днем позже Михник обсуждал эту проблему с Кишаком.

Но перспектива появления премьера-некоммуниста была с большими опасениями воспринята в высших партийных кругах, поскольку это означало бы передачу оппозиции всей исполнительной власти, контроля над финансами и силовыми структурами.

В среде оппозиции, напротив, такая перспектива была встречена с энтузиазмом. Ветераны «Солидарности» Куронь, Михник, Я. Качиньский все более склонялись к тому, чтобы в сложившейся ситуации взять на себя бремя власти (а не просто участвовать в ней, как предполагалось ранее). Впервые мысль о том, что «Солидарность» может выдвинуть своего премьера, была высказана Я. Качиньским в Эльблонге 10 июня. Эту же идею пытался провести Куронь на заседании Гражданского клуба в сейме, но поддержки не получил. Тогда Михник решил обнародовать новый план в СМИ и 3 июля в «Газете выборчей», на первой странице опубликовал статью «Ваш президент, наш премьер», с основными положениями которой были заранее ознакомлены лидеры оппозиции, в том числе Валенса. Михник исходил из того, что президент-коммунист обеспечит преемственность власти, международных и военных союзов и договоров Польши, а премьер-министр, пользующийся общественным доверием, будет проводить реформы, имея при этом шансы получать помощь из-за рубежа. СССР, в представлении автора, при таком раскладе не являлся бы источником угрозы для Польши.

В лагере оппозиции идея «нашего премьера» одобрялась не всеми, особенно решительно критиковал ее Мазовецкий в статье «Поспешай медленно». Многие лидеры «Солидарности» считали, что время брать на себя бремя власти еще не пришло. Возможно, как полагает Р. Красовский, это была «проблема поколения»: люди с таким жизненным опытом, как Мазовецкий, Велёвейский, Геремек просто не в состоянии были осознать всю глубину слабости власти⁷⁰.

Идея, изложенная в статье Михника, вопреки опасениям, была вполне лояльно воспринята советским руководством. В Бухаресте на совещании стран участниц Варшавского договора (7–8 июля 1989 г.) М.С. Горбачев открыто заявил, что использование силы в отношениях с братскими странами абсолютно исключено.

Ситуация в Польше требовала срочного избрания президента страны для преодоления конституционного кризиса, а В. Ярузельский, опасаясь проигрыша, на XIII пленуме ЦК ПОРП заявил об отказе от выдвижения своей кандидатуры, предложив вместо себя Кишака как организатора «круглого стола». Кандидатуру Кишака поддержал Валенса, и генерал начал переговоры и консультации с разными политическими силами.

Но 10 июля Чирек уведомил ксендза Оршулика, что обстоятельства изменились, и вновь актуальной стала кандидатура Ярузельского. Перемена обстоятельств была

связана с тем, что в пользу Ярузельского высказались и М.С. Горбачев (на встрече в Бухаресте), и Д. Буш во время своего визита в Польшу 9–11 июля 1989 г. Польский епископат также склонялся к поддержке Ярузельского.

18 июля Ярузельский официально выдвинул свою кандидатуру на пост президента, заявив, что он прекращает свои полномочия в качестве главы ПОРП, а в случае победы на выборах останется на своем посту не 6 лет, как предусматривал закон, а только до конца деятельности избранного сейма.

19 июля в Национальном собрании состоялись выборы, в ходе которых сложилась весьма драматическая ситуация. Против Ярузельского проголосовали 11 депутатов из лагеря власти (6 депутатов от ОКП, 4 — от ДП и 1 — от ПОРП). Для получения необходимого большинства голосов нужна была поддержка оппозиции. «Операцию по спасению» (по выражению Я. Скужиньского) возглавил А. Велёвейский. Он и еще шесть депутатов от оппозиции подали недействительные бюллетени, что снизило уровень минимального числа голосов, необходимых для избрания. Сенатор С. Бернатович от Гражданского парламентского клуба (ГПК) проголосовал за Ярузельского; 11 парламентариев от ГПК отказались от голосования, что тоже способствовало благоприятному для генерала исходу выборов⁷¹. Михник позднее признавался, что он голосовал «против», втайне надеясь, что кандидатура генерала пройдет. Набрав 270 голосов при 269 необходимых для победы, Ярузельский стал президентом Польши.

Но решиться на то, чтобы премьером стал представитель оппозиции, власти готовы не были. На пост главы правительства была выдвинута кандидатура Ч. Кишака. Союзники ПОРП — ОКП и ДП не были удовлетворены таким положением дел и склонялись к поддержке оппозиции. После вмешательства М. Раковского, сумевшего в ходе голосования повлиять на неверных союзников, глава МВД был избран премьером, но сформировать правительство ему не удалось, т. к. ОКП и ДП разорвали союз с ПОРП, поддержав оппозицию. Бесцветные союзники ПОРП, на протяжении всей истории ПНР исполнявшие роли второго плана на политической сцене, перед тем как покинуть ее, внезапно громко заявили о себе, существенно повлияв на ход событий.

В сложившейся ситуации Валенса выступил с заявлением, что правительство может быть сформировано только на основе коалиции «Солидарности», ОКП и ДП. Заявление Валенсы не было согласовано с лидерами оппозиции, оно было с тревогой встречено и в лагере власти, обвинившем Валенсу в нарушении соглашений «круглого стола». Зато идея Валенсы была признана вполне приемлемой лидерами ОКП и ДП. Между представителями этих партий и «Солидарностью» начались переговоры, главную роль в которых играли братья Лех и Ярослав Качиньские.

Представители власти обратились за помощью к церкви. Ксендз Оршулик предложил на пост премьера-министра Т. Мазовецкого, к этому моменту практически ушедшего в политическую «тень». Эта кандидатура нашла поддержку и в партийных верхах, и в «Солидарности».

В стране между тем положение оставалось весьма напряженным: в связи с введением рыночных цен на продукты питания их стоимость резко возросла, что, естественно, вызвало недовольство общества как коммунистами, так и оппозицией. Начались забастовки. Несмотря на тревожную ситуацию, ПОРП не спешила сдаваться. Действия

предпринимались самые неожиданные: от попыток провести на пост премьера главу ОКП Р. Малиновского до неудавшегося маневра Кищака созвать второй «круглый стол» при опоре на радикальную оппозицию.

В этой непростой обстановке 24 августа 1989 г. сейм большинством голосов утвердил кандидатуру Т. Мазовецкого на пост главы коалиционного правительства, где силовые министерства (обороны и внутренних дел) оставались в руках ПОРП. В составе правительства работала группа либеральных экономистов во главе с Л. Бальцеровичем, которого Т. Мазовецкий рассматривал как «польского Л. Эрхарда», т. е. человека, способного провести кардинальные экономические реформы.

Либеральная направленность начавшихся реформ отнюдь не соответствовала решениям «круглого стола» и привела к серьезному снижению уровня жизни простых поляков. Ведущий социолог «Солидарности» Я. Станишкис так оценивала ситуацию: «Совершается революция, но рабочим это не слишком приятно. Мы, кажется, идем по пути Столыпина. В 1906–1907 гг. Столыпин сделал ставку на развитие предпринимательства и среднего класса как основ политической стабилизации. У нас происходит то же самое... с приостановкой деятельности или ликвидаций профсоюзов, если будут забастовки... Возможно, чтобы избавиться от демагогического Общепольского соглашения профсоюзов правительство будет вынуждено временно ограничить деятельность всех профсоюзов»⁷².

В ходе реформ резко снизился жизненный уровень населения, страна переживала глубокий спад производства. Забастовок в первые месяцы 1990 г. не было. Но в мае разразилась забастовка в Слупске, осужденная руководством «Солидарности», призывавшим рабочих быть союзниками, а не противниками правительства.

На II съезде профсоюза (апрель 1990 г.) Л. Валенса говорил о том, что проводимые реформы необходимы, и «Солидарность», являясь гарантом этих реформ, действует не только в интересах страны, но и в интересах рабочих. В начале восьмидесятых годов он понимал интересы рабочих по-иному...

Через 20 лет после возникновения легендарного профсоюза 51% поляков полагало, что Польша начала XXI в. хуже той, о которой мечтали участники забастовок начала 80-х⁷³. А. Михник, декларировавший себя (вслед за Л. Колаковским) как «консервативно-либеральный социалист», в 2000 г. отказался от идей, разделяемых им в молодости. Полемизируя с Я. Куронем, оставшимся верным идеям самоуправляющегося общества, А. Михник замечал: «Ключом моего понимания является радикальный отказ от утопии совершенного и самоуправляющегося общества без частной собственности и неравенства»⁷⁴.

Оппозиционное движение 1980-х годов явилось одним из факторов, изменившим облик страны. Но далеко не единственным. В том, что Польша в 90-х годах XX в. вступила на путь демократии и рыночной экономики, огромную роль сыграли и другие факторы, в частности, известная готовность к компромиссу с оппозицией со стороны руководства ПОРП, изменение расстановки сил на международной арене, перестройка в СССР.

Нелегко определенно ответить на вопрос, к какому направлению оппозиции принадлежала «Солидарность», какие идеалы пытались воплотить в жизнь ее члены, вожди и идеологи. Я. Станишкис применительно к «Солидарности» говорила о «самоограничивающейся революции». Сами рабочие на заре «Солидарности» не

считали, что они совершают некую революцию. Известный польский публицист Р. Капусциньский описывает случай на Гданьской судовой верфи, когда два испанских троцкиста просили разрешения остаться на территории предприятия, т.к. они хотят познакомиться с «вашей революцией». Один из руководителей профсоюза отказал им, заявив: «Вы ошиблись. Мы не совершаем никакой революции. Мы улаживаем свои проблемы»⁷⁶.

«Солидарность» оценивают по-разному. Сами участники движения позиционировали себя в первую очередь как члены профсоюза. Из опросов, проведенного в августе 1981 г. Центром социальных исследований региона Мазовше, следует, что 47,7% членов «Солидарности» считали себя прежде всего членами профсоюза, борющимися за свои социально-экономические интересы. Для 19,5% респондентов более точным казалось определение «Солидарности» как общественного движения; 19,3% опрошенных считали «Солидарность» прежде всего «организацией поляков»; и лишь 1% респондентов воспринимали «Солидарность» политическую партию⁷⁶.

Примечательно, что «Солидарность» воспринималась многими поляками как оплот исторической правды, некое воплощение национального духа. На первом съезде профсоюза делегаты говорили о необходимости пересмотра истории Второй мировой войны, отношения к Армии Крайовой, возвращения короны на польский герб. Все усилия официальной пропаганды оказались тщетными: поляки помнили и по-своему оценивали свою историю.

Рабочие Гданьской судовой верфи, этой колыбели «Солидарности», во время забастовок широко использовали национальную и религиозную символику, участвовали в богослужениях прямо на территории предприятия, исповедовались. Участники событий единодушно говорят о некой особой атмосфере единения и духовной чистоты, царившей тогда на верфи. Ксендз Ю. Тишнер (известный католический философ) в своих статьях «Этика солидарности» доказывал, что в основе движения лежали принципы христианской морали и этики, писал об «этической демократии», которая должна прийти на смену «мещанской демократии».

Однако помимо восторженных романтиков в движении участвовали и вполне трезвомыслящие реалисты, прагматики. Да и сама жизнь заставляла менять или, по меньшей мере, корректировать идеальные представления о целях борьбы профсоюза. «Солидарность» 1980–1981 гг. была совсем не такой, какой была «Солидарность» конца десятилетия. Правда, остались люди, верные прежним идеалам. Но эти идеалы трудно было переложить на язык реальной политики, реальной жизни. Ведь в начале пути «Солидарность» и ее идеологи боролись не за политическую власть, а за нечто большее — за высшие моральные ценности, за человеческое достоинство. А. Михник писал в свое время: «Мы отлично знаем, чего мы не хотим, но вот чего мы хотим, никто из нас точно не знает... Ценности, присутствие которых мы интуитивно ощущаем, ... находятся на стыке различных сфер человеческого существования...»⁷⁷. Но со временем идеологи «Солидарности» все яснее осознавали, чего они хотят. Их идеал становился все более четким и определенным: демократическое общество и рыночная экономика. В 90-е годы Ю. Тишнер уже не ратовал за «философию труда», а был сторонником либерализма и реформ Л. Бальцеровича. Такой же путь прошли и многие другие идеологи и деятели «Солидарности».

Правда, Я. Куронь до конца своих дней оставался верен идеям самоуправления, он полагал, что в Польше построено не гражданское общество, а «бюрократическое — по капиталистическому и полудемократическому образцу»⁷⁸. К. Модзелевский с горечью писал в 90-е годы о той легкости, с которой профсоюзные деятели превратились в либералов, предав, по сути дела, прежние ценности и потеряв «чувство лояльности по отношению к социальной базе движения»⁷⁹.

История показала, сколь труднодостижимо соединение идеалов солидарности, социальной справедливости, свободы с созданием эффективной рыночной экономики. «Солидарность», как справедливо заметила Я. Станишкис, выиграла борьбу с коммунизмом, но, несомненно, проиграла борьбу с посткоммунизмом⁸⁰.

В этом состоит некая драматическая составляющая истории «Солидарности».

II.1. Взрыв многопартийности. Несолидарная «Солидарность». Выборы 1990 г.

Пожалуй, именно слово «взрыв» наиболее точно характеризует состояние партийной жизни в Польше конца 80-х — начала 90-х годов. Долгие годы фактически только Польская объединенная рабочая партия определяла политическое бытие страны, на монолитном облике которого практически не отражалось существование партий-сателлитов — Объединенной крестьянской и Демократической. Однако процессы демократизации общественно-политической жизни изменили эту картину.

Оппозиционное движение, связанное с «Солидарностью», в начале 90-х годов раскололось в результате так называемой «войны в верхах». В основе этой войны был конфликт двух политиков — Л. Валенсы и Т. Мазовецкого, за которыми стояло разное видение политического развития Польши. Т. Мазовецкий настаивал на необходимости соблюдать соглашения «круглого стола», оппоненты же его полагали, что эти соглашения утратили свою актуальность в силу стремительно менявшейся обстановки как в Польше, так и в мире в целом. Действительно, июньские выборы 1989 г. завершились безусловной победой оппозиции, в январе 1990 г. ПОРП объявила о прекращении своего существования, в странах Восточной Европы коммунисты утрачивали властные позиции.

Формально же «война в верхах» началась со споров о судьбе гражданских комитетов, сыгравших ключевую роль в организации июньских выборов 1989 г. Лидеры «Солидарности», и в частности Я. Качиньский, возглавлявший тогда Всепольскую исполнительную комиссию «Солидарности», считали нецелесообразным сохранение гражданских комитетов. Б. Геремек, А. Михник, М. Круль и ряд других политиков полагали, что гражданские комитеты ни в коем случае нельзя распускать, ибо они могут стать основой для формирования широкого общественного движения, базой гражданского общества.

Своеобразным оружием в противостоянии стали два издания — «Газета wyborcza», возглавляемая А. Михником и представляющая сторону Т. Мазовецкого, и «Тыгодник „Солидарность“», отстаивающий позиции Л. Валенсы. На должность главного редактора «Тыгодника» Л. Валенса назначил Я. Качиньского, после ухода с этого поста Т. Мазовецкого, ставшего премьером. Это была не просто смена редактора, а попытка изменить концепцию издания (после прихода Я. Качиньского из прежнего состава редакции осталось только три человека). Но дело отнюдь не сводилось к интеллектуальной полемике в прессе.

В декабре 1989 г. Л. Валенса выступил с инициативой наделения правительства чрезвычайными полномочиями, предоставив ему право издавать декреты в целях ускорения перемен в стране. Эта инициатива не встретила поддержки правительства Т. Мазовецкого. Политики не нашли общего языка и в вопросе о сроках выборов в органы местного самоуправления, и в отношении вывода советских войск. В решении последнего вопроса Т. Мазовецкий стремился соблюсти сугубую осторожность, в связи с

отсутствием в то время договора между Польшей и Германией. Л. Валенсы же ничтоже сумняшеся в разговоре с советским послом Боровиковым потребовал вывести войска. Такого рода столкновений разной степени значимости было немало.

Весной 1990 г. вполне определенно обозначилось стремление Л. Валенсы бороться за президентский пост, о чем сам глава «Солидарности» открыто заявлял. Намерение Валенсы всячески поддерживал Я. Качиньский, впоследствии признав это своим «самым большим политическим грехом»⁸¹. Хотя в то время стремление Т. Мазовецкого дистанцироваться от Л. Валенсы казалось ему неприемлемым. Я. Качиньского возмутил тот факт, что Т. Мазовецкий даже не упомянул Валенсу в своем экспозе. Он прямо заявил об этом премьеру, а когда тот пытался доказать, что ничего не случилось, прямо спросил: «...ты что, хочешь покончить с „простаком“?»⁸².

В целях поддержки Валенсы, а также ускорения преобразований в стране, Я. Качиньский выступил с инициативой создания некоего политического объединения, получившего название Соглашение Центрум (СЦ)*, которое сам и возглавил. Новая партия решительно выступала против политики «жирной черты», которую предлагал подвести первый некоммунистический премьер Т. Мазовецкий. Она подразумевала попытку начать новую эпоху в жизни Польши с «чистого листа», никого не преследуя за прошлое.

Постепенно из объединения политиков самой разной ориентации (от либералов до христианских демократов) СЦ становится партией с четким христианско-демократическим политическим профилем с правоконсервативным «уклоном». В качестве своих идейных основ СЦ декларировало начала христианской этики, социальную доктрину католической церкви.

Партия заявляла о стремлении к созданию сильного государства во главе с президентом, обладающим самыми широкими полномочиями. Особое внимание уделялось борьбе с преступностью, предлагалось ужесточить систему наказаний и ввести смертную казнь.

В экономической части программы предусматривалось соблюдение принципов рыночной экономики, ограниченного интервенционизма государства, всеобщей приватизации. Вместе с тем СЦ настаивало на версии «демократического капитализма», а не «государственно-олигархического», уделяя внимание социальной политике, борьбе с безработицей. СЦ критиковало в свое время политику Л. Бальцеровича за недостаточное внимание к нуждам широких социальных слоев. В международной политике СЦ было поборником европейской интеграции и вступления Польши в НАТО как гаранта независимости от России. СЦ в его политической деятельности отличал крайний антикоммунизм, призывы к декоммунизации и борьбе с бывшей номенклатурой.

Хотя внешне СЦ выглядела как партия, поддерживающая Валенсу, между Я. Качиньским и лидером «Солидарности» не было полного единодушия. Я. Качиньский не считал себя «человеком Валенсы» и старался вести самостоятельную политическую игру.

Валенса же в мае 1990 г. откровенно заявил о своей готовности к борьбе. Выступая на заседании Гражданского комитета, он произнес слова, которые впоследствии не-

* С 1997 по 1999 г. СЦ называлось Соглашением Центрум — Избирательная акция «Солидарность».

однократно цитировались: «Если наверху мир, то внизу война. Я призываю вас к войне... Я ушел в отпуск, когда Тадеуш Мазовецкий стал премьером. Сегодня я выхожу из отпуска»⁸³.

Сторонники Мазовецкого также предпринимали усилия для консолидации своих рядов. В июне в Кракове был создан Союз во имя демократии, объединивший силы, поддерживающие правительство, оказавшийся довольно аморфным политическим образованием. Однако впоследствии на базе его возникла организация, имеющая более четкие политические контуры: Гражданское движение — Демократическое действие (ГД—ДД), куда вошли З. Буяк, В. Фрасынюк, А. Михник, Я. Литыньский и др. Создатели движения выдвигали программу демократических преобразований, пользовавшуюся влиянием главным образом в кругах интеллигенции.

Борьба «команды Валенсы» и «команды Мазовецкого» принимала все более явные формы. Валенса объявил об отстранении Михника от должности главного редактора «Газеты wyborczej», запрете газете использовать символ «Солидарности», снятии Г. Вуйца с должности секретаря Гражданского комитета. Примечательно, что эти решения если и имели смысл, то чисто символический: «Газета wyborcza» была независимым изданием, и Валенса не имел полномочий, чтобы уволить Михника и Вуйца.

Настоящая схватка произошла во время заседания Гражданского комитета 24 июня 1990 г. Обеими сторонами было выдвинуто немало взаимных упреков. Но, пожалуй, самым яростным стало выступление А. Михника, который в ответ на обвинение в том, что он является представителем «светской левицы» и «тайным коммунистом», заявил, что в таком случае его обвинители «просто свиньи»⁸⁴. Заседание комитета транслировалось по телевидению, и зрители могли следить за баталиями недавних соратников по борьбе с коммунизмом. По сути, это было крушение мечты о некоем широком гражданском, общественном движении и начало формирования в Польше системы парламентской демократии.

В июне 1990 г. фактически началась кампания по выборам нового президента Польши. По инициативе СЦ собирались подписи под воззванием об отставке Ярузельского. Сам генерал отнюдь не выражал готовности сопротивляться и настаивал только на том, чтобы передача власти состоялась легальным путем. Примас Ю. Глемп организовал встречу представителей всех основных политических сил, названную позже «чаепитием у примаса». На встрече была достигнута договоренность о досрочных президентских выборах. В сентябре 1990 г. сейм принял поправку к конституции о досрочном прекращении полномочий действующего президента, проведение всенародных выборов нового главы государства было назначено на 25 ноября 1990 г.

Для кандидатов в президенты необходимо было собрать 100 тыс. подписей в свою поддержку, что удалось сделать шести претендентам. Фаворитом предвыборной борьбы, несомненно, был Валенса, постоянно выражавший уверенность, что победит уже в первом туре. Кампания его была яркой и динамичной. Валенса в полной мере проявил свое обаяние и политическую харизму. Будучи совершенно уверенным в себе, он не стеснялся невысокого уровня своего образования и едва ли не кичился этим. Позднее Валенса признавался, что даже не читал программу, составленную для него помощниками. В качестве одного из козырей он рассматривал свое «чисто польское происхождение», выражая готовность подтвердить это документально и призывая к тому же других кандидатов. В подобного рода высказываниях явно слышались антисемитские

нотки, что импонировало определенным кругам в Польше. Валенса сурово критиковал правительство Мазовецкого за медлительность, обещал ускорение перемен и «100 миллионов каждому поляку».

Премьер-министр Мазовецкий, также вступивший в борьбу за президентское кресло, не смог успешно противостоять напору, энергии и безапелляционной уверенности Валенсы в собственной победе. Кампания Мазовецкого была кампанией рефлексирующего интеллигента. Аналитики говорили о нем как о «польском Гамлете». Премьер не был мастером публичных выступлений, он свято верил, что главное не личность политика, а его программа, не смог в должной мере использовать административный ресурс, его выступления по телевидению были тусклыми и неубедительными.

Самой большой неожиданностью выборов стал успех С. Тыминьского, приехавшего в Польшу в 1990 г. после 20 лет пребывания в Канаде. Тыминьский помимо большого состояния обладал способностью располагать к себе людей. После его выступлений по телевидению рейтинг никому дотоле неизвестного кандидата стремительно пошел в гору. Уставший от политических склок, разочарованный трудностями начавшихся реформ, польский избиратель поверил в красивую сказку о возможности легкого и всеобщего преуспевания, предложенную Тыминьским. В итоге, в первом туре Тыминьский уступил только Валенсе. На третьем месте оказался Т. Мазовецкий, за ним следовал кандидат левицы В. Чимошевич, «крестьянский кандидат» Р. Бартоше занял пятое место, а замыкал список Л. Мочульский, глава Конфедерации независимой Польши — одной из старейших организаций польской оппозиции, не входившей в «Солидарность».

После обнародования результатов голосования Мазовецкий подал в отставку. Прошедшие во второй тур кандидаты — Валенса и Тыминьский — продолжили борьбу.

Время между первым и вторым турами было весьма напряженным и непростым для всех политических акторов. Противники Валенсы перед лицом реальной угрозы победы Тыминьского вынуждены были поддержать главу «Солидарности». На голову же Тыминьского посыпались все мыслимые и немыслимые обвинения. Его называли и безбожником, и маньяком, и «политическим Кашпировским», и евреем, и шарлатаном. Впоследствии Тыминьский в суде доказал несправедливость обвинений, но во время избирательной кампании они сделали свое дело. Падению рейтинга Тыминьского способствовал его бесспорный проигрыш в телевизионных дебатах с Валенсой.

По результатам второго тура выборов, при весьма низкой явке избирателей (53,39%) Валенса выиграл, набрав 74,25% голосов. Так в итоге непростой и весьма некорректной избирательной кампании Польша выбрала первого в послевоенный период некоммунистического президента. В декабре 1990 г. в Королевском замке в Варшаве Валенса получил из рук последнего президента в изгнании Р. Качаровского символы главы государства. В. Ярузельский на церемонии приглашен не был. История III Речи Посполитой начиналась с демонстративного отрицания истории ПНР и с попыток поиска новой идентичности.

II.2. ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ И ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1991 г.

На заре польского политического плюрализма Е. Гедройц (редактор издаваемого в Париже польского журнала «Культура») заметил, что политическая и идейная жизнь страны управляется «гробами прежде живших поляков», имея в виду огромное влияние исторического прошлого на сознание ныне живущих соотечественников. Он подразумевал прежде всего двух конкретных политиков — идеологов XX в., имена которых известны, кажется, всем полякам, независимо от уровня образования и культуры. Это Ю. Пилсудский и Р. Дмовский, олицетворяющие две исторические традиции, две концепции развития Польши. Но впечатляющий образ, созданный Гедройцем, конечно, не отражал в полной мере существующего положения вещей.

Партийная мозаика была гораздо более сложной и многоплановой, и это требовало правового урегулирования сложившейся ситуации и принятия закона о политических партиях. Таковой и был принят в июле 1990 г. По этому закону создать партию было весьма несложно: требовалось наличие 15 желающих, трое из которых должны были поручиться за соответствие деятельности партии требованиям конституции, а также отсутствие тайных и имеющих зарубежное происхождение источников финансирования. Ни программа, ни устав не входили в перечень обязательных условий.

Польская политическая сцена 90-х годов характеризовалась выраженной фрагментацией партийной системы, организационно-идейной слабостью многочисленных партий.

Новые условия диктовали необходимость поиска новых форм бытия и для новых, и для старых игроков польской политической сцены. Лагерь «Солидарности», продемонстрировавший в полной мере отсутствие единства в ходе президентской кампании 1990 г., не обрел такового и в парламентской избирательной гонке. Все попытки объединения и создания широкой коалиции политических партий, связанных с «Солидарностью», закончились неудачей.

Профсоюз «Солидарность» был представлен в этой избирательной кампании как самостоятельная политическая сила, выступая под лозунгом «Партий много, „Солидарность“ одна». Проведение избирательной кампании было для профсоюза делом непростым, ибо, исходя из идейных постулатов, «Солидарности» нельзя было не критиковать действия власти, но, с другой стороны, именно эта власть была порождением «Солидарности».

Т. Мазовецкий, потерпевший поражение на президентских выборах, стремился сохранить действовавшие в ходе выборов политические структуры: он стал инициатором создания в декабре 1990 г. на основе своих избирательных комитетов политической партии Демократический союз (ДС). Не без сомнений и политической борьбы инициативу Мазовецкого поддержали такие политические образования, как Гражданское движение — Демократическое действие и Форум демократической правды. На объединительном съезде Т. Мазовецкий был избран главой партии. Изначально партия демонстрировала отсутствие идейного единства: в рамках ее существовали фракция Демократической правды во главе с А. Халлем, Социально-либеральная фракция З. Куратовской и Фракция зеленых Р. Гавлика.

Главным политическим противником ДС, а вместе с ней и «Газеты выборчей», фактического органа этой партии, стало, казалось бы, родственное по духу, вышед-

шее из той же «шинели „Солидарности“», Соглашение Центрум Я. Качиньского. В ходе избирательной кампании Я. Качиньский на основе своей партии создал коалицию Гражданское Соглашение Центрум, раздираемое с самого начала своего существования спорами и конфликтами. В основу избирательной кампании коалиции была положена критика политики «жирной черты» и борьба с посткоммунизмом.

Примечательно, что в демократической Польше не возникло влиятельной христианско-демократической партии, хотя на эту роль могла в определенный период претендовать партия Христианско-национальное объединение (ХНО), возглавляемая одним из старейших польских политиков В. Хжановским. Партия декларировала в качестве своей цели «политическую деятельность, служащую благу польского народа и государства, а также формирование общественной жизни, основанной на учении церкви». Членом партии мог быть только верующий человек, католическая религия рассматривалась как интегральная составляющая государственного бытия, выходящая за пределы частной жизни. ХНО предполагало, что «польское государство должно носить христианский характер»⁸⁵. Партия апеллировала к традициям межвоенной эмиграции, отнюдь не принимая целиком наследие Р. Дмовского, но пытаясь переосмыслить его в новых реалиях. ХНО, в значительной мере благодаря авторитету ее лидера, в начале 90-х была одной из наиболее авторитетных польских правых партий.

Помимо ХНО существовал еще целый ряд политических партий христианско-демократической ориентации, в том числе такие, как Христианско-демократическое сторонничество труда, возглавляемое В. Сила-Новицким, партия христианских демократов во главе с К. Павловским. Интегрирующим центром для разобщенного христианско-демократического движения могло бы стать СЦ Я. Качиньского, но он не стремился к реализации этой миссии.

Правда, попытка объединения все же была предпринята. В ходе избирательной кампании ХНО несколько христианско-демократических объединений создали коалицию под названием Избирательная католическая акция. Акцентируя национальную и католическую составляющую своей программы, коалиция, в соответствии с эмигрантской традицией, настаивала на необходимости поддерживать добрососедские отношения с СССР, конечно, на паритетных началах.

Далекую от согласия атмосферу того времени характеризует протест со стороны даже идейно близких к коалиции политических сил против использования слова «католическая». Руководство Клуба католической интеллигенции даже обращалось в этой связи к примасу Глемпу.

ХНО принадлежало к числу тех немногочисленных партий, которые пользовались хотя бы относительной поддержкой «Солидарности».

Это ни в коей мере не относилось к партии Либерально-демократический конгресс (ЛДК), возникшей в 1990 г. в Гданьске. Вначале либеральное движение развивалось в рамках оппозиционного движения в целом, и лишь в середине 80-х в кружке гданьской молодежи, объединенной единством взглядов, оформилось сознание необходимости самоопределения. Активное участие в деятельности «Солидарности» было для этого явно недостаточным. Определяя свое место в политике, ЛДК констатировал в своих программных документах: **«Мы либералы. Мы выступаем за свободное, открытое общество. Мы стремимся к государству, основанному на законе и уважении частной собственности. Мы делаем ставку на личную инициативу, на предприимчивость и хорошую работу»**⁸⁶.

Либералы активно содействовали Л. Валенсе на президентских выборах 1990 г., вошли в Соглашение Центрум, созданное для поддержки лидера «Солидарности», выступая, таким образом, как оппоненты ДС — опоры Т. Мазовецкого. ЛДК пытался позиционировать себя как объединение успешных людей, стремящихся выйти за пределы замкнутого круга, ограниченного противостоянием коммунистов и «Солидарности». Такое деление либералы признавали анахронизмом и полагали, что Польша нуждается в партии прагматичной и рациональной. Главной фигурой, на которую делали ставку политики ЛДК, был Я.К. Белецкий, в то время премьер польского правительства, постоянно подчеркивающий свою связь с ЛДК и приверженность либеральным идеям.

К разряду курьезов этой избирательной кампании можно отнести серьезный успех, достигнутый партией, подобно ЛДК апеллировавшей к успешным, состоятельным людям. Этой была Партия любителей пива, созданная актером Я. Ревиньским. Кампания этой партии стала в известной мере пародией на кампанию ЛДК, но пародией весьма удачной⁸⁷. В избирательной листовке под названием «Как выпить это пиво?» излагались «10 заповедей партии» и содержались вполне здравые мысли о необходимости развития предпринимательства, защиты пенсионеров, поддержки молодежи и т. д.

Если в лагере «Солидарности» царили «разброд и шатания», то польские левые, переживавшие глубокий кризис идентичности, упорно стремились консолидироваться и обрести свое место в новых условиях. Переломным событием в истории страны стал проходивший в январе 1990 г. XI съезд ПОРП, который оказался последним для партии. Силам правопорядка пришлось защищать участников съезда от нападений радикальной молодежи.

В принятом на съезде постановлении говорилось: «Делегаты, собравшиеся на XI съезд ПОРП, осознавая невозможность обретения Польской объединенной рабочей партией доверия общества, постановляют завершить деятельность ПОРП»⁸⁸. По решению делегатов съезда, его заседание было прервано для того, чтобы поздним вечером того же дня (27 января 1990 г.) открыть конгресс, призванный начать историю новой партии. В результате долгих дебатов она получила название Социал-демократия Республики Польша* (СДРП). Делегатами конгресса стали 1533 из 1663 делегатов съезда ПОРП. Заседание конгресса проходило в обстановке острой дискуссии и столкновения различных мнений. Это не помешало выработать ряд программных документов. Лидерами новой партии стали А. Квасьневский и Л. Миллер. Пение польского национального гимна завершило процесс рождения новой партии. Поздним вечером того же дня возобновилась работа XI съезда ПОРП, завершившегося ночью. Из зала заседаний было вынесено знамя ПОРП, и под сводами варшавского Дворца культуры и науки в последний раз прозвучал Интернационал.

Рождение партии польских социал-демократов проходило далеко не гладко: формирующаяся партия раскололась в самом начале пути. В одном из залов Дворца культуры и науки делала свои первые шаги еще одна партия польской левицы: Социал-демократический Союз Республики Польши (которая, правда, очень скоро утратила реальное политическое значение).

Вместе с концом эпохи социализма в 1989 г. закончилась и история ПОРП. Ее ро- спуск был предопределен всем предшествующим ходом событий. Трансформация

* Название страны было официально изменено на «Республику Польша» 31 декабря 1989 г.

ПОРП была бы возможна в случае использования ею исторических шансов, открывшихся в 1956 и в 1970 г. Но в 80-е годы стало ясно, что крушения не избежать.

В 1989 г. ПОРП оказалась совершенно недееспособной, проиграв избирательную кампанию. Тогда, в начале 90-х годов, А. Квасьневский был абсолютно убежден, что ПОРП, как и вся система, уходит вместе с эпохой, сыграв свою историческую роль. Он утверждал: «Таков был приговор истории. Сорок лет и хватит... Была просто естественная усталость материала. Люди хотели нового, люди устали и от этой системы, и от ее кадров и структур, и от этой рутины, которая отовсюду просто выпирала. Просто настало время конца...»⁸⁹.

Именно Квасьневский в это время становится фигурой, с которой многие связывали надежды на возрождение партии. Его авторитет как человека, способного вести дискуссию, побеждать в ней противника и вместе с тем — открытого для диалога, вырос после «круглого стола», после дебатов с А. Михником в Гданьском университете и в университете им. А. Мицкевича в Познани. Немалое значение имел и отказ А. Квасьневского от должности секретаря ЦК ПОРП, и успех на выборах в качестве делегата готовящегося последнего съезда ПОРП, и то обстоятельство, что, когда в ходе работы съезда возникла ситуация совершенного хаоса и неразберихи, он выступил с готовым проектом устава новой партии.

Будучи уверенным в успехе и видя, что он владеет аудиторией, А. Квасьневский поставил условие: он согласится возглавить партию, если получит право назвать 60 человек, которые войдут в ее руководящий орган, — и он это право получил. Подобный шаг был нужен новому лидеру, чтобы ввести в руководство людей, нацеленных на будущее, знающих, какие именно перемены нужны стране.

Принятая на съезде декларация определяла цели и задачи СДРП. «Высшей ценностью для нас, — отмечалось в этом документе, — является Польша. Ей мы служим. Единственным источником власти мы признаем волю народа, выраженную в демократических, свободных выборах. Благополучие Польши мы связываем с прогрессом, открытостью и участием в достижениях цивилизации... Мы за гражданское общество. Мы признаем неприкосновенность прав личности и гражданские свободы. Основными ценностями для нас являются: достоинство и свободное развитие человека, уважение к труду, непримиримость к эксплуатации, неправде, страданию... Мы за сильное, правовое польское государство, за парламентскую демократию и многопартийную систему. Мы сторонники территориального и производственного самоуправления, а также свободной самоорганизации общества»⁹⁰. Определяя идентичность партии, декларация констатировала ее связь с польской социалистической традицией, с идейными исканиями современной польской левицы, а также опытом Социалистического Интернационала.

В своей экономической программе Социал-демократия Республики Польша выступала за рыночную экономику с элементами интервенционизма и социальной ответственности государства, за многоукладность экономики, за ограничение государственной собственности до экономически рациональных пределов. В документе подчеркивалась необходимость обеспечения социальной защищенности трудящихся, справедливого распределения тягот социально-экономических перемен между всеми социальными слоями, недопустимость признания безработицы постоянным элементом экономической жизни, право на труд определялось как неотъемлемое право человека.

Таким образом, было заявлено о весьма серьезных переменах, вовсе не таких, как предлагал один из ведущих деятелей ПОРП того времени М. Ожеховский: переименовать Польскую объединенную рабочую партию в Польскую социалистическую рабочую партию — из аббревиатуры, звучащей по-польски как PZPR, сделать PSPR. Как шутил тогда А. Квасьневский, если человек немного шепелявит, можно и перепутать⁹².

Попыталась вписаться в новые условия и Объединенная крестьянская партия. Еще в ноябре 1989 г. она провела XI внеочередной конгресс, изменивший название партии на Польске стронництво людове «Возрождение» и принявший новую программу, основанную на идеалах аграризма. Партию возглавил Ю. Зых. Несмотря на перемены в партийной программе, старая номенклатура сохранила свои позиции в этой самой значительной, но не единственной действующей тогда в Польше крестьянской политической партии. Помимо ПСЛ «Возрождение» за место на политическом поле боролась ПСЛ, позиционирующая себя как наследница партии С. Миколайчика, а также ПСЛ «Солидарность». Попыткой объединения крестьянского движения стало создание в мае 1990 г. новой крестьянской партии во главе с Р. Бартоше.

Однако определенное единство крестьянского движения было достигнуто только после съезда ПСЛ в июне 1990 г., когда партию возглавил В. Павляк, молодой и весьма авторитетный политик.

В основе программных установок ПСЛ лежала доктрина неоаграризма, социальное учение католической церкви, некоторые элементы социалистической идеологии. В экономической части программы партии были представлены идеи социального рыночного хозяйства с допущением ограниченного вмешательства государства, отрицалась правомерность «стихийной приватизации» государственной собственности. Признавая равноправие всех форм собственности, ПСЛ особое значение придавала возрождению различных форм кооперации, некогда весьма успешно развивавшейся в Польше, вопросам социальной защиты, развитию здравоохранения и образования.

К 1991 г. в стране было зарегистрировано 270 партий. Однако это были образования в основном немногочисленные (недаром их называли «диванными»), не имевшие четких программ, социальной базы и финансового обеспечения. Тогда, на заре польского политического плюрализма, более 10 партий и движений определяли себя как христианские, столько же — как экологические и «зеленые». В названиях 20 партий фигурировало определение «демократический», 14 — «национальный», 6 — «консервативный», 4 — «крестьянский». Как бы пробудившись от летаргического сна, возродились партии и движения, существовавшие в межвоенной Польше. Вновь появилась Польская социалистическая партия и Национальная демократия.

В соответствии с соглашением «круглого стола», выборы в парламент должны были состояться в 1993 г., однако изменившаяся политическая ситуация, начало процесса демократической трансформации обусловили ускорение перемен. После довольно острой дискуссии о сроках выборов решено было провести их в октябре 1991 г.

Многочисленные и представлявшие самые разные грани политического мировоззрения игроки польской политической сцены вступили в борьбу в ходе первых свободных выборов в органы представительной власти.

В основу избирательного закона был положен принцип пропорциональности. Для регистрации избирательных комитетов необходимо было собрать определенное количество подписей, что не для всех участников избирательной кампании оказалось по-

сильной задачей. Так партия «Х» С. Тыминьского была исключена из числа участников борьбы в связи с фальсификацией большого числа подписей. Проклиная «евреев из Демократического союза», Тыминьский в знак протеста покинул Польшу.

В избирательной кампании приняли участие 111 политических партий и партийных коалиций. Но если активность политиков была весьма высокой, то про электорат этого сказать нельзя: в парламентских выборах, состоявшихся 27 октября 1991 г., приняло участие 43,2% избирателей. Столь низкий показатель активности свидетельствовал о серьезных проблемах нарождающейся польской демократии, о недоверии общества к демократическим институтам.

В сейм прошли 24 избирательных объединения и блока. Демократический союз получил 12,32%, Союз демократических левых сил (коалиция политических партий и группировок, объединившихся вокруг СДРП) — 11,99%, ПСЛ — 9,22%, Избирательная католическая акция — 8,98%, Конфедерация независимой Польши — 8,88%, Гражданское Соглашение Центрум — 8,71%, ЛДК — 7,49%, «Солидарность» — чуть более 5%.

В борьбе за 100 сенаторских мест наибольшего успеха добились Демократический союз — 22 места, Избирательная католическая акция — 12 мест, профсоюз «Солидарность» — 12 мест, ПСЛ — 10 мест, Гражданское Соглашение Центрум — 9 мест, ЛДК — 6 мест.

II.3. Горькие плоды политического плюрализма. ПАРЛАМЕНТ в 1991–1993 гг.

Итоги выборов свидетельствовали о несомненной утрате доверия общества к политикам, связанным с «Солидарностью». И в целом сейм этого созыва не пользовался слишком большой популярностью в обществе: иногда уровень доверия к нему был ниже, чем по отношению к сейму, сформированному в результате выборов 4 июня 1989 г. и получившему название «контрактного».

В новом сейме действовало 18 депутатских фракций, что делало его трудно управляемым. Две фракции (Союза демократических левых сил и Демократического союза) находились на положении изгоев — с ними никто не хотел вступать в коалиции. Особенно нелегким было положение левых: представители этой фракции не были избраны вице-спикерами, никто из них не стал также председателями парламентских комитетов. Социал-демократы ассоциировались с ненавистным коммунистическим прошлым, а ДС — с соглашениями «круглого стола».

Большинство в сейме имели правоцентристские партии, но согласия между ними не было, что отразилось, в частности, в сложностях при формировании правительства. Именно при попытках решения этого вопроса окончательно разошлись пути президента Л. Валенсы и Я. Качиньского, решительно выступавшего за проведение радикальных преобразований. В этой борьбе преимущество оказалось на стороне Я. Качиньского. Он сумел создать коалицию из пяти партий и провести на пост спикера сейма В. Хжановского (ХНО), представитель этой партии стал и спикером сената.

Напряженная борьба развернулась вокруг поста премьера. Валенса до последнего сопротивлялся активно поддерживаемой Качиньским кандидатуре Я. Ольшевского,

стремясь сохранить этот пост за Я.К. Белецким. Но в конце концов возглавил правительство Ольшевский, которого Я. Качиньский рассматривал как единственного человека, способного сплотить лагерь «Солидарности». В своем экспозе новый премьер решительно высказался за декоммунизацию. Он рассматривал деятельность своего правительства, как «начало конца коммунизма».

Буквально с первых шагов Ольшевский вступил в конфликт с Валенсой: он не приветствовал президента, начиная произносить свое экспозе в сейме, что, естественно, обидело Валенсу. Примечательно, что Я. Качиньский также всячески демонстрировал свою неприязнь к недавнему соратнику по борьбе: и он сам, и члены его фракции не вставали при появлении президента. Конфликтами президента и премьера изобиловал весь недолгий срок пребывания Ольшевского у власти. В основе этих конфликтов была борьба за компетенции президента и правительства. Валенса не склонен был мириться с тем, что некоторые вопросы, которые он считал важными, решались без него.

В конце концов дело дошло до кризиса, и 26 мая 1992 г. Валенса уведомил спикера сейма о том, что утратил доверие к правительству. Ольшевский нанес ответный удар. 28 мая депутат Я. Корвин-Микке (Союз реальной политики) с подачи министра внутренних дел А. Мачеревича внес предложение о принятии закона о люстрации, сама идея которой возникла значительно раньше и активно использовалась в предвыборной борьбе представителями некоторых политических сил.

Предложение прошло, и 28 мая был предложен проект закона о люстрации, совершенно не проработанный и не соответствующий Конституции страны. 4 июня 1992 г. А. Мачеревич представил председателям парламентских фракций список из 64 фамилий депутатов сейма, сенаторов, работников канцелярии президента, обвиняемых в сотрудничестве со спецслужбами. Высшему руководству страны был предъявлен еще один список, в котором фигурировали Валенса и Хжановский.

Валенса попытался оправдаться, обратившись с письмом к Ольшевскому и с заявлением для прессы, в котором заявил: «Меня арестовывали несколько раз. Во время первого ареста в декабре 1970 г. я подписал 3 или 4 документа. Наверное, я подписал бы тогда все, кроме согласия предать Бога и Отчизну, чтобы только выйти на свободу и продолжать борьбу. Но я не сломался и никогда не предавал своих идеалов и своих коллег»⁹².

Но очень скоро, оправившись от шока, Валенса перешел в наступление и внес предложение об отставке правительства Ольшевского. Президент специально отправился в сейм, чтобы лично поспособствовать претворению в жизнь своего решения.

Ближе к полуночи 4 июня Ольшевский выступил по телевидению с обращением к польскому народу, в котором заявил, что его правительство стремилось к разоблачению тех людей, которые были связаны с прежней властью. Премьер выразил убежденность в том, что лица, находившиеся в контакте со спецслужбами, могут представлять опасность для независимой Польши. Но пока Ольшевский из здания телецентра обращался к народу, в сейме уже шли консультации по поводу формирования нового правительства. Вернувшись в сейм, Ольшевский стал свидетелем вынесения его правительству вотума недоверия. Валенса обвинил премьера в попытке государственного переворота и захвата власти, о признаках государственного переворота в его действиях говорили Геремек и Куронь. Мачеревича обвиняли в дестабилизации обстановки в стране.

Короткая (с декабря 1991 по июнь 1992 г.) и бурная история правительства Ольшевского стала свидетельством кризиса и отсутствия консенсуса в лагере политических группировок и партий, ведущих свое происхождение от «Солидарности».

На место премьера Валенса назначил В. Павляка, но тому не удалось сформировать правительство в разобщенном и амбициозном сейме. Однако сам факт занятия столь важного поста представителем крестьянского движения, что произошло в пятый раз в истории Польши (трижды правительство возглавлял Витос и один раз Миколайчик), способствовал укреплению авторитета и ПСЛ, и самого Павляка, политические позиции которого значительно окрепли даже после неудачной попытки возглавить правительство.

В июле 1992 г. главой правительства, в состав которого вошли представители семи партий, стала Х. Сухоцкая (ДС). Крайне неоднородный партийный состав обусловил неустойчивое положение правительства, обладавшего минимальным большинством голосов в сейме. Принятие решений часто висело на волоске и зависело от случайных обстоятельств.

Обострилась и политическая борьба. Шел процесс дальнейшего дробления правых партий. Из Демократического союза выделилась фракция А. Халля, создавшего Консервативную партию, не ставшую, правда, значимой политической силой. А. Мачеревич, покинув ряды ХНО, создал свою партию Христанско-национальное движение «Польское действие», Я. Парыс, занимавший некогда пост министра обороны и конфликтовавший с Валенсой, стал лидером Движения III Речи Посполитой. Эти партии решительно выступали за люстрацию и декоммунизацию, сделав объектом своей критики прежде всего президента и ДС.

Из состава СЦ выделилось Движение во имя Речи Посполитой (ДВП), состоявшее из сторонников Я. Ольшевского и придерживавшееся христианско-демократической ориентации. ДВП пользовалось довольно большой популярностью. Оно декларировало себя как «партию независимости», идеология которой основана на социальном учении церкви, призывало к воссозданию Польши «от основ» и к декоммунизации. Придерживаясь в международной политике европейской ориентации и выступая за интеграцию в европейские структуры, партия вместе с тем решительно акцентировала необходимость защиты польской собственности и польских национально-государственных интересов.

Отказавшись от коалиции с другими политическими силами, ДВП в 1997 г. не добилась серьезного успеха на парламентских выборах, что привело к расколу в партии, уходу из нее таких достаточно ярких политиков, как Я. Качиньский и А. Мачеревич (последний создал свою партию — Католическо-национальное движение). Тогда же из ДВП выделились Движение верности Речи Посполитой, Польский экономический союз, Патриотическое движение «Родина».

Я. Качиньский, борясь за чистоту рядов, легко шел на избавление от недостаточно лояльных, по его мнению, членов партии. Вся его недюжинная политическая энергия была сосредоточена в этот период на борьбе с президентом Валенсой. В своих публикациях и выступлениях он неустанно разоблачал связи президента со спецслужбами, организовывал акции протеста, в которых участвовали противники недавнего политического кумира, неся лозунги типа «Болек — в Москву», «Люстрация». Дело дошло до того, что перед президентским дворцом сожгли куклу, изображающую Валенсу.

Президент не оставался в долгу, при каждом удобном случае стараясь оскорбить братьев Качиньских. Бесконечная борьба в сейме, происходившая на фоне постоянных взаимных разоблачений, отнюдь не способствовала его авторитету среди поляков: к 1993 г. уровень доверия к парламенту едва достигал 20%. Невысоким был и рейтинг президента, деятельность которого позитивно оценивало менее четверти поляков.

В этой ситуации очевидной стала необходимость урегулировать отношения между исполнительной и законодательной ветвями власти, что могло быть достигнуто принятием новой конституции. Ведь несмотря на происшедшие в 1989 г. перемены, страна жила по конституции 1952 г.* В результате достаточно напряженной работы, в ноябре 1992 г. была принята так называемая «малая конституция» (инициатором был Валенса). Она расширяла сферу президентских полномочий, хотя и не в той степени, как этого желал президент.

Деятельность правительства Х. Сухоцкой разворачивалась в весьма неблагоприятных условиях. Поляки еще не ощутили преимущества рыночных реформ, но уже очень хорошо почувствовали трудности, с ними сопряженные. Уровень доверия к правительству неуклонно падал. Именно на время его пребывания у власти пришелся пик забастовочного движения в Польше в период после 1989 г. Бастовали работники бюджетной сферы, учителя, крестьяне, железнодорожники. Организатором забастовок выступала «Солидарность», поддержка которой правительственного курса слабела день ото дня. В мае 1993 г. ситуация стала критической: правительство, ссылаясь на недостаток средств, отказалось от ожидаемого повышения зарплаты бюджетникам. В ответ «Солидарность» выдвинула ультимативные требования, грозя кабинету министров вотумом недоверия.

Примечательно, что забастовки протеста сочетались с антиправительственными акциями правых партий. Почва стремительно уходила из-под ног правительства Сухоцкой. Но глава правительства, очевидно, уверенная в прочности своих позиций, не шла ни на какие уступки. Она отказалась пересмотреть бюджет, что дало повод для постановки вопроса о вотуме доверия правительству. 28 мая 223 из 455 депутатов сейма проголосовали против доверия. Положение мог спасти один голос. И такой голос был и принадлежал депутату от ХНО, который как раз выступал в поддержку правительства. Но именно этот депутат на несколько секунд опоздал на голосование «из-за проблем с желудком». Валенса мгновенно воспользовался своим конституционным правом и распустил парламент.

Так закончилась бурная история польского сейма, впервые после 1945 г. избранного демократическим путем. Недолгая история «короткого» парламента со всей очевидностью показала незавершенность процесса становления польской партийной системы и сложность путей поиска идейной идентичности политическими партиями в условиях демократического развития.

* Работа над новой конституцией началась еще в «контрактном» сейме, в конституционной комиссии под руководством Б. Геремека. В сейме первого созыва эта работа была продолжена. Валенса, став президентом, выдвинул в 1991 г. свой проект конституции. Различные варианты основного закона предлагали и политические партии.

II.4. «НОВЫЕ ЛЕВЫЕ» в НОВОЙ ПОЛЬШЕ

Парламентские выборы 1993 г. были организованы в соответствии с новым избирательным законом, предусматривающим 5%-ный барьер для политических партий и 8%-ный — для партийных коалиций. Выборы проходили в обстановке явного кризиса и разобщенности правых партий, экономических трудностей, переживаемых страной, и роста популярности левых. Это предопределило их итоги. В парламент прошли шесть партий и партийных коалиций: СДЛС — 20,41%; ПСЛ — 15,4%; ДС — 10,59%; Союз труда (СТ) — 7,28%; КПН — 5,57%; Беспартийный блок поддержки реформ (ББПР)* — 5,41%.

Разобщенно боролись за места в парламенте правые партии, что не позволило большинству из них преодолеть 5%-ный барьер. Итоги выборов стали несомненным успехом левых.

Известно, что традиционное деление на правых и левых довольно условно. Далеко не все в Польше (и не только в Польше) убеждены в том, что само употребление терминов «правица» и «левица» правомерно в контексте современной политической действительности. Многие аналитики с начала 90-х годов предрекали исчезновение этих понятий из политического дискурса в связи с переменами, произошедшими в мире после 1989 г. Недаром Я. Куронь, после того, как вошел в правительство после победы оппозиции и начал активно «строить капитализм», изумлялся, что его по-прежнему называют «левым». Об утрате смысла употребления названных терминов говорили в 90-е годы такие «люди „Солидарности“», как А. Михник и Б. Геремек после того, как они из рядов оппозиции перешли в ряды политического истеблишмента. «Если бы меня спросили, — заметил А. Квасьневский, — в чем состоят идейно-программные позиции Гражданской платформы, я так же затруднился бы с ответом, как в случае с Союзом демократических левых сил»⁹³.

Действительно, по наблюдениям социологов, элита все более консолидируется и дистанцируется от общества, становится все более гомогенной. В польской элите не произошло принципиальной ротации. Среди новой элиты много людей и прежде не чуждых власти: каждый четвертый представитель новой элиты принадлежал к таковой и до 1989 г. Исторически сложившееся деление на «мы» и «они», так часто употребляемое в политической публицистике, не имеет применительно к элите достаточного основания (если под этим понимать деление на «левицу — правицу»). Это, полагает элитолог Е. Василевский, «элемент политико-пропагандистской игры, рассчитанной на воскрешение черно-белого мира добрых шерифов и злых бандитов»⁹⁴.

* ББПР — партия, возглавляемая А. Олевским, была создана по инициативе Л. Валенсы на основе «Сети» — горизонтальной структуры в рамках «Солидарности». Само название партии могло пробуждать, по меньшей мере, противоречивые чувства, ибо аббревиатура ее названия (в польском варианте) совпадала с действовавшим при Ю. Пилсудском Беспартийным блоком сотрудничества с правительством. Валенса очень рассчитывал на успех и уверял всех в том, что его ББПР получит 400 мест в сейме. На самом деле удалось завоевать только 16 мандатов. «Солидарность» не поддержала своего бывшего лидера, выступив на выборах самостоятельно. Валенса был обескуражен: «Я не пойму, что с ней произошло, это не моя „Солидарность“», — с горечью констатировал он.

Тем не менее, термины «левица» и «правица» остались в польском политическом лексиконе, и каждый человек, сколько-нибудь причастный к политической жизни, понимает, употребляя их, о чем идет речь.

В соответствии с польскими реалиями, «человек левицы» или «человек правицы» может быть определен в соответствии с критериями отношения к прошлому, к ключевым проблемам 90-х годов, демократии, религии⁹⁵.

После 1989 г. левица ассоциировалась у поляков с прежней, социалистической властью, а правица — с оппозицией. Исследования польских социологов показывают, что в период 90-х годов до 80% поляков при оценке своих политических воззрений использовали категории «левица» и «правица»⁹⁶.

Романтично звучит мнение ветеранов польской левицы Я. Куроня и К. Модзелевского, полагающих, что «левица бессмертна... Бессмертие левых основано на постоянстве изначального этического постулата — признания безусловной ценности каждого человека. Быть левым — это значит следовать зову сердца, быть на стороне преследуемых, обиженных, голодных, создавать мир, в котором можно жить по-человечески»⁹⁷.

Польская действительность 90-х годов XX в. — начала XXI в. показала, что левые весьма далеки от идеала, но вполне жизнеспособны. «Новые левые в новой Польше» (именно так назвал польских социал-демократов 90-х годов А. Квасьневский) весьма уверенно вписались в демократические политические реалии.

Заметим, что и «старые левые» в Польше отличались достаточно четко выраженным своеобразием. Трудно причислить ПОРП к ортодоксальным коммунистическим партиям. В ее идейных установках можно обнаружить в известной мере и либеральные, и социал-демократические тенденции. В ПОРП всегда было реформаторское крыло. В разные периоды истории толерантность к нему была различной, но начиная с 1956 г. это направление присутствовало в партии.

В 1990 г. была создана коалиция левых сил Польши — СДЛС, и в том же 1990 г. «новые левые» впервые заявили о своем намерении играть заметную роль на политической сцене, выдвинув в качестве кандидата в президенты В. Чимошевича.

В принятой на II конгрессе СДЛС в 1993 г. программе «Социал-демократическая альтернатива: Польша демократическая, справедливая, безопасная» были четко поставлены акценты в переоценке прошлого. Определенно было заявлено об отказе от идей диктатуры пролетариата, «руководящей роли партии», подчеркивалась значимость социал-демократической мысли, ее историческая правота.

В программе утверждалось, что выбор, сделанный в 1989 г., окончателен и необратим. В целом же социал-демократы больше были сосредоточены на решении прагматических задач текущей политики, чем на идеологическом самоопределении. Это объясняется как важностью задач текущего политического момента, так и слабостью интеллектуальной базы партии. Немалую роль сыграла и пресыщенность идеологией в период ПОРП.

В системе ценностей польской левицы на протяжении 90-х годов превалировали такие идеалы, как социальная справедливость, свобода, солидарность, европоцентризм.

В течение 1990–1993 гг. левые пребывали в оппозиции к правительству, сформированному политиками, близкими к «Солидарности», достаточно жестко критиковали его и вместе с тем предлагала свое видение основных проблем страны.

В 1993 г. на очередных парламентских выборах левые добились убедительного успеха. А. Квасьневский, вспоминая те годы, пишет, что он чувствовал перемены в общественном настроении, но не рассчитывал на такой успех. А. Михник, оценивая перемену настроения среднестатистического поляка, писал о том времени: «оглушенный и ошарашенный динамикой перемен, такой человек ощущал себя победителем коммунизма, но скоро увидел, что он — жертва антикоммунистических реформ»⁹⁸.

СДЛС на этих выборах выступал под лозунгом «Так дальше жить нельзя». В полной мере признавая необходимость приватизации и развития рыночных отношений, Союз высказывался за государственный интервенционизм в промышленность и сельское хозяйство, за социально направленную рыночную экономику и компромисс между интересами работодателей и трудящихся.

Многие программные положения СДЛС совпадали с тем, что уже делало правительство Х. Сухоцкой в 1991–1993 гг.: рост участия трудовых коллективов в приватизации, борьба с безработицей, смягчение налогового бремени. Но было нечто, заметно отличающее программу победителей: это очевидная тенденция к увеличению бюджетных выплат. В программе СДЛС из 20 пунктов 18 предполагали увеличение бюджетных расходов. Это и индексация пенсий, и рост расходов на образование и науку, и создание новых рабочих мест.

Возможно, именно в этом особенно проявлялась «левизна» СДЛС, так как, согласно классическому пониманию сущности деления на правые и левые партии, первые делают акцент на создании условий для увеличения выпуска продукции в масштабах общества, вторые же больше пекутся о социальной справедливости, т. е. правые занимаются производством, левые — распределением (в самом общем плане). Правительство Сухоцкой предлагало обществу такой вариант: вначале экономика достигает определенного уровня, а затем полученное можно будет распределять; между тем в ходе выборов поддержку, по сути, получил другой вариант: вначале человек и его потребности, а затем экономика, призванная их удовлетворить.

В те годы К. Теплиц, один из наиболее авторитетных «людей политики», усматривал в победе левых свидетельство того, что все большее влияние приобретают люди, считающие историю непрерывным процессом, видящие в ПНР не «черную дыру», а определенный отрезок пройденного исторического пути, не страшный сон, а реальность, оказывавшую влияние и на осуществление реформы⁹⁹.

С такого рода позицией вполне сочетается понимание данной проблемы А. Квасьневским, заявлявшим, что «философия власти» представляемых им политических сил такова: история Польши неразрывна и «включает в себя и ПНР, и последние четыре года правления „Солидарности“. И каждый период нужно трезво оценивать, не отмечая положительных результатов. Я не употреблял бы термина „жирная черта“, потому что я делаю акцент не на расщеплении истории либо на отстранении от нее отдельных этапов, но на непрерывности, продолжении»¹⁰⁰.

В принципе успех левых сил на парламентских выборах 1993 г. не стал неожиданностью: рост популярности левых партий был засвидетельствован во многих социологических исследованиях в преддверии выборов. Неожиданностью были, пожалуй, лишь масштабы этого успеха.

Одной из причин победы левых явились экономические трудности, переживаемые страной. Хотя, как это ни парадоксально, левые победили именно в тот момент, когда,

казалось бы, в экономике наметились некоторые положительные сдвиги. Именно в 1992 г. в Польше был зафиксирован положительный показатель экономического роста (от 0,5 до 2%). Но при этом число безработных превышало 2 млн человек (около 15% трудоспособного населения), продолжалось падение производства в сельском хозяйстве (в 1992 г. — на 7%), цены росли на 2–3% в месяц, падение жизненного уровня составило 30%. Люди с трудом мирились с новым положением вещей: в 1992 г. 522 поляка покончили с собой по экономическим мотивам, что составило 16% общего числа самоубийств.

В той непростой обстановке именно СДЛС продемонстрировал высокую политическую культуру, отсутствие агрессии, ответственность, выступив с реальной предвыборной программой.

Определенное значение для изменений в общественных настроениях имел конфликт, касающийся роли католической церкви в жизни страны. Проявлением этого конфликта стало распоряжение Министерства национального образования, разрешавшее размещать католический крест в любой классной комнате (а не только там, где проходят уроки религии), узаконившее ежедневные общие молитвы, обязательную графу в табелях с оценкой по закону Божьему. Уполномоченный по правам граждан Т. Зелиньский обратился в Конституционный суд с запросом о правомерности действий министерства. Конституционный суд весной 1993 г. признал все указанные распоряжения оправданными.

Действия же Зелиньского вызвали резко негативную реакцию церкви: уполномоченный по правам граждан был приравнен примасом Ю. Глемпом к «фашистам и коммунистам», «боровшимся с крестом». Анафема Зелиньскому прозвучала со многих амвонов, особенно после того, как он заявил, что церковь вмешивается в прерогативу светской власти. В итоге часть интеллигенции, ощутив наступление клерикализма, стала более благосклонно относиться к левым.

Партии, представлявшие крайних клерикалов, не получили мест в сейме. В этот период в стране 67% населения выступали за отделение церкви от государства и только 14% желали укрепления позиций Ватикана в польской политике. В конечном счете, помимо партий с явной религиозной ориентацией за бортом большой политики оказались и крайне правые партии.

Каковы бы ни были оценки развития страны в 1993 г., бесспорной представляется тот факт, что «новые левые» в полной мере усвоили правила политической игры в условиях демократии и обрели свое место в «новой Польше».

Однако обеспечить себе ведущие позиции в правительстве и в сейме левым оказалось не так просто. Нужно было создавать коалицию. Союзником СДЛС стала ПСЛ, возглавляемая В. Павляком. Ему был предложен и пост премьера, на что вынужден был согласиться Валенса. На пост маршала сейма был избран представитель СДЛС Ю. Олексы.

ПСЛ оказалась трудным партнером. История коалиции левых и людовцев — история борьбы, конфликтов и интриг. Ситуация осложнялась далеко не простым характером Павляка. Даже некогда благоволивший к нему Валенса отзывался о Павляке не самым лучшим образом: «Он молчалив, медлителен и с ним трудно о чем-либо договориться».

В конце концов, премьер лишился поддержки и СДЛС и президента. Валенса требовал перемен и грозил роспуском парламента. Последнего не произошло, но в марте 1994 г. решением сейма состав правительства был изменен. Его возглавил Ю. Олексы

(бывший секретарь воеводского комитета ПОПР в Бялой Подляске, недоучившийся семинарист, снискавший себе славу интеллектуала). В новом правительстве 11 министерских постов принадлежало СДЛС, 7 — ПСЛ.

Позиции левых еще более укрепились после несомненного успеха на президентских выборах в ноябре 1995 г. Выступая под лозунгом «Выберем будущее», лидер левицы, глава социал-демократической парламентской фракции Александр Квасьневский стал президентом страны, опередив 17 конкурентов по президентской гонке. Выборы проходили в два тура, до второго дошли Квасьневский и Валенса. В начале кампании казалось, что Валенса не имеет шансов: его рейтинг колебался в пределах 5–10%. Но в ходе кампании ситуация менялась. Валенса сумел позиционировать себя как единственного кандидата, способного соперничать с Квасьневским. Он удачно использовал против левых неосторожные высказывания Олексы, простодушно заявившего в одном интервью, что в 1945 г. поляки радовались освобождению их от фашизма Красной армией, тогда как в польском обществе 90-х освобождение от фашизма воспринималось многими как начало новой, советской оккупации. Валенсу поддержала «Солидарность» и многие правые партии. Его предвыборный лозунг «Кандидатов много — Лех Валенса один» подчеркивал прежние заслуги в борьбе с коммунизмом.

Но во втором туре, при очень высокой, даже беспрецедентной избирательной активности — 68,23% — 51,72% избирателей проголосовали за Квасьневского, тогда как за его конкурента 48,28%. Перевес был небольшим — всего 2,3% от числа граждан, имеющих право голоса. Но победа левых была бесспорной в 34 из 49 польских воеводств, причем даже на родине Валенсы предпочтение было отдано его сопернику. За Квасьневского голосовала молодежь. Польша действительно «выбирала будущее». 54% избирателей предпочли Квасьневского из-за его личных качеств, необходимых президенту, около 40% поддерживали и разделяли его программу.

Последняя, вопреки запугиваниям противников Квасьневского, предрекавших «ренессанс коммунизма», «новую зависимость от Кремля» и прочие кошмары, ничего подобного не предусматривала: будущий президент заявлял о своей приверженности ценностям демократии, реформам и отнюдь не ставил под сомнение евроатлантический курс Польши, т. е. стремление к вступлению в НАТО и ЕС.

Избирательная кампания Квасьневского была проведена динамично и профессионально (он использовал опыт западноевропейских специалистов). Практически лишенный поддержки СМИ, кандидат на своем «предвыборном автобусе» объехал почти 200 городов и деревень. Во время встреч с избирателями он демонстрировал умение находить общий язык с любой аудиторией. Поляки, убеждал Квасьневский, не имеют права тратить время на бесконечные разборки с прошлым, надо двигаться вперед. И ему верили. Несмотря на то, что против него действовала специальная организация, пытавшаяся срывать предвыборные встречи, устраивавшая скандалы и провокации. Верили, несмотря на весьма сдержанное отношение католической церкви к не скрывающему своего атеизма Квасьневскому.

Конечно, не определяющим, но немаловажным фактором в пользу левого кандидата явилась его отличная физическая форма (он похудел, отказался в эти дни от хлеба и мяса), прекрасно одевался и, как утверждали злые языки, использовал голубые контактные линзы, чтобы цвет его глаз оттенял голубые и синие сорочки, которые он часто надевал.

Значительно большую роль, чем пресловутые линзы или песенка «Олек, Олек», исполняемая известной рок-группой, сыграла организационная работа, проведенная СДЛС во всех регионах Польши. Победа Квасьневского стала очевидной после теледебатов между ним и Валенсой, проведенных после первого тура. «Легенда „Солидарности“» был агрессивен и необщителен, Квасьневский же проявлял сдержанность и спокойствие. После теледебатов число сторонников Квасьневского выросло на 8%.

Серьезным ударом для Квасьневского явилось обвинение в подаче им ложных сведений о своем образовании: он декларировал его как высшее, но дотошные противники претендента выяснили, что он сдал не все экзамены и не получил звания магистра. Его победу на выборах пытались оспорить в суде. Причем «Радио Мария» распространяло бланки заявлений с жалобами в суд: было подано более 600 тыс. таких заявлений. В конечном итоге все закончилось для Квасьневского благополучно, и 23 декабря он принял присягу в сейме. Валенса на церемонии не присутствовал, не было никакого акта передачи полномочий.

Победа А. Квасьневского и сильные позиции СДЛС в парламенте сделали польских левых фактическими хозяевами положения в стране (хотя формально Квасьневский, став президентом, вышел из партии, но он никогда не отрекался от своей политической родословной). Все ключевые позиции в польской политике оказались в руках левых.

Одним из их значимых достижений было принятие в 1997 г. новой конституции Польши. О ее необходимости говорилось давно, еще в ходе избирательной кампании 1993 г. Квасьневский возглавил конституционную комиссию, но работа над основным законом шла до определенного момента весьма медленными темпами. Лишь к началу 1997 г. проект был готов, принят сеймом и сенатом и в мае 1997 г. вынесен на референдум. Конституция была принята, но участие в референдуме не стало для поляков праздником демократии: в нем приняло участие только 42,86% граждан. Правые партии и церковь высказывались против конституции, усматривая в ней массу недостатков и несоответствий моральным нормам и христианской этике. Однако голосов немногим более половины участников референдума хватило для ее принятия.

Конституция 1997 г. по сравнению с «малой конституцией» 1992 г. ограничивала права как парламента, так и президента. Последний утратил право утверждать кандидатуры силовых министров, ограничивались его полномочия в сфере внешней политики и безопасности государства. Но все же роль президента в жизни страны осталась весьма значительной: он является верховным главнокомандующим, выдвигает кандидатуру главы правительства, пользуется правом вето по отношению к законам, принимаемым парламентом.

Пребывание левицы у власти пришлось на время благоприятной экономической конъюнктуры. Уже в 1992–1993 гг. наметились признаки экономического оживления, а в 1994–1995 гг. экономический рост составил 5–7%. Росла реальная заработная плата, сокращалась безработица, значительно понизился уровень социального протеста. Конечно, эти положительные факты неправомерно было бы приписывать лишь удачной экономической политике СДЛС, забывая об усилиях предшественников. Экономические реформы начали приносить свои плоды.

Но были и моменты, весьма неблагоприятно отразившиеся на имидже социал-демократов. Одним из них стал громкий скандал, связанный с обвинениями Валенсой премьера Ю. Олексы в связях с российскими спецслужбами. Олексы решительно от-

верг все обвинения в шпионаже (хотя не отрицал факта своей многолетней дружбы с офицером КГБ). В конечном итоге обвинения были сняты, но дело получило достаточно широкий общественный резонанс. Олексы пришлось оставить пост премьера, его место занял В. Чимошевич. Возглавляемое им правительство просуществовало до парламентских выборов 1997 г.

II.5. Движение политического маятника вправо. ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1997 г.

Избранный в 1993 г. парламент был первым с момента начала трансформации, проработавший полностью отведенный ему срок. Выборы 1997 г. оказались для левых не столь успешными, как выборы 1993 г. Такому исходу способствовало много обстоятельств, причем не только политического характера. На этот раз сама природа не благоволила левице: в Польше произошло сильнейшее наводнение, приведшее к гибели нескольких десятков человек и колоссальным материальным потерям. Правительство Чимошевича не сумело организовать достаточно эффективную помощь пострадавшим, что, конечно, не способствовало его популярности. На этом фоне не совсем корректно выглядел предвыборный лозунг левых: «Сегодня хорошо — завтра лучше». И хотя экономические успехи Польши были несомненны, а евроатлантический вектор внешней политики пользовался поддержкой общества (уже шли переговоры о вступлении Польши в НАТО), выборы 1997 г. левые проиграли, оказавшись на втором месте и получив 27,13% голосов.

Победила коалиция правых партий — Избирательная акция «Солидарность», получившая 33,83% голосов. Успеху ИАС в немалой степени способствовал визит в Польшу в июне 1997 г. папы Иоанна Павла II, портрет которого ИАС поспешила разместить на своих предвыборных плакатах.

Создание ИАС было большим успехом правящей, ей удалось объединиться. Ситуация осложнялась, правда, тем обстоятельством, что Я. Ольшевский, который тогда многими мыслился как лидер правых, от объединения с ИАС отказался. В основу избирательной программы ИАС в 1997 г. была положена идея общественной солидарности, народ определялся как «семья семей», основанием политического порядка признавалось естественное право, в том числе право на жизнь, свободу и собственность. В экономической части программы постулировалась правомерность рыночных реформ, приватизации, отмечалась необходимость ограниченного государственного интервенционизма и реструктуризации многих отраслей экономики, декларировалась необходимость поддержки крестьянства, защиты его от иностранной конкуренции, реформирования здравоохранения, образования, социального обеспечения. В международной политике ИАС выступала за европейскую интеграцию, но в варианте «Европы отечеств».

И все же ИАС оставалась коалицией группировок с разными идеями, ценностями и программами, и это затруднило создание по-настоящему единой партии, за что горячо ратовал Я. Качиньский. При явном доминировании течения, связанного с профсоюзом «Солидарность», в коалиции были представлены также направления консервативно-либеральное, национально-христианское, христианско-демократическое. ИАС

поддерживал правый электорат, за исключением крайне правых, ориентировавшихся на более радикальные политические силы. Лидером партии (а одновременно и лидером «Солидарности») был М. Кшаклевский, фигура достаточно популярная в конце 90-х годов, один из лидеров правицы того времени. В избирательной кампании 1997 г. ИАС сосредоточила усилия на критике левых, не сумевших успешно осуществить важные реформы в сфере образования, здравоохранения и административного управления, эффективно провести приватизацию.

В ходе выборов весьма успешно проявила себя еще одна партия правого спектра — Союз свободы. Она возникла в 1994 г. в результате объединения Демократического союза (ДС) и Либерально-демократического конгресса (ЛДК). На выборах 1997 г. СС получил 13,37% голосов.

Импульсом к объединению двух партий стали итоги выборов 1993 г., когда каждая из них, выступив самостоятельно, не добилась желаемых результатов. Тогда либералы получили в два раза меньше голосов, чем на предыдущих выборах и остались без мандатов. ДС, хотя и потерял значительное число голосов, получив лишь 10,8%, но в состав сейма вошел, оказавшись там едва ли не самой правой партией. После этого он выступил с инициативой объединения. ДС заявил, что «объединяя программы и людей, мы сможем действовать в пользу свободного рынка, децентрализации государства, гражданских инициатив и успешной социальной политики. Наша объединенная партия может и должна стать выразителем интересов тех, кому близки идеалы свободы и открытого общества, организацией, опирающейся на широкую поддержку»¹⁰¹. В программе новой партии декларировалось стремление к защите свободы личности, соблюдению прав человека, мировоззренческую нейтральность государства, принципы рыночной экономики. Председателем Союза свободы был избран Т. Мазовецкий, его заместителем — Д. Туск, секретарем — Б. Коморовский.

В Союзе свободы произошло соединение, казалось бы, несоединимого — католик Т. Мазовецкий и либерал Д. Туск оказались лидерами одной партии, две идеологии — социал-демократическая и либеральная — должны были объединиться в программе нового политического образования. Лидером его с 1995 г. становится Л. Бальцерович, победив в жесткой борьбе Т. Мазовецкого. Уход такого авторитетного политика, как Т. Мазовецкий связывался со стремлением СС немного сузить слишком «широкий размах правого и левого крыльев», иначе говоря, придать партии более четкую политическую ориентацию. Заметим, что с момента образования СС в ней были представлены два направления, соперничавших между собой: консервативно-либеральное с такими лидерами, как Х. Сухоцкая и Я.М. Рокита, и социал-либеральное, возглавляемое В. Фрасынюком и З. Куратовской. Очевидно, Т. Мазовецкий нелегко расстался с лидерством в партии. И хотя он заявил, что не «забирает свои манатки», он не согласился войти в руководство СС и некоторое время вообще не участвовал в его деятельности¹⁰².

С уходом Т. Мазовецкого в ориентации СС несколько усилились левые тенденции. Именно от этой партии в качестве кандидата в президенты в 1995 г. был выдвинут Я. Куронь. В ходе избирательной кампании по выборам в органы местного самоуправления (на которых СС получил неплохие результаты, хотя и не одержал победы), Союз свободы нередко блокировался с СДЛС, чем вызвал явно отрицательную реакцию правых партий. Так, один из лидеров христианско-национального объединения С. Неселовский сравнивал поведение СС с позицией Сталина в 1939 г., когда он одно-

временно подписывал пакт с Риббентропом и вел переговоры с представителями антигитлеровской коалиции¹⁰³.

Правые однозначно отводили СС место на левом фланге. В то же время левые политические аналитики не сомневались в «правом дрейфе» СС, полагая, что последний лишь прикрывается социал-демократическими лозунгами. В «идейной неустойчивости» усматривались причины вероятной близкой гибели СС. Но этого не произошло, на парламентских выборах 1997 г. СС получил 1749 тыс. голосов. Правда, на выборах 1993 г. две составляющие СС — ДС и ЛДК — получили 2011 тыс., но тогда была и несколько большей активность избирателей. Причем в значительной степени эти голоса были получены благодаря Л. Бальцеровичу¹⁰⁴.

В сейме ИАС и СС выступали в качестве союзников, но их сотрудничество оказалось нелегким делом. Вся история существования коалиции была наполнена конфликтами и борьбой, что, скорее, естественно при столкновении в принципе либеральной программы СС с лево-популистской и национально-католической программой ИАС.

Во власть ИАС пришла с набором труднодостижимых в реальной жизни, но привлекательных в силу своего популизма целей: наделение всех граждан собственностью, приостановка приватизации, проведение политики в интересах семьи, достойное вхождение Польши в ЕС («мы не пойдем в ЕС на коленях»). Эти цели трудно было сочетать с твердым убеждением Л. Бальцеровича в необходимости исходить в финансовой политике только из реальных возможностей экономики и не залезать в долги (что вполне допускали представители ИАС).

Коалиция создала правительство во главе с Е. Бузеком (ИАС). Важная, хотя и неофициальная роль в работе этого правительства принадлежала М. Кшаклевскому, формально занимавшему пост главы парламентского клуба «Солидарности». Деятельность правительства Бузека была связана с проведением серьезных реформ: административной, образования, здравоохранения и пенсионной. Столь широкий спектр реформ вызывал опасения у вице-премьера Л. Бальцеровича, который призывал ограничиться только двумя: здравоохранения и пенсионной. Но в конце концов и он принял план правительства. Проведение реформ вызвало противоречивые оценки в обществе и не способствовало росту популярности правящей коалиции.

В соответствии с декларируемыми ценностями, коалиция приложила много усилий к декоммунизации общества. Была предпринята попытка (правда, неудачная) принять закон о декоммунизации общественной жизни в Польше, запущен механизм люстрации: началась публикация имен лиц, сотрудничавших со спецслужбами. В 1998 г. был принят закон о создании Института национальной памяти, в задачу которого входили систематизация и сбор документов служб безопасности ПНР, а также обеспечение гражданам возможности знакомиться с ними. Принятие закона прошло не без трудностей, т. к. против него выступил президент А. Квасьневский, наложивший свое вето. Однако его удалось преодолеть благодаря коалиции ИАС, СС и ПСЛ.

Преодоление президентского вето нельзя отнести к числу типичных случаев согласованных действий членов коалиции. Напротив, скорее можно говорить о постоянных противоречиях и столкновениях в сейме большинства по самым разным вопросам: от персональных назначений до стратегии проводимого политического курса. Дело закончилось тем, что коалиция ИАС–СС распалась: министры, входившие в правительство от СС, подали в отставку. Но и в качестве правительства меньшинства

кабинет Бузека продолжил свою деятельность. Среди министров, попавших в состав правительства после распада коалиции, оказался Л. Качиньский, занявший пост министра юстиции и очень скоро приобретший популярность в связи со своей решительной борьбой с преступностью.

В целом же уровень поддержки правительства неуклонно падал. Одним из определяющих факторов явилось снижение темпов экономического роста, что, естественно, отражалось на уровне жизни населения. Беспрецедентно высоким был уровень безработицы, достигавший 16%. На этом далеко не спокойном фоне в правительстве один за другим возникали скандалы и конфликты. Несколько министров были изобличены в коррупционных связях.

Заканчивалось время правых, политический маятник неуклонно двигался в левую сторону.

II.6. ЛЕВИЦА ВНОВЬ ВО ВЛАСТИ

Несомненно, значимым успехом левых в начале нового столетия стала победа на президентских выборах 2000 г. А. Квасьневского. Его рейтинг за время пребывания во главе Польши был неизменно высок, поэтому ни у кого не было сомнений относительно будущего победителя. Тем не менее, президентскую гонку начал 21 кандидат. Правда, реальная борьба развернулась между тремя претендентами: Квасьневским, Кшаклевским и Олевским. Лидировал Квасьневский, которому, казалось, ничто не могло помешать. Ни вновь взятый на вооружение его противниками сюжет с неточной подачей сведений об образовании, ни обвинения в сотрудничестве со спецслужбами, ни даже, как его пытались представить пиарщики соперников, вопиющий инцидент в Калише. Суть последнего состояла в следующем: в 1997 г. во время визита в Калиш Квасьневский подговорил главу Бюро национальной безопасности М. Сивца пародировать некоторые моменты поведения папы Иоанна Павла II. Это выразилось в том, что Сивец, имитируя благословение, опустился на колени и поцеловал калишскую землю (так обычно поступал понтифик). Все это было заснято на камеру и в период избирательной кампании 2000 г. неоднократно показывалось избирателям.

Для Квасьневского этот инцидент не прошел бесследно. Он потерял несколько процентов голосов, что не помешало ему стать лидером президентской гонки и победить уже в первом туре, набрав 53,9% голосов. Его стремление стать «президентом всех поляков», предвыборный лозунг «Польша — наш общий дом», а также удачно прошедший первый президентский срок — нашли отклик у избирателей.

Отношение к Квасьневскому никогда не было однозначным. Его упрекали в неоправданной риторике, демагогии и отсутствии твердых убеждений. Но, вместе с тем, рейтинги Квасьневского были неизменно высокими, и по уровню популярности с ним не мог сравниться ни один польский политик.

Президентские выборы 2000 г. отличались высокой активностью избирателей, составившей более 61%, почти столько же, как в 1995 г. Наивысшей активностью была в Великой и Малой Польше, самая низкая была зафиксирована в восточных, достаточно слабо развитых регионах страны, на землях, некогда входивших в состав Российской империи. Именно здесь Квасьневский получил наименьшее число голо-

сов. Жители же западной Польши выразили свою поддержку кандидату левых наиболее активно.

На первый взгляд кажется парадоксальной популярность в стране, «уходящей от коммунизма», политика, который не скрывал своего коммунистического прошлого и, мягко говоря, не типичной для большинства поляков позиции в религиозном вопросе (т. е. атеизма). Но Квасьневский сумел четко расставить акценты в своем отношении к прошлому: он решительно осудил его ошибки и преступления, но не считал правомерным отнимать у себя и у многих других поляков права на будущее. Это будущее он определял как движение к рыночной экономике, демократии, европейской интеграции. Апеллируя к опыту европейской социал-демократии, этот прагматичный политик-реформатор сумел возглавить переход поляков «на другой берег» и доказать, что на другом берегу лучше, а назад пути нет. Человек в высшей степени общительный и коммуникабельный, знающий иностранные языки, он везде был «дома»: и в Польше, и в международных салонах. Прагматизм и реализм Квасьневского оказались в полной мере соответствующими духу времени и настроениям общества.

Успех лидера социал-демократии был развит и партией, сумевшей сделать правильные выводы из парламентских выборов 1997 г., когда социал-демократы, получив на 700 тыс. голосов больше, чем в 1993 г., не обеспечили себе парламентского большинства. Именно тогда, оценивая результаты выборов, социал-демократы пришли к мысли о необходимости перемен как в программе партии (предполагалось больший акцент сделать на сближении с идеалами европейской социал-демократии), так и в тактике (поиск новых форм связи с избирателями).

В декабре 1997 г. на III конгрессе были приняты «Программные тезисы», где содержалась критическая оценка политической системы ПНР: она определялась как тоталитаризм. В документе, в частности, говорилось: «Мы решительно осуждаем преступления, совершенные в период сталинизма, виновники которых не должны избежать справедливого наказания. Вместе с тем мы с признательностью и уважением относимся ко всем, кто добросовестно работал на благо Польши в те годы, когда она называлась Народной Польшей»¹⁰⁵.

В программе партия апеллировала к гуманистическим ценностям демократического социализма и к польскому патриотизму. В качестве своей социальной базы партия рассматривала «всех граждан, работников и работодателей, крестьян, пенсионеров и инвалидов», но прежде всего те социальные группы, тех граждан, которые по разным причинам не имели равных шансов на использование результатов экономического роста.

Исходя из того, что Союз демократических левых сил выполнил свою миссию, а также учитывая то обстоятельство, что по Конституции 1997 г. в выборах могли участвовать только партии, а не партийные коалиции, было принято решение о роспуске коалиции и создании новой партии с тем же названием, что и коалиция.

В апреле 1999 г. была подписана декларация о создании новой партии. Из 29 стоявших под ней подписей, 27 принадлежало участникам прежней коалиции. Пять членов коалиции, в том числе Польская социалистическая партия (ППС), в партию не вошли.

Первый конгресс СДЛС прошел в декабре 1999 г. под лозунгом «Новый век, новый СДЛС. Польше — социал-демократическая программа». На конгрессе были избраны руководящие органы партии — ее лидером стал Л. Миллер, генеральным секретарем — К. Яник. Этот конгресс стал настоящим триумфом Миллера: он не только сам

возглавил партию, но и все наиболее важные партийные посты заняли его сторонники. Это означало, что СДЛС формировался как партия «вождистского типа» со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, которые очень скоро проявились в полной мере.

Конгресс принял идейную декларацию «Наши традиции и ценности», а также «Программный манифест СДЛС». В декларации СДЛС определяла себя как левую партию, апеллирующую к традициям польского и международного социалистического и социал-демократического движения. Традиционно для польских левых было сформулировано отношение к прошлому — осуждение преступлений эпохи социализма сочеталось с признанием ценности труда миллионов поляков на благо Родины и в те тяжелые времена. В своих программных установках, касающихся экономических, социальных проблем, развития гражданского общества, преодоления бедности, СДЛС в принципе также достаточно традиционна для социал-демократической партии.

Несомненным политическим успехом СДЛС стали парламентские выборы 2001 г., которые вновь резко изменили конфигурацию польской политической сцены. На этот раз лидерами стали левые, а «хозяева» прежнего сейма — ИАС и СС — вообще не вошли в парламент.

Активность избирателей и на этот раз была на ставшем уже привычным «средне-низком уровне» — 46% (48% в 1997, 52% в 1993 и 43% в 1991 г.). Как и прежде, более активными были жители крупных городов, главным образом регионов Великой Польши и Малой Польши, наименьшей явка избирателей была в Верхней Силезии и Ополском воеводстве. По уровню активности лидировали избиратели с высшим образованием, аутсайдерами были безработные. Весьма пассивно повела себя молодежь — лишь 40% приняли участие в голосовании.

Победа левых ни для кого не была неожиданностью. Но, несмотря на безусловный успех (41,04% голосов и 216 мандатов в сейме), им нужно было блокироваться с другими политическими силами. Успех левых был бы еще более внушительным, если бы не зачитанное в костелах за неделю до выборов послание епископов, в котором только «самые ограниченные люди» (по выражению М. Раковского) не распознали бы рекомендации не голосовать за левицу. Не самым удачным было и выступление по телевидению одного из авторитетных экономистов, будущего министра в правительстве Л. Миллера — М. Бельки. Он откровенно рассказал о трудном экономическом положении страны и о намерении в случае победы СДЛС бороться за выход из него, в том числе и за счет увеличения налогов и сокращения пособий¹⁰⁶. Немаловажную роль в победе левых сил на парламентских выборах сыграли их очень сильные позиции в органах местного самоуправления. Они еще более усилились после выборов. Миллер перед началом выборов заявил, что если выиграет коалиция СДЛС и Союз Труда (СТ), то должности воевод займут исключительно люди коалиции. Правда, после выборов 11 мест вице-воевод из 22 пришлось все же отдать ПСЛ.

В «команде» министра администрации К. Яника практически все воеводы имели стаж работы в органах государственной администрации или самоуправления, большинство он знал лично. Миллер, вручая свидетельства о вступлении воевод в должность, подчеркивал, что новые руководители регионов должны чувствовать себя не представителями местной власти, а заместителями правительства. Таким образом, сложилась ситуация (как и при прежнем правительстве), когда местные власти были

связаны с определенными политическими силами, что, впрочем, не противоречило Конституции. Между тем «отец польской реформы самоуправления» Е. Регульский полагал, что воевода должен быть человеком премьера, а не представителем какой-либо политической силы. Более предпочтительной является практика (бытовавшая в Польше до войны) перевода по истечении определенного времени воеводы на аналогичную должность в другое воеводство¹⁰⁷.

Таким образом, сочетание факторов как благоприятствующих, так и препятствующих социал-демократии привело ее в итоге к необходимости поиска союзников в сейме. Одним из них стало ПСЛ. Сотрудничество с этой партией осложнялось ее особой позицией в вопросе участия Польши в процессах европейской интеграции: ПСЛ делала акцент на постепенность вхождения Польши в европейские структуры, на сохранение суверенитета страны. В. Павляк, несколько лет возглавлявший партию, уступил свое место Л. Калиновскому после удручающих для ПСЛ итогов парламентских выборов 1997 г., когда партия не набрала и 5% голосов (заметим, что в 1993 г. она получила 15%)*. В 90-е годы ПСЛ имела в сейме 42 мандата. Она вступала в коалицию с социал-демократами в 1993–1997 гг., и хотя это был трудный партнер, в сейме, избранном в 2001 г., СДЛС вновь пригласила людовцев в правительство.

Другим партнером СДЛС являлся Союз труда (СТ), партия, возникшая в 1992 г. в результате объединения нескольких политических группировок левой ориентации. СТ определял себя как социал-демократическую партию, апеллировал к традициям польского социалистического движения и опыту международной социал-демократии. В основу политической программы партии были положены такие ценности, как свобода, демократия, социальная справедливость, экономическая эффективность, солидарность, гражданское самоуправление, толерантность, уважение прав национальных меньшинств.

Особое место в программе СТ занимали проблемы мировоззренческой нейтральности государства, полного отделения церкви от государства, признания религии частным делом граждан. Правда, в известном смысле исключением стала позиция СТ по вопросу обучения религии в школах. В программной декларации 1999 г. отмечалось, что в силу исторических традиций страны преподавание религии допустимо, но сугубо на добровольной основе и без включения оценок по этому предмету в табель успеваемости.

В экономической части программа СТ ратовала за такую модель рыночной экономики, которая «гарантирует равенство шансов граждан и высокие темпы экономического роста... в которой господствуют рынок и частная собственность, но государство оказывает существенное влияние на распределение доходов...»¹⁰⁸.

СТ выступала по сути за «третий путь», соединяющий преимущества рыночной экономики с регулирующей ролью государства. Партия считала неоправданной всеобщую приватизацию, распродажу за бесценнок национальных богатств. В качестве «фундаментальных» задач государства СТ рассматривала социальную политику, в частности, обеспечение равных шансов в образовании, решение жилищной проблемы и проблем здравоохранения. Как и СДЛС, СТ была решительным сторонником всемерного развития европейской интеграции.

* В 2005 г. В. Павляк вновь занял пост главы партии.

На парламентских выборах 1993 г. СТ получила 7,3% голосов, что дало партии 41 место в сейме и одно место в сенате. Фракция СТ была четвертой по численности, его представители участвовали в работе всех парламентских комиссий¹⁰⁹. На парламентских выборах 1997 г. СТ не сумела преодолеть пятипроцентный барьер. На выборах в органы самоуправления в 1998 г. партия также выступила очень неудачно. Эта серия политических поражений вызвала кризис партии и смену руководства — прежний лидер О. Бугай уступил место М. Полю, часть активистов перешла в СДЛС.

Некоторые аналитики в Польше полагали, что само существование СТ — тактическая уловка СДЛС. Эта партия выражала крайние (по польским меркам) антиклерикальные и антinationалистические взгляды, чего не могла себе позволить СДЛС. Во всяком случае, в тех условиях СТ стояла перед непростой задачей: сохранить свое лицо, несколько отличное от СДЛС, и вместе с тем отказаться от крайностей, могущих разрушить коалицию с этой, несомненно, ведущей политической силой. Составив вместе с Союзом труда самую крупную парламентскую фракцию, СДЛС разделила ответственность за Польшу с фракциями ПСЛ (42 мандата), Гражданской платформы (65 мандатов), Права и справедливости (44 мандата), Лиги польских семей (38 мандатов), «Самообороны» (53 мандата) и партии немецкого меньшинства (2 мандата)¹¹⁰.

Новый век Польша встретила с президентом «социал-демократического происхождения» и с парламентом, где первую скрипку играли представители той же политической формации. Однако объективные условия, в которых приходилось действовать социал-демократам, были сложными, что связано в первую очередь с серьезными экономическими и социальными трудностями, переживаемыми Польшей в начале XXI в. Триумфальный полет «польского орла» к вершинам экономического развития в конце 90-х годов заметно осложнился. В 2000 г. темпы экономического роста Польши резко снизились (до 1%). Это был самый низкий показатель среди стран, стремившихся вступить в ЕС. В 2003 г. положение дел несколько улучшилось: был достигнут экономический рост на уровне 3%, но население это ощутило не сразу.

Среднестатистический поляк в начале XXI в. был в 2,5 раза беднее, чем его аналог в ЕС. Уровень благосостояния в Польше был в 2 раза ниже, чем в самых бедных странах ЕС — Португалии и Греции. Между тем в Словении уровень жизни составлял 72% от среднего по ЕС, в Чехии — 60, в Венгрии — 52%. Заметно сократились иностранные инвестиции: если в предшествующие годы они составляли около 10 млрд долл. ежегодно, то в 2001 г. — лишь 6,7 млрд долл., а в 2002 г. — не более 6 млрд долл. Причем это сокращение происходило на фоне роста иностранных инвестиций у соседей Польши — Чехии и Венгрии. Печальный рекорд принадлежал Польше и в уровне безработицы, который в 2002 г. достиг 19,3%, тогда как в среднем в странах-кандидатах в ЕС эта цифра составила около 12,5, а в самих странах ЕС — около 8,5%¹¹¹.

По мнению многих экономистов, причина трудностей польской экономики заключалась в низкой конкурентоспособности, обусловленной незавершенностью экономических реформ и структурной перестройки экономики. Бесконечное реформирование угольной и горнодобывающей промышленности, монополия в газово-энергетическом комплексе, обуславливавшая высокие цены на энергоносители, — вот главные беды польской экономики на тот момент. Ведущие экономисты и аналитики нового кабинета в январе 2002 г. обнародовали «Рапорт открытия», где подробно описывалось положение польской экономики в момент прихода к власти кабинета Л. Миллера. Авторы

документа основную причину кризиса усматривали в неверной, по их мнению, концепции предшественников, суть которой заключалась в «охлаждении» польской экономики путем снижения внутреннего спроса, как потребительского, так и инвестиционного, что должно было привести к снижению инфляции.

Новое правительство предложило свои меры по выходу из кризиса. При этом, как подчеркивал Л. Миллер, социал-демократы исходили из того, что экономика и государство — это не враги. Основой как эффективной экономики, так и эффективного государства должны быть свобода личности, социальная справедливость и экономическая эффективность. «Социальная рыночная экономика требует присутствия государства. Мы отвергаем либеральную концепцию государства, сводящую его роль к функциям ночного сторожа»¹¹². Как это ни парадоксально, правомерным представляется мысль обозревателя «Политики» Я. Парадовской: «Трагедия левого правительства состоит в том, что потенциальный экономический успех Польши зависит от того, сколько предвыборных обещаний не будет выполнено...»¹¹³. Экономика требовала уменьшения расходов государства, рационализации системы социального обеспечения, ограничения всевластия профсоюзов, т. е. всего того, что никак не вписывалось в рамки программы левой ориентации. Правительство должно было проводить либеральную политику, иногда для маскировки называемую прагматической. Очевидно, маскировка не удалась. Во всяком случае, в конце 2003 г. 83% поляков считали, что СДЛС не заботится о бедных и слабых; 72% полагали, что левые не слышат голоса общества, не помогают предприятиям, переживающим трудные времена, не облегчают старт молодежи из бедных семей, 63% респондентов считали партию социал-демократов партией нечестных людей. Только 40% поляков были уверены, что СДЛС — это действительно левые¹¹⁴. Таким образом, очевидно, что в глазах общества партия в значительной степени утратила свою левую идентичность.

Левые не сумели (так же, как и их предшественники) избавиться от коррупции. Ряд громких скандалов, свидетельствовавших о наличии этого порока во властных структурах, потрясли польское общество. После двух лет пребывания у власти Л. Миллер стал едва ли не самым большим разочарованием польской политики. Между тем в свое время он был одним из самых популярных лидеров в Польше*.

Эпоха «железного канцлера» (так называли одно время Миллера) закончилась довольно быстро. Хотя правительство Миллера достигло немалых успехов: значительно улучшилась ситуация в финансовой сфере, Польша сумела вступить в ЕС на выгодных для нее условиях, в чем была и личная заслуга премьера.

Осенью 2003 г. впервые после парламентских выборов левые в опросах общественного мнения уступили место правым партиям — «Гражданская платформа» (ГП) и «Право и справедливость» (ПиС). В последующий период, вплоть до выборов 2005 г. левые все более теряли политический вес, тогда как правые набирали его. В сейм после выборов 2005 г. левые прошли, но уже не представляли в нем значительной политической силы.

* Миллер — человек с биографией, несомненно, неординарной для руководителя ПОРП периода «заката социализма». Он начинал свой жизненный путь как рабочий на фабрике в Жирардове, потом «продвинулся по партийной линии», оказался в аппарате ПОРП, получил высшее образование. В конце 80-х годов он был секретарем и членом Политбюро ЦК ПОРП, ближайшим соратником М. Раковского, последнего руководителя партии.

Причины именно такого поворота событий на первый взгляд не очевидны. Ведь именно при левых Польша вступила в ЕС (2004 г.). Если в 2001 г. индекс экономического роста составлял 1%, то, начиная с 2002 г., он увеличивался на 3–5% ежегодно, а уровень инфляции постоянно снижался. Тем не менее многие сомневались в правильности избранного экономического курса, основанного на приватизации и рыночной экономике. В августе 2005 г. Центр исследования общественного мнения опубликовал данные, согласно которым 75% поляков считали, что приватизацию надо проводить медленными темпами и охватывать она должна отнюдь не всю экономику. А 85% респондентов были за сохранение за государством функций социальной защиты, что вполне соответствовало лозунгу 1980-х годов «социализм — да, искажения — нет»¹¹⁵.

Социальная политика правительства левых не оправдала ожиданий поляков, уровень их социальной защиты снизился. Пожалуй, можно констатировать, что польские социал-демократы, оказавшись у власти в 2001 г., проявили себя скорее как либералы, следуя при этом логике развития экономики, но изменяя своим идейным постулатам. Возможно, старая «левица» исчерпала себя. Хотя бы потому, что ее политический дискурс — это правильные, но мертвые, ничего не говорящие слова. Нужно, полагал главный редактор журнала «Политическая критика» С. Сераковский, нечто новое, по-настоящему понятное обездоленным людям (а именно их интересы должна отстаивать левица)¹¹⁶. Очевидно, в размышлениях Сераковского, претендующего на роль идейного лидера новой, еще не существующей, но «настоящей левицы», есть доля истины. Но не менее очевидно, что были и некие более приземленные и реальные причины кризиса (трудно оспаривать таковой) польских левых.

Одной из причин можно считать раздробленность, разобщенность левицы, несмотря на отчаянные попытки последней сплотиться, особенно в преддверии выборов. Это стремление к единству парадоксально сочеталось со стремлением лидеров (таких, как М. Боровский, Ю. Олексы, А. Фрасынюк и др.) возглавить свою, «истинно левую» партию. По мнению М. Боровского, процесс дробления политических партий является нормальным, естественным: «если звери не могут быть в одной стае, грызут друг друга, им надо разойтись... каждый зверь пойдет своей дорогой». Сам Боровский, очевидно, почувствовав себя таким «зверем», создал в 2004 г. Польскую социал-демократическую партию¹¹⁷. Боровской не имел достаточно серьезной поддержки в стране. Во всяком случае, на парламентских выборах 2005 г. его партия не набрала необходимого для прохождения в сейм числа голосов. В сейме оказалась лишь крупнейшая партия польской «левицы» — Союз демократических левых сил, насчитывающая 80 тыс. членов. Но это была уже не партия победителей.

II.7. Правый поворот.

«ГРАЖДАНСКАЯ ПЛАТФОРМА» — ПАРТИЯ ПРАГМАТИКОВ

Начало XXI в. стало и началом нового этапа в жизни польской правицы. Коалиция правых сил — «Избирательная акция „Солидарность“» — пребывала в явно кризисном состоянии, не лучшие времена переживал и Союз свободы. В декабре 2000 г. СС покинул его председатель Л. Бальцерович, возглавивший Национальный банк. В ходе выборов нового лидера основная борьба развернулась между Д. Туском и Б. Геремеком.

Туск проиграл и очень скоро покинул ряды СС, для того, чтобы реализовать новый политический проект.

Используя успех А. Олеховского, получившего на президентских выборах 2000 г. 17,3% голосов, Туск и его единомышленники решили на основе избирательных комитетов А. Олеховского создать новую партию — «Гражданская платформа» (ГП), позиционирующую себя как «партию людей центра», способную лучше, чем ее идейная предшественница — Союз свободы — выражать «проевропейские, прорыночные, проинтеллигентские интересы». В 2001 г. партия была зарегистрирована.

Дональд Туск — историк по образованию, выпускник Гданьского университета, соавтор нескольких популярных исторических работ и десятков статей по общественно-политической проблематике, букваря на кашубском языке, а также одной из программных книг польских либералов «Идеи гданьского либерализма». Туск с самого начала своей политической деятельности был связан с оппозиционным движением, с «Солидарностью». С 1991 г. он становится лидером партии Либерально-демократический конгресс, после объединения его с Союзом свободы — заместителем председателя СС. В 2001 г. он стал одним из основателей ГП. Парламентарий со стажем, Д. Туск был депутатом сейма в 1991–1993 гг., вице-спикером сейма и сенатором, в 2007 г. возглавил правительство. Своим политическим кумиром Туск считает Ю. Пилсудского, столь далекого от либерализма. С настоящим пиететом он относится к Иоанну Павлу II, считая, что «поляки счастливый народ уже потому, что они ассоциируются в истории не с именами Гитлера и Сталина, а с именем К. Войтылы»¹¹⁸. Лидер польских либералов понимает либерализм как максимально достижимое стремление к свободе, за которую стоит побороться и о которой следует заботиться¹¹⁹.

У истоков ГП помимо Туска и Олеховского стоял еще один видный политик — М. Плажиньский. Очень скоро их окрестили в Польше «тремя тенорами» (по аналогии с известными певцами Карреросом, Доминго и Паваротти). ГП не совсем традиционно определяла свое место на политической сцене. В своей идейной декларации, как это ни парадоксально звучит, она заявила о своем скептическом отношении к партиям и «партизации» политической жизни современной Польши. Не случайно новое политическое образование называлось «платформой», а не партией. Но раз уж без политических партий не обойтись, ГП выражала готовность побороться за свои идеалы именно в этой ипостаси¹²⁰. ГП отличается еще одной особенностью — она не акцентирует вопросы идеологии. В ее документах можно найти набор самых разных ценностей и принципов (свобода, ответственность, традиции, солидарность и так далее), которые не выстраиваются, тем не менее, в стройную идеологическую схему. Это универсальная «партия для всех»¹²¹.

ГП сознательно позиционирует себя как партию неидеологическую. Туск неоднократно заявлял о своем неприятии громких слов и великих идей. «Я горжусь, — отмечал он в частности, — что создал партию и нашел людей, которые понимают, что истинное величие достигается, если можно так выразиться, нестигаемым упорством, а настоящие катастрофы бывают результатом великих проектов. Я буду делать все, чтобы защитить Польшу от великих проектов, великих вождей и великих авантюр. Я полагаю, что поляки ожидают, прежде всего, улучшения своей жизни»¹²². «Теплая вода в кране, — замечает Туск, — вместо пафосных морально-политических ценностей все более ценится формирующимся в Польше средним

классом»¹²³. В этой «неполитичности» платформы можно, очевидно, усмотреть приемы политического маркетинга.

В своей программной декларации ГП на первый план выдвигала проблему занятости (что вполне закономерно в условиях роста безработицы в стране). Ключ к ее решению ГП видела в развитии среднего и малого предпринимательства, полагая, что крупные предприятия, как частные, так и государственные не решают проблемы. В странах ЕС малые предприятия (с числом занятых до пяти человек) дают работу в неаграрном секторе 39% работающих, в Польше — только 23%¹⁴⁰.

Поставленная цель могла быть достигнута, по мысли деятелей ГП, преодолением бюрократических препон в развитии среднего и малого бизнеса; снижением затрат на предпринимательскую деятельность (в том числе и за счет уменьшения выплат по больничным листам и сверхурочных); восстановлением равновесия в отношениях работников и предпринимателей (в основном в направлении предоставления больших прав работодателям). ГП выступала как решительный сторонник единого для всех 15%-ного подоходного налога, позволяющего преодолеть стремление многих предпринимателей утаивать свои доходы и помочь экономическому росту.

Одну из ключевых проблем страны ГП видела в построении сильного государства. Последнее рассматривалось не как «общее предприятие, в котором распределяется доход, созданный гражданами», но как «система помощи и поддержки для граждан». Социальная защита, здравоохранение и образование — таковы основные обязательства государства перед гражданами. Государство, по мысли идеологов ГП, не может уклоняться от помощи беднейшим своим гражданам, тем более что в Польше уровень помощи бедным и обездоленным ни в коей мере не соответствовал представлениям о цивилизованной стране.

Особое «стратегическое» значение придавала ГП развитию образования, утверждая, что каждый поляк, независимо от материального положения, должен иметь возможность получать образование, в соответствии с «гибкими» программами, но при контроле его качества. Проблема образования в представлении ГП неотделима от развития науки, тем более, что «цивилизационное отставание Польши связано с недостаточным использованием нашего интеллектуального потенциала»¹²⁵. Предлагая меры по усилению роли государства, ГП вместе с тем проводило идею ограничения его компетенции путем совершенствования избирательной системы, системы самоуправления. Партия настаивала на «распартийнении» государственных структур, ограничении числа назначаемых чиновников, с тем чтобы возникали условия для формирования «аполитичного и профессионального класса управленцев»¹²⁶.

Образно суть программы ГП выразил еще в 2001 г. М. Плажиньский, критикуя действовавшее в то время правительство социал-демократов: «Лешек Миллер говорит: стоит нам захотеть и на вербе вырастут груши. У нас очередной великий садовник. А мы хотим, чтобы груши росли на грушевых деревьях, а вербы украшали польский пейзаж. Мы предлагаем программу для нормальных людей, желающих жить в нормальном государстве»¹²⁷. В сейме, избранном в 2001 г., ГП, набравшая 12,68% голосов, была второй после СДЛС, от коалиции с которой она отказалась, тем самым избрав для себя место на скамьях оппозиции. Она активно критиковала правительство Миллера, вменяя ему в вину сращивание партии и государства, ставила вопрос о вынесении ему вотума недоверия, активно участвовала в расследовании коррупционных скандалов.

Общество оценило оппозиционную деятельность ГП: в 2003 г. в опросах общественного мнения эта партия впервые обогнала левых. Несомненным успехом ГП стали и выборы в Европарламент, в ходе которых партии удалось получить лучший результат.

К 2005 г. стало ясно, что на польской политической сцене произошли серьезные перемены: главными противоборствующими сторонами стали не посткоммунисты (в лице социал-демократов) и их противники справа, а две правые партии — ГП и ПиС. Как замечает польский ученый А. Антошевский, в основе конфликта «было не отношение к коммунистическому прошлому (как ГП, так и ПиС оценивали его негативно, настаивая на продолжении процессов декоммунизации и люстрации), не проблема ценностей (обе партии признают христианские ценности как основу общественного порядка). Основой конфликта стала проблема интервенционизма государства в экономику. В этом, социоэкономическом измерении, ГП занимала более рыночные позиции, тогда как ПиС — более этатистские»¹²⁸.

На выборах 2005 г. ГП стала второй, уступив первенство партии «Право и справедливость», хотя по всем прогнозам должна была стать лидером. Она набрала 24,14% голосов, а ПиС — 26,99%. Больше всего голосов ГП получила в Поморском воеводстве, Нижней Силезии, Познани и Варшаве. Именно в 2005 г. впервые в польской политике активно стала пропагандироваться идея конфликта между «Польшей солидарной» (на олицетворение ее претендовала ПиС) и «Польшей либеральной», доставшейся на долю ГП и явно не способствовавшей ее популярности. В том же году ГП потерпела еще одно неожиданное поражение: в президентских выборах ее кандидат Д. Туск проиграл во втором туре кандидату ПиС Л. Качиньскому.

Не удалось реализовать, казалось бы, вполне жизнеспособную идею, заключающуюся в тезисе: «Президент — Туск, премьер — из Кракова». Премьером должен был стать Я. Рокита, ближайший соратник Туска в эти годы. После ухода из партии таких ярких личностей, как П. Пискорский, М. Плажиньский, З. Гиловская именно Туск и Рокита стали главными фигурами в ГП. Звезда Рокиты засияла на политическом небосклоне особенно ярко после его удачной деятельности в комиссии по расследованию «аферы Рывина», ставшей одним из наиболее громких политических скандалов того времени. Суть ее состояла в том, что одна из ключевых фигур медийного рынка в Польше Л. Рывин пытался получить взятку у медийного концерна «Агора», владеющей одной из самых популярных в Польше «Газетой выборчей», обещая со своей стороны, что обсуждавший в тот время в сейме проект закона о СМИ будет принят в благоприятном для планов «Агоры» звучании. При этом он намекал, что за ним стоит премьер Л. Миллер. Участвовавший в этих переговорах А. Михник не только не пошел на сделку, но и тайно записал разговор с Рывиным, а через некоторое время сделал его достоянием гласности.

Рокита, человек с типичной для политика нынешней Польши биографией, был в первые годы XXI в. весьма заметной политической фигурой*. В 2003 г. он был признан

* Я. Рокита еще со студенческих лет участвовал в оппозиционной деятельности, едва не был интернирован в 1981 г.: ему удалось бежать, переодевшись в женское платье. В 1989 г. он был членом Гражданского комитета при Валенсе, в 1990 г. избирается депутатом сейма, позднее участвовал в создании Демократического союза и Союза свободы. В 1997 г. Рокита вступил в Консервативно-крестьянскую партию и некоторое время возглавлял ее, в 2001 г. стал членом ГП.

«человеком года» влиятельным польским журналом «Впрост», по рейтингу он тогда уступал лишь А. Квасьневскому. Своей популярности политик был обязан броским лозунгом «Ницца или смерть», который он выдвинул во время обсуждения конституции ЕС (см. ниже), а также борьбой за выгодные для Польши условия членства в ЕС. Правда, аналитики упрекали Рокиту в популизме, но это совсем его не смущало. Он был олицетворением профессионализма, культуры и консервативных ценностей. Уже сам факт принадлежности его к краковской интеллигенции, апелляция к традициям межвоенной Польши многое значили.

Однако ни привлекательная идея сочетания гданьского либерализма и краковско-го консерватизма, ни многочисленные билборды с изображением Туска и его предвыборным лозунгом «Туск — человек с принципами» не сработали. За ГП, как и за ее лидера Д. Туска, голосовали в основном жители крупных городов. Столь близкая победа не реализовалась во многом потому, что против Туска выступили многие представители духовенства.

Проигрыш ГП был тем более досадным, что в первом туре Туск опережал соперника почти на 9%. Но в период между первым и вторым туром ПиС удачно использовала против Туска широко обсуждаемый факт службы его деда в вермахте в годы Второй мировой войны. Правда, как оказалось, это был не родной, а двоюродный дед, и служил он не добровольно, а по призыву как гражданин Германии (включенные в 1939 г. в состав Германии земли польского Поморья были признаны немцами частью своего государства, а жители — немцами, но низшей категории. Кашубов и поляков подчас насильно заставляли декларировать себя немцами, хотя далеко не все на это шли). Радикально-католическое «Радио Мария» призывало с опаской относиться к Туску, как к кашубу и почти немцу.

В итоге, проиграв и парламентские и президентские выборы, ГП перешла в оппозицию. Предполагаемый союз ПиС и ГП не состоялся. Более того, партии, в программах которых было немало общего и которые даже сотрудничали на выборах в органы местного самоуправления, начали ожесточенную борьбу между собой.

Неудачное, хотя и недолгое (с мая 2006 до августа 2007 г.) коалиционное правление ПиС и популистских партий «Самооборона» и «Лига польских семей», сопровождавшееся настоящей «охотой на ведьм» в среде оппозиции, а также рядом скандалов с участием членов правительства, привело к самороспуску сейма.

На досрочных выборах 2007 г. политическая удача сопутствовала ГП, она получила 41,5% голосов. Это наилучший результат за всю предшествующую историю III Речи Посполитой, к тому же полученный в условиях самой высокой после 1989 г. избирательной активности — 53,58%¹²⁹. Кампания 2007 г. была проведена партией Туска на высоком профессиональном уровне. Четкое деление на «черное и белое», где «черным» была ПиС, а «белым», естественно, ГП, умелое использование СМИ, эффектное разоблачение ошибок и промахов политического конкурента — все это работало на успех ГП.

Весьма удачным оказался отказ ГП от четкого идеологического самоопределения. Прагматический лозунг — «Чтобы людям жилось лучше. Всем» — казался особенно привлекательным на фоне чрезмерной идеологизации ПиС. Именно такой подход привлек тех избирателей, которые были далеки от идеологических проблем, вызывающих недоверие и отторжение, прежде всего молодежи.

В программе, принятой перед выборами 2007 г., Туск призывал избирателей выбирать между западноевропейским уровнем жизни, демократическими стандартами и «склоками, балаганом и восточноевропейской моделью демократии». «Сегодня, — заявлял политик, — ставкой на выборах является просто благосостояние»¹³⁰.

В преддверии выборов Д. Туск пытался убедить поляков, что они заслуживают «экономического чуда». Нужно только всем сплотиться во имя достижения реальных целей: строительства новых дорог и жилья, выравнивания уровня жизни в городе и деревне, обеспечения нормальных условий труда. «Мы предлагаем, — заявлял Туск, — всем политическим силам, правым и левым, обеспечить Польше западноевропейский достаток и стабильность»¹³¹.

ГП опередила ПиС почти на 10%. За «Право и справедливость» голосовали в основном в менее развитых в экономическом отношении южных и восточных регионах страны. За более либеральную и модернистскую ГП — в западных районах, крупных городах. Концепция ПиС, согласно которой исход выборов определяют малые города и деревни, не оправдалась.

После убедительной победы на парламентских выборах «Гражданская платформа» сформировала правительство, главой которого стал Д. Туск. Но и после этого конфликт ГП и ПиС не только не затих, но, пожалуй, принял еще более жесткий характер настоящей «польско-польской войны».

Трудно говорить об особых успехах и прорывах в деятельности правительства Туска, но несомненным его достоинством была более спокойная, чем прежде, атмосфера в стране. Конечно, Туску нелегко было работать в условиях, когда президент страны Л. Качиньский являлся неформальным лидером оппозиции*.

Между президентом и премьером постоянно возникали противоречия и конфликты. Л. Качиньский никак не мог смириться со своей несамостоятельностью в международных делах, хотя по Конституции именно правительство отвечает за внешнюю политику. Иногда несогласованность действий двух лидеров государства принимала курьезный характер. Туск не давал Качиньскому самолета для полета в Грузию в августе 2008 г. Когда же президент все же попал в Тбилиси, то выступил с речью, содержание которой и премьер, и сопровождавший президента в его поездке министр иностранных дел Польши Р. Сикорский, оценили как личное мнение Качиньского, а не официальную позицию Польши. Сикорский, в отличие от президента, придерживался более умеренных взглядов. Л. Качиньский во время полета в Тбилиси даже шутил, что русские не подбьют самолет, так как на борту Радек Сикорский.

Без особого энтузиазма отнесся к заявлениям Качиньского и премьер-министр Д. Туск, заметив, что Качиньский сказал в Тбилиси «несколько лишних слов», которые не соответствуют интересам Польши.

С большой долей скепсиса отнесся премьер и к визиту Л. Качиньского в Грузию в ноябре 2008 г. в связи с празднованием годовщины «революции роз». Именно во время этого визита кортеж польского президента был обстрелян при попытке приблизиться к осетино-грузинской границе. К счастью, никто не пострадал. Будущий президент

* После досрочных президентских выборов 2010 г. ситуация изменилась: президентом стал Б. Коморовский, соратник Туска по партии. Таким образом, и президент, и премьер представляют одну политическую силу.

Б. Коморовский неосторожно заявил в связи с этим инцидентом: «каков визит — таково и покушение», что впоследствии дало повод Я. Качиньскому утверждать, что Коморовский всегда хотел смерти Л. Качиньского.

Проблемы с самолетами постоянно преследовали президента и премьера. В октябре 2008 г. Туск отказал Качиньскому в возможности использовать правительственный самолет для поездки в Брюссель на саммит ЕС. Президент все же полетел, арендовав чартерный рейс. Позднее, когда авиакомпания предъявила счет в канцелярию правительства, Туск отказался оплачивать рейс.

Президент и премьер не находили общего языка и в вопросе о размещении на территории Польши американских ПРО. Качиньский был большим энтузиастом американского военного присутствия в Польше, Туск проявлял в этом вопросе некоторую сдержанность. Когда в сентябре 2009 г. американский президент Обама отказался от прежде согласованных с польской стороной планов размещения элементов ПРО, Качиньский обвинил в этом Туска.

Несмотря на эту нескончаемую борьбу президента и премьера, рейтинги Туска и его правительства в 2010 г. были достаточно высоки, достигая почти 50%. Весьма прочным выглядело и положение ГП на политической сцене. Это одна из самых многочисленных польских партий: в 2010 г. в ее рядах было 46 тыс. человек (в 2007 г. — 28 тыс.), в то время как в ПиС 22 тыс. членов.

II.8. ПАРТИЯ «ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ» И «ПОЛЬСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА»

Партия «Право и справедливость» возникла в 2000–2001 гг. в момент кризиса и распада коалиции правых партий и движений «Избирательная акция „Солидарность“». Это было время, когда вторым человеком в стране (после А. Квасьневского) по уровню популярности являлся Лех Качиньский. Будучи министром юстиции в правительстве Е. Бузека, он снискал славу неподкупного борца с коррупцией. Используя благоприятную конъюнктуру, Л. Качиньский, его брат Ярослав и Л. Дорн основали новую партию «Право и справедливость», уже само название которой подчеркивало ее главные цели. В числе политических составляющих партии было Соглашение Центрум, Движение возрождения Польши, часть политиков из ИАС, Союз правицы.

Новая партия выступала за «оздоровление правицы», за очищение польской политики от коррупционеров и вообще за санацию государства.

Главной задачей своей политической деятельности ПиС называла создание сильного государства, апеллирующего к конкретным историческим традициям: «Первой Речи Посполитой, борьбы за независимость в период разделов, II Речи Посполитой, борьбы против немецких и советских оккупантов в годы Второй мировой войны, а также... борьбы против коммунистического правительства в Польше, в частности борьбы „Солидарности“»¹³².

ПиС декларировала себя как консервативную партию, поддерживая традиционные ценности, выступая за сильное государство, развитие рынка и частного предпринимательства.

Итоги выборов 2001 г. показали, что появление в тот период именно такой партии соответствовало ожиданиям части поляков. Ей отдали свои голоса более 9% избирателей, главным образом благодаря популярности Л. Качиньского. Он и возглавил ПиС. По мысли основателей партии, она должна была отличаться мобильностью и поэтому была достаточно закрытой, элитарной и контролируемой руководством.

Позднее (в 2003 г.) было решено преобразовать ПиС в массовую организацию. Тогда же, в связи с избранием Л. Качиньского президентом Варшавы, ее возглавил Я. Качиньский.

В годы пребывания в оппозиции ПиС неустанно критиковала коалиционное правительство социал-демократов и Польской крестьянской партии, обвиняя министров в коррупции и связях с преступным миром, а в 2003 г. даже требовала отставки правительства. Правда, это требование было отклонено сеймом, хотя обвинения в адрес левых не были лишены оснований.

В 2005 г. ПиС пересмотрела свою партийную программу, акцентировав требования отказа от ошибочного курса развития страны, выбранного в 1989 г., и перехода к строительству новой Польши. По мысли авторов программы, в Польше вместо народного, всеобщего капитализма возник «посткоммунистический политический капитализм», люди, связанные с прежней системой сохранили свои позиции, а жертвой такого порядка вещей стало польское государство¹³³. В связи с этим в качестве задач первоочередной важности определялись коренное переустройство государства, изменение социально-экономической политики с упором на интересы широких слоев общества, придание ей «морального измерения». Условием успеха должно было стать согласие всех поляков на базе одной идеи: «Плодами экономического роста должны пользоваться все поляки, а не только узкая группа самых богатых людей». Авторы проекта предлагали «исправление государства», понимая под этим его очищение и укрепление. Очищение рассматривалось как отказ от наследия ПНР, а укрепление — как создание сильного государственного аппарата, способного реализовать свою основную функцию — обеспечить широко понимаемую безопасность граждан.

В пропагандистской деятельности ПиС активно использовалась идея IV Речи Посполитой, сформулированная политологом Р. Матыей и социологом П. Спевакком. Суть этой идеи в следующем: отказаться от обанкротившейся идеи «круглого стола» о соглашении старой и новой властных элит как политической основы III Речи Посполитой и приступить к строительству новой Польши. Для этого необходимо: познать подлинную историю последних 50 лет, что невозможно без люстрации и декommунизации; очистить государство от партократии, протекционизма, коррупции, которые, как и в ПНР, остаются его основой; создать реальную демократию, при которой решения действительно принимаются парламентом; внести изменения во внешнюю политику, направленные на обретение Польшей должной позиции в европейских структурах.

Идеи IV Речи Посполитой оказались близки многим полякам. На парламентских выборах 2005 г. ПиС добилась серьезного успеха, получив относительное большинство в 26,99% голосов (ГП — 24,14%, «Самооборона» — 11,41%, Союз демократических левых сил — 11,31%, Лига польских семей — 7,97%, Польское стронництво людове — 6,96%).

В сейме ПиС не имела большинства, необходимого для самостоятельного руководства страной. Нужно было искать союзников. До выборов 2005 г. в качестве таковых

рассматривались политики «Гражданской платформы». Но после успеха ПиС предпочла других, не столь сильных союзников. Ими стали откровенно популистские партии «Самооборона» и Лига польских семей.

Заклучив эту коалицию, ПиС получила возможность создать правительство большинства, но союз с популистами способствовал формированию в сознании многих поляков, особенно интеллигенции, едва ли не одиозного облика ПиС.

Первым премьером коалиционного правительства стал К. Марцинкевич, достаточно популярный в обществе и вполне самостоятельный в принятии решений политик. Но буквально на пике популярности Марцинкевич был отправлен в отставку. В июле 2006 г. его сменил Я. Качиньский. Возможно, именно успех Марцинкевича на посту главы кабинета стал причиной быстрого заката его карьеры в качестве премьера.

2005 год принес еще одну победу братьям Качиньским. Ею стало избрание Леха президентом Польши. Он убедительно выиграл в традиционной Польше, в ее восточных районах, где сильно влияние церкви, где ожидают помощи от государства, с недоверием относятся к слову «либерализм» и всему, с ним связанному. На севере и западе, кроме Нижней Силезии, голосовали за Туска¹³⁴.

В принципе большие города голосовали за Туска, но в «Польше Качиньского» за него проголосовали и горожане, и интеллигенция. Ни образование, ни уровень доходов, ни пол, ни возраст не оказались в состоянии изменить принципиальной позиции электората, консервативного видения мира. Не следует забывать, что была еще и «третья Польша», вообще не пошедшая голосовать.

После выборов 2005 г. вся полнота власти оказалась сосредоточенной в руках братьев Качиньских. Проводимая ими политика, якобы преследующая благие цели — очищение государства и моральное обновление общества, — в реальности оказалась политикой недоверия, подозрительности и преследований. Апофеозом ее стал закон о люстрации, принятый в 2006 г., по которому проверке подлежало 700 тыс. человек, родившихся до 1 августа 1972 г. Подача неточных сведений о себе была чревата запретом на профессию. Правда, закон не вступил в действие в полном объеме, ибо часть его статей была признана несоответствующими конституции. Неоднозначной была и деятельность созданного в 2006 г. Центрального антикоррупционного бюро: нередко борьба с коррупцией превращалась в борьбу с политическими противниками.

Деятельность коалиции оказалась недостаточно эффективной, и в 2007 г. она распалась. Поскольку других партнеров у ПиС для создания правительства не было, сейм был распущен. Досрочные выборы оказались неудачными для ПиС, ее депутатом пришлось пересест на скамьи оппозиции.

Оказавшись в оппозиции, ПиС пыталась выработать новую тактику, изменить свой политический имидж, модернизировать его. На прошедшем в начале 2009 г. съезде ПиС царил атмосфера толерантности, интеллигентности и готовности к компромиссу. Глава партии, известный своим, мягко говоря, не очень благосклонным отношением к интеллигенции, попросил в своем выступлении прощения у «настоящей интеллигенции», подчеркнул, что ПиС — это и есть партия интеллигенции. Вместе с тем, Я. Качиньский не преминул отметить приверженность партии к христианским и национальным ценностям: «Мы воспринимаем личность, — заявил он, — в категориях христианских... как нечто, неразрывно связанное с общностью... Человек живет в на-

циональной, а также семейной общности. Это две основные общности. И только в них можно найти нечто, придающее смысл жизни»¹³⁵.

Примечательно, что и политические противники ПиС прекрасно отдают себе отчет в важности для поляков сохранения национальных и патриотических традиций. И ГП, и ставший в 2010 г. президентом кандидат от этой партии Б. Коморовский вообще не собирались отдавать эту тему на откуп ПиС. Так, во время избирательной кампании Коморовский посетил музей Варшавского восстания, возложил цветы к табличке, посвященной памяти Т. Бур-Коморовского. Коморовский заявил: «Я хотел показать свое несогласие с попытками использовать традиции борьбы за независимость, традиции „Солидарности“ в политических целях. Мы все имеем право на эти традиции. Каждый из нас, какую бы фамилию он не носил, а Коморовские — в особенности»¹³⁶. Туск также не был готов согласиться с попытками ПиС присвоить себе высокие патриотические чувства и эмоции. ГП настойчиво апеллирует к этим ценностям. «Сейчас уже не всякий, — замечает глава ГП, — кто поет гимн со слезами на глазах, вывешивает национальный флаг, имеет дома портрет Пилсудского и иногда тоскует по ягеллонской эпохе, является избирателем ПиС. Сегодня таким может быть и сторонник ГП»¹³⁷.

И все же в целом можно констатировать, что сущностных перемен в идеологии ПиС не произошло, как не произошло перемен в особом стиле бытия этой партии, характеризующегося в определенном смысле «вождизмом». Определяя место ПиС на польской политической сцене, аналитики говорят не только о «вождистской» партии, но и о партии тоталитарной, представляющей угрозу для польской демократии. ПиС называют «большевиками III Речи Посполитой»¹³⁸.

Я. Качиньский проиграл на президентских выборах 2010 г. кандидату от ГП Б. Коморовскому. Неудачными для ПиС оказались и итоги выборов в органы местного самоуправления в ноябре–декабре того же года. Партия потеряла почти половину своего электората, хотя наибольшая избирательная активность наблюдалась в восточных регионах страны, т. е. именно там, где традиционно голосуют за ПиС. Партии не удалось победить ни в одном крупном городе за исключением Радома¹³⁹.

После президентской компании 2010 г. Я. Качиньский вел ожесточенную борьбу с президентом Коморовским и премьером Туском, обвиняя их в сервилизме по отношению к России и проведении политики, не соответствующей польским национально-государственным интересам. При этом глава «Права и справедливости» решительно избавлялся от тех членов партии, которые казались ему недостаточно лояльными. Жертвами борьбы за сплочение рядов стали руководители президентской компании Качиньского И. Ключик-Ростковска и Э. Якубяк. Их исключили из партии. Многие политики, издавна связанные с ПиС, покинули ее ряды, не приемля навязанный ей Я. Качиньским агрессивный и бескомпромиссный стиль деятельности.

Изгнанные из ПиС Ключик-Ростковска и ее единомышленники создали новую партию — «Польша превыше всего» (ППВ), используя для названия предвыборный лозунг Я. Качиньского. ППВ не отрекалась от идейных установок ПиС, особо ценя наследие Л. Качиньского. Вместе с тем, ППВ решительно отвергала методы ПиС, излишне эмоциональные, конфронтационные и авантюристские.

ППВ причисляет себя к числу консервативных партий, идеология которых зиждется на христианской и республиканской традициях. К числу основополагающих ценностей она относит широко понимаемую свободу (экономическую, свободу совести,

свободу слова), указывая при этом на важность общественной солидарности¹⁴⁰. ППВ активно создает региональные структуры и надеется на свое парламентское будущее, однако объективная реальность не дает оснований для большого оптимизма.

II.9. Левица в оппозиции

В начале 2000-х годов в руководстве СДЛС произошла череда серьезных кадровых перестановок: в 2004 г. Л. Миллер уступил свое место К. Янику, одному из своих ближайших соратников, очень скоро Яника сменил Ю. Олексы. В 2005 г. настала очередь молодых, партию возглавил В. Олейничак, а генеральным секретарем стал Г. Наперальский.

В программной декларации 2005 г. Союз апеллировал к ценностям современной социал-демократии, официально отрекаясь от своих коммунистических корней. Он не считает себя наследником Социал-демократии Республики Польша, хотя значительная часть его членов входила в ее состав, как и в Польскую объединенную рабочую партию. СДЛС, декларируя признание принципов рыночной экономики при условии придания ей «социального измерения», отвергает неолиберальную модель государства и экономики, стремится к тому, чтобы «ценности левицы и общественная солидарность ограничили всеобщий эгоизм, предлагаемый полякам демагогическими и популистскими правыми партиями». Будущее Польши партия видит на пути реализации целей, выдвигаемых ЕС, — безопасность, благосостояние и создание условий для развития каждого человека. Приоритетными задачами своей деятельности она считает борьбу с безработицей, обеспечение высоких темпов экономического роста строительство толерантного, светского и мировоззренчески нейтрального государства. В международной политике Союз однозначно выступает за укрепление ЕС, общую европейскую политику и против изоляционизма¹⁴¹.

На парламентских выборах 2007 г. левые объединились в коалицию «Левица и демократы» (ЛиД), куда вошло несколько социал-демократических группировок: СДЛС, СТ, Польская социал-демократическая партия, Демократическая партия (ДП). ДП — партийное объединение, созданное в 2006 г. для совместного проведения избирательной кампании в органы самоуправления и сохраненное для проведения парламентских выборов. Лидером группировки был А. Квасьневский. На выборах ДП получила более 12% голосов, но жизнь ее была недолгой: уже весной 2008 г. коалиция распалась и ее парламентская фракция прекратила свое существование. После неудачи коалиции А. Квасьневский покинул «большую политику».

Левица, некогда гордившаяся своей сплоченностью, во многом обеспечивавшей ей политические успехи, в первой декаде XXI в. демонстрировала скорее разобщенность. В самой крупной левой партии, СДЛС, четко обозначилось противостояние двух лидеров — Г. Наперальского и В. Олейничака. Г. Наперальский (его отец был инструктором воеводского комитета ПОРП) старался соответствовать новым политическим веяниям. Он разделял взгляды С. Сераковского и его журнала «Политическая критика», представляющего идеи «новой левицы», борющейся за «настоящую», «аутентичную» левую идеологию. Будучи профессиональным политиком, он огромную роль отводил пиару и был не очень тверд в отстаивании своих позиций, заботясь прежде всего о со-

ответствии требованиям текущего момента. Именно на Г. Наперальского ориентировалась молодежь в СДЛС.

Другая группа, возглавляемая В. Олейничак (лидером парламентской фракции), была связана с политиками скорее старшего поколения: Е. Шмайдинским, К. Яником и другими деятелями левицы еще из «команды Л. Миллера». Политический кумир В. Олейничака — словацкий политик Р. Фицо, являющийся сторонником классической западно-европейской социал-демократии. Это крыло СДЛС продолжало линию А. Квасьневского, больше заботясь о демократическом, чем о левом имидже партии. Сторонники В. Олейничака тяготели к взаимодействию с ГП, придавая этому союзу чрезмерное значение в ущерб своей левой идентичности.

«Войны» Г. Наперальского и В. Олейничака явились первым конфликтом такого масштаба в рядах польской левицы, хотя противоборство бывало и прежде. У каждой стороны были свои сторонники и противники, свои «группы интеллектуальной поддержки».

Звезда левых близилась к закату на политическом горизонте. Но неожиданно для многих она вновь четко обозначилась во время президентской кампании 2010 г. Избирательная кампания кандидата от СДЛС Наперальского, казалось, была обречена на провал. Его не поддержал один из авторитетов польской левицы А. Квасьневский, другой «человек левицы» В. Чимошевич открыто выступил на стороне Коморовского.

В начале кампании Наперальского иной раз просто не узнавали избиратели: он не относился к числу «раскрученных» политиков. Его действия временами вызывали усмешки: в частности, когда он по утрам встречал идущих на смену рабочих и раздавал им яблоки. Но со временем ситуация изменилась. Кандидат без усталости ездил по стране, встречался с избирателями, боролся за расположение молодежи. Для многих поляков весьма привлекательной была антиклерикальная направленность его программы. И успех пришел к молодому политику. Он набрал больше 10% голосов, выйдя на третье место, правда, с большим отрывом от лидеров. Свою молодость Наперальский активно подчеркивал как одно из достоинств, которым не обладал ни один из кандидатов в президенты. Действительно, Наперальскому, родившемуся в 1974 г., единственному из всех кандидатов в президенты не пришлось даже подавать о себе сведений из люстрационного суда.

В его предвыборной программе откровенно говорилось: «скажу нескромно. Я выделяюсь по двум параметрам. Во-первых я единственный молодой человек на этих выборах. Выбор Наперальского — это конец старой политики, конец польско-польской войны, конец лицемерия и бесконечных споров. Во-вторых, я единственный кандидат, знающий проблемы простых людей»¹⁴².

Как некогда Квасьневский, Г. Наперальский считал, что президент должен объединять всех поляков. Так же, как его успешный предшественник, он призывал не отрезаться огульно от прошлого. «Необходимо, — полагает Наперальский, — вернуть достойное место тем, кто отдал здоровье и жизнь, борясь за свободную Польшу, независимо от того, освобождали ли ее с востока, юга, севера или запада. Мы должны вернуть чувство удовлетворения и гордость тем, кто поднимал из руин шахты, верфи или фабрики»¹⁴³.

Наперальский настаивал на реальном отделении церкви от государства и особенно на устранении преподавания религии в школе. Борец с клерикализмом напоминал

полякам, что католическая церковь — самый крупный земельный собственник в стране, и это обеспечивает ей получение весьма серьезных доплат из бюджета ЕС. Антиклерикальный пафос Наперальского соответствовал настроениям определенной части общества. Польская католическая церковь в начале XXI в. переживала не самые лучшие времена, о чем свидетельствовали и некоторое падение ее авторитета в обществе, и отсутствие единства в среде епископата. Как заметил в своем открытом письме авторитетный польский ксендз Л. Вишне夫斯基, «нехорошо в польской церкви. Она большая, яркая, привлекательная — но в реальности напоминает искусственно надутый шар»¹⁴⁴.

Помимо успеха Наперальского в президентской компании, еще одним подтверждением жизнеспособности левой идеи стали итоги выборов в органы местного самоуправления, прошедшие в Польше осенью 2010 г. На них левые получили больше 15%, что является очень неплохим результатом.

Однако надеждам на возрождение левицы не суждено было сбыться: на парламентских выборах 2011 г. левые получили беспрецедентно низкий результат, а Наперальскому пришлось покинуть свой пост.

II.10. Популизм в политической жизни Польши

Политическая жизнь Польши 90-х годов XX — начала XXI в. не избежала проявления такого сложного и отнюдь не способствующего развитию демократии явления, как популизм. Суть последнего известный польский социолог З. Бауман определял, как попытку предложить нереальное решение вполне реальных проблем¹⁴⁵. И в публицистике, и в обывденном сознании «популизм» — некий ярлык для обозначения политической манипуляции, демагогии.

Большинство исследователей склонно рассматривать популизм как способ социальной и политической мобилизации, как тип политической деятельности, а не как режим или идеологию. К числу основных современных разновидностей популизма относят обычно популизм протеста (или социальный) и популизм идентичности (национальный).

Усилению популизма в Восточной и Центральной Европе в настоящее время способствуют такие феномены, как глобализация, европейская интеграция и процессы модернизации. Неясность программ политических партий, слабое развитие гражданского общества, довольно многочисленные слои маргиналов, не нашедших своего места в новой реальности — все эти факторы также способствуют росту влияния популизма.

В Польше рассматриваемого периода весьма успешно действовало несколько откровенно популистских политических группировок, наиболее заметной среди которых являлась партия «Самооборона Речи Посполитой». Идеология этой партии антигосударственна и враждебна элитам; во многом она построена на противопоставлении «пана» и «хама». Сам глава «Самообороны» А. Леппер замечал: «Нас называют хамами... Издавна поляков делят на панов и хамов. Так было в период „Огнем и мечом“ (имеется в виду произведение Г. Сенкевича. — Л. С.), так было во времена II Речи Посполитой, то

же происходит и сейчас»¹⁴⁶. «Самооборона», в соответствии с канонами классического популизма выступает за слабых против сильных, за бедное угнетенное большинство против богатого, угнетающего меньшинства. В определенный момент влияние партии в обществе было весьма значительным: в Польше после выборов 2005 г. А. Леппера нередко называли «третьим близнецом». Благодаря поддержке «Самообороны» в значительной степени стала возможной победа Л. Качиньского на президентских выборах: во втором туре сошедший с дистанции Леппер призвал своих сторонников голосовать за Качиньского.

Начало «Самообороны» восходит к 1991 г., когда никому не известный в Польше деятель крестьянского движения А. Леппер был замечен Л. Валенсой и получил его поддержку. Именно Леппер олицетворял «Самооборону», являясь единственным широко известным политиком в этой партии. Лидер «Самообороны» — сын крестьянина, один из немногих польских политиков, не имеющий высшего образования. В свое время он был членом ПОРП, руководил одним из госхозов. В 1991 г. Леппер возглавил движение протеста крестьян в окрестностях Дарлова, запутавшихся в своих долговых обязательствах по взятым кредитам и оказавшихся на грани банкротства. Именно тогда возник крестьянский профсоюз «Самооборона», действовавший решительно и бескомпромиссно, организуя блокады дорог, оккупацию правительственных учреждений, в том числе Министерства сельского хозяйства в Варшаве и т. д. Усилия «Самообороны» увенчались успехом: был изменен закон о предоставлении кредитов и создан фонд реструктуризации крестьянских долгов.

На выборах 1997 г. движение Леппера не достигло успеха, получив только 0,08% голосов. После этих выборов «Самооборона» заключила союз с двумя другими крестьянскими профсоюзами, действовавшими тогда в Польше, в 1998–1999 гг. успешно провела акции протеста, связанные с кризисом, возникшим из-за перепроизводства свинины. Тогда эти акции поддержало 96% поляков. Именно в это время Леппер выдвигается на первый план в качестве вождя «крестьянского бунта», а его организация приобретает статус не просто выразителя интересов узкой группы крестьян, но всего крестьянского движения. Теперь уже не проблема крестьянских долгов, а более масштабные вопросы развития сельского хозяйства в целом становятся главными в деятельности организации. «Самооборона» выступала за приоритетное развитие средних хозяйств, производящих экологически безопасную продукцию, за уважение традиционной крестьянской этики как основы польской национальной идентичности.

В 1991 г. была зарегистрирована политическая партия «Союз самооборона Речи Посполитой», куда, помимо вышеназванного профсоюза с тем же названием — «Самооборона» — вошли, в частности, националистическая группировка «Грюнвальд» и Партия зеленых. Однако ведущая роль в коалиции принадлежала, несомненно, А. Лепперу. Таким образом, в 1990-е годы действовало две составляющих «Самообороны» — профсоюз и партия. Они имели общие финансы, общий интернет-сайт, одного лидера. Со временем приоритетное значение приобрела деятельность партийной составляющей.

На выборах 2001 г. группировка А. Леппера выступала под девизом «Самооборона — сам решаешь, сам побеждаешь, сам используешь победу. Для тебя мы создаем лучшую Польшу». На выборы 2005 г. «Самооборона» шла под лозунгами: «Каждый человек важен»; «Человек. Семья. Труд. Достойная жизнь»; «Поляки обретут достоинство в

своем государстве». Эти лозунги свидетельствуют о первостепенном значении, придаваемом партией социальным вопросам. Программа «Самообороны» была представлена в виде кратких, предельно ясных тезисов. Она не охватывала всех сторон общественной жизни, но концентрировалась на наиболее значимых для электората проблемах: социальных гарантиях для наименее защищенных слоев населения: молодежи, стариков, инвалидов и безработных; борьбе с безработицей. Экономическая часть программы предполагала, в частности, сохранение монополии государства в стратегически важных сферах экономики, приоритетное развитие малого и среднего бизнеса, особое внимание уделялось жилищному строительству. В области сельского хозяйства партия выступала за одинаковую финансовую поддержку всех типов хозяйств и села в целом. Специально оговаривались необходимость борьбы с коррупцией, конфискация имущества «аферистов», пересмотр итогов приватизации с целью выявления злоупотреблений.

Взгляды А. Леппера на важнейшие проблемы внешней политики и иностранных инвестиций часто совпадали с позицией крайне правых политических партий. «Самооборона» решительно выступала против европейской интеграции, усматривая в ней угрозу польской идентичности, негативно оценивала интервенцию НАТО в Косове, участие Польши в войне в Ираке.

Но, в отличие от правых, «Самооборона» выступала против декоммунизации и люстрации, не занимала определенной позиции по проблеме законодательного запрещения аборт. Леппер, декларируя себя человеком верующим, а свою партию поборницей социальной доктрины церкви, вместе с тем не останавливался перед критикой церковной иерархии, особенно за неодобрение организуемых «Самообороной» крестьянских протестов.

Идеологическая «всеядность» партии Леппера позволяла ей находить союзников в самых разных сегментах политического спектра и апеллировать к лево и право ориентированному электорату. Это позволило партии на выборах 2001 г. добиться весьма серьезного успеха — получить более 10% голосов. После этого «Самооборона» переживала своеобразный «звездный час» — росла численность ее рядов и организационная сеть. На выборах 2005 г. партия получила 11,4% голосов.

В ходе избирательной кампании А. Леппер обратился с призывом к «левице», заявляя о необходимости совместных усилий для борьбы с либералами. Он заявил, что «Самооборона» — это «крупнейшая левая сила на польской политической сцене», а сердце его, А. Леппера, всегда было «на левой стороне». Леппер призывал «людей левицы» поддержать свою кандидатуру на президентский пост. Он выступал под лозунгом «Человек с характером». Когда президентская гонка подошла к завершающей фазе и во второй тур вышли Л. Качиньский и Д. Туск, Леппер призвал своих сторонников голосовать за Л. Качиньского, что в известной мере способствовало успеху последнего.

А. Леппер, политик с гибкими, меняющимися убеждениями, являл собой достаточно интересный феномен польской политической жизни. В ней «Самооборона» была неким «enfant terrible» польской политики — с ее скандальными выходками во время заседаний сейма, постоянным эпатажем и вызовом общепринятым нормам политического бытия, с шокирующими, а нередко грубыми высказываниями А. Леппера в адрес других политиков.

Политические лидеры страны в определенных ситуациях нуждались в Леппере и его партии. В сентябре 2006 г. премьер-министр Я. Качиньский с помощью своего брата-президента отправил А. Леппера в отставку с поста вице-премьера якобы из-за его вопиюще низкой общечеловеческой и политической культуры. На самом деле, причина крылась, скорее, в отказе Леппера голосовать за бюджет 2007 г., в котором, по его мнению, слишком мало внимания уделялось социальным вопросам. Впрочем, отставка Леппера была недолгой: уже в октябре 2006 г. он вернулся на свои посты вице-премьера и министра сельского хозяйства.

Деятельность «Самообороны» можно отнести к разряду популизма протеста, но на польской политической сцене рассматриваемого периода явно обозначились проявления другого типа данного явления — популизм идентичности или национальный, связанный с феноменом национализма. Определение сущности, истоков, проявлений национализма, его влияния на общественную жизнь всегда вызывает дискуссии, настороженность и подозрения как в среде исследователей, так и в обществе в целом. Как явление национализм присутствует в политической жизни и общественной мысли современной Польши, хотя сторонники идеологии радикального национализма не имеют достаточно значимого институционального представительства.

Существует целый ряд мелких политических партий, которые без большого преувеличения можно назвать «диванными». Рейтинг этих партий, а также их лидеров весьма невысок, составляя от нескольких долей процента до нескольких процентов. Пожалуй, наиболее влиятельной политической группировкой, представляющей польский национализм (а также популизм идентичности) является «Лига польских семей» (ЛПС), объединяющая несколько националистически ориентированных организаций.

Импульсом к объединению националистических сил стала деятельность краковского клуба «Мысль для Польши», объединяющего интеллектуалов данной политической ориентации, который, начиная с 1999 г. предпринимал усилия по консолидации единомышленников. 1 января 2001 г. по «Радио Мария» В. Хатка, глава Великопольского крестьянского банка, призвал к созданию Лиги семей. Новое политическое объединение уже на выборах 2001 г. провело в сейм своих депутатов А. Мачеревича, З. Вжодака, Г. Яновского, Р. Гертыха, М. Котлиновского.

Программа «Лиги польских семей» отличалась краткостью и жесткостью формулировок. О многом свидетельствует уже сам девиз партии: «Польша — независимость, полякам — работа, хлеб, жилье». Она призывала к коренному переустройству польского государства, к внесению в конституцию Польши слов о Боге, достойных «католического народа», настаивала на акцентировании суверенитета польского государства, национальной ориентации внешней политики. ЛПС выступала против перехода «польской собственности в чужие руки», против приватизации стратегически важных для государства отраслей экономики (таких, как энергетика, добывающая промышленность, транспортная инфраструктура). Партия ратовала за концентрацию капитала в «польских руках», защиту польского рынка от иностранной конкуренции, против необоснованных масштабов импорта продовольствия, утверждая, что «народ, который не может себя прокормить, не может быть свободным народом», считала необходимым сохранение и малых крестьянских хозяйств. Свою программу ЛПС называла программой «национального солидаризма», все разделы программы считала

взаимосвязанными и проникнутыми одной идеей — сохранения суверенитета и отстаивания интересов польского государства.

Со временем ЛПС несколько смягчила антиевропейскую позицию, сделав акцент не на отрицании европейской интеграции как таковой, а на необходимости соблюдения интересов Польши. Партия апеллирует к полякам-патриотам, выступая против элит, не отстаивающих национальные интересы. Лига акцентирует опасность европейской интеграции, могущей лишить поляков их национальной идентичности и растворить в космополитической Европе.

Сами лидеры ЛПС определяют свою идеологию в терминах: «христианская демократия, национальный католицизм». Изначально партия в своих программных установках обращалась к идейному наследию эндеции и Р. Дмовского. Однако возглавлявший до недавнего времени ЛПС Р. Гертых, стремясь обрести имидж современного политика, счел нужным дистанцироваться от Дмовского и свойственного ему антисемитизма. Стремление откреститься от антисемитизма Гертых проявлял и раньше, во всяком случае в 1989 г., когда лидер ЛПС стал инициатором возрождения молодежной националистической организации Всепольская молодежь (ВМ), он решительно предостерегал ее лидеров от антисемитизма, столь свойственного ВМ в межвоенный период.

Нынешняя ВМ считает себя продолжательницей традиций организации, действовавшей в межвоенной Польше, объединяет в своих рядах, прежде всего, учащуюся молодежь. ВМ декларировала себя как молодежную секцию ЛПС. Однако в 2006 г. руководство ЛПС заявило о своем разрыве с ВМ и создала новую молодежную организацию — Движение молодых ЛПС.

ВМ подчеркивает свою аполитичность и ставит во главу угла воспитательные цели. Деятельность организации состоит в подготовке и обсуждении рефератов, организации лагерей, участии в митингах и манифестациях. Два раза в год ВМ проводит акцию «Я люблю Польшу», в ходе которой раздаются значки, ручки, плакаты с логотипом организации, проводятся встречи и конференции с целью оживления патриотических чувств молодежи. ВМ собирает средства для помощи бедным детям, организует работу телефона доверия, где собираются сведения о нелегальных абортах, организует бесплатные дополнительные занятия для детей из бедных семей.

Следует заметить, что деятельность ВМ вызывает неприятие многих поляков в связи с провозглашением крайне националистических лозунгов. Иной раз дело не ограничивается просто лозунгами, доходит до агрессивных действий во время демонстраций женщин, отстаивающих свои права, «парадов равенства», акций сторонников европейской интеграции.

В начале 2000-х годов ЛПС насчитывала около 14 тыс. человек. Отношение к ней в обществе всегда было далеко не однозначным, но после 2005 г. партия входила в состав правящей коалиции, и Пис нуждалась в ее поддержке. После отставки правительства Я. Качиньского лидер ЛПС Р. Гертых оставил большую политику, а влияние партии ослабло. По итогам выборов 2007 г. она не прошла в сейм, проиграла ЛПС и выборы в Европарламент в 2009 г.

Гертых и Леппер никогда не входили в число самых популярных политиков в стране. Но они были представлены в правящей коалиции, занимали весьма ответственные посты. Популярность «Самообороны» и ЛПС невысока, но это (до 2007 г.) — парла-

ментские партии, заявлявшие о себе пусть не всегда конструктивно и рационально, но почти всегда громко и эпатажно. Популистская составляющая политической и общественной жизни Польши, конечно, не определяющий, но реальный фактор бытия, действующий на протяжении всего периода демократических преобразований.

Своеобразным рупором популистских идей является «Радио Мария», действующее в Польше уже более 20 лет. Основанная монахом-редемптористом Т. Рыдзиком, торуньская радиостанция имеет в Польше многомиллионную аудиторию, еще больше увеличившуюся после создания в 2003 г. телеканала «Трвам», связанного с радиостанцией. В стране действует неформальная структура «Семья Радио Мария», объединяющая сторонников Т. Рыдзика. Кружки друзей «Радио Мария» существуют практически в каждом приходе. «Семья Радио Мария» проводит лекции и семинары, оказывает, несомненно, весьма серьезное влияние на общественное сознание. В ходе выборов 2005 г. о. Рыдзик поддерживал Л. Качиньского, а премьер нового правительства К. Марцинкевич именно по этому радио впервые обратился к полякам в 2005 г. с изложением своей программы.

II.11. ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2010 г.

В 2010 г. Польшу постигла большая беда: 10 апреля под Смоленском потерпел катастрофу президентский самолет. Погибли Л. Качиньский с супругой и все остальные находившиеся на борту 89 пассажиров и 7 членов экипажа, направлявшиеся на траурные мероприятия по случаю годовщины расстрела польских офицеров в Катыни. Катастрофа, случившаяся за несколько месяцев до выборов президента страны, унесла жизнь практически всего военного руководства, многих депутатов сейма и сената.

Обязанности президента до выборов исполнял маршал сейма Б. Коморовский. Претендентов на президентский пост было немало, но основная борьба развернулась между кандидатом от правящей партии «Гражданская платформа» Б. Коморовским и Я. Качиньским. Оба кандидата изначально не планировали бороться за президентский пост. Кандидатом от ПиС был Лех Качиньский. Кандидатура же Коморовского появилась после того, как в январе 2010 г. достаточно неожиданно от борьбы за президентский пост отказался глава ГП Д. Туск, заявив, что атрибуты президента Польши, к каковым относятся «престиж, почет, президентский дворец, люстра и право наложения вето», его не очень привлекают, свою задачу он видит в модернизации страны, для чего нужны реальные рычаги управления. Польша — парламентско-президентская республика, и основная роль в управлении страной принадлежит премьеру.

Атмосфера президентской кампании 2010 г. была печальной, ведь она проходила под знаком апрельской трагедии. Ко всем бедам добавилось сильнейшее наводнение, вызванное дождями и разливом рек.

ПиС проводила свою избирательную кампанию не так, как ожидалось. Я. Качиньский долгое время вообще молчал, когда же стал появляться на предвыборных собраниях, то был весьма сдержан и говорил больше о необходимости помощи пострадавшим от наводнения, чем о своей программе. Миротворительный и несколько отрешенный тон Я. Качиньского как нельзя лучше соответствовал настроениям зна-

чительной части общества. Неожиданно для многих он обратился даже к «братьям-россиянам», выдержав все тот же печально-примирительный тон. Этот несгибаемый борец с «коммуной» и «посткоммуной» вдруг почти тепло отозвался не только о Гереке, выступая в его родном катовицком воеводстве, но даже об одном из самых известных и влиятельных деятелей левицы Ю. Олексы, которого в свое время с подачи Валенсы обвиняли едва ли не в шпионаже в пользу России.

На каждой встрече Качиньского с избирателями звучали призывы к солидарности, развевались стяги легендарного независимого профсоюза 80-х годов. Кандидата от ПиС почти открыто поддерживала католическая церковь. Усилия оказались успешными, и рейтинги Качиньского пошли вверх, хотя он и уступал Коморовскому. В первом туре Б. Коморовский набрал 41,2%, Я. Качиньский — 36,7%, кандидат левицы Г. Наперальский — 13,6%, Я. Корвин-Микке* — 2,4%, кандидат «Самообороны» А. Леппер — 1,3%, А. Олевский — 1,4%, остальные кандидаты менее 1%. Избирательная активность была довольно высокой — 54,85%, явка избирателей на 5% превысила показатели предыдущих президентских выборов. Во втором туре с результатом 53,1% Коморовский победил Качиньского, набравшего 46,99% голосов.

В Польше молодежь была менее активна, чем люди пожилого и старшего возраста, а люди образованные активнее тех, у кого уровень образования ниже. Избиратели от 18 до 24 лет в основном голосовали за Коморовского (44%), за Качиньского отдали свои голоса 24% молодежи, за Наперальского — 20%. Более 50% лиц с высшим образованием голосовало за Коморовского. Но была и своя специфика: поляки значительно пассивнее, чем в среднем жители Центральной и Восточной Европы: активность польских избирателей на 20% ниже, чем в этом регионе в целом и на 30% ниже, чем в Западной Европе¹⁴⁷.

Разрыв между результатами Коморовского и Качиньского был большим, но не катастрофическим. На выборах 2005 г. Туск опережал Л. Качиньского на 9%, однако во втором туре проиграл. Но на этот раз чуда не произошло. За Коморовского голосовала в основном западная Польша, жители крупных городов, наиболее образованные и молодые жители страны, а также национальные меньшинства, обычно отдающие в Польше предпочтение более либеральным и левым кандидатам. Еще раз подтвердился тезис о существовании «Польши А» и «Польши Б»: то есть более развитых и модернистски настроенных западных регионов и относительно менее развитых и консервативных — восточных. В ходе выборов католическая церковь поддержала скорее Качиньского. Причем наиболее очевидно это было именно на востоке страны.

Вся страна разделилась на сторонников Коморовского и Качиньского. В общественном мнении сложился стереотип (далеко не всегда отражающий истинное положение вещей), согласно которому поляки, поддерживающие Качиньского (и подчас стесняющиеся в этом признаться), воспринимались как воплощение отсталости, «деревенскости», «польскости». Сторонники же Коморовского скорее олицетворяли ориентацию на Европу, просвещенность, молодость.

* Я. Корвин-Микке — лидер партии «Свобода и правопорядок», монархист, участник всех президентских избирательных кампаний, ни в одной из которых он не добился скольконибудь заметного успеха.

Вступив в должность, Коморовский обозначил приоритетные направления своего президентства: возвращение представления о Польше, как «стране предсказуемой»; ускорение процесса модернизации; достижение национального согласия.

После победы Коморовского польско-польская война, казалось, немного утихшая, вспыхнула с новой силой. Оказалось, что «топор войны» был зарыт ПиС лишь временно.

Причем именно смоленская трагедия 2010 г. стала основным полем битвы между Я. Качиньским и ГП. Лидер ПиС называл правительство Туска не иначе как «польско-русский кондоминиум», он ни на минуту не допускал возможности объективного расследования обстоятельств авиакатастрофы под Смоленском и почти напрямую говорил о том, что это дьявольски тонко разработанный план устранения Л. Качиньского, в котором участвовали «пан Коморовский» (Качиньский ни разу не назвал его президентом) и «пан Туск», давно известный своим сервилизмом по отношению к России и Германии*.

Я. Качиньский всеми способами пытался создать в Польше едва ли не культ погибшего президента, что не всегда однозначно способствует сохранению доброй памяти о погибшем. Сам факт погребения президентской четы в крипте собора на Вавеле вызвал недоумение у части польского общества.

Объектом и местом сосредоточения страстей стал крест, установленный сразу после катастрофы перед президентским дворцом в Варшаве. Вокруг него собирались многотысячные толпы, что было вполне естественно в первые дни после катастрофы, но впоследствии это приобрело несколько болезненный оттенок. Цветы и поминальные свечи, которые поляки приносили к кресту, — неотъемлемые атрибуты траура, но звучавшие у креста речи, содержавшие необоснованные обвинения в адрес избранного президента и действовавшего премьера, трудно было считать нормальным явлением. Католическая церковь, которая, казалось бы, могла способствовать примирению сторон, воздержалась от выражения своего отношения к этому конфликту.

Позицию Качиньского, по сути подвергающего сомнению легитимность законной власти, осудили многие видные польские политики, Т. Мазовецкий квалифицировал действия главы ПиС как «рокош» (т. е. бунт)¹⁴⁸.

Коморовский, пытаясь переломить ситуацию, обратился к Качиньскому с предложением подписать документ «Согласие созидает, а Польша превыше всего». Эта фраза является соединением предвыборных лозунгов Коморовского и Качиньского. Но Качиньский отказался подписывать это обращение. Коморовский еще до своей инаугурации пригласил Качиньского принять участие в работе Совета национальной безопасности, но получил отказ. Не встретили ответной реакции и призывы Коморовского хранить наследие «Солидарности», не «бросать огромный успех нашего поколения, поколения «Солидарности» в огонь домашних свар и ссор», не погружать страну в «ад польско-польской войны, которая ничего не создаст, но очень многое может разрушить»¹⁴⁹.

* Я. Качиньский неоднократно ссылался на действительно не очень удачное высказывание Коморовского, который, выступая по радио в марте 2010 г. и комментируя вопрос о задержке президентом Л. Качиньским подписания верительных грамот, сказал: «придут выборы, а президент куда-нибудь улетит, и это все изменит».

Президентские выборы, таким образом, не стали вехой в прекращении политического противостояния.

* * *

В 90-е годы XX в. и первом десятилетии XXI в. в польской политической жизни продолжились процессы, истоки которых восходят к 1989 г. Страна жила в соответствии с избранным тогда вектором развития. Одной из определяющих черт этого процесса явилась консолидация партийной системы. Последняя не отличалась стабильностью: исчезали прежние и возникали новые политические партии. Особая сложность ситуации была обусловлена деятельностью в рассматриваемый период откровенно популистских партий — «Самооборона» и «Лига польских семей», которые могут быть отнесены к числу антисистемных.

При анализе программ политических партий трудно найти основания для выделения партий «идеологически чистых». Как правило, программы являют собой конгломерат далеко не всегда целостных представлений и понятий.

Движение политического маятника в стране (как и все другие общественно-политические процессы) позволяет проследить, как Польша вписывается в нынешние условия бытия, как традиционные ценности сталкиваются с ценностями модернистскими, как формируется новая элита (и насколько она нова). В течение рассматриваемого периода политический маятник в полном соответствии с законами демократии совершил несколько колебаний, отклоняясь то вправо, то влево, с тем чтобы задержаться после 2005 г. в правой стороне политического спектра. Это отнюдь не означает, что правые партии достигли согласия и гармонии. Напротив, между наиболее значимыми из них — ГП и ПиС — разразилась настоящая «польско-польская война».

Прошедшие с 1989 г. годы показали, что развитие Польши (несмотря на все несомненные успехи) вряд ли можно уподобить торжественному, победоносному маршу от коммунизма к капитализму. Трудно не согласиться с мнением известного польского социолога Я. Станишкис: «Этот посткоммунизм более сложен, чем коммунизм. Политика построения капитализма в условиях глобализации еще труднее, чем выход из коммунизма»¹⁵⁰.

Конец 80-х — начало 90-х годов связан с событиями, коренным образом изменившими положение Польши на международной арене. Произошло объединение Германии, распался СССР. Не стало европейской социалистической системы, по периметру ее границ появился целый ряд новых суверенных государств, прекратили свое существование военно-политические и экономические союзы, членом которых была Польша.

Переживаемая страной трансформация коснулась всех сфер бытия польского общества и в частности обусловила поиск новой внешнеполитической ориентации, принявший характер «возвращения Польши в Европу». Институционализация этой задачи потребовала интеграции страны в существовавшие на тот момент западноевропейские и евроатлантические структуры. Польское общество в целом поддерживало этот курс, и все сменявшие друг друга во властных структурах основные политические силы уверенно вели страну в сторону Европы.

Несомненно, что именно евроатлантический вектор стал наиболее значимым во внешней политике Польши, но при этом необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что выбор этого вектора был не одномоментным и формировался в контексте происходящих в мире перемен.

III.1. Российско-польские отношения НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

90-е годы XX в. занимают особое место в истории российско-польских отношений. Именно тогда в совершенно новых условиях происходил поиск иного, отличного от прежнего формата этих отношений и вместе с тем обозначились некоторые моменты, определившие суть отношений между странами в последующий период.

Первый некоммунистический премьер-министр Польши Т. Мазовецкий подтвердил все обязательства Польши, связанные с членством в Варшавском договоре и СЭВ. В экспозе министра иностранных дел в правительстве Т. Мазовецкого К. Скубишевского сотрудничество с СССР и Германией было названо среди важнейших направлений польской внешней политики раньше, чем «расширение связей со странами западной цивилизации, США и Европой»¹⁵¹.

Вместе с тем Т. Мазовецкий достаточно четко определил польские приоритеты, основывающиеся прежде всего на обеспечении суверенитета. Именно суверенитет рассматривался как «исходный пункт» выстраивания новых взаимоотношений. «Новая глава» (по выражению Т. Мазовецкого) в российско-польских отношениях предполагала «нормальность», отказ от идеологии как фактора, определяющего эти отношения*.

* Примечательно, что слово «нормальность» применительно к российско-польским отношениям нередко использует нынешний польский президент Б. Коморовский, считающий Т. Мазовецкого своим учителем.

Политика правительства Т. Мазовецкого была достаточно осторожной, и хотя свой первый визит он нанес не в Москву, а в Рим, но уже в конце 1989 г. польская делегация посетила Москву. Заметим, что первым иностранным гостем Т. Мазовецкого был председатель КГБ СССР В.А. Крючков. Осторожность Т. Мазовецкого проявилась и в вызвавшей массу упреков в стране его позиции в отношении вывода советских войск. И он, и министр иностранных дел напрямую связывали эту проблему с решением германского вопроса и созданием новой системы европейской безопасности.

На пресс-конференции в феврале 1990 г. глава польского правительства прямо заявил, что до того момента, пока не будет окончательно урегулирован «немецкий вопрос», советские войска останутся в Польше. В марте того же года Т. Мазовецкий в интервью газете «Монд» на вопрос о том, существует ли связь между пребыванием советских войск в Польше и урегулированием вопроса о границе с Германией, ответил: «Конечно, мы хотели бы, чтобы когда-нибудь эти войска вернулись домой, но связь между вышеназванными вопросами существует...»¹⁵².

Однако после подписания польско-германского договора о незыблемости границы в ноябре 1990 г. опасения рассеялись. Более того, когда в апреле 1990 г. на встрече министров иностранных дел в Праге решался вопрос о статусе объединенного германского государства, Польша не поддержала позицию министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварнадзе о придании ему статуса неприсоединившегося государства, настаивая, чтобы Германия вошла в состав НАТО. Но о своем собственном намерении вступать в НАТО она в тот момент не говорила, делая акцент на создание системы европейской безопасности в рамках Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Крушение социалистической системы в Европе и ее стержня — СССР позволило Польше решительно изменить свою внешнеполитическую ориентацию, придать ей определенное евроатлантическое направление. Политика по отношению к России стала по сути лишь производной западной политики Польши. Для России взаимоотношения с РП также утратили прежнюю значимость.

Польско-российские отношения в 90-е годы правомерно рассматривать в широком контексте «восточной политики» Польши, т. е. ее взаимоотношений с Украиной, Белоруссией, Литвой. В этой связи необходимо отметить то серьезное влияние, которое оказала на восточное направление польской внешней политики в целом и ее российскую составляющую в частности концепция Е. Гедройца* и Ю. Меровшевского**. Именно в среде польской эмиграции, в Париже, в кругах, близких к журналу «Культура», в годы расцвета «развитого социализма» формировались принципы взаимоотношений России и Польши как демократических стран, в то время еще не существовавших. Согласно мысли идеологов «Культуры», принципиально важным для польской восточной политики является выстраивание отношений не только с Россией, но с Украиной, Белоруссией, Литвой — непосредственными соседями Польши. При этом необходимо признать, что польско-российские отношения всегда были, как писал Ю. Меровшевский

* Ежи Гедройц (1906–2000) — польский публицист и политик, основатель и бессменный редактор журнала «Культура» (Париж).

** Юлиуш Меровшевский (1906–1976) — польский писатель и публицист, ближайший соратник Е. Гедройца

«лишь функцией той ситуации, которая складывалась на этих территориях в данный исторический период»¹⁵³.

Успех предполагался возможным при одном условии: отказа от имперских амбиций не только со стороны России, но и со стороны Польши. Ю. Мерошевский считал совершенно неправомерным, осуждая российский империализм, не признавать империализма польского, расценивая последний как благородную ягеллонскую идею.

Парижская «Культура» была достаточно хорошо известна в Польше и при социализме, но после 1989 г. идеи, увидевшие свет на страницах этого издания, приобрели особую популярность: многие польские политики апеллировали к идеям Гедройца–Мерошевского. К числу сторонников этих идей относится и А. Квасьневский, дважды исполнявший функции президента Польши. Он был лично знаком с Гедройцем, переписывался с ним и признавался, что его видение отношений Польши с Украиной, Литвой и Белоруссией формировалось под влиянием идей Гедройца¹⁵⁴.

После 1989 г. польская дипломатия приступила к параллельному выстраиванию отношений с Кремлем и союзными республиками: именно такая политика рассматривалась как наиболее адекватная в контексте провозглашенных ими летом 1990 г. деклараций о суверенитете. Но Варшава переходила к ней осторожно, не желая торопить события. Валенса в августе 1991 г. поддержал ГКЧП¹⁵⁵, а в декабре, выступая по советскому телевидению, заявил, что рассматривает распад СССР как в высшей степени нежелательное событие, которое «закончится катастрофой и приведет к многочисленным жертвам. Пример Югославии должен служить предостережением»¹⁵⁶.

Период «двухколейности» закончился вместе с распадом СССР и признанием Польшей независимости новых государств. С окончанием этого этапа начался этап двусторонних польско-российских отношений.

В этих отношениях изначально совершенно особую роль играл исторический фактор. Примечательно, что уже в октябре 1989 г. польская сторона обратилась к руководству тогда еще существовавшего СССР с просьбой о расследовании факта гибели польских офицеров в 1940 г., а К. Скубишевский в апреле 1990 г. оценивал выяснение исторических споров как одну из важнейших задач польской восточной политики.

Уже во время подготовки польско-российского договора 1992 г. возникли серьезные разногласия сторон по поводу вопроса о компенсациях жертвам сталинского режима. Польская сторона стремилась внести в документ пункт о польских жертвах и, соответственно, компенсациях, российская — отказывалась это сделать, ссылаясь на то, что эти проблемы решаются в рамках внутреннего российского законодательства. Вместе с тем именно в 90-е годы польские историки получили доступ к прежде секретным архивным материалам, касающимся «трудных вопросов» российско-польских отношений, в частности проблемы Катыни, были открыты мемориальные комплексы в Катыни и Медном¹⁵⁷.

Первые годы взаимоотношений демократической России и демократической Польши можно оценить как достаточно благоприятные. Москва неоднократно подчеркивала свое стремление выстраивать двусторонние отношения с Варшавой на основе принципов равенства, партнерства и исключения какого-либо диктата. Между странами было заключено несколько десятков соглашений в разных сферах, подписан Договор о дружественном и добрососедском сотрудничестве, декларация о сотрудничестве в области культуры, науки и образования, договор о торговом и экономическом

сотрудничестве. Москва передала Варшаве большой массив архивных документов, в 1991 г. был подписан договор о выводе советских войск с территории Польши. Последние части Северной группы войск покинули страну осенью 1993 г.

Но в этом же 1993 г. в принципе поступательное развитие российско-польских отношений столкнулось с серьезнейшими проблемами, обнаружившими всю глубину расхождения стратегических интересов России и Польши. Проблемы были связаны со стремлением Польши вступить в НАТО, что расценивалось польской стороной как вполне закономерный шаг суверенного государства.

Однако российское руководство, под давлением общественности и некоторых влиятельных структур, заняло настороженную позицию, усматривая в этом намерении угрозу своим национально-государственным интересам и настаивая на существовании у него права давать или не давать согласие на расширение НАТО¹⁵⁸.

На протяжении всех 90-х годов Россия не оставляла попыток убедить Польшу отказаться от намерения вступить в НАТО. И российский министр иностранных дел А.В. Козырев, и его преемник на этом посту Е.М. Примаков, позиции которых в целом отнюдь не были идентичны, стремились удержать Польшу от вступления в альянс. Козырев выступил в 1994 г. с предложением о превращении Северного совета атлантического сотрудничества в самостоятельную организацию, призванную заменить НАТО, Е.М. Примаков в 1996 г. предлагал Польше гарантии безопасности в обмен за отказ от вступления в альянс. Но в обоих случаях со стороны Варшавы последовал категорический отказ. Польская сторона твердо придерживалась линии на вступление в НАТО, не принимая никаких российских аргументов. Твердая решимость в этом вопросе демонстрировали все польские лидеры, независимо от их политической ориентации. Это был воистину «надпартийный консенсус», «успех, имеющий много отцов» (по выражению А. Квасьневского). Заметим, что в дифференцированном и далеком от единства польском обществе 90-х годов за вступление в НАТО высказывалось более 80% поляков, и даже опасения по поводу возможного ухудшения отношений с Россией не являлись сдерживающим фактором.

Реализация этой цели Варшавой в 1999 г. была расценена в Польше как огромный успех, а в России как свой безусловный проигрыш.

Интересы России и Польши сталкивались и в выстраивании отношений с бывшими советскими республиками. Россия, исходя из концепции «ближнего зарубежья», возникшей в 1992 г., отстаивала свою особую роль на постсоветском пространстве, Польша же, акцентируя принцип суверенитета, стремилась не допустить проявлений со стороны России «постимперского синдрома».

Относительно благоприятный период начала 90-х сменился обострением двусторонних отношений в 1994–1996 гг. Именно в этот период происходит ряд неприятных инцидентов, в частности нападение на российских пассажиров на варшавском вокзале, открытие в Кракове чеченского информационного центра, обвинения Валенсой премьер-министра Ю. Олексы в сотрудничестве с российскими спецслужбами*.

* В 1995 г. после победы на президентских выборах А. Квасьневского Л. Валенса и министр внутренних дел Польши А. Мильчановский во время заседания сейма публично обвинили Ю. Олексы в шпионаже в пользу России. В ходе начатого следствия обвинения не подтвердились, но Ю. Олексы был вынужден подать в отставку.

Российская и польская стороны в этот период подчас отказываются от казалось бы, бесспорно необходимых контактов: так, в 1994 г. Ельцин не приехал на празднование 50-летия варшавского восстания, а в 1995 г. на годовщину освобождения лагеря Аушвиц. Правда, российская сторона была представлена, но персонами более низкого статуса. В 1995 г. Б.Н. Ельцин не присутствовал на открытии памятника польским военнопленным в Катыни.

Смена политических лидеров обеих стран несколько меняла тональность российско-польских отношений, однако сущностное их содержание осталось прежним. Вряд ли можно было ожидать иного, так как несовпадение стратегических интересов сохранялось. Правда, иногда возникали надежды на улучшение отношений в связи со сменой политической элиты. Именно такая ситуация сложилась, когда в 1995 г. президентом Польши стал А. Квасьневский. Если отношения между президентами Валенсой и Ельциным складывались явно неблагоприятно, то с приходом к власти Квасьневского, казалось, обозначилось некоторое потепление. Однако социал-демократы, так же как и их предшественники, во главу угла ставили евроатлантический вектор развития Польши, подчеркивая вместе с тем то обстоятельство, что позиция Польши на Западе во многом зависит от ее позиции на Востоке. Здесь Польша не собиралась ограничиваться ролью «моста», или «связующего звена» между Востоком и Западом, а намеревалась действовать. Эта роль должна быть вполне самостоятельной и определяться собственными прагматическими интересами¹⁵⁹.

Утверждение в польском парламенте правых сил негативно отразилось на российско-польских отношениях. В политической сфере последние были сведены до некоего минимально необходимого уровня. Ситуация была настолько неблагоприятной, что польский премьер, приезжавший в Россию на открытие мемориальных кладбищ в Катыни и Медном, не был приглашен в Москву, а в период 1994–2001 гг. не состоялось ни одного официального визита главы российского государства в Польшу. При этом польский президент Квасьневский совершил один официальный визит в Россию, в 1996 г., но всегда использовал возможность для неофициальных визитов. Так, в июле 1998 г., будучи в Москве с неофициальным визитом, он встречался с президентом Б.Н. Ельциным для обсуждения таких важных проблем, как вступление Польши в НАТО, предстоящий визит российского президента в Варшаву (он планировался на декабрь 1998 г., но так и не состоялся)¹⁶⁰.

Одной из наиболее болезненных проблем в российско-польских отношениях в 90-е годы явилась проблема Чечни. Варшава пыталась установить прямые контакты с Грозным, представители польского МИД встречались с Ш. Басаевым. В Польше действовало несколько информационных центров, наибольшим влиянием из которых пользовались комитеты «Свободный Кавказ» и «Польша–Чечня», одной из площадей в Варшаве было присвоено имя Д. Дудаева; неоднократно организовывались антироссийские акции, наиболее резонансной явилась акция перед российским консульством в Познани (2000 г.), когда был осквернен российский флаг. Все требования российского правительства прекратить деятельность на территории Польши сепаратистских чеченских организаций наталкивались на ссылки польского правительства на общественный характер последних и непричастность к их деятельности официальной Варшавы. При всей непопулярности в России чеченской войны, оскорбление России было болезненно воспринято российским обществом и вызвало волну антипольских настроений.

В этом же непростом для российско-польских отношений 2000 г. польский МИД потребовал высылки из страны нескольких российских дипломатов, обвинив их в шпионаже. Однако, благодаря усилиям российского и польского президентов, процесс стремительного ухудшения отношений между двумя странами был приостановлен: в 2000 г. состоялся визит А. Квасьневского в Россию, в 2002 г. — В. Путина в Польшу. Стали налаживаться регулярные контакты на межправительственном уровне, а также на уровне министерств и ведомств. Но поступательное в целом развитие российско-польских отношений вновь утратило динамику в 2005–2006 гг., в период пребывания у власти партии «Право и справедливость». И лидер Пис Я. Качиньский, и президент Польши Л. Качиньский не раз упрекали Россию в имперских амбициях и нежелании видеть в Польше равноправного партнера.

Благоприятным отношениям между двумя странами не способствовали и серьезные проблемы, связанные со сферой энергетики, которая, в отличие от торгово-экономических отношений, в высшей степени политизирована, что во многом объясняется зависимостью Польши от российских источников углеводородов.

Именно Польша является главным адептом идеи энергетической безопасности. Термин «энергетическая безопасность» подразумевает определенное состояние экономики, обеспечивающее удовлетворение текущих и перспективных потребностей в энергоресурсах, при условии соблюдения технологических, экономических и экологических требований. Важнейшими факторами энергетической безопасности являются топливный баланс внутри страны; диверсификация источников энергии; наличие доступа к инфраструктуре транзита, хранения и распределения топлива и энергии.

В продвижении этой идеи Польшу активно поддерживают страны Вишеградской группы, Прибалтика и неофициально — США. Однако диверсификация источников энергии не столь уж очевидно экономически выгодна для Польши, хотя бы потому, что российские нефть, газ и уголь обходятся полякам дешевле, чем энергетическое сырье из других стран. При этом необходимо учитывать и наличие уже существующей инфраструктуры для их транспортировки.

В 90-е годы, когда формировалась евроатлантическая ориентация Польши, руководство страны стремилось уменьшить зависимость Польши от российских источников энергии. В самом начале десятилетия был построен нефтяной терминал в Гданьске, несколько позднее велись переговоры с Норвегией, Швецией, Данией, странами Южной Европы с целью достижения диверсификации источников энергии.

По инициативе польского премьера К. Марцинкевича в 2005 г. Евросоюз приступил к разработке основ совместной энергетической политики и созданию «Европейского трактата энергетической безопасности». Результатом усилий, предпринятых ЕС, стала опубликованная в 2006 г. «Зеленая книга», основные положения которой приняты и Польшей. На многих международных форумах последних лет (в Кракове, Баку, Загребе, Стамбуле и др.) именно энергетическая безопасность фигурировала в качестве одной из основных проблем современности. На Рижском саммите НАТО (2006 г.) в целях обеспечения безопасности была выдвинута идея создания «энергетического НАТО». Эта тема стала доминирующей в международных отношениях, что продемонстрировали последующие саммиты стран различных регионов Европы.

По данным Европейской комиссии, положение с энергетической безопасностью в Польше лучше, чем во многих других странах ЕС. В 2004 г. Польша занимала третье место с точки зрения энергетической независимости, уступая Дании и Великобритании.

Правда, запасы нефти в Польше весьма незначительны и составляют около 21,5 млн тонн на материке и 30 млн тонн в польской зоне Балтийского моря. Существующий уровень добычи нефти обеспечивает около 3% потребностей страны, и поэтому Польша обречена на импорт нефти. Основным поставщиком является Россия, откуда Польша получает нефть через нефтепровод «Дружба» и морским путем через Нафтопорт — нефтяной терминал в Гданьске. Благодаря высокой перегрузоспособности гданьского порта (около 33 млн тонн ежегодно), Польша в принципе обеспечена нефтью в должной мере. Существует, однако, угроза повышения стоимости сырья, в случае если Россия сократит объем поставок через нефтепровод и придется более интенсивно использовать морской транспорт.

Теоретически Польша могла бы на своих нефтеперерабатывающих предприятиях использовать более высококачественную нефть, чем российская. Но по мнению некоторых экспертов, это потребовало бы серьезных затрат на переоснащение нефтеперерабатывающих заводов, что в настоящее время экономически необоснованно. Однако, несмотря на признаваемые многими выгоды использования российской нефти, польские компании все чаще настаивают на необходимости диверсификации поставок сырья.

С 2005 г. польские нефтяные компании увеличили объемы переработки нефти, главным образом за счет увеличения поставок из Африки, с Ближнего Востока и из черноморско-каспийского региона.

При нынешней ситуации серьезной угрозы для Польши в плане обеспеченности нефтью не существует. Однако в программе развития энергетической политики Польши до 2030 г. отмечается все же наличие такой угрозы «в связи с доминированием в поставках одного направления». «Чтобы преодолеть такое положение вещей, — отмечается в документе, — необходимо повысить уровень диверсификации поставок (существенно не только увеличение числа поставщиков, но также преодоление ситуации, когда нефть доставляется из одного региона и ее поставки контролируются одним субъектом»¹⁶¹. Особо отмечается значимость создания инфраструктуры доставки нефти из каспийского региона, а также разведки собственных месторождений, как на материке, так и в шельфе Балтийского моря.

С проблемой диверсификации связан достаточно политизированный проект строительства нефтепровода «Одесса — Броды — Плоцк — Гданьск». Проект изначально рассматривался как политический, о чем, почти не скрывая, говорили все его участники. Цель его состоит в транспортировке нефти с Каспия в Европу, минуя Россию. Магистральный нефтепровод «Одесса — Броды» был построен в 2001 г. В конце июня 2004 г. правительство Украины разрешило использовать трубопровод для транспортировки российской нефти в реверсном режиме. В декабре 2006 г. «Укртрансфанта», российская «Транснефть» и российско-британский холдинг ТНК–British Petroleum подписали дополнительное соглашение на три года о сотрудничестве и координации действий. В настоящее время по участку нефтепровода «Одесса — Броды» транспортируется 7 млн тонн нефти в год, но это не каспийская, а российская нефть.

Отрицательно влияет на перспективы строительства нефтепровода и политическая нестабильность в Грузии и на Украине, через территории которых он должен пройти.

Достаточно непросто выглядит ситуация в сфере обеспеченности Польши природным газом. Польша — наименее газифицированная страна Центральной Европы,

магистрального газа нет во многих населенных пунктах. Более 90% используемого в стране природного газа Польша получает из России. Поставки осуществляются на основе долгосрочного договора между польской газовой компанией PGNiG и российским «Газпромом». Незначительное количество газа идет в Польшу из Норвегии и Германии. PGNiG принадлежит 98% рынка поставок газа. Кроме названной компании импортером газа является компания Media Odra Warta (MOW), поставляющая газ из Германии. В отстаивании своих интересов Польша не может особенно рассчитывать на поддержку ЕС, так как декларации Союза, по мнению польских экспертов, расходятся с его реальной политикой, и такое положение вещей сохранится до тех пор, пока крупнейшие страны ЕС и их концерны будут заинтересованы в сотрудничестве с Россией.

Оживленную дискуссию вызвали в Польше многие аспекты проблемы, связанные со строительством газопровода «Северный поток». Как известно, этому газопроводу, который планируется проложить по дну Балтийского моря с тем чтобы соединить балтийское побережье России с балтийским побережьем Германии, в России придается большое значение, причем не только чисто экономическое. Наиболее серьезные возражения против его строительства связаны с экологическим аспектом. Опасения многих экспертов вызывает в частности то, что на дне Балтийского моря покоится много немецких мин времен Второй мировой войны, а также огромное количество немецкого химического оружия, затопленного после войны.

В Польше изначально сформировалось почти откровенно враждебное отношение к «Северному потоку». Польские противники газопровода много писали об опасности его для флоры и фауны Балтики, о том, что газопровод может быть использован в разведочных целях, о том, что кабель, проложенный вдоль трубы газопровода, будет препятствовать нормальной работе американских ракет-перехватчиков системы ПРО. Заметим, что и Швеция, в ноябре 2009 г. (так же как Дания и Норвегия) давшая согласие на прокладку газопровода, весьма опасалась, что Россия использует это строительство в разведочных целях. После того, как проект был окончательно одобрен, Польша выступила с требованием заглубить газопровод на два метра в дно Балтики. Причиной такого требования стали опасения польской стороны, что газопровод может представлять потенциальную опасность для судов из Катар, которые с 2014 г. должны поставлять сжиженный природный газ в порт Свиноуйсьце. Осадка этих судов составляет 12,5 м и расстояние между ними и газовой трубой составит всего один метр. Кроме того, в Свиноуйсьце расположена морская база НАТО, доступу судов к которой тоже может помешать газовая труба.

Президент Л. Качиньский настаивал на том, что газопровод «угрожает национальным интересам Польши», министр иностранных дел Р. Сикорский сравнивал соглашение о строительстве газопровода между Россией и Германией с «пактом Риббентроп–Молотов». Премьер Д. Туск, поначалу занимавший скорее умеренную позицию, со временем явно ужесточил ее, заявив, что «...Польша права, поставив большой знак вопроса над смыслом строительства Северо–Европейского газопровода с точки зрения интересов всей Европы. Ни одно европейское государство не может пренебрегать интересами энергетической солидарности. Германия со всей определенностью стоит перед важным экзаменом, и я надеюсь, что она сдаст этот экзамен»¹⁶².

Столь жесткая позиция политиков перекрыла польскому бизнесу все возможности принять участие в проекте. Далеко не все в Польше полагали, что это слишком дорого и

малоэффективно, так как Польша в силу ограниченности средств не сможет оказывать серьезного влияния, что «Северный поток» снизит значимость газопровода «Ямал–Европа» и перечеркнет потенциальную возможность строительства второй его ветки, идущей через Польшу. Бывший президент Польши А. Квасьневский в интервью, опубликованном и в Польше, и в Германии, выразил сожаление, что Польша сразу не примкнула к проекту. «Польша должна быть прагматичной, — полагает А. Квасьневский. — Если не удалось заблокировать проект по экологическим причинам, надо подключаться к нему. Газопровод может стать общеевропейской составляющей энергетической политики, и, таким образом мы можем получить от него выгоду»¹⁶³. Этого интервью Квасьневскому в Польше не простили, обвинив во всех смертных грехах и предательстве национальных интересов.

Несмотря на все проблемы и противодействие польской стороны, в ноябре 2011 г. первая нитка газопровода была пущена.

В 2009 г. ситуация с поставками газа усложнилась в связи с тем, что свои обязательства не выполнила компания «РосУкрЭнерго»: Польша недополучила 18% объема от общего потребления газа в стране. Поляки сделали попытку исправить положение, подписав дополнительный контракт с «Газпромом». Осенью 2009 г. между Россией и Польшей велись переговоры об увеличении поставок газа. Объем поставок предполагается довести до 11 млрд кубометров в год, соглашение должно действовать до 2037 г. Со стороны России контракт подписал «Газпром», со стороны Польши — PGNiG. Переговоры были осложнены одним обстоятельством. По ранее (в 1993 г.) достигнутому соглашению, российский газ должен поступать в Польшу по польскому участку газопровода «Ямал–Европа». До настоящего момента российская и польская стороны располагали каждая по 48% акций. Однако выяснилось, что перевес был на польской стороне, так как 4% акций принадлежало неким польским структурам, не входящим в число основных участников переговоров. Российский премьер В. Путин высказал свое несогласие с существующим положением вещей, заметив, что в договоре 1993 г. речь шла о том, что «собственность должна быть разделена в соотношении 50 на 50... однако там вдруг с польской стороны оказалось физическое лицо, владеющее 4%»¹⁶⁴.

«Физическим лицом» был один из богатейших людей Польши Александр Гудзоватый. Несмотря на все сложности, сторонам удалось договориться, было достигнуто соглашение о паритетном управлении. Российская сторона пошла на некоторые уступки, согласившись увеличить тарифы на транспортировку газа по польскому участку газопровода «Ямал–Европа», с тем, чтобы EuroPolGaz имел небольшую прибыль. Однако в самом конце 2009 г. близившиеся к успешному завершению переговоры вновь столкнулись с трудностями, причем скорее политическими: Л. Качиньский обвинил правительство в предательстве национальных интересов. Устрашившись, вице-премьер В. Павляк не решился поставить под удар и без того не очень высокий рейтинг ПСЛ, лидером которого он является, и своей волей приостановил процесс ратификации газовой сделки с Россией. Правда, в начале 2010 г. польско-российские переговоры возобновились.

Стремясь ослабить уровень зависимости от России, Польша планирует строительство газового терминала в Свиноуйсьце, куда газ будет поступать из Катара. Поставки должны начаться с 2014 г., их объем — около 1 млн т СПГ (сжиженного природного газа) — должен составить 10% от текущих потребностей Польши.

Внимание Польши к Катару стало особенно пристальным после сложностей, возникших с поставками газа через Украину. Катар становится реальным конкурентом России на газовом рынке Европы, в настоящее время выходит в лидеры мирового рынка СПГ. По оценкам экспертов, именно сжиженный газ завоевывает ведущие позиции в мире как источник энергии и со временем вытеснит и нефть, и обычный газ. Польша одной из первых начала переговоры о закупках СПГ из Катара, пытаясь ослабить монополию «Газпрома» на газовом рынке страны.

В последнее время в Польше определенные надежды связывают с разработкой сланцевого газа, запасы которого в стране достаточно велики. Но разработка этого вида сырья связана с серьезными проблемами: пока недостаточно изучен вопрос об экономической эффективности его добычи.

В сфере энергетики интересы России и Польши отнюдь не совпадают: если Польша старается, что вполне естественно, как можно более выгодно использовать свою роль посредника в транспортировке энергоресурсов, то Россия, не менее естественно, стремится как можно меньше прибегать к услугам посредников, реализуя проекты, позволяющие этого достичь.

Польские аналитики нередко подчеркивают особую роль Польши как посредника в развитии экономических связей между Россией и Европой, но представляется, что в условиях глобализации эту посредническую миссию не стоит преувеличивать. Как выразилась одна варшавская журналистка, неправомерно особенно гордиться ролью моста, когда все уже давно летают самолетами.

Непросто развивающиеся российско-польские отношения получили некоторый шанс на улучшение после избрания президентом в 2010 г. Б. Коморовского. Трудно заподозрить польских президента и премьера в особой любви к России, но стремление выстраивать взаимоотношения между двумя странами, исходя из принципа «нормальности» и видения России «такой, какой она есть» (по выражению Туска), несомненно, присутствует в политике нынешнего польского руководства.

Коморовский относит укрепление связей с Россией к числу приоритетных направлений польской внешней политики. В своих выступлениях он не раз говорил о необходимости улучшения отношений между двумя странами, замечая, что процесс этого улучшения может быть уподоблен «длительному походу», непростому, но имеющему правильный вектор движения. Коморовский полагает, что со стороны России «ситуация явно созрела до того, чтобы признать Польшу серьезным партнером. Мы хотели бы, чтобы процесс пошел еще дальше в плане создания не только хороших партнерских отношений, но и благоприятной почвы для польско-российского сотрудничества в надежде на, возможно, нелегкий, но необходимый процесс единения в правде, в рамках демократического порядка, в рамках создания государства правды»¹⁶⁵.

Несомненно, значимым событием в развитии российско-польских отношений был визит президента России Д. Медведева в Польшу в декабре 2010 г. Это был первый визит такого уровня после почти восьмилетнего перерыва. Б. Коморовский отметил, что визит явился открытием новой главы в российско-польских отношениях и залогом их «решительного улучшения, важным шагом в долгом пути, по которому Россия и Польша должны идти все быстрее»¹⁶⁶.

В ходе визита Россия и Польша заключили семь соглашений о сотрудничестве в самых разных сферах взаимоотношений двух стран. В том числе были подписаны де-

кларация о сотрудничестве в целях модернизации экономики между Министерством экономического развития РФ и Министерством экономики Польши; межправительственные соглашения о сотрудничестве в борьбе с загрязнением Балтийского моря; меморандум о сотрудничестве в области почтовой связи и электросвязи; совместное заявление в области энергетики; меморандум о сотрудничестве генеральных прокуратур; декларация об интенсификации сотрудничества и молодежных обменах между РФ и РП. Была также достигнута договоренность о создании Центра российско-польского диалога и согласия в РФ и Центра польско-российского диалога и согласия в Польше.

Подписание большого пакета документов свидетельствует о намерении сторон строить отношения на началах взаимовыгодного сотрудничества и прагматизма.

И во время подготовки визита, и в ходе его Коморовский подчеркивал удовлетворение Польши в связи с наметившимся сближением России с НАТО, продвижением ее по пути вступления в ВТО. Польский президент выражал готовность Польши всячески способствовать сближению России с евроатлантическими структурами¹⁶⁷.

В выступлениях и российского, и польского президентов прозвучали слова о стремлении закрыть сложные страницы в истории взаимоотношений двух стран, в том числе и страницы, связанные с историей. Президент РП высоко оценил принятое Государственной думой РФ заявление по Катынской трагедии, отметив, что оно «формирует определенный климат в политике»¹⁶⁸.

Однако далеко не все в Польше радовались визиту Д. Медведева. «Право и справедливость» отнеслась к визиту российского президента весьма скептически, определив его как «рутинный». Я. Качиньский не усмотрел в этом визите ничего хорошего для Польши. Перед российскими консульствами в польских городах, а также перед посольством России в Варшаве были организованы пикеты, члены которых требовали «правды о Смоленске», всячески выражали свое неприязненное отношение к России.

Можно констатировать, что российско-польские отношения развиваются достаточно сложно, что предопределено, прежде всего, несовпадением геостратегических интересов, а также тяжелым и труднопреодолимым грузом исторических обид. Однако тенденция к преобладанию рационального и прагматического подхода к выстраиванию этих отношений явно обозначилась в последнее время.

III.2. Польша на пути в ЕС и НАТО

Сближение Польши с европейскими структурами имеет длительную историю, восходящую еще к социалистическим временам. Польша установила дипломатические отношения с Европейским экономическим сообществом в июле 1988 г. В 1989 г. она подписала с ЕЭС договор о торговле и торгово-экономическом сотрудничестве, ставший основой для дальнейшего сближения сторон.

Новые возможности в этой сфере открылись после 1989 г. В экспозе Т. Мазовецкого (сентябрь 1989 г.) настойчиво подчеркивалась мысль о необходимости и закономерности этого сближения, предопределенного всем ходом исторического развития.

О намерении Польши вступить в Совет Европы польский премьер заявил в Европейском парламенте в феврале 1990 г. Переговоры с ЕС начались в декабре

1990 г. и закончились подписанием в 1991 г. Европейского договора о содружестве Польши с Европейскими сообществами и странами, являющимися их членами. На саммите в Копенгагене (1993 г.) Совет Европы принял решение о расширении ЕС за счет государств Центральной и Восточной Европы, при условии соответствия последних определенным критериям. 8 апреля 1994 г. Польша официально заявила о своем желании стать членом ЕС. В 1996 г. был создан Комитет европейской интеграции, в задачу которого входила координация польской интеграционной политики, годом позже в стране приняли документ, содержащий основные положения национальной стратегии интеграции, а 31 марта 1998 г. начались переговоры о вступлении Польши в ЕС.

Перед страной стояла сложная задача, связанная, прежде всего, с необходимостью приведения польского законодательства в соответствие с правовыми актами Сообщества.

Переговоры шли непросто и касались около тридцати самых различных вопросов, связанных с сельским хозяйством, охраной окружающей среды, региональной политикой. Пожалуй, наиболее сложной являлась проблема сельского хозяйства. Польская деревня заплатила высокую цену за процесс трансформации, уровень жизни на селе катастрофически упал, социальная инфраструктура была разрушена, безработица принимала угрожающие размеры, что привело к достаточно серьезным акциям социального протеста в конце 90-х годов.

Одной из наиболее волнующих польское общество проблем в связи со вступлением в ЕС являлись условия продажи земли иностранцам. В 1999 г. правительство Е. Бузека на переговорах в Брюсселе выдвинуло требование 18-летней отсрочки на право покупки земли иностранцами после вступления Польши в ЕС и 45-летней отсрочки на покупку земли под промышленные предприятия. Такого рода требования были по сути беспрецедентными: никто из стран-кандидатов не оговаривал для себя столь длительных сроков, и, тем не менее, с некоторыми уступками, Польше все же удалось добиться своего.

Хотя в целом европейский вектор развития Польши одобрялся и принимался обществом, а вступление в ЕС было на протяжении многих лет стратегической целью сменявших друг друга польских правительств, пройти этот путь оказалось не так уж легко.

Польша очень скоро проявила себя как политический актер, претендующий на самостоятельную роль и не желающий занимать в ЕС позицию покорного и за все благодарного «младшего брата». Весьма серьезная проблема, связанная с особой позицией Польши, была связана с проектом конституции Евросоюза.

В 2003 г. в ходе обсуждения проекта конституции в польском политическом дискурсе появился лозунг «Ницца или смерть» (выдвинутый Я. Рокитой). Под этим суровым заявлением готовы были подписаться многие польские политики. Хотя, на первый взгляд, для подобного рода непреклонности не было повода — ведь речь шла о деле сугубо мирном: о проекте конституции ЕС. Обсуждение проекта (полное название которого Договор о введении Конституции для Европы) высветило многие сложные проблемы ЕС, показало, как непросто строить общеевропейский дом в связи с серьезным несовпадением интересов его нынешних и будущих обитателей. Проект конституции предполагал изменение некоторых положений Договора Ниццы (2001 г.),

весьма выгодного для Польши: достаточно сказать, что по условиям этого договора Польша имела бы при голосовании после вступления в ЕС почти столько же голосов, что и Германия (27 и 29 соответственно). Конечно, Договор Ниццы импонировал многим польским политикам, появились даже разговоры о неких «державных амбициях» Польши в Европе.

Согласно же новому проекту, принцип исчисления голосов ставился в прямую зависимость от численности населения страны и, соответственно, Польша отстала от Германии в два раза. Кроме того, проект предусматривал ограничение числа полномочных комиссаров пятнадцатью, с тем чтобы комиссары от остальных, вновь вступающих в ЕС стран, не имели права голоса. Изменялся также и срок полномочий главы Совета: этот срок увеличивался, что затрудняло возможность каждой стране реализовать свои потенциальные шансы на руководство ЕС.

Несомненный отказ от принципа эгалитаризма в сторону усиления влияния государств-основателей ЕС не вызвал особого энтузиазма у представителей польского политического класса. Немногочисленные голоса о необходимости признать неизбежность идущего процесса, трезво оценивать реальные возможности и потенциал Польши и т. п. утонули в хоре сторонников лозунга «Ницца или смерть».

Лагерь сторонников «Ниццы» объединил людей самой разной политической ориентации. Об однозначном неприятии предлагаемого Конвентом проекта конституции ЕС заявила крайне правая партия Лига польских семей. Лидер фракции этой партии в сейме М. Котлиновский решительно отстаивал идею «Европы отечеств» и равных прав каждого государства.

Л. Качиньский, бывший тогда президентом Варшавы, заявлял, что вопрос о европейской конституции имеет принципиальное значение, поэтому ни о каких уступках не может быть и речи. «Право и справедливость» и ее лидеры — братья Качиньские не желали поддерживать партию «белого флага» и решительно выступили за референдум по поводу конституции ЕС. Писс предложила даже идею нового референдума по вопросу о вступлении Польши в ЕС, аргументируя свое предложение тем обстоятельством, что прежний опрос, в котором поляки однозначно высказались «за», проходил в принципиально иных условиях, когда облик ЕС определял Договор Ниццы.

С поддержкой последнего и готовностью стоять до конца выступили ПСЛ и Союз труда. Премьер-министр Л. Миллер делал, кажется, все возможное и невозможное, пытаясь отстоять Договор Ниццы. Чудом уцелев в авиакатастрофе, Миллер отправился в Брюссель в декабре 2003 г. в инвалидной коляске, проявив несгибаемое упорство в отстаивании интересов Польши. Упорно ратовал за «Ниццу» и бывший в то время президентом А. Квасьневский.

Линию на отстаивание интересов Польши в ЕС поддерживает и нынешний премьер Д. Туск. «Польша, — заявляет премьер, — не была и уж определенно не будет Золушкой в ЕС. Она будет ведущим актером на европейской и, соответственно, — на мировой сцене. Сильный Союз — это Союз интегрированный, стоящий на солидных основаниях, а таковыми являются общие ценности»¹⁶⁹.

В данном контексте Туск особое значение придавал Лиссабонскому договору (2007 г.). По сути, этот договор в какой-то мере заменяет конституцию ЕС, которую так и не удалось принять во многом из-за позиции Польши, которая требовала введение

в преамбулу конституции положения о христианских основах единения Европы. Лиссабонский договор был ратифицирован в конце 2009 г., причем не без трудностей. Последние были связаны, главным образом, с особой позицией Ирландии, в которой договор не с первого раза был одобрен на референдуме, а также Чехии. Президент В. Клаус, пользующийся репутацией евроскептика, тянул с подписанием договора до последнего.

Однако и в Польше Лиссабонский договор встретил неоднозначную реакцию. Ратификация этого договора прошла не гладко: в польском сейме разгорелись горячие дискуссии. Большинство членов фракции «Права и справедливости» проголосовало против, хотя сам Я. Качиньский голосовал «за». Дело дошло до того, что несколько депутатов сейма от ПиС покинули парламентский клуб. Противники договора считали, что Польша, одобрив его, утратит свой суверенитет, т. к. договор предполагает, что с 2014 г. решения ЕС будут принимать в соответствии с принципом «двойного большинства». Это значит, что для принятия решения необходимо одобрение его как минимум 55% государств-членов, при условии, что они представляют не менее 65% населения Евросоюза. Договор предусматривает также введение должности уполномоченного по международным делам. Все эти условия, несомненно, повышают влияние Брюсселя на принимаемые в Варшаве решения.

Договор отменяет прежнюю систему представительства членов Союза в Еврокомиссии. Принцип «одна страна — один комиссар» утрачивает свою силу. С 2014 г. только 18 из 27 стран будут иметь своего представителя. Вводится пост президента Евросоюза, который будет избираться на 2 года.

Лиссабонский договор, полагает английский политолог, Х. Робинсон, выгоден только евробюрократам. Большинство народов Европы выступают против дальнейшей интеграции, и если ЕС останется в прежнем виде, ему не миновать кризиса. Правда, элиты европейских стран настроены гораздо менее критично, но не следует забывать, что «нет никакого европейского народа, европейского общественного мнения или европейского патриотизма»¹⁷⁰.

Действительно, как показывают социологические опросы, ожидания, согласно которым процессы европейской интеграции будут способствовать формированию европейской идентичности, в принципе не оправдались. Несмотря на то что европейцы одобряют в целом интеграционные процессы, очень немногие готовы идентифицировать себя с Европой: в 32 европейских странах 3,2% респондентов ставят Евросоюз на первое место среди территорий, с которыми они прежде всего себя идентифицируют, 8,5% — на второе место и 17,5 — на последнее. Причем эти цифры практически не меняются на протяжении более 20 последних лет¹⁷¹.

Данные социологических исследований свидетельствуют, что в польском общественном сознании нет достаточно четких представлений о месте Польши в Европе: 20% респондентов считают, что Польша всегда была в Европе, 8% не имеют на этот счет определенного мнения. В отличие от США, Германии, России, по отношению к которым в сознании поляков сформировались некие устойчивые стереотипы, «европейских» стереотипов пока нет¹⁷².

В польском сознании утвердилось представление о двух Европах: циничной и холодной, равнодушной к судьбе поляков — и идеальной, возвышенной, основанной на христианских ценностях. Польская идентичность основана на романтиче-

ской парадигме. Некогда Бисмарк говорил, что поляки — это политики в поэзии и поэты в политике. Но для нынешней Польши данное утверждение вряд ли актуально. Польские исследователи пишут о разрушении прежней парадигмы и формировании новой, основанной на европейских ценностях. Сложность в том, что идентичность поляков двойственна: «кичливый лях» (по выражению Пушкина) является таковым только в России. «Этот лях, — пишет польский исследователь Я. Прокоп, — стоит на границе двух миров, по сути, чуждый обоим. Он боится поскользнуться на блестящем паркете брюссельских кабинетов, франкфуртских и парижских банков, потеряться в страсбургских кулуарах и вместе с тем он пренебрежительно относится к азиатам»¹⁷³.

Если вступление в ЕС породило в польском обществе оживленную дискуссию и неоднозначные суждения (при несомненной поддержке этой акции в принципе), то присоединение страны к НАТО оценивалось поляками вполне однозначно.

Польский путь в НАТО начался в 1990 г. с установления дипломатических контактов и признания за польскими парламентариями статуса наблюдателей. В 1991 г. президент Л. Валенса заявил в Кракове во время встречи с президентами Чехословакии и Венгрии о намерении Польши вступить в альянс. Вскоре был создан Североатлантический совет сотрудничества, осуществляющий координацию контактов НАТО с государствами Центральной и Восточной Европы.

Существенный прогресс в сближении Польши с Североатлантическим союзом был достигнут в 1994 г., когда премьер В. Павляк подписал документ «Партнерство во имя мира». В том же году Польша первой из стран, претендующих на членство в НАТО, представила Индивидуальную программу партнерства с НАТО. Вскоре состоялись первые совместные учения на территории Польши. И, наконец, на исходе все того же 1994 г. министры иностранных дел 16 государств — членов НАТО заявили о готовности альянса к приему новых членов.

Серьезные перемены в расстановке политических сил, происшедшие в Польше в середине 90-х годов и связанные с победой на парламентских выборах социал-демократов, не изменили вектор внешнеполитической ориентации. В 1995 г. премьер Ю. Олексы подтвердил в Брюсселе волю польского правительства и впредь предпринимать все усилия для достижения членства Польши в НАТО, а годом позже новоизбранный президент А. Квасьневский свой первый зарубежный визит нанес именно в Брюссель, спеша подтвердить незыблемость намерений Польши. В следующем, 1997 г. Польша получила от руководящих структур НАТО заверения в том, что она будет в числе государств, для которых двери в альянс откроются в первую очередь. В конце того же года МИД Польши направил в НАТО официальное письмо, подтверждающее стремление страны к вступлению в альянс и ее готовность соблюдать все связанные с этим обязательства. Сторонами был подписан соответствующий протокол, и в 1998 г. решение о принятии Польши в НАТО было ратифицировано. После необходимых действий с польской стороны в 1999 г. страна стала членом альянса.

Вступление в НАТО расценивалось польской политической элитой как историческое событие, позволившее стране достичь максимально возможной безопасности, какой Польша не имела на протяжении всей своей истории. Так оценивали вступление в НАТО разные политические силы в стране. Действительно, стремление в альянс было

приоритетной задачей сменявших друг друга польских президентов и правительств, независимо от их политической ориентации*.

Польша вступила в НАТО в не самое спокойное время: едва отгремели торжества по поводу приема в альянс новых членов, мир потрясла весть о бомбовых ударах НАТО по Югославии. Известно, что отношение к этой акции было и остается по сей день далеко не однозначным. Но позиция Польши была вполне определенной: она безоговорочно поддержала бомбовые удары альянса, причем польское руководство считало такую позицию вполне правомерной и соответствующей союзническому долгу. Идеи славянского единства тогдашнего польского президента не смущали. А. Квасьневский замечал, что Польша никогда не разделяла этой идеи, направленной против западноевропейской цивилизации, частью которой она себя ощущала. На протяжении веков Польша боролась против агрессии с востока, защищая свою самобытность. Славянские народы, включенные в процесс интеграции, не должны стать «сферой рецидива антизападного панславизма»¹⁷⁴.

НАТО, в представлении польской правящей политической элиты, не может выполнить своих функций без выраженного американского лидерства. Поэтому в задачу польской внешней политики входит максимально возможное смягчение антагонизма между США и европейскими партнерами по НАТО. Только США, как с военной, так и с политической точки зрения, считаются гарантом польской безопасности.

Не все в Польше уверены в том, что ее отношения с США в полной мере отвечают национальным интересам. Более того, некоторые аналитики полагают, что до прихода к власти правительства Д. Туска Польша находилась в положении скорее сателлита, чем равноправного партнера США.

Заметим, что после 2007 г. проамериканская направленность польской внешней политики стала не столь явной. Это проявилось, в частности, в ужесточении позиции по отношению к проблеме размещения на территории Польши противоракетных установок (программа ПРО).

Подчеркивая свою верность союзническим обязательствам как члена НАТО, Польша тем не менее приняла решение о выводе своих войск из Ирака, хотя в Афганистане польский воинский контингент в 2010 г. еще оставался.

III.3. Польша в РЕГИОНАЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Традиционно одним из приоритетов польской внешней политики является региональное сотрудничество, в частности, в рамках Вишеградской группы, которая образовалась в 1991 г., получив свое название от венгерского города Вишеград, где была создана. В состав ее вошли Венгрия, Польша и Чехословакия. После распада ЧСР, Вишеградская тройка превратилась в четверку. Одной из целей объединения

* Польские социал-демократы в первые годы своего существования достаточно сдержанно относились к идее вступления Польши в альянс, но очень скоро стали горячими сторонниками членства РП в НАТО.

было создание для стран-участниц благоприятных условий вхождения в общеевропейские структуры. Эта цель к настоящему моменту достигнута, но остается еще целый ряд вопросов, требующих более тесного регионального сотрудничества.

Инициатором создания Вишеградской группы был чехословацкий президент В. Гавел, озвучивший эту идею во время выступления в польском сейме в январе 1990 г. Развитие сотрудничества в рамках названного объединения не всегда шло гладко и бесконфликтно. Чешский премьер В. Клаус выражал в свое время большие сомнения в целесообразности его существования. В годы премьерства Клауса в Чехии и Мечиара в Словакии Вишеградская группа существовала скорее на бумаге. Однако со временем позиция политиков изменилась, и идея регионального сближения уже не представлялась такой уж бесперспективной. Причем на роль лидера Вишеградской группы активнее других претендует Польша¹⁷⁵.

Однако в начале вишеградского процесса эта роль признавалась далеко не всеми. В том числе и потому, что Польша не всеми потенциальными партнерами воспринималась как центрально-европейское государство. В строго географическом смысле Польша таковым и не является: северная часть ее территории принадлежит к Балтийскому региону, а восточные земли, граничащие с Украиной и Белоруссией, — к Восточной Европе.

Причем в европейских структурах — НАТО и ЕС — долгое время господствовало мнение З. Бжезинского, согласно которому Польша не может быть самостоятельным геостратегическим игроком и ее шанс — интеграция в Европу. Но развитие Польши после 1989 г. опровергло мнение Бжезинского. Известный польский политик Б. Геремек в 1999 г. писал: «Польша не большая страна, но не такая уж и маленькая. В качестве члена двух больших структур — Европейской и Евро-Атлантической — Польша может играть роль страны; ответственной за регион Центральной Европы... Польша является моделью для региона, сегодня более чем когда-либо; она — пример успешной трансформации, благодаря которой произошли отказ от политических отношений, основанных на зависимости от Советского Союза, и вступление в мир, в котором свобода означает возможность достичь экономического успеха и национальной независимости»¹⁷⁶.

С течением времени деятельность V4, как иногда называют Вишеградскую группу, активизировалась. Страны-участницы сотрудничают в самых разных областях; в частности, в сфере культуры, науки, образования, оборонной политики, экономики, борьбы с международным терроризмом.

Шансом к расширению V4 можно считать выдвинутую Польшей идею энергетической безопасности. Эта идея нашла поддержку у стран — членов Вишеградской группы, выразивших готовность создать «организацию коллективной энергетической безопасности» по образу и подобию НАТО.

Стремление Польши играть роль регионального лидера проявляется и в ее отношениях с государствами, образовавшимися после распада СССР.

Д. Туск — сторонник идеи «восточного партнерства», направленного на углубление сотрудничества между Евросоюзом и его восточными соседями, за исключением России и Белоруссии. Варшава намеревается помогать Украине, Молдавии, Грузии, Азербайджану и Армении. Эту идею поляков поддерживают такие западные страны, как Швеция, Великобритания, Дания, Германия. Данная инициатива вписывается в рамки претензий Польши на роль главного стратега восточной политики ЕС, содержанием которой являются отношения с Россией, Украиной и Белоруссией.

Стремление Польши к роли регионального лидера подчас вступает в противоречия с интересами России. Так, в конце 2004 г. польско-российские отношения резко ухудшились из-за откровенной поддержки А. Квасьневским В. Ющенко на выборах в Украине. В тот непростой для Украины период Киев посетил Л. Валенса, выступивший на Майдане. Для польской политической элиты «оранжевая революция» была не просто избирательными баталиями, а борьбой за «цивилизационный выбор Украины». Б. Геремек, а вслед за ним и многие другие польские аналитики утверждали, что «оранжевая революция» означала выбор Украиной европейской идентичности в противовес «азиатской», пророссийской.

Польское общество весьма активно реагировало на украинские события: в поддержку «оранжевой революции» были проведены демонстрации в целом ряде польских городов, причем самое активное участие в них приняли чеченские сепаратисты; группы поддержки выехали в Киев и Львов. Прибывшая на Украину парламентская делегация польского сейма включала в себя представителей самых разных политических сил — от правых до социал-демократов. Нынешний президент Польши Б. Коморовский выступал на Майдане, привез туда своих детей, чтобы они ощутили атмосферу революции, пережили нечто подобное тому, что пережил их отец в годы «Солидарности». «Оранжевую революцию» не поддержала, правда, Лига польских семей, которую недоброжелатели подозревали в контактах с Москвой.

Соответствие роли регионального лидера оказалось для Польши более затруднительным в вопросе отношений с Белоруссией. Польша признала суверенитет Белоруссии, установила с ней дипломатические отношения, подписала все необходимые договоры. При этом польской стороной было особо отмечено, что успешное развитие взаимоотношений зависит от успеха демократических процессов в Белоруссии. Однако белорусская политическая элита не оправдала ожиданий западного соседа. После избрания президентом Белоруссии А. Лукашенко отношения двух стран приобрели весьма напряженный характер, хотя на официальном уровне сохранялись в полном объеме. Польша активно критиковала белорусские власти за нарушение прав человека, поддерживала оппозицию в стране, что подчас порождало серьезную напряженность в отношениях. Именно так случилось в 2005 г., когда Варшава в борьбе за руководство Союзом поляков Белоруссии (СПБ) поддержала кандидатуру А. Борис, связанную с оппозицией. Белорусская сторона отреагировала на эту акцию выдворением из страны польских дипломатов.

Конфликт вокруг СПБ расценивался многими аналитиками как элемент предвыборной кампании: в 2006 г. в Белоруссии предстояли выборы президента, и некоторые политические круги в Польше надеялись на очередную «цветную революцию», которой, как известно, не произошло.

Поддержка оппозиции обосновывалась польской стороной, как заявил об этом Б. Коморовский, «великой целью» — расширением территории «нормальной и предсказуемой Европы»¹⁷⁷.

Достаточно серьезно заявила Польша о своих претензиях на особую роль в регионе и во время военного конфликта на Кавказе в 2008 г. Эти события вызвали в Варшаве быструю и весьма энергичную реакцию. Президент Л. Качиньский незамедлительно вылетел в Тбилиси, захватив по дороге президентов Латвии, Эстонии, Литвы и Украины.

На митинге, участники которого восторженно приветствовали прилетевшую команду, Качиньский заявил о готовности Польши к борьбе с Россией, якобы вновь демонстрирующей имперские наклонности. Речь Качиньского была встречена в Польше, по меньшей мере, неоднозначно. В прессе писали и о «звездной ночи» Качиньского (митинг проходил в ночь с 12 на 13 сентября), и о неоправданных, а то и смешных претензиях на роль арбитра в споре, решение которого явно не под силу Варшаве. Другие государственные мужи Польши вели себя более сдержанно, чем польский президент¹⁷⁸.

Л. Качиньский поддержал М. Саакашвили и в 2007 г., когда президент Грузии закрыл оппозиционный телевизионный канал «Имеди». Работа последнего возобновилась в результате успешной посреднической миссии А. Михника, отправившегося в Тбилиси по просьбе США и Брюсселя. В те горячие для Саакашвили дни Качиньский однозначно принял его сторону в противостоянии с оппозицией. Некоторые политические противники Л. Качиньского в Польше, вспоминая тогда о неравнодушном отношении его к Ю. Пилсудскому, с насмешкой говорили, что президент ищет для себя «Каштанку», оседлав которую он мог бы покорить Россию (с Каштанкой, любимой лошадию Пилсудского, сравнивали Саакашвили).

Качиньский же отрицал свою приверженность идеям маршала в нынешних исторических условиях, но настаивал на необходимости противостоять России в ее стремлении сохранить свое влияние на территориях, некогда входивших в состав Речи Посполитой, а также на особом значении Грузии, Украины и Азербайджана для Польши. Азербайджан, полагал Качиньский, может стать мощным источником нефти и газа, на запад в обход России. Л. Качиньский придавал большое значение плану восточного партнерства и считал, что Польша не может не реагировать на грузинские события, исходя только из чисто прагматических соображений.

Претензии Польши на роль регионального лидера вполне близки и президенту Б. Коморовскому. Он с особой симпатией и интересом относится к Центральной и Восточной Европе. Недаром в 70–80-е годы он был одним из редакторов журнала «АВС — Адриатика, Балтика, Черное море», посвященного проблемам Центральной и Восточной Европы. «Я чувствую себя человеком, — замечает Коморовский, — который имеет особый опыт польского бытия на Востоке, а также польского знания о восточном мире»¹⁷⁹. В этом особом знании Польши президент твердо уверен, и поэтому он считает, что именно Польша должна стать региональным лидером. У нее, по мысли Коморовского, особая миссия в интеграции Европы, так как поляки имеют богатый исторический опыт совместного бытия с другими народами в период I Речи Посполитой. Этот опыт, глубокое понимание Польшей менталитета и проблем восточноевропейских народов должны быть в полной мере использованы.

Таким образом, можно констатировать, что перемены, происшедшие в Польше после 1989 г., коренным образом изменили геополитические приоритеты страны. «Бегство с востока», интеграция Польши в европейские структуры, поиск своего места в новых реалиях международной жизни явились основными факторами, определившими эти приоритеты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Cnoty i grzechy panny «S» // *Gazeta wyborcza*. 2010. 15/16 maj. S. 7.
- 2 *Ash T.* Polska rewolucja. *Solidarność*. Londyn, 1987. S. 20.
- 3 *Wałęsa L.* Droga nadziei. Kraków, 1990. S. 135.
- 4 Protokoły porozumień: Gdańsk. Szczecin. Jastrzębie. Warszawa, 1980. S. 10.
- 5 *Wałęsa L.* Droga do prawdy. Autobiografia. Warszawa, 2008. S. 99.
- 6 *Wałęsa L.* Droga nadziei. S. 155.
- 7 Jestem prawdomódcą. Z Lechem Wałęsą rozmawia H. Dobosz // *Przegląd polityczny*. Warszawa, 1989. N 12. S. 138–139.
- 8 *Holzer J.* «Solidarność» 1980–1981. Geneza i historia. Warszawa, 1990. S. 106.
- 9 Сообщение о заседании Главного совета епископата Польши // Польша 1989: «Солидарность» год первый... С. 149.
- 10 *Wałęsa L.* Droga do prawdy... S. 104.
- 11 «Мы были недовольны нарастающим социальным неравенством и массовым оглушением людей, — заявлял участник социологического опроса в начале 80-х годов. — Говорили: труд, во имя труда, благодаря труду, а на предприятиях кумовство, воровство». «Каким должен быть социализм, я знаю только по лозунгам, — вторил ему другой респондент. — Он всегда ассоциировался у меня с какой-то очень правильной, очень человеческой и очень прогрессивной идеологией. Но такого социализма я никогда не знал» (*Szafraniec K.* Człowiek wobec zmian społecznych: Studium empiryczne z lat 1980–1981. Warszawa, 1990. S. 60, 101).
- 12 Цит. по: *Holzer J.* «Solidarność»... S. 136.
- 13 Цит. по: *Ibid.* S. 202.
- 14 *Rakowski M.* Czasy nadziei rozczarowań. Warszawa, 1985. S. 153.
- 15 Цит. по: *Mażewski L.* W objęciach utopii. Polityka — ideologia — analiza dziejów «Solidarności» 1980–2000. Toruń, 2001. S. 30.
- 16 Цит. по: *Roszkowski W.* Historia Polski 1914–1990. Warszawa, 1992. S. 364.
- 17 Цит. по: *Holzer J.* «Solidarność»... S. 219.
- 18 *Jaruzelski W.* Stan wojenny. Dłaczego... Warszawa, 1992. S. 199.
- 19 *Holzer J.* «Solidarność»... S. 251.
- 20 *Kaliski B.* «Antysocjalistyczne zbiorowisko»? I Krajowy Zjazd delegatów NSZZ «Solidarność». Warszawa, 2003. S. 33, 36.
- 21 *Holzer J.* «Solidarność»... S. 283.
- 22 Poślanie I zjazdu Delegatów NSZZ «Solidarność» do ludzi pracy Europy Wschodniej // NSZZ «Solidarność» 1980–1981. Podstawowe dokumenty. Kronika działalności. Bibliografia. Wrocław, 1990. S. 263–264.
- 23 *Holzer J.* «Solidarność»... S. 269.
- 24 NSZZ «Solidarność» 1980–1981. Podstawowe dokumenty... S. 48.
- 25 *Kaliski B.* «Antysocjalistyczne zbiorowisko»?... S. 39.
- 26 *Ibid.* S. 66.
- 27 Program NSZZ «Solidarność» uchwalony przez I Krajowy Zjazd Delegatów // NSZZ «Solidarność» 1980–1981. Podstawowe dokumenty... S. 99.
- 28 *Ibid.* S. 104.
- 29 «Solidarność» XX lat historii. Warszawa, 2001. S. 62

- 30 *Holzer J.* «Solidarność»... S. 341.
- 31 *Paczkowski A.* Droga do «mniejszego zła». Strategia i taktyka obozu władzy. Lipiec 1980 — sty-czen 1982. Kraków, 2002. S. 301–302.
- 32 В СССР ситуация в Польше вызывала большую обеспокоенность, возможность военного вмешательства теоретически предусматривалась, но определяющим был «курс Кремля на силовое решение политического конфликта польскими руками» (*Яжборовская И.* Советское военное руководство и введение военного положения в Польше в 1981 г. // Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 507).
- 33 Известия. 1994. 13 апреля.
- 34 *Lopinski M., Moskit M., Wilk M.* Konspira. Rzecz o podziemnej «Solidarności». Gdańsk; Warszawa, 1989. S. 27.
- 35 *Wałęsa L.* Droga do prawdy... S. 191.
- 36 Цит. по: *Mażewski L.* W objęciach utopii... S. 154.
- 37 *Paczkowski A.* Poł wieków dziejów Polski 1939–1989. Warszawa, 1998. S. 531.
- 38 *Paczkowski A.* Stan wojenny i powojenny // PRL od grudnia 70 do czerwca 89. Warszawa, 2011. S. 218.
- 39 *Dudek A., Marszałkowski T.* Walki uliczne w PRL 1956–1989. Kraków, 1990. S. 323.
- 40 Министр внутренних дел Ч. Кишак после многочасовых бесед с лидером «Солидарности» не без раздражения констатировал: «Валенса не изменился в те-чении 11 месяцев. Он по-прежнему является хитрым игроком мелкого калибра, пройдохой, пытающимся извлечь пользу из любой ситуации. Проявлением этого является в настоящее время его хитрое представление себя сторонником прави-тельства и генерала Ярузельского. Он высказывается за союз с СССР. Валенса не считает интернирование справедливым, но он заявил, что введение военного по-ложения было необходимо, так как страна стояла на грани катастрофы» (цит. по: *Głębocki H.* Konspira. Dzieje «Solidarności» w podziemiu (1981–1989) // «Solidarność» XX lat historii... S. 168).
- 41 *Бухарин Н.И.* Общественно-политический конфликт 80-х годов в Польше // Социальные конфликты в тоталитарной системе. М., 1991. С. 89.
- 42 *Skórczyński J.* Rewolucja okrągłego stołu. Kraków, 2009. S. 15.
- 43 *Kwaśniewski A.* Dom wszystkich Polska. Warszawa, 2000. S. 61.
- 44 *Friszke A.* Tymczasowa Komisja Koordynacyjna NSZZ «Solidarność» (1982–1987) // Solidarność podziemna 1981–1989. Warszawa, 2006. S. 75.
- 45 *Rakowski M.F.* Jak to się stało. Warszawa, 1991. S. 93–94.
- 46 Цит. по: *Skórczyński J.* Uгода i rewolucja. Władza i opozycja 1985–1985. S. 27.
- 47 *Marody M.* Długi finał. Warszawa, 1995. S. 53.
- 48 Цит. по: *Kiszczaк Cz.* 1988 r. Prawda według generała Kiszczaка // Gazeta wyborcza. 2008. 23/24 sierp. S. 25.
- 49 Słowo biskupów polskich z Jasnej Góry do duchowieństwa, wiernych i wszystkich ludzi dobrej woli w Ojczyźnie // Przegląd katolicki. 1988. 4 września.
- 50 Цит. по: *Skórczyński J.* Uгода i rewolucja ...S. 94.
- 51 *Rakowski M.F.* Dzienniki polityczne 1987–1990. Warszawa, 2005. S. 230–232.
- 52 Цит. по: *Woźniak Z.* Pokłosie okrągłego stołu // Ruch prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny. R. LXXI. Poznań, 2009. Z. 2. S. 349.

- 53 *Raina P.* Rozmowy z władzami PRL. Biskup Dąbrowski w służbie kościoła i naroda. Warszawa, 1995. T. 2. S. 331.
- 54 *Rakowski M.F.* Dzienniki polityczne 1987–1990. Warszawa, 2005. S. 325.
- 55 *Wozniak Z.* Poklosie okrągłego stołu... S. 355.
- 56 *Tręmbicka K.* Okrągły stół – mity i stereotypy // *Studia polityczne*. Warszawa, 2004. N 15. S. 98.
- 57 Ibid. S. 101.
- 58 Цит. по: *Skórczyński J.* Rewolucja okrągłego stołu. S. 227.
- 59 *Kuroń I.* Spoko! Czyli kwadratura koła. Warszawa, 1992. S. 79.
- 60 *Machejek I.* Kwaśniewski: «nie lubię tracić czasu». Łódź, 1995. S. 41.
- 61 Цит. по: *Skórczyński J.* Rewolucja okrągłego stołu. S. 271.
- 62 Цит. по: Ibid. S. 343.
- 63 Интересно в этой связи высказывание президента Польши Б. Коморовского, с молодых лет участвовавшего в оппозиционной деятельности: «...никто так охотно не строил капитализм для себя, как представители прежней коммунистической номенклатуры. Номенклатурные связи сохранились, и оказались необычайно плодотворными... Я считал, что если они обогатятся, то, может быть, дадут нам спокойно преобразовать Польшу в нормальную, демократическую, свободнорыночную, западную страну» (*Komorowski B.* Prawa strona. Życie, polityka, anekdota. Warszawa, 2005. S. 141–142).
- 64 *Michnik A.* Uwierzcie własnym oczom // *Polityka*. 2008. № 51/52. S. 36.
- 65 Цит. по: *Skórczyński J.* Rewolucja okrągłego stołu. S. 356.
- 66 *Wałęsa L.* Wygraliśmy resztką sił. J. Paradowska rozmawia z L. Wałęsą // *Polityka*. 2008. N 39. S. 20.
- 67 Значительно позже, оценивая ситуацию тех лет, Б. Геремек замечал: «...сторона „Солидарности“ была очень слаба. У нас не было не только средств для применения силы, но и организационных структур» (*Giermek B.* Trzeba było wygrać // *Polityka*. 2008. № 30. S. 18).
- 68 *Skórczyński J.* Rewolucja okrągłego stołu. S. 362.
- 69 *Dudek A.* Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. 1989–2001. Kraków, 2002. S. 63.
- 70 *Krasowski R.* Gracz // <http://www.polityka.pl/historia/1523633,3,historia-iii-rp-i-jaroslaw-kaczynski.read>
- 71 *Skórczyński J.* Rewolucja okrągłego stołu. S. 373.
- 72 Цит. по: *Mazurek L.* W objęciach utopii... S. 241.
- 73 *Rzeczpospolita*. 2000. 26/27 sierpnia. S. 4.
- 74 *Michnik A.* Jak powstaje realna demokracja // *Gazeta wyborcza*. 2000. 1/2 lipca. S. 3.
- 76 *Dudek A.* Rewolucja robotnicza i ruch narodowowyzwoleńczy // *Lekcja sierpnia. Dziedzictwo «Solidarności» po dwudziestu latach*. Warszawa, 2002. S. 145.
- 76 Ibid. S. 144.
- 77 Цит. по: *Szaczkowski I.* Liberalizm po komunizmie. Kraków, 1994. S. 101.
- 78 *Куронь Я.* Как рухнул реальный социализм // <http://nov.pol.ru/ru/dex.php?id=218>
- 79 *Modzelewski K.* Dokąd od komunizmu? Warszawa, 1993. S. 18.
- 80 *Staniszkis J.* Zwierze niepolityczne. Warszawa, 2004. S. 126.
- 81 *Alfabet braci Kaczyńskich*. Warszawa, 2010. S. 209.
- 82 Ibid. S. 190.
- 83 *Gazeta wyborcza*. 1990. 14 maja.

- 84 Цит. по: Dudek A. Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. Kraków, 2002. S. 131.
- 85 Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej. Wrocław, 2000. S. 150.
- 86 Uchwała II krajowej konferencji KLD // Programy partii i ugrupowań parlamentarnych 1989–1991. Warszawa, 1995. S. 105.
- 87 Dudek A. Pierwsze lata... S. 219.
- 88 Uchwała XI zjazdu // Trybuna kongresowa. 1990. 30 stycz.
- 89 Kwaśniewski A. Dom wszystkich Polska. S. 54–55.
- 90 Delkaracja socjałdemokracji Rzerzypospolitej Polskiej // Trybuna kongresowa. 1990. 1 lut. S. 3.
- 91 Majcherek J. A. Kwaśniewski: «...nie lubię tracić czasu...». Łódź, 1995. S. 57.
- 92 Dudek A. Pierwsze lata... S. 264.
- 93 Kwaśniewski A. Jeszcze zatańczę i zaśpiewam // Polityka. 2003. N 47. S. 26.
- 94 Wasilewski J. Normatywna integracja polskiej elity posttransformacyjnej // Jak żyją polacy. Warszawa, 2001. S. 98.
- 95 Szawel T. Podział na lewicę i prawicę w Polsce po 1989. — jego sens i trwałość // System partyjny i zachowania wyborcze. Warszawa, 2003. S. 181.
- 96 Ibid. S. 185.
- 97 Kuroń J., Modzielewski K. Lewica jutra // Krytyka polityczna. 2004. N 2. S. 112.
- 98 Мухник А. Бархатная реставрация // Известия. 1994. 30 сент. С. 4.
- 99 Marody M. W poszukiwaniu sensu zbiorowego // Polityka. 1993. N 42. S. 4.
- 100 Kwaśniewski A. Margines błędów: z Kwaśniewskim A. rozmawia M. Turski // Polityka. 1993. N 40. S. 3.
- 101 Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej. Wrocław, 2000. S. 134.
- 102 Subotic M. Odlądzone telefony: rozmowa z T. Mazowieckim // Rzeczpospolita. 1998. 11/12 wrześ. S. 3.
- 103 Paradowska J. Mieszanie bez cukru: czyli obecny układ polityczny wycierpiał swe możliwości // Polityka. 1995. N 9. S. 8.
- 104 Paradowska J. Jesień rządu // Polityka. 1999. N 38. S. 3–8.
- 105 Wiatr J. Socjałdemokracja wobec wyzwań XXI wieku. Warszawa, 2000. S. 77.
- 106 Pielecki W. Lekcja demokracji // Trybuna. 2001. 29/30 wrześ. S. 8.
- 107 Henzler M. Łąciuszek Janika // Polityka. 2002. N 3. S. 25.
- 108 Partie i koalicje III Rzeczypospolitej. Wrocław, 2000. S. 138.
- 109 Ibid. S. 140.
- 110 Mamy parlament // Trybuna. 2001. 27 wrześ. S. 1.
- 111 Balicka M. Ogoń, dawniej tygrys // Polityka. 2002. N 3. S. 59.
- 112 Miller L. Po pierwsze przedsiębiorczość // Trybuna. 2002. 25 list. S. 4.
- 113 Paradowska J. Stodniówka Millera // Polityka. 2002. N 5. S. 19.
- 114 Lewicowość na papierze // Rzeczpospolita. 2002. 2 pazd. S. 1.
- 115 Tarnowski P. Jazda obowiązkowa // Polityka. 2005. N 35. S. 6.
- 116 Sierakowski S. Niech lewica nauczy się mówić // Polityka. 2005. N 33. S. 7.
- 117 Rozmowa z M. Borwskim // <http://www.tygodnikkrag.pl/pl/rozmowa.php?action=show&id=83>
- 118 Tusk D. Solidarność i duma. Gdańsk, 2005. S. 116.
- 119 Ibid. S. 98.
- 120 Wybory 2001: Partie i ich programy. Warszawa, 2002. S. 8.
- 121 Rubisz L. Platforma obywatelska — tradycje i inspiracje światopoglądowe // Platforma obywatelska. Toruń, 2009. S. 89.

- 122 *Tusk D.* Rewolucja małych kroków // *Polityka*. 2008. N 5. S. 19.
- 123 Ibid. S. 17.
- 124 Wybory 2001: Partie i ich programy. S. 177.
- 125 Ibid. S. 197.
- 126 Ibid. S. 207.
- 127 Rzeczpospolita. 2001. 9 lip. S. 3.
- 128 *Antoszewski A.* Platforma obywatelska w polskim systemie partyjnym // *Platforma obywatelska*. Toruń, 2009. S. 15.
- 129 *Antoszewski A.* Platforma obywatelska w polskim systemie partyjnym. S. 17.
- 130 By żyło się lepiej. Wszystkim. Program wyborczy Platformy Obywatelskiej // <http://www.platforma.org.pl/program>.
- 131 Ibid.
- 132 Wybory 2001: Partie i ich programy. S. 92.
- 133 Prawo i sprawiedliwość: Sprawiedliwość dla wszystkich: Program 2005. Warszawa, 2005.
- 143 s. /Archiwum partii politycznychJSP PAN. S. 7.
- 134 *Janicki M., Władyka W.* Wybory jak rozbiory // *Polityka*. 2005. N 44. S. 12.
- 135 Kongres PiS: IV Rzeczpospolita miłości // *Rzeczpospolita*. 2009. 2 lut. S. 6.
- 136 *Komorowski.* Komorowski bez pudry // *Gazeta wyborcza*. 2010. 15/16 maj. S. 4.
- 137 *Tusk D.* Tam gdzie starch, tam PiS // *Polityka*. 2010. N 27. S. 20.
- 138 *Kuczunski W.* «Bolczewicy» III Rzeczypospolitej // *Gazeta wyborcza*. 2009. 30 stycz. S. 20.
- 139 Poniżej oczekiwań przez nieruchawe miasta, w sejmikach 10:6 // *Gazeta Wyborcza*. 2010. 22 list. S. 3.
- 140 *Gursztyn P., Wybranowski W.* PJN ogłasza deklarację ideową // <http://www.rp.arttykul/575482.html?print=tak>
- 141 Sojusz lewicy demokratycznej // <http://www.polska.pl/aktualnosci/articl.id.188989ht>
- 142 *Napieralski G.* Skonczyła się fałszywa alternatywa // *Forum klubowe*. 2010. N 3/4. S. 118–120.
- 143 Idid. S. 120.
- 144 *Wiśniewski L.M.* Rozbity kościół, święty frazesy // *Gazeta wyborcza*. 2010. 14 grud. S. 12.
- 145 *Bauman Z.* Handlarze strachu // *Krytyka polityczna*. 2003. N 4. S. 41.
- 146 Цит. по: *Nalewajko E.* Populizm a demokracja. Warszawa, 2004. S. 59.
- 147 *Markowski R.* Mało nas // *Polityka*. 2010. N 26. S. 12–13.
- 148 *Mazowiecki T.* Kaczyński wzięca rokosz // *Polityka*. 2010. N 31. S. 17.
- 149 *Komorowski B.* Wystąpienie prezydenta z okazji Święta Nipodległości // *Gazeta wyborcza*. 2010. 12 list. S. 1.
- 150 *Staniszkis J.* Struktury nie marzą // *Res Publika Nowa*. Kraków, 2002. N 5. S. 79.
- 151 *Polityka zagraniczna RP 1989–2002*. Warszawa, 2002. S. 21.
- 152 Цит. по: *Dudek A.* Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. 1989–2001. S. 83.
- 153 *Mieroszewski J.* Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB // *Mieroszewski J.* Finał klasycznej Europy. Lublin, 1997. S. 352.
- 154 *Kwaśniewski A.* Dom wszystkich Polska. S. 200. Идеи Гедройца близки и Б. Коморовскому, что он неоднократно подчеркивал.
- 155 По инициативе Л. Валенсы была подготовлена поздравительная телеграмма Г. Янаеву, и только благодаря решительному противодействию со стороны тогдашнего премьер-министра Польши Я. Белецкого телеграмма не была отправлена (*Dudek A.* Pierwsze lata III Rzeczypospolitej 1989–2001. S. 186–187).

- 156 Rzeczpospolita. 1991. 7/8 grudnia.
- 157 Бухарин Н. Российско-польские отношения: 90-е годы XX — начало XXI века. М., 2007. С. 111–112.
- 158 Министр иностранных дел России в тот период Е.М. Примаков заявлял по поводу возможного расширения НАТО: «Россия имеет все основания соизмерять ход этих событий с возможными изменениями в геополитической и военной ситуации. Обновленная Россия вправе рассчитывать на учет своего мнения» (Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 230).
- 159 Nasz program dla Polski. Trzy lata pracy parlamentu SLD. Warszawa, 1996. S. 101–103.
- 160 Бухарин Н. Российско-польские отношения... С. 73–74.
- 161 Polityka energetyczna Polski do 2030 r. // <http://www.mg.gov.pl/polityka+energetyczna>
- 162 Карцев А. Политическая борьба вокруг газопровода Nord Stream // <http://www.rodon.org/polit-080926123034>
- 163 Там же.
- 164 Путин взялся исключить из российско-польских газовых отношений «неудобного» бизнесмена // http://www.newsru.com/finance/02sep2009/gudzovatiy_print.html
- 165 Komorowski B. Stoimy w obliczu wielkiego wyzwania // <http://www.prezydent.pl/aktualnosci-krajowe/art,31,stoi-my-w-obliczu-wielkiego-wyzwania>
- 166 Визит президента Медведева в Польшу // <http://www.itar-tass.com/prnt.html?NewsID=15749343>
- 167 Терехов А. Москва и Варшава занялись модернизацией с нормализацией // Независимая газета. 2010. 7 декабря. С. 7.
- 168 Визит президента Медведева в Польшу // <http://www.itar-tass.com/prnt.html?NewsID=15749343>
- 169 Tusz D. Expose premiera D. Tuska // <http://www.kprm.gov.pl/s.php>
- 170 Robinson H. W obecnym kształcie Unia Europejska długo nie przetrwa // Rzeczpospolita. 2008. 6 maja. S. 16, 17.
- 171 Jasińska-Kania A. Zmieniające się, identyfikacje Europejczyków: Globalne, europejskie, narodowe, regionale i lokalne // Globalizacja i co dalej. Warszawa, 2004. S. 152.
- 172 Europa, Niemcy i Rosja w polskim systemie kultury. Wrocław, 2004. S. 117, 120.
- 173 Prokop J. Polak jaki jest nie(ch) każdy widzi. Kraków, 2004. S. 162.
- 174 Kwaśniewski A. Dom wszystkich Polska. S. 207.
- 175 Аралофф С. «Вышеградская группа». Альянс против России и Германии // <http://www.axiglobe-ru.com/article>
- 176 Аралофф С. «Вышеградская группа» — Польская геополитическая ось // <http://www.axiglobe-ru.com/>
- 177 Цит. по: Дзиковский А. «У Польши есть великая цель — расширение территории нормальной и предсказуемой Европы» // <http://www.slobodanews.ru/Article/2006/037172045477007.html>
- 178 Туск Д. Польша не должна быть миссионером любой ценой // www.svoboda.news.ru/content/article/460505.html
- 179 Komorowski B. Prawa strona. Życie, polityka, anekdota. Warszawa, 2005. S. 29.

А

Абакумов В.С.
416, 456–457, 597

Абрамовский Э.
22, 37–38, 42

Абрахамович Д.
65

Адамский С., епископ
117, 461, 619

Аденауэр К.
623, 721

Аджубей А.И.
716–717, 798

Александр I,
император
17

Альбрехт Е.
686, 695

Альбрехт Я.
329

Альстер А.
558, 695

Амброзович Е.
627

Амстердамский С.
708, 784

Андерс В.
164, 278, 281, 311,
318–319, 321,
323, 325, 353,
368, 370, 372,
400, 426, 435, 441,
461, 469–470, 495,
520, 584

Андреевский Е.
687, 780

Андропов Ю.В.
695, 717, 719, 737,
766, 774, 780

Анрис П.
247

Антонов А.И.
385, 624, 650

Антошевский А.
887

Аристов А.Б.
722, 735

Аристов Б.И.
769

Арский С.
553

Арцишевский Т.
190, 299, 419–420,
435, 440, 450

Арцишевский М.
368

Астахов Г.А.
268

Аулейтнер В.
640, 762

Аулейтнер Ю.
841

Б

Бабюх Э. 739–740,
747–748, 753–754,
756–757, 767, 776,
782, 788, 792–794

Багиньский А.
148

Багиньский К.
418, 440, 521

Бадени С.
61

Базяк Е.,
архиепископ
619

Бака В.
777, 846

Балицкий З.
22, 28, 40

Балука Э.
742

Бальфур А.
245

Бальцерович Л.
853–854, 857,
876–877, 884

Банах К.
489, 522, 657

Бандера С.
378

Баньчик С.
450, 488

Баранов Л.С.
596

Барановский В.
509

Бараньский Р.
649

Барлицкий Н.
118, 158, 204, 231, 301

Барон Х.
35

Бартель К.
164–167, 173–174,
177, 182–184, 186,
189–190, 194, 251, 311

Бартоше Р.
815–816, 859, 864

Барух А.
541

Барчиковский В.
422, 527

Барчиковский К.
740, 748, 778, 811,
814, 817

Барыля М.
558

Басаев Ш.
909

Батлер Р.О.
362

Бауман З.
688, 690, 703, 708,
896

Бах-Зелевский Э.,
Бах Э., фон
405, 409–410

Бачко Б.
708

Бевзюк В.
371

Беднаж Б.
702

Беднаж П.
828, 832

Беднож Г., епископ
619

Беднож Ф., ксендз
619

Безбородов М.С.
583

Безелер Г., фон
78, 81, 83, 86–87,
89–90, 244

Бейлин П.
690

Бек Ю.
161–162, 175, 192, 197,
202–203, 205, 208,
212, 215–216, 218–
219, 223, 234–238,
241–243, 251, 256,
258, 261, 263–268

Бексяк Я.
787

- Белецкий Я.К.
824, 862, 866, 928
- Белька М.
880
- Бем Ю.
649
- Бенек Ю., епископ
619
- Бенеш Э.
237, 304, 388, 395
- Бень А.
441, 560
- Беньковский В.
553–554, 558, 628,
649, 686
- Берия Л.П.
308–309, 311–312,
318, 358, 368–369,
387, 389, 414–416,
437–438, 443,
451, 456–457, 469,
473–478, 485, 490,
491–492, 495, 511,
516–517, 624, 669
- Берлинг С. (З.)
312, 325, 358, 368,
370–371, 373, 376,
384–388, 393, 397,
400, 472
- Берман Я.
373, 375, 389, 391, 417,
500, 504, 510, 513–
514, 516, 519, 523, 537,
544, 547–548, 551,
553–555, 557, 561,
569, 582, 592, 594–
595, 597, 606–608,
610, 625–626, 629,
637, 656, 673
- Бернатович С.
852
- Бёрнер И.
128, 244
- Бертольд Э.
510
- Берут Б.
366, 402, 411–412,
415, 417–419, 421,
426, 437, 439–441,
450–452, 454, 458,
463, 484, 499–500,
507, 513, 516, 523–
525, 527, 529, 555,
557–561, 567–569,
571, 573, 575, 577,
579, 582–583, 590–
596, 598–600, 603,
605, 607, 610–611,
613, 615–618, 620,
624–628, 630–631,
645, 649, 664, 668,
743
- Берхтольд Л.
74
- Бетман-Гольвег Т.
77, 79–80
- Бжезинский З.
37–38, 789, 836,
848, 921
- Бида А.
613, 615
- Билиньский Л.
60
- Бильчевский,
архиепископ
63
- Биляк В.
713
- Бинерт-Шмерлинг Р.
64
- Бирк А.
130
- Бирнс Дж.
520, 541
- Бисмарк О.
18, 53, 269, 919
- Битнер В.
117
- Биттнер Л.
329
- Блащик Л.Т.
708
- Блюмштайн С.
688
- Бниньский А.
165–166, 297
- Бобжиньский М.
59–68
- Бобровский Ч.
538, 550, 561, 686,
708
- Богущая Т.
688
- Бодуэн де Куртене Я.
141
- Божик П.
746, 755
- Бойко Я.
26, 171
- Бок Ф., фон
284
- Бокшанин Я.
329
- Бондковский Л.
761
- Бордзиловский Ю.
371, 599
- Борейша Е.
548, 555–556, 605
- Борис А.
922
- Борковский Я.
255
- Борман М.
289, 340
- Боровиков В.И.
857
- Боровский В.
707
- Боровский М.
688, 884
- Бортновский В.
239
- Борусевич Б.
811, 835
- Борута-Спехович М.
307, 589, 783
- Боруцкий Х.
(псевд. Чарны)
365
- Боуфал Б.
130
- Бохеньский Я.
605, 690
- Бохушевич М.
21
- Брандт В.
721–722
- Брандыс К.
687, 690, 785
- Брандыс М.
690
- Братковская А.
627
- Братковский С.
787
- Братный Р.
632
- Браун А.
761
- Браун Е.
587
- Брежнев Л.И.
696, 700–701,
710, 712–714,
719–723, 725, 731,
736–738, 740,
743, 746, 748, 750,
756–757, 766–767,
769–770, 773, 780,
785, 788, 790,
792–795, 821
- Бродзиньский С.
636
- Броз Тито И.
543, 555, 573, 592,
667, 674
- Брус В.
686, 688, 690, 703,
708, 781

- Брыль Я.
 149
 Брыйя В.
 504, 587
 Брыстигер, Бри-
 стигерова Ю.
 370, 556, 606
 Бугай О.
 882
 Бугай Р.
 838
 Буденный С.М.
 131
 Бузек Е.
 877–878, 890, 916
 Буковецкий С.
 111
 Букоемский Л.
 368
 Булак-Балахович С.
 133
Бухахтин М.А.
 14
 Булганин Н.А.
 396, 399, 624, 638,
 650, 664
 Бур, Бур-Коморов-
 ский Т.
 см. Коморовский Т.
 Бурденко Н.Н.
 358
 Бурек Т.
 689
 Буриан С.
 77, 80, 82
 Бурмистренко М.Д.
 309
 Бурхард-Букацкий С.
 161
 Бутковский З.
 457
Бухарин Н.И.
 14
 Бучек К.
 521
- Бучиньский Л.
 302
 Буш Дж.
 836, 852
 Буяк З.
 828, 830, 835–836,
 858
 Бюлов Б.
 53–54
 Бялковский Г.
 836
- ## В
- Вавжиняк Ф.
 342
 Важик А.
 628, 687
 Вайда А.
 848
 Вайнант Д.
 315
 Валенса Л.
 251, 784–785,
 808–817, 820–822,
 825–827, 829,
 831–833, 836,
 838–853, 856–859,
 862, 865–869,
 872–874, 887, 897,
 902, 907–909, 919,
 922, 925, 928
 Валентынович А.
 808, 813, 843
 Валицкий А.
 428
 Валихновский Т.
 706
 Вальтер
 см. Сверчевский К.
 Валяшек А.
 734
 Ванькович М.
 687–688
- Варский А.
 (Варшавский)
 119, 733
 Варыньский Л.
 21, 562
 Василевская В.Л.
 210, 310–311, 323,
 369–370, 373, 375,
 379, 389–391, 394
Василевский Е.
 869
 Василевский Л.
 28, 112, 210, 310,
 369
 Вахович Г.
 231, 449, 515, 549,
 552, 560
 Ваховяк С.
 117
 Велёвейский А.
 762, 810, 851–852
 Велёпольский А.
 605
 Велёпольский З.
 76
 Венгляж С.
 836
 Венде Я.К.
 422, 654
 Венява-Длугошов-
 ский Б.
 160, 175, 251
Верблян А.
 498, 569, 587, 600,
 636, 685, 718, 724,
 748, 753, 765, 773,
 799
 Верна М.
 650
 Верфель Р.
 537, 553, 556
 Веслав
 см. Гомулка В.
 Вечоркевич А.
 148
- Вжащик Т.
 758, 778
 Вжодак З.
 899
 Виды-Вирский Ф.
 515, 609
 Вильгельм II,
 император
 45, 54–55, 72, 81
 Вильсон В.
 79, 83, 90, 103–104,
 120, 244
 Вирпша В.
 627, 656
 Вислоух Б.
 26, 61
 Вислоух М.
 26
 Висьневский Я.
 643
 Виташевский К.
 370, 636, 648, 729
 Витос А.
 370, 394, 418, 522
 Витос В.
 91, 115, 134, 147–
 148, 154, 159–161,
 163, 165, 171, 181,
 199, 206, 222, 229,
 254, 394, 426, 430,
 440, 452, 488–489,
 501, 867
 Вишневский Л.,
 ксендз
 763, 896
 Владимов Г.
 785
 Воевудский С.
 176, 232
 Вознесенский Д.П.
 585, 590, 597
 Возняковский Я.
 762
 Войков П.Л.
 249

- Войтыла К.,
архиепископ
см. Иоанн Павел II
- Войцеховский С.
42, 76, 141, 145,
147, 155, 159,
161–163
- Вокульский
248
- Волобуев В.В.
680, 688, 710, 796,
798, 801–803
- Волокитина Т.В.
378, 468, 473,
476, 489, 518, 524,
536, 546, 671–678,
680
- Вольпе Г.
485, 512
- Вольский В.
(Пивоварчик А.)
556, 594–596,
606–607, 611, 690
- Ворошилов К.Е.
266–267, 544, 650
- Ворошильский В.
655, 690
- Врангель П.Н.
132–133
- Вуец Х.
858
- Вуйчик С.
504
- Вырвас К.
380
- Выцех Ч.
452, 510, 514, 516,
519, 522, 531–533,
654
- Вышинский А.Я.
594, 596
- Вышиньский С.,
кардинал, примас
493, 608–611,
615–621, 648, 652,
- 662–663, 691–694,
697, 711, 759–760,
775, 781, 786,
789–790, 795,
813, 817
- Вятр Е.
653, 707, 787
- Г**
- Габсбурги, импера-
торская династия
19, 57, 59, 67, 69, 74,
91, 119
- Гавел В.
921
- Гавлик Р.
860
- Гажтецкая Э.
628
- Гажтецкий Ю.
628
- Галифакс Э.
284
- Галицкий С.
371
- Галлер С.
164
- Галлер Ю.
87, 89, 164, 229,
300
- Гамелен М.
278
- Гамильтон А.
389
- Ганецкий Я.
90
- Ганземан Ф.
18
- Гарибальди Дж.
249
- Гарриман А.
320, 412, 427, 439,
450
- Гвязда А.
811, 816, 822, 836,
843
- Геббельс Г.
324, 340, 353,
355–356
- Гедройц Е.
428, 860, 906–907,
928
- Гейбель П.О.
410
- Гейштор А.
491, 686–687
- Георг VI, король
412
- Герек Э.
637, 644, 668, 697,
700, 704, 707–708,
713–714, 724–726,
729, 731–732, 737,
739–740, 742–780,
782–783, 785–796,
808–809, 817, 832,
902
- Геремек Б.
784, 810, 820, 823,
833, 837–838,
845–846, 849–851,
856, 866, 868–869,
884, 921–922, 926
- Геринг Г.В.
218, 270, 272, 400
- Герман Л.
67
- Герман Ф.
591
- Гертых Р.
899–900
- Гжибовский В.
241, 264–265, 280
- Гжибовский К.
693
- Гжмот-Скотниц-
кий С.
164
- Гибсон Х.
247
- Гиловская З.
887
- Гиммлер Г.
276, 287, 289, 340,
405, 409
- Гинденбург П.
102
- Гитлер А.
215–218, 235, 237–
243, 256, 258, 262–
266, 268–273, 279,
284–287, 289, 303,
305, 310, 315–316,
322, 324, 338, 340,
405, 409, 466, 885
- Гладыш А.
654
- Гладышева А.С.
14
- Глемп Ю., карди-
нал, примас
821, 825–826, 828,
831, 858, 861, 872
- Гломбиньский С.
61, 64, 116, 147, 153
- Гловацкий Т.
560
- Глоговский К.
784
- Гнеха А.
808
- Гогенцолерны,
императорская
династия
54, 59
- Гожьдик Л.
640–641, 653
- Голль Ш. де
418
- Голубев А.
640
- Голувко Т.
206

- Гольдберг Я.
708
- Гомулка В.
(псевд. Веслав)
343–344, 350–351,
356, 366, 376, 380,
388–389, 391, 417,
420, 422–423, 434,
441, 448–453,
458–459, 477, 487–
488, 493, 496–500,
507, 509, 512, 514,
516–517, 519, 523,
527–528, 534–536,
538–539, 543–547,
549, 551–562, 569,
573, 581, 590–593,
596–600, 602, 605,
627, 631–632, 635,
637–639, 641–650,
652–656, 659,
662–668, 681–682,
685–687, 691–702,
704–733, 735–744,
746–747, 750, 757–
759, 761, 763, 766,
768, 770, 777, 779,
783
- Гонтарчик П.
342, 348, 417
- Гопкинс Г.
450
- Гораздовский Я.
329, 456
- Горбачев М.С.
843, 851–852
- Горвиц М.
(Валецкий)
119
- Горемыкин И.Л.
73
- Городыньский Д.
616
- Горчиньский В.
71
- Горывода М.
777
- Готвальд К.
544, 593
- Гофман М.
102
- Грабский В.
40, 44, 116, 134,
146–148, 150–
151, 153, 155,
159, 249
- Грабский С.
65, 112, 116, 153,
392, 412, 426, 440,
452, 518–519
- Грабский Т.
787–788, 817
- Град З.
338
- Гражиньский М.
226
- Гранас Р.
627
- Граневский М.
664
- Грейзер А.
288
- Гречко А.А.
738, 767
- Григулевич Ю.
726
- Гришин В.В.
819
- Гродек В.
627
- Громыко А.А.
721, 748, 769, 780
- Гросс Я.Т.
495, 600, 688
- Гросфельд Л.
506
- Грудзень З.
748, 792
- Грудзиньская И.
688
- Грынкевич Б.
338–339, 382
- Гудериан Г.
405, 475
- Гудзоватый А.
913
- Гулевич М.
587
- Гуральская Х.
688
- Гурецкий Р.
165
- Гусев Ф.Т.
450
- Гуцва С.
727, 741, 747, 751
- Д
- Давыдов С.П.
510–512, 514, 516,
525, 567, 583, 597
- Данилок-Данилович С.
589
- Данишевский Т.
(Киришаум)
556, 596
- Дарский С.
649
- Дашиньский И.
25, 63, 65, 93, 109–
110, 118, 141, 144,
182, 184, 190–192,
194–195, 204
- Даян М.
701
- Двораковский В.
558, 626, 644
- Деймек К.
702–703
- Деканозов В.Г.
516–517, 519, 523
- Деладье Э.
279
- Дембиньский Г.
765
- Дембовский Б.,
ксендз
845
- Дембский А.
298
- Дембский С.
263, 268, 466
- Дембьяк К.
см. Бучиньский Л.
- Деникин А.И.
125, 127–129, 245,
247
- Джевецкий Б.
510, 531
- Дженгилевский Ю.
338
- Джилас М.
689
- Джимала М.
56
- Дзержинский Ф.Э.
90
- Дзержинский Я.Ф.
599
- Диаманд Г.
63, 204
- Диллер. Э., фон
78
- Димитров Г.М.
279, 340, 344, 347,
349, 373–374, 376,
379, 389, 417, 472,
543, 556, 562
- Длужиньский Е.М.
595
- Длузневский Е.
836
- Длуский О.
544
- Дмовский Р.
22, 25, 28–29, 36,
40, 44–47, 49, 51,
54–55, 73–74, 76,

83–86, 90, 94, 107,
112, 116, 120–121,
124–125, 134,
154, 170–171,
185, 210, 251,
860–861, 900
Добешевский А.
777
Добошиньский А.
587
Довбор-
Мусницкий Ю.
85, 89, 103
Домбаль Т.
140
Домбровская М.
493, 687
Домбровский Б.,
епископ
759, 771, 775, 814,
826, 851
Домбровский В.
244
Домбровский Е.,
ксендз
616, 839
Домбровский К.
517
Домбровский Я.Г.
421
Домбский Я.
60–61, 135, 147,
174, 197, 371
Доминго П.
885
Домославский К.
338
Доперала М.
742
Дорн Л.
890
Дравич А.
784
Дробнер Б.
210, 230, 442, 449,
497, 506–507, 549,
560, 673
Дубанович
249
Дудаев Д.
909
Дудек А.
577
Думенк Ж.
267
Дурач Т.
343
Дурачиньский Е.
435, 474–475
Дурново П.Н.
48
Дымовский Т.
143
Дымша Л.
49
Дэвис Н.
438
Дюброу
450
Дюбуа С.
204, 301

Е

Евдокименко Г.С.
583
Евлогий, епископ
49
Едлицкий Е.
784
Ельцин Б.Н.
909
Енджеевич Я.
175, 208, 211–212
Ендриховский С.
370, 396, 537,
636–637, 644, 650,
664, 667–668, 708,
723

Ж

Жабиньский А.
817–818
Жарновская А.
19
Жарский Т.
118, 232
Жарын Я.
608
Жданов А.А.
544–547, 551
Жегота-Янушайтис М.
см. Янушайтис М.
Желиговский Л.
135, 157–160
Жепецкий Я.
329, 332, 399, 443,
491, 529, 587
Жеромский С.
38
Живков Т.
647–648, 731
Жимерский М., Роля-
Жимерский М., Роля
366–367, 406,
412, 415–417, 421,
423, 439, 452, 454,
458, 507, 527, 567,
590–591, 597–599
Жимерский С.
597
Жимовский В.
(Ржимовский)
422, 450, 458
Жискар д' Эстен В.
743, 765, 792, 800
Жиховский М.
693
Жолио-Кюри Ф.
343
Жуков Г.К.
408, 421–422, 440,
445, 454–455, 494,
643, 650–651, 664

Жуков Г.С.
307, 319, 369, 373
Жулавский З.
426, 442, 450,
498–499, 506–507,
522, 525
Жулкевский С.
629, 686, 690

З

Заблоцкий Я.
640, 711, 762
Завадский А.
371, 375–376, 391,
417, 423, 500, 544,
561, 567, 579, 598,
609, 612, 626, 631,
636, 643–644, 650,
668
Завадский В.
690
Завадский К.
325
Завейский Е.
606, 640, 654, 712
Загурский В.
164
Зажицкий Я.
686
Закжевский Т.Р.,
епископ
611
Закшевская Я.
690
Закшевский Е.
94, 178
Залеский А.
167, 203, 214–215,
284, 295, 304, 362
Залеский В.
65, 67
Залуский З.
688, 696

- Замбровский Р.
417, 500, 504–505,
514, 516, 519, 527,
547, 554, 557, 561,
592, 594–597,
625–626, 636, 639,
644–645, 667–668,
694–695, 707
- Замойский М.
141–142
- Замятин Е.И.
785
- Зарако-Зараковский Б.
371
- Зарако-Зараковский С.
631
- Зараньский Я.
765
- Заремба З.
299, 440, 442, 499
- Зарубин Г.Н.
389
- Здзеховский Е.
157–158, 160, 173–174
- Зелиньский А.
849
- Зелиньский З.
777
- Зелиньский Т.
872
- Земенцкий Б.
157
- Зея А., ксендз
764
- Зильбербойм Ш.
354
- Зиманд Р.
655–656
- Зиновьев А.
247, 785
- Зубжицкий Ф.
345
- Зындрам-Косьцял-
ковский М.
223–225, 227, 234
- Зых Ю.
864
- Зюлковский С.
708
- И**
- Иванюк
см. Берут Б.
- Ивашкевич Я.
687
- Игнарс С.
533, 565, 642–643,
654, 657, 665
- Иден А.
285, 317, 321–323,
326, 354, 357, 361–
362, 390, 395, 402,
412
- Изыдорчик Я.
556
- Ильский Р.
143
- Имах Р.
325, 368
- Индра А.
713
- Иоанн Павел II,
папа Римский
251, 692, 711,
789–791, 812–813,
817, 821, 828, 831,
837, 842, 849, 875,
878, 885
- Иранек-Осмецкий К.
329, 399
- Йодко-Наркевич В.
28
- К**
- Кабанов И.Г.
664
- Кабат М.
521
- Каганович Л.М.
643
- Кадар Я.
652, 713, 719
- Кадоган А.
326
- Каим Ф.
733, 742
- Каковский А.,
архиепископ
88
- Кали Ю.
694
- Калиновский Л.
881
- Калиновский С.
631
- Калугин
403
- Каменев Л.Б.
132
- Каминьский Б.
409
- Каминьский Ф.
649
- Каня С.
729, 735, 739, 747–748,
754, 756–757, 771–
772, 774–775, 780,
782–783, 788–789,
791, 793–794, 816–818
- Каприви Л.
18
- Капусциньский Р.
854
- Карашевич-Тока-
жевский М.
297–298, 307, 329
- Каркошка А.
733
- Карл, император
(Габсбург)
91
- Карпиньский Я.
689, 764–765
- Каррерос Х.
885
- Карст Р.
690
- Картер Дж.
789
- Касман Л.
379–380, 556, 636,
686, 694–695, 707
- Каспрович Я.
22
- Каспшак М.
22, 30, 35, 708
- Каспшицкий Т.
220
- Катушев К.Ф.
725, 746
- Качаровский Р.
859
- Качинский З.,
ксендз
587, 607
- Качиньский Л.
846, 848, 852, 868,
878, 887, 889–893,
897–898, 901–903,
910, 912–913, 917,
922–923
- Качиньский Я.
846, 851–852,
856–857, 861, 865–
868, 875, 890–893,
899–903, 910, 915,
918
- Качмарек Ч.,
епископ
615, 620–621, 659
- Кашпировский А.
859
- Квапиньский Я.
200
- Квасиборский Ю.
587

Квасъневский А.
835, 845–847, 850,
862–864, 869–871,
873–874, 877–879,
888, 890, 894–895,
907–910, 913, 917,
919–920, 922	Кесслер Г.
108, 111, 244	Клишко З.
400, 408, 417, 554,
558, 573, 592, 639,
654, 664, 668,
687–688, 702, 704,
707, 710, 719, 722,
723, 725, 729, 731,
733–735, 737, 740	Козловская Х.
408
Квещинский Ф.
298	Кетлинг Б.
589	Клосевич В.
566, 627, 633, 636	Козловский В.
65
Квятковский Э.
223, 226, 228, 241	Кетшинский В.
640	Клушинская Д.
561	Козловский Л.
211–212
Кейтель В.
285	Кживицкий Р.
329	Клюжик-Ростковска И.
893	Козловский Ч.
566
Келяновский Я.
784	Киверский Я.
386	Ковалев Ф.
(псевд. Альбрехт)
302	Козырев А.В.
908
Кемпа Ю.
696, 703, 705, 740,
748	Киёвский А.
761, 765, 785	Ковалик Т.
810	Коковцов В.Н.
48–49, 98
Кеневич Б.
371	Кишинский Я.
26, 227	Коваль К.И.
650	Колаковский Л.
655, 686, 690, 703,
708, 764, 781, 810,
853
Кенеман
18	Киров С.М.
665	Ковальский А.
408, 558	Колчак А.В.
245
Кеннан Дж.
541	Кирхмайер Е.
329, 589, 591, 597	Ковальский В.
365–366, 450,
488, 507, 527, 565,
642–643	Комар В.
597–599, 643, 686
Кеннард Г.
267	Кишбаум
см. Данишевский Т.	Ковальчик С.
748, 761, 772, 775,
780, 782–783, 785,
791	Коминек Б.,
архиепископ
692
Кеннеди Э.
836	Киселевский С.
640, 654, 686–687,
711–712, 761–762,
764, 778	Ковальчук Н.К.
583	Коморовский Б.
876, 889–890, 893,
895, 901–903, 905,
914–915, 922–923,
926, 928
Кентжинский В.
605	Киссинджер Г.
768	Ковальчук С.
560	Коморовский Т.,
Бур-Коморов-
ский Т., Бур
329, 351, 360–361,
384–385, 387, 399,
401, 404, 406, 408,
410, 414, 461, 893
Керенский А.
85, 161	Кишак Ч.
780, 827, 835, 837,
839–840, 842–843,
845–847, 850–853,
925	Кожец П.
708	Конвицкий Т.
690, 785
Керник В.
147, 450, 452, 489,
492, 504, 510, 514,
516, 519, 522	Кларк-Керр А.
427, 439–440, 450	Козицкий А.
365, 488, 509, 527, 565	Конев И.С.
421, 475, 624, 643
Кернкросс Дж.
401	Клаус В.
918, 921	Кожушко П.
438, 585	Конопницкая М.
22, 38
Керстен А.
784	Клееберг Ф.
278	Козакевич Я.
25	Копаньский С.
520
Керстен К.
428, 431–433,
476–477, 483, 504,
511, 525, 543, 548,
560	Клементис В.
599	Козицкий С.
116, 154	Коперник Н.
251, 818
	Клепач М., епископ
611, 616, 621		
	Клим Ч.
379		
	Климашев
597		

- Коппола Ф.
 154
 Корбоньский С.
 298, 440–441, 443
 Корвин-Микке Я.
 866, 902
 Корвин-Милевский И.
 45
 Корзон Т.
 42
 Корнейчук А.Е.
 326
 Коррадини Э.
 154
 Корфанты В.
 57, 117, 138, 147,
 171, 198–199, 229,
 230, 244
 Корчиньский Г.
 558, 597, 599, 696,
 734–735
 Корциц В.
 371, 567
 Кoryтовский В.
 67
 Космовский И.
 200
 Коссак Е.
 656, 656
 Костиков П.К.
 701, 711, 717, 722,
 725–726, 748, 757,
 766, 770, 773–774,
 786, 789, 793–795
 Костка-Бернацкий В.
 199
 Костка С.
 833
 Костов Т.
 592, 595, 599
 Костшева В.
 (Кошутская)
 119
 Костюшко Т.
 111, 251
- Костяев Ф.В.
 126
 Косыгин А.Н.
 719, 723, 732, 737,
 743, 745–746, 757,
 767–768, 770–771,
 793
 Кот С.
 304, 320, 357, 392
 Котарбиньский Т.
 686–687, 693
 Котлиновский М.
 917
 Котлицкий Г.
 650
 Коц А.
 108–109, 161, 225–
 227
 Кочёлек С.
 724, 726, 733–735,
 738, 740
 Красицкий Я.
 366
 Красовский Р.
 851
Красуцкий Е.
 605
 Красько В.
 778
 Крахельская В.
 35
 Криппс С.
 315, 317
Крисань М.А.
 14
 Круглов С.Н.
 516
 Круль Дж., кардинал
 789
 Круль М.
 689, 856
 Круль С.
 628
 Кручек В.
 740, 748, 792
- Крушевский В.
 37
 Крыжановский С.Е.
 49
 Крючков В.А.
 906
 Куберский Е.
 814
 Кубичек Ф.
 777
 Кубяк Х.
 819
 Кук К., фон
 78, 81
 Кукель М.
 164, 356–357, 360–
 361, 392, 400, 815
 Кулай Я.
 815
 Кулерский В.
 830
 Куликовская М.
 36
 Куль С.
 590
 Кульчиньский С.
 658, 665
 Кульчицкий Л.
 22, 28
 Куницкий С.
 21
 Купш Ф., капеллан
 370
 Куратовская З.
 860, 876
 Куровский А.
 329
 Куронь Я.
 640, 688–690, 703–704,
 709, 761–764, 780–
 784, 809–810, 822,
 824, 828–829, 836–
 837, 841, 845–846,
 850–851, 853, 855,
 866, 869–870, 876, 926
- Куропеска Ю.
 589–591, 597
 Курцьюш Ч.
 330
 Курылович А.
 162, 301, 442,
 498
 Кутшеба С.
 440
 Куфель Т.
 696
 Кухажевский Я.
 88–89
 Кухарский В.
 147
 Кучиньский В.
 689, 810
 Кшаклевский М.
 876–878
 Кшивицкий Л.
 22, 23, 36, 38, 42
 Кшижановский А.
 397

Л

- Лабентович М.
 816
 Ламмерс Г.Г.
 340
 Ланге О.
 373, 387, 390, 392,
 499, 536, 552–553,
 673
 Лансинг Р.
 90
 Ланьцуцкий С.
 165
 Ларош Ж.
 249
 Лебедев В.З.
 392–393, 420, 484,
 507, 513, 516–518,
 526, 554–555, 557,

559, 567, 591–595,
597, 609–610, 612
Лебедева Н.С.
283, 467, 469
Лев XIII, папа
Римский
27
Леваковский К.
26
Ледницкий А.
85
Ленин В.И.
134, 224, 247, 508,
553, 736
Леньшина М.И.
14
Лео Ю.
63
Лепецкий М.
212
Леппер А.
896–900, 902
Лерон А.
123
Лер-Славинский Т.
616
Лерхенфельд-
Кёферинг Г.
89
Лесьмян Б.
22
Лесьневский А.
708
Лехович В.
559–560, 594, 598
Лещиньский-
Леньский Ю.
90, 119, 204, 208, 233
Либерман С.
204
Либерман Х.
199
Ликовский Э., ар-
хиепископ
72

Линярский В.
456
Липиньский Э.
687, 764, 780, 821
Липский В.
814
Липский Л.
(псевд. Лукаш)
343–344
Липский Ю.
240
Липский Я.Ю.
764, 780, 782, 821
Лис Б.
827, 835–836
Литауэр С.
303
Литвинов М.М.
218, 220, 236,
241, 247, 262, 264,
303
Литыньский Я.
688, 837, 858
Ллойд Джордж Д.
132
Лога-Совиньский И.
423, 558, 639, 668,
723, 731, 733–735,
737, 740
Лозовский С.А.
369
Лойко Л.
812
Лопатина Е.Б.
14
Лубеньский К.
640, 762
Лукасяк Г.
420
Лукаш
см. Липский Л.
Лукашевич Е.
748, 753, 792
Лукашенко А.Г.
922

Луковский П.И.
(псевд. Петров)
380
Лыкошина Л.С.
14
Любомирский З.
88, 108–109
Людендорф Э.
102
Люксембург Р.
23–25
Лялин С.Н.
583
Лямпе А.
368–369
Лянгнер В.
281
Лясота Э.
627

М

Мадайчик П.
692
Мадайчик Ч.
275
Маевский С.
164
Мазовецкий Б.
784
Мазовецкий Т.
640, 699, 711, 762,
784, 810, 822,
833, 840, 842,
845–846, 849–853,
856–860, 862,
876, 903, 905–906,
915
Мазур Ф.
611, 615, 618–620,
626, 639, 668
Мазуркевич Я.
(псевд. Радослав)
334, 456, 587, 696

Майони Д.
159
Майорова О.Н.
783, 803
Майский И.М.
276–277, 304, 317,
362, 469
Макарчик З.
654
Маклаков Н.А.
101
Маленков Г.М.
544, 624, 649
Малиновский М.
38
Малиновский Р.
850, 853
Мальчевский Ю.
160–161, 164
Манкевич Ч.
702
Мантойфель Т.
708
Мантужевский С.
688
Мануильский Д.З.
373
Марек З.
166, 185–186
Маркс К.
553, 689
Мархлевский Ю.
22, 24, 128, 244, 246
Марцинкевич К.
892, 901, 910
Маршалл Дж.
541–543, 547, 563–564
Масарик Т.Г.
237
Матвеев Г.Ф.
14
Матвин В.
639, 686, 787
Матеевский Р.
710

- Матушевский И.
175
 Матушевский С.
442, 499, 517, 519,
549–550, 552–553,
560, 567, 595, 673
 Матыйя Р.
891
 Махарский Ф.
814
Махцевич П.
290, 738
Мацкевич С., Цат-
Мацкевич С.
258, 261, 263
 Мачек С.
520
 Мачеревич А.
780, 866–867, 889
 Медведев Д.
379
 Медведев Д.А.
914–915, 929
 Медзиньский Б.
175, 189, 251
 Медович А.
834, 842, 846–847,
850
 Межва С.
521
 Мейштович А.
175–176
 Мельник А.
378
Мельтюхов М.И.
246, 271, 283–284,
466–467
 Мельчарский Р.
42
 Мендельсон С.
22, 24
 Меркер А.
814
 Меркулов В.Н.
312, 318, 358, 389
 Мерошевский Ю.
906–907
 Месснер З.
835, 841
 Метковский М.
582
 Мечиар В.
921
 Мешик П.Я.
437
 Мешко I, князь
693
 Миклашевский Б.
28
 Миколайчик С.
294, 299, 303, 326,
360–361, 363,
373, 377, 381–382,
388–395, 397–398,
400–402, 404, 410,
412–413, 418–419,
426–427, 430, 434,
439, 442, 445, 450–
453, 458–459, 474,
486–493, 498–501,
503–504, 506–523,
526–527, 531–533,
548, 587, 603, 609,
657, 846, 864, 867
 Микоян А.И.
638, 643–644, 650,
664–665, 722, 799
 Милевский Е.
829
 Милевский М.
780
 Милковский З.
(псевд. Еж Т.)
22
 Миллер Л.
845, 862, 879–880,
882–883, 886–887,
894–895, 917
 Миллер Р.
422
 Миллер Я.Н.
764
 Милош Ч.
428
 Миљчановский А.
836, 908
 Минковский А.
161
 Минц Г.
375, 414, 417, 423,
496, 500, 507, 516,
535, 538, 544,
554–555, 557, 561,
567, 569, 576, 592,
594–595, 597, 611,
625–626, 629, 637
 Миттеран Ф.
843
 Митценмахер Й.
(Ян Альфред
Регула)
351
 Михальский Е.
707
 Михник А.
688–689, 703,
762–764, 781–784,
801, 810, 815, 827,
829–830, 833, 835,
837–838, 841–842,
845–854, 856, 858,
863, 869, 871, 887,
923, 927
Мицевский А.
588, 616, 640, 841
 Мицкевич А.
69, 311, 702
 Мицкевич-Капсукас В.
126
 Мияль К.
655
 Млодзяновский К.
173
 Модельский И.
589
 Модзелевский З.
420, 450, 542
 Модзелевский К.
688–690, 703–704,
709, 761, 812, 855,
870
 Модзелевский Э.
726
 Молойец Б.
340, 343, 345
 Молойец З.
(псевд. Антон)
343
 Молотов В.М.
262, 265, 267–268,
270, 272, 279–280,
282, 304, 315–317,
320, 322, 325–326,
336, 362, 368–369,
373–374, 389, 396,
401, 412, 427, 439–
441, 450, 462–463,
492, 516, 520, 544,
554, 556–557, 567,
569, 590, 593, 624,
643, 649, 784, 912
 Монро Дж.
73
 Монтан И.
849
 Монтвил-
Мирецкий Ю.
35
 Моравецкий К.
830
 Моравский Е.
556, 636, 639, 668,
686, 695, 707, 787
 Моравский К.
145
 Моравский С.
708
 Морачевский Е.
110–112, 115,
157–158, 175

- Моссор С.
589, 591, 597
- Мосъцицкий И.
28, 166, 173–174,
190, 196, 205, 208,
212, 220, 222–225,
227, 233, 235, 241,
250, 264
- Мотыка Л.
442
- Мочар М.
380, 695–697,
702–704, 706–708,
710, 716, 725, 732,
735–737, 740, 742,
748, 759
- Мочарский К.
456
- Мочульский Л.
783–784, 791, 859
- Муравьев М.Н.
50, 65
- Муссолини Б.
154, 159, 170, 215,
249
- Мусь В.
643
- Н**
- Наджиар П.Э.
267
- Назаревич Р.*
348, 408, 475
- Найдер З.
765
- Наймский П.
780
- Налковский В.
23
- Наметкевич В.
627, 707, 724
- Наперальский Г.
894–896, 902
- Нарутович Г.
141–145, 147, 166
- Натансон К.
42
- Нашковский М.
532, 542
- Невядомский Э.
143
- Недзеляк С., ксендз
846
- Недзялковский М.
118, 186, 190, 209,
268
- Непокульчицкий Ф.
329, 491
- Неселовский С.
763, 876
- Неугодский Р.
821
- Нечко Ю.
298, 330, 441, 489,
510, 522, 533, 548,
565
- Никитин В.П.
664
- Николай I,
император
18
- Николай II,
император
32, 45, 51, 72–73,
77, 82, 84
- Никсон Р.
802
- Николай Никола-
евич, великий
князь
72, 76, 82
- Новак А.*
290
- Новак З.
577, 626, 636–637,
639, 644, 654
- Новак Л.
580
- Новак Р.
644
- Новак Ю.
138, 141
- Новачиньский А.
174
- Новицкий С.
591
- Новотко М.
340–343, 347
- Новотный А.
647–648
- Нолькен К.С.
35
- Носкова А.Ф.*
14
- Нозль Л.
258, 305
- О**
- Обама Б.
890
- Обрончка Р.
498, 552, 560
- Ожеховский М.
851, 864
- Ожешко Э.
22
- Озга-Михальский Ю.
657
- Озевич И.Ч.
330
- Оконь Э.
140
- Окулицкий Л.
308, 313, 324, 329,
398–399, 411, 413,
424, 436, 440–441,
443, 451–452
- Окшея С.
35
- Олейничак В.
894–895
- Олексы Ю.
872–875, 884, 894,
902, 908, 919
- Олеховский А.
869, 878, 885, 902
- Ольшевский М.
61
- Ольшевский Ю.
586
- Ольшевский Я.
765, 812, 816,
865–867, 875
- Ольшовский С.
696, 702, 706,
724, 740, 747–748,
757, 767, 775, 777,
788–789, 792, 817
- Орехво Н.С.
583
- Орехов А.М.*
14
- Орлеманьский С.
601
- Орлич-Дрешер Г.
155, 160–162
- Оршулик А., ксендз
814, 838, 840, 842,
845, 850–852
- Османьчик Э.*
275
- Оссовская М.
687
- Островский Ю.
88
- Осубка Э., Осубка-
Моравский Э.
365–366, 389, 394–
396, 402, 412, 415,
421–423, 426–427,
439, 442, 446, 450,
452, 458, 462, 484,
498–499, 504, 507–
509, 515–517, 519,
549, 552, 560–561,
603

- Охаб Э.
556, 558, 611, 626,
631, 634–639, 643,
649, 660, 667–668,
708, 743, 787
- П**
- Паасикиви Ю.
501
- Паваротти Л.
885
- Павел VI, папа
Римский
693, 760
- Павликовский Я.Г.
64
- Павлов В.Г.
756, 766–767, 769,
774, 780, 802–803
- Павловский К.
861
- Павловский С.
350
- Павляк В.
864, 867, 872, 881,
913, 919
- Падеревский И.
113, 121–122, 141,
229–230, 246
- Пайдак А.
338, 441, 783
- Палкин А.М.
512
- Палубицкий Е.
836
- Парадовская Я.
883
- Паркер Р.
359
- Парсаданова В.С.
14
- Парчевский А.
44
- Парыс Я.
867
- Пахуцкая Р.
36
- Пачковский А.*
451, 467, 487, 492,
505, 510, 518, 587,
826, 836
- Пашиньский А.
841
- Пашкевич Г.
164, 589
- Пашковская М.
33
- Пекалькевич Я.
276, 328, 350–351
- Пелчиньский Т.
329, 399
- Пёнтек Г.
756
- Пеньковская А.
809
- Пеньковский
733
- Перацкий Б.
160, 175, 205, 211
- Перль Ф.
118
- Пестковский С.
126
- Петлюра С.
127–131, 133, 135,
200, 249
- Петшак Т.
696, 735
- Пивоварчик А.
см. Вольский В.
- Пий X, папа Римский
38
- Пий XII, папа Римский
608, 616, 663
- Пилерский Б.
456
- Пилотович С.А.
768–769
- Пилсудский Ю.
24, 28, 31, 34, 41,
52, 54, 62–63, 68,
71, 73–76, 78, 83,
86–88, 93–96, 100,
102–103, 107–116,
119–120, 124–138,
141, 143–147,
155–162, 164–185,
187–203, 205–227,
229, 231, 233–235,
237–252, 254–256,
295, 315, 331, 366,
487, 763, 766, 860,
869, 885, 893, 923
- Пилсудский Я.
194, 195, 205
- Пильц Э.
40
- Пименов
440
- Пинер Ю.
828–829
- Пискорский П.
887
- Пиас С.
781
- Плажиньский М.
885–887
- Плюта А.
149
- Плюта-Чаховский К.
329, 587
- Побуг-Малиновский В.*
294
- Подгорный В.Н.
713, 768
- Подгурская В.
597
- Подедворный Б.
654
- Подоский Б.
208–209
- Пожога В.
785, 835
- Поллак С.
690
- Поль М.
882
- Полянский Д.С.
716
- Помян К.
690
- Пономаренко П.К.
628, 639, 643, 650
- Понятовский Ю.
165–166
- Попелушко Е.,
ксендз
813, 825, 833
- Попель В., архие-
пископ
см. Хосчяк-Попель В.
- Попель К.
117, 230, 300, 440,
452, 506, 514
- Поплавский С.Г.
371, 422, 567
- Попов Г.М.
621, 624–625
- Поспешальский К.М.*
275–276
- Потемкин В.П.
241
- Потоцкий А.
59
- Примаков Е.М.
908, 929
- Притыцкий С.
376
- Прокон Я.*
919
- Прухняк Э.
119
- Прухник А.
210, 231, 301, 328
- Прушиньский К.
359
- Прыстор А.
34, 175, 191, 194,

- 205–208, 212, 222,
251, 255
- Пужак К.
298–299, 337, 382,
413, 440–442, 451,
587
- Путин В.В.
910, 913, 929
- Путрамент Е.
370
- Пушкин А.С.
919
- Пшибышевский С.
22
- Пшчулковский Э.
370
- Пыка Т.
757, 778, 809
- Пясецкий Б.
211, 605–606, 616,
640, 662, 696
- Р**
- Радек К.
90, 244, 247
- Радзивилл С.
175, 356
- Радзивиллы, кня-
жеский род
175
- Радкевич С.
327–328, 375, 391,
415, 423, 484, 500,
515, 544, 561, 582,
606–607, 610, 626,
628, 656
- Раевский С.
249
- Райк Л.
573, 590, 592, 595,
599
- Раина П.
619
- Райфф Р.
814, 826
- Раковский М.
688, 696, 706–707,
716–717, 723, 748, 751,
766, 782, 787, 814–818,
820, 824, 832, 835,
838, 841–843, 847,
850, 852, 880, 883
- Ракоши М.
558, 592, 597
- Рапацкий А.
536, 553, 561, 626,
636–637, 644, 651,
668, 707–708
- Ратай М.
141, 143, 145, 149,
162, 164, 166, 171,
174, 176–177, 248,
250, 298
- Ратайский К.
297
- Рачинский Э.
303–304, 361, 398, 781
- Рачкевич В.
295, 327, 354, 360,
380, 392, 402, 435
- Реваков Х.
26
- Ревинский Я.
862
- Регульский Е.
881
- Рейковский Я.
845–846, 851
- Рек Т.
510–511, 531
- Ретингер Ю.
303
- Речек В.
504
- Риббентроп И., фон
240–242, 267–268,
270, 279, 784, 877,
912
- Робинсон Х.
918
- Ровецкий С.
(псевд. Грот)
297, 298, 306–307,
318, 323, 328–329,
331–332, 334, 336,
340, 348, 350–352,
356, 360
- Розвадовский Т.
161, 164, 245–246
- Рокита Я.М.
850, 876, 887–888, 916
- Рокоссовский К.К.
400, 403, 406–407,
410–411, 422, 454,
474–475, 567, 589,
591, 595, 598–599,
625–626, 634, 636,
639, 643, 645, 674
- Роля, Роля-Жимер-
ский М.
см. Жимерский М.
- Романовы, импера-
торская династия
29, 41, 69, 73, 82,
124
- Ромейко М.
256
- Ромер Т.
271, 327, 332, 352–
353, 356, 412, 426
- Ромковский Р.
559, 582
- Роммель Э.
325, 327
- Роспонд С., епископ
619
- Ротштейн Э.
303
- Ружаньский Ю.
627, 656
- Рузвельт Ф.Д.
284, 303, 315–316,
321, 326–327, 357,
- 362, 372, 377, 381,
388, 392–393, 395,
419, 424–428, 439,
444, 450, 472, 673
- Рулевский Я.
815–816, 822, 836
- Руминьский Б.
636
- Русаков К.В.
722, 795
- Русинек К.
442, 504, 516, 550,
560
- Рыбалко П.С.
422
- Рыбарский Р.
253
- Рыбицкий Ю.
765
- Рывин Л.
887
- Рыдзик Т.
901
- Рыдз-Смиглы Э.
109, 220, 224–227,
233, 235–236, 239,
241, 264–265,
268, 277–278, 281,
294–295
- Рыхловский Б.
722
- С**
- Саакашвили М.
923
- Сабуров М.З.
650
- Савинков Б.В.
133, 249
- Савченко С.Р.
387
- Сазонов С.Д.
45, 51–52, 73, 97, 99

- Санойца А.
329, 491
- Сапега А., архиепископ
300, 426, 602, 605,
608, 610, 613
- Сапега Э.
112, 143
- Сатановский Р.
379
- Сахаров А.Н.
843
- Свежинский Ю.
44, 91
- Свентковский Г.
498, 517, 552, 560–
561, 603
- Свентоховский А.
36, 41–42
- Свентховский В.М.
585
- Сверчевский К.
(псевд. Вальтер)
371, 375, 422, 688, 771
- Светлик К.
582
- Свитала К.
710, 735
- Свительский А.
329
- Свительский К.
157, 175, 179–180,
189–193, 196, 202–203,
205, 207–209, 212,
244, 250–252, 254–256
- Свитонь К.
808
- Святло Ю.
582, 598, 626–627,
656
- Сейда М.
116, 147, 440
- Селивановский Н.Н.
443–444, 451,
455–456, 484, 490,
492, 495, 517, 583
- Сенкевич Г.
42, 55–56, 896
- Сераковский С.
884, 894
- Серов И.А.
308, 311, 415–416,
437, 440, 443, 605
- Сецомский К.
774
- Сивицкий А.
371
- Сивицкий Ф.
713, 843, 850
- Сивец М.
878
- Сидор К.
389
- Сикорский В.
75, 144–147, 150,
155, 157, 229, 273,
284, 294–300,
302–304, 312,
315–318, 320–332,
336, 341, 349–352,
354, 357, 359–361,
376–377, 384,
396–397
- Сикорский Р.
889, 912
- Сила-Новицкий В.
836, 846, 861
- Сичиньский М.
59
- Скалон Г.А.
32, 35
- Скаржинский К.
355
- Скжешевский С.
370, 423, 554
- Скжипек А.
446, 556
- Скибинский Ф.
589
- Скубишевский К.
836, 905, 907
- Скужиньский Я.
852
- Скульбашевский А.Д.
585, 597
- Скульский Л.
128, 141
- Скшиньский А.
157–158
- Слабек Г.
418, 484–485, 572,
575, 586, 588
- Славек В.
34, 135, 175, 179–
181, 186–187, 191–
193, 195–197, 202–
203, 205, 207–209,
212, 223–225, 233,
251–253, 255, 257
- Славой-Склад-
ковский Ф.
179, 190, 192,
196–197, 205, 221,
225, 227, 235, 241,
250–251, 253
- Сланский Р.
593, 599
- Сливиньский А.
138
- Словиковский А.
338
- Слонимский А.
687–688, 703, 761,
764
- Слуцкий А.
690
- Смоляр А.
689
- Собур-Свидерская А.
546, 556
- Соколов Б.В.
410
- Сокорский В.
370
- Солженицын А.И.
719
- Соснковский К.
61, 145, 155, 203,
281, 295, 297, 312–
313, 329, 333, 360–
361, 377, 387, 392,
400, 402, 414, 419
- Сосновский Р.
846
- Спевак П.
891
- Спыхальский М.
(псевд. Марек)
346, 375, 382, 389,
500, 507, 554, 556–
557, 559, 561, 573,
590–592, 597–599,
631, 639, 649, 651,
653, 664, 668, 694,
707–708, 737, 740
- Ставиньский Э.
637, 644
- Стажиньский С.
65, 226
- Сталин И.В.
218, 220, 233, 262–
263, 267–272, 279–
280, 284, 302–305,
309–312, 316–317,
319–327, 332, 335,
340, 344, 347, 352–
353, 356–359, 362–
363, 365, 368–369,
372–375, 377, 385,
387–394, 400–402,
404, 406–408, 410–
412, 416, 418–419,
422, 424–428, 433,
437–439, 444–446,
450–451, 453, 456–
459, 461–462, 466–
467, 469–470, 472–
477, 489, 492–494,
496, 499, 507–508,
511, 513–514, 516–
519, 523–526, 535–

536, 539, 541–544,
551, 553–559, 562,
568–569, 576, 579,
590–597, 599–602,
611, 613, 616, 622–
623, 630, 632–633,
644, 652, 655, 670–
675, 719, 876, 885
Станевич Р.В.
275
Станишкис Я.
689, 810, 853, 855,
904
Станьчик Я.
440, 450, 452, 542
Стапиньский Я.
26, 60–61, 67, 140
Старевич А.
686, 702, 756
Стафф Л.
22
Стахура Б.
771
Шашевский С.
627, 636, 643, 694
Шельмаховский А.
838, 840
Шемпень М.
588
Шефаньский П.
658
Шечковский Я.
89–90, 103
Шжелецкий Я.
350, 560, 690, 723,
729, 732, 735
Шолыпин П.А.
46–48, 98, 853
Шомма С.
605–606, 640, 654,
754, 762, 764
Шояловский С.
26
Шроба Е., архиепископ
692, 814

Шрожецкий Я.
43
Шрокач Т.А.
387
Шроныйский С.
132, 174, 209, 249
Шруг А.
37
Шрыйковский Ю.
690
Шудницкий В.
293
Шыпулковская З.
641
Шыйковский А.
173
Шуслов. М.А.
544, 546, 555, 596,
719
Шуховолец С., ксендз
846
Шуходольский Б.
693
Шухоцкая Х.
867–868, 871, 876
Шциборек Б.
488
Шюдак П.
587

Т
Тардини Д.
614, 616
Тарновский З.
58, 62, 99
Татар С.
329, 332–333,
589–592
Тевинка Я.
317
Тейхма Ю.
709, 718, 721,
724, 731, 739, 744,

747–748, 777–778,
787, 789
Теодорович Ю.,
архиепископ
65, 67
Теплиц К.
871
Тидеман
18
Тиса Ш.
74
Тишнер Ю., ксендз
854
Ткачев Ф.
205
Толстой Л.Н.
56
Тольятти П.
543–544
Томашевский А.Ю.
585
Томорович Б.
707
Топиньский Я.
536, 560
Торез М.
544
Трепчиньский С.
728
Тромпчиньский В.
116, 141, 440, 650
Троцкий Л.Д.
130, 247
Трумэн Г.
444–445, 450, 458–
459, 461, 541, 673
Труш Я.
636
Турович Е.
605–606, 640, 687,
711, 762
Турский Р.
627
Туск Д.
528, 876, 884–885,

887–890, 892–893,
898, 901–903, 912, 914,
917, 920–921, 929
Тухачевский М.Н.
131–132
Тшечяковский В.
824, 841, 846, 849
Тыминьский С.
859, 865
Тышкевич В.
44
Тэтчер М.
842

У

Узембло А.
589
Ульбрихт В.
647–648, 713
Ульрих Ю.
161
Унгер Л.
707
Уншлихт Ю.
90
Уоллес С.
327
Урбан Е.
833, 835, 837, 846
Урбанский Ф.
440
Устинов Д.Ф.
780
Утник М.
591

Ф

Фальковский Э.
420
Федлер Ф.
553

Федоров А.
347, 379
Фейгин А.
559, 656
Фельдман В.
63
Фельдорф Э.А.
(псевд. Нил)
334, 413, 587
Фельчак З.
300, 515
Фидеркевич А.
165
Филипковский В.
397
Финдер П.
340, 343–344, 356, 379
Фицо Р.
895
Фишбах Т.
813, 817
Фишер Л.
411
Флорианович К.
589
Фонкович Е.
702
Форнальская М.
343–344, 366
Фош Ф.
112, 246, 766
Франк Г.
286–287, 296, 340,
344
Франковский Я.
640
Франц Иосиф I,
император
64, 67, 74–75, 81
Фрасынюк В.
828, 832, 836, 840,
844, 858, 876, 884
Фрей-Белецкий Я.
643, 702
Фрелек Р.
748
Фришке А.
239, 384, 484, 586

Х

Хагмаер Е.
662
Хайн Л.
422, 658
Халасиньский Ю.
628
Халль А.
763, 784, 860,
867
Хаммерлинг Л.
147
Хандлер С.
708
Ханелова Ю.
693
Ханеман Я.С.
389
Харусевич Я.
44
Хатка В.
899
Хауз Э.
79, 102, 244
Хациньский Ю.
117, 440
Хелховский Г.
626, 644, 668
Хелховский С.
40, 44
Херберт З.
640
Хжановский Б.
56
Хжановский В.
845, 861, 865–866
Хибнер Ю.
643

Хиршович М.
708
Хлонд А., карди-
нал, примас
300, 490, 495,
602–603, 607–609
Хоецкий М.
785, 791
Холод Я.
302
Хольцер Е.
822
Хомяков Н.А.
98
Хородыньский Д.
640
Хороманьский З.
611, 615, 620, 691
Хосчяк-Попель В.,
архиепископ
36, 38–39
Хохфельд Ю.
506, 536, 561
Хрущев Н.С.
308–309, 374, 424,
600, 624, 626,
630–631, 643–645,
647–650, 664–665,
681–682, 714–719,
731, 798
Хрущев С.Н.
798
Хрущель А.
400–401, 406, 520
Худоба С.
301
Хшановский В.
861
Хшановский И.
42
Хылиньский М.
58, 63
Хэлл К.
284

Ц

Цанава Л.Ф.
308, 416
Цар С.
175, 186, 208–209,
222, 233
Цвик Т.
536
Цегельский Г.
632
Ценьский Т.
65
Цзэдун М.
647, 655
Цивиньский Б.
810
Цимерис В.
31
Циранкевич Ю.
299, 442, 497, 499,
504–506, 509,
515–519, 523–524,
527, 548–553, 555,
560–561, 607,
610, 621, 626, 633,
635–637, 639, 643,
649–650, 652, 654,
662–665, 668, 673,
687, 691, 704–705,
711, 719, 722, 725,
728–729, 732–733,
735–737, 740
Цишак А.
117
Цукер Б.
344

Ч

Чайковский В.
65
Чапский Ю.
319

- Чарковский Е.
350
 Чарторыйский В.
65
 Чаушеску Н.
725, 737
 Чебриков В.М.
789
 Чемберлен О.
242–243, 261, 266,
279
 Червиньский С.
194
 Черненко К.
795
 Чернин О.
103
 Черняховский И.Д.
422
 Черчилль У.
272, 284, 316,
320–322, 325–326,
357–358, 362–363,
372, 377, 381, 390,
392, 394–395, 398,
400, 402, 404,
406, 412, 418, 420,
424–428, 435, 439,
445, 450, 458, 470,
472, 505, 541
 Чехановский Я.
385, 387, 400
 Чехович Г.
188–189, 191,
194–195, 205
 Чешейко-Сохацкий Е.
118, 232
 Чимошевич В.
859, 870, 875, 895
 Чирек Ю.
839, 851
 Чичерин Г.В.
126, 245, 257
 Чолкош А.
435, 515
- Чосек С.
821, 835, 838–839,
841–842, 845
 Чубарьян А.О.
271
 Чума А.
763, 783–784
- ## Ш
- Шанин Т.*
21
 Шаоци Л.
647–648
 Шаронов Н.И.
265
 Шафф А.
537, 629, 686, 688, 708
 Шахназаров Г.Х.
767, 802–803
 Швальбе С.
442, 450, 452,
497–498, 504, 507,
516–519, 523, 527,
550, 560
 Шеварнадзе Э.А.
906
 Шевченко Т.Г.
124
 Шембек Я.
236, 238
 Шепилов Д.Т.
651
 Шептицкий А.,
архиепископ
69, 78, 155, 378
 Шептицкий С.
78, 89, 155, 164
 Шетцель Т.
203
 Шидляк Я.
724, 727, 739–740,
744, 746–748, 753,
757, 774
- Шиманьский Ю.
181, 194
 Шимборская В.
690, 764
 Шир Э.
650, 664, 708
 Шляйфер Х.
703
 Шляский Я.
см Шульц Я. С.
 Шляхчиц Ф.
696, 710, 739–740,
747–748, 753, 756–
757, 768
 Шмайдзинский Е.
895
 Шмидт Г.
765
 Шостак Ю.
399
 Шпильтер А.
401
 Штагельский Е.
621, 664
 Штейнмейстер О.
89
 Штраус Ф.Й.
717
 Штюргк К.
67
Шуберт Г.
276
 Шувалов П.А.
48
 Шуленбург Ф.
270, 279–280, 316
 Шульц Я.С.
377, 456
 Шурмей Ш.
849
 Щегловитов И.Г.
50
 Щепаньский Я.Ю.
687, 747, 764–765,
786–787, 790
- Щляский Е.*
297
 Щурек Я.
491
- ## Э
- Эйслер Е.*
702
 Эрхард Л.
717, 853
 Эттли К.
461
Эш Т.
808, 839
- ## Ю
- Юзьвяк Ф. (псевд.
Витольд, Франек)
344, 346, 366–367,
558, 561, 567, 626,
639, 644, 668
 Юзевский Х.
200, 222, 240
 Юрчак С.
836
 Юрчик М.
809, 811, 822, 836
 Ющенко В.А.
922
- ## Я
- Яблоновский В.
42
 Яблоньский Г.
514, 561, 708, 740,
748, 753–754, 764,
768
 Яворский В.Л.
63, 65

Яворский С. 825	Янковский Я.С. 351, 382, 399, 406, 413, 440–441, 443, 451, 813	Ярошевич А. 559–560, 594, 620	819, 825–828, 831, 835, 838–839–841, 843, 845, 850–852, 858–859, 925
Ягельский М. 746, 748, 757, 770, 792, 794, 807, 809, 811	Яновский Г. 899	Ярошевич П. 654, 737–738, 740, 743–748, 750–751, 753, 756–757, 759–760, 767– 768, 770–772, 774–776, 780, 785–787, 789, 792	<i>Ястжембовский В.</i> 275
Язьвинский Б. 164	Януш С. 423	Ярузельский В. 695, 702, 708, 711, 735, 738–740, 745, 747–748, 750, 757, 767, 775, 780, 792– 793, 814–815, 817,	Яструн М. 687, 761
Яковлев В.Г. 499, 515, 524, 552, 556–557, 673	Янушайтис М., Жегота- Янушайтис М. 112, 143, 245, 307		Ясюкович С. 441, 451
Якубьяк Э. 893	Яроньский В. 44, 71		Яхимек Т. 329
Янаев Г.И. 928	Яросиньский В. 637		Ящук Б. 723–724, 730–732, 735, 737, 770
Яник К. 879–880, 894–895			

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Польша в XX веке
Очерки политической истории

Издательство «Индрик»

Редактор *Г.В. Кошелева*
Оригинал-макет и оформление
Ю.Е. Рычаловская, А.С. Старчеус

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru
or by tel./fax: **+7 495 954-17-52**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 70×100¹/16. Печать офсетная.
59,5 п. л. Тираж 800 экз. Заказ 1797

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Фундаментальная монография на актуальную научную тему написана историками ряда институтов РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и Пермского государственного университета на базе современной отечественной и зарубежной литературы и документов, в том числе новых, из архивов России и Польши. В книге исследуется политическое развитие страны с конца XIX и до начала XXI в. Показаны процесс рождения польских политических движений и партий в борьбе за независимое государство, оформление и эволюция партийно-политической системы от парламентской демократии к режиму «санации» в межвоенное время; представлены политически многоликое движение Сопротивления 1939–1945 гг., противостояние сил в определении границ и облика послевоенной Польши. Значительное внимание уделено роли СССР в решении польского вопроса, включению Польши в сферу его интересов; участию в подавлении подполья, содействию властной гегемонии коммунистов и созданию системы народной демократии. Рассмотрены монополизация власти коммунистами и особенности режима советского типа, попытки его демократизации, причины и итоги кризиса 1956 г., переход ПОРП к авторитарным методам управления, специфика курса партии в 60–70-е гг.; показаны рождение движения «Солидарность», его внутренняя эволюция, особенности продвижение Польши от государственного социализма к демократии западного образца в конце XX в.